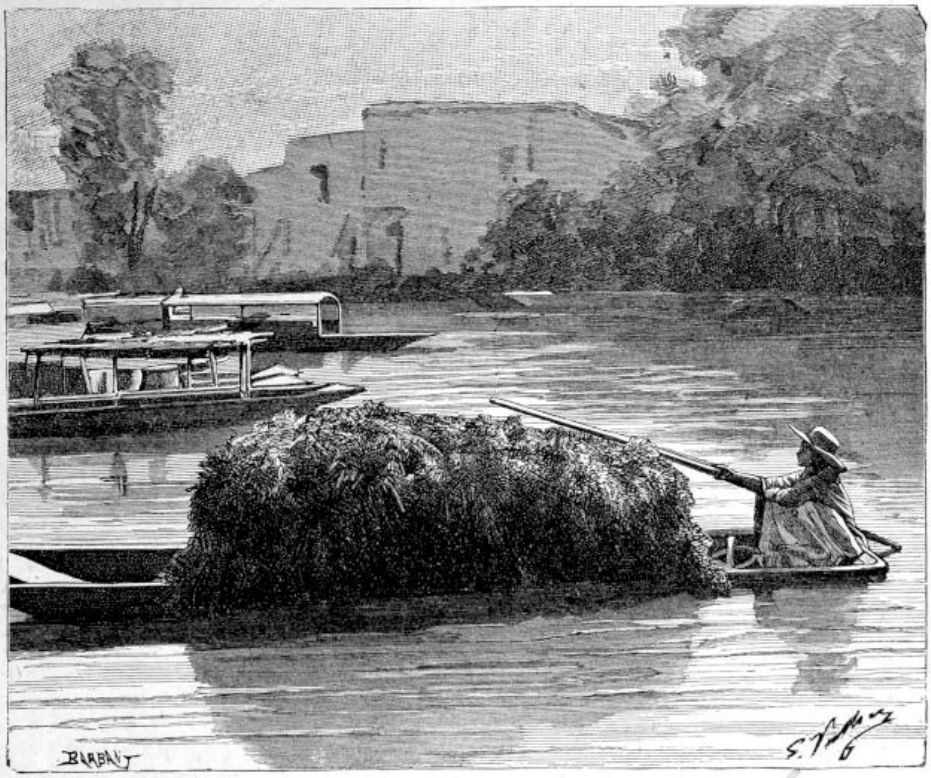
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Томы 16 и 17.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ,

подъ редакціей **С. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» И Ко
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XVII.

Вестъ-Индія, Мексика, перешейки, Американскіе Антильскіе острова.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К° Большая Подъяческая, 39.
1900.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XVII

Вест-Индия, Мексика, перешейки, Американские Антильские острова

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
1900.

Вест-Индия, Мексика, Американские перешейки, Антильские острова

Глава 1 Общее обозрение

Острова и полуострова, омываемые двумя внутренними морями Американского материка —Мексиканским заливом и Караибским морем, составляют, вместе с мексиканским треугольником и рядом перешейков Нового Света, часть, совершенно отличную от двух континентальных масс—Северного и Южного материков. В том месте, где тропик Рака пересекает Мексиканское плоскогорье, направляясь отсюда к конечному пункту полуострова Калифорнии, ширина материка между двумя морями достигает ещё 900 километров, т.е. около десятой части общего пространства, разделяющего два океана в центре Северной Америки. Но южнее территория суживается, развивая берега, параллельные заворотам плоскогорья. Первое сужение образуется между Мексикой в собственном смысле и Чиапасом, у перешейка Тегуантепек; затем, по направлению к юго-востоку, следуют другие узкия пространства земли, которые заканчиваются узкой полосой Панамского и Дариенского перешейков, извивающейся между двумя морями и примыкающей к обширному материку Южной Америки.

Восточная группа американских островов, Багамские и Малые Антильские, образуют цепь, длиной в 3.000 километров, которая тянется с северо-запада на юго-восток, по извилистой кривой, почти параллельной очертаниям Мексики и Средней Америки. Эта длинная внешняя плотина,—состоящая из земель различного происхождения: на севере из коралловых Багамских островов, на юге из выступивших из воды пиков вулканического ряда Малых Антильских островов,—отделяет от океана большое внутреннее море Нового Света, впрочем, мало похожее по форме на Средиземное море Старого Света, но разделенное, подобно Средиземному морю, на обширные второстепенные бассейны. Первый бассейн, громадный овал которого занимает всё пространство между полуостровами Флоридой и Юкатаном, ограничивается на юге длинным островом Кубою и сообщается с другими бассейнами только двумя проходами в 200 километров средней ширины. Южный бассейн, собственно Антильское или Караибское море, имеет менее правильное очертание, чем северный. Представляя собою широкое, свободное пространство между группою Малых Антильских островов и Москитовым берегом, он перерезан на северо-западе двумя почти совершенно подводными порогами, едва лишь обозначенными песчаными мелями и каменными рифами. Один из порогов выступает над морскою поверхностью цепью Кайманов, другой соединяет посредством Ямайки гаитийский полуостров Тибурон с мысом Грасиас-а-Диос. Таким образом три поперечные плотины, которые можно назвать порогами Кубы, Каймана и Ямайки, связывают Антильские острова с Средней Америкой; эти три порога начинаются у цепи островов, изгибающейся дугою от Гренады и Гренадинских островов до Порто-Рико, и представляют собою как бы ветви общего ствола.

Все эти ряды островов и полуостровов, соединяющиеся по различным кривым между двумя материками, северным и южным, свидетельствуют о космических силах, действовав-

ших на огромном пространстве земной коры; однако, расположение земель по линиям больших кругов вовсе не доказывает, чтобы прерывающиеся плотины были когда-то перешейками, перекинутыми с одного континента на другой. Напротив, многочисленные указания, извлеченные из распределения различных пород растительного и животного царств, дают натуралистам право утверждать, что те или другие соседние острова никогда не были соединены между собою в течение геологических веков[1]. Близкое соседство земель не доказывает прежнего соединения их; в виде примера, можно указать на Багамские и Антильские острова, которые по своей естественной истории более тесно связаны с отдаленной от них Центральной Америкой, чем с Георгией и Каролинами. Самая Флорида есть антильская земля, а Бермудские острова, затерянные в Атлантическом океане, всё-таки связаны с Антильскими островами Гольфстремом.

Средиземная область Америки принадлежит почти целиком к тропическому поясу, но она вполне доступна человеку для заселения и культуры. В этом отношении она составляет полный контраст с африканскими землями, лежащими под тою же широтою. В Старом Свете, пустыня, начинающаяся африканскою Сахарою и продолжаемая другими безводными странами—в Египте, Аравии, Персии, Туркестане и Китайской империи,—обнимает обширные пространства, тогда как в тропической Америке территории, представляющие сахарский вид, занимают небольшое пространство, и именно в той части Мексики, которая расположена к северу от тропика Рака. Благодаря влажности воздуха и умеряющему влиянию морского климата, Средняя Америка почти на всём своем протяжении покрыта роскошною растительностью и даже во многих местах почти непроходимыми лесами, соединенными в одну массу живой зелени, и человек, принимающийся за распашку нови в лесных прогалинах, может надеяться, что в изобилии извлечет из почвы всякие продукты. Даже белая раса могла водвориться на Антильских островах, именно на Кубе и Порто-Рико, и с успехом примениться к климату, чтобы обрабатывать землю и стать родоначальницей новых поколений. На плоскогорьях Мексики и Центральной Америки, климат почти такой же, как в умеренной Европе; эти благоприятные условия значительно способствовали заселению страны испанцами и другими эмигрантами: процветающие, благоустроенные колонии европейцев, основанные на этих возвышенностях, постепенно подчинили себе туземное население, привив ему свои нравы, обычаи, свой язык, свою цивилизацию. Уже на расстоянии 160 километров от берега, в открытом море, Ситлалтепетль, или «Звездная гора», которую мореплаватели видели при восходе и закате солнца сверкающею, как пламя, над бесплодными, болотистыми равнинами берегов, манила их вперед, в эти чудные области. Они понимали, что на этих высотах, где впоследствии возникло столько хорошеньких городков,—Оризаба, Кордова, Жалапа,—природа сама поощряла их основать «Новую Испанию».

Вполне обособленная от континентальных масс Севера и Юга, Средняя Америка, омываемая внутренними морями, и сама раздроблена на земли столь различные, что жители, сгруппированные в различные племена и нации, оставались в прежния времена совершенно изолированными, имея весьма редкия и затруднительные сношения между собою. Никакой этнологической связи не существовало между этими различными элементами. До испанского завоевания, сношения народов, переселения и всякия движения и скрещивания происходили только в Мексиканской области, широко открытой с северной стороны к равнинам Техаса, к плоскогорьям и промежуточным долинам Скалистых гор и к Калифорнской покатости. Мексиканские легенды и летописи повествуют о переселениях народов, мирных или завоевательных, которые следовали по направлению с севера на юг, от берегов Колорадо и рио-Браво к долинам Сиерра-Мадре, к плоскогорьям Анагуака и южным перешейкам. Но оттуда же мы узнаем, как много препятствий пришлось преодолевать эмигрирующим народам, движение которых вперед задерживалось на целые десятилетия или столетия, и которые иногда принуждены были поворачивать назад, к родным землям. Трудности борьбы и завоевания увеличивались ещё трудностью пути через поперечные хребты гор и различием

1 Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale";—Alex. Agassiz, „Three Cruises of the Blake".

климата при переходах то через леса, то через жаркия области морского побережья и перешейков. Иные завоеватели, шедшие с севера, останавливались в какой-нибудь долине мексиканских плоскогорий; некоторые же из них продолжали путь до Тегуантепекского перешейка или до Гватемалы, а другие отваживались спускаться ещё ниже, до равнин, покрытых пеплом, у подошвы вулканов Сальвадора и Никарагуа.

Нет сомнения, что в различные эпохи народы севера пробирались ещё дальше на юг; но до нас не дошло ни одного документа из средних веков Америки, где бы упоминалось о подобном движении народов по материку. В северо-западном углу Гренадинской Колумбии, извивающемся узкою полосою на протяжении тысячи километров, естественные препятствия становятся почти непереходимыми, допуская лишь медленные движения народных масс, продолжаемые последовательными поколениями; но память о таких вековых переходах совершенно затерялась в истории. Громадные горные массы, которые спускаются уступами от одного моря к другому, дикие леса, речки, обращаемые проливными дождями в могучия реки, чрезмерная сырость климата, наконец, плоские береговые местности, затопляемые обильными водами Атрато,—всё это, взятое вместе, должно было способствовать замедлению или совершенному прекращению дальнейшего переселения американских народов: ведь, известно, сколько труда потребовалось со стороны европейцев, чтобы восторжествовать над этой неприязненной природой. Что касается островов, больших и малых, которые тянутся цепью вдоль Атлантического океана, отделяя его от бассейна внутренних морей Америки, то они, уже по одному своему изолированному положению, были предназначены к тому, чтобы сделаться владениями народов, совершенно различных между собою или постепенно разобщенных, хотя и одного происхождения. Примитивные мореплаватели, довольствовавшиеся простым выдолбленным стволом дерева, которое служило им даже парусным судном, поднимавшим до пятидесяти человек[1], эти островитяне, даже единоплеменники, с течением веков стали совсем чужими друг другу. Крайняя смесь языков, которыми говорили на Антильских островах и по сейчас ещё говорят в Мексике и на перешейках, свидетельствует о рассеянии народов в этом раздробленном мире, разделяющем между собою два материка—северный и южный.

Открытие островов и материка в конце XV и в начале XVI в.в. должно бы было, повидимому, повести к политическому объединению страны. Открыв эти новые земли, испанцы окончательно вступили во владение ими, если не для династии Карла V, как они полагали, то во всяком случае на пользу Старого Света. Антильские острова и Мексика не затерялись в памяти европейцев, как это произошло с Гренландией, Геллуландом и Винландом. Открытую Колумбом Вест-Индию постоянно посещали и населяли белые, которые не переставали поддерживать сношение с метрополией. В силу буллы папы Александра VI, который разделил вновь открытые земли между кастильцами и португальцами, все эти европейцы должны были быть испанскими подданными. Весь громадный амфитеатр континентальной массы, открывшийся вокруг обоих внутренних морей Америки, и острова, окаймляющие их цепью в несколько рядов, в самом деле стали принадлежать Испании. Однако, политическое единство этих столь разрозненных между собою территорий было чисто оффициальное; во многих странах *конкистадоры* (завоеватели) даже вовсе не появлялись, и до сих пор ещё острова и земли, считавшиеся их владениями, остались в стороне от дороги, которою следуют путешественники.

Впрочем, испанцы не сумели сохранить за собою политическое владычество над всеми землями, открытыми их предками. Богатства, привезенные в Европу первыми завоевателями и во сто крат преувеличенные легендарными рассказами, не могли не разжечь алчных аппетитов авантюристов всех национальностей, которые, с соизволения своих государей, снабдивших их каперскими свидетельствами, или просто в качестве пиратов, ни от кого не зависимых, толпою пустились в море с целью захватывать испанские суда и опустошать плантации Антильских островов или даже просто-на-просто забирать их в свою пользу, уби-

1 Bernal Diaz del Castillo, „Historia verdadera de la conquista, de Nueva-Espana“.

вая прежних владельцев. Некоторые из знаменитых мореплавателей XVI и XVII в.в. в Антильском море были простыми корсарами: некоторые острова, как наприм., Черепаший (Тортуга), находящийся в северо-западном углу Гаити, сделались неотъемлемыми владениями «буканьеров», т.е. морских разбойников, прозванных так от караибского слова «buccan»—деревянная решетка для сушки мяса, возвышавшаяся над их становищами и зачастую ещё издали указывавшая проходившим судам их присутствие. За исключением Португалии, которая владела уже обширными землями в Бразилии и Ост-Индии, каждая европейская держава хотела иметь свою долю в Антильском мире, какими бы средствами она ни досталась—путем ли завоевания, или договора, или просто покупкой.

До настоящего времени Испания сохранила из своих первых американских владений только два острова: Кубу, «жемчужину Антильских островов», и Порто-Рико; но и эти две колонии она не раз рисковала потерять вследствие внутренних восстаний и внешних войн. Все другие земли в Новом Свете были отняты у неё. Сначала европейские державы заместили её в качестве владетельниц того или другого из отдельных Антильских островов. Англия, страна еретическая, для которой папская булла не имела никакого значения, сделалась обладательницею больших островов: Ямайки, Багамских, Бермудских и нескольких из Малых Антильских островов; она присвоила даже, вопреки букве и духу трактатов, маленькое владение, скорее фиктивное, чем действительное, нечто вроде временной квартиры, на американском континенте, именно на восточном берегу Юкатана. Франция, в свою очередь, овладела несколькими островами из внешней цепи Антильских островов; наконец, голландцы и датчане также приобрели несколько территорий, и даже шведы и те захватили в свое владение остров св. Варфоломея: каждая нация желала иметь свои сахарные и кофейные плантации, свой склад колониальных товаров.

В то время, когда Англо-Американская республика в своей иностранной политике была руководима рабовладельцами южных штатов, вашингтонское правительство также делало неоднократные попытки увеличить свою и без того уже обширную территорию захватом острова Кубы, драгоценнейшего перла из всех Антильских островов. Оно имело также в виду основать грандиозное морское заведение на рейде Самана на острове Сан-Доминго, в одной из якорных стоянок тропической Америки, в стратегическом отношении расположенной наивыгоднейшим образом; однако, оппозиция северных штатов и в некоторой степени также европейских государств помешала осуществлению этих проектов, задуманных с целью обеспечения невольничьим владениям политического первенства. Единственная территория Антильских островов, фактически, хотя и не по праву, принадлежащая, если не республике Соединенных Штатов, то всё-таки одной из её торговых компаний, это—скала Навааза, покрытая гуано, находящаяся в гаитском морском районе. Как только этот островок будет окончательно очищен от слоев гуано, покрывающего его, так на обладание им, тогда совершенно бесполезное, не будет уже никаких посягательств со стороны американских промышленников; пример этого мы видим на многих других островах, которые были утилизированы американцами таким же образом и затем покинуты. С точки зрения будущего, гораздо более серьезным является плохо скрытое желание большинства английских плантаторов на Антильских островах видеть острова эти присоединенными к Северной Америке[1]. Фискальные законы, относящиеся до сахара и других тропических продуктов, объясняют это стремление оскудевших белых в пользу политической перемены, выгодной для их интересов; но большинство населения, состоящее из негров и краснокожих, которых сахарная промышленность интересует очень мало, относится крайне неприязненно ко всякому перевороту этого рода. *Недавняя испано-американская война окончилась захватом Соединенными Штатами Кубы и Порто-Рико.*

На материке честолюбие могущественной республики нашло себе более широкое удовлетворение, чем в области Антильских островов; здесь более половины всего территориального пространства, принадлежавшего прежде Новой Испании, именно: Техас, Калифорния, Но-

1 J. A. Fronde, „The English in West Indies“.

вая Мексика и Аризона сделались составною частью великого союза Северной Америки. Она также, хотя и безуспешно, вела переговоры о приобретении права свободной торговли, т.е. действительного господства на Тегуантепекском перешейке[1]. Кроме того, в то время, когда толпы рудокопов устремились из Нью-Йорка и штатов Новой Англии к «золотым полям» Калифорнии, было сделано несколько попыток завоевания в Центральной Америке, которые, хотя и не были санкционированы оффициально, но всячески поощрялись неответственными агентами: в силу того же закона, который побуждает прибрежных владельцев реки стремиться к захвату её устьев, американцы претендовали на обладание кратчайшим путем, которым, в ту эпоху, производилось сообщение между их городами на двух океанических покатостях. По крайней мере им удалось прогнать англичан, которые, желая также владеть междуокеанийскими путями, захватили было острова «Бухты» близ берега Гондураса, «королевство» Москитию,—естественное владение Никарагуа—и даже реку Сан-Жуандель-Норте, при устье этого истока большого озера. Но, прогнав англичан, американцы обязались сами тоже не вступать туда; затем постройка железных дорог на их собственной территории, а с другой стороны энергическое сопротивление испано-американцев устранили эту «явную судьбу» завоевания, которую американские политиканы предсказали населениям испанского языка. С того времени, как были открыты в Калифорнии золотые руды, Соединенные Штаты более уже не угрожали независимости республиканских стран Центральной Америки, но всё же не переставали ревниво следить за тем, чтобы никакое постороннее европейское влияние не вторглось вместо них, и во время императора Максимилиана они своей дипломатией энергично помогали Мексике восстановить национальную независимость.

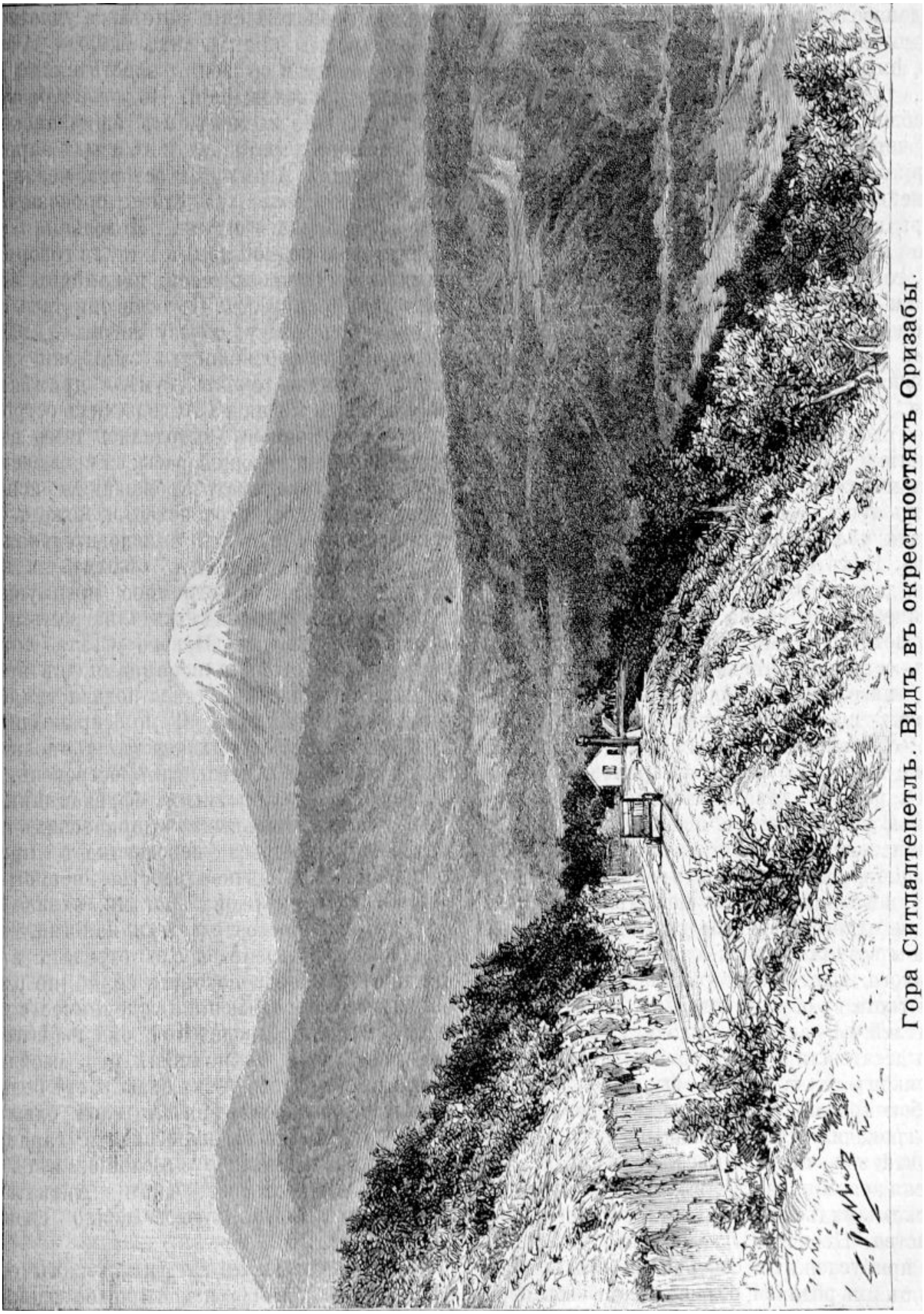
Ныне вся континентальная часть Средней Америки, за исключением Британского Гондураса, состоит из независимых государств, и даже в тех Антильских архипелагах, которые поделили между собой европейские державы, один большой остров, Гаити, разделен между двумя независимыми национальностями: одна, происхождения частию испанского, с сильною примесью чернокожого элемента—сан-домингцы; другая, африканская по расе, французская по языку—собственно гаитяне. В целом, Антильский мир резко отличается от континентальной области Запада не только своим политическим строем, но также и составными элементами своего народонаселения. Известно, что в течение незначительного промежутка времени на островах, омываемых внутренними морями Америки, туземное население было совершенно истреблено: островитяне Гаити и Кубы, которые, четыре века тому назад, с таким гостеприимством приняли к себе первых европейских мореплавателей, представляют теперь вымершую расу. Что касается караибского населения маленьких южных островов, то, за исключением островов св. Винцента и Доминика[2], оно, последовательными скрещиваниями, совершенно переродилось, так что в настоящее время в нём невозможно распознать следы первоначальной расовой крови.

По словам Бартеломео де-лас-Казаса, «христиане своим тиранством и насильственными мерами погубили более двенадцати миллионов душ,—может быть, даже более пятнадцати миллионов—мужчин, женщин и детей». Как бы ни были преувеличены цифровые данные этого знаменитого «защитника индейцев», но верно то, что убийства и насилия положили конец туземной расе Антильских островов, тогда как народы и племена, населявшие Мексику и Центральную Америку, продолжали существовать. Острова этого «Караибского моря», где не осталось больше ни одного караиба, приходилось заселять народами другой расы, и тогда негры явились заместителями индейцев. Для колонизации земель, вместо миллионов убитых туземцев, были ввезены миллионы африканских невольников. К сожалению, не осталось ни одного верного документа, который дал бы возможность с точностью определить, до какого количества голов достиг ввоз этого скота в образе человека. У некоторых писа-

1 „Depeche du secretaire d'Etat Buchanan a M. Trist", 15 avril 1857. Simon Stevens, „The Tehuantepec Railway".

2 Ober, „Smithsonian Institution", 1876;—I. A. Froude, „The English in the West Indies".

телей мы находим приблизительные цифры в десять или пятнадцать миллионов душ: во всяком случае этот вывоз, повлекший за собою кровопролитные войны, стоил Африке громадного числа человеческих жизней.

Гора Ситлалтепетль. Видъ въ окрестностяхъ Оризабы.

Почти все негры, ввезенные в первые времена невольничества, вымерли, подобно карибским индейцам, не оставив после себя потомства. Несмотря на легкость акклиматизации при условиях, совершенно тождественных с их родиной, большая часть их, обреченная на

утомительные работы в рудниках, погибла в несколько лет, а из переживших только немногие могли устроиться семьями, в виду малочисленности женщин, привезенных вместе с другими пленниками. Африканская раса восстановлялась в Новом Свете очень медленно, образуясь из множества разнородных этнологических элементов, в происхождении которых участвовали народы всех приморских земель Африки, скрещивавшиеся со своими властителями европейского происхождения. В этом бесконечном смешении племен, все африканские наречия рабов утратились, и в языке народов, населяющих Антильские острова, можно отыскать всего несколько слов, происшедших от африканского идиома. Невольники скоро забыли свой родной язык и стали говорить на языке своих повелителей: испанцев, англичан или французов. Но если они так скоро подчинились языку, образу жизни и влиянию цивилизации европейцев, зато они лучше своих колонизаторов сумели примениться к условиям жизни на Антильских островах и в конце концов утвердились там в качестве первенствующей расы; за исключением Кубы, где акклиматизировавшиеся испанцы удержали за собою первенство, и, может быть, также Порто-Рико, где снисходительная статистика отдает перевес белым, на всех прочих островах огромное преимущество в численности принадлежит неграм и краснокожим. Эта часть Нового Света, которая первая была открыта испанцами, с этнологической точки зрения стала подвластна африканскому континенту и, по справедливым превратностям судьбы, один из политических центров Антильских островов, Гаити, заселился независимыми африканцами. Это одно из значительных исторических событий: презренная раса невольников, предназначавшаяся на вечное рабство, несмотря на то, что было окружена врагами, заняла место между самостоятельными нациями, и не только сумела победоносно отразить армию, пытавшуюся снова покорить её, но, не взирая на внутренния революции и соперничество честолюбивых предводителей, она избегла всякой феодальной зависимости от соседних держав. Мало того,—она оказывает большую притягательную силу на жителей ближних островов, и, если бы иностранные гарнизоны не сдерживали цветное население, нет сомнения, на большей части Антильских островов и оно бы провозгласило свою независимость.

Подобно тому, как на Антильских островах перевес взяло негритянское племя, в Мексике и в Центральной Америке первенство осталось за индейцами. Испанцы, первое время господствовавшие над ними и презрительно третировавшие их, впоследствии смешались с ними и образовали новое племя *ладиносов*; в настоящее время главный элемент населения в северных испано-американских республиках состоит из метисов двух рас. По статистике, белые имеют численный перевес только в Коста-Рике. История опять пошла своим нормальным ходом. Впродолжении трех веков слишком, испанцы жили паразитами на мексиканском населении, и этот паразитизм, по неизбежному закону природы, сделал их неспособными к энергической деятельности. В течение длинного периода времени население громадной колониальной империи оставалось без истории: летописи Новой Испании исчерпываются сообщениями о назначении, отозвании или смерти того или другого оффициального лица. Но под этою с виду неподвижною поверхностью скрытая жизнь нации шла своим чередом и подготовляла важные перемены; расы перемешивались, приспособлялись одна к другой, приобретали общие нравы, мысли, стремления, и совершенно неожиданно, когда метрополия, наводненная иностранными войсками, оказалась слишком слабою, чтобы поддержать свой авторитет в Новом Свете,—в Мексике, Гватемале, Гондурасе и других провинциях Центральной Америки возникли вооруженные нации, в состав которых вошли как правнуки завоевателей испанцев, так, на-ряду с ними, и потомки побежденных индейцев. Народы росли там, где прежде были толпы подданных, и эти народы, в качестве равных, требовали признания за собою таких же прав, какими пользовались другие. Такое же внезапное появление новых наций или, вернее, возрождение туземных, но совершенно отличных, благодаря влиянию цивилизации, от прежних наций, свершилось равным образом в Колумбии, Венецуэле, Экуадоре, одним словом, во всей испанской Америке. По странной иронии судьбы, наполеоновский режим, в котором мечтали видеть восстановление прочной власти, могущей положить предел революциям, как раз вызвал в Новом Свете вспышку все-

общего движения за независимость испано-американской расы. С этой эпохи и начинается новейшая история континента.

Английские колонии, обратившиеся в Соединенные Штаты, на несколько десятилетий опередили испанские провинции в завоевании независимости; эмансипированные гораздо раньше их, они и в цивилизации шли впереди испанских провинций; но их труды в этом направлении были гораздо легче и в некоторых отношениях имеют меньшее значение в истории человечества. Соединенные Штаты, собственно говоря, не что иное, как продолжение Старого Света: в своем населении, белом и негритянском, они воспроизводят Европу и Африку на другом континенте: туземные элементы являются в довольно незначительном представительстве, и те племена, которые не были истреблены, или не рассеялись бесследно в массе других наций, живут ещё в диком состоянии, в виде рабов, более или менее щадимых. В испанской Америке, напротив, главнейшее большинство населения состоит из объиспанившихся индейцев, которые, усвоивая европейскую цивилизацию и смешиваясь с племенами Старого Света, являются, тем не менее, представителями старой американской расы. Ново-англо-саксонская раса истребила или оттеснила туземные народы; ново-романская ассимилировала их[1]. В Мексике и в других испанских республиках постоянные смешения народов и общие нравы привели к примирению между собою различные расы земного шара, прежде или враждебные, или совершенно чуждые друг другу.

Латинская или Романская Америка, которая в то же время есть Америка полигеническая, не может ещё равняться с Америкой англо-саксонской по важности её значения в мировом равновесии; но с каждым десятилетием различные республики, входящие в её состав, становятся всё могущественнее, и теперь уже достаточно сильны, чтобы отражать иноземные нападения. В совокупности, они занимают около двух третей всего пространства Нового Света, так как обнимают собою область Антильских островов и всю южную часть Северной Америки; но перешейки разделяют их на две совершенно различные в географическом отношении части. Почти обособленная Мексика служит всей испанской Америке надежным оплотом против англо-саксонской Америки, и несмотря на то, что войною и разными дипломатическими ухищрениями от неё были отняты северные территории, её, так сказать, внешние охранительные верки, область, где сосредоточивается население, говорящее на испанском языке, почти целиком осталась за нею. Между обеими странами существует резкий контраст: едва переступишь реку Браво, как всё разом меняется. Характеристичная черта мексиканской нации, взятой коллективно, выражается в её беспрестанной борьбе против влияния Соединенных Штатов. Без сомнения, могущественные соседи с севера имеют значительное влияние на совершающиеся в Мексике перемены, но всё-таки союзников себе мексиканцы ищут не там, а в остальной части испанской Америки, особенно же в Европе, в метрополии и даже в той самой Франции, которая ещё недавно посылала свои войска, чтобы покорить мексиканцев. Они называют и сознают себя «латинами»; самое слово «ladino», происшедшее, по Коваррубиасу, от *latino* или *латинский*, есть во всей Центральной Америки синоним слова «цивилизованный».

Если когда-нибудь, на освободившейся земле, народы сгруппируются, не взирая на расстояние, по их родству и естественному свойству, то мексиканцы и другие романские народы Америки, конечно, примкнут к своим романским братьям в Европе. Подобно тому, как в Англии и в британских колониях проявилось значительное движение общественного мнения, направленное к установлению более тесного союза всех стран, где говорят на английском языке, к созданию единой «Великой Британии», Greater Britain, так точно основалось сходное общество «Иберо-американское», с целью образования лиги из всех государств иберийского языка, и во время первого конгресса, состоявшагося в Мексике в 1887 году, на нём были представлены девятнадцать государств. Повидимому, пророчеству Бельта относительно Америки не суждено сбыться. «Немного веков канет в вечность»,—говорил он,—«до того времени, когда английский язык сделается языком всех американцев, от ледовитых островов

1 Antony Meray, „Aptitudes des Races humaines“, „Revue Moderne“, 10 сентября 1857 г.

крайнего Севера до Огненной Земли». Другие писатели предсказывают эту перемену в ещё более короткий срок: «Скоро в Мексике будут одни только янки»[1]. Это, конечно, иллюзия. В доказательство силы сопротивления испано-индейцев, можно указать на крайнюю медленность, с какою совершается американизация Новой Мексики, территории, где пятьдесят лет тому назад, во время присоединения к Соединенным Штатам, насчитывалось всего только около пятидесяти тысяч жителей испанского языка, почти совершенно отделенных от своих южных соотечественников обширными пустынями.

Рано или поздно торговая роль области перешейков приобретет первостепенное значение, потому что там, несомненно, пройдет со временем главный путь между двумя океанами: Атлантическим и Тихим. Оттого американцы могли опасаться посягательств европейских держав на один из этих перешейков, и это из боязни подобного приключения и была провозглашена «доктрина Монро», требующая чтобы «Америка принадлежала американцам», и таким образом формально оставляющая обладание перешейками за государствами Нового Света. Колумб предвидел эту капитальную важность американского перешейка, когда плавал вдоль берегов Верагуа, тщетно ища пролива, который мог бы служить воротами между двумя океанами. Природа ещё в третичную эпоху заперла этот пролив или, вернее, эти проливы, так как их было несколько[2], и открыть их вновь предстоит человеку. В ожидании этого события, принялись пока намечать пути и строить железные дороги с одного берега на другой: две железнодорожные линии—Панамская и Коста-Рикская—уже перерезывают южную часть перешейков, несколько других начаты постройкой. Впрочем, край этот ещё весьма плохо приспособлен к тому, чтобы служить посредником между Западной Европой и берегом крайнего Востока. Во многих частях Центральной Америки путешествия по лесам, болотам и неисследованным местностям представляют собою весьма опасные предприятия: не называют ни одного исследователя, который прямо сухим путем отправился бы из Мексики в Колумбию; даже при переходах от одного берега к другому крайне рискованно отклоняться от проторенных дорог. Недавно ещё трудности переходов были таковы, что из восточного Гондураса, с севера Никарагуи и из Коста-Рики не было выхода к Караибскому морю: в торговом отношении эти страны не имели, так сказать, атлантического побережья; одушевленною их частью был исключительно южный берег, и сообщение с противоположным берегом установилось только постепенно, да и то с большим трудом. В общем, область перешейков представляет совершенно пустынный край.

Пространство и население Мексики, американских перешейков и Антильских островов, без Тринидада, Тобаго и прибрежных островов Венецуэлы:

	Пространство в кв. килом.	Народонаселение жителей	Число ж. на 1 кв. кил.
Мексика	1.987.063	11.600.000	5,8
Центральная Америка и Панама	547.308	3.390.000	6,2
Антильские, Багамские, Бермудские и др. острова	238.408	5.375.000	22,6
Итого	2.772.779	20.365.000	7,3

Глава II Мексика

I. Общий взгляд

Территория «Мексиканских Соединенных Штатов», не считая полуострова Юкатана,

1 Jules Leclercq, „Voyage au Mexique, de New-Iork a Vera-Cruz, par terre“.

2 H. Pittier, рукописные заметки.

представляет собою треугольную массу, которою оканчивается на юге континент Северной Америки в тесном смысле: точно так же, как и «англо-саксонская» республика, пограничная с нею, она имела бы полное право называться «Соединенными Штатами Северной Америки». С восточной стороны эти испано-американские Соединенные Штаты опоясаны длинною извилиною Мексиканского залива, а с западной—берегами Тихого океана, описывающими более обширную дугу, к югу, до Тегуантепекского перешейка, эти границы постепенно сближаются до того места, где начинается Центральная Америка, если не своими политическими границами, то, во всяком случай, с точки зрения географии и истории. С обеих сторон севера и юга границы, чисто условные, вовсе не соответствуют естественным линиям раздела. Правда, северо-восточный рельеф территории перерезывается на протяжении 1.200 километров рио Браво-дель-Норте, отделяющею Мексику от Техаса; но эта узкая река не имеет такого важного географического значения, чтобы составлять собою линию раздела; по обе стороны равнины и холмы имеют один и тот же характер, один и тот же климат. Перемена наблюдается только в глубине Техаса, там, где особенно скучивается население и где разнообразная культура сменяет бесплодные саванны. На запад от рио Браво граница между Мексикою и Соединенными Штатами, установленная трактатом, есть не что иное, как последовательный ряд геометрических линий: сначала она идет на протяжении 161 килом. по параллели 31°47', потом проходит по меридиану, чтобы спуститься до 31°20' с. широты и отсюда снова направиться к западу до меридиана 111° от Гринвича; затем она идет вновь к рио Колорадо, перерезывая её на расстоянии 32 километров ниже впадения Гилы, и поднимается вверх по течению реки до самой косы; отсюда последнею прямою линиею пересекает подошву Калифорнийского полуострова, направляясь к берегу Тихого океана, котораго и достигает в расстоянии 20 километров южнее Сан-Диего.

Несмотря на всю странность геометрического очертания этой границы, оно тем не менее в некоторых местах соответствует важнейшим очертаниям рельефа континента и сближает высокую долину рио Браво с верхним краем Калифорнийского залива, невдалеке от глубокого ущелья, по которому проходит рио Гила между двумя отдельными массивами Скалистых гор. На другом конце Мексиканской территории, линия политического раздела менее оправдывается природою. Со времени заключения договора с Гватемалою в 1882 г., общая граница идет от Тихого океана к речке Сучиате, затем перерезает главную цепь гор с вулканом Такана и прямою линиею соединяет, почти на равном расстоянии от обоих морей, вершины Буенависты и Иксбуля; отсюда она направляется на восток, достигая, под 16°40' широты, левого берега рио Усумасинты, по течению которой и следует до расстояния 25 километров на юг от города Теносико; но в этих малоизследованных областях точная идентификация рек ещё не сделана, и ещё остается определить некоторые детальные пункты. Далее опять идет эшелон градусов широты и долготы до реки Хонды (Онды), которая служит границею английской территории Белиз и впадает в залив Четумал, в юго-восточном углу Юкатана.

Общая поверхность Мексиканской территории, по оффициальным исчислениям равняется 1.987.324 кв. килом. т.е. почти в четверо больше пространства Франции; в это определение вошли все земли, принадлежащие к Мексике, включая сюда и острова Ревилья-Жижедо, в Тихом океане, также составляющие часть мексиканской территории, хотя ближайший из них находится на расстоянии 600 килом. от берега.

Эта обширная страна в общих чертах была известна уже в половине XVI века: в течение двадцати четырех лет исследователи посетили все берега и проникли далеко в глубь страны, от Юкатана до Калифорнии и до «Семи городов» Сиболы. В 1502 г. Колумб уже встретил юкатанских торговцев на берегах Гондураса; но только в 1517 г. Эрнандес де-Кордова, кубский плантатор, отправившийся на охоту за людьми, открыл первый пункт мексиканского побережья, нынешний мыс Коточе или Каточе; отсюда он отправился дальше вдоль берегов до Чампотона, где испанцы вынуждены были сесть обратно на суда, вследствие неудачного сражения с туземцами; в 1518 г., Жуан де-Грихальва возобновил обследование берега у

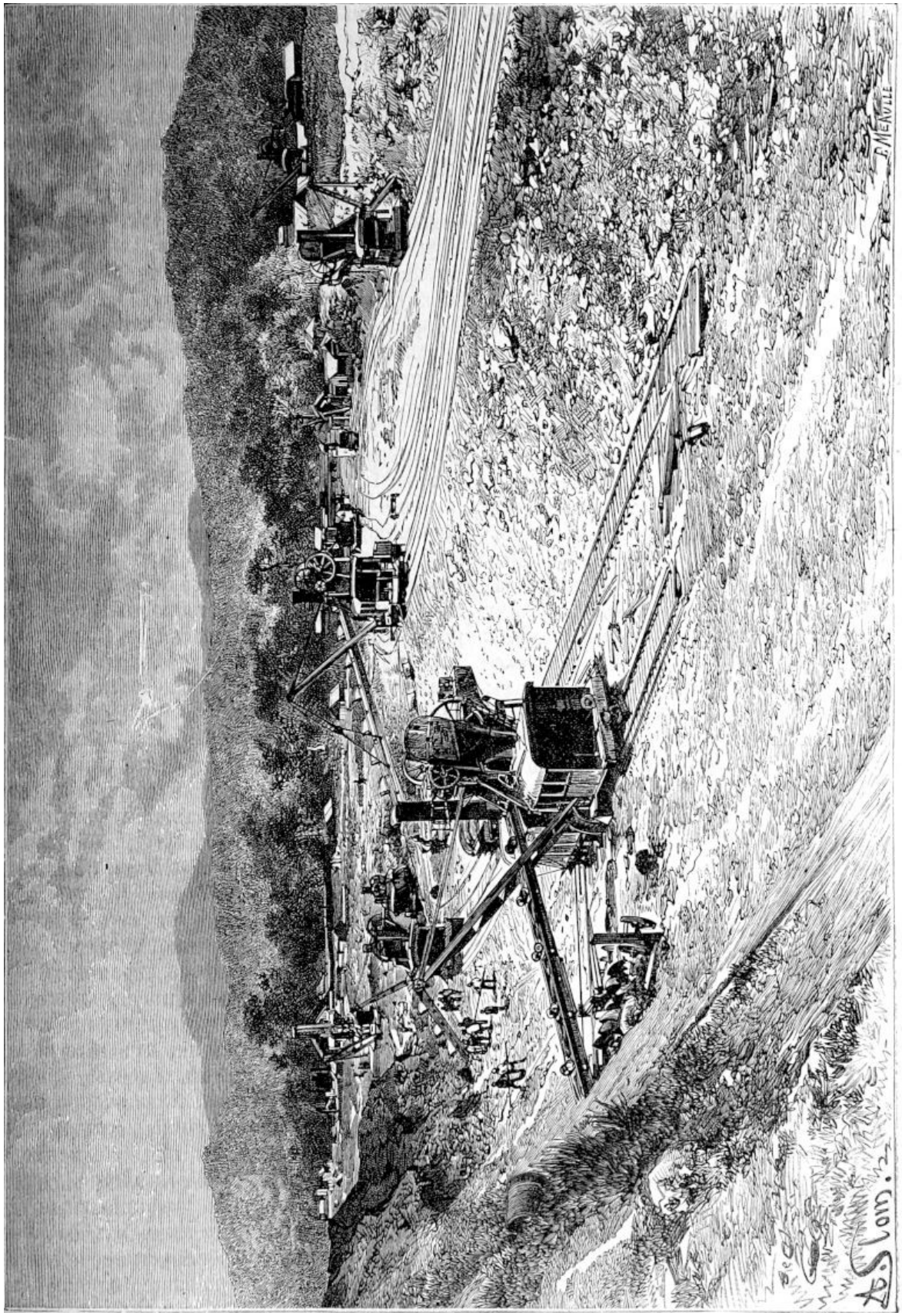
Чамптона, чтобы отмстить за прошлогоднюю неудачу, и проследовал дальше вдоль берегов залива на протяжении тысячи километров, до того места, где в настоящее время стоит город Тампико. Третья экспедиция, последовавшая за экспедициею Грихальвы, состоялась в 1519 г. Но для Кортеса мало было скромного исследования Мексиканского побережья; он задался целью завоевать страну, и известно, с какою храбростью, проницательностью и осторожностью, и в то же время, с каким вероломством, с каким жестоким пренебрежением к побежденным ему удалось достигнуть своих целей; в 1521 году, столица и все подведомственные ей округи были окончательно подчинены, и вооруженные экспедиции рассеялись во все стороны, чтобы расширить территорию Новой Испании. Олид и Сандоваль объехали к западу от Мексико, Мичоакан, Колиму, до побережья Тихого океана; Альварадо углубился в гористые области до Гватемалы; сам Кортес овладел страною Пануко, на восточном склоне гор, опоясывающих с северной стороны бассейн Мексико; затем пустившись преследовать своего возмутившагося лейтенанта, Олида, который отправился морем в Гондурас, он проник на юго-восток в Табаско, Чиапас, в страну лакандонов и мопанов. Из всех экспедиций Кортеса это—самое замечательное путешествие по необитаемым рекам и болотам и дремучим лесам: при переходе по равнинам Табаско ему пришлось построить до «пятидесяти мостов на протяжении двадцати лье»; пищевые запасы все иссякли, приходилось кормиться корнями, ягодами, мелкими животными, пойманными под листьями. Даже и в настоящее время очень редки путешественники, которые при всех рессурсах, предлагаемых современною цивилизациею, отваживаются следовать дорогой, проложенной Кортесом. После него ни один из испанских завоевателей не пытался проникать в эту страну; удовольствовались занятием Юкатана, страны, более доступной, которая была завоевана в течение периода времени от 1527 до 1542 года.

Северо-западные области, менее населенные и не столь богатые, не так сильно возбуждали рвение завоевателей, как южные провинции; тем не менее, экспедиции были посланы и в этом направлении; суда, паруса и снасти которых были перевезены из Вера-Круца на Мексиканское плоскогорье, добрались до берегов Калифорнийского залива, а в 1533 г. флотилия под командою Кортеса вступила в самый залив; он же дал и название этой знойной стране *calida fornax* (жаркая печь), или «Калифорния»[1]. В 1539 г., Франциск де-Уллоа проник внутрь длинного «Багряного моря», названного так или от красных водорослей, окрашивающих воды некоторых бухт, или, скорее, по мнению Пинара, от темно-красных песков, окаймляющих его берега; в следующем году, Аларкон окончил обследование этого моря и поднялся даже на 85 миль по реке Буена-Гвиа, которую с тех пор стали называть рио Колорадо; два года спустя, Кабрильо, огибая мыс Сан-Лукас, на оконечности Калифорнийского полуострова, направился к северу по Тихому океану до одного мыса, который, как полагают, был мыс Мендосино, лежащий выше 40° широты. На континенте Нуньес Кабеза-де-Вака, избегнувший опасностей рискованного перехода через Флориду, достигнул Мексики, в 1536 г., северным путем; в промежуток времени от 1530 г. до 1532 г. жестокий Нуньо де-Гусман присоединил к испанским владениям Жалиско и Синалоа; затем, в 1539 г., один французский монах, Маркоз де-Низа, проник далеко в глубь территории, называемой в настоящее время Новою Мексикою, которая составляет часть Соединенных Штатов: он уверял, что видел там дивную Сиболу, которая вскоре после того, во время экспедиции Коронадо, оказалась ничем иным, как самою обыкновенною деревушкою племени зуньи, где все жители скучиваются около одного центрального двора, в единственной лачуге, построенной вроде крепости. Экспедиция Коронадо, продолжавшаяся два года, с 1540 до 1542 года, комбинированная с морскими исследованиями Аларкона, имела результатом колонизацию Соноры, северо-западной провинции нынешней республики.

Таким образом территория собственной Мексики была обследована испанцами; однако маршруты, наиболее отдаленные от столицы, не были ещё утилизированы для составления карт, в виду недостатка астрономических наблюдений, без чего нельзя было установить хотя

1 Jules Marcou, „Notes upon the first discoveries of California and the origin of its name“.

бы приблизительную точность: в 1542 г., вице-король Мендоза определил, по наблюдениям двух лунных затмений, положение города Мексико на 29°42' западнее действительного положения. Карта Ортелиуса, вышедшая в 1579 г., определяет более или менее точно только

Работы на Панамскомъ перешейкѣ.

центральную часть страны, вокруг Мексико. Более того—несмотря на все исследования, сделанные вдоль берегов Калифорнии, долго утверждали, что суда совершили круговой обход вокруг Калифорнии, и таким образом островной характер этой длинной территории вполне

установлен[1]; иезуит Сальватиерра, начавший колонизацию страны в 1697 году, дал ей название Исла-Каролина (остров Карла). Только в начале XVIII в. путешествие миссионера Крона или Кунта, обыкновенно называемаго испанцами Кино, наконец, подтвердили изыскание первых исследователей. Рукописные документы, которыми владеет *Academia de Historia* в Мадриде, и коллекции Мексики доказывают, что уже с XVII века национальные архивы, к сожалению, недоступные для исследователей, заключали в себе необходимые матерьялы для полного и подробного описания Новой Испании; почти все описательные мемуары, посылаемые в мадридский совет по делам Индии, сопровождались планами[2]. Однако, даже лучшие карты, изданные в то время, грешили ошибками, простиравшимися до полуградуса по широте и до 1—2° градусов по долготе.

Путешествие Ал. Гумбольдта, в 1803—1804 г., было названо «вторым открытием Мексики»[3]. Великий исследователь, правда, не посетил всех уже известных частей Новой Испании, но он с замечательною проницательностью сумел согласовать маршруты своих предшественников, проверяя одни другими, и извлечь из них, по крайней мере для района плоскогорий, истинную конфигурацию мексиканского рельефа, опираясь на точные пункты, которые его астрономические наблюдения позволяли прибавить к изысканиям испанских инженеров. Кроме того, он изучал физические явления страны, её извержения лавы, её источники, последовательные поясы её климата и флоры, направление и интенсивность её ветров, обилие выпадающих дождей, вариации её магнитных токов; наконец, он сделал сравнительную оценку рудных, земледельческих и промышленных богатств Мексики, и определил, так сказать, относительную ценность этой страны в кругу всего цивилизованного мира. После продолжительной спячки, в которую погрузил Мексику режим абсолютной монополии, труд Гумбольдта был настоящим откровением. Он показал, чем могла бы стать испанская колония в день уже близкой эмансипации.

Исследование страны не могло продолжаться в революционный период, но когда Мексика стала, наконец, совершенно свободною, путешественники снова направились к этой американской земле, с тех пор открытой для всех. После войны, минералог Буркарт пошел по следам Гумбольдта и впродолжении почти десяти лет с молотком в руках объехал почти все горные рудные районы республики. Примеру его последовали другие путешественники всех национальностей, и между ними американцы Стефенс и Катервуд, которые подробно изучили замечательные памятники старины, сохранившиеся в южной части территории. В то же самое время и сами мексиканцы заинтересовались научными исследованиями своей страны, и в 1839 г. в Мексико была основана географическо-статистическая коммиссия: это—одно из старейших ныне существующих обществ этого рода. Она издала драгоценные записки почти относительно всех частей республики и подготовила материалы для генеральной карты Мексики, более обширной и подробной, чем карта Гумбольдта; сначала она была издана частями и послужила основанием Гарсии Кубасу для первого издания его атласа, помеченного 1856 годом; впродолжении многих лет она служила главным картографическим документом относительно мексиканских областей. Наконец, под руководством Коваррубиаса, приступили к тригонометрической съемке долины Мексико, что было началом работ по точному землеведению. Некоторые ученые, особенно Орозко-и-Берра и Пиментель, своими научными исследованиями пролили свет на распределение племен в Мексике, на историю их переселения, на происхождение, сродство и грамматику их языков. Американские офицеры, проникшие в Северную Мексику во время войны 1846 года, и позднее, во время размежевания границ, также приняли участие в изучении страны, и карты, составленные ими в Соноре, Чигуагуа, Коагуиле, Новом Леоне, Тамулипасе, считаются и по сейчас лучшими документами, какие только имеются относительно этих штатов Мексики. Главные морские карты, именно карты

1 M. Oroxco y Bern, „Apuntes para la historia de la Geografia en Mexico“.

2 Marcos Jimenez de la Espada, рукописные заметки.

3 C. B. Heller, „Reisen in Mexico“;—Vivien de Saint-Martin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

прибрежья Нижней Калифорнии, также составляют труды северо-американцев.

Поэтому ошибочно было ожидать, что ученые, сопровождавшие французскую армию, посланную в Мексику для созидания эфемерной империи Максимилиана, стяжают себе славу, подобную той, какую приобрели ученые, основавшие *Каирский Институт* и выпустившие в свет *Описание Египта*. Этим последним приходилось изучать страну, заброшенную наукой в течение полутора тысяч лет, а те имели дело со страною, где уже побывали многочисленные предшественники и где местные жители служили им проводниками и даже руководителями; их дело не могло претендовать на оригинальность, присущую открытиям; оно составляло лишь продолжение трудов, начатых другими, и служило как бы дополнением их. Но тем не менее труды их имели важное значение, как о том свидетельствуют оффициальные документы, опубликованные в «*Архивах Ученой Коммиссии*», и в особенности сочинения разного рода, изданные по этому случаю многочисленными путешественниками и учеными: планы маршрутов, пройденных колоннами экспедиции, обнимали собою в итоге около 28.000 километров[1]. Но в Мексике продолжают работать в этом направлении, добиваясь составить топографическую карту в $^{1}/_{100.000}$, подобную тем, какие имеются в наиболее цивилизованных европейских государствах, при чём за исходную точку принята, с одной стороны, долина Мексико и окрестности Пуэблы, а с другой—северные районы, изученные коммиссиею мексико-американских границ. Картографический отдел, состоящий при армии республики, заключает в себе ученый персонал почти из 120 лиц[2], но недостаток в деньгах не раз ставил это учреждение почти в невозможность продолжать свои работы. Период предварительных изысканий уже почти закончен, хотя ещё в 1882 году Модслей и Чарней нашли «мертвый город» в лесах Чиапаса, близ гватемальской границы.

II. Мексика в тесном смысле, к северу от Тегуантепекского перешейка

В совокупности своего рельефа Мексика в собственном смысле представляет собою возвышенность, на которой стоят массивы и цепи гор; несмотря на часто повторяемые слишком смелые обобщения Гумбольдта, эти горы не имеют ни по рельефу, ни по ориентировке никакого соотношения с системою Андов в Южной Америке; рельеф Мексики связан скорее с Калифорнийскими горами, но только с многочисленными перерывами. Средняя высота страны над уровнем моря выражена значительною цифрою в 1.105 м.[3]; плоскость, проведенная на этой высоте над уровнем океана, отделила бы от подлежащего пьедестала громадный треугольный массив, вершина которого приходилась бы на юго-востоке, господствуя над Техаунтепекской низменностью, и который оканчивался бы на северо-западе двумя параллельными рогами, направляющимися к Соединенным Штатам. Центральное нагорье Мексики ограничено с двух сторон, на склонах к Атлантическому и Тихому океанам, краевыми горными цепями или, по крайней мере, рядами выступов рельефа, составляющих сплошную закраину; оба эти ряда гор получили, тот и другой, название *Sierra Madre*, или «цепи-матери»,—название, которое встречается почти во всех частях испанской Америки, применяемое к господствующим хребтам страны. Как все краевые цепи, сиерры Мадре Мексики представляют резкий контраст своими противуположными склонами: на океаническом склоне скаты очень круты, обрывисты, исполосованы расселинами, откуда сыпятся обвалы, изрыты грозными барранками, местами расширяющимися и содержащими зеленеющие бассейны, последовательные ярусы для городов и запашек; на внутреннем склоне скаты более отлоги и обращены к высоким землям. Общий вид территории, которая постепенно суживается между двумя цепями по направлению к югу, представляет собою, так сказать, длинную аллею, примыкающую к лабиринту. Иммигрирующие населения, приходившие с севера, постепенным движением вперед были приводимы к южному углу, т.е. к бассейну Мексико и к рав-

1 Niox, „Notice sur la carte du Mexique“, „Bulletine de la Societe de Geographie“, juillet 1874.

2 Garcia Cubas, „Cuadro Geografico de los Estados Unidos Mexicanos“.

3 Ch. Perran, рукописные заметки.

нинам Пуэблы, ограниченным с юга Юнтою, или встречею двух высоких хребтов.

Треугольной впадине, заключающейся между двумя сиеррами, часто дают название Мексиканского «плоскогория»; иногда также, по примеру Клавигеро и Гумбольдта, её называют просто Анагуак или Анагуакское «плато», по имени той области, в которой находится город Мексико. Однако, *mesa* или «стол» Мексики вовсе не представляет собою ровной поверхности, как можно бы было заключить из обычных названий: в совокупности своей впадина, ограниченная двумя сиеррами Мадре, представляет скорее ряд бассейнов, большею частью озерного происхождения, которые расположены один над другим, уменьшаясь в высоте по направлению с юга на север; но разделяющие их барьеры представляют такое незначительное препятствие для переходов и путешествий, что уже в прошлом веке могли легко проложить дорогу от Мексико до Санта-Фе, в Новой Мексике, на протяжении 2.200 километров, и в экипажах свободно переезжали из одного города в другой[1]. В южной части возвышенностей вокруг Мексико, бассейны относительно не велики, но в высоту переходят за 2.000 м.; даже бассейн Толука, лежащий в углу, образуемом двумя большими расходящимися цепями, возвышается по крайней мере на 2.580 м. над уровнем моря. По мере удаления от Анагуака, сиерры постепенно расходятся, промежуточные возвышенные равнины становятся шире, и в северной области республики обширные пространства, ограниченные горами, представляют во многих местах поверхность чуть-чуть волнистую или перерезанную невысокими буграми. В своем северном уклоне промежуточное между сиеррами пространство покато к востоку, так как восточная сиерра в среднем гораздо уже и ниже западной: её средняя высота равняется 2.000 метрам, почти на 500 метров меньше высоты западного хребта[2].

Третья сиерра, параллельная двум предыдущим, но совершенно отдельная от цепей, господствующих над континентальной массой Мексики, это—неровный, два раза прерывающийся хребет Калифорнийского полуострова. Уединенные холмы, «затерявшиеся горы», как их называют, образуют как бы ряд вех в пространстве, заключающемся между массивами американской Калифорнии и горною цепью полуострова, принадлежащего Мексике, но продолжающего собою ось Сиерры-Невады: следов., горы этого полуострова, весьма различные по форме и высоте, составляют особую систему, отличную от мексиканского рельефа. Невдалеке от основания полуострова стоит, видимый с обоих морей, самый высокий массив, Каламагуе или Санта-Каталина, доминируемый бело-снежной скалой, высотою в 3.086 метров. Северная горная цепь, идущая вдоль берегов Тихого океана, оканчивается на северной стороне большой бухты Себастиан-Визкаино, и своими слегка наклонными плато примыкает к хребту, выступы которого поднимаются над восточным берегом Калифорнийского залива. Эти горы, третичной формации, прерываются глубокими оврагами, за которыми возвышается массив «Tres Virgines», или «Трех Дев». Эти вулканические остроконечные вершины, расположенные почти посредине длинного берега в 1.300 километров, высотою своею не превосходят 2.000 м.[3]; они не имели извержений с 1857 г.; с тех пор замечался иногда только пар, выходивший из трещин. Другие вулканы Мексиканской Калифорнии совсем потухли; единственными свидетелями внутренней деятельности остались минеральные и горячие ключи да сольфатары. На запад от этого вулканического массива, около средины океанского берега тянется гряда гор в 1.045 м. высоты, продолжающаяся на своей северо западной оконечности высокими островами.

На юг от «Трех Дев» тянется кряж, состоящий из песчаника третичной формации; он круто обрывается с восточной стороны и спускается длинным скатом в сторону Тихого океана, продолжаясь до залива Де-Ла-Пац. Вершина этого кряжа, которая, судя по её названию Cerro del Gigante или просто Giganta, «Гигант», можно принять за господствующую над всем Калифорнийским полуостровом, имеет всего 1.388 метров, при средней высоте главного

1 Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvel-le-Espagne“.

2 Niox, „Notice sur la carte du Mexique“.

3 По Девею и Пайльезу, 2.152 м. В Мексике высота большей части гор показана различными исследователями разно.

хребта менее 1.000 метров. Что касается южной оконечности полуострова, на юг от Де-Ла-Паца, то она представляет собою нечто в роде гранитного острова и оканчивается двумя параллельными грядами, из которых одна, по словам Девея, имеет остроконечную вершину в 1.890 метров. Почти во всех прибрежных массивах геологи находили рудные жилы золота, серебра, меди, железа: золото преобладает в сланцах западного берега, тогда как серебряные руды встречаются преимущественно в порфирах восточного берега[1].

Впрочем, несмотря на её узкую конфигурацию, делающую страну весьма доступною, Нижняя Калифорния,—выражение, употребляемое в смысле «Южная Калифорния»,—ещё очень мало известна, вследствие своей бесплодности и малонаселенности; высота её гор измерена и исчислена только мореплавателями. Они же заметили контраст берегов, из которых омываемый Калифорнийским заливом—крутой и скалистый, а берег тихо-океанский—более мягкого и округленного очертания: во многих местах он окаймлен низким пляжем, песчаными островами и береговыми валами. Ближайшая к восточному берегу горная цепь вздымает свои береговые скалы над бездною провала, в которую проник широкий океанический рукав, заполнивший пространство между Мексикой и полуостровом. Острова восточного берега, расположенные по оси, совершенно параллельной горам полуострова, имеют значительный рельеф. Один из них, Анжель-де-Гуардиа, достигает 1.315 метров. В совокупности прибрежные острова Нижней Калифорнии занимают пространство гораздо большее, чем все прочие острова Мексики.

Перерезанные прямою линиею границы штата Аризоны,—который назван так по имени одной небольшой горы, служащей межою между американским Тубаком и мексиканскою Санта-Магдаленою,—различные горные цепи, которые опоясывают с севера низменность рио Гилы, врезываются в территории Соноры и Чигуагуа, выставляя с юго-восточной стороны профили своих параллельных гребней; в целом все эти горные хребты обозначаются общим наименованием Сиерра-Мадре. В средней своей части скалы состоят преимущественно из гранита и сиенита, но осадочные формации также составляют значительные наслоения, особенно углекислой извести, заключающие в себе местами незначительные залежи антрацита. Точно так же, как и в горах Нижней Калифорнии, извержения лавы прорывались здесь во многих пунктах, и эрратические валуны разсеяны по склонам гор и равнинам на большем протяжении. Существует даже один не вполне потухший вулкан, Пинакате (1.656 метров), который возвышается вне Сиерры-Мадре в собственном смысле, в нескольких стах километрах восточнее Колорадского лимана; с середины громадного поля лавы, расстилающагося с южной стороны горы, возвышаются несколько второстепенных конусов, из которых один имеет пещеру, откуда в изобилии выделяются серные пары; индейцы приносят здесь жертвы местному гению: стрелы, раковины, головы животных[2].

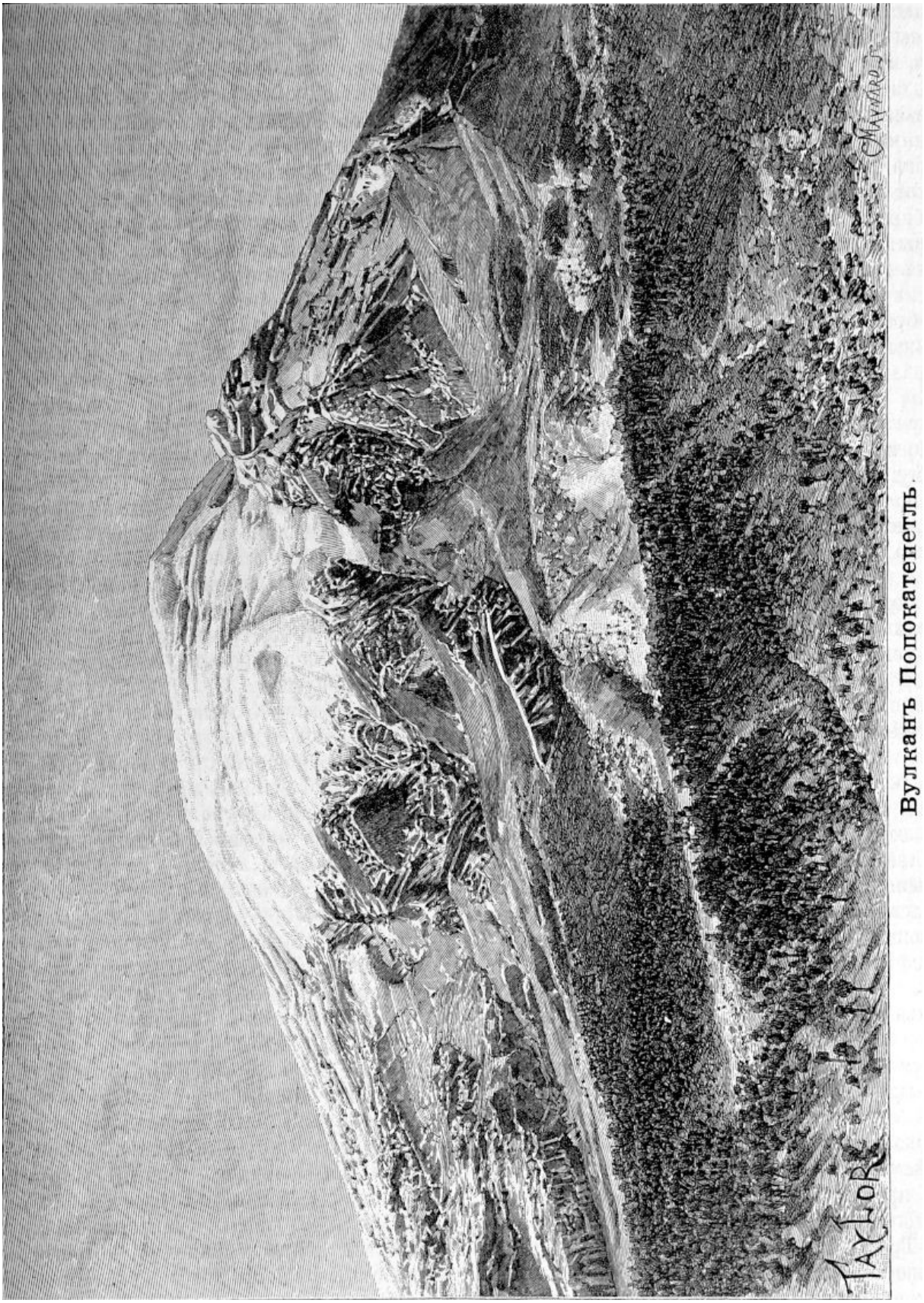
Средняя высота гор Соноры около 1.500 метров, но некоторые из её выступающих массивов, которые тянутся на западе вблизи моря, достигают более значительной высоты, выглядя ещё величественнее оттого, что они являются взорам во всю величину, от подошвы до вершины, с их конечными утесами, их кручами и контрфорсами: таковы, находящиеся близ аризонской границы, Соноальские горы, одна из вершин которых поднимается на 2.882 метра; таков и лежащий на юге Соноры массив Аламос (1.791 метр), за которым следуют, в Синалоа, ещё другие береговые гряды. Зимою эти высокие горы покрыты на вершинах слоями снега. Во всех горах встречаются в большом количестве рудные месторождения золотоносного серебра, и жилы этих руд, крайне неправильные, переплетаются в горных породах по различным направлениям.

В юго-восточной части Соноры, Сиерра-Мадре возвышается постепенно, сохраняя свою геологическую формацию и свою внешнюю форму: одна из её вершин, Иезус-Мария, в массиве Тарахумара, превышает 2.500 метров, а пик Фрайлеситос, близ Батопиласа, достигает 3.000 метров. По мере того, как хребты растут в высоту, они всё более и более приближаются

1 E. Guillemin, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. Tome II.

2 Alfonse Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie“, Septembre 1880.

к прибрежью и обращают таким образом к морю свои крутые откосы: с прудов и дюн у морского берега можно видеть обрисовывающиеся на горизонте высокие вершины, заходящие за пояс облаков. Высокие хребты и *bufas*, или разрезанные гребни, тянутся в виде сплошной

Вулканъ Попокатепетль.

цепи на среднем расстоянии около 100 километров от берега; многие из вершин превышают 3.000 метров. Вершина Пималь, в сиерре дель-Найарит, возвышается на 3.450 метров. Но далее, терраса Мексиканского плоскогорья и господствующие над ней горы теряют в своем

рельефе всякую кажущуюся правильность; массивы, связанные между собою неровными ущельями, не имеют уже более правильного направления: только на востоке обрисовываются более величественные группы, замечательные своим чрезвычайным обилием жил серебряной руды, тогда как на юге глубокая долина рио Лермы обозначает собою раздельный пояс всей горной системы. Как раз против этой бреши тянется, на расстоянии ста километров от моря, островная цепь Трес-Мариас и Сан-Жуанито, идущая с северо-запада на юго-восток, параллельно оси континентальной сиерры. Самая высокая её вершина, извергавшая лаву, достигает 735 метров.

В той части сиерры-Мадре, которая идет к северу от Лермы, прежде не было недостатка в вулканах, и во многих местах видны ещё большие пространства, залитые лавой, голые или поросшие лесами, и целые холмы пепла или шлака. В особенности местность Бренья, к югу от Дуранго, представляет собою вулканический хаос трещин и обвалов: это настоящая *malpais*, «скверная страна», почти недоступная для переходов; но все подземные очаги уже потеряли свой жар, и только к югу от раздельной черты начинается область внутренних морей лавы, которые открылись «огненными горами», наискось пересекающими Мексику от одного моря к другом; некоторые из этих гор возвышаются совершенно изолированно, или же на отдельных массивах, другие, напротив, открыли свои жерла на самой оси больших цепей. Себоруко (2.164 метра), или пик Ахуакатлан, составляет первую группу остроконечных вершин в этом вулканическом поясе, соседнем с Великим океаном: он составляет часть хаоса гор, почти совершенно отделенного от сиерры Мадре долинами и проходами, над которыми господствует город Гуадалахара. В 1870 г. было сильное извержение этого вулкана, и с тех пор он постоянно выбрасывает газы и водяные пары. В этом массиве открываются многочисленные кратеры: два наиболее обширных,—один потухший, другой дымящийся, глубиною в 300 метров каждый,—разделены лишь узкою перегородкою, состоящею из наросших конусов.

Далее, к югу, Колима также курится, представляя в совокупности своих явлений кажущееся соотношение с Себоруко. Несмотря на свою высоту (3.886 метров), этот великолепный вулкан не более, как южный мыс более высокой порфировой горы, которую туземцы называют «*volcan de Nieve*», т.е. «Снежный вулкан», хотя по Долльфусу и Мон-Серрату, её вершина не оканчивается кратером: углубление на вершине, которое обыкновенно считают древним огнедышащим жерлом, есть не что иное, как амфитеатр, образуемый двумя оврагами, потоки которых спускаются к Тихому океану. На склонах Снегового вулкана верхняя граница леса лежит на высоте 3.950 метров над уровнем моря: далее начинаются снега, которые держатся круглый год на голой части вершины. С конечного пункта, который, по измерениям Барсена, достигает 4.334 метра, спускаешься на юг, по направлению к вулкану Фуэго, или «Огненному», который отделяется от соседнего колосса скалистою оградою. Весьма редкия в течение последних веков, извержения Колимы стала теперь более частыми: в 1869, 1872, 1873, 1885 гг. были выброшены массы пепла, и пассатный ветер доносил их, в верхних слоях воздуха, до Сан-Луис-Потози, на расстояние в 450 километров к северо-востоку. Лава также текла из вулкана во время этих извержений, но она почти вся изливалась из придаточных конусов, «Сынов Колимы», и из пригорков, рассеянных в окрестных долинах. У северной подошвы горы открывается лагуна Каласоцо, глубокая пропасть, ещё неизмеренная, изливающая свои воды через рио Сан-Антонио; это, повидимому, бывший кратер, наполненный серными источниками[1]. Расположенная на самой закраине высоких мексиканских земель и изрытая у подошвы громадными барранками, выходящими на равнину, гора Колима занимает центр обширного горизонта, обнимающего море и горные вершины; на восток вид простирается до сверкающей верхушки снежного Попокатепетля.

Лесистый вулкан Танситаро (3.655 метров) стоит под той же широтой, как и обе горы-близнецы Колимы, но он ближе к главной цепи и составляет просто её южный контрфорс, господствующий над обширным горизонтом, до Тихого океана; он примыкает к горе Патам-

1 Esteban Garcia, „Informes y documentos relativos a Comercio“, diciembre 1886.

бан (3.750 метров) посредством длинного кряжа Перибан. Несколько восточнее возвышается ещё другой вулкан, но тоже почти изолированный, посреди *malpais* или *pedregal* лавы, которую огибает с южной стороны рио Мекскала. Это—Хорулько, высотою в 1.315 метров. С тех пор, как Гумбольдт впервые ознакомил свет с этим вулканом, он сделался одним из тех, имя которых повторяется наиболее часто. Известно, что эта гора появилась в 1759 г. на обработанной земле, под которою уже несколько месяцев слышались продолжительные раскаты грома. Предание говорит, что кратеры Куцарандиро, расположенные в 80 километрах на восток, производили извержения ещё за несколько лет до появления Хорулько: подземный очаг нашел себе другой выход образованием нового вулкана, и с того времени первоначальные жерла совершенно закрылись. Гумбольдт освятил своим авторитетом одну легенду, которая, впрочем, не основана ни на каком заслуживающем веры документе и идет даже в разрез с фактами, подтвержденными последующими наблюдениями на всей поверхности земного шара. Эта легенда гласит, будто Хорулько вырос из земли вдруг в течение одной ночи; ещё накануне здесь расстилалась ровная местность, на которой ветер колыхал стебли сахарного тростника и индигоносок; на следующий день утром глазам удивленных жителей, рассеявшихся вдали на холмах, предстали шесть больших конусов, из которых один возвышался над окружающей равниной более, чем на 500 метров (по Буркату, на 372 метра). Вся местность, будто бы, вздулась, была приподнята расплавленными веществами, и размягченные скалы, пробитые в центре воронкой, возвысились над своим прежним уровнем и образовали ту остроконечную вершину, которая видна теперь. Эта гипотеза восходящего движения первоначальной почвы так же ошибочна, как и гипотеза туземцев относительно какой-то мести монахов: по их рассказам, владельцы *haciendas* (мызы) отказались принять с должною почестью посетивших их капуцинов, которые, озлобившись, покинули зеленеющую равнину и приказали пламени уничтожить её. Образование Хорулько, как и всех прочих вулканов, следует приписать последовательным извержениям пепла и лавы[1].

С 1860 г. гора отдыхает или, по крайней мере, подвергается только слабым колебаниям. Из кратера, широкого отверстия около 2 километров в окружности и 200 метров глубины, выходят лишь легкие пары, почти всегда невидимые и сгущающиеся в облака только перед дождями. Склоны горы покрыты частью лесами, где деревья тропического пояса перемешиваются с породами умеренных поясов, и «*hornitos*», «маленькия печки», безчисленные придаточные конусы в несколько метров высоты, откуда выбрасывались клубы паров, по большей части осели; во времена Гумбольдта их температура доходила до 96°; постепенно понизившись, она теперь колеблется между 50—60 градусами. Рио Сан-Педро и другой ручей, воды которых испарились во время извержения и которые, будучи покрыты слоем лавы, снова выбивались на поверхность горячими источниками в нескольких километрах от вулкана,—совершенно утратили свою теплоту: в течение двадцати четырех лет, прошедших между путешествиями Гумбольдта и Буркарта, понижение температуры превзошло 23° по стоградусному термометру.

Вулканы Колима, Тенситаро, Хорулько и лежащая восточнее их, но тоже на север от рио Мекскала, потухшая гора Таско расположены по линии, параллельной оси Сиерры-Мадре, которая тянется, в среднем, на расстояние около 60 километров к северу. Но эта большая цепь и сама почти всецело состоит из эруптивных пород, древних или новых, заключающих в своих долинах бассейны, где пребывают озерные воды и где отложились четвертичные наносы. Первый вулкан, или группа потухших вулканов, Сан-Андрес или Тажимароа, на восток от Морелии, представляет ещё на одной из своих вершин воронку, наполненную кипящею водою и в изобилии выбрасывающую серные пары: эти пары превратили в сернокислую соль глинистую почву окрестностей и периодически разрушают лачуги рабочих, которые занимаются собиранием на дне лужи серы, смешанной с грязью. Другая трахитовая вершина, Серро де лас-Хумаредас, обязана своим названием обилию «фумаролл», из кото-

1 H. de Saussure, „Bulletin de la Societe Vaudoise des Sciences naturelles“, vol. VI, 1859; Poulet Scrope, „Volcanoes“.

рых дым поднимается целыми тучами, а вблизи бьет гейзер с высоты кремнеземного конуса в виде колонн кипящей воды[1]. Один из кратеров назван *Чильядором*, или «Свистуном», вследствие производимого вырывающимися парами резкого шума; в 1872 г., вследствие сильных землетрясений, рядом с прежним открылся новый Чильядор[2]. Высота этой горы над уровнем моря, по всей вероятности, превосходит 4.000 метров. К северу от Морелии и большого озера Квицео, другая группа, состоящая из семи вулканов, представляет отдельный массив, окружающий своим амфитеатром впадину, называемую «долиною» Сантъяго: кратеры Алберки и другой из этих гор наполнены щелочною водою, точно такою же, какая просачивается и в окружающей почве: местный очаг теплоты, по всей вероятности, потух, но севернее, в массиве Гуанахуато, гейзеры и фонтаны теплой грязи свидетельствуют о непрерывной деятельности подземных паров[3].

Гора «Ксинантекатль», что значит «Нагой Владыка», обозначаемая обыкновенно под названием Толукского Невадо. или «Снежной» горы, возвышается почти непосредственно на юге города, от имени которого и получила свое название. Это одна из самых высоких вершин Мексики, так как достигает 4.578 метров (4.450 метров, по Гейльприну и Бэкеру, которые восходили на неё в 1890 г.), т.е. высоты Мон-Розы. Правильный отлогий склон Невадо легко доступен для восхождения: по примеру Гумбольдта, путешественникам приходится следовать по тропинке, проторенной дровосеками в еловом и сосновом лесу; мало-по-малу, по мере приближения к вершине, лес редеет, и его заменяет сначала низкий кустарник, а потом, близ краев кратера, короткий дерн, растущий в расселинах порфира: там-то именно и находится граница между поясами растительности и вечных снегов, так как эти последние держатся на северном склоне вулкана даже в течение двух месяцев сильного испарения, т.е. в сентябре и октябре, придавая с этой стороны вид белой опушки её красноватым оврагам. На скатах находятся два озера пресной воды, разделенные пригорками; после ливней, в соседних впадинах образуются лужи. Снега и дожди не дают ни в какое время года высыхать обоим этим озерам, которые, в среднем, занимают пространство около тридцати гектаров: главный резервуар имеет 10 метров глубины, и там водятся рыбы особого рода. Вода в них, очень холодная (6°,25), так чиста, как дистилированная, так что предлагали утилизировать её посредством канализации, чтобы снабдить ею город Толуку. Гора Серро Ахуско (4.153 метра), виднеющаяся вдали, на восточном горизонте Невады, не достигает границы вечных снегов; потоки её лавы спускаются до самых ворот Мексико. Другие, меньшие и уже потухшие вулканы, Кулиакан, Озумба, расположены, без видимого порядка, в той части главной цепи, которая тянется к югу от столицы.

Самый знаменитый вулкан Мексики, имя которого чаще других повторяется в географических сочинениях,—Попокатепетль, или «Дымящаяся Гора», которую долго принимали, ошибочно, за высочайшую точку в Северной Америке; в действительности же она, вероятно, не представляет собою самой высокой точки даже и для Мексики. Первым совершившим восхождение на Попокатепетль европейцем, о котором упоминает история, был испанский капитан Диего-де-Ордац; в 1519 г., когда маленький победоносный отряд Кортеса находился ещё в Тлакскале, Диего-де Ордац отправился в страну ацтеков, с целью сделать восхождение на вершину «горы Гуаксосинго», откуда вырывался густой беловатый дым, и проникнуть таким образом в тайну, «*saber el secreto*», горы. Но вопрос—достиг ли он вершины? По Кортесу, он был остановлен снегами; по Берналю Диацу, он добрался до кратера: во всяком случае он, первый из испанцев, видел у своих ног великую «долину» Мексико и чудесный город, храмы которого блестели на солнце среди сверкающей скатерти озер; в награду за этот подвиг, Карл V разрешил храброму капитану носить изображение вулкана на его гербе. Многие испанские солдаты и францисканские монахи также поднимались до самого жерла кра-

1 H. de Saussure, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1857.

2 Santiago Ramirez, „Riqueza minera de Mexico“.

3 Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, tome III.

тера[1] во время периода завоевания; в особенности часто упоминается о Монтано и Ларриосе, которые взбирались туда за добыванием серы для изготовления пороха. С начала нашего века, восхождения предпринимались очень часто: относительно говоря, они даются довольно легко, благодаря правильности склона, несмотря на то, что порфировая масса Попокатепетля превышает гору Монблан на 600 метров: средним из одиннадцати сделанных измерений высоты этого мексиканского вулкана надо признать 5.411 метров,—по Понс де Леону, 5.397 метров[2], следовательно, он по крайней мере на 225 метров ниже своего северо-американского соперника, горы св. Илии[3]. На восточном склоне нижний предел вечных снегов находится на высоте 4.300 метров: снега заполняют собою неровности почвы, и на окружности кратера превращаются в слой льда, толщиною в 2—3 метра, который образует ледники, прорезанные небольшими расщелинами. На востоке, у подошвы горы попадаются многочисленные рассеянные глыбы, появление которых следует приписать действию ледников, спускавшихся прежде с вершин[4].

Гребень кратера, на котором возвышаются две главные точки, *Pico mayor* и *l'Espinazo del Diablo*, представляет собою острый выступ, по которому надо идти, балансируя, между двумя пропастями: с одной стороны—вид открывается на восток до жарких земель, над которыми господствует плоскогорье; с другой—зияет кратер, бассейн в один километр в окружности и около 75 метров глубиной[5]. Он наполнен снегом, но струи выбрасываемого газа, которые часто переменяют место выхода, расплавляют белую скатерть вокруг жерла или *respiradero*; пятна желто-золотистого цвета указывают издали на залежи серы, и *volcaneros*'ы (собиратели серы) почти каждый день приходят собирать этот продукт, спускаясь в глубь кратера в ивовой корзине, которая движется посредством ворота, помещенного на краю пропасти[6]. Годовая эксплоатация, значительно уступающая производству, которое оценивают в одну тонну в день[7], составляет в год всего только 48 тонн[8]; что касается снега, то его собирают на наружных склонах горы. Источник, бьющий в глубине кратера, наполняет зеленоватую лужу, воды которой, по словам туземцев, снова просачиваются у подошвы вулкана в виде теплых ключей. Извержения Попокатепетля бывают очень редко; и в нынешнем столетии они значительно слабее, чем были в век завоевания, особенно в 1539 г. К северу от этого гиганта находится гора не столь высокая (4.900 метров), но всё же превышающая высоту Монблана,—Икстаксихуатль, или «Белая женщина»; это вовсе не вулкан, хотя туземцы страшно боятся её и сложили про неё массу легенд; никогда ни малейшая струйка дыма не закоптила снежную мантию, покрывающую её конус без кратера. По преданию ацтеков, обе эти горы были богами, и Икстаксихуатль считалась супругою Попокатепетля[9]. «Дымящаяся Гора» служит верным барометром для населения, живущего у её подошвы. Если пар, выходящий из кратера, густого черного цвета и поднимается громадными клубами по направлению к северу, то ожидают дождя. Когда же, напротив, пары клонятся к югу, то это предвещает мороз и стужу. Вертикальное восхождение пара, в виде дымящейся колонны, служит предвестником сильного ветра или землетрясения. За два или за три часа до грозы, имеющей разразиться в равнине, замечаются целые фонтаны пепла и пемзы, выбрасываемых время от времени из кратера.

---

1 Bernard Diaz del Castillo, упомянутое сочинение.

2 „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de la Republica Mexicana", 1873, №№ 8, 9.

3 Депеша из Мексико от 21-го апреля 1890 г. сообщала, будто измерения Гейльприна определили высоту Попокатепетля в 3.000 футов или 900 метров. Подобная ошибка со стороны геодезистов непонятна, потому что если бы произошел обвал или взрыв вершины, то, конечно, о таком знаменательном факте не преминули бы сообщить в свое время.

4 Jose Lobato, „Boletin de la Sociedad de Geografia", 1876, 1 и 2.

5 Virlet d'Aoust, „Ascencions an Popocatepetl et a l'Ixtaccihuatl".

6 J. Leclercq, „Voyage au Mexique".

7 Carlos von Gahern, „Deutsche Rundschau fur Geographic". 1885.

8 Dollfus;—de Mont-Serrat;—Pavie, упомянутое сочинение.

9 Camargo;—Gomara;—Prescott, и проч.

Обе горы-сестры, господствующие над «долиною» Мексико, возвышаются почти у угла треугольного бастиона, образуемого центральным плоскогорьем Анагуака. Восточная и западная сиерры Мадре скрещиваются своими гребнями по близости Техуакана, и от этого соединительного узла, или *junta*, обе цепи сливаются уже в одну, тянущуюся до самого Техуантепекского перешейка, подобно ветвям дерева, сросшимся в один ствол. Хотя западная Сиерра-Мадре, повидимому, и оканчивается в незначительном расстоянии к востоку от Мексико, прерванная валом гор, принадлежащим к другой линии вершин, но породы вулканического характера продолжают этот пояс гораздо дальше Попокатепетля: Малинцин или Малинш, Матлалкуэятль древних ацтеков (4.107 метров), называемый также Доньей Мариной, в память индиянки, служившей переводчиком Кортесу, вздымает свой изолированный массив посреди плоскогорья Тлакскала; согласно легенде, это дочь Попокатепетля и Икстаксихуатля, которая долго блуждала, ища себе благоприятного местоположения[1]. Другие большие вулканические вершины возвышаются по краям высоких земель на краевых цепях, принадлежащих к сиерре, господствующей на востоке. Две наиболее высокие горы этой цепи—также вулканы: Кофре-де-Пероте и Пик д'Оризаба, которые оба видны с моря. Кофре обязан своим названием четыреугольной форме (Cofre—сундук) своей высокой вершины (4.089 метров), которая, возносясь к небу в виде громадного саркофага, часто бывает окутана слоями облаков. Ацтеки называли эту гору так же, как и испанцы, именно Наухкампатепетль. т.е. «Четырегранная Гора». Она окружена полем лавы, на котором, на запад от вулкана, находится пещера Чинакамоте, длиною от шести до семи лье, по словам туземцев, но трудно проходимая, по причине валяющихся глыб, оторвавшихся от свода: через эту пещеру, вероятно, некогда вылилась целая река жидкой лавы[2]. Жерла паразитных вулканов, теперь уже погасших, открываются по сторонам Кофра, и длинные застывшие потоки лавы спускаются от его подошвы к морю; даже за третичными и четвертичными слоями, прикрывающими древние формации побережья, вдоль пляжей тянется цепь каменных подводных рифов, происшедшая от древних извержений: это—«Бокилья-де-Пьедрас». Макуильтепек, или «Пять гор», на склонах которого приютилась очаровательная Жалапа,—также вулкан, с кратером, покрытым растительностью.

Вулкан Оризаба, возвышающийся над городом того же названия, в пятидесяти километрах к югу от Кофра, может соперничать по высоте с Попокатепетлем: по самым малым оценкам, он достигает по крайней мере 5.295 метров[3]; другие географы дают ему 5.400 метров, а по Пересу, он имеет 5.551 метр[4], т.е. на 14 метров менее, чем определил его высоту Гумбольдт; но тогда он был бы выше Попокатепетля. Его ацтекское название, Цитлалтепетль, или «Гора Звезды», происходит, быть-может, от того, что сияющая вершина его конуса виднеется по соседству со звездами, или от того, что лава, выбрасываемая из кратера, прежде производила здесь пожары. Эта гора не имеет себе соперниц по правильности своей формы, по красоте своего снежного конуса, возвышающагося над зеленеющим поясом деревьев или над изменчивыми облаками атмосферы. Нижние склоны горы вполне доступны для восхождения, но взлезание на самую вершину конуса сопряжено с большими трудностями, так что среди путешественников мало находилось смельчаков, которые отваживались бы проложить ступени в снегах вершины и добраться до пепла и шлаков главного кратера. Впервые этой кульминационной точки достигли, в 1848 г., Рейнольдс и Мейнард, офицеры североамериканской армии, вторгшейся в страну; три года спустя Дуаньон пошел по их следам и дал первое описание вершины, с её тремя жерлами и с промежуточными перегородками: центральная котловина, овальной формы, имеет 450 метров в окружности и от 35 до 40 метров глубины. Последнее большое извержение было в половине шестнадцатого столетия[5].

1 Alex. Humboldt, „Volcans des Cordillieres".
2 Virlet d'Aoust, „Topographie et Geologie du Mexique".
3 Garcia Cubas, упомян. сочин.; 5.384, по Морфи.
4 Claine, „Societe de Geographie", отчет заседаний 1890.
5 Guido Cora, „Cosmos", т. V. 1878-1879.

Ещё в половине XIX века, пары и серные фонтаны выбрасывались из разрушавшихся скал, которые трескались, как куски штукатурки на ветхой стене; но очень редко случалось видеть эти колонны прозрачного газа из деревень, лежащих внизу; оттуда видна была только внутренняя перегородка кратера, открытого в косом направлении, так что его склон можно было смешать со склоном самой горы[1]. В 1878 г., очаг совершенно потух. Кратер обыкновенно наполнен снегом; ветром снег этот заносится также в боковые расщелины и превращается там в лед, что дало повод некоторым географам говорить о «ледниках», будто бы спускающихся с вершины Оризабы; как и на Попокатепетле, рабочие приходят на Гору Звезды запасаться твердым снегом. Склоны Оризабы и окрестные равнины усеяны побочными вулканами, высотою от 120 до 150 метров, которые имеют вид гигантских могил; туземцы и действительно верят, что это могильные курганы, воздвигнутые на трупах древних царей. Они погасли, должно быть, в весьма отдаленную эпоху, так как покрыты лесною растительностью, и даже самые кратеры обратились в чаши зелени. Однако, на северо-западе, в массиве Деррумбадерос (3.120 метров), действует ещё одно огнедышащее жерло, на вершине вулканического холма, расположенного к северо-западу от Тепетитлана и образующего треугольник с вулканами Кофром и Цитлалтепетлем; оно постоянно извергает пары и раскаленные вещества[2].

Пик Оризаба не составляет конечного межевого столба в поясе мексиканских вулканов: на берегу моря возвышается ещё отдельный массив возле крайнего изгиба, образуемого Мексиканским заливом, между континентом и полуостровом Юкатан. Этот массив называется Тукстла и имеет 1.500 метров высоты; он находится в 220 километрах по прямой линии от вулкана Оризаба, и обширные пространства наносных земель, где разветвляются потоки воды, отделяют его от гор Сиерры-Мадре. Извержение лавы было в 1664 году, затем вулкан отдыхал в течение ста двадцати девяти лет. Пробуждение горы в 1795 году было по истине ужасно: рассказывают, что пепел извержения долетал с одной стороны до Вера-Круца и Перота, а с другой до Оаксаки[3]. Очаг, питаемый, без всякого сомнения, водами моря, лагун и соседних болот, снова оживился ещё в недавнюю эпоху. По единодушному свидетельству туземцев, эти две горы, Оризаба и Тукстла, «беседуют» глухими раскатами, вроде отдаленного грома[4]. Массы из лавы, выдвинутые Тукстлой в море, составляют восточную оконечность вулканического извилистого пояса, центральная ось которого, длиной около 1.180 километров, совпадает почти с 19° широты[5] и продолжается далеко в Тихом океане, до Гавайского архипелага. Необитаемые острова Ревилья-Жижедо, лежащие на протяжении этой идеальной линии, по всей вероятности, тоже вулканического происхождения: суда, плавающие в тех пространствах моря, часто встречали плавучие слои пемзы[6]. Область мексиканских вулканов составляет также и главный пояс землетрясений, колебания которых обыкновенно распространяются с востока на запад, следуя по тому же направлению, по какому идут расщелины извержения; провинция Жалиско в особенности часто подвергается колебаниям почвы. Констатировали, что здания, воздвигнутые на граните или на порфире, более всего страдают от землетрясений[7].

Восточная Сиерра-Мадре, с её главными вершинами, Кофром и Цитлалтепетлем, так же, как и западная Сиерра-Мадре, составляет продолжение гор, принадлежащих Соединенным Штатам. Параллельные гряды Апачских гор, которые рио Браво перерезывает рядом ущелий, расположенных по направлению от юго-запада к северо-востоку, снова появляются на правом берегу этой реки и продолжают в юго-восточном направлении свои известковые

1 J. W. von Muller, „Reisen in den Vereinigten Staaten, Canada und Mexico“.
2 Karl B. Keller, „Petermann's Geographische Mittheilungen“. 1857, Heft. IX и X.
3 Landgrebe, „Naturgeschichte der Vulcane“.
4 Lucien Biart, „La Terre Chaude“.
5 Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle-Espagne“.
6 Poulet Scrope, „Volcanoes“.
7 Hugo Fink, „La Naturaleza“, 1875, № 4.

валы юрской формации, с крутыми утесами, с резкими контурами, пробитые местами эруптивными массивами. Средняя высота этих кряжей не превышает тысячи метров; но они постепенно повышаются к югу также, как западная краевая цепь, и около Сальтильо вершины

Водопадъ Регла.

достигают уже 2.000 метров. В этой области Северной Мексики обе цепи, сходящиеся в одну, как восточная, так и западная сиерры, ещё не соединены между собою поперечными кряжами; напротив того, они разделены обширными равнинами, бассейнами по-третичной

наносной земли, некогда отложенной внутренними морями, которую ветер вздымает в высокие дюны: их называют льяносами (llanos), подобно луговым пространствам в Венецуэле; но в Мексике эти пространства дна бывших озер покрыты иной растительностью и разделены на отдельные низины небольшими массивами холмов, вулканическаго или иного происхождения, возвышающимися над равниною; эти небольшие цепи следуют по большей части по направлению от северо-запада к юго-востоку, параллельно двум большим краевым горным цепям, образуя таким образом узкие проходы, клюзы или *canones*, в которых пробираются ручейки и проложены дороги[1]. Льянос де-лос-Кристианос, занимающий несколько тысяч квадратных километров, к югу от рио дель-Норте и её притока рио Кончос, представляет собою одну из таких степей, разрезанную многочисленными холмами на множество второстепенных равнин. Далее к югу расстилается льянос де-лос-Гигантес, или «Исполинов», названный так по костям исполинских животных, найденным в глинах и песках, которые считали прежде за кости древних великанов: этот льянос более ровен, и его однообразие нарушается только несколькими невысокими пригорками. Он продолжается далее к юго-востоку и образует Больсон, или «Кошель» Мапими—песчаный и соляной бассейн, совершенно пустынный почти на всём своем протяжении около 100.000 квадратных километров. Больсон де-Мапими—это мексиканская Сахара.

К югу от этой низменности почва поднимается, и две главные цепи страны соединяются одна с другой промежуточными массивами и высотами гористого плато. К юго-востоку от Сальтильо, первая группа вершин достигает 2.560 метров; южнее, один пик рудного района Каторсе возвышается на 2.730 метров; гребень Большая Вета-де-Закатекас поднимается на 2.786 метров; Серро-де-ла-Круц, близ Агуаскалиентеса, имеет 3.000 метров; блиц Гуанахуато, гребень «Гиганта» возвышается на 3.250 метров над уровнем моря, тогда как соседняя вершина, более грандиозная, несмотря на свое скромное название Льянитос, или «Маленькие льяносы», на 100 метров выше; наконец, вся северная часть штатов Кверетаро и Гидальго занята целым хаосом вершин, между которыми несколько гор выдаются своими замечательными контурами, как, например, Маманчота (2.977 метров), Органос, или «Органы» Актопана, названные так по своим порфировым башням, которые возвышаются на-подобие исполинских органных труб.

Результатом такого спорадического расположения массивов, разбросанных по плоскогорью, является то удобство, что их почти везде легко обойти, не имея надобности переходить через них. Так, естественные пути, которыми следовали эмигранты и завоеватели, огибают Малинче, Попокатепетль и извиваются вокруг массивов Гидальго, Кверетаро и Гуанахуато. С другой стороны, склоны плоскогорья во многих местах слишком затруднительны для восхождения и в особенности неудобны для обхода по горизонтальному направлению, вследствие глубоких барранок, вырытых параллельно на склонах гор. В тех местах, где почва состоит из пемзы и золы, разъедающие воды вырыли громадные борозды в несколько сот метров глубины, которые соединяются в более широкие овраги, прежде чем слиться с уровнем поверхности равнин. Самые известные из этих ущелий—барранки сиерр Тепик, вулкана Колимы, Оризабы и соседних гор. Иногда приходится потратить целый день, прежде чем доберешься до деревни, которая видна из места отправления на ближайшей террасе, всего в каких-нибудь нескольких километрах, а на деле оказывается, что её разделяют четыре или пять огромных рвов с обрушивающимися откосами, где проторены опасные тропинки. Попадаются очень древние пропасти, откосы которых совершенно исчезают под зеленью; спустившись на дно ущелья, замечаешь узкую струйку воды, извивающуюся под травою, и невольно дивишься, каким образом такой слабый геологический деятель мог вырыть землю на такую большую глубину.

Но, разрушая в одном месте, природа созидает в другом: констатировано, что на плоскогорьях уединенные горы, даже вулканы—геологически недавнего происхождения и склоны больших гор, вроде Попокатепетля, покрыты глинистым и глинисто-мергельным слоем, име-

1 Virlet d'Aoust, „Societe Geologique de France". Заседание 6 ноября 1865 г.

ющим, в среднем, от 60 до 100 метров толщины. Эти слои состоят всецело из пыли, наносимой маленькими смерчами (remolinos de polvo), носящимися по плоскогорью, «подобно подвижным минаретам, то исчезающим, то опять появляющимся». И откуда берется эта пыль, сплошь покрывающая горы, если не из другой почвы, новейшей формации, из *tepetate*, т.е. глины, которую дожди смывают со скал и отлагают тонкими наносными слоями?[1]

К югу от гор, лежащих между двумя господствующими цепями, тянется ряд равнин, бывших некогда дном озер или внутренних морей. Одна из этих равнин называется Бахио: это—длинная, излучистая впадина, которая извивается на протяжении 200 километров у основания массивов Гуанахуато; она покрыта черной глиной, очень хрупкой, происшедшей от разложения базальтовых скал. В этой области, занимающей собою угловатое пространство, ограниченное двумя сходящимися сиеррами, средняя высота пьедестала превышает 2.000 метров: только немногие города помещаются в углублениях меньшей высоты. Морелия, расположенная в низкой долине, у северного основания цепи вулканов, лежит всего на высоте 1.950 метров. Толука построена на высоте 2.580 метров. Вблизи неё деревня Тлалуэпантла расположена на высоте 2.758 метров; а в провинции Гидальго горнозаводский город, называемый Минераль-дель-Монте, находится на высоте 2.758 метров; наконец, ранчо Тламекас, расположенный на склонах Попокатепетля, и обитаемый круглый год, находится на высоте 3.810 метров над уровнем моря; на такой высоте жизнь иногда становится затруднительной для уроженцев более низких местностей.

Горы, продолжающие к югу-востоку Анагуакское плоскогорье, не имеют ни малейшей симметрии в своем расположении: можно предположить, что это остатки древнего плато, искромсанного водами: то на том, то на другом склоне снесены отдельные скалы и оставлены массивы и гряды неправильной формы, тянущиеся по разным направлениям, параллельно или поперечно очертанию морских берегов: древние ацтеки дали этим горам название Микстлан, или «Страна Оаксаков», а испанцы и до сих пор ещё называют их Микстека-Альта, высокая страна Микстеков, или «Людей Облаков»; гора Серро-Сан-Фелипе-дель-Агва, которую можно считать принадлежащею к центральной оси гористой области, достигает 3.125 метров, на севере Оаксаки; высшая точка, расположенная более к востоку, на второстепенной ветви,—это Зампоаль-тепетль, или массив «Двадцати Гор», достигающий, по Гарсиа Кубасу, 3.396 метров высоты: с её вершины можно видеть одновременно Тихий океан и Мексиканский залив[2]. Но к югу от этих неправильных горных гряд, составляющих сломанный ствол центральной цепи, возвышается другая сиерра, более правильная, сиерра дель-Сур (Южная), которая тянется вдоль берега Тихого океана, нося иногда название Сиерры-Мадре; на юге Оаксаки, в Сималтепетле, она достигает 2.260 метров. На берегу моря, недалеко от Жукилы, возвышается уединенный мыс, угасший вулкан Чакагуа, с кратером, наполненным серою. Другой конус, один из десяти действующих вулканов Мексики, виднеется на востоке, близ Почутлы: до 1870 года, когда жерло его, внезапно разверзшись, стало выбрасывать пары и пепел, утратилось даже всякое воспоминание о прежних извержениях[3].

Горные цепи Мексики продолжаются на перешейке Техуантепек узкой полосой возвышенностей, прорезанных шестью проходами незначительного возвышения. Самый низкий из них, называемый Портилльо-де-Тарифа, по имени соседней деревни, возвышается всего на 229 метров над поверхностью моря. Большая часть массивов, ограничивающих долины перешейка, имеют вид «столов»: если же на них смотреть с соседних гор, то они почти совершенно сливаются с низменными местностями. По словам американца Спира, геолога одной из многочисленных экспедиций, исследовавших перешеек Тегуантепек, пороговые террасы состоят отчасти из меловых скал; когда они осаждались, тогда воды Атлантического и Тихого океанов сливались вместе; затем, после их выступления на поверхность, наслоения позднейшей формации, третичные и четвертичные, покрыли стороны мелового вала. В настоя-

1 Virlet d'Aoust, „Societe Geologique de France". Заседание 16 ноября 1865 г.

2 A Luiz Velasco, „Informes y documentos relativos a Comercio".

3 Fuchs, „Les volcans et les Tremblements de terre".

щую эпоху работа захватов суши на океане незаметно продолжается: берег Тихого океана, позднейшего наносного происхождения, не перестает разрастаться, и прибрежные лагуны мало-по-малу осушаются. Нигде в Мексике низменные равнины не имеют, относительно континентальной массы, более значительного протяжения, чем на Тегуантепекеком перешейке.

Нынешнюю Мексику некогда пересекал ещё другой пролив, и «долина» Мексико, на самой спине Анагуакского плоскогорья, есть не что иное, как остаток прежнего рукава моря. В конце мезозойской эпохи морские воды извивались на этих землях, которые теперь возвышаются на 200 метров над поверхностью океана, и возвышающиеся здесь вулканы ещё не извергали лавы[1]. В ту эпоху берег Мексиканского залива очерчивался много западнее, чем ныне. Многочисленные богатые рудники почти все находятся в сиеррах Мадре, на севере «долины», и расположены по прямым линиям. Большая металлоносная ось есть именно та, которая соединяет Батопилас и Гуанахуато по точному направлению с северо-запада к юго-востоку. Знаменитые рудные месторождения Закатекаса, Фреснильо, Сомбрете, Дуранго расположены на этой оси или по соседству[2], и металлоносные жилы ориентированы в том же направлении[3].

Форма Мексиканского плоскогорья, с его узкими скатами, с его краевыми горными цепями, расположенными параллельно берегам, сухость климата в северной части и во внутренних областях страны,—все эти условия помешали образованию в Мексике больших рек с значительными притоками. Самым важным речным бассейном Мексики является рио Браво или рио дель-Норте. Значение этой реки обусловливается не столько количеством воды, сколько её протяжением и тою ролью, которая выпала на её долю, как пограничной черте, в 1.200 километров длины, между двумя республиками—англо-саксонскою и испано-американскою. Мексиканская часть её бассейна составляет около трети всего пространства, именно 235.000 кв. километров, но она не получает многоводных рек, и большинство её притоков даже настолько мелководны, что не круглый год содержат в себе воду в количестве, необходимом для поддержания своего течения; они текут исключительно в дождливое время года, и их воды, становясь солеными от пребывания в бассейнах испарения, придают солоноватый вкус и воде рио Браво. Самым значительным притоком на мексиканском берегу является рио Кончос, истоки которой питаются, на протяжении более 300 километров от севера к югу, восточным склоном большой сиерры Мадре, между штатами Сонора и Чигуагуа. С восточной сиерры Мадре изливаются рио Саладо, или «Соляная река», самое имя которой свидетельствует об её маловодьи, и рио Сан-Жуан, сливающаяся из многочисленных речек с прозрачною водою, которые орошают наиболее плодородные округи Коагуилы и Нуево-Леона. Одна из них, в южной оконечности бассейна, носит название Пуэнте-де-Диос; она падает с высоты 60 метров, в расщелину почвы, в 25 метрах ниже «Божьего моста», или естественной аркады.

Наносы рио Браво далеко отодвинули контур Мексики за нормальную линию берегов, но эти наносы не могли заполнить приречных лагун, и мексиканское побережье тянется в виде двойного пляжа—песчаных кос и твердого берега в собственном смысле. Удлиненные лагуны, составляющие продолжение лагун, окаймляющих берег Техаса на всём северо-западном контуре Мексиканского залива, тянутся параллельно морю, прерываемые только наносными холмами, которые образовали реки по обеим сторонам своего течения. Эти внутренния водные площади, общая длина которых около 300 километров, сообщаются с открытым морем посредством узких протоков, изменяющих свое русло в зависимости от бурь и дождей; более или менее соленый вкус воды меняется сообразно половодью притоков и вторжениям моря. Две небольших реки, рио Сан-Фернандо или дель-Тигре, и рио Сантандер или Марина, на-

1 Cuataparo;—M. Barcena;—„Boletin de la Sociedad de Geografia de Mexico“. 1875№ 7.

2 Santiago Ramirez, „Noticia historica de la riqueza minera de Mexico“.

3 Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographic et la Geologie du Mexique“.

зывавшаяся прежде рио де-лас-Пальмас, работают над заполнением своими наносами этих неглубоких лагун.

К югу от Марины и нескольких других прибрежных речек, две значительныя реки,

Хапультепекіе кипарисы.

Тамези и Пануко, разделенные прежде, соединяются в местности, усеянной лагунами и болотами, выше бара Тампико,—название, которое иногда дают этим двум соединенным потокам. Пануко, самая многоводная из обеих рек, берет свое начало к северу от «долины» Мек-

сико и даже получает часть своих вод через прорез Гуэгуэтока. Под названием Тулы или Монтезумы она описывает обширный полукруг к западу через горы Гидальго, затем принимает в себя различные речки, текущие из Кверетаро; одна из них, близ Жалпана, проходит в глубоких пещерах на протяжении более 3 километров; громадный свод называется, как и аркада в Новом Леоне,—Пуэнте-де-Диос, т.е. «Божий Мост»[1]: в галлереях, по которым протекает река, находили человеческие трупы, совершенно покрытые сталактитом. Другая из этих рек образует знаменитый водопад Регла, низвергающийся с высоты бреши, открытой через базальтовые столбы. Стены унизаны колоннами, по которым гирляндами вьются лианы; беловатая вода дробится на маленькие каскады между голубоватыми шестиугольниками скалы. Вместе, Тамези и Пануко уже почти совершенно засыпали цепи лагун, окаймлявших прибрежье; но на юге реки Тампико ещё сохраняется маленькое внутреннее море—лагуна Тамиагуа, защищаемая от вторжения вод узким валом пляжей. Эта песчаная плотина не похожа на большинство других стрелок, постепенно образованных движением волн перед береговыми бухтами: напротив, она выдвинулась в виде выпуклой пряжки в сорока километрах к западу от берега. Этот береговой выступ Кабо-Роксо, или «Красного Мыса», обязан своим происхождением, по всей вероятности, присутствию целого архипелага скал, служившего точкой опоры двум сходящимся пляжам. Другие береговые лагуны, тянущиеся по направлению к югу между песчаными стрелками и настоящим берегом, принимают в себя несколько многоводных рек, вытекающих из страны Гуакстеков.

Морской берег во многих местах покрыт дюнами, которые мало-по-малу поднялись над уровнем пляжей, питаемые их песками, и которые подвигаются внутрь страны, подгоняемые пассатным ветром. Так, город «Вилла-Рика де-ла-Вера-Круц», который Кортес основал близ Земпоалы, теперь засыпан горками движущихся песков. Было высказано предположение, что эти дюны появились после того, как при постройке крепости Сан-Жуан д'Улуа и городских стен, был срезан береговой риф, возвышавшийся на один или на два метра над поверхностью моря; но эта гипотеза не может быть верною, потому что дюны, ещё более высокие, чем дюны Вера-Круца, возвышаются во многих других местах побережья, между прочим, близ Альварадо: одна из них, находящаяся по близости Антон-Лизардо, достигает 80 метров. Для укрепления этих движущихся песков, утилизируют кактусы и различные другие растения с расстилающимися корнями, но хвойные породы, растущие на побережьях других областей Средней Америки, не произрастают на мексиканских берегах залива, по причине сильных северных ветров; деревья эти, мало отличающиеся от тех, которые прикрепили дюны Гаскони, не могли быть акклиматизированы на песках Вера-Круца[2].

Далее, по направлению к южной бухте Мексиканского залива, лиман реки Альварадо принимает в себя множество сходящихся рек, из которых главнейшие суть Папалоапам, или «река Бабочек», и Сан-Жуан. Они очень многоводны, благодаря обилию дождей, нагоняемых на северный склон гор Оаксаки пассатными ветрами. Другая река, Коацакоалькос, или «Змеиная», протекающая по другую сторону вулканического массива Тукстлы, и которую Грихальва открыл ещё до экспедиции Кортеса, есть, принимая во внимание её длину—355 километров,—одна из больших рек Мексики. Протекая по наносной равнине и по амфитеатру низких гор, составляющих северный склон Тегуантепекского перешейка, эта река, тем не менее, достигает в своем нижнем течении 700—800 метров ширины: большие суда, миновавшие бар, могут подняться вверх по течению на 39 километров, до самого Минатитлана, а барки проникают на 100 километров вверх от устья, до середины перешейка, именно до деревни Сучиль. Но в месте встречи морских вод с речными на дне возвышается опасный порог, на котором толщина водного слоя, всё та же, что была и во время экспедиции Кортеса, составляет, в среднем, $3^1/_2$—4 метра. Немало судов погибло в этом входе в реку, и эта опасность была главной причиной, заставившей оставить всякую мысль о прорытии канала с шлюзами через Техуантепкский перешеек.

1 J. M. Reyes, „Boletin de la Sociedad de Geografia“, 1881

2 J. O. Villagomez, „Annales del Ministerio de Fomento“, Mexico, 1887.

На противоположном берегу, реки, впадающие в Тихий океан, также загорожены при входе порогом. Большая лагуна Тилема, с разветвленными бассейнами, открывающаяся как раз на юг от самой узкой части перешейка и принимающая на себя многочисленные потоки, имеет на баре всего 2—3 метра воды, смотря по времени года, так что зачастую даже маленькия суденышки не могут перейти бар: одна из каравелл, которую приказал построить Кортес для исследования берегов Тихого океана, опрокинулась в этом месте. Устье рио Тегуантепек, которая впадает в океан западнее большой лагуны, бывает совершенно заперто песками впродолжении значительной части года, и суда должны бросать якорь в море,—либо на открытом рейде, справедливо прозванном «Вентоза», т.е. «Ветреным», либо близ опасных гранитных рифов Морро-де-Тегуантепек, либо, наконец, вдали от наносных земель перешейка, в бухте Салина-Круц, прежде плохо прикрытой, но в настоящее время уже защищенной волноразбивателем, и на берегу которой оканчивается железная дорога.

Мексиканский берег Тихого океана, окаймленный более высокими и более приближенными к берегу горами, имеет гораздо меньше пляжей и береговых валов, чем побережье Атлантического океана; тем не менее и здесь есть несколько прибрежных лагун, именно на запад от города Акапулко. Несколько выше этого места в море впадает одна из главных рек Мексики—рио Мекскала или де-лас-Бальсас, которая принимает в себя источники, спускающиеся с южного и даже с восточного склона вулканической цепи; главная её ветвь, река Апояк, протекающая близ Пуэблы, берет свое начало в Икстаксихуатле. Она питается растаявшими снегами, теплыми водами и, ниже, соляными источниками. Рио де-лас-Бальсас, или река «Паромов», как показывает самое название её, сколько-нибудь судоходна только в своем нижнем течении: небольшие суда могли бы плавать кое-где и выше бара, но на пути встречаются частые препятствия в виде порогов, водоворотов и даже высокого водопада: на протяжении 358 километров насчитывают не менее 226 водоворотов и опасных порогов[1]. Масса воды, изливаемая обоими устьями реки, вычислена Хуаном Медаль в 67 куб. метров в секунду[2]. Две реки, менее значительные, впадающие в Тихий океан, севернее предыдущей, рио Тукспам или Колима и рио Амекас, данницы бухты Бандерас, имеют средний расход воды, соответственно, в 28 и 20 куб. метров[3].

Рио Лерма или Сантьяго (у индейцев—Тололотлан) также принадлежит к «большим рекам», и прибрежные обитатели действительно прозвали её «Рио Гранде»; жители Мичоакана называют её также Квицео, по имени большого озера, находящагося в их стране. Эта река берет свое начало в самом центре Анагуакского плоскогорья, в штате Мексико; её первые воды, выходящие из подземных галлерей, текут с горы Невадо-де-Толука и спускаются в озеро Лерма, остаток древнего внутреннего моря, которое заполняло всю верхнюю долину Толука, севернее Невадо. По выходе из озера или, скорее, из болотного пруда, река Лерма протекает на высоте 2.608 метров над уровнем моря, и русло её, прорытое в плоскогорье, понижается весьма незначительно, извиваясь по направлению к северо-западу; в области этих высоких земель в неё вливается множество речек, вносящих массу воды; некоторые из них, как и сама Лерма, выходят из озер, рассеянных по долинам. Даже пройдя более половины своего пути, у города Ла-Барка, рио Лерма всё ещё течет на высоте более 1.700 метров над уровнем моря: здесь, на расстоянии 452 километров от истока, она вступает в большое озеро Чапала, близ восточной оконечности бассейна, но в двадцати километрах от места входа, на северном берегу озера открывается расселина, и воды изливаются чрез это отверстие, чтобы образовать нижнее течение реки.

Озеро Чапала, проходимое наискось водами Лермы, представляет самый большой озерный бассейн во всей Мексиканской территории. Однако, впадина, площадью в 1.530 кв. километров, наполняемая этим озером, не особенно глубока: в среднем толщина водного слоя

1 Robert Gorsuch;—Guido Cora, „Cosmos“, т. V, 1878-79.

2 „Memorias de las Sociedad Cientifica Antonio Alzate“, 1888.

3 Luis Martinez, „Informes y documentos relativos a Comercio“, julio, 1886.

равна 12 метрам[1], а углубления не превышают 33 метров[2]. Над его синими и прозрачными водами вздымается со всех сторон, особенно на юге и на востоке, амфитеатр гор, покрытых на нижних склонах роскошною растительностью,—большими деревьями и лианами. Берега озера Чапала представляют самые красивые ландшафты Мексики, но прежде они оставались почти неизвестными, так как, находясь в стороне от проезжих дорог, эти глухия места редко посещались туристами, в настоящее же время вдоль всего озера проходит железная дорога, и даже в одной из бухт этого внутреннего моря предполагали устроить морскую школу для жителей плоскогорья. Другие озера, рассеянные в котловинах гор, у западной оконечности бассейна Чапала, указывают, повидимому, на то, что некогда это озеро было более обширным и что его истечение совершалось на запад долиною реки, направляющейся к бухте Бандерас: даже проектировали вырыть канал через этот прежний проход. Как раз в том месте, где должно бы было изливаться выходное течение, потоки лавы спустились с соседних гор в доисторическую эпоху: это препятствие, без сомнения, остановило воды, заставив их разлиться в озеро или, по крайней мере, повысить свой уровень и затем искать выхода через менее высокую брешь скалистой ограды.

Рио Лерма действительно пересекает горы целым рядом ущелий, пробитых в эруптивных породах; судя по крайней неравномерности её течения, вся долина должна была образоваться в недавнюю геологическую эпоху: высокие водопады и пороги, продолжающиеся до самого впадения её в океан, превращают её русло в исполинскую лестницу с неровными ступенями. Эти ущелья начинаются одним из самых красивых водопадов Мексики, называемым Жуанакатлан, по имени деревни, построенной напротив него: низвергаясь с высоты 20 метров, этот водопад представляет громадную двигательную силу, равняющуюся 30.000 лошадиных сил, и можно опасаться, что соседство Гуадалахары в скором времени превратит этот водопад в резервуары и каналы на пользу заводской промышленности. Несмотря на обилие своего дебита, исчисляемого в 111 куб. метров в секунду[3], рио Лерма не судоходна, и во многих местах её можно перейти в брод. Её клюзы не дают прохода ни экипажам, ни пешеходам; пришлось проложить дороги и тропинки по кручам соседних гор. У города Сантъяго, где рио Гранде вырывается, наконец, из области гор и входит в приморскую равнину, она всё ещё протекает на высоте 44 метров над уровнем моря. Разветвленное устье реки открывается на севере залива Сан-Блас, напротив горной цепи Трес-Мариас, которая на северо-западе продолжает нормальную линию берега, как она обозначена направлением побережья к югу от мыса Корриентес. Наносы Лермы заполнили часть пространства, отделяющего материк от цепи Трес-Мариас: на юге и на севере берег отступил; низкие лагуны, защищенные от волн открытого моря песчаными стрелками, омывают настоящий берег у подошвы гор.

К северу от рио Лерма, все мексиканские реки, впадающие в Тихий океан, катят весьма малое количество воды, даже и реки с значительными бассейнами, как, например, рио дель-Фуерте, рио Яки и река Сонора, носящая одинаковое название с большим северо-западным штатом Мексики: вследствие редкости дождей, иссякают источники, оскудевают реки, которые, однако, берут свое начало очень далеко внутри плоскогорья, даже на восточном склоне Сиерры-Мадре, как, например, рио Яки. Многие реки, спускающиеся шумными водопадами с высот Сиерры-Мадре, не достигают моря и теряются в песках равнины; другие, в особенности на полуострове Калифорнии, содержат в себе воду лишь короткое время, и их каменистые русла служат единственными дорогами в стране: чтобы найти там воду, сочащуюся между камешками, вырывают глубокия ямы, известные в стране под названием *батаков*, *bataques*. Прежние лиманы превратились в солончаки. Рио Колорадо Соединенных Штатов, «Река с красною водою», принадлежащая Мексиканской территории только своим нижним течением, несет, как и сонорийские реки, весьма незначительный объем воды, сравнительно с громадным бассейном, для которого она служит истоком; однако, она судоходна на нес-

1 Lyon, „Mexico“.

2 Luis Velasco, „Informes y documentos relativos a Comercio“, octobre, 1887.

3 Luis Martinez, „Informes y documentos relativos a Comercio“, jolio, 1883.

колько сот километров за пределами общей границы.

Вся часть Мексики, заключающаяся между двумя сходящимися валами главных горных цепей, слишком бедна влагою, чтобы все ручьи могли соединяться в реки и изливаться в океан, через рио Браво или какую-либо другую реку: большая часть их, не будучи в силах перейти встретившиеся на равнине возвышения почвы, теряются в какой-нибудь плоской лагуне, которая увеличивается или уменьшается, смотря по времени года. Все соленоводные площади в Чигуагуа и в Коагуиле представляют собою этого рода сточные бассейны, где оканчивают свое существование ручьи, спускающиеся с гор. Такова, например, находящаяся близ границы Аризоны, большая лагуна Гусман, в которую изливается истощенная река Казас-Грандес, на меньшей высоте над уровнем моря, чем соседняя с нею река рио-дель-Норте[1]. Другие болотистые пространства, лагуны Санта-Мария и дос-Патос, или лагуна «Уток», совершенно такого же происхождения. Дно котловины Больсон-де-Мапими тоже занято непроточным водоемом—лагуною Тлахуалила; южнее, рио де-Назас, довольно многоводная в своих верхних долинах в сиерре Кандела, останавливается в лагуне дель-Муерто, или «Смерти», а рио Агванаваль не во всякое время года доходит даже до лагуны Паррас. В различных частях этих пустынных пространств бьют ключи, или, как их здесь называют, *Ojos*, «глаза»; это—или теплые, или холодные источники, которые почти все содержат в себе разные химические вещества; у большей части этих ключей, по краям отверстий, наростали мало-по-малу кремнистые и известковые осадочные слои, так что в некоторых местах образовались настоящие холмы. Фребель видел источник, бивший из пригорка не более десяти метров высоты, и этот пригорок был собственное осадочное образование самого источника; другие источники с равной температурой поддерживают своей влагой во всякое время года ковер яркой зелени на окружающих их пастбищах. В штате Сан-Луис, где плоскогорье уже разрезано горами на многочисленные малые бассейны, нет таких обширных лагун, как в северных штатах; но зато здесь насчитывают более сотни маленьких озер или, скорее, прудов, которые почти обратились в солончаки. Налеты различного состава, местами состоящие из селитры, но по большей части содержащие угле-кислый натр, на обширном протяжении покрывают равнины; в Мексике им дают общее название *тексеките*, перешедшее от ацтеков. Литейщики употребляют их для обработки серебряных и серебро-свинцовых руд.

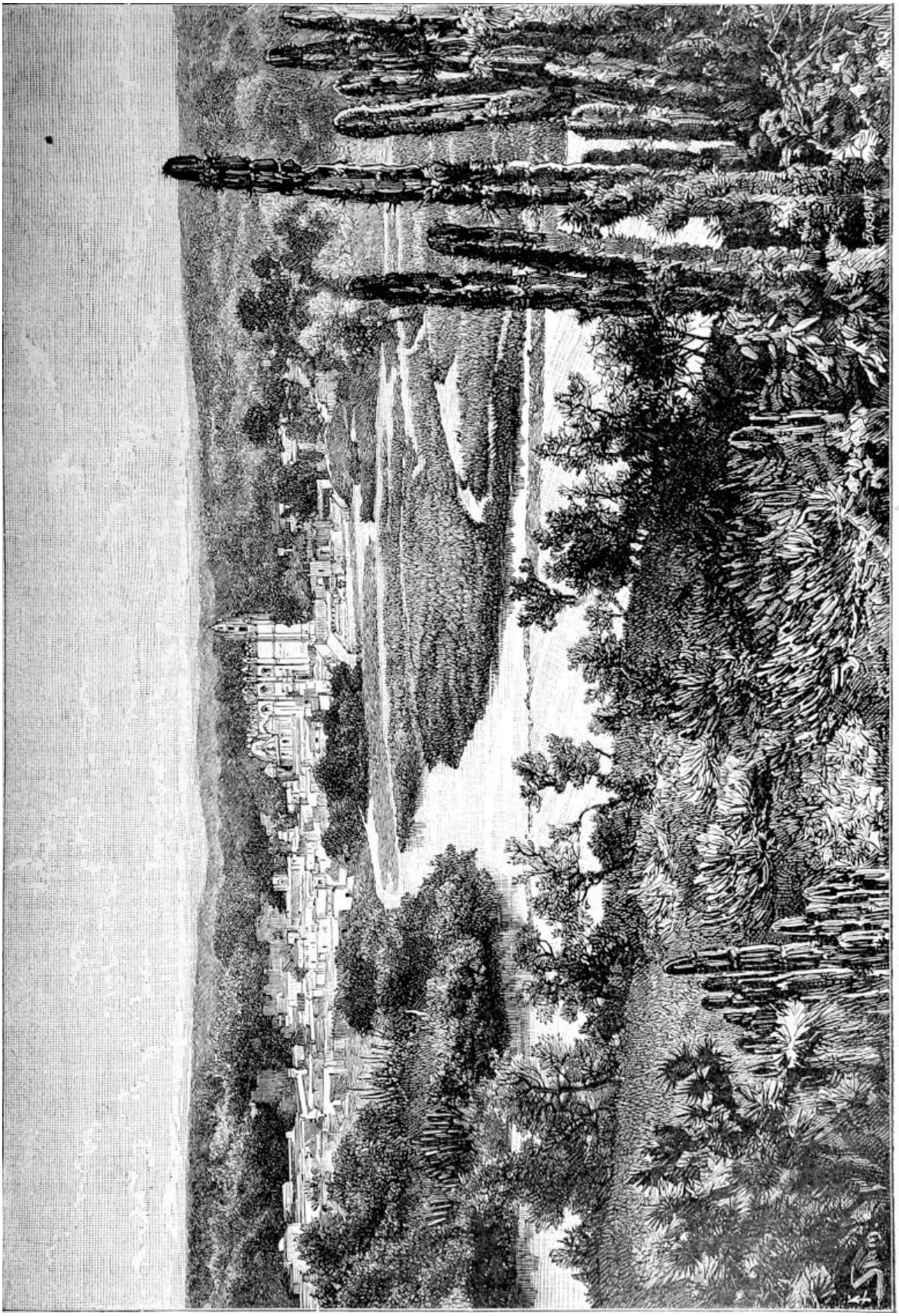
Долины краевой горной цепи на юге плоскогорья также заключают в себе замкнутые озера: таково озеро Пацкуаро, «Лаго Маджиоре» Мексики, бассейн, усеянный островами и окруженный со всех сторон горами, содержащий в себе слегка солоноватую, но все же годную для питья воду; таково же озеро Квицео,—глубокий резервуар, наводняемый рекою Морелия; его воды, очень соленые даже при половодьи, во время наводнения совершенно обеспложивают все приречные местности. В штате Гидальго, близ Апама, также есть озеро, которое принимает в себя ручейки окружающей равнины; кроме того, с восточной стороны массива Минераль-дель-Монте протекает река, теряющаяся в замкнутом озере Мекститлан, которое некогда сообщалось с бассейном Пануко посредством подземной галлереи, вырытой индейцами[2], но в 1885 году, как говорят, снова ушло в одну из расщелин почвы[3]. Но из всех замкнутых озер страны, самые замечательные те, которым плоскогорье Мексико обязано своим названием Анагуак (Аналь-хуатль), или «Между Вод», распространенному впоследствии на всю совокупность высоких земель. Эти озера или, вернее, неглубокие пруды расположены по направлению с юга на север на пространстве около 75 километров; но нельзя точно определить их поверхности, так как она изменяется по годам и по временам года; на картах, изданных в различное время, все эти озера показаны с различными контурами. Южные озера, Ксочимилко и Чалко, в сущности, составляют одно озеро, разделенное узкою плотиной на два бассейна. Благодаря обилию воды, получаемой ими с соседних гор, они почти сохранили свое прежнее очертание: канал, изливающий излишек воды, спускается на

1 J. Froebel, цитированное сочинение.

2 H. de Saussure, „Coup d'oeil sur l'Hydrologie du Mexique".

3 „Deutsche Rundschau fur Geographic", 1886.

север к городу Мексико с средним наклоном одного метра, направляя таким образом сток излишней воды в озеро Текскоко, занимающее дно прежнего бассейна разлива; средний уровень этой водной площади в полтора-два метра ниже уровня почвы, на которой стоит

Видъ города Тула.

столица. Северные озера, Сан-Кристобаль, Ксалтокан и Зумпанго, так же, как и южные, расположены на более высоком уровне, чем Мексико: во время разлития, когда ручейки равнины Пачуки сливаются в целые потоки, их воды, бегущие с севера на юг и из бассейна

в бассейн, могут грозить городу разрушением в том случае, если прорвутся плотины, устроенные ниже каждого резервуара.

На основании описаний, оставленных завоевателями Мексики, и сравнительных наблюдений, произведенных в различные эпохи, можно утверждать, что поверхность и вместимость озер Мексико не переставала уменьшаться в течение последних трех с половиною веков. В прежнее время столица была настоящим «озерным городом», и вся окружающая её равнина была покрыта водами: теперь же Мексико стоит на твердой земле, и его озера занимают не более одной трети «долины». Они утратили также и часть своей глубины. Дно бассейна Текскоко, куда ветры наносят с долины пыль, постепенно поднимается; при таких условиях, казалось бы, должен был возвыситься также и уровень поверхности озера, и воды могли бы разлиться по городу; но постоянные испарения поглощают воду в большей массе, чем она прибывает, так что глубина водоемов постоянно уменьшается. В 1804 году, во время посещения страны Гумбольдтом, глубина озера была от 3—5 метров; в 1885 в самых глубоких местах она не превышала 1 м. 80 сантим., а средняя толщина слоя воды равнялась всего 62 сантим. В 1881 году наибольшая глубина доходила до 45 сантим., а средняя была менее половины. В исключительные годы Текскоко, Сан-Кристобаль, Ксалтокан и Зумпанго совершенно высыхали. Эта озерная впадина давно бы уже опорожнилась, если бы пресные воды Чалко и Ксочимилко не изливались в этот соляной бассейн. По общему мнению, местный климат стал суше со времени завоевательной эпохи: обезлесение горных склонов и равнин повело за собою усиление ветров и испарений, тогда как дожди не давали соответствующего прибавления влаги; очень может быть, что выпадение её даже уменьшилось. В настоящее время вместимость озерных бассейнов «долины» крайне незначительна в сравнении с тем, какою она была в предшествовавший геологический период. Дно бывшего озера состоит из по-третичных остатков, песку, глины, пемзы, пепла, органических остатков, наложенных слоями такой значительной толщины, что бур, запущенный при прорытии артезианского колодца на 384 метра[1] в глубину, ещё далеко не просверлил их.

Площадь и относительная высота над уровнем моря и города озер «долины» Мексико в 1865 г. было следующая:

	кв. кил.	
Текскоко	239	0 м. 00, т.е. на 1 м. 91 ниже гор.
Чалко	114	3 м. 03, т.е. на 1 м. 17 выше
Ксочимилко	63	3 м. 13, т.е. на 1 м. 22 „
Сан Кристобаль	20	3 м. 47, т.е. на 1 м. 56 „
Ксалтокан	101	3 м. 59, т.е. на 1 м. 68 „
Зумпанго	26	6 м. 06, т.е. на 4 м. 15 „

В некоторых местах известковые слои озерной формации ещё давали возможность добираться до бьющих из земли вод на относительно небольшой глубине; но ниже опять шли наносные слои.

Химический состав вод озера Текскоко сам по себе служит признаком постепенного сосредоточивания водной массы в более и более узком бассейне. Озера Ксочимилко и Чалко представляют резервуары пресной воды, благодаря возобновлению их водной массы: с другой стороны долины, прочия небольшие озера также наполнены пресною водою, тогда как центральная водная площадь всегда имеет солоноватую воду, даже после сильных ливней, когда она разливается на громадное пространство. В среднем, озеро Текскоко содержит 7 тысячных солей, главным образом морской соли, углекислого натра и серно-кислого натра: если бы оно совершенно высохло, то почва покрылась бы текескитом, как это и есть во многих местах плоскогорья, там, где простирались прежния озера, теперь уже исчезнувшие. На берегах озера Текскоко построен завод, который утилизирует воды озера для фабрикации химических продуктов.

В отдаленную геологическую эпоху, когда котловина Мексико была всецело заполнена

1 Gamgee и пр... „Report of the Britisch Association“, 1880.

пресными водами, эти последние изливались на севере через брешь в горах в реку Тула или Монтезума, приток реки Пануко. Но, в исторический период, когда на одном из островов центрального озера выстроился город на более низком уровне, чем многие отдельные бассейны, составлявшие часть прежнего озера, явилась необходимость охранить жилища и другие здания против половодья и смерчей, которые могли бы направить вышедшие из берегов воды в низменную часть впадины. По этому, ацтекские общины устроили громадные плотины для ограждения города; ещё и теперь остались некоторые следы этих плотин вдоль западного берега озера Текскоко, близ городов Икстапалапа и Гвадалупе. Но эти плотины уступили напору вод, и во время испанского господства город в начале подвергался всем опасностям наводнений; в начале семнадцатого столетия положение сделалось настолько опасным, что решили соорудить подземную галлерею через порог, задерживавший на севере разлитие вод. Вице-король собрал целую армию индейцев, чтобы закончить работу в течение одной зимы, т.е. в промежуток времени от конца ноября 1607 до половины мая 1608 г.[1]. Туннель, под названием Гуегуетока, или Нечистонго, имел 8.279 метров длины и находился на средней высоте трех с половиною метров; но он не был обложен сводом, и земля обвалилась. Проход был совершенно закрыт в 1629 году; тогда над городом разразился настоящий потоп: улицы были покрыты водою на 4 метра высоты; от дома до дома сообщались на лодках, и прошло целых 5 лет, прежде чем город Мексико снова очутился на твердой земле. Пришлось начать работу съизнова, которая, к несчастью, происходила без всякого определенного плана; самые проекты были крайне противоречивы: то предполагали устроить подземные галлереи на том или другом месте, то просто выкопать рвы под открытым небом. Эта последняя система одержала верх, и в 1789 году, после ста восьмидесяти двух лет усилий, колоссальная работа была наконец выполнена.

Во многих местах эти рвы, прорытые между двумя высокими стенами, имеют вид больших выемок в полотне наших железных дорог; на протяжении 800 метров, высота откосов, разрезанных дождями в виде обелисков и шпилей, превышает 50 метр., а отверстие траншей имеет более, 100 метр. ширины. Река Куаутитлант, доставлявшая озеру Зумпанго массу воды около 11-ти куб. метр. в секунду, была отведена в этот осушительный канал, или *desague*, а также к этому же проходу изливался излишек северных озер во время периода дождей. Но рассыпчатая земля рва часто обваливалась, и русло наполнялось грязью и комьями земли; работу постоянно приходилось начинать съизнова, а во время революционных войн её совершенно оставили. В 1866 году, вследствие ужасного наводнения, гнавшего в канал от 30—32 куб. м. воды в секунду и грозившего разрушением плотин и вторжением всех северных озер в столицу, начали рыть новый канал-туннель для отвода воды не только северных озер, но и озера Текскоко, расположенного в самой глубине озерной впадины; но едва успели начать копанье этого канала длиной почти в 10 километров, для отвода воды под гору Теквисквиак, как работы остановились на целых двенадцать лет; возобновились они, да и то очень медленно[2], только в 1881 г., и туннель был окончен лишь в 1894 г. Что касается до проекта Пумареда, состоявшего в том, чтобы устроить сифон между озером Зумпанго и долиною Тулы, то он был одобрен, но не приведен в исполнение[3]. Впрочем, местные специалисты инженеры, географы, медики, гигиенисты, далеко не были согласны между собою по вопросу об осушении страны. По мнению Л. де-Белина, дело вовсе не в дренаже «долины», а, напротив того, в увеличении её влажности. Сухая, пыльная, голая равнина Мексико грозит скоро превратиться в пустыню, если все текучия воды, при выходе из высоких долин, не будут обращены для орошения, и если не займутся облесением горных склонов, что поведет к поправлению климата и урегулированию ежегодных колебаний уровня озерной поверхности[4].

1 „Boletin de la Sociedad de Geografia y de Estadistica“, том IX, 1869.
2 Carlos Pacheco, „Memoria presentada al congreso de la Union“, 1887 г.
3 Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en Mexico“.
4 „Boletin de la Sociedad de Geografia y de Estadistica“, 1880, 1882.

Общий климат Мексики—один из тех, которые представляют величайшие контрасты на относительно небольшом пространстве: высота почвы, расположение горных склонов, сила и направление ветров, количество выпадающих дождей видоизменяют нормальный климат, определяемый широтою. Но, всё-таки, в Мексике есть области, где климат однообразен на больших протяжениях. Так, в северной части территории, пограничной с англо-американскими Штатами, есть обширные равнины, отдаленные от океана, где дневной и летний зной правильно сменяет ночной и зимний холод; климат крайностей тепла и холода, господствующий на американском дальнем Западе, распространяется и на все эти плоскогорья, характеризуемые специальною растительностью—кактусами и хвойными деревьями,—составляющею особый пояс, носящий на себе характер обеих флор. С другой стороны, узкая часть Мексики на Техуантепекском перешейке принадлежит всецело к тропическому влажному поясу, включая сюда даже горы, разделяющие оба склона. Климатические контрасты, порождаемые гористым рельефом, выражаются резко только в северной части Мексики, на Анагуакском плоскогорье и на двух океанических покатостях. Дорога из Вера-Круца в Акапулко, идущая между горными цепями, представляет собою классическую дорогу, на которой можно наблюдать эти резкия противоположности климата.

Нижний пояса, поморья обнимает как болота и бесплодные пески побережья, так и хорошо орошаемые равнины и первые скаты гор, покрытые густолиственными деревьями, перевитыми фестонами лиан и увенчанными стрелками пальм: это—«*tierra caliente*», т.е. «жаркая земля» или тропическая, где средняя температура превышает 23° Ц. Действительно, некоторые местности Мексиканского побережья считаются самыми жаркими на всём земном шаре: такова, например, гавань де-Ла-Пац, которой Калифорния обязана своим названием «Жаркой печи», данным ей Кортесом[1]. Выше береговых поясов, из которых один обращен к Атлантическому, а другой к Тихому океану, идут «tierras templadas», т.е. «умеренные земли»; в среднем, они лежат на высоте между 1.000 и 2.000 метров над уровнем моря, при чём в Южной Мексике выше, чем в северных штатах. Эти районы соответствуют юго-западной Европе, если не по климату, потому-что там не бывает зимы, то по средней температуре, по своим произведениям и по здоровости для людей белой расы. Наконец, плоскогорье составляет *tierras frais*, т.е. «холодные земли»; нижняя часть их, занятая хлебными полями, может считаться самою населенною частью республики, тогда как выше, по направлению к вершинам, из которых некоторые сплошь покрыты или только окаймлены снегом, климат слишком суров как для произрастания деревьев, так и для человека: иногда этим высоким местностям дают название *tierras heladas* или «морозные земли». Во многих местах, под влиянием особых условий, различные поясы растительности непосредственно прилегают один к другому, без переходных форм: с высоты иного мыса, где произрастают только растения европейских видов, видишь у себя под ногами пальмовые рощи и банановые чащи; с вершины больших вулканов можно наблюдать даже флору лежащих один над другим поясов. Благодаря быстроте, которую удобства перемещения дают человеку, теперь можно в течение одного дня перебывать в трех различных поясах, которые в других странах разделены между собою пространствами в несколько тысяч километров.

Но если в некоторых исключительных местах поясы резко разграничены, то почти во всех других они сливаются один с другим последовательными переходами. Причисление того или другого района к тому или иному поясу делается лишь в самых общих чертах, и линия раздела представляет большие изгибы на окружности гор; образовался пояс взаимного проникновения вследствие тысячи явлений температуры, влияния ветров и жизненной конкурренции между различными видами флоры; встречаются долины и крутизны, которые, по свой растительности, составляют как-бы чересполосицы «теплых земель», врезавшиеся в самую середину «умеренных земель». В своей совокупности Мексиканская территория, которую тропическая линия пересекает почти по самой середине, на севере от городов Мацатлана, Закатекаса и Тампико, может считаться теплою страною. Принимая среднюю высоту

1 Jules Marcou, упомянутое сочинение.

страны в 1.100 метров[1], средняя температура этих широт около $15^1/_2^\circ$, т.е. равна средней температуре Ниццы и Перпиньяна в южной Франции и гораздо ниже температуры тех стран Африки, которые расположены на одинаковой широте, именно в Сахаре и в Нубии: можно сказать, что Анагуакское плоскогорье представляет умеренную страну, висящую над тропическим поясом. Оно соответствует «умеренным и холодным землям» Эфиопии, которые также возвышаются над «жаркими землями» Массовы и Данакиля; но, хотя Абиссинскому плоскогорью и благоприятствует климат, оно, однако, значительно уступает Мексиканскому плоскогорью по выгодам географического положения и доступности. Река, перерезанная порогами, знойное море с его песчаными и скалистыми берегами, трудно проходимые тропинки, проложенные по пустыне или болоту,—вот пути, по которым надо достигать подошвы высокой абиссинской цитадели, расположенной в стороне от больших торговых дорог: Мексика, напротив того, занимает центральное положение между двумя океанами и обеими Америками, и на её территории стараются открыть один из главных путей для кругосветного путешествия; Антильское море, одно из самых безопасных внутренних морей, омывает восточные берега Мексики, а с другой стороны разливаются воды Тихого океана, которым некогда дали в этой области название «Дамского моря», не всегда, впрочем, оправдываемое, так как не во всякое время года рука женщины в состоянии там управиться с рулем.

По своей широте Мексика находится в поясе пассатных ветров. Правильное атмосферическое течение действительно дует с северо-востока на юго-запад, или с востока на запад на мексиканских берегах залива и на склонах гор; но большие неровности в рельефе и в очертаниях часто изменяют естественное направление воздушных течений. Северные ветры, *nortes*, дующие на берегах Мексиканского залива, особенно с октября до марта, и которых не без основания боятся моряки, направляющиеся в Тампико или Вера-Круц, суть не что иное, как пассаты, отклонившиеся от своего естественного пути: тепловой фокус, представляемый низменностями Юкатана, расстилающимися на юго-востоке залива, привлекает к югу всю систему ветров. Соединяясь с холодным течением воздуха, спускающимся с севера по долине Миссисипи, воздушные массы пассата проносятся бурею вдоль берегов и вздымают волны; иногда это явление продолжается несколько дней, даже целую неделю, подвергая большой опасности суда, находящиеся вблизи берегов, вне всякого прикрытия. Буйность *норта* ощутительна только на море и на побережье; он дует также и на плоскогорьях, но там он менее опасен, и сила его совершенно теряется на покатости Тихого океана. Берега этого океана также имеют свои особые атмосферические течения, определяемые ориентировкой побережья, высотой и формой гор: летом, в неопределенное время, высохшие и раскаленные плато притягивают воздушные массы из экваториальных стран, и резкие ветры, проносящиеся вдоль берегов Колумбии и Центральной Америки, по крайней мере раз в год разражаются со всею силою на территории Мексики. Иногда они представляют собою настоящие циклоны, «пробегающие в несколько часов всю розу ветров». В 1839 году, один из таких циклонов потопил двенадцать судов в гавани Мацатлана; в 1881 году, другой циклон разрушил Манзанилльо, гавань Колимы. Эти южные и юго-восточные бури, или «кордонасы», обязанные миссионерам своим странным названием,—*cordonazo de San Francisco*—«бичевание св. Франциска»—обыкновенно не проникают внутрь страны; тем не менее Арио, город Мичоакана, расположенный у закраины высоких земель Центральной Мексики, совершенно основательно получил свое название, означающее на языке тарасков «Бурный». Что же касается до правильных течений воздуха с западной стороны, то они выражаются северо-восточными пассатами, называемыми *papagayes*, которые проносятся по континентальной части Мексики, и юго-западными муссонами, т.е. пассатами южного полушария, которые устремляются к северу от экватора, отклоняясь таким образом от своего первоначального течения. Направления местных ветров главным образом определяются ориентировкой долин, по которым они проносятся: их течение заранее регулируется формою того ложа, которое их воспринимает.

1 Ch. Perron, „Подробный разсчет по известным высотам“.

Количество выпадающей атмосферной влаги распределяется крайне неравномерно, вследствие контрастов рельефа, разности температур и неправильности ветров. В среднем, падение дождей регулируется временами года. В половине мая, когда солнце, переступив экватор, находится в зените стран северного полушария, начинают выпадать дожди; облака, составляющие кортеж солнца в его движении по эклиптике, разражаются частыми ливнями, по крайней мере на склонах, обращенных к морю. Наступление урагана обыкновенно предвещается огромной черной тучей, надвигающеюся с моря «в виде громадного торса, с отрубленными наполовину членами»: это *Gigantou*, «Гигант», который быстро заволакивает все небо[1]. После полудня тучи разрываются, сверкая молнией и грохоча громом: ацтеки видели в этом проявление божества *Тепейолотла*, или «Сердца Горы», голос которого отдавался продолжительным эхом в скалах[2]. За внезапными ливнями следует продолжительный дождь, идущий обыкновенно весь вечер до самой ночи; затем небо проясняется, и путешественники безбоязненно могут продолжать путь, прерванный грозою: на заре ветры быстро высушивают почву.

На Мексиканском плоскогорье тропические дожди, приносимые северо-восточными ветрами, идут правильно только в течение четырех месяцев: июня, июля, августа и сентября, продолжаясь обыкновенно менее часа; в перемежку с этими дождями следуют несколько ясных дней, иногда даже целые недели засухи, что случается в особенности в июле и в августе, когда наступает «весна св. Анны». В октябре совершенно прекращаются дожди, и начинается зима, но эта зима представляет некоторые характерные черты европейского лета: поэтому ей дают название *estio*, «лето», или *tiempo de secas*, т.е. «сезон засухи». Деревья лишаются своей листвы, но не вследствие холода, а по недостатку влаги в почве, и поля тогда имеют зимний вид; но и горы также принимают зимнюю физиономию: они белеют снегом до высоты 3.000 и даже 3.800 метров над уровнем моря; в исключительные годы можно было видеть даже сплошную белую пелену, которая расстилалась по седловине Ахуалко (3.238 метров), от Попокатепетля до Икстаксихуатля; в Мексико, даже в Морелии, на высоте 1.940 метров, выпадали хлопья снега[3]. Легкие дожди совпадают с выпадением снега на больших вершинах цепи вулканов: когда солнце находится над южным тропиком, пояс туч, нагоняемый на юг пассатными ветрами, приносит с собою малый период дождей; тогда деревья вновь зацветают, жизнь возрождается и поддерживается во время нового периода засухи, до резкого вторжения дождливого сезона, начинающего собою новый цикл года.

Впрочем, неправильности очень многочисленны, вследствие разнообразия рельефов и экспозиций; нередко две соседния местности имеют дождевой режим совершенно различный. В некоторых областях, именно в умеренном поясе Жалапы и Оризабы, на высоте от 500 до 2.500 м. над уровнем моря, пары, приносимые северными ветрами, сгущаются в туманы, которые расстилаются по земле и разрешаются мелким, но упорным дождем: это *chipi-chipi*, ожидаемый с нетерпением туземцами, для которых этот туман является существенным условием благоденствия, *la salud del pueblo*[4]; в это время обыкновенно по целой неделе не видят солнца. В среднем, дожди обильнее выпадают в южной части территории, там, где оба моря вдаются заливами один против другого, и где солнце проходит два раза через зенит земли: там среднее годовое выпадение дождевой воды равняется 2—3 метрам. Количество падающей из воздуха воды постепенно уменьшается по направлению к северу, за пределами тропика Рака: так, в Соноре дожди начинаются только в июле и часто прерываются в нормальное время года. Области Северной Мексики, в особенности в пространстве, ограничиваемом двумя господствующими сиеррами, имеют очень сухой климат; дожди задерживаются здесь морским склоном гор. На этих возвышенных плоскогорьях, где сухость доходит до крайности, очень часто наблюдается возникновение ярких искр между соприкасающимися

1 Lucien Biart, „La Terre Cbaude“.
2 Adolf Bastian, „Die Culturlander des alten Ameica“.
3 Humboldt;—Jourdanet;—H. de Saussure и пр.
4 Lucien Biart, рукописные заметки.

между собою предметами. Иногда слышится даже нечто вроде продолжительного треска, исходящего из всех выступов скалистой почвы[1].

В общем климат Мексики, если не из самых здоровых, то во всяком случае один из самых приятных во всём свете. Пояс «умеренных земель», на обоих склонах Атлантического и Тихого океанов, пользуется «вечною весною»; здесь вовсе не знают сильных холодов, а летния жары совсем нельзя назвать невыносимыми: в каждой долине протекает ручей, каждое жилище окружено густою растительностью, в которой европейская флора перемешивается с африканскою. Всякий путешественник, пробывший некоторое время в какой-либо долине, говорит, что она «прекраснейшая в целом мире», что нигде горы, со своими снежными или курящимися вершинами, не возвышаются так величественно над морем зелени, испещренной цветами. В этих чудных местностях найдется ещё приют для миллионов и миллионов людей.

Метеорологический режим некоторых станций Мексики, распределенных по направлению от севера к югу:

СТАНЦИИ	Широта	Высота	Температура			Количество дождя
			Самая высокая	Самая низкая	Средняя	
Монтерей (1888 г.)	25°40'	496 м.	33°,2	11°,7	21°	3 м. 413
Салтилльо (1888 г.)	25°25'	1553 м.	33°,6	—2°,5	16°,1	0 м. 637
Мацатлан (6 лет)	23°11'	76 м.	34°,7	9°,5	24°,3	0 м. 967
Закатекас (1888 г.)	22°47'	2452 м.	30°,2	—4°,	14°,3	0 м. 455
Сан-Луи-Потози (2 года)	22°05'	1890 м.	33°,9	1°,7	16°,9	0 м. 398
Леон (1888 г.)	21°07'	1799 м.	34°	2° 3	18°,9	0 м. 870
Тукспам (1879 г.)	21°03'	10 м.	?	?	24°,6	1 м. 593
Гуанахуато (1888 г.)	21°01'	2031 м.	31°,1	1°,2	17°.6	0 м. 819
Гуадалахара (6 лет)	20°41'	1569 м.	35°	—5°	22°	0 м. 836
Пацкуаро (1888 г.)	19°27'	2174 м.	?	?	16°,1	1 м. 110
Мексико (12 лет)	19°26'	2246 м.	31°,66	2°,22	15°,5	0 м. 742
Колима (15 лет)	19°12'	504 м.	?	?	25°,8	1 м. 062
Пуэбла (2 года)	19°	2155 м.	34°,7	—0°,7	15°,8	0 м. 985
Куернавака (1879 г.)	18°56'	1550 м.	30°,5	11,3	29°,9	1 м. 305
Оаксака (1879 г.)	17°03'	1546 м.	?	?	19°,2	0 м. 951

Флора Мексики служит, так сказать, живым олицетворением её климата, потому-что растения развиваются, или отказываются жить, смотря по условиям температуры, влажности, местоположения: при взгляде на растительность, ботаник тотчас же узнает, силен ли зной и значителен ли холод, или напротив, термометрические колебания весьма незначительны, выпадает ли в изобилии дождевая вода или влажность рассеивается в виде паров, выделяемых почвою. В этом отношении Мексика представляет большие контрасты: мы видим здесь пустыни, саванны, кустарниковые чащи, дремучие леса, занявшие громадные сплошные пространства.

На севере Мексики, горные породы Чигуагуа и соседних областей, где дожди выпадают очень редко, имеют весьма скудную флору, состоящую из сероватых растений, колючих, с толстыми жесткими листьями: вид почвы слабо изменяется от покрывающей её растительности. Но всё же весною и эти бесплодные местности вдруг разукрашиваются пестрыми цветами; мезкитовые кустарники покрываются желтенькими букетиками; стрелки белых колокольчиков вылезают из коронок юкки; между камешками горят алые венчики мамиллярий. В Европе есть луга, более ласкающие взор, благодаря, своей густой, зеленой траве, но нет лугов, более блестящих. Но этот «сезон цветов» проходит очень быстро, и природа снова принимает свой угрюмый вид. Впрочем, кое-где попадаются чащи колючего хворостянника, сверкающие нежною зеленью. Преобладающими видами мексиканской флоры являются мезкиты (algarrobia glandulosa); в большинстве случаев они резко отличаются от мезкитов, произростающих в Соединенных Штатах, но, как и те виды, они выделяют особый сок, похожий на аравийскую камедь. В Новой Мексике мезкиты растут в виде кустарников, ветви

1 H. de Saussure, „Hydrologie du Mexique“.

которых идут прямо от корней; в Южном Техасе они принимают форму деревцов, наконец, на территории Мексики, именно в Соноре, они становятся настоящими деревьями, образуя местами тенистые рощи[1]. В других местностях, именно на западных склонах Сиерры-Мадре, в штатах Чигуагуэ, Сонора и Синалоа, преобладают дубы, отчего и произошло название *encinal*, т.е. «дубняки», которым в этих местах называют обширные лесные пространства. Северо-мексиканцы называют кустарниковые поросли также словом *chaparral*, которое, собственно говоря, должно бы было применяться только к рощам «красных дубов». Это—термин, аналогичный слову «garrigue», которым пользуются в восточном Лангедоке; на обыкновенном языке всякий maquis есть chaparral, даже и там, где произростают мезкиты и большие кактусы.

Если не считать растущих на берегу ручьев тенистых тополей и ив, то можно сказать, что некоторые северные области Мексики не имеют другой лесной флоры, кроме кактусов. Самые замечательные из них—*pitahayas*, которые высятся в виде желобчатых колонн, усаженных шипами; ветви этого дерева отделяются от ствола под прямым углом и растут вверх параллельно ему, образуя громадные канделябры, из которых некоторые имеют до 10 метров и более в вышину: путешественник Ксантус видел в Нижней Калифорнии, по близости Тодос-Сантоса, питагагию вышиной в 19 метр.[2]. Кроме того, сотнями насчитывают другие виды кактусов, которые могут бороться против засухи, благодаря большому запасу сока, содержащагося в их толстых листьях, а также против посягательств животных и людей, благодаря своим колючим шипам. Между этими странными растениями есть такия, которые издали можно принять за глыбы зеленоватого камня: это колючие кактусы, почти безформенные массы, вооруженные громадными шипами. В некоторых местах почва покрыта, словно настоящею зеленою травою, мелкими агавами, за которыми мексиканцы оставили их прежнее нахуатльское название *ixtle* или *ixtli*. Во внутренних штатах Сан-Луи-Потози, Закатекас, Дуранго, Агуас-Калиентес и даже на холодном плато произрастают преимущественно крупные виды агав, волокна которых употребляют на пряжу грубых тканей, а сок—для приготовления водки и других национальных напитков. Во многих округах общая физиономия ландшафта получается от полей агав с огромными листьями и от изгородей из других видов кактуса, *organos* (cactus hexagonus), названных так потому, что они походят на органные трубы.

Три последовательных пояса, начиная от основания гор до «долин» плоскогорий, характеризуются особыми видами растений, и растительность их резко разнится общим видом. Прибрежные местности в «теплых землях» имеют обширные саванны, поросшие густою травою, великолепные чащи пальм и смоковниц, «растущих одна в другой», и все антильские деревья, славящиеся своими цветами или плодами, качеством дерева, коры или запаха. Выше начинаются великолепные леса, где тропическая растительность перемешивается с европейскою; это—область кофейного, апельсинных деревьев, бананов, и откуда мексиканцы преимущественно получают свои главные пищевые продукты: маис, бобы, индейский перец. Холодный пояс доставляет пшеницу,—продукт, гораздо менее важный для питания туземцев. Из деревьев на плоскогорьях преобладают дуб и сосна, первый на высоте 1.600—2.500 метров, вторая—на высоте 2.300—3.400 метров; на большей части высоких вершин шишконосные деревья достигают высоты 4.000 метров над уровнем моря[3]; это последние древесные растения, произрастающие на боках гор; дальше следуют только невысокие травы, покрывающие почву до нижнего предела снеговой линии. Вследствие проникновения растительных областей, наблюдаемого между поясами различной температуры, сосны высот овладели всем умеренным районом и спускаются даже ниже 1.080 метров; они попадаются ещё на высоте 600 метров по склонам вулкана Хорульо. Тот же вид (pinus oocarpa) встречается в Никарагуа и на Антильских островах, по берегу моря, смешиваясь с пальмами и с

1 Froebel, „Seven Years in Central America“.

2 „Mittheillungen von Petermann“, 1861 г, тетрадь IV.

3 H. de Saussure;—A. Dollfus и D. de Mont Serrat.

другими тропическими растениями[1]. Господствующие древесные породы представлены большим числом форм: на склонах большого массива Оризабы насчитывают около 75 видов дуба[2]. Ahuehuetes, или «кипарисы» Чапултенека, Атлиско, Оаксаки, принадлежащие к тому же виду, как и кипарисы Луизианы (taxodium distichum), достигают громадных размеров. Гумбольдт причисляет их к гигантам растительного мира. Ясени также принимают здесь такие огромные размеры, о которых в Европе не имеют понятия; они образуют вокруг городов несравненные по своей грандиозности бульвары.

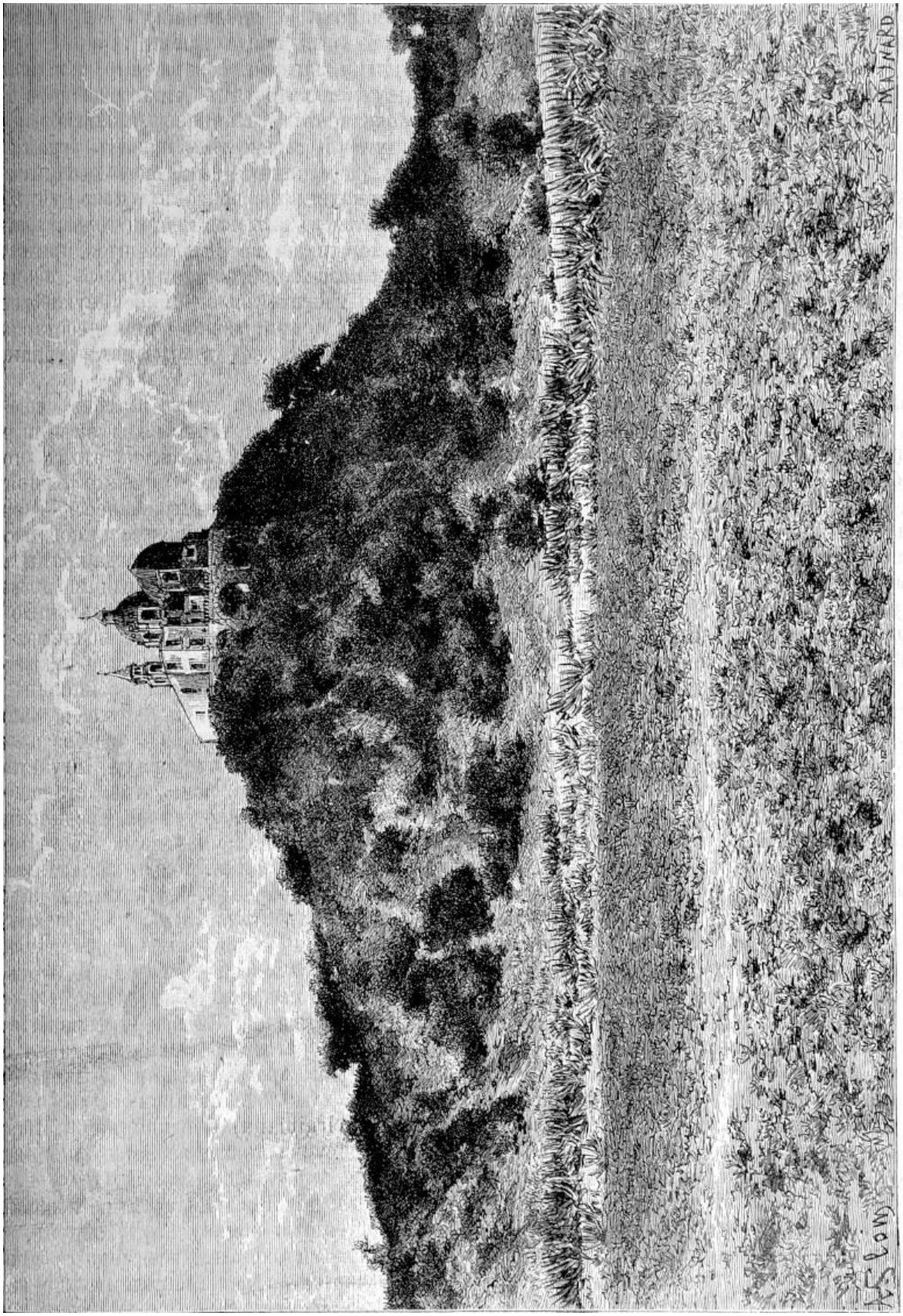
Мексика, столь богатая своею флорою, дала немало видов растительности и Европе: оттуда мы получили шоколад, за которым так и осталось его ацтекское название; акриды, сохранившие на испанском языке свое мексиканское название какахуат (tlacacahuatl); ананасы[3], драгоценный картофель; томаты, *tomatl* индейцев, которые их сажали на маисовых полях[4]. Табак, распространенный по всей Европе, также принадлежит к мексиканским растениям. Агавы и различные виды кактусов вывезены из Анагуака, точно так же, как ялаппа, сассапарель и другие лекарственные растения, разные пахучия растения, камедь и резина. Цветники, оранжереи и фруктовые сады Старого Света постоянно подновляются различными видами привозимых из Мексики растений; один только натуралист, Пойе, вывез из Халапы во Францию до шестидесяти различных видов плодовых и декоративных деревьев. С другой стороны, нет такого вида иностранных растений, который не мог бы акклиматизироваться в громадном ботаническом саду, образуемом последовательными террасами, заключающимися между Вера-Круцом и Мексико, между Мацатланом и Гвадалахарою. Банан, название которого санскритского происхождения, и который ни на одном из языков Америки не имеет древнего названия, по всей вероятности, принадлежит Старому Свету и завезен в Америку с Канарских островов и Гаити[5]. Пшеница была завезена сюда одним негром, рабом Кортеса. Бернард Диац рассказывает в своей книге «Завоевание Новой Испании», как сам он посадил семь или восемь зернышек апельсина, которые дали ему великолепные апельсинные деревья, «первыя» в Мексике. Завоеватели распространили там также и виноград: вообще нет ни одной отрасли промышленности, основанной на утилизации дерева и его продуктов, которая не могла бы быть введена в Анагуаке.

В эпоху сравнительно новую, в третичные и по-третичные века, мексиканская фауна заключала в себе несколько видов очень больших четвероногих, подобных тем, какия населяли Старый Свет. Уже Бернард Диац видел «кости гигантов», которые он приписывал прародителям ацтеков, и таким находкам некоторые местности Мексики обязаны своими названиями *cerro*, *loma* или *llano del Gigante*. Эти кости, употреблявшиеся с незапамятных времен в туземной фармакопее и действительно, благодаря заключающейся в них фосфорнокислой извести, помогающие во многих болезнях, большею частью принадлежат мастодонтам, носорогам, слонам, оленям и лошадям; под холмом Текvисквиак, к северу от Мексико, открыли также новый вид исполинского броненосца, которому дали название *glyptodon clavipes*.

Нынешняя фауна Мексики, также как и её флора, принадлежит к северо-американской площади по области плоскогорий, к антильской площади—по прибрежью Мексиканского залива, тогда как на берегах Тихого океана переход от калифорнийской фауны к южно-американской совершается постепенно. Относительно наземных животных, общая физиономия фауны связывает Мексику с Северными Соединенными Штатами, тогда как относительно морских форм происходило обратное движение: в Мексиканском заливе, до Тамаулипаса и Техаса, и на берегах Великого океана, до Соноры и Нижней Калифорнии, преобладающие виды животных пришли из Южной Америки[6]. Между двумя океанами почти все животные

1 J. O. Villagomez, „Anales del Ministerio del Fomento“. Mexico 1887.
2 Hugo Fink, „La Naturaleza“, 1875, № 12
3 Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale“.
4 Bernard Diaz, цитиров. сочинение.
5 Clavigero;—Belt, „The Naturalist in Nicaragua“;—Otto Stoll, „Guatemala“.
6 Milne-Edwards, „Faune de l'Amerique Centrale et du Mexique“.

виды разнятся; несмотря на малое расстояние между берегами Атлантического и Тихого океанов, пляжи того и другого усеяны различными раковинами. Но в направлении с севера на юг, общая физиономия фауны изменяется медленно; внезапные и резкие контрасты на-

Холулальская искусственная пирамида.

блюдаются только на различных высотах над уровнем моря, от теплого пояса к умеренному и от умеренного к холодному.

В нижнем поясе, где температура наиболее высокая и где воздух наиболее насыщен па-

рами, фауна представлена наибольшим числом родов и видов; при том и люди живут там менее плотными группами, чем в умеренном поясе, а следовательно и дело истребления животных там менее подвинулось вперед. В тропических лесах водятся три породы обезьян; по ветвям вешаются вампиры; с цветка на цветок перепархивают колибри, которых древние мексиканцы называли «солнечными лучами»[1]: в каждом городе есть своя уличная полиция коршунов стервятников (cathartes atratus) или zopilotes, а в деревнях царствует королевский гриф (sarcoramphus papa), перед которым почтительно расступаются все другие грифы, как только он опустится на намеченную падаль[2]. В лесах укрываются сильные хищники, пумы, кугуары и тигрокоты, а также самый большой из мексиканских непарнокопытных—тапир. Во всех водах морского побережья живут черепахи—эмиды, а в береговых местностях, заливаемых водою, в особенности у устьев больших рек, встречаются крокодилы; гекко, василиски и игуаны предпочитают также пляжи и прибрежные леса. Змеи, как безвредные, так и ядовитые, встречаются во множестве только в землях нижнего пояса, где также кишмя-кишат лягушкообразные: там находят большинство многочисленных видов жаб и саламандр, характеризующих мексиканскую фауну. Что касается рыб, живущих в лиманах и впадающих в них реках то они представлены крайне разнообразными видами, совершенно различными на двух покатостях Атлантического и Тихого океанов[3]. Наконец, болотистые прерии (луга) и сырые леса кишат тучами москитов. Измученные быки спасаются от своих неумолимых врагов только тем, что зарываются в ил, выставив только кончик своей морды, на которую садится прелестная птичка, называемая «командором», очень лакомая до москитов: огромное неуклюжее четвероногое и грациозная птичка составляют оборонительный союз против страшных насекомых[4].

Умеренные земли также имеют свою особенную фауну. Некоторые виды змей и черепах только и встречаются в этом поясе; до высоты 1.300 м. над уровнем моря самое обыкновенное пресмыкающееся—царский удав (boa imperator), обоготворенное изображение которого украшало некогда храмы ацтеков. Северные области, которые продолжают собою области американского «дальнего Запада», Far West'a, постепенно поднимаясь к Анагуакскому плоскогорью, имеют также свои особые виды, между прочим, ящериц, которые не встречаются в других частях Мексики. Ещё в недавнее время путешественники встречали в горах Чигуагуа бизонов; но ныне это животное, ставшее такою редкостью в Канаде и в Соединенных Штатах, совершенно перевелось и в мексиканских провинциях. Около озера Енсиниллас, на северо-западе штата Чигуагуа, Фребель встретил стадо антилоп, по крайней мере в тысячу голов; это стадо спускалось с горы так быстро, что казалось, будто животные вовсе не касались земли. В Северной Мексике и Нижней Калифорнии попадаются даже серый орегонский медведь и дикая овца, преследуемая тремя видами волков или *койотов*, пумой и ягуаром[5]. Опоссум (didelphis virginiana) Соединенных Штатов и луговые сурки также водятся в Мексике. Пекари (*dicotyles* или *sus torquatus*) населяют леса и опустошают соседние посевы, наводя настоящую панику на туземцев, так как, завидя прохожого, всё стадо с яростью набрасывается на него; впрочем, это животное легко приручается. Из всех животных, составляющих фауну Мексики, только два были одомашнены: это—одна порода уток и *huahslotl* (*meleagris mexicana*), индюк или «индейский петух», названный так потому, что испанцы привезли эту птицу из Вест-Индии. *Techichi*, съедобная немая собака, была очень скоро истреблена испанцами, которые брали её как подать со всех данников. Прочие обитатели птичьих дворов, конюшен и хлевов были ввезены в Мексику завоевателями.

На плоскогорьях одну из язв Мексики составляют скорпионы. Кроме того, различные виды акридий опустошают там поля. Светящиеся элатериды (cocuyos) освещают ночи тро-

1 D. R. Montes de Oca, „Naturaleza", 1874.
2 Lucien Biart, „La terre chaude".
3 Aug. Dumeril, „Recherches zoologiques sur la faune de l'Amerique Central et du Mexique".
4 H. de Saussure;—van Beneden, „Die Schmarotzer des Thierreiches"
5 Xantus Janos, „Mittheilungen von Petermann", 1861, Heft IV.

пического пояса, крутясь в воздухе подобно искрам. Муравьи представлены множеством видов, из которых наиболее обыкновенным являются *arrierros* или «погонщики мулов» (oecodoma mexicana), которые выкапывают свои жилища в форме кратера в самых твердых горных породах[1]. Один из низших организмов, который натуралисты наблюдали на Анагуакском плоскогорье, подал повод к глубоким исследованиям, вследствие его особенностей: это аксолотль, которого находили чаще всего в соленых и содовых водах озера Текскоко, и который очень редко встречается в других местностях Нового Света. Это—головастик, снабженный жабрами, и с изменчивыми, как у протея, формами. Первые исследователи были поставлены в большое затруднение, не зная, к какому отряду причислить это животное; ему давали самые разнообразные научные названия, даже название *lusus aquarum*, т.е. «игра вод»; затем образовали из него особый род Siredon. Однако, многие ученые были того мнения, что аксолотль есть не что иное, как личинка большого вида амблистомы, что Дюмериль и доказал постепенным искусственным преобразованием аксолотля в амблистому: большинство аксолотлей остается всю жизнь и даже несколько поколений подряд в форме головастиков, и только немногие из них превращаются в более совершенные формы[2]. Индейцы охотно едят мясо аксолотля; они лакомятся также яйцами, которые кладут два вида мухи *axayacatl*, в особенности *corixa femoraia*, на камышах мексиканских озер; они их толкут и, смешав с другими веществами, приготовляют из них пирожки; они едят также гнезда личинок, свитые в клубок в виде губок. По словам Вирлэ д'Ауста, груда яиц аксаякатля образует на дне озер оолитовый известняк, совершенно похожий на юрский оолит, который, по всей вероятности, образовался таким же способом[3].

Моря, омывающие Мексику с той и с другой стороны, изобилуют животною жизнью. Из отряда китообразных, посещающих эти берега, попадаются ещё иногда ламантины (*Manatus latirostris*). На мексиканских берегах Тихого океана малакологисты открыли сотни новых видов моллюсков, и один из этих видов, *aptisia depilans*, как полагают, есть тот самый, из которого тирийцы приготовляли пурпуровую краску: Тегуантепекские индейцы употребляют его для окраски своих тканей, не имея надобности укреплять краску протравой[4]. В Калифорнийском заливе, в особенности около Ла-Паца и соседних архипелагов, ловят жемчужных раковин; наконец, с других островов в том же заливе, где птицы самых разнообразных пород мириадами вьют гнезда, получается гуано сотнями грузов. Констатировано, что острова, расположенные в Тихом океане на некотором расстоянии от берега, среди открытого моря, характером своей фауны все отличаются от материка. Так, на небольшой группе островов Трес-Мариас, которая находится в открытом море, в ста километрах от штата Жалиско, водится особый вид колибри[5]. Архипелаг Ревилья-Жижедо также имеет свою особую фауну. Остров Гвадалупе, отстоящий на 250 километров от внешних берегов Нижней Калифорнии, представляет в своей фауне резкий контраст: одиннадцать видов сухопутных птиц, которые там найдены, все отличаются от соответственных пород соседнего континента; они дифференцировались в отдаленные времена, когда происходило разделение земель и фаун.

Откуда происходят различные населения, которые испанцы нашли в Мексике при её завоевании? По этому вопросу существует такая же масса гипотез, как и сочинений по этнологии этих стран. Весьма естественно, что первые писатели, обязанные согласовать свою фантазию с библейскими текстами и с учением Церкви, видели в мексиканцах прямых потомков одного из сыновей Ноя, пригнанных в эту страну водами потопа, или прибывших по суше, после осушения континентальной поверхности[6]. Даже в настоящем столетии некото-

1 Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographie et la geologie du Mexique et de l'Amerique Central".
2 Elie Menchnikoff, „Memoires de la Society des Sciences naturelles de la Nouvelle-Russie", 1875.
3 „Bulletin de la Societe Geologique de France", 1 мая 1865.
4 I. G. Barnard, „The isthmus of Tohuantepec".
5 A. R. Wallace, „Island-Life".
6 H. H. Bancroft. „The Natives Races". T. V.

рые писатели[1] пытались установить, что мексиканцы—сыны иудеев, «разсеянных по всей земле» после Вавилонского пленения: по их мнению, как наружный вид, так и характер, религия, нравы, одежда, даже язык, наконец, предания и мифы—всё свидетельствует о древнем родстве. Другие историки искали в классической древности, у египтян, финикиян и карфагенян, каких-либо указаний на эмиграцию в Новый Свет, и Платоновская Атлантида не могла быть забыта в гипотетической истории предков мексиканского народа. Атонатиу, т.е. атлантиды,—говорит Альфредо Чаверо,—составляют коренную расу цивилизованных наций Европы и Америки; испанцы и толтеки одинаково происходят от них; Брассер-де-Бурбург полагает даже, что разобрал в одном нахуатльском манускрипте, *Codex climalpopoca*, будто «извержение открытых вулканов на всём протяжении американского континента, который был тогда вдвое больше настоящего, взорвало на воздух весь мир и в промежуток между двумя восходами Утренней Звезды ввергло в пучины морские богатейшие страны земного шара»[2]. Но атлантиды нынешней Мексики избегли катастрофы, и они-то, будто бы, и рассказали о ней в своих памятниках американской литературы и архитектуры, смысла которых не мог прежде истолковать ни один ученый.

Однако, самая распространенная гипотеза, та, которую изложили Гинь, Гумбольдт, Прескотт, Катрфаж, Гами, под различными формами, видит в мексиканцах—выходцев из Азии, прибывших либо через Берингов пролив, или через Алеутские острова, либо прямо по океану, или через острова Полинезии. Относительно близкое соседство двух континентов, Азии и Северной Америки, и тот неоспоримый факт, что в исторические времена совершались невольные плавания между Японией и Калифорнийскими берегами, естественно должны были породить эти теории, которые и были приняты большим числом исследователей. Правда, нет никакого достоверного доказательства, которое давало бы возможность утверждать, что таинственная страна, где растет *фузанг*, и которую одна китайская экспедиция, будто бы, открыла ещё в седьмом веке[3], есть действительно Мексика, и описание этой заморской страны, которое дает древний писатель, не согласуется с природою Анагуака, и ещё менее с нравами её обитателей, как их описывают испанские завоеватели. Точно также религия ацтеков слишком разнится от буддийской, чтобы в ней можно было найти учение китайских миссионеров; что же касается до сходства символических знаков и изображений, то оно слишком смутно, за исключением разве одного,—*таики*, вырезанного на полукруглом алтаре Копана[4], чтобы из этого можно было вывести что-либо другое, кроме простого предположения о давних сношениях между народами, которые живут друг против друга на противоположных берегах океана. Сообщения, бывавшие между этими двумя странами в различные эпохи, и даже поразительное сходство, наблюдаемое во многих местностях между мексиканцами и китайцами, ещё не дают достаточного основания приписывать этим народам одно и то же происхождение. Насколько далеко восходят история и предание, Мексиканская область всегда была обитаема: аборигены или пришельцы, её народы из тех, которых греки назвали бы «происшедшими из почвы».

Также как в лавах Денизы, в окрестностях Пюи, геологи открыли и на Анагуаке, близ Мексико, ископаемые остатки человека по-третичной эпохи. Эти интересные останки, принадлежащие к эпохе, предшествовавшей цивилизации ацтеков, были найдены в 1884 году у подошвы горы Пеньон-де-лос-Баньос, возвышающейся с восточной стороны столицы, в солончаковых равнинах, некогда покрытых водами озера Текскоко; они лежали в растительной почве, под слоем лавы, смешанные с кухонными отбросами. Остеологические признаки ископаемого мексиканца те же, какие находим у чистокровной туземной расы Анагуака; глазные зубы едва отличаются от резцов. В ту эпоху, когда жил ископаемый человек Пеньона, в стране бродили также слоны, олени, лошади; уровень вод был на 3 метра выше в лагу-

1 Kingsborough, „Mexican Antiquities“;—Adair, „American Indians“.
2 „Quatre lettres sur le Mexique“.
3 Guinea, „Recherches sur les navigations des Chinois. Memoires de l’Academie des Inscriptions“. Том XVII.
4 E. F. Hamy, „Society de Geographie“; заседание 2-го июля 1886 г.

не Текскоко, и вулканических извержений, предшествовавших исторической эпохе, ещё не бывало[1]. В другом месте были найдены кремни, очевидно, обделанные рукою человека, в отложениях, заключавших в себе также клыки и кости слона (*elephas Colombi*)[2]. Нужно вернуться за целые мириады веков назад, чтобы добраться до той эпохи, когда жили эти первоначальные поколения.

В эпоху, когда рушилась Римская империя и когда варварские народы, германцы, готы и вандалы, ринулись на цивилизованные города Запада, Анагуакское плоскогорье, в Средней Америке, представляло уже собою очаг цивилизации. Конечно, очень трудно установить точную классификацию народов, на варварские и цивилизованные, сообразно степени их культуры; тем не менее, при всей условности такой оценки, этот последний термин справедливо применяется к ацтекам или мексиканцам, так же, как к юкатанцам или майя, а в Южной Америке к народам чибча, квичуа, аймара; в Северной же Америке к цивилизованным народам можно причислить различные индейские племена. Среди племен менее культурных, но с которыми, однако, у мексиканцев было много общего в политическом и общественном развитии, они выделялись своим национальным единством, важностью своего коллективного сбережения, своими искусствами, науками, знанием многочисленных ремесл, которые помогли им упрощать труд. Подобно первым цивилизациям Старого Света, зародившимся вдали от моря, в Египте, в Халдее, в Индии, на берегах Гоанго, мексиканская цивилизация также образовалась вдали от океана, на высоких землях, окруженных цирками гор. В её распоряжении не было ни Нила, ни Евфрата, чтобы соединить приречных земледельцев в одну компактную нацию[3], но она располагала озерами, более обширными, чем в настоящее время, колеблющийся уровень которых, а также попеременное разлитие и высыхание, призывали население к общему труду, к взаимной поддержке, к солидарности, что было всегда самым деятельным двигателем прогресса. Несмотря на всё это, сравнивая цивилизацию Мексики с первоначальною культурою Старого Света, мы видим, что первая имела большие невыгоды, так как оставалась, если не совершенно изолированною, то всё же окруженною варварским миром; подле неё не было других центров прогрессивной жизни для обмена теми взаимными влияниями, из которых могла бы возникнуть новая цивилизация. Правда, несмотря на ярусное расположение поясов климата, что делает теплые страны очень опасными для мексиканцев плоскогорья, ацтеки всё-таки были в некоторых сношениях с майями Юкатана и с различными группами нахуэ, рассеянными по Центральной Америке; но дальше этого замкнутого круга они уже не выходили. Он разомкнулся для них только при ужасных обстоятельствах, именно вторжением испанцев, которые неожиданным и насильственным образом произвели смешение цивилизаций и рас.

Разгром происходил столь быстро и беспощадно, что исследователи могли опасаться за полное исчезновение всех документов, относящихся к древней истории Мексики. Их уничтожали даже с умыслом: подражая св. Павлу в Эфесе, архиепископ Зумаррага в Тлателулко, Нуньес де-ла-Вега в Чиапе и другие сжигали, по подозрению в некромантии, все мексиканские сочинения, какие только они могли открыть. Впоследствии удовлетворялись тем, что скрывали драгоценные манускрипты: миссионеры держали их под замком в своих библиотеках, храня их «как драконов, не умея и не желая пользоваться ими»[4]. Но, к счастью, старинные сведения сохранялись в некоторых дворянских семействах, связанных браками с испанскими завоевателями, и у их просвещенных представителей можно было обрести летописи Анагуака. Многие мексиканцы способствовали таким образом спасению от забвения событий древней истории ацтеков и родственных им народов. Один индеец из Тлакскалы, Тадео де-Ниса, составил, в 1548 г., по приказанию вице-короля, историю завоевания Мекси-

1 Antonio del Castillo y Mariano Barcena, „El Hombre del Penon; American Naturalist“. 1885.

2 E. F. Hamy, „Mission Scientifique an Mexique et dans l'Amerique Centrale“.

3 Leon Metchnikoff, „Les Fleuves historiques“.

4 Ternaux-Compans, „Voyages, relations et memoires originaux pour servir a l'histoire de la decouverte de l'Amerique“.

ки, и под этим сочинением подписались тридцать тлакскальтекских вельмож; Габриель д'Айяла из Текскоко написал на ацтекском языке историю Мексики, начиная с 1243 г. по 1562 год; даже одна мексиканская дама, Мария Бартола, княжна Икстапалапская, написала

Продавецъ воды и торговка.

несколько сочинений по истории древнего Анагуака, но, к несчастью, они затерялись. Другие лица, чистой или смешанной расы, как, например, Тезозомок, Чималпахин, Камарго, оставили важные исторические манускрипты; наконец, семейство Икстлилксочитль, потомки королей Мексико и Теотихуакана, имело несколько своих представителей среди истори-

ков страны, и один из них, Фернандо де-Альва-Кортес, решился даже открыто прославлять своих предков-туземцев и порицать «ужасные жестокости» завоевателей Мексики: тогда наступил уже семнадцатый век, и Фернандо де-Альва-Кортес мог легально констатировать согласие своих рассказов с историческими картинами, полученными им в наследство от его предков. Наконец, и между испанскими миссионерами нашлись люди, которые видели в истории Мексики нечто иное, чем «козни дьявола», и которые взяли на себя труд выяснить смысл исторических картин мексиканцев и собрать древние предания; таковы были: Бартоломе де-лас Казас, Сахагун, Торквемада. Благодаря открытию новых манускриптов, более тщательному разбору старых и частной дешифровке иероглифов, историки нашего столетия могли дальше проникнуть в до-колумбовскую историю мексиканцев.

Теперь можно попытаться заглянуть в глубь истории Мексики за тысячу лет до её завоевания и разглядеть первоначальную деятельность мексиканского населения при бледных лучах его жизненной зари. В ту эпоху большая часть мало цивилизованных индейских народцев, занимающих различные части территории, под названиями: отоми, чичимеков, гуакстеков, тотонаков, микстеков и запотеков, уже населяли страну; среди них-то и явились нахуа, т.е. «люди, говорящие ясно»[1], в одно и то же время завоеватели и просветители, как говорится в легенде. Эти пришельцы явились с севера, из «семи пещер», в количестве семи племен, подразделенных в свою очередь на семь сословий каждое; они приходили последовательно, совершив семь различных экспедиций, и восторжествовали над великанами, прежде чем овладели «Земным раем»; затем, полубог-законодатель, Кветцалкоатль, вышедший из моря, явился среди них и научил их искусствам, наукам, нравам и, исполнив свою задачу, внезапно покинул их, обещав вернуться современем. Это был постоянно ожидаемый Мессия, и когда Кортес, принесенный также морскими волнами, явился во главе своих банд, все считали, что пророчество исполнилось и что должна начаться новая эра народного благоденствия.

Все историки обыкновенно согласно указывают на VI в. нашей эры, как на эпоху, когда в Анагуаке появилась группа нахуа, после продолжительных скитаний со времени своего выхода из Гуэгуэ-Тлапаллана, города или страны, местонахождение которых ещё не определено в точности. Некоторые исследователи указывают эту местность на севере, другие на юге Мексико[2]; но, в общем, все указания сходятся на том, что родиною нахуа были северные области; самая форма Мексиканского плоскогорья наглядно показывает, каким образом должно было происходить заселение: плоскогорье это широко открыто с северной стороны и, постепенно суживаясь к югу, оканчивается лабиринтом отдельных камер, похожим на лабиринт Греции, где также сходились эмигранты с севера; вся группа населений нахуа изображается в преданиях как вышедшая из «Туманного Белого голубя»[3], олицетворения стран севера. В конце седьмого века нахуа, означаемые обыкновенно под названием толтеков, основывают, как центр своей державы, город, который новейшие ученые могли с точностью указать на карте: это город Таллан, известный в настоящее время под названием Тулы и расположенный в 80 километрах по железной дороге к северо-западу от Мексико. Народы племени нахуа, место которых, в качестве властителей Анагуака, заняли испанские завоеватели, и которые ранее сами поработили квинамов или «гигантов», суть ольмеки и ксикаланки. Нет сомнения, что эти народы, которых предание называет пришельцами с Востока, уже построили многие из памятников, которые впоследствии приписывались их преемникам различных языков; во всяком случае эпоха, известная под названием толтекской, была одна из самых богатых произведениями, свидетельствовавшими о туземной культуре: самое название *толтекатль*, каково бы ни было его первоначальное значение, сделалось термином для обозначения мастера, обладающего вкусом и искусством «артиста»; точно также этим именем называли купцов, которые совершали поездки в дальние страны и таким образом явля-

1 Lucien Biart, „Les Azteques“.
2 H. H. Bancroft, „The Native Races“, t. V.
3 E. G. Hamy, „ Revue de Geographie“, февраль, 1886 г.

лись в Центральной Америке распространителями нахуатльской цивилизации[1]. Очень может быть, что это название толтек вовсе не принадлежит всему народу, и что «артисты» были просто из племени нахуа, так же, как и их преемники, ацтеки. Название Кольхуа, или «Предки», которое им также дают, служит доказательством в пользу этого этнического единства[2]. Господство Тулы продолжалось вплоть до второй половины одиннадцатого века, т.е. до той эпохи, когда внутренния возмущения и внешния войны, наконец, вторжение чичимеков,—иначе говоря, варваров[3],—сопровождаемые голодом и эпидемическими болезнями, сломили энергию племени, которое до тех пор считалось одним из самых могущественных. В летописях говорится о миллионах жертв, унесенных всеми этими бичами человечества, действовавшими совместно: как бы то ни было, после этого в летописях не упоминается уже более о «толтеках», представители которых или рассеялись беглецами, смешавшись с окрестными народами, или же удалились на юг и основали там новые государства в Юкатане, Чиапасе и Гватемале.

Победители чичимеки, о многочисленных переселениях которых рассказывается и в легендах, перенесли центр нахуатльского владычества далее на юг, в бассейн собственно Анагуака, сначала на берега озера Ксалтокана, затем в окрестности озера Текскоко, недалеко от нынешней столицы мексиканских Соединенных Штатов. В конце концов резиденция была основана в «Городе Предков», Аколгуакане или Текскоко; но с 1325 года на острове, среди вод озера, стал возвышаться новый соперник—город Мексико-Тенохтитлан. Основатели его, ацтеки, народ племени нахуа, как их предшественники толтеки и чичимеки, «артисты» и «варвары»,—прибыли на Анагуакское плоскогорье в конце двенадцатого века, после того, как покинули, за сто двадцать пять лет перед тем, свою островную родину (которую географы ищут в разных местах), затем прожили несколько времени в мифической местности «Семи Пещер» и, до водворения своего в Анагуаке, обошли различные страны, в поисках «Обетованной земли». Легенда, повествующая об их исходе, выдает их за «изобретателей огня», т.е. выставляет их как людей изобретательных, соперничавших с толтеками в знании наук и искусств. Благодаря своему островному положению, дающему преимущества легкой обороны против всякого внезапного нападения, озерная столица быстро возростала и украсилась *chinampas*'ами, или плавучими садами, которые доставляли им жизненные припасы во время осады. Даже и тогда, когда столица разделилась на два враждебных города, старый Тенохтитлан и новый Тлателулко—демократический и торговый город,—она продолжала быстро разростаться вследствие наплыва иммигрантов, которые стекались со всех сторон искать убежища в этих укрепленных городах; наконец, когда, в 1431 г., вследствие внутренних войн и восстаний угнетаемых народов, окончательно рушилось могущество чичимеков, город Мексико унаследовал могущество, которым пользовался заозерный город Текскоко. В составившейся ассоциации, для завоевания и эксплоатации территорий, между тремя городами Мексико, Текскоко и Ткакопан—ныне Такуба—гегемония принадлежала Мексико[4].

Территория завоеваний быстро распространялась за пределы собственно Анагуака. Хроники той эпохи, в общем довольно согласные, несмотря на всё пристрастие летописцев различного происхождения,—рассказывают, как мексиканцы поработили себе окружающие народы, с одной стороны, чтобы увеличить свои богатства золотом, драгоценными камнями и выделанными перьями, с другой—чтобы питать жертвами алтари своих богов. На западе они не могли подчинить себе народны Мичоакана, а на северо-западе не переходили за границы «долины»; но на юге и на юго-востоке они спустились за Техуантепек, в Соконуско; наконец, на востоке, они завоевали всю страну до морского побережья, от устья Пануко до песчаной отмели Альварадо, оставив всё-таки на плоскогорье одну непокоренную нацию—тлак-

1 Otto Stoll, „Guatemala. Reisen und Schilderungen".

2 Daniel G. Brinton, „Were the Toltecs an Historic Nationality?"

3 Squier, „Notes on Central America";—Adolf Bastian, „Mexico".—Смотря по авторам, имя чичимеков переводится весьма различно: Суровые, Кровопийцы, Орлы, Собаки на привязи, Племя Краснокожих и пр.

4 Ixttilxochitl, „Historie des Chichimeques", и проч.;—A. F. Bandelier, „On the Mode of Government of the Ancient Mexicans".

скаланов, которые, вместе с сотнею возмутившихся племен, облегчили завоевание Мексики испанцами. Чудеса и всякого рода бедствия, говорят историки, предвещали близкое падение ацтекского царства; когда Кортес и его тлакскаланские союзники явились под стенами Мексико, могущество его уже было поколеблено возмущением его собственных подданных. Тем не менее имя пышного города осталось за всею местностью, более того—за всею совокупностью стран, пространством своим далеко превосходящих владения Монтезумы, а имя мексиканцев, прежде применявшееся только к одной части ацтеков,—которые и сами составляли одну из многочисленных ветвей расы нахуа,—перешло к большой нации, состоящей из тринадцати миллионов душ.

Испанские завоеватели, подданные могущественного императора, личная воля которого была законом на всём пространстве его владений, который назначал губернаторов, устанавлял налоги, набирал солдат во всех своих провинциях, естественно, должны были и в Мексике видеть империю, похожую на ту, откуда они сами пришли; они воображали, что всякий авторитет исходит из императорской власти, и что эта власть правильно сохраняется в одной и той же династии в силу своего рода божественного права; они не понимали, что ацтеки, первоначально жившие родовыми общинами, не делившими почвы на частные владения, образовали затем военную демократию, состоявшую из единокровных групп, которые имели своих выборных «ораторов», т.е. главарей[1]. Точно также, удивленные, что нашли в Новом Свете большой город, более обширный и пышный, чем их собственные столицы, они должны были преувеличить богатства Мексики и культуру её жителей; однако, достоверные документы, собранные относительно языка, наук и искусства передачи мыслей, относительно забот, прилагавшихся к развитию земледельческой культуры и правильному орошению страны, наконец, предметы, хранящиеся ныне в музеях, памятники, оставленные вблизи городов или в глуши лесов,—всё это, вместе взятое, доказывает, что мексиканская цивилизация собственными силами поднялась до уровня, гораздо более высокого, чем тот, на котором стоят варварские народы.

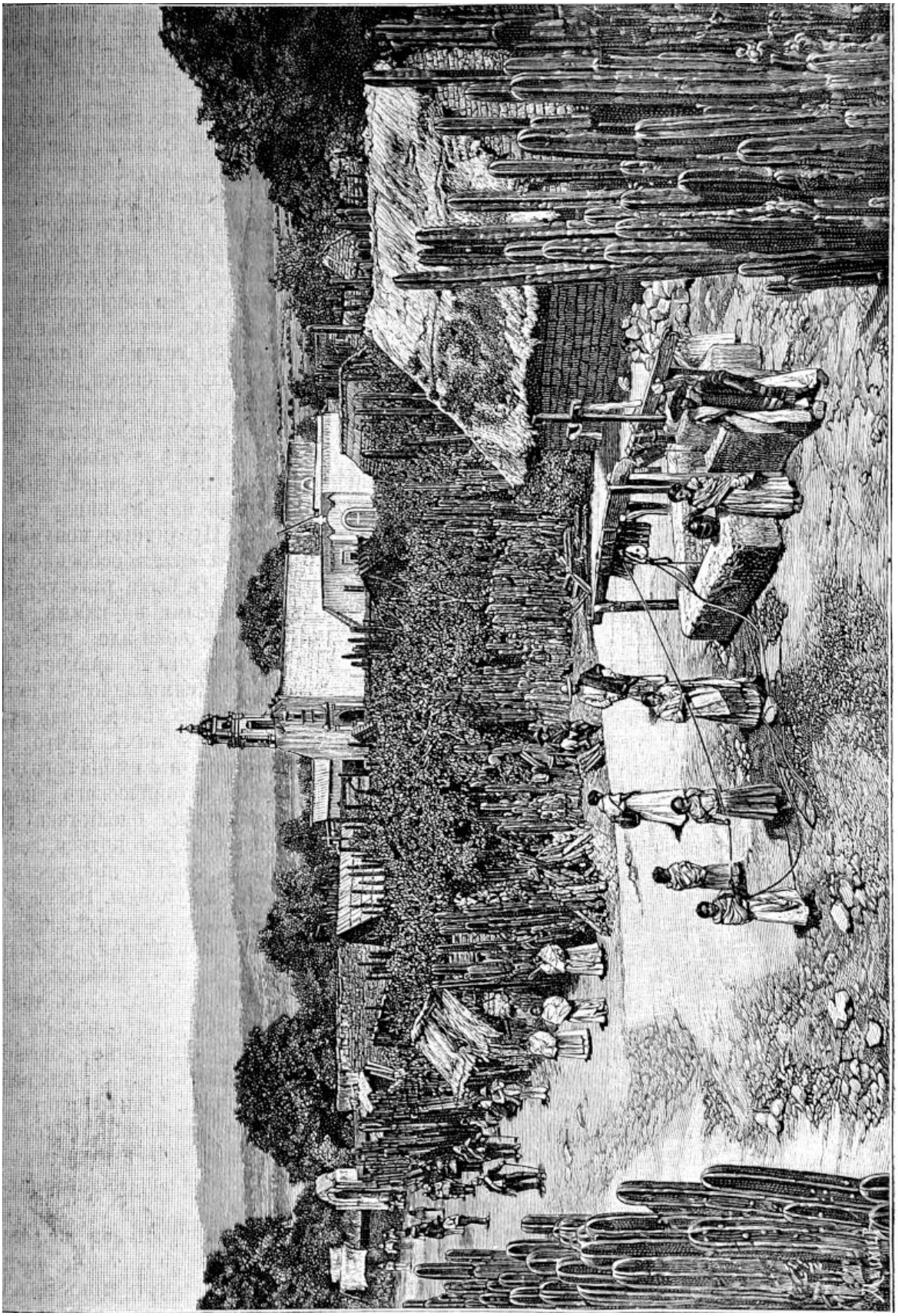
Язык ацтеков, сливавшийся, по всей вероятности, с языком толтеков и чичимеков, наречиями которых говорили и говорят ещё на юге, в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа, был господствующим идиомом на Мексиканской территории наших дней. Его употребляли почти повсюду на Анагуакском плоскогорье и по берегам залива до дельты р. Коатцакоалкос, а также и по всему побережью Тихого океана, от Калифорнийского до Техуантепекского залива. И в настоящее время на-ряду с испанским, можно повсеместно слышать также этот туземный язык; только в современных патуа встречается не больше одной трети слов литературного диалекта[2]. Как культурный язык, ацтекское наречие сделалось оффициальным языком при дворе, при дипломатических сношениях, даже в торговле; как только завоевывалась какая-либо территория, язык победителей становился оффициальным, и жители обязаны были учиться ему. Ацтекское наречие—язык полисинтетический, в котором слова сочетаются, видоизменяясь согласно требованиям благозвучия, и который обладает необыкновенной пластичностью; по изяществу и гибкости он имеет мало себе равных. Все писатели, изучавшие этот язык, превозносят его достоинства. Богатство его в описательных терминах просто поразительное: в своих трудах по естественной истории Гернандец перечисляет до двух сот видов птиц и до 1.200 видов мексиканских растений, имеющих на ацтекском языке специальные названия. Наконец, язык этот чрезвычайно богат словами, выражающими отвлеченные понятия, и переводчики не испытывали никакого затруднения для передачи мексиканскими выражениями метафизических и религиозных терминов, встречающихся в *Евангелии*, *Подражании Христу* и других книгах духовного содержания. Лучшее, что литература ацтеков оставила нам, это—нравственные поучения, отличающиеся такой высотой чувства, которая не была превзойдена даже в Индии.

Замечательным признаком высокой цивилизации мексиканцев служит их знание астро-

1 Morgan, „Ancient Society“;—A. F. Bandelier, цитированное сочинение.

2 Aubin, „Memoire sur la Peinture didactique“.

номических явлений. Они описывали движения солнца, луны и некоторых планет, и возврат каждого года, каждой «новой травы» им был известен гораздо точнее, чем, наприм., официально в России, где календарь опаздывает на тринадцать дней. Мексиканцы, а также

Индѣйская деревня въ провинціи Мексико.

запотеки и мичоаканы, разделяли свой год на семнадцать месяцев, по двадцати дней в каждом, к которым прибавляли ещё пять добавочных дней, считавшихся зачастую зловещими. Но для того, чтобы условный год точнее совпадал с годом солнечным, к концу каждого цик-

ла в пятьдесят два года прибавляли период в двадцать или тридцать дней, смотря по тому, сколько требовалось по вычислению. Так как система счисления у мексиканцев была двадцатеричная, то месяц, имевший двадцать дней, делился на четыре недели по пяти дней, при чём пятый день имел некоторую важность, как день праздничный и базарный. Год имел другое деление. Каждый *тлалпилли*, «узел» или «пучек», состоял из тринадцати лет, и четыре таких пучка, т.е. серия в пятьдесят два года, составляли цикл или *ксиухмолпилли*: в глазах мексиканцев это был главный период времени, и с этим делением они связывали мистические идеи о порядке как собственной жизни, так и жизни обществ. Нормальная продолжительность человеческой жизни у них исчерпывалась этим ксиухмолпилли, т.е. пятьюдесятью двумя годами: случалось, впрочем, что люди, по особой милости богов, выживали два таких периода, которые получали тогда название *гуегуетилититли* и означали «век или старость». По одному закону, который, впрочем, не всегда соблюдался, толтекские начальники должны были управлять непременно впродолжении одного цикла. Если начальник умирал прежде истечения этого срока, то власть переходила к совету старейшин, которые всё-таки правили под именем покойного начальника; если же выборный переживал этот цикл, то в определенный срок должен был сложить с себя власть и передать свои права преемнику, который в час, назначенный календарем, и принимал на себя обязанности правителя. У мексиканцев, как и у народов Старого Света, солнечному году предшествовал лунный, и потому их календарь религиозных обрядностей, верный традициям прошлого, устанавливался по движениям луны. То же самое мы видим в Европе, где великий праздник Пасхи, первоначально бывший праздником периодического обновления природы, всегда согласуется с лунным ритмом.

Письма в собственном смысле мексиканцы не изобрели, но они умели рассказывать свои летописи, чертить карты, «рисуя с натуры все реки и гавани»[1], установить свою генеалогию, публиковать указы и законы, описывать ремесла и хозяйственные работы, наконец, передавать все свои идеи, даже отвлеченные,—посредством иероглифических фигур. Эти изображения, четыреугольной формы и с округленными углами, обыкновенно разрисовывались яркими красками на листьях папируса, сделанного из волокон магейи или анакагуита, «бумажного дерева» (cordia boissieri), или же на коже, а также на полосах лощеного коленкора, переплетенных в виде веера в аматли или в книгу с деревянными крышками. Публичные монументы, а кое-где также и стены скал, особенно в западной Сиерра-Мадре[2], были тоже украшены иероглифами, высеченными на камне. Изучение этих документов показало, что мексиканцы в употреблении этих знаков перешли за фигурный или символический смысл, и во многих случаях уже употребляли их фонетически, составляя из них нечто вроде ребуса: так именно читались имена городов[3]. С самого начала исторического периода, толтеки имели обширные библиотеки этих рукописных изображений; но ацтеки, завидуя, как говорят, славе своих предшественников, истребили эти документы. В свою очередь, и ацтеки сделались жертвой иконоборческого рвения их победителей, и большая часть сохранившихся манускриптов относится к концу XVI века, т.е. к той эпохе, когда духовенство, примиренное с остатками нахуатльской цивилизации, позволило окрещенным туземцам снова употреблять традиционные иероглифы. Манускрипты этой эпохи, следующей за завоеваниями, состоят в большинстве случаев из исповеданий веры, катехизисов, земельных матрикул и судебных дел.

Промышленность нахуа стояла на высокой степени развития, хотя они и не достигли ещё железного века: из металлов им были известны только золото, серебро, медь, олово и свинец. Мелкою разменною монетою служили тоненькия пластинки меди[4], а также бобы какао и

1 Bernal Diaz, цитированное сочинение.

2 E. Buelna, „Peregrinacion de los Aztecas“.

3 Aubin, цитированные мемуары;—Antonio Penafiel, „Nombres geograficas de Mexico“.

4 Clavigero;—Torquemada;—Dupaix;—Ramirez;—D. Charnay, „Societe d’Anthropologie“, заседание 7 апреля 1887 года.

много других мелких предметов, различных в каждой стране. Режущие орудия делались из сплава меди с оловом, который по крепости нисколько не отличался от стали[1], тогда как почти всё их оружие изготовлялось ещё из крепкого камня, особенно из обломков ицтли или обсидиана; из этого же минерала делались и ножи, употреблявшиеся жрецами при заклании человеческих жертв во время исполнения обряда вроде обрезания над детьми[2]. Земледельческие орудия, походившие больше всего на европейский плуг, состояли из деревянной оправы, снабженной палками с медными наконечниками. Испанцы были поражены искусством мексиканцев гранильщиков, ювелиров, которые отличались особенно в имитации маленьких животных и насекомых: европейские ювелиры, говорят хроники, не были бы в состоянии соперничать в совершенстве работы со своими собратьями Нового Света; несомненно, что по крайней мере один способ утратился—способ выделывания фигурок из полого золота, состоящего из тонких листов без всякой спайки, и европейские мастера положительно не могут объяснить себе, каким образом изготовлялись эти художественные вещи, попадающиеся ещё иногда в музеях, в виде редких экземпляров. Кроме того, Мексика имела своих мукомолов, своих гончаров, своих бумажных фабрикантов. Из волокон различных растений семейства кактусов, пальм, хлопчатников изготовлялись различные материи, из которых некоторые отличались замечательной тонкостью. В красильном искусстве мексиканцы тоже слыли большими мастерами: они употребляли кошениль; наконец, они утилизировали много лекарственных трав, кору и красящие плоды, употребление которых утратилось со времени испанских завоеваний: в этом отношении мексиканская промышленность сделала шаг назад за последние четыре века. Один из триумфов нахуатльской промышленности был в употреблении перьев для орнаментации различных тканей, одежд, ковров и одеял. Этот род труда, сохранявшийся, не оскудевая, во многих семействах художников, в былое время считался одной из свободных профессий, наравне с ювелирным искусством, скульптурой, живописью, историей и поэзией: «Музыкальный совет», нечто вроде академии, основанный для поощрения художеств, принимал в свои члены также и перовщиков.

У нахуа процветала также и архитектура. Их невысокие дома, очень солидной постройки, состоявшие большею частью только из одного этажа, возводились на плоском фундаменте или на толстых сваях. Города их были правильной планировки: они перерезывались узкими улицами под прямыми углами и имели широкия площади вокруг храмов. Древние мексиканцы умели снабжать свои города водою в достаточном количестве посредством водопроводов и резервуаров; они строили набережные и плотины, проводили через ручьи шоссейные дороги, а через реки воздвигали легкие мосты, висевшие в воздухе подобно листьям лианы. В некоторых городах были укрепления, а в большой стене, в 10 километров, соединявшей два горных склона, чтобы запереть проход между Мексиканской империей и республикой Тлакскала, была пробита дорога дефилад, проведенная очень искусно и снабженная на вершине парапетом, за которым защитники могли держаться в безопасности. Но главными произведениями нахуатльского зодчества были храмы и пирамиды, такия же, как в Теотихуакане и в Чолуле: вместе с крепостями, это—единственные постройки, ещё уцелевшие в некоторых местах на поверхности земли; только продолжительные раскопки обнаружили кое-какие остатки частных жилищ, занимаемых древними мексиканцами. Религиозные памятники, как известно, были построены по плану, сходному с планом вавилонских храмов. Это были также пирамиды, состоявшие из прямоугольных параллелепипедов, наложенных друг на друга и кверху постепенно уменьшающихся; но, в общем, такия сооружения имели, в сравнении с высотой, гораздо более широкое основание, чем соответствующие им египетские и халдейские монументы. Некоторые из них отличались колоссальными размерами, что свидетельствует о дешевизне человеческого труда на Анагуакском плоскогорье: в окрестности мексиканских озер человеческая жизнь ценилась не выше, чем в долинах Нила, когда дело шло об удовлетворении тщеславия духовенства возведением колоссальных

1 Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amerique Centrale".

2 Bernal Diaz;—Squier, „America, Archaeological Researches".

построек.

Впрочем, когда испанцы завоевали страну, цивилизация её уже приходила в упадок; это признавали и сами жители, вспоминая об эпохе владычества толтеков, как о времени процветания наук, искусств и промышленности. Замкнутые со всех сторон, не имея правильных сношений морем с островами, заносимые туда только случайностями бури или каким-либо другим непредвиденным образом, ацтеки не делали ни малейших попыток завязать торговые сношения с отдаленными народностями, так как они имели у себя самые разнообразные продукты всех трех поясов, которыми обменивались между собою, находя полное удовлетворение своих потребностей в этом замкнутом существовании; ничто не пробуждало их жизненных сил, и они постепенно отравлялись, подобно тому, как портится луг, когда питающая его влага не освежается притоком чистой воды. Правда, торговля была в большом почете, так что купеческие караваны могли свободно проходить по стране, даже во время войны[1]; но путь их шел всегда по обычному маршруту между плоскогорьем и ярусами горного склона. Не оживляемая сношениями с иноземными странами, мексиканская цивилизация не могла почерпать новые элементы в самом народе, который традиционные формы жизни, становясь всё более и более тиранническими, постепенно лишили всякой инициативы. Непреклонный этикет регулировал всякия отношения между классами: общество, так сказать, совершенно застыло. Что касается публичного культа, то он сделался просто ужасным.

Вначале ацтекский культ был чист от всякой кровавой жертвы. Главный из богов, носящий по преимуществу имя Теотла, был Атонатиух, «Солнце Вод», лучи которого, согревая море, произвели из хаоса всё существующее. Сыном Солнца, восстановляющим каждый год весну, был Тлалок,—пассатный ветер, приносящий дожди, птица, прилетающая с моря, змея, сверкающая в виде молнии на небе, ползущая в трещинах почвы, символизируя текучия воды[2]. В эпоху, когда ацтеки основали Тенохтитлан, сохранялась ещё память о милосердной религии, когда молящиеся приносили «Солнцу-Отцу», «Луне-Матери», «Земле-Сестре», богу ветра только зерна и плоды, чтобы снискать у богов благословение на предстоящую жатву; надеялись даже на восстановление в будущем золотом веке этих мирных церемоний, потому что с ними связывали пришествие второго Тлалока, Кветцакоатла, или «Оперенной Змеи», приходящей с востока с восточным ветром и снова возвращающейся туда. Многие побежденные нации, как напр. тотонаки, жаловались на то, что им приходится поставлять мексиканским богам человеческие жертвы, тогда как их собственное божество, «мать людей», требовало только цветов и семян; но если жрецы храма в Текскоко, который Нецахуалкойотль соорудил в честь «неведомого бога», ограничивались воскурением перед алтарем фимиама, то в общем религия ацтеков перешла в кровавый культ, благодаря войнам, которые ввели обыкновение приносить в жертву богам сначала пленных, а потом без разбору и верующих из племени нахуа; культ этот не удовлетворялся уже скромными символами жизни, олицетворяемыми первыми дарами земли, а требовал, чтобы самая жизнь приносилась на алтари богов. Даже в том случае, когда жертва состояла из зерен, их обыкновенно перемалывали в муку, которую смешивали с кровью детей и девушек; из праха отцов приготовляли тесто, смешивая его с телом сыновей.

Чтобы умилостивить гнев злых богов, чтоб предотвратить бедствия, уготовлявшиеся для грешников в неведомом мире, мексиканцы прибегали к жертвам, как некогда народы всякой другой расы, арийцы, семиты или негры; но весьма вероятно, что их кровавые обряды по своей жестокости далеко превосходили культы всех других народов, даже дагомейцев. Наиболее исступленные терзали самих себя, как индийские факиры или алжирские айссауа: они рвали себе тело иглами магейи, постились по целым дням и лишали себя подкрепляющего сна, доходя до сумасшествия. Один остроумный бенедиктинец, Камилло-де-Монсеррате объяснял происхождение в говоре мексиканцев мягких звуков *тль*, *этль*, столь странно

1 Ad. Bastian, цитиров. сочинение.

2 A. Reville, „Les Religions du Mexique“.

звучащих в наших ушах, обыкновением мексиканцев прокалывать себе язык шипами кактуса во время их религиозного исступления: это порождало нечто вроде лепетания, сделавшагося наследственным в позднейших поколениях. Но умилостивить богов старались в осо-

Каѳедральный соборъ въ Чигуагуа.

бенности посредством представителей: грехи свои искупали принесением в жертву других людей. В Старом Свете, богатом животными всякого рода, в жертву богам обыкновенно приносилась кровь животных; на мексиканских же плоскогорьях некого было мучить и закалы-

вать в честь завистливых божеств, кроме людей; жрецы вырывали из теплой ещё груди сердце человека и простирали его к небу в жертву невидимым божествам. На престол Тлалока приносились грудные младенцы или дети, которых запугивали до смерти, и которых вельможи съедали потом за священной трапезой. На кладбище Тененепанко, которое Шарней открыл на северных склонах Попокатепетля, на высоте 4.000 метров над уровнем моря, нашли только, но зато в громадном количестве, скелеты одних детей: это были, по всей вероятности, жертвы, принесенные некогда Тлалоку, богу высоких вершин, откуда низвергаются ветры и облака[1].

Во время больших церемоний проливалось столько крови, что ею наполнялись глубокие рвы, вырытые вокруг *теокалли*: в конце XV-го века, во время освящения в Мексико храма бога войны Хуитцилопутцли, начатого королем Тицоком, его преемник, король Ахуицотль, приказал зарезать около 80.000 пленников; но что бы ни говорили летописи, Шарней доказал, что это избиение имело место не в один раз, а во время нескольких последовательных церемоний. Всякий государь, вступая на престол, должен был начать свое царствование охотой на человека, чтобы наполнить все костники,—священные кладовые, где хранились кости мертвых; каждый из восемнадцати месяцев года должен был быть освящен подобною резнею. Оттого были установлены «священные войны» по добровольному соглашению между различными государствами, с целью доставить жрецам необходимое количество жертв. При постройке каждого нового храма фундамент его омывался кровью пленников, смешанной с приношениями драгоценных металлов и жемчуга, и с семенами всевозможных растений. Эти монументы, обагренные почерневшею кровью, наполненные свежим или сгнившим, или обгорелым мясом, представляли ужасное зрелище; у некоторых входная дверь была устроена в виде пасти, где черепа целыми сотнями, даже тысячами висели на челюстях чудовища. Сбоку возвышались целые пирамиды, сложенные каждая более чем из ста тысяч человеческих черепов[2]. Одним из годовых праздников был праздник «сдирания кожи», и жрецы обходили тогда кварталы города, одетые в кожу жертв, обагренные свежей кровью. Но чем ожесточеннее шла резня, тем ненасытнее становились боги, и несчастное человечество искало всё более и более благородных жертв, чтобы кровь их могла наконец умилостивить властителей его судьбы. В христианской религии, Сын Божий, второе лицо Св. Троицы, искупил грехи рода человеческого своими крестными страданиями; но по крайней мере распявшие Его не ведали величия их жертвы; мексиканцы же, наоборот, нарочно создавали себе богов, чтобы приносить их в жертву более могущественным божествам. Когда умирала какая-нибудь особа, то жрец, который сопровождал покойника до могилы, одевал на себя маску бога и этим олицетворял самое божество. В дни больших национальных празднеств, богам недостаточно было жертвы в лице королевского сына:—им нужен был сын бога; с этой целью мексиканцы воспитывали молодых людей, обреченных на такую жертву, в божеском достоинстве, и перед жертвоприношением составляли торжественные процессии, во время которых толпа следовала за избранником, падая ниц перед ним, как перед божеством. Затем, после жертвоприношения, считалось за особенное блаженство вкусить священного тела жертвы, и те, которые удостоивались этой чести «вкусить бога», как это выражало самое название пиршества[3], воспринимали в себя таким образом частицу божественного существа и считали себя сопричастными с природой богов: такова была страшная форма, которую приняла теофагия в Мексике.

Подобные религиозные обычаи, естественно, должны были дополняться жестоким законодательством, а между тем народ, повидимому, был очень добродушный, кроткий, обладавший нежным семейным чувством[4]: «Мой дорогой сын, мое сокровище, мое перышко пре-

1 Desire Charnay, „Tour du Monde“, ноябрь, 1881 г.;—„Anciennes villes du Nouveau Monde“;—E. T. Hamy, „Societe d'Anthropologie“, заседание 1-го апреля 1886 г.

2 Bernal Diaz, цитиров. сочинение.

3 Squier, „American Archaeological Researches“, № 1.

4 Lucien Biart, „Les Azteques“.

красное!»—такими словами мать ласкала своего ребенка[1]. По Икстликсочитлю, кража вещи, ценность которой превышала стоимость семи колосьев маиса, каралась смертною казнью. Для целых населений насильственная смерть казалась более вероятной, чем естественная. Понятно уныние, которое должно было овладеть этим несчастным народом, к которому благосклонность богов, казалось, всё больше и больше уменьшалась, по мере того как возрастало количество приносимых жертв. Император Нецахуалкойотль, властитель Текскоко, венценосный поэт, который поставил свое царство на ставку в три индюка, чтобы показать, как мало он дорожит своею властью, выразил лишь общее настроение, когда нарисовал картину «близкого будущего, когда явится мрачный рок, великий разрушитель»! Даже страшное испанское завоевание, сопровождавшееся убийствами, разными бедствиями, голодовками и окончившееся порабощением, было для анагуакских народов большим счастьем; оно вырвало их из безвыходной фатальности и ввело, через очень суровую школу, в новый мир человеческой солидарности.

Эта эра преобразования началась ужасным образом для населения Анагуакского плоскогорья. Завоеватели-испанцы творили в Мексике то же самое, что и на Антильских островах: они убивали тех из туземцев, которые оказывали им сопротивление, а остававшихся в живых беспощадно обращали в рабство. «Долгий опыт»,—говорит Пьер Мартир Ангьера,—«доказал необходимость отнятия у этих людей свободы и отдания их во власть руководителей и покровителей»[2]. Благодаря этим «протекторам», провинции были почти совсем обезлюднены, менее, чем в одно поколение. Осада города Мексико, «где людей было так же много, как звезд на небе и песчинок на дне морском», стоила жизни, говорят, 150.000 человек. То же самое, по словам Пиментеля, произошло и в провинции Новая Галисия (ныне штат Жалиско), где индейское население в 450.000 душ сократилось до 12.600. Правда, что быстроте победоносного шествия испанцев и покорению страны много содействовала полная апатия со стороны обессиленного народа. Побежденная толпа, которую их прежние властители совершенно истощили всевозможными угнетениями и тяжелыми работами, не оказывала ни малейшего сопротивления этой смене тиранов: напротив, она охотнее преклонялась перед полубогами, вооруженными громом, чем перед людьми своей собственной расы.

Перемена религии, по крайней мере наружная, совершившаяся, так сказать, одновременно с завоеванием, произошла тоже без малейшего затруднения. Когда францисканские монахи, вслед за которыми явились доминиканцы и августинцы, пришли предлагать мексиканскому населению крещение, «смывающее грехи», церемония которого очень мало отличалась от подобного же очистительного обряда в ацтекском культе, то поразительный успех их пропаганды следует приписать престижу победителей и поддержке со стороны светской власти; очень может быть, что побудительной причиной в данном случае была также надежда на избавление от тех непомерных тягот, которые взваливала на них их религия. Торибио-де-Бенавенте рассказывает, что в первые пятнадцать лет, следовавшие за завоеванием Мексики, было окрещено 9 миллионов индейцев; случалось, что к священнику разом являлась толпа в 200 туземцев, которые падали пред ним на колени, умоляя о крещении: так велико было число претендентов на обращение в христианство, «жаждавших крещения», что крестившие не успевали совершать предписанных обрядов и ограничивались помазанием новообращенных своей слюной. Не хватало также и имен святых, предлагаемых календарем, так что индейцев делили по группам, и каждая из них получала общее имя. Подобный же пример находим в истории Литвы: в 1387 году, Владислав Ягелло, князь литовский, таким же коллективным способом крестил свой народ[3].

Впрочем, если не считать кровавых жертвоприношений, различие между внешними формами двух религий казалось вначале индейцам не очень большим, и они в одно и то же вре-

1 Remi Simeon, „Grammaire de la langue nahuatl par Andres de Olmos“.

2 Письмо 806-е к архиепископу Козенцы, в 1525 году, переведенное Гаффарелем и Лувотом. «Revue Geografique“, июль 1885 г.

3 Bastamente;—Salverte, „Essai sur les noms d’hommes“.

мя могли принадлежать и к тому, и к другому культу. От них потребовали низвержения идолов и замены их статуей Богоматери с Предвечным Младенцем на руках: кацики весьма охотно водружали эти статуи в своих прежних храмах, на тех же местах, где недавно ещё красовались их идолы, и с тем же рвением поклонялись статуе Теклечигваты или «Великой Девы»[1], как и своим прежним богам; но Распятия нигде не воздвигали, по словам доминиканца Ремезаля, «потому что испанцы, выдавая себя за бессмертных, не хотели показать индейцам, что их Бог мог умереть»[2]. Монах Франческо из Болоньи рассказывает, как целые племена индейцев приходили к миссионерам просить у них клобуки, которые они набивали соломой или паклей и ставили на алтарях в храмах, в ожидании своего окончательного обращения. Массы индейцев и после своего крещения не оставляли своих прежних обрядов, и долго ещё продолжали справлять свои языческие мистерии в чаще лесов. По свидетельству того же Франческо из Болоньи[3], туземцы часто сооружали часовню и водружали в ней крест, как раз над тем местом, где они скрывали изображение их свергнутого божества; преклоняясь наружно перед крестом, они обращали мысленно свое коленопреклонение и молитвы к своему прежнему идолу. Мало-по-малу, в силу привычки, два культа слились, так что когда современному индейцу случается откопать древних идолов, он с полным убеждением называет их *santos antiguos* или «древними святыми». Те же самые благочестивые люди, которые усердно посещают церкви и с благоговением прикладываются к мощам святых, тайком украшают цветами изображения старых богов и приносят в лесах жертвы из голубей[4]. Кроме Пресвятой Девы Марии и Иисуса Христа, которых индейцы называют «Богами церкви», они имеют своих домашних богов, своих фетишей *tepitoty*, или «малюток», вроде пенатов у древних ацтеков.

Но обращение туземцев в христианство и полученный ими вместе с крещением титул духовных братьев «христиан», т.е. испанцев, не дали им полного равенства с победителями. Эти последние смотрели сначала на обращенных как на существа низшие, полезные в особенности в мертвом виде, потому что их жир употреблялся для перевязывания ран у людей и лошадей[5]. С туземцем говорили не иначе, как с тростью в руке, даже во времена Берналя Диаца между белыми сложилась новая поговорка: «*Donde nace el Indio nace el bejuco!*», которую можно перевести таким образом: «рядом с индейцем всегда растет тростник!» Ещё в недавнюю эпоху поэт Гальван мог воскликнуть: «Я индеец, т.е. червь, притаившийся в траве: всякая рука избегает меня, а всякая нога раздавливает». Оттого сыны ацтеков не раз сожалели о прежнем порядке вещей. Недаром старики одного индейского народца обращались с таким вопросом к епископу Зумарраге: «Скажи, отчего прежде, во времена варварства и уничижения, мы были счастливее, чем теперь, после нашего обращения в вашу веру?» Когда у индейца рождался сын, отец приветствовал его появление на свет следующими печальными словами: «Ты родился для страданий! Страдай же, мое дитя!»[6]

Период, следовавший непосредственно за завоеванием Мексики, был самый ужасный для туземного населения: Бартоломе де-лас Казас метко охарактеризовал его, назвав «Разрушением Индии!»[7]. Сначала появились повальные болезни,—неизбежное зло, возникающее почти всегда в тех случаях, когда народы, жившие до тех пор совершенно изолированно, приходят в соприкосновение с чужестранцами; бич этот произвел почти полное опустошение в некоторых частях страны. Первая оспенная эпидемия, которую, как говорят, занес в Мексику негр из экспедиции Нарваеца, и которая поразила, между прочим, и Куитлахуацина, преемника Монтезумы, была более смертоносна, чем испанское оружие; но ещё более ги-

1 Bernal Diaz del Castillo, цитиров. сочинение
2 Aubin, „Memoire sur la Peinture didactique“.
3 Ternaux-Compans, „Relations et memoires ori ginaux“.
4 J. J. Ampere, „Promenade en Amerique“.
5 Bernal Diaz, цитированное сочинение.
6 Alonzo de Zurita;—Adolf Bastian, „Mexico“.
7 Desdevizes du Desert, „L'Amerique avant les Europeens“.

бельною была, в 1576 г., болезнь *матлацахуатль*,—может быть, тоже оспа, которая, по словам Торквемады, похитила около 2-х миллионов жителей в епархиях Мексико, Мичоакана, Пуэблы и Оаксаки. В течение двух сот семидесяти пяти лет Мексика перенесла последовательно семнадцать моровых язв, при чём испанцы не подвергались заразе[1]. По свидетельству миссионеров, самая раса казалась физически одряхлевшей, как бы обреченной на вымирание: даже грудные младенцы из поколения в поколение становились всё слабее и слабее[2]. Те, которых щадила болезнь, погибали от непосильной работы, которую их заставляли исполнять. Защищенные «законами Индии» от рабства в собственном смысле слова, они тем не менее целыми десятками тысяч, вместе с поместьями, раздавались либо обратившим их в христианскую религию монахам, либо крупным концессионерам, а ответственность господ за жестокое обращение со своими крепостными была совершенно призрачная. К тому же законы и не соблюдались, так что, наприм., провинция Пануко была почти совершенно обезлюднена собственным губернатором, Нуньо де-Гусманом, который продавал торговцам с Антильских островов мужчин и женщин, предварительно заклеймив их каленым железом[3]. Во времена ацтеков недостаток вьючного скота пополняли пленными и людьми непривилегированных сословий, которые обращались таким образом в *тламемесов* или «вьючных животных» и служили для перевозки съестных припасов и товаров: это ремесло, введенное ацтекскими общинами, практиковалось и в христианской Мексике, с тою разницею, что теперь народ должен был работать не для ацтеков, а для испанских повелителей, которые зачастую нарушали постановление вице-короля Мендозы, назначившего предельный вес ноши для человека в 2 арробы (23 килограмма). Помещики, менее мексиканцев знакомые с условиями климата, часто посылали толпы носильщиков в поясы, температура которых была смертельна для туземцев: тламемесы, спускавшиеся с плоскогорий, тысячами гибли в жарких землях, тогда как другие тысячи носильщиков, вдруг попавших на снежные возвышенности, погибали от непривычной для них стужи. Жажда золота, вызвавшая столько злодейств со стороны Кортеса и его товарищей, окончательно отдала народ во власть золотоискателям. Хорошо ещё, что первые победители были слишком невежественны для того, чтобы открыть рудные месторождения, которые впоследствии доставили столько богатств всему свету[4].

Но в то время, как индейское племя быстро приходило в упадок и даже в некоторых округах совершенно исчезло, возникла новая раса, которая приобретала всё большее и большее значение: это были метисы. Победители, пришедшие в страну без женщин, вынуждены были взять себе жен из среды индиянок; первый показал этот пример Кортес, и известно, какую помощь и поддержку оказала ему донна Марина или Малитцина в тяжелые дни испытаний. Все капитаны и солдаты его армии получили в награду жен: каждый вождь, прося пощады или заключая союз, скреплял свой договор брачным союзом между новыми пришельцами и женщинами из своего семейства или из дома родственников; каждое племя, приходя просить мира, приводило с собой женщин, чтобы предложить победителям. После завоевания, солдаты и купцы, которых привлекала в Новый Свет молва о несметных сокровищах Мексики, редко являлись сюда в сопровождении испанок, и несмотря на декреты, объявлявшие, что белые, пришедшие в страну без жен или вообще без женщин с Полуострова, лишались права приобретать землю, большая часть брачных союзов всё-таки заключалась с местными женщинами; таким образом численность метисов возрастала очень быстро и скоро превзошла даже численность испанцев.

В обыкновенной речи это название «метисы» обозначает скорее класс людей, чем их происхождение, и его применяют исключительно к пролетариям, принадлежащим к индейским племенам; но принимая это слово в его истинном смысле, можно сказать, что метисы в

1 Doutrelaine, „Archives de la Commission scientifique de Mexique“. Том II.
2 Adolf Bastian, цитированное сочинение.
3 Ternaux-Compans, Pieces sur le Mexique (“Zummaraga Salmeron Mendoza“).
4 W. Richardson, „Histoire de l’Amerique“.

настоящее время составляют четыре пятых всего населения[1], так как даже «дикие» индейцы и те уже слегка смешанной крови, а белые, считающие себя «чистокровными», не прочь, при случае, похвастаться своим происхождением от древних королей и императоров этой страны. Примером могут служить три рода, происходящие от Монтезумы, письменные документы которых хранятся в Мексике и в Испании. Что касается африканского элемента, то он не получил никакого значения в Мексике, несмотря на то, что негры были привезены сюда с первых же лет завоевания страны, но вследствие восстания, «две дюжины их четвертовали», и испанским помещикам было запрещено покупать их для замены ими индейцев[2]; к тому же и климат холодных областей плоскогорья оказался слишком неблагоприятным для этой расы; негров можно встретить только в приморских городах, куда они приезжают в большинстве случаев с острова Кубы или Ямайки. Общее число негров и цветных людей в Мексике определяют в 70.000.

Можно сказать, что в течение трех веков колониального режима в Мексике, между падением Теноxтитлана и провозглашением мексиканской независимости, главным фактом национальной истории было это постепенное образование смешанной расы, в одно и то же время нахуатльской и иберийской, предназначенной рано или поздно образовать главную массу нации. Правда, испанцы, составляя высшую касту общества, не переставали гордо держаться особняком: они одни имели право называться *gente de razon* или «разумными людьми»; но они сами были разделены. Испанцы, родившиеся на Полуострове, всегда были назначаемы на доходные места, и правительство предоставляло им власть и почет; «креолов», напротив, как бы ни была чиста их кровь, как бы ни были велики их заслуги, держали в стороне; во многих монастырях отказывались даже принимать их в монахи[3]. Казалось, что самым фактом своего рождения в Новом Свете они почти переставали быть испанцами, чтобы стать мятежниками: их награждали презрительными кличками и всячески оскорбляли; зато и креолы платили испанцам глубокою ненавистью, называя их оскорбительным именем *гачупинесов*,—слово нахуатльского происхождения, означающее «людей со шпорами»[4]; обыкновенно инсургенты встречали «кастильцев» военным криком: «Mueran los Gachupines!».

Индейцы в собственном смысле слова, дикие или mansos, т.е. «прирученные», также считались «людьми второго сорта», чем-то средним между человеком и животным; только в очень редких случаях, например, при каких-нибудь особенных подвигах храбрости или самопожертвования, в индейце признавали своего ближнего, и тогда возводили его в ранг *hombre blanco*, или «белого человека», как будто у краснокожого невозможны были никакие высокие качества. В Мексике сложилась даже поговорка, что никогда индейцу не править страной, пока там будет оставаться хоть один погонщик мулов из Ла-Манчи или чеботарь из Кастилии. По крайней мере это отсутствие «разума», которым попрекали индейцев, оказало им большую услугу, впрочем, только в половине XVIII-го века: оно избавило их от пыток инквизиции; на них смотрели как на людей невменяемых, и потому их ересь или возвращение к религии предков не считались поступком, достойным возбудить гнев инквизиторов. Однако, эти последние не бездействовали: введенный в Мексико с 1571 года, грозный суд, три года спустя, уже начал свои ауто-да-фе сожжением пяти человек[5]. Даже индейцы, хотя обращенные в веру своих победителей, обыкновенно отвергали название *cristianos*, как принадлежащее одним только испанцам: они не принимали другого наименования, кроме наименования indios. Надо заметить, что переходы между испанцами и метисами, между метисами и «прирученными» индейцами, гораздо незаметнее вокруг Мексико, чем в северных областях, где жители рассеяны на обширном пространстве. Там деление между расами выра-

1 Guillemin Tarayre, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“. Том III;—Dupin de Saint Andre, „Le Mixique aujourd'hui“.

2 Ternaux-Compans, „Piecessur le Mexique“ („Zumarraga Salmeron Mendoza“).

3 Thomas Gage, „Nouvelle Relation des Indes Occidentales“.

4 Uhde, „Rio Bravo del Norte“.

5 Adolf Bastian, «Mexico».

жено более резко: белые и краснокожие там менее смешались. Ещё в недавнюю эпоху между этими двумя враждебными элементами народонаселения шла упорная борьба, сопровождавшаяся резней с той и с другой стороны[1].

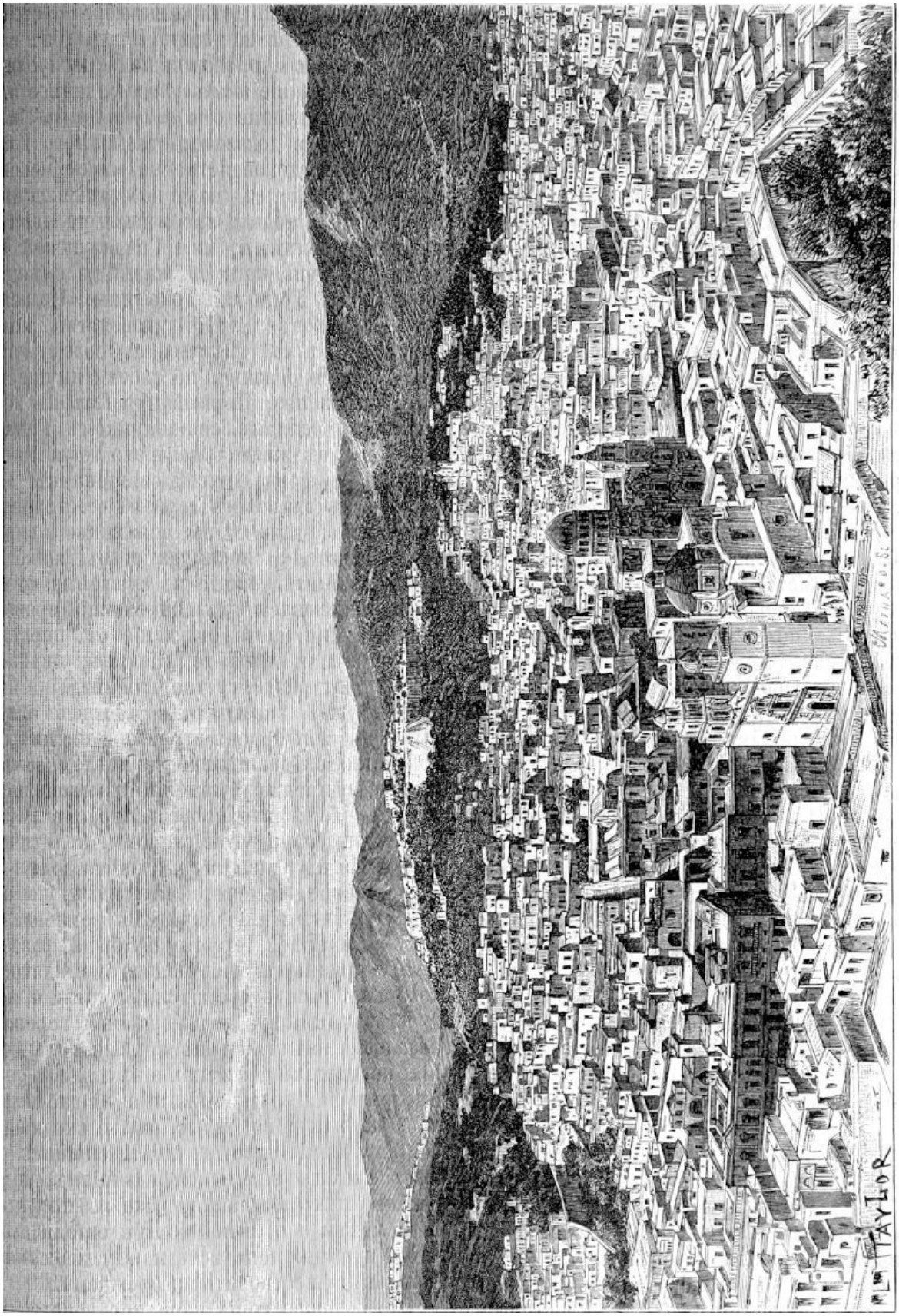
Торговый режим, которому Мексика была подчинена во время владычества испанцев, так сказать, держал под запретом Новую Испанию и скрывал от глаз света те перемены, которые там совершились со времени завоевания. Этот режим сводился на крайнюю монополию: в глазах «его католического величества», ацтекское население существовало только для того, чтобы обогащать государственную казну и откупщиков; но торговые откупа и постоянный таможенный контроль, совместно с угнетением и обеднением туземного народа, имели следствием упадок торгового обмена; всякое нарушение фискальных законов подвергалось строгому наказанию и зачастую влекло за собою смерть. Под страхом смертной казни были запрещены всякия сношения с иностранцами; даже при несчастиях кораблекрушения потерпевшие сажались в тюрьму, иногда же казнились смертью, из опасения, чтобы они не установили торговых сношений с туземцами; дороги, направлявшиеся к морю, были систематически заброшены, и на Мексиканском побережье царило запустение, так что заведомо для испанцев, предупрежденных соседними индейцами, английский адмирал и корсар Джорж Ансон мог провести свой флот в порт Сигвантанео (Зегуатанехо), между двумя неприятельскими гарнизонами Закатулы и Акапулко, и там терпеливо выжидать выхода драгоценного галиона, который должен был отвезти в Маниллу грузы слитков металла. Дошло до того, что флот, предназначенный к отплытию в Испанию, выпускался из порта Вера-Круц всего раз в три года, и считалось государственным преступлением приставать в других портах, кроме Севильи или Кадикса. Изыскание ртутных залежей было запрещено из боязни, чтобы от этого не потерпела монополия Алмаденских рудников. До 1803 г. мексиканцам возбранялось возделывание винограда; утверждают, что революция, вспыхнувшая по инициативе Гидальго в округе Долорес, была вызвана тем, что одного приходского священника, любителя всяких новшеств, обязали уничтожить разведенный им виноградник. Культура оливковых деревьев также была запрещена, как и многих других растений, продукты которых могли заменить привозные из Испании, откуда эти товары доставлялись в самом ограниченном количестве, для того, чтобы цена на них держалась по возможности самая высокая. Одно время не разрешалась даже фабрикация *пульке*, местного напитка, приготовлявшагося из магейи, чтобы не подорвать торговли каталонскою водкою. Точно также были официально отменены некоторые ремесла, как могущие нанести ущерб национальной промышленности Пиренейского полуострова или, вернее сказать, частным интересам некоторых спекуляторов. Ещё в 1819 г., т.е. когда Испания уже утратила половину своей обширной колониальной империи, было издано правительственное постановление о воспрещении «под какими бы то ни было предлогами допускать иностранные суда в порт Вера-Круц»[2].

Понятно, что подобный режим должен был рано или поздно привести или к окончательному разорению колонии, или к революции. Когда суверенная держава, сама вовлеченная в войну за независимость против иноземного нашествия, вынуждена была бросить свои заморские владения на произвол судьбы, изменение политического равновесия стало неизбежным. Высшая каста—каста испанцев, уроженцев Иберийского полуострова—не имела уже даже необходимой внутренней связи, для того, чтобы преследовать какую-либо определенную цель в своей политике сопротивления; она не знала, к какой партии ей следует примкнуть в этой борьбе Новой Испании, и, можно сказать, что первым событием мексиканской революции было заточение в тюрьму, в 1808 г., вице-короля, испанца Иттуригарайя, другими испанцами, членами Присутствия Великого Совета. С своей стороны, креолы, которые, впрочем, не все относились неприязненно к старому порядку вещей, и из которых многие дали соблазнить себя титулами, привилегиями или деньгами, сильно расходились между собой по стремлениям и идеалу. Более смелые мечтали о независимости, тогда как большин-

1 «Archives de la Commission scientifique du Mexique». Том III.

2 Fr. de Armas y Cespedes, „Regimen politico de las Antilles Espanolas“.

ство домогалось только участия в управлении своей страной и прекращения неограниченной монополии купцов Кадикса. Что касается глубоких масс индейского народа, то их мало интересовала форма правления; всё, чего они желали, это—владения землей, немножко возду-

Панорама города Гуанахуато.

ха в их печальной жизни, немножко воли. Во время испанского владычества, они никогда не покушались на возмущение, несмотря на то, что впродолжении двухсот лет после завоевания, военные силы Мексики заключались только в охранной страже вице-короля, так-

называемых «Зеленых», получивших это название по зеленым обшлагам их мундиров, и численность их никогда не превышала 6.000 пехотинцев и конницы. Тем не менее, у индейцев тоже проявлялся смутный инстинкт к политической независимости, доказательством чему служит распространенная между ними легенда относительно короля Монтезумы, с именем которого их познакомили, очевидно, испанцы[1], но к которому они привязались с необыкновенным увлечением: для своего боевого знамени они взяли его цвета—голубой и белый[2]. Ему приписывают всякий древний памятник в развалинах, и говорят, что это новый Квецалкоатль, который спит в какой-нибудь пещере, в ожидании великого дня пробуждения своего народа[3]. Известно, с каким пылом туземцы дрались в начале революции, в бреду ожидаемого триумфа: вооруженные только пращами, палками и ножами, они устремлялись на полки хорошо вооруженного, дисциплинированного войска, и с диким фанатизмом бросались на пушки, стараясь заткнуть их жерла своими лохмотьями и соломенными шляпами.

Так велика была путаница понятий и партий, происходившая от всеобщего невежества и долгого порабощения населений, что мексиканская революция началась в Долоресе восстанием индейских фанатиков «во имя святой религии и милостивого короля Фердинанда VII». С другой стороны, первое поражение инсургентам нанес отряд креолов, предводительствуемый также креолом. Два года спустя после первого столкновения, в 1813 г., была в первый раз провозглашена независимость конгрессом, перебегавшим с одной горы на другую. Но этот клич свободы показался богохульством тем, кто привык к порабощению, и умеренные поспешили принести повинную; ни один индеец отдаленных провинций даже и не помышлял о возмущении; театром войны была исключительно центральная часть страны, где народонаселение более скучено, чем в других местах. Инсургенты уже не составляли правильного войска, сократившись до простых банд; почти все знаменитые полководцы были расстреляны или попрятались в лесах и болотах; всё казалось потерянным, когда вдруг в 1817 г., один двадцативосьмилетний испанец, по имени Мина, уже перед тем храбро сражавшийся за свободу Испании, самоотверженно отдал себя на борьбу за независимость Мексики, подняв оружие против своих же соотечественников. Ему удалось одержать несколько побед, но и он, в свою очередь, погиб: остаток разбойничества—вот к чему сводилась тогда эта борьба за независимость, с таким шумом начатая в 1811 г. священником Гидальго и его словно выросшим из земли войском. И, однако, именно в то время, когда, в 1820 г., вице-король Аподака окончательно объявил, что отвечает за порядок, когда испанские силы торжествовали, разгоняя последние отряды инсургентов, прежний режим рушился, так сказать, сам-собою, под гнетом своей собственной тяжести. Достаточно было измены честолюбивого полковника Итурбиде, который «в силу недостойного выбора судьбы из изменников попал в триумфаторы»[4]. С восторгом приняв «план Игуалы», т.е. проект новой конституции, составленный в этом городе, нация тотчас же потребовала полной и безусловной независимости мексиканского народа, хотя бы под формой монархического правления. Новый порядок вещей был сочувственно принят на всём пространстве Мексики, и сам вице-король открыл ворота столицы. Это было в 1821 году, а два года спустя была, наконец, провозглашена республика.

Самое название *гвадалупосов*, данное инсургентам в отличие от *гачупиносов*—испанцев служит доказательством того влияния, какое имело духовенство на массу мексиканского населения: в толпе восставших индейцев видели только набожных пилигримов, навербованных во имя Гвадалупской Богоматери, культ которой индейцы смешивали с культом Тоци или Тонацины, «Нашей Матери» ацтеков[5]. Но духовенство, подобно другим белым, делилось по своему происхождению, по связям, по своему имущественному положению. Первый призыв к восстанию был сделан священником Гидальго, креолом, в жилах которого текла ча-

1 H. H. Bancroft, цитированное сочинение, т. V.
2 A. Uhde, „Die Landern am untern Rio Bravo del Norte“.
3 A. Reville, „Les Religions du Mexique“.
4 De Bazancourt, „Le Mexique contemporain“.
5 Aubin, „Memoire sur la peinture didactique“.

стица индейской крови; другой священник, Морелос, был главным героем со стороны инсургентов; даже одна монахиня, по имени Мария Квитана, покинула стены монастыря, чтобы принять участие в сражении; но некоторые епископы и суды инквизиции провозгласили, во имя папы, отлучение от церкви мятежников, и тогда-то во славу церкви, в 1814 г., Итурбиде, состоявший тогда на испанской службе, расстрелял многих отлученных в самый день страстной пятницы. Духовенство, следовательно, не могло способствовать объединению убеждений в мексиканском народе, что только и обеспечивает внутренний мир. С другой стороны, политическая революция нисколько не улучшила доли индейских земледельцев, так как она ни в чём не изменила порядок землевладения; как и прежде, территория была разделена между крупными собственниками, патронат которых распространялся на сотни и тысячи крестьян. Правда, что аграрный переворот, казалось, начинался в первый год восстания, когда поместья испанцев секвестровались именем нации, и индейцы свободно водворялись на них; но белые, также входившие в состав армии инсургентов, спешили положить конец этим конфискациям, которые имели бы чрезвычайно важные последствия, и элементы социальной борьбы остались те же, что и прежде: ненависть между классами продолжала существовать по-прежнему.

Это большое социальное неравенство, которое, впрочем, почти сливается с расовым антагонизмом, достаточно объясняет то постоянное брожение, которое волновало Мексику впродолжении полу-века после провозглашения независимости; страна безуспешно искала нового экономического равновесия. По какому-то странному параллелизму, гражданская война в Мексике соответствовала такой же войне в Испании и её прежних колониях; революции и контр-революции отдавались эхом с той и с другой стороны океана, как-будто общая жизнь ещё соединяла разрозненные части бывшей империи. Это объясняется тем, что метрополия и её прежния владения одинаково пребывали в застое впродолжении трехсот лет: с одной стороны, исследование и завоевание Нового Света истощили Испанию и сделали её паразитом, живущим на счет худо нажитых сокровищ; с другой—работа приспособления к новой цивилизации поглощала все силы колоний до времен общей революции.

Установить национальное единство в Мексике тем труднее, что значительная часть индейцев соединяется с цивилизованным населением ещё только по оффициальным актам. Все туземцы, сгруппированные в племена, живущие особняком, в отдаленных провинциях, говорящие на своих древних языках и придерживающиеся своих старых обычаев, ещё не могут быть причислены к мексиканскому народу; впрочем, год-от-году они всё более ассимилируются, благодаря прокладываемым через их территорию дорогам и основываемым там городам, различным промышленным заведениям и школам.

Даже наиболее удаленные от центра мексиканской цивилизации, т.е. индейцы Калифорнии, и те уже научились говорить по-испански, а те из них, которые живут в соседстве миссий и рудников, нисколько не отличаются от других «прирученных» индейцев, mansos. Впрочем, численность их весьма незначительна, не достигает даже трех тысяч, и племя перику, о котором ещё недавно упоминалось, как о жителях самой южной оконечности полуострова, совершенно исчезло. Два существующих ещё народца, кочими и гуайякура, из которых первые живут на севере, а вторые в центральных областях полуострова, родственны аризонскому племени юма; подобно этому народу, они населяли северные равнины, занятые теперь кокопами: их постепенно оттеснили от Колорадо. Кочими и гуайякура более всех прочих индейцев кочуют с места на место: они по крайней мере сто раз в году меняют свое местопребывание. Ночь они проводят под открытым небом, защищаясь лишь от ветра в низком кустарнике или за грудами камней: впрочем, иногда они выстраивают нечто вроде землянок для своих больных. В былое время кочими считали за стыд носить какую бы то ни было одежду, но всегда украшали себя ожерельями, кольцами, браслетами и головными уборами из кожи, тростника или перьев. Для битвы или для праздника мужчины разрисовывали себе тело яркими красками, а чтобы защитить своих детей от непогоды, матери обмазыва-

ли их толстым слоем угля, разведенного в моче. Одним из излюбленных оружий кочими была праща. Главная их пища состоит из сердцевины кактуса питахайя, но они поедают также всевозможных насекомых, червой и гусениц, змей и ящериц, и даже не брезгают падалью; наконец, многие авторы рассказывают об одной отвратительной привычке этого народа, именно: они привязывают на веревке большой кусок мяса, который поочередно каждый из собравшихся на трапезу жует, полупроглатывает и снова отрыгает, чтобы передать другому; тот проделывает то же самое и так до последнего гостя, который окончательно съедает всю эту массу, почти уже переваренную[1]. Нет никакого другого народа, за исключением разве жителей Океании, где бы сифилис производил столько опустошений, как среди калифорнийцев. Этот бич и болезни, сопряженные с ним, почти совсем истребили эти племена. Кочими и другие калифорнийские племена принадлежали к этнической группе нахуа, т.е. к ацтекам и их соплеменникам: это доказывают как внешний вид их, так и наречие[2].

Почти все индейцы, населяющие северо-западные области Мексики, от границы Аризоны до гор, господствующих над рио-Лерма, принадлежат к той же семье племен, имеющей по языку своему много общего с ацтеками: их называют обыкновенно по имени племен пима и опата, двух их самых могущественных народцев; северная часть Соноры даже известна под именем, ныне уже неверным, Пимерии, или «страны пимов». Условная линия, разделяющая территории двух республик—американской и мексиканской, не составляет этнологической границы, и как раз на севере этой пограничной линии пимы и родственные им папагосы представлены в наибольшем числе. Что касается опатов, которых насчитывают приблизительно 35.000, то они живут преимущественно в Сиерра-Мадре, в высоких долинах рио-Соноры и рио-Якуи: это земледельческие населения, наполовину уже объиспанившиеся; в народных войнах они всегда становятся в ряды белых; мексиканские писатели прославляют их мужество, крайнюю воздержность и их постоянство, за что дали им название «американских спартанцев». Якуи и майо, живущие на берегу Калифорнийского залива, в почти пустынных областях, орошаемых реками одинакового с ними названия, отличаются такой же храбростью, как и опаты, но они не отдавали её в услужение белым и часто возмущались. В 1825 году, после провозглашения мексиканской независимости, они провозгласили также и свою независимость, и объявили себя свободными от всяких податей; с этого времени их территория стала трудно доступной для иностранцев. Однако, якуи и майо, соединяемые иногда под именем кахитов, по языку, которым они говорят, довольно малочисленны: общее число их, вероятно, не превышает 20.000. Несмотря на войны, которые им приходилось вести против белых, они по природе миролюбивы и очень энергичны в работе. Подобно алжирским кабилам, их молодежь каждый год целыми толпами отправляется в отхожий промысел, на фермы в Сонору или Синалоа, или же прямо в города, где они служат носильщиками или домашнею прислугою. Но и вдали от родины они всей душой тяготеют к своим родным долинам, куда и наезжают ежегодно, если судьба не занесет их слишком далеко[3]. У них, говорят, очень развиты музыкальные способности; подобно венгерским цыганам, они, слушая деревенских гудочников, выучиваются играть по слуху на скрипке, на гитаре, на арфе, и под их музыку поселяне с увлечением пляшут в праздничные дни.

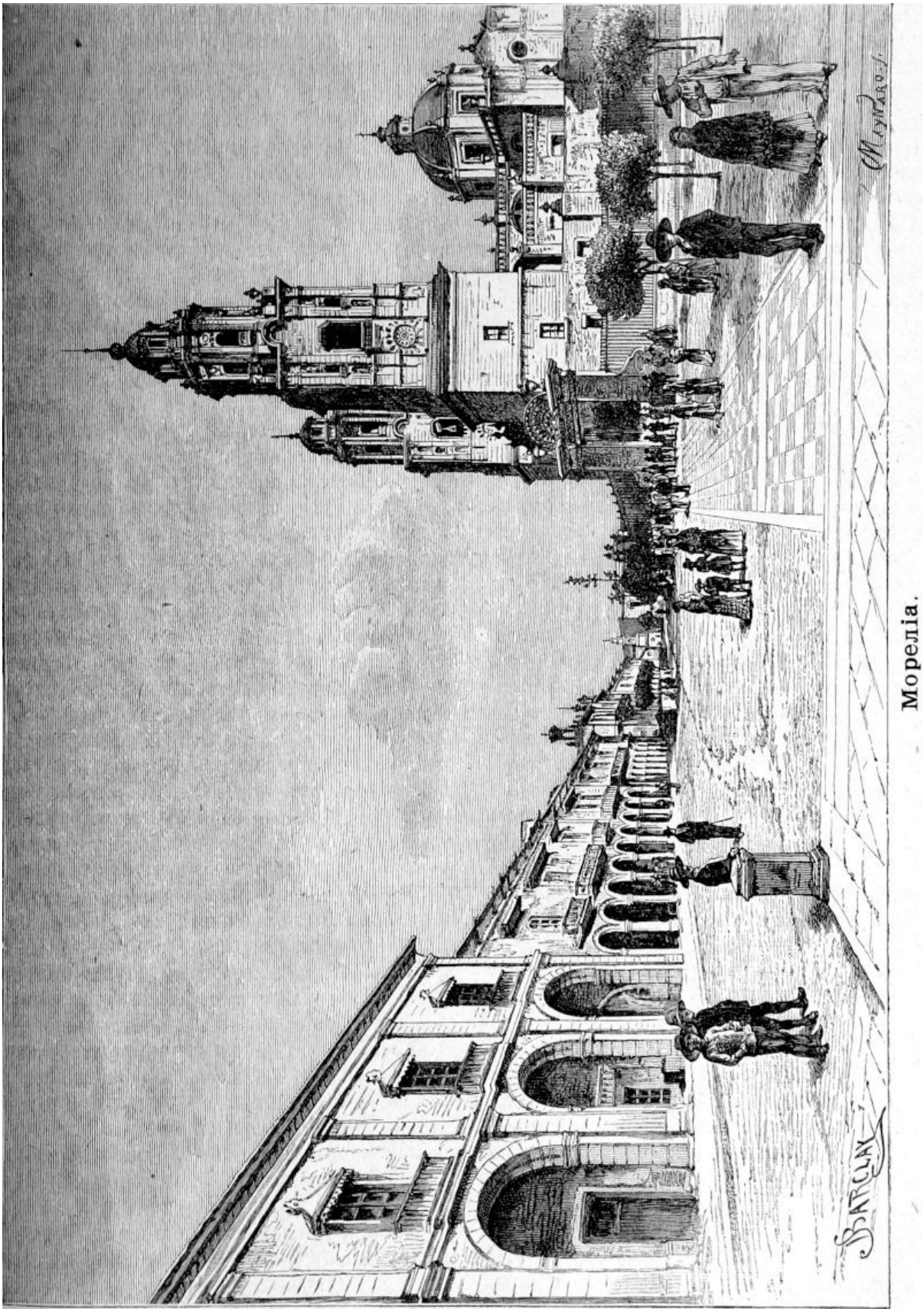
Нация Сери, на острове Тибурон и на соседнем берегу материка, составляет, повидимому, особую подрасу, вместе с некоторыми другими группами рассеянных семейств, известных под различными названиями: Ороско-и-Берра уподобляет их караибам и считает возможным, что они действительно принадлежат к этой расе. Эти туземцы, теперь почти совершенно исчезнувшие, с необыкновенным упорством защищали свои долины и побережья, так что часто испанские экспедиции тщательно обходили их территорию; в особенности боялись их отравленных стрел. В этой стране на всякое ядовитое растение смотрели с суевер-

1 Clavigero, „Storia della California“;—Baegert, „Smithsonian Report for 1854“;—H. H. Bancroft, „Native Races“.

2 Pimentel, „Cuadro de las lenguas indigenas de Mexico“.

3 Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

ным страхом и крайне остерегались вырывать его из опасения несчастия; детям одевали на шею мешочек, наполненный семенами и листьями какого-нибудь из этих смертоносных растений, имея этим в виду оградить их от злой судьбы и от нападений хищных зверей. Сери

Морелія.

благоговейно поклоняются солнцу при его восходе и закате, и чествуют праздником каждое новолуние. Ещё в половине настоящего столетия они одевались преимущественно в сшитые шкурки пеликана, разрисовывали себе лицо и прокалывали нос, чтобы продеть в него куски

зеленых камней, так называемые *чилчигуиты*, столь ценимые древними ацтеками[1]. Они не умеют строить лодок, но зато из тростника сооружают большие плоты, на которых могут стоять пять человек, гребя двойным веслом.

Между многочисленными народцами северо-западной Мексики особенно замечательны тарахумары, или тарумаросы, тем постоянством, с которым они сохраняют свои старые нравы и обычаи. Жители Чигуагуа называют тарумаросами всех «приручённых» индейцев этого штата, но настоящие тарахумары, в количестве около 40.000 человек, населяют исключительно долины Сиерра-Мадре, по обоим склонам Атлантического и Великого океанов: их поселения, названия которых большею частью кончаются на *чик*, что означает «местечко, город», разбросаны в горной области трех штатов: Чигуагуа, Соноры, Синалоа и даже, по словам Пиментеля, отчасти в Дуранго. Некоторые семейства ведут ещё пещерный образ жизни, и в этой местности зачастую попадаются пещеры, которые в былые времена служили жильем: по мнению многих исследователей, древние обычаи троглодитов вполне объясняют ацтекскую легенду, относящуюся до пребывания их в «Семи Пещерах»[2]. Тарахумары, которые живут в городах белых, говорят на языке победителей, но в Сиерре этот народ сохранил свой прежний идиом.

Открытые в своих убежищах иезуитскими миссионерами в начале XVII-го века, тарахумары никогда не оказывали деятельного сопротивления; тем не менее испанцам не удалось подчинить их своему режиму. Браки у них до сих пор совершаются по традиционному обычаю, после предварительного испытания невесты в доме жениха, под присмотром родителей. Тарахумары сумели спасти свои земли от вторжения иноземцев и до сих пор владеют ими на общинных началах. Каждая группа поселян составляет общину, и так же, как в России, пахатная земля распределяется здесь между семействами наделами, соразмерными с числом членов семьи. Известная часть общинной земли отделяется для больных и стариков, и члены общины поочередно обязаны обрабатывать её: жатва, состоящая из маиса, пшеницы, фасоли и картофеля, складывается затем в общественный магазин, под наблюдением самых почетных сельчан мужского и женского пола, и обитатели общинного дома могут брать оттуда столько, сколько кому нужно. Тарахумары, признанные «гражданами» Мексики, пользуются полною административною автономиею; они избирают из своей среды представителей власти—правителя и помощника его, судью и регистратора, а воинская повинность их состоит в том, что они должны, во время ежегоднаго посещения главного военачальника, представляться ему и вручать каждый по двадцати стрел, купленных от него же для этой церемонии. Они называют себя «христианами» и во время посева водружают крест на окраине своих полей, но не позволяют своим священникам присутствовать на этом празднестве, которое оканчивается принесением в жертву барана или теленка. Жители южных округов, близ общей границы штатов Чигуагуа, Сонора и Синалоа, придерживаются ещё древней религии. Они чуждаются мексиканцев, и когда мексиканец силой вторгнется в их деревню, они отказываются отвечать на вопросы чужестранца; они жестом руки отвергают всякую предлагаемую им плату за их продукты и без всякого протеста позволяют разграблять свои хижины: у них хватает энергии только на пассивное сопротивление. Их рисуют большими меланхоликами; между тем, когда им нечего опасаться постороннего вмешательства в их праздники, они умеют искренно веселиться и «пляшут со своими богами»[3]. Особенно они любят бои на копьях и состязания в беге: отсюда будто-бы происходит и самое название этого народа, означающее «Скороходы», согласно сомнительной этимологии. Иногда соперничающие племена проводят целые дни в оспаривании друг у друга приза, состязуясь то просто в скороходстве, то в беге с препятствиями. При таких состязаниях на арене расставляются, через известные промежутки, женщины с кувшинами воды для того, чтобы приводить в

1 Francisco Velasco, „Sonora“.

2 Buelna, „Peregrinacion de los Aztecos“;—A. Bandelier, „Art of War of the ancient Mexicans“;—Schwatka, „Deutsche Rundschau fur Geographie“, 1888.

3 Julius Froebel, „A travers l'Amerique“.

чувство тех из состязающихся, которые потеряют сознание.

На юге, некоторые долины Сиерра-Мадре населены остатками другого индейского племени—тепехуанов, или «Властителей Гор»[1], которые не оправдывают уже более своего названия: после столкновений с миссионерами, этот народ был почти совсем истреблен испанцами Дуранго. Эти туземцы, теперь обращенные уже в христианство и понемногу смешавшиеся с населением Сиерры, сохранили ещё в некоторых областях свой первоначальный язык, который, по объяснению некоторых авторов[2], содержит в своем словаре множество слов, имеющих аналогичные выражения в азиатских языках севера. Чистокровные тепехуаны имеют матово-желтый цвет лица, выдающиеся скулы, скошенные и узкие глаза, словом, тип, схожий с киргизским и калмыцким; они заплетают свои волоса в одну косу, спускающуюся на затылок. Хотя и существуют различные гипотезы, предполагающие родство этого народа с азиатами, тем не менее Бушман и Орозко по языку причисляют тепехуанов и соседний с ними на юге народ кора к той же сонорийской группе, к которой принадлежат пимы, опаты и тарахумары, тогда как племена сабайбо, акаксее и ксиксимме, населяющие Дуранго, а также и кончосы—жители Чигуагуа, обитающие в равнинах, орошаемых рекою того же имени,—скорее нахуатльского происхождения и родственны ацтекам. У некоторых племен этих областей практикуется обычай «кувады», встречающийся во многих других странах: у лагунеросов и ахомамов, когда женщина разрешится от бремени, то в постель ложится её муж, и за ним ухаживают впродолжении шести или семи дней, во время которых он должен очиститься и выдержать строгий пост, не употребляя в пищу ни мяса, ни рыбы[3].

Пространство, заключающееся между рио-Гранде и восточным склоном Сиерры-Мадре, населено племенами апачей, составляющих особое семейство, родственное по языку, как говорят Банделье, атабасканцам, живущим на берегах Мекензи: название их, по всей вероятности, апатского происхождения и означает «Злые Собаки»[4]. До недавнего времени вся северная часть республики была совершенно открыта для набегов этого разбойничьего народца, и даже в 600 километрах от американской границы, в Дуранго, кресты, поставленные вблизи городов и даже в предместьях, напоминают об убийствах, совершенных этими дикарями. Территории, по которым в первые времена оккупации испанские войска могли проходить без всякого сопротивления, и где уже основались мирные колонии, подверглись нападению грабителей, и с тех пор исчезла всякая безопасность за чертою городов и укрепленных гасиенд; путешествие можно было совершать только караванами, и вооруженные люди, преследуемые по пятам дикарями, ползком пробиравшимися в низком кустарнике, остерегались отдаляться от главной массы каравана. Преследование этих неуловимых врагов было немыслимо. На своих быстрых лошадях они могли в один день делать 100 и даже 200 километров: всюду чапарраль или мезкиталь давал им убежище, и ни один пастух не смел выдать их присутствие, хотя бы и знал о нём. Режим крупного землевладения, тот самый режим, который довел до вторжения варваров в Италию, только облегчал набеги апачей; им благоприятствовало это постепенное уничтожение небольших культурных и сопротивляющихся центров, некогда рассеянных в стране, эта замена земледелия скотоводством,—что сразу отдавало всё хозяйство в руки какой-нибудь горсти смельчаков, совершавших неожиданное нападение,—наконец, это предоставление забот об охране наемным солдатам, которые часто из-за корыстных целей действовали за-одно с грабителями. Сознавая свое индейское происхождение, простой народ гордился подвигами своих собратьев, пребывающих ещё в диком состоянии, и воспевал их в песнях, где осмеивались злоключения ограбленных помещиков, напрасно гоняющихся в поисках за своими уведенными стадами.

Чтобы избавиться от грабителей-апачей, против них декретировали истребительную войну. Назначили цену за их голову; за волосы и пару ушей воина платили премию в 200 пиа-

1 Pimentel;—Froebel;—Guillemin-Tarayre, цитиров. сочинения.

2 Fernando Ramirez;—Orozco y Berra, „Geografia de las Lenguas de Mexico“.

3 Guillemin-Tarayre;—Baissac, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, Том III.

4 H. H. Bancroft, „The wild Tribes“.

стров: индианка, приведенная живою, стоила 150 пиастров; такую же плату давали за живого парня, а за труп его 100 пиастров. Чувство гуманности, повидимому, охранялось этим назначением большей премии за пленных, которых можно было потом воспитать и которых употребляли в качестве прислуги или пастухов, если только наследственный инстинкт не побуждал их при первом же удобном случае бежать, чтобы снова вернуться к дикой жизни. В свою очередь, и апачи, предавая смерти всех взрослых мужского пола, щадили женщин и детей, чтобы пополнять ими свои банды, которые от этого смешения, в конце концов, обратились в сброд всяких племен и рас. В этой ужасной войне часто случалось, что не щадили даже самих посланцев. Военная власть, ревностно охраняя свои права, способствовала с своей стороны продлению этого режима террора, присваивая себе исключительное право защиты и решительно запрещая муниципалитетам соединяться в союзы против общего врага[1]. Но так как регулярного войска было недостаточно для исполнения задачи, то призвали иностранных наемников: так, в 1850 г. в Чигуагуа была нанята банда техасцев для охоты за головами апачей; но скоро оказалось, что эти опасные союзники находили более удобным грабить мирных путешественников и преподносить их волосы правительству, которое за них платило деньги. Наконец, на индейцев натравили других индейцев, и дело истребления апачей предоставили их заклятым врагам, южным команчам, кочующим в Болсон-де-Мапими. Уцелевшие апачи сделались пастухами, волопасами, лошадиными барышниками, а некоторые даже сторожами на станциях железных дорог, пересекающих теперь по всем направлениям прежние районы их набегов и грабежей.

Северо-восточная часть Мексики, заключающаяся между рио-Браво и Тампико, между центральными плоскогориями и Мексиканским заливом, есть область, окончательно завоеванная испанским языком с XVIII столетия; едва остались там ещё кое-какие следы нахуатльского и других идиомов: «сто сорок восемь племен» Коагуилы, «семьдесят два племени» Тамаулипаса, «тридцать одно племя» Нового Леона[2], маносприетасы, ирритилы, тамаулипеки, куачичилы и закатеки—растворились в массе смешанного населения, утратив свои нравы и свои особые говоры; почти всюду, где население было кочевое, идиом исчез, но он дольше сохраняется у земледельцев. Именно в соседстве столицы, горы и глухия долины населены разбросанными группами индейского племени отоми, которые, кажется, весьма мало изменились со времени владычества толтеков: название их значит «Красноволосые», и произошло, вероятно, от существовавшего у них обыкновения красить волосы в красный цвет перед отправлением на войну[3]. Вокруг Кверетаро, взятого за центр их области обитания, они почти целиком занимают все гористые области Анагуакского плоскогорья, между Сан-Луи-Потози и снеговою цепью гор: отсюда происходит и прозвище их *Серранос*, или «Горцы». Численность их определяют в 600.000 с лишним, включая сюда и тех, которые переменили свое наречие на ацтекское или кастильское, а вместе с паме и мазагуа их наберется, может-быть, целый миллион. Хотя имя их значит «Бродячие», отоми, напротив, не обнаруживают склонности к передвижению; все их переходы ограничиваются своими же горными деревнями и местами торга: они снабжают углем Мексико и другие города плоскогорья, служат водоносами и продают галеты или *tortillas*: их называют «Оверньятами» и «Савоярами» Мексики. Это—люди с большой широкой головою, с густыми, черными волосами, с темно-бурым цветом лица и с тяжелой походкой, которая не мешает им быть отличными скороходами. В этих туземцах хотели видеть остатки китайской колонии, но эта гипотеза не согласуется с другою, которая приписывает цивилизации ацтеков китайское происхождение. Поводом к теории азиатского происхождения отоми послужил их язык, *хиа-хиу*, или «старый», который состоит почти исключительно из односложных слов; двухсложные слова встречаются в нём очень редко, а трехсложные только в виде исключения и как составные, в которых легко найти корень. Китайский словарь и хиа-хиу представляют много совпадений; но иначе и

1 Julius Froebel, цитиров. сочинение.

2 Orozco y Berra, цитир. сочинение.

3 A. Reville, „Les Religions du Mexique“.

быть не могло, так как серия односложных слов довольно бедна различными формами[1].

На западе и на юге-западе от Мексико, в Мичоакане, основное население состоит из тарасков, которых иногда, по их местожительству, называют мичоаканами. Они занимают почти всё пространство этого штата и небольшую часть Гуанахуато, имея в разных округах своими соседями отоми, мазагуа, матлалцинка, наконец, более или менее смешанных потомков ацтеков. Ещё в начале века, в Мичоакане господствовал язык тарасков, а испанский был почти совсем неизвестен, за исключением только городов[2]. В настоящее время, кастильский язык, введенный во всех школах, понемногу вытесняет туземное наречие, которое, однако, ещё крепко держится во многих деревнях. В прежния времена, тараски, соперничавшие в цивилизации с родственными им по расе ацтеками, знали также иероглифические письмена, а в некоторых промыслах даже превосходили ацтеков; их культ был более мягкий, и они только незадолго до испанского завоевания ввели в употребление человеческие жертвы. Они с большой храбростью оказывали сопротивление своим «тестям» ацтекам: Лагунас говорит, что и самое название народа тараски (Tarhascue), означающее «зятья», произошло оттого, что они имели обыкновение брать себе жен у этих исконных своих врагов.

На восточном склоне плоскогорья, спускающемся к Мексиканскому заливу, среди метисов ацтекского происхождения, но более или менее объиспанившихся, попадаются анклавы с совершенно самостоятельным населением. Это земля гуакстеков,—или «наших соседей», как вежливо называют их ацтеки (по Пиментелю, «гуакстеки» значит «жители страны Гуакси или Гуявы», названной так по обилию произрастающего там плода гуявы), которые граничат с северной стороны с равнинами, орошаемыми нижним течением Тампико, и которые занимают всю северную часть штата Вера-Круц. По расе и языку гуакстеки родственны юкатанскому племени майя, но у них не сохранилось воспоминаний о событиях, отделивших их от главной массы нации. По Штоллю, их язык своими старыми формами указывает на то, что они первые разобщились с первобытною группою[3]: различные названия местностей и народов свидетельствуют о том, что майя, теперь оттесненные в Юкатан, занимали прежде плоскогорье Тлакскала[4]. Их соседями на юге, в горах, откуда вытекает рио-Казонес, являются тотонаки, или «Три сердца», названные так потому, что, как говорят, в языческую эпоху они каждое трехлетие приносили торжественную жертву из трех молодых людей, сердца которых возлагались на алтарь богов[5]. По преданию, тотонаки ещё прежде чичимеков и ацтеков совершали большие эмиграционные движения и, подобно им, поселились первоначально на Анагуакском плоскогорье, откуда, вследствие движения последующих народных масс, были мало-по-малу оттеснены на восток. Большинство этнологов, придерживаясь мнения Сахагуна[6], причисляют тотонаков к одной семье с гуакстеками и майя, тогда как историки видят в них совершенно самостоятельную народность. Альфонс Пинар считает тоже за отдельный народ, имеющий свой собственный язык, несколько тысяч акальманов, которые поселились между гуакстеками и тотонаками в северном Гидальго и в штате Вера-Круц, главным образом в окрестностях города Пуежутла.

Последняя группа индейского населения Мексики в собственном смысле, исключая Чиапаса и Юкатана, состоит из различных туземных народцев, которые, в количестве около 600.000 человек, живут в гористых областях юга и на тихо-океанской покатости, от окрестностей Акапулко до Тегуантепекского перешейка. Преобладающими наречиями, весьма, впрочем, мало различающимися между собою, являются языки мекстиков и запотеков, жителей «Страны облаков» и «Страны запотов» (растение *casimiroa edulis*). Подобно тараскам, эти туземцы по цивилизации нисколько не уступали ацтекам; сознавая себе цену, они энер-

1 F. Pimentel, цитиров. сочинение.
2 Alex. de Humboldt, цитированное сочинение.
3 Otto Stoll, „Zur Ethnographie de Republik Guatemala“.
4 Philipp Valentini, „The Olmecas and the Tultecas“.
5 F. Pimentel, цитированное сочинение.
6 Bernardino de Sahagun, „Historia de las cosas de Nueva-Espana“.

гично сопротивлялись испанцам и ещё в недавнюю эпоху сохраняли свою полу-автономию. Связанные ныне политическою жизнью и общею культурою с другими группами населения, микстеки и запотеки энергичнее прочих индейских народов способствуют возобновлению мексиканского благосостояния. Нет сомнения, что в близком будущем испанский язык займет и в общежитии, как занял уже в школах, место первобытных идиомов страны. Племена миксе, зокэ, чинантеки и другие, населяющие восточную Оаксаку и известные прежде под общим названием чонталов, или «Диких», постепенно сливаются с общею массою культурного населения. Чинантеки выучиваются испанскому языку на плантациях провинции Вера-Круц, куда они ходят каждый год на полевые работы. Что касается миксе, то их язык настолько беден, что они поневоле должны были пополнять его словами, заимствованными из испанского языка. Ещё недавно, как говорят, для выражения своих мыслей, они прибегали к мимике, и ночью, когда тушились огни, всякий разговор по необходимости прекращался[1].

Если можно безошибочно сказать, что ацтекские аборигены во многих отношениях уступают в цивилизации бывшим подданным Монтезумы, то с другой стороны верно и то, что многие племена, некогда находившиеся вне всякой культуры, теперь вошли в солидарное движение национальной эволюции. Во всяком случае, множество идиомов, которыми ещё говорят на почве республики, либо сотни тысяч, либо только тысячи, или даже сотни лиц, не позволяет сравнивать Мексику с Австро-Венгрией или с Турецкой империей, ибо в этих двух странах различные говоримые языки принадлежат могущественным национальностям, борющимся из-за первенства в недрах одного и того же государства, тогда как в Мексиканской республике испанский язык, всеми признаваемый как язык национальный, неизбежно пользуется всеми потерями, которым подвергаются другие идиомы. Впрочем, за исключением языков ацтекского, отомийского, тарасканского, микстеканского и запотекского, остальные сто двадцать идиомов и наречий, на которых ещё говорят в Мексике, употребляются только очень незначительными в количественном отношении племенами, и уже многие из этих наречий находятся на пути к исчезновению, как исчезли по крайней мере шестьдесят различных туземных диалектов со времени прибытия испанцев в страну.

Главные языки, на которых говорят в собственной Мексике, кроме Чиапаса и Юкатана:

Нахуатльский или мексиканский, акаксее, сабайбо, ксиксиме, кочими, кончо и т.д.

Сери, упангуайма, гуайма.

Папаго, опата, якуи, майо, тарахумара, тепехуан, кора и т.д.

Апаче или явипай, навахо, мескалеро, льянеро, липан и т.д.

Отоми или хиа-хиу, паме, мазагуа и т.д.

Гуакстекский, тотонакский.

Тарасканский, матлалцинка.

Микстекский, запотекский, миксе, зоке, чинантекский.

Большое разнообразие происхождения у туземцев не позволяет дать общую характеристику мексиканского индейца. Портреты, данные различными авторами, относятся, главным образом, к тем индейцам, которых встречаешь на дороге из Вера-Круца в Мексико и другие значительные города плоскогорья; ацтеки, более или менее цивилизованные, и отоми, почти дикие,—вот те индейцы, которых писатели почти всегда брали за модели. В этих возвышенных областях большая часть индейцев имеют мягкую, бархатистую кожу, но дотого толстую, что под нею совершенно скрыты всякия движения мускулов и вен. За непрозрачностью кожи на щеках у них никогда не заметишь румянца, разве только у очень молодых девушек, у которых лицо тогда «сверкает, как медь под лучами солнца»[2]. Выдающиеся скулы, впрочем, вовсе не костлявые, нос с широкими ноздрями, толстые губы, круглый подбородок,—всё это придает кроткое выражение их физиономиям. Во взгляде есть что-то странное, что

1 Orozco y Berra, цитиров. сочинение.

2 Carlos von Gagern. „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft von Wien“, 1873.

обусловливается своеобразною формою век: верхнее веко у них только чуть-чуть изгибается над средней линией глаза, тогда как нижнее описывает по направлению к щекам гораздо более выдающуюся дугу, чем у людей других рас[1]. По устройству черепа они брахикефалы, т.е. короткоголовые, что происходит, по крайней мере во многих местностях, от некоторых манипуляций, которые искусно проделывают бабки, формуя головы своих новорожденных внуков на внутренности тыквы[2]. Волоса у индейца черные, густые, гладкие, как у северного американца. Уже при рождении голова ребенка покрыта довольно густым пушком; старики редко плешивеют и седеют чуть заметно. Покоренные туземцы имеют обыкновение напускать до половины лба длинные пряди своих жестких волос, что придает им глуповатый вид, тогда как большинство независимых индейцев откидывают свои волосы назад или даже совершенно пробривают их на темени.

Туземцы плоскогорий замечательны своей широкой и сильно выпуклой грудью. Кроме того, они отличаются также большой мускульной силой своих ног: при отдыхе где-нибудь на краю дороги или в своих жилищах они садятся на корточки, опираясь на кончики своих ног, и даже после целых часов подобного положения тела, они не чувствуют ни малейшей усталости. Во время путешествия они ходят гуськом, слегка подпрыгивая, чтобы идти в ногу, и постоянно наклонившись вперед, как-будто подставляют свою широкую спину под какую-нибудь тяжесть: поза эта вполне подходящая к состоянию «вьючных животных», службу которых они ещё недавно несли. Женщины, когда они стоят на коленях, словно окаменелые, с неподвижным туловищем и головою, с застывшим взглядом и высокой грудью, имеют вид античных египетских статуй: сходство дотого разительно, что «невольно,—по словам Люсьена Биара,—наводит на мысль о возможном родстве этих двух народов».

Мексиканский индеец необыкновенно воздержан и регулярен в пище, почти исключительно растительной, состоящей из маиса, бобов, перца и бананов. Он любит иногда выпить в своей семье; но каково бы ни было количество выпитого *пульке* или других крепких напитков, ему никогда не грозит delirium tremens. Индеец редко хворает; тот, который счастливо отделался от судорог и других болезней, свойственных детскому возрасту, наверняка проживет до старости, которой он достигает, впрочем, не давая себе труда считать прожитых лет. Уроды среди индейцев попадаются очень редко: между ними не встретишь ни карликов, ни кривоногих, ни горбатых; все мужчины сильны и хорошо сложены; все женщины—крепкого сложения, стройны, красивы фигурою, если не лицом. Самые тяжкия раны у индейца заживают очень скоро. Он вообще, впрочем, довольно нечувствителен к физическим страданиям и гораздо выносливее белого[3]; при наступлении смерти, он в очень редких случаях выражает свои страдания или ужас: это совершеннейший стоик; в этом отношении он походит на краснокожого индейца Соединенных Штатов. Этому народу, повидимому, нечего опасаться исчезновения его расы с лица земли, если не говорить о тех индейцах, которые, по соседству с большими городами, усвоили пороки белых, не облагородившись их цивилизацией. Это индейцам, как чистокровным, так и, в большинстве, смешавшимся с белыми, страна обязана ежегодным приращением своего народонаселения. Тем не менее, туземцы, не усвоившие ещё ни культуры, ни нравов цивилизованного общества и не вошедшие в состав белого и смешанного населения, имеют печальный вид неизлечимой меланхолии, присущей всем вымирающим народам. Они всегда угрюмы, молчаливы и, по справедливости, недоверчивы. Они любят уединение и неохотно покидают свои родные шалаши, благоразумно скрытые за кактусовыми изгородями. Вне их разрушающагося селения, над которым возвышается колокольня, построенная ими с любовью, ничто не возбуждает их любопытства. Впрочем, обиды они не забывают; оскорбителя своего они ни на минуту не упускают из виду и, притаившись, выжидают лишь благоприятного момента для мщения.

Мексиканцы смешанной расы, которые всё более и более становятся главным, по числен-

1 Hamy, „Bulletin Anthropologique“.
2 Lucien Biart, „Terre Chaude“.
3 D. Jourdanet, „Du Mexique an point de vue de son influence sur la vie de l’homme“.

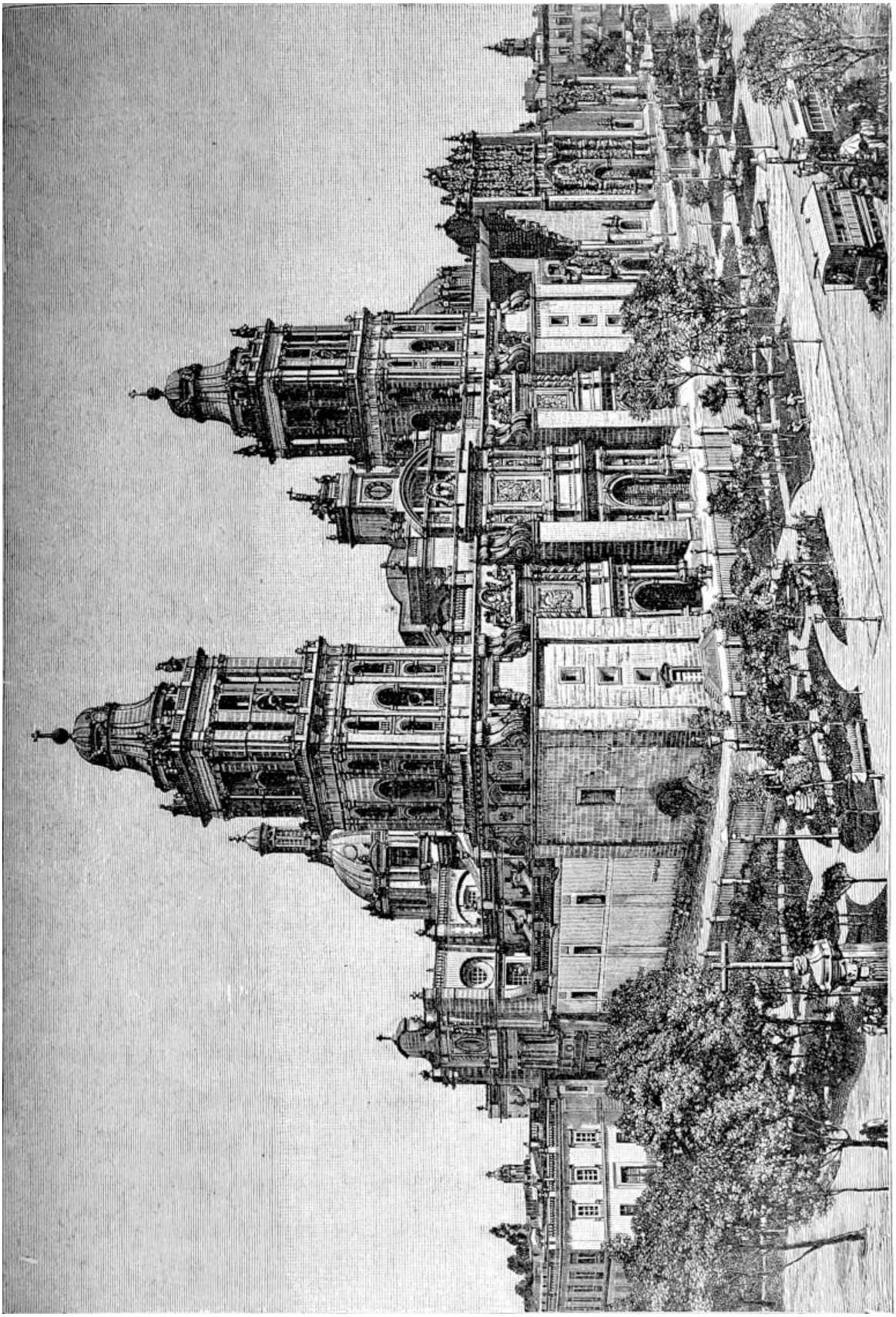
ности, элементом населения, в общем имеют гораздо более привлекательный вид: они изящнее индейцев и с тонкими чертами лица. Волосы у них также черные и часто жесткие; прямой нос иногда немного сплюснут, лоб сдавленный; но эта неправильность лица вполне искупается добрым, приветливым взглядом и улыбкой. У женщин дородность представляет довольно заурядное явление. Суставы рук и ног замечательно тонкие. Мексиканские креолы, вместе с перуанскими, это те клиенты французских перчаточников, у которых, как у мужчин, так и у женщин, самая маленькая рука[1]. Мексиканец держится непринужденно, но вместе с тем и скромно; он всегда вежлив, даже со своими близкими, и искренен даже с теми, с кем не состоит в дружеских отношениях: «и под самым грубым *сараре* никогда не найдешь деревенщины»[2]. Он обладает довольно ясным умом, но обыкновенно не отличается выдающимися способностями, и часто, в молодости, склонен к мотовству, к увлечению легкими удовольствиями жизни. Он охотно делится своими средствами с друзьями, охотно рискует своим имуществом в игре в кости. «У него горят деньги», гласит местная пословица, характеризующая расточительность метиса, который в этом отношении составляет резкий контраст с чистокровным индейцем, отличающимся крайнею скупостью: говорят, мекстеки и запотеки Оаксаки ещё до сих пор имеют обыкновение закапывать свои сбережения в землю, скрывая их даже от своей семьи, чтобы одному воспользоваться ими в день общего воскресения; полагают, что таким образом сотни миллионов лежат зарытыми в земле[3]. Таков, впрочем, древний обычай: сокровища следовали за своим владельцем в могилу, так что есть надежда современем, при раскопках, открыть массу драгоценных и различных старинных вещей из эпохи, предшествующей завоеванию.

Испанцы, сделавшиеся родоначальниками новых народов на мексиканских плоскогорьях, были по большей части выходцы из северной части Пиренейского полуострова—галисийцы, астурийцы и баски, тогда как колонисты Вера-Круца были в большинстве родом из Андалузии. Впоследствии пришли каталонцы. Иммиграция этих колонистов никогда не была значительна, а во время войны за независимость и совсем прекратилась; мало того,—значительная часть живших тогда в стране 80.000 испанцев подверглась изгнанию; их высылали целыми семействами, даже колониями, так что произошло обратное движение к метрополии. С тех пор снова начался легкий прилив колонистов: в иммиграции, направляющейся главным образом к плоскогорью, приняли участие также французы и итальянцы; даже северные европейцы, англичане и немцы, и те целыми тысячами водворились на возвышенностях «холодной» области.

Основываясь на словах Гумбольдта, долгое время думали, что Анагуак—такая страна, где высота местоположения почти в точности компенсирует для европейца более северные широты его родины, и что акклиматизация совершается там в короткое время и окончательно. «За исключением некоторых морских портов и глубоких долин,—говорил Гумбольдт,—Новая Испания должна считаться весьма здоровою»[4]. Она действительно страна здоровая для туземцев, которые приспособились к климату с незапамятных времен; но из сравнительных изысканий Журдане и других физиологов видно, что не только северные, а даже и южные европейцы селятся не безнаказанно на высоких плоскогорьях, где барометрический столб, в среднем, всего только от 58 до 59 сантиметров, и где, следовательно, давление атмосферы на одну пятую меньше, чем внизу, на уровне океана; таким образом здесь легкия человека вдыхают меньше кислорода, от 30 до 35 граммов в час. Не акклиматизировавшийся, хотя и считающий себя таковым, иностранец, живущий на возвышенностях, подвергается гораздо большим опасностям, чем индеец, хотя и лучше последнего знаком с требованиями гигиены; в особенности европеец должен опасаться сухого времени года, т.е. трех месяцев: марта, апреля и мая, впродолжении которых количество водяных паров бывает недостаточно для ды-

1 G. de Mortillet, „Societe d'Anthropologie". Заседание 6-го февраля 1890 г.
2 J. Leclercq, цитиров. сочинение.
3 C. von Gagern, цитиров. сочинение.
4 „Essai politique sur la Nouvelle Espagne".

хательных отправлений. Дети, родившиеся от европейцев, обыкновенно хилы и бледны, поднимаются довольно трудно, и почти всегда старость наступает преждевременно; даже и у туземцев ежегодный прирост населения гораздо значительнее в умеренных областях, чем в

Каѳедральный соборъ въ Мексико.

холодных. На плоскогорьях иммигрантам жить гораздо опаснее, чем на склонах умеренного пояса; даже те, которые селятся в жарких равнинах морского побережья, могут считать себя относительно закаленными после того, как перенесут желтую и болотную лихорадки, и ско-

рее осваиваются с новым климатом, чем их соотечественники, поселившиеся на возвышенностях. На плоскогорье очень часто страдают воспалением легких, кроме того дисентерией и разными тифозными заболеваниями. Анемия постепенно истощает организм иностранца: у него часто бывает головокружение, во время которого ему кажется, что он теряет равновесие без видимой причины, и тогда он воображает, что происходит землетрясение. Рак, болезнь, почти неизвестная на побережье, в «долине» Мексико составляет заурядное явление и развивается там с поразительной быстротой. И чем дольше живет европеец на этих высотах, тем меньше имеет он силы бороться с влиянием болезни: не то чтобы акклиматизироваться, он, напротив, становится всё более и более чувствительным к простуде, всё менее и менее способным к продолжению борьбы за существование. Зато эти возвышенные области дают своим туземным жителям почти полный иммунитет от чахотки, и даже те из иммигрантов, которые успели заразиться этою болезнью у себя на родине или получить её как наследственную болезнь от родителей, имеют больше шансов на полное выздоровление, живя в Анагуаке[1]. Если здесь и бывают ещё единичные случаи чахотки, то они объясняются недостатком гигиены.

Напротив, в прибрежных областях чахотка—очень обыкновенная болезнь и выражается здесь в особенно острой форме, за исключением разве только болотистых местностей, где преобладает болотная лихорадка; эти две страшные болезни поделили между собою поморье. Известно также, как опасна желтая лихорадка на побережье Мексиканского залива, и особенно в Вера-Круце: зимой заболевания реже, но случалось, что эта эпидемическая болезнь свирепствовала круглый год. Может-быть, эта болезнь не существовала до прибытия европейцев в страну: по крайней мере медики не могли отождествить её ни с какою другою заразною болезнью, о которых говорится в истории Мексики; впервые о ней определенно упоминают только в половине XVII-го века, вслед за большими землекопными работами[2]. На восточном склоне плоскогорья желтая лихорадка не распространяется выше тысячи метров, даже выше семисот метров случаи заболевания ею очень редки; но зародыш болезни, схваченный на берегу, может развиться на горах через несколько дней по прибытии путешественника, и в этом случае болезнь очень опасна, часто смертельна. По берегу Великого океана порты Акапулко, Сан-Блас и Тегуантепек избавлены от желтой лихорадки, но зато там распространена желчная лихорадка, хотя, впрочем, обыкновенно в легкой форме у местных жителей. В Южной Мексике среди жителей, особенно среди женского населения, проявляется большая извращенность вкуса, побуждающая их есть землю; на ярмарках плоскогорья даже продаются лепешки надушенной земли, которые всегда находят покупателя.

Мексиканская нозология отличается ещё некоторыми особенными болезнями, неизвестными в других местах. На атлантической покатости, особенно в Оризабе, наблюдается по временам тяжкая болезнь, причиняемая одним видом гусеницы, *мойоквиль*, которая кладет под кожу личинку, проникающую довольно глубоко в тело и образующую там опухоль, величиною с куриное яйцо[3]: лечение от этой болезни состоит в прикладывании скипидарного пластыря, который вызывает нарыв, откуда вместе с гноем выходят и остатки животного. Впрочем, это довольно редкая болезнь, но есть другая, которая иногда поражает целые населения, в особенности в штатах Герреро и Оаксака: это болезнь *пинто* (pinto). Пораженные этой болезнью утрачивают прежний однообразный цвет кожи, которая покрывается у них белыми пятнами по черному фону, или грязно-красными по белому, и пятна эти постепенно увеличиваются: под конец тело становятся совсем пестрым, иногда с довольно правильным рисунком, вроде шерсти пегой лошади или змеиной и саламандровой кожи. Зоб и пинто разделили между собой население во многих горных долинах. Зоб гнездится преимущественно в сырых низинах, тогда как пинто поражает жителей горных вершин: в промежу-

1 Jourdanet;—de Belina;—Coindet;—Dupin de Saint-Andre, и т. д.

2 D. Jourdanet, „Le Mexique et l'Amerique tropicale"

3 C. F. Poyet, „Nouvelles Annales des Voyages", 1863 г.

точном же поясе обе эти болезни свирепствуют совместно[1]. Во время междоусобных войн в Мексике в отрядах войск попадались целые толпы людей с лицами, испещренными болезнью пинто.

Нижняя Калифорния, Сонора, Синалоа

Область Мексики, наиболее удаленная от столицы и наиболее обособленная по своему географическому положению, вместе с тем и в политическом отношении имеет наименее важное значение; она служит, так сказать, только барьером, длиной около 1.200 километров, впереди мексиканской территории: это Нижняя Калифорния. При своем редком населении, едва превышающем 40.000 душ (в 1895 г.), не имеющая других ресурссов, кроме рудников, солончаков и рыбных промыслов, Нижняя Калифорния не была даже признана достойной быть возведенной в ранг штата и остается на степени территории, принадлежащей совокупности республики. Оттого северо-американцы часто переходили границу полуострова, чтобы эксплоатировать там залежи руды или соли, которые им не были уступлены. Уже издавна было известно, что по всему западному побережью, вдоль залива Себастиана Визкайно, тянутся обширные естественные салины; но бассейны соляных испарений столь многочисленны по всему Мексиканскому побережью и внутри материка, что испанцы и не подумали утилизировать эти обширные углубления Калифорнийского побережья покрытые эффлоресценцией соли. В 1884 г. мексиканские исследователи, заехавши в одну из таких бухт, называемую, по имени соседнего ключа, Охо де-Льебре, или «Источник Зайца», с удивлением открыли там остатки большого завода для эксплоатации соли, устроенного американскими промышленниками: амбаркадеры, амбары, железные дороги, подвижной состав из вагонеток занимали там пространство более 6 километров. Очевидно, предприятие было организовано в обширных размерах и давало занятие большому числу рабочих, а между тем мексиканское правительство и не подозревало о существовании его, может-быть, по причине отдаленного положения полуострова и недостатка местного населения[2], а может-быть, и это вернее всего, вследствие нерадивости или продажности чиновников.

Половина калифорнийского населения сгруппировалась на южной оконечности полуострова и главным образом по соседству с заливом Ла-Пац. Главный город Калифорнии, Ла-Пац, построенный иезуитами миссионерами, расположен в русле безводного потока, на южном берегу бухты, защищенной с восточной стороны скалистым мысом Пичилинге: пышная зелень окружающих его садов составляет резкий контраст с суровыми скалами и песчаниками, покрывающими почти всё побережье полуострова. К югу от города Ла-Пац извивается хорошо содержимая дорога, окаймленная *папелотами* или нориями (гидравлическая машина для орошения полей); она проложена между фруктовыми садами, виноградниками, кофейными и другими плантациями и ведет к лежащему на океанской покатости цветущему селу Тодос Сантос (Всесвятское), вокруг которого культивируют в особенности сахарный тростник; небольшая долина Тодос Сантос орошается речкою, которая не пересыхает круглый год,—явление довольно редкое в Мексиканской Калифорнии. Таким образом город Ла-Пац представляет собою центр земледельческой промышленности; однако, главное богатство этого округа заключается в золотых и серебряных рудниках. В былое время они приносили гораздо больше дохода, и когда край находился под владычеством иезуитов, ежемесячная добыча исчислялась в несколько миллионов; говорят, что наиболее богатые минные галлереи были засыпаны в 1767 г., во время изгнания миссионеров, и что с тех пор индейцы строго хранили секрет. Как бы то ни было, некоторые рудники, между прочим, рудники Сан-Антонио, к югу от Ла-Паца, и до сих пор очень богаты залежами золота: ежегодно его добывают там на 12 миллионов франков[3]. Кроме того, к северо-западу от Ла-Паца, в Маркесе, разработывают ртутный рудник, доставлявший прежде индейцам полуострова киноварь для

1 Chassin, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. Том III.

2 Martinez Baca, „Anales del Ministerio de Fomento“, 1887 г.

3 Ed. Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

раскрашивания тела в праздничные дни или в дни сражений: обменною торговлею этот минеральный продукт доходил до самого Орегона[1]. Наконец, Ла-Пац есть средоточие ловли жемчуга, производимой в Калифорнийском заливе. Подводные скалы мыса Пичилинге покрыты жемчужными раковинами, которых индейцы якуи вылавливают со дна; кораллы произростают целыми лесами в проливах, разделяющих острова от материка, и, по Ксантусу, там добывают также до девятнадцати различных сортов губок, впрочем, довольно грубой ткани. Доходность этих ловель, как и минеральных богатств, год от году падает; но всё же, в среднем, она выражается довольно крупною цифрою в 250.000 франков: вывезенный за границу, этот жемчуг из Ла-Паца, скупаемый европейскими торговцами, которые продают его в Нью-Йорке, представляет гораздо более значительную сумму. Все эти естественные богатства, а также обладание прекрасною обширною бухтою и надежными якорными стоянками давали повод предсказывать столице Калифорнии блестящую будущность; но её возделанный округ, кажущийся пышным в этом спаленном краю, не в состоянии доставлять Ла-Пацу элементы самостоятельной торговли: город этот может развиваться только как приморский складочный пункт.

Лорето, расположенный, как и Ла-Пац, на берегу Багряного моря, приблизительно в 250 километрах от столицы, был прежде духовной метрополией Нижней Калифорнии: здесь миссионер иезуит Сальватьерра основал, в 1697 г., первую укрепленную станцию, откуда совершались экспедиции внутрь страны для освобождения пленных, которых затем обращали в христианскую веру и превращали в верных прихожан. Лорето, которому Багряное море обязано было своим временным названием Мар-Лауретинео или «Море Лоретское», служит и поныне религиозным центром, куда стекаются богомольцы со всех концов полуострова; даже индейцы приходят сюда издалека, чтобы выкупаться в лужах, питаемых водой *ojo caliente*, т.е. «кипящего родника». Недалеко от Лорето, у западной подошвы горы «Исполина», находится селение Комонду, в котором маленький отряд мексиканских солдат выдержал четырехмесячную осаду против американцев, далеко превосходивших его численностью. Эта деревня, как и все деревни полуострова, старой постройки, в архитектурном отношении мало отличается от селений индейцев зуньи и пуэблосов, в Новой Мексике: это громадный четырехугольный дом, окруженный рвом и без наружных отверстий; по лестнице, приставленной к стене, взбираются в первый этаж, отступающий на несколько метров от подвального, а по второй лестнице поднимаются на самый верх, откуда уже по трапам и другим лестницам спускаются во внутренние покои и во двор.

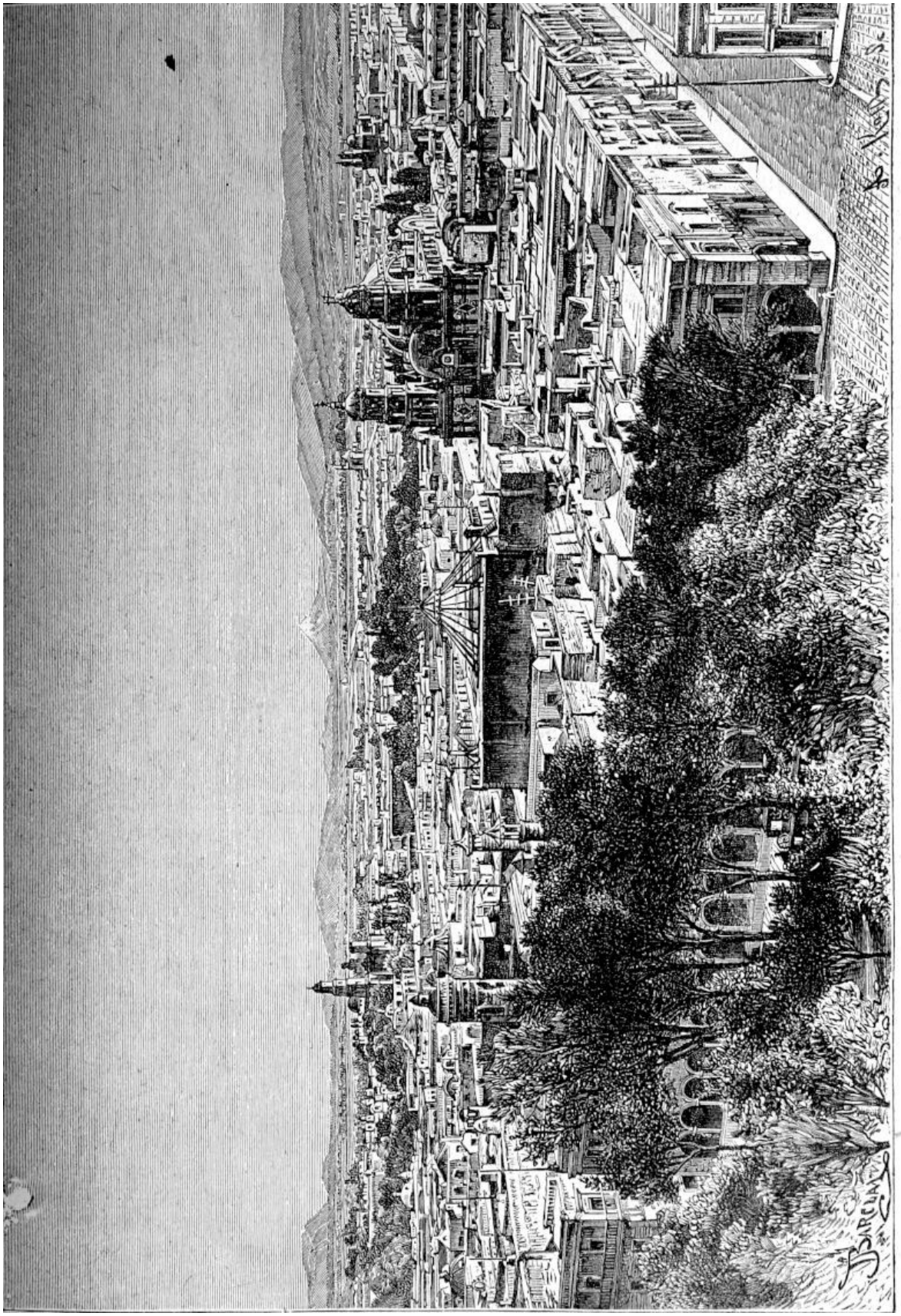
В последнее время в некоторых местечках, прежде совершенно пустынных, даже необитаемых, начинает развиваться торговая деятельность. Так, поселок Мулеже, расположенный в сотне километров на северо-запад от Лорето, на берегу залива Санта-Иньес, стал довольно оживленным с тех пор, как во внутренних долинах открыли месторождения золота. На берегу океана, в прежнее время совершенно заброшенном, многие порты, которые были известны только китоловам, теперь посещаются некоторыми коммерческими судами, так как близость больших американских рынков, Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Сан-Диего, вызвала основание в этих местах колоний рыболовов, земледельцев, солепромышленников, искателей лакмусового ягеля. В прежнее время в этих водах охотились на морских выдр, но ныне эти животные здесь уже не водятся[2]. Недалеко от границы Соединенных Штатов, одна бухта, называемая, как и село южного округа, Тодос-Сантос, представляет отличную якорную стоянку для каботажных судов. Порт Сан-Бартоломе, открывающийся с другой стороны мыса Сан-Эуженио, тоже часто посещается судами; но лучшей гаванью на всём побережье является порт Санта-Магдалена, входный канал которого имеет фарватер глубиною более 30 метров; громадный внутренний бассейн мог бы вмещать целые флоты.

Штат Сонора, лежащий против северной части полуострова, тоже очень мало населен: занимая пространство, равное двум пятым территории Франции, весь этот штат имеет жителей

1 J. Xantus, „Mittheilungen von Petermann“, 1861 г. Выпуск IV.

2 Duflot de Mofras, „Exploration de l’Oregon“.

не более, чем город Лилль или Тулуза; быть-может, даже набеги апачей имели следствием уменьшение населения с половины этого века. В 1859 г. случайным властелином Соноры сделался некий авантюрист, Рауссет-Бульбон, который вторгся в страну с шайкою француз-

Пуэбла

ских рудокопов из Калифорнии. Культурные поясы, где поселились цивилизованные индейцы и метисы, тянутся только по дну долин: каждый город, каждое поселение окружено поясом орошаемой земли: это своего рода оазисы, из которых иные соединены узкою каймою

земли в одну длинную полосу. Само название страны, опатского происхождения, указывает на важное значение источников в этом краю: оно происходит не от испанского Nuestra Senora, «Богородица», как бездоказательно утверждали раньше, а от названия одной скотной фермы, Сонораци, т.е. «Место источников»[1].

Между сонорийскими городами ближе всего к границе Соединенных Штатов находится Магдалена, или Санта-Магдалена, расположенная на верхнем притоке рио де-ла-Асунсион: во время ежегодных ярмарок всё окрестное население, белое и красное, американское и мексиканское, располагается в её долине временным лагерем. Всего плотнее населены берега реки Соноры. Главным городом в земле индейцев племени опата считается Ариспе, расположенный в высокой долине и бывший прежде столицею этого штата; Урес, отнявший у него впоследствии административное первенство, находится уже собственно вне Сиерры-Мадре, при выходе узких ущелий; наконец, Эрмосильо—прежде Питик или «Слияние»,—самый многолюдный город во всей Соноре, стоит в месте впадения в реку Сонору её притока Кукурпе, водами которых и пользуется для своих садов, полей и плантаций сахарного тростника. Округ Эрмосильо производит много пшеницы и, по словам местных жителей, по урожайности её не имеет себе конкуррентов на всём земном шаре. Однако, важное значение Эрмосильо приобрел не земледельческою промышленностью. Город этот вдруг стал быстро расти в середине этого столетия, вследствие открытия в его окрестностях рудных месторождений. Здесь находится монетный двор, на котором в течение двадцати лет, с 1867 г. по 1888 г., было отчеканено, преимущественно серебряных монет, на сумму 66 миллионов франков. На юго-восточной стороне города возвышается знаменитый холм, серро-де-ла-Кампана или «Гора Колокол», порфировые плитняки которой при ударе издают серебристый звук. В этой местности, именно в лас-Тринчерас, около Алтара, были найдены разные древние надписи и кое-какие доисторические развалины; Банделье высказывает предположение, что туземцы не имели храмов и свои священные церемонии совершали на открытом воздухе.

В высоких долинах бассейна реки Якуи, менее населенного, чем бассейн рио-Соноры, находится несколько промышленных местечек, каковы Опосура и Сахуарипа, в которых индейцы занимаются главным образом выделкой одеял и бумажных тканей. Опосура, бывшая столица опатов, недавно приняла название Моктезума, данное ей в память прежних владетелей этой местности. Впрочем, в соседних горах ещё существуют многочисленные развалины, которые свидетельствуют о прежнем важном значении этой страны, теперь почти совсем пустынной. Естественные и удобные проходы, открывающиеся в этой части главной горной цепи, позволяли иммигрантам без труда переходить с одного склона на другой[2]. Среди индейского населения этой области очень распространен *buche*, т.е. зоб, поражающий преимущественно женщин[3].

Штат владеет на берегу реки Колорадо небольшим портом, в городе Лердо, расположенном около архипелага низких островов, где индейцы племени кокопа собирают одно хлебное растение (uniola palmeri), ещё недавно совершенно неизвестное ботаникам[4]. Морской порт Гуаймас, лежащий гораздо южнее, получил свое название от одного индейского племени семьи пима, теперь уже не существующего[5]; первый город лежит в двенадцати километрах на северо-восток, на берегу реки Эстеро-дель-Ранчо, которая теперь стала слишком мелка для нынешних судов. Гуаймас—одна из лучших гаваней Мексики, и в стране, более населенной и более богатой, он несомненно приобрел бы важное экономическое значение; но вся прибрежная зона обретается ещё в некультурном состоянии. Порт открывается между суровыми голыми горами, словно кратер вулкана; из скал на несколько миль в окружности не пробивается ни одного растеньица, не просачивается ни одной капли воды; кое-какие кустарники,

1 A. Pinart, „Voyage en Sonora“. Отчет географического общества. 1880 г.
2 „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. Том III.
3 H. G. Ward, „Mexico in 1827“.
4 „Revue Scientifique“, 11 июня 1890 г.
5 A. Pinart, цитированные записки;—E. Vigneaux. „Tour du Monde“. 1862. 1-ое полугодие.

виднеющиеся в самом городе, не погибают только потому, что растут на земле, вывезенной из Соединенных Штатов; орошаются они солоноватой водой, извлекаемой из глубоких колодцев. Несмотря на это, Гуаймас, как превосходная якорная стоянка, привлекает большое и всё возрастающее число судов; железная дорога соединяет его с Эрмосильо, с его рудниками и хлебными полями, а через Аризону и со всей сетью железных дорог Соединенных Штатов. Гуаймасские купцы вывозят морскую соль, а отчасти также гуано, собираемое на острове Паток, или «Утином», голой скале, лежащей несколько севернее большого острова Тибурон или «Акулы». Обороты внешней торговли Гуаймаса в 1886 г. составляли около 5.756.000 франков. Высокая долина реки Майо может доставлять тысячами тонн превосходный антрацит.

Около южной оконечности штата Соноры находится рудный город Аламос, или город «Тополей», который имеет немаловажное значение в промышленности страны; там, как и в Эрмосильо, имеется свой монетный двор, на котором каждый год чеканят монет на 9—10 миллионов франков. Аламос лежит уже в бассейне реки Фуерте, названной так от древнего форта Эль-Фуерте или Монтес-Кларос, защищавшего береговую дорогу против индейцев племен майо и якуи; впоследствии он сделался цветущим городком. Естественным портом для Аламоса и Фуерте служит гавань Ажиабампо, откуда вывозят красильное дерево и серебро в руде и слитках; в эту гавань, впрочем, могут входить только небольшие суда, потому что во время морского отлива на баре уровень воды не превышает $3^1/_2$ метров. Что касается бывшего индейского городка Синалоа, от которого происходит и название самого штата, то он обладает прекрасной глубокой и хорошо защищенною бухтой Сан-Карлос, которая сообщается с морем проливом Тополобампо, куда могут входить морские суда с осадкой до 5 метров. Северо-американцы основали недавно на берегу этого пролива, в Кармен-Сити, филантропическую и вместе с тем спекулятивную колонию, которая, впрочем, не особенно процветает.

Кулиакан, нынешняя столица штата Синалоа,—один из древних городов Мексики; в 1531 г., спустя десять лет после перестройки Мексико, он уже был основан, близ Гуэ-Колхуакана, или «Города Змей», одного из этапов нахуатльского эмиграционного движения; здесь испанцы организовали все свои экспедиции для открытий и завоеваний, предпринимавшиеся в северном направлении. Кулиакан расположен на реке такого же имени, в цветущей равнине, окруженной полукругом гор; железная дорога, в шестьдесят километров протяжения, соединяет город с его портом Альтата или «Морской Берег», устроенным в глубокой лагуне, защищенной от волн длинной песчаной косой. Кулиакан находится вне самого производительного горного района этого штата, но он служит вывозным портом для золотой и серебряной руды Синалоа. С 1846 г. по 1888 г. Кулиаканский монетный двор вычеканил золота и серебра на 205 миллионов.

В южном Синалоа значительным городом, а вместе с тем и самым деятельным портом на всём западном берегу Мексики, является город Мазатлан: его индейское название означает «страну оленей», и один из островков, возвышающихся на небольшом расстоянии от берега, носит название Венадо, имеющее то же значение; раскопки, предпринятые в аллювиальных землях окрестностей города, привели к открытию оленьих рогов, а также стрел, топоров и других оружий и инструментов из камня. Мазатлан не может сравниться с Гуаймасом или с Акапулко в отношении торговых преимуществ: его рейд открыт всем ветрам и, чтобы избегнуть северо-западного ветра, особенно опасного в этих водах, суда вынуждены оставаться на рейде под напором волн, идущих с юга или юго-запада. Но Мазатлан имеет большое значение в торговых сношениях с северо-американской Калифорнией, благодаря своему выгодному положению на одной широте с мысом Сан-Лукас, который приходится огибать судам; таким образом, для судов, идущих из Сан-Франциско, Мазатлан является самою близкою гаванью на Мексиканской территории. Пакетботы также избрали его своею главною пристанью. Обширная привозная торговля вызвала основание в Мазатлане разнообразных промышленных заведений, как-то: прядилен, литейных и лесопильных заводов, сапожных ма-

стерских. Значительная часть городского населения состоит из иностранцев. В шестидесяти километрах по прямому направлению к юго-востоку от Мазатлана находится небольшое местечко Чаметла,—по-нахуатльски «Хижины»,—которое первые испанские мореплаватели пробовали утилизировать, ещё задолго до Мазатлана, в качестве одного из своих портов на берегу Великого океана: отсюда, в 1535 г., Кортес отправился со своей экспедицией исследовать Багряное море.

Торговля Мазатлана: движение внешнего судоходства, в 1887 г.: 83 судна, вместимостью 94.670 тонн. Обороты заграничной торговли в 1886 г.: 40.436.000 франков.

Город Розарио, расположенный на рио-де-Чаметла, был также предшественником Мазатлана по внешней торговле Северо-Западной Мексики.

Главные города и исторические местечки Нижней Калифорнии и западного склона Сиерры-Мадре, с цифрой их муниципального населения:

Нижняя Калифорния. Ла-Пац—6.000 жит.; Сан-Антонио—4.000 жит.

Сонора. Эрмосильо—8.000 жит.; Урес—5.000 жит.; Аламос—6.000 жит.; Гуаймас—5.000 жит.

Синалоа. Кулиакан—8.000 жит.; Мазатлан—13.000 жит.; Синалоа—3.000 жит.; Эль-Фуерте—9.000 жит.

Штаты Чигуагуа и Дуранго

На восточном склоне Сиерры-Мадре главный город мексиканского севера—Чигуагуа, имя которого означает «город Воды», а по-тарахумарски—«город Веселия». Он построен на высоте 1.400 метров над поверхностью моря, у подошвы высокой горы Серро-Гранде, между двумя ручьями, сливающиеся воды которых образуют реку Кончос, приток рио-Браво-дель-Норте; водопровод, проведенный от одного из этих потоков, огибает склоны горы, гранича с одной стороны с зоною низкого кустарника, а с другой—покрывая отлогости зеленеющими и цветущими садами. Чигуагуа в настоящее время в упадке; в прошлом столетии, во время процветания окрестных рудников, на улицах его иногда толпилось до 75.000 жителей, т.е. вчетверо больше, чем теперь; разорение сопровождалось деморализацией, как естественным следствием привычки к удовольствиям, приобретенной населением этого роскошного города, вдруг пораженного прекращением труда. С внешней стороны, впрочем, Чигуагуа и до сих пор сохранил свой пышный вид, который так поражает северо-американцев своим контрастом с их простыми городами, состоящими из заурядных каменных и деревянных построек; собор, построенный и содержавшийся прежде на средства рудничных администраций, представляет грандиозное здание, господствующее над городом своей громадой. Чигуагуа имеет монетный двор, занимающий, по значению, третье место в Мексике, с тех пор как американские рудовладельцы возобновили дело исследования металлоносных жил. В течение десяти лет с 1879 г. по 1888 г., в Чигуагуа было отчеканено монет на сумму 236.550.000 франков, т.е. от 23 до 24 миллионов в год.

Руда, доставляемая в Чигуагуа, добывается главным образом в Санта-Евлалии, селении, расположенном в тридцати километрах к юго-востоку, в узкой долине, с обитаемыми пещерами. Это селение лишено питьевой воды, по крайней мере чистой воды, годной для иностранцев, которые вынуждены приносить её из Чигуагуа или посылать за ней туда; летом же ощущается недостаток даже и в дурной воде, насыщенной солью и металлическими веществами; по этой-то причине руда всегда отправляется отсюда на заводы в Чигуагуа, где и обрабатывается. Сереброносные жилы Санта-Евлалии, разрабатываемые в двухстах минных галлереях или шахтах, доставили уже на мировой рынок серебра на сумму свыше 700 миллионов франков. Руда здесь бедная, но она встречается в необычайном обилии, и даже когда общества капиталистов не эксплоатируют залежи, *гамбусиносы*, или единичные искатели, находят достаточное количество металла, чтобы поддерживать свое существование. Даже в шлаках, которые дали материал для постройки сотен домов в Чигуагуа или для возведения

оград вокруг садов и полей, содержится ещё такая масса серебра, по крайней мере на 2 миллиарда, что некоторые промышленники подумывали о том, чтобы подвергнуть их вторичной обработке. Другой, тоже пришедший в упадок город, Косигуириачи, расположен в сотне километров к юго-западу, в одной долине Сиерры-Мадре: в прошлом столетии он имел более 80.000 жителей. Батопилас, находящийся ещё в пределах штата, но уже в верхнем бассейне рио-дель-Фуерте, дал краю 300 миллионов франков в течение 250-ти лет, прошедших со времени открытия в нём рудных залежей[1]. В южном углу штата находятся рудники Гвадалупе-и-Кальво, принадлежащие к бассейну реки Синалоа, которые многим уступают по богатству рудникам Батопиласа.

Чигуагуа занимает почти географический центр штата, но восточная часть его округа почти совершенно бесплодная и пустынная, тогда как западная зона, составляющая склон Сиерры-Мадре, изобилует рудниками, лесами, лугами и обработанными полями: в долинах её могло бы разместиться многочисленное население и успешно заниматься в особенности скотоводством и культурой европейских фруктов, груш и яблок, которые родятся здесь превосходного качества. Почти все города и местечки штата Чигуагуа: Сан-Пабло-Меокуи, Санта-Круц-де-Розалес, Санта-Розалиа, Гидальго-дель-Парраль следуют один за другим по направлению с севера на юг, параллельно Сиерре-Мадре, у выхода различных долин, реки которых образуют рио-Кончос. Железная дорога, идущая из Денвер-Сити в Мексико, пересекает этот штат в том же направлении и вступает на Мексиканскую территорию через исторический город Пасо-дель-Норте, расположенный на правом берегу рио-Браво, в том месте, где эта река образует общую границу между двумя республиками; это самый древний пост Северной Мексики: его основал один францисканский миссионер, в 1585 году. Этот «брод», или место переправы,—таково значение этого названия,—прежде часто посещался американскими караванами, производившими транспортную торговлю по прериям между Миссури и Мексикой; но, мало-по-малу, вследствие конкурренции морских путей сообщения, его значение, как торговой дороги, утратилось: зато в настоящее время он занял видное положение в экономическом отношении, с тех пор, как сделался пунктом скрещения четырех железных дорог из Сан-Франциско, из Денвера и Нью-Йорка, из Нового Орлеана и из Мексико. Обороты внешней торговли Пасо-дель-Норте в 1886 г.: 85.000.000 франков.

Другой пограничный пост на рио-Браво,—Президио-дель-Норте—представляет собою стратегический пункт, холм которого возвышается над теснинами реки в месте слияния её с рио-Кончос; он остался в стороне от торгового пути, вследствие чего, несмотря на свое стратегическое положение, не мог подняться на степень города. Вина и водки из Пасо-дель-Норте славятся во всех северных штатах Мексики.

В гористой области, лежащей на запад от дель-Пасо, встречаются многочисленные доисторические развалины, расположенные параллельно течению реки; там находятся, между прочим, «Большие хижины» (Casas Grandes), самая значительная из нахуатльских колоний, остатки которых существуют ещё в северной части Мексиканской территории. Развалины этих хижин занимают оба берега ручья, который на севере вливается в лагуну Гусман. На западе возвышаются лесистые склоны Сиерра-Мадре, а на востоке тянутся плоскогорья, покрытые соляными налетами. Над древним городом возвышалась некогда сторожевая башня; постройки его состояли из разбросанных зданий, которые вероятно служили укрепленными жилищами земледельческим колонистам, вынужденным жить постоянно в оборонительном положении: в настоящее время от города остались только поросшие дерном холмики, на которых кое-где торчат ещё уцелевшие части стены. Самый высокий бугор напоминает о существовании древнего храма; при раскопках, там открыли глыбу метеорического железа, тщательно обернутую тканями: это был, по всей вероятности, предмет народного поклонения, подобно священному камню Мекки. Многочисленные могилы на берегу ручья дали искателям кое-какие остатки древней промышленности; но почти все годные к употреблению предметы давно растащены бедным местным населением.

1 Ramirez, „Riqueza mineral de Mexico“.

Штат Дуранго, лежащий на юг от Чигуагуа, в совокупности своей имеет такую же конфигурацию и составляет часть той же географической области, известной прежде под общим названием Новая Бискайя (Nueva Vizcaya) и действительно населенной на добрую долю людьми баскского происхождения, такими же энергичными и предприимчивыми, как их предки: в этой части Мексиканской территории этнический элемент чисто европейского происхождения всего сильнее представлен в населении[1]. Так же, как Чигуагуа, Дуранго с западной стороны охватывают цепи гор, параллельные Сиерра-Мадре, а с восточной—обширные равнины, местами совершенно пустынные; главные его города расположены также в среднем поясе, идущем вдоль основания гор. Однако Дуранго, занимающий более высокую ступень плоскогорья и менее страдающий от засухи, чем Чигуагуа, представляет собою более плодородный край, который и населен соответственно этому значительно гуще: здесь на квадратный километр приходится 2—3 жителя, тогда как в Чигуагуа всего лишь один.

Дуранго, носящий, как и подобает столице Новой Бискайи, баскское имя,—один из древнейших городов Мексики[2]: он появился в 1551 г., как стратегический пост в земле индейцев-чичимеков. Господствуя над обширным горизонтом с высоты своего плоскогорья, поднимающагося на 1.926 метров над уровнем моря, окруженный великолепными бульварами, он представляет на окраинах ряд самых разнообразных пейзажей: с одной стороны чернеют глубокие овраги и обрисовываются причудливые очертания Бреньи, с другой—высятся горы, через которые проходит дорога в Мазатлан, ближайший порт на Великом океане. Дуранго известен в истории геологии своими метеорическими камнями, сходными с теми, какие находят во многих других местах Сиерры-Мадре: один из этих камней, о котором упоминает Гумбольдт, весит приблизительно от 16 до 19 тысяч килограммов. Но самая большая геологическая достопримечательность Дуранго, это—огромная скала самородного железа, Серро-де-Меркадо, названная так по имени одного капитана, которого привела сюда, в 1562 г., надежда найти золотую гору; жестоко разочарованный в своих надеждах, он вернулся назад и через несколько времени погиб в стычке с индейцами[3]. Эта железная гора, находящаяся в 2-х километрах на север от Дуранго, имеет 196 метров высоты и содержит над почвой более 460 миллионов тонн металла,—количество, вполне достаточное, чтобы снабдить всю Америку этим металлом на целый век. Как и в Чигуагуа, славу и гордость Дуранго составляет его пышный собор; кроме того, в городе красуется ещё древний дворец Инквизиции. Монетный двор отчеканивает, в среднем, серебряных и золотых монет на сумму 5 миллионов франков. Чекан монеты в Дуранго с 1811 г. по 1888 г. определился в 315.000.000 франков.

Дуранго часто называли «Городом Скорпионов»; в 1865 г., благодаря назначению небольшой премии, муниципалитету было доставлено в два месяца 55.000 скорпионов.

Все другие города и местечки штата, более или менее значительные, как в горной области —Мезкиталь, Гуарисамай, Сан-Димас, Папаскиаро, Тамазула, Инде, так и в более низких частях плоскогорья—Номбре-де-Диос, Сан-Жуан-дель-Рио, Куенкаме, Назас, Мапими,—обязаны своим происхождением и благосостоянием серебряным рудникам; кроме того, рудные жилы содержат золото, свинец, олово. В пещерах холмов и гор, окружающих Болсон-де-Мапими, были открыты обширные подземные кладбища. Трупы найдены погребенными в сидячем положении, на корточках, и завернутыми в пелены из волокна агавы, поверх которых препоясаны цветными шарфами. Одна только пещера заключала в себе более тысячи этих мумий, которые почти все были увезены северо-американцами и теперь рассеяны по разным музеям Соединенных Штатов.

Главные города восточного склона Сиерра-Мадре, в штатах Чигуагуа и Дуранго, с их «муниципальным» населением:

Штат Чигуагуа: Чигуагуа—19.000 жит.

---

1 „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“, Том III.

2 По Валентини, Дуранго был Туланго, т.е. „Маленькая Тула“ нахуатльского народа.

3 Alex. de Humboldt, цитированное сочинение.

Штат Дуранго: Дуранго—42.000 жит.; Мезкиталь—9.000 жит.; Сан-Жуан-дель-Рио—8.000 жит.; Назас—7.000 жит; Папаскиаро-Сантъяго—5.000 жит.

Северо-восточные штаты: Коагуила, Новый Леон и Тамаулипас

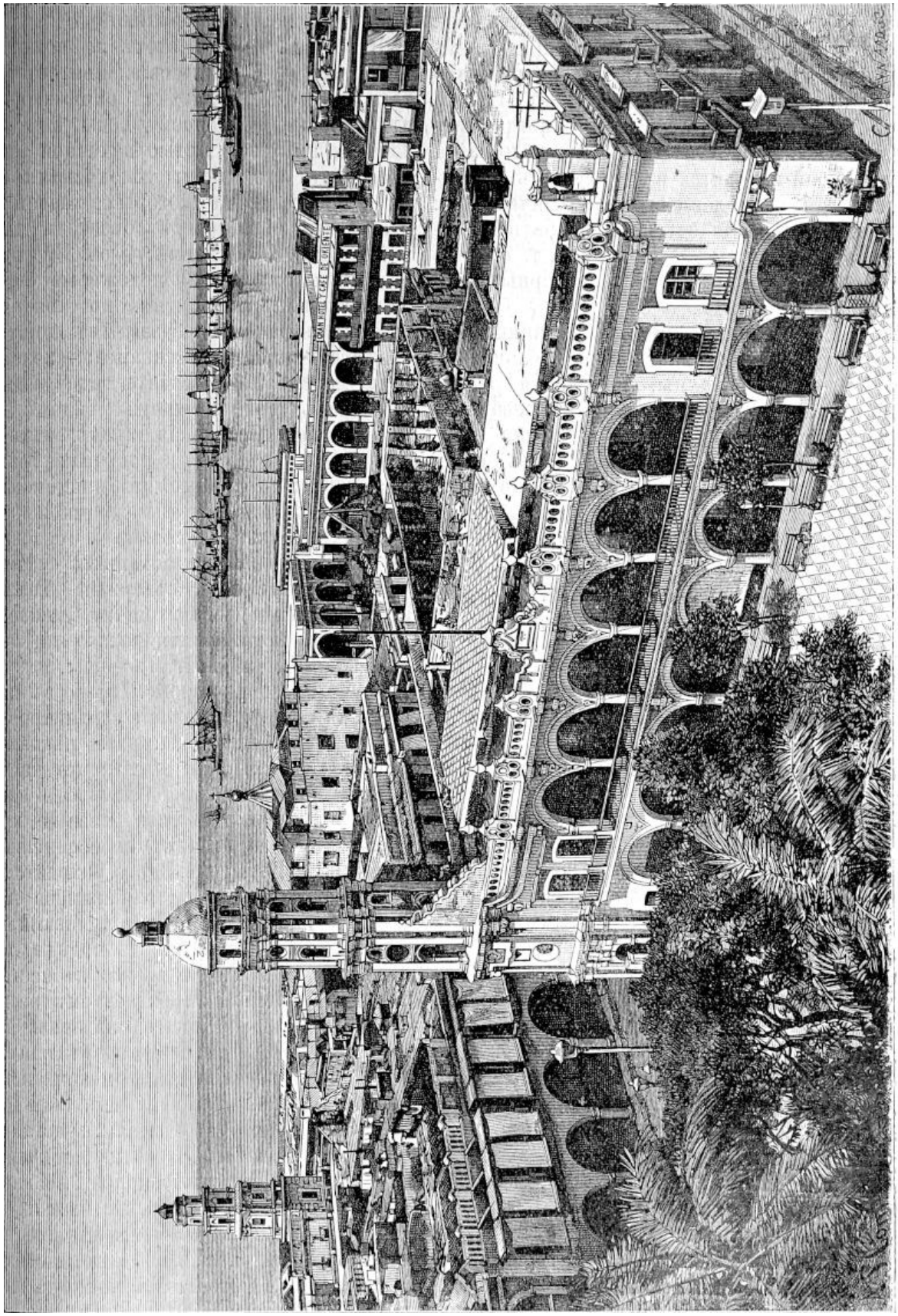
Штат Коагуила, прилегающий восточной стороной к штату Чигуагуа и отделенный от Соединенных Штатов течением рио-Браво, представляет расположение симметричное с расположением соседней провинции: на востоке территория его повышается, чтобы образовать тоже сиерру Мадре, а на западе—она понижается, в виде пустынных пространств, где воды теряются в солончаках. Склон гор, где протекают реки, которые, переходя из клюзы в клюзу, изливаются наконец в рио-Браво, изрезан очаровательными, плодородными долинами, пригодными для всякой культуры умеренного и подтропического поясов. Однако, туземное население, происходящее от древних коагуилтеков, здесь не многочисленно, так что на квадратный километр приходится всего по одному жителю: ещё в недавнее время уменьшению этого населения способствовали ежегодные набеги апачей или команчей. В 1879 г., после полного покорения грабителей-индейцев, эмигранты толпою устремились к Сиерре-Мохаде, где были открыты, повидимому, очень богатые залежи золотоносной серебряной руды. Правительство вздумало отграничить эту рудную территорию, чтобы образовать из неё самостоятельный административный округ; но надежды золотоискателей не оправдались, и большинство их, выжитые недостатком воды и продовольствия, бежали из этих бесплодных гор, расположенных в центре Коагуилы, вдали от продовольственных постов, между соляными лагунами, скалами и песками; точно также не были утилизированы систематически и каменноугольные пласты, залегающие по течению рио-Браво, и которым одна из береговых станций, Пьедрас-Неграс или «Черные Камни», обязана своим названием. Будущее богатство Коагуилы заключается не в рудных месторождениях, а в пахатной земле. Город Монклова (прежде Коагуила), лежащий на одном из верхних притоков Саладо, данника рио-Браво, окружен прекрасными полями, а в окрестностях его, именно в Санта-Буенавентуре, разводят длинноволокнистый хлопчатник. Паррас, или «Виноградные лозы», расположенный при истоке другого ручья, действительно имеет виноградники, которые производят знаменитое вино. Окрестности Салтильо изобилуют фруктами и другими разнообразными продуктами.

Салтильо,—эль-Салтильо или Леона Викарио,—столица Коагуилы, очень удалена от центра штата; она построена у подошвы сланцевой остроконечной горы, в юго-восточном углу штата, в высокой долине гор, отделяющих Коагуилу от Нуево-Леона: воды, текущие в понижениях Сиерры, направляются к северу, где пересекают горную цепь ущельем и чрез реку Монтерей впадают в рио-Браво. Испанцы основали Салтильо в 1586 г., поставили там гарнизон из тлакскалтеков, для защиты от окрестных дикарей[1], и сделали его главным городом провинции, которую они назвали Новой Эстремадурой: несколько разрушенных зданий свидетельствуют об относительной древности этого города. В десяти километрах на юг от Салтильо, дорога вступает в «теснину», или *angostura*, между высоких холмов: там находится ферма Буена-Виста, именем которой было окрещено множество местностей в Соединенных Штатах, в воспоминание двухдневной битвы, которую северо-американцы дали мексиканцам, в 1846 г., чтобы форсировать проход; место это лежит уже почти на пороге «холодной земли», на высоте 1.800 метров над уровнем моря.

Монтерей, главный город штата Новый Леон,—также один из старых городов Мексики: основание его относится к последним годам XVI столетия. Котловина, центр которой он занимает, орошается небольшой рекой Санта-Каталина, изливающейся, подобно речке Салтильо, в рио-Браво посредством притока её Сан-Жуана; она окружена горами резких контуров, совершенно голыми на склонах, изрезанными на вершине. На юге тянется главная цепь Сиерра-Мадре; на западе, массив Силья действительно имеет форму «седла», тогда как на севере хребет оканчивается утесом в виде «митры», откуда и произошло название горы (silla по-испански значит, между прочим, «седло» и «епископский престол»). Серые, желтые,

1 Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en Mexico“

красные стены гор возвышаются на 500—800 метров над белым городом, окруженным фруктовыми садами и оранжереями. Невысокие домики имеют крышу в виде террасы, так как Монтерей находится ещё в «теплых землях», на высоте 180 метров, и в этом краю, где царит

Вера-Крусъ и фортъ Санъ-Жуанъ-Улоа.

продолжительное лето с сильными жарами, нечего бояться снега. В Монтерее ежегодно, в сентябре месяце, бывает ярмарка, на которую съезжается много мексиканцев и американцев. Хорошо обработанные поля орошаемой зоны Нуево-Леона в изобилии производят

маис, а также пшеницу, бобы, сахар, апельсины и другие всевозможные фрукты: города там издали дают о себе знать ароматом своих садов. Монтерей, вместе с другими земледельческими центрами штата, расположенными также в высоких долинах Сиерры-Мадре, как-то: Кадерейта-Хименес, Монтеморелос, Линарес, Доктор-Арройо, снабжает все окрестные области и преимущественно Тамаулипас всеми необходимыми пищевыми продуктами; в обмен на это, Тамаулипас присылает лошадей и рогатый скот. Благодаря развитию земледельческой промышленности в Нуево-Леоне, несмотря на то, что ему иногда приходится всё-таки страдать от недостатка дождей, край находится в цветущем состоянии, и местное население быстро увеличивается: в настоящее время здесь на квадратный километр приходится по 4 жителя, т.е. вчетверо больше, чем в других северных мексиканских штатах.

Монтерей является стражей границы на северо-востоке Мексиканской республики; оттого северо-американцы, во время войны 1846 г., начали свою кампанию завоеванием этой стратегической позиции: здесь они впервые испробовали свои силы в этом ремесле войны, которое практиковалось у них потом, несколько лет спустя, таким ужасным образом. В Монтерее соединяются две железные дороги, продолжающиеся далее большою линиею Мексиканской дороги: одна из них соединяется в Нуево-Ларедо, на рио-Браво, с общей сетью железных дорог Соединенных Штатов; другая своею восточною частью соединяет правый берег реки через города Миером, Камарго, Рейноса и Матаморос. Благодаря этой дороге, Монтерей сделался мексиканским складочным пунктом для произведений нижней долины рио-Браво. Каждая из станций правого берега имеет, так сказать, «тет-де-пон» на левом берегу, американский город складчиков, которые ввозят на Мексиканскую территорию свои товары или законным путем, или контрабандой.

Матаморос—прежде Нуево-Сантандер—есть ближайший к устью рио-Браво город штата Тамаулипас. Считая извилины реки, он находится в 79 килом. от моря, так как береговая дорога должна бы быть проложена на некотором расстоянии от Мексиканского залива, по берегу которого тянутся широкия лагуны. Матаморос основан недавно: в начале XIX века на месте этого города находился простой поселок, Конгрегасион-дель-Рефужио, служивший притоном мексиканским и французским пиратам, разбойничавшим в Мексиканском заливе. Оффициально город был основан в 1823 г. и назван по имени Матамороса, бойца за мексиканскую независимость, и со времени присоединения Техаса к Соединенным Штатам, Матаморос тотчас же приобрел важное стратегическое и торговое значение, как пограничный пост; однако войны, блокады и экономические кризисы часто вызывали значительные колебания в ценности его торгового обмена и численности его населения. Обороты внешней торговли Матамороса в 1886 г.: 12.500.000 франков.

Впрочем, город этот не может иметь никаких собственных элементов торговли, так как река и лагуны окружают его почти сплошным поясом воды; он не располагает ни одною пядью пахатной земли: окрестности его заняты солончаками, саваннами и болотами, на которых пасется крупный скот. Матаморос образует, так сказать, один город вместе с Броунсвилем, стоящим на противоположном берегу, на Техасской территории; но, по контрасту, не соответствующему предвзятым понятиям путешественников, мексиканская половина города далеко превосходит северо-американскую как своим общим видом, так и населением. Передовая гавань, находящаяся при устье рио-Браво, получила грандиозное имя Багдад; однако, это наименование совсем не подходит к скромной береговой деревне; слишком мелкий и опасный бар заграждает доступ большим судам.

Вне Матамороса северный Тамаулипас представляет собою почти ненаселенный край; здесь встречаются только отдельные деревушки и обширные гасиенды, где пасутся тысячи лошадей и коров. Только в центральной части штата население сгруппировалось в города и местечки, благодаря речкам, изливающимся с Сиерры-Мадре: эта часть Тамаулипаса, или «Страны Оливок»,—единственная, заслуживающая свое название, принесенное, впрочем, одним переселившимся из Техаса племенем[1]. Здесь находится и главный город, прежде на-

1 Uhde, „Die Lander am untern rio Bravo del Norte“.

зывавшийся Агуайо, а ныне Сиудад-Виктория, получивший это имя не в память какой-нибудь победы, одержанной над врагами, а просто в честь одного лица, назначенного президентом республики. Этот город расположен на одной из главных ветвей реки Сантандер или Марина, получившей известность в мексиканской истории: это бывшая река Пальм (Лас-Палмас), где, во время завоевания, пристали флоты Гарайи и Камарго. Здесь же во время войны за независимость высадился великодушный Мина; через Викторию же бывший император Итурбиде пытался вернуться в свое отечество, чтобы снова завоевать власть, но, арестованный в Сото-ла-Марина, он был приведен в деревню Падилья, бывшую тогда столицею, и расстрелян по приказанию Тамаулипасского конгресса.

Город Тула, лежащий уже на плоскогорье, на высоте 1.220 метров над уровнем моря, и на границе штата Сан-Луи-Потози, есть центр земледельческой промышленности, откуда в изобилии вывозят маис, бобы и индейский перец, отправляя это в области, лежащие в равнине: кроме того, жители занимаются продажею икстли, растения из породы кактусов, покрывающего склоны окрестных гор. Тула-де-Тамаулипас, хотя основанная в половине XVII-го века, заняла место древнего города, как и её тезка, Тула-де-Гидальго: там открыли остатки храмов и многочисленные предметы до-колумбийского периода: сосуды, оружие и инструменты. Из этого города в Тампико ведет дорога, переходящая горы на высоте 1.450 метров; с перевала она сначала спускается в Санта-Барбара, а затем огибает подошву Серро-Берналь,—почти уединенной горы, правильной конической формы.

Город Тампико Тамаулипасский занимает на юге штата такое же географическое положение, как Матаморос. Он также построен на берегу реки, не вдалеке от её устья, также окружен болотами и лагунами, а за ним далеко расстилаются равнины, также низкие и бесплодные. Основание нынешнего года Тампико относится к 1823 году, к той эпохе, когда испанцы владели ещё крепостью Сан-Жуан-д'Улуа, господствовавшей над Вера-Круцом, и когда мексиканская торговля должна была избрать новые места для вывоза; древний город, Пуэбло-Виехо или Тампико-Виехо, расположен в штате Вера-Круц, на толстых слоях раковин, на берегу неглубокого потока, доступного только для очень мелких судов; другой Тампико, стоящий на дюнах, к востоку от Тамиахуасской лагуны, есть бывшая деревня гуакстеков: первый слог названия, *tam*, или «место», уже указывает его происхождение. Новый город, лучше помещенный на главной реке, в небольшом расстоянии от места слияния её с Тамези и в десяти километрах от моря, недоступен для больших судов: те, которые сидят в воде более, чем $2^1/_2$ метра, должны оставаться за баром, выставленные ветрам с открытого моря; но выше бара река становится судоходной для небольших пароходов на протяжении пятидесяти километров. Торговля Тампико неоднократно испытывала большие колебания: сначала он обогащался на счет Вера-Круца, когда тот подвергался блокаде или находился во власти иностранных держав; впоследствии он не раз лишался своих прав экспортной торговли, вследствие возмущения или политических смут. Открытие железной дороги, служащей прямым сообщением из Соединенных Штатов в Мексико через Пасо-дель-Норте, отвлекло от Тампико значительную часть американской торговли, но постройка рельсового пути, соединяющего этот порт с мексиканскою сетью железных дорог через город Сан-Луи-Потози, вернуло ему прежнее торговое значение.

Обороты внешней торговли Тампико в 1886 г.: 6.500.000 франков.

Движение судоходства в 1887 г.: 142 судна, вместимостью 150.850 тонн.

Пароходство, совершающее рейсы по нескольким линиям, соединяет Тампико с другими значительными портами Мексиканского залива и Караибского моря, а также с Нью-Йорком, Ливерпулем, Гавром и Гамбургом. Несмотря на то, что Тампико окружен отчасти стоячими водами, климат его здоровее, чем в Вера-Круце во время летнего сезона: годную для питья воду доставляет ему река Тамези.

В пятидесяти километрах вверх от Тампико, на правом берегу реки Пануко, или «Брода», находится селение того же имени, прежде называвшееся Сан-Эстебан-дель-Пуерто, которое напоминает о гуакстекском царстве, завоеванном Кортесом и жестоко опустошенном

Нуньо-де-Гусманом и его сообщниками. Край этот и до сих пор безлюден в сравнении с тем, каким он был до прибытия испанцев. Небольшой остаток индейцев гуакстекского племени, говорящих на своем родном языке, уцелел только в двух соседних деревнях. Пануко, считающийся очень здоровым местом, служил дачною местностью для жителей Тампико. Выше, на одном притоке, лежит Тамкуиан, или «Людное место», город гуакстекского происхождения, где археологи сделали многочисленные находки, преимущественно *monos*, «обезьян» или «простаков», т.е. грубые человеческие изображения[1]; при каждой раскопке извлекается масса разрисованной глиняной посуды.

Главные города трех северо-восточных штатов—Коагуилы, Нового Леона и Тамаулипаса, с их муниципальным населением:

Штат Коагуила: Салтильо—20.000 жит.; Паррас-де-ла-Фуерте—13.000 жит.

Штат Нуево-Леон: Монтерей—57.000 жит.; Доктор-Арройо—14.000; Линарес—11.000; Монтеморелос—11.000; Кадерейта-Хименес—9.000 жит.

Штат Тамаулипас: Тала-де-Тамаулипас—1.500 жит.; Матаморос—10.000; Тампико—7.000; Сиудад-Виктория—8.000 жит.

Внутренние штаты: Закакатес, Агуас-Калиентес, Сан-Луи-Потози

Центральные или «внутренние» штаты, которые поднимаются террасами по направлению к южному углу Анагуакского плоскогорья, гораздо более населены относительно занимаемого ими пространства, нежели северные штаты, что обусловливается большими неровностями почвы, значительным обилием воды и богатством высшей растительности. Однако, характер бесплодных северных равнин сохраняется ещё и здесь, без резких изменений, до самой середины штатов Закатекаса и Сан-Луи-Потози: многочисленные названия местностей, как рио-Саладо, Салитре, Лагуна-Сека, Позо-Хондо, свидетельствуют о свойстве почвы и вод, и многие деревни, носящие имя Мезките или Мезкиталь, обязаны своим названием окружающим их чащам колючего кустарника. Подъезжая к Центральной Мексике из Соединенных Штатов по железной дороге, замечаешь перемену вида природы только тогда, когда достигнешь города Фреснильо. В самом деле, этот город лежит на высоте 2.200 метров над уровнем моря, как раз на линии раздела между водами, спускающимися на север к замкнутым бассейнам Болсон-де-Мапими,и водами, текущими в Великий океан чрез притоки рио-Лермы. С вершины серро-де-Проаньо, возвышающейся над городом на сотню метров, открывается вид на долины, убегающие на юг, к умеренным и жарким странам. Серро-де-Проаньо изрыта глубокими галлереями, в которых добывают серебряную руду.

Закатекас,—по-нахуатльски «Город Трав»,—столица штата и древней страны закатеков, есть, по времени своего основания, один из первых городов Мексики: Нуньо-де-Гусман основал его в 1510 г. Город расположен в глубоких и извилистых оврагах, над которыми с северо-восточной стороны господствуют порфировые кручи горы Буфы, оканчивающиеся крепостью и церковью; с других сторон город обступили каменные стены, изборожденные расселинами, откуда дождевая вода льется настоящими водопадами, наполняя нарождающуюся реку, приток рио-Лермы. Закатекас обязан своим богатством серебряным рудам, лежащим в порфировых и сланцовых горах между слоями извести и кварца; рудник Сен-Бернаби, эксплоатируемый уже впродолжении трех с половиной веков, до сих пор ещё не истощился. Самые обильные рудные жилы находятся в большинстве случаев не в оврагах и не на отлогих покатостях гор, а на самых крутизнах и даже на рассеченных ребрах вершин[2], так *veta grande* или большая жила, «идущая» от северо-запада к юго-востоку, в 5 километрах к северу от Закатекаса, вкраплена в гребне, возвышающемся на 2.617 метров, где и расположены заводы и многочисленные постройки горнозаводского городка. Закатекасский монетный двор с 1810 г. доставил золота и серебра на сумму более 1.700 миллионов франков; в

1 Eduard Seler, „Reisebriefe aus Mexico“.

2 Alex de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle Espagne“.

течение десятилетия с 1878 по 1888 г. средний чекан монет, состоявший почти исключительно из серебряных пиастров, равнялся 28.750.000 франков. Небольшой рудный городок Сомбререте, расположенный приблизительно в 200 километрах на северо-запад от Закатекаса, по дороге в Дуранго, тоже имел свой монетный двор, упраздненный с эпохи колонизации. Во времена Гумбольдта, «черная жила» Сомбререте была самая производительная, так как она давала самое большое во всей Америке количество металла. Одно поселение, лежащее недалеко от Сомбререте, носит название Чалчигуитес, или «Изумруды», так как там находили зеленые камни, похожие на нефрит и высоко ценимые древними ацтеками.

Область Закатекаса очень богата природными достопримечательностями. Многие озерки содержат углекислый натр, и некоторые из этих прудов имеют странную форму пропасти с отвесными стенками, образовавшейся вследствие провала земли; смотря по времени года, вода то подымается, то понижается в этих своеобразных колодцах, но никогда не иссякает[1]. Во многих местах бьют горячие ключи, особенно около города Охо-Калиенте, или «Горячий источник», лежащего на юго-восток от Закатекаса. Столица небольшого штата Агуас-Калиентес, почти целиком вкрапленного в территорию штата Закатекас, город Агуас-Калиентес, или «Теплые воды», тоже курорт, усердно посещаемый не только больными, но и здоровыми, благодаря его красивому местоположению и тенистым бульварам. Воды его источника сернистые, и температура их колеблется между 25 и 38 градусами.

Закатеки и другие индейские народцы, населявшие этот край, оставили после себя памятники своей цивилизации, которые, впрочем, время и рука испанцев по большей части разрушили. В пятидесяти километрах на юго-запад от Закатекаса, близ Виллануевы, туфовый холм, уже от природы изваянный в форме угловых утесов, которые придают ему вид укрепленного плато, несет на себе группу построек, которые в былое время должны были иметь грандиозный вид: скала эта известна вообще под именем Серро-де-лос-Эдифисиос, а развалины называются Кемада или «Горелая», по имени соседней гасиенды. Археологи распознали здесь дворцы и другие жилища, крепость, храм, пирамиду со статуей одного бога; но самое красивое из уцелевшего в Кемаде, это—её лестница, на ступенях которой некогда тысячами сидели зрители во время празднеств и жертвоприношений; теперь же одинокий прохожий видит только живописные развалины и низкий кустарник, которым они теперь поросли. Различные остатки былых построек рассеяны на пространстве по крайней мере 180 квадратных километров. По мнению Клавигеро, Серро-де-лос-Эдифисиос есть не что иное, как знаменитый легендарный Чикомозток, или «Семь Пещер», откуда ацтеки начали свой исход к Анагуаку. Другой древний город, бывший некогда столицей народцев союза Найарита, лежит в сотне километров на юго-запад от Кемады, в боковой долине рио-Лермы: там можно видеть ещё развалины крепости и храма. Имя Теуль, которое носит этот древний город, означает то же самое, что и Теоль—ацтекское наименование бога Солнца[2].

Штат Сан-Луи-Потози соответствует штату Закатекас по физическому виду и по форме своей территории с двумя скатами, из которых один наклонен к северным низменностям, а другой обращен к Мексиканскому заливу и принадлежит к бассейну Пануко: это—как и Закатекас, один из наиболее производительных штатов республики; кроме того, год от году возрастает его земледельческое и промышленное значение, которое представляет уже доход, превосходящий доход от добычи серебряной руды. Даже город Каторсе, лежащий в северной бесплодной местности, на высоте 2.679 метров над уровнем моря, и тот начинает обогащаться торговлею волокном растения икстли. Почти всё серебро, которое вычеканивают на монетном дворе в Сан-Луисе, приблизительно на 2—3 миллиона в год, получается с рудников Каторсе. Этот город, названный так, говорят, вследствие избиения «четырнадцати» солдат, расположен в узком ущелье, на бывшем обвале скал; богатые рудные залежи в соседней горе и пирамида с двойной вершиной, называемая Серро-дель-Фраиле, были открыты только в 1783 году, и тотчас же вслед затем на этой груде обвалившихся камней воздвигся город.

1 Posselt, „Kreu-zund Querzuge durch Mexico“.

2 „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. Том III.

Главная группа жилищ, представляющая теперь пятый город штата, основалась восточнее, в легко доступной равнине: это—город Матегуала.

Сан-Луис, отличаемый от многих других одноименных городов прозвищем Потози, данным за его рудные богатства, но которого он уже не заслуживает, так как знаменитый рудник Сан-Педро и большинство других окрестных рудников совершенно покинуты, построен на месте бывшего города чичимеков, Тангаманги, во впадине на краю плоскогорья, на высоте 1.890 метров над уровнем моря; воды, вытекающие из этой местности, спускаются чрез рио-Верде в реку Пануко. Город окружен сплошным поясом садов, которые совершенно скрывают его за своею зеленью: видны только башни и куполы многочисленных церквей, возвышающихся над деревьями бульваров и площадей. Сан-Луис-Потози носит вполне испанский характер. В Мексике, по крайней мере в тех частях, где население в большинстве не чисто индейской расы, все дома походят друг на друга общим стилем архитектуры; моделью им послужили первые здания, построенные испанцами во время завоевания: можно сказать, что в этом отношении со времени Кортеса не произошло никаких перемен, и действительно, как в искусстве, так и в ремеслах Мексики, за всё время испанского владычества не изобретено ничего нового. За исключением коммерческих кварталов в больших городах и предместий, населенных иностранцами, все города имеют вполне однообразный вид; постройки каменные, и через весь нижний этаж, над которым иногда есть ещё один этаж, идет широкий корридор, ведущий на *patio* или двор, который имеет вид садика с цветочными клумбами и кустами и окружен верандами, куда выходят все комнаты дома; парадные аппартаменты, изящно меблированные, выходят на улицу своими высокими решетчатыми окнами, образующими просвет в фасаде дома.

Главный город штата Сан-Луис был, так же, как и Монтерей, Чигуагуа, Пасо-дель-Норте, одною из столиц кочевавшего правительства Мексиканской республики во время нашествия французов. В то время, лишенный уже рудников, обогативших его в предыдущем веке, он утратил целую половину своего населения. Открытие железной дороги из Вера-Круца в Мексико отвлекло также большую часть его торговли на юг и опять уменьшило численность его населения; но Тампикская железная дорога дала ему, наконец, прямой путь к морю, что обеспечивает городу значительное возрастание промышленности и торговли. Сан-Луис в изобилии производит хлебные растения, фрукты, овощи, прядильные волокна, напитки, приготовляемые из магейи и других растений того же рода. Жители его, отличающиеся инициативой и энергией, рассчитывают достигнуть того, что их город займет по крайней мере второе место между городами республики и даже современем будет соперничать с столицей. По своим учебным заведениям, ученым обществам, академии наук, Сан-Луис также один из важнейших городов Мексиканской республики. После Сан-Луиса самые многолюдные и деятельные города этого штата: Рио-Верде, Санта-Мария-дель-Рио, Сиудад-дель-Маис, находятся в юго-восточной части штата, на склонах плоскогорья, спускающихся к Тампико. Горнозаводский город Гвадалказар, лежащий на северо-востоке от Сан-Луиса, в известковой местности, где воды убегают в подземные галлереи, пришел в упадок. На северо-западе, город Салинас, как показывает самое имя его, изобилует залежами каменной соли и соляными озерами, эксплоатация которых производится здесь деятельнее, чем в всей остальной республике.

Главные и исторические города «внутренних» провинций Закатекаса, Агуас-Калиентеса и Сан-Луи-Потози, с их «муниципальным» населением, по переписи 1877 г :

Штат Закатекас: Закатекас—40.000 ж.; Фреснильо—15.000; Сиудад-Гарсиа—25.900; Пинос—23.770; Сомбререте—18.060; Гвадалупе (предместье Закатекаса)—15.375 жит.

Штат Сан-Луи-Потози: Сан-Луи-Потози—69.000 жит.; Рио-Верде—26.035; Санта-Мария-дель-Рио—24.230; Сиудад-дель-Маис—23.850; Матегуала—21.350; Каторсе—17.820 жит.

Штат Агуас-Калиентес: Агуаскалиентес—32.000 жителей.

Покатость рио-Лермы, Гуанахуато, Халиско и Тепик, Колима, Мичоакан

Политическое деление территории на штаты нисколько не соответствует её естественным границам; некоторые границы были определены во время испанского правления, согласно распределению народцев и наречий, согласно религиозным и административным влияниям и в особенности сообразно интересам крупных землевладельцев, европейцев или креолов. Тем не менее, между группировкою штатов и совокупностью физических условий может оказаться случайно некоторое совпадение. Так, четыре штата Гуанахуато, Халиско, с территорией Тепика, Колима и Мичоакан составляют определенную естественную область, занимая бассейн рио-Лермы и других рек, текущих с восточного склона Анагуака к Великому океану. Эти провинции, где расположены ярусами один над другим три климата—земля холодная, земля умеренная, земля жаркая—изобилуют различными произведениями природы, и население имеют относительно плотное: на один квадратный километр приходится 19 человек; особенно оно увеличилось за последние десятилетия.

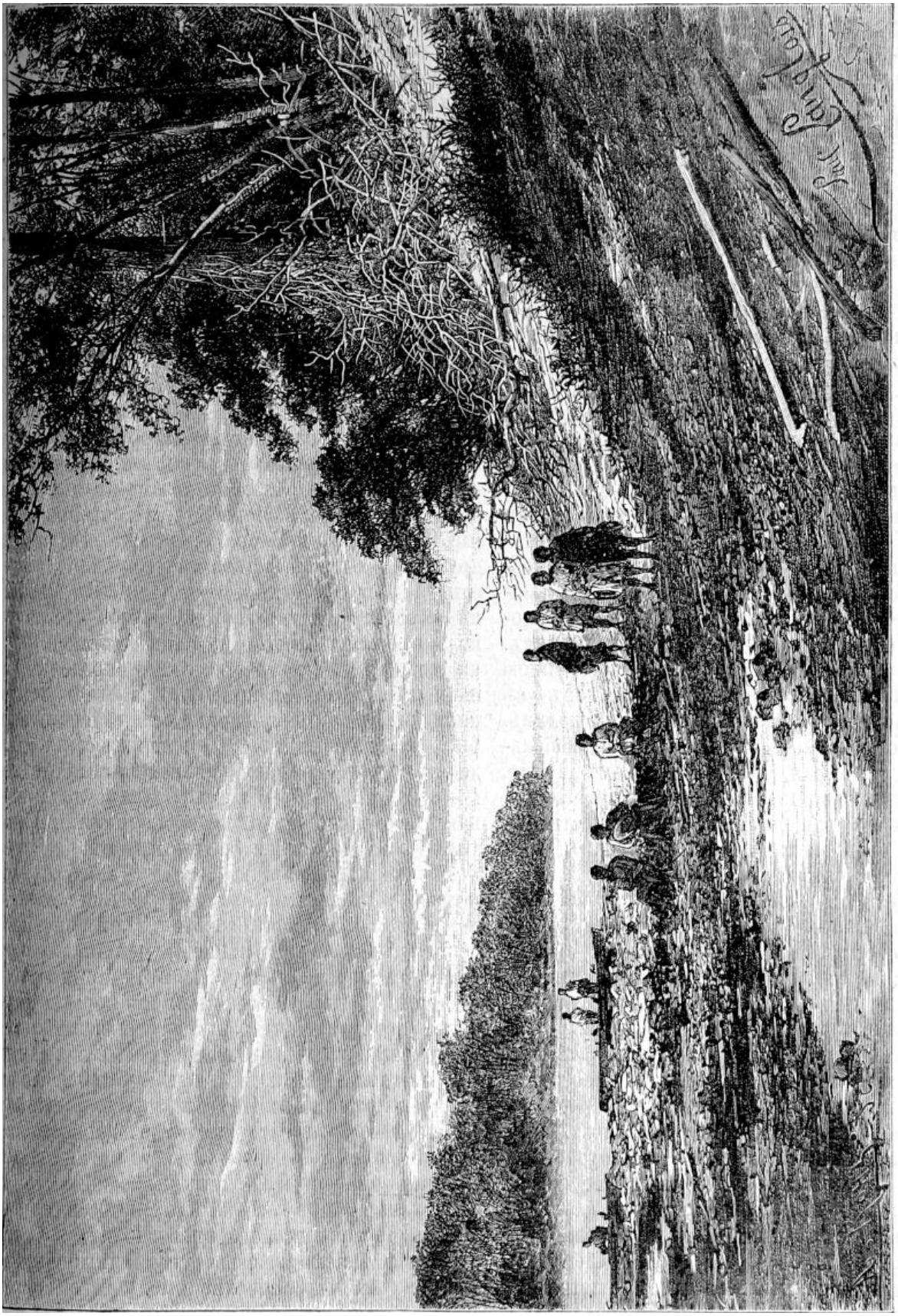
Между этими штатами Гуанахуато, расположенный всего ближе к столице, снабженный лучшими путями сообщения и служащий издавна резиденцией белых, является самым богатым и населенным в отношении занимаемого им пространства. Город Гуанахуато, столица штата, принадлежит к числу тех городов, которые выросли, благодаря своим приискам, на дне узкого оврага, между голых, разорванных скал. Возвышаясь в среднем на 2.031 метр над уровнем моря, он извивается в ущелье, доступном только по одной извилистой дороге. Дома с плоскими крышами лепятся один над другим, словно кучки на-удачу брошенных костей; узенькия улицы зигзагами взбираются по скатам голых гор, на которых растут только кактусы и низкие кустарники. На вершине скалы стоит старинная крепость, Кастильо-де-Гранадитас, обращенная в тюрьму; на откосах там и сям ютятся деревни рудокопов, заводы расположились на террасах или на дне оврага. Одну из этих горнопромышленных групп составляет знаменитая Валенсиана. В этом месте, *veta madre*, или «главная жила» Гуанахуато, ширина которой нигде не менее 9 метров, а мощность в некоторых местах превышает 50 метров, образует огромные залежи серебряной руды, откуда ежегодно, в течение периода времени с 1768 г. до 1810 г., добывалось металла на сумму свыше 38.000.000 франков. Это самая глубокая жила в Мексике, так как она углубляется в землю на 622 метра; но со времени войны за независимость она наполнилась водой; тщетно английские компании неоднократно пытались восстановить её эксплоатацию: считают, что там должно ещё оставаться серебра на сумму 7—8 миллиардов[1]. Наиболее содержательные штуфы, извлекаемые из эксплоатируемых ещё рудников, перетираются в порошок и подвергаются, для очищения металла, химическим процессам, тогда как относительно бедные штуфы идут на постройки или сваливаются в кучи за деревнями рудокопов. Если ценность благородных металлов поднимется, то, конечно, не преминут разрушить все эти жалкия лачуги горнозаводских поселков и их строительный материал, изобилующий серебряными прожилками, подвергнуть разработке. Город Луц, расположенный невдалеке от Гуанахуато, несколько северо-западнее, в группе, гор Гиганте, также окружен рудными месторождениями. В настоящее время монетный двор Гуанахуато ежегодно вычеканивает монет на сумму около 24.000.000 франков, из которых 4 миллиона приходится на золото, а остальное на серебро, и весь этот металл добывается почти исключительно в окрестных рудниках. Гуанахуатские руды прославились в физиографии своим подземным шумом, который слышится довольно часто. В 1784 г. этот шум был настолько силен, что жители в ужасе разбежались, хотя подземный гул и не сопровождался ни малейшим сотрясением земли[2]. Одна из гор этой страны называется Брамадор, или «Ревун».

Гуанахуато—один из исторических городов, прославившийся во время войны за независимость. Здесь, в 1810 г., инсургенты, при помощи 20.000 индейцев, вооруженных только ножами и палками, одержали свою первую победу; добыча была огромная: одна только крепость дала 25 миллионов. Небольшой город Долорес, в приходе которого и был священни-

1 J. Ramirez, „Riqueza mineral de Mexico“.

2 Virlet d'Aoust, „Coup d'oeil sur la topographie et la geologie du Mexique“.

ком известный предводитель восстания Гидальго, находится в сорока километрах на северо-восток от Гуанахуато: со времени торжества революции он получил название Долорес-Гидальго. Каждый штат имеет свой город или деревню с именем Гидальго; так же увековече-

Усумасинта—на границѣ Гватемалы.

ны имена и других патриотов, прославившихся на военном поприще, каковы: Морелос, Абасоло, Район, Алленде, Матаморос, Герреро; многие названия испанского происхождения были заменены новыми, заимствованными из политического пантеона мексиканцев.

Соперником Гуанахуато по численности населения является другой город этого штата—Леон-де-лос-Алдамас, лежащий, подобно его столице, на одном из верхних притоков Лермы, но в более доступной местности, с более благоприятным климатом. Огражденный с северной стороны группою гор «Гиганта», город расположен в плодородной и хорошо обработанной долине, на северо-западной оконечности аллювиальной зоны, которая, под названием Бахио, пересекает весь штат Гуанахуато. Леон, который, несмотря на свою многолюдность, никогда не занимал положения столицы, считается плебейским городом, где труд всегда занимает первенствующее место: в нём находится много фабрик, и особенно он славится своими шорными изделиями: богатые мексиканские кавалеристы выписывают седла и сбрую для своих верховых лошадей именно из Леона; кроме того, здесь много шерстяных и бумагопрядильных фабрик; но население этого города, пребывавшее долгое время в полном невежестве, обретается под сильным влиянием духовенства, которое руководит им во всех междоусобных смутах. Проложенная через Бахио железная дорога, с ветвью к Гуанахуато, захватывает почти все значительные города штата, именно: Силао, с его горами Сиерра-де-Кубилите, изобилующими серебряными рудами и теплыми источниками, Ирапуато, Саламанку, с её бумагопрядильнями, и Селайю,—курорт и фабричный центр, особенно славящийся выделкою сукон, ковров, мыла и кож. Другой промышленный город, Сан-Мигуель-Алленде, или просто Алленде, существующий с первых времен завоевания, расположен на равнине, на восток от Гуанахуато. Города Сальватьерра и Валле-Сант-Яго занимают лощины на плато, усеянном озерами и простирающемся на юг к Мичоакану.

Рио-Лерма у города Саламанки переходит в бассейн Бахио, некогда озерный, затем огибает с южной стороны массив Сан-Грегорио и, до своего впадения в озеро Чапала, орошает вторую, очень широкую долину. Города Пьедад и Барка, окруженные многочисленными деревнями, стоят на берегу реки, а внутри штата, по направлению к югу, находится город Икстлан, с своими грязевыми вулканами, разбросанными сотнями по равнине. На западе, на берегах обширного озерного бассейна, нет больших городов: сама Чапала, лежащая на северном берегу, представляет собою местечко, в стороне от путей сообщения. На восток от этого города виднеется остров Мекскал, в котором, по мнению Орозко-и-Берра, Люсьена Биарта и других, следует видеть мифический Астлан, откуда нахуа выводят свой род. В 1812 г. индейцы с окрестных берегов убежали, под предводительством одного священника, на остров Мекскал и там впродолжении пяти лет храбро защищались против всех нападений испанцев; когда они сдались, их было не более двух сот человек, т.е. одна десятая часть первоначального числа беглецов[1]. Впоследствии этот остров, вызывающий сколько славных воспоминаний, обратили в место ссылки преступников.

Гвадалахара, столица штата Халиско, расположена в двадцати километрах от левого берега реки, на плоскогорье, по которому протекают только небольшие ручейки: она лежит на средней высоте 1.552 метров над уровнем моря. Основанный в первые времена завоевания, в 1542 г., но скоро перемещенный, этот город всегда был одним из важных, благодаря своему географическому положению в центре дорог, ведущих из портов южного побережья к плоскогорью. Население его, которое зачастую становилось во главе оппозиции против Мексико, состояло уже в начале этого века из 20.000 жителей; теперь численность его превосходит 100.000 человек, включая сюда его промышленные предместья: мексиканский город далеко оставил за собой испанский, которому он обязан своим названием. Как рудный центр, Гвадалахара не может сравняться ни с Закатекасом, ни с Гуанахуато, но всё же она имеет некоторое значение, так как на её монетном дворе ежегодно вычеканивают серебряных монет на сумму 6—7 миллионов франков. Но как складочное место для земледельческих продуктов и как мануфактурный город, славящийся производством различных тканей, в особенности *rebozos*, бумаги, крахмала и сигар, а также своими плавильными и стеклянными заводами, Гвадалахара занимает второе место между городами республики; кроме того, это—город *dulces* (сладостей), где занимаются фабрикацией драже и варенья. Так как источников,

1 Lyon, „Mexico“.

снабжавших город водою, стало недостаточно с тех пор, как население возросло в таких значительных размерах, то из рио-Лермы, выше водопада Жуанакатлан, провели канал, несущий воду в Гвадалахару. Этот водопровод служит также главною двигательною силою для городских заводов. Луис Мартинец[1] предлагал даже расширить и углубить этот канал настолько, чтобы сделать его судоходным и урегулировать его течение шлюзами: тогда Гвадалахара могла бы сделаться портом на озере Чапала, посредством судоходной части рио-Лермы. В нескольких километрах на запад от города, на холмах Сен-Педро, разбросаны загородные виллы богатых жителей Гвадалахары. На востоке, через рио-Лерма, которая в этом месте имеет 164 метра ширины, перекинуть мост Тотолотлан, испанской постройки; дальше дорога идет через северный приток Лермы по знаменитому мосту Кальдерона, где инсургенты проиграли свое первое сражение, которое долго считали решительным. По соседству, между городами Запотланехо и Тепатитлан, виднеется ещё разрушенная пирамида храма, «*серрито* Монтезумы».

Город Лагос, лежащий на северо-восток от Гвадалахары, на притоке рио-Лермы, помещается в самом углу штата, на половине пути между Агуас-Калиентесом и Гуанахуато; по своему географическому положению он должен служить естественным посредником между многими штатами плоскогорья: действительно, его базары очень людны, но всё-таки по размерам торговли уступают ярмарке соседнего города Сан-Жуан-де-лос-Лагос, лежащего ниже, в долине: по своей ярмарке этот город был прежде настоящим мексиканским Бокером. Город Боланьос, менее населенный, чем Лагос, расположен также на одном из северных притоков рио-Лермы, на рио-Херес, в трудно доступной местности, у выхода грандиозного ущелья, доминируемого высокими, крутыми скалами; некогда этот город пользовался большим значением, благодаря своим рудникам. Некоторые народцы долго держались в природных крепостях этого края, и ещё до сих пор там можно видеть разнообразные следы их пребывания. Отсутствие дорог заставляет путешественников огибать высокую сиерру-де-Найарит для того, чтобы попасть или на запад—в Тепик и Сан-Блас, или на север—в Кулиакан и Дуранго. На юг от Боланьоса и на другой стороне Лермы, у подошвы высокой скалистой стены, построен город Текила, славящийся во всей Мексике своей магейевой водкой, которую называют, по имени города, *текилой*.

Город Тепик, столица отдельной территории, расположен, подобно Гвадалахаре, в некотором расстоянии к югу от рио-Лермы, командуя, так сказать, нижним течением этой реки. Своим процветанием этот город обязан своему здоровому местоположению на высоте 900 метров над уровнем моря, среди фруктовых и других садов, на краю пемзового плоскогорья, откуда видно расстилающееся внизу море; он служит дачной местностью и санаторией для жителей нездорового побережья, где осаждаются наносы из рио-Лермы. Когда завоеватель Нуньо-де-Гусман водворился в стране, он избрал для своей резиденции другое место, расположенное в двадцати километрах южнее, но тоже на краю плоскогорья и в том же расстоянии от моря: там был основан город Компостелла, который долгое время был стратегическим центром всей Западной Мексики; теперь же он представляет собою селение, пришедшее в упадок. Бывший индейский городок Халиско, или «Город Пепла», от которого получил свое название штат, имеющий своею столицей город Гвадалахару, лежит в 7 километрах к югу от Тепика, на склонах Серро-Сан-Жуана, усеянных мелкими вулканическими каменьями. Там нашли остатки построек, глиняную утварь и другие предметы древности. В Халиско царствовала женщина в то время, когда испанцы завоевали его.

Деревня Сант-Яго, построенная у самого выхода горных ущелий, в том месте, где рио-Лерма, называющаяся также рио-Гранде-де-Сант-Яго, вступает в равнины побережья, утратила ныне всякое морское значение; морские суда, большей осадки, чем те, которые служили испанским завоевателям, не могут форсировать опасный порог реки, чтобы подняться по течению её до какого-либо внутреннего порта. Нынешний приморский складочный пункт, Сан-Блас, расположен на юг от аллювиальных земель, нанесенных рекою, невдалеке от гор-

1 „Informes y documentos relativos a Comercio“, июль 1886 г.

ных откосов, которые поднимаются к плоскогорью Тепик; прежде один из боковых рукавов Лермы изливался в гавань Сан-Бласа, но во время войны за независимость[1] его завалили, и с тех пор он остался закрытым. Порт хорошо защищен от ветров, но входный канал его узок, и глубина его при низкой воде не имеет даже 4-х метров. Несмотря на то, Сан-Блас—наиначще посещаемый порт западного побережья Мексики, между Мазатланом и Акапулко. Старый город, где проживали, во время испанского владычества, филиппинские купцы, возвышался над портом на скале черного базальта, доступной только со стороны суши. Будучи разрушен во время междоусобных мексиканских войн, он представляет теперь лишь развалины, почти сплошь покрытые растительностью; нынешний Сан-Блас, спустившийся со скалы на берег, состоит из группы домов и соломенных хижин, осененных кокосовыми деревьями и населенных преимущественно мулатами. Ценность торгового обмена в Сан-Бласе в 1886 г. составляла 8.350.000 франков.

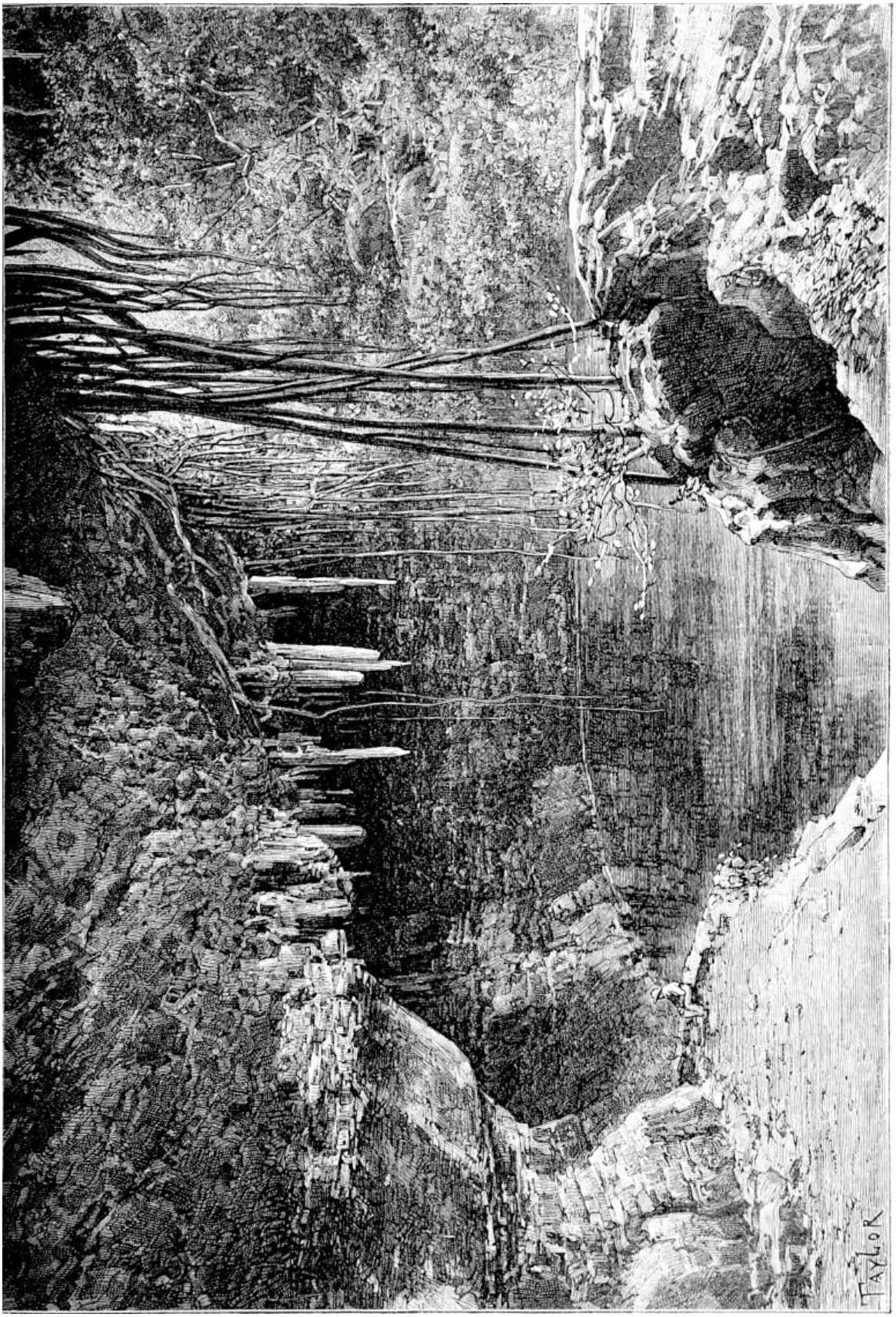
Рио-Амека, впадающая, на юге от залива Сан-Блас, в бухту Бандерас, дала свое имя главному городу её бассейна. Амека и соседний город Кокула, лежащие в очень плодородной области, усеянной озерами и бывшими озерными бассейнами, ныне высохшими, будут современем, когда страна покроется сетью дорог, представлять более короткий путь между озером Чапала и морем, чем нынешний кружный путь на Гвадалахару и Тепик. Но бухта Бандерас, широко открытая со стороны моря, не имеет порта: город Маскота, приютившийся в долинке, у подножия разорванных скал, называемых Буфа-де-Сан-Себастиан, не имеет на берегу ни одной деревни, которая бы могла служить ему морской пристанью. Надо пройти вдоль берега более ста километров на юг, прежде чем доберешься до места якорной стоянки —до маленького порта Чамела, который ведет кое-какую торговлю красильным деревом. Две другие вырезки побережья далее на юго-востоке, бухты Тенакатита и Навидад, дают пристанище каботажным судам. В истории первых плаваний по Тихому океану, Навидад был выбран исследователями Южного моря, как отправный порт.

На юг от озера Чапала, два промышленных и живописных города—Сайула (1.340 метров) и Запотлан (1.310 метров), называемый также Сиудад-Гусман, имеют некоторое значение как этапы на дороге из Гвадалахары к другому главному городу штата, Колиме (прежде Сант-Яго-де-лос-Кабальерос), основанному Кортесом в первые времена завоевания. Колима стоит на высоте 450 метров над уровнем моря, на первых выпуклостях холмов, которые постепенно образуют пьедестал для двух «вулканов»,—вулкана «Огня» и вулкана «Снега». С западной стороны Колимы протекает река, многочисленные притоки которой выходят из глубоких барранок, изрезывающих склоны гор; эти воды обильно орошают город с его садами, кофейными и сахарными плантациями и хлопчатниковыми полями. Почва и климат могли бы сделать сельский округ Колимы одною из самых богатых естественными произведениями стран в свете, если бы её земледелие не находилось в таком первобытном состоянии. Местная промышленность довольно развита: индиянки, занимающиеся пряжею и тканьем хлопчатобумажных изделий, отличаются замечательным искусством и тонким вкусом; туземные гончары тоже очень искусны, и среди них попадаются настоящие художники, умеющие с поразительным сходством лепить бюсты из терракоты. В сезон лихорадок Колима иногда посещается этим бичем, но во всяком случае страдает от него гораздо меньше, чем деревни, лежащие в равнинах; богатые колименьосы переселяются тогда в свои гасиенды, расположенные на возвышенностях, преимущественно в деревню Тонилу, взгромоздившуюся высоко между огромными брешами склонов, на террасе, откуда видна группа вулканов во всём её величии.

Железная дорога, соединяющая эти местности с сетью мексиканских рельсовых путей, начинается береговой линией, выходящей из Манзанильо, гавани Колимы, и огибающей на юге, по песчаной косе, длинную мелководную лагуну Куютлан, которая высыхает во время жаров, и которую предлагали соединить с морем посредством прореза узкого перешейка. Порт Манзанильо, открывающийся в каменистом берегу, к западу от этого песчаного пере-

1 Duflot de Mofras, „Exploration de l'Oregon".

шейка, широк, глубок и хорошо защищен от ветров, кроме западных и юго-западных, которые часто дуют здесь в сезон дождей, т.е. с мая по октябрь. Это время считается самым здоровым сезоном в году, но в месяцы засухи климат Манзанильо становится крайне вредным.

Вальядолидскій гротъ.

Ценность внешней торговли в Манзанильо в 1886 г. выразилась цифрой 5.450.000 франков. В сотне километров на юго-восток от этого порта каботажные суда посещают другую бухточку, Марнату, столь же нездоровую, как и Манзанильо, и к тому же не представляющую по-

чти никакого прикрытия. Между этими двумя пристанями, соляные промыслы на лагунах занимают в сезон сбора соли от пяти до шести тысяч рабочих индейцев[1].

Штат Мичоакан, имя которого, как говорят историки, происходит от рыбы *мичи*, составляет одну из тех мексиканских областей, которые всего труднее слились с остальной Новой Испанией. Тараски не были покорены ацтеками, и их глава, в отличие от других, назывался «Обутым», потому что он один из князей имел право стоять обутым перед Монтезумой. Гордые своей свободой, освященной веками, тараски приняли сначала испанцев как простых союзников; спустя три века, во время воины за независимость, дисциплинированное европейское войско нигде не встречало такого упорного и мужественного сопротивления, как здесь со стороны тарасков. Первое совещательное собрание бунтовщиков происходило в местечке Апасинган, в одной из нижних долин, спускающихся к рио-Мекскала; впоследствии он был переведен в Зитакуаро, нагорный город, находящийся между Морелией и Толукою: город этот, имя которого, по словам этимологов-патриотов, означает «Место Воскресения», с тех пор прозван «Геройским».

Столица штата тоже носит имя, с которым соединяется воспоминание о подвигах в борьбе с Испанией: при старом правлении она называлась Вальядолидом, как большой кастильский город, теперь же она известна только под именем Морелиа, данным ей в честь Морелоса, одного из героев и жертв восстания. Хотя Морелиа лежит на плоскогорье, в бассейне озера Квицео, высота её положения не превышает 1.940 метров над уровнем моря; она занимает плодородную долину между двумя ручьями, на западе которой возвышается великолепная гора Кинсео, высотою в 2.664 метра. Город этот, который долгое время оставался в стороне от главных путей сообщения,—один из лучших в Мексике по постройке и чистоте: он имеет прекрасные сады и собор с двумя башнями простого и правильного стиля[2]. Ветвь железной дороги, соединяющая Морелию с мексиканской сетью дорог,—одна из живописнейших во всём Анагуаке: она идет вдоль берегов озера Квицео и между гор, лугов и лесов. К западу от этого великолепного бассейна, некогда более обширного, чем теперь, между городами и течением Лермы рассеяно множество других озер, из которых одно отражает в своих водах дома города Пуруандиро. Замора, Икстлан, Хикильпан—самые населенные города в юго-западной части Мичоакана, смежной с озером Чапала.

На юго-западе от Морелии, железная дорога идет дальше, по направлению к Пацкуаро, который в первое время завоевания был столицею этой области, до 1541 г., когда испанцы основали Вальядолид. Предшественником Пацкуаро в роли столичного города был до 1520 г. Цинцонцан или Гуицизила, «Город Колибри», резиденция властителя, вокруг которого, как говорит легенда, сгруппировалось около сорока тысяч подданных; епископ Васко де-Кирога заставил переселиться своих прихожан из старого города в новый, расположенный в недалеком расстоянии на террасе, с которой видно озеро Пацкуаро, лежащее в четырех километрах оттуда. Цинцонцан ещё существует и до сих пор, но представляет собою не более как деревню, тогда как Пацкуаро, «Место Наслаждений» (или «Место храмов», по Брассер-де-Бурбуру), сделался многолюдным городом. Рассеянные в окружности холмики покрывают, как говорят, развалины древних храмов и дворца. Индейцы этой области до сих пор сохранили свое искусство в выделке различных предметов из перьев колибри и других птиц.

Местность вокруг озера Пацкуаро находится ещё на высоте 2.200 метров над уровнем моря, но несколько южнее дорога уже достигает края плоскогорья и быстро спускается к морю через города Такамбаро, Арио, Уруапан или какой-либо другой город, расположенный в одной из боковых долин рио-Мекскала. По близости Арио, лежащего на высоте более 2.000 метров над уровнем моря, в виду вершины вулкана Танситаро, находится деревня Канинцио, которая не очень давно была населена группой французских колонистов, насадивших в этом крае множество разнообразных деревьев, как плодовых, так и декоративных:

1 Xantus, „Scottisch Geographical Magazine“, февраль, 1890 г.

2 Jules Leclercq, „Voyage au Mexique“,

вино, изготовлявшееся в колонии Francia, или «Маленькая Франция», славилось даже в столице Мексики. Но когда в 1864 г. в страну вторглись французские войска, туземцы возмутились против иноземных агрономов и вынудили их выселиться[1]. В окрестностях Арио целыми сотнями рассеяны могильные холмики, или *айякатесы*, сооруженные древними тарасками, и в этих могилах были найдены очень любопытные предметы, относящиеся к доисторической промышленности.

Самые населенные или исторические города штатов западного склона, с цифрой их населения:

Штат Гуанахуато: Леон (де-лос-Алдамас)—91.000 жит.; Гуанахуато—39.000; Долорес-Гидальго—44.980; Алленде (Сан-Мигуель-де)—22.000; Силао—16.000; Селая—25.000; Ирапуато—27.700; Саламанка—24.000; Сальватьерра—23.960; Валле-Сант-Яго—22.900; Абасоло—21.760; Ла-Луц—14.670 жит.

Штат Халиско: Гвадалахара—84.000 жит.: Лагос (де-Морено)—42.320; Сайула—26.360; Тепатитлан—23.650; Ла-Барка—22.890; Сан-Жуан-де-лос-Лагос—18.650; Запотлан-эль-Гранде (Сиудад-Гусман)—23.000; Амека—13.420; Сант-Яго—8.520; Теквила—6.800; Компостела—6.720; Боланьос—3.320 жит.

Тепик: Тепик—16.000 жит.; Сан-Блас—3.520 жит.

Штат Колима: Колима—19.000 жит.; Манзанильо—4.040 жит.

Штат Мичоакан (**Де-Окампо**): Морелия—32.000 жит.; Пуруандиро (де-Кальдерон)—27.650; Ла-Пьедад (де-Кабадас)—18.900; Замора—14.640; Такамбаро—12.630; Арио (де-Розалес)—12.360; Икстлан—12.230; Уруапан (дель Прогресо)—11.640; Пацкуаро—11.630; Зитакуаро (де-ла-Индепенденсия)—11.320 жит.

Анагуакское плоскогорье

Кверетаро, Гидальго, Мексико, Федеральный округ

Различные штаты, занимающие Анагуакское плоскогорье в собственном смысле слова, представляя, однако, на своей окружности многочисленные бреши, через которые воды текут в обоим морям, но преимущественно к Мексиканскому заливу, составляют самую плодородную, богатую и населенную область в республике: здесь на один квадратный километр приходится 33 жителя, т.е. почти на половину меньше, чем во Франции. Таким образом центр тяжести мексиканской нации не переместился со времени толтекской цивилизации, т.е. в течение по крайней мере тысячи лет; впрочем, он и не мог перейти ни в какую другую часть Мексики, хотя бы и более богатую рудниками, как Дуранго и Закатекас, или флорою, как Мичоакан и Оаксака; причину этого надо искать в счастливом положении Анагуакского плоскогорья, которое представляет собою естественный центр, куда сходятся все дороги, идущие с севера, между Миссисипи и Скалистыми горами, и в тоже время служит как бы крепостью, которая господствует над двумя склонами страны.

Штат Кверетаро, в котором получают свое начало первые притоки реки, изливающейся, под именем Пануко, в море между штатами Тамаулипас и Вера-Круц, занимает относительно незначительное пространство; северная его часть, в которой находятся города Халпан, Толиман, Кадерейта, имеет очень редкое население. Жители скучились преимущественно в южной половине штата, там, где с одной стороны начинается большая равнина Бахио, данница рио-Лермы, а с другой—долина рио-Сан-Жуан, одного из главных рукавов Пануко; в этой долине находится город Сан-Жуан-дель-Рио, восхитительный «город садов». Кверетаро—по-тарасски—«Город Игры в Мяч», лежит у самого порога раздельной линии, между двумя отлогостями, на высоте 1.850 метров над уровнем моря. Летописи приписывают его основание племени отоми, в половине IV-го века, но все его постройки чисто испанского происхождения; особенно замечателен водопроводный канал, с 74 сводами, лежащий на высоте 23

1 Jules Leclerq, цитиров. сочинение.

метров над оврагом; резервуар, недавно устроенный выше города, содержит более миллиона кубических метров воды. Кверетаро—один из промышленных городов Мексики по фабрикации мыла и сигар; его бумагопрядильные фабрики занимают не одну тысячу рабочих рук. На склоне *серро* де-лас-Кампанас, возвышающагося с западной стороны города, в расстоянии около одного километра, находится небольшой памятник из трех камней, указывающий то место, где, в 1867 г., пали расстрелянными император Максимилиан с двумя его сподвижниками, генералами Мирамоном и Меджиа: к ним был применен закон, подписанный самим же Максимилианом 3-го октября 1865 года и осуждавший на смерть тех мексиканцев, которые будут сражаться за свою независимость[1].

Штат Гидальго, названный так в память священника, который первый сделал призыв мексиканцам к возмущению,—относительно недавнего происхождения: до 1869 г. он составлял часть штата Мексико. Также как и соседний штат Кверетаро, он населен крайне неравномерно: северная часть его, целиком занятая горами, населена реже: города Зимапан, Хакала, Мекститлан и Гуехутла,—древний город гуакстеков,—находятся в довольно далеком друг от друга расстоянии. Население скучилось преимущественно в больших плодородных равнинах южной части штата, над которыми господствует очень продуктивная рудная область. Там, близ Актопана и причудливых гор «Органов», находится и столица штата, Пачука, древний город, связанный ветвью с мексиканскою сетью железных дорог; в этой местности индейцы эксплоатировали золотые и серебряные руды ещё до эпохи завоевания. Испанцы овладели этими рудниками и продолжали изыскания; здесь, именно, в соседстве Пачуки, и был открыт способ холодной амальгамации, называющийся *патио*, который впоследствии был применен на всех мексиканских горных заводах. Группа рудников Регла, находящаяся между Пачукой и Атотонилко, прославилась под именем Реаль-дель-Монте; в недавнее время она переименована в Минераль-дель-Монте: до пожара и наводнений, разрушивших эти рудники, из них извлекали серебро на сотни миллионов. Со времени войны за независимость, эксплоатация их возобновилась при участии английских мастеров, выписанных из Корнваллиса, и тысяч мексиканцев; рудники эти располагают очень сильными машинами и доставляют на монетный двор Мексико большую часть получаемого им металла.

Ежегодный чекан на монетном дворе Мексико, в течение десятилетия с 1878 по 1888 г.: 35.600.000 франков, из которых 1 миллион золота.

Пачука стоит почти на полпути между двумя старинными могущественными городами толтеков, Тулансиго и Тулой. Первый из них—«Маленькая Тула»,—старший по времени основания, построен у подножия вулкана, на восток от нынешнего главного города, близ восточной оконечности плоскогорья. До завоевания индейцы занимались выделкою всевозможных острых инструментов из обсидиана, который они добывали в соседней горе, серро-де-лас-Навахас, или «горы Ножей». Здешних рудных залежей, кажется, хватало для всего Анагуака, с доисторической эпохи и до пришествия испанцев[2]. Тула, древний Толлан, или «Город Тростника», представляет собою деревню, расположенную в прелестной местности, которую пересекает железная дорога, идущая из Мексико в Кверетаро. При раскопках там нашли массу костей животных, стрел и другого оружия; но особенно замечательно было открытие древних построек, сделанное Чарнаем, который откопал их на вершине холма, откуда расстилался обширный горизонт; эти толтекские развалины оказались остатками храмов и дворца. Замечателен тот факт, что тульские зодчие пользовались для постройки зданий самыми разнообразными материалами,—деревом, булыжником, каменьями, цементом, известью и даже настоящим обожженным кирпичем, а не *адабами*, или *тубами*, как их называют в Алжирии[3],—т.е. кирпичом, высушенным на солнце; этот последний материал был в большом употреблении у ацтеков, да и теперь испано-американцы на всём севере Анагуака и в Новой Мексике употребляют его для обыкновенных построек.

1 Ch. Mismer, „Souvenirs de la Martinique et du Mexique“.

2 Guillemin-Tarayre, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. T. III.

3 I. Dybowski, „Revue de Geographie“, июнь 1890.

Штат Мексико утратил свои прежние размеры, так как с севера от него был отделен Гидальго, а с юга—Морелос; кроме того, «Федеральный округ», окружающий столицу, составляет отдельную от штата область, и также, как округ Колумбии в Соединенных Штатах, состоит под непосредственным управлением Конгресса. Хотя уменьшившаяся наполовину против прежнего своего пространства, провинция эта владеет ещё обширной территорией, которая, по географическому своему положению, должна бы быть отделена от неё: это—округи, лежащие к югу от снегового хребта, на покатости, воды которой текут через рио-Мекскала в Великий океан. Почти все горные округи пустынны и безлюдны, кроме горнозаводских местностей, тем не менее в общем штат населен относительно очень плотно, особенно та часть его, которая лежит на восточной оконечности и составляет, так сказать, городской округ Мексико. Главный город штата, Толука, не принадлежит к числу значительных городов республики: его положение на высоте 2.580 метров над уровнем моря и, как следствие этого—суровый климат, наконец, недостаток в удобных путях сообщения с противоположным склоном гор—затормозили развитие города; но он красив, хорошо построен, и жители его—народ предприимчивый и промышленный. Другой город, Лерма, расположенный в 13 километрах восточнее, на озере, пересекаемом нарождающейся рекой Лермой, занимает такое же положение, как и Толука. Вокруг «долины», обращенной в хлебные поля, высится амфитеатр гор, над которыми с южной стороны господствует коническая гора Невадо-де-Толука; длинные склоны её у вершины белеют полосами и даже сплошным покровом снега. Проход на восточной стороне этой горы охраняется городом Тенанго, лежащим близ красивого водопада. Главные города противоположного склона—Тенансинго, или «Маленький Тенанго», Техупилко и Темаскалтепек.

Мексико, столица республики, сохранила ещё свое ацтекское имя, которое, впрочем, истолковывается этимологами различным образом: обыкновенно его производят от одного из прозвищ бога войны, Мекситли[1]. Однако, город этот был более известен, даже и в первые годы эпохи завоевания, под названием Тенохтитлана, или «Камня смоковницы», и действительно герб города, который в то же время есть и герб Мексиканской республики, представляет собою выходящий из озера камень с растущей на нём смоковницей, на которой сидит орел. Европейский город возник на том же самом месте, на котором стоял город Монтезумы. Когда Кортес осадил Мексико, он методически разрушал все жилые постройки, все здания и разравнивал почву, чтобы помешать всякому наступательному движению врага. Но при постройке города в 1522 г. он строго придерживался первоначального плана, т.е. провел новые улицы по направлению старых и распределил их по-прежнему на кварталы, создав таким образом испанское *barrio* на мексиканском *calpulli*; центр старого Мексики сделался большою площадью, и на том месте, где некогда возвышался великолепнейший храм в честь бога войны, был воздвигнут кафедральный собор. Город Тлателолко, вначале отделенный от воинственного Тенохтитлана, как купеческая колония, был тоже присоединен к новому Мексико: он находился на том месте, где теперь лежит северный квартал города.

Но если Мексико был отстроен на месте старых Тенохтитлана и Тлателолко, его наружный вид совершенно изменился, так что прежние его жители не могли бы его узнать: прежде это был совершенно озерной город, со всех сторон окруженный водою и соединявшийся с материком посредством мостов и дамб, теперь же озера отодвинулись в узкие бассейны, и город стоит на твердой земле, окруженный поясом лугов; дамбы, построенные среди озера, превратились теперь в дороги, а на месте засыпанных каналов, изрезывавших старый город, тянутся широкие бульвары. Издали и с возвышенного пункта мексиканская столица имеет величественный вид. Этот белый город, с его высокими башнями и куполами храмов, широко раскинувшийся в обширной равнине, окруженный величественным амфитеатром подернутых синеватой дымкой гор, представляет полную гармонию с окружающей его природой: при первом взгляде восхищенный турист склонен преувеличивать историческое значение этого города, занимающего столь грандиозное местоположение. «Мы остолбенели от удивле-

1 Alex de Humboldt;—Orozco y Berra;—H. H. Bancroft;—Lucien Biart, цитиров. сочинения.

ния»,—говорит Берналь Диац. «В наших восхищенных глазах этот город казался теми волшебными жилищами, которые так чарующе описаны в книге *Амадиса*, и некоторые из наших солдат даже спрашивали, не греза ли это чудное видение?»

Индѣйцы племени майя.

Город имеет очень правильную распланировку: улицы, по большей части очень узкия, пересекаются под прямыми углами, как в Чикаго и Филадельфии; это однообразие прямых линий прерывается, через известные промежутки, площадями и садами. Дома с террасами и

внутренними дворами, как в городах Востока, имеют толстые стены и построены из желтоватого песчаника или красной лавы, называемой *тезонтле*; большинство их—одноэтажные, для того, чтобы здание могло лучше противостоять легким землетрясениям, которые составляют здесь довольно обычное явление[1]. В центре города открывается большая площадь, на которой совершаются торжества, и куда устремляются, смотря по часу дня, потоки трудящагося люда или гуляющей публики. С одной стороны возвышается собор, заменивший старую церковь, построенную Кортесом на месте, где стоял древний *теокалли*, постоянно обагрявшийся кровью жертв, храм бога войны: «самые столбы нового храма водрузили на повергнутых идолах, дабы последние были раздавлены во веки несокрушимым столпом святой христианской религии[2]». Современный собор, строившийся около целого века на личные средства Филиппа II и его преемников, представляет собою великолепный памятник зодчества, поражающий своим грандиозным видом; к нему примыкает другая церковь, Саграрио, с красивым фасадом чудной скульптурной работы на манер индусского дворца. Другая сторона главной площади занята Национальным дворцом, который, говорят, был построен на месте дворца Монтезумы: это—огромное здание, имеющее по фасаду более 200 метров; в нём помещаются: сенат, министерства и главные управления, а также почтамт, музей и библиотека. Две остальные стороны площади заставлены преимущественно домами с арками или *порталами*, под которыми снуют прохожие и всякие торговцы, продающие в разнос. Средину этой обширной площади занимает прекрасный сквер Уокало, или «Цоколь», осененный эвкалиптами и украшенный цветами, фонтанами и статуями.

Музей Мексико содержит в себе драгоценные коллекции по естественной истории; среди них особенно обращают на себя внимание так называемые «кости исполина», т.е. ископаемые остатки больших животных из фауны по-третичной эпохи; но ещё замечательнее археологическая коллекция, содержащая те из античных вещей, которые уцелели от фанатической ярости первых победителей и от грабительских рук иностранных коллекционеров. Здесь можно видеть драгоценный «мексиканский календарь», показывающий деление времени, так остроумно придуманное ацтеками: это—громадная глыба весом в 21 тонну, привезенная скульпторами, очевидно, издалека, так как в горах, окружающих Мексико, нет скал такой породы[3]. К сокровищам музея принадлежит ещё «камень Тицока», изображающий торжественное шествие побежденных этим властелином народов; камень этот долгое время считали «жертвенным камнем» прежнего храма; кроме того, здесь находятся: отвратительная статуя Гуитцилопохтли, «бога войны», щит Монтезумы, иероглифические изображения, идолы различных божеств, которые не все ещё определены учеными, наконец—высеченное изображение креста, этот простой символ религии, который можно найти у всех народов. Каждый год Национальный музей пополняется новыми находками, и правильные раскопки, производимые теперь в Мексико, в особенности в пределах прежних озерных бассейнов, по всей вероятности, доставят массу сокровищ для археологической коллекции, так как во время осады Мексико почти все драгоценные вещи из храмов, дворцов и городских зданий были потоплены в водах лагун. Соразмерно увеличению научного достатка, возрастает и рвение к науке: Мексико имеет высшие учебные заведения—университет, училище правоведения, горный, сельскохозяйственный институты и пр.; медицинская академия занимает здание прежнего дворца Инквизиции, а в бывшем иезуитском монастыре водворилась большая приготовительная школа; в индейской коллегии изучают ацтекскую литературу; кроме того, есть много ученых и литературных обществ, которые издают свои труды; публичная библиотека заключает в себе более 200.000 томов; художественный музей считается одним из самых богатых во всём Новом Свете. С точки зрения научной деятельности, этот американский город может смело сравняться с Мадридом, своей бывшей метрополией: одна из его частных библиотек имеет мало себе подобных.

1 Desire Charnay, „Cites et Ruines Americaines“.

2 Sarinana;—Garcia Cubat, „Etude geographique des Etats-Unis Mexicains“.

3 Alex. de Humboldt, цитированное сочинение.

Население Мексико в пять раз увеличилось с начала этого века, хотя всё-таки в этом отношении столица Анагуака отстала от многих новейших городов. Сто лет тому назад Мексико был самым многолюдным городом Нового Света, а в настоящее время его опередили не только Нью-Йорк и другие города Соединенных Штатов, но даже и его конкурренты романской Америки. Пока ещё не предвидится близкого исполнения предсказания Ампера[1]: город, стоящий в «этой предопределенной области, в пункте соединения двух Америк, на пути из Европы и Азии», не проявляет ещё себя как будущая столица мира; очаг цивилизации, «перемещенный силою вещей и вследствие конфигурации земного шара», не переносится в Мексико, «пункт, отмеченный как истинный центр человечества». Тем не менее, Мексико, стоящий на «мосту мира», между двумя океанами, есть один из жизненных узлов планеты, и его историческое значение несомненно возрастет современем.

Правда, Мексико лишился участия в торговле Филиппинских островов с Испанией, данного ему некогда колониальной монополией, но зато внутренняя его торговля значительно расширилась. Уже Берналь Диац говорил, что никакой европейский город не имел столь богатого рынка, как Тенихтитлан: по крайней мере по отношению к фруктовой торговле слова Берналя Диаца остаются во всей силе, так как на мексиканском рынке можно найти плоды всех поясов: вишни на-ряду с ананасами, груши вместе с бананами. Любопытное зрелище представляет собою столица ранним утром, когда по каналу Вига тянутся целые флотилии барок, нагруженных цветами, фруктами и овощами. Большая импортная торговля почти вся находится в руках иностранных купцов—немцев, англичан, северо-американцев, французов. Иммигранты с Дофинесских и Провансальских Альп,—вообще известные, под именем «барселонетцев», так как они в большинстве случаев уроженцы города Барселонетты и окрестных долин,—лишенные зимою всяких средств к существованию, завладели в Мексико значительной долей торговли красным товаром. Трудолюбивые иностранцы почти все приобрели здесь благосостояние или богатство; но туземное население нищих *лепероcов*, *пеладосов*, или *поридосеросов*, кишмя кишит в предместьях.

Мексико—город нездоровый, несмотря на чистоту воздуха, спускающагося с снежных гор. В иные годы смертность в четыре раза превышала рождаемость: в среднем, на 1.000 человек приходится 32—33 смертей, т.е. гораздо больше, чем в Лондоне, Париже и в большинстве других городов Западной Европы. Причину такой большой смертности только отчасти можно приписать трудности акклиматизации на этих высотах[2]; главным же образом она кроется в нечистоте почвы и вод: Мексико стоит на высоте всего нескольких дециметров над озером Текскоко, имея в подпочвенных слоях непроницаемый глиняный грунт, который почти не пропускает воду, так что соленая вода, насыщенная различными органическими веществами, скапливается во всех ямках и рытвинах и выделяет вредные испарения. Постепенное повышение уровня в бассейне Текскоко угрожает затопить город, который уже не раз подвергался наводнениям. При каждом ливне улицы заполняются грязью, которая, при продолжительных дождях, образует целые топи и даже трясины. Дорожное ведомство плохо борется с этим злом; сточные трубы, переполненные почти стоячей водой, только способствуют гниению почвы: «город рискует задохнуться»[3]. С другой стороны, в Мексико, при громадном излишке испорченной воды, чувствуется недостаток в чистой воде, которая доставляется водопроводом: в 1882 г. ежедневное количество доставляемой воды едва достигало 25.000 кубических метров, так что на каждого жителя приходилось менее 100 литров. Что касается проекта об осушении подпочвенного слоя, то об этом нечего и думать, потому что если отвести излишек жидкой массы, которая дает известную плотность болотистому грунту города, то здания его утратили бы устойчивость, и при малейшем землетрясении рисковали бы опрокинуться. Постепенное осушивание почвы уже привело к тому, что во многих больших

1 „Promenade en Amerique“. Том II, 1855.

2 Jourdanet, „La Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l’homme“.

3 „Memoria de la Secretaria de Fomaito“. Том III, 1887.

зданиях появились трещины, а некоторые даже осели на несколько футов в землю[1]. Теперь приходится лишь сожалеть о том, что Кортесу, для закрепления своего триумфа, захотелось построить новый город как раз на месте старого и воздвигнуть церкви на языческих храмах, вместо того, чтобы построить второй Мексико в более возвышенной местности, простирающейся на запад, к горам. Впрочем, пышные кварталы удлинняются именно в этом направлении; подгородные деревни, как например, Казабланка, Такубайя, где находится национальная обсерватория, входят постепенно в черту столицы и соединяются с нею красивыми бульварами, обстроенными домами. Мексико неудержимо разростается в западном направлении, воздвигая новые постройки на более чистой почве. Движение пассажиров на трамваях, проходящих по улицам и проспектам Мексико, просто изумительное, так что в этом отношении он может сравниться с самыми оживленными городами мира. Город имеет прекрасные парки и сады, как например Пасео и Аламеда, где один фонтан указывает место бывшего *кемадеро*: это был костер, где гибли жертвы инквизиции, преимущественно «еретики-матросы», захваченные испанскими крейсерами. *В последнее время, после осушения долины посредством туннеля, длиной 9,6 километров, оконченного в 1894 г., санитарные условия мексиканской столицы существенно улучшились; питьевая вода доставляется двумя грандиозными водопроводами.*

Возрастание Мексико идет особенно заметно по обеим сторонам Такубской дороги, проложенной на месте старого шоссе, по которому испанцы совершили свое бедственное отступление «в печальную ночь» (noche triste). Около деревни Попотла ещё до сих пор существует старый кипарис, под которым стоял Кортес, тщетно ожидая возвращения своих четырехсот товарищей, трупы которых были свалены кучами в окровавленную грязь, на дороге; говорят, он проливал здесь слезы, в первый раз потеряв веру в свое счастье. Вокруг этого исторического дерева раскинуты обширные огороды, за которыми показываются дома Такубы, которая некогда, под именем Тлакопама, принадлежала к числу трех городов нахуатльского союза, и которая в скором времени, без сомнения, станет предместьем всё разрастающейся столицы. Несколько севернее, на дороге, ведущей к *desague* Гуегуетока, находится местечко Куаутитлан, «Город Орлов», имя которого жители Мексико, гордящиеся тем, что они живут в столице, употребляют в виде презрительной поговорки: «Вне Мексико есть только Куаутланы!»

Великолепный бульвар, осененный эвкалиптами, ведет из Мексико к порфировому пригорку, Чапултепек или «Гора Кузнечика»; по сторонам пригорка красуются статуи, из которых одна воздвигнута в честь Гватимозина, «проявившего героизм в защите страны, величие души в мученической смерти». На скале Чапултепека некогда стоял замок Монтезумы, в настоящее время перестроенный в огромный дворец: его соорудил в прошлом столетии вице-король Гальвес, намереваясь, по словам его мексиканских подданных, устроить в нём крепость и провозгласить оттуда свою независимость, в качестве мексиканского императора. С террасы этого дворца, одна часть которого занята теперь под военное училище, открывается взорам великолепная панорама Мексико, с его озерами и горами. Окружающие Чапултепекский дворец парки принадлежат к самым тенистым во всей долине: в них растут гигантские «кипарисы» (cupressus disticha) или *ahuehuetes*,—т.е. «старцы вод»,—которые существовали ещё до прибытия в страну испанцев: некоторые из этих исполинов растительного царства, с длинными ветвями, перевитыми «испанскою бородою» (tillandsia usneoides), имеют пятнадцать метров в окружности и пятьдесят в высоту. Изображения, вырезанные некогда на стенах скалы Чапултепека, с течением времени стерлись. У Чурубуско, лежащего несколько южнее Чапултепека, американцы одержали, в 1847 г., победу, которая отдала в их власть Мексику. После этой стычки, им оставалось только опрокинуть воспитанников военного училища в Молино-дель-Рей, т.е. как раз у самого основания скалы Чапултепека, чтобы войти в Мексико; в следующем году был подписан мирный договор в Гвадалупе-Гидальго, по которому половина национальной территории была присоединена к Соединенным Шта-

1 L. de Belina, „ Boletin de la Sociedad de Geografia de la Republica Mexicana“. 1882.

там. Водопровод, несущий воды различных горных источников с юго-западной стороны Мексико, орошает сады Чапултепека и аристократического предместья Такубайи,—по-ацтекски «Бассейн Вод»,—виллы которого рассеяны к югу от «Горы Кузнечика». Такубайя служит центром экскурсий к Сан-Анжель, прелестным деревням, приютившимся в долинах горы Ахуско, и к *педрегалю* или полю лавы, вытекшей из этого вулкана, и покрытой теперь кактусами и низким кустарником. Город Тлалпам, известный как место паломничества, где справляются праздники в честь Сан-Антонио-де-лас-Куевас, скрывается в ущелье между двумя мысами из шлака: через это-то ущелье американцы и проникли в «долину» Мексико.

На северо-восток от Мексико, возвышается другой скалистый пригорок, Тепейакак ацтеков, или «Чело Горы», откуда низвергается источник железистой воды; здесь находится церковь Гвадалупе, некогда одна из самых богатых во всём свете, но теперь лишенная своих сокровищ, которые пошли на пополнение национального бюджета. Гвадалупская Богоматерь считается покровительницей индейцев, тогда как Св. Дева де-лос-Ремедиос признавалась покровительницей испанцев: в прежния времена между верующими происходила беспрестанная борьба из-за этих святынь, носящих различное название: но война за независимость окончательно утвердила триумф Гвадалупе, и с тех пор это местечко, куда стекаются набожные богомольцы, стало известно под названием Гвадалупе-Гидальго: религия и патриотизм слились в одном и том же культе. К востоку от Мексико, на западном берегу озера Текскоко нет больше деревень, попадаются только одинокие дворы, рассеянные по болотистой и голой равнине. Над солончаковою почвою, покрытою остающимися от сточной воды нечистотами, возвышается только один вулканический холмик: это Пеньон-де-лос-Баньос, или «Скала минеральных вод», у подошвы которой действительно бьет железистый источник и где геологи нашли остатки ископаемых людей. Островок Пеньон, во времена Монтезумы, славился своим парком, в котором водилось много дичи[1].

Канал Вига, воды которого входят в Мексико через юго-восточную окраину города, проведен из озера Ксочимилко, или «Цветника», одного из южных бассейнов «долины». Этот канал проходит по низменной местности, занятой индейскими огородами, которые обыкновенно называют *чинампасами*, подобно тому, как прежде назывались пловучие острова ацтеков, целыми сотнями покрывавшие воды озера Текскоко. Озеро Чалко, или «Изумрудное», служащее продолжением на восток озера Ксочимилко, и в центре которого высится остроконечная гора, с вполне правильным кратером, выходящая прямо из воды, усеяно садами, разведенными на слое водяных растений и наносной земли; они имеют много сходства с чинампасами, с тою только разницею, что изрытые рвами или *акалотесами*, они покоятся не на подвижных плотах, а прямо на воде, и, постепенно разростаясь, увеличивают собою материк на счет озерной поверхности. Около того места, где канал Вига выходит из озера Ксочимилко, находится Икстапалапа, или «Белый город», некогда значительный мексиканский город, имевший, по Аортесу, «пятнадцать тысяч домов»; над ним господствует остроконечная гора Эстрелья, или Звезда, прославившаяся в религиозной истории Мексики. Здесь в конце каждого цикла, т.е. через каждые пятьдесят два года, собирались жрецы, чтобы установить новый цикл времени и благословить начало его. Они должны были зажечь священный огонь, следуя при этом первобытному способу, т.е. посредством трения одного куска дерева о другой; но священные прутья загорались лишь тогда, когда были омочены в теплой ещё крови какого-нибудь молодого человека, принесенного в жертву богам.

Напротив столицы, по другую сторону озера, на расстоянии 27 километров по прямой линии, стоит скромный городок, предшественник Мексико, долго бывший его соперником: это—город Текскоко, древняя резиденция толтекских вождей и «Афины» Анагуака; жители его говорили на самом мягком и чистом нахуатльском наречии; несколько развалин пирамид и стен, стоящих наклонно на скатах соседней горы, составляют единственные остатки эпохи, предшествовавшей завоеванию Мексики[2]. Текскоко имеет по крайней мере то пре-

1 Lucien Biart, „Les Azteques“.

2 Bernal Diaz, цитированное сочинение.

имущество перед Мексико, что построен на более здоровом месте, выше наносов, оставляемых наводнением: пуерто-де-лас-Бригантинас, т.е. то место, где Кортес соорудил флот, чтобы добраться до Мексико, находится теперь в 2-х километрах от берега. На север от этого города лежит другой, ещё более древний город, Отумба,—прежде Отомпан,—который был некогда столицею туземцев племени отоми, до прибытия толтеков на Анагуакское плоскогорье; в окрестностях Отумбы Кортес одержал решительную победу, загладившую поражение «печальной ночи». Отумба и его восточные соседи, Ирало и Апам, расположенные среди плодороднейших во всей республике магейевых полей, служат важными стратегическими пунктами, в качестве сторожевых постов для охраны прохода в равнины, лежащие на севере снегового хребта Икстакцихуатль. Переселения народов, как побежденных, так и победителей, должны были в большинстве случаев совершаться через этот проход, и довольно часто из-за обладания этою брешью происходили стычки. Но отважный Кортес решил избегнуть этого опасного обхода и перешел прямо главную снеговую цепь по ущелью Ахуалко, между Икстакцихуатлем и Попокатепетлем; можно также найти доступные тропинки, обойдя южные склоны этой горы через Амекамеку, деревню, расположенную поясом вокруг древнего вулкана Сакро-Монте, кратер которого порос теперь дубами. Это—исходная точка, откуда начинают восхождение на Попокатепетль как туристы, так и профессиональные *неверосы*, или носильщики снега.

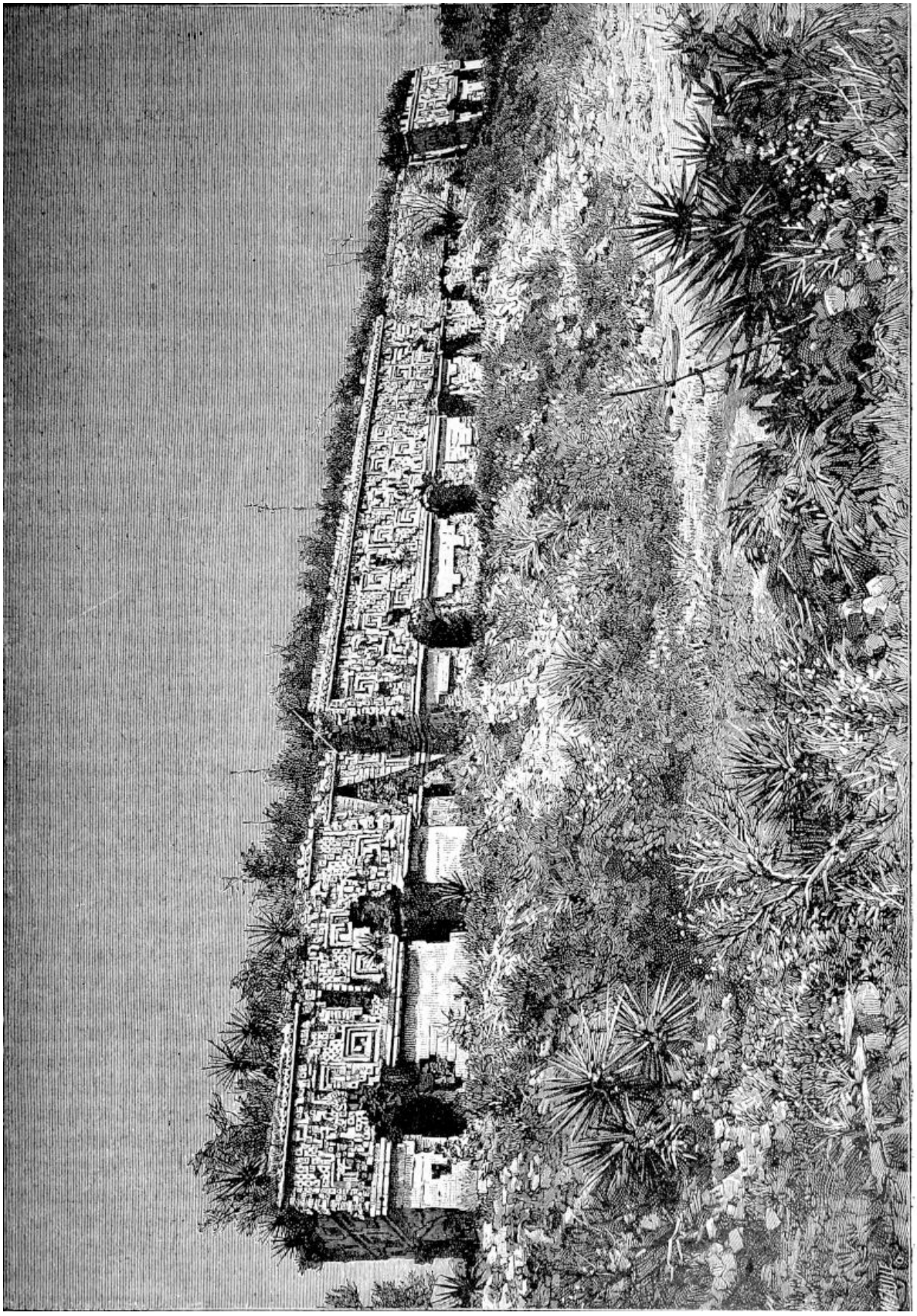
Недалеко от бреши Апам, между Текскоко и Отумба, существуют ещё до сих пор два храма, которые, как полагают, были воздвигнуты тотонаками[1]: это две пирамиды Теотихуакан (Теутлихуакан), или «Жилище Богов», «дом Солнца» и «дом Луны». В этих пирамидах, обратившихся теперь в простые холмики, покрытые агавой и хвойными деревьями, очень трудно узнать произведение человеческих рук; в них едва только можно различить весьма неопределенную волнистость, указывающую на прежния ступенчатые террасы; однако, раскопки достаточно свидетельствуют о том, что эти бугры обязаны своим происхождением работе человеческих рук. Первая пирамида, самая южная, шире и выше прочих; она имеет 208 метров длины в стороне и 55 метров высоты, тогда как вторая пирамида, Луны, значительно меньше и на 11 метров ниже: боковые грани всех пирамид ориентированы по странам света, но не с математической точностью. На юге, по равнине, рассеяны другие курганы, и в некоторых местах они так многочисленны, что образуют как бы аллеи; одна из этих аллей известна под названием «дороги Мертвецов», данным ей либо потому, что бугры эти представляют собою древние могилы, либо потому, что в былое время на этой дороге совершались торжественные процессии человеческих жертв, водимых на заклание.

На восток от Апама, плоскогорье развертывает свою волнистую поверхность у южного основания краевой горной цепи, которую населяют тотонакские рудокопы, группирующиеся главным образом вокруг городов Закатлан и Тетела-дель-Оро. На этом плато стоит город Тлакско, а ещё южнее, в узкой долине, лежит Тлакскала, которая была некогда столицей доблестной республики, примкнувшей к Кортесу против Монтезумы; ныне Тлакскала—главный город небольшого штата, который занимает приблизительно ту же территорию; на востоке его возвышается вулкан Малинче. Но «Город хлеба» теперь уже далеко не такой большой, как в былые времена, когда он мог выставить сто тысяч войска. Город Гуексоцинго, основанный олмеками и часто упоминаемый в рассказах победителей, именем которого прежде обозначали и Попокатепетль, возвышающийся к юго-востоку оттуда, также утратил значение между городами Мексики. Важнейшим городом края является Пуэбла-де-лос-Анжелес, или «Местечко Ангелов», основанная испанцами в местности, где не существовало даже индейской деревни; первые его дома были построены в 1530 г. для незажиточных белых, которые нигде не состояли на службе и вообще не имели никаких определенных доходов; в 1654 г. в Пуэбле водворились целые тысячи жителей Мексико, которые, спасаясь от наводнения, должны были бежать из города[2]. Пуэбла, главный город одного из самых насе-

1 H. de Charencey, „Melanges de Philologie et de Paleographic americaines“.

2 Thomas Gage, „Nouvelles Relations des Indes Occidentales“.

ленных штатов плоскогорья и первых склонов к Мексиканскому заливу и к Великому океану, иногда называется также «второй столицей республики»: в период кратковременного царствования Максимилиана был даже поднят вопрос о перенесении в Пуэблу резиденции,

Уксмальскія развалины. Бывшій правительственный дворецъ.

так как этот город отличается более здоровой почвой и климатом. Он расположен на высоте 2.170 метров над уровнем моря, т.е. немного ниже, чем Мексико, но на наклонной равнине, по которой быстрые ручьи стекают к западу, чтобы соединиться там с рекою Атойак, глав-

ной ветвью рио-Мекскалы, которая извивается по направлению к Великому океану: тающие снега наполняют водою все эти потоки, благодаря чему хорошо орошаемые поля приносят обильную жатву.

Над городом господствуют две четырехугольные башни великолепного кафедрального собора и колокольни пятидесяти слишком церквей. Население Пуэблы прежде было фанатичное, враждебно относившееся к иностранцам, так что путешественникам не раз приходилось обращаться к покровительству войска, во избежание опасности быть побитыми камнями, как «англичане», «евреи» или «еретики». Главные промыслы этого города заключаются в фабрикации шарфов или *ребозосов*, в изготовлении бумажных тканей и в разных мелких ремеслах, служащих преимущественно для украшения церквей; таковы, например, лепка фигур из воска и алебастра, скульптурные работы в виде ваз и колонн, и различные изделия из оникса. Расположенная почти на полдороге, ведущей из Мексико к окраине плоскогорья, Пуэбла была некогда средоточием почти всей транзитной торговли, производившейся со штатом Вера-Круц и с заграницей; но в настоящее время она осталась в стороне от большого торгового пути, т.е. от Вера-Круцской железной дороги, и связана с главною сетью только отдельными ветвями, расходящимися на восток и на запад от вулкана Малинче. Благосостоянием своим она обязана ныне земледельческому богатству края; кроме того, этот город скоро станет для иностранцев, особенно для чахоточных больных, излюбленною санаторией, тем более, что в окрестностях его имеются во множестве серные горячие источники, обязанные своим происхождением, по всей вероятности, вулканическим очагам Попокатепетля.

Два утесистые холма, возвышающиеся на северо-востоке и на севере Пуэблы, серро-де-Гвадалупе и серро-де-Лорето, напоминают о двух фактах войны, наиболее важных в современной истории нации. Во время войны, предпринятой против Мексики для восстановления монархии, генерал де-Лорансе форсировал проход ущелий и, уже стоя на краю плоскогорья, во главе своего шеститысячнаго войска, послал депешу, возвещавшую, что «Мексика в его власти»[1], как вдруг уже в виду Пуэблы, совершенно неожиданно, нашел дорогу преграждennой двенадцатитысячным войском Зарагосы, занимавшим город и два укрепленных монастыря на холмах. Штурм, предпринятый 5 мая 1862 г., не удался, и маленькая французская армия должна была отступить на нижние склоны плоскогорья. В следующем году перед Пуэблой снова предстало почти двадцатитысячное войско, которое начало правильную осаду. Она продолжалась шестьдесят два дня, впродолжении которых мексиканский гарнизон стойко защищал казарму за казармой, островок за островком, и уступил только тогда, когда истощились все боевые припасы и провиант, при чём успел частию рассеяться и соединиться с другими отрядами, принимавшими участие в кампании. Осаду Пуэблы сравнивали с осадою Сарагоссы, но сравнение это не верно, так как здесь народ не принимал никакого участия в защите. 5-е мая, т.е. годовщину первого штурма Пуэблы, мексиканцы сделали праздничным днем.

Хотя уже очень большой город, Пуэбла не может, однако, сравниться с городом, некогда существовавшим по соседству. Чолула— священный город олмеков[2], а затем ацтеков, самый деятельный из промышленных городов древнего Анагуака, славившийся своими тканями и горшечным производством, основатель колоний, отправлявший своих эмигрантов на юг, до самого Никарагуа,—теперь не что иное, как глухая деревушка, расположенная в 13 километрах от Пуэблы по железной дороге, по другую сторону глубокой долины, орошаемой Атойаком. «Город Чурултекаль»,—так называет его Кортес,—«имеет двадцать тысяч домов в своей черте и столько же в округе: с высоты одного храма я насчитал более четырехсот башен, принадлежавших другим святилищам»[3]. Но через несколько дней после этого созерцания панорамы города, победитель принялся за дело разрушения, посредством резни и пожаров. От этих четырехсот храмов остались только горки, груды развалин, покрытые расти-

1 G. Niox, „Expedition du Mexique“.

2 H. H. Bancroft, „Native Races“, Том V.

3 „Cartas y relaciones de Hernan Cortes al emperador Carlos Quinto“.

тельностью; но одна из этих горок, находящаяся на юго-востоке города, представляет собою настоящий холм из кирпичей и слоев глины, как это оказалось при раскопках, которые производились при прокладывании здесь дороги и железно-дорожного пути: согласно легенде, этот холм был воздвигнут по приказанию одного великана в честь бога Тлалока, который спас его от потопа, и все кирпичи, употребленные на его постройку, доставлялись из рук в руки длинным рядом рабочих, выстроившихся в одну линию от склонов Попокатепетля до самой Чолулы[1]. Весьма возможно, что это была пирамида со ступенями, на которой возвышался некогда *теокалли*, или храм, посвященный Куецалкоатлю, богу воздуха, «который проливал на землю дождь девять раз». Террасы теперь осели и грани округлились; культуры постепенно захватывают подошву искусственного холма, но всё-таки ещё можно различить, что когда-то на нём были четыре последовательных площадки, четырехугольной формы, правильно обращенные на все четыре стороны света. Нынешняя его высота, значительно уменьшившаяся, на что указывает профиль холма, около 54 метров над равниной, а его обширное основание занимает поверхность в 18 гектаров, т.е. почти в четыре раза большую, чем Хеопсова пирамида[2]; никакое другое человеческое сооружение, между отдельными памятниками, не занимает подобного пространства. Верхняя площадка, на которой стоит часовня Божией Матери де-лос-Ремедиос, построенная на месте прежнего теокалли Куецалкоатля, занимает пространство в 4.200 квадратных метров и представляет чудную эспланаду, откуда открывается великолепный вид на деревни и поля Чолулы, за которыми сверкают куполы Пуэблы, а дальше синеют леса Малинче и белеют снега Попокатепетля.

До постройки Вера-Круцской железной дороги, аванпостом Пуэблы, на пути к Атлантическому океану, служил Амозок, город кузнецов, где расходятся две приморские дороги, одна на Халапу, другая на Оризабу. Тепеака, лежащий немного дальше, по соседству с внешними покатостями плоскогорья, тоже имел важное стратегическое значение, как передовая крепость возвышенностей, и Кортес даже выбрал этот город для устройства в нём военной крепости и испанской колонии под названием Сегура-де-ла-Фронтера, т.е. «Безопасность границы»; здесь, по словам Диаца, клеймили также рабов. Тепеака был первым, после Вера-Круца, городом, основанным в Мексике завоевателями. Эта угловая область плоскогорья много потеряла в торговом отношении с тех пор, как главная линия мексиканских железных дорог направилась к северу, через Гуамантлу и Сан-Андрес-де-Чалчикомула, станцию, над которой возвышается конус Оризабы, почти совершенно обезлесенный на этом склоне. Близ Чалчикомулы, на самом краю возвышенных земель, находится станция Эсперанца, лежащая на полдороге между Вера-Круцом и Мексико.

Несмотря на то, что Пуэбла и Чолула расположены в той части плоскогорья, воды которой текут к Великому океану, они ещё не соединены с этим океаном железной дорогой; но рельсовой путь уже спускается в умеренные земли этого склона, в Матаморос-де-Изукар, через Атликско, где виднеется *агуегуете*, в 22 метра в окружности. В юго-восточном углу штата, другая линия рельс спускается с плоскогорья к городу Тегуакану, или Теотигуакану, «городу Богов», великолепные храмы которого испанцы сравнивали некогда с дворцами Гранады[3]. Город этот лежит на высоте 1.620 метров над уровнем моря, в долине, которую *cumbres*, или гребни Акулсинго охраняют от влажных ветров Мексиканского залива, и где, следовательно, «никогда» не выпадают дожди; несмотря на это, местность отличается замечательным плодородием, благодаря искусственному орошению, и славится изобилием и хорошим качеством фруктов, особенно своими гранатами и страстоцветами; местный минеральный источник славится своими целебными свойствами. Тегуакан «де-лас-Гренадас» лежит уже в микстекской территории и служит самой удобной дорогой между городом плоскогорья и Тегуантепекским заливом.

Главные и исторические города штатов Анагуакского плоскогорья, с цифрой их населе-

1 H. H. Bancroft, „Native Races“. Том III.

2 Alex. de Humboldt, цитированное сочинение.

3 Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisees du Mexique“.

ния.

Штат Кверетаро (**де-Артеага**): Квеветаро (1895 г.)—33.000 жит.; Сан-Жуан-дель-Рио—21.315; Кадерейта—14.800 ж.

Штат Мексико: Толука (1895 г.)—24.000 жит.; Тежупилко—20.590; Тенансинго—15.900; Текскоко—15.625; Икстлагуака—13.135; Лерма—10.690; Амекамека—9.800; Отумба—8.770; Зумпанго—8.160 ж.

Федеральный округ: Мексико (в конце 1895 г.)—340.000 жит.; Ксочимилко—12.725; Сан-Анжел—10.080; Такубайя—7.690 ж.

Штат Гидальго: Гуехутла—19.660 жит.; Зимапап—15.260; Пачука—52.000; Атотонилко—14.120; Тулансинго—9.740; Актопан—8.850; Тула—5.830.

Штат Пуэбла: Пуэбла (1895 г.)—92.000 жит.; Тетела-дель-Оро—15.460; Атликско—13.530; Матаморос-де-Ицукар—10.000; Закатлан—13.365; Акатлан—11.635; Чалчикомула (Сан-Андрес)—9.885; Тегуакан—9.170; Чолула—8.975; Тепеака—6.770 жит.

Вера-Круц

Штат Вера-Круц, называемый оффициально Вера-Круц-Льяве, по имени одного из генералов, прославившихся при осаде Пуэблы, занимает, вдоль Мексиканского залива, всю область теплых земель и часть умеренных, начиная с Пануко и до реки Тоналы, за Коацакоалкосом: длина пространства, занимаемого этим прибрежным поясом, по направлению с северо-запада на юго-восток, составляет 660 километров. Несмотря на замечательное плодородие его горных округов, расположенных на полусклонах и открытых для туманов и дождей, Вера-Круц не может похвастаться численностью своего населения; в нём попадаются даже настоящие пустыни, пески, болота и непроходимые леса. Столица штата часто перемещалась из одного города в другой; сначала довольно долгое время главным городом штата был Вера-Круц; затем его место заступила Оризаба, а в настоящее время столицею служит Халапа,—город, расположенный также в умеренном поясе, на половине высоты склона.

Халапа, по-гуакстекски «Почва, изрытая оврагами», действительно рассыпала свои широкие низкие дома по скатам потухшего вулкана Макуилтепек, или «Пять Гор», который поднимается на 120 метров выше и изрезан глубокими оврагами. Прежде этот город был построен на краю плоскогорья, изрезанного оврагами; но, по преданию, жители этой первобытной Халапы, в 1537 г., подверглись такой истребительной эпидемии «матлазакоала», что оставшиеся в живых поспешили покинуть этот злосчастный город и поселились в некотором расстоянии от него, на приветливой покатости, возвышавшейся как раз напротив, с другой стороны ущелья. Новый город, с правильными улицами, извивающимися среди садов, представляет собою одну из самых здоровых местностей в Мексике; с его великолепных бульваров открывается чудный вид, с одной стороны—на дремучие леса, покрывающие горы, над которыми господствуют вершины высокой горной цепи, от пика Оризаба до Кофре-де-Перотe, а с другой—на луга и фруктовые сады, на извивающуюся долину рио-Сан-Жуана, с фабриками и мельницами по берегам, и наконец, на дальний восток, на кайму дюн, облегающую безбрежное море. Несмотря на свои незначительные размеры, Халапа—один из важнейших в историческом отношении городов Мексики: это один из обязательных этапных пунктов для вторгнувшихся в страну чужеземных армий и для отправки продуктов и товаров. В прежния времена, когда торговая монополия принадлежала Кадиксу и когда всё движение торгового обмена с Европой происходило чрез посредство отправлявшагося каждые четыре года флота, Халапа была главным рынком для распределения привозных товаров и покупки сокровищ Мексики: окрестные жители толпами осаждали купцов. Кроме того, Халапа, после Вера-Круца, служила главным связующим звеном между Новой Испанией и старой: этот город обыкновенно называли Халапа-де-ла-Фериа, т.е. «Халапой-Ярмаркой». Теперь он уже утратил свое торговое значение, но всё ещё продолжает оставаться у жителей побережья излюбленным убежищем для больных и выздоравливающих. В Халапе никогда

ещё не появлялась желтая лихорадка[1]. Как санатория, этот город не только отличается своим здоровым климатом, но имеет в окрестностях множество минеральных источников, как теплых и холодных, так солевых и серных. В Халапе есть обсерватория и картографический институт. Халапеньосы считаются смирнейшими из всех мексиканцев и никогда не принимали участия в междоусобных войнах в борьбе из-за власти. Халапеноские женщины слывут самыми красивыми и грациозными во всей Мексике, где вообще многие из городов могут гордиться красотой своих детей.

Многочисленные продукты полей, окружающих Халапу, этот *Сиудад-де-лас-Флорес*, т.е. «Город Цветов»,—фрукты, ягоды и овощи—идут только для местного потребления, и город вывозит за границу лишь лекарственные растения, главным образом корень вьюнка *ipomea purga*, с которым связано имя города. Корень этот (ялапа) приносится индейцами окрестных деревень и преимущественно из Чирон-Киако, деревни, расположенной в 32 километрах к северу от Халапы: продукты этого провенанса особенно высоко ценятся. Несколько купцов монополизировали скуп этого продукта и, закабалив несчастных туземцев ростовщическими задатками, скупают у них корень по самой ничтожной цене, зачастую оплачивая его даже не деньгами, а разным залежалым товаром. Ежегодный вывоз ялапы доходит до 140.000 километров, но нужно опасаться, что в недалеком будущем это растение, существующее только в диком состоянии, будет совершенно истреблено, так как индейцы вырывают всё, что находят, не заботясь о разведении растения посредством новых посевов.

Халапа связана с сетью мексиканских железных дорог ветвью, которая огибает на севере гору Кофре-де-Пероте и проходит через городок того же имени, доминируемый акрополем, по виду неодолимым, на постройку которого испанские вице-короли затратили громадную сумму, имея в виду защиту дороги, идущей из Вера-Круца в Мексико; его содержание обходилось народу ежегодно более миллиона пиастров[2]. Но впоследствии оказалось нетрудным обойти это препятствие, и крепость Пероте, утратив свое стратегическое значение, была обращена в тюремный замок; по возвышенностям рассеяны виллы, принадлежащие вера-круцским купцам. Город Коатепек, лежащий в пятнадцати километрах южнее Халапы, среди фруктовых садов и плантаций, тоже служит излюбленною дачною местностью; что касается небольших местечек, следующих одно за другим ниже, на склонах, по направлению к Вера-Круцу, то они находятся уже в опасном поясе, где ежегодно свирепствует желтая лихорадка. Многие из этих местностей оставили свое имя в истории, благодаря частым стычкам, происходившим из-за обладания дорогами, которые ведут к подъему на плоскогорье: там находится Серро-Гордо, или «Большая Гора», проход через которую был форсирован, в 1847 г. американскими войсками; ещё ниже лежит Пуенте-Насиональ, прежде Пуенте-дель-Рей, монументальное сооружение, воздвигнутое через глубокий овраг, по которому течет рио-Антигуа; затем следует Пасо-де Овехас, или «Овечья теснина», где были найдены остатки большого индейского города, самое имя которого исчезло.

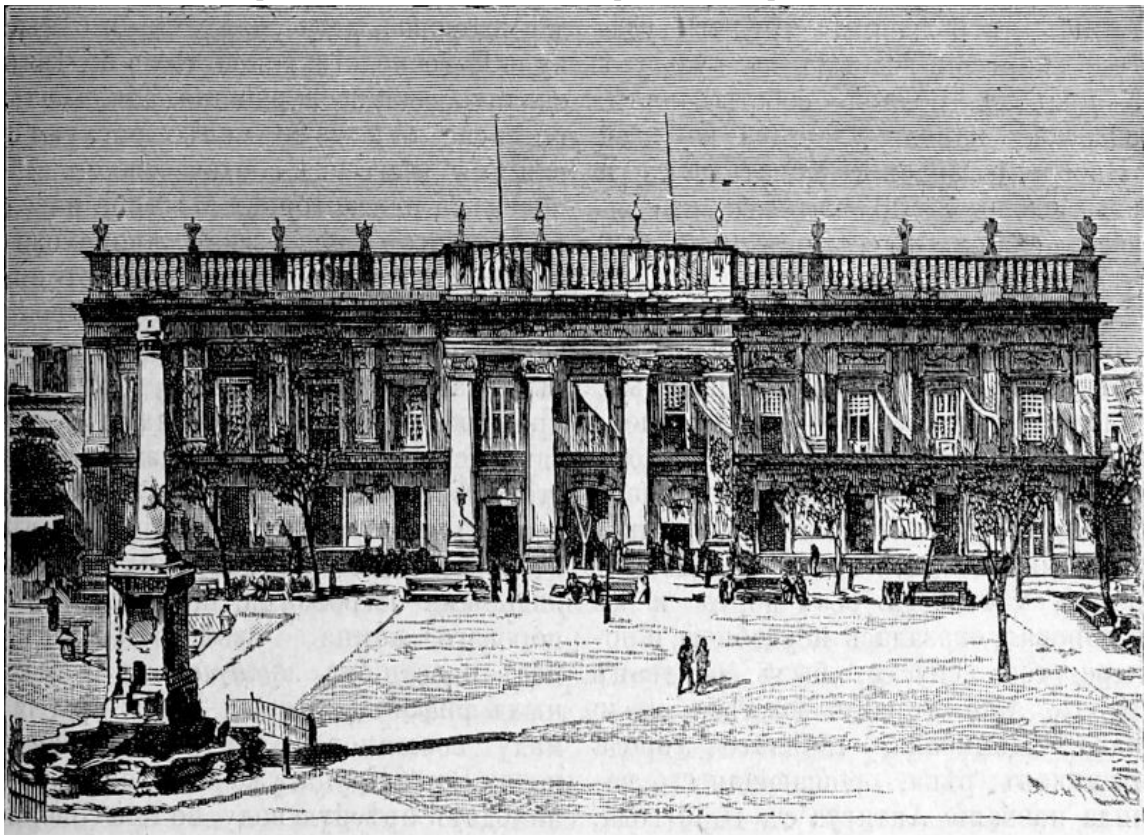
К югу от Халапы и Коатепека, по отлогостям плоскогорья, рассеяно много других городов, занимающих такое же местоположение, как и «Город Цветов». Извилистые дороги, огибающие горы, на высоте между 800 и 1.200 метр., по красоте открывающихся горизонтов и бесконечному разнообразию пейзажей не имеют себе подобных в целом свете. По выходе из галлерей зелени, образуемых переплетающимися ветвями сосен и других больших деревьев, взорам представляется снеговая Оризаба, высокие горы с своими контрфорсами, террасами и потоками лавы, покрытыми лесами, поля, теряющиеся в фиолетовой дымке, и правильные извилины синего океана. Склоны гор, от вершины до основания, изрыты оврагами в несколько сот метров глубиною; но эти ущелья, где тропинки идут как по дну колодца, скрывают свои стены и обрывы под чащею растительности, в которой флора тропического и умеренного поясов перемешиваются между собою; по берегу ручья, текущего по дну барранки,

1 Jourdanet, „Mexique“;—C. T. Poyet, „Nouvelles Annales des Voyages“, Январь 1863 г.

2 Alex. de Humboldt, цитирован. сочинение.

идешь словно в огромной оранжерее между целым лесом древовидных папоротников[1].

Гуатуско (Уатуско)—один из городов чудесной, но малодоступной области; ни в каком другом месте Мексики сахарный тростник не растет в таком изобилии, как здесь; кофейное дерево, плоды которого не дозревают на плантациях Халапы, здесь, напротив того, отличается превосходным качеством. Южнее лежит Коскоматепек, над которым господствует величественный массив Оризаба, а затем идет Кордоба, город, расположенный на высоте 890 метров, на большой дороге и на линии железной дороги, идущей из Вера-Круца в Мексико. Кордоба—город исторический: здесь в 1821 году был подписан трактат, по которому была признана независимость Мексики и вместе с этим также гражданское равенство между испанцами, креолами, метисами и индейцами. Как центр кофейных и других плантаций, Кордоба имеет те же преимущества, как и Халапа, с тою только разницею, что её климат более влажный и лихорадки составляют здесь заурядное явление. В Оризабе, которая находится на 26 километров ближе в самой сердцевине горы, у подошвы Боррего, дожди идут впродолжении более долгого периода, чем в Халапе, и сырость, испаряющаяся из почвы, имеет здесь

Правительственный дворецъ въ С.-Луи-Потози.

вредное свойство. Город Оризаба, древний Агуилицапан, или «Радостная вода», расположен на высоте 1.240 метров над уровнем моря, на террасе, которую орошают действительно обильные и здоровые воды, питающие прекрасные плантации. Многие из водных потоков, из которых один исчезает в скале, чтобы снова появиться в 4 километрах ниже, утилизируются также в качестве двигательной силы на значительных бумагопрядильных и ткацких фабриках и других заводах. Оризаба— самая оживленная станция на железной дороге между Мексико и морем.

Почти вся морская торговля штата и около половины всей внешней торговли республики сосредоточивается в порте Вера-Круц. Вера-Круцская деревня Пуэбло-Виехо, находящаяся как раз напротив Тампико-де-Тамаулипас, представляет из себя нечто вроде отдельного от города предместья, расположенного на правом берегу. Несколько южнее лежит Тукспан, который сообщается с морем посредством мелководного бара Каббелос-Бланкос, через который отваживаются проходить только суда незначительной вместимости; вся торговля этого горо-

1 Humboldt;—Heller;—Lucien Biart;—Jules Lecrercq, цитиров. сочинения.

да не достигает даже 5 миллионов франков: для усиления торгового движения в этом порте, его соединяют с Тампико посредством судоходного канала, который захватит лагуну Тамахуа и другие прибрежные пруды.

По всей части побережья, простирающейся на юг до Вера-Круца, на пространстве 220 километров, суда не находят никакого пристанища: всюду берег окаймлен песками и бурунами; бывший порт Наутла, по имени которого прежде назывался весь берег, теперь совершенно обмелел.

Тукспан имеет кое-какие археологические развалины, между прочим, остатки теокалли. Точно также город Попаптла, лежащий южнее Тукспана, внутри страны, обладает довольно хорошо сохранившейся пирамидой нахуатльского происхождения; она сооружена по тому же образцу, как и пирамида Теотигуакана, но значительно меньше и ниже той: она имеет 18 метров высоты. В соседнем городке Малпилке находятся развалины, принадлежащие той же эпохе. Ещё южнее лежит город Нисантла, в котором обретаются развалины такого же памятника, относящагося к эпохе, предшествовавшей завоеванию. Между Папантлой и Мисинтлой, в Хикателпеке и Сан-Рафаэле, на берегах Пальмара или Наутлы, находится французская земледельческая колония, одна из самых благоденствующих и процветающих во всей Мексике. Основанная в 1831 году одним фаланстерианцем, вокруг которого сгруппировались земледельцы из Франш-Конте, эта колония пережила много черных дней особенно в эпоху нашествия французов, и ей лишь с большим трудом удалось добиться концессии годных к культуре земель на правах полной собственности. Сан-Рафаэльская ваниль славится во всей Мексике. Население колоний Хикателпек и Сан-Рафаэль: около 2.400 жителей; ежегодная ценность сбора продуктов 9.476.000 франков[1].

Современный Вера-Круц—это не тот город, который основатель его, Фернандо Кортес, человек корыстолюбивый и набожный, назвал Вилла-Рика-де-ла-Вера-Круц; но первый стан был раскинут неподалеку от того места морского побережья, где теперь устроены набережные. Затем город отодвинулся дальше на север, к деревне Квиагуицлан, но эта местность, без порта и к тому же нездоровая, оказалась неудобною, и потому, четыре года спустя, был основан третий город, уже гораздо южнее, около многолюдного Цемпоала, главного города страны тотонаков; река, орошающая его сады, получила название Антигуа с 1859 года, т.е. с той эпохи, когда колония была тоже покинута, по причине непреодолимого препятствия, которое представлял тамошний бар[2]. Тогда основали четвертый город, нынешний Вера-Круц, как раз против укрепленного островка Сан-Жуан д'Улуа. Впрочем, выбор действительно был очень затруднителен на таком негостеприимном берегу, усеянном рифами, окруженном бесплодными и песчаными полями или же покрытом болотами. Непосредственно за бульварами городской окраины тянутся нескончаемые дюны, или *меданосы*, при каждой буре меняющие свою форму и место: некоторые из этих холмов, навеянных северным ветром, достигают 50 метров высоты. Этот город, лежащий посреди песков, не ласкает собою взора при первом взгляде на него со стороны моря: поэтому большинство путешественников, свободных от дел и знакомых с нездоровыми условиями Вера-Круцского климата, не задерживаются долго в этом городе и спешат перебраться в более благоприятные места внутри страны, особенно во время теплого сезона, когда свирепствует желтая лихорадка, столь опасная на берегах Мексиканского залива. В Мексике город Вера-Круц стяжал себе печальную славу и известен под названием Сиудад-де-лос-Муертос, т.е. «Города Мертвых»: в одном только 1862 г. эпидемия похитила там две тысячи человек[3]. Тем не менее, по миновании этого убийственного бича, город сам по себе вовсе не так вреден для здоровья, как кажется, и белые, избегнувшие господствующей там болезни, могут считать себя совершенно акклиматизировавшимися: они даже менее рискуют заболеваниями, чем их соотечественники, поселившиеся на плоскогорье. Местное население, в большинстве андалузского происхождения,

1 Charles, „Bulletin de la Societe de Geographie de Bordeaux“. 1884 г № 3.

2 M. Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geographia en Mexico“.

3 Brantz Meyer, „Mexico“.

ничего не потеряло в расовом отношении, доказательством чего служат сила, грация и красота вера-круцсев. Северные ветры, которые часто дуют в этой части побережья, проходят над сухими дюнами и далеко уносят испарения болот, лежащих на южной стороне города[1].

Дома в Вера-Круце, расположенные, как и в большинстве мексиканских городов, правильными островками, построены из мадрепорового камня, известного в стране под названием *мукара*: это скалы прибрежных рифов, которые после срытия мало-по-малу восстановляются. Раскапывая песчаную почву Вера-Круца, уже на глубине одного метра находят пресную воду, но она совершенно испорчена вследствие просачивания болотной воды из соседних топей; пришлось прокладывать водопроводы, чтобы доставить городу воду из реки Халапы. Ещё недавно воды не хватало даже для чистки улиц и сточных рвов; санитарные работы лежали почти исключительно на *зопилотах*, или кондорах (американские ястребы), которые усердно истребляли падаль; оттого, птица эта пользуется особым покровительством, и полицейские правила охраняют её от всякого нападения. Несколько садов и прекрасные пальмовые бульвары, устроенные на месте прежних валов, дают немного тени прохожим. Одна из этих аллей, длиною более, чем в километр, пересекает квартал, населенный почти исключительно неграми и мулатами,—элемент населения, наиболее благоденствующий в Вера-Круце, благодаря своему иммунитету от желтой лихорадки.

На Мексиканском заливе Вера-Круц—город исторический по преимуществу. Это здесь испанцы утвердились во время открытия и завоевания Мексики, и здесь же они продержались дольше всего, ещё целых четыре года после утраты своей колонии. В 1838 году принц Жуанвильский овладел крепостью Сан-Жуан д'Улуа (Уллоа), стоящей на низком острове, в 1.075 метрах от города, и с той поры американцы в 1847 г., французы в 1862 г. также занимали её. Взятие этих укреплений закрывало для Мексики ворота, через которые она некогда вела политические и торговые сношения с остальным миром. Крепость, сделавшаяся простой тюрьмой, превращается теперь в развалины: говорят, она стоила Испании и Мексике сорок миллионов пиастров, которым можно бы было дать гораздо лучшее применение: употребить их, например, на постройку молов и волнорезов и тем обратить в настоящий порт эту опасную якорную стоянку, где пристают суда. В настоящее время уже приступили к этим сооружениям, так как рейд дотого опасен, что во время сильных порывов северного ветра суда не могут оставаться в нём и вынуждены искать спасения в открытом море. Впрочем, к югу от этого порта есть небольшой песчаный островок, где суда находят себе кое-какое убежище; островок этот носит название Сакрифисиос, в воспоминание прежних «человеческих жертвоприношений», которые ещё застали Кортес и его спутники. Ещё южнее находится рейд Антон-Лизардо[2], защищенный множеством островов и рифов. Несмотря на все неблагоприятные условия, порт Вера-Круц сосредоточивает в себе почти две трети всей внешней торговли республики; но если работы по углублению замедлятся, то движение торговли может избрать другое направление. Уже многие путешественники иностранцы, приезжающие в Мексико, предпочитают более дорогой путь по северным железным дорогам, чем дешевое, но рискованное путешествие через Мексиканский залив.

Вывоз из Вера-Круца в 1892 г. простирался до 82.250.000 франк.; судов в приходе было 598 (413 паровых), общей вместимостью 583.247 тонн.

Главную торговлю Вера-Круц ведет с Англией; затем следуют Соединенные Штаты и Германия; Франция занимает уже четвертое место. Главные предметы вывоза составляют кофе и кожа; Англия и Франция закупают в Вера-Круце волокна одного растения, *закатона* (*epicampes*), которые идут на выделку изящных щеток.

Деревня Меделлин, расположенная в 15 километрах к югу от Вера-Круца, напоминает о проходе Кортеса, который в 1552 г. дал ей название своего родного города в Эстремадуре: это —дачная местность для жителей Вера-Круца, которые приезжают сюда купаться в реке Атойак. На юго-западе находится Меделлинская железная дорога, которая, проходя через

1 D. Jourdanet, „Du Mexique au point de vue de son influence sur la vie de l'homme".

2 Некогда Сан-Антонио-Лизардо.

леса и дюны, продолжается до порта Альварадо, расположенного на северном берегу широкого лимана, куда впадают Папалоапан и другие реки; высокие дюны господствуют над домиками городка, в гавань которого приходят небольшие суда за грузами местных продуктов, преимущественно сушеной рыбы, заготовляемой в большом количестве рыбаками, из которых состоит почти всё городское население. Говорят, что альварадские рыбаки происходят от испанских моряков, принимавших участие в битве при Лепанто: они ежегодно этой справляют годовщину победы[1]. Каботажки, плавающие по лиману, доходят до берегов Тлаколтапама, «Города Москитов», расположенного при слиянии двух судоходных рек—Папалаопана и рио-Сан-Жуан. Это естественный складочный пункт обширного речного бассейна, который с одной стороны простирается до северной Оахаки, а с другой—до вулканической области Тукстлы. Тлаколтапам обещает сделаться одним из самых цветущих городов республики, когда в девственных лесах его окрестностей будут проложены дороги, и когда край этот, теперь почти безлюдный, заселится колонистами.

Движение судоходства в Альварадо в 1887 г.: 74 парохода и 285 парусных судов; в Тлаколтапане: 74 парохода и 200 парусных судов.

Население этих низких и болотистых земель, известное под названием *харочосов*, живет особняком от других мексиканцев и считает себя особой нацией: оно имеет свои предания и нравы, а до недавнего времени носило и особую одежду—длинное до пят платье, украшенное по всем швам красною строчкою, расположенною причудливым узором[2].

Тукстлаский округ, обнимающий собою города Сан-Андрес-Тукстла и Сант-Яго-Тукстла, составляет отдельный мирок среди этой низкой области саванн и болот; в 9-ти километрах от города находится замечательное по красоте озеро Катемако, занимающее долину Сиерры-де-Сан-Андрес; окруженная поросшими лесом склонами, между величественных гор, с изящными контурами, эта дивная водная скатерть, отражающая в своей зеркальной поверхности небесную лазурь и облака, кажется, говорят индейцы, «куском неба, упавшим на землю»[3]. Вулкан, несущий на себе две Тукстлы, с их садами и табачными плантациями, имеет вид большого острова, окруженного морем зелени. С восточной стороны этого массива тянутся низкие равнины, по которым протекает Коацакоалкос; эта область принадлежит ещё к штату Вера-Круц, хотя её положение на перешейке и её торговля связывают её с Тегуантепеком.

Важнейшие и исторические города штата Вера-Круц, с цифрой их населения: Вера-Круц (1895 г.)—89.000 жит.; Папантла—10.000; Халапа—18.000; Оризаба—20.000; Сан-Андрес-Тукстла—12.000; Кордова—6.000; Сант-Яго-Тукстла—10.000; Коатепек—9.000; Тукспан—6.000 жит.

Юго-Западная Мексика

Штаты Морелос, Герреро, Оахака

Та часть Мексики, которая расположена на юг от главной цепи вулканов, заключает в себе, вместе с некоторыми частями штатов Мексико и Пуэблы, только три штата,—Морелос, Герреро и Оахаку. Хотя жители этой области, белые, метисы и даже индейцы, принимали очень деятельное участие в войне за независимость, их край остался гораздо более, чем прочия области Мексики, в стороне от промышленного и торгового движения. В южном направлении от Морелоса и Яутепека не проложено ещё ни одной железнодорожной линии к побережью Великого океана; ветви железнодорожной сети все заканчиваются в небольшом расстоянии от плоскогорья. Причина этого кроется в густых лесах, в крутых обрывах и глубоких оврагах, покрывающих эту область, а также и в относительно редком населении, которого приходится всего 9 человек на квадратный километр. К тому же американские строите-

1 Jules Leclercq, цитиров. сочин.

2 Lucien Biart, „La Terre Chaude“.

3 Lucien Biart, „Les Azteques“.

ли железных дорог, понятно, торопились покрыть железнодорожною сетью те области, которые непосредственно прилегали к их родной стране. Но как только южные штаты будут соединены рельсовым путем с остальной Мексикой, они, без сомнения, не отстанут от прочих штатов республики; помимо необычайного богатства в естественных продуктах, могущество этого края заключается в самом населении, которое есть одно из самых энергичных, гордых, деятельных и в то же самое время честных во всей Мексиканской территории; наконец, эта часть республики обладает лучшим портом на всём морском побережье.

Куернавака, главный город штата Морелос, основан не испанцами, как можно бы было предполагать по его имени; имя это происходит от ацтекского Куаухнагуак. Древний город, сообщающийся с Мексико прямо через открытое ущелье, на востоке Серро-де-Ахуско, Куернавака, лежит уже на тихоокеанской покатости, почти на 600 метров ниже столицы, среди «умеренных земель»; бесплодные овраги с трех сторон окружают этот дивный оазис зелени. В Мексике немного найдется городов, которые бы пользовались таким мягким и ровным климатом: в Куернаваке можно встретить все деревья Западной Европы, произрастающие наряду с флорою жаркого пояса. Фернандо Кортес не ошибся в выборе, испросив себе в ленное владение эту долину, где его замок заменен теперь зданием муниципалитета; к числу достопримечательностей Куернаваки принадлежит также великолепный сад «Лаборде», названный так по имени одного беарнского рудокопа, который по своему богатству был одно время первым капиталистом в Мексике. На юго-западе этого города находится ацтекская крепость, отлично сохранившаяся ещё и до сих пор, известная под названием Хочикалко, или «Замок цветов». Эта древняя крепость занимает отдельный холм в 117 метров высоты, окруженный рвами и обделанный человеческими руками в виде пяти последовательных террас, с высеченными уступами. В общем она имеет вид усеченной пирамиды, и четыре стороны её ориентированы по главным странам света. Глыбы базальтового порфира, привезенные сюда издалека, украшены иероглифами и рельефными изображениями, между которыми есть изображения каких-то странных животных с головами ящериц и людей в сидячем положении, на корточках, по азиатскому обычаю. По Селеру, эти изваяния, как произведения искусства, могут быть поставлены на-ряду с самыми замечательными барельефами Старого Света[1]. Некоторые из наиболее замечательных камней были увезены окрестными землевладельцами и обращены в жернова и настилку на сахарных заводах и в водопроводах.

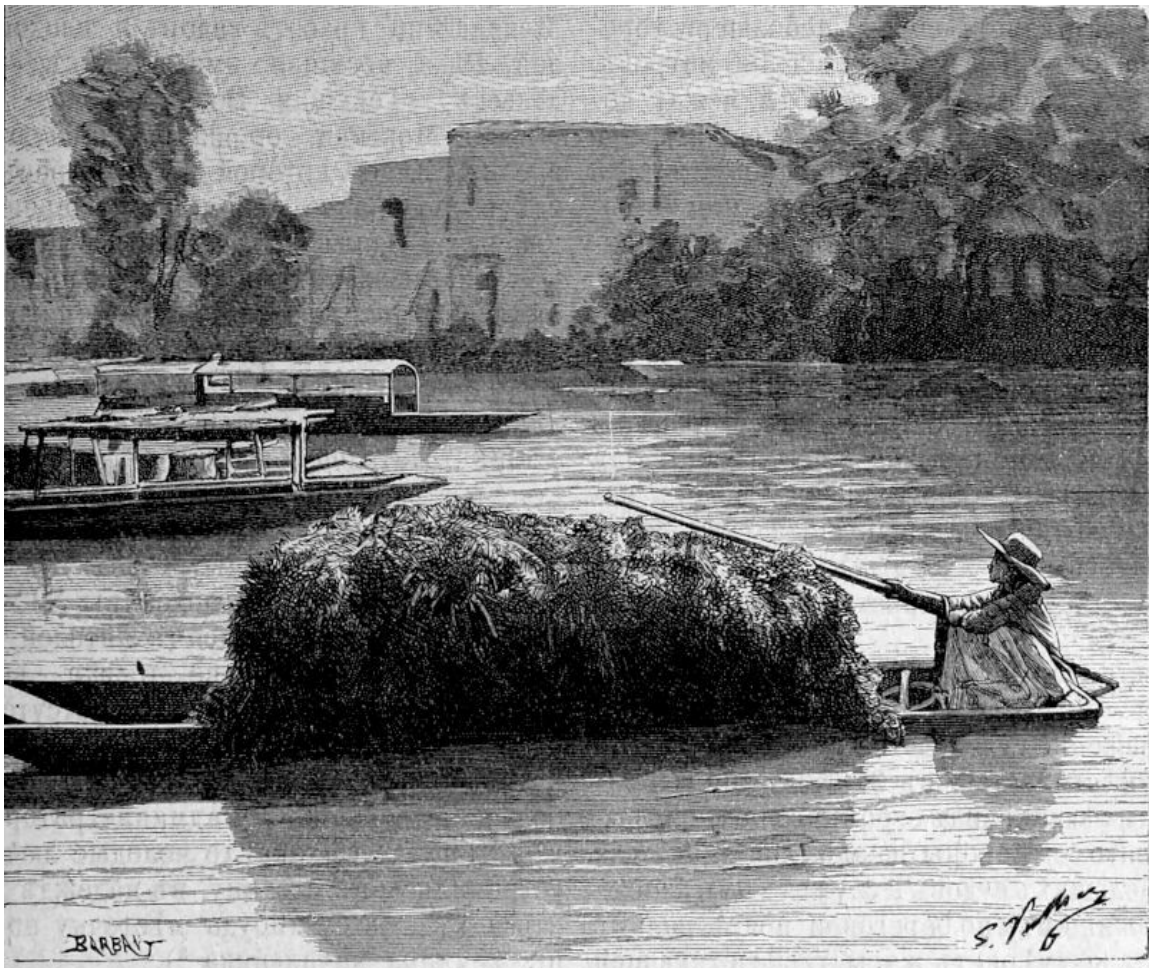
Город Морелос, принявший то же имя, как и штат, не сделавшись, однако, его столицей, есть древняя Куаутла-Амилпас, «Сарагосса» Новой Испании, оказывавшая, во время войны за независимость, в продолжение нескольких месяцев сопротивление соединенным силам испанцев. Морелос пользуется таким же благодатным климатом, как Куернавака и соседний с ним Яутепек; в его округе процветают плантации сахарного тростника, и в настоящее время он отправляет свои фрукты в Мексико по железной дороге, которая переходит порог гор (2.956 метров), на перевале «Креста Маркиза», усеянном маленькими вулканами. Как Морелос, так и другие города штата, орошаются обильными ручьями, впадающими в рио-Мекскала. В штате Герреро, город Такско, где ещё ацтеки добывали свинец и олово, и где испанцы начали свои первые в Мексике разработки рудных залежей[2], раскинулся на северном притоке рио-Мекскалы. На другом даннике реки стоит город Игуала, где в 1821 г. был провозглашен «план», принятый воюющими сторонами и положивший конец испанскому владычеству. Река, вытекающая из штата Пуэбла, около Акатлана, называется Мекскала от одной деревни, расположенной на высоте 520 метров, при впадении притока Игуалы. Между Такско и Куернавакою находится знаменитая пещера Какахуамилта, в обширных галлереях которой бьют ключи и текут ручьи; длина этой пещеры до сих пор ещё не определена; по ней проходили расстояние в 10 километров и всё-таки не добирались до конца. Из глубины этой пещеры был извлечен скелет мастодонта.

По берегам Мекскалы следуют одно за другим несколько сел и местечек, с редким насе-

1 „Reisebriefe aus Mexico“;—„Berliner Anthropologische Gesellschaft“, Том XX. 1888 г.

2 Santiago Ramirez, „Riqueza mineral de Mexico“.

лением: главные из них—Тлапехуала и Койука—лежат около границы штата Мичоакана. Небольшой складочный пункт, вполне достаточный для незначительной торговли области рио-Мекскала, расположен на правом берегу западного устья этой реки: это—пост Орилья, или «Берег». Местечко Закатула (Закатоллан), лежащее на левом берегу восточного рукава реки, утратило то значение, которым пользовалось в XV-м веке, когда оно было столицей независимого штата[1]; теперь это не более, как группа жалких лачужек, почти затерянных в кустарнике. Полукруглый рейд, открывающийся на востоке дельты, слишком широк, чтобы суда могли там бросать якорь; самой удобной якорной стоянкой на соседнем побережье является бухта Сигуантанео, в ста километрах к юго-востоку от Закатулы: там, по проектам Горзуха и Хименеса, должна бы оканчиваться Мексиканская железная дорога, южный участок междуокеанской дороги, в 700—800 километров протяжения, проведенной от бара Тукспана через Мексико поперек всей территории республики. Ансон был, кажется, первым

Лодка индѣйскаго продавца овощей.

мореплавателем, воспользовавшимся этим прекрасным небольшим портом, окруженным крутыми косогорами со всех сторон, за исключением западной. В 13 километрах на юго-восток от входа, в виду самого берега, возвышается отдельная небольшая гора Петатлан, соединяющаяся с материком посредством низкого перешейка, покрытого кустарником.

Главный город штата Герреро, Чилпансинго, представляет собою небольшой городок, расположенный на высоте 1.380 метров, на высоком раздельном хребте между долиной Мекскала и Великим океаном. В прежния времена он имел значение этапного места между Испанией и Филиппинскими островами на пути перевозки драгоценных металлов; во время войны за независимость он одно время был местом съезда перекочевывшего конгресса, которому армия инсургентов служила охраной. Но с того времени Чилпансинго всегда оставался в стороне, и великолепный порт Акапулко, служащий для него гаванью на Великом океане,

1 Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisees du Mexique“.

ведет незначительную торговлю: парусные суда почти совсем перестали заходить в него, и только пароходы аккуратно пристают в этой гавани.

Ценность торгового обмена в Акапулько за 1886 г. определилась в 3.925.000 франков; движение судоходства в 1887 г.: 165 судов, вместимостью в 328.865 тонн.

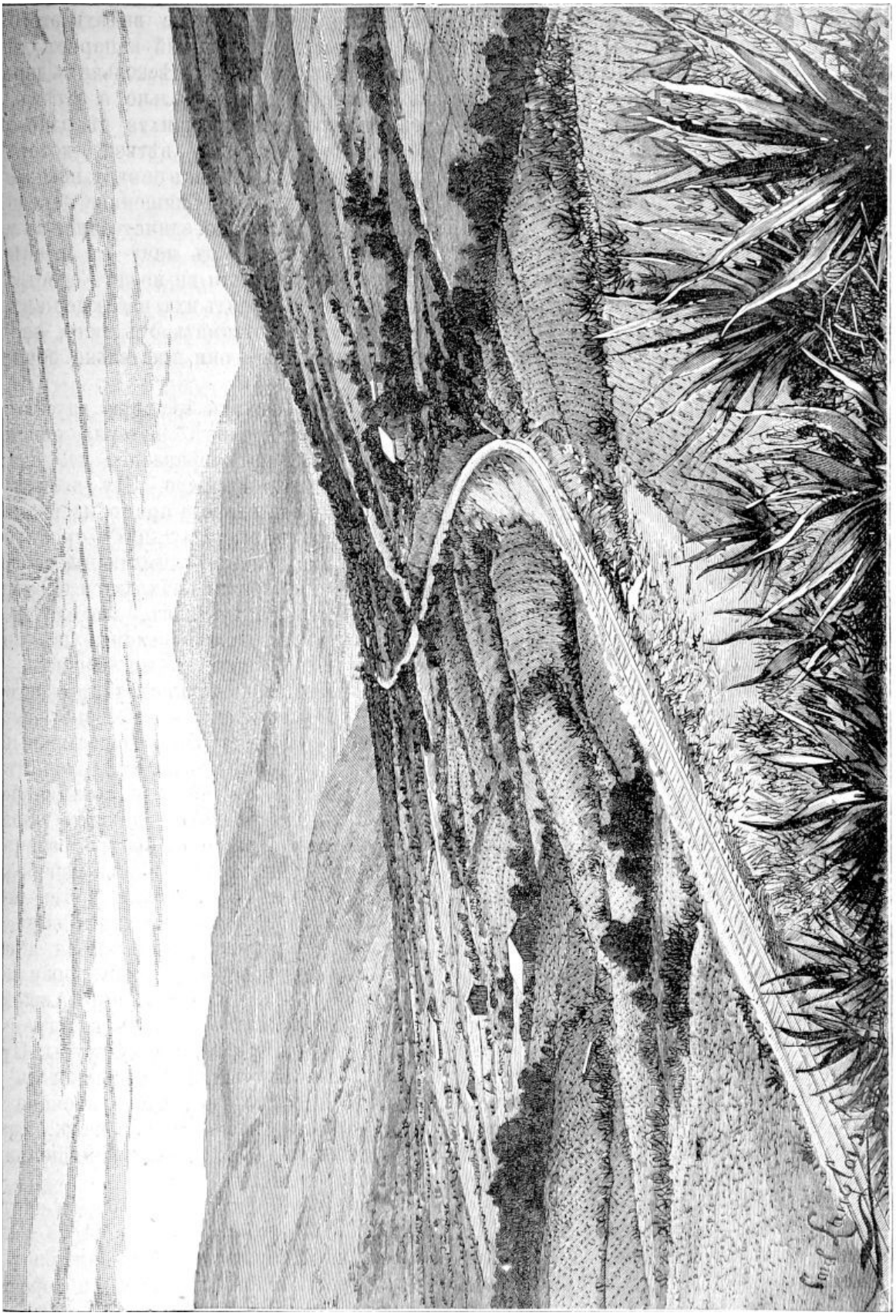
Порт, имеющий вид огромного кратера, выщербленного со стороны океана, доступен для самых больших судов и служит им надежным убежищем; но береговой пояс пальм и бананов не умеряет жары, господствующей в этом воронкообразном бассейне, где солнечные лучи отражаются от гранитных стен окрестных гор; стоило больших трудов и затрат, чтобы пробить в западном утесе брешь и этим открыть доступ морскому ветру[1]. Белые немногочисленны в Акапулко; постоянные жители города, отличающиеся красотой и стройным телосложением,—мулаты с небольшой примесью китайской и испанской крови. В прошлом столетии население состояло из 4.000 душ; оно вдруг удвоилось от наплыва людей изнутри страны; когда Манильский галион, *нао* или «корабль» по преимуществу, появился в этом порте[2]. Порт, лежащий несколько южнее Акапулко, назван Пуерто-дель-Маркес, в память «маркиза» Фернандо Кортеса; но это название свидетельствует об исторической путанице: главные экспедиции, организованные завоевателем, отправлялись из порта Акапулко, а не из его южного соседа[3]. На запад от Акапулко, берег, довольно возвышенный, получил от моряков название Коста-Гранде; на западе его называют Коста-Чика, или «Малый Берег».

Город Антекера, основанный испанцами в 1522 г., снова принял имя бывшей Запотекской крепости Гуаксиакак (Оахака), расположенной в 6 километрах западнее. Город этот, построенный с замечательною правильностью, имеет мало себе равных в Мексике по красоте садов и плодородию полей. Река, носящая имя Атойак,—по-нахуатльски «Текущая Вода»,—общее многим рекам Мексики, орошает дивную долину, средняя высота которой 1.550 метров, высота, где разнообразно перемешаны деревья двух поясов. Один из главных промыслов Оахаки—извлечение и тканье волокон одного ананасникового растения, известного под названием *пита*: из этого растения изготовляют самые разнообразные предметы. Вся «долина» Оахаки, насчитывающая теперь около 150.000 жителей, была некогда частною собственностью Кортеса, откуда и произошел его титул: «Маркиз-дель-Валле». Несмотря на богатство своей долины, город Оахака пришел в упадок: с половины XIX ст. он потерял несколько тысяч жителей, оставивших этот город не только вследствие упадка цен на кошениль и отсутствия быстрого сообщения с Мексико, но и по причине политического честолюбия: так как большинство главных администраторов уроженцы штата Оахака, то молодые люди толпой устремились в столицу, в надежде пристроиться к какому-нибудь местечку по протекции земляка начальника[4].

В окрестностях Оахаки, особенно на западе, на Монте-Албан, где стоял древний Гуаксиакак, встречаются кое-какие развалины запотекских построек. Развалины Митлы, сохранившиеся лучше других и, по словам некоторых путешественников, самые красивые во всей Мексике, находятся в 50 километрах восточнее. На склоне невысоких гор, отчетливый профиль которых напоминает горизонты Греции, находятся остатки Митласского дворца и его большая пирамида, храм которой был заменен католической часовней; в общем, эти развалины походят на руины акрополя. По красоте архитектуры, здания Митлы также могут сравниться с эллинскими памятниками лучшей эпохи. Стены монументов образуют большие параллелограммы, разрезанные на длинные горизонтальные полосы, которые декораторы изукрасили правильными рисунками, скрещивающимися линиями, ромбами и прямыми или наклонными греческими украшениями, но почти без всякой кривизны: маленькие камни, расположенные в виде мозаики, большею частью исчезли, расхищенные индейцами, которые употребляют их на амулеты. Архитектура Митлы представляет оригинальный период

1 Du Petit Thouars, „Voyage autour du Monde“.
2 Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle Espagne“.
3 Orozco y Berra, „Apuntes para la historia de la Geografia en Mexico“.
4 Fr. Batzel, „Aus Mexico“.

развития искусства в южной части Мексики. В храмах Юкатана скульптурные украшения на выступах стен зачастую воспроизводят человеческие фигуры; в Митле же, напротив, запотекские зодчие избегали всяких наружных барельефов: обязанные строго придерживаться

Плантація въ окрестностяхъ Мексико.

иератических правил, они придали своему священному городу вид благородной строгости[1]. О «колоннах» храма Митлы говорили как об единственном, будто бы, примере во всей мек-

1 Viollet le Duc, Предисловие к „Cites et Ruines Americaines“;—D. Charnay.

сиканской архитектуре, а между тем эти колонны вовсе не исключительное явление в Мексике: Сахагун описывает колонны в Туле, которые представляют перевившихся между собою змей, опирающихся на головы и вертикально вытянувших хвосты[1], а на фотографиях Чарнея воспроизведены другие колонны, находящиеся в Чичен-Итца, в Юкатане. Под главным зданием помещается некрополь, которому, по всей вероятности, Митла, Миктлан или Мижитлан и обязаны своим ацтекским названием «Жилище Мертвых»; на запотекском языке это место называется Иоопаа, т.е. «земля гробниц».

Воды, спускающиеся от Оахаки, Митлы и с промежуточных гор, соединяются в одну реку, в 10-ти километрах от главного города, около деревни Санта-Мария-дель-Туле, или «Тростников». В этой местности часто деревья громадного размера не редки, но дома деревни расположились вокруг самого большого из них, некогда считавшагося священным. Это *сабино* или «кипарис» (taxodium mucronatum), который считается величайшим деревом во всём свете: по крайней мере, среди всех вымеренных деревьев нет второго такого колосса. Сицилийский каштан, известный под названием «Сто Коней», теперь разделен на три отдельных ствола, между которыми проходит дорога; Ораторавский драконник, имевший 14 метров в обхвате, более не существует; гигантские калифорнийские секвойи были срублены в 1855 году; Монтравальский дуб, находящий близ Сента, имеет 26 метров в обхвате, а велпчайшие баобабы и бавольники Африки, о которых упоминали Кадамосто, Адансон и другие, имеют не более 30—34 метров в окружности[2]. В 1882 году Тульский кипарис имел не менее 36 метров в обхвате на высоте одного метра, и 52 метра по окружности, обнимающей все выпуклости и углубления ствола. Дерево это ещё в полной силе, и имена, вырезываемые на стволе его туристами, желающими оставить память о своем посещении, быстро заростают новой древесиной. Тульский сабино представляет собою целый особый мир: в его дуплах и в листве, поднимающейся до высоты 38—39 метров,—много меньшей, правда, в сравнении, с высотой короны самых больших веллингтоний Орегона и эвкалиптов Австралии,—находят убежище различныя четвероногия, пресмыкающиеся и птицы. Огромные наружные выпуклости, придающие дереву вид группы отдельных стволов, соединившихся при выростании, навели некоторых писателей, в том числе и Гумбольдта, который, впрочем, сам не видел этого дерева, на мысль, что тульский кипарис действительно образовался из нескольких деревьев, в начале росших отдельно, а затем, с течением времени, сросшихся в одно дерево: но осмотр верхних ветвей, которые все правильно выходят из центра, показал, что дерево это цельное. Священное дерево запотеков, действительно, единственное в мире[3]. Туземцы относятся к нему с суеверным благоговением: никто не может осмотреть сабино иначе, как под их наблюдением, и они не позволяют отломить от него ни одной ветки; ежедневно они тщательно обчищают дерево у корня[4].

Дорога из Оахаки к морю спускается не по Атойакской долине, которая описывает длинную дугу по направлению к западу до границы штата Герреро. Эту долину оставляют вправо, и дорога прямо идет на юг, переваливая на высоте 2.260 метров через хребет Сималтепек, окаймляющий побережье. Недалеко от вершины находится промышленная деревня Миахуатлан, жители которой искусные тресировщики соломы, из которой выделывают всевозможные вещицы, находящие сбыт далеко за пределами своего штата. В прежния времена благоденствию этого края много способствовал кошенильный промысел; теперь по южным склонам гор стали разводить кофейные плантации, дающие очень ценные продукты; таким образом, культура этого растения быстро развивается в стране, обнимая собою даже побережье на расстояния 60 и 75 километров от моря, и высокая ценность этого продукта дает плантаторам возможность обзаводиться дорогими машинами для просушки и сортировки зерен. (Сбор кофе в округе Пуерто-Анжель в 1888 г. составлял 550.000 килограммов). Благодаря

1 F. Pimentel, „Cuadro descriptivo y comparativo de las lenguas indigenas de Mexico“.
2 Fulgence Marion, „Les Merveilles da la Vegetation“.
3 Manuel Ortega Reyes. „La Naturaleza“. Том II. 1888 г.
4 Desire Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde“.

такому развитию культуры, Пуерто-Анжель, гавань Оахаки, открытая с 1868 году, приобрела с недавнего времени некоторое торговое значение; впрочем, сама по себе гавань эта—бухта, мало защищенная от ветров и волнения.

Лучшим портом на этом берегу считается Гуатулко (Коатолко), т.е. «Место Большой Змеи». Входный канал гавани, имеющий около 660 метров ширины, ведет в хорошо защищенный от ветров бассейн, куда могут входить даже большие суда; так как глубина его, постепенно уменьшающаяся к берегу, доходит до 7—16 метров; на портовом берегу находится Креспон, маленькое рыбачье местечко, жители которого занимаются ловлею жемчужных и пурпуровых (aptisia depilans) раковин. На одном из внешних мысов рейда море низвергается в пещеры, откуда затем вода бьет фонтаном, поднимаясь почти на 50 метров выше волн. По краям и на террасе соседнего мыса виднеются прежния запотекские или гуабийские дороги и остатки зданий[1]. Один, ныне пришедший в упадок, город соседней области был некогда столицею народа гуаби, колонией мореплавателей, родом, как говорят, из Перу, но которые потом смешались с окрестным населением: это Халапа-дель-Маркес, который прежде называли «Халапа-ла-Гранде», в отличие от Халапы-де-ла-Фериа, теперь главного города штата Вера-Круц[2]. Другой древний город—Гвиенгола, храм которого был назван запотеками «Сердцем Народа».

Значительная часть штата, почти целая треть его, принадлежит к бассейну Атлантического океана посредством Папалоапана, его притоков и Коацакоалкоса. Главный городок этого склона—Икстлан—расположен в плодородном цирке высокой долины рио-Папалоапан, напротив прекрасной горы Сан-Фелипе; этот город известен также под названием Вилья-Хуарес, в честь знаменитейшего из его сынов, защищавшего мексиканскую независимость против Максимилиана. В этим же речном бассейне находятся древние города Куикатлан, Квиотепек и Тукстепек, в которых были открыты многочисленные предметы из доколумбийской эпохи.

Главный город восточной части штата Оахаки—Тегуантепек, или «Гора Тигров», древний город племени гуаби, возникший в века, предшествовавшие владычеству запотеков и эпохе завоевания. Это, впрочем, единственная местность в том краю, заслуживающая названия «города»; при том он ещё делится на несколько отдельных кварталов пригорками и буграми, так что его нельзя видеть в одной панораме, и различные части его имеют вид деревень. Он окружен великолепными пальмовыми рощами и богатыми оранжереями; фрукты его садов превосходны; но за городскою чертою окрестности представляют собою только бесконечные пространства кустарников, усеянные кактусами и населенные крупною породою зайцев, на высоких лапах и с белым брюхом[3]. «Тигры» или ягуары, которым город обязан своим названием, ещё и до сих пор попадаются здесь довольно часто, так что в каждой гасиенде имеется *тигреро*, или «тигровый охотник», со стаей дрессированных собак, который обязан охранять местность от этих опасных представителей кошачьего семейства. Тегуантепекские женщины славятся в всей Мексике своею красотою, совершенством форм и благородством осанки[4]. Жители Тегуантепека—цивилизованные метисы, которым часто приходилось страдать от соседних индейцев: в 1867 г. индейцы из Хучитана, города, доставляющего окрестным землевладельцам *тигреросов*, атаковали Тегуантепек и предали его разграблению, унеся даже двери и окна[5]; впрочем, эти враги белых превосходят их своей промышленностью и любовью к труду; они культивируют индигоноску.

Тегуантепек—город, гордящийся своим прошлым и с доверием взирающий на свое будущее, как страж одной из больших дорог, по которой современем будут проходить сокровища

1 J. W. von Muller, „Beitrage zur Geschichte, Statistics und Geologie von Mexiko“.
2 Brasseur de Bourbourg, „Histoire des Nations civilisees du Mexique“.
3 D. Charnay, «Cites et Ruines Americaines».
4 A. de Humboldt. „Essai politique sur la Nouvelle Espagne“;—Charnay;—Woeikof, цитированные сочинения.
5 A. Woeikof, „Petermann's Mittheilungen“. 1882. Тетрадь V.

нации. Тегуантепекская железная дорога соединяет Мексиканский залив с Южным морем, и кофе с плантаций южного склона отправляется теперь по северной дороге, которая на несколько тысяч километров укорачивает путь в Европу и приатлантические Соединенные Штаты; даже ещё до проложения дорог, в прошлом столетии, индиго из Гватемалы вывозилось в Вера-Круц по этому естественному пути, по которому также перевозились и пушки, присланные в Вера-Круц из Манильи. Старый порт Тегуантепека, лежащий в 15 километрах к юго-западу от города, представляет собою довольно плохо защищенную бухту, которую пришлось бы приспособить посредством больших гидравлических работ для будущей торговли; поэтому лучше было бы выбрать бухту Салина-Круц, так как суда нашли бы там отличное убежище за валом, где начинается междуокеаническая дорога.

К востоку от Тегуантепека, на песчаных стрелках и прибрежных буграх, окружающих лагуны и море, рассеяны, в количестве около трех тысяч человек, последние представители племени гуаби или гуаве, скромные рыбаки, предки которых оспаривали у миже и запотеков властвование над страною[1]. На северо-востоке, около центра перешейка, находятся два местечка Чималапа, представляющие большой этнологический интерес своим индейским населением зоке, что значит «Люди Ила», которые говорят на особом языке неизвестного происхождения. Что касается племени миже, не столь горделивого, как зоке, то оно обитает западнее, в местечке Сан-Жуан-Гуичикови, около Санта-Мария-Петапа, самого древнего города, основанного испанцами внутри перешейка.

Минатитлан, расположенный на Коацакоалкосе, в том месте, где эта река становится несудоходной для судов, сидящих в воде 3—4 метра, представляет собою северный порт перешейка; в настоящее время это—незначительное торговое местечко, но в недалеком будущем торговое значение его, вероятно, увеличится. Железная дорога уже соединяет Минатитлан с баром Коацакоалкоса, а с другой стороны идет по направлению к Тегуантепеку; кроме того, Минатитлан, лежащий у северного входа на перешеек, избран местом скрещения дороги, которая из Вера-Круца направится в Юкатан и Гватемалу. Теперь пока единственными предметами торговли Минатитлана служат табак, фрукты и красное дерево, вывозимое из окрестностей Сучилы, в количестве 10—16 тонн в год.—Ценность внешней торговли в Минатитлане в 1888 г.: 1.600.000 франков.

Халтипан, соседнее с Минатитланом местечко, замечательно своим холмом, который, как гласит легенда, был воздвигнут Кортесом в честь Малинцины, или Донны Марины, индианки, прозорливости и благоразумию которой, по всей вероятности, Кортес был обязан завоеванием Анагуака[2]. В лос-Альмагрес были основаны в 1828 г. французская и швейцарская колонии, состоявшие из 450 человек, которые просуществовали несколько лет, несмотря на нездоровый климат и тоску колонистов по родине; но в конце концов последние колонисты рассеялись по разным городам Мексики. Один китайский купец из Сан-Франциско, владетель обширной земельной собственности на перешейке, поселил здесь недавно много своих соотечественников, которых выписал для культуры риса и чайного дерева. Многочисленные прогалины в лесах указывают места расчистки, произведенной испанцами, которые рубили здесь строевой лес для арсенала Гаванны.

Главные и исторические города Южной Мексики, с цифрой их муниципального населения, по переписи 1877 г.:

Штат Морелос: Куернавака—16.450, Морелос (Куаутла-Амилпас)—14.220; Яутепек—9.100.

Штат Герреро: Акапулько (3.000 ж. собственно гор. насел., в 1895 г.)—12.320; Игуала (де-Итурбиде)—7.200; Чилпансинго—6.360.

Штат Оахака: Оахака (33.000 собственно городск. населения, в 1895 г.)—58.350; Миагуатлан— 35.120; Икстлан (Вилья Хуарес)—25.895; Тегуантепек—24.440 жит.

---

1 J. G. Barnard, „The Isthmus of Tehoantepek“;—von Muller, цитированное сочинение.

2 J. G. Barnard, цитированное сочинение.

III. Восточная Мексика

Чиапас, Табаско, Кампеш, Юкатан

Горы Чиапаса, совершенно отделенные от континентального тела Мексики низменностью перешейка, принадлежат, очевидно, к той же естественной области, как и хребты и возвышенности Гватемалы; как те, так и другие, расположенные в виде сплошной цепи, имеют крутую покатость к Великому океану; противоположный же пологий склон их обращен к северу, к аллювиальным областям Табаско и к равнинам Юкатана. Этот полуостров, основание которого, так сказать, погружено в болота и разветвляющиеся дельты Табаско, далеко выступает в море своею обширною четырехстороннею массою, как бы стремясь слиться с Кубой, и продолжается под водами залива целым рядом мелей, которые в географическом отношении составляют также часть Юкатана. Таким образом вся Восточная Мексика, от Чиапаса до Юкатана, состоит из территории, весьма отличной от остальной части республики. Она отличается также и по происхождению, и по истории своего населения до и после эпохи завоевания; но в сравнении с своим протяжением восточная часть Мексики далеко не имеет того значения, каким пользуется Западная Мексика; она ещё очень слабо населена, и теперь только едва начинают утилизироваться, можно сказать, неистощимые естественные богатства. Плотность населения в четырех восточных штатах не превышает 3—4 жителей на кв. километр.

Естественный раздел территорий, указываемый Тегуантепекским перешейком, стал также и политической границей. Во время испанского владычества Чиапас был временно приписан, в 1776 г., к Оахакской губернии; но почти во всё продолжение трех веков, протекших со времени завоевательной экспедиции Альварадо, в 1523 г., до провозглашения независимости в 1821 г., Чиапас и Соконуско, лежащий по берегу Великого океана, находились в зависимости от Гватемальского вице-королевства. Присоединившись к Мексике, Гватемала ввела с собой в империю Итурбиде и эти две области, но когда она снова провозгласила свою политическую автономию, то ей удалось вернуть лишь незначительную часть Соконуско, и только в 1882 г. была определена граница, и то не на самой земле, а лишь в дипломатических документах. Что касается полуострова Юкатана, составлявшего отдельную губернию в вице-королевстве Новой Испании, то он вошел в состав мексиканских областей после провозглашения независимости; но в 1840 г. различные злоупотребления со стороны центрального правительства вызвали восстание: мексиканские гарнизоны были изгнаны, а чиновники отставлены от должностей; впрочем, ни малейшего кровопролития не произошло при этом,—настолько единодушны были стремления юкатеков. Два года спустя мексиканская армия, состоявшая из одиннадцати тысяч человек, осадила Кампеш, но, сократившись на три четверти от пуль и лихорадок, армия эта должна была капитулировать, и мексиканское правительство признало полную автономию Юкатана за фиктивное признание последним федеральной связи. Однако, после победы юкатеков, возникли раздоры между двумя соперничавшими городами, Кампешем и Меридой, из которых каждый стремился сделаться столицею; а затем поднялись и индейцы: привыкши к войне благодаря этой борьбе, в которой и их заставляли принимать участие, они пришли к тому убеждению, что настал благоприятный момент для возвращения себе независимости, вследствие чего белые принуждены были прекратить свои междоусобицы и примириться с Мексиканской республикой, чтобы этим путем сохранить свои привилегии и даже свое существование. Социальная война продолжалась долго, и туземцы в конце концов успели удержать за собою свободу в южной части полуострова, куда мексиканцы не имеют доступа и куда европейские путешественники могут проникать только под покровительством какого-либо кацика. С этой стороны Юкатан отделен от Гватемалы широкой полосой земли, находящейся во власти непокоренных народцев, а от Мексики в собственном смысле его отделяют незаселенные земли. Таким образом эта страна резко индивидуализировалась среди прочих штатов Мексики, и современем приобретет, повидимому, значение естественного посредника между двумя смежными республика-

ми, Мексикой и Гватемалой, когда они соединятся между собою более тесным образом.

Горный хребет, начинающийся на востоке Тегуантепекского перешейка и продолжающийся в Гватемале и Центральной Америке, по своей относительной высоте и по своей правильности вполне заслуживает название Сиерра-Мадре, присвоенное каждой главной цепи гор во всех испано-американских странах. Первые вершины круто подымаются над лесами перешейка: гора Атравезадо, вершина которой находится ещё в штате Оахака, а воды которой текут в соседния с Тегуантепеком лагуны, достигает уже 1.530 метров; дальше к востоку идут ещё более высокие горы, достигающие 2.000 метров. Это—порфировые горы, среди которых виднеются конусы вулканов. Самый знаменитый из них, находящийся уже около Гватемальской границы,—Соконуско (2.380 метров), разделяющий свое имя с лежащими у подошвы деревнями и со всем южным склоном штата Чиапаса: это древний Хоконочко, или «Место кислых фиг». По словам туземцев, вулкан этот извергает ещё пары; но они ничего не упоминают об извержениях, происходивших в относительно недавнее время; за то они очень опасаются вулкана Такана, который геодезисты выбрали рубежом общей границы между Мексикой и Гватемалой. Это очень правильная коническая гора, высота которой, по Дольфюсу и Мон-Серрату, «должна несомненно превышать 3.500 метров». Она почти всегда окружена дымом, и на ней часто бывают взрывы[1].

Склон Сиерры-Мадре, обращенный к Великому океану, очень крут, так как горный хребет тянется почти в 40 или 50 километрах от морского берега. Противоположный склон, обращенный к Атлантическому океану, напротив, относительно пологий, но всё-таки не представляет правильной покатости, вроде плоскости наклоненного стола; он пересекается глубокими долинами и выступами гор, которые в общем имеют ориентацию, параллельную Сиерра-Мадре. Центральная часть Чиапаса представляет гористое плато, на котором высятся остроконечные горы: одна из них, Гуейтепек, находящаяся на востоке от Сан-Кристобаля, имеет 2.660 метров высоты. На севере, реки рассекают плоскогорье на округленные холмы, которые понижаются по направлению к аллювиальным равнинам; на западе оно оканчивается выше равнин перешейка великолепной горой Гинапа. Эта страна, слегка волнистая, покрытая лесами и орошаемая текучими водами, может, по справедливости, считаться одной из самых лучших областей Мексики.

В Юкатане, в собственном смысле, гор совсем нет. Только в южной части полуострова, на границах Гватемалы и Британского Гондураса возвышаются незначительные отроги, принадлежащие к орографическим системам этих стран. Четырехсторонняя масса, ограниченная с юга линией пустынь, идущею от лагуны Терминос до лагуны Четумал, представляет собою, так сказать, известковую плиту, помещенную на океане и имеющую в рельефе несколько узких выступов. Средняя высота основания достигает 30 метров, а самые высокие вершины только на 150 метров выше среднего уровня Юкатанской поверхности. Возвышенности эти образуют нечто вроде «хребта», идущего по направлению с юго-востока на северо-запад, к тупому углу полуострова, и соединяются с цепью гор, которая тянется вдоль западного берега Кампеша. Лесистые холмы тоже придерживаются того же прямого направления с юго-запада на северо-восток к мысу Каточе.

Эта известковая плита Юкатана, почти геометрически правильной формы, продолжается на далекое расстояние и выходит даже за черту берегов. Только восточный берег омывается глубокими водами, представляя, уже в нескольких кабельтовах от берега, глубины в несколько сот метров; большой остров Козумель, с банками, служащими его продолжением на север, отделен от Юкатана очень глубоким проливом, в котором береговое течение дотого быстро, что воды несутся постоянно с юга на север со скоростью 3—4 километров в час. К югу от Козумеля опасная банка Чинчорро, а к северу банка Арроусмит тоже представляют из себя столбы коралловых скал, поднимающиеся со дна глубокого моря; но выемки побережья, как маленькия, так и большие бухты, и особенно два обширных бассейна, заливы Эспириту-Санто и Асенсион, почти совершенно загромождены песками и каменными под-

1 „Voyage geologique dans les Republiques de Guatemala et de Salvador“.

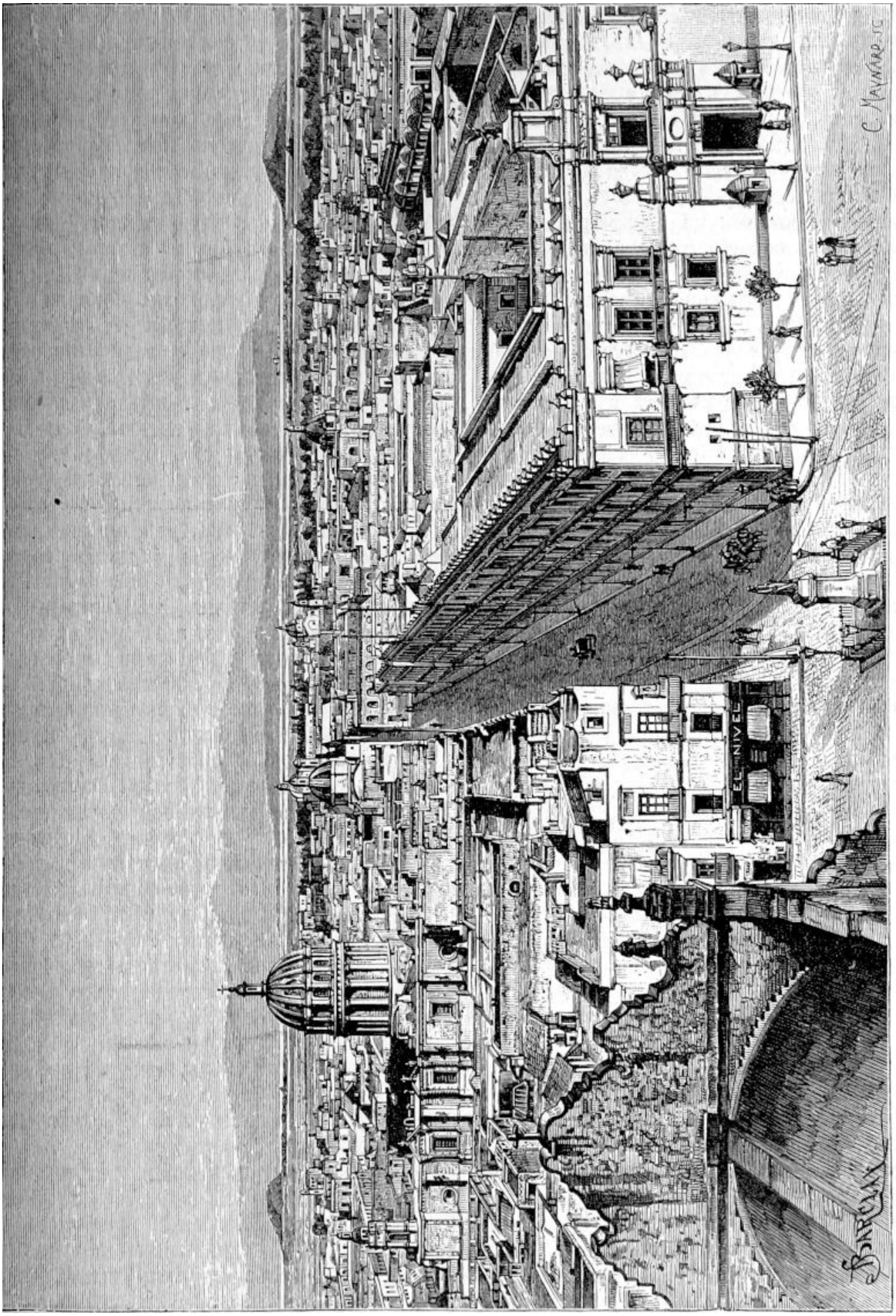
водными рифами. Подводный цоколь Юкатана начинается в северо-восточном углу полуострова: он охватывает остров Мухерес и весь архипелаг островков, прилегающий к мысу Каточе, затем направляется к северу и простирается на 200 слишком километров от берегов. Край подводной банки, указываемый внезапным падением лота на 200, затем на 500, 1.000, 2.000 и даже на 3.000 метров глубины, описывает таким образом вокруг Юкатана большую дугу, идущую почти параллельно берегу. Та поверхность цоколя, которая ещё остается под водою, значительно больше наружной части Юкатанского плоскогорья, уже вышедшей из воды: её можно исчислить в 15.000 квадратных километров. Если в один прекрасный день она выступит из моря, то это будет почти горизонтальная известковая скала, имеющая вполне вид нынешнего полуострова. Многочисленные рифы, или *кайосы*, усеивающие это подводное нагорье, Алакран, Аренас, лос-Триангулос, Аркас, представляют собою коралловые скалы, вроде тех, которые окружают побережье материка, и все имеют свои колонии самых деятельных морских полипов на внешней стороне, обращенной к морским волнам. Около рифа Алакрана, или «Скорпионов», есть подводный камень, о который в 1511 г. разбилось судно «Валдивия», при чём экипаж, спасшийся на шлюпках, высадился на берегу Юкатана, около мыса Каточе: только два человека пережили это событие, и один из них, Херонимо-де-Агвилар, сделался переводчиком Кортеса во время завоевания Мексики. Кайо Аренас, находящийся близ северо-западного угла банки, образовался из нескольких островков, покрытых гуано от целой тучи птиц. С 1854 г. мексиканские промышленники стали эксплоатировать эти пласты удобрения; затем там водворялись, в свою очередь, северо-американцы, которые по мнимому праву «первого занятия» посягали на присоединение этого кайо к владениям своей республики. Эта странная претензия на обладание банкою, находящеюся в юкатанских водах, подала повод к продолжительным дипломатическим спорам[1].

Речная гидрография Восточной Мексики представляет в Чиапасе и Юкатане такой же контраст, как и её рельеф: с одной стороны, вода в большом изобилии протекает по поверхности почвы, с другой—прячется в глубине скал. На восток от реки Тонала, образующей границу между штатами Вера-Круц и Табаско, весь склон Атлантического океана до полуострова Юкатана принадлежит двум соединенным бассейнам Грихальвы и Усумасинты; обе эти реки получают свое начало на Гватемальских возвышенностях и, выходя из двух соседних истоков, снова соединяются друг с другом у самого устья. Грихальва, несколько раз меняющая свое название на своем длинном течении, главные свои источники имеет в провинции Гуегуетенанго, и самый этот город орошается одним из ручьев её верхнего бассейна. Вступив в пределы Мексиканской территории, она на сравнительно небольшом расстоянии принимает в себя большинство своих верхних притоков и, сделавшись широкою, многоводною рекою, получает название рио-Гранде или рио-де-Чиапа, от города, построенного на её берегах. В этой части русло реки образует сильный наклон, вследствие чего течение её становится очень быстрым, переходя местами в стремнины и водопады: около Чиапа, Грихальва низвергается в галлерею скал, откуда выходит уже на весьма низком уровне. Сделавшись судоходной, она описывает большую дугу к западу, нося здесь название рио-Мезкалапа, затем, войдя в низкие равнины, лежащие всего на несколько метров выше уровня моря, она принимает свое оффициальное название Грихальвы, заимствованное от своего первого исследователя, который открыл её в 1519 г.; но туземцы продолжают называть эту реку Табаско, т.е. тем именем, под каким она была известна у индейцев, дававших сведения Берналю Диацу во время того же путешествия. По вступлении в аллювиальные земли, начинается разветвление течения на рукава, из которых одни направляются к морю, а другие к ветвям Усумасинты, реки гораздо более значительной.

Эта последняя река—менее известная, чем Грихальва, потому-что те области, по которым она протекает, населены очень слабо,—также получает свои первые воды с высот, или «Альтосов» Гватемалы. По словам Брассера-де-Бурбург, самый многоводный горный ручей, рио-Бланко, соединяющийся затем с рио-Негро, сначала течет к востоку, направляясь как бы к

1 „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de la republica Mexicana“, 1888.

Гондурасскому заливу. Несколько раз меняя свое имя, смотря по деревням, по которым она протекает, и по индейским племенам, расселившимся по её берегам, но на картах обозначаемая обыкновенно как рио-Чихой или Лакандон, река поворачивает сначала к северу, затем

Видъ города Мексико.

к северо-западу, и, по выходе из области больших гор, соединяется с рио-де-ла-Пасион, желтоватые воды которой текут с краевых хребтов, находящихся на юге Британского Гондураса. Обыкновенно она течет довольно медленно между лесистыми берегами; но в дождливое

время года она затопляет весь край и иногда подымается на 15 метров выше обычного уровня. Ниже своего слияния обе соединившиеся реки принимают название Усумасинты, под которым они и обозначены в дипломатических актах по размежеванию границ между Мексикой и Гватемалой, при чём русло этой реки было выбрано границей на протяжении более ста километров. В большей части верхнего течения Усумасинта судоходна для катеров, но затем она пересекает последнюю цепь возвышенностей целым рядом ущелий, которые загромождены непреодолимыми для судов порогами: эта клюза, стиснутая между вертикальными стенами, называется Бока-дель-Серро, или «Жерло Горы»[1]. Лесопромышленники, занимающиеся сплавкою красного дерева и кедра, делают пометки на стволах срубленных деревьев и спускают их вниз по течению, которое, низвергаясь водопадами, пригоняет их наконец к Теносику, где река снова входит в спокойное русло и затем соединяется с рио-Сан-Педро, впадающей в неё из гватемальского Петена[2]: воды этого притока дотого насыщены углекислой известью, что задерживаемые подводными камнями деревья окаменевают и образуют поперек реки запруду[3]. После слияния этих двух рек, местность, по которой протекает Усумасинта, представляет гладкую равнину, разнообразящуюся только излучинами реки, да старыми, теперь уже высохшими руслами её; первые рукава дельты отделяются от главного русла в северо-восточном направлении к лагуне Терминос, тогда как другие текут прямо в море или соединяются с рукавами Грихальвы и промежуточных рек, притоков реки двойника.

Передняя часть дельты, включая сюда и потоки (байю), вливающиеся в лагуну Терминос, имеет протяжения около 200 километров, а совокупность всех разветвлений обнимает территорию в 15.000 квадратных километров: немного найдется на земном шаре рек, которые, при той же величине бассейна, имели бы столь значительное пространство земель, отложенных ими в морском заливе; можно сказать даже, что дельта продолжается в открытом море т.н. *lodozales*, т.е. мелями из грязи, которую кили судов рассекают, не садясь на мель. Главное устье, называемое Барра-де-Табаско, открывается почти посередине дельты и, смотря по временам года, имеет разную глубину—от 2 до $3^1/_2$ метров; при северном ветре глубина бывает самая большая, особенно во время засухи; при разливе же, когда море на 55 километров от берега покрывается желтоватой водою, нанесенные рекой осадки значительно повышают бар, так что иногда закрывается доступ даже для судов, имеющих киль в два метра. Другое устье дельты, Сан-Педро, находящееся несколько восточнее, ещё мельче, но оно более постоянное; самое глубокое, но вместе с тем и самое изменчивое,—восточное устье, Чилтепек, где лотовое измерение показывает иногда 4 метра глубины; здесь вливается рио-Секо, или «Высохшая Река», бывшая, как полагают, главным рукавом во время обследования этих берегов Грихальвою: описания испанских авторов, кажется, действительно относятся к рио-Секо и нисколько не соответствуют нынешнему главному устью Грихальвы[4]. «Бар» Купилко, сообщающийся с болотистым озером, тоже, кажется, был прежде устьем. Внутри штата Табаско две разветвляющиеся реки, Грихальва и Усумасинта, благодаря своим многочисленным рукавам, представляют вместе со своими каналами водный путь, общая длина которого, даже в сухое время года, составляет несколько сот километров. В 1840, 1843 и 1845 г.г. техасский, юкатанский и американский военные флоты легко прошли в Грихальву до пристани Сан-Жуан-Батиста, главного города штата, находящагося в 130 километрах от бара. Усумасинта во время высокой воды тоже судоходна более, чем на 300 километров от устья, а барки могут подниматься даже выше порогов.

В области мягких земель, не имеющих сцепления, изменения должны быть весьма значительны; каждый разлив изменяет вид страны. Когда реки наполняются и выходят из берегов, большая часть штата Табаско покрывается водою; зимою, во время разлива, громадное

1 A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geohraphical Society“, Апрель 1883.
2 K. B. Heller, цитированное сочинение.
3 Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale“.
4 K. B. Heller, „Reisen in Mexico“;—Desire Charnay, „Les villes anciennes du Nouvean Monde“.

пространство суши, около 5.000 квадратных километров, заключающееся обыкновенно внутри твердой линии берегов, совершенно исчезает под водою. Первое половодье начинается в конце июня, после летних дождей, но обыкновенно оно длится недолго и не совпадает со вторым половодьем, начинающимся в октябре и продолжающимся до марта, т.е. продолжающимся в течение целого полугодия. В это время всякое путешествие сухим путем становится невозможным; табасканцы сообщаются тогда только по воде; среди лесов протекают настоящие ручьи, чуть не реки, которые служат правильными дорогами; тысячи заливов, воды которых стремятся то в одну, то в другую сторону, следуя течению впадающих рек, покрывают страну бесконечной сетью судоходных путей, скрытых под подвижными лугами кувшинчиков и других водяных растений. Суда ходят по всем направлениям, буксируя красильный и строевой лес, составляющий главное богатство страны; при разлитии Усумасинты, по реке часто можно встретить плывущими стволы вырванных с корнем шишконосных деревьев, совершенно неизвестных в Табаско, и жители вылавливают их из реки и пользуются ими, ни мало не заботясь о месте их происхождения[1]. Будучи по природе своей полуамфибиями, туземцы нисколько не страдают от этих разливов, если не считать исключительных наводнений, когда потопляются целые деревни, сносятся жилища и гибнет домашний скот; тогда всё население бежит из дельты и спасается на возвышенностях внутри страны. Край этот дотого сырой, что соль сохраняют там обыкновенно в бутылках. Крутые берега старого побережья образовались в большинстве случаев из двустворчатых раковин, преимущественно из тех, которые остались здесь с той эпохи, когда два океана соединялись ещё Тегуантепекским проливом.

Лагуна Терминос,—принимающая в себя часть вод реки Усумасинты, известной здесь под названием рио-Палицада, и несколько других рек, как-то: Чумпан, рио-Канделариа, Машантель,—составляет восточное продолжение низменных равнин Табаско: при повышении уровня почвы на несколько метров, песчаные мели выступили бы из вод воды, и судоходные проходы обратились бы в ручьи (байю). Образовался уже прибрежный вал, который со временем станет точкой опоры для будущих земель, постепенно наносимых реками: это—цепь двух длинных островов, Агуады и Кармен, которые заграждают вход в лагуну, оставляя лишь три небольших прохода, доступных для плоскодонных судов; восточный фарватер, называемый Пуерто-Эскондидо, или «Скрытый Порт», имеет всего шесть дециметров глубины у порога, и морской прилив прибавляет глубины не более, как на один метр, за исключением тех случаев, когда этот прилив сопровождается сильным ветром со стороны открытого моря. Островные стрелки представляют собою просто песчаный пляж, возвышающийся всего только на 2 метра над уровнем моря: на протяжении нескольких километров видна только непрерывная линия деревьев, за которою расстилаются стоячия воды внутреннего озера. Контуры лагуны Терминос изображены на всех оригинальных картах различным образом, и они действительно меняются в зависимости от времен года, ветров и наносов впадающих в озеро рек. На севере, водная площадь тянется параллельно берегу на сто километров в длину: это—солоноватый поток, который постепенно суживается и в северной своей оконечности превращается в небольшой ручеек, занимающий береговую борозду прежнего пляжа. Лагуна Терминос получила свое название, в 1518 г., от кормчего Антонио-де-Аламинос, который думал, что остров Юкатан оканчивается в этом месте[2].

К северу от этой лагуны, до самого Кампеша, в некотором расстоянии от моря, находится несколько источников, которые несут в море тонкия струйки воды; а ещё севернее, вся дождевая вода исчезает в известковой почве, и нет ни одного видимого ручейка. Однако, внутри страны существует несколько небольших озер, которые, вероятно, образовались во впадинах, где водонепроницаемые горные породы приближаются к поверхности. Таково, например, находящееся в центре полуострова озеро Чичанканаб, с горькою водою, которое простирается с севера на юг на протяжении около 25 километров. Другие водные бассейны,

1 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

2 Bernal Diaz, цитированное сочинение.

меньшего протяжения, разсеяны в северо-восточной части Юкатана; кроме того, по свидетельству туземцев, на юге Юкатанского полуострова, на запад от Британского Гондураса, есть много лагун. Что касается самых населенных областей Юкатана, т.е. центральных, северо-западных и северных его частей, то там вовсе нет ни ручьев, ни рек, ни источников: вода там встречается только в виде временных болот, да и то лишь в дождливое время года. Но зато внешний недостаток воды вполне искупается внутренним содержанием влаги, которая скопляется в углублениях почвы, над непроницаемыми пластами её; благодаря естественным воронкам и обвалам, открывающимся там и сям, человек может добираться до этих подземных водоемов и черпать в них для своих нужд воду, в каком угодно количестве. В этих глубоких галлереях вода, повидимому, не просочила себе правильного русла, вроде речного; она сосредоточивается в больших бассейнах, которые сообщаются один с другим по разветвленным до бесконечности галлереям, и вся жидкая масса медленно изливается по направлению к морю. Некоторые лабиринты подземных рек населены крокодилами, тогда как в другие водоемы эти животные не могли проникнуть. Кроме того, в этих мрачных пещерах обитает особая порода птиц, тех, или *momotus*, с шелковистыми перьями и длинным хвостом, состоящим из двух удлиненных хвостовых перьев[1].

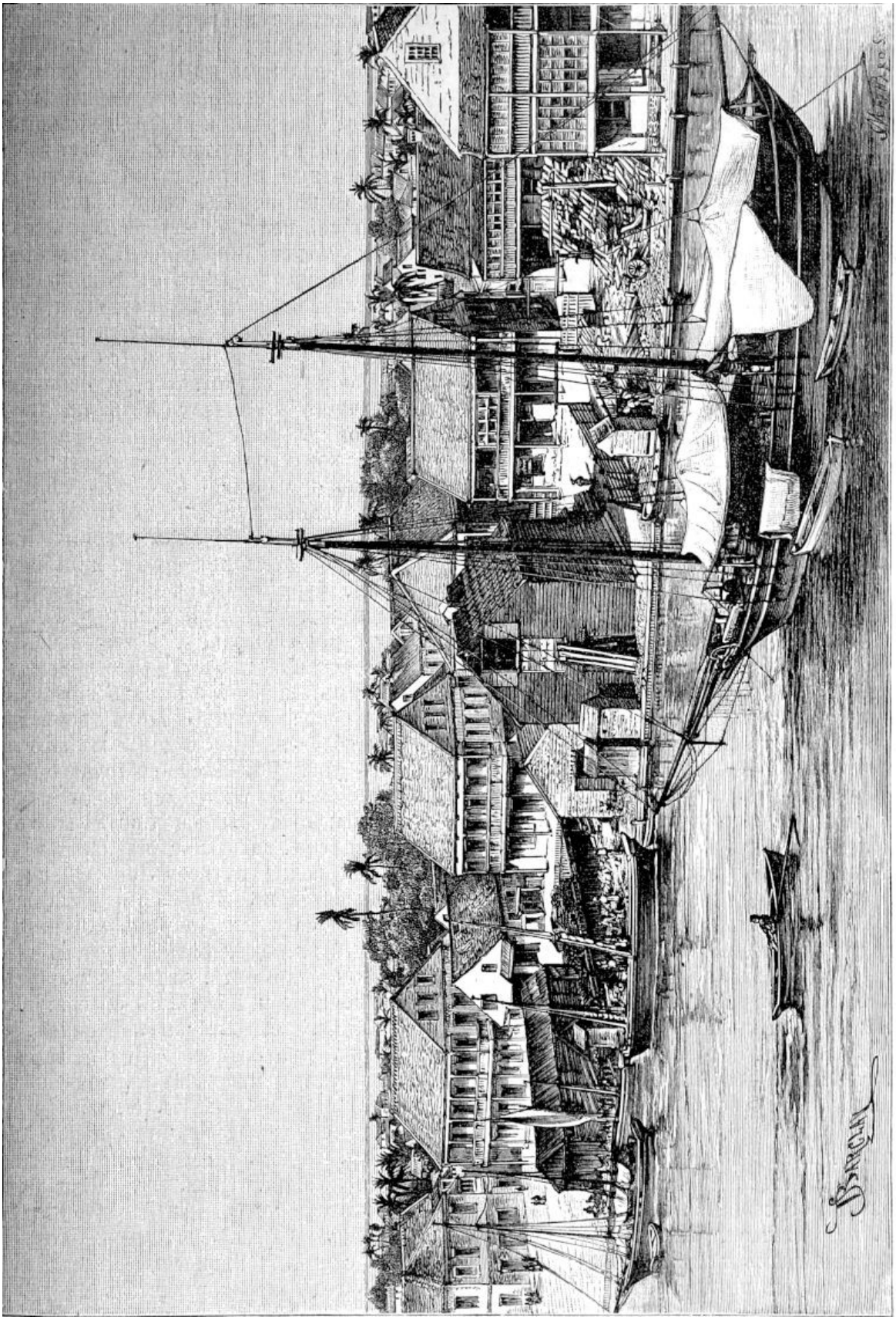
Пещеры, называемые здесь *сенотами*,—слово, заимствованное испанцами из языка майя,—вырывались на тем большей глубине, чем дальше данная местность отстоит от берегов и, следовательно, чем более она возвышена над уровнем моря. Внутри страны во многих местах поселенцам приходится спускаться более, чем на 100 метров, чтобы достать в сенотах воду; в Мериде среднюю глубину подземной водяной площади надо считать в 8—9 метров от земли, и каждый дом имеет свой колодезь, доходящий до скрытого пруда. На севере, западнее Мериды и Вальядолида, т.е. по направлению к морю, подземные воды текут на меньшей глубине: по толщине почвенного слоя, отделяющего эти подземные резервуары от поверхности земли, можно вычислить расстояние, на котором находишься от морского берега. Наконец, у самого берега воды струятся на самом уровне земли и смешиваются с морскими волнами между корнями корнепусков[2].

Это естественное распределение вод, происходящее в Юкатане таким своеобразным и исключительным способом, может считаться главной чертой физической географии страны. Воды нигде не видно, а между тем присутствие её всюду проявляется, как в отличном содержании садов, так и во внешней чистоте домов. И утром, и вечером можно видеть целую вереницу женщин на ступенях лестниц, ведущих в сеноты; они в густой тени пробираются по перилам, выдолбленным наискось в стенах скал и, сойдясь, по шпалерам водорослей, ниспадающих со сводов и обвивающих сталактиты, нагибаются над черной бездной воды и наполняют ею свои тяжелые кувшины, которые с большим трудом приходится нести домой. Вероятно, всего тяжелее эта работа дается женщинам старой деревни Болончен, или «Девять Ключей», находящейся на северо-восток от Кампеша, по дороге в Мериду. В сенот там приходится спускаться по расселинам скалы и по извилистым лестницам, пробитым в пещерах: в общем главная галлерея имеет около 500 метров, и чистая вода, за которой приходят женщины, находится почти в 125 метрах от поверхности земли. Впрочем, очень мало таких сенотов, которые бы древние юкатени не приспособили к употреблению при помощи подземных работ. Они также покрыли бетоном дно наружных впадин, чтобы задерживать там проточную воду, обратить их в *агвады* или водопои для скота; кроме того, они выдалбливали глубокие резервуары, замаскированные прикрывающим их камнем. Во многих местах расчистка наружных луж обнаружила на дне впадины многочисленные дыры, которые глубоко проникают в скалу, расширяясь в виде бутылки: когда вода в наружных лужах испарится, её много остается ещё в скрытых резервуарах. Благодаря открытию этих подземных вод, многие опустевшие местности, считавшиеся совершенно высохшими, стали в последнее время заселяться и обращаться в фермы, деревни и даже в целые города.

1 Frederick A. Ober, „Travels in Mexico".

2 Arthur Schott, „Petermann's Mittheilungen", 1866 г. Тетрадь IV.

Распределение вод в подземных пещерах повело за собою ещё в доисторические времена и соответственное размещение земельной собственности. Имение, как бы ни было оно обширно, ничего не стоит без глубокой воды, но вода эта принадлежит нескольким крупным

Городъ Белизъ.

испанским фамилиям, вокруг которых по-неволе должны группироваться все жители округов, если они хотят пользоваться водой, необходимой для их хозяйства, для собственного потребления и для домашнего скота. Это обстоятельство отдает их во власть помещика и делает

их его клиентами, если не крепостными: взамен данного клочка земли и права пользоваться водою, как для собственного потребления, так и для орошения полей, помещик выговаривает в свою пользу один даровой рабочий день в неделю, обыкновенно понедельник—откуда и происходит название *Лунесы*, данное этим крестьянам,—и, кроме того, держит их в кабале посредством выдачи, через управляющего, ссуд хлебом и другими продуктами. Перемены политического режима нисколько не влияли на отношения, установившиеся между помещиками и их клиентами[1]. В этой стране, где так скупо распределилась живая вода, землевладение мыслимо только в двух формах: или при условии полной общности земли, или при разделе её на большие имения.

Форма юкатанского побережья на всей северной стороне полуострова объясняется отчасти давлением внутренних вод, которые изливаются под большой известковой плитой Юкатана. Береговая коса окаймляет северо-восточный угол полуострова; но эта коса не выдается в свободное пространство моря, подобно береговым кордонам Техаса и Тамаулипаса, на другой стороне залива; она тянется вблизи постоянного берега; двойной пляж, наружный и внутренний, представляет одни и те же изгибы, с удивительной параллельностью. На восточной оконечности эта песчаная плотина имеет менее правильный вид: с этой стороны она в нескольких местах прерывается и даже образует большой остров Холбокс, который изгибается впереди одной значительной бухты, Бока-дель-Кокиль, или «Кроличья Пасть», где в 400 метрах от берега, среди соленой воды, бьют обильные ключи[2]. Нормальная стрелка начинается на западе этой бухты и простирается в длину на 275 километров; она имеет только два протока или узких пролива против небольших речек, протекающих, в виде очень редкого явления, в этой части побережья.

Этот узкий проток, отделяющий твердый берег Юкатана от его изменчивого берега, известен под различными названиями: *лагуна*, *пантано*, *тиерра фангоза*; обыкновенно его называют *рио* или даже рио-Лагартос, т.е. «река Ящериц или Крокодилов». С первого взгляда это название «река» кажется несоответствующим этому длинному заливу, который в сухое время года во многих местах пересыхает; он пересекается не только бродами, тропинками, а в настоящее время даже и шоссейными дорогами и железнодорожными насыпями, но, помимо этого, один берег с другим соединены ещё переплетшимися ветвями дерев с перепутавшимися между собою корнями, так что иногда от рио остаются только длинные лужи. Многочисленные источники бьют в открытом море[3]; но самая значительная часть излишка переполненных *сенатов* изливается в канал, отделяющий твердый берег от прибрежного кордона, и этих вод совершенно достаточно для того, чтобы поддерживать в известном расстоянии среди открытого моря наружный берег, образовавшийся из осадка песку и сломанных кораллов, наносимых волнами. В северо-западном углу Юкатана прибрежная песчаная коса изгибается к югу с почти геометрической правильностью и оканчивается у мыса, известного под названием Десконосида. Эта остановка двойного пляжа совпадает с остановкою берегового течения, которое следует вдоль высокого берега, с востока на запад и в этом месте встречает противоположное течение, идущее от берегов Табаско и Кампеша, под действием северных ветров. Столкнувшись, эти два морских течения кружатся в водовороте, который подмывает берега моря: песок осаждается неравномерно, и береговая стрелка прерывается. Исследование Юкатанских берегов привело к предположению, что полуостров этот образовался постепенно и продолжает разростаться, благодаря этим наружным песчаным каймам, раковинам и гнездам морских полипов, которые последовательно присоединяются к континентальному телу.

Кроме различия в рельефе и в распределении вод, Чиапас и Юкатан представляют между собою различие и в климате, хотя в меньшей мере, потому что обе эти области лежат в жарком поясе, и с обеих сторон средняя температура приближается к термометрическому эква-

1 Woeikof, цитированное сочинение.

2 Alex. de Humboldt, „Essai politique sur la Nouvelle Espagne“.

3 Sallot des Noyers, „Mer des Antills et Golfe du Mexiqne“.

тору. В Чиапасе склон, обращенный к Великому океану, находится всецело под влиянием переменных муссонов. Северные и северо-восточные ветры, которые в действительности не что иное, как пассатные ветры, преобладают зимой, с ноября по апрель, когда солнце светит над южным полушарием; муссон в собственном смысле, *vendaval*, «низовый ветер», или южный, преобладает с мая по октябрь, т.е. летом, когда солнце находится в зените этой страны. Однако, режим этих переменных ветров не отличается безусловною правильностью: нормальные атмосферические течения часто заменяются ветрами, дующими с другой стороны горизонта: неровности рельефа, контуров и ориентации, которые представляют земли, до бесконечности изменяют направление и силу воздушных течений. Обыкновенно впродолжении зимних месяцев погода стоит сухая, и небо чисто; грозы же, бури, вихри и дожди наступают с появлением летних муссонов.

Полуостров Юкатан, который образует выступ континентальной массы между Мексиканским заливом и Караибским морем, гораздо более соответствует нормальному климату области, чем склон южного моря: находясь в поясе северо-восточного пассата, он чаще всего находится под влиянием этого ветра; но эта сплошная скала известняка, лишенная рек, какую представляет из себя эта страна почти на всём своем протяжении, становится в жаркое время фокусом притяжения со всех сторон морских ветров: ветерки, вызванные дневною жарой, кружатся на горизонте, следуя движению солнца. Сильные бури, идущие с севера, т.е. с миссиссипскпх и техасских равнин, часто нарушают правильное течение пассатов. Самыми сухими месяцами в году являются март, апрель и май, в течение которых очень редко выпадает проливной дождь, но вслед затем тотчас же наступают грозы и ливни, как в Чиапасе; они продолжаются до ноября, когда начинают преобладать правильные ветры, только в редких случаях приносящие дожди: таким образом год можно разделить на три сезона—сухости, сырости и ветров[1]. Климат Юкатана—для белых наиболее опасный из всех областей Мексиканского залива. Многие падают от желтой лихорадки, но самым грозным бичом страны является чахотка, как эндемическая, так и наследственная, поражающая не только людей, предрасположенных к ней, но и сильные по виду организмы: мексиканские солдаты, которых за наказание ссылают на полуостров Юкатан, заранее считают себя обреченными на смерть[2]. Кроме того, в Юкатане свирепствует опасная форма дисентерии. В штате Табаско, изрезанном реками, где народ живет столько же на лодках, сколько на твердой земле, распространена главным образом болотная лихорадка; зато чахотка, составляющая язву сухого Юкатана, почти совсем неизвестна в этих сырых местах[3].

Флора и фауна Чиапаса и Юкатана совершенно такия же, как и в Южной Мексике, но кроме того здесь попадаются ещё некоторые виды из Центральной Америки. Эта южная область, средняя между собственной Мексикой и перешейком, нигде не имеет пустынных пространств, и во многих местах растительность достигает замечательной силы, даже на склонах гор Соконуско и на берегах у их основания, несмотря на то, что там почти не выпадает больших дождей; здесь успешно произрастает древовидный папоротник, какаовые и другия деревья, требующие большого количества воды и постоянно влажной атмосферы, а в низких местах рис произрастает без всякого орошения: подземная сырость просачивается с возвышенностей, восполняя собою недостаток дождей. Что касается известковых равнин Юкатана, то хотя они и покрыты растениями, но эти последние имеют жалкий вид и малорослы; здесь совсем не видно тех огромных лесов, с переплетенными ветвями и опутанных лианами, какие встречаются на плодородных землях Чиапаса и Табаско: всюду видишь только низкий хвойный кустарник, да чащи кактусов и агав, и ни одной крупной породы тех смоковниц, которые служат украшением Анагуакского плоскогорья, достигая более 10 метров высоты[4]. Дождевая вода слишком быстро просачивается через ноздреватый известняк, и её

1 Arthur Morelet, „Voyages dans l'Amerique Centrale".
2 D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".
3 D. Jourdanet, „Du Mexique dans ses rapports avec la vie de l'homme".
4 A. Woeikof, „Petermann's Mittheilungen", 1879. Heft VI.

не хватает для более богатой растительности.

Среди представителей растительного царства, не встречаемых в собственной Мексике, а принадлежащих только Чиапасской и Юкатанской областям, находится много весьма ценных деревьев, славящихся своим строительным материалом или красильными веществами; таковы, например, красное дерево (swietenia mahagoni) и кампешское (haematoxylon campechianum). Первое из этих деревьев ещё чаще встречается в некоторых частях Центральной Америки, чем в мексиканском Табаско, но кампешское дерево произрастает исключительно в той области, которая дала ему свое название. Это бобовое растение с твердой сердцевиной достигает иногда 12—13 метров высоты в благоприятном для него грунте. Сначала оно растет в виде куста, похожего на боярышник; но, по мере возрастания, его ветви переплетаются в круглую массу с непроницаемой листвой, дотого густой, что не пропускает даже света. По словам Мореле, англичане тщетно пытались распространить кампешское дерево на Багамских островах и в других колониях тропической Америки; но в своем отечестве это растение успешно произрастает как на кремнистой почве холмов и на скалах, так и на наносной земле. При этом растет оно довольно быстро, так что уже десятилетнее дерево годно к срубке и вовсе не притязательно, потому что принимается всюду, где топор дал доступ воздуху и свету[1]. Среди странных животных чиапасской фауны Чарней указывает на «*замыкающихся*» черепах или, как их там называют, «табакерок», которые действительно имеют свойство прятать голову и хвост между двумя замыкающимися крышечками; это роговые коробочки, которые ни один хищник не может открыть[2].

Население Восточной Мексики очень смешанное, как и в Анагуаке, но только здесь туземный элемент преобладает в более значительной пропорции, чем там. Нахуатльское племя встречается здесь в Соконуско, вдоль исторической дороги, по которой недавно ещё следовали ацтеки, направлявшиеся из Анагуака в Никарагуа. Воинственная нация чиапанеков оставила своё потомство в северо-западной части штата, сохранившего это название. Более многочисленные, но менее культурные тцендалы и тцотцилы, квелены, или «Летучия мыши», занимают лесные пространства, находящиеся между узкой частью перешейка и границами Гватемалы. Наконец, многочисленные кочевые или оседлые семейства принадлежат к тем же группам, как и народы западной Гватемалы, на севере—лакандоны и чонталесы, в центре чолы и чаньябалы, а на юге маме; по языку, нравам и традициям, все эти индейцы, повидимому, более или менее связаны с цивилизованными майя Юкатана, самыми передовыми представителями этой языческой группы.

Майя оказали в свое время более упорное сопротивление испанцам, чем ацтеки: впрочем, они, повидимому, ещё в колумбийский период достигли довольно высокой степени цивилизации; хотя Колумб не видел этого племени, но слух о нём достиг и до него[3]. Дело истребления, о котором повествует Лас-Казас и Диего-де-Ланда, было по истине ужасно; раса почти совершенно исчезла; но мало-по-малу, она восстановилась и, несмотря на свою количественную незначительность, покоренные майя сохранили свой язык; сказывают, что даже те из них, которые знают испанский язык, упорно отказываются говорить на нём[4]. Факт тот, что в Юкатане победители в конце концов обратились в побежденных: в деревнях язык майя сделался общеупотребительным, за исключением окрестностей Кампеша; во внутренних округах потомки испанцев по большей части даже разучились говорить на языке своих предков. В самой Мериде язык майя сделался обязательным, так как иначе нельзя разговаривать с туземцами или *масегвалами* (мазехуатль). В другие времена европейские колонисты постепенно растворились бы в майякском населении; но сношения с цивилизованными вне края спасли испанский элемент от исчезновения, и надо думать, что рано или поздно школы, га-

1 Arthur Morelet, цитированное сочинение.
2 Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".
3 Pierre Martyr d'Angheria. Decades III. Книга IV.
4 Brasseur de Bourbourg, „Archives de la Commission du Mexique", Том II.

зеты и книги введут всех юкатеков в мир испано-американской цивилизации, тем более, что любовь к просвещению в Юкатане более распространена, чем в других мексиканских областях. Испанцы и метисы живут преимущественно в городах и южных частях Чиапаса, где проходят наиболее посещаемые дороги между Мексикой и Гватемалой. Смешанная раса испанцев и майя считается одною из самых красивых в Америке; особенно славятся красотою их женщины. Всего замечательнее то, что индейский тип лица сохраняется из рода в род; как бы бела ни сделалась кожа, юкатанский метис всегда сохраняет черты майя, что сразу бросается в глаза всякому наблюдателю[1].

Область распространения языка майя, к которой надо ещё прибавить территорию гуакстеков в штате Вера-Круц, простирается далеко за пределы Юкатана: она обнимает почти весь штат Табаско, часть Чиапаса и половину Гватемалы. По их собственному преданию, майя пришли в Юкатан с двух противоположных сторон, с запада и с востока, с континента и с моря[2]: один из их богов открыл им свободный путь по волнам. Не подлежит сомнению, что они были уже знакомы с искусством мореплавания, они даже имели палубные суда, вероятно парусные[3]. Путешествия, вольные и невольные, часто совершались между островом Кубою и Юкатаном: именно этим путем, как полагает Орозко-и-Берра, туземцы Северной Америки добирались через длинные этапы из Флориды в Кубу, а с этого острова на Юкатанский полуостров[4]. Как бы то ни было, майя, раз поселившись в Юкатане, долгое время оставались мирными обладателями полуострова, потому что в этой области, расположенной в стороне от нормальной дороги переселений, идущей по южному побережью Великого океана, им нечего было бояться завоевателей. Империя ацтеков, во время её наибольшего протяжения, соприкасалась со страной майя только юго-восточною оконечностью, и Юкатан, в котором жила более просвещенная часть нации, почти совсем не был известен им. Однако, если судить по языкам, оба народа, ацтеки и майя, принадлежат к одному и тому же этническому корню. Но между юкатанскими майя и сонорскими майо нет ничего общего, кроме простого совпадания имен[5].

Собственно майя—люди среднего роста, коренастые, с круглой головой, тонкими руками и красивыми ногами, очень выносливые, обладающие удивительной силой сопротивления. Те из племени майя, которые живут в лесах Табаско и название которых «чонталесы», или «дикие», показывает, что они остались чуждыми цивилизации юкатеков, отличаются поразительною воздержанностью: для их питания достаточно нескольких кореньев, немного маису и бананов, несмотря на то, что они работают без устали целыми днями в качестве носильщиков и перевозчиков. Одежда их очень проста и состоит из штанов и рубашки, которую они носят на манер блузы. В Юкатане мужчины майя одеваются так же, как испанцы; но женщины, оставшиеся более верными обычаям своей расы, сохранили моды той эпохи, которая предшествовала завоеванию: все они носят белые юбки, *фустаны*, стянутые на бедрах и вышитые внизу узкой гирляндой цветов, и *гуипилы*, или шемизетки, тоже белые, с короткими рукавами, спускающиеся до половины туловища; выходя из дома, они одеваются в изящные мантильи, такия же белые, как и всё прочее одеяние, отличающееся, за исключением разве только у самых бедных, безукоризненной чистотой. От других индианок и испанок они отличаются также своей высокой китайской прической, завязанной в шиньон; наконец, в противоположность всем туземным женщинам Мексики и Центральной Америки, которые носят кувшины с водой на голове, юкатанские женщины держат их в наклонном положении на левом плече. Когда какой-нибудь мужчина останавливает их, чтобы попросить у них напиться, или обменяться несколькими словами, они останавливаются боком и скромно отвечают ему, опустив глаза. Рынок в любом юкатанском городе представляет почти

1 Desire Charnay, „Cites et Ruines Americaines".
2 H. H. Bancroft „Native Races". Том V.
3 Nunez Ortega, „Bolletin de la Sociedad de Estadistica y Geograifia". 1878 г. № 1.
4 „Geografia de las Lenguas de Mexico".
5 Orozco y Berra, цитирован. сочинение.

исключительное во всём свете явление, поражая царящим на нём спокойствием, дружелюбием и взаимным доброжелательством торговцев и покупателей; лишь изредка раздастся откуда-нибудь детский крик[1].

Подобно всем другим культурным индейцам, майя считаются католиками, и действительно они исповедуют эту религию, но примешивают к ней особые обряды, которые отнюдь не могли заимствовать у испанцев. Так, например, после погребения умершего они отмечают мелом тропинку, которая ведет от могилы к прежнему его жилищу, для того, чтобы покойник, возродившись в лице ребенка к новой жизни, не забыл дороги к своему домашнему очагу: у них всё ещё продолжает существовать вера в переселение душ, несмотря на противоположные учения христианской церкви. У них ещё сохранилось знание разных лекарственных трав, а также небесных светил, и среди них попадается много астрологов, которые наблюдают сочетание звезд и по ним предсказывают события общественной жизни, удачные или неудачные посевы и качество урожая; в каждой деревне имеется «сведущий человек», который предсказывает судьбу по кристаллам кварца. До войны 1847 г., совершенно разорившей страну, почти каждая деревня имела свою «книгу Чилан-Балам», т.е. «Толковник оракулов», и таковых известно ещё не менее шестнадцати экземпляров[2]. Мать привязывает к руке своего ребенка амулет, состоящий из красивого насекомого с твердой оболочкой из породы мелазомов (zopherus moreleti)[3].

У туземцев попадаются очень снисходительные священники, а, может быть, просто плохо знакомые с обрядами христианской церкви, потому что они вместе с индейцами служат «полевые обедни», или *misa milpera*, при чём закалывают петуха, окропив предварительно перебродившим напитком все четыре стороны света, и взывая одновременно к Пресвятой Троице и к *Пахаах-тунам*, т.е. к четырем покровителям дождя и урожая. Эти духи получили христианские имена: Красный, или бог востока, сделался святым Домиником; Белый или бог севера,—святым Гавриилом; Черный, или бог запада,—святым Иаковом, а покровительница юга, «желтая богиня», обратилась в Марию-Магдалину[4]. Но в присутствии испанцев майя остерегаются исполнять обрядности, не санкционированные католическими патерами. Обладая вообще очень веселым характером, так что Чарней называет их «самым веселым народом в мире», майя в то же время отличается крайнею скрытностью и сдержанностью; они умеют так ловко лавировать в своем разговоре, что им никогда не приходится лгать иностранцам; они умеют промолчать кстати, или отвечают крайне неопределенно, боясь неосторожным словом скомпрометировать себя. Но всё-таки кое-какие выражения в их языке открывают их задушевные верования: так, например, ураган они называют «могучим дуновением великого Отца».

Язык майя, гортанный и звучный, но очень приятный в устах женщин, есть, повидимому, самый чистый из всех идиомов той же семьи цендала, лакондона, киче или качикела, на которых говорят между Мексиканским заливом и берегами Южного моря. Впрочем, эти различные наречия отличаются одно от другого только по примеси иностранных слов и некоторому изменению окончаний или по произношению.

Язык майя, весьма богатый словами, резко разнится от нахуатльского или мексиканского своей грамматикой, но словари обоих языков происходят от общих всей группе корней. Брассер-де-Бурбург находит, что большинство майяских слов имеют много общего с арийскими словами, и именно с германскими и скандинавскими; однако, это мнение ученого мечтателя не нашло себе сочувствия: на случайных совпадениях нельзя строить родства. На чистом майя говорят теперь только в северо-восточной части страны, в окрестностях Вальядолида и Тизимина[5]. Латинский алфавит языка майя заключает в себе особенные буквы,

1 Frederick A. Ober, „Travels in Mexico".
2 Daniel G. Brinton, „The Book of Chilau-Balam".
3 Arthur Morelet, цитированное сочинение.
4 Brasseur de Bourbourg;—D. G. Brinton, „The folk-lore of Jucatan".
5 Orozco y Berra, цитиров. сочинение.

как, например *тс*, соответствующие неизвестным испанскому языку звукам.

Поразительным свидетельством живучести майяского гения служит географическая номенклатура Юкатана: почти все данные туземцами названия мест сохранились, несмотря на пребывание в крае испанцев. Имя Юкатан, которое одержало верх над названием *Исла-де-Санта-Мариа-де-лос-Ремедиос*, данным испанцами—тоже слово майяское; точный смысл его, однако, неизвестен: оно, без сомнения, произошло от неверно понятого ответа, когда испанские мореплаватели допытывались названия этого края. По свидетельству епископа Ланда, который был первым миссионером, обратившим майя в христианскую веру, в то время общеупотребительным названием полуострова было Улумит-Кус-ель-Этель-Зет, т.е. «Страна Индейских Петухов и Оленей». Кроме того, его часто называли также Майя-панам, по имени бывшей столицы, а всю страну прежде обозначали названием Майя. Ма-ай-ха значило «Земля без Воды»[1]. Как и в стране ацтеков, фанатики-завоеватели старались удалить всё, что напоминало туземную религию; самые драгоценные манускрипты были преданы огню, а идолы и скульптурные памятники разбиты; однако, некоторые предания сохранились, также как язык и нравы, и ученые могли попытаться восстановить политическую историю народа майя за два или за три века, предшествовавших завоеванию.

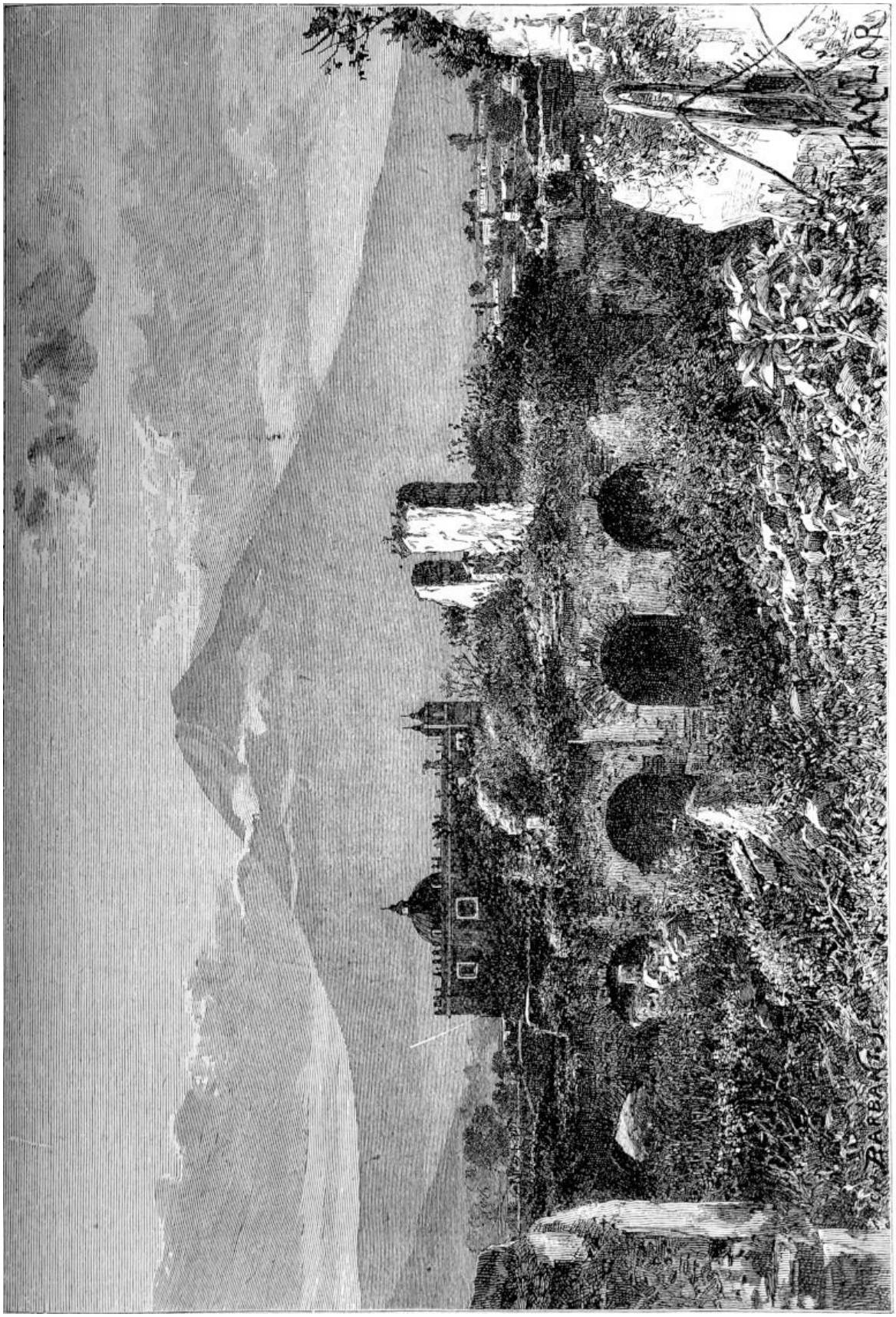
Первыми легендарными лицами в истории Юкатана, представляющими собою одновременно и героев, и основателей царства, и богов, являются Ватан и Цамна, которые отчасти перепутались в воображении народа; им приписывали все установления в стране, а также и различные изобретения, сделанные с начала мира. За ними следует другой мифический властитель, Кукулкан, которого ученые отождествляют с Кецалкоатлем Мексики и Гукумацом Гватемалы, или «Змеем с перьями», и история которого действительно совпадает с историей этого полу-бога ацтеков и племени квиче: нет сомнения, что фаза истории, олицетворенная майяским героем, была периодом, во время которого преобладало влияние северных нахуа. Затем в стране майя, в течение нескольких,—как гласит легенда, одиннадцати,—веков, господствовали другие завоеватели, явившиеся, повидимому, с юга, но самое имя которых, Тутул-Ксиу, указывало на их нахуатльское происхождение. Вероятно, во время их господства и были воздвигнуты в Юкатане замечательные монументы; несмотря на войны, на местные революции, на разрушения городов, династия ещё удерживалась в одной части территории, когда испанцы появились в этой стране.

Памятники юкатанской архитектуры обратили на себя внимание ещё первых испанских мореплавателей, а впоследствии о них упоминали все писатели, говорившие об этом крае; но в настоящем столетии, только после 1830 года путешественники получили возможность созерцать эти удивительные развалины и дать о них отчет ученому миру. Первый из них, Завала, посетил Уксмал и издал его описание[2] в 1835 г. Фредерик де-Вальдек изучал тот же юкатанский город и снимки его памятников опубликовал в роскошном издании; но наибольшее внимание обратила на себя книга, могущая считаться отправным пунктом для археологического изучения Юкатана, которую составил Стефенс, два раза объездивший страну в сопровождении живописца Катервуда[3]. С того времени совершено было много путешествий в Юкатан; из них особенную важность имело путешествие Шарнэ, благодаря его прекрасным фотографиям, которые дали возможность проверить точность прежних рисунков. В настоящее время уже открыто более шестидесяти групп значительных развалин, а сколько других руин существует ещё в стране независимых майя! Едва-ли в Юкатане найдется какой-нибудь город, местечко или уединенное жилище, в постройках которого не было бы остатков древних изваянных камней[4].

Археологи, на долю которых выпало быть первыми исследователями замечательных памятников Чиапаса и Юкатана, называли их величественными и даже сравнивали их с еги-

1 Diego de Landa, „Relation des choses du Yucatan“, перевод Брассера-де-Бурбург.
2 „Antiquites Mexicaines“. Париж, 1834 г.
3 Stephens, „Incidents of travel in Jucatan“:—Catherwood, „View of Ancient Monuments in Central America“.
4 H. H. Bancroft, цитиров. сочинение.

петскими и греческими храмами. Хотя это восхищение не находит себе оправдания, так как майяские здания не могут похвалиться ни изяществом пропорций, ни умеренностью орнаментов, ни благородством и совершенством в стиле скульптурных украшений, но во всяком

Развалины церкви и вулканъ Антигуа.

случае они отличаются огромностью размеров и богатством, и свидетельствуют о гораздо более высокой степени цивилизации, чем та, на которой стояли многие народы Старого Света, считавшиеся цивилизованными. Большая часть юкатанских построек воздвигнуты на есте-

ственных возвышениях земли или на искусственных земляных насыпях; обыкновенно они находятся по соседству с сенотами или даже на самых этих скрытых бассейнах, которые всегда служили предметом почитания у окрестных жителей. Большинство монументов расположено на восток, но не с астрономической точностью и без строгого порядка: видно, что в архитектуре не придерживались никакого общего плана[1]. Некоторые археологи причисляют эти памятники зодчества к очень древним сооружениям, приписывая их народам, уже исчезнувшим до эпохи завоевания; но это мнение опровергается фактами, так как, по свидетельству самих испанских завоевателей и майяских летописцев, юкатеки продолжали справлять в этих зданиях свои обряды до второй половины шестнадцатого века[2].

Почти все юкатанские здания имеют пирамидальную форму: храмы и дворцы увенчивали собою вершину целого ряда ступеней. Некоторые пирамиды не несли на себе построек, но имели усеченную форму, при чём верхняя площадка служила воздушным алтарем, на котором жрецы совершали свои обряды перед собравшимся народом. Впрочем, ни одно из архитектурных сооружений юкатеков не достигало столь значительной высоты, чтобы превосходить большие лесные деревья: самые высокие пирамиды едва достигали 30 метров, но некоторые из них занимали своим основанием обширное пространство земли: так, пирамида Цайи, близ Уксмала, имеет в окружности слишком 450 метров. По словам Виоле-ле-Дюк, одно из самых замечательных архитектурных новшеств, введенных юкатанскими зодчими, состояло в употреблении известкового раствора или прыска для соединения слоев камней в одну скалу, и в моделировании, ваянии цемента в виде орнаментов и фигур[3]. Прыск, цемент, гипс, штукатурка,—всё это составлялось из извести, смешанной с песком в различных пропорциях, что сообщало ей твердость камня: известковый раствор, сделанный почти из чистой гидравлической извести, имеет такую крепость, что соединенные им камни в массивах или штукатурка не поддаются самым сильным ударам молотка. Но если искусственные каменные постройки не поддавались разрушительному влиянию времени в течение четырех веков запустения, то нельзя того же сказать про плотничьи работы на плафонах и кровлях: они почти совершенно исчезли, несмотря на то, что употреблявшееся для построек дерево запоте отличается замечательною крепостью, но дело в том, что оно не смолисто и не содержит в себе эфирного масла, способствующего удалению червей и насекомых. Круглые бревна, сложенные в виде опрокинутых пирамид, поставленных на столбах вместо капители,—всюду осели; впрочем, на многих храмах расположение их воспроизводится изваяниями фасадов. Дерево употреблялось также при соединении вершин двух наклонных друг к другу стен, которые образовали таким образом нечто вроде стрелки свода, не совсем точно называемой в крае boveda или «сводом».

В юкатанских зданиях и около них нашли только очень небольшое количество глиняной посуды и оружия, предметов, которые обыкновенно в изобилии находят в исторических и доисторических местностях. Точно также очень мало нашли идолов, но это потому, что туземцы, со времени пришествия испанцев, стали прятать их в надежных местах, боясь за целость своих богов, которых завоеватели разбивали. Но скульптурные украшения и барельефы, изображающие человеческие фигуры, в целости покрывают стены. Фигуры эти имеют тот же тип, что и современные нам туземцы, в особенности восточные лакандоны, с тою только разницей, что он был сильно преувеличен, особенно на храмах в Паленке: откинутый назад лоб и вытянутый нос считались признаками благородства, и скульпторы старались придерживаться этого типа в своих произведениях, которые служили предметом почитания народа[4]; впрочем, можно предположить, что в эту эпоху, так же, как это делается и в настоящее время, юкатанские матери нарочно искусственно уродовали черепа своих детей[5]. На сте-

1 Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, апрель 1883.

2 D. Charnay, „Comptes rendus de la Societe de Geographie“, 18 мая 1883 г.; „Anciennes villes du Nouveau Monde“.

3 Предисловие к сочинению Шарнэ: „Citer et Ruines americaines“.

4 Arthur Morelet, цитиров. сочинение;—D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde“.

5 H. H. Bancroft, „The Native Races“. Том IV. „Antiquities“.

нах чиапасских и юкатанских храмов очень редко можно встретить фигуры женщин и ещё реже изображения детей и отроков. Повидимому, майяские художники сознавали свое бессилие в воспроизведении красоты, и потому они строго придерживались условных типов, проявляя самостоятельность творчества только в изображении уродливых каррикатур. По свидетельству Шарнэ, они сначала вылепляли голое тело, затем прибавляли одеяния и украшения, налепляя новые слои цемента.

Помимо человеческих фигур, стены украшены также изображениями символических животных, преимущественно змей; встречаются также орнаменты в виде хобота, что послужило, впрочем без достаточного основания, к предположению, что майяским скульпторам были знакомы слоны, и что знание это было заимствовано от художников, пришедших из Азии. Некоторые барельефы изображают жанровые сцены, но нигде не встречается воинственных сюжетов, как это видно на барельефах ассирийских дворцов и египетских храмов: очевидно, майяский народ жил в полном мире в то время, когда были построены монументы их великой художественной эпохи; почти полное отсутствие всяких крепостей около их зданий и городов тоже может служить доказательством мирного состояния страны и спокойного характера её жителей. Некоторые скульптурные украшения указывают на то, что майя исповедывали фаллический культ, и красные руки, вылепленные там и сям на зданиях, свидетельствуют о том, что и в Юкатане, как и на средиземном Востоке, жилища поручались покровительству могущественной руки богов и духов. В настоящее время все эти серые скульптуры, перемешанные на полуразрушенных стенах,—таков фасад Уксмала, простирающийся в длину на 100 метров,—кажутся перепутавшимися в хаос неопределенных форм: выкрашенные некогда в яркие цвета—в желтый, красный, белый и черный, они резко отделялись одна от другой и придавали целому исторический или мистический смысл, легко понятный каждому.

«Булыжные» иероглифы,—названные так по округленной форме своих контуров, напоминающей «булыжники»,—расположены длинными полосами, как буквы в книге, и, без сомнения, служили пояснением тех скульптур, на которых находились; может быть, впоследствии они откроют человечеству подробную историю этого народа-зодчего, или, по крайней мере, объяснят назначение зданий, носящих теперь фантастические испанские имена, а главное выяснят время их сооружения, что служит предметом нескончаемых споров между археологами. Те же знаки были воспроизводимы на материях и на древесной коре, и манускрипты свертывались или переплетались в тонкия книжки. Гиероглифические документы на майяском языке очень редки: в европейских музеях находится всего только четыре таких документа, и на них нет двуязычной надписи, которая облегчила бы разбор этих знаков, как это оказалось на камне Розетты и на клинообразных таблицах Бизутуна; однако, испанские священники знали этот алфавит, и даже у одного из этих миссионеров был найден писанный им манускрипт на майяском языке[1]. Впрочем, единственные сведения, которые имеются об юкатекских письменах, дает сочинение епископа Диего-де-Ланда, того самого, который сжег манускрипты, собранные в храмах[2]. В этой книге объясняются только около шестидесяти знаков из нескольких тысяч их, и так как каждый знак может быть заменен другими, имеющими одно с ним значение, хотя и совершенно различными по форме, то понятно, что в настоящее время перевод их является почти невозможным[3]. Археологи пришли к единодушному мнению, что попытки перевести иероглифы, сделанные Брассером-де-Бурбург, были неудачны.

Отделенные от внутреннего Чиапаса почти сплошною цепью прибрежных гор, через которые не проложено ещё ни больших шоссейных, ни железных дорог, группы поселений, расположенных на берегу Великого океана, могут иметь лишь весьма небольшое торговое

1 Daniel G. Brinton, „The Books of Chilan-Balam“.

2 Leon de Rosny, „Boletin de la Sociedad de Geografia y Estadistica de Mexico“, 1880.

3 H. de Charencey, „Melanges Philologio et de Paleographie americaines“.

значение; кроме того, отсутствие хороших портов мешает развитию мореплавания. Между тем, замечательное плодородие почвы и хорошее качество её продуктов прославили Соконуско на всех рынках, как на европейских, так и на американских. Самые оживленные гавани на этом берегу— Тонала и Сан-Бенито или Соконуско: обе они доступны для судов незначительной осадки, которые могут входить в опасные проливы, соединяющие открытое море с длинными береговыми речными притоками. Хотя порт Тонала стоит ближе всех других к столице Чиапаса, тем не менее его ежегодная торговля не достигает даже одного миллиона: два окрестных холма изобилуют железом, чем и прославились во всём округе. Вдвое значительнее торговля в Сан-Бенито, который вывозит из Соконуско какао: в 1888 г. торговые обороты этого порта достигали 1.800.000 франков, и торговое значение его несомненно быстро поднимется, когда его пляж будет соединен железной дорогой с Тапачулою, расположенною на полусклоне гор Соконуско, около границы Гватемалы. Город Унион-Хуарес, основанный несколько лет тому назад, как раз на самой границе, и лежащий на высоте 1.300 метров над уровнем моря, представляет собою центр Чиапасских кофейных плантаций: сбор идет здесь круглый год, и это нимало не ослабляет производительность растения[1].

Севернее расположено другое пограничное местечко, Комитан, ярмарки которого привлекают целые массы торгового люда. Чиапа-де-лос-Индиос, древняя столица чиапанеков, название которой, взятое во множественном числе, присвоено всей стране, расположена, подобно Комитану, на склоне, обращенном к Атлантическому океану, в долине большой реки: эта река носит несколько названий, но главное из них—Грихальва; она соединяет Усумасинту с баром Табаско. Выше нынешнего местечка, усеянного древними развалинами, находится скала, на которой существуют ещё развалины крепости Чиапа-Нандуиме, или «Ара Огненного Цвета». С высоты этой твердыни чиапанекские воины бравировали посылавшиеся против них ацтекские армии; испанцам тоже долго пришлось осаждать её; наконец, более двух тысяч туземцев, изморенных голодом, предпочли броситься с высоты валов, вместе с своими женами и детьми, нежели отдаться победителям[2]. В нескольких километрах к западу от Чиапы, в боковой долине Грихальвы, находится небольшой городок Тукстла, который впродолжении нескольких лет играл роль главного города штата, в наказание жителям Сан-Кристобаля за их возмущение. Туземный язык больше не употребляется. Брассер-де-Бурбург составил словарь этого языка со слов нескольких стариков.

Нынешняя столица штата, Сан-Кристобаль-Лас-Казас, тоже построена на месте древнего индейского города Гуель или Гуе-Закатлан и, как торговый пункт, заняла первое место в двух штатах—Чиапасе и Табаско. Она часто меняла свое имя: Лас-Казас, теперешнее её название, было дано этому городу в честь храброго защитника индейцев, Бартоломе-де-Лас-Казас, Чиапасского епископа. Если не считать городов, лежащих на Анагуакском плоскогорье, то Сан-Кристобаль построен выше всех прочих городов Мексики; но точное определение его высоты неизвестно, так как её определяют различно, от 1.890 до 2.104 метров. В десяти километрах далее на северо-запад лежит большое промышленное село Чамула, населенное исключительно индейцами, которые испокон-веков занимаются столярным ремеслом, выделывая простую мебель: столы, скамьи и стулья с незатейливою резьбою; изделия эти имеют большое распространение, но оплачиваются они в десять раз дешевле, чем у нас в Европе,—до того низко ценится труд индейца[3]. Ещё севернее лежит местечко Симоховель, которое славится своим кофе и табаком, так же, как и Гуимангильо, прибрежная деревня нижней Грихальвы, расположенная при входе в равнины Табаско. Однако, в большей части гасиенд занимаются лишь скотоводством. Местечко Теана, река которого соединяется около Сан-Жуана с Грихальвой, является одним из крупных рынков в этом крае.

Сан-Жуан-Баутиста (прежде Вилья-Эрмоса), главный город штата Табаско, представляет собою просто небольшое местечко, построенное в прогалине огромного леса, покрывающего

1 Woeikof, „Petermann's Mittheilungen", 1882 г. тетрадь V.

2 Brasseur de Bourbourg, „Recherches sur les Ruines de Palengue".

3 Desire Charnay, „Cites et Ruines Americaines".

всю область дельты; но с крутого берега Грихальвы, с которым его соединяет небольшая ветвь железной дороги, он господствует над великолепной сетью судоходных путей, разветвляющейся на несколько тысяч квадратных километров, до самого основания Юкатанского полуострова; в самом Сан-Жуане река, медленно и спокойно несущая свои воды между широко раздвинувшимися берегами, поросшими густою растительностью, представляет поистине величественное зрелище[1]. Лишенный в настоящее время удобных для сообщения дорог, Сан-Жуан-Баутиста в недалеком будущем предназначен сделаться центром скрещения железных дорог, разные ветви которых направятся к Мексике, Юкатану и Гватемале. На Атлантическом океане портом ему служит небольшая деревня Фронтера (Гвадалупе), расположенная на правом берегу Грихальвы, в нескольких километрах выше бара: там находится несколько торговых домов, занимающихся, главным образом, закупкою и вывозом леса.

Ценность торговли в Фронтера-де-Табаско в течение фискального 1885—1886 года определилась в 4.540.000 франков. Движение судоходства в 1877 г.: 102 судна, вместим. в 73.511 тонн, в том числе 38 пароходов, вместим. в 56.171 тонна.

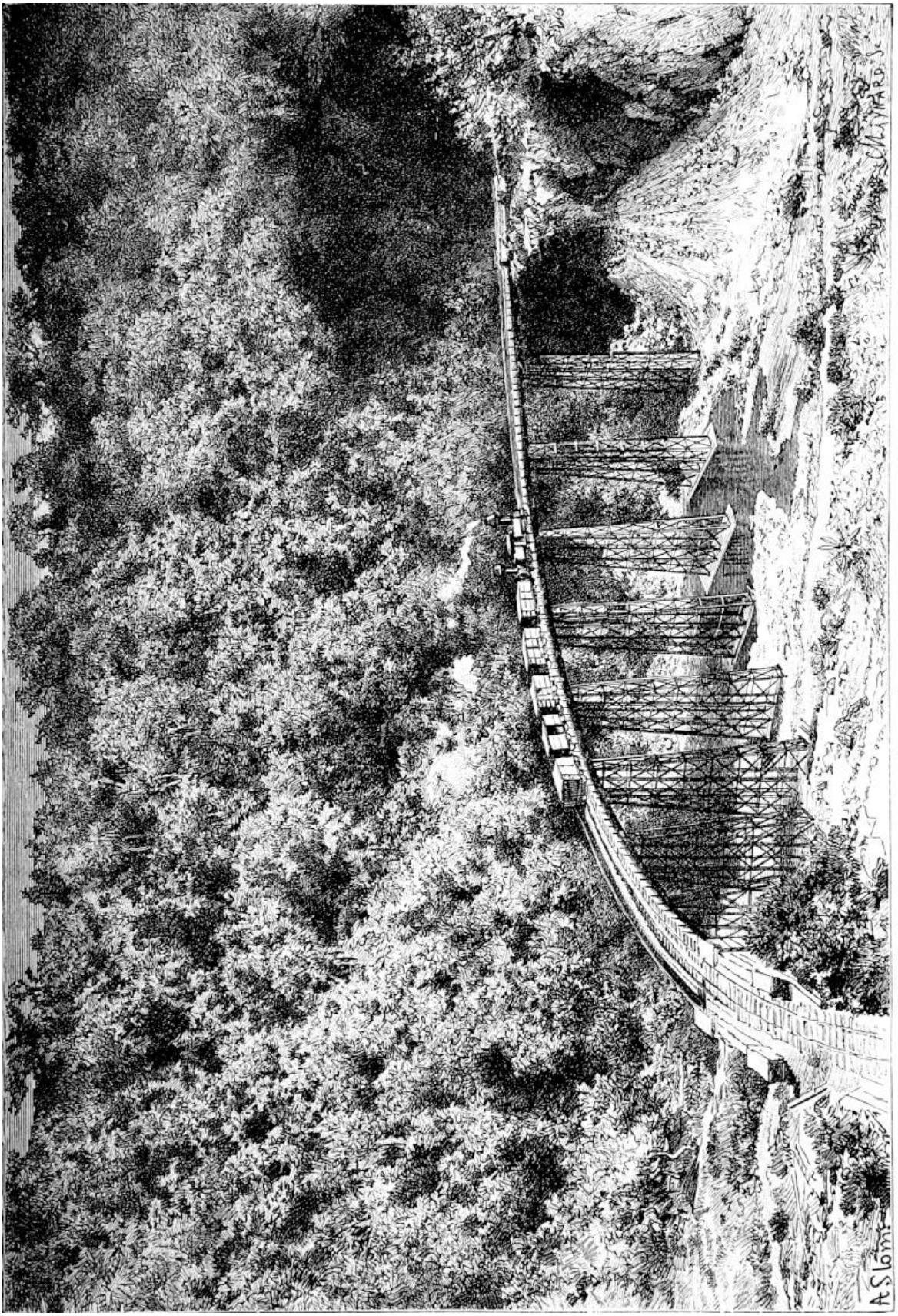
К западу от нынешней дельты, в болотистых лесах, по которым извивается рио-Секо, некогда главный рукав Грихальвы, лежит деревня Комалкалко, бывшая когда-то значительным городом; её именем названы также развалины, занимающие пространство в 16 километров и заключающие в себе целые «тысячи» памятников, составляющих в своей совокупности целую «кордильеру», по выражению туземцев. Другие *cuyos*, или пирамиды, возвышаются между двумя рукавами реки, на острове Беллоте, где находятся также огромные кучи раковин, «кухонные остатки», занимающие пространство в несколько сот квадратных метров и имеющие в толщину 4 метра над линией вод[2].

Усумасинта, соединяющаяся с Грихальвою выше Фронтеры, не имеет городов в той части своего обширного бассейна, которая принадлежит мексиканским штатам: Чиапасу, Табаско и Кампешу. Наиболее известным населенным местом в этой области считается городок Паленке, или «Палисадник», расположенный на высоте ста метров над уровнем моря, на одном из последних скатов сливающагося с равниной плоскогорья, которое ограничено здесь аллювиальными землями, орошаемыми Усумасинтою; севернее находится окруженная большими лесами лагуна Катасаджа, служащая внутренним портом, посредством которого жители холмов могут сообщаться на лодках со всеми пунктами обширной дельты: около неё находится деревня лас-Трес-Круцес, или «Трех Крестов», напоминающая, как говорят, о проходе Кортеса[3]. Паленке, основанный во второй половине XVI-го века под названием Санто-Доминго, вскоре приобрел, несмотря на свое изолированное положение среди лесов, большое значение в качестве места транзитной торговли, так как здесь соединяются тропинки, огибающие низкие земли с бесчисленными каналами: в прошлом столетии Паленке служил главным этапом караванов между Гватемалой и Кампешем[4]. Перемещение торговых путей снова уронило значение Паленке; однако, здесь оставалось ещё некоторое число собственников из буржуазии, которых удерживал здоровый климат и живописные окрестности; но в 1869 г. и они должны были выселиться, изгнанные отсюда восстанием индейцев, и с тех пор местечко это обратилось почти в настоящую пустыню, и главная его площадь заросла густою травою.

В пятнадцати километрах к юго-западу от Паленке, среди густого леса, возвышаются грандиозные развалины какого-то города, от которого не сохранилось даже имени; быть может, это был Начан или Колхуакан, т.е. «город Змей». Паленкские купцы до половины XVIII-го века не знали даже о существовании этих развалин; случайное открытие их произошло только в 1746 г., а в 1773 г. их стали уже исследовать систематически[5]. С этого

1 D. Jourdanet, „Du Mexique dans les rapports avec la vie de l'homme".
2 D. Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde".
3 William H. Prescott, „History of the Conquest of Mexico".
4 A. Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale".
5 H. H. Bancroft, „The Native Races", том IV, „Antiquities".

времени их много раз посещали и описывали и воспроизводили на рисунках и в фотографиях; но дело разрушения шло быстро: сырой климат, влияние растительности и пожаров, которые зачастую были результатами поджогов, производимых среди развалин с целью сделать

Метлакскій віадукъ на желѣзной дорогѣ между Кордовою и Оризабою.

прогалины в чаще; кроме того, алчность изыскателей, желавших обогатить музеи или свои личные коллекции, или дурная привычка невежественных людей уносить на память какой-нибудь камешек, и, наконец, глупое пристрастие к разрушению, проявляющееся как у ту-

земцев, так и у иностранцев,—всё это, вместе взятое, способствовало исчезновению значительной части памятников. Самый большой из них, названный *palacio*, вероятно, действительно некогда был «дворцом» или по крайней мере монастырем, но не храмом, потому что он состоит из множества комнат, отделении и корридоров. Подобно всем другим зданиям, он возвышается на высоком пьедестале, в виде усеченной пирамиды. Один из его фасадов представляет ряд столбов, поддерживающих архитрав не по отвесу, что производит очень оригинальное впечатление; стены покрыты скульптурными украшениями. Другое Паленкское здание заключало в себе знаменитый «греческий крест», символ «бога сырого воздуха», «древо жизни» или «плодородия», подавший повод к нескончаемым спорам между археологами; наконец, в этом же храме находится одна статуя, которая своею высокою тиарою и перевязями очень напоминает египетскую фигуру.

К юго-западу от Паленке, приблизительно на полдороге от этого городка до столицы Чиапаса, Сан-Кристобаля, в высокой долине, по которой протекает западный приток Усумасинты, группируются домики местечка Окосинго, именем которого называют также древний город, расположенный в 8 километрах восточнее; индейцы называют этот город Тонила, т.е. «Каменные Дома», и, говорят,—но без достаточных оснований,— что это древняя Тулха, столица южных толтеков. В разрушенном городе Окосинго находится одно изваяние из цемента, которое поразило путешественников Стефенса, Катервуда и Брассера-де-Бурбурга своим совершенно египетским видом; это большой шар, снабженный громадными крыльями, распростертыми над порталом дворца. Во всей области, отделяющей Окосинго от Паленке, возвышаются на горах и холмах могильные курганы; по словам местных жителей, в горах Тумбала, между двумя местечками, и ещё южнее, у Сан-Кристобаля и Комитана, находится ещё несколько великолепных зданий[1].

Недавно один из этих неизвестных городов страны лакандонов был открыт на левом берегу Усумасинты, в таком месте, где часто бывали во время своих поездок гватемальские и кампешские купцы; но об этом городе они давали лишь весьма смутные сведения. Это развалины Менче, описанные в первый раз Суарецем в 1868 году, а затем в 1881 г. их посетил Рокстро, а в 1882 г.—Моделей и Шарнэ: этот последний путешественник дал древнему городу название Лорильярд, в честь американского мецената его экспедиции. Место, занимаемое разрушенным городом, находится на мысе, окруженном рекой, ниже впадения Окосинго и выше порогов, идущих до Теносикве. Кучи камней, возвышающиеся на берегу, походят на каменные устои обрушившагося моста, но это не что иное, как остатки стены, поддерживавшей основание целого амфитеатра домов и храмов; до самой вершины откосы высечены ступенями или обложены каменною обшивкою, теперь уже потрескавшеюся и поросшею большими деревьями, которые выросли прямо из трещин; строительные материалы здесь совершенно такие же, как и в Паленке[2]. Главный фасад храма отчасти скрыт под переплетающимися ветвями: это здание, в три неполных этажа, сохранило ещё следы покрывавших его некогда штукатурки и живописи; верхний этаж разделен на правильные небольшие камерки, из которых каждая была украшена скульптурою. Одна из притолок изображает двух лиц, несущих «латинские кресты», а на дворе виднеется идол со скрещенными ногами, с руками, лежащими на камнях, и с огромным головным убором, изображающим диадему из драгоценных камней и перьев: это изображение, спокойное и важное, единственное во всём Новом Свете, которое своею внешностью напоминает Будду крайнего Востока; по бокам идола стоят горшки со смолистым веществом, которое, вероятно, как фимиам, ещё недавно лакандоны воскуряли в честь своего бога.

Небольшое местечко Теносике, лежащее ниже порогов, при входе в равнины, деревня Баланкан, рынок Пализада, на речном рукаве того же названия,—главные поселения на нижнем течении Усумасинты; единственный город этой части дельты, Кармен, расположен

1 Brasseur de Bourbourg, „Recherches sur les Ruines de Palenque";—D. Charnay, „Cites et Ruines americaines".

2 Desire Charnay, „Anciennes villes de Nouveau Monde";—A. P. Maudslay, цитирован. сочинение.

уже вне речной области, на проливе, соединяющем лагуну Терминос с морем; порт известен морякам также под названием Лагуна. Кармен, построенный близ основания полуострова Юкатана, в штате Кампеш, занял место его главного города как порт, откуда вывозят красильное дерево, которое, впрочем, теперь становится уже редкостью; кроме того, он ведет небольшую каботажную торговлю с прибрежными деревнями лагун и дельты; но он может жить только подвозом продуктов извне, так как его остров представляет собою лишь длинный пляж, негодный для культуры.

Ценность торгового обмена в Кармене в течение фискального 1885—1886 г.: 5.500.000 франков; движение судоходства в 1886 г.: 289 парусных судов, вместимостью в 78.086 тонн.

Местечко Чампотон, находящееся на северо-востоке, в том месте, где берег начинает принимать северное направление, утратило свое прежнее значение; но оно имеет имя в истории: здесь, в 1517 г., произошло первое столкновение между испанскими солдатами и туземцами, и нападающие вынуждены были очень скоро сесть обратно на суда,—отсюда и произошло название Мала-Пелеа или «Mal Estrif», которым некогда обозначали эту бухту на морских картах[1]. В следующем году Грихальва отомстил, но с большими потерями, за неудачу своего предшественника. Кое-какие развалины древних майяских сооружений рассеяны по окрестным холмам. С другой стороны пролива, на твердой земле, в эпоху завоевания находилось индейское местечко Хиколанго, или «Город Тыкв», где сосредоточивалась в то время торговля лагуны и дельты: по мнению Шарансе, это город Хибальба древних майяских летописей.

Кампеш (Кампече по-испански), живописный город, с неправильными улицами и разнообразными домами, осененными кокосовыми деревьями, окружен валами, основания которых омываются водами; над городом господствуют небольшие холмы, с находящимися на них фортами. Это—один из самых красивых городов Мексики, но он уже не имеет ныне того относительно важного значения, какое имел в эпоху торговой монополии. Под испанским владычеством Кампеш, вместе с Вера-Круцем и Сан-Жуаном-де Никарагуа, был, на восточном берегу, к северу от Дариенского перешейка, одним из трех городов, открытых для испанской торговли, и эта привилегия обеспечивала ему значительные сношения с внутренней страной. В то время Кампеш был не только складочным местом для всего Юкатана, но служил также портом для торговли Табаско, Чиапаса и даже Гватемалы; по Усумасинте ходили вереницами барки с товарами. В настоящее время все эти области имеют свои прямые торговые пути, и даже в самом Юкатане, Мерида отправляет все свои товары через ближайшие прибрежные пункты, в том числе и «кампешское дерево», пригоняемое по рекам и лагунам, а отправляемое более удобным путем через порт Кармен. Если бы Кампеш обладал настоящим портом, он сосредоточивал бы в себе по крайней мере большую часть торговли полуострова, но его рейд, с очень пологим дном, вполне открыт страшным северным ветрам; мол, выступающий в открытое море, не доходит до той глубины, где бы во всякое время могли приставать нагруженные барки, и только на расстоянии 8 километров от неё могут бросать свой якорь суда 4-х-метровой осадки. Кокосовые орехи, отчасти лес, сахар, кожа и соль служат предметами незначительной торговли Кампеша; в 1864 г., один морской разбойник, по имени Гранмон, овладев врасплох городом, устроил здесь, из чувства тщеславия, колоссальную иллюминацию, во время которой сжег на миллион слишком красильных дерев[2].

Движение судоходства в порте Кампеш в 1886 г.: 79 судов, вместимостью в 66.669 тонн, из которых 38 пароходов, вместимостью в 56.151 тонну; обороты внешней торговли: 686.000 франков.

Под домами, в известковом грунте, тянется целый лабиринт галлерей: там не видно никаких следов человеческого пребывания, и полагают, что это были подземные кладбища[3]. В окрестностях города, в тени лесов, рассеяны дачи. Железная дорога соединяет Кампеш с

1 Bernal Diaz del Castillo, „Conquete de la Nouvelle-Espagne“.

2 A. Morelet, цитированное сочинение.

3 Norman, „Rambles in Jucatan“.

Лермой, небольшим рыбачьим местечком и купальным курортом, расположенным на 6 километров южнее; более значительная железнодорожная линия направляется на северо-запад через низкий кустарник, к Мериде.

При взгляде на большую карту Юкатана, невольно поражаешься пустынностью его морского побережья, где населенные места, даже деревни и поселки, не говоря уже о городах, встречаются очень редко. Незначительная населенность прибрежного пояса объясняется отчасти отсутствием надежного пристанища на берегах и обилием прибрежных болот, а отчасти и набегами морских разбойников, которым береговые жители подвергались в течение двух последних веков[1]. Английские пираты, высаживаясь неожиданно в какой-нибудь береговой бухточке, проникали далее внутрь страны, убивали по дороге мужчин, похищали женщин и предавали города и деревни грабежу и пожарам. В настоящее время этих вторжений опасаться нечего, но ещё никакой специальный промысел, никакое естественное богатство не могли привлечь в этот относительно пустынный край эмигрантов изнутри страны, и только около Мериды, т.е. в той области, которая была наиболее населена ещё во времена завоевания, жители скучились более плотною массою.

Мерида, столица штата Юкатана и прежний главный город всего полуострова, построен на месте древнего Хо или Ти-хоо, т.е. «Города» по преимуществу: название Мерида, данное ему завоевателями, обязано своим происхождением, как говорит Бьенвенеда, многочисленным памятникам, которые возвышались в индейском городе, как в столице иберийской Эстремадуры. Большая часть этих зданий состояла из пирамидальных построек, на верхних террасах которых помещались храмы или дворцы: все они были разрушены, и камни их пошли на постройку нынешних домов, украшенных всюду древнею скульптурою, вделанною прямо в стены. Остатки пирамид попадаются только за городом: одна из них, на которой недавно находился францисканский монастырь, с его пристройками и фруктовыми садами, представляет площадь приблизительно в два гектара: её живописные развалины образуют нечто в роде крепости. Согласно старинному майяскому обычаю, некоторые из городских улиц ещё обозначены на концах скульптурным изображением какого-нибудь символического животного, которому посвящается улица, как, например, фламинго или ястреба[2]. Белые дома, с террасами и мавританскими дворами, походят на дома в Андалузии; но в предместьях, где жилые постройки окружены лесами и садами, они строятся ещё в майяском стиле: это каменные или плетеные из бамбука домики, стоящие на цоколе, высотой в пол-метра над панелью улицы и имеющие только один вход[3]. В центральной части города существует ещё «дворец» с гербом, построенный по приказанию Монтехо, основателя испанского города в 1542 г. В небольшом музее находятся кое-какие археологические достопримечательности. Мерида считается одним из литературных центров Мексиканской республики.

Мерида, обогащающаяся главным образом продажею генекена, или волокон агавы, которых ежегодно вывозится отсюда от сорока до шестидесяти тысяч тонн, сделалась центром, где сходятся несколько линий железных дорог, которые постепенно покроют своею сетью весь полуостров, и сооружение которых ведется самими юкатанцами, без содействия иностранных капиталов; однако, в настоящее время город соединен ещё только шоссейною дорогою со своим старинным портом, небольшим городком Сисаль, расположенным около северо-западного угла Юкатана. Этой-то гавани, из которой вывозят генекен, это растение и обязано своим английским названием *Сисаль-хемп*, или «конопля из Сисаля», под которым она и известна в торговле. Цена этого продукта, поддерживаемая монополией северо-американской компании, увеличилась в шесть раз с половины этого столетия. Рейд Сисаля, впрочем, опасный вследствие северных шквалов, был с 1871 г. покинут, и морская пристань Мериды основалась на север от этого города, в расстоянии от него около 36 километров, куда теперь проложена железная дорога, проходящая по плотине над береговой лагуной. Новый

1 C. Carillo y Ancora, „Boletin de la Sociedad de Geografia la Republica Mexicana“. 1878 г.

2 Frederick Ober, „Travels in Mexico“.

3 Brasseur de Bourbourg, „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“. Том I.

город, построенный на месте индейской деревни Туксулу и справедливо получивший имя Прогрессо, имеет, впрочем, перед Сисалем только то преимущество, что расположен сравнительно ближе; в качестве же якорной стоянки судов он не лучше Сисаля: большие суда

Индѣйцы племени текпанъ, въ Гватемалѣ.

должны останавливаться в открытом море, на расстоянии 5—9 километров от берега, и только баркасы с небольшою осадкою могут подходить к пляжу. Рейд настолько неудобен и так открыт для шквалов, что суда каждую минуту должны быть наготове к отплытию в открытое

море: ежедневно, после одиннадцати часов, всякия сношения судов с берегом становятся почти невозможными, вследствие сильного волнения, производимого ветром, дующим с залива. Тем не менее, торговля Прогрессо очень значительна, и в гавани его всегда стоит целый ряд пароходов.

Движение заграничного судоходства в Прогрессо в 1886 г.: пароходов—392, вместимостью в 552.450 тонн; парусных судов— 243, вместимостью в 30.970 тонн; всего судов 635, вместимостью в 583.420 тонн.

Обороты внешней торговли в Прогрессо в 1886 г.: 14.725.000 франков.

Возрастающее значение Мериды отразилось на её порте, из которого теперь вывозят не только волокна агавы, соль и красильное дерево, но и другие товары. Равнина, лежащая вокруг Мериды, совершенно голая, но каждая деревня окружена настоящим оазисом больших деревьев; даже во Франции немного найдется таких селений, которые по замечательной чистоте и благоустройству могли бы сравниться с деревнями Мериды. Лучшие дачи меридских купцов сгруппированы на восточной стороне города, около деревни Тиксокоб, известной знаменитою битвой 1541 г. между испанцами и соединенными силами маяйского народа. Местный промысел главным образом заключается в плетении гамаков, которые вывозятся преимущественно в Соединенные Штаты.

В 80 километрах к востоку от Мериды, считая извилины дороги, около границы населенных областей, стоит город Изамаль, названный так по имени Ицматула или Иценматула, «Бога, дающего росу». Это—древняя столица, которая, впрочем, была совершенно разрушена во времена испанского завоевания, сохранив лишь за собою роль религиозной метрополии: пилигримы стекались сюда со всех сторон по четырем дорогам, идущим с севера, юга, востока и запада. Над городом некогда возвышались двенадцать пирамидальных или конических монументов, на которых красовались храмы или дворцы, теперь же от них остались лишь бесформенные холмики, торчащие над густою зеленью садов[1]. Шарнэ открыл там стенную живопись, которая знакомит нас с декоративною системою майя. Как это обыкновенно бывает со всеми священными городами, Изамаль обратился в ярмарочный город, благодаря массовому стечению пилигримов; священников сменили торговцы. Между Изамалем и Меридой уцелели самые лучшие остатки старинных мощеных дорог, которые археологами сравниваются с Аппиевой дорогой. Юкатеки сами разрушили их, чтобы остановить движение испанских завоевателей; с тех пор дело разрушения их шло очень быстро, так как материал этот стали употреблять на постройку зданий, на ограды полей и настилку новых дорог. Возвышаясь над равниной, иногда затопляемой дождями, эти дороги имеют слегка выпуклую форму и окаймлены тротуарами; цемент, покрывающий мостовую, образует кору, почти в 40 сантиметров толщины, и такую твердую, что под ней можно рыть на большую глубину, как под твердым слоем плотной скалы. По словам Ланда, этот цемент состоит из извести, смоченной настоем коры одного дерева: состав этот теперь неизвестен более туземцам.

В этой области попадается масса развалин. Одною из самых замечательных считается пирамида Аке, находящаяся почти на половине пути между Меридой и Изамалем: это одно из самых древних юкатекских сооружений, судя по поддерживающим его столбам, которые состоят из огромных неотесанных камней, положенных один на другой без всякого скрепления цементом; по внешнему виду своему эта развалина вполне напоминает собою циклопическую постройку. На 30 километров южнее Мериды находится Майяпан,—майяский «штандарт»,—бывший долгое время столицей, как свидетельствует об этом самое его название; в нём тоже сохранились кое-какие остатки храмов, между прочим, один павильон конической формы, покрытый агавой и другими растениями; кроме того, виднеются ещё развалины одной каменной ограды, около 5 километров протяжения. После разрушения Майяпана в XV-м столетии, резиденция майяских правителей была перенесена южнее, в город Мани, который, в свою очередь, был тоже разрушен испанцами, а в 1550 г., как говорят, в нём, по приказанию епископа Ланда, было произведено ауто-да-фе юкатекских рукописей.

1 Brasseur de Bourbourg, цитированное сочинение.

Скромная деревня, в которую обратилась столица, была, в воспоминание её прежнего величия, долгое время известна под названием «Корона Реаль».

Самые многочисленные майяские памятники находятся на юго-западе и на юге Мериды, расположенные вдоль небольшой цепи известковых холмов, идущих с юго-востока на северо-запад по направлению к углу Юкатана. Самою замечательною местностью в этой группе по богатству своих построек считается Уксмаль, или «Былые Времена», расположенный у северо-западной оконечности этого ряда возвышенностей, над подземными колодцами пресной воды. Одним из таких зданий является так называемый «дом Губернатора»,—сохранившийся лучше прочих майяских дворцов; своим четырехсторонним, узким и длинным фасадом он может служить типом многих других развалин Юкатана: внутреннее его устройство состоит из двойного ряда аппартаментов, которые разделены корридорами с наклонными стенами; здание покрыто горизонтальною кровлею. Верхний этаж очень богато украшен в греческом стиле полумесяцами, ромбами и другими всевозможными орнаментами, свидетельствующими о тонком вкусе строителей; одно из наружных украшений было признано некоторыми археологами за изображение слонового хобота. Другой из наиболее значительных дворцов, «Дом монахинь», отделан ещё роскошнее: ни в каких других разрушенных монументах Юкатана нельзя найти такого разнообразного и удачного сочетания орнаментов. Целая масса нагроможденных камней, насыпей и пирамид, обратившихся в лесистые холмы, попадается по пути между Уксмалем, Тикулем, Текаксом и по обоим склонам возвышенной цепи, тянущейся к юго-востоку, а именно в Нохпате, Сакбе, Кабахе, Санакте, Лабне и Цайи. Развалины этой последней деревни считаются одними из самых больших в Юкатане, и туземцы даже не осмеливаются приближаться к ним; они говорят, что по временам между камнями раздается таинственная музыка[1]. К югу от цепи холмов развалины рассеяны до основанного недавно города Итурбиде, лежащего на границе между культурным Юкатаном и землями, населенными дикими индейцами. Несомненно, что и дальше, около Гватемалы, археологи откроют другие памятники местопребывания майяских населений.

В восточной части Юкатана главный город, прежде называвшийся Заси, или «Белая Глина», соединенный железной дорогой с Мередой, носит испанское название Вальядолид. Он расположен в центре довольно плодородной культивированной области, отличающейся здоровым климатом, вследствие чего сюда часто посылают из Кампеша и Мериды чахоточных больных; но, подобно многим другим городам Юкатана, он более интересен своими окрестными развалинами, чем новейшими постройками, и к тому же, как пограничный город, он был почти совсем обезлюден во время войны против возмутившихся майя: его бумажные фабрики более не существуют[2]. Древний Чичен-Ица, где имели резиденцию правители из рода Ица, расположен в 32 километрах на запад от Вальядолида. Обратившись в простую деревню, он усеян развалинами, которые, во время завоевания, служили сначала индейцам, а затем и испанцам валами и крепостями. На пирамиду Чичен-Ица, ещё довольно хорошо сохранившуюся, ведет монументальная лестница, окаймленная деревьями и оканчивающаяся у основания двумя колоссальными головами змей с открытой пастью. Стефенс открыл в одном здании, названном им «гимназией», живопись, которую он признает «самым драгоценным туземным произведением искусства на всём континенте Америки»; но краски почти совсем стерлись от действия времени и посетителей. Одна из этих декораций изображала большое судно с поднятыми носом и кормой, снабженное рулем и палубой. В этом же городе, под целою грудою развалин, наваленных на 8 метров высоты, археолог Ле-Плонжон открыл прекраснейшую статую нахуатльской скульптуры, выставленную в настоящее время в музее города Мексико; статуя эта изображает короля Чак-Мооля, «Короля-Тигра», лежащего на спине и смотрящего вбок, в правую сторону: его голова, с правильными чертами лица, украшена повязками, по египетскому обычаю. Величественная простота этой статуи представляет странный контраст с слишком вычурными статуями других лиц,

1 Stephens;—Brasseur de Bourbourg;—Charnay;—Bancroft, и т. д.

2 Frederick A. Ober, цитированное сочинение.

встречающимися во многих храмах Мексики, Табаско и Чиапаса. Сенот, от которого Чичен-Ица и получил свое название, означающее «Устье источников», имеет зловещий вид: это широкий колодец, около 150 метров в окружности, стены которого окружены круглыми валами, образовавшимися из выступающих слоев; вода его, зеленая и глубокая, находящаяся на глубине 20 метров от утеса, отражает склонившиеся над берегом деревья и фестоны висячих лиан. Ещё в 1560 г. туда бросали в жертву богам живых людей[1].

К северо-востоку от Вальядолида, в округе Тизимин, изобилующем хлопком, тоже встречается много развалин: из них особенно замечательны по своей стенной живописи развалины Эк-Балам, или «Черного Тигра», открытые Шарнэ. На восточном берегу попадается много древних памятников на мысах: на мысе Каточе целый город покрыт низким кустарником[2]; далее на юг следуют Эльмеко и Канкун, против острова Мухерес, Паалмуль, Памаль на берегах пролива, отделяющего остров Козумель от материка, и Тулум, лежащий ещё южнее, на вершине одного утеса. Этот последний был, кажется, могущественной столицей: со стороны материка он был защищен от врагов тремя сторонами каменной стены, ещё и до сих пор совершенно крепкой; стоящие по бокам этого вала башни, тоже хорошо сохранившиеся, по всей вероятности,—те самые, о которых говорят первые мореплаватели. Архитектура Тулумских здании имеет особый характер, что заставляет предполагать о смешении цивилизаций в этой отдаленной части страны майя. Некоторые из местных храмов поражают своими крошечными размерами: двери в них дотого узки и малы, что человеку с трудом можно протискаться в них, и Ле-Плонжон говорит, что эти здания, должно быть, были «построены для карликов». Часть побережья, где находится Тулум, принадлежит теперь свободным индейцам, и в этом округе воздвигнут «священный крест», перед которым они собираются, чтобы услышать «глас Божий», исходящий из камня, обставляя эту церемонию большим торжеством; согласно указанию этого «голоса», происходит назначение начальников, объявление мира или войны, осуждение или оправдание преступников. Когда один католический священник дерзнул проникнуть в страну, его привели к этому кресту, по гласу которого он и был предан смерти[3].

Что касается острова Мухерес, одной из земель, опоясывающих северо-восточный угол Юкатанского полуострова, то он остался, подобно другим островам, во власти мексиканских юкатеков. Само его название, «остров Женщин», свидетельствует о той национальной роли, которую он играл в религии майя: к его храму собирались целыми толпами, чтобы поклониться женским божествам Юкатана[4]. В настоящее время он населен несколькими сотнями рыбаков—негров и метисов,—которые ведут непосредственно торговлю с Гаванной. Большой остров Козумель, лежащий южнее, в двадцати километрах от берега, тоже был очень оживленным местом, куда массами стекались богомольцы: это древний Ахкузамил, или остров «Ласточек», в храме которого действительно находилось изображение одного бога с ногами ласточки. Остров, покрытый растительностью, ещё не был исследован; однако, там поселились испанцы ещё до завоевания Юкатана, и построили церковь, развалины которой существуют ещё до сих пор: исследователи, открывшие её в кустарнике и нашедшие в ней алтарь и крест, полагали, что имеют перед собою остатки христианской цивилизации, предшествовавшей эпохе завоевания. На острове существуют ещё кое-какие следы мощеной дороги, которая пересекает остров с севера на юг; её перерезывают несколько других дорог. Во время разграбления Вальядолида индейцами из Санта-Круц, этот остров был снова колонизован беглецами, которые основали там две деревни и занялись возделыванием маиса и хлопчатника на распаханной ими же земле.

Южная часть морского берега, от Тулума до бухты Четумал, населена слабо, и её редкие жители все до одного индейцы, ещё не смешавшиеся с испанцами и вполне сохранившие

1 Desire Charnay, „Anciennes villes du Nouveau Monde“.
2 Norman, „Rambles in Jucatan“.
3 William Miller, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Январь 1889 г.
4 Brasseur de Bourbourg, „Archives Scientifiques du Mexique“, Том II.

свой язык, нравы и действительную независимость: «Южная линия», т.е. цепь укрепленных постов, идущая около 20-го градуса широты через Пето, Иксмуль и Тихосуко, ограничивает на севере территорию кочевки свободных майя. Прежде они часто переходили эту линию и опустошали страну до Вальядолида и Текакса: говорят даже, что они убили в этом городе ударами манжеты[1] более двух тысяч человек. В настоящее время промежуточная «мархия» разделяет покоренных юкатеков от их независимых собратьев, и эти последние не осмеливаются её перейти. Во время жестокой войны, не так давно свирепствовавшей между испанцами и майя, совершались всевозможные злодейства. Мексиканцы продавали своих пленни-

Пулькеро.

ков гаванским плантаторам, беря за каждого от 2.500 до 3.000 франков, не в качестве рабов, а как «заложников, отданных на десятилетний срок», что означало, хотя и под другим названием, то же самое рабство[2]. С другой стороны инсургенты оставляли пленных у себя, чтобы утилизировать их в качестве быков во время боя на арене. Несмотря на всю свою жестокость, майя, имевшие большую склонность к музыке, щадили, говорят, тех пленников, которые умели играть на каком-нибудь инструменте, и охраняли их, как своих увеселителей во время праздников. Одна из их деревень населена объиспанившимися майя. Беглецы из цивилизованных областей приходят иногда к ним просить убежища, и майя всегда радушно

1 Таким выражением жители Гаити офранцузили испанское слово machete, означающее род сабли, посредством которой в тропической Америке расчищают кустарник.

2 Desire Charnay, „Ruines et Cites americains“.

принимают их.

Этих майя называют обыкновенно варварами, а между тем они не меньше цивилизованы, чем другие; они таким же способом обрабатывают свои поля и так же содержат свои дороги; они выделывают свои собственные «манжеты», в форме широкой сабли из железа, которое они вывозят из Белиза; из этого же английского города они выписывают для себя ружья. Хотя по большей части довольно тщедушные на вид, майя являются недурными воинами; движения у них отличаются точностью и оружие всегда в исправности. Никто из них не умеет ни читать, ни писать, а обряды католической религии совсем забыты ими; однако они строят хижины, которым дают название церквей, и которые служат каравансараями для путешественников: по дорогам там и сям можно встретить водруженные кресты. Их кацик занимает в то же время и сан верховного жреца, властвуя, по праву сильного, до тех пор, пока другой начальник не приобретет достаточного количества приверженцев, чтобы, с помощью их, отнять у него власть.

Городок Санта-Круц, построенный на равнине, к западу от бухты Асенсион, представляет собою их главный город, где в 1871 году они мужественно защищались против посланного против них из Мериды войска. Ещё недавно этот городок был известен под названием Чан, или «Маленький» Санта-Круц; в настоящее время это название сохраняется за одним разрушенным городом, расположенным гораздо южнее. Бакалар или, скорее, Бахалал, что означает «Тростниковый Палисадник», лежит на болотистом берегу одного озера, которое имеет выход в бухту Четумал; некогда он был испанской колонией, основанной в 1511 г. под названием Саламанка. Разрушенный пиратами в 1633 г., он был возстановлен в 1730 г. и заново укреплен; ещё недавно он вел довольно оживленную торговлю с английским городом Белиз; но взбунтовавшиеся индейцы захватили его и истребили всё население. Теперь это не больше, как остов прежнего города[1]: древняя церковь наполнена черепами. Военный пост майя основан за чертой старого города.

Главные и исторические города Восточной Мексики, с их муниципальным населением в 1877 г.:

Штат Чиапас: Тукстла-Гутиеррец—21.995, Сан-Кристобаль-Лас-Казас— 12.580, Чиапа—12.460, Комитан—10.250, Симоховель—9.900, Паленке—9.875. Тонала—6.620, Тапачула (Соконуско)—4.710 жителей.

Штат Табаско: Сан-Жуан-Баутиста (1895 г.)—27.000, Комалкалко—8.280, Гуимангильо—7.450, Теапа—6.075, Фронтера (Гвадалупе)—2.160 жителей.

Штат Кампеш: Кампеш (1895 г.)—17.000, Кармен—7.390, Калкини—4.200, Чампотон—1.650 жителей.

Штат Юкатан: Мерида (собственно город, в 1895 г.)—37.000, Изамаль—25.610, Вальядолид—18.475, Тиксокоб—17.760, Эспита—11.620, Прогрессо (1895 г.)—5.000 жителей.

IV. Общая статистика Мексиканских Соединенных Штатов

Население Мексики далеко не увеличилось в той же пропорции, как в большинстве других американских стран; кровопролитная война за независимость, продолжавшаяся два года, военные смуты, местные революции, разжигаемые личным честолюбием, но происходившие, собственно говоря, от кастовой и расовой ненависти, крайняя бедность крестьян, которым не хватает земли, хищнические набеги диких индейцев, апачей, команчей и майя на северной и южной границах, наконец, две внешния войны, одна с Соединенными Штатами, другая с Францией,—всё это значительно уменьшило нормальный процент прироста народонаселения; тем не менее численность мексиканцев увеличилась более, чем вдвое с начала этого столетия. В 1808 г. Гумбольдт, на основании тщательного изучения статистических данных, имевшихся в главном управлении Новой Испании, определил всё население в

1 William Miller, цитированное сочинение.

5.837.100 человек, из которых 5.767.000 приходилось на ту часть территории, которая составляет нынешнюю Мексику. В 1888 г., т.е. восемьдесят лет спустя после Гумбольдта, перепись, произведенная в Мексиканской республике, определила население в 11.395.712 человек, а по последней всенародной переписи, произведенной 20 октября 1895 г., оказалось 12.619.959 жителей. Конечно, в сравнении с европейскими государствами, особенно с промышленными округами Западной Европы, Мексика населена ещё очень слабо; тем не менее её следует причислить к тем странам Нового Света, где население относительно наиболее плотное, и поставить её тотчас же вслед за Соединенными Штатами.

Сравнительная плотность населения в 1890 г.: вся Америка—41.830.000 кв. кил., 122.000.000 жит., 3 чел. на кв. кил.; Англо-Саксон. Соед. Штаты—9.331.360 кв. кил., 63.500.000 жит., 6,8 чел. на кв. кил.; Мексиканские Соед. Штаты—1.987.063 кв. кил., 11.600.000 жит., 5,8 чел. на кв. кил.

Центральная часть республики, от Пуэблы до Гвадалахары и от Сан-Луис-Потози до Морелоса, представляет собою, как известно, самую населенную область, благодаря климату и относительно удобным путям сообщения. В то время, как в большинстве случаев равнины населены всегда плотнее возвышенностей, в Мексике наблюдается как раз обратное явление.

Иммиграция, имевшая такое важное экономическое значение для Соединенных Штатов, Канады и Аргентины, здесь, в Мексике, довольно слабо отразилась на росте населения и на его экономическом положении. Не трудно понять, почему эмигранты Старого Света довольно вяло наводняют Мексику. В этой стране незанятыми остались только бесплодные северные равнины, ещё недавно подвергавшиеся набегам диких индейцев, и лесные южные области, большею частью затопляемые и крайне вредные для белого человека по своему климату: в Чигуагуа, также как и в Табаско, европейские труженики могут надеяться на успех разве только в исключительных случаях. А в тех областях, где земля уже разделена, и подавно немыслима никакая конкурренция: европейские эмигранты во всяком случае дешево свой труд не могут ценить; где же им конкуррировать с чистокровными индейцами или метисами, которые довольствуются самой ничтожной платой, а зачастую работают даже совсем почти задаром, в качестве настоящих крепостных, подавленных тяжестью долгов. В Мексиканской территории, разделенной на большие поместья, почти уже не находится места для мелких земледельцев, которые в других странах составляют армию иммигрантов; различные попытки правительства и частных лиц заселить земли иностранными работниками, итальянцами или другими,—за редкими исключениями, к которым принадлежит французская колония Хикалтепек,—не имели никакого успеха, так что колонисты рассеивались, предоставляя свое место мексиканцам. В 1888 году все в совокупности двадцать «колоний» Мексики насчитывали 6.319 жителей, из которых 1.411 были туземцы. Недавно образовалась одна американская компания, задавшаяся целью учредить в южных штатах негритянские колонии. С другой стороны, китайские капиталисты предполагают создать там колонии своих соотечественников.

Но если земледелие не в состоянии привлечь в Мексику массы эмигрантов, зато промышленность и торговля усиливают из года в год наплыв иностранцев. Постройка железных дорог, телеграфов и заводов привлекла в Мексику целые тысячи северо-американцев—механиков, инженеров и ремесленников; из Италии стекаются простые рабочие и торговцы подержанными вещами, а общность языка облегчает водворение испанцев в этой стране, которую открыли их предки. В конце 1887 года количество «Полуостровитян» (т.е. испанцев с Пиренейского полуострова), занесенных в консульские книги, превосходило 9.500 человек, из которых более 7.500 было мужчин и около 2.000 женщин; но действительное количество их гораздо большее, так как эмигранты, особенно женщины, не считают за нужное являться к консулу, или просто желают избежать унижения быть причисленными к гачупиносам, против которых ещё сохранился остаток национального предразсудка. После испанцев, в Мексике больше всего французов и итальянцев.

Подобно другим странам, где замечалось быстрое увеличение населения, здесь также земледелие и промышленность возросли ещё в гораздо больших пропорциях. Главное хлебное растение, возделываемое во всём умеренном поясе и даже на плоскогорьях у испано-мексиканцев, как и у прежних ацтеков,—кукуруза; излюбленное местное кушанье, над приготовлением которого ежедневно занимаются более миллиона женщин, составляют и до сих пор ещё молочные блины из маисовой муки или, как их называют, *тортилья*; ежегодная ценность сбора кукурузы достигает, в среднем, 550—600 миллионов франков. Пшеница, которую сеют в «холодной земле», на-ряду с кукурузой, имеет гораздо меньшее значение в хозяйстве страны, и сбор её не превышает четырех миллионов гектолитров. Производство ячменя ещё меньше, а рис сеется только в низких областях, вместе с маниоком, на обоих склонах, обращенных к Великому и Атлантическому океанам. *Фрижолесы*, или фасоль, тоже служит пищевым продуктом у большинства мексиканцев, и ежегодно их собирают, вместе с горохом, бобами и чечевицей, на сумму свыше 50 миллионов франков. Картофель очень мало ценится на своей родине, и после маиса и фасоли мексиканцы всего старательнее разводят азиатское растение бананы. В самых теплых местах умеренных земель один пучек бананов, в четыре или пять стеблей, дает в среднем от 15 до 18 стеблей, т.е. приблизительно 620—720 плодов; а двенадцать бананов в день совершенно достаточно, чтобы насытить человека: для пропитания туземца вполне хватает пространства земли в 15 квадратных метров, если оно засеяно бананами, тогда как для того, чтобы получить такой же результат от посева пшеницы, требуется площадь по крайней мере в 120 квадратных метров[1]. Каких только плодов нет у мексиканца на столе! Там можно сразу найти все продукты тропического и умеренного поясов: апельсины и кокосовые орехи, виноград и чиримойа. Трудно встретить ещё где-либо на свете такие разнообразные фруктовые рынки, как в Мексико и в других городах плоскогорья.

Обычный напиток мексиканцев приготовляется не из винограда, который, впрочем, произрастает с удивительным успехом в различных частях Мексики, особенно в Чигуагуа и в других северных штатах, от Закатекаса, до американской границы; действительно, производство вина, уже в 1878 году исчисленное в 47.000 гектолитров, год от году увеличивается, но вино является ещё здесь предметом роскоши. Национальный напиток приготовляется из растения магейи, или *agave americana*, которой земледельцы знают до тридцати разновидностей. Магейю разводят на высоких склонах умеренных земель и в холодных землях, главным же образом на песчаной и легкой почве плоскогорья, на высоте между 1.800 и 2.100 метров; магейевые поля занимают целые тысячи квадратных километров между Тлакскалой, Пачукой и Мексико. *Пулькеро* добывает магейевое вино, отнимая посредством «кастрации» воспроизводительные органы растения в тот момент, когда оно находится во всей своей силе и когда древко начинает быстро вытягиваться в вышину. Сок, который служил бы для образования этого высокого канделябра, с его боковыми цветами, наполняет глубокую впадину, образовавшуюся после кастрации, из которой во всё время цветения выливают содержимое от двух до девяти раз в день, смотря по разновидности растения и по урожаю: иное растение дает в один сезон до 1.000 и даже до 2.000 килограммов соку, или *агвамиеля*, который можно уже пить, слегка разбавив его водою. Но обыкновенно этот напиток подвергают брожению, после чего он превращается в *пульке*, который тотчас же потребляют на месте, или большою скоростью отправляют в свежем виде на окрестные рынки. Большая железнодорожная линия, идущая от Оризабы до Мексико, и другие железные дороги плоскогорья имеют отдельные ежедневные поезда, нагруженные пульке, и таким образом этот напиток развозится целыми сотнями тонн. До сих пор не могли объяснить, почему мексиканские испанцы приняли арауканское название *пульке* для этого магейского напитка, который прежде был известен у мексиканцев под названием *октли*[2]. Натурально, ацтекская легенда приписывала открытие этого напитка одному принцу, за что король вознаградил его, отдав ему

1 J. W. Muller, „Reisen in Mexico“;—По А. Гумбольдту, разница в „питательной силе“ между почвой, засеваемой бананами, и хлебным полем, в три раза больше той, которую определил Мюллер.

2 Clavigero;—Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisees du Mexique“.

свою дочь.

На первых порах напиток пульке возбуждает у иностранцев отвращение, так как он пахнет тухлой говядиной, или старым сыром; но затем к нему обыкновенно очень скоро привыкают, и гигиенисты прославляют его полезные для желудка свойства: своими составными частями он очень близко подходит к кобыльему молоку, и из бродящих напитков Старого Света он больше всего напоминает киргизский кумыс[1]; если пульке пить в большом количестве, то он опьяняет, подобно вину, и говорят, что последствия такого опьянения весьма неприятны, так как оно возбуждает к придирчивости и буйству. Кроме пульке, из агавы приготовляют и другие напитки, как сладкие, так и кислые, слабые или крепкие, между прочим, также водку, известную под названием *мекскаль* и *теквила* (Mexican brandy). По статистике Эмилиано Бусто, в различных штатах Мексики приготовляется более семидесяти семи сортов спиртных напитков, не считая тех, которые привозятся из Соединенных Штатов и из Старого Света. Из ячменя приготовляют нечто вроде пива; плоды кактуса опунции, или «Берберийской смоковницы», идут на приготовление напитка *колонче*, который по внешнему виду похож на кровь; кроме того, водку выделывают из гуявы, ананасов, маиса, сахарного тростника, из пальмового сока и даже из мецкитового стручка. В Чиапасе и Табаско главным блюдом одновременно в качестве напитка и пищи служит род маисовой каши, называемой *позоле*. Ярочосы восточного берега употребляют в пищу также *чиче*, тягучее вещество, добываемое из молочного сока растения запоте (achras mammosa)[2].

Магейя, которую мексиканцы называют planta de las maravillas («чудесное растение»), подобно тому, как в других местах так называют кокосовое дерево, доставляет, кроме пульке и мекскалы, ещё и другие продукты; древним ацтекам она давала бумагу, а их потомству— род растительного клея, мыло и особенно свои волокна, из которых делают различные применения, смотря по разновидностям растения, употребляя их то на выделку щеток и веревок, то на нитки и ткани. Небольшие разновидности магейи, называемые *икстли* и *лечугилья* (avage heteracantha), значительно способствуют обогащению Сан-Луи-Потози и Валлеса, а оахакские запотеки вывозят всевозможные предметы, приготовленные из волокон *пита* (bromelia silvestris). *Генекен* (agave sisalensis) ещё более оказал услуг в этом смысле Юкатану, и как раз самые бесплодные области страны оказались, благодаря этому кактусу, наиболее доходными для их владельцев. Из волокон этого растения выделывают канаты, веревки и грубое полотно, которое, хотя и уступает в прочности пеньковому, но всё-таки имеет большой спрос в промышленности, особенно в Северной Америке: это генекен способствовал тому, что Юкатан в самое короткое время покрылся сетью железных дорог, огородился насыпями по морским берегам и обогатился быстрым приростом населения. В каждой гасиенде имеется своя паровая машина для резки кактусовых листьев и для очистки волокон.

Из предметов вывоза кошениль и индиго утратили здесь свое прежнее важное значение, вследствие конкуренции с одной стороны канариотской кошенили, а с другой гангеского индиго; к тому же эти красильные вещества заменяются теперь отчасти минеральными красками. Особенно упала торговля кошенилью. Ещё в 1870 г. из Оахаки, бывшей некогда центром этого производства, кошенили было вывезено пол-миллиона килограммов, тогда как в 1877 г. весь сбор её равнялся всего пятидесятой доле этого количества, и всюду расходы по производству превысили выручку: оттого нопал (cactus coccinifera), листья которого питали это насекомое, почти повсюду заменен другими растениями, в особенности кофейными деревьями[3]. В 1860 г. из Мексики было вывезено кошенили 1.000.000 килограммов, а в 1882 г. всего только 11.850 килограммов.

Но есть ещё другой сорт кошенили, который начинают теперь разводить: это *ахе* или *аксин* (llaveia axin), или «жирная кошениль», очень распространенная во всех низких и умеренных местностях Южной Мексики. Взрослые самки насекомого, сваренные в металличе-

1 „Archives de la Commission Scientifique du Mexique“

2 Lucien Biart, „La Terre Chaude“.

3 „Informes y documentos revativos a Comercio“, 1887, № 20.

ском сосуде, дают около 27 процентов (от своего веса) жира, аксина, который имеет консистенцию коровьего масла: это маслянистое вещество из всех известных до сих пор имеет наиболее высушивающее свойство. Юкатеки пользовались им прежде для окраски своих жилищ; северо-американцы тоже начинают вводить его в употребление. Каждое дерево, населенное ахе, может легко доставить от 10 до 12 килограммов насекомых, т.е. 3 килограмма жира[1].

Мексика поставляет на мировой рынок некоторую часть земледельческих продуктов, но ни один из предметов её вывоза не достиг такого развития, чтобы отвести ей одно из первых мест. Хлопок, которого особенно много собирают в северных штатах, пограничных с Северо-Американской республикой, и в штатах Герреро и Вера-Круц, идет большею частью на внутреннее потребление; сахарный тростник, введенный в Мексике Фернандом Кортесом и разводимый в южных штатах, в Морелосе, Пуэбле, Кампеше и Юкатане, почти исключительно удовлетворяет лишь местному потреблению; какао, произрастающее особенно успешно на нижних склонах гор Соконуско и даже внутри Чиапаса, растет в слишком редко населенных областях, чтобы ежегодный сбор его мог быть значительным. В качестве местного продукта и как предмет вывоза, более важное экономическое значение имеет кофе: в 1887 г., в Оахаке было уже 3 миллиона кофейных деревьев; кроме того, обширные кофейные плантации находятся в умеренных землях штата Вера-Круц, под изотермами 17—20° по стоградусному термометру; но более всего ценится уруапанский кофе из Мичоакана (средний годовой сбор кофе достигает 40 миллион. кило; вывоз в 1893 г. составлял 145.000 центнеров). Табак с берегов Папалоапама, с вулканического массива Тукстлы и с предгорий Табаско почти не уступает по аромату гаванскому; после республиканского восстания на о. Кубе в 1868 г., изгнанные оттуда плантаторы перенесли свою промышленность в Мексику. Ваниль также с успехом произростает в землях, одновременно теплых и сырых, какие находятся на первых подъемах почвы, у подошвы восточной Сиерра-Мадре, особенно в окрестностях Папантлы; прежде Мексика вывозила этот продукт в гораздо большем количестве, теперь же её в этом отношении значительно опередил небольшой французский остров Реюньон. Тутовые плантации, разведенные, как говорят, уже Фернандом Кортесом, долгое время не имели серьезного значения; но за последние годы шелководство стало быстро развиваться. Земледельцы делали попытки к разведению джута (corehorus capsularis) и рамии (boebmiria nivea).

Главные сельско-хозяйственные произведения Мексики в 1897 г.: рис—21.136 тонн; маис—42.951.684 гектолитров; пшеница—263.987 тонн; хлопок—32.915 тонн; сахар—65.803 тонн; патока—44.827 тонн; генекен—50.226 тонн; кофе—21.838 тонн; табак—8.956 тонн; кампешевое дерево—75.638 тонн; водка—5.474.450 гектолитров; ром—812.690 гектолитров.

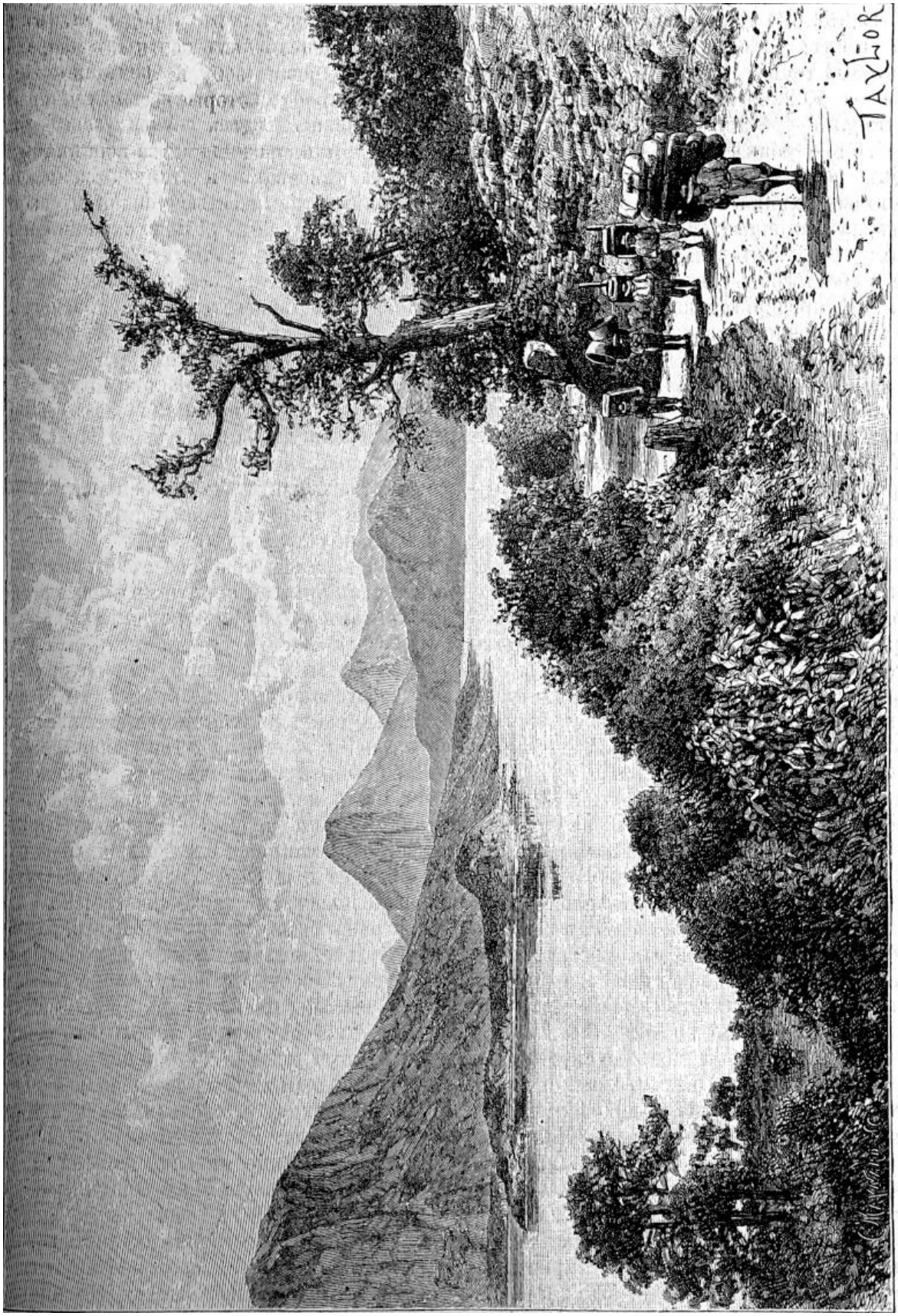
Лучшие виды хинного дерева отлично произростают на восточных склонах Оризабы и соседних гор, которые были уже почти совсем обезлесены, и повсюду в тех местах, где предприимчивые колонисты Чиапаса и Табаско насадили каучуковые деревья (castilloa elastica), чтобы положить предел истреблению лесов, производство значительно возросло.

Одним из важных промыслов в Мексиканской республике является скотоводство: в некоторых гасиендах относительно бесплодных северных областей и в сырых саваннах некоторых округов штатов Вера-Круц и Табаско, население состоит почти исключительно из *вакеросов*, которые имеют под своим наблюдением, каждый, целые сотни рогатого скота или от 8 до 10 *атахосов* (табунов), т.е. более 200 лошадей. В некоторых поместьях содержится до тридцати тысяч голов скота. Ценность мексиканского скота определилась в 1888 году в 400.000.000 франков.

Пастухи стад и табунов, по большей части индейцы и метисы, не походят на других мексиканцев: полу-дикари, умеющие одним ударом лассо останавливать дикую лошадь или опрокидывать быка, они настоящие центавры, которых романисты выводят в своих произведениях, прославляя их любовные похождения, битвы и геройские подвиги. Но поколения сменяются, а вместе с тем меняются и промыслы. В былые времена быки и лошади жили на

1 La Llave;—Signoret;—A. Duges;— R. Blanchard, и т. д.

свободе, подобно зубрам и бизонам, и вакеросы были скорей охотниками, чем пастухами: поймав дикое животное, они отмечали на его бедрах инициалы владетеля и оставляли его в саваннах до тех пор, пока не являлась надобность снова поймать его, чтобы зарезать или

Видъ съ озера Атитланъ.

продать покупателю. Даже совершенно одичавшие лошади, *мустанги* или *ладиносы*, жили в кустарниках, вдали от текущих вод, и летом, когда все болота высыхали, утоляли жажду

тем, что объедали лопаточки неколючих кактусов[1]. В настоящее время на многих мызах занимаются рациональным скотоводством, улучшая породы посредством скрещивания, особого корма и объезживания; кроме того, выписывают европейский, американский и даже азиатский скот, выращивают новые, небывалые там до сих пор породы: таким образом на мексиканских скотных дворах появились индийские зебу и филиппинские буйволы, или *карабао*, которые весьма удачно акклиматизировались здесь. Андалузские лошади, которые были введены здесь испанцами ещё в эпоху завоевания и отличаются высокими качествами—ретивостью, силой и выносливостью, также подверглись скрещиванью с другими породами. Таким образом, молодцоватые мексиканские всадники могут теперь гарцовать на действительно прекрасных, породистых конях и рисоваться своею посадкою, нарядным расшитым костюмом с золотыми шнурами и своей ловкостью в умении управлять лошадью или пускать её во всю прыть через скалы и рытвины. Мелкий скот, овцы и козы, менее ценятся скотоводами; но в некоторых штатах, особенно в Мексико и Халиско, многочисленные стада свиней пасутся на полях и в лесах.

Когда испанцы прибыли в страну со своими традиционными понятиями о собственности, они совсем не поняли общинного режима, существовавшего у туземцев: они смотрели на Монтезуму, как на императора, вроде их собственного, и полагали, что государственные сановники были его вассалами, получившими в ленное владение обширные поместья. Они думали, что им достаточно занять место мексиканских государей, и Фернанд Кортес первый дал тому пример, захватив обширные владения, каковы округ Куернавака и ла-Валле, или «долина Оахаки», с находившимся там населением. Почти вся страна была таким образом разделена между завоевателями, и жители, которые раньше не ведали, что почва может быть присвоена кем бы то ни было в личную собственность, сами сделались такою же собственностью, как и земля[2]; однако, им обыкновенно оставляли в пользование небольшой участок в районе нескольких сот метров вокруг церкви. В некоторых отдаленных округах, особенно на юге, племена владеют ещё своим *кальпулли* на общинных началах; каждый имеет свою часть, а в случае отсутствия одного из общинников, или когда поле останется необработанным, приступают к переделу земли. Но индейцам удается отстаивать этот первоначальный режим только там, где они почтительно, но твердо отклоняют всякое посещение белых и метисов. В прежния времена они принимали священника только раз в год, для общей исповеди и очищения грехов[3].

Война за независимость изгнала испанцев, но система крупного землевладения, введенная ими, удержалась в стране и после них. Гасиенды представляют собою не мызы, а территориальные деления, обнимающие пространство целого кантона или даже округа; как мера поверхности, гасиенда есть площадь в 88 квадратных километров, но на севере республики встречаются гасиенды во сто раз обширнее, которые можно сравнить разве только с одним из больших департаментов Франции; так, например, всё пространство земли от Сальтильо до Закатекаса, тянущееся на 300 километров, принадлежит всего только трем лицам[4]. В центре такой гасиенды, где только небольшие участки земли подвергаются обработке, находится укрепленное здание, вокруг которого располагается деревня служащих и людей, зависимых от владельца гасиенды, и которое служит также цитаделью или военным постом во время междоусобных войн. К резиденции помещика сходятся проезжия дороги, и по соседству с нею находятся рынки; таким образом, все путешественники должны останавливаться в гасиенде, либо для ночлега, либо для того, чтобы достать новых лошадей и съестных припасов; по близости гасиенды находятся обширные огороженные пространства, где пасутся стада под наблюдением вакеросов, которые должны зорко охранять их от бродяг-индейцев и хищных животных. Но, оставляя такия громадные пустоши вокруг гасиенд, богатые гасиендадо-

1 A. Uhde, „Die Lauder am untern Rio Bravo del Norte“.
2 Bandelier, „On the Tenure of Lands among the Ancient Mexicans“.
3 Brantz Mayer, „Mexico as it was and as it is“.
4 Louis Posselt, „Kreuz-und Querzuge durch Mexiko“.

сы облегчали тем самым вторжения грабителей, и следствием такого режима было то, что ещё недавно апачи и команчи могли совершать свои дерзкие грабежи внутри республики. Гумбольдт около века тому назад такими словами характеризовал внутреннее устройство этой страны: «Мексика—страна неравенства; нигде в свете нельзя встретить более ужасной неравномерности в распределении богатств».

Вероятная ценность сельских и городских движимых имуществ в Мексике в 1890 г.: 16.000.000.000 франков.

В половине этого столетия переписи насчитывали более тринадцати миллионов *ранчо* или мелких земельных владений, где центром была «хижина»; но все эти ранчо, если бы даже они были бесспорной собственностью свободных крестьян, составляли лишь незаметную часть национального богатства. С того времени обширные пространства национальных земель были кадастрированы и сданы в оброк или проданы; но треть этих земель была отдана даром межевым компаниям, а значительная часть оставшейся была уступлена другим финансовым обществам или частным лицам участками в 2.500 гектаров[1]. Крестьяне же получили в надел только самую незначительную часть.

Земли, кадастрированные межевыми компаниями на 1-го апреля 1889 г., равнялись 33.811.524 гектарам; из этого количества 11.036.407 гектаров были уступлены межевым компаниям, 10.132.671 гектаров остались за государством; 12.642.446 гектаров были отчуждены или проданы; из них 64.468 гектаров—крестьянам.

Масса мексиканского населения состоит из людей, живущих на жалованьи у рудных концессионеров или у землевладельцев. Из них самыми независимыми могут считаться рудокопы, благодаря близости городов, возникших возле больших горных промыслов; но деревенские рабочие, получающие очень скудное жалованье и вечно находящиеся в зависимости от помещиков, разве только одним названием отличаются от настоящих крепостных: лишенные необходимых рессурсов, они могут одолжаться только у своего управляющего, и эти займы, состоящие из съестных припасов и разных товаров, отпускаемых им под ростовщические проценты, уплачиваются будущей работой, законтрактованной за несколько лет вперед. Из году в год они видят, как перспектива освобождения убегает перед ними, и подавляющий долг переходит от отца к сыну. По актам Конгресса, конечно, всякий мексиканец считается человеком свободным: ни один помещик не имеет права ни закрепощать задолжавшего ему *пеона*, ни продавать его другому землевладельцу за уплату всего или части его действительного или фиктивного долга; сын, по закону, не ответствует за долги отца; закон запрещает также связывать задатками будущность несовершеннолетних. Но во многих отдаленных от главных городов округах и особенно в юго-восточных областях, закон остается мертвой буквой; говорят, бывали даже случаи, что туземцев продавали тайком гаванским плантаторам[2]. Фактически рабство существует и до сих пор, как в первые времена завоевания: оно есть естественное следствие порядка землевладения. Быть порабощенным, умереть рабом в такой прекрасной стране!

> Ah! que el mundo es bonito! Lastima es que yo me muera!
> (Ах! как прекрасен мир! Неужели я должен умереть!).

Такую песнь можно постоянно слышать в деревнях Табаско. «Проезжающему по стране путешественнику не забыть»,—говорит Мореле,—«жалобной поэзии этих звуков, носящихся постоянно в воздухе около населенных местностей».

В начале этого столетия главное богатство Мексики, после кукурузы, магейи и других пищевых продуктов первой необходимости, состояло в драгоценных металлах, и вывозная торговля питалась исключительно добычей рудников. Правда, добыча эта, даже не принимая в рассчет огромных сумм, вывозившихся в Европу контрабандою, в которых казна не имела своей доли, представляла собой поразительные итоги. Мексика владеет многочислен-

1 Francis Denys, „Mexico, Report on the Finances and System of Land-tenure“, „Foreign Office“, Annual series. 1890, № 637.

2 Desire Charnay, „Cites et Ruines americaines“.

ными золотоносными жилами, но главное её богатство заключается в серебряных рудах, которые со времени открытия Америки принесли ей целые миллиарды: добытое в Мексике золото представляет только трехсотую часть добычи серебра[1]. По исследованиям Гумбольдта, общая сумма добытых в металлоносных месторождениях Новой Испании золота и серебра достигла 10 миллиардов 647 миллионов франков со времени завоевания до 1803 года. Сетбер, Дель Мар, Нейманн и другие экономисты считали эти цифры немного преувеличенными, но, и по их исчислениям, общая сумма доставленных Мексикой до 1890 г. драгоценных металлов достигает громадного итога, а именно более двадцати миллиардов франков; это составляет более, чем пятую часть добытого во всём свете количества впродолжении четырех столетий, протекших со времени путешествия Христофора Колумба.

С 1492 г. по 1885 г., по Нейману-Спалларту, было добыто в Мексике благородных металлов: золота—на 38.835.000.000, серебра—48.790.000.000, на всего 87.625.000.000 франков (до 1890 г. 91.000.000.000 фр.).

В 1850 г., прежде чем начали эксплоатировать руды в Калифорнии, Аризоне, в Новой Мексике и во всех прочих странах, принадлежавших прежде к Новой Испании, участие Мексики в общей сумме добытых со времени Колумба драгоценных металлов было гораздо больше, именно на целую треть. Мексика всего более способствовала распространению монеты в качестве менового знака, между тем ещё недавно там вместо мелких денег были в ходу бобы какао, кубики мыла и другие общеупотребительные предметы.

В Мексике было добыто золота и серебра:

В период с 1526 до 1893 года общая добыча золота в этой стране—286.525, серебра—88.202.146 килограм.

Ценность добытаго	золота	серебра	итого
с 1521—1885 г.	850.000.000 фр.	19.500.000.000 фр.	20.350.000.000 фр.
с 1885—1890 г.	50.000.000 „	800.000.000 „	850.000.000 „
Итого с 1521 г. по 1890 г.	900.000 000 фр.	20.300.000.000 фр.	21.200.000.000 фр.

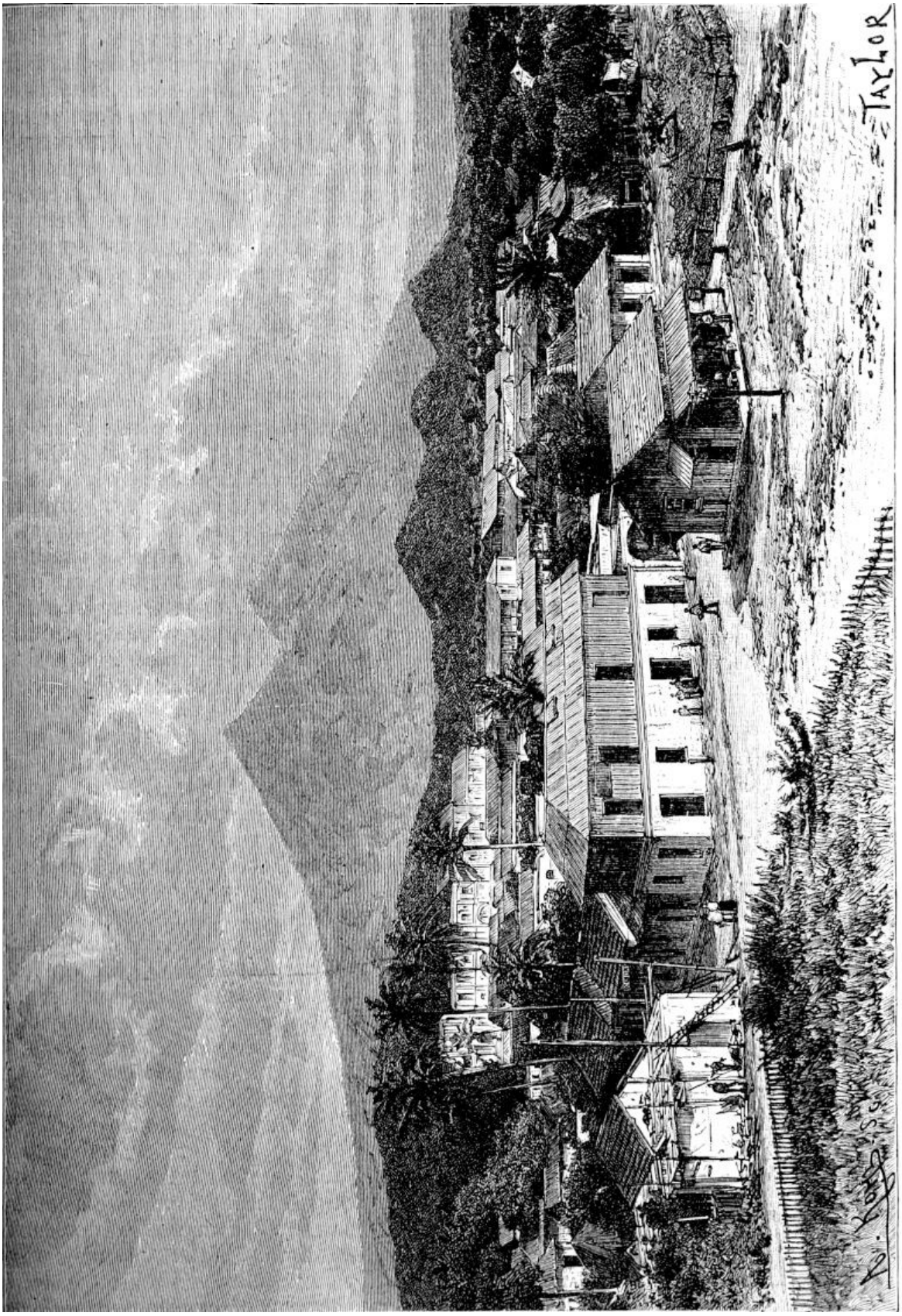
Производительность мексиканских рудников не только не уменьшилась в течение этого столетия, но, напротив, ещё возрасла, несмотря на революции, войны и потерю затопленных рудников. Улучшение транспортных дорог и введение лучшего способа эксплоатирования с избытком компенсировали выгоды, которыми страна обладала в ту эпоху, когда драгоценные металлы имели большую относительную ценность. Поворот в торговле, благоприятный для развития горного промысла, имел бы следствием увеличение в огромных размерах добычи серебра в Мексике, так как там существуют тысячи уже исследованных залежей, но которые ещё не разрабатываются по их относительной скудости или за недостатком дорог; кроме того, известно, что лежащие вокруг заводов груды шлаков содержат от 25 до 30% металла, т.е. по крайней мере на шесть миллиардов франков; в одном только 1889 г. было 2.077 заявок относительно новых рудников. Ежегодно добывают золота на сумму около 10 миллионов, а серебра на сумму около 160 миллионов франков; в 1899 г. общая сумма добытого металла превысила 200 миллионов. Для эксплоатации золотоносного песку, в безводных странах, каковы Нижняя Калифорния, прежде употребляли воздуходувный способ за недостатком струи воды: мелкие песчинки уносились, а частицы золота, за исключением самых тонких блесток, оставались в пробирке[2].

Общее пространство, занимаемое рудниками в Мексике, так велико, что его определяют в четыре пятых всей территории. Главный металлоносный пояс находится в Сиерра-Мадре, от границ Аризоны до Тегуантепекского перешейка; другая Сиерра-Мадре тоже очень богата рудами, в особенности в штатах Сан-Луис-Потози и Гидальго. Кроме золота и серебра, в горах Мексики находятся рудные месторождения ртути,—металла очень ценного, как амальгама, употребляемого на литейных заводах,—платины, меди, свинца, железа и марганца. Пласты каменного угля были найдены в Соноре, на берегах рио-Браво, в сиерре Тамаулипас и в

1 Santiago Ramirez, „Riqueza mineral de Mexico“.

2 E. Guillemin, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“. Том III.

южных горах; серу собирают в кратерах действующих или потухших вулканов; около Тукспана бьют ключи нефти; в слоях почвы попадаются сернокислая соль и углекислый натр, селитра и морская соль. В 1886 г. в Мексике было добыто каменной и морской соли 11.600

Эскуинтла.

тонн. Кроме того, в этой стране есть каменоломни мрамора, оникса, яшмы, базальта и обсидиана, а некоторые породы изобилуют драгоценными камнями: первые исследователи часто говорят о великолепных *чалчигуитах*, нефритах или изумрудах, которыми украшали госуда-

ри как себя самих, так и своих богов. К богатствам Мексики нужно причислить также янтарь, неизвестного растительного происхождения, добываемый в Оахаке и в соседних с нею штатах: он замечательно прозрачен и прекрасного золотистого цвета и, рассматриваемый на свет, сверкает флуоресцирующими отблесками; в некоторых частях внутри страны его находят в таком большом количестве, что туземцы пользуются им в виде топлива; посланные в Европу образцы этого вещества добыты с морского берега, где янтарь встречается в песке[1]. В Мексике насчитывают около сотни горных округов, а число рудников, эксплоатируемых большею частию английскими капиталистами, достигало в 1897 году 989. Общая производительность горной промышленности Мексики (металлы, земли, камни, минеральное топливо) в 1890 году простиралась до 350 миллионов франков.

Крупная промышленность, которая, впрочем, была уже представлена в Мексике, даже во время испанского владычества, горными и литейными заводами, также возникла в стране введением мануфактурного производства. Хлопок, составляющий один из главнейших земледельческих продуктов страны, всецело употребляется на мексиканских бумагопрядильных фабриках; своего хлопка даже не хватает, и фабриканты массами выписывают его из других стран Америки: более пятидесяти тысяч семейств живут этим хлопчатобумажным промыслом, обработывая сырой материал на сотне фабрик, которые поглощают его ежегодно до 13 миллионов килограммов. Штаты Пуэбла, Мексико, Кверетаро, Гуанахуато, Халиско и Коагуила доставляют мексиканским потребителям более всего тканей, в виде *мантаса*, *сарапеса*, *ребоцоса* и других частей одежды мексиканцев и мексиканок; анагуакские мастера также очень искусны в выделке седел, сбруи, позументов, столь ценимых щеголеватыми мексиканскими всадниками: полный костюм, включая всю сбрую, стоит не одну тысячу франков. Все крупные европейские отрасли промышленности, даже и те из них, которые требуют основательного знания научных способов производства, также способствует преобразованию экономических условий страны. Кроме того, в Мексике существует ещё масса местных промыслов; так, в Мичоакане индейцы ещё до сих пор занимаются выделкою изделий из перьев, которыми так любовались испанские завоеватели во дворцах Монтезумы; а макстекские женщины продолжают ещё ткать материи из грубого на-ощупь шелка, добываемого из местного кокона-шелкопряда; материи не изящны на вид, но отличаются замечательною прочностью, а потому ценятся туземцами. Гончарное ремесло в большей части областей осталось в том же положении, как и во время эпохи завоевания. Индейцы вообще превосходные фабричные рабочие, столь же терпеливые, аккуратные и исправные, как и машины, которыми работают; при этом у них нет недостатка и в инициативе, когда работа того требует. Они очень талантливые рисовальщики и лепщики, легко копируют всякие предметы и лепят из воска с замечательным искусством. В них сказывается гений их предков, так искусно умевших украшать скульптурными работами фасады своих храмов, вырезывать иероглифы, рисовать и раскрашивать карты своей страны.

Прогрессивное развитие культуры и более умелое и более деятельное утилизирование продуктов естественно должны были быстро поднять мексиканскую торговлю. В начале столетия, во время испанского режима, ежегодный оборот меновой торговли, которая велась исключительно через Вера-Круц, достигал почти 200 миллионов франков. В настоящее время, удвоившись и даже в 1890 году утроившись, он превышает пол-миллиарда; ещё недавно драгоценные металлы составляли семь восьмых всей экспортной торговли, а теперь всего две трети и даже половину.

Из Мексики в 1898—99 г. вывезено (по специальной торговле): драгоценных металлов на 75.181.600 доллар.; лесу, разных товаров и земледельческих продуктов на—63.296.537 доллар. Ценность ввоза в 1898—99 году около 51.000.000 доллар.

Красильное и другие деревья составляют значительную часть экспортной торговли; кроме того из Мексики вывозят шкуры, кожу, колониальные товары: кофе, ваниль, табак, каучук, сахар и индиго. Помимо этого Мексика в изобилии снабжает Соединенные Штаты свои-

1 Kunz, „Nature“. Февраль 20, 1890 г.

ми фруктами; зато все мануфактурные изделия остаются внутри страны: промышленность здесь ещё не особенно развита и не успела ещё настолько специализироваться, чтобы находить себе потребителей заграницей. Поэтому предметы ввоза состоят здесь преимущественно из выделанных товаров; между ними первое место занимают различные материи, затем машины и снаряды, разные железные и медные вещи, бумага, химические продукты, хрустальные и фаянсовые изделия. Мексика покупает ещё, кроме того, муку и другие пищевые продукты.

Положение Мексики на границе Северных Соединенных Штатов и множество железнодорожных линий, соединяющих оба эти государства, доставили англо-американской республике первое место в торговом движении её южной соседки; оттого в мексиканских портах почти все морские документы пишутся на английском языке[1]. Великобритания по значению своей торговли с Мексикой идет после Соединенных Штатов, и затем уже третье место занимает Франция. За этими тремя державами, которым принадлежит $^{9}/_{10}$ всего торгового обмена, следует Германия, торговые сношения которой мало-по-малу разростаются, особенно вдоль берега Великого океана, и Испания, бывшая метрополия, некогда монополизировавшая всю торговлю. Что касается оффициальной ценности торговых оборотов с Гватемалой, имеющей очень длинную границу с Мексикой на востоке Чиапаса и Табаско и на юге Юкатана, то они совершенно ничтожны, не достигая даже пятидесяти тысяч в год; это объясняется, с одной стороны, однородностью произведений по ту и другую сторону границы, а с другой стороны—малонаселенностью этих лесистых мест, где так легко обмануть таможенный дозор, вследствие чего почти вся местная торговля должна ускользать от статистики. Купля и продажа между Мексикой и южными республиками Центральной Америки тоже самая ничтожная.

Ценность заграничной торговли Мексики в 1895—96 гг. по странам назначения, в тысячах песо (1 песо=2,66 франк.): Соединенные Штаты: ввоз (в Мексику)—20.146, вывоз (из Мексики)—79.652; Великобритания: ввоз—7.905, вывоз—16.467; Франция: ввоз—6.099, вывоз—2.081; Германия: ввоз—4.363, вывоз—2.969; Испания: ввоз—2.174; вывоз—813; другие страны ввоз—1.567, вывоз 2.035.

Мексика, подобно Соединенным Штатам, оградила свою промышленность оплотом таможенных пошлин, которыми обложена большая часть привозимых из за границы товаров: в среднем пошлины, собранные в портах или на границе территории, составляют 38% констатированной стоимости товаров. Контрабанда, которая занимается главным образом ввозом американских бумажных тканей, составляем в Мексике один из процветающих промыслов, особенно в «свободном поясе», на границе Соединенных Штатов, где 850 таможенников, распределенных по линии в 2.700 километров,—т.е. по одному человеку на 3 километра,—должны наблюдать за всем торговым обменом. Некоторые предметы, считающиеся полезными для промышленного или научного развития страны, ввозятся безпошлинно. В 1889 г. для иностранной торговли были открыты только двадцать четыре порта, не считая «сухопутных портов» на северной и южных границах. Эти мексиканские посты несомненно разростутся по мере увеличения торгового движения и сообразно нуждам разных мореходных компаний, которые ищут фрахта и легко доступных мест вдоль берегов. Некоторые из наилучше защищенных гаваней, намеченных как конечные пункты междуокеанских железных дорог, закрыты для заграничной торговли, так как окрестные местности почти совсем ещё незаселены; таковы порты Тополобампо в шт. Синалоа и Сигуантанехо в шт. Герреро. В 1889 г. двенадцать правильных пароходных линий касались мексиканских портов, из них шесть в прямом сообщении с Европой, Антильскими островами или восточными Соединенными Штатами, два—с Калифорнией, и четыре обслуживающих порты побережья. Для перевозки товаров фрахтуются преимущественно пароходы, на которых и совершается почти половина всей торговли республики, несмотря на то, что парусных судов, плавающих большею частью под национальным флагом, оборачивается в портах в четыре раза больше, чем пароходов.

1 Ricordo de Mario Campos, „Informes y documentos relativos a Comercio“.

Движение судоходства в мексиканских портах в 1898 г.: в приходе 10.527 судов, вместимостью в 4.085.200 тонн; в отходе—10.452 судна, вместим. в 3.880.940 тонн.

Каботажная торговля ведется исключительно мексиканскими судами.

По сооружению железных дорог Мексика на целую четверть века отстала от цивилизованных стран Западной Европы. Первая железная дорога, построенная в 1850 году, соединила Вера-Круц с его предместьем; в 1857 году была построена вторая линия, между Мексико и святыми местами Гвадалупе; но эта линия скорей служила предметом любопытства или забавы для столичных жителей, чем действительно полезным для торговли трактом. Но когда попытка монархической реставрации потерпела неудачу, и Мексиканская республика окончательно завоевала свою независимость, различные давно выработанные планы постройки железнодорожной сети вместо грунтовых дорог и троп—стали постепенно приводиться в исполнение: с помощью английских капиталов, а также отчасти и северо-американских, было приступлено к делу, при чём для земляных работ пользовались даже солдатами; таким образом, по истечении нескольких лет, Мексика в отношении протяжения своей железнодорожной сети, могла сравниться с многими европейскими странами.

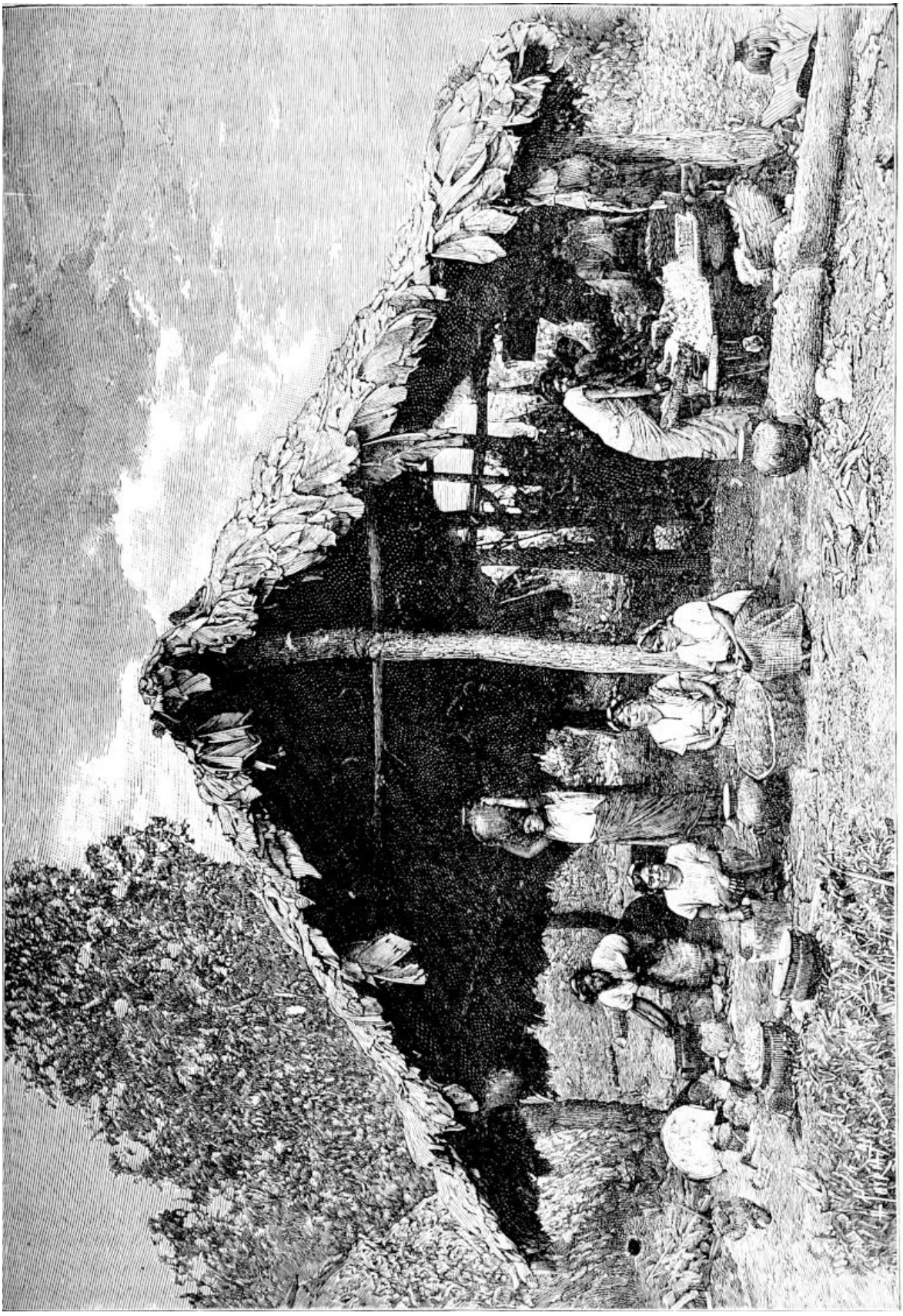
Главным препятствием для развития нового способа сообщения послужило то обстоятельство, что для проведения первой линии между Вера-Круцом и Мексико пришлось бороться с большими трудностями. Прежде всех других препятствий надо было открыть большой торговый путь, который поставил бы столицу республики в прямое сообщение с другими портами Соединенных Штатов, Англии, Франции, с Антильскими островами и с Южной Америкой; но для достижения этой цели пришлось положить массу труда, так как потребовались такия огромные работы, о которых в Европе не имеют даже понятия: пришлось взбираться на горы вдвое выше самых высоких Альпийских туннелей, перерезать постепенно все три пояса: теплый, умеренный и холодный, и достигнуть таким образом области снегов, придерживаясь при этом кратчайшего расстояния, т.е. избегая бесконечных извивов в боковые долины. Это колоссальное предприятие было удачно доведено до конца: «мексиканская» железная дорога, состоящая из целого ряда мостов, виадуков, туннелей, закруглений и подъемов, представляет удивительное сочетание всех этих сооружений; однако, одна часть этой дороги представляет большое затруднение для движения поезда, и пассажиры, при поднятии и спуске в этом месте, невольно испытывают некоторое беспокойство: это всход из Мальтраты на Бока-дель-Монте, где дорога вступает на край Анагуакского плоскогорья. Всход этот имеет в общем не менее 1.197 метров высоты на 26 километров длины по прямой линии. Чтобы уменьшить крутизну всхода, дорога поднимается здесь кривыми на линии, развернутая длина которой превышает 40 километров; средний уклон—три метра на сто, но в самом крутом месте он достигает 42 тысячных[1]. На самом высоком пороге, близ вулкана Малинче, дорога идет на высоте 2.533 метров над уровнем моря, и, чтобы избегнуть ещё более высокого перевала через снеговую цепь гор, она огибает на севере этот хребет и перерезывает наискось всю «долину» Мексико. Мексиканцы справедливо говорят об этом грандиозном сооружении, как о памятнике человеческого гения.

Легче было соединить столицу с сетью дорог Соединенных Штатов. Склон Анагуакского плоскогорья идет с юга на север, без крутых уступов, и на большей части пути от Мексики до рио-Браво-дель-Норте можно было обойтись без больших сооружений. В 1884 г., т.е. через два года после того, как американцы достигли этой реки у Лоредо, мексиканцы открыли свою линию до Нуево-Лоредо на противоположном берегу. В том же году они открыли другую дорогу, которая идет параллельно западной Сиерра-Мадре до Пазо-дель-Норте: таким образом, паровое сообщение сделалось с этих пор непрерывным между Мексико и Сан-Франциско, Сан-Луисом и Нью-Йорком, и по этой последней железной дороге в 1889 г. можно было совершить в одиннадцать дней прямой переезд из Мексико на всемирную выставку в Париж[2]. Другая железная дорога переходит рио-Браво, между Эль-Пазо и Лоредо,

1 Luis Salazar, „Anales del Ministerio del Fomento“. Том VIII. 1887.

2 M. Payno, „Barcelona y Mexico“.

у Пьедрас-Неграс; а четвертая линия, пересекающая Сонору, соединяет американскую границу с портом Гуаймасом. Но все эти железные дороги, облегчающие северо-американцам и их товарам вход в Среднюю Мексику, и сходящиеся к центру страны, представляют серьез-

Индѣйскія работницы «Теплыхъ Земель» у Тихаго океана.

ную опасность в политическом отношении: они открывают границу могущественному соседу, который уже овладел половиной территории и несколько раз грозил распространить дальше поле своих завоеваний. Тем важнее для Мексики расширить сеть железнодорожных

линий, которые спускаются с высоких земель к прибрежью и связывают их таким образом посредством торговли со всеми чужеземными странами, без особой привилегии Соединенным Штатам. К Вера-Круцской железной дороге уже прибавилась, на покатости Мексиканского залива, линия, идущая из Сан-Луи-Потози в Тампико; но на тихоокеанской покатости, менее оживленной, чем побережье, обращенное к Европе, железные дороги ещё строятся и не доведены ещё до некоторых портов, как Алтата, Мацатлан, Сигуантанейо, Акапулко, Гуатулко. На этой стороне плоскогорья для проведения дорог встречаются такия же большие трудности, как и со стороны Вера-Круца; к западу от Мексико, железная дорога, переходящая гребень Ахуско в Кумбре-де-лас-Круцес, около Салацара, переваливает на высоте 3.041 метра, т.е. на 800 метров выше столицы: это самое высокое место во всей мексиканской сети дорог.

Самые высокие проходы железных дорог: в Европе—Фрежюс (Модан-Бардонеш)—1.250 метров; в Азии—Дарджилинг (Индостан)—2.250; в Соедин. Штатах—Ущелье Сангре-де-Кристо (Колорадо)—2.846; в Перу—(Туннель Пьедра-Парада)—4.769; в Мексике—Кумбре-де-лас-Круцес—3.041 метр.

По окончании, эти главные линии западного склона дополнят собой сеть больших дорог собственно Мексики, и останется только, посредством побочных ветвей, теснее сблизить разъединяющие их промежутки между второстепенными станциями. В Юкатане уже приступили к соединению между собою городов маленькими боковыми линиями; но между Кампешем и портом Альварадо, в штате Вера-Круц, остается ещё пробел в 800 километров, и на всём этом пространстве нет другой железной дороги, кроме той, которая идет от Гоатцакоалалкоса до порта Салина-Круц, на Тегуантепекском перешейке. Из числа многих проектов путей между двумя морями эта дорога есть единственная, открытая для движения.

Вся сеть мексиканских железных дорог в 1898 году составляла 12.403 километра, не считая 489 километров трамваев. Количество перевезенных пассажиров в 1896 году:—26.081.000; количество перевезенного груза 5.084.000 тонн; валовой доход железных дорог в 1896 году—30.231.000 долларов.

Уже в 1774 г. инженер Крамер, которому было поручено исследование перешейка, заявил, что прорытие судоходного канала между двумя морями не представит ни особого затруднения, ни безмерно больших расходов, и в своем докладе он представил даже план канала. Но тогда этим всё дело и окончилось: к прорытию канала даже не приступали. В 1811 году испанские кортесы также декретировали прорыть канал, но это постановление могло быть только простым желанием, внушенным боязнью потерять Индейскую империю. Тотчас же после преобразования Новой Испании в независимую республику, снова принялись за географическое изучение страны, но проекты прорытия канала приняли определенную форму только в 1842 году, когда Хозе-де-Гарай предложил взять на себя эти работы. Однако, он не мог найти необходимых капиталов, а американская компания, которой, в 1867 г., было концессионировано это предприятие, после падения Максимилиана, чувствовала себя также бессильной в денежном отношении. Таким образом проект междуокеанского канала пришлось временно отложить, и на место его народился проект железной дороги, для перевозки судов, составленный по плану дороги на перешейке Шигнекто, в Новой Шотландии, но в гораздо более грандиозных размерах. Понятно, какое громадное значение имела бы подобная дорога, как для судоходства вообще, так и для Соединенных Штатов в особенности. С точки зрения всемирной торговли, лучшим местом для соединения двух океанов был бы Панамский перешеек, так как он находится на дороге из Англии в Перу, Чили, в Австралию и в Инсулинд; но для северо-американцев было бы выгоднее проводить суда возможно ближе к их собственной территории. Главное движение происходит между Нью-Йорком и Сан-Франциско, и на этом тракте Тегуантепекский путь на 1.400 километров короче Никарагуанского и на 2.300 килом. короче Панамского. Проектированная американцем Идс, инженером, который открыл судам Южный проход миссисипской дельты, постройка Тегуантепекской судоперевозной дороги должна была, следовательно, прежде всего служить американским ин-

тересам, и будущий тариф был составлен в таком же благоприятном смысле для портов Соединенных Штатов, как и для Мексики. Впрочем, Мексика предоставляла этому предприятию большие преимущества, между прочим, освобождение на 99 лет от налогов и отчуждение в пользу дороги около полумиллиона гектаров земли. Предварительная смета определила издержки в 375 миллионов франков: самым значительным сооружением этой дороги, протяжением около 240 километров, был бы переход через раздельный порог посредством траншеи в 760 метров длины и 95 метров наибольшей глубины; самые большие подъемы пути не превышали бы 2-х метров на сто. Смерть инженера помешала осуществлению этого предприятия.

Телеграфная сеть быстро покрыла всё пространство Мексиканских Соединенных Штатов; в последнее десятилетие она утроилась и пополнилась подводными кабелями, которые соединяют Гальвестон с мексиканским берегом и порт Вера-Круц с северными и южными гаванями; другой подводный телеграф соединяет Салина-Круц, Тегуантепекский порт, с гаванями Центральной Америки, находящимися на Великом океане. Большая часть линий принадлежит федеральному правительству; штаты, железнодорожные компании и частные общества также имеют часть сети.

Сеть мексиканских телеграфов в 1898 году—67.819 километр., из которых 2.926 километров—подводных.

Телефонная сеть—12.014 километров.

Впродолжении восьми лет, с 1880 по 1888 г., телеграфное и почтовое движение увеличилось более, чем вчетверо; тем не менее на каждого человека приходится всего лишь по 3 отправления, что доказывает, при сравнении с Западной Европой, незначительную ещё просвещенность мексиканского народа. Движение почтовой корреспонденции в 1898 году—112.750.000 писем.

Однако, народное образование распространяется в Мексике и идет быстрыми шагами вперед. В большинстве штатов в принципе установлено обязательное и бесплатное первоначальное обучение для всех детей, но статистические цифры показывают, что общественное мнение ещё не вполне санкционировало эти законы. Впрочем, нельзя указать точное число детей, посещающих школы, так как губернаторы штатов не все аккуратно доставляют федеральной администрации ежегодные отчеты. Но во всяком случае можно констатировать тот факт, что с каждым десятилетием прогресс становится всё заметнее: почти двадцатая часть мексиканского населения приходится на учащуюся молодежь, при чём учениц значительно меньше, чем учеников; в штатах Кверетаро, Гуанахуто и Чиапасе больше встречается людей без всякого образования.

Статистика мексиканских начальных школ в 1897 году: 10.298; среднее число посещавших школы детей—462.994, из них: 293.732 мальчиков и 169.262 девочек.

Почти во всех городах начальное образование лежит на обязанности муниципалитета; но некоторое количество учебных заведений было основано или правлениями штатов, или, наконец, частными обществами. Число учащихся в средних и высших учебных заведениях определяют в 21.000. В некоторых городах имеются лицеи для молодых девушек. Но в отдаленных округах придется ещё много поработать над распространением образования, особенно между индейскими племенами: ещё в 1874 году в одной деревне штата Вера-Круц были сожжены два колдуна, мать с сыном, обвиненные в порче одного молодого человека. Что касается до разбоев, то они естественно должны были исчезнуть с тех пор, как железные дороги и телеграфы избороздили всю страну: разбойники, промышлявшие на больших дорогах, принялись за другие ремесла. Прошло то время, когда атаманы разбойничьих шаек предостерегали путешественников посредством особенных объявлений, развешанных на всех перекрестках Мексико, о том, чтобы они запасались деньгами, под угрозой, в противном случае, быть исколоченными или оставленными без носа и ушей.

Любовь к чтению ещё не особенно развита, библиотек мало, да и те, какие имеются, не богаты, хотя научная литература мексиканцев имеет уже серьезное значение и заключает в

себе несколько капитальных произведений, идя вровень с замечательным картографическим предприятием, которое превзойдет подобные работы в Соединенных Штатах,—это издание всей топографии Мексики на тысячах листов. Популярная литература состоит главным образом из повременных изданий, которых в конце 1888 года насчитывалось 385, при чём 120 приходилось на Федеральный округ (в 1896 г. газет выходило 531). Мексика—одна из стран испанской Америки, где говорят на лучшем кастильском диалекте.

Образ правления и администрация

Мексиканская республика, конституированная по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов, состоит из независимых и державных штатов, соединенных в одну федерацию, по соглашению, установленному в 1857 году. Каждый штат представляет собою, так сказать, в миниатюре конфедерацию, со своими собственными палатами и губернатором, законами и бюджетом. Но его постановления и действия не могут выходить за пределы круга, начерченного общею конституциею республики. Он не имеет права ни объявить войны, ни заключать мира; все его сношения с иностранными государствами должны совершаться через посредство федерального правительства. Каковы бы ни были конституционные формулы, несомненно то, что мексиканцы различных штатов, в былые времена имевшие между собою очень мало солидарности и национального единства, теперь составляют довольно сплоченный политический организм. В 1848 г., во время войны с северо-американцами, не проявлялось никакого народного движения против завоевателей, и два штата, Вера-Круц и Закатекас, в силу своих автономных прав, даже не хотели принимать ни малейшего участия в войне Мексики против Северо-Американской республики[1]. Гораздо живее выразилось национальное чувство во время нашествия французов и возведения на престол Максимилиана, и, когда наконец Мексика вышла победительницей из этого страшного испытания, радость победы и сознание возродившейся силы переродили мексиканцев в настоящий народ. Тогда-то, собственно говоря, и началась действительная история современной Мексики. Дух национальной солидарности до того стал силен в мексиканцах, что они, так сказать, перескакивают через историю порабощения испанцами и в лице запотека Хуареса видят мстителя за ацтека Монтезуму. Благодарное отечество воздвигает памятники не Кортесу, а Куаухтемоку или Гуатимозину.

Присоединение Мексики к могущественной республике Севера,—событие, которое столькими политиканами предсказывалось, как близкое к осуществлению, становится всё менее вероятным, по мере возрастания населения и богатства этой страны. Центры тяжести мексиканских штатов и англо саксонской республики всегда будут находиться по крайней мере на расстоянии 2.500 километров, а промежуточное пространство большею частью состоит из бесплодных областей, с очень редким населением. Группы диссидентских штатов, которые американские авантюристы пытались образовать на севере, от Соноры до Тамаулипаса, с целью раздробить республику и присоединить её к себе по частям, снова заняли свои соответственные места в совокупности нации. Таким образом Мексика и Соединенные Штаты должны оставаться владениями, этнологически различными, и северные эмигранты быстро изменяются под мексиканским климатом. К тому же и стремления мексиканцев далеки от политического слияния с Соединенными Штатами. Конечно, Мексика может быть покорена, но она никогда не будет ассимилирована.

Каждый мексиканский гражданин считается свободным человеком, имеющим право разъезжать без паспорта, выбирать себе резиденцию, где ему заблагоразсудится, устраиваться, как угодно, выражать свою мысль как словом, так и посредством печати, носить оружие. Никакие титулы дворянства, никакие наследственные прерогативы не признаются; все граждане, в силу конституции и законов, считаются равноправными по отношению один к дру-

1 F. Ratzel, „Aus Mexico“.

гому. Все они имеют право быть избирателями, с единственным условием подписывать своим именем бюллетени голосования. Даже иностранцы становятся гражданами в тех случаях, когда приобретают в стране какую-нибудь собственность или когда у них родятся дети, если только, по истечении восьми месяцев, они не заявят о своем решительном желании сохранить свою первобытную национальность.

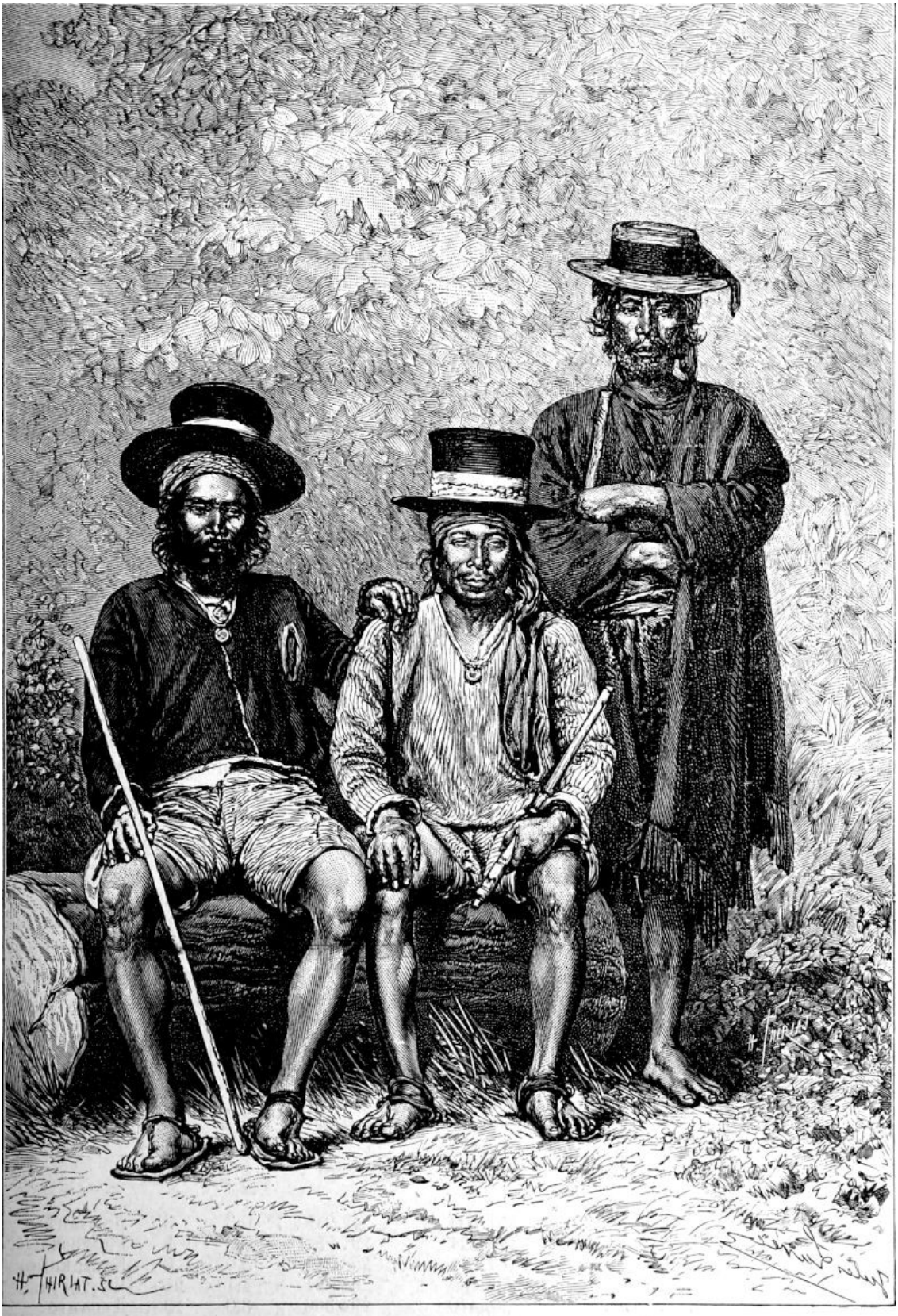
Число представителей в Палате Депутатов возрастает, по мере увеличения населения (ныне 227): каждый штат делится на несколько избирательных коллегий, при чём каждые 40.000 жителей имеют свою коллегию, а каждая коллегия посылает своего представителя сроком на два года. Сенаторы, долженствующие иметь не менее тридцати лет от роду, выбираются по второй степени на четыре года и по два от каждого штата: всего их 56 на 27 штатов и две территории; каждые два года половина состава всего сената подвергается вторичному выбору. Конгресс, т.е. обе Палаты вместе, имеет ежегодно две очередных сессии, составляющих в общем по крайней мере сорок пять заседаний: депутаты и сенаторы получают определенный годовой оклад. Постоянная делегация Конгресса заседает во время вакаций. Столица, местопребывание Конгресса, находится не на территории какого-нибудь штата, а на нейтральной почве, в «Федеральном округе», занимающем «две мили» или 10 километров окружности около центрального места.

Президент Мексиканских Соединенных Штатов, выбираемый на 4 года тайным и непосредственным народным голосованием, должен иметь не менее 35 лет от роду. Он пользуется таким авторитетом, что, с соизволения Конгресса или постоянной делегации, может отменять конституционные гарантии «в случае вторжения иноземцев, важных внутренних смут или общественной опасности». Он сам выбирает своих министров или статс-секретарей, заведующих министерствами: иностранных дел, внутренних, юстиции, народного просвещения, финансов, прогресса или *фоменто*,—т.е. главным образом общественных работ. Судебная власть сосредоточена в уездных и окружных судах; кроме того есть ещё верховный суд, члены которого избираются на шести-летний срок. Гражданские и уголовные законы одинаковы во всех штатах, исключая Вера-Круца и Тлакскалы. Тюрьма для несостоятельных должников уничтожена, и республика обязалась отвергать всякий трактат о выдаче политических преступников. Десятичная система сделалась общепринятой системой весов, мер и монет.

Во время колониального режима духовенство играло большую роль в управлении страны: огромные доходы, в соединении с религиозным авторитетом, дававшим ему право открывать или закрывать небесные врата, обеспечивали ему бесспорную власть над индейским населением: некоторые из прелатов владели миллионною рентою; по словам Луки Аламана, имущество духовенства составляло добрую половину всего состояния Мексики. Война за независимость поколебала богатства и власть этих высоких сановников, но всё же влияние духовенства осталось очень сильным, потому что креолские священники, принявшие участие в восстании против испанцев и даже возмущавшие против них народ, как например, Гидальго и Морелос, заставили забыть о главах Церкви, которые подвергли мятежников отлучению от церкви; ещё в средине XIX-го века Лердо-де-Техада вычислил, что земли, принадлежащие духовенству, составляют треть всей поземельной собственности Мексики. Вместе с доходами, обеспеченными ипотечными обязательствами и правом взимания десятины, которым духовенство, вопреки закона, ещё пользовалось, это огромное состояние увеличивалось ещё ежегодною рентою, почти в 100 миллионов франков. В 1855 году численность мексиканского духовенства не превышала 4.615 человек, из которых большинство были бедные священнослужители, а меньшинство—прелаты, богато дотированные.

Первый удар могуществу католической Церкви был нанесен самими же испанцами, в 1767 году, когда все живущие в Мексике иезуиты были заключены в тюрьмы, лишены своих владений и затем изгнаны. Революция совершилась около века спустя, в 1857 году, изданием закона о немедленной продаже церковных имуществ; но партионная борьба из-за влияния не ослабевала, и высшее духовенство признало себя побежденным только после падения

Максимилиана, ухода французских войск и окончательного триумфа республиканцев. Церковные имущества были отобраны, и священники лишились права надзирать за школами и публично справлять свои обряды: брак перестал быть таинством и сделался простым

Гватемальскіе алькады.

гражданским договором. Учреждение духовных корпораций или конгрегаций было запрещено. Наконец, с 1873 г. Церковь совершенно отделилась от государства, которое держится полнейшего нейтралитета относительно различных культов. В Мексике и в остальных горо-

дах было построено более ста протестантских храмов, принадлежащих двенадцати различным сектам и основанных почти исключительно американскими миссионерами; в 1866 г. в одной только столице насчитывалось 37 протестантских школ с 1.340 воспитанниками. С другой стороны, в некоторых отдаленных округах, где население чисто-индейское, наблюдается быстрое забвение католических обрядов. Многие приходы пустуют без священников, и туземцы отвыкают от исполнения каких бы то ни было внешних обрядностей[1]; за исключением Мичоакана, почти во всех городах можно найти прежния церкви обращенными в заводы, казармы, в пакгаузы и даже в цирки тореадоров[2], так как бой быков, после временного запрета, снова разрешен для развлечения толпы.

Мексиканская республика имеет свое небольшое войско, впрочем относительно всё же более многочисленное, чем в Соединенных Штатах. В 1897 г. мексиканская армия состояла из 32.143 человек, включая 2.038 офицеров; но с резервами численность войска доходила до 160.000 человек. По родам оружия: пехоты—22.605 чел.; кавалерии—7.249; артиллерии и проч.—2.289 человек.

Кроме того Мексика владеет флотом, состоящим из пяти судов, с 18 пушками (в постройке: 5 миноносок 1-го класса) в Мацатлане и в Кампеше основано по одному морскому училищу. Правда, военные силы Мексики можно назвать незначительными в сравнении с громадными вооружениями больших военных держав; но даже и при такой малочисленности, содержание войска ложится тяжелым бременем на мексиканский бюджет: оно составляет ежегодно более четверти всех расходов, или около 60 миллионов франков.

Финансы республики долгое время были в самом плачевном состоянии, особенно в ту эпоху, когда иностранные купцы располагали услугами дипломатии своих государств, чтобы объявлять себя кредиторами на фиктивные суммы и заставлять мексиканское правительство платить им из таможенных сборов. Но с того времени доходы Мексиканской республики быстро увеличились. Более половины доходов получается от собираемых в портах пошлин, все почти на привозные товары. Гербовый сбор составляет четвертую часть ежегодного бюджета, тогда как податной и патентный сборы гораздо менее значительны: прямые налоги составляют двадцатую часть доходов.

Бюджет фискального 1899—1900 года: приход—54.913.000, расход—54.886.000 долларов.

Федеральное правительство извлекает также небольшую часть своих доходов и из лотереи, впрочем весьма незначительную в сравнении с теми огромными суммами, которые расточаются ежегодно во всевозможных играх; наконец, оно получает кое-какой барыш от чеканки монет, которая приобрела в Мексике такое огромное распространение: различные монетные дворы в общем отчеканили около восемнадцати миллиардов золота и серебра со времени их основания. К национальному бюджету надо прибавить бюджеты штатов, составляющие в совокупности около 15 миллионов доллар. в год, и бюджеты муниципалитетов, составляющие в общем 12 миллионов долл. Что касается национального долга, относительно меньшего, чем он был в половине этого столетия, то он равнялся в конце 1898 году 211 миллионам долларов.

В следующей таблице показаны названия штатов и территорий с их пространством и цифрой населения (по результатам всенародной переписи 20 октября 1895 года), число округов, называемых также *партидосами*, и имена главных городов.

Штаты и территории	Пространство в квадратн. километрах	Население, жителей	Километрич. население	Число округов	Столицы
Нижняя Калифорния (территория)	151.109	42.245	0,3	3	Ла-Пац
Сонора	199.224	191.281	0,9	9	Гермозильо
Синалоа	87.231	258.845	3,0	0	Кулиакан
Чигуагуа	227.468	266.831	1,1	21	Чигуагуа
Дуранго	98.470	294.366	3,0	13	Дуранго

1 Woeikof, „Petermann's Mittheilungen“. 1879. Тетрадь VI.

2 Conkling, „Mexico and the Mexicans“.

Штаты и территории	Пространство в квадратн. километрах	Население, жителей	Километрич. население	Число округов	Столицы
Коагуила	161.550	235.638	1,4	5	Салтильо
Новый-Леон	62.998	309.252	4,7	10	Монтерей
Тамаулипас	84.394	208.102	2,5	5	Сиудад-Виктория
Закатекас	64.138	452.720	7,1	12	Закатекас
Агуас-Калиентес	7.644	103.645	13,6	4	Агуаскалиентес
Сан-Луис-Потози	65.586	570.814	8,7	13	Сан-Луис
Гуанахуато	29.458	1.047.238	35,6	6	Гуанахуато
Халиско	82.503	1.107.263	13,5	11	Гвадалахара
Тепик (территория)	29.211	148.776	5,0	5	Тепик
Колима	5.887	55.677	9,4	2	Колима
Мичоакан	59.261	889.795	15,0	15	Морелия
Керетаро	9.215	227.233	25,0	6	Керетаро
Мексико	23.957	837.368	35,0	15	Толука
Федеральный округ	1.200	487.608	—	5	Мексико
Тласкала	4.132	166.803	41,7	5	Тласкала
Гидальго	23.101	548.039	23,7	14	Пачука
Пуэбла	31.616	979.723	31,0	21	Пуэбла
Вера-Круц	75.651	855.975	11,4	18	Оризаба
Морелос	7.184	9.800	22,2	5	Куернавака
Герреро	64.756	417.621	6,4	13	Чилпансинго
Оахака	91.664	882.529	9,1	26	Оахака
Чиапас	70.524	315.120	4,5	11	С.-Кристобаль
Табаско	26.094	134.794	5,2	12	С.-Жуан-Баутиста
Кемпеш	46.855	88.121	1,9	5	Кампеш
Юкатан	91.201	298.039	3,3	15	Мерида
Мексика	1.983.282	12.578.861	6,3	315	Мексико

Глава III Британский Гондурас

(Британский Гондурас или Белиз)

Это колониальное владение Великобритании, одно из самых маловажных громадной империи, представляет собою, с географической точки зрения, не что иное, как кусок земли, произвольно вырезанный в Юкатанском полуострове. Впрочем, на севере, на границах Мексики, Гондурас ограничивается южными берегами бухты Четумал и течением рио-Хондо. На юге, у Гватемалы, другая река, Сарстун (Sarstoon), была избрана политической раздельной линией, до порогов, известных под названием Грасиас-а-Диос. От этого места фиктивная раздельная линия направляется несколько к северу, к другому водопаду Гарбётт-Фольс, на Мопане, к рио-Виехо или Белизе, и оттуда идет до того места, где встречается с рио-Хондо: эта линия, определенная трактатом 1860 г., но не подвергавшаяся ещё точному измерению, считается приблизительно совпадающею с 89°30’ зап. долготы (от Гринвичского меридиана).

Будучи естественной составной частью Юкатана, английская территория Гондураса и с исторической точки зрения должна бы была принадлежать тоже Мексике: и только по давности она продолжает ещё оставаться иностранным владением, конечно, до того лишь дня, когда испано-американцы сделаются достаточно сильными, чтобы вернуть эту часть своих владений и дать восторжествовать доктрине Монро: «Америка американцам!» В 1506 или 1508 г. Яньес Пинсон и Жуан-Диац-де-Солис впервые увидели берега Белиза, и с тех пор вся эта страна считалась испанской. В конце XVII века английские пираты овладели островом Карменом, замыкающим на половину большую внутреннюю лагуну Терминос, и остава-

лись на них хозяевами до 1717 г. Изгнанные с этого острова прибывшей из Вера-Круца флотилией, они укрылись на другой стороне Юкатанского полуострова и основали там лагерь, который от имени их начальника Валлиса стал известен под названием Балисе или Белизе (Balice, Belize). Стоя во главе индейцев и негров-метисов, они постепенно захватывали окрестные области и легко там водворялись, благодаря их отдаленному положению от центра испанского владычества. Но в 1730 г. против них была составлена большая экспедиция; суда их были забраны, а хижины и груды леса преданы огню; но как только испанцы ушли, они снова возвратились из лесов, в которых укрывались. Новая экспедиция обратила их во вторичное бегство; но, после этого, вернувшись опять на старое гнездо, они воздвигли при входе в реки укрепленные посты и с того времени были защищены от всяких нападений[1]. В 1763 г. Парижский трактат даровал им, наконец, право пользования захваченной территорией, но с исключительною целью эксплоатации и торговли лесов; они принуждены были сломать свои крепостцы и ограды; всякое окончательное поселение для целей культуры, основание муниципальных городов, организация вооруженной силы были им запрещены, и страна в политическом отношении продолжала оставаться владением Испании. Версальский трактат 1783 г. подтвердил эти условия, увеличив вместе с тем пространство лесной дачи, предоставленной в пользование потомкам пиратов. Однако, Англия имела силу, и состояние войны, в котором находились обе нации, в конце прошлого столетия, а также маленькое морское сражение в 1798 г., позволили англичанам присвоить себе по праву завоевания территорию, которою они владели по милостивой концессии: таким образом они могли присвоить себе права полного суверенитета, которые, впрочем, и оспариваются-то у них только для формы. Кроме того, колонисты мало-по-малу захватывали земли, лежащие за границами их прежних владений, и таким образом с годами значительно расширили эту территорию, так что раздельная линия, которою прежде служила рио-Сибун, отодвинулась на 180 километров южнее, до берегов залива Аматик.

В нынешних своих пределах, Британский Гондурас занимает площадь в 21.475 кв. километр., но населен он весьма слабо: в конце 1897 г. число жителей его определяли в 34.000 чел., что составит полтора человека на 1 кв. километр. Из всех стран Центральной Америки Белиз имеет самое редкое население. Следовательно, в этой части земного шара англо-саксы не имеют права противоставлять свою победоносную энергию и любовь к прогрессу лености испано-американцев. Впрочем, они здесь с трудом приспособляются к среде: во всей колонии их насчитывается не более 400 человек, т.е. значительно меньше, чем испанских метисов и потомков политических эмигрантов, пришедших из республик Центральной Америки. Главная часть городского населения состоит из более или менее смешавшихся африканцев, а в разбросанных деревушках—из караибов, т.е. из индейцев, имеющих действительно кровное родство с ссыльными из Сент-Винцента, которых англичане сослали, в 1797 г., на острова Бухты. В пятидесяти километрах выше города Белиз, река окаймлена целым рядом искусственных холмиков, ещё не исследованных, но которые, по всей вероятности, были либо могилами, либо временными поселениями, где жители спасались во время половодья; они свидетельствуют по крайней мере о том, что страна не всегда была пустыней[2].

Хотя Белиз и находится на расстоянии всего только восемнадцати дней пути от Великобритании, но внутренность его менее исследована, чем Центральная Африка[3]. А между тем это одна из самых счастливых местностей в свете по богатству своих естественных произведений: на одной и той же земле, немного возвышающейся над болотистым прибрежным поясом, плантаторы возделывают одновременно маис, рис и маниок, хлопок, алоэ, кофе, какао и апельсины, бананы, пальмы и каучуковые деревья.

В южной части территории склон, принадлежащий Великобритании, имеет небольшую ширину, и возвышающиеся там холмы по большей части—передовые отроги гватемальских

1 Orozco y Berra, „Apuntes para la Historia de la Geografia en Mexico“.

2 Henderson, „Account of the district Settlement of Honduras“, 1811 г.

3 J. Bellami, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Сентябрь 1889 г.

гор Вера-Пац: самые высокие вершины, видные с моря в этих ещё не исследованных областях, превышают 300 метров; небольшой отдельный массив известковых скал, которому англичане дали название Севен-Хильс, или «Семь холмов», достигает 143 метров; крайним пунктом этой группы небольших гор является мыс, ограничивающий залив Аматик. На севере побережье представляет собою высокий крутой берег, покрытый соснами и несколько отступающий от края моря, так что образует как бы второй берег над низкими землями.

Самые высокие горы Британского Гондураса называются Кокскомб-Маунтэнс, или «горы Петушиного Гребня». Они соединяются с боковой цепью Гватемальской системы, но их высочайшие вершины находятся на английской территории. Главный кряж идет по направлению с запада на восток, и с его северных склонов сбегают ручьи, питающие реку Белиз. Эти горы, нижние склоны которых покрыты густым лесом, тогда как на скатах вершин встречаются только редкия сосны,—состоят отчасти из гранита, о чём свидетельствуют глыбы, скатившиеся в русло горных стремнин; исследователи обратили особенное внимание на твердый известняк, с прожилинами кварца и сланца, подъем на который очень труден: это, по всей вероятности, те *педерналесы*, на которые в 1524 г. отряд Кортеса взбирался целые двенадцать дней во время своей удивительной экспедиции в Гондурас. Самая высокая вершина Кокскомба, которую первый добравшийся до неё человек, согласно обычаю английских исследователей, не преминул назвать «пиком Виктория», достигает 1.127 метров высоты над уровнем моря; другие остроконечные вершины, из которых одна носит название путешественника Беллами (823 метра), идут по направлению к востоку, затем горная цепь довольно круто понижается, имея предгорьями только небольшие холмы. Кульминационную точку представляет игла, недоступная с виду, до которой добирались с помощью канатов, и откуда взор охватывает обширный горизонт, до гор Омоа, более чем на 150 километров по направлению к юго-западу, в республике Гондурас. Со всех сторон виднеется беспредельное пространство горных вершин и долин, покрытых сплошным лесом; ни одной открытой равнины, ни одного из тех озер, про которые говорили туземцы и которых можно было ожидать в этой области. Геологи открыли в Кокскомбе и в пограничных с ним Гватемальских городах рудные месторождения железа и свинца, а также следы серебра и золота[1]; но когда эти горы будут связаны с прибрежными портами, они получат большую цену в особенности для земледельцев, благодаря своим плодородным долинам и более здоровому климату, чем на равнинах. Со временем здесь будет, вероятно, основана санатория Белиза.

Поля этой области орошаются обильными дождями, излишек которых сбегает к морю по многочисленным и могучим рекам. Река Сарстун, составляющая южную границу территории, имеет при устье 600 метров ширины, и около 2 метров воды на баре: лодки, переходящие через её порог, находят в некоторых местах глубину в 11 и даже 13 метров. Реки, текущие к северу от Сарстуна, и большая часть которых уступает в длине этой реке, начинающейся далеко внутри Гватемалы, по судоходству так же значительны, как и Сарстун. Некоторые из них настолько многоводны, что наполняют по обе стороны береговые лагуны и выдвигают далеко в море две аллювиальные губы. Одною из самых значительных рек этого берега считается Сибун, который впадает в море на несколько километров южнее столицы, перерезав область известковых холмов, просверленных подземными галлереями. Он получает часть вод, сбегающпх с Кокскомба, но значительно меньше, чем река, известная вообще у англичан под названием Белиз: это Мопан, который берет начало к юго-востоку от озера Ица или Петен, в Гватемале, и извивается затем по направлению к северо-востоку. У Гарбеттских водопадов он входит в британскую территорию и меняет свое прежнее название на испанское, протекая уже под названием рио-Виехо, или «Старой Реки», вероятно, потому, что уже до прибытия английских пиратов эта река была утилизирована. Она приносит весьма значительное количество осадков в неглубокую часть моря, куда впадает, образуя длинный аллювиальный полуостров за нормальной линией берегов. К северу от этого могучего водного потока нет больше реки, достойной такого названия, до юго-западного угла Чету-

1 Fowler, „Proceedings of the R. Geographical Society“. 1880.

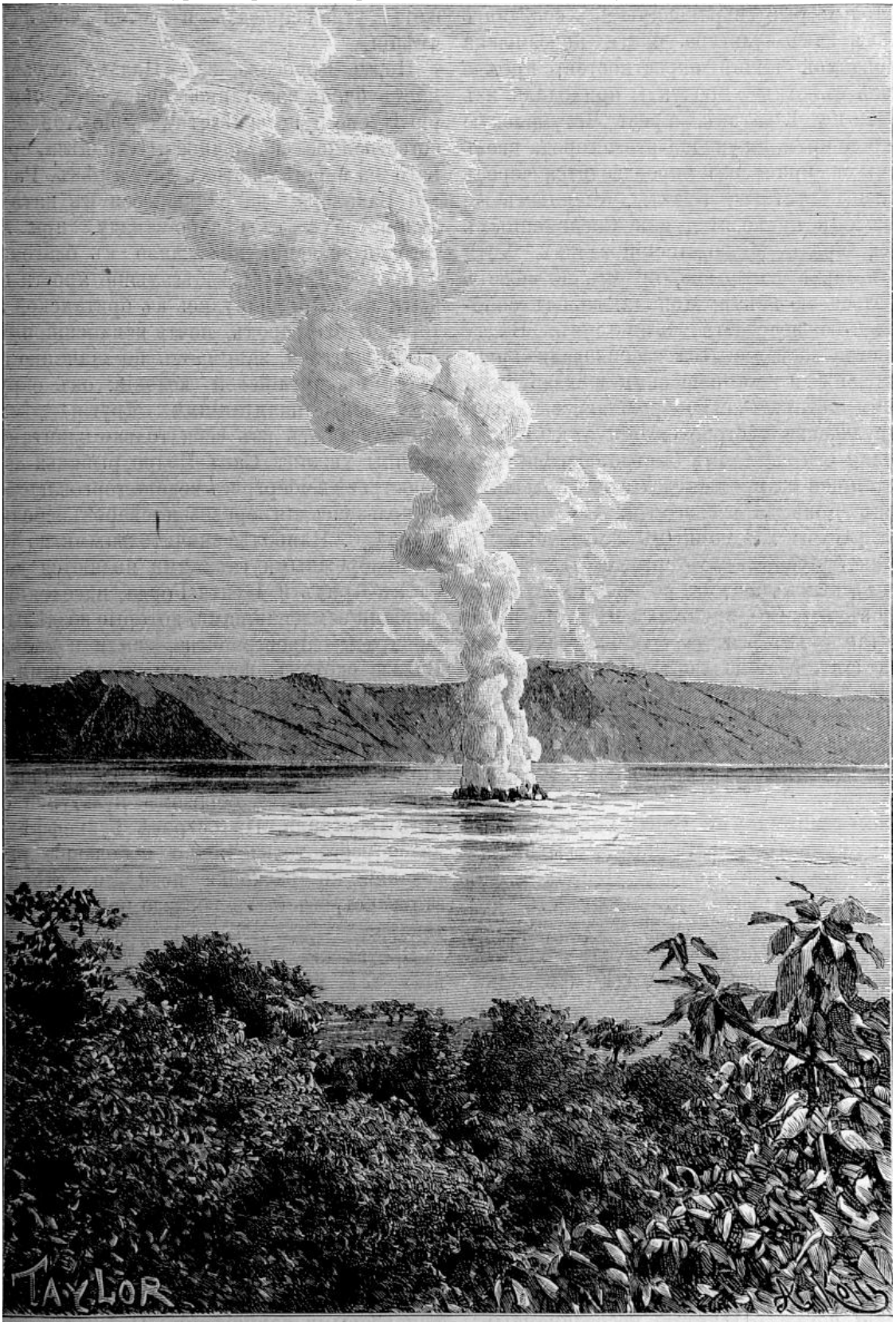
малской бухты, куда изливаются две реки, Нуево и Хондо; эта последняя заслуживает названия «Глубокой», так как она судоходна на большей части своего течения, служащего границей между английской территорией и странами, хотя и принадлежащими оффициально Мексике, но занятыми ещё независимыми индейцами. Реки Нуево и Хондо протекают по низким областям, усеянным неглубокими озерами, которые соединяются протоками с изменчивым руслом этих рек.

От входа в бухту Аматик до самой бухты Четумал, на пространстве около 250 километров, континентальный берег, изрезанный устьями рек, окаймлен во всю длину другим берегом, состоящим из мелей и коралловых рифов, на котором там и сям виднеются подводные камни и лесистые острова и островки: даже на подводной почве образуются ряды корнепусков. Пространство земли, заключенное между двумя берегами, имеет не менее 30 километров в ширину и в большей части своего протяжения занято мелями, покрытыми слоем воды всего только в несколько метров; тем не менее идущие параллельно берегу, между коралловыми массивами, излучистые каналы, где суда вполне защищены от морской зыби, представляют для каботажного плавания отличную линию внутреннего судоходства. Издали эта цепь бурунов, отделяющая береговые лагуны от глубокого моря, кажется непереходимой и, действительно, там нельзя пройти без лоцмана, даже запасшись лучшими картами. Впрочем, некоторые из брешей имеют очень глубокую воду: такова брешь Белиз, где суда находят глубину в 14—55 метров; зато другие настолько мелки, что рыбаки могли бы переходить их в брод: между островом Амбергрис, самою длинною мелью, и твердым берегом Юкатана проход дотого мелок, что там могут плавать только лодки, имеющие не более 70 сантиметров осадки. Четумалская бухта, которую Амбергрис отделяет от моря, представляет то же явление, как и две юкатанские бухты Эспириту-Санто и Асенсион, лежащие севернее; но она значительно обширнее, занимая пространство в тысячу квадратных километров. Этот громадный бассейн есть, так сказать, лаборатория коралловой жизни: рифы, ещё не совсем сформировавшиеся, сидят под водою приблизительно на 3—5 метров. У самого входа бухты они всего выше; рост их значительно замедляется по мере углубления залива, так что там встречаются впадины в 7—8 метров. Одни только плоскодонные суда, грузящиеся лесом при устьях рек, отваживаются входить в этот обширный внутренний залив.

Замечательно, что два берега,—берег твердой земли, уже окрепший, и цепь cayos,—почти параллельны один другому, и последний берег как раз служит продолжением восточного берега Юкатана. Это ещё не всё: долина, по которой протекает рио-Виехо, или река Белиз, выше своего большого изгиба, продолжается на север лагунами и другой долиной, долиной реки Нуево (New river), которые все расположены по одной оси и образуют, вместе с западным берегом Четумалской бухты, одну линию, параллельную линии обоих берегов. Русло рио Хондо имеет то же направление, как будто оно идет вдоль основания утеса, бывшего некогда также берегом. Кроме того, внутри Юкатана две соединяющиеся лагуны, Марискаль и Бакалар, тянутся по тому же направлению и, если карты этой британской части Юкатана верны, и другие лагуны, Агуада-Сан-Педро, Агуада-Консепсион, Агуада-Каролина, расположены в длину по направлению общей оси, которая, повидимому, есть ось последовательного образования берегов. Геологическое исследование внутренней страны даст возможность проверить точность этой гипотезы, если подтвердит предположение, что берега лагун и параллельных рек в этом краю состоят из коралловых скал, образующих, по направлению от востока к западу, серию террас, вроде лестницы с очень удлиненными ступенями. Это будет явление, аналогичное с тем, какое представляют собою концентрические берега Флориды, постепенно построенные морскими полипами в течение веков. Острова залива, лежащие за цепью подводных рифов, также расположены по длине параллельно оси берегов и принадлежат к той же формации. Острова Турнефф (Tierra nueva), букеты зелени, лежащие перед Белизом, покоятся на цоколе из рифов, каналы которых, частью засыпанные песком, служат для рыбаков естественными резервуарами рыбы и черепах. Турнефф может быть рассматриваем как большой остров, лежащий на одной линии с банкою Чинчорро и островом Козумель, в прибрежной части моря, омывающего Юкатан. Это как бы фундамент будущего бе-

рега. Ещё дальше в открытом море рифы Гловер и Лайт-Хоус возвещают другой берег в периоде образования.

Британский Гондурас, простое чересполосное владение у основания Юкатанского по-

Вулканъ Илопанго.

луострова, лежащее между Мексикой и Гватемалой, мало отличается от последних по климату. Средняя температура в Белизе от 26 до 27 градусов по стоградусному термометру; летом она не подымается выше 30 градусов, но часто бывает тягостна, вследствие чрезмерного

скопления влаги в атмосфере. В этом городе, окруженном водой, реками, болотами и лагунами, часто бывают туманы и обильные росы; на ясном небе редко можно видеть луну и звезды; когда дует западный ветер, то вместе с болотными испарениями появляются москиты и в то же время начинаются перемежающиеся лихорадки. Лучшим временем года считается зима, когда преобладают северные ветры; издали доносится в это время непрерывный гул волн, разбивающихся о цепь подводных камней, тогда как перед Белизом водное пространство остается ненарушимо спокойным и гладким. Флора и фауна в Белизе такия же, как и в Юкатане, но здесь во всех долинах, не содержащих в своей почве известняка и хорошо орошаемых, леса гораздо обширнее и гуще. Внутри страны они чередуются с пастбищами, как в Петене, и здесь можно бы было разводить целые сотни тысяч голов скота, если бы не бич *нигуа*, или нарывная блоха (pulex penetrans), недавно проникшая сюда с востока. Моря Британского Гондураса изобилуют рыбой, а также черепахами, которые идут на Лондонский рынок.

Город, который носит ещё в испанской форме Белизе имя своего основателя, пирата Валлиса, расположен на берегу внутренней лагуны, на земле, лежащей в уровень с водою и орошаемой рекою Мопан, Белизе или рио-Виехо: в устье реки с одной стороны городской набережной на другую перекинут деревянный мост. Почва, содержимая в замечательной чистоте, дотого низка, что её пришлось искусственно поднимать посредством судового балласта и попорченных деревьев, и при всём том достаточно, чтобы прилив был немного сильнее обыкновенного, хотя меньше даже полуметра,—чтобы дома были затоплены. Впрочем дома эти очень легкие, почти все деревянные или стоящие на сваях: ни камень, ни кирпич не годятся здесь, как строительный материал, так как они оседали бы в топкой почве. Тотчас за городом тянутся пруды и болота с построенными через них дамбами, которые соединяют с берегом разбросанные домики; на островах рейда, считающихся более здоровыми, чем самый берег, находится несколько загородных вилл. Морское дно служит продолжением низкого берега: порт может принимать только суда незначительной осадки; кроме того, он открыт восточным ветрам, но волны разбиваются о прибрежные островки и о находящиеся в открытом море рифы. Крепость, построенная в уровень с водою, защищает проход.

Для продовольствия своих жителей, Белизе имеет только рыбу и раковины из соседнего моря, так как культура почти невозможна на заливаемой почве окрестностей; прежде почти все съестные продукты приходили из Бакалара, на Юкатане, через Четумалскую бухту; но со времени упадка этого города ввоз жизненных припасов производится через различные береговые пункты, главным же образом они привозятся из Соединенных Штатов через Мексиканский залив. Хотя Белизе и окружен водою, но он не может пользоваться ею из р. Мопана: город снабжается водою посредством цистерн. В ту эпоху, когда соседние леса изобиловали крупными красными, кампешскими и кедровыми деревьями, которые легко сплавлялись на плотах, неудобство местоположения этого города не мешало его жителям быстро обогащаться. В настоящее же время недостаток больших деревьев принудил жителей, состоящих большею частью из черных и мулатов, изменить свой промысел: торговля Белизе состоит главным образом во ввозе продуктов и товаров из Соединенных Штатов и Великобритании, которые отсюда расходятся по всем атлантическим портам Гватемалы и Гондураса. Пароход, совершающий рейсы между Новым Орлеаном и Белизе, служит самым деятельным посредником в этой торговле; вывоз состоит главным образом из фруктов.

Торговое движение в Брит. Гондурасе в 1897 г.: привоз—1.422.097, вывоз—1.404.387 доллар.; в том числе привоз из Англии—486.463, вывоз в Англию—769.867 долл.

Движение судоходства: в приходе—641 судно, в 194.144 тонны; в отходе—633 судна, в 196.189 тон.

Городское население, состоявшее в 1844 г. из 10.800 жителей, в 1887 г. не превышало 5.800 человек, а когда между портами Центральной Америки и Европы, а также Соединенных Штатов установятся более частые прямые сообщения, население Белизе ещё уменьшится, если только не разовьется культура сахарного тростника, кофе, бананов, апельсинных и

каучуковых деревьев, генекена, если на сухой почве внутри страны не будут устроены загоны для скота и если британский порт останется несоединенным правильными путями сообщения с округом Петен и Юкатаном (в 1887 г. в этой колонии было обработанной земли: 17.840 гектаров; необработанной 1.940.700 гектаров). Но такая будущность ещё очень далека, потому-что нигде монополия не развита так сильно, как здесь, в пользу нескольких постоянно отсутствующих землевладельцев: одна земельная компания владеет более, чем третью всей колониальной территории, хотя не может утилизировать и сотой части своего имения.

Порт Коросаль, или «Пальмовник», занимает очень счастливое положение, при устье рио-Нуево и по соседству с рио-Хондо: это—естественное складочное место леса, срубленного на берегах этих двух рек. Разрушение Бакалара, находившагося в пятидесяти километрах к северо-западу, при лагуне того же названия, послужило к благополучию Коросаля; беглецы, избегнувшие ярости индейцев, массами двинулись к британской территории. Этот город, почти испанский, имеющий 5.000 жителей, занимает по значению второе место в английской колонии: он окружен сахарными плантациями. Другие местности представляют из себя только плантации или группы хижин. Сан-Педро, рыбачья деревня на острове Амбергрис ведет торговлю с Белизе, пользуясь для перевозки товаров небольшими шкунами. Наиболее значительными по торговле прибрежными гаванями являются деревни Стон-Крик и Пунта-Горда, населенные караибами-землепашцами, которые возделывают обширные пространства земли и снабжают Белизе скотом, фруктами и овощами. Пришедшие из Южных Соединенных Штатов негры поселились, в количестве семисот человек, в пятнадцати километрах от Пунта-Горда и основали город Толедо; они занимаются главным образом культурой сахарного тростника. На острове Турнеффе находится всего только одно небольшое рыбачье селение; но раскопки показали, что прежде этот остров был гораздо населеннее, чем теперь.

Британский Гондурас—«коронная колония», т.е. непосредственное владение государства: он управляется губернатором, которому помогает законодательный совет, состоящий из десяти членов. Ежегодный бюджет, превышающий миллион франков, заключает в себе пособие от Великобритании, но главные его доходы получаются от таможенных пошлин. Продажа земель, стоящих здесь относительно в высокой цене, по 25 франков за гектар, дает весьма небольшую поддержку правительству: ни один бедняк колонист-землепашец и не думает селиться по соседству с могущественными финансовыми компаниями. Небольшое войско, отряженное с Ямайки, стоит гарнизоном в Белизе и в других местах колонии. В 1872 г. это войско должно было защищать границу от набегов индейцев племени майя. Чернокожие жители Белизе пользуются привилегией самоуправления; во время возникающих между собою распрей, они обращаются к посредничеству избранной ими королевы, которую они с большим торжеством возводят на трон.

Глава IV Центральная Америка

I. Общее обозрение

Длинная полоса земель, заключающаяся всецело в тропическом поясе, которая тянется с северо-запада на юго-восток, между Тегуантепекским перешейком и долиной реки Атрато, представляет область, совершенно отличную от двух континентальных масс Нового Света, Северной и Южной Америк; однако, её обыкновенно причисляют к Северной Америке, потому что она постепенно суживается, приближаясь к андскому материку. В предшествующий геологический период эта область была не что иное, как цепь островов, подобная Ан-

тильским. Так как исследование этих стран пока ещё производилось отрывочно и бегло, за исключением разве некоторых отдаленных друг от друга округов, то нельзя с точностью определить, какая была форма островной цепи до того времени, когда закрылись проливы. Впрочем, вероятно, и не было точного совпадения для эпох закрытия, и иной проход, быть может, продолжал существовать ещё в течение целых земных периодов, в то время, как другие проходы были уже завалены наносною землею или эруптивными скалами. Между этими древними путями сообщения между двумя океанами есть такие, первоначальные берега которых можно ещё до сих пор ясно распознать: таковы Тегуантепекский и Никарауаский проливы. Полуострова Коста-Рика и Панамский соединяются с материком посредством перешейков, в которых также легко признать характер засыпанных проливов. Другие проходы труднее отыскать; однако, не подлежит сомнению, что в давнюю эпоху море занимало также среднюю низменность Гондураса, у порогов Гуажока и Ранчо-Чикито, и впадину центрального плоскогорья Коста-Рики, около ущелья Очомого. Другие проходы открывались между бухтами Чирикуи и Давид; Панамский и Дариенский каналы были предуказаны естественными путями, а долина Атрато занимает место длинного морского пролива[1].

Самая узкая часть перешейков, при политических разделах, отошла к одному государству Южной Америки. Но оффициальные разграничения не согласуются с раздельными линиями, ясно начертанными самой природою. Граница Центральной Америки всё-таки определенно отмечена в колумбийской территории течением р. Атрато, лесистыми болотами её берегов и низменностью, которая соединяет этот речной бассейн с бассейном реки Сан-Жуан. Впрочем, чисто географический факт не может иметь решающего значения для группировки этнических элементов: они группируются по своему желанию, согласно своим интересам и симпатиям.

Центральная Америка, взятая в самом тесном политическом значении, т.е. как область перешейков, без Чиапаса, принадлежащего Мексике, и без двойной дуги Панамы, составляющей одну из провинций Колумбии, часто образовывала оффициально одно политическое целое. Под испанским владычеством королевская Аудиенция Гватемалы, в состав которой входил также Соконуско, сделавшийся современем мексиканским простиралась на юг до бухты Чирикуи. В 1823 г., во время провозглашения гватемальской независимости, южные провинции продолжали составлять часть государства, столицей которого была Гватемала; но в 1838 г., после многочисленных междоусобиц, федеральная республика, которую они составляли вместе с северным округом, окончательно распалась, и Центральная Америка разделилась на пять автономных государств Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рику. Однако, эти небольшие разлучившиеся и зачастую враждебные друг другу республики всегда смотрели на себя как на особую семью в совокупности испано-американских обществ, и для восстановления политического единства делались разные попытки, как миролюбивого, так и насильственного характера. Жители этих раздробленных республик, столь слабых в сравнении с большими государствами, оспаривающими друг у друга политическое преобладание на берегах американского Средиземного моря, чувствуют себя униженными своим бессилием и рассчитывают современем занять лучшее положение, когда явятся тесно сплотившейся нацией в количестве более трех миллионов человек.

Уже в 1879 г. конституция Гватемалы предвидела, что рано или поздно между различными республиками установится тесный политический союз, и обещала сохранять и поддерживать с ними «родственные и дружественные отношения»; кроме того, она объявила о желании народа сплотиться снова в более обширную национальность Центральной Америки: всякий уроженец одной из соседних республик становился по праву гватемальским гражданином, если выражал о том свое желание. Правда, что ко всем этим законодательным актам собратства присоединились военные приготовления, чтобы принудить к союзу другие республики, если бы они не осуществили его добровольно. В 1886 г., Гватемала предложила созвать конгресс для подготовления новой федерации, а в следующем году было постановлено,

1 H. Pittier, рукописные заметки.—„Bulletin de la Societe de Geographie de Neuchatel“. 1890.

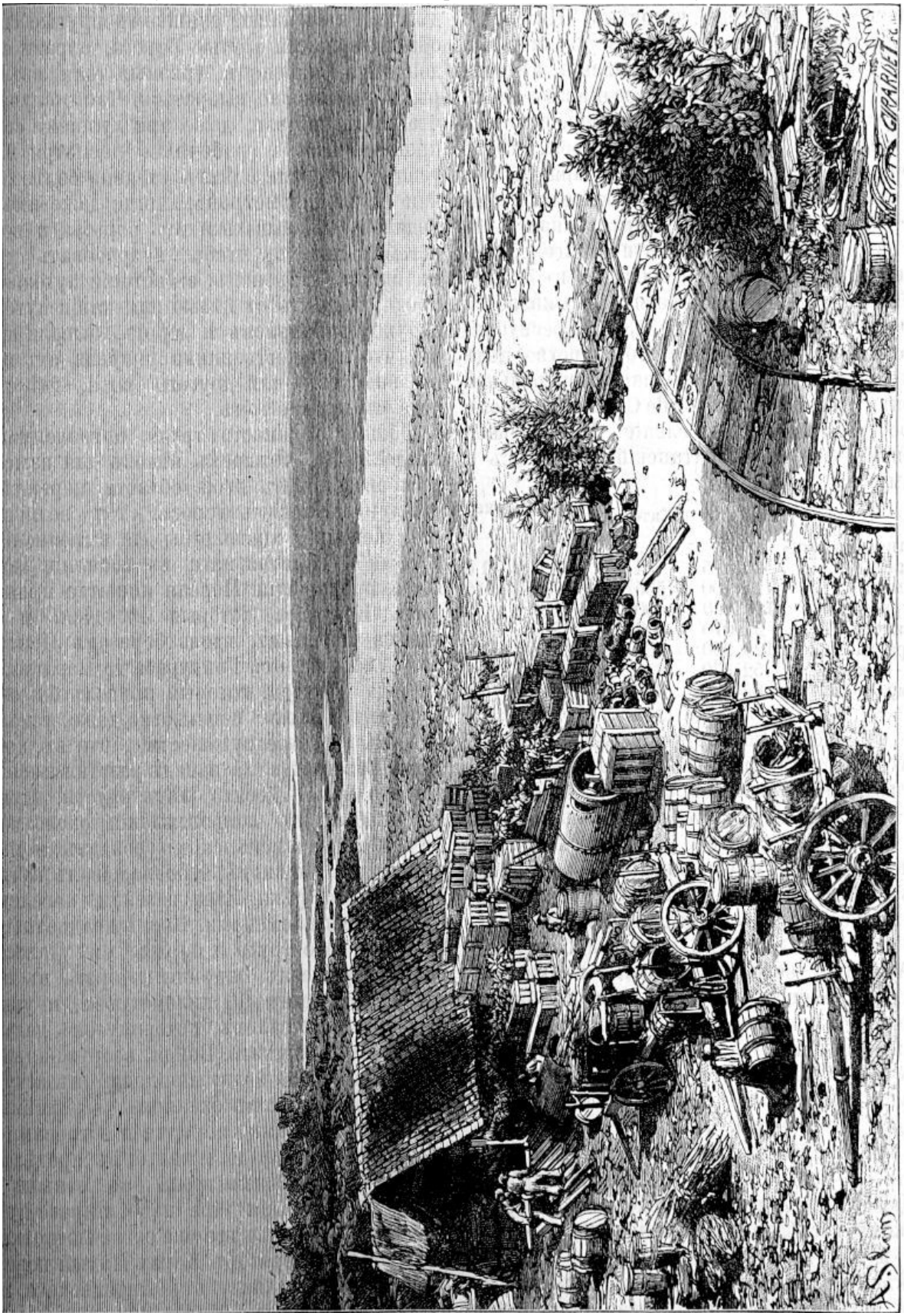
что всякия распри между республиками будут впредь решаться не войной, а третейским судом: чтобы постановление это подтвердить примером, Коста-Рика и Никарагуа, споривше в то время из-за границ, обратились к суду президента Соединенных Штатов. Наконец, собравшийся в 1889 г. в городе Сан-Сальвадоре конгресс заключил договор о союзе, по которому пять республик соединяются в федерацию, под названием Центро-Америки, пока на десятилетний срок. По этому оффициальному проекту, время искуса должно окончиться в 1900 г., когда будет вотирована окончательная конституция; каждый год представители различных федеральных штатов должны собираться в одной из пяти столиц, назначаемых поочередно по жребию. Таможни упразднены на соответственных границах, а публичные службы, как, например, почта и телеграф, становятся общими для всей Центральной Америки. Но едва был подписан договор о союзе, как тотчас же обманутые честолюбия уничтожили его, вызвав войну между Сальвадором и Гватемалой.

Говоря о разъединении республик перешейка, обыкновенно обвиняют, и совсем несправедливо, беспокойный и воинственный дух туземцев, которым, будто бы, нравится воевать без цели. Между тем, географическое положение страны дает объяснение этому политическому дроблению. Провинции могли оставаться соединенными под общим давлением в то время, когда монополия и инквизиция держали всех в оцепенении; но как только проснулась местная инициатива, населения, столь отдаленные друг от друга, как нации Центральной Америки, лишенной в то время всяких скорых путей сообщения, не могли приноровиться к режиму крайней централизации: образование нескольких отдельных государств сделалось неизбежным явлением, политическое единство свободных общин не могло существовать там, где не было никакого географического единства. Альтосы Гватемалы и плоскогорья, продолжающие их к юго-востоку, плодородные равнины Сальвадора, долины Гондураса, низменность, простирающаяся от бухты Фонсека до озера Никарагуа, наконец плоскогорье, лежащее на половине высоты вулканической цепи Коста-Рики,—все эти области представляют собою центры самостоятельной жизни, не имеющие почти никаких естественных отношений между собою.

Самая длиннота Центральной Америки, простирающейся почти на 1.200 километров при весьма незначительной средней ширине, казалось, вперед уже указывала на то, что между различными этническими элементами этого края должен быть разрыв. Но зона населения ещё гораздо уже, чем самая полоса земель: почти все культурные народы, испанцы или метисы, поселились вдоль берега Великого океана, тогда как на противоположном склоне бассейны больших гватемальских рек, северные леса Гондураса, почти неисследованные долины Москитии, являются, так сказать, пустынными областями, редкое население которых находится ещё наполовину в диком состоянии. Культурное население, образовавшееся в республиканских штатах, сосредоточено только в узкой цепи городов и деревень этой и самой по себе уже узкой территории Центральной Америки. Этот этнический контраст между двумя морскими покатостями объясняется главным образом различием почвы и климата: в поясе, соседнем с Южным морем, находятся самые плодородные и не столь сырые местности, где климат представляет более правильные переходы между сухим временем года и сезоном дождей. Но существуют ещё и другие причины относительной безлюдности атлантических берегов. Колумб первый увез оттуда людей, а по его примеру там же стали запасаться рабами антильские плантаторы. Вся зона земель, доступных с моря и с рек, была опустошена, и прибрежные жители, которые могли спастись от торговцев живым товаром, убежали далеко внутрь страны. С своей стороны, испанские колонисты не могли устраивать торговые фактории и плантации в стране, лишенной населения и культуры. Между тем им во что бы то ни стало требовались укрепленные посты, чтобы поддерживать сообщения с метрополией; но когда пираты и корсары различных национальностей завладели, после испанцев, антильскими морями, они зачастую нападали на эти посты и захватывали их. Из двух побережий Центральной Америки то, которое обращено к Европе, было «мертвым» берегом, а идущее вдоль огромных пространств Великого океана было «живым берегом». Все новости передавались чрез западное побережье до Акапулко или Сан-Бласа и, таким образом, хотя и с тру-

дом, поддерживались сношения между двумя «Испаниями» Старого и Нового Света.

Но с тех пор, как Центральная Америка перестала принадлежать отдаленной державе, обстоятельства существенно изменились. Прежде всего население увеличилось более, чем в

Либертадъ. Портъ Санъ-Сальвадора.

три раза: во время переписи 1778 г. «королевство» Гватемала, за исключением Чиапаса, имело 847.000 жителей, а общая численность подданных, которых испанская корона потеряла во время провозглашения Гватемалою независимости в 1821 г., определялось в миллион

человек. Население пяти республик с этой эпохи увеличилось более, чем втрое; группы населения, некогда изолированного, постепенно соединялись между собою промежуточными колониями, и атлантический склон, охваченный культурою, имеет уже свои города и порты. Благодаря заселению, которое здесь идет относительно быстрее, чем в Мексике, Центральная Америка созрела уже для политического единения; но главной причиной близкого к осуществлению соединения пяти республик является уменьшение расстояний. *С 1897 г. республики эти образуют союзное государство под именем «большой республики Центральной Америки» (republica mayor de Centro-America).

Пространство и население Центральной Америки, включая Британский Гондурас и Панаму:

	Кв. кил.	Жителей	На кв. кил. жителей
Британский Гондурас	21.475	34.277 (1897 г.)	1,6
Гватемала	125.100	1.536.632 (1897 „)	12
Гондурас	119.820	400.000 (1898 „)	3
Сальвадор	21.070	803.534 (1894 „)	38
Никарагуа	123.950	380.000 (1895 „)	2,5
Коста-Рика	52.570	253.040 (1894 „)	4,7
Панама	82.600	300.000 „ „	4*

В ту эпоху, когда прибрежное плавание происходило исключительно на парусных судах, взаимные сообщения народов были редки и непостоянны; они зависели от времени года и ветров, и даже при самых благоприятных условиях совершались гораздо медленнее, чем теперь, при услугах пара. Правильные рельсы пакетботов сократили более, чем на девять десятых размеры Центральной Америки, если их считать не километрами, а временем, употребляемым на переезд; кроме того, обыкновенные и железные дороги, проведенные между двумя морями, почти совсем сблизили берега, прежде находившиеся друг от друга на расстоянии нескольких дней или даже недель пути.

По благоустройству эту страну нельзя сравнивать с Соединенными Штатами и Европой. Даже предварительные работы по географическому исследованию страны ещё не окончены, и некоторые области, хорошо известные в прежния времена, как, например, рудная область Дариена, снова пришли в забвение. В необитаемых местностях дороги, идущие через болота, и горы, поросшие густыми лесами, представляют такия большие препятствия, что всякая экспедиция, если она недостаточно многочисленна, подвергается большой опасности, не считая всех неудобств влажного и жаркого климата: проводники должны прокладывать путь через деревья и сцепившиеся лианы ударами маншеты; при этом необходимо, чтобы они умели обходить девственные чащи, слишком крутые спуски, обваливающиеся крутые берега, овраги с водопадами, наконец, грязные топи, из которых невозможно выбраться. Часто случалось, что исследователи, даже при лучшем составе проводников и рабочих, несмотря на все усилия, не могли сделать в день более одного или двух километров; иногда даже им приходилось отказываться от борьбы и возвращаться назад, чтобы испробовать другой маршрут. Наконец, в истории путешествий, предпринятых с целью изыскания путей для будущих каналов и дорог, бывали примеры, что путешественники умирали от голода в виду того или другого моря, где стояли суда с провиантом.

Общая сложность труда, потраченного в продолжение четырех веков для изыскания и проведения в этой области перешейков между океанских дорог, столь велика, что его, конечно, хватило бы для выполнения какого-либо капитального в экономии земного шара предприятия. Первая попытка принадлежала Колумбу, который в 1502 и 1503 годах проплыл вдоль берегов Центральной Америки, от Гондураса до Верагуа, всюду ища прохода, который привел бы его к «устьям Ганга»: неизвестно даже, узнал ли он в это свое путешествие, что в небольшом расстоянии на запад расстилались воды другого моря. Десять лет спустя, Нуньес де-Бальбоа, в сопровождении около восьми сот человек испанских солдат и индейских носильщиков, прокладывал путь через болота, реки, леса и земли, населенные вражескими

племенами. После двадцати трех дней упорного труда и борьбы, ему удалось перейти перешеек, ширина которого в этом месте достигает 66 километров, и увидеть перед собой залив, которому он дал название Сан-Мигуэль. Войдя, вооруженный, в поднимающуюся волну прилива, он вступил во владение новым океаном, «со всеми его странами, берегами, портами и островами, от северного полюса до южного, в пределах и за пределами обоих тропиков, отныне и во веки, до скончания мира и до Второго пришествия»[1]. Но пролив всё ещё оставалось открыть: в 1523 г. император Карл Пятый повелел искать его к западу от Антильского моря, в то время, когда Магеллан уже открыл его, но на юге американского континента.

Когда убедились, что между Караибским и Южным морями не существует судоходного пути, тогда, весьма естественно, должна была родиться мысль о проложении искусственного через тот или другой узкий перешеек, разделяющий два океана. Подобное предприятие было не по силам оскудевшей Испании; тем не менее, время от времени всё-таки предпринимались экспедиции с целью прорытия канала на Тегуантепекском перешейке, на берегах Сан-Жуана и озера Никарагуа, в Панаме, на Дариенском перешейке. Но со времени утверждения независимости колоний Центральной Америки, проекты междуокеанского канала быстро нарождались один за другим, имея в своем основании личные или коллективные изыскания, путешествия или важные экспедиции, правительственные вызовы или концессии, или даже начавшиеся уже работы по грандиозному предприятию. Летописи Средней Америки перечисляют около сотни различных планов и смет относительно прорытия перешейков с тех пор, как в 1825 г. мексиканский Конгресс постановил снова измерить Тегуантепекский порог и при лучших условиях дать новый ход проекту, представленному Орбегозо в 1771 г. Нужно также присоединить к сумме затрат, сделанных в видах прорытия перешейка, расходы по снаряжению экспедиций, крейсированию, блокадам, бомбардировкам, которые английское и американское правительства предпринимали в различное время на берегах Центральной Америки. Подобно Константинополю и Александрии, Панама является обязательным местом перехода для постоянно возрастающей мировой торговли, и если когда-нибудь, до эры общего умиротворения, народы придут к мысли о нейтрализации жизненных центров, необходимых для благоденствия человеческого рода, то американские перешейки бесспорно станут в ряду этих священных мест.

II. Гватемала

Эта республика, самая важная в области перешейков, так как она заключает в себе около половины всего населения этого края, всё ещё известна, как и Мексика, её северная соседка, под нахуатльским названием; это название Гватемалы—Кваутемаллан—означает, как объясняют некоторые переводчики, «Страну Орлов». Есть ещё другое, менее поэтическое, толкование этого имени: «Земля Поленниц»[2]. Некоторые этимологи пишут У-ха-тец-ма-ла, т.е. группу слогов, означающих «Гора, выбрасывающая воду», так что вся страна, будто бы, называется по имени одной из самых высоких своих гор—вулкана Агуа (Водяного).

Гватемала приблизительно соответствует двум прежним испанским провинциям Квецалтенанго и Гватемала, но границы её во многих местах переместились, а в некоторых областях даже никогда и не были определены. Те границы, которые были, наконец, приняты официальным образом, не совпадают ни с географическими естественными делениями края, ни с распределением народностей. Так, весь Соконуско и часть Чиапаса, по естественному делению, должны были бы принадлежать Гватемале, которой они служат орографическим продолжением, тогда как Петен, населенный, как и Юкатан, племенем майя, и вообще имеющий с этой областью много общего по свойству почвы и по своим продуктам, должен бы состоять в политической зависимости от Юкатана, а не принадлежать к Гватемале, от кото-

1 Oviedo y Valdez, „Histoira general y natural de las Indias“;—Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.—Paul Gaffarel, „Nunez de Balboa“.

2 Otto Stol, „Guatemela“, 1878—1883.

рой его отделяет крутая кордильера[1]: правда, первые фонды, необходимые правительству Петена, исходили из гватемальской канцелярии, так что при распределении завоеванных земель деньги взяли перевес над правом первого занятия, которое принадлежало юкатекам. Со стороны Британского Гондураса, как известно, граница образует прямую линию, направляющуюся через горы и долины, от одного водопада к другому; естественной чертой граница обозначена только в том месте, где её начертало русло реки Сарстун до её впадения в залив Аматик. На востоке территория республики ограничена извилистой линией, которая направляется с северо-востока на юго-запад, от устья рио-Тинто в Атлантическом океане до устья рио-Пица—в Великом. Эта линия в большой части своего протяжения идет по горным хребтам, но во многих местах её начертания чисто условны. В общем Гватемала, исключая её северные равнины, имеет форму треугольника, основанием которого служит побережье Великого океана, тогда как вершина обращена к Гондурасской бухте.

Самая значительная часть территории, составляющей ныне республику Гватемалу, была ещё независимой от испанцев в конце XVII столетия, сто пятьдесят лет после завоевания Юкатана. По словам хроники, один из главных вождей племени итца, изгнанный из Майяпана, древней столицы майя, приблизительно в 1320 г. или в 1440 г., эмигрировал, вместе со своим народом, на юг, а затем, после долгого странствования, поселился, наконец, в лесах, на острове одного большего озера, которому он дал название Петен-Итца, или «остров Итца», и это название перешло впоследствии на всю страну, расположенную на юг от Юкатана. Благодаря счастливому стратегическому положению этого острова и плодородию прибрежных к озеру земель, беглые итца благоденствовали в своей новой резиденции, и слава об их могуществе и богатстве распространилась на далекое расстояние: об их островном городе ходили даже сказочные слухи, будто над ним возвышаются куполы и башни, золотые крыши которых освещают небо. Во время своего полного приключений путешествия в Гондурас, Кортесу пришлось проходить через этот край, и миссионеры рассказывают, что он должен был оставить свою лошадь у итца, и те чтили её как бога, пробовали кормить цветами и дичью, а затем, после её смерти, сделали в память её идола, повелевающего бурям[2]. После Кортеса, первые испанцы, которые пытались было проникнуть в область Итцу, в 1662 г., были захвачены врасплох индейцами и все до последнего перебиты. В 1696 и следующем годах предпринимались новые экспедиции из Гватемалы, но они тоже не достигли таинственного озера: только в 1697 г. Мартин де-Уруса, после долгого приготовления средств атаки, при чём была даже проложена через лес дорога, повел свое небольшое войско из Кампеша на берега озера Петена и, благодаря пушке и мушкетам, обратил в бегство тысячи итца, защищавших свою островную крепость.

Индейцы, лакандоны и другие, живущие в высоких долинах Усумасинты и её притоков, не имели крепости, как итца, и испанцам не было надобности их разгонять; но зато им легче было сохранить свою независимость, беспрепятственно перемещаясь с одной лесной прогалины на другую. Хотя завоеватели и проходили через эту территорию, но не основывались там прочным образом, и когда они уходили, то их временные жилища быстро исчезали, унося вместе с собою и самое воспоминание об их нашествии. О направлении гор и течении рек имелись крайне смутные и разноречивые сведения, так что оригинальные карты значительно отличались одна от другой, да и теперь ещё многие подробности гидрографической сети находятся под сомнением. Но ученые путешественники, каковы Рокстро и Модслэй, начали исследовать эти области Северо-Западной Гватемалы и покрывают её сетью своих маршрутов. Что касается до населенной области, где находятся города и деревни, то кадастр и размежевки связывают их всё более и более с областью точной картографии.

Рельеф Гватемалы очень прост в своем общем строении. Высокая часть плоскогорья идет вдоль берега Великого океана, в среднем на расстоянии от него 80-100 километров, и с этой стороны представляет более крутой и ровный склон, тогда как отлогость, обращенная к Ат-

1 Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amerique Central".

2 Villaguttiere, „Historia de la Conquista de la provincia de el Itza".

лантическому океану, втрое или вчетверо длиннее и тем не менее более неудобная для прохода, вследствие своих крутых оврагов и глубоких ущелий, прорезанных реками. Гватемальский выступ не оканчивается острым ребром: напротив, к вершине он притупляется и расширяется в гранитные плато различной величины, которые местами образуют нечто вроде «столов» или *mesas*, как в Анагуаке. Самые большие неправильности этой сиерры происходят оттого, что вулканы возвышаются на хребте этих гор, а не в том направлении, как в цепи, служащей им пьедесталом. У границы Чиапаса и в Альтосах Квецалтенанго могущественные вулканические конусы возвышаются как раз на верхнем крае плоскогорья, и их склоны совпадают со склонами пьедестала, который их поддерживает; но дальше, у Сальвадора, ось вулканов, идущая почти прямо к юго-востоку, уже расходится с осью сиерры, которая направляется дальше на север, и высокие пирамиды возвышаются на полусклоне, впереди цепи, окаймленные бахромой оврагов[1]. Однако, путешественнику, плывущему в открытом море вдоль гватемальского берега, их вершины, которые он замечает время от времени над горизонтом, кажутся как бы выходящими из самого гребня гор.

Высота края возвышенности, тянущагося над южными берегами Гватемалы, постепенно уменьшается с северо-запада на юго-восток, от границ Чиапаса к Сальвадору. В западной части Гватемалы, называемой Альтосами, или «Высотами», плоскогорья превышают 2.000 метров; Тотоникапам достигает даже 2.500 метров, а главные вершины ещё на тысячу метров выше. Большая Гватемальская равнина, расположенная в центральной части страны, на вершине раздельной линии склонов, представляет среднюю высоту в 1.500 метров; над нею господствуют вдвое более высокие вулканические горы Антигуаского округа. Наконец, в восточной части средняя высота не превышает 1.000 метров; горные цепи прерываются многочисленными брешами, занятыми озерами или речными долинами, которые во многих местах утилизируются в качестве границ между двумя республиками: Гватемалой и Сальвадором.

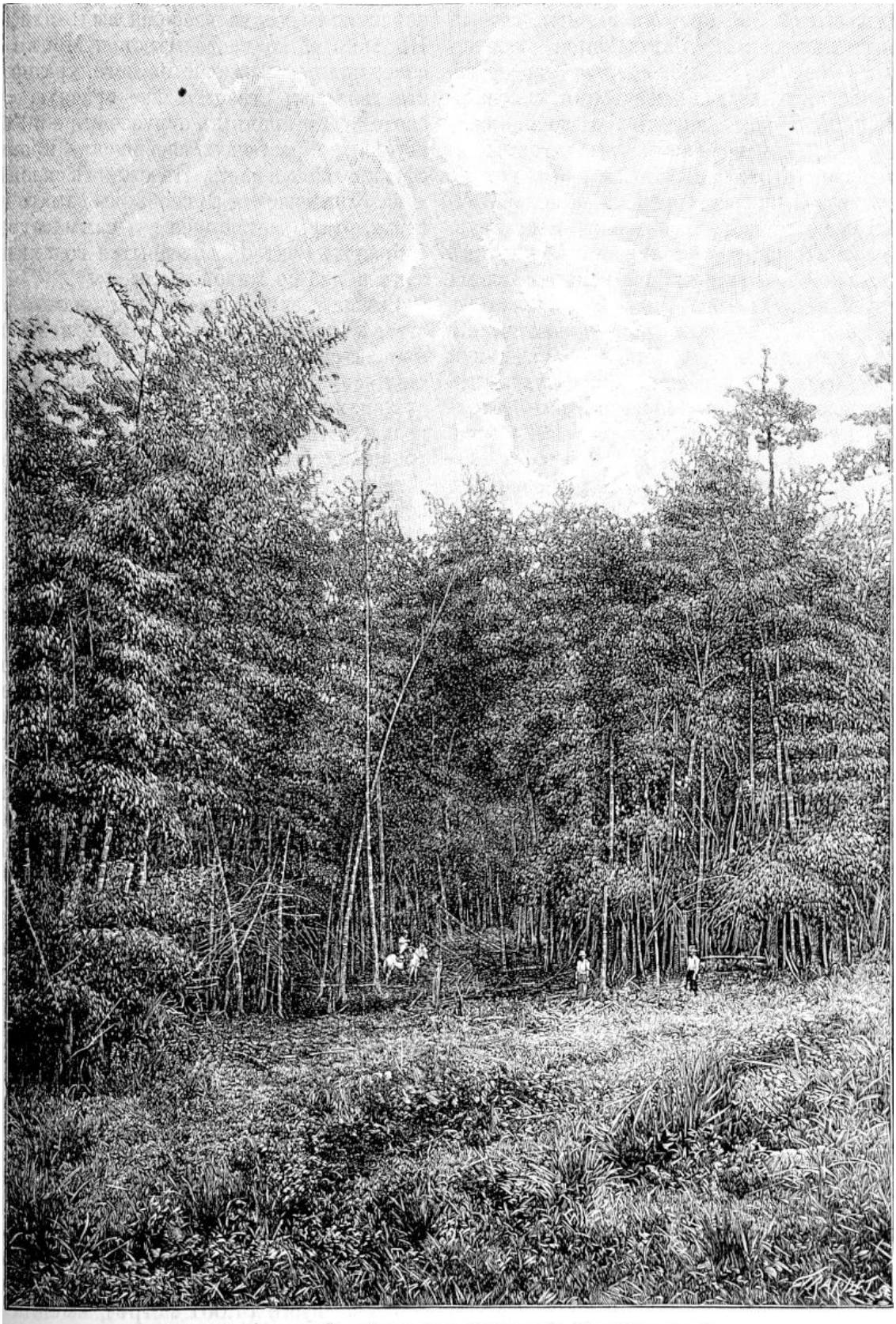
К юго-востоку от действующего вулкана Такана, который выбрали за пограничный столб между Мексикой и Гватемалой, первый вулкан—Тажомулко, высота которого тоже превосходит 3.500 метров: он возвышается над плоскогорьем в виде большого, совершенно правильного конуса, покрытого у основания густыми лесами. Индейцы находят в нём массу серы, что дало повод Дольфюсу и Мон-Серрату предполагать, что фумароллы беспрестанно пополняют там эксплоатируемый слой; впрочем, Бернулльи ясно видел на горе, в 1863 г., «пламя». За Тажомулко нет других действующих вулканов, до массива Квецалтенанго, состоящего из трех вулканов, расположенных по направлению с юга на север. Северный конус, возвышающийся в 17 километрах севернее города, представляет собою только незначительный холм, всего в 200 метров высоты; южный вулкан, называемый Санта-Мария, величественный конус (3.500 метров) которого, гармонически сливающийся своими склонами со склонами сиерры, виден с моря,—считается одной из величественных гор Гватемалы: как и северный холм, он потух уже с незапамятных времен, и теперь густой лес покрывает их склоны и кратер. В большей части вулканических групп Центральной Америки дольше всех остаются действующими южные вулканы, но в этом массиве не так: здесь в периоде извержения находится средняя гора, Серро-Квемадо, или «Горелая гора», называемая также вулканом Квецалтенанго. Будучи гораздо ниже остроконечной горы Санта-Мария, Серро-Квемадо (3.110 метров) не имеет классического вида вулкана: причина этого кроется несомненно в последнем большом извержении 1785 года, которое разрушило весь верхний конус горы, оставив на месте кратера обширную неправильную равнину, покрытую целым хаосом глыб, между которыми бьют фумароллы. Так как после этого извержения «Горелая гора» не извергала больше пепла, то конус не мог восстановить своего нормального профиля из круговых откосов[2].

К востоку от Серро-Квемадо, с другой стороны глубокого ущелья, по которому струится

1 Dollfus et de Mont-Serrat, „Voyage geologique dans le Guatemala et le Salvador“.

2 A. Dollfus et E. de Mont-Serrat, цитированное сочинение.

река Самала, возвышается другая гора, называемая туземцами «вулканом»: это—Зуньиль. Однако, всякая память об извержениях этого массива изгладилась, и ни один путешественник не открыл ещё в его густых лесах того места, откуда извергалась лава: как и другие

Бамбуковый лѣсъ въ южной Гватемалѣ.

окрестные вершины, эта гора состоит из трахитового порфира. Но в тридцати километрах дальше, на продолжении оси вулканических гор, у юго-западного угла озера Атитлана, возвышается потухший вулкан Сан-Педро (2.500 метров), а ещё далее в 15 километрах тянутся

с севера на юг, пересекая ось горной цепи, три других вулкана, соединяющихся у основания. Северные вулканы, возвышающиеся почти на 3.000 метров, имеют очень небольшие кратеры, покрытые растительностью: деятельность подземного очага проявляется ещё только в высоком южном вулкане (3.572 метра), известном вообще под именем вулкана Атитлан. В эпоху завоевания он находился в извержении, и, когда до слуха индейцев доходил подземный рев, протяжный, словно призыв, они бросали в кратер молодую девушку для умиротворения скрытого чудовища[1]. В 1828 и в 1833 гг. вулкан находился ещё в действии, и с того времени из расщелин его вершины всегда в изобилии выделялись пары. В 1866 г., когда Дольфюс и Мон-Серрат совершили восхождение на него, кратер представлял из себя только красную «чашу», около 800 метров в окружности и 50 метров глубины, образующую совершенно правильный сферический сегмент. На южном склоне Атитлана, сливающемся со склоном самого плоскогорья, открывается одна из самых грозных барранок Гватемалы, вырытая водами в грудах пепла до живой скалы.

Самыми знаменитыми вулканами в этой стране считаются те, которые возвышаются в центральной части плоскогорья, по соседству с последовательными гватемальскими столицами. Когда с высоты хорошенького городка Антигуа, утопающего в садах, посмотришь на юг, в великолепную аллею обработанных равнин, где горные откосы перекрещиваются своими последними скатами, небо представляется ограниченным с той и другой стороны гармоническим профилем гор, вздымающихся на две тысячи метров выше: с одной стороны—цепь, оканчивающаяся вулканом Фуего, или «Огонь», с другой—гора Агуа, или «Вода». Восточная цепь, где ещё дымится одна вершина, сама по себе есть не что иное, как простая выпуклина, на вершине которой поднимаются несколько вулканических конусов. Дольфюс и Мон-Серрат насчитывают их не менее девяти, расположенных по направлению с севера на юг. Все северные кратеры потухли и покрылись растительностью; даже самые высокие из них, как, например, кратер вулкана Акатенанго, называемого также Пико-Майор или Падре-дель-Волкан, так как он действительно гораздо выше (4.150 метров), чем вулкан Огня; это самая высокая гора во всей Центральной Америке. Один только Вильд-де-Дуэньяс, в 1868 г., всходил на её вершину; он видел там только три конечные впадины, почти уже изгладившиеся, но одна из них была ещё с трещиной, откуда выходили сернистые газы. На юге вулкана Акатенанго открывается глубокий овраг, который отделяет его от южной группы. Первый кратер огромных размеров, но, поврежденный в своей южной части, образует Месета, главный контрфорс этой группы; затем идет вулкан Фуего (4.001 метр), высший конус которого, куда взошли впервые в 1860 году Шнейдер и Вешор, оканчивается узкою чашею около 25 метров глубины; сейчас же вслед затем на юге открывается страшная, почти совсем круглая пропасть, которая имеет не менее 600 метров глубины, на 200 метров более своего диаметра. Это—воронка, оканчивающаяся вертикальным колодцем: во всей Центральной Америке нет другой более ужасной пропасти. Вулкан Огня был в полном действии во время прибытия в страну испанцев, и страх, который он внушал индейцам, свидетельствует о том, что и в прежния времена бывали извержения лавы. С тех пор извержения были заурядным явлением, и зачастую окрестные страны покрывались пеплом. Туземцы отказываются восходить на него и даже не произносят его имени из страха оскорбить грозное божество. Они считают его матерью-создательницей всей страны и почитают как свою *кати* или «бабушку», но они говорят о нём не иначе, как вполголоса, называя особым ласкательным именем испанского происхождения *Нана Катарина*[2].

Вулкан Воды, который, с другой стороны долины, соответствует вулкану Огня, далеко не так высок; он имеет всего лишь 3.753 метра; но его совершенно изолированное положение придает ему замечательно величественный вид. Если смотреть на него из Эскуинтлы, т.е. с южного основания, то, по словам восходивших на него Дольфюса и де-Мон-Серрата, «по красоте нет ничего с ним равного в свете»; взор скользит по совершенно правильной кривой

1 Von Scherzer, „Das Tropische America“.

2 Otto Stoll, цитированное сочинение.

откосов, не встречая ни одного выступа, а склоны конуса покрыты разнообразною растительностью, культурами, густыми лесами, сосновыми рощами, лаская взор всевозможными зелеными оттенками, от самого темного до ярко-изумрудного. Какчиквелы называют его Кахол-Туйю, «Отшельник», «Девственник», синоним «Безподобнаго»[1]. Что бы ни говорили, вулкан Воды не имел извержений с эпохи завоевания: катастрофа, от которой он получил свое название, произошла вследствие прорыва стены кратера, которая сдерживала конечное озеро на вершине горы. Чтобы достигнуть вершины пика, проходят обыкновенно через брешь, которая открылась для выхода замкнутых вод, и тут только можно составить себе понятие об огромной массе воды, заключавшейся в этом висящем над равнинами бассейне. Если допустить, что резервуар, глубиною в 70 метров, до верху был наполнен водою, и таким образом имел у верхнего края 500 метров в окружности, а на дне 230 метров, то и тогда вместимость его была не меньше миллиона кубических метров; когда в один ужасный день 1541 г. стенка кратера подалась, образовавшееся отверстие пришлось как раз над столицею, которую только-что построили испанцы-завоеватели в том месте, где теперь находится местечко Сиудад-Виеха: лавина воды низверглась со склона горы, взрывая землю, снося на своем пути деревья и скалы и затопив город под кучами грязи. В настоящее время дождевая вода и та, которая образуется от таянья зимних снегов, тихо течет по расходящимся оврагам, избороздившим склоны горы. Незначительное количество снега сохраняется летом только кое-где в низких ложбинах.

Глубокая долина, по которой протекает река Мичатойа, отделяет вулкан Агуа от группы вулканических остроконечных вершин Пакайя, названных так от одной породы пальмы с съедобными цветами, которая растет у их подножия[2]. Вблизи, Пакайя кажется массивом с неправильными вершинами: весьма возможно, что верхний конус исчез во время извержения, имевшего место в доисторические времена. Самая высокая из этих небольших гор, находящаяся ещё в состоянии действия, имеет всего только 2.550 метров, т.е. около тысячи метров над плоскогорьем; сбоку возвышается покрытая лесом остроконечная вершина, и обе эти горы заключены в зубчатой ограде обширного кратера, в несколько километров в окружности; наконец, на соседней террасе открываются два других кратера, из которых один заключает в себе озеро чистой воды: это *кальдера*, или «котел», как его называют туземцы; из другого кратера ещё выделяются легкие пары. По преданию, дымящийся пик Пакайя впервые проявил свою деятельность в 1565 г., и с тех пор он постоянно извергал пепел или дым и даже изливал лаву; в последнюю половину XVII-го столетия извержения происходили почти беспрестанно: ни один из гватемальских вулканов не имеет такого кипучего очага.

Прочия огнедышащие горы Гватемалы, в восточной части территории, давно уже не имели извержений. Две таких горы стоят в небольшом расстоянии на восток от Пакайя, над деревней Серро-Редондо, или «Круглая Гора», которая получила свое название от одной из этих горок. Далее показывается другой вулкан, указываемый лишь путешественниками; затем поперечная расщелина перерезывает под прямым углом нормальную цепь вулканов и продолжается с юго-запада на северо-восток на протяжении слишком 100 километров. Она начинается недалеко от моря остроконечной вершиной Мойюта или Мойютла, расположенной значительно южнее главной оси, и продолжается с другой стороны горами Амайо, Кума или Колума, Санта-Катарина или Сучитепек, Ипала,—самым высоким пиком (1.660 метров) в этом поперечном ряду: на одном из склонов Ипала, который имеет в своем кратере[3] озеро, вырос другой вулканический конус, Монте-Рико. На Сучитепеке, вероятно, было сильное извержение до прибытия испанцев; оно оставило после себя громадные потоки лавы, растекшейся по всем сторонам вулкана. Близ границы, крайним межевым столбом ряда гватемальских вулканов служит гора Чинго, поразительно симметричный конус которой возвышается на 2.000 метров на продолжении главной цепи. Этот вулкан считают совершенно по-

1 Otto Stoll, „Guatemala“.

2 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

3 G. Bernouilli, „Mittheilungen von Petermann“. 1874. Тетрадь VIII.

тухшим; между тем Дольфюс и Мон-Серрат видели, по их уверению, дымок, исходивший из его вершины; если верить туземцам, то Чинго, как и Ипала, имеет в своем кратере озеро. Замечателен тот факт, что землетрясения, представляющие такое частое и грозное явление в Гватемале, распространяются обыкновенно по направлению с юго-запада на северо-восток, т.е. перпендикулярно главной оси вулканов и параллельно поперечной оси, по направлению которой идет цепь Ипала[1].

На севере Гватемальского плоскогорья земли, разрезанные реками на многочисленные массивы, представляют во многих местах хаотический вид, особенно у расходящихся истоков Мотагуа, Усумасинты и Грихальвы, с их тысячью притоков. В этой области горы составляют центральный узел, от которого расходятся высокие хребты; самый высокий из них, вероятно, находится на севере Гуегуетенанго, близ границы мексиканского штата Табаско; он известен под разными именами, между прочим, под именем Альтос Кучуматанес, но обыкновенно его называют Сиерра-Мадре, несмотря на то, что он отделен от других гватемальских цепей глубокою долиной Усумасинты. К востоку от этого могучего водного потока горные кряжи идут в большинстве случаев по направлению с запада на восток, постепенно понижаясь: в общем весь этот атлантический склон Гватемалы, ограничиваемый с юга высоким валом главной цепи, может быть сравнен с морем, которое разбивается на параллельные волны.

Один из этих больших хребтов, состоящий из слюдяного сланца, тянется к северу от р. Мотагуа; имя его, сиерра-де-лас-Минас, которым он обязан золотоносным месторождением, изменяется далее в сиерра-дель-Микко, или «цепь Обезьяны»; он оканчивается на берегу моря между Гольфетте и бухтой Санто-Томас, коническою горою Серро-де-Сан-Жил, которую туземцы называют «вулканом»[2]: в том месте, где дорога пересекает цепь, в ста километрах от его восточной оконечности, высота его над уровнем моря достигает тысячи метров. Хребет, виднеющийся в северном направлении от реки Полочик, принимает название сиерра-Кахабон в округе Альта-Вера-Пац; далее он называется сиерра-де-Санта-Круц и образует мыс, который отделяет Гольфете от залива Аматик. Последнею большою цепью на севере Гватемалы является хребет Чама; он изгибается к северо-востоку, обходя рио-де-ла-Пасьон, и невысокими оврагами соединяется с горами Кокскомб в Британском Гондурасе. Проходы через этот кряж весьма неудобны и затруднительны, не столько вследствие их высоты, сколько от целого ряда камней с острыми ребрами: это те самые горы, которые пришлось переходить Кортесу с его бандой во время экспедиции в Гондурас, и переход по которым измучил даже этих закаленных людей, умевших бороться с усталостью. На севере от сиерра-де-Чама тянутся саванны, простирающиеся до Юкатана, но эта равнина усеяна отдельными холмами, имеющими однообразный лесистый вид, которые появляются словно острова среди моря трав: повсюду видишь вокруг себя эти холмики, обрисовывающиеся на горизонте своими неравными конусами[3].

В общем вся южная и центральная Гватемала почти сплошь покрыта пемзовыми туфами: гранитные скалы, слюдяный сланец или порфир встречаются только в очень немногих местах, в самых возвышенных частях плоскогорий и гор, или в глубоких оврагах, омываемых реками. Количество пемзы, выброшенной вулканами, было громадное, так как пласты накопившихся во всей стране обломков имеют 150 или даже 200 метров толщины, и нет, так сказать, «ни одной долины, которая бы не была хотя отчасти завалена этими обломками, ни одного плоскогорья, которое бы не было нивелировано ими». Над кучами пемзы лежит слой желтоватой глины (в 4 или 5 метров средней толщины), образовавшейся, вероятно, путем поверхностного разложения подлежащих горных пород: в этом-то слое глины и непосредственно под ним, в пемзе, попадаются остатки мастодонтов и слона Elephas Colombi, живот-

1 Dollfus и de Mont-Serrat, цитированное сочинение.

2 G. Bernouilli, „Mittheilungen von Petermann“. 1875 Тетрадь IX. Dolfus и de Mont-Serrat, цитированное сочинение .

3 Arthur Morelet, „Voyage dans l’Amerique Centrale“.

ных, живших в по-третичную эпоху: к тому же времени относятся самые сильные извержения гватемальских вулканов.

В Гватемале выпадает вполне достаточное количество дождя, чтобы питать её многочисленные водные потоки; но настоящие реки имеются только в покатости Атлантического океана, где расположение почвы и длина склона дают возможность текущим водам разливаться в обширное разветвление. На склоне, обращенном к Великому океану и представляющем собою узкую полосу земли, сразу спускающуюся к морю, ручьи быстро струятся по параллельным оврагам, бороздящим склоны гор; почти безводные в сухое время года и сильно разливающиеся зимой, эти речки теряются в прибрежных лагунах. Большая часть этих рек не прямо впадают в море, а, дойдя до края морского берега, они перегораживаются длинным побережным кордоном; вдоль него они текут на расстоянии нескольких километров до тех пор, пока не найдут выходную брешь, которая часто меняется от приливов и бурь. Если судить по направлению тех песчаных стрел, которые нанесены, перед речными устьями, волнами, ударяющимися непрерывно о берега, то течение вдоль Гватемальского берега имеет направление главным образом с юго-востока на северо-запад. Уже констатировано, что пляж поднялся в весьма недавний период: находящиеся в Чамперико устричные мели, вполне похожия на современные образования того же рода, окаймляют берег далеко за морскою чертою прилива[1].

Сучиате, служащий границей между Гватемалой и Мексикой, есть один из горных потоков, имеющих наиболее обширный бассейн. Ещё значительнее поток Самала, вытекающий с «Высот» Квецалтенанго и Тотоникапама. Речка Ицтакапа не столь многоводна, хотя и получает избыток воды из Атитланского озера, которое не имеет видимого истока, но воды которого просачиваются под землею сквозь шлаки равнины Сан-Лукас, находящейся на его южном берегу. Это обширное озеро, площадью около 160 квадратных километров, залегает на высоте 1.158 метров, в виде неправильного полумесяца вокруг контрфорсов большого вулкана Атитлан или «около Воды», который возвышается на юге, и без сомнения был причиною образования озера, завалив долины. Воды, удерживаемые наростающими откосами из пепла и лавы, постепенно поднимались и, наконец, наполнили этот обширный Атитланский бассейн, который, по словам Жуарроса, имеет более 500 метров глубины: точнее сказать, глубина воды, хотя действительно очень значительная, не была ещё вымерена. Вода этого озера, постоянно возобновляемая скрытым течением, совершенно пресная и чистая.

Другой резервуар, расположенный далее к востоку, образовался при подобных же условиях: это—значительно меньшее Аматитланское озеро, лежащее на высоте 1.189 метров к югу от столицы; вулкан Пакайя постепенно поднял его, воздвигая к югу запруду из лавы и шлака; прежде это озеро было гораздо обширнее; до сих пор ещё ясно видны следы его прежнего уровня, до расстояния в несколько километров от нынешнего берега[2]. Вода Аматитлана, глубина которого превосходит «двести сажен», такая же пресная, как и в Атитлане, но не такая чистая, и во многих местах у берегов имеет высокую температуру, что происходит от горячих ключей, бьющих со дна; около двух сот лет тому назад один доминиканский монах, по имени Томас Гаж, говорил про воду этого озера, что она «немного соленая» и что прибрежные жители собирают по берегам соль. В настоящее время этого нет: натровая и магнезиальная соли, содержащиеся в воде и придающие ей слегка слабительное свойство, нисколько не портят её вкуса, но насыщают воздух по берегам особенным запахом, особенно ощутительным во время мелководья; скот с жадностью щипет растущую по берегам озера траву. Со времени пришествия в страну испанцев, озеро два раза лишалось рыбы, так что приходилось снова разводить её там[3]. Весьма вероятно, что Аматитлан питается подземными притоками, так как те незначительные ручьи, которые впадают в него, не в состоянии бы были образовать выходную реку. Излишек озерных вод выливается с юго-восточной сторо-

1 Otto Stoll, цитир. сочинение.

2 Dollfus и de Mont-Serrat, цитиров. сочинение

3 Arthur Morelet, цитиров. сочинение.

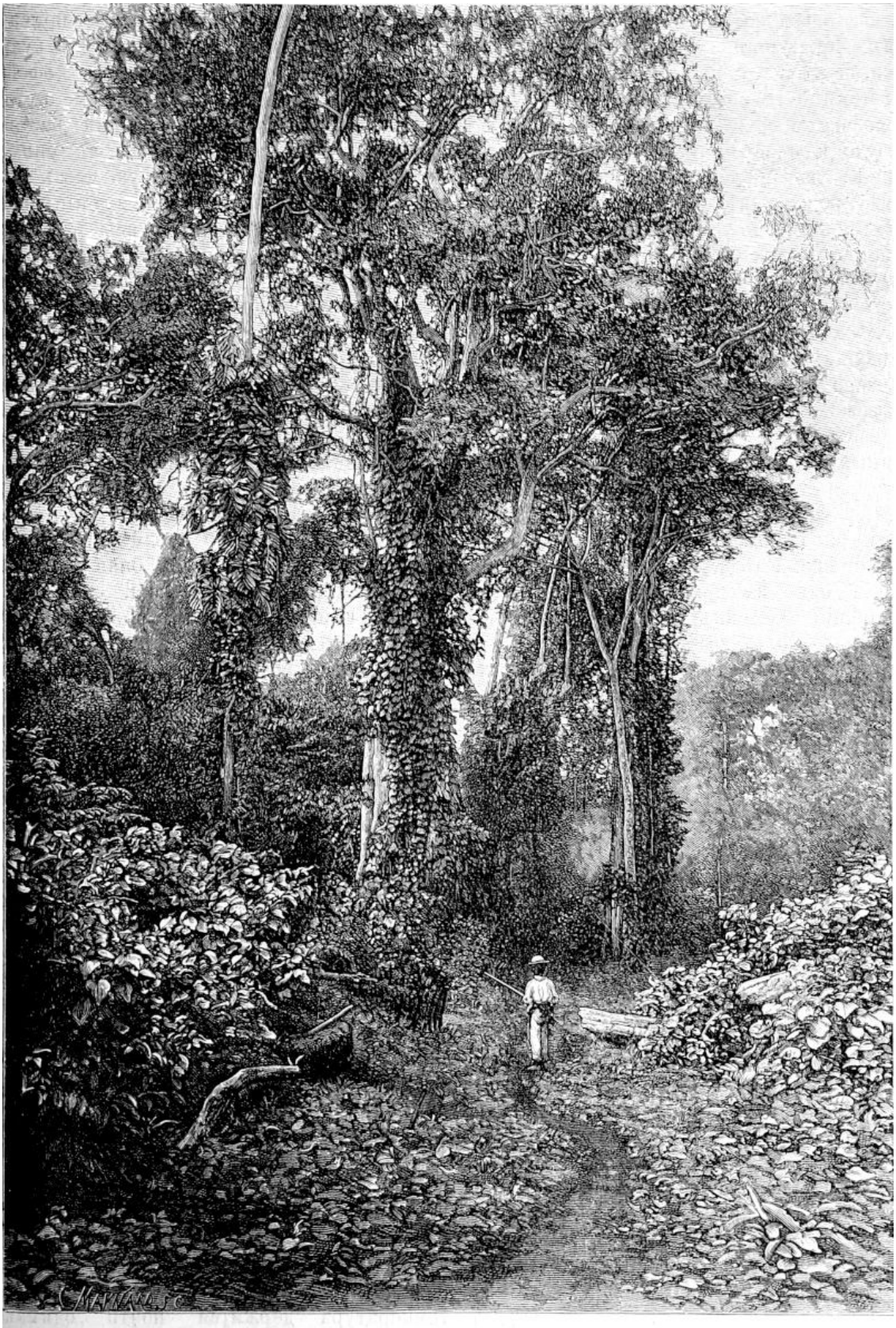
ны в реку Мичатойа, или «Рыбную», которая спускается с плоскогорья видимым течением, проходя по дну ущелья, лежащего на глубине 200 метр.; затем, около Сан-Педро-Мартир, река ниспадает со скалы, высотою в 60 метров, и, наконец, вливается в береговые лагуны немного восточнее гавани Сан-Хозе. Этот-то исток и доставил озеру какчиквельское название, означающее «Мать Океана».

Третье озеро, Аярза или Аярсес, занимает далее на востоке впадину плоскогорья, у южного основания гор Матакескуинтла (2.500 метров), но это гватемальское озеро, принадлежит своим истоком Остуа к речному бассейну рио-Лемпа, большой сальвадорской реки. Точно также на атлантическом склоне вся западная и северная часть территории, по крайней мере половина поверхности Гватемалы, принадлежит к бассейну Усумасинты, которая по своему нижнему течению и устьям есть мексиканская река. Самой значительной рекой, бассейн которой весь находится в пределах Гватемалы, является Мотагуа, называемая также «Рио-Гранде», подобно многим другим рекам испанской Америки. Она начинается в центральном массиве гор Тотоникапам, переплетая свои верхние притоки с притоками Усумасинты, а далее на востоке принимает в себя ручьи, спускающиеся с главной линии Гватемальских водораздельных высот, образующей во многих местах лишь узкий кряж, початый там и сям глубокими оврагами; но долина—не простой ров, размытый водами: она очень древнего происхождения и принадлежит к первоначальной структуре страны.

Соединившись с большой рекой, вытекающей с гор Эскипулас и Чикимула, Мотагуа становится достаточно глубокой для судоходства и извивается к северо-востоку, проходя по прекрасной долине между лесистых гор, которые сопровождают её до самого моря; во время половодья эта река становится очень широкой и глубокой, так что переправляться через неё не всегда бывает безопасно. Судоходная часть реки занимает более 160 километр., при 500 километр. общего протяжения; но на баре главного устья дельты обыкновенно не бывает даже и одного метра воды. Другие устья тоже недоступны для судов глубокой осадки; впрочем, посещение этой низменной страны, отложенной блуждающими рукавами реки, почти так же опасно сухим путем, как и морем; это—область болот и ложных рек, окаймленных корнепусками. Бухта, находящаяся на задней стороне длинного полуострова Трес-Пунтас, выдвинутого на северо-запад, к заливу Анатик, называется Госпитальной бухтой, и не без основания, так как вредные испарения её грязных берегов губительно действуют на здоровье приезжающих; тем не менее эта бухта соединена с руслом реки каналом, часть которого прорыта искусственно. Настоящий порт долины Мотагуа не находится в дельте этого водного потока, но за нею, у подножия последних контрфорсов сиерро-дель-Мико: это бухта Санто-Томас, лучшая гавань на всём Атлантическом берегу Центральной Америки. Обогнув опасную песчаную банку, суда по узкому фарватеру входят в круглый бассейн, окруженный амфитеатром лесистых холмов: площадь якорной стоянки, с глубинами от 4,5 до 9 метров, обнимает пространство в 15 квадратных километров; тут могут приютиться целые сотни кораблей, в полной защите от какого бы то ни было ветра, и надо удивляться, что такой удобный порт до сих пор остается почти бесполезным в торговом отношении. Центральная гватемальская железная дорога должна кончаться там, в месте, известном под названием Пуерто-Барриос.

Река Полочик, бассейн которой, как и бассейн реки Мотагуа, всецело принадлежит Гватемале, уже не столь многоводна; тем не менее для плоскодонных судов она судоходна почти на таком же протяжении. Начинаясь в горах Кобан, ограниченных с запада долиной Усумасинты, она течет прямо на восток и соединяется с рекой Кохабон, выходящей с гор Чама. Подобно р. Мотагуа, она разветвляется при своем устье на несколько рукавов, и пороги, покрытые очень тонким слоем воды, закрывают доступ всяким судам, за исключением плоскодонных челнов. Она впадает не в океан, а во внутреннее море, Гольфо-Дульсе, называемое также озером Изабаль. Это действительно скорее озеро с пресной водой, чем морской залив: в нём нет ни малейших следов соли, и, в сезон речного половодья, уровень его поднимается почти на один метр; его средняя глубина имеет всего 11—13 метров, что, впрочем, вполне до-

статочно для больших судов; таким образом это озеро, занимающее площадь в 630 квадратных километров, могло бы быть доступно для флота всего света, но канал, посредством которого оно сообщается с морем, слишком мелок для больших судов. В северо-восточной око-

Гондурасскій пейзажъ.

нечности Гольфо-Дульсе течение, совершенно незаметное в обширном бассейне, становится ощутительным; низкие и болотистые в этом месте берега постепенно сближаются: это уже больше не «залив», а просто «река», рио-Дульсе, глубина которой не превышает трех с поло-

виной метров. Ещё ниже воды Дульсе становятся понемногу солоноватыми и вступают в бассейн, составляющий часть моря, вследствие обильного содержания в воде соли: это Гольфете, или «Заливчик». Далее берега снова суживаются, поднимаются высокими откосами и утесами, с которых лианы, обвивающие ветви больших деревьев, свешивают свои зеленые нити в светлые волны. Воды пролива, обращающагося в часы морского отлива в быстрый поток, смешиваются с морскими водами посредством скалистого ущелья, имеющего около 200 метров глубины, но на баре, которого слой воды не достигает даже 2 метров. От устья Полочика до рио-Дульсе голеты могут ходить внутрь страны на протяжении почти 100 километров.

К северу от Гольфо-Дульсе и его проливов, территория Гватемалы орошается только одной значительной рекой, Сарстуном, которая нижнею частью своего течения служит границею Британского Гондураса. Ещё дальше на север четырехугольное пространство Гватемалы, заключенное между Табаско, Юкатаном и Белизе, разделяется между двумя склонами Усумасинты, Мопана и Рио-Хондо; в северных саваннах разбросано только несколько озер. Самое обширное из них—это озеро Итцаль или Итца, названное так потому, что в XV в. народцы, населявшие Юкатан, нашли там убежище; кроме того, оно называется ещё озером Петен, или «Остров», вследствие находящагося на нём островного холма, на котором поселились новые пришельцы. Озеро это имеет форму полумесяца с двумя неровными отрогами, выпуклая сторона которого обращена на северо-запад; полуостров, разделяющий его на два бассейна, соединяется с южным берегом. Заключенное между известковыми берегами незначительной высоты, озеро Итцаль постоянно колеблется в своем уровне на несколько метров, смотря по сезону; но берега его довольно крутые и быстро спускаются в глубину бассейна, которая в среднем превосходит 55 метров; некоторые бухточки его до того мелки, что на них произрастает даже водяной лопушник, семена которого, во время неурожая, перемалывают в муку и приготовляют из неё нечто вроде хлеба, впрочем мало питательного и вяжущего на вкус. В настоящее время это озеро представляет собою замкнутый бассейн, но в былые времена, кажется, оно было связано посредством других озер, рассеянных на западе и востоке саванн, с одной стороны с рио-Педро, притоком Усумасинты, а с другой—с рио Хондо, которая прямо впадает в Гондурасскую бухту; в дождливое время года, впрочем, эти озера, следующие одно за другим, сливаются в один общий бассейн; целый ряд болот, которые было бы легко соединить каналом, во время больших половодий тоже сливаются, способствуя таким образом возобновлению воды в озерном бассейне. Но уже некоторые известковые равнины Петенской области указывают на соседство Юкатана. Вода, стекающая в трещины почвы, не удерживается на поверхности, и её нужно искать в глубоких *сенотах*.

Разделение земель на зоны различной температуры гораздо яснее выражено в южной части Гватемалы, чем в Мексике и даже в области, лежащей между столицей и Вера-Круцом. Правильная стена гор, тянущихся по Гватемальскому побережью, представляет почти одинаковые географические условия на всём своем протяжении, и поясы теплых, умеренных и холодных земель идут последовательно от основания гор до их вершин, характеризуясь различными, присущими им, породами растительности. Выше холодных земель, лежащих на окраине плоскогорья, наблюдается даже зона «морозов», зона высоких вершин, одетых на короткое время в году снегом. Этот высокий пояс необитаем; низкий пояс «теплых земель» также почти ненаселен, особенно его избегают европейские колонисты: средняя температура колеблется там между 25—29 градусами по сто-градусному термометру, и 40-градусные жары там вовсе нередкость; почва на берегах Великого океана состоит из длинного ряда песчаных земель, окаймляющих зловонные лагуны; прибрежные деревни населены только небольшою горстью людей, занимающихся охранением товаров, которыми нагружают и разгружают суда. Что касается двух промежуточных зон—пояса умеренных земель, благоприятного для культуры бананов, сахарного тростника и кофейных деревьев, и пояса холодных земель, где с успехом произрастают хлебные растения и европейские фруктовые деревья, то они занимают самую незначительную часть Гватемальской территории, где население европейского происхождения или метисы размножаются так же успешно, как и туземные племе-

на. В особенности умеренные земли, заключающиеся, в среднем, между 500 и 1.500 метров высоты над уровнем моря, занимают в общем очень значительное пространство: можно даже сказать, что в отношении промышленной культуры Гватемала расположена гораздо благоприятнее, чем Мексика, где холодные земли и неплодородные пространства сравнительно гораздо обширнее. Характерным растением умеренного пояса, произрастание которого вполне ограничивается этою зоною, является банан, главный пищевой продукт этого края.

Расположенная, подобно Мексике, в районе пассатных ветров, Гватемала находится преимущественно под влиянием северо-восточных ветров, которые господствуют на высоких склонах главной цепи и, пройдя через вершины вулканов, снова спускаются на покатость Великого океана. Но этот правильный ветер часто отклоняется от своего нормального хода, и нередко *норты*, т.е. северные ветры, срываясь с гор, с яростью низвергаются в низкие долины. Берега Гватемалы подвержены также сильным «кордонасам», т.е. береговым ветрам, которые являются, вероятно, продолжением юго-восточных пассатов, увлекаемых в северное полушарие в сезон дождей, когда облака и морские течения следуют за солнцем по направлению к северу. Эти порывы юго-западных ветров сопровождаются обыкновенно бурями. Гватемала, подобно другим тропическим странам, не имеет ни зимы, ни лета, или по крайней мере эти разграничения времени года не имеют здесь того значения, как в умеренной Европе, так как они относятся к периодам дождей, которые делятся на полугодия, как раз на противоположные настоящим зиме и лету. Средняя температура держится почти одинаковою впродолжении круглого года; разница между крайними жарами и крайними холодами не превышает 25 градусов.

Температура в Гватемале (за пять лет) на высоте 1.480 метров над уровнем моря, по Корнетту (Дольфюс и Мон-Серрат): средняя температура 17°,8 (18°,6 Гузо). Самый холодный месяц (январь), 16°,4 (16°,7 Гузо). Крайний холод, 5°,3. Самый теплый месяц (май), 19°,3 (20°,3 Гузо). Крайняя жара, 30°,4 (31°,8 Рокстро).

Снег выпадает только на вершинах высоких вулканов и на западных Альтосах, но и на этих высоких равнинах хлопья снега быстро тают. О печах в Альтосах и понятия не имеют: ещё недавно во всём крае имелась одна только печь, именно на ферме Аргуета, между Тотоникапамом и Солола, находящейся на высоте 3.000 метров над уровнем моря[1].

Выпадение дождей весьма неравномерно в различных частях Гватемалы. Атлантический склон, понятно, орошается всего обильнее, так как господствующий там ветер приносит водяные осадки с Мексиканского залива и Антильского моря: жители Изабаля говорят, что «дождь идет у них тринадцать месяцев в году». Туманы там бывают такие же густые, как на Британских островах, а на высотах смежных плоскогорий наблюдали даже иней и дождь, смешанный со снегом, хотя под этими широтами банан ещё приносит плоды[2]. Но и на склонах Великого океана не замечается недостатка во влажности: особенно умеренные земли орошаются обильными дождями. У подошвы вулкана Агуа можно видеть среди дня, как около вершины собираются тонким венчиком небольшие облачка, как этот венчик постепенно сгущается, превращаясь в завесу, которая заволакивает сначала долины, а потом, мало-по-малу, и всю гору, и наконец разражается сильным дождем.

Сезон проливных дождей длится в этом поясе океанического склона шесть или даже семь месяцев; иногда, правда, бывают маленькие перерывы во время *verano de agosto*, т.е. «августовского лета», происходящие оттого, что пояс облаков идет вслед за солнцем далее на север, к тропику Рака. Даже в сезон засухи редко бывает, чтобы хоть один месяц прошел без дождя, действие которого прямо изумительное, принимая во внимание плодородие этих вулканических земель; туманы здесь тоже не редкость, так что и это, в свою очередь, способствует процветанию флоры. В холодном поясе дожди идут почти столь же продолжительное время, как и в умеренных землях, но они не столь обильны, и во время сезона засухи небо остается совершенно ясным: в большей части этих областей атмосферной влаги выпадает

1 A.Woeikoff, „Petermann's Mittheilungen", 1879. Тетрадь V.

2 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

недостаточно для процветания культуры, и на этой почве успешно произрастают только леса, дубы и шишконосные деревья. Среднее выпадение дождевой воды известно только для столицы, где оно определяется в 1м,371, считая 141 дождливых дней в году (впродолжении 1879 г. дождя выпало 1м,544); на низких склонах умеренных земель, например на плантациях Бока-Коста, на полусклонах больших вулканических питонов, общее количество выпадающего дождя превышает 2 метра, а на Альтосах Квецалтенанго оно едва достигает полу-метра[1].

В известное время года дожди сопровождаются ежедневными грозами, которые бывают иногда с градом, что влечет за собою большие бедствия. Иногда одновременно с воздушными грозами слышен подземный шум *retumbos*, который раздается не только в вулканических горах, но также и в осадочных породах. Этот подземный гул, похожий на далекие раскаты грома, приписывают обыкновенно запертым парам; однако, ни перед ним, ни после не наблюдается землетрясений, и он происходит только тогда, когда горы окутаны густыми тучами. Дольфюс и Мон-Серрат предполагают, что эти ретумбосы порождаются электричеством, подобно молнии, которая разрывает тучи и отдается долгим эхом.

Гранича с Восточной Мексикой,—Чиапасом, Табаско и Юкатаном,—Гватемала походит на неё своей флорой и фауной. В лесах её также ростут вперемешку различные породы дуба и сосны: среди этих шишконосных деревьев попадаются очень высокие, метров в 50 высоты. Во многих областях Гватемалы, особенно на севере, можно подумать, что находишься в пиньядасах Ландов или в лесах Померании; одна порода сосны, называемая у испанцев *pino colorado* (красная сосна), содержит необычайно большое количество смолы. В низких областях, прилегающих к Великому океану, бамбук растет лесами (достигая 30 метров высоты), которые при ветре колышутся, словно нива, и где дикия животные прокладывают себе узкия и мрачные галлереи. Гигантом Гватемальской флоры, как и в Табаско, является *сейба*, или пирамидальный бавольник: по соседству со своими деревнями индейцы, населяющие плоскогорья и склоны гор, обыкновенно оставляют вокруг сейбы большое пустопорожнее пространство, чтобы ничто не мешало дереву распростирать в ширь свои ветви и чтобы придать более величественный вид этому колоссу с гладким и блестящим стволом, у подножия которого собирается почитающий его народ. Как и в Южной Мексике, лианы сплошной крышей покрывают волнующуюся поверхность леса: с вершины скалы можно видеть сеть *antigona cinerescens*, оплетающего своими ярко-красными нитями громадное зеленое пространство. В Вера-Паце для заборов употребляют древовидную крапиву, стволы которой, быстро вытягиваясь, сростаются и сплетаются между собою, так что образуется нечто вроде серых стен, обвитых мхом и папоротником, которые перемешались с широкими листьями этого растения. Леса теплых земель, около Раталхулеу и по берегам Полочика, славятся своими великолепными орхидеями. В Гватемале есть одна порода растений, которую индейцы отличают по особой теплоте, выделяемой его цветком в момент оплодотворения: отсюда происходит и название этого растения—*flor de la calentura*, или «цветок лихорадки», которое ему дали испанцы. На стволах старых деревьев, в вулканическом поясе, часто замечаются особые наросты, симметрично расположенные в виде розы или тюльпана; местное название этих наростов—*flores de palo*, или «древесные цветы»[2].

В лесах Гватемалы также живут тапиры, мексиканские кабаны и некоторые другие млекопитающие; новые породы открыты только в отряде низших животных. Крокодилы и различные рыбы Петенского озера, в количестве тридцати разных видов, открыты там только со времени путешествия Мореле. В Гватемале была найдена одна новая порода ядовитых змей, именно чернохвостый гремучник, каскавелла, который служит дополнением к целому ряду змееобразных, живущих между Гвианою и Южной Каролиной. Область Вера-Пац—настоящая обетованная земля для орнитологов: там можно ещё встретить дивную райскую птицу quezal, или «трогон блистательный» (trogon pavorinus или pharomacrus paradiseus). Самец

1 A. Dollfus и de Mont-Serrat, цитированное сочинение.

2 Osbert Salvin, „Ibis", 1864 г.

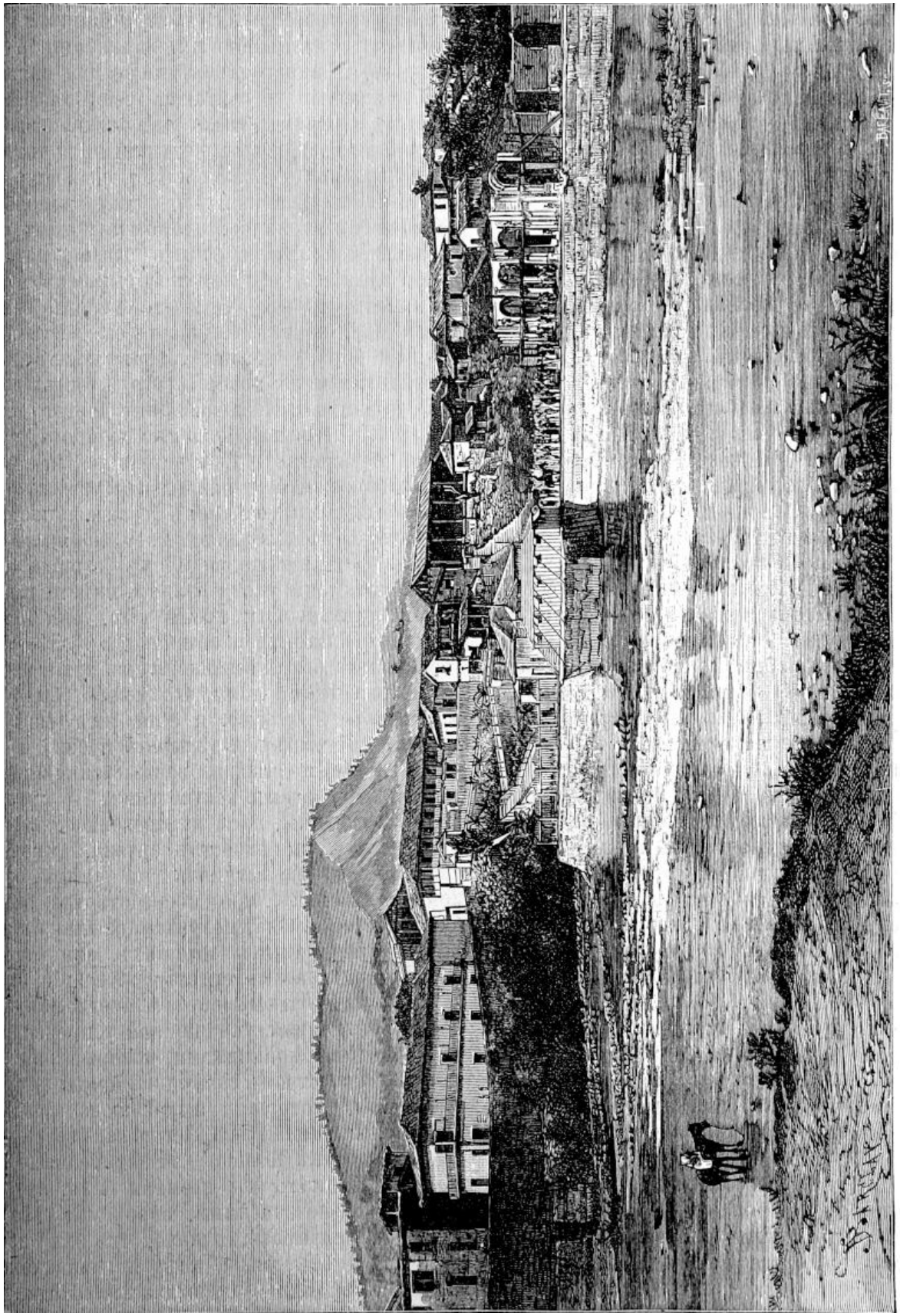
имеет великолепное шелковистое оперение блестящего изумрудно-зеленого цвета, с золотистым отливом на спине; грудь и остальные нижния части яркого пурпурно-красного цвета; хвост его имеет не менее одного метра в длину: Гватемальская республика выбрала эту красивую птицу для изображения своего герба. Во времена ацтеков эту птицу никогда не убивали, а, поймав её в силки, вырывали у неё только рулевые перья, которые шли на изготовление роскошных плащей[1]; в настоящее время с этою драгоценной птицей поступают более бесцеремонно: счастье ещё, что самка лишена украшения и потому щадится охотниками, что спасает от вымирания эту чудную породу пернатых.

Общая граница между Гватемалою и Мексикою пересекает страны, население которых, как по ту, так и по другую сторону, одинакового происхождения и говорит на одних и тех же языках. В Гватемальском Петене, как и в Юкатане, живут майя; как с восточной, так и с западной стороны Усумасинты расположились лакандоны; чолы, тцендалы и маме живут на возвышенностях и по обоим склонам как в Альтосах, так и в Соконуско. Но в центральной и восточной Гватемале группируются этнические элементы, совершенно отличные от народов Мексиканского Союза. Брассер-де-Бурбург, Берендт, Бринтон, Штолль и Шарансэ пытались сгруппировать эти различные народности по сходству их нравов и наречий, но начатая ими работа ещё далека до приведения к концу, и языки, на которых говорили ещё в начале этого столетия, теперь уже не существуют. Элементы изучения быстро исчезают, так как племена, державшиеся прежде в стороне от испанцев, в смешанной массе гватемальского населения всё более и более поглощаются *ладиносами*, а языки постепенно портятся и заменяются, наконец, испанским: к востоку от меридиана Гватемалы нет более индейцев, говорящих ещё на своем первоначальном наречии; почти все сделались *ладиносами*[2]. По словам Штолля, в 1883 г. в Гватемале говорили ещё на восемнадцати самостоятельных языках, не считая кастильского диалекта[3].

Ацтеки, туземный народ, господствующий на Анагуакском плоскогорье, представлены в Гватемале всего лишь одной группой, именно пипилями, которые живут не по соседству с мексиканской границей, а в Восточной Гватемале, около своих соплеменников, поселившихся в Сальвадоре. Во времена завоевания пипили занимали гораздо большую территорию, чем теперь, но могущество их постепенно утрачивалось, по мере возраставшего господства других народностей, которые вытесняли из употребления их язык; таким образом им пришлось поступиться не только в пользу испанского языка, но также и в пользу других туземных наречий, каковы—качкиквель и покоман. В настоящее время глоссологическая площадь разделена на две части: одна приходится на Саламу и на оба берега рио-Гранде или Мотагуи, другая на Эсквинтлу и Куажиникилапу, в бассейнах Гуакалате и Мичатойи. Каким образом эти нахуа, родственные мексиканским нахуа, очутились на таком большом расстоянии от главной массы своей расы? Испанские завоеватели были очень удивлены таким совпадением, и Жуаррос дает этому факту очень наивное объяснение, которое не основывается, вероятно, ни на какой легенде. По его словам, тенохтитланский король Ахуитсотл снарядил в эти южные страны, далеко за пределы своего царства, целые колонии купцов, с целью подготовить путь к завоеванию; эти купцы так быстро сделались родоначальниками новых народностей, что скоро целая нация расселилась вокруг тех городов, где тенохтитланские делегаты нашли себе гостеприимство[4]. По мнению других историков, пипили составляли часть беглых тольтеков, которые, после разрушения их царства чичимекскими завоевателями, бросились в южные области. Действительно, весьма возможно, что нахуатльские пипили—эмигранты, поселившиеся здесь с древних времен, по всей вероятности, ещё за несколько веков до испанского завоевания. Туземные слова, вошедшие в кастильский

1 Arthur Morelet,—Otto Stoll, цитированные сочинения.
2 G. Bernouilli. 1874 г. Тетрадь VIII.
3 „Zur Ethnographie der Republik Guatemala“.
4 „Compendio de la Historia de la Cuidad de Guatemala“.

язык Гватемалы, почти все заимствованы от пипилей. Здесь встречается масса нахуатльских географических названий в тех областях, где уже не говорят на языке пипиль, как, например, во всём районе Эсквинтлы.

Тегучигалпа. Видъ изъ города Консепсіона.

По Жуарросу, название пипиль означает «Дети», и было, будто-бы, дано этому народу мексиканцами за незнание хорошего языка. Другая этимология объясняет это название иначе, видя в пипилях Гватемалы и других перешейковых республик древних пипилтинов, имя

которых означает «Главные», «Лучшие», т.е. самых благородных из всех ацтеков. Это название они дали себе сами, водворившись среди менее цивилизованных народов. Как бы то ни было, сравнительные словари ацтекского и пипильского наречий, изданные Штоллем, показывают, что эти идиомы очень близки друг к другу, и что достаточно было посвятить изучению их несколько недель, чтобы понимать как тот, так и другой народ. После долгого, может-быть, тысячелетнего периода разлучения ацтеков и пипилей, различие их наречий оказывается очень незначительным и состоит главным образом в выпущении гласных и сокращениях в языке пипиль. Народ этот внес с собою в свое новое отечество и нахуатльское искусство, так что и в стране какчиквелов, где жили ещё недавно пипили, находят любопытные памятники, стиль которых приближается к ацтекскому[1].

Огромное большинство гватемальских индейцев принадлежит к тому корню, от которого происходят гуакстеки мексиканских гор и майи Юкатана: оттого совокупности населений, говорящих этими языками, дают название расы майя-квичуе, по двум самым могущественным нациям этой группы—майев юкатанских равнин и квичуе гватемальских плоскогорий. В самых пределах Гватемалы майя в тесном смысле занимают очень обширную территорию, а именно округ Петена и почти всю область, ограниченную с юга рио-де-ла-Пасион и рио-Мопан. Нация майя даже представлена в этой стране одним из наиболее чистых племен—племенем итца; благодаря своему пребыванию на острове, или *петене*, большого озера, лежащего в саваннах, они долго могли сохранять свою независимость, также как чистоту нравов и крови. Лакандоны, живущие западнее, между Петенским озером и рекой Усумасинтой,—тоже чистые майя, оставшиеся свободными, хотя испанцы и сами майя часто называют их караибами[2]. Они принимают иностранцев, но не подчиняются их приказам и считают себя хозяевами страны; впрочем, число их очень незначительно, не больше четырех или пяти тысяч, по исчислению побывавших у них путешественников. Вообще, тело у них дряблое, и на вид они анемичны, что, быть может, обусловливается их образом жизни, которая почти целиком проходит в сыром сумраке дремучих лесов. Хотя это народ земледельческий, но это не мешает ему вести полукочевой образ жизни; собрав жатву, они перебираются на новое место и там съизнова принимаются за распашку другого клочка леса. Невольно является вопрос, говорит Воейков, «действительно ли дикие лакандоны менее «цивилизованы», чем покоренные индейцы соседних стран. Они сеют кукурузу и приготовляют свои *тортильи* совершенно таким же способом подобно тем индейцам, они употребляют, вместо глиняной посуды, тыквы; кроме того, они более искусные охотники и отличаются более благородным и более независимым духом. Они выучились всему тому, что можно было заимствовать у соседей, и если им ещё неизвестно искусство выделывать бронзу и железо, то ведь и «цивилизованные» индейцы не знакомы с этим искусством. По крайней мере лакандоны, хотя и продолжают ещё употреблять, в качестве оружия, каменные топоры, но уже вступили в «век бутылочного стекла», ибо посредством битого бутылочного стекла, получаемого ими в промен в окрестных селениях, они оттачивают концы своих стрел[3]». Общий всем лакандонам костюм состоит просто из длинной белой туники, украшенной у предводителей красными крапинками, которые они делают посредством сока одной ягоды[4].

Мопаны, которых встречают рассеянными группами на юге Петенского озера и в высокой долине Мопана или рио-Белизе, также принадлежат к племени майя; это народ почти независимый, впрочем, мало известный; полагают, однако, что их язык отличается от языка итца и лакандонов. Чолы, или «Люди»[5], их южные соседи, разсеянные в саваннах между Усумасинтой и Гольфо-Дульсе, принадлежат к туземцам майяской расы, которых Фернанд Кортес встретил во время своей экспедиции в Гондурас; он мог объясняться с ними, благода-

1 Habel, „Smithsonian Contributions“, 1879. „The Sculptures of Santa-Lucia Cozumalhuapa“.
2 Desire Charnay, „Les Anciennes villes du Nouveau Monde“.
3 „Petermann's Mittheilungen”, 1879, Тетрадь VI.
4 Desire Charnay „Bulletin de la Societe de Geographie”. Подробные отчеты № 21, 1882 г.
5 Brasseur de Bcurbourg, „Recherches sur les Ruines de Palenque”.

ря посредничеству донны-Марины, которая сама говорила по-чонталезски: оба эти языка, происшедшие от языка майя, были всё ещё довольно близки один другому. Весьма вероятно, что чолы были одним из самых цивилизованных народов страны, которая впоследствии стала Гватемалой, судя по тому, что на их территории находятся прекрасные развалины Квиригуа; но представителей этой расы в настоящее время осталось так мало, что можно опасаться в близком будущем совершенного исчезновения этого народа и его языка. Почти полное отсутствие индейского населения на Атлантическом побережье между Юкатаном и Никарагуа должно быть приписано испанским торговцам живым товаром. Когда туземцы Кубы и Эспаньолы были истреблены землевладельцами, а негро-торговля ещё не доставляла достаточного количества работников, плантаторы этих островов старались набирать свою челядь путем привоза «караибов», т.е. из индейцев разных рас, которые населяли острова и материк и которых обвиняли во всевозможных преступлениях и людоедстве, чтобы оправдать в собственных глазах их порабощение. Охота на человека производилась главным образом вдоль берегов Гондурасского залива, между мысами Каточе и Грасиас-а-Диос: эти земли в несколько десятилетий были совершенно обезлюдены, и торговцы живым товаром, не находя там более жертв, стали подниматься вверх по течению рек и опустошать прибрежные долины, захватывая местных жителей. Из сочинения Берналя Диаца видно, что в то время, когда Кортес совершал свою экспедицию в Гондурас, берега Гольфо-Дульсе, ныне совершенно пустынные, были во многих местах оживлены деревнями и засеянными полями. После этого становится понятным прозвище «истребителей людей», которое было дано белым какчиквелами. При приближении всякого европейца матери кричат своим детям: «Бегите скорей, вон идут люди, которые хотят вас съесть!» Таковы воспоминания, оставленные завоеванием[1]. Затем, когда испанцы прекратили свои набеги, настал черед пиратов, которые мешали белым колонизировать страну и повсюду селились сами, продолжая со своей стороны охоту за туземцами.

К югу от нескольких поселений чолов, существующих ещё в верхнем бассейне рио-де-ла-Пасион, на территории, где р. Полочик разветвляется на множество рукавов, находятся земли квекчей и покончей, которые также происходят от майя, но составляют особую группу. Прежде их страна была известна под названием Тецулутлан, или «Страна Войны», так как испанцы часто спускались сюда с плоскогорий, чтобы воевать с туземцами, которых всётаки не могли покорить. Покорением Гватемальского народа испанцы обязаны знаменитому епископу Чиапаса Бартоломею де-лас-Казас и доминиканским миссионерам, сопутствовавшим ему. Под условием, чтобы доступ в край был воспрещен их соотечественникам, гражданским и военным, впродолжении пяти лет, миссионеры, под предводительством епископа, явились сюда с мирными целями просветить туземный народ, озарив его светочем новой религии. Справляя на глазах изумленного народа свои церковные празднества, обставляя их возможным великолепием и устраивая, при стройном пении католического катехизиса, различные религиозные процессии, к участию в которых привлекались и индейцы, миссионеры скоро успели завоевать себе симпатии восхищенного народа. В несколько лет они приобрели неограниченную власть над туземцами, и страна, называвшаяся прежде «Страною Войны», получила название Вера-Пац, или «Прочный Мир». Сделавшись добровольными рабами доминиканских священников, квекчи и покончи тем не менее только внешним образом обратились в христианство; нравы же их остались по-прежнему языческими. Браки зачастую совершаются у них в двенадцатилетнем возрасте, ещё до наступления половой зрелости. Обыкновенно мать выбирает своей дочери мужа, а отец—жену для сына, и новая семья поселяется в доме родителей, устроивших их брак; религиозный же обряд бракосочетания совершается только тогда, когда мужу исполнится пятнадцать лет; сплошь и рядом молодые, не дождавшись церковного брака, расходятся, и тогда родители, добром или силою, должны возвратить полученное за невестой приданое. Часто случается, что муж становится супругом своих свояченицы, а жена его находится в сожительстве со своими деверями: это ещё остатки

1 Otto Stol, „Guatemala".

прежних обычаев полиандрии и полигамии, существовавших, по словам Рокстро, у независимых лакандонов.

Одною из главнейших индейских наций, живущей на территории, где была основана нынешняя столица республики, являются покоманы. Народ этот известен лучше других, так как, живя по соседству с столицей, в городе Микско, эти индейцы каждое утро привозят в Гватемалу дрова и разные съестные продукты. Они также принадлежат к племени майя и, подобно своим соплеменникам, проявляют необыкновенную силу сопротивления. Они-то и оттеснили постепенно народ пипиль и, завоевав у них область, составляющую раздельную возвышенность, разрезали их таким образом на два звена. Их восточные соседи, чорти, проникшие далеко вглубь Гондураса, родственны им по языку. Наречие чорти ещё неизвестно: Стефенсу удалось записать всего лишь несколько слов; если археологи захотят когда-нибудь разобрать иероглифы, начертанные на камнях Копана, на территории чорти, тотчас за Гватемальской границей, то как они достигнут этого, если не будут знать языка, которым выражалось это символическое письмо? Но надо торопиться, так как первобытные наречия, вытесняемые распространением школ и печати, исчезают в этой стране с неимоверною быстротою.

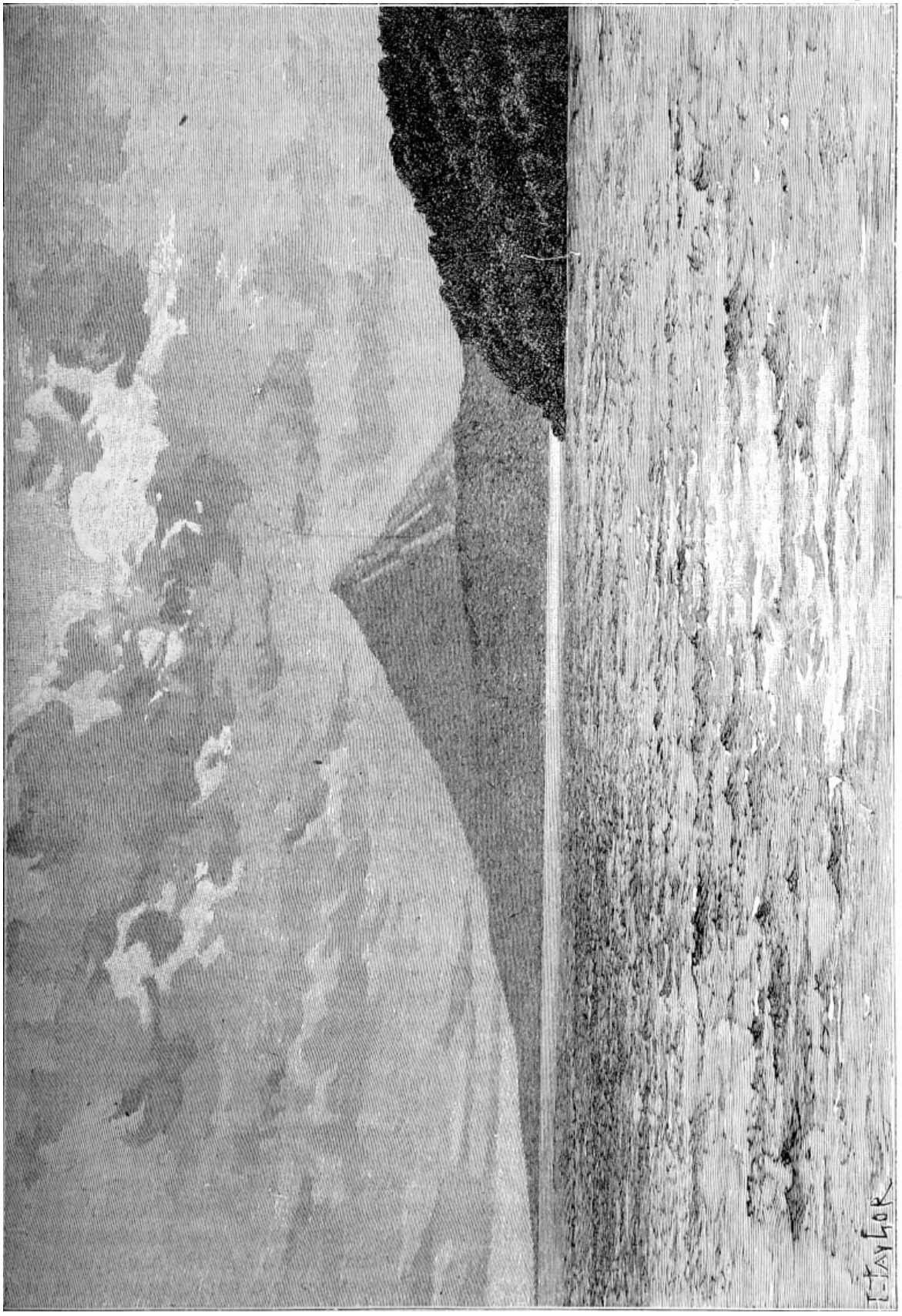
Квиче, или «Люди Большого Леса», по этимологии Брассера-де-Бурбург, были, наравне с ацтеками и майя, во время пришествия испанцев, самым цивилизованным народом Средней Америки. Они, как говорят, были очень многочисленны: летописи определяют численность их в несколько миллионов человек; в настоящее же время ряды их значительно поредели, но они продолжают занимать почти ту же самую территорию, как и в ту эпоху, когда банды Альварадо явились покорять их; во многих округах, особенно в Тотоникапаме, они энергично защищают свой язык против испанского; тем не менее оффициальный язык, рано или поздно, одержит верх над туземным наречием в городах, оставив его в достояние немногочисленным потомкам этого народа, живущим в деревнях. Глоссологическая область языка квиче обнимает в особенности Альтосы Квезалтенанго и Тотоникапама, но простирается на север и северо-восток к высоким бассейнам Усумасинты и Мотагуа, тогда как на юге она доходит по склону главной цепи до самого моря: побережье принадлежит ему на протяжении слишком 100 километров, к югу от Реталхулеу и Мацатенанго. Язык прежних властителей страны, квиче, есть один из редких индейских идиомов, имеющих если не литературу, то по крайней мере письменность. Popol-Vuh, «Книга Истории», которую один квичейский патриот написал вскоре после завоевания страны испанцами, взамен утраченного бытописания, представляет собою один из драгоценных источников для познания мифов и легенд Центральной Америки: в начале XVIII века она была переведена доминиканцем Хименесом на испанский язык, а затем издана во французском переводе Брассером де-Бурбург, но в ней много ещё встречается совершенно темных для нашего понимания мест, которые, можно надеяться, со временем будут истолкованы специалистами, хорошо знакомыми с гватемальскими наречиями, традициями и нравами.

Язык какчикель, на котором тоже говорят на плоскогорье, между Соломою и Чималтенанго и Антигуа, т.е. в поясе, заключающемся между территориями квиче и покоманов, есть, как и квиче, язык литературный. Брассер-де-Бурбург указывает на один, написанный на этом наречии, исторический документ, повествующий об истории какчикельского народа, начиная с сотворения мира, в котором есть много мест, общих с Popol-Vuh. Языки какчикель, квичуэ и путужиль, которым говорят в небольшой энклаве, к югу от озера Атитлан, испанские грамматики называют «столичными языками», потому что каждый из них был придворным языком в королевской резиденции. Эти идиомы очень схожи между собою. Что касается до наречия мем или маме, языка «Заик», которое господствует во всей западной территории, включая сюда округи Гуегуетенанго и Сан-Маркос, а также в Соконуско и в мексиканском Чиапасе, то оно значительно отличается от квиче, хотя тоже происходит от языка майя: квиче и какчикелы дали маме это название «Заик» потому, что с трудом их понимали[1]. Маме составляет особую группу вместе с наречиями иксиль и агвакатан, а может быть

1 Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amerique Centrale".

также и с другими ещё неисследованными идиомами, на которых говорят народы, живущие по верховью Усумасинты.

Между языками, близкими к исчезновению, Штолль упоминает наречие, которым гово-

Вулканъ Момбако и берега озера Никарагуа.

рят жители Сан-Мигуэль-Успантана, деревни, расположенной на северной окраине земли квиче. Мужчины этого округа берут себе жен исключительно из селений в окрестностях Тотоникапама и, благодаря этой постоянной иммиграции квичейских женщин, которые сохра-

няют свой костюм и язык, этническое слияние совершается с замечательною быстротою. В течение этого столетия язык алагвилак, идиом нахуатльского происхождения, на котором говорили в Сан-Кристобаль-Акасагуастлане, на р. Мотагуа, и который мало отличается от пипиля Эсквинтлы, совершенно вышел из употребления, уступив место испанскому; от него остались только отдельные слова, фразы да несколько страниц из бумаг, хранившихся в общинных архивах. Вероятно, та же участь постигнет в скором времени языки синка и пупулука, на которых ещё говорят в разных местах юго восточного края Гватемалы, на границе в Сальвадором. Пупулуки, т.е. «Иностранцы» или «Варвары» по-ацтекски и пипильски, говорят подобно мексиканским пополока, особым наречием, непонятным их соседям; по словам Ороцко-и-Берра, они запотекского происхождения, а не майяского и не мексиканского[1]. Синка, имевшие обыкновение воевать при звоне колокольчиков, вероятно, для того, чтобы звоном отвратить злой рок, были тем не менее одним из самых несчастных туземных народцев: в наказание за оказанное ими сопротивление, они получили название Esclavos, «рабов», которое перешло и на самую реку, по берегам которой они живут; их язык, подобно идиому пупулука, не имеет ничего общего с языками соседних населений[2].

Почти все туземные языки, на которых говорят в пределах Гватемалы, принадлежат к майяской семье. Кроме пипильского, алагуилакского, пупулукского и синка, нужно из этого числа исключить также караибский язык, который сохранился ещё у рыбаков и дровосеков, потомков тех индейцев, которые были перевезены англичанами на Атлантическое побережье, в конце прошлого столетия. Штолль пытался построить генеалогическое древо майяских языков, чтобы показать, в каком последовательном порядке отделились различные идиомы одного и того же корня. Гуакстекский язык первый отпал от своего первоначального ствола и тем более отдалился от него, что к переменам, производимым самим временем, присоединились ещё те изменения, которые вносятся постороннею средою, при общении с народами других нравов, говорящими на иных языках. Затем глоссологическое древо раздвоилось на два самостоятельные ствола—язык майя и квиче; от первого пошли ветви: мексиканская, тцендальская, тцоцильская и чольская, тогда как от языка квиче отделились наречия: покоманов и покончи, какчикель и современное квиче, иксиль и маме[3]. Во всех этих языках разговорная речь дает первенствующее место женскому роду, когда речь идет одновременно о лицах обоего пола[4].

Чистые индейцы, составляющие более двух третей всего населения, очень схожи между собою по наружности, каков бы ни был язык, на котором они говорят; контрасты происходят от различия климатов, между холодными и теплыми землями; но большая часть индейцев населяют плоскогорья и склоны умеренных земель. Племя какчикель, которое можно взять за тип гватемальских туземцев, представляет собою людей среднего или небольшого роста (145—155 сантиметров), но широкоплечих и коренастых, с выразительными чертами лица, густыми бровями, косыми глазами, выдающимися скулами, прямым носом и своевольным складом рта; черные волосы их падают густыми, прямыми космами на низкий лоб, сдавленный ремнем их ноши; они никогда не седеют[5] и до преклонного возраста сохраняют свои ослепительно-белые зубы и свою сильную мускулатуру, не знающую ожирения; индейцы эти неутомимые ходоки, обладающие красивыми стройными ногами, с выдающимися икрами. Ежедневно можно видеть, как женщины, с ношею в 40—50 килограммов на голове и с грудным младенцем за спиною, ходят на рынок, делая в час по шести километров. Индейцы плоскогорий имеют в общем более темный цвет лица, чем туземцы теплой земли. Что касается до майяского обычая придавать детским черепам пирамидальную форму, со лбом,

1 Geografia de las lenguas y carta etnografica de Mexico.
2 D. G. Brinton, „On the Xinca Indians of Guatemala”.
3 Otto Stol, „Fur Ethnographie der Republik Guatemala”.
4 Brasseur de Bourbourg, „Popol-Vuh”.
5 Arthur Morelet, цитиров. сочинение.

откинутым назад, то он удержался, кажется только у лакандонов Усумасинты[1]; Штолль не видел следов его у индейцев возвышенностей. Одежда индейцев очень проста: панталоны, рубашка и блуза, как у ладиносов; в отдаленных от городов округах теплых и умеренных земель женщины носят обыкновенно только одну юбку; в кофты они наряжаются только для ладиносов или когда выходят куда-нибудь из дома. На плоскогорьях богатые индианки носят рубашки с широкими рукавами пестрых цветов, украшенные вышивкой; кроме того, в холодную погоду они надевают на голову нечто вроде капюшона, плотно прилегающего к лицу. Квекчи зачесывают свои волосы назад в виде хвоста, перевязанного красной лентой.

У гватемальских индейцев очень распространена геофагия, т.е. привычка есть землю. Съедобной землей, которую употребляют обыкновенно как приправу, считается вулканический пепел желто-серого цвета, с сильным запахом: в книге «Popol-Vuh» уже упоминается об этом обычае при описании обеда двух волшебников. Паломники, посещающие святые места, тоже едят разные фигурки из земли, которые они достают на месте, и употребляют, как целительное средство от всяких болезней. Это извращение вкуса оказывает вредное влияние только на детей и на тех взрослых, особенно женщин, которые пристращиваются к еде мела, штукатурки и толченого кирпича: Гаж знал креолок, которые ели землю «целыми пригоршнями» для того, чтобы сделать лицо белее. Чахотка здесь обыкновенная болезнь, даже на плоскогорьях, несмотря на «вечную весну» и всегда ровный климат; вихри пыли, которую малейший ветер поднимает с земли, состоящей из пепла, могут быть одною из отягчающих причин легочных болезней. Но самое большое число жертв уносит оспа. Кроме того, жители Гватемалы часто подвергаются заболеванию особою болезнью кожи, tina или «пеструхою», которая особенно распространена на западе страны, хотя всё же встречается здесь реже, чем в Мексике: по словам Штолля, который сам врач, чистокровные индейцы чаще страдают от неё, чем метисы. Зоб является эндемической болезнью в некоторых долинах, лежащих по близости к Великому океану, от Альтосов до Никарагуа, и передается из рода в род, без различия расы, зачастую осложняясь ещё кретинизмом. Туземцы быстро стареют, конечно, от крайнего однообразия их жизненного склада, которое не дает пищи для развития любознательности и притупляет мысль, не получающую обновления. В тридцать лет они уже подвергаются полному застою, не имея никакого матерьяла для освежения умственной и физической деятельности[2].

Современные жилища туземцев в деревнях остались теми же, какими они были до эпохи завоевания, и представляют простые домики с глиняными стенами, крытые листьями или тростником. Даже большие селения и местечки состоят исключительно из подобных построек, если не считать церквей и здания муниципалитета. Прежде индейцы жили большею частью отдельными дворами, каждая семья подле своего мильпа или маисового поля. Нигде дома не группировались в деревни, только изредка попадались форты, где помещалось начальство и войско. Когда испанцы сделались хозяевами этой страны, они стали собирать вокруг своих гасиенд соседних индейцев, сделавшихся их рабами; духовенство, в свою очередь, также желало иметь прихожан для своих церквей, и таким образом устраивались деревни; но в начале было очень трудно заселить эти деревни: индейцы разбегались, скучая по своей вольной жизни в лесах, а иногда и для того, чтобы подготовить нападение. Даже и в наше время достаточно самой ничтожной политической вспышки или вообще какого-нибудь волнения, чтобы деревни совершенно опустели; случалось нередко, что простое объявление о предстоящей ревизии или предчувствие новых налогов разгоняло целое население.

Индейцы, живущие в близком соседстве с ладиносами, часто имеют какой-то особенный отпечаток грусти и озабоченности; зато в тех округах, где население состоит из почти чистокровных индейцев, они сохранили присущую им веселость, а также сердечность и изысканную вежливость в обращении. Церемониал визитов определен во всех подробностях. Появляясь на пороге дома своего знакомого, гость кланяется «папочке», просит позволения вой-

1 A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society", апрель 1883.

2 Jagor von Sievers, „Guatemala".

ти; затем он осведомляется о здоровье всех домочадцев, при чём имя Божие,—введенное из испанского диалекта в туземные языки,—безпрестанно повторяется в формулах вежливости,—приходится ли благодарить или просить о чём-либо; при встрече с стариком, индеец, по обычаю, возвысив голос, просит его дотронуться до его головы пальцем, как бы для того, чтобы ему сообщилась святая благодать. У индейцев весьма распространены музыкальные собрания: достаточно малейшего предлога, чтобы устроить пиршество, на которое любезно приглашается всякий встречный; таким предлогом в особенности служит смерть ребенка, «который становится на небе ангелом». У индейцев вообще, а у петенских майя в особенности, замечательно развит музыкальный вкус: в этом отношении они, говорят, стоят выше испанцев. Пение итца отличается стройностью и разнообразием оригинальных мотивов; по отзыву Мореле, в их песнях много «жизни и блестящего эффекта», что совершенно отличает их от жалобной мелодии ладиносов. Этот же путешественник приписывает многим музыкальным инструментам местное происхождение; таковы, например, *чиримийя*, имеющая некоторое сходство с кларнетом, и *маримба*; последний инструмент состоит из целого ряда вертикальных деревянных трубочек, сделанных из неодинаковой величины тыковника; эти трубочки устроены, как у пастушеской свирели: они просверлены на нижнем конце и полуприкрываются тонкой перепонкой; деревянные клавиши, находящиеся над верхними отверстиями трубочек, и одинаковые с ними по размерам, служат клавиатурой, по которой музыкант ударяет палочками, производя необыкновенно сильный звук, похожий, по словам Мореле, на «сухой тон фортепиано». Брассёр-де-Бурбург и фон-Темпский[1] считают также маримбу инструментом индейским, но доказано, что она африканского происхождения. Маримба известна в бассейнах Нигера и Конго до самой земли Кафров: это негры-рабы научили индейцев искусству делать маримбу, но здесь её делают из другого дерева, чем в Гвинее, хотя по совершенно такой же модели[2]. Самое название инструмента, бантуского происхождения, употребляется без изменения почти на всех индейских наречиях.

Индейцы, хотя и считаются более усердными католиками, чем ладиносы, тем не менее, под новым культом они продолжают сохранять старый. Во многих местах идолы прежних богов сберегаются в церквах спрятанными под алтарями, и молитвы индейцер обращаются одновременно к обоим патронам; преклоняя колена перед святым Михаилом, они ставят сразу две свечи, одну дракону, другую архангелу[3]. Новая религия дала им только новые имена, а боги остались прежние: веруя в Бога-Отца, индейцы видят в нём свое прежнее божество—Солнце, от которого исходят милости; Дева Мария представляет для них богиню Луну, а святые—Звезде-покровительниц. В нахуатльском календаре, сохраняющемся ещё во многих округах, двадцать дней каждого из восемнадцати месяцев разделяются на дни счастливые, несчастливые и обыкновенные. Большинство индейцев веруют, что существуют два Бога, из которых один, *Диос-де-ла-Монтанья*, или «Бог Леса», занимается специально туземной расой, не заботясь ни о белых, ни о ладиносах. Его часто называют *Dueno del Palo*, или «Господь Дерева», потому что он живет в стволе сеиба, и у подножия гигантского дерева, в прогалине леса, приносятся в дар этому богу первые плоды и первая дичь, при воскурении фимиама. Кроме того, боготворят ещё Землю, но вместе с тем и боятся её, так как она олицетворяет злую стихию.

В каждой деревне туземцы группируются в *confradias* или «братства», подобные древним *кальпулли* народа нахуа; каждое из этих братств имеет своего святого, праздник которого справляется с большим великолепием. Капитаны и капитанши собирают с общества необходимые деньги на костюмы, свечи, декоративные украшения и музыку; иногда расходы по устройству праздника бывают так велики, что община потом целые месяцы уплачивает долги; но тем не менее святого всегда чествуют с помпой. Устраиваются мимические танцы,

1 Mitla, „A Narrative of incidents and adventures in Mexico, Guatemala and Salvador".

2 Otto Stoll, цитиров. сочинение;—D. Charnay, „Les Anciennes villes du Nouveau Monde";—Raumond Pilet, „Congres Americanistes". 1890;—Deniker, рукописные заметки.

3 K. von Scherzer, „Natur-und Volkerleben im tropischen America".

изображающие драмы, космогонические или исторические, но более или менее видоизмененные введением новых легенд испанского происхождения. Так, пляшут «Мавританский бал», главными действующими лицами которого являются Карл Великий и Тамерлан, «Бал Негров» и даже «Бал Завоевания». Лицедеи, в деревянных масках и в одежде из листьев и травы, или в каких-либо причудливых костюмах, доходят в своей экзальтации прямо до исступления. Праздник переходит в настоящую вакханалию, так что, глядя на исступленных танцоров, не трудно представить себе прежния религиозные церемонии, когда верующие бросались на окровавленные тела и пожирали их мясо[1]. Ещё во времена Гажа, т.е. в XVII-м веке, бывали примеры, что во время таких празднеств индейцы, переряженные в шкуры диких зверей, приходили в страшное исступление и, на глазах толпы, разрывали своими крепкими зубами на части несчастных жертв.

В пении и молитвах гватемальских индейцев всюду сохранились следы прежнего культа: так, например, квиче до сих пор ещё взывают «к святым душам, которые сопровождают появление зари и последние лучи угасающего дня». При крещении каждый квичейский ребенок получает имя какого-нибудь животного, которое становится его *нагуалем* или «патроном» на всю жизнь; но зачастую такое имя сохраняется в строгой тайне, дабы враги не проведали о нём, иначе, если они сделают «покровителю» какое-нибудь зло, то пострадает также и носитель его имени[2]. Этот термин *нагуаль* или нахуатль, употребляющийся иногда в хорошем значении слова, как гений-покровитель, иногда же в дурном смысле *захорина* или колдуна, напоминает о временах древней нахуатльской цивилизации, которую так грубо попрали испанцы в эпоху своих завоеваний[3]. Вообще под названием нахуализма подразумевают все суеверия, предшествовавшие введению католического культа.

Сознавая силу в своей численности, индейцы, в сердцах которых накипела злоба за все бедствия рабства, не слились ещё с ладиносами, и глубокая ненависть между расами неоднократно проявлялась резней во время борьбы, возбужденной честолюбцами, добивавшимися власти. В 1838 г., когда индейское войско, под предводительством пастуха Рафаэля Каррера, победоносно вторглось в столицу, можно было опасаться, что эти мстители, «призванные Девой Марией истребить белых, иностранцев и еретиков», приведут в исполнение свои угрозы; но даже и в своих победах они подчинялись превосходству более цивилизованных ладиносов, с которыми, впрочем, у них год от году умножаются точки соприкосновения и слияния. Подобно тому, как ладиносам, которые все смешанного происхождения, иногда дают название «белых», так точно нередко называют чистокровными индейцами толпу деревенских жителей, в жилах которых течет доля не-американской крови. На плантациях постоянно происходили скрещения между классом господ и классом служителей, и чернокожие невольники, которых доминиканцы ввели в страну для обработки их земель, прибавили новый элемент к этому смешению рас. Можно сказать, что в Гватемале нет более негров, хотя черты их, более или менее видоизмененные, легко узнать в целых населениях.

Главной причиной разъединения «индейцев» и ладиносов является не столько различие расы, сколько социальное положение. Ладиносы пользуются относительным образованием, и благодаря родственным связям им не трудно добиться мест и должностей на общественной службе. Для индейцев же не существует иной карьеры, кроме тяжелого физического труда, и это действительно настоящие работники, отличающиеся редким трудолюбием, даже в тех случаях, когда им приходится работать на пользу других. Занимаясь преимущественно земледелием, она толково обработывают землю и никогда не отказываются от новой культуры, если опыт доказал её целесообразность. Всякия ремесла даются им очень легко; в городах индейцы работают в качестве каменщиков, плотников и очень искусных столяров-мебельщиков; известные прежде, как замечательные художники по части работ из перьев, они и до сих пор сохранили за собою славу настоящих артистов по выделке различных художествен-

1 Lucien Biart, „La terre Chaude";—H. H. Bancroft, „Native Races".

2 Brasseur de Bourbourg;—Otto Stoll, цитированное сочинение.

3 A. Reville, „Les Religions au Mexique".

ных вещей; во время доминиканского правления у них составилась целая школа резьбы по дереву, и этими замечательными работами ещё до сих пор можно любоваться в местных церквах: некоторых из этих художников-мастеров посылали даже в Европу[1]. Кроме того, индейцы занимаются торговлей в разнос, которая у них идет очень бойко, благодаря их терпению, трезвости и энергии, что помогает им бороться с самыми сильными утомлениями: им ничего не стоит пройти сотню километров, чтобы перенести по ту сторону оврага или горного кряжа тяжелую корзину с фруктами, с семенами или какие-нибудь другие продукты их промышленности. Отхожие промыслы у них очень развиты: каждый год составляются *квадрильясы* или «компании» индейцев, которые, одеваясь в свои *suyucal*, или плащи из пальмовых листьев, уходят из холодного пояса Альтосов в города или на плантации низменности и работают там несколько месяцев, после чего возвращаются домой, принося семьям заработанные деньги. Честность караванщиков прямо изумительная. Случается, что вьючные животные в дороге околевают или получают какие-нибудь тяжелые увечья, которые мешают им продолжать путь; тогда весь груз складывается на краю дороги и покрывается просто ветками: конвоиры могут быть совершенно спокойны, что, возвратясь, они найдут его в полной неприкосновенности.

Хотя обыкновенно ладиносы и относятся к индейцам презрительно, но это не они, а индейцы способствуют обогащению Гватемалы; даже и в нравственном отношении будущее страны находится в руках туземцев, а не ладиносов. Индейцы сильны лучшею национальною добродетелью—своею солидарностью. Во всех деревнях, где туземцы остались собственниками, они, кроме своих частных садов, обрабатывают также общинную *мильпа*, т.е. землю, принадлежащую всем жителям, и доходом с которой пользуется всякий, имеющий на это право своим участием в работе: каждое воскресенье по улицам города расхаживает кто-нибудь из детей, барабанным боем сзывая народ, чтобы в присутствии всех назначить выборных, которые впродолжении следующей недели должны работать на общину. Индеец способен к самой тесной дружбе и умеет ценить её, платя благодарностью и беззаветною преданностью; его жизнь чужда тех треволнений, которые мутят душу ладиноса, и в семье его царит полное безмятежие; индеец не паразит, не прихлебатель, а главный кормилец своих гордых сограждан, которые погибли бы без этих терпеливых тружеников.

Гватемальское население сгруппировалось преимущественно в холодных и умеренных землях горной цепи, идущей вдоль побережья Великого океана: горный пояс является наиболее населенным, и все более или менее значительные города расположены на возвышенности, между прибрежными равнинами океана и верхними долинами рек Усумасинты и Мотагуа.

Ближайший к мексиканской границе город плоскогорья—Сан-Маркос, находящийся в холодной зоне, на возвышенности, откуда открывается обширный вид на лежащее внизу пространство, сплошь покрытое кофейными плантациями. В соседней равнине расположен индейский город Сан-Педро-Сакатепеквес, жители которого не говорят более на маме, древнем языке Западной Гватемалы: не очень давно оффициальным декретом они были объявлены ладиносами, что повело за собою расширение автономии на пользу их интересов. Сан-Маркос значительно обогатился продажей своего кофе, отличающагося превосходным качеством; но население этого округа ещё довольно редкое, и деревень здесь немного.

Естественным портом Сан-Маркоса и окрестных плантаций является лиман Окос, находящийся в 80 километрах к юго-западу, при устье Окоса, на лагуне, в которую впадает также рио-Наранхо, усиливаемая многими другими реками. Равнины, окаймляющие в этом месте побережье, представляют собою обширные, часто затопляемые саванны, усеянные лагунами и островными лесами. В апреле здесь бывает ярмарка, на которую съезжаются торговцы и плантаторы мексиканского Соконуско и Западной Гватемалы, и где совершаются обыкновенно значительные торговые сделки. Многие из приехавших на ярмарку привозят с

1 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

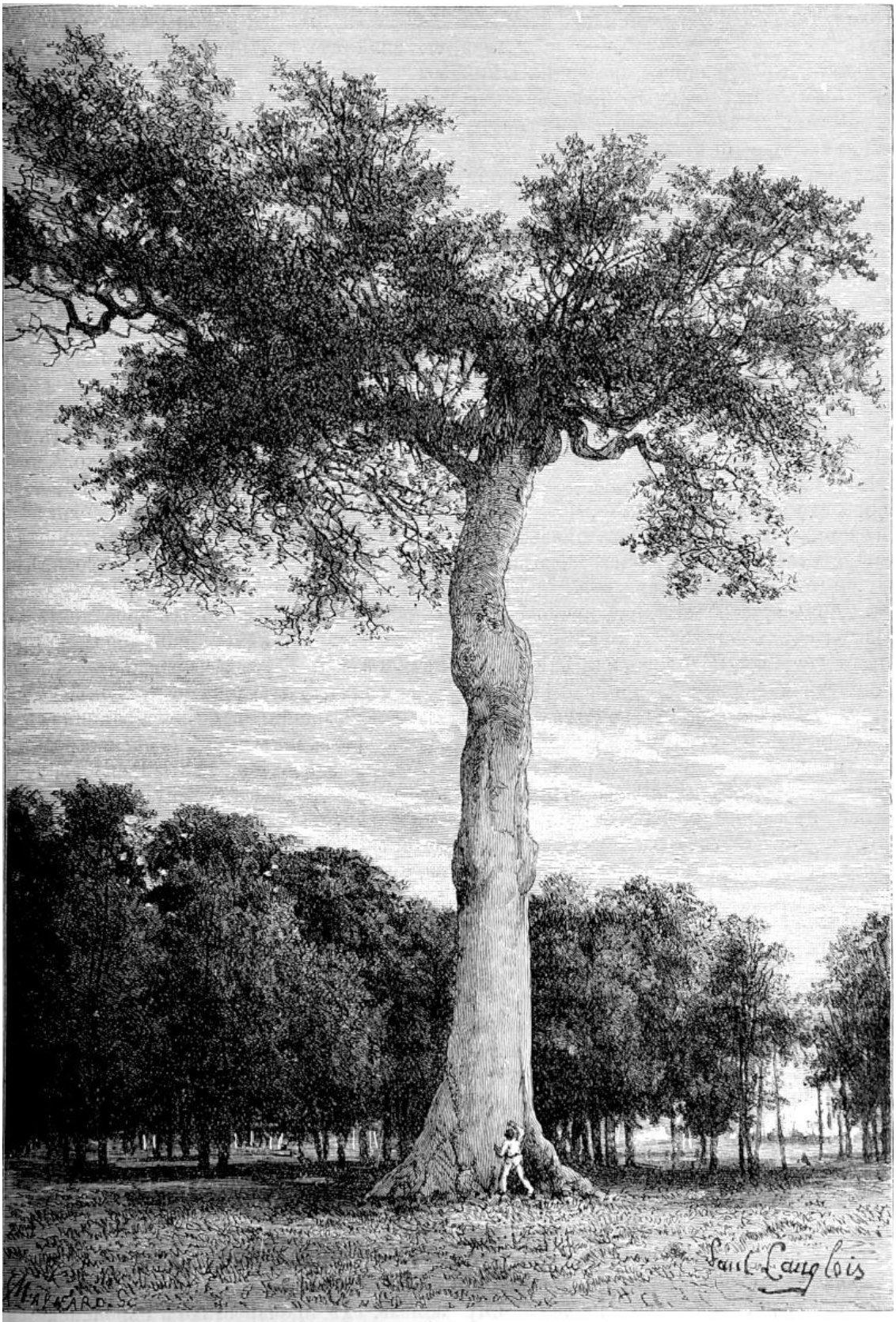
собою сети и ружья, и развлекаются рыбной ловлей и охотой, так как эти лагуны кишат рыбой, а окрестные леса изобилуют пернатыми. Закинув невода, индейцы сами бросаются в воду и, расхаживая по дну, загоняют рыбу в сети. Они охотятся также за крокодилами, мясо которых очень ценится в стране; ранив животное, индейцы бесстрашно бросаются в самую лагуну и кортиком наносят последний удар крокодилу[1]. Лиман Окос долгое время считался границей между Мексикой и Гватемалой; с тех пор, как граница была перенесена дальше, в Сучиате, порт Окос, открытый для внешней торговли, получил некоторое значение по экспорту кофе. На западе пограничным постом служит деревня Аютла, место паломничества, излюбленное индейцами Соконуско.

В пятидесяти километрах к юго-востоку от Сан-Маркоса расположен Квецалтенанго, вторая столица республики и главный город Альтосов; он занимает, на высоте 2.346 метров над уровнем моря, обширное пространство на гористом плоскогорье, на юге которого возвышается ещё дымящаяся вершина Серро-Кемадо, или «Пылающая Гора»; в 1838 г. этот город был столицей штата, в состав которого входили три восточные провинции. Тотоникапам, Квецалтенанго и Солола. Дома в этом городе выстроены из глыб лавы, каменоломни которой находятся у подошвы вулкана; построенный довольно неправильно вследствие неровностей почвы, этот город довольно живописен, и различные кварталы его представляют не такой шаблонный вид, как в большей части других американских городов. В Квецалтенанго много учебных заведении, средних и начальных, и образование там очень распространено, даже среди индейцев квиче: в этом отношении город Альтосов может считаться первым во всей Гватемале. Местная промышленность заключается в производстве льняных и бумажных материй, красильнях и кожевнях; специальность квичейских ремесленников—выделка шитых золотом плащей, шляп из перьев и масок, которые индейцы носят во время своих балов, процессий и театральных представлений. Но эти драгоценные предметы редко можно найти в продаже; обыкновенно их за большие проценты отдают на прокат на весь праздник; такие костюмы развозятся по всем окрестностям, даже в самые дальние деревни, находящиеся на границе девственного леса. В прежния времена эти изделия из перьев были гораздо более роскошные, чем фабрикуемые ныне; они выделывались из перьев редких птиц, тогда как в настоящее время часто ограничиваются перьями индюков, которые подделывают искусственной раскраской под перья редких птиц. По всей вероятности, от этого перьяного промысла произошло и самое мексиканское название этого города—Квецалтенанго, что значит «место Зеленых Перьев», а не «место Птиц Квецаль», как это часто повторяют, тем более, что этой породы птиц вовсе нет в этих краях. Квичейское название этого города—Ксе-лалух, т.е. «под Десятью»: судя по испанским летописям, укрепленный город, разрушенный победителями и находившийся прежде по соседству с нынешним, разделялся на десять кварталов, из которых каждый имел своего начальника. Это название сохранилось и до сих пор, несмотря на разрушение древнего города. Квецалтенанго изобилует горячими ключами, бьющими у подошвы вулкана; самые знаменитые из них, куда больше всего стекается народу, это—источники Альмолонга, которые текут по глубокому оврагу у подошвы вулкана Зуньиль.

Столица Альтосов служит резиденцией большинства крупных землевладельцев, плантации которых покрывают Коста-Куку, на полу-склоне покатости Великого океана; в этом городе много также купцов и ростовщиков, которые, собственно говоря, и владеют землями. Они предпочитают жить в этой здоровой местности, а не в городе Реталхулеу, который, хотя и находится гораздо ближе к зоне главной культуры, но считается одним из самых нездоровых мест Гватемалы. Реталхулеу, что значит «Сигнал», расположен на высоте всего 415 метров над уровнем моря, то есть в поясе «теплых земель», где средняя температура равняется 28—29 градусам по стоградусному термометру; это древний рынок, основанный, вероятно, квичейскими королями для того, чтобы удобнее было доставать нужные им запасы какао и хлопчатой бумаги. Город ладиносов и его индейское предместье Санта-Катарина купаются в

1 Otto Stoll, „Guatemala".

зелени бананов и тамариндов, но издали виден только лес высоких кокосовых пальм, покачивающих свои веерообразные короны над чащей других деревьев. До недавнего времени главную культуру в Реталхулеу составляло какао: ныне культура кофейного дерева и пище-

Дерево сеиба.

вых растений, необходимых для рабочих на плантациях, заменила культуру какао, и порт Чамперико, соединенный железной дорогой с Реталхулеу, не вывозит почти ничего, кроме кофе. Чамперико, гнездо лихорадок в сезон дождей, обитаем только в сухое время года, и

особенно в апреле и ноябре, в пору нагрузки судов, из которых почти все—северо-американские: половина грузовщиков состоит из мексиканских иммигрантов. Движение судоходства в порте Чамперико в 1888 году: 272 судна, из которых 256 паровых и 16 парусных, общею вместимостью в 404.600 тонн.

Порт этот открывается на береговую лагуну, из которой добывают соль, также как и из всех лагун, рассеянных по юго-восточному побережью до устья Салама, реки, спускающейся с Альтосов через города Тотоникапам, Квецалтенанго и Реталхулеу.

Тотоникапам, построенный на двадцать километров северо-восточнее Квецалтенанго и на том же самом плато, имеет ещё более холодный климат: он лежит на высоте 2.484 метров, т.е. почти на 140 метров выше своего соседа и на 200 метров выше Мексико. Это—хорошенький городок, по крайней мере если смотреть на него с вершины горы, возвышающейся над ним, или с окрестных холмов: окружающие его зеленые сады совершенно скрывают жилые дома, выставляя лишь белые купола храмов. Название города ацтекское, хотя взято оно с древнего квичейского названия Ксе-ме Кен-я, что означает «Около Теплых Вод»: и действительно по соседству с этим городом много теплых ключей. Население Тотоникапама состоит главным образом из квиче, которые продолжают говорить на языке своих предков и составляют как бы аристократию города, отнюдь не считающую себя ниже ладиносов. Впрочем, большинство из них происходят от тлакскальских «кациков», которые некогда были спутниками Альварадо и за свои заслуги получили дворянские привилегии, между прочим, освобождение от податей[1]; лучшие городские постройки принадлежат этим тлакскаланцам. Тотоникапам, как и его соседка-столица,—город преимущественно промышленный; здесь выделывают сукна, глиняную посуду, мебель, гитары, маримбы и другие музыкальные инструменты. Два раза в неделю на базарной площади происходит ярмарка, куда съезжаются целые толпы крестьян-индейцев. В нескольких километрах на юго-запад находится ладинская деревня Сахкадже, которая в настоящее время не имеет большого значения, но у неё есть историческое прошлое, так как это первое поселение, основанное Альварадо в 1524 г., а церковь её, во имя Св. Девы-Победительницы, сделалась известным местом паломничества. Большинство сахкаджаских жителей переселилось впоследствии в Квецалтенанго. Оба города разделены речкою Олинтепекве, которую туземцы называют Ксиквижиль, или «Кровавая Река» с тех пор, как здесь пролилась кровь не одной тысячи квиче, убитых Альварадо в решительном сражении, доставившем ему владычество над страной.

Другой исторический город—Санта-Круц-Квиче или просто Квиче (Киче); он сохранил ещё название той нации, столицей которой некогда был, хотя в настоящее время там нет почти других жителей, кроме ладиносов. Он расположен (1.887 метров) в сорока километрах к северо-востоку от Тотоникапама, в поясе умеренных земель, на равнине, где протекает один из первых притоков рио-Гранде-де-Мотагуа. Но вокруг равнины зияют огромные овраги, разделяющие террасы, где находились прежде постройки Утатлана («Маисовые Скирды»)[2], резиденции древних квичейских королей. Терраса акрополя, окруженная пропастями, из которых южная имеет 400 метров глубины, на протяжении почти 400—500 метров представляет собою ровное пространство и соединяется со смежными землями опасною дорогою, которую охраняли укрепленные замки[3]. Утатланский дворец, такой же грандиозный, как и дворец Монтезумы, по словам летописцев, был так велик, что в нём мог поместиться целый народ с женщинами, слугами и войском; школа вмещала в себе более пяти тысяч детей, воспитывавшихся на счет государя, а когда этому последнему пришлось собрать на площади свое войско, чтобы мобилизовать его против испанцев, то на смотру прошло 72.000 человек. Пирамида, известная под названием *Сакрификатарио*, сохраняет ещё довольно правильные контуры и следы прежних ступеней. За акрополем, на склонах холмов, на окрестных возвы-

1 Domingo Juarras, цитированное сочинение.

2 Torquemada;—Fuentes;—Juarras и т. д.

3 Cezar et Marcel Doly. Congres des Americanistes, происходивший в Париже в 1890 г.

шенностях и на равнинах, всюду видны развалины прежних построек, хотя культура завоевала уже значительную часть этого пространства: между камнями там и сям растет маис. Благодаря раскопкам, которые время от времени здесь производятся, были открыты статуи, барельефы и масса разных орнаментов. На юго-восток, на окраине плоскогорья, лежит благодатный в санитарном отношении городок Сан-Томас Чичикастенанго, населенный ещё потомками древних благородных квиче; доминиканец Хименес сделал там удачную находку: он обрел «книгу Мифов» или Popol-Vuh.

К западу от Квиче главные истоки Мотагуи переплетаются с истоками Усумасинты в департаменте Гуегуетенанго, одном из наименее населенных во всей республике. Гуегуетенанго, или «Город Древних», возник тоже на развалинах древнего города индейцев, Закулеу, или «Белая Земля», который, говорят, был столицей народа маме. Современный город лежит в поясе умеренных земель, где произрастают европейские и тропические фрукты; река, орошающая его поля, спускается к северо-западу и соединяется затем с Грихальвою. По соседству находится цветущий городок Чиантла, монастырь которого был прежде одним из самых роскошных в Новом Свете, благодаря дарам, которые ежегодно приносились целой толпой паломников, теперь менее многочисленных. Благоденствию местных доминиканцев немало способствовали также руды сереброносного свинца, которые прежде эксплоатировали. Кроме того, утилизировались и другие минеральные богатства, между прочим, соляные ключи Икстатана, которые находятся недалеко от мексиканской границы: они доставляли очень чистую соль, которую туземцы продавали в Квецалтенанго.

На верховыи рио-Чихой, которая составляет верхнее течение Усумасинты, существует всего лишь один город—Сакапулас, населенный индейцами племени квиче; он построен на высоте 1.166 метров, занимая высокий правый берег реки, несколько ниже слияния рио-Негро и рио-Бланко. Тут же под городом, прямо в граните, бьют горячие ключи, температура которых, смотря по источникам, варьирует между 40—70 градусами стоградусного термометра. Вода в них горько-соленая, напоминающая вкусом морскую, что происходит от одновременного присутствия хлористого натра и магнезиальной серно-кислой соли. Другие ключи, находящиеся восточнее, содержат уже менее солей, хотя туземцы не пренебрегают и ими для извлечения соли. Они вырыли в песке равнины небольшие камерки, куда проведена вода, идущая тонкою струею, что дает ей возможность испаряться под влиянием солнечных лучей[1]: это в миниатюре тот же самый способ добывания, который практикуется в салинах по берегам Средиземного моря и Атлантического океана. Главная салина страны теперь —солеварня Магдалена, устроенная в пятнадцати километрах к северо-западу от Сакапуласа, по другую сторону крутых возвышенностей: два могучих источника, из которых один дает 120 литров в секунду и содержит 4% чистой соли, бьют фонтаном у подошвы горы, совершенно обезлесенной со времени сооружения соляного завода; ежедневно добывается три тонны соли. Индейцы были испокон-веков нераздельными собственниками этих источников, но концессионер прогнал с равнины всех туземцев, за исключением тех, которые остались у него рабочими, разбив их кувшины ружейными выстрелами[2]. Древние могилы, встречающиеся во множестве в окрестностях, свидетельствуют о том, что прежде эта страна была многолюдна; в настоящее время она почти совсем заброшена, хотя Сакапулас всё ещё служит важною станциею для караванов, развозящих товары между Альтосами и Вера-Пац. К северу от Магдалены, в сиерра-де-Небах, существует всего лишь три индейские деревни, с наполовину покоренным населением, принадлежащим к майяскому племени иксиль и говорящим на совершенно другом языке, чем прочие гватемальцы. Деревня Сан-Мигуель-Успантан, расположенная далее на восток, в долине притока Чихоя, тоже составляла глоссологическую энклаву, где, впрочем, язык жителей мало отличается от квиче.

Салама, главный город департамента Баха-Вера-Пац, тоже расположен в бассейне верхней Усумансинты, на восточном притоке Чихоя, на высоте 871 метра над морем, следова-

1 Ch. Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisees du Mexique“. Том II.

2 Otto Stoll, цитированное сочинение.

тельно, в поясе тропических культур. Местечко Сан-Жеронимо, основанное доминиканцами и лежащее на несколько километров восточнее, сделалось центром одной из важнейших сахарных плантаций, продукты которой, несмотря на неудобство путей сообщения, вывозятся даже в отдаленные места. Виноградники, недавно разведенные в окрестностях Салама, принялись здесь довольно удачно. Эта область Вера-Пац, которая была «страной Войны» впродолжении нескольких лет после вторжения в неё испанцев, обладает многочисленными развалинами. Некогда могущественные города представляют собою в настоящее время только груды обломков, погребенных под растительностью. Выше Сан-Иеронимо находится Пуэбло-Виехо, или «Старый Город»; это—древний Хубабал. Деревня Рабиналь лежит дальше к западу на притоке Чихоя, среди плантаций бананов, апельсинов и сахарного тростника, произрастающих на месте прежних могильных курганов[1]; на севере виднеются остатки крепости, а в десяти километрах к северо-западу обрисовываются на вершине холма развалины Ним-Покома (т.е. «Большая ломка туфа»), который был некогда столицей покоманов и, как говорит легенда, имел сто тысяч жителей. Наречие покоман или ним-поком[2], перестало быть языком этого края: оно было оттеснено к востоку идиомом квиче, языком населений, которые до прибытия испанцев постепенно приобрели политический перевес. Почти на всех возвышенностях в стране Рабиналь виднеются старинные укрепленные замки, поросшие теперь дикой травой, а против места слияния рек Рабиналь и Чихой, в долине рио Пакалах, расположены ярусами живописнейшие развалины Вера-Паца— храмы, дворцы и форты города Кагуиналя. В Рабинале Брассер-де-Бурбург нашел квичейскую драму «Zahohtun», представляющую одну из самых драгоценных остатков гватемальской литературы. В большом городе Санта-Катарина-Истлавакан, или «Женская нога», расположенном в восточной части Альтосов, путешественник Шерцер собрал любопытные легенды, молитвы и древние песни.

Хотя города, расположенные на плоскогорьях и горах к востоку от Квецалтенанго и Тотоникапама, находятся в довольно высокой местности, но они не считаются принадлежащими к области Альтосов или «Высот». Солола, именем которой называется один из департаментов республики, лежит на высоте 2.146 метров; город расположен на террасе из порфировых обломков, покрытой желтоватой глиной и представляющей со стороны Атилантского озера вертикальный утес, почти в 600 метр. высоты; справа и слева, два глубоких оврага образуют из цоколя Сололы великолепный мыс, соединяющийся с остальным плоскогорьем только с северной стороны. Миновав последние дома Сололы, сразу очутишься на краю обрыва этих стен, состоящих из скал и нагроможденных друг на друга больших камней, связанных лишь глинистым цементом: кажется, что вот-вот громадная руина обрушится в голубое озеро, ограниченное с северной стороны—крутыми утесами, с южной—мягкими и зеленеющими склонами, поднимающимися красивыми изгибами к конической вершине Атитлана. От Сололы вниз идет тропинка, высеченная зигзагами в туфах и скалах откоса; она ведет к самому берегу озера и приозерной деревне Панихачель, именем которой называют иногда и самый озерной бассейн; из узкой расселины, открывающейся на плоскогорье, изливается в Атитланское озеро небольшая речка[3].

Солола, древняя столица какчиквелов, населенная ещё до сих пор потомками этого народа, промышленными и гордыми индейцами, носит ещё другое название, Текпан-Атитлан, или «Обширный Атитланский Дворец», данное ей в отличие от Атитлана ладиносов, который стоит напротив, на южном берегу озера, и некогда также был столицей Тзутужильского королевства; его жители говорят ещё «столичным» языком. Легко переходимый порог между двумя вулканами, Атитланом и Сан-Педро, спускается к богатым плантациям Коста-Гранде, покрывающим нижние склоны гор; но пристань Текожате, самое близкое прибрежное место, слишком опасна для того, чтобы вывозимые заграницу продукты избрали этот путь; они

1 Ch. Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amerique Centrale".
2 Brasseur de Bourbourg, цитированное сочинение.
3 A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированное сочинение.

обыкновенно отправляются через Чамперико. Дорога, частью удобная для проезда, соединяет берега Атитланского озера с Реталхулеу через Мазатенанго: оба эти города имеют один и тот же внешний вид, одинаковый климат и одинаковую культуру; кофе из Мазатенанго высоко ценится на европейских рынках.

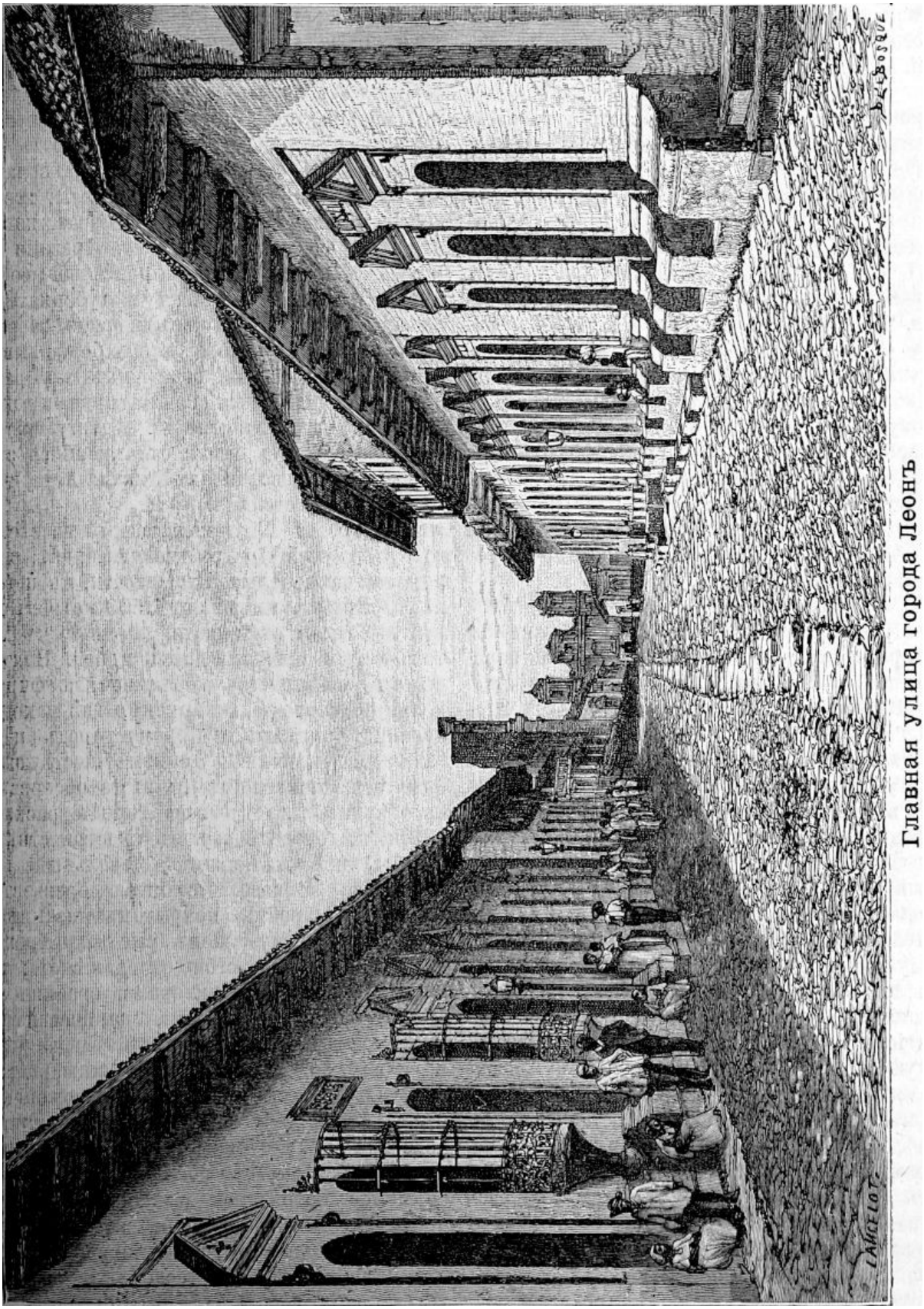
На возвышенных плоскогориях, отделяющих склон Атитланского озера от склона рио-Мотагуа, виднеются остатки одного из многочисленных городов, носивших имя Кваухтемалан или Гватемала, сделавшееся впоследствии названием всей страны. Этот город, бывший столицей какчиквелов, которые называли его Иксимче, занимал пространство в «три мили» окружности, на террасе, окруженной со всех сторон пропастями; по словам хроники сюда можно было подступить только с одной стороны, где находился вход, ворота которого были приперты камнем обсидианом. Завоеватель Альварадо устроил здесь свою резиденцию в 1524 году и дал ей название Сант-Яго. Кроме акрополя, от которого существуют ещё развалины, кишащие змеями, на дне одного ущелья помещался древний храм, куда авгуры и судьи приходили вопрошать черный просвечивающий камень, на котором они читали решения и предвещания, начертанные рукой богов. Стефенс и Катервуд видели аспидную пластинку, которая служила некогда этим пророческим камнем. Вторая Гватемала возвышается на отрывке плоскогорья, соседнего с Иксимче: это Текпан-Гватемала, или «Общинный дворец Гватемалы». В тридцати километрах к востоку, на террасе, занимающей южную сторону долины Мотагуа, виднеются другие знаменитые развалины—развалины Микско, которые покоманские воины мужественно защищали против испанцев; после взятия города, они массами были изгнаны, вместе со своими женами и детьми, в новый Микско, основанный близ столицы Гватемалы[1].

Чималтенанго, «Город Щитов», названный так, по всей вероятности, потому, что жители его занимались прежде выделкою этого предмета вооружения, теперь главный город департамента того же имени, который соответствует приблизительно древней стране какчиквелов. Город расположен на высоте почти 1.800 метров, как раз на линии водораздела между Атлантическим и Великим океанами, недалеко от северной оконечности цепи вулканов, которая оканчивается на юге пиком Фуего; по своей торговле он находится уже в поясе притяжения железной дороги, которая идет от Гватемалы к Эсквинтле и Сан-Хозе. Между Чималтенанго и Гватемалой, но ближе к последней, находится в настоящее время индейский город Микско т.е. «В Облаках», где были некогда водворены пленные, изгнанные из древнего города того же названия. Микские покоманы живут главным образом произведениями своих садов, которые они ежедневно носят продавать в Гватемалу, делая таким образом по два конца в 15 километров каждый, причем приходится пересекать глубокую долину, разделяющую оба города. Микские ладиносы почти все занимаются извозом, отдавая в наем лошадей и мулов для перевозки товаров.

Первая Гватемала, основанная испанцами и сменившая две другие Гватемалы какчиквельского происхождения, есть тот самый город, который теперь называют Сиудад-Виехо, или «Старый Город». Альварадо основал её, в 1527 г., в прелестной долине Альмалонга, или «Гора с Источниками», на берегах рио-Пенсативо, впадающей в Великий океан через Гвакалате; равнина эта была прежде озером. Трудно найти более очаровательную местность с более ровным и мягким климатом, с более плодородной и лучше орошаемой почвой, с более грандиозными пейзажами, чем долина между вулканами Фуего и Агуа. Однако, город просуществовал всего лишь семнадцать лет. В 1541 г., после продолжительных дождей, стенка верхнего озера, висящего над городом в кратере Агуа, вдруг уступила напору вод: город затопило, и почти все жители, в том числе и жена Альварадо, Донна Беатриса *Sin-Ventura* («Неудачливая»), потонули или погибли под развалинами. Осталось только одно исполинское дерево, под сводом которого испанцы собирались до постройки города. В настоящее время на этом месте находится маленькая деревня из нескольких домиков, разбросанных среди плантаций.

1 Brasseur de Bourbourg, „Mexique et Amerique Centrale“.

Во избежание на будущее время подобной катастрофы, которая, впрочем, не могла бы повториться таким же образом, решили перевести город более к северу, и в 1542 г. Альварадо вторично основал столицу—Сант-Яго-де-лос-Кабальеросъ, Нуева или «Новая», которая теперь известна под названием Антигуа, или «Древняя», в отличие от новой Гватемалы. Город быстро разросся и в несколько лет сделался самым населенным во всей Центральной Америке, несмотря на целый ряд бурь, наводнений, землетрясений и болезней, которые постигали

Главная улица города Леонъ

этот город. Жители его, по выражению Гажа, живут между «двух гор», которые держат народ в вечном страхе относительно завтрашнего дня: вулкан Агуа угрожает им наводнением, а Фуего раскрывает на них свою адскую пасть. Несколько раз жители Сант-Яго приготовлялись бежать из города, но опасность проходила, и они оставались на месте, ограничиваясь лишь починкою своих домов; так продолжалось до тех пор, пока в 1773 г. ужасное землетрясение не разрушило почти все дома. Тогда было решено выбрать новое, уже третье место для столицы; выбор остановился на небольшой деревушке Эрмита, лежавшей на высоком плоскогорье де-лас-Вакас («Коровье»), в сорока километрах на северо-восток, как на самом благоприятном месте для основания нового города. Заселение этого плоскогорья началось тотчас же после катастрофы в Антигуа, но оффициальное переселение столицы состоялось только в 1779 г. Первый дом в новой Гватемале, гасиенда-Вирген, существует и по сейчас, фигурируя в глазах иностранцев в качестве исторического памятника. Несмотря на перенесение столицы, Антигуа всё-таки продолжала существовать, и в настоящее время она по числу жителей—пятый город в республике; население её не только не уменьшается, но год от году возрастает, так как горячие ключи привлекают массу больных; к тому же она служит дачною местностью для жителей Гватемалы; всё это способствует процветанию города, который отстроен совершенно за-ново. Прежния лучшие здания, каковы—кафедральный собор, монастырь св. Франциска и губернаторский дворец, сохраняются в живописных развалинах, красота которых ещё более выигрывает от деревьев, растущих из расщелин и обвивающихся своими корнями вокруг скульптурных украшений. Антигуаские индейцы собирают снег, отлагающийся зимой в высоких расселинах вулкана Агуа, и продают его в столице.

Эта третья Гватемала, самый населенный город во всей Центральной Америке, расположена на небольшой покатости, в понижении плоскорья, имеющего 1.500 метров средней высоты и служащего раздельным хребтом между склонами двух морей. Над городом возвышается небольшой порфировый холмик, серро-дель-Кармен, где находится древний эрмитаж, которому город и обязан своим названием Эрмита, существующим ещё у какчиквелов; с этого обсервационного пункта виден весь город, раскинувшийся на очень большом пространстве. В общем пейзаж имеет печальный вид, вследствие полного отсутствия деревьев на «Коровьем хребте», покрытом низким кустарником и служащем уже около трех с половиной веков пастбищем для скота; тем не менее, обширная панорама, ограниченная с юга двумя большими вулканическими конусами, представляет по-истине грандиозный вид; во всём свете нет столицы, которая занимала бы более центральное положение, господствующее над областями, лежащими у её подножия и уходящими вдаль. Внутренний вид Гватемалы, построенной по образцу совершенно правильной распланировки, представляет довольно однообразное зрелище. По первоначальному уставу, внушенному воспоминанием об антигуаской катастрофе, архитекторам воспрещено было строить дома выше двадцати футов или 6 метров: теперь это постановление больше не соблюдается, и местные церкви строятся, как и везде, с куполами и колокольнями; но большая часть зданий—очень низкие, так что, наверстывая недостаток высоты, тянутся больше в ширину и в длину: таким образом население рассеялось по большому пространству и только в предместьях несколько более скучено, потому что там в каждой тесной хижине живет по семье индейцев. В середине столетия, когда Гватемала была вдвое менее населена, чем теперь, путешественники сравнивали её с «некрополем». Говорили также, что это не что иное, «как большой монастырь, где дома служат кельями». Женщин в Гватемале гораздо больше, чем мужчин, вследствие большого наплыва служанок, которые приходят сюда из окрестных деревень.

Прежде все большие здания Гватемалы были монастырями. Иезуитский монастырь преобразован в национальный институт, где помещается теперь обсерватория; в городе имеются, кроме того, политехнический институт, учительский институт, несколько других заведений университетского характера, ученые общества, музей и библиотеки. Промышленность имеет значение только для местного потребления; съестные припасы привозятся большею частью из окрестных деревень и плантаций океанического склона. Вода тоже получается издалека: она идет из Микско и Пинулы по двум водопроводам, которые нуждаются в ре-

ставрировании, так как достаточно уже засорились. Самые ближние родники находятся на севере города, в глубоком овраге, откуда вода струится в приток Мотагуа; на самом плоскогорье, поверхностный слой почвы которого состоит из вулканического пепла, имеющего в некоторых местах до двух сот метров толщины, дождевая вода не держится, а стекает вниз, в отдаленные долины; но зато этому-то отсутствию стоячей воды Гватемала, может-быть, и обязана тем, что совершенно обеспечена от тифозных эпидемий[1]. Тем не менее город нельзя считать безусловно здоровым, так как столбы пыли, поднимающиеся при ветре от этого вулканического пепла, вызывают весьма опасные болезни дыхательных путей. Вследствие этого большинство людей зажиточного класса в сухое время года выезжают из столицы и переселяются в другую дачную местность, где и проводят *темпораду* в тени развесистых деревьев; излюбленными дачными местностями являются южные города и деревни, находящиеся в окрестностях Антигуа. Покоманская деревня Чинаутла, лежащая на север от Гватемалы, в великолепной тенистой местности, у выхода крутого оврага, спускающагося к р. Мотагуа, между двумя скатами вулканического песка, также привлекает теперь много дачников. Чинаутла славится во всей Гватемале своею глиняною посудою, которая отличается как прочностью, так и изяществом фасона; специальный промысел жителей местечка Пинулы—выделка шляп из волокон королевской пальмы (*palma real*): город Палин снабжает столичный рынок своими прекрасными ананасами. На юге, пригород Гварда-Виехо, соединенный с Гватемалой железной дорогой, лежит на перекрестке дорог, идущих к Великому океану: в этой части плоскогорья рассеяна масса могильных курганов.

Железная дорога, идущая из Гватемалы, удаляется от Антигуаской долины, направляясь к югу, к озеру Аматитлан, которое она огибает с западной стороны. Город Аматитлан, расположенный на реке Мичатойа, в том месте, где она вытекает из озерного бассейна, был прежде большой гасиендой доминиканских монахов, раздробленные владения которых превратились в огромный сад. Над базарной площадью распростер свои ветви великолепный хлопчатник (сеиба). В то время, когда кошениль стояла в высокой цене, Аматитлан был центром культуры кошенильного кактуса (opuntia coccinellifera), и население его быстро возрастало; в 1865 г. в нём было 13.000 жителей. Оставление прежних красильных способов было гибелью для этого округа: правда, опунцию заменили кофейным деревом, но глинистая почва Аматитлана была не так благоприятна для этого деревца, как почва других земледельческих округов умеренного пояса. При взгляде на туземцев, отличающихся сильной мускулатурой, можно предположить, что чернокожие рабы были преобладающею массою населения на прежних доминиканских плантациях. В этой местности не мало сохранилось разных археологических предметов и ваз чудесной работы,—остатки покоманских изделий[2]; но в настоящее время всё это погребено под водами и озерными наносами.

Эсквинтла, древний нахуатльский Итцквинтлан, служит главной станцией между Аматитланом и морем: до эпохи испанских завоеваний она была столицей пипильского народа. Расположенная на высоте всего 442 метров над уровнем моря, она находится уже в поясе «теплых земель», и местная флора, произростающая на хорошо орошаемой вулканической почве, над которой возвышается конус Агуа, поражает своим богатством. До проведения железной дороги богатые гватемальские жители, в зимние месяцы, от декабря до февраля, большею частью переселялись в Эсквинтлу, где климат гораздо мягче, чем на плоскогорьях: у каждой семьи был свой домик, в котором она проводила *темпораду*, в тени деревьев, на берегу журчащих ручейков. Но лихорадки, свирепствующие иногда в Эсквинтле в злокачественной форме, подорвали славу этого прелестного города, как дачной местности. В том же поясе по климату и растительности, на сорок километров западнее, находится большое местечко Санта-Люсиа-Козумалхуапа, прославившееся среди археологов открытием статуй и интересных барельефов, изображающих «короля ястребов» или *sarcoramphus papa*; судя по этим раскопкам, нахуатльские мастера стояли ничуть не ниже ацтекских и майяских скуль-

1 Otto Stoll, цитиров. сочинение.

2 Otto Stoll, „Guatemala“.

пторов.

Конечная станция железной дороги, Сан-Хозе, подобно всем прочим портам Гватемальского побережья на Великом океане, представляет собою только грузовую гавань, в которой вечно плещут волны открытого моря; железный мол, по которому проходит железная дорога и установлены журавли для нагрузки и выгрузки судов, выдвинут на 300 метров в открытое море, подходя таким образом к судам, которые не могут войти в гавань. Движение судоходства в Сан-Хозе в 1888 г. по входу и выходу судов: 314 пароходов и 30 парусных судов, общею вместимостью в 490.390 тонн.

Положение рейда указывается издали стоящими вблизи берега двумя вулканами, Агуа и Фуего, а вблизи—брешью в сплошном лесу корнепусков, окаймляющем побережье, над которым там и сям возвышаются короны пальм. Самое местечко Сан-Хозе представляет собою только небольшую группу хижин; с 1860 г. оно, в качестве морской пристани Гватемалы, сменило другую группу хижин, деревню Истапа, лежащую на пятнадцать километров восточнее, близ меняющихся устьев Мичатойи, на берегу, о который вечно бьются грозные морские волны. Этот пустынный берег, совершенно покинутый теперь вследствие свирепствующих там в опасной форме лихорадок, играл некогда в истории Нового Света немаловажную роль: там снаряжались кастильские флоты и происходила высадка войск.

К департаментам Аматитлан и Эсквинтла с восточной стороны прилегает департамент Санта-Роза. Здесь нет больших городов, а имеется только одно торговое местечко Куажиникилапа, находящееся по дороге в Сальвадор с западной стороны глубокой долины, по которой протекает рио-де-лос-Эсклавос; это название река получила от её берегового населения, состоящего почти исключительно из синка, или «рабов»; чрез эту широкую реку перекинут мост на одиннадцати арках, построенный испанцами в XVII веке и считающийся одним из лучших памятников инженерного искусства во всей Центральной Америке. На юго-восточной оконечности Гватемалы находится департамент Жутиапа, с главным городом того же имени, расположенный среди обширных пастбищ: это—земледельческий центр, приобретающий с каждым годом всё более и более важное торговое значение по своим ярмаркам, по продажам скота, индиго и других продуктов в соседнюю республику.

В Восточной Гватемале, принадлежащей к бассейну Мотагуа, некоторые другие местечки обратились в настоящие города. Такова, например, Жалапа (Халапа), лежащая на высоте 1.700 метр., в цирке гор, и славящаяся плодородием своих окрестностей. Город Эсквипулас, тоже стоящий на притоке Мотагуа, но близ порога, откуда дорога спускается к истокам сальвадорской реки Лемпа,—почти весь год остается пустынным: в его рассеянных домишках живет не более двух тысяч индейцев; но 15-го января, в день праздника Нуестро-Сеньор де-Эсквипулас, сюда стекается масса народу, и на улицах и площадях, где раскинуты временные палатки, происходит невообразимая толкотня. Больные и разные несчастные простираются на земле перед черным изображением Христа, принося ему всякия жертвы деньгами, перьями, резным деревом и соломой. Религиозный праздник совпадает с местною ярмаркой, и до половины этого столетия, именно до постройки Панамской железной дороги, торговцы-богомольцы стекались сюда из Гватемалы, из Сальвадора и даже из Мексики: иногда случалось, говорит Жуаррос, что на Эсквипуласской равнине собиралось до восьмидесяти тысяч народу. Вблизи города стоит пышная церковь, один из великолепнейших храмов во всей Центральной Америке[1]. К югу от Эсквипуласа, в соседней долине, находятся Алотепекские серебряные рудники, самые богатые из всех эксплоатируемых в республике.

На берегах горного потока, спускающагося из Эсквипуласа к р. Мотагуа, расположены Чиквимула и Закапа, главные города одноименных департаментов; в будущем, с заселением страны, они должны приобрести важное значение, так как оба эти города стоят на линии железной дороги, идущей из Гватемалы в Пуерто-Барриос на Атлантическом океане. Почти на половине этой дороги река Копан сливается с рекой Эсквипулас, оросив перед тем поля Комотана и Жокотана, которые прежде были заняты плантациями кошенильной опунции и

1 Bernouilli;—Stoll;—Stephens;—Laferriere, и т. д.

индиго, а ныне производят табак в большом количестве. Ключи серной воды наполняют небольшое озеро на юге Жокотана.

В двенадцати километрах ниже Закапы и её табачных плантаций, воды, орошающие долину, впадают в Мотагуа, которая становится судоходной для пароходов ещё несколько ниже—или в Гуалане в период половодья, или в Барбаско в сухое время года. К северо-востоку от этого последнего местечка, в лесах сиерры-дель-Мико, находятся многочисленные пирамиды и очень красивые развалины; между ними особенно замечательны высеченные столбы из цельного камня, покрытые иероглифами и изображающие человеческие лица, черепах, броненосцев и других животных; эти развалины указывают место нахождения индейского города, от которого не сохранилось даже и названия: обыкновенно их называют развалинами Квиригуа, по деревне, расположенной в 8 километрах оттуда[1]. До 1839 г., когда Стефенс и Катервуд предприняли свое путешествие для археологического исследования Центральной Америки, никто и не знал о существовании этих развалин, так что путешественники проезжали в нескольких километрах от этого места, не видя их; здесь в то время знали только покинутый индейский город Копан, находившийся как раз за гватемальской границей, у начала Комотанской долины. По словам Штолля, Квиригуаские развалины поражают зрителя в особенности своим удивительно хорошо сохранившимся видом, несмотря на то, что они состоят из материала, не отличающагося особенною прочностью, и к тому же подвергаются влиянию самого разрушительного климата, одновременно слишком влажного и теплого; мало того—при разлитии, Мотагуа доходит иногда до самых полей, где стоят развалины, и потоки воды подмывают почву. На основании этого, Штолль считает немыслимым, чтобы эти памятники могли принадлежать отдаленной эпохе, и полагает, что они были ещё в исправном состоянии даже во время прибытия испанцев в страну. Очень может быть, что и разрушителями этих индейских городов были те самые работорговцы, которые опустошали этот край, вербуя работников для плантаций Кубы и Сан-Доминго[2]. Модслэй, напротив, полагает, что эти здания были уже разрушены во время путешествия Кортеса. Розыскивая повсюду жизненные припасы, чтобы не умереть с голоду, завоеватель наверно побывал бы в Квиригуа, если бы этот значительный город существовал в ту эпоху. Развалины Чапулко, находящиеся, как говорят, на юге долины Мотагуа, против Квиригуа, ещё не исследованы. В лесах там и сям видны мощеные дороги и древние могилы.

В настоящее время дорога, идущая из Гватемалы к Атлантическому океану, обходит долину Мотагуа у Барбаско и пересекает горную цепь Мико в небольшом расстоянии на восток от Квиригуа, а затем спускается в Изабаль, нездоровое местечко, лежащее на южном берегу Гольфо-Дульсе. Во время испанского владычества этот порт, обладающий тем важным преимуществом, что находится в ста километрах внутри земель, но в который не заходят суда глубокой осадки, не мог вести никакой торговли, вследствие неблагонадежности соседних морей, кишевших пиратами. После провозглашения независимости, он почти всецело монополизировал внешнюю торговлю Гватемалы, впрочем, довольно незначительную; затем открытие калифорнийского золота и установление пароходного сообщения между Панамой и Сан-Франциско заставили, так сказать, Гватемалу повернуться лицом на запад, к Великому океану. Вся торговля направилась в эту сторону, и порт Изабаль очутился почти в полном запустении: по его улицам разрослись целые чащи мимозы чувствительной. Улучшение путей сообщения и заселение или, вернее, восстановление прежней населенности атлантического склона, конечно, возвратят порту на Гольфо-Дульсе его прежнее торговое значение и даже поднимут его: этот естественный выход плодородной долины Полочика, без сомнения, воспользуется всяким прогрессом, какой совершится в этом крае.

Аванпорт Изабаля, находящийся при морском устье рио-Дульсе, на западном мысе пролива, носит английское имя Ливингстона, данное ему в честь законоведа, который составил для Гватемалы свод законов: первое семейство колонистов водворилось здесь в 1806 г. Насе-

1 A. P. Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, сентябрь 1886.

2 Otto Stoll, „Guatemala“.

ленный караибами, земледельцами, рыбаками или моряками, ведущими прибрежную торговлю с Белизе и Гондурасом, порт Ливингстон, недавно открытый, как порто-франко, иностранной торговле, часто посещается американскими судами, привозящими водку и нагружающимися здесь бананами и другими плодами. Это третий порт Гватемалы, после Сан-Хозе и Чамперико. Движение судоходства в 1888 г. в Ливингстоне и Изабале: 203 судна, из которых 184 пароходов, общею вместимостью в 120.686 тонн.

По соседству, на восточном берегу рио-Дульсе, около нынешней деревни Сан-Жиль, стоял могущественный город Нито, который был завоеван Олидом, наместником Кортеса, мечтавшим сделать из него столицу независимого государства. На восточном мысе, возвышающемся на берегу озера, при выходе рио-Дульсе, находится цитадель Сан-Фелипе, одна из самых нездоровых местностей на всём этом побережье, вследствие чего правительство обратило её в место ссылки преступников.

Другой пункт Гватемальского побережья уже давно намечен как будущий порт для внешней торговли. На месте небольшой приморской деревушки, с несколькими рыбацкими хижинами, носящей ещё название Пуерто-Барриос, по имени одного диктатора Гватемалы, на берегах замечательной гавани Санто-Томас, несомненно возникнет большой город, как только линия трансконтинентальной железной дороги будет доведена до конца. Несколько раз делались попытки заселения этой местности, но всё безуспешно. Область, которую сами же испанцы систематически вели к запустению, не могла давать никакого материала для торговли, и иностранные колонисты были бы обречены на голодную смерть. В 1605 г., когда кормчий Франциско Наварро, которому колониальное правительство поручило обследовать морские берега, открыл эту глубокую безопасную бухту, около деревни Аматик, от которой получила свое название и эта часть Гондурасского залива, было признано необходимым устроить у входа в неё укрепления и поставить там гарнизон; но пост этот скоро был покинут из боязни пиратов, грабивших в то время Вест-Индию, и испанское правительство решило устроить атлантический порт Гватемалы не на берегу моря, а вдали от него, внутри страны, на берегу Гольфо-Дульсе. С течением времени забыли даже о существовании бухты Санто-Томас, и когда бельгийская компания обратилась к Гватемальской республике с ходатайством о концессии на эксплоатирование этой бухты, то это было как бы совершенно новое географическое открытие. Компании был уступлен не только порт, но также и смежное с ним пространство в 360.000 гектаров, т.е. целая половина французского департамента, с условием устроить там дороги, мосты и заселить в течение десяти лет не менее, как тысячью семейств колонистов. Но, подобно многим другим колонизаторским обществам, компания Санто-Томас занималась больше финансовыми спекуляциями, чем самым делом, и когда в 1843 году в порт прибыли первые колонисты, то нашли там всего лишь одно жилое помещение, а обработанной земли всего один гектар: за первое пятилетие было построено не больше пятидесяти хижин и распахано всего шесть гектаров. Треть эмигрантов погибла, а другие разбрелись[1].

Обширная провинция Альта-Вера-Пац, принадлежащая большею частью к бассейну Полочика и Гольфо-Дульсе, имеет главным городом Кобан, расположенный на высоте 1.328 метров, в самой здоровой местности Гватемалы, одной из самых цветущих и плодородных: климат там ровный и мягкий. Хотя Кобан стоит на возвышении, но его почти не видно: все дома с их садами, дворами и полями совершенно скрыты за стеною высоких деревьев и кустарников. Это один из благоденствующих городов республики, и население его быстро увеличивается: в 1890 г. он имел 28.000 жителей, цифру весьма внушительную для города, столь отдаленного от торговых путей; в числе жителей насчитывается до сотни европейцев. Население Кобана состоит преимущественно из индейцев племени квекчи; это народ весьма трудолюбивый; они сеют на своих полях маис и бобы, которых родится так много, что ими снабжают даже другие области Гватемалы. Но главный промысел Кобана состоит в культуре кофейных деревьев, которые с успехом произрастают на плантациях Вера-Пац; впрочем,

1 Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale".

плантаторы жалуются на недостаток свободных земель, что вынуждает их вести постоянную борьбу с индейцами, которые благоразумно отказываются продавать свои мильпа, сознавая, что, потеряв свои хозяйства, они вынуждены будут работать по найму у тех же плантаторов.

Вершина Иразу.

Другим предметом культуры с 1873 г. стало хинное дерево, которое отлично привилось здесь. Наконец, с половины этого столетия стали заниматься культурою воскового куста (myrica ceriferas). В окрестностях Кобана скалы прорезаны многочисленными пещерами,

которые сверху прикрыты растительностью, так что здесь нередки случаи гибели скота, проваливающагося в эти бездны[1]. Самая знаменитая из этих пещер носит название Сан-Агостин-Ланквин, из которой вытекает небольшая речка, приток Полочика.

Жители Кобана, или кобанеросы, по имени которых язык квекчи называется *кобанера*, и соседние индейцы из большого местечка Сан-Педро-Карча занимаются также различными ремеслами и, подобно альтосским индейцам, ходят на заработки к ладиносам плоскогорий, в качестве плотников, ткачей, портных и торговцев перьями птицы кезаль. Будучи неутомимыми ходоками, они странствуют с товаром не только в Альтосах Квезалтенанго, но даже в Нпкарагуе, где они торгуют гамаками, сплетенными из волокон агавы и раскрашенными в яркие цвета. Торговле много способствует хорошая проезжая дорога, идущая сначала на юго-восток, а потом на восток, через деревни Тактик, Тамару, Тукуру и Телеман; она оканчивается у речного порта Панцос, откуда небольшие пароходы, ходящие по извилистому Полочику, транспортируют товары к Гольфо-Дульсе. В настоящее время не осталось даже и следов от прежнего города Нуева-Севилья, который испанцы основали в 1544 г. при устье Полочика; четыре года спустя, доминиканские монахи заставили покинуть этот город, потому что жители устроили там рынок для продажи туземцев[2]; в 1825 г. англичане основали в этом месте колонию Абботсвилль, или Бока-Нуева, которой посчастливилось не больше, чем Новой Севилье. Местечки Чичек и Чааль были основаны бежавшими от тяжелой работы индейцами вдали от Кобана, в просеке, между густыми лесами; но правительственные фискалы сумели добраться до них и там[3]: ежегодно, когда летнее солнце высушит дороги, алькад совершает там объезд, чтобы собрать подати, обвенчать по закону соединившиеся пары и окрестить народившихся за это время детей.

Как ни отдален Кобан от многолюдной области Гватемалы, но главный город Петенского департамента находится ещё вдвое дальше от столицы: между Гватемалой и Либертадом считается более 300 километров по гористой и тяжелой дороге. Этот нарождающийся город, известный более под своим индейским названием Саклюк, расположен среди саванн, на одном из притоков рио-де-ла-Пасьон, главного рукава реки Усумасинты. Редкое население этого местечка и соседних деревень занимается почти исключительно одним скотоводством. Обширные северные саванны, прорезанные лесами и усеянные озерами, покрывающие северную часть Гватемалы у Юкатана, являются по преимуществу районом жвачных животных: трава там всегда в изобилии, и пастбища покрываются новою зеленью по нескольку раз в год. Большие хищные звери довольно редки в тех местах, а прежде и человек щадил мирных животных: религия итца запрещала преследование скота, пасущагося на лугах. Вследствие этого, по словам конкистадора Берналя-дель-Кастильо, животные эти сделались настолько ручными, что новые хозяева страны, испанцы, могли брать косуль прямо руками[4].

Саклюк приобрел ранг главного города в этой стране пастбищ, тогда как оно должно бы по праву принадлежать другому, более прославившемуся городу—древнему Тайязалю, который теперь называется Флоресом, в честь одного героя павшего жертвой междоусобной войны 1826 г. Амфитеатр домов поднимается отлогим скатом и завершается известковой платформой; почва усеяна камнями, оставшимися от разрушенных построек итца. Испанский город, заменивший древний Петен, расположил вдоль берега круг своих домов, тогда как одна улица, высеченная в скале в виде лестницы, поднимается на вершину холма, где стоят церковь и *кабильдо*, воздвигнутые на развалинах древнего майяского храма. С высокой террасы открывается прекрасный вид на острова, мысы, раскинувшиеся леса и голубые воды. На противоположном берегу виднеются два больших индейских селения, Сан-Андрес и Сан-Хозе, расположенные на склоне холмов. Петенская территория отличается замечательным плодородием: обыкновенный маис родится там без всякого удобрения сам-двести; какао,

1 A. Dollfus и G. de Mont-Serrat, цитиров. сочинение.
2 Domingo Juarras, цитированное сочинение.
3 Maudslay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, сентябрь 1886 г.
4 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

кофе, табак и ваниль славятся редким качеством; наконец, чудные окрестные луга дают полную возможность разводить старинную, очень ценную породу лошадей, копыта которых отличаются такой крепостью, что не нуждаются в ковке. По Мореле, в озере Итца водятся совершенно особые виды рыб, которые только и свойственны этому обширному бассейну: легенда говорит, что в прежния времена, т.е. до пришествия испанцев, рыбы эти были гораздо крупнее, чем теперь, так как индейцы имели обыкновение бросать в озеро своих покойников на съедение его обитателям. Продуктивность Петена несомненно ещё больше разовьется, когда этот край очутится в центре скрещивания четырех больших естественных путей сообщения, имеющих соединить Юкатан, Табаско, Белизе и Гватемалу. Когда железные дороги свяжут между собою республики Центральной Америки, одною из важнейших линий будет та, которая соединит Гондурас с Мексикой, проходя по югу четырехсторонней территории Юкатана, через луговые равнины Северной Гватемалы. Но ещё недавно Флорес занимал такое изолированное положение, что политические события, совершавшиеся в нагорной стране, становились известными в этом городе только через три с половиною месяца. В середине прошлого столетия испанское правительство стянуло к Петену войска, с целью нападения на английские поселения в Белизе; но полное отсутствие торговли заставило впоследствии забыть о самом существовании этого порта, так что когда в 1820 г. несколько жителей петенского округа, предпринявших поездку на восток, по реке Мопану, неожиданно прибыли в этот английский город, то они думали, что им удалось сделать чудесное открытие[1]. С лесных прогалинах, к северу от озера, у границ Юкатана, рассеяно много городов. Исследован только один из них, Тикаль, находящийся в 32 километрах к северо-востоку от Петена, замечательный своей высокой пирамидой, покрытой лианами: это самое грандиозное из всех маяйских сооружений, какие только Модслэй встречал во время своего путешествия по Центральной Америке. Бернульи открыл там двенадцать иероглифических досок из дерева запоте, находящихся теперь в Базельском музее.

Гватемальское население с каждым годом значительно возрастает, почти единственно вследствие преобладания рождаемости над смертностью: эмиграция оказывает на это лишь весьма незначительное влияние, так как число иностранцев в Центральной Америке, т.е. европейцев, северо-американцев и китайцев, составляло, в 1893 г., всего только 11.330 чел. Больше всего так называемых *Tiroleses*, или «Тирольцев», т.е. северных итальянцев, пьемонтцев и ломбардцев; всё это—люди очень трудолюбивые; между ними много садовников, каменщиков, пирожников, носильщиков, одним словом,—это народ, который не брезгает никакой работой, что поставило его довольно низко во мнении индейцев, которые привыкли видеть в белых только праздных господ. Во время переписи 1778 г. Гватемала имела всего лишь 260.000 жителей; в настоящее время (1898 г.) их 1.536.000, т.е. почти вшестеро больше. Ежегодный прирост населения наблюдается во всех округах, даже на нездоровом побережье: исключения случаются иногда только в северных округах, омываемых Атлантическим океаном.

В течение шести лет с 1884 г. по 1889 г.: рождений—364.579; смертных случаев—182.873; излишек рождаемости над смертностью—181.706, или, в среднем, около 30.000 в год.

В 1897 г.: родившихся—71.353, умерших—43.892.

При этом надо заметить, что статистические сведения, получаемые из отдаленных от столицы округов, не отличаются образцовою точностью[2]. Между детьми число незаконнорожденных весьма значительно: у «цивилизованных», или ладиносов, почти половина новорожденных записана в метрические книги как незаконнорожденные, между тем как у индейцев, у которых семьи устроены на более твердых началах и освящены браком, количество незаконных детей не составляет даже и четверти всего числа.

Рождаемость в Гватемале в 1888 году: у ладиносов: законных детей—9.866, незаконных

1 Arthur Morelet, цитированное сочинение.

2 Pedrosa, „Informes de la direccion general de Estadistica“. 1888.

—8.786, или 47%; у индейцев: законных детей—31.477, незаконных—10.085, или 24%. В общем: законных детей—41.343, незаконных—18.871, или 31%.

Как в Европе и в Соединенных Штатах, так и здесь больше рождается младенцев мужского пола, но зато и смертность развита больше среди мальчиков, так что в общем количество женщин превосходит численность мужчин. В 1888 г. в Гватемале родилось: мальчиков —31.312, девочек—28.902; следовательно, в отношении 108 к 100.

Земледельческих продуктов в Гватемале вполне достаточно для прокормления населения, хотя пшеницы, которую сеют на Альтосах, не хватает для местного потребления. Ежегодное производство пшеницы в Гватемале равняется 200.000 гектолитров. Подобно мексиканскому индейцу, туземец умеренного пояса Гватемалы питается почти исключительно маисом, бобами и бананами; только в редких случаях он позволяет себе роскошь в виде куска *tasajo*, т.е. ломтика вяленой говядины. В праздничные дни он к своему столу прибавляет свинину; общеупотребительным напитком служит вода, но в дни получки жалованья употребляется разбавленная водка, носящая здесь перувианское название *чича*, или какие-нибудь другие крепкие напитки, как *тисте* и *пуликве*, похожие на табаскское позоле, т.е. род месива с водкой. Пулькве, которое прежде приготовляли в округе Антигуа, было одним епископом запрещено к употреблению, под страхом отлучения от церкви, как слишком опьяняющий напиток, и с тех пор оно совсем вышло из употребления. Если в той или другой провинции и случается иногда недостаток в жизненных припасах, то причина этого кроется вовсе не в скудости почвы, а в алчности крупных землевладельцев, которые большую часть своих земель отводят под промышленные культуры: колониальные продукты продаются на иностранные рынки по дорогой цене, тогда как обильный урожай кукурузы не принес бы им почти никакой выгоды.

В то время, когда Гватемала провозгласила свою независимость, её роль в международной торговле была самая ничтожная; но скоро кошениль опунции, растения, которому почва и климат в Гватемале столь же благоприятны, как и в Оахаке, стала довольно важным предметом экспортной торговли. Культура опунции и развивающагося на ней насекомого послужила, как известно, к процветанию Аматитлана и пограничных с ним местностей: так, в 1827 г. из Гватемалы было вывезено семь тысяч килограммов кошенили, и постепенно, в середине столетия, вывоз её возвысился почти до миллиона килограммов; но эта отрасль промышленности пришла в упадок с тех пор, как открыты краски, добываемые из каменного угля, и плантации опунции стали редки. К тому же этою культурою могли заниматься только богатые землевладельцы, так как она вызывала большие расходы: приходилось платить огромное жалованье специалистам, которые знали уход за этими ценными насекомыми, умели излечивать их от паразитных болезней и применять к ним правильную смену режима, т.е. держать их на открытом воздухе в сухое время года и под навесом—в дождливое.

Кошениль, в качестве главного предмета культуры и вывоза, сменил кофе; во многих местах плантации опунции были заменены кофейными, и на склонах кордильер внизу распаханы огромные пространства земли для культивировки драгоценного дерева. В той части Гватемалы, где культивируют кофейное дерево, т.е. в Бока-Коста, простирающейся от Реталхулеу до Эсквинтлы, и в округах Антигуа, Петапа и Аматитлан, оно с успехом произрастает даже на высоте 600 метров, но в таком случае непременно должно быть защищено густыми деревьями; выше же 800 или от 1.000 метров до 1.300 и даже 1.500 метров его можно разводить прямо на солнце. Гватемальский кофе высоко ценится, несмотря на конкурренцию других производящих этот продукт стран; во всяком случае гватемальским плантаторам есть полный рассчет поддерживать эту промышленность, которая здесь не рискует погибнуть от разного рода бичей, как в других краях: здесь не было также надобности заменять аравийское дерево либерийским. Вывоз гватемальского кофе начался в 1859 г., с каждым десятилетием он быстро возрастает, и, несмотря на временные колебания в торговле, культура его не перестает развиваться: сбор 1890 года, полученный более, чем с пятидесяти миллионов деревьев, составлял 30.000 тонн, на сумму почти в 75 миллионов франков.

В той части Гватемалы, которая находится в умеренном поясе, разводят также сахарный тростник, но этой относительно бедной стране немыслимо выдержать конкурренцию в этой отрасли промышленности с такими богатыми странами, как остров Куба, Луизиана и Бразилия, где культура сахарного тростника поддерживается громадными капиталами, поставлена на широких началах, со всеми усовершенствованиями, данными современною наукою. Здесь сахарный тростник разводят в Коста-Кука и Коста-Гранде, но почти исключительно только для местного потребления,—около пяти-шести тысяч тонн,—и для приготовления водки. Каждый плантатор имеет право перегонять патоку, но это облагается слишком высоким налогом; правительство держит даже специальных агентов, на обязанности которых лежит объезжать плантации для проверки перегонных кубов и контролирования отчетности. Владелец водочного завода не имеет права произвольно распоряжаться продажею водки; он обязан сдавать всё выработанное количество её в общественный склад, откуда уже она и продается за его счет. Благодаря всем этим формальностям, дело до такой степени тормозится, что разве только занимающиеся им контрабандою могут рассчитывать на верное обогащение.

Культура какаового дерева, или *theobroma*, здесь весьма ограничена, так что почти не составляет предмета вывоза, хотя гватемальское какао отличается превосходным качеством. Во времена испанского владычества какао Западной Гватемалы и Сокопуско предназначалось исключительно для Мадридского двора; в настоящее время оно распространено не больше прежнего и идет только для местного потребления, вероятно, вследствие своей дороговизны, так как даже на месте оно продается дороже, чем самое лучшее привозное какао в Европе. Упадок этой отрасли промышленности объясняется главным образом большими трудностями и расходами, сопряженными с культивированием этого растения; оно требует большего ухода, частого пересаживания и осмотра, тогда как за все положенные на него труды вознаграждает первым сбором не раньше, как на шестой год; к тому же наиболее подходящими для разведения какао местностями считаются как раз наиболее теплые, влажные и потому самые нездоровые. Индиго, разведением которого прежде очень деятельно занимались в округе Реталхулеу, теперь тоже заброшено землевладельцами, но это растение очень живуче, а потому ещё и до сих пор держится во многих местах, даже на тех полях, которые заняты под другую культуру: на это растение, некогда столь ценимое, смотрят теперь, как на сорную траву. Культура хлопчатника тоже находится теперь в совершенном забросе; ею занимаются только индейцы теплых земель; дешевизна иностранных бумажных изделий лишает туземцев возможности выдерживать непосильную конкурренцию с мануфактурными странами, где занимаются этою специальностью.

Кроме того, кое-где попадаются ещё плантации каучуковых деревьев (castilloa elastica), но эта культура, распространенная в умеренных землях, повидимому, неособенно здесь привилась: для этого дерева нужна такая же почва, как и для какаового, следовательно, оно может успешно произростать только в болотистых и теплых местах побережья. Каучуковые промышленники продолжают ещё рыскать по лесам и срубать все кастиллоа, какие попадутся, но деревья эти дают продукт невысокого качества. Самым специализированным здесь растением, определяющим характер местности, является кокосовое дерево, которым засажены все окрестности городов и мыз побережья и первых склонов, как, например, Реталхулеу; но эта пальма ценится здесь, повидимому, только за свою красоту, а не за плоды, которых не утилизируют даже на масло; волокна её тоже никуда не идут, и только листья употребляются на покрышку хижин и шалашей. Гватемала, подобно большинству других гористых стран тропического пояса, принялась за культуру хинного дерева, которое разводят главным образом в окрестностях Кобана и на покатости Великого океана: в 1884 г. в различных плантациях Гватемалы насчитывалось более 1.550.000 этих деревьев; кроме того, всюду в городах можно встретить целые рощи и аллеи эвкалиптусов, которые произростают здесь рядом с разными другими деревьями. Наконец, в Гватемале пытаются также распространить культуру кустарника кока (Erythroxylon Coca).

Обширные пространства земли, некогда покрытые девственным лесом, теперь вырублены, но не для какой-либо культуры в тесном смысле слова, а для саванн, на которых пасутся различные животные, утопающие в высокой траве: одна только *сейба* шатром раскидывает свой широкий зеленый купол, под сенью которого стада собираются отдыхать в жаркие полуденные часы. В благоустроенных местностях плантаторы имеют ещё, кроме того, искусственные луга, так называемые *potreros* или *sacatales*, занятые исключительно под покосною травою. Гватемальский скот ничем не разнится от европейского; но его здесь не хватает для пропитания населения, так что является необходимость ежегодно привозить скот из Гондураса и Мексики и платить за него весьма высокую цену. В одних только мулах относительно нет недостатка, и ослов держат здесь исключительно только для разведения этих сильных вьючных животных. Козы здесь меньше ценятся, чем овцы, несмотря на то, что условия этого края, где нет недостатка ни в скалах, ни в маки, вполне благоприятны для их разведения. Овцеводством занимаются исключительно на Альтосах, где овечья шерсть идет на выделку грубых тканей.

Состояние скотоводства в Гватемале в 1895 г.: лошадей—62.000; мулов—42.000; крупного рогатого скота—около 500.000 гол.; овец и коз (1890 г.)—490.000 гол.

В Гватемале, как и в Мексике, большая часть индейцев, работающих на плантациях ладиносов или иностранных землевладельцев, находится в состоянии совершенного порабощения, благодаря тем авансам или *habilitaciones*, с которыми они никогда не могут расквитаться и в залог которых отдают наперед весь свой будущий труд. Вследствие этого теперь, как и во времена рабства, у каждого плантатора есть свои дозорные и гонцы, на обязанности которых лежит следить за рабочими, ловить беглых и возвращать их по принадлежности[1]. Несмотря на запрещение законов, барщина и сечение плетьми продолжают ещё применяться, и алькады в данном случае всегда на стороне землевладельцев. Однако, индейское население многих округов состоит из свободных людей, имеющих свои собственные земли. Недавно вышедшее постановление[2] закона повелевает всем мэрам, или *jefes politicos*, муниципалитетов Альта-Вера-Пац,—страны, где больше всего цивилизованных индейцев—наделить «каждого туземца землею, в количестве 3.600 кв. метров», на правах собственности, с тем, однако, условием, что впродолжении первых десяти лет наделяемый не имеет права ни продать, ни отдать в аренду, ни закладывать отведенной земли.

Впрочем, это слишком незначительное возмещение за земли, которые были отняты у туземцев. Не обеспечив себя надлежащими документами, в которых их предкам не было необходимости, так как им никто не препятствовал обработывать их *мильпа*, индейцы очутились под полным произволом каждого спекулятора, который мог, при всяком удобном случае, указать властям на землю индейца, как на неимеющую владельца, и перевести её на свое имя с разрешения правительства[3]. В настоящее время остаются ещё незанятыми обширные пространства земель (*baldios*), которые считаются принадлежащими государству и могут быть уступлены, проданы или отданы в наем по усмотрению правительства; но эта часть национального богатства крайне необезпечена. Значительная часть этих владений обращена уже в собственность отдельных лиц, у которых «преданность интересам страны» выражается прежде всего захватом общественного имущества. Чтобы сохранить остаток свободных земель, было решено, что наделы земли, как даровые, так и платные, отводимые для культуры или скотоводства, не будут превышать 1.350 гектаров—пространства, слишком достаточного для одного лица. Кроме того, концессионер должен быть природным или натурализованным гватемальским гражданином, и при всяком требовании предъявлять свои документы на владение, под страхом конфискации имущества. Недавно вышло новое постановление, по которому всякий иностранец, проработавший год при постройке железных дорог, получает в полную собственность «четверть caballerio», т.е. 11 гектаров и 25 аров земли, в одной из по-

1 Otto Stoll, цитиров. сочинение.

2 Декабрь 1889 г.

3 N. Polakowsky, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, № 146. 1890.

чти пустынных северных провинций.

Гватемала в сравнении с Мексикой очень бедна рудными месторождениями. Но всё-таки Атлантическое побережье, в районе Изабаля, было, как говорят, очень богато золотоносными жилами; отсюда происходит и его название «Золотой Берег», которое ему часто давали в документах XVII-го века. Испанские жители Гватемалы совсем не эксплоатировали этих сокровищ; единственными эксплоататорами их были англичане, которые, по преданию, извлекли из недр земли так много металла, «что могли бы на него купить королевство Испанию». Чтобы остановить этот наплыв иностранцев, испанское правительство наложило запрет на разработку руд, и каждому иностранцу угрожала смертная казнь в случае нарушения этого запрещения[1]. В последние годы вместо англичан явились американцы с целью исследования этого «Золотого Берега». И действительно, они открыли там существование драгоценного металла в наносах рек; но ценность добываемого ими впродолжении года металла не превышает 150.000 франков. На плоскогорьях Гуегуетенанго существуют ещё ртутные рудники, и индейцы время от времени продают этот металл в чистом состоянии; но они никому не хотят открыть тайны нахождения этих руд[2]. Гаж рассказывает, что около Гватемалы, в одном месте, называемом Агуа-Калиенте, «индейцы имели очень богатый рудник и ежегодно аккуратно уплачивали за него десятину, но что испанцы, крайне алчные до золота, умертвили туземцев за то, что те не хотели показать им места, откуда они добывали золото, и таким образом они одновременно утратили и индейцев, и их сокровище»[3]. По словам геолога Мано, одна из северных гор, в Кумбре-де-Чихой, содержит массу свинцовой руды, исчисляемую более, чем в один миллион кубических метров, с содержанием свыше трех четвертей чистого металла.

Внешняя торговля Гватемалы ещё очень незначительна в сравнении с Западной Европой и Северной Америкой: хотя она год-от-году быстро возрастает, но всё-таки на каждого жителя приходится всего только около 136 франков годового оборота.

Обороты внешней (специальной) торговли Гватемалы в 1897 г.: ввоз—108.625.000 франк.; вывоз—100.125.000 франков.

Почти девять десятых всей экспортной торговли состоит из кофе; другими предметами вывоза, по порядку их значения, служат: сахар, сахарный песок, сырая и выделанная кожа, каучук, серебро и бананы. Главным торговым клиентом Гватемалы является Великобритания, а затем Соединенные Штаты, Франция и Германия. В общем навигационное движение во всех четырех портах Гватемалы, открытых для иностранной торговли, определяется ежегодно количеством от пятисот до шестисот судов, почти исключительно паровых. Преимущество остается за американскими судами; французских судов почти никогда не встретишь в гватемальских портах; это объясняется тем, что вся торговля, ведущаяся между Гватемалой и Францией, совершается через посредство иностранных судов.

Движение навигации Гватемале в 1895 г.: в приходе—573 паровых судна, вместимостью в 1.027.500 тонн.

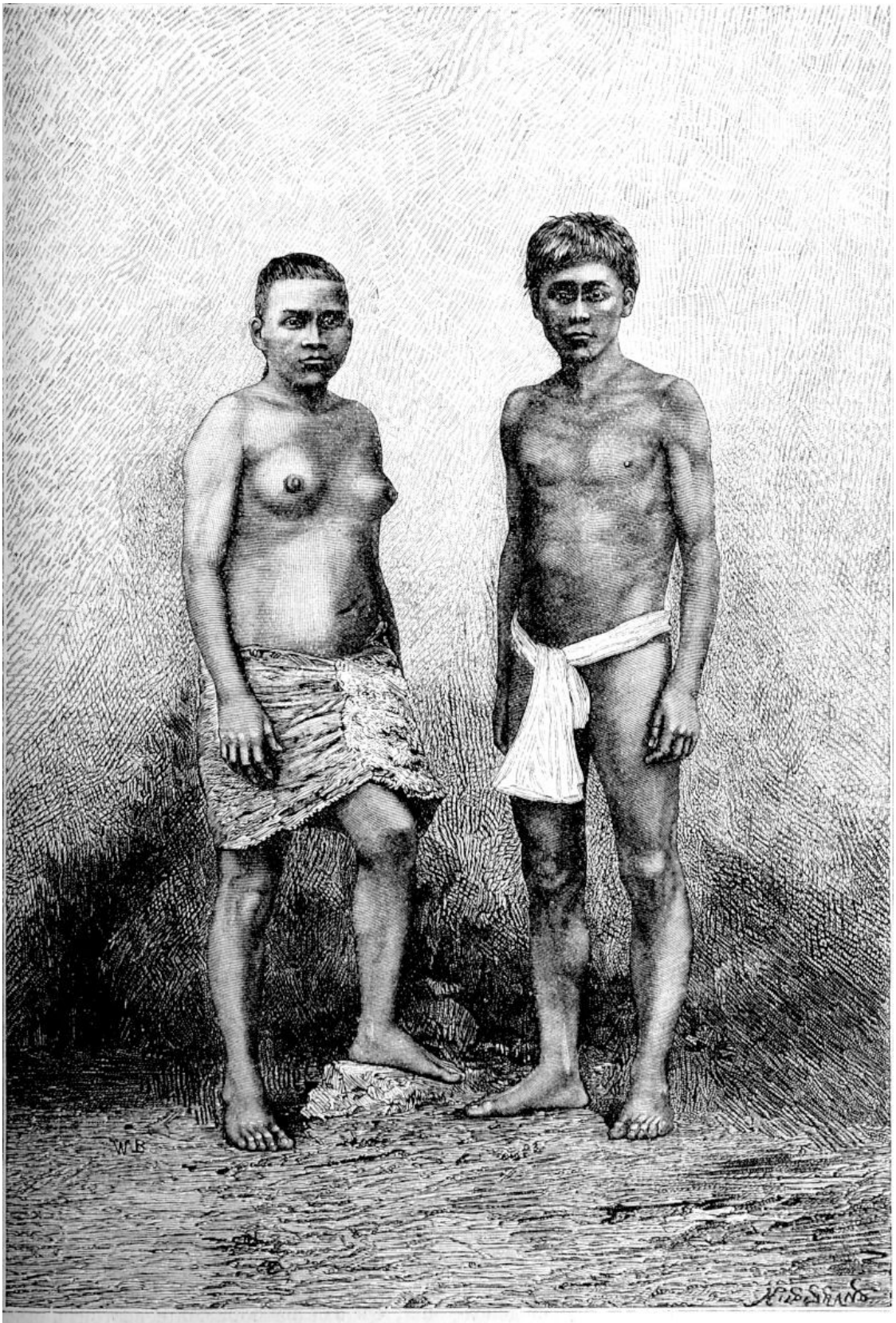
Гватемала ещё не последовала примеру своей могущественной северной соседки, Мексики, в сооружении железных дорог. Она владеет всего двумя более или менее значительными железнодорожными линиями: одна идет из Сан-Хозе в г. Гватемалу, и другая из Чамперико в Реталхулеу; впрочем, нужно прибавить, что первая из этих линий проложена по весьма трудному пути: сначала она идет по покатости, а затем поднимается на плоскогорье, на высоту 1.500 метров. Для Гватемалы является неизбежною необходимостью продолжить железную дорогу до Атлантического океана, чтобы с одной стороны соединить между собою океаны, а с другой развить торговые сношения как с Нью-Йорком, Лондоном и Бордо, так и с Сан-Франциско и Мельбурном. Пуерто-Барриос, лежащий в бухте Санто-Томас, избрали конечным пунктом между-океанической дороги, и близ этой великолепной гавани уже по-

1 Pedrosa, „Informes de Estadistica“, 1887.

2 Otto Stoll, „Guatemala“.

3 „Nouvelle Relation des Indes Occidentales“.

строена часть пути; но спуск с плоскогорья, пересечение реки Мотагуа и другие трудности сооружения этой железной дороги, исчисленной в 299 километров длины, ожидают ещё энергичной работы инженеров.

Индѣйцы племени таламанкасъ.

Общее протяжение железных дорог в Гватемале в 1897 г.: 542 километра.

Хорошие проезжия дороги и мосты встречаются тоже очень редко: единственный мост, существовавший на рио-Гранде-де-Мотагуа, был снесен во время одного половодья; он заме-

нен *garucha*, т.е. креслом, двигающимся по блоку на канатах, протянутых с одного берега реки на другой.

Все товары, отправляемые из Гватемалы к Атлантическому океану, перевозятся на мулах; хорошо ещё, что теперь исправили дорогу, которая недавно представляла непрерывный ряд опасных топей и рытвин. Прежде купеческие караваны рисковали потерять в дороге всех своих вьючных животных, так как путешествие длилось иногда два, даже три месяца. В почти пустынных внутренних областях, где деревни рассеяны очень редко, почтовая служба отправляется ещё до сих пор, как во времена Монтезумы, курьерами, которые ходят от станции до станции, разнося письма или передавая устно какие-либо известия: этот способ почтовых сообщений известен под названием *cordillera*, т.е. «веревочка», понимая под этим нить, которая связывает отдаленные окраины республики с правильно организованной почтовой сетью. Быстрота передачи просто изумительная: несмотря на дурное состояние дорог, на подъемы и спуски каменистой почвы, не взирая на целые вихри пыли, курьер проходит в среднем ежедневно около 90 километров[1]. Но постепенное распространение телеграфной и даже телефонной сетей повлечет за собою скорое уничтожение «веревочки».

В 1898 г. длина телеграфной сети: 5.035 километр.; число переданных телеграмм: в 1897 г. 664.000; по почте переслано 9.700.000 отправлений.

Из этого видно, что почтовая и телеграфная корреспонденции ещё весьма незначительны, так как ежегодно на каждого жителя приходится всего только четыре письма; но нужно принять во внимание крайнюю отсталость населения в образовательном отношении. Согласно конституции, должно бы было существовать по школе на каждую группу из 800 индейцев или 300 ладиносов, но этот закон ещё не соблюдается; в Микско, индейском городе с восьмитысячным населением в 1881 г., состоял всего один подписчик на местный оффициальный листок[2]. В 1891 г. на всём протяжении республики насчитывалось всего лишь 1.288 начальных школ, с 65.332 учащихся: это менее половины всего детского населения школьного возраста (143.453), т.е. от шести до четырнадцати лет, которые, по закону, должны бы были обязательно посещать школу. Средне-образовательных заведений было 16 с 3.736 учащихся, из которых одна треть приходится на девушек. Изучение английского языка обязательно в высших классах.

Гватемальская конституция менялась много раз: то причисленная к какому-нибудь более значительному государству, то составлявшая независимую республику, попеременно управляемую консерваторами и либералами, то подвергавшаяся тираннии Каррера или жестокостям Барриоса, гватемальская нация должна была менять свой политический строй при всякой новой революции; но все эти пертурбации бороздили Гватемалу, так сказать, только по поверхности; массы туземцев, гнездившиеся в недрах её, оставались все в прежнем угнетенном положении. Последняя конституция была издана в 1879 г. и дополнена в 1889 г.: могущее случиться вступление Гватемалы в конфедерацию Центральной Америки и более близкия отношения с родственными республиками, которые установятся сами собою при улучшении путей сообщения, повлекут за собою новые изменения в управлении республикой, скопированном, впрочем, отчасти с конституции Соединенных Штатов Северной Америки.

Законодательная власть принадлежат палате депутатов, которая возобновляется в своем половинном составе каждые два года и составляется посредством выборов, в которых принимают участие все граждане, умеющие читать и писать: народные представителя, в числе 69 человек, т.е. по одному на каждые 20.000 жителей, назначаются в особых округах, которые, смотря по количеству населения, имеют право выбирать одного, двух или трех членов. Исполнительная власть вверена президенту, избираемому на шесть лет; сотрудниками его являются Государственный Совет и шесть министров, из которых каждый заведует особым ведомством: иностранными и внутренними делами, общественными работами, военным, финансами и народным просвещением. Наконец, судебная власть отправляется верховным су-

1 Otto Stoll, „Guatemala“.

2 Rober Marlov, рукописные заметки.

дом, который решает в последней инстанции все дела, разбиравшиеся низшими судами; всё ведомство юстиции состоит из людей выборных; никто не может быть заключен в тюрьму за долги, ни даже за преступление, ни содержим под арестом долее пяти дней—без предъявления обвинительного акта. Жилище и письма считаются неприкосновенными; личные права могут быть приостановлены только в случае иноземного вторжения или войны.

В департаментах и общинах, *ayuntamientos* конституируются посредством народного голосования; но за правительством сохраняется право распускать эти выборные собрания и заменять их судьей. Кроме того, центральное управление назначает в каждый департамент «политического начальника» (jefe politico), который всегда выбирается из военных, хотя ему вверяется гражданская администрация. В этом лице сосредоточивается главное начальство, и власть его над индейцами почти безгранична; в каждой общине есть свой *comisionado politico* или *gobernador*, избираемые зачастую из среды потомков древних кациков[1]; он подчинен политическому начальнику и передает его приказы алькадам, которых бывает два или три, смотря по численности населения; в их распоряжении состоит несколько жандармов, *mayores*, вооруженных кожаною плетью. «Первый алькад» имеет в своем ведении только ладиносов, а «второй»—исключительно индейцев; тот и другой, в качестве традиционных знаков своей власти, носят форменную шляпу с шарфом и жезл с крестом или с серебряным набалдашником. Ещё недавно эти посохи украшались эмблематическою резьбою: по всей вероятности, это были уменьшенные фигуры тех украшений, которые попадаются на вколоченных столбах или камнях во всей Северной Америке, от Аляски до Гондураса[2]. Обыкновенно алькады широко пользуются своею властью: они решают споры, назначают штрафы, присуждают даже к тюремному заключению и к телесным наказаниям. В смешанных общинах, состоящих из ладиносов и индейцев, граждане выбирают также два различных муниципалитета. Правда, что министр одним почерком пера может упразднить индейский муниципалитет, возведя туземцев на степень ладиносов.

Церковь, долгое время царившая в Гватемале, не пользуется теперь никакой привилегией. По конституции, ни один культ не имеет «преимущества»; хотя к 1890 году была всего только одна протестантская церковь, именно в столице, но оффициально признается свободным исповедание всех религий, с тем однако условием, чтобы духовенство не вмешивалось в политические и гражданские дела. «Учреждения, имеющие совершенно светский характер, не позволяют служителям церкви ни под каким предлогом давать советы или каким бы то ни было образом вмешиваться в дело народного образования». В 1767 г. в первый раз были изгнаны иезуиты. В 1829 г. революция отняла имущества у духовных общин, которые впоследствии вернули часть их, но не восстановив своего прежнего влияния. Иезуитские монастыри были окончательно упразднены в 1871 г., а собственность их конфискована, монастыри же других орденов в следующем году были объявлены декретом «национальными»; в 1874 г. последовало наложение запрещения также и на женские общины, за исключением одной. Некоторые монастыри были утилизированы для школ или пакгаузов; но большинством имений, отобранных от церкви, воспользовались недобросовестные политиканы, сразу сделавшиеся владетелями громадных богатств. Во внутренних приходах до сих пор ещё существует обычай платить десятину, которую индейцы охотно приносят священникам в виде плодов, яиц и разной живности; квиче ещё до сих пор называют приходских священников на своем языке «куроедами»[3]. В прежния времена существовал обычай, по которому каждый помолвленный индеец должен был работать для *padre*, и срок этой барщины определялся самим священником по усмотрению, т.е. искус продолжался до тех пор, пока *padre* находил жениха достаточно просвещенным в понимании «святых догматов».

Оффициально «все» гватемальцы, от восемнадцатилетнего до пятидесятилетнего возраста, обязаны нести воинскую повинность; но по закону от этой повинности освобождаются

1 A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитиров. сочинение.

2 Cesar и Marsel Daly, рукописные заметки.

3 Karl von Scherzer, „Natur und Volkerleben im tropischen America".

единственные сыновья вдов и людей бедных, профессора и ученики правительственных школ, высшие чиновники и, наконец, все те, которые могут откупиться ежегодным взносом пятидесяти пиастров. Освобождение от военной повинности, следовательно, является привилегией богатого класса. Чистокровные индейцы не подлежат рекрутскому набору; но во время войны их вербуют в войска для перевозки обозов и запасов: на них-то и возлагаются самые трудные работы во время кампании. Одних белых и ладиносов, подлежащих отбыванию воинской повинности, вполне достаточно, чтобы сформировать весьма значительную армию, которая, по закону 1893 г., состоит из милиции действующей (56.915 чел.) и резерва (29.439 чел.). В 1896 г. состав войска по штатам мирного времени: 7.000 чел. Солдатам вменено в обязанность, по крайней мере оффициально, посещать вечерния школы, но в общем их содержат довольно плохо. С 1871 г. телесные наказания отменены, и закон воспрещает офицерам наказывать солдат «полевыми колодками»: наказание это состояло в том, что виновного сажали на корточки и просовывали ему ружье между поджилками и локтями, сковывая таким образом его члены, а затем принимались катать его по земле, как неодушевленную массу[1].

Главный источник государственных доходов составляют таможенные пошлины, которые налагаются чуть не на все иностранные товары, получаемые из прочих стран, кроме республик Центральной Америки; налоги с фабрикации и продажи спиртных напитков приносят наиболее крупный доход среди второстепенных налогов; затем следует 0,3 проц. сбор, который получается с недвижимого имущества, превосходящего стоимостью 1.000 пиастров, и различные другие налоги. Кроме монополии питей, правительство сохранило за собой монополию пороха и селитры; но культура табаку и торговля им, некогда составлявшие монополию правительства, в настоящее время снова сделались свободными промыслами. Что касается расходов, то главная часть их поглощается военным бюджетом; на народное образование, по бюджету 1897—98 г., было назначено полтора миллиона песо (pesos). В 1898 г. национальный долг равнялся 133.250.000 франков.

Бюджет фискального 1898—1899 года:

Доходы: около 50.000.000 франков; расходы: около 69.000.000 франков. Более половины долга находится в руках английских кредиторов.

Следующая таблица дает имена 23 департаментов республики, расположенных по порядку важности, с их пространством, населением в 1889 г. и главными городами.

ДЕПАРТАМЕНТЫ	Пространство квадратных километров	Население к 1-му января 1890 г., жителей	Километрич. плотность населения	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА	Жителей
Тотоникапам	1.430	158.419	110,8	Тотоникапам (1893 г.)	25.000
Гватемала	2.410	141.701	59,8	Гватемала (1893 г.	72.000
Гуегуетенанго	14.740	133.173	9,0	Гуегуетенанго	5.000
Альта-Вера-Пац	17.200	107.403	6,2	Кобан (1893 г.)	24.000
Кезалтенанго	2.480	104.800	42,3	Кезалтенанго (1893 г.)	22.000
Сан-Маркос	5.170	90.323	17,4	Сан-Маркос	3.000
Квиче	4.450	87.929	19,7	С.-а. Круц-Квиче	6.000
Солола	1.790	83.804	46,8	Солола	13.000
Чиквимула	3.560	64.733	18,2	Чиквимула	4.000
Чималтенанго	2.150	59.335	27,6	Чималтенанго	3.500
Байя-Вера-Пац	5.320	49.822	9,3	Салама	7.000
Жутиапа	4.050	48.461	11,9	Жутиапа	1.500
Закапа	3.500	43.045	12,3	Закапа	3.500
Сакатепекес	790	42.852	54,2	Ла-Антигуа	15.000
Санта-Роза	2.900	37.499	12,9	Санта-Роза	1.600
Сучитепекес	2.570	36.182	14,1	Мазатенанго	4.000
Аматитлан	1.200	35.626	29,8	Аматитлан	7.500
Хлапа	2.980	35.020	11,7	Хлапа	4.500
Эсквинтла	6.060	30.973	5,1	Эсквинтла	5.500

1 Otto Stoll, „Guatemala”.

ДЕПАРТАМЕНТЫ	Пространство квадратных километров	Население к 1-му января 1890 г., жителей	Километрич. плотность населения	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА	Жителей
Реталхулеу	1.750	24.431	14,0	Реталхулеу	3.500
Петен	23.600	8.480	0,3	Ла-Либертад (Саклюк)	600
Изабаль	6.600	5.105	0,5	Изабаль	650
Ливингстон	4.380			Ливингстон	900
	121.140	1.429.116			

По данным 1898 г., пространство: 125.100 кв. килом.; народонаселение: 1.535.632 жит.

III. Сальвадор

Сальвадор—самая маленькая из республик Центральной Америки, но зато она гораздо богаче и населеннее других относительно занимаемого пространства, которое составляет всего лишь 21.070 квадратных километров, т.е. равно почти трем французским департаментам; Сальвадор меньше даже Британского Гондураса, зато население его почти в двадцать четыре раза многочисленнее. Кроме того, Сальвадор, в сравнении, например, с Гватемалой, пользуется огромным преимуществом—однородностью своего населения, которое в недавней войне сумело выдержать борьбу без большого для себя ущерба. Индейцы здесь более ассимилированы с цивилизованными ладиносами, и поэтому нет причин опасаться, что междоусобия когда-нибудь обратятся в этой стране в расовые войны.

Сальвадор представляет собою довольно узкий пояс земли, четырехсторонней формы, расположенный вдоль Великого океана и занимающий только часть южного склона средней цепи, другой, более обширный склон которой принадлежит Гондурасу: средняя ширина Сальвадора на протяжении с севера на юг не превышает 80 километров, при длине почти в 300 километров. Почти вся материковая окружность этой страны имеет границы либо чисто условные, либо обозначенные только течением рек, оба берега которых населены народом одного и того же племени. Со стороны, обращенной к Гватемале, линия раздела идет, как известно, по течению небольшой реки Паца, затем, обогнув вулкан Чинго, пересекает озеро Гуиха и наконец заворачивает на восток, образуя границу с южной частью Гондураса, идущую через горы и долины. На этом незначительном пространстве этнические области столь же мало приняты во внимание, как и естественные черты: линия раздела пересекает территории пупулуков, пипилей и покоманов. На севере границей между двумя государствами избран не хребет сиерры, а река Сумпуль, приток рио-Лемпа, ниже места слияния её с первой рекой и ещё третья река того же бассейна. С восточной стороны республику Сальвадор ограничивает Гоаскорон, который оставляет ей лишь незначительную часть побережья, начиная с бухты Фонсека.

Главная цепь гор и цепь вулканов, раздвоившиеся уже в Гватемале, идут по направлению к востоку на значительном расстоянии одна от другой. Первая из них вздымает все свои пики в Гондурасе; вторая же принадлежит целиком Сальвадору; впрочем, она имеет крайне неправильное направление и состоит из различных массивов, расположенных на север и на юг от прямолинейного очага, откуда извергается пепел. Между формациями этой страны преобладают лавы, но многие горы, которые прежде были вулканами, теперь трудно узнать вследствие того, что кратеры их изгладились и самые склоны совершенно покрыты серой, белой или желтоватой глиной, подобной той, которая покрывает горы Мексики и Гватемалы; эта глина происходит несомненно от мелкой вулканической пыли, наносимой ветром и в течение веков постепенно склеившейся. Почва равнин, над которыми возвышаются вулканические конусы, состоит до большой глубины из пепла и пемзы, поверхностный слой которых, разлагаясь на воздухе, образует замечательно плодородную растительную землю. Во всём свете найдется немного стран, которые, по богатству самородной флоры и производительности культуры, могли бы сравниться с Сальвадором.

В восточной части Гватемалы главная цепь—крутые горы Матапан (1.500 метров), которые возвышаются на северо-восточной стороне озера Гуиха и кажутся издали неприступными. Там нет вулканических отверстий. Деятельность внутренних очагов проявляется только близ морского побережья, значительно южнее непрерывной цепи гор. Между городом Ахуачапам и деревней Сан-Жуан-де-Диос, лежащей от него в тридцати километрах к северо-востоку, идет поперек оси вулканов целый ряд сальс (грязевых вулканов) и фумаролл. Во многих местах эта расщелина выделяет целые массы газа, но самая замечательная группа сальс, известных в стране под названием *ausoles*, находится у самых ворот Ахуачапама, около большой дороги, соединяющей Гватемалу с Сан-Сальвадором. Явления вулканических выделений представляют здесь всевозможные промежуточные степени, начиная обыкновенной фумароллой и кончая горячим источником. В одном месте пары клубами вырываются из длинных щелей; дальше—из открытых расселин в порфировой скале пробиваются струи источников, которые соединяются затем в дымящиеся ручейки; в ином месте из отложений источников образовались конусы в один или два метра высоты, откуда вода струится по склонам; некоторые грязевые вулканы состоят из тестообразной массы и оседают при малейшем давлении; иные холмики—вязкие; наконец, есть и совершенно твердые горки. В долинах рассеяны большие озера грязи, клокочущей от действия паров. Глина, отлагаемая аусолесами, окрашена во всевозможные цвета—белый, зеленый, желтый или красный: причина этого кроется, очевидно, в изменении железистых скал, где есть примесь квасцов и серы[1]: местные жители добывают отсюда минеральные краски[2]. Судя по описаниям прежних путешественников, Монтгомери, в начале этого столетия, и Стефенса, в 1840 г., аусолесы много потеряли в деятельности и температуре. Туземцы говорят, что в десяти километрах на северо-восток от Ахуачапама находится бывшая сальса, высотой около 40 метров, сплошь покрытая тонким слоем беловатой глины и теперь уже не извергающая грязи из верхнего отверстия.

Далее на восток, в горном массиве встречаются вершины, достигающие 1.700 и даже 2.000 метров над уровнем моря. Этот массив называют иногда Мадре-дель-Волкан, или «Мать Вулкана», и жители Сонсонате, не располагая точными сведениями, все пики этого массива считают настоящими вулканами; таковы—Апанека, Лаунита или Лагунита, Сан-Хуан, Агвила, Наранжо и другие. Дольфюс и Мон-Серрат, напротив, полагают, что все эти горы не вулканы в тесном значении слова, а массы трахитового порфира, покрытые желтой глиной и пеплом, выброшенным из отдаленных вулканов; однако, вероятно, среди гор, называемых туземцами «вулканами», некоторые действительно заслуживают этого наименования; таков, например, вулкан Санта-Ана (2.016 метров), об извержениях которого рассказывала легенда, если не история, и который ещё недавно снова обильно извергал пепел. Конечный кратер этой горы очень глубок, и ещё ни один путешественник не спускался в него; в соседней впадине, говорят, находится круглая лагуна, наполненная «уксусной водой». Величественный вид вулкана Санта-Ана доставил ему у туземцев прозвище Ламатепек, т.е. «Вулкан-Отец»[3].

В том же массиве, где находится Санта-Ана, существует ещё более знаменитая гора, хотя и меньшей высоты, это—вулкан Изалько, родившийся, как и мексиканский Хорульо, уже после прибытия испанцев в Новый Свет: полученное им название происходит от деревни, лежащей в двадцати километрах от него к юго-западу. В начале XVII столетия, если не на том самом месте, где возвышается теперь гора, то по крайней мере по соседству, около Сонсонате, существовали фумароллы и грязевые вулканы, подобные ausoles Ахуачапама; но, кажется, эти «адские пасти», о которых говорит Гаж[4], закрылись впоследствии.

В 1769 г. у подошвы горы Санта-Ана, расстилалась саванна, на которой пасся скот. Страшные подземные раскаты, сильные сотрясения и извержения паров обратили в бегство

1 Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированное сочинение.
2 Brasseur de Bourbourg, „Le Mexique et l'Amerique Centrale".
3 David J. Guzman, „Apuntamientos sobre la topografia fisica del Salvador".
4 „Nouvelle Relation des Indes Occidentales".

тех немногих жителей, которые ютились в окрестностях. 23-го февраля 1770 г. земля неожиданно разверзлась, и оттуда в изобилии хлынула лава. Вулкан начал высовываться из своей трещины, и с того времени он постоянно рос. Первые извержения были почти единственными, когда выбрасывался расплавленный камень: с того времени вулкан Изалько извергал только пепел. Прежде извержения пара и мелких каменьев происходили почти беспрестанно, через каждые две минуты, как говорят некоторые путешественники. Самые большие промежутки между ними были не более четверти часа. По ночам моряки, проходившие мимо Сонсонате, постоянно видели красные пары, клубившиеся над горой: от этого происходит название этого вулкана «Фаро-дель-Сальвадор». Но всё-таки Изалько в течение этого столетия иногда успокаивался: Дольфюс и Мон-Серрат могли подняться на него в 1866 г., во время короткого периода его отдохновения. Они определили тогда его высоту над уровнем моря в 1.825 метров, из которых около 400 метров приходились над *malpais* его основания: они констатировали, что верхняя часть вулкана содержит три кратера, из которых один оканчивается вертикальным колодцем, откуда со свистом и грохотом вырывались столбы дыма: тысячи серных фонтанов били из вершины горы. Конус Изалько, постоянно выравниваемый мелким пеплом, скатывающимся по его склонам, поражает своею замечательно правильною формою, «словно выточенный». Ни одна былинка не зеленеет на его поверхности; на однообразно буром или красноватом колорите только кое-где резким контрастом выступают беловатые пятна квасцов[1].

Вулкан Сан-Сальвадор, возвышающийся в двенадцати километрах на север от столицы, достигает 1.879 метров и находится в состоянии покоя, повидимому, с очень давнего времени, ещё до эпохи завоевания. Если смотреть на него издали, то он не имеет определенного рельефа вулканического конуса. Это продолговатый массив с неправильным основанием, покрытый лесом почти до самой вершины. Но в самой верхней его части открывается обширный кратер почти круглой формы, который называют *hoquerou*; в недрах его находится глубокое озеро с зеленою и прозрачною водой: это громадное круглое углубление, имеющее около 5 километров в окружности и 200 метров глубины. На склонах горы находится аусоль, откуда постоянно вылетают пары, а у северного основания виднеются несколько придаточных конусов, из которых один, вулкан Кезалтепеке, имел небольшое извержение в начале этого столетия. У подошвы вулкана бьют горячие ключи, при чём выделяется масса угольной кислоты: иногда даже приходилось прерывать полевые работы вследствие удушливых газов, выходящих из почвы. Наконец, среди холмов с кратерами находится, в 12 километрах на запад от столицы, пропасть, называемая Хойя, или «Ров», прежнее вулканическое жерло, открывающееся в уровень с землей чрез толстые пласты вулканического песку: на дне этого потухшего кратера прежде находилось озеро Кускатлан; несколько лет тому назад оно опорожнилось, и теперь на месте прежних вод раскинулись сахарные плантации.

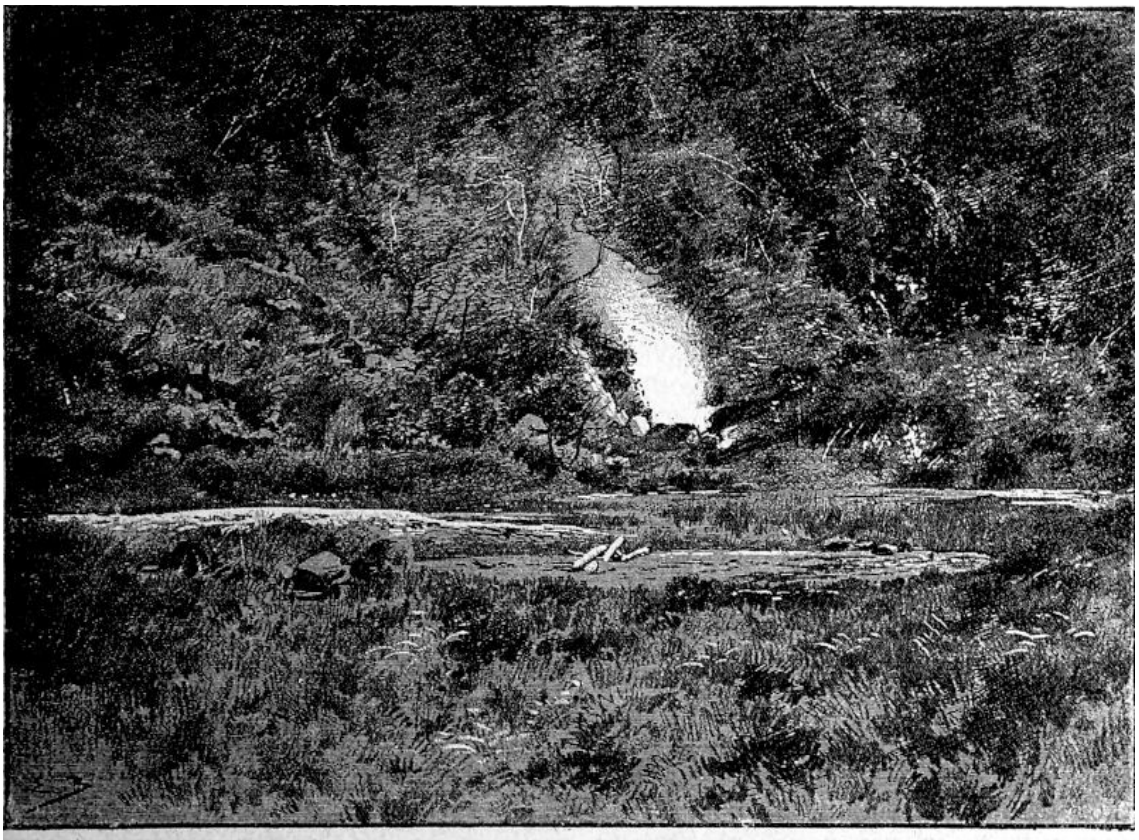
Таким образом внешния проявления вулканической деятельности не имели большого значения в области, центр которой занимает Сан-Сальвадор; но сотрясения почвы случались здесь часто, и при том в ужасной форме: в этом отношении найдется немного стран в целом свете, которые бы подвергались таким сильным землетрясениям. Название Кускатлан, относящееся также к лагуне и к окрестной равнине, а на туземном наречии даже и к самому городу, вместе с несколькими деревнями, напоминает о многочисленных колебаниях земной поверхности: это нахуатльское слово, по объяснению некоторых этимологов, значит «Долина Гамаков»[2]. Опасным землетрясениям способствует особое свойство почвы, на которой построен город Сан-Сальвадор: эта почва, состоящая из беловатого туфа, образовавшагося из разложившейся пемзы, очень легкая и подвижная, так сказать, «плавучая» в углублениях твердой коры, не составляющей с нею одного целого; при подземных сотрясениях слои пепла и все постройки, стоящие на земле, подбрасываются кверху, вместо того, чтобы колебать-

1 A. Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитиров. сочинение.

2 Страна „Драгоценностей“ или „Богатств“, по Сквайру.

ся вместе с глубокими, более или менее упругими, слоями почвы[1]. Впродолжении трех последних веков Сан-Сальвадор разрушался не менее семи раз, и семь раз его снова отстраивали на том же самом месте, среди плодородных земель, приносящих обильный урожай. Катастрофа 1854 г., разразившаяся совершенно неожиданно, погребла массу жертв; землетрясение 1873 года, ещё более сильное и разрушительное для города, по крайней мере предвещалось подземным гулом и предварительными колебаниями почвы, что заставило принять некоторые меры предосторожности, так что когда почувствовался сильный толчок, всё население, и здоровые и больные, были уже на площадях и ожидали там катастрофы. Ночь была очень темная, и только при свете пожара, пожиравшего нагроможденные груды развалин, жители могли понять всю безмерность постигшего их бедствия.

Землетрясение, разрушившее столицу, главным центром колебаний имело озеро Илопанго или Апуло, глубокий резервуар воды, лежащий в десяти километрах на восток от Сан-Сальвадора, на высоте 483 метров над уровнем моря, и окруженный крутыми стенами уте-

Грязевой вулканъ въ Ахуачапамѣ.

сов. Это озеро, поверхность которого составляет около 60 квадратных километров, несколько раз меняло свой уровень, и туземцы приписывали эти движения «чудовищу» или «сирене», живущей в глубине озера. Во время землетрясения и сильного волнения воды, в жертву озеру приносили цветы и плоды, а потом, если грозные явления всё-таки не прекращались, в него, в минуты наибольшей опасности, бросали живых животных и даже детей. В середине XVIII столетия это озеро было значительно ниже; но, вследствие спалзывания почвы, ручей, выходящий с восточной стороны озера и впадающий по глубокому оврагу в реку Жибоа, приток Великого океана, встретил преграду, и вследствие обратного течения его в бассейн значительно повысился уровень озера. Во время землетрясения в 1873 г. озеро страшно волновалось и поднялось почти на целый метр выше обыкновенного уровня; местами оно клокотало, и из глубины его исходил рев. В 1879 г. это волнение возобновилось, сопровождаемое извержением паров; вода в озере стала быстро подыматься и достигла 1,22$_м$ выше прежнего уровня; затем вдруг, вышедши из берегов, воды с страшной силой ринулись через вы-

1 Poulett Scrope;—Dollfus и de Mont-Serrat, и т. д.

ходной порог, быстро прорыли себе канаву, и озеро стало убывать. В течение трех часов уровень его опустился на 2,50м; в 54 дня общее понижение уровня достигло 10,49м, а объем вылившейся воды превышал 635 миллионов кубических метров[1]: в одну секунду поток нес 1.277 метров воды, т.е. более, чем Гаронна или Луара. После этого понижения озерного бассейна вновь обнажились стволы деревьев, покрытые толстым слоем известняка, который в предшествующую эпоху осаждался на берегу; маленькие островки, прежде отдаленные от берега, теперь соединились с ним и образовали мысы. При самом сильном понижении уровня озеро опустилось до 35 метров[2]. После зловонных извержений газа, поднимавшихся из глубины воды, последовали извержения лавы, и над кипящею поверхностью озера постепенно возникали целые островки из лавы и пепла; в конце концов остался только один холм твердой лавы, возвышающийся на 50 метров; в непосредственном соседстве с этою скалою лот показал глубину в 209 метров. Во время эруптивного периода геолог Гудир насчитал не менее 440 сильных сотрясений. Говорят, что прежде в озере Илопанго, «опустошенном чудовищем», совсем не было рыбы, но колонисты быстро развели её там. Во время нарождения островного вулкана от серных газов и слишком высокой температуры погибли миллионы органических существ, которые потом отложились на потопленных берегах: чтобы предохранить местность от чумной заразы, пришлось отрядить целые сотни рабочих для закапывания в землю этой массы разлагающихся организмов. Когда озеро начало высыхать, рыбаки предались полному отчаянию и, стоя на берегу, оглашали воздух стенаниями: «останься, наша кормилица, не покидай нас[3]!»

К северо-востоку от озера Илопанго высятся контрфорсы вулкана Кожутепека (1.035 метров), который в историческую эпоху не имел извержений, но на котором ещё виден небольшой правильный кратер. Ещё дальше стоит другой вулкан, самый высокий во всём Сальвадоре (2.400 метров), который туземцы называли Чичонтепек, т.е. «Гора о двух пиках», а испанцы—Сан-Висенте. Эта гора находится в бездействии, и лесная растительность покрыла её склоны до самой вершины: подобно гватемальскому вулкану Агуа, на вершине Сан-Висенте находилось озеро, которое, вследствие сильных и продолжительных ливней, пробило одну из своих стен и разлилось по равнине, прорыв овраги в склонах горы; счастье ещё, что город Сан-Висенте не стоял на этом пути разлития грязной лавины. С вершины горы можно созерцать прекраснейшую во всём Сальвадоре панораму, обнимающую озеро Илопанго, богато культивированные склоны, спускающиеся к побережью Великого океана, и глубокую долину рио-Лемпа. У основания вулкана, с северо-восточной его стороны, находится овраг почти с вертикальными стенами, заключающий в себе горячие и минеральные ключи, которые с пронзительным шумом выбрасывают пары: это—*infiernillos*, или «маленькие ады», каких немало в Центральной Америке.

Ров, по дну которого протекает рио-Лемпа, спускающаяся к Великому океану, прерывает цепь вулканов и ряд высот, который тянется параллельно берегу океана. Вулканическая цепь восстановляется с другой стороны долины вулканом Текапа, в кратере которого, как говорят туземцы, находится довольно обширная лагуна, воды которой «в одной стороне холодные, а в другой—теплыя». Дальше идут горы Усулутан, образовавшиеся также из лавы, и четыре вершины Чинамека (1.500 метров). Подобно Сан-Висенте, Текапе и Усулутану, Чинамека давно уж не имел извержений, и его обширный кратер, в 1.500 метров окружности, теперь совершенно закрыт; но в 2-х километрах от большого местечка Чинамека, приютившагося у подножия горы, серные газы со свистом извергаются из *hervedor*, *hoqueron* и других менее значительных расщелин; над горными трещинами постоянно клубятся густые облака пара.

Сан-Мигуэль, один из самых высоких пиков Сальвадора (2.153 метра), есть в то же время и один из самых величественных: его изолированность, обширность основания, крутизна

1 Ortega Rockstroh, „Informe de la Comision cientifica del Instituto nacional de Guatemala“.

2 David J. Guzman, цитированное сочинение.

3 Ortega Rockstroh, цитированное сочинение

склонов, правильное усечение верхнего конуса,—всё это делает его горой, не имеющей соперников; с вершины его открывается прекраснейший горизонт: вокруг расстилается громадный пояс низменностей, море, долины рио-Лемпа и её притоков, а дальше ров, по которому струится рио-Сан-Мигуэль, и бухта Фонсека, разветвляющаяся на второстепенные заливы. Вулкан действовал несколько раз в течение исторической эпохи: в 1844 г. четырнадцать жерл, зияющих на полусклоне, извергли целые реки лавы, растекшиеся по всем направлениям, а одно из них, находящееся на северном склоне, выбросило громадный поток, который направился к городу Сан-Мигуэль, расположенному в пятнадцати километрах на северо-восток, и остановился лишь у порога первых хижин предместья. Кратер вулкана, один из самых обширных в Центральной Америке, имеет три километра в окружности и 150 метров глубины; но главный очаг газовых извержений часто меняет место и образует второстепенные кратеры, над которыми пары вьются белыми клубами: невозможно спуститься в эту равнину фумаролл, наполненную удушливым воздухом. Из всех вулканов области Перешейков Сан-Мигуэль отличается наибольшею эруптивною деятельностью: по всем окрестностям горы расползлись красные или черные потоки лавы, похожие на гигантских змей.

Разстилающаяся к востоку от Сан-Мигуэля и реки того же названия равнина проявляет ещё кое-какие следы вулканической деятельности в форме ausoles или озер, из которых извергаются серные газы; но цепь оканчивается у самой бухты Фонсека вулканом с двойной вершиной, подошва которого выдвигается мысом в воду: это—вулкан Кончагуа, частью покрытый лесом, отчего самой высокой его оконечности (1.236 метров) и дано название Серродель-Окоте, или «Сосновая Гора». Склоны вулкана настолько отлоги, что по ним можно подниматься на лошади. Главный кратер, неопределенной формы, повидимому, заключал в себе прежде озеро, которое вылилось, вероятно, вследствие землетрясения. Кончагуа считался совершенно потухшей горой, как вдруг, в 1868 г., на его склоне разверзлась трещина, что сопровождалось сильными сотрясениями, извержениями пара и лавинами обвалившихся скал. Кончагуа принадлежит, следовательно, к числу действующих вулканов,—пятый в Сальвадоре,—к которым следует причислить также и аусолесы, рассеянные в равнинах среди огнедышащих гор.

Груды лавы, отлагавшиеся параллельно берегу Великого океана, способствовали, конечно, изменению гидрографии этой страны, загораживая русла рек и принуждая их таким образом или прорывать себе новые долины, или разливаться в обширные озерные бассейны. Цепь вулканов с промежуточными порогами сделалась линией водораздела: со стороны моря текут быстрые потоки, которые летом или совсем высыхают, или по крайней мере сильно мелеют; реки, протекающие с другой стороны, по более длинному склону, соединяются между собою и сливаются в одну большую реку—Лемпа; текущую параллельно оси вулканов и главной горной цепи Гондураса. Лемпа, одна из главных рек Центральной Америки, берет свое начало на Гватемальской территории, образуясь из нескольких ручьев, из которых один вытекает близ Эсквипуласа, прославленного как место паломничества: благоговейное чувство, которое народы всегда испытывали к раздельным порогам между текущими водами, заставило смотреть на это место как на святое. Вначале рио-Лемпа течет по направлению к юго-востоку по глубокому рву, прорытому водами в толстом слое лавы, и входит в пределы Сальвадора, где она принимает в себя desague, или «исток» большого озера Гуижа, питаемого водами реки Остуа и других многочисленных речек, сбегающих с амфитеатра окрестных гор. Озеро Гуижа, лежащее на высоте почти 600 метров, представляет собою, по всей вероятности, один из тех бассейнов, которые образовались вследствие заграждения прямого стока к морю глыбами лавы и грудами пепла. Это—очень глубокий резервуар; в центре своем он имеет, по исследованиям Гусмана, 84 метра глубины.

Ниже слияния, долина Лемпы продолжает следовать параллельно морю, и справа и слева принимает в себя ручьи, выходящие с двух горных цепей; главный приток её, Сумпул, вытекает из продольной долины, доминируемой с севера горами Гондураса. На встречу рио-Лемпа течет другая река, Тонола, долина которой составляет восточное продолжение Лемпы,

и обе эти реки, соединившись в одну, открывают себе выход через плоскогорья, на которых тянется цепь вулканов. У Ла-Барки, места переправы, где проходит главная дорога Сальвадора, эта река, удаленная ещё от океана на 60 километров, на высоте нескольких метров над уровнем моря, катит свои желтые воды, имеющие в сухое время года три метра глубины. Во время половодья глубина достигает 6 и даже 8 метров; но у самого устья река загромождена «непроходимым» баром, где толщина слоя воды не превышает двух метров. Эта могучая река, длина которой определяется в 300 километров, с площадью бассейна в 14.700 квадратных километров и с расходом воды, по различному определению, от 496 до 714 кубических метров в секунду[1], всё-таки недоступна для морского судоходства; но речные пароходы могут ходить по Лемпе во всей нижней части её течения за крутым поворотом русла к югу. Нижнее течение Лемпы можно было бы соединить с её боковыми рукавами, окаймляющими берег, на востоке—с Жикилиско, на западе—с Жалтепеком, и приобрести таким образом новую линию судоходства, вполне защищенную прибрежным валом от морского волнения. Река Сан-Мигуэль, которая течет на востоке и своей глубокой долиной пересекает заднюю часть плоскогорья с расположенными на нём вулканами, могла бы тоже сообщаться с Лемпой через лиман рукава Жикилиско.

В своей совокупности океанский берег Сальвадора гораздо выше, чем в Гватемале, если не считать дельту Лемпы, с её двумя рукавами, Жикилиско и Жалтепеком. На востоке, со стороны бухты Фонсека, берег поднимается красноватыми утесами, изрытыми у основания пещерами. На западе, коста-дель-Бальзамо, или «Бальзамический берег», лежащий между Либертадом и Акажутлой, представляет собою ряд скалистых мысов и отвесных утесов, разделенных бухточками, с плоским песчаным берегом. Там и сям, тотчас над самым морем, поднимаются лесистые склоны; в некоторых местах береговые террасы покрыты *sacate*, т.е. высокой, густой травой, луга которой в сухое время года кажутся издали созревшими хлебными полями. Перед наступлением дождливого времени года, эту траву обыкновенно сжигают, и красная земля принимает тогда вид вулканической скалы; но после первых же гроз она принимает бледно-зеленый колорит, вроде того, какой имеют поля с молодыми побегами сахарного тростника[2]. Сальвадорский берег, подобно гватемальскому, неоднократно подвергался переменам в относительном уровне земли и моря: современные раковистые банки, находящиеся в настоящее время в некотором расстоянии от океана, доказывают, что или берег Сальвадора стал выше, или уровень моря понизился.

Пересекаемый с запада на восток 14 градусом широты и наклоненный с севера на юг к полуденному солнцу, Сальвадор, подобно Южной Гватемале, которой он служит восточным продолжением, представляет собою страну с очень высокой температурой в соседстве морского берега: несмотря на освежающие бризы, дующие с моря, порты его находятся под изотермами 26—28 градусов по стоградусному термометру. Но береговая область населена всего слабее: население группируется в высоком поясе, где находятся вулканы и плодородные долины; в этой-то зоне, которая лежит на высоте между 500 и 1.000 метров над уровнем моря, и находится большая часть городов, где сосредоточивается почти вся торговля республики. Средняя температура этой области от 21 до 26 градусов в различных городах. Далее на север, в низкой долине, орошаемой рекою Лемпа, куда но проникают свежия морские бризы, климат более жаркий и менее здоровый, но и население там довольно редкое. Что касается дождей, то количество их значительнее на наружном склоне гор, идущих вдоль берега Великого океана,—там дожди начинаются с середины мая, по мере того, как солнце приближается к северному тропику; но «облачный» месяц проходит, и в конце июня сальвадорцы наслаждаются обыкновенно несколькими прекрасными днями, которые они называют *veranillo de San-Juan* (Иванова весна). Затем дожди возобновляются и продолжаются до сентября, приносимые всегда южными ветрами, известными под названием *vendavales* или «низовых вет-

1 Max von Sonnenstern;—E. G. Squier, „Notes on Centrale America“;—John Power, „Journal of the R. Geographical Society“, 1858.

2 A. Pailhes, „Instructions nautiques sur les cotes ouest du Centre-Amerique et du Mexique“.

ров»; иногда они сопровождаются бурями, даже циклонами, которые называются здесь *chubascos*. В сухой сезон, когда дуют северные ветры, т.е. пассаты, более или менее уклонившиеся от своего нормального течения, бури разражаются также и на морском прибрежье, главным образом в феврале и марте: это так называемые *terrales*, которых очень боятся рыбаки[1].

Растительные и животные породы Сальвадора ничем не отличаются от флоры и фауны Гватемалы; но среди растений есть много таких, пределы большой производительности которых довольно ограничены. Таково, например, Сальвадорское бальзамное дерево (myrospermum salvatorense), от которого получила свое название одна часть побережья между Акажутлой и Либертадом, и эксудат которого прежде назывался «перувианским бальзамом», потому что во времена колониального режима его отправляли сначала в Каллао, а затем уже в Испанию. Сальвадор особенно богат лекарственными растениями и камедными деревьями; но, как и в соседних странах, земледельцы предпочитают заниматься культурою кормовых и промышленных растений. В последнее время в Сальвадоре бывали случаи нашествия саранчи.

Пипиль, т.е. ацтеки, распространившиеся в одной части Гватемалы и сохранившиеся до нашего времени в виде отдельной нации, занимали также Западный Сальвадор, в эпоху, когда явились испанцы-завоеватели, как о том свидетельствуют названия местностей; центр их могущества находился в Сучитото, т.е. в местности, лежащей к северу от нынешней столицы республики. Берналь-Диац-дель-Кастильо, которому пришлось видеть кускатланских нахуа, говорит, что их социальный, религиозный и политический быт совершенно таков, как у мексиканцев. У них были храмы, где они поклонялись солнцу; приносились также и человеческие жертвы, которые выбирались преимущественно среди детей; жрецы вырывали сердце из трепещущей ещё груди и кровью кропили на все четыре стороны света; время от времени делались воинственные набеги, чтобы забирать пленных, которых и приносили в жертву богам. С северной и восточной сторон границей их территории служила рио-Лемпа; впоследствии эта же река долго задерживала испанцев, которые в 1524 г. завоевали Кускатлан и больше всего заботились о порабощении населения. Предводителя индейцев хонталесов, который оказал самое энергичное сопротивление завоевателям, звали Лемпира; его именем, в сокращенной форме, назвали и реку, на берегах которой жил этот кацик.

Четырехстороннее пространство,ограниченное с севера рекою Лемпа, а с юга океаном, наперед принадлежало победителю, который бы занял центральную позицию Кускатлана. Оттого индейцы пипиль, владевшие этой территорией, были в несколько лет низведены до положения крепостных или даже заклеймены, как рабы. Во всё продолжение испанского режима они оставались тем, чем были их мексиканские собратия, т.е. толпой «неразумных людей»; но как и в Мексике, они понемногу ассимилировали себе своих господ чрез скрещивания. Когда, в 1821 г., была провозглашена независимость Гватемалы, часть которой составлял Сальвадор, то число сальвадорских метисов уже значительно превосходило число белых: население превратилось в «ладиносов». Четыре пятых всех жителей Сальвадора, благодаря смешению, принадлежат одновременно к двум расам. Тем не менее всё-таки есть ещё группа индейцев, если и не совершенно чистокровных, то во всяком случае достаточно самобытных, чтобы составить отдельные общины. Такими можно считать пипилей Изалько, которые говорят ещё на древне-мексиканском наречии, и ещё несколько групп индейцев, деревни которых рассеяны по южному склону вулкана Сан-Висенте, и которые в 1832 г. вели расовую войну с белыми и метисами[2]. Но менее всех подверглись влиянию испанской цивилизации и сумели сохранить свой язык и свои нравы жители Бальзамного берега, территория которых лежит к югу от исторической дороги, идущей вдоль цепи вулканов, которою следовали переселенцы, завоеватели и паломники.

1 David J. Guzman, цитиров. сочинение

2 E. G. Squier, цитированное сочинение.

Эти индейцы строили обыкновенно свои деревни на террасах и вершинах холмов, которые образуют в этом месте побережья отдельный массив; их жилища представляют собою низкие хижины, крытые пальмовыми листьями, или сокате, а единственными дорогами в этом месте служат узкия тропинки. Они сеют кукурузу, но ограничиваются засеванием незначительного пространства земли, так чтобы урожая хватило лишь для годового прокормления; кроме того, они собирают плоды бальзамного дерева и продают их в портах; деньги, полученные от продажи, они употребляют на украшения своих церквей и на шумные празднества в честь своих святых, так как, продолжая оставаться язычниками, они в то же время сделались католиками. Суровые и молчаливые, они на первый взгляд кажутся не столь развитыми, как индейцы квиче или какчиквелы, что объясняется, по всей вероятности, крайнею сдержанностью их в отношении иностранцев. С физической стороны они также отличаются от своих гватемальских соседей: они немного смуглее, а женщины их гораздо меньше ростом. Браки решаются всегда родителями и заключаются в очень ранней молодости, между двенадцатью и четырнадцатью годами; первые годы новобрачные должны жить в доме родителей мужа и работать в их пользу; нередко можно встретить семьи, состоящие из трех последовательных поколений, которые все живут под главенством патриарха.

Будучи очень послушными, ацтеки Бальзамного берега повинуются своим *ahuales*, или старейшинам, которым отдают все свои сбережения, идущие на устройство праздников в честь местных святых. Ахуалесы собираются ночью, всегда при свете священного огня, который зажигается в углу комнаты и вероятно служит символом божественного пламени, озаряющего людей во время их совещаний об общественных делах. Впрочем, эти старики всячески воздерживаются от всякой, хотя бы малейшей оппозиции центральному правительству: во время выборов они получают приказы из Сан-Сальвадора, сообразно которым и подают свои голоса[1]. Однако, старые нравы постепенно изменились со времени наплыва иностранцев в портовые города, постройки дорог и открытия школ в деревнях. Изданный в 1882 г. закон повелевает продажу *ejidos* и *comunidades*,—т.е. общинных земель, которые обрабатывались прежде на общую пользу всех жителей одной и той же общественной группы, и «справедливое» распределение их между всеми членами общины. Этими мерами надеются ослабить авторитет кациков и развить индивидуальную инициативу у прежних общественников; но, с другой стороны, можно опасаться, что более легкое сконцентрирование капиталов поведет за собою быструю скупку земель, а вместе с тем и развитие пауперизма в Сальвадоре, где ещё недавно нищета была совершенно неизвестна.

Первый город, близ Гватемальской границы,—Ахуачапан, прославившийся своими грязевыми вулканами: это, может-быть, тот самый город Паца или Пацако[2], по имени которого была названа река Паца, избранная политической границей между двумя республиками, Гватемалой и Сальвадором, и которую зачастую, по непроизвольной игре слов, называли рио-де-ла-Пац, т.е. «река Мира». Ахуачапан, как и некоторые города,—Атиквисайя, Чалчуапа, Санта-Ана—лежит в баснословно плодородной равнине, где культивируют преимущественно сахарный тростник и кофейное дерево, но которая, во время частых войн Гватемалы с Сальвадором, постоянно служила полем сражения. В Чалчуапе диктатор Гватемалы, Руфино Барриос, пал в 1885 г., после предпринятого им кровопролитного штурма; это событие положило конец гегемонии Гватемалы над другими республиками Центральной Америки. Жители равнины—в большой части индейцы, потомки одного нахуатльского племени, бывший укрепленный город которого, Апанека, построенный далее к северу, у подошвы одноименного с ним вулкана, представляет теперь лишь бедную, почти совершенно покинутую деревушку: при раскопках здесь были открыты многочисленные гробницы с золотыми и серебряными украшениями, а также драгоценная глиняная посуда. Город Сонсонате, или «Четырех сот Ключей», домики которого группируются под сенью пальм, имеет ещё лучшее

1 E. G. Squier, цитированное сочинение.

2 Brasseur de Bourbourg, „Histoire du Mexique et de l'Amerique Centrale".

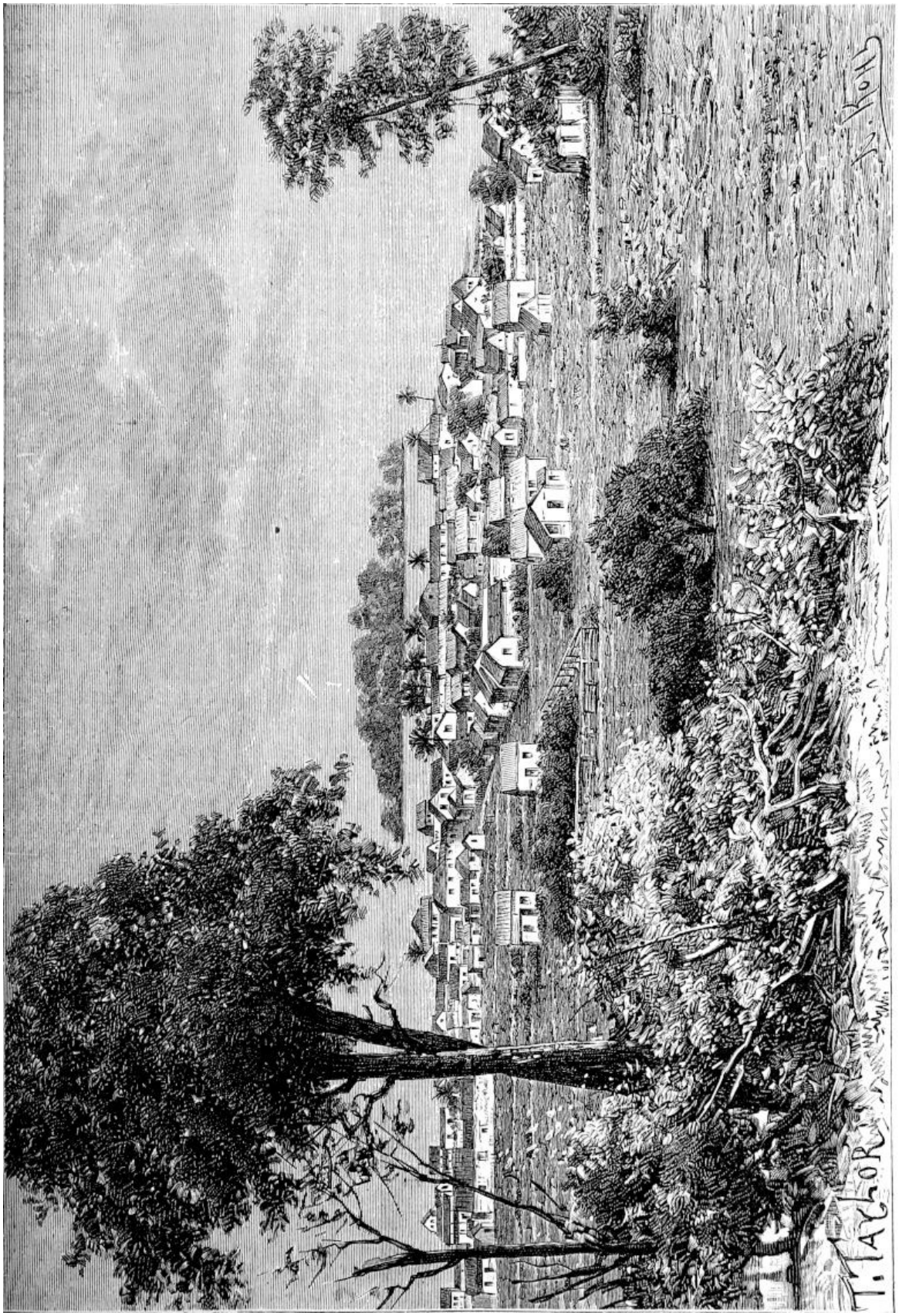
местоположение, чем Ахуачапан: он расположен среди хорошо орошаемых, вечно зеленых полей, доминируемых амфитеатром гор и освещаемых по ночам естественным «маяком» Изалько. Сонсонате славится своими великолепными фруктами, особенно ананасами; в былые времена его какао конкурировало с соконуским, но теперь культура этого дерева почти прекратилась.

Сонсонате, бывший прежде важнейшим городом Западного Сальвадора, уступил первенство городу Санта-Ана, который расположен к северу от вулкана того же названия, в умеренном поясе и на большой дороге между Гватемалой и Сан-Сальвадором; со времени землетрясений, дважды разрушивших столицу, Санта-Ана, хотя и не занимал центрального положения, сделался самым населенным городом республики; это—очень важный земледельческий рынок, близ которого находится округ Метапан, омываемый озером Гуижа и известный своими рудными залежами—железом, медью, серебром и цинком, которые теперь деятельно эксплоатируются. Морской гаванью для этой западной области Сальвадора служит деревня Акажутла, лежащая в глубине широкой бухты, открытой западным и южным ветрам. В лучшее время года, когда дуют северные ветры, якорная стоянка вполне безопасна, но бар всегда опасен, и зачастую разгрузка судов производятся посредством местных *lanchas*. Несмотря на свои неудобства, Акажутла—важнейший торговый порт республики: отсюда преимущественно вывозится кофе, а главным предметом ввоза служат иностранные мануфактурные произведения (обороты внешней торговли в Акажутле составляли в 1888 г. 19.370.000 франков). Её пристань служит исходным пунктом первой железной дороги, которая была построена в Сальвадоре: по длинным бульварам, обсаженным кокосовыми деревьями, дорога эта подымается во внутренния долины, пересекает Сонсонате и Армению, древний Гуаймоко, и в недалеком будущем должна соединиться с главной линией, идущей из Мексико в Панаму, связав между собою все города, лежащие вдоль цепи вулканов; кроме того, одна ветвь, уже начатая, пройдет длинною дугою на север к равнине Санта-Ана, с её многочисленными кофейными плантациями. Гварумальское ущелье, близ которого происходит бифуркация, и чрез которое дорога вступает в равнину Сан-Сальвадора, есть, на всём протяжении главного пути республики, замечательнейшая местность по богатству и разнообразию растительности. В дождливое время года по дну его бежит горный поток, и тогда дорога становится почти непроезжей.

Сан-Сальвадор, столица штата, был основан уже в 1525 г., но не на том месте, которое занимает в настоящее время: он находился значительно севернее, в долине Сучитото[1]. Современный город построен на высоте 692 метров над уровнем моря, занимая живописное местоположение на одной из плодороднейших равнин восточного склона вулкана Сан-Сальвадор, спускающагося к озеру Илопанго; окрестности его, покрытые кофейными и другими плантациями, орошаются Азельгуатою, южным притоком рио-Лемпы, а с южной стороны его омывают другие речки, сбегающие по параллельным долинам к Великому океану. Таким образом город этот стоит на вершине раздела; кроме того, он имеет то преимущество в политическом отношении, что находится почти в самом центре штата; он имеет даже естественные укрепления в виде широких и глубоких оврагов, разрезывающих отрывки плато на трудно доступные редюиты. Но известно, что почва Сан-Сальвадора очень часто подвергается действию подземных сил; в этом городе нередки землетрясения, и два раза в течение этого века он был совершенно разрушен. Два раза жители его переселялись в другие города республики, а именно в Санта-Теклу, расположенную в пятнадцати километрах на северо-запад, в более умеренном поясе. Город этот, сделавшийся на время столицей, получил даже название Нуева-Сан-Сальвадор; но, тоже подверженный проявлениям вулканической деятельности, как извержениям, так и землетрясениям, он был не надежнее Сан-Сальвадора; тем временем этот последний, вновь отстроенный уже из дерева, по системе упругих рам, снова занял свое место правительственной резиденции, и численность его населения уже достигла пятидесяти тысяч. В Сан-Сальвадоре находится университет. Хорошая удобная дорога соединяет город с

1 Herrera;—Palacio;—Brasseur de Bourbourg, „Histoire des nations civilisees du Mexique“.

его портом Либертад, открытым всем ветрам и потому часто очень опасным: большие суда должны бросать якорь на расстоянии более километра от берега, при постоянной боковой качке. Тем не менее Либертад является главным портом республики по ввозу иностранных

Портъ Лимонъ и островъ Увасъ

товаров для всей республики; по вывозу же он значительно уступает Акажутле. Движение внешней торговли в Либертаде в 1888 г.: 15.630.000 франков.

К востоку от Сан-Сальвадора главный путь проходит по северной стороне озера Илопан-

го, затем мимо Кожутепека, по имени которого часто называют самое озеро. Этот город, населенный индейцами, тоже удостоился чести, после разрушения столицы в 1854 г., быть избранным временно в главные города Сальвадора, и надежда, впоследствии обманутая, сохранить свое первенство[1] возбудила в нём некоторую ревность по отношению к своей сопернице. Главным промыслом жителей является фабрикация сигар. За Кожутепеком следуют города Жибоа, затем, Сан-Висенте, основанный в 1638 г. на западном притоке нижней Лемпы и сменивший ацтекский город Тегуакан. Подобно одноименному с ним городу в Анагуаке, Тегуакан занимал чудное местоположение: развалины его, известные под названием Опико, ещё видны на боковой террасе вулкана Сан-Висенте, откуда открывается обширный вид на прибрежные равнины и на долину Лемпы. Сан-Висенте, как и Сан-Сальвадор, имеет на море свой порт, наделенный звучным названием—Конкордия; он расположен при устье рио-Жибоа и возле лагун Халтепек, сообщающихся с рио-Лемпа. Дорога из Сан-Висенте к его морскому порту идет у самого основания контрфорса, где находится Опико, и через город Сакатеколука, окруженный богатыми плантациями.

Большая река Лемпа, разделяющая округи Сан-Висенте и Сан-Мигуэль, не имеет по берегам своим значительных городов. В другом климате население массою устремилось бы в эту плодородную долину и усеяло бы её берега разнородною культурою, но в тропическом поясе, напротив, избегают таких долин, зачастую болотистых и недостаточно проветриваемых. Самые близкие к реке города Сучитото, Илобаско и Сенсунтепек построены на мысах, где температура не столь жаркая и дуют более прохладные ветры, чем в низкой долине. Чалатенанго, единственный город в Сальвадоре, находящийся в северной области, т.е. между Лемпой и Сумпулом,—сооружен тоже вдали от главной долины. Что касается главного места переправы, Ла-Барки, то это не более, как деревушка, населенная перевозчиками, которые переправляют на пароме путешественников.

К востоку от рио-Лемпы самым населенным местом является Чинамека, жители которой принадлежат к метисам и индейцам; главный их промысел заключается в земледелии и садоводстве, которым они занимаются на северных склонах вулкана Чинамека, имеющего также свои древние развалины, как и Сан-Висенте. Несмотря на численность жителей, Чинамека считается по рангу ниже города Сан-Мигуэль, где население состоит из белых и ладиносов. Сан-Мигуэль—город цивилизованный; жизненные припасы он получает главным образом от индейцев из Чинамеки. Он пользуется особенным значением, благодаря своим ярмаркам, известным во всём Сальвадоре, куда народ стекается со всей Центральной Америки и Мексики; сан-мигуэльские цены регулируют стоимость товаров на всех других рынках республики. К несчастью, этот город—один из самых нездоровых в Сальвадоре.

Морская пристань Сан-Мигуэля, Ла-Унион, лежит не на южном берегу, подобно другим портам Сальвадора, а на одном из заливов, разветвляющихся на западной стороне бухты Фонсека. Этот порт есть одна из многочисленных гаваней-убежищ, образуемых заливом и его архипелагами. Он лежит на оконечности второстепенного залива, который врезывается внутрь Сальвадора, у северного края вулкана Кончагуа; в залив этот впадают Гоаскоран и другие реки. Суда находят здесь вполне обеспеченную якорную стоянку, но только на расстоянии 2-х километров от берега; при отливе, пляж из мягкого ила далеко выступает в море. В прежнее время порт Ла-Унион имел более важное торговое значение, когда чрез него проходило всё движение торговли с Гондурасом и Восточным Сальвадором; но и теперь порт этот всё ещё важен, как соединительный пункт для сношений между бухтой Фонсека и долиной рио-Лемпа. Движение торговли в Ла-Унионе в 1888 г.: 7.556.000 франк.

Несмотря на внешние войны, междоусобия и соперничество искателей власти, Сальвадор представляет собою цветущую страну, о чём может свидетельствовать быстрое возрастание его населения, без содействия иммиграции: иностранный элемент в Сальвадоре представлен лишь незначительным числом негоциантов. В 1778 г. во время переписи в провинциях Гва-

1 Laferriere, „Notes de voyages au Centre-Amerique“.

темалы, в состав которой входила тогда вся Центральная Америка, на долю Сальвадора приходилось 117.436 жителей. Весьма вероятно, что население его на самом деле было больше, около 150.000, но и сравнительно с этой цифрой оно увеличилось по меньшей мере в четыре раза в течение одного столетия. Перепись 1 января 1886 г. определила число жителей в 651.130 человек,—318.329 мужчин и 332.801 женщина,—а в конце 1890 г., по оффициальному исчислению, оно составляло 803.534 души или, в среднем, 38 жителей на квадратный километр: это крайне высокая пропорция для американской страны. При такой километрической плотности на долю Соединенных Штатов приходилось бы от 340 до 350 миллионов жителей.

Недавно Сальвадор доказал свою живучесть той легкостью, с какою совершился в нём экономический переворот. Ещё в недавнее время страна владела, так сказать, единственным продуктом для вывоза, к которому сводились все её доходы: это было индиго. Но европейская промышленность, имеющая теперь в своем распоряжении красильные вещества, извлекаемые из каменного угля, всё более и более игнорирует индиго, так что сальвадорские плантаторы вынуждены были бросить свою прежнюю культуру и заменить её новой.

Вывоз из Сальвадора до упадка индиговых плантаций, в 1865 г. был: индиго—на 12.000.000 франк.; других продуктов—на 1.140.200 франк.

В большинстве случаев индиго заменили кофе, известным некогда в торговле под названием «Коста-Рика», но теперь везде уже утвердившимся под своим настоящим названием; кроме того, сальвадорцы расширили плантации сахарного тростника, и все эти земледельческие реформы не только не поколебали благоденствия страны, но ещё повели за собою быстрый прогресс во всей производительности. Эксплоатация серебряных руд помогает отчасти расплачиваться за привозимый из-за границы товар, а именно: за ткани, железные и медные изделия, за муку и напитки. Торговля ведется почти исключительно прежде всего с Соединенными Штатами, затем с Великобританией, Францией и германскими портами.

Внешняя торговля Сальвадора в 1896 г.: ввоз—около 13.000.000, вывоз—около 10.000.000 доллар. Главные предметы экспорта: кофе—на 7.500.000, индиго—на 2.000.000, табаку—на 100.000 доллар.

Несмотря на свое незначительное территориальное пространство, Сальвадор снабжает Коста-Рику рисом, бобами, табаком и даже мануфактурными изделиями, как например, поясами или *rebozos*. В три порта, открытых для иностранной торговли, Акажутлу, ла-Либертад и ла-Унион, заходит ежегодно до восьми сот судов.

Развитию внутренней торговли значительно способствуют удобные колесные дороги, общая длина которых в 1889 г. равнялась 3.400 километрам; железных дорог в республике в 1897 г. было 117 километров. По озеру Илопанго ходит всего один пароход. Телеграфные и почтовые учреждения находятся, так сказать, ещё в зачаточном состоянии. В 1897 г. длина телеграфных проводов: 2.903, длина телефонов: 961 километр. Писем было переслано в 1897 г. около 1.600.000, так что на каждого жителя в год приходится только два письма. Однако, народное образование, по закону бесплатное и обязательное, делает большие успехи: в 1893 г. было 585 начальных школ, с 29.427 учащихся; кроме того, было 18 средних учебных заведений (из которых 2 нормальных и 3 технических школы), с 1.200 учениками, а 180 молодых людей слушали лекции в национальном университете. В 1893 г. выходило 13 периодических изданий.

Сальвадор стал отдельной и независимой республикой только с 1859 г. По конституции, часто изменявшейся, форма правления здесь представительная; но до сих пор это было чисто военное губернаторство, ограничиваемое инсуррекциями. В принципе законодательная власть принадлежит национальному собранию, состоящему из 42 членов, избираемых ежегодно народным голосованием, а исполнительная власть находится в руках президента, избираемого также народом, но всего на четыре года; президент уже сам назначает министерство, которое состоит из четырех государственных секретарей. Постоянное войско не превы-

шает численностью 4.000 человек, а милиция состоит из 18.000 человек; совокупность военных сил, действовавших недавно в Гватемале, состояла более, чем из 10.000 человек. Судебная власть сосредоточивается в ведении верховного суда, заседающего в Сан-Сальвадоре; вся территория делится на три судебных округа, Западный, Центральный и Восточный, с апелляционными судами, собирающимися в Санта-Ана, Кожутепеке и Сан-Мигуэле; каждый округ имеет свой суд первой инстанции, а каждый город или деревня—своего мирового судью.

Как и в большей части других американских стран, государственные доходы главным образом состоят из пошлин, взимаемых с иностранных товаров. Монополия на табак и водку составляет треть ежегодного бюджета. Что касается расходов, то военные силы республики поглощают всего лишь пятую часть их, что составляет весьма незначительную пропорцию в сравнении с теми огромными суммами, которые расходуются европейскими государствами на содержание войска и флота: Сальвадор больше расходует на народное образование и общественные работы, чем на содержание военных сил. Весь национальный долг немного менее общей суммы доходов за два года.

Бюджет 1898 г.: доходы—4.609.630; расходы—5.266.638 доллар. Национальный долг: внешний—726.420 фунт. стерл.; внутренний—около 8.000.000 доллар.

Во время испанского режима Сальвадор состоял из четырех провинций вице-королевства Гватемалы: Сонсонате, Сан-Сальвадора, Сан-Висенте и Сан-Мигуэля. В настоящее время республика делится на четырнадцать департаментов, управляемых губернаторами, назначаемыми исполнительной властью; департаменты, в свою очередь, подразделяются на округи. В 1889 г. число городов, возведенных в ранг ciudades, было—27, а число муниципалитетов—230.

Следующая таблица дает список департаментов и округов Сальвадора, с их пространством, общим населением в 1890 г. и муниципальным населением главных городов:

	Департаменты	Пространство в квадр. километр.	Население	Главные города округов	Городское население
Западные	Ахуачапам	1.100	37.880	Ахуачапам	11.720
				Атикизайя	7.730
	Санта-Ана	1.770	75.764	Санта-Ана	30.428
				Матапан	13.860
				Чалчуана	12.927
	Сонсосате	1.200	44.467	Сонсосате	8.600
				Изалько	8.968
Центральные	Ла-Либертад	1.150	49.956	Санта-Текла	13.715
				Опико	6.890
	Сан-Сальвадор	1.100	73.245	Сан-Сальвадор (97 г.)	50.000
				Апопа	6.630
				Санто-Томас	2.040
	Чалатенанго	1.700	54.790	Чалатенанго	5.980
				Тежутла	2.250
	Кускатлан	900	61.069	Кожутепек	7.950
				Сучитото	13.820
	Ла-Пац	1.200	38.340	Сакатеколука	5.210
				Олокуитла	3.170
	Сан-Висенте	1.200	39.370	Сан-Висенте	8.750
				Сан-Себастиан	4.630
Восточные	Кабаньяс	500	33.940	Сенсунтепек	9.450
				Илобаско	8.990
	Усулутан	1.700	39.300	Усулутан	6.856
				Улукуапа	4.500
	Сан-Мигуэль	1.800	59.207	Сан-Мигуэль	23.800
				Чинамека	8.460
	Моразан	1.200	37.270	Готера	2.200

	Департаменты	Пространство в квадр. километр.	Население	Главные города округов	Городское население
				Осикала	1.810
				Эль-Розарио	950
	Ла-Унион	1.200	39.620	Ла-Унион	2.880
				Санта-Роза	4.300
Итого		18.720	684.218		

По исчислению в конце 1894 г., пространство—21.070 кв. километр.; народонаселение—803.534 души.

IV. Гондурас

Название Гондурас напоминает времена открытия, когда кормчие, осторожно и неуверенно пробиравшиеся вдоль берегов, нашли *honduras*, или «глубокия места» в прибрежных водах внутри бухты. Первым исследователем этого края был Колумб, который в 1502 г. первый проник в эту часть Антильского моря и, подвергая свой флот страшному риску быть разбитым о береговые рифы, мели и подводные камни, обследовал целую половину береговой линии между двумя мысами, Пунта-де-Кахинас (Гондурас) и Грасиас-а Диос; эта прибрежная область была самой природой указана, как надежная якорная стоянка в таком опасном пространстве моря. Однако, не этому великому мореплавателю материк обязан своим названием, которое вполне оправдывают подводные рифы смежного моря: Бартоломе-де-лас-Казас в своем сочинении «Открытие Западной Индии испанцами», упоминая о стране «Hondure», говорит, что это имя её—туземного происхождения. Двадцать два года после Колумба, когда Фернанд Кортес совершил свою удивительную экспедицию в Гондурас, эта область была известна у испанцев под именем «страны Тыкв», Хибуерас или Хигуерас. В воспоминание об Испании её называли также «Новой Эстремадурой».

Территория Гондураса, бывшая вначале одной из провинций вице-королевства Гватемалы, после трех веков колониальной зависимости, отделилась вместе со всей Центральной Америкой от своей метрополии и в настоящее время представляет одну из пяти родственных республик. С первого взгляда казалось бы, что её завидное положение в центре области Перешейков, прекрасные порты, которыми она обладает на обоих морях, здоровый климат и в то же время вполне доступные плоскогорья должны были обеспечить ей первенствующее место среди государств Средней Америки; в действительности же Гондурас далеко не занимает первого места среди пяти союзных республик, и прогрессивное развитие его идет гораздо медленнее, чем в этих странах. Такая отсталость обусловливается главных образом самими этими преимуществами его. Во время испанского режима его порты и плантации его атлантического берега привлекали пиратов, которые мало-по-малу совершенно опустошали береговые местности; другое же побережье Гондураса—со стороны Великого океана, хотя и не подвергалось таким опасностям, но оно слишком незначительно по своему пространству. Теперь страна снова заселяется, но плотность населения пока ещё не превышает 3-х человек на квадратный километр.

Конфигурация Гондураса представляет совершенную противоположность Гватемале: оба государства расположены треугольником, но одно из них имеет основанием побережье Великого океана, а вершиной—узкую прибрежную полосу на бухте Атлантического океана, тогда как другое широко раскинулось вдоль берега этого последнего океана и оканчивается в Южном море узкою цепью полуостровов и островков, занимающих глубину залива. Впрочем, границы этого государства, почти на всём своем протяжении, обозначены не геометрическими, чисто условными линиями, но естественными чертами, т.е. реками и горами. С северо-западной стороны страна отделена от Гватемалы извилистой границей, которая, правда, присвояет Гондурасу гватемальскую долину реки Копана, но которая, в общем, совпадает с

гребнями гор Мерендон, Эспириту-Санто и Грита, и оканчивается течением небольшой реки Тинто, впадающей в одну из второстепенных бухт Гондурасского залива. Общую границу Гондураса и Сальвадора образует в особенности течение рек Сумпула, Лемпы, Торола и Гоаскорана; наконец, со стороны Никарагуа, граница отмечена, на покатости бухты Фонсека, небольшой рекой Негро; затем, значительный массив гор, кордильера Дипильто, составляет в одно и то же время и политический рубеж, и водораздел между бассейном Чолутеки, впадающей в Южное море, и бассейном Окатала, текущего, через реку Сеговию, в Атлантический океан. Эта последняя река считается обыкновенно принадлежащею одновременно обеим пограничным республикам; между тем владения Гондураса во время испанского правления доходили только до реки Патука, и международная коммиссия, созванная в 1870 г., предложила в качестве границы линию, которая бы начиналась у хребта Дипильто, проходила по раздельному гребню рек Патукан и Сеговия и оканчивалась у кабо-Фальсо, или «Ложного Мыса», между лагуной Каратаска и «настоящим мысом» Грасиас-а-Диос[1]. Но этот проект не был утвержден конгрессами республик.

Внутренняя часть Гондураса, вдали от городов и проезжих дорог, ещё очень мало исследована, так что предстоит немало открытий в этом районе. В общем можно сказать, что страна эта, разделенная на два очень неравных склона хребтом *Сиерра-Мадре*, тянется параллельно прибрежью Великого океана, на расстоянии, в среднем, около ста километров от моря. Эта «главная цепь» гораздо круче с южной стороны, обращенной к Великому океану, чем с противоположной, обращенной к Антильскому морю: южную покатость можно скорее принять за склон плоскогорья, разрезанного реками на отдельные массивы; к тому же она очень неравномерна и, хотя издали имеет вид сплошного вала, но, в действительности, прерывается, если не брешами, то по крайней мере глубокими седловинами. На западе, около границы Гватемалы, она отделяется от массива Мерендона под названием сиерры Пакайя (2.000 метров) и, постепенно повышаясь, образует другой горный узел, сиерру Селаке, вокруг которого текущие воды расходятся по всем направлениям: здесь-то, по всей вероятности, и находятся самые высокие вершины Гондураса, поднимающиеся выше 3.000 метров. После того рельеф понижается и образует кривую линию, затем снова возвышается по направлению с запада на восток и образует горы Опалака и сиерра-де-Сан-Жуан. На оконечности этой цепи открывается большая соединительная долина между двумя речными склонами—рио-Гумуйи на севере и рио-Гоаскорана на юге: гребень раздела обозначен только незначительными порогами, проходами Гуажока (696 метров) и Ранчо-Чикито (726 метров), где уже проложена колесная дорога и предполагается соорудить железную, которая пойдет по легкому пути без туннелей. Горные породы третичной формации, которая лежит здесь на базизе ещё более древнего происхождения, напоминают о существовании одного из тех проливов, которые соединяли два моря в эпоху, когда Центральная Америка представляла собою ряд островов, а не сплошной перешеек.

С другой стороны порогов главная цепь тянется под названием сиерра-Лепатерик. Она скоро раздваивается: северный отрог соединяется с горами, направляющимися к северо-востоку, чтобы окончиться мысом Грасиас-а-Диос, тогда как южный, называемый сиерра-де-Уле, или «Гора Каучука», направляется к юго-востоку и входит в Никарагуа, где и образует главную ось; однако, около границы он прорезан глубоким оврагом, по которому протекает река Чолутека, данник Великого океана. На материке Гондураса нет и следов той цепи вулканов, которая проходит по Сальвадору и Никарагуа между Сиерра-Мадре и океаническим побережьем; но она снова появляется на Гондурасских островах в бухте Фонсека; незначительное повышение морского дна связало бы эти острова с континентом, и, вероятно, в ближайшем будущем самый обширный из них, Сакате-Гранде, будет соединен с берегом посредством железно-дорожного виадука. Базальтовые питоны Сакате-Гранде, возвышающиеся на 600 метров над уровнем моря, покрыты *sacate*, на которых пасутся тысячи голов скота; по окончании сезона засухи эти луга сжигают, чтобы на пастбищах выросла новая, ещё бо-

1 Paul Levy, „Nicaragua“;—Desire Pector, рукописные заметки.

лее нежная трава. Остров Тигра, расположенный южнее, вздымает свою правильную круглую вершину из древней лавы на 789 метров высоты.

Горы атлантического склона не представляют собою уединенных пиков, подобно вулканическим утесам Сакате и Тигра; они принадлежат к отрогам Сиерра-Мадре. На западе массив Мерендон выдвигает к северо-западу, между Гватемальской долиной Мотагуа и Гондурасской долиной Чамеликон, длинный хребет Эспириту-Санто и кряж Грита, средняя высота которых превышает 2.000 метров. Горы Омоа, образующие конечную границу по соседству с заливом и портом того же названия, достигают, может-быть, 3.000 метров; эти пики—одни из самых высоких в Гондурасе и имеют тем более грандиозный вид, что все целиком видны с моря вместе со своим поясом лесов, состоящих из различных древесных пород. Другая цепь, северный отрог гор Опалака, оканчивается громадным, почти изолированным массивом, горой Пука, окруженной со всех сторон реками. Горы Сан-Жуан, возвышающиеся над долиной, где проходит междуокеаническая дорога, тоже продолжаются к северу—горами Монтецилло и сиеррою Канчиа, стоящими как раз против гор Камаягуа, расположенных на востоке, с другой стороны долины. Горы Лепатерик соединяются на востоке с сиеррою-де-Чиле, составляющею центральный узел, откуда цепи, разделенные глубокими долинами, расходятся в разные стороны. Наконец, границею раздела между Гондурасом и Никарагуа служит важнейший из горных хребтов, кордилльера Дипильто, идущий до самого угла континента между двумя прямолинейными берегами Гондураса и Москитии. Другой хребет, называемый Мисоко, направляется прямо к северо-востоку, и очень может быть, что гора Пайя (1.130 метров), возвышающаяся около мыса Камарон, на берегу Атлантического океана, принадлежит к отрогам этих гор. Массивы Сулако и Пижа, стоящие в центре страны, на цоколе высоких земель, имеющих по крайней мере 1.000 метров высоты над уровнем моря, тоже связаны с узлом Чиле; их вершины не были измерены, но мореплаватели определили приблизительно высоту питонов Конгрехой, которые ограничивают с северной стороны край Гондурасского плоскогорья и образуют как бы отдельную цепь, параллельную островам, называемым «Острова бухты». Самая высокая вершина в цепи Конгрехой достигает 2.450 метров. Некоторые из внутренних гор называли вулканами, но это не доказано, так как никто не видел их извержений и ни один геолог не поднимался на них. Такова, среди этих мнимых вулканов, гора Теапасими (900 метров), которая находится в кордилльере Дипильто, почти на половине расстояния между двумя морями; таковы также вершины Гуаймака и Бокерон в горной цепи Мисоко[1].

Гондурас, получающий со стороны Атлантического океана обильное количество дождей, изрезан многочисленными водными потоками, и в этой стране совсем нет закрытых бассейнов, где бы терялись реки, как это наблюдается в Мексике и Гватемале. На западе, первой большой рекой является Чамеликон, называемый также Чамлико; он берет начало в горах Мерендон и течет параллельно гватемальской реке Мотагуа, от которой его отделяют горные цепи Эспириту-Санто и Грита: пройдя расстояние более 250 километров, на котором его перерезывают многочисленные пороги, Чамеликан оканчивается дельтой, один рукав которой изливается в лагуну Пуерто-Кабальос, тогда как другой, чтобы достигнуть моря, огибает изолированный конус в 194 метра высоты. Бассейн Чамеликона, стиснутый горами,—слишком незначительной ширины, чтобы принимать в себя большие притоки; его самого можно считать за приток большой реки Улуа, так как всё его нижнее течение, на протяжении пятидесяти километров, проходит параллельно этой реке, по той же низкой долине, и, прорыв небольшой канал в наносных землях, легко было бы соединить обе эти реки; образующиеся во время половодья заливчики и временные потоки смешивают между собою эти два речных бассейна. И без Чамеликона Улуа представляет собою самую большую реку Гондураса: его приемный бассейн, занимающий около трети страны, захватывает на юге обширное пространство, начиная от гор Мерендон до оор Чиле: с запада в неё впадают Сант-Яго, или Вен-

1 Stieler's Hand-Atlas, Petermann's West Indien. № 82; Carte marine anglaise. West-India. Islands and Caribbean Sea. Sheet III.

та, усиливаемая рекою Санта-Барбара и различными истоками большого озера Иожоа; с юга, с порога Комаягуа, течет Гумуйя, которая может считаться главной ветвью, если не по своей водной массе, то по общему направлению долины; с востока впадает Сулако.

Озеро Иожоа или Таулебе, излишек вод которого изливается в Улуа, делая её таким образом величественной рекой, имеет конфигурацию горной долины и изгибается в виде полумесяца с юга на север: это—*bolson*, или «мешок», подобный многим другим долинам высоких гондурасских областей, окруженный со всех сторон известковыми скалами. Другие больсоны Гондураса уже опорожнились, но озеро Иожоа продолжает существовать. Эдвардс считает его очень глубоким, тогда как, по сведениям других исследователей, оно имеет в самой середине всего 6—7 метров глубины[1]; во всяком случае уровень воды значительно колеблется и показывает большую разницу между зимним и сухим сезонами. В сухое время года Иожоа не имеет видимого истока; но с повышением уровня дождевою водою, из его юго-восточной оконечности выходит река Жаитике, впадающая в реку Санта-Барбара. Но это ещё не всё: другие истоки ниспадают в *pozos*, глубокия ямы прибрежных равнин, и пройдя под пластами известняка соседних скал, выходят с другой стороны на поверхность в виде ручьев, которые впадают в Санта-Барбару. По словам Стантона и Эдвардса, кроме Жаитика, существует ещё не менее девяти других подземных потоков, уносящих в море посредством реки Улуа излишек вод, скопляющихся в озере Иожоа в сезон дождей[2]. Расположенное на высоте слишком 600 метров, озеро это лишь с большим трудом могло бы быть связано с общею навигационною сетью, но всё низовье Улуа судоходно для барок и небольших пароходов; во время половодья они могли бы подниматься даже до места слияния её с Сулако. При устье, выдвигающемся далеко в море между двумя наносными губами, Улуа имеет на баре не более метра воды, и морские суда должны бросать якорь в открытом море; одни только барки могут доходить до лесных пристаней, устроенных выше порогов. Во время *nortes*, т.е. северных ветров, суда подвергаются большим опасностям.

К востоку от Улуа и широкой низкой равнины Сула, которая, повидимому, есть не что иное, как засыпанный залив, с гор Конгрехой сбегает несколько маленьких речек: более или менее значительные потоки снова появляются лишь за мысом Гондурас, или Пунта-Кахинас, открытым ещё Колумбом. Река Агуан, или рио-Ромона, изливается в море посредством двух рукавов, более доступных, чем Улуа, но всегда опасных. Эта река, пересекающая одну из лесистых областей Гондураса, изобилующих золотоносным песком, имеет, как говорят, 200 километров длины, но количеством катимой воды она уступает реке Патука, многочисленные притоки которой, получающие начало в горах Мисоко и Чиле, соединяются выше грозного ущелья, называемого Портал-дель-Инфиерно, т.е. «Врата Ада»; по рассказам первых мореплавателей, этот портал действительно был естественной аркой, имеющей около 500 метров длины. Стиснутая в этом ущельи река представляет большие затруднения для подъема вверх, вследствие слишком сильного течения и *chiflones* или водоворотов, которые крутят воду. Но всё-таки она судоходна до бара, который представляет те же опасности, как и другие пороги речных устьев Гондураса; впрочем, в сезон дождей на нём бывает от 2 с половиною до трех метров глубины. Обильные наносы рио-Патука, желтящие морскую воду на далекое расстояние, образовали у самого устья реки длинную стрелку; но направо и налево прежния морские пространства остались заключенными в пределах прибрежных кордонов и образуют в настоящее время большие, но мелкие береговые лагуны, сообщающиеся с морем посредством протоков, куда проникает слабый прилив залива. К западу тянется лагуна Брус, (Брюэр), а к востоку—Каратаска или Картаго, более значительная лагуна, в центре которой бывает до 5 метров глубины. Берег её продолжается саваннами, усеянными сосновыми и другими рощами; можно подумать, что находишься в каком-нибудь английском парке. За Каратаской берег изгибается к юго-западу, а затем к югу: угол континента образуют мыс Грасиас-а-Диос и устье реки Сеговии.

1 H. Polakowsky, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“. 1889 г.

2 E. G. Squier, „Petermann's Mittheilungen”. 1859 г. Тетрадь V.

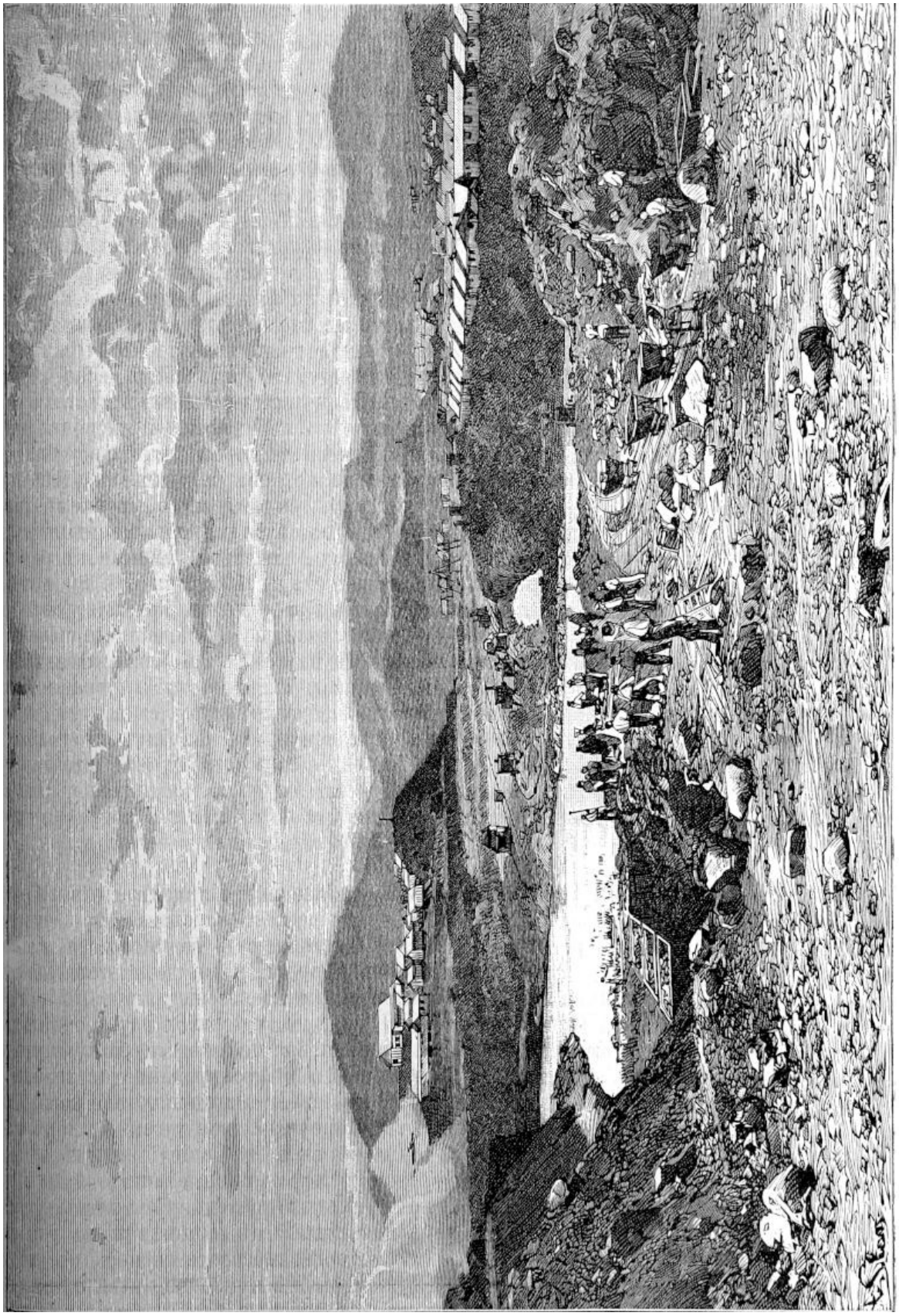
Всё Атлантическое побережье Гондураса омывается доступными для судоходства водами, хотя близ материка толщина водной массы не превышает 100 метров. Подводный обрыв, где лот опускается почти сразу со 100 на 1.000 метров, тянется вдоль берега почти в 30 километрах среднего расстояния, и на этом подводном цоколе лежат банки, рифы и даже островки. За мысом Камарон, это плоскогорье каменных подводных рифов быстро отдаляется от берегов и охватывает обширную мель Москитии или Москито-Банк, которая выступает в открытое море более, чем на 200 километров, по направлению к Ямайке. Это подводное плоскогорье, глубина воды на котором, в среднем, около 40 метров, представляет, к востоку от Гондураса и Никарагуа, ту же формацию, какую имеет подводная терраса Юкатана. Это тоже обширное известняковое плато, где цепью или архипелагом тянутся коралловые группы, о которые разбивается морской прибой.

Только одно из этих образований мели Москито заслуживает название острова, именно Утила, которая в то же время составляет часть архипелага, носящего специальное название Ислас-де-ла-Бахиа или Бай-Айлендс. Утила, занимающая западную оконечность этого кораллового архипелага, находится как раз на краю банки, где глубина воды сразу меняется: её северный берег очень крутой, и лот опускается там более, чем на 400 метров, тогда как на юге пролив, находящийся между островом и материком, усеян каменными подводными рифами и в самом глубоком месте имеет не более 55 метров. Что касается до других островов, Роатан, Елена, Барбарета или Борбурата и Бонака, расположенных на одной линии по направлению с запада-юго-запада к востоко-северо-востоку, то они все лежат на открытом море: в десяти километрах на северо-запад от Роатана глубина достигает уже 3.485 метров; южнее —глубина около тысячи метров. Роатан, самый значительный из многочисленных островов этого побережья, имеет 50 километров длины, и продолжением его служат два островка, Елена и Барбарета, стоящие на том же коралловом цоколе; но всё это островное пространство очень узко, не более одного или двух километров в местах сужения острова. Однако Роатан, подробная карта которого существовала уже у английских пиратов XVII века, не риф, выступивший с морского дна; на нём находится несколько холмов, и один из них, около западной оконечности, достигает 244 метров. Самый же дальний от берега остров, лежащий совсем в открытом море, Бонака, называемый также Гуаная,—наиболее крутой; гранитная скала, возвышающаяся в средине острова, имеет 360 метров высоты; она покрыта сосновым лесом, где водятся кабаны; благодаря этим дремучим лесам, Колумб назвал Бонаку Исла-де-Пинос («Сосновый остров»); теперь это название осталось за большим кубанским островом, лежащим в южной части залива Батабоно.

Самыми многоводными реками южного склона Гондураса являются Гоаскоран, низовье которого служит границей с Сальвадором, и Чолутека, весь бассейн которой принадлежит Гондурасской республике. Чолутека, более обильная из этих двух рек, берет начало на северном склоне гор Лепатерик и описывает большую дугу к северу от главной цепи; затем пересекает горный хребет целым рядом ущелий и, вступив в равнины, окаймляющие берег Великого океана, вливается широким лиманом в бухту Фонсека. Туземные суда ходят вверх по реке во всех частях её течения, которое поддерживается водами морского прилива.

Бухта или, скорее, залив, которому Жиль Гонзалес-де-Авила дал в 1522 г., название Фонсека в честь грозного прелата, преследовавшего Кортеса своим гневом, представляет собою обширный бассейн площадью слишком в 2.000 квадратных километров; вход в залив между двумя внешними оконечностями—Косегуиною и Амапалою, имеет 37 километров ширины. Из четырех проливов, по которым суда входят внутрь бухты, самый узкий, находящийся между вулканическими вершинами Кончагуа и Кончагуита, имеет более 3 километров, и средняя глубина его достигает почти 12 метров. Следующий проход, с восточной стороны, имеет 20 метров глубины, а два широких восточных пролива, с обеих сторон подводных рифов Фаральонес, ещё глубже. Внутри этих входов, отмеченных ещё издали вулканическими конусами, расстилается обширный бассейн, изрезанный прибрежными бухточками и извилистыми рейдами его островов и увенчанный правильным конусом Изола-дель-Тигре.

Второстепенные бухты разветвляются внутри континента, и две самые большие из них, на юго-востоке—Эстеро-Реаль в Никарагуа, а на северо-западе—де-ла-Унион в Сальвадоре, ориентированы совершенно так же, как главная цепь, ось вулканов и побережье Великого

Панамскій пейзажъ.

океана: очевидно, бассейн Фонсека составляет часть той длинной впадины, которая разделяет две кордильеры—срединную и береговую вулканическую. На северо-западе, длинные долины рек Лемпы и Торолы обозначают сгибы земной коры; на юго-востоке, два озера, Мана-

гуа и Никарагуа, лежат на продолжении той же долины; наконец, в центре, бухта Фонсека была, по всей вероятности, тоже озером[1]; но если верно то, что вулканическия силы воздвигли некогда на этом месте вал из лавы и обломков, то можно предположить, что эта стена, состоявшая главным образом из пепла, в конце концов уступила напору океанских волн. Такова, какова она есть теперь, бухта Фонсека недостаточно глубока для того, чтобы её можно было считать рукавом Великого океана, врезавшимся в материк; это просто трещина почвы, заполненная водою, достаточной глубины, чтобы пропускать суда средней осадки, хотя толщина водной массы нигде не превышает 20 метров. Нужно уплыть по крайней мере на 100 километров в открытое море, чтобы достигнуть тех морских пространств, где лот показывает 200 метров глубины.

Значительная высота Гондураса, представляющего совокупность плоскогорий, склонов и долин, по крайней мере, в 1.000 метров высоты, сильно умеряет климат; но в низких местностях побережья он очень жаркий и вредный для всех других жителей, кроме «чернокожих» караибов. Особенно нездорова местность по берегам Атлантического океана, по причине большого количества дождей, которое приносят сюда пассатные ветры, насыщенные парами. Средняя температура в атлантических портах Гондураса колеблется между 24 и 28 градусами по стоградусному термометру, тогда как внутри страны, в городе Комаягуа, стоящем на высоте 610 метров, термометр показывает годовую температуру на 2 или на 3 градуса ниже; в Тегусигальпе, столице, лежащей на высоте 1.032 метра над уровнем моря, средняя температура равняется приблизительно 20 градусам, а в зимние месяцы температура настолько понижается, что туземцы даже жалуются на стужу. Впрочем, прибрежные жители страдают также в декабре и январе, когда сильные северные ветры дуют со стороны Соединенных Штатов через Юкатанский пролив, и когда термометр показывает всего 16—17 градусов.

Годовая температура при устье рио-Негро (15°55’ северной широты):

Крайний холод: 16°,66; крайняя жара: 30°; средняя: 24° (Томас Юнг; Сквайр). По Сквайру, слой дождевой воды, выпадающей на склоне гор, обращенных к Атлантическому океану, достигает почти 3 метров.

Флора и фауна Центральной Америки почти совершенно такия же, как на Тегуантепекском и Дариенском перешейках, с небольшою разницею только в подробностях; но местами наблюдаются резкие переходы от вида к виду, и в некоторых областях второстепенные границы между различными органическими формами очень многочисленны. Особенно это заметно в средней части Гондураса. С первого взгляда кажется, что главные линии раздела между различными поясами флоры и фауны должны бы совпадать с местами сужения перешейков и с речными долинами, а главным образом с впадиной, где находится озеро Никарагуа, и откуда вытекает рио-Сан-Жуан. Но на самом деле это не так. Преграда, поставленная узким интервалом в несколько сот метров между лесами Коста-Рика и Никарагуа, недостаточна для того, чтобы мешать распространению растительных и животных видов. Настоящая граница находится гораздо севернее и как раз в одном из самых широких мест Центральной Америки, там, где леса Москитии и по рио-Сеговия уступают место саваннам и травяным горам внутреннего Гондураса: долины Хумуйя и Гоаскорана с промежуточным порогом представляют естественную линию раздела; по ту и другую сторону флора и фауна разнообразием своих форм представляют разительные контрасты[2]. Одно из характеристических деревьев Гондураса составляет сосна, которую встречают во всех высоких местах страны и даже на обоих склонах почти до самого соседства с морем, на берегу Великого океана; однако, она не растет здесь ниже 400 метров высоты над уровнем моря, тогда как на склонах, обращенных к Атлантическому океану, а именно в равнине Сулы, она попадается на высоте 80 метров; а вдоль рек и ручьев Трухильо она даже усеивает саванны, на подобие деревьев в английском

1 Squier, цитированное сочинение.

2 Salvin, Ibis, июнь, 1872 г.; Thomas-Belt, „The Naturalist in Nicaragua”;—Hemsley, „Biologia centrali-americana”.

парке[1]. В этих лесах гнездятся мириады ласточек. На утренней заре они спиралеобразно вьются в воздухе такими густыми массами, что походят на столбы дыма, а по вечерам они шумно, подобно урагану, спускаются снова на деревья. По словам Сквайра, в горах Мерендона попадается ещё редкая птица—кезаль.

По более или менее приблизительной статистике гондурасского населения, три четверти жителей составляют ладиносы, и главный процент прироста падает на этот элемент испанских метисов: чистокровные индейцы или, вернее, те, которые живут отдельными становищами, или по соседству с культурным населением, или изолированно в горах, не достигают своею численностью даже 70-ти тысяч. Впрочем, все туземцы, как «прирученные», так и «дикие», живут в мире со своими испанскими властителями и признают их авторитет. Совместные работы на плантациях, в портах и на дорогах, а также торговля золотым песком, лесом, продуктами охоты и рыбной ловли, с каждым годом всё более и более сближают между собою некогда враждебные расы и способствуют образованию из них одного народа. Во время прибытия испанцев гондурасские туземцы оказали, при большой храбрости, самое упорное сопротивление; по крайней мере внутри страны они не были искоренены, тогда как на морском побережье и на берегах судоходных рек пираты, как известно, похищали жителей, чтобы продавать их в качестве рабов на плантации Антильских островов, где все они были обречены на гибель.

В западной части республики живут индейцы, говорящие на том же языке, как и племена Гватемалы: таковы Копанские хорти, родственные покоманам и, подобно им, принадлежащие к майяскому племени; самые замечательные в Гондурасе доисторические развалины были найдены на их территории, и предполагают, что строителями этих зданий были предки индейцев, живущих ещё и по сейчас в стране. Весьма возможно, что хорти, по цивилизации, не уступали ацтекам и майя, но другие туземцы Гондураса не оставили после себя подобных памятников; известно, по крайней мере, что все они были земледельцами и знали разнообразные ремесла. Различные географические имена ацтекского происхождения, применяемые к местностям Южного Гондураса, свидетельствуют о том, что мексиканский язык считался в этой стране по преимуществу наречием людей цивилизованных. Туземцы Гондураса известны теперь под общим названием ленка. Деревни, населенные исключительно ими, рассеяны по всей центральной части плоскогорья, даже около обеих столиц— Комаягуя и Тегусигальпы. Ксикаки или ксикакосы, пайя и тоака северного склона и берегов Атлантического океана принадлежат к тому же племени.

Наружностью они все похожи между собою: коренастые, небольшого роста, но обладающие огромной силой и выносливостью в ходьбе и переноске тяжестей, они в общем ещё характернее мексиканцев служат прототипом покорной кротости и меланхолической доброты. Самые надменные из них—тоака, живущие на верхних притоках реки Патуки и занимающиеся строением легких и крепких *пипантесов* из кедрового дерева, употребляемых для плавания по этой быстрой и опасной реке; тоакские ткачи очень искусны в изготовлении различных тканей, как из хлопка, так и из шелка-сырца, смешанного с птичьим пухом. Они говорят на особом языке, отличном от наречия других ленка. У ксикаков тоже есть свой собственный идиом; это почти пятитысячное население держится в стороне от белых и поддерживает сношения с ними лишь чрез посредство кациков; но иногда кацикам удается привлекать эти племена к земледельческим работам у иностранных плантаторов[2]. Пайя или пойя на рио-Негро, живущие по соседству с мысом Камарон, сохранили ещё патриархальные нравы; подобно пуэблосам Соединенных Штатов, они живут в больших общинных домах, овальной формы, имеющих около 25 метров длины, при 10 метрах ширины, где каждому семейству отводится отдельное помещение; в конце жилища находится особое отделение, отгороженное завесою из зеленых ветвей, которое предназначается для больных женщин

1 G. Squier, „Notes on Central America".

2 Edwards;—E. G. Squier, „Nouvelles Annales des Voyages", ноябрь, 1858 г.

или родильниц[1]. Из смеси маниоковой муки с маисом пойя приготовляют крепкий напиток. Они называют себя католиками, подобно другим индейцам Гондураса, но эта религия является у них лишь актом подчинения господствующей расе белых, или *cristianos*.

После истребления или оттеснения внутрь страны индейцев, живших на побережье, преобладающею расою на берегах Гондураса сделались негры. Рассказывают, что в начале XVII века у мыса Грасиас-а-Диос потерпело крушение одно большое судно, торговавшее невольниками, и те негры, которым удалось спастись от крушения, основали здесь небольшую независимую республику. Впоследствии к ним присоединились беглые негры с Ямайки и других Антильских островов; затем английские плантаторы привезли сюда рабов и основали деревни, в надежде завоевать страну; первые резиденты—свободные негры, служили им в качестве охотников для ловли других людей или для обложения их налогами. Это население черных эмигрантов, через смешение с другими расами, постепенно преобразованное, состояло в конце прошлого столетия из одних только *sambos* или метисов, происшедших от смешения негров с индейцами. Особенно много их было по берегам нижней Патуки и в соседних саваннах лагуны Брус и Каратаски; однако новое нашествие оттеснило почти всех их в Никарагуа, на берега Москитии.

Завладетели были тоже изгнанники: в этой непрерывной борьбе народов и рас чернокожие были привозимы с африканской территории, также как караибы принуждены были покинуть свой родной Антильский остров Сент-Винцент. Чтобы освободить землю для белых, явившихся сюда в сопровождении порабощенных негров, пять тысяч караибов были посажены, в 1796 г., на английские суда и отвезены на берег Роатана, главного острова Гондурасской бухты. Предполагали, что эта массовая высылка целого народа неизбежно приведет к искоренению караибской расы; но, напротив, после первых затруднений изгнания новые резиденты вполне освоились с тою местностью, где им приходилось жить: многие из них остались на Роатане, где стали заниматься рыболовством и садоводством, другие поселились на западных островах архипелага, но большинство из них приняло предложение испанского правительства переселиться на материк Гондураса, где им отвели земли в окрестностях Трухильо. Понемногу преобладающим населением не только на островах залива, но и на всём Гондурасском и Гватемальском побережье, а также и во всей южной части Британского Гондураса, сделались караибы, потомки изгнанников с о. Сент-Винцента. Их насчитывают до двадцати тысяч. Они заместили здесь индейцев, увезенных работорговцами, и на них возлагаются все надежды по развитию местной промышленности: будучи по преимуществу земледельцами и садоводами, они занимаются, кроме того, рубкой в лесах красного дерева и сплавлением его по рекам, рыболовством, судостроением, перевозкою товаров, а также торговой агентурой по сношениям с иностранными негоциантами. Многие из них имеют сахарные и табачные плантации и являются инициаторами местных промыслов.

Большинство сент-винцентских изгнанников были «черные караибы», т.е. уже смешанные с африканским элементом, и со времени их пребывания в Гондурасе помесь выразилась ещё резче. Разнородные помеси, а также разность занятий и среды породили большие отклонения от первоначального типа; но в общем эти «черные индейцы» отличаются высоким ростом, хорошим сложением, замечательной мускульной силой, необыкновенной ловкостью и деятельностью в работе. Подобно всем креолам Антильских островов, они любят наряжаться и очень чистоплотны, как по отношению к самим себе, так и в домашнем обиходе: не только их жилища, но и улицы в деревнях поражают своей чистотой; во многих местах свиньи держатся в очень далеком расстоянии от плантации и домов, чтобы по соседству не было никакой грязи; оттого караибские деревни, расположенные обыкновенно на мысах и открытые морским бризам, представляют местности гораздо более здоровые, сравнительно с ладиносскими *пуэблосами*. По словам Сквайра и Мореле, караибы обладают даже качеством, отсутствующим у большинства цветных людей: они предусмотрительны и заботятся о будущем в виду попечения, которое они должны иметь о своих старых родителях и о своем многочис-

1 Thomas Young;—E. G. Squier, „The States of Central America".

ленном потомстве.

Почти все караибы говорят более или менее хорошо на трех языках: на идиоме своих предков с Антильских островов, по-английски и по-испански, и можно предсказать, что не далеко то время, когда их родной язык совсем выйдет из употребления. Караибы постепенно смешиваются с европейскими окрестными жителями; но всё-таки есть ещё немало гондурасских караибов, которые, выдавая себя за *cristianos* и католиков, сохраняют нравы языческой эпохи, где странным образом смешиваются прерогативы мужчины и женщины. Мужчина имеет право брать себе несколько жен, но с обязательством обеспечить каждую из них домом и садом и обращаться со всеми одинаково. Поселившись в своем домике, женщина считается полной его собственницей; продукты её сада принадлежат исключительно ей, и она может продавать их на рынке в свою пользу. Если муж прислуживает своей жене в качестве носильщика или перевозчика, то труд его оплачивается наравне с трудом других рабочих[1]. Но тот же муж, состоящий работником у своей жены, ни за что не согласится нести какую-нибудь ношу, когда идет в сопровождении жены: эта работа возлагается на неё, так как считается эмблемой женской порабощенности.

На атлантическом берегу Гондураса самыми многочисленными среди белых или метисов европейского происхождения являются англичане, и их язык, в более или менее искаженной форме, преобладает во многих местах. Это преобладание британского элемента объясняется отчасти соседством Белизе; но оно происходит также и оттого, что в течение более полутора века английское правительство несколько раз пыталось завладеть этой частью испано-американской территории, посылая туда своих солдат и колонистов. В прошлом столетии ямайские пираты овладели долиною рио-Негро (Тинто) или Пайя, устроили там плантации и лагерную стоянку, защитив их крепостью, которую им пришлось очистить в 1783 г., в силу Версальского трактата; но они делали неоднократные попытки вернуться туда, как вернулись в Белизе. Будучи хозяевами островов залива, на которые они сослали караибов, они говорили о Роатане как о «Новом Гибралтаре», как о «Ключе к испанской Америке»; и этот опорный пункт должен был служить английским спекуляторам для попыток к завоеванию материка. В 1819 г. сэр Грегор Мак-Грегор, сделавшись «милостью Божией и волею народа» пайякским кациком, поселился на рио-Негро и основал там мнимое королевство, охватывавшее значительную часть Гондураса и Никарагуа. В 1839 г., одна английская компания, заместившая этого шотландского кацика, пыталась присвоить себе атлантический склон Гондураса, основав там новую провинцию «Викторию», каких впоследствии появилось много в колониальных владениях Англии; город Форт-Веллингтон, столица территории, был основан против островов залива. Нашествия англичан на материк и фиктивное властвование Великобритании на островах прекратились лишь в 1850 г. вследствие вмешательства Соединенных Штатов. Эти спорные владения были возвращены Гондурасской республике.

Самый западный департамент республики—Копайский, который, по своему географическому положению, должен бы принадлежать Гватемале, потому что его воды текут отчасти чрез Гуалан в реку Мотагуа. Город Копан, давший свое название этому административному делению, не будучи, однако, его столицей, прославился своими развалинами различных памятников из эпохи, предшествовавшей завоеванию. Об этих развалинах давно уже имелись указания в смутных рассказах туземцев, и в 1576 г. Паласио описал их в своем рапорте Филиппу II; потом о них забыли, и только в нынешнем столетии они были снова посещены и описаны, прежде всего Галиндо[2], а затем Стефенсом и Катервудом. Главное здание, расположенное на самом берегу реки Копана, в расстоянии 1.200 метров на восток от местечка, имеет 20, даже 32 метра высоты и 190 метров длины. Очевидно, речной поток переменил свое русло; протекая некогда южнее, он направился впоследствии к основанию здания, камен-

1 Young;—Morelet;—Squier, цитированные сочинения.

2 „Bulletin de la Societe de Geographie". 1836.

ный фундамент которого он прорезал в форме утеса[1]. Из расщелин растут деревья, гребень стены весь покрыт листвой; сквозь брешь, от которой этот монумент и получил свое испанское название Вентанас, или «Окна», виднеется густой лес, покрывающий паперть и дворы древнего храма. Другие стены ограды, более неправильные, чем стена со стороны берега, фланкированы пирамидами и прерываются широкими лестницами, плиты которых приподняты и опрокинуты корнями деревьев. Многочисленные идолы также были передвинуты или даже полузакрыты густой растительностью: они представляют собою монолиты из песчаника, изваянные с таким обилием деталей, подобное которому можно встретить разве только у художников индусских храмов. Средняя фигура, колоссальных размеров и моделированная очень тщательно, изображает человеческое существо с сложенными на груди руками; вокруг этой центральной фигуры теснятся всевозможные барельефы, орнаменты, символы и иероглифы, мало отличающиеся по форме от украшений на майяских монументах. Большие камни, которым дали название алтарей, орнаментированы в большинстве случаев менее обильно, чем вертикальные стэли идолов, но что делает их более любопытными, это—тип, воспроизведенный на большинстве изваяний: он имеет удивительное сходство с фигурами, украшающими храмы Табаско и Юкатана: те же высокие головы, с выступающими челюстями и откинутым назад лбом[2]. Ещё замечательнее полусферический жертвенник, которого Галиндо и Катервуд дали неполное изображение, но о котором теперь имеются более обстоятельные сведения, благодаря одному французскому офицеру, посетившему эти места в 1884 г. Это *таи-ки*, один из самых почитаемых у китайцев символов, тот, в котором они видят «великое начало всего», «полюс мира», соединение силы и материи, принцип вечности[3]. Совокупность копанских развалин, составлявших, очевидно, центр цивилизации области Перешейков, покрывает, вдоль реки, пространство в несколько километров; на вершине одной горы в 600 метров, возвышающейся с другой стороны рио-Копана, тоже находятся развалины, а в окрестных каменоломнях валяются огромные глыбы, которые должны были служить для новых сооружений. Деревня Качапа, находящаяся в 12 километрах выше Копана, тоже занимает местоположение разрушенного города.

Высокая долина Сенсенти, окруженная амфитеатром гор, Мерендон, Пакайя и Селаке, представляет чудную равнину, высота которой над уровнем моря исчислена Сквайром в 850 метров; она отличается замечательным плодородием почвы, которая дает одновременно продукты как тропического, так и умеренного поясов. Вследствие этого, край этот был некогда густо населен, и здесь-то Лемпира, туземный кацик, оказавший такое энергичное сопротивление завоевателям, мог собрать свою огромную армию, численность которой превосходила всё нынешнее население этой страны. Протекающая по Сенсенти рио-Вента, или Сант-Яго, западный рукав Улуа, орошает поля Санта-Розы, главного города Копайского департамента, откуда вывозят лучший гондурасский табак. Другой рукав Улуа, Меджокоте, пересекает Грасиас, тоже главный город одного из богатейших по рудным залежам департамента. Грасиас принадлежит к числу первых городов, основанных испанцами: Чавец, наместник Альварадо, поселился там в 1536 г.

Санта-Барбара, лежащая тоже в бассейне рио-Венты, на её боковом притоке,—главный город привилегированного департамента, обладающего богатой равниной Сула, аллювиальными землями нижнего Улуа и Чамеликона и лучшими портами на атлантическом берегу. Но местность Сула, до эпохи завоевания густо заселенная, в настоящее время почти безлюдна и вновь заселяется крайне медленно. Город Сан-Педро-де-Сула, расположенный в западной части равнины, давшей ему свое название, на скате к левому берегу Чамеликона, представляет собою важнейший земледельческий центр в крае. В настоящее время жители его не довольствуются прежними, примитивными промыслами, как-то: рубкой и сплавкой красно-

1 Cezar et Marzel Daly, рукописные заметки;—A. L. Maudslay. „Proceedings of the R. Geographical Society". Сентябрь 1886 г.

2 Stephens and Catherwood, „Travels and Adventures".

3 L. Adam;—Hamy, „Societe de Geographie". Заседание 2-го июля 1886 г.

го дерева, собиранием в лесах сассапареля, дикого какао и других диких растений, но занимаются новою культурою—разводят кокосовые и камедные рощи, или *castilloas*, а также плантации сахарного тростника и кофейного дерева. В саваннах занимаются скотоводством и продают скот англичанам в Белизе; кроме того, здесь развит и кустарный промысел, который тоже немало способствует процветанию торговли; местные кустари, особенно из окрестностей озера Иожоа, славятся выделкою шляп из волокон *palmilla*.

Портами департамента Санта-Барбара и всего атлантического склона до Камаягуа служат Пуерто-Кортес и Омоа, расположенные оба на западе низких земель бассейнов Улуа и Чамеликона. Пуерто-Кортес действительно обязан своим названием завоевателю Мексики, который основал этот пост во время своей гондурасской экспедиции; но, несмотря на это, долгое время наиболее употребительным его названием было Пуерто-Кабальос, или «Конный Порт». Эта гавань, которую длинная коса земли, идущая с востока на запад, защищает от морских ветров, очень обширна и глубока; в неё могут входить даже большие суда и принимать груз почти у самого берега. Кроме того, её легко увеличить обширным бассейном, так как лагуна Альварадо, с которой она соединяется каналом около 2-х метров глубины, имеет в своей средней части впадину в 18 метров глубины, склоны которой возвышаются постепенно: здесь свободно могли бы поместиться целые сотни судов. Несмотря на все эти преимущества, Пуерто-Кабальос долго оставался без внимания: для защиты этого порта от пиратов необходимо бы было во многих местах соорудить укрепления, тогда как в другом порте —Омоа, открывающемся в виде узкого протока в десяти километрах на запад, достаточно было для защиты якорной стоянки одного форта, стоящего у входа в канал. С тех пор, как корсары перестали разорять эти места, морская торговля опять стала пользоваться портом Кортес; тем не менее Омоа удержала за собой часть внешней торговли Гондураса, и в будущем, когда промышленность разовьется, несомненно примутся за эксплоатацию залежей белого мрамора, которые открыты в соседней с гаванью горе. Преобладание Пуерто-Кортес обеспечено железной дорогой, которая начинается у самой пристани и направляется сначала на юг, к Сан-Педро-де-Сула, а потом к Комаягуа и к склону Великого океана. В Пуерто-Кортес больше, чем во всех других городах Гондураса, можно встретить иностранцев—англичан и северо-американцев. По соседству с ним, может-быть, у устьев Чамеликона, находился древний город Нако, приобревший известность в эпоху завоевания.

Соседние порты, находящиеся к востоку от р. Улуа, Пуерто-Саль и Триунфо-де-ла-Круц, не принадлежат к числу оживленных; сюда редко заходят суда, по причине частых северных ветров, которые заставляют суда сниматься с якоря. Дальше, длинный пляж Сеиба, изгибающийся с восточной стороны мыса Конгрехой, получил некоторое торговое значение, как морская пристань департамента и деревни Иоро, расположенной в ста километрах от берега, внутри страны: суда средней осадки грузятся здесь бананами и другими продуктами. Гораздо более оживлена гавань Прогрессо, образуемая выемкой южного берега острова Роатана; она прекрасно защищена и совершенно недоступна ветрам; но эта выгода покупается ценою заражения воздуха. Отсутствие атмосферного движения делает климат дотого вредным, что приезжающие уже через несколько дней схватывают злокачественную лихорадку и гибнут, если не спасутся вовремя бегством из этой чумной местности. Что касается Трухильо, основанного в первые времена испанской оккупации, в 1524 г. и выбранного в столицы нового департамента Колон, а ранее бывшего главным городом всей страны, то он обладает всеми условиями, необходимыми для торгового порта: подобию Омоа и Пуерто-Кортесу, он защищен от пассатных ветров длинною косою полуострова, ориентированною с востока на запад, и в его глубоком, хорошо защищенном рейде могут бросать якорь самые большие суда. В других странах Трухильо сделался бы местом схождения многих навигационных линий; а между тем этот город представляет собою жалкую деревушку, насчитывающую всего несколько сот жителей, почти исключительно караибов; вся экспортная торговля ограничивается вывозом красного дерева, добываемого в лесах Иоро, сассапарели, скота, кожи и металлов, которые привозятся сюда караванами из провинции Оланчо, через долину Агуана или рио-Романо. На протяжении почти 200 километров этот торговый путь тянется через пусты-

ни, где не встретишь ни одного селения.

Этот край Оланчо принадлежит к числу тех уголков земного шара, которые вполне заслуживают название «Рая», хотя в Гондурасе это название присвоено другой провинции. Климат этих высоких равнин необыкновенно благоприятный, почва отличается замечательным плодородием; саванны здесь чередуются с лесами, пастбища—с пахатными землями; все долины, над которыми господствуют живописные, лесистые горы, орошаются обильными реками, пески которых эксплоатируются золотопромышленниками. На золотоносном притоке реки Патуки стоит небольшой городок—Жутигальпа, населенный испанскими метисами, а по соседству с ним расположен индейский город Капакамас, деятельное и промышленное население которого всегда отличалось необыкновенной покорностью. Из Оланчо товары отправляются или по трухильской дороге, или другим, западным путем, по горным тропинкам, спускающимся к долине Чолутека, или, наконец, по реке Патуке, по которой караибские лодки ходят вверх до Пуерто-де-Делон, находящагося в нескольких милях от Жутигальпы; и несмотря на все эти преимущества, этот чудный край почти ещё совсем пустынный. По переписи, в департаменте Оланчо значится немного более тридцати тысяч жителей; а в департаменте Колон, занимающем, начиная от Трухильо, весь северо-западный угол Гондураса, не насчитывается, вместе со столицей, даже и трех тысяч туземцев, цивилизованных и диких. Там свободно могли бы жить миллионы людей, не теснясь как на островах Мартинике и Барбадосе, лежащих под той же широтой.

Департамент Комаягуа, вместе с департаментом Ла-Пац, может быть рассматриваем как раздельный хребет между покатостями Атлантического и Великого океанов, хотя и тот и другой орошаются рекой Гумуйей, одной из главных ветвей рио-Улуа; в их территории находятся удобные проходы от одного моря к другому. Комаягуа, или «Плато Источников», главный город одноименного департамента и прежняя столица республики, расположена на высоте 610 метров над уровнем моря, в обширной равнине, находящейся приблизительно на одинаковом расстоянии между обоими морями: Алонцо Касерес, основавший его, в 1540 г., в самом деле получил поручение «найти хорошее местоположение для города, воздвигаемого на полпути между двумя океанами». До 1827 г. Комаягуа, который тогда назывался Новым Вальядолидом, был весьма значительным, в сравнении с другими городами Центральной Америки: он имел восемнадцать тысяч жителей; но ему пришлось выдержать осаду, а затем полный разгром со стороны гватемальцев, и с тех пор он так и не мог подняться. Большая часть окрестных деревень и городов, особенно в департаменте де-ла-Пац, населены потомками индейцев ленка, и нигде в других местах страны не встретишь столько древних разрушенных городов, как здесь. Сквайр называет множество таких древних городов: самый интересный из них—Тенампуа, называемый обыкновенно Пуебло-Виехо, или «Старый город». Он расположен на правильной террасе высокого холма, возвышающагося в тридцати километрах к юго-востоку от Комаягуа и господствующего над всей равниной. Плоскогорье, укрепленное природой и трудами рук человеческих, соединяется с другими возвышенностями только узким кряжем, унизанным стенами и башнями: внутри городской ограды все постройки, как кажется, религиозного происхождения, состоят из пирамид и ступенчатых террас; как и и в других индейских городах, там были найдены изваяния и разрисованная глиняная посуда.

К западу от департамента Ла-Пац, главный город которого, носящий в настоящее время время такое же название, есть прежний лас-Пьедрас, находится другой гондурасский округ, Интибукат, лежащий в горах, на покатости рио-Лемпы, по соседству с Сальвадором; главный город Интибуката, Эсперанца, построен на высоте 1.585 метров, в умеренном поясе, где возделывают маис и пшеницу. В этой части Гондураса, именно в Эрандике, находятся богатые залежи опала. Около деревни Виртуд, расположенной в той же горной области, струится из грота знаменитая «Агуа-де-Сангре», «Кровяная вода», красная жидкость, которая, падая, свертывается и разлагается, распространяя вокруг запах крови: насекомые кладут в ней свои личинки, а собаки и птицы питаются этою массою. Цветом своим и свойствами эта вода

обязана растущим в ней водорослям и различным животным организмам, населяющим её[1].

Самая населенная часть Гондураса—бассейн реки Чолутеки, впадающей в Великий океан: эта область, составляющая восточное продолжение Сальвадора, тянется до густо населенных местностей Южного Никарагуа. Верхний бассейн реки занят департаментом Тегусигальпа. Главный город этой провинции и всего государства, носящий то же имя (Тегусигальпа) и в местных летописях с 1762 г., почти вдруг приобрел важное значение, как центр области, очень богатой золотыми и серебряными рудами. С 1778 г. по 1819 г. ежегодная ценность доставляемых сюда благородных металлов колебалась между двадцатью и двадцатью пятью миллионами франков: впродолжении этого периода округ Тегусигальпа доставил этой отрасли торговли около миллиарда. Войны, революции, затем колебания цен руды сильно уменьшили вывоз её из Тегусигальпы; но после временного кризиса рудная промышленность снова поднялась. Этот город, избранный с 1880 г. местопребыванием конгресса и намеченный уже как будущий главный город пяти республик Центральной Америки, представляет самый многолюдный центр Гондураса, и население его год от году увеличивается. Он расположен амфитеатром у подножия крутой горы и господствует над правым берегом Чолутеки, через которую перекинут мост на десяти арках: находящийся на противоположном берегу город Консепсион составляет одно целое с Тегусигальпой.

В бассейне Чолутеки находятся ещё два департамента, тоже очень богатые рудными залежами; один из них, с главным городом Юскараном, основанным в середине XVIII века, носит заслуженное название Парайсо, или «Рай»; другой имеет одинаковое название с рекой, его орошающей, и с индейским племенем, живущим на её берегах. Главный город Чолутека, построенный на левом берегу лимана, прежде назывался Херес-де-ла-Фронтера; мелкие суда могут подниматься вверх по реке до самого города. В городе Накаоме, лежащем на небольшой одноименной с ним реке, тоже впадающей в бухту Фонсека, но значительно западнее, находятся очень ценимые минеральные источники, которые в другом, не столь жарком, климате привлекали бы большое число посетителей. Портом этого города служит Сан-Лоренцо, лежащий у северной оконечности бухты того же названия: довольно значительная глубина его, 7 метров, дает возможность судам подходить почти к самому берегу. Одна из проектированных линий междуокеанической железной дороги оканчивается в порте Сан-Лоренцо; другая пересекает рио-Накаоме у самого её устья, затем идет через болотистые лагуны, отделяющие острова Гуеженси и Сакате-Гранде от материка, и оканчивается на западном пляже этого острова, перед обширным рейдом, окруженным со всех сторон землями, низкими равнинами материка и островными вулканами бухты: бассейн якорной стоянки занимает площадь в 50 квадратных километров, а около конечной пристани глубина воды достигает 10—15 метров. В ожидании окончания постройки железной дороги, порт Гондураса на Великом океане учрежден напротив Сакате-Гранде, на северо-западном берегу острова Тигре, прежнего притона пиратов: он получил название Амапала по Сальвадорийскому мысу, находящемуся у входа в бухту Фонсека, и до недавнего времени был портофранко. У подошвы древнего вулкана приютилась небольшая деревенька, окруженная возделанными полями. Острова архипелага Фонсека, Сакате-Гранде и Тигре, принадлежали прежде Сальвадору[2], но в 1833 г. они были уступлены Гондурасу, в виде благодарности за его военную помощь. Великобритания и республика Соединенных Штатов оспаривали друг у друга в середине столетия владение этим островом, который, наконец, был отдан, в 1850 г., Центральной Америке.

Хотя целая половина Гондураса представляет, так сказать, ещё обширную пустыню, однако население его значительно увеличилось: с начала века оно по крайней мере утроилось. По первой переписи, произведенной в 1791 г., по приказанию гондурасского епископа, на территории, сделавшейся впоследствии республикой, числилось 95.500 жителей. Последняя

1 E. G. Squier, „Notes on Central America".

2 Jose-Maria Caceres, „Geografia de Centro-America".

народная перепись от 15-го июня 1887 г., произведенная, повидимому, весьма тщательно, определила цифру населения в 331.917 человек, из которых почти три четверти ладиносов. Так же, как в Европе и Соединенных Штатах, число женщин превосходит численность мужчин, хотя рождаемость мальчиков значительнее, чем девочек.

Ладиносов—263.045; индейцев—68.872; мужчин—163.075; женщин—168.842.

Иммиграция сводится почти к нулю. По последнему исчислению (1898 г.) ладиносов и индейцев—380.000, негров—около 10.000, белых—около 6.000. Свыше 350.000 жит. Гондураса принадлежат к местным уроженцам: вместе с ладиносами, уроженцами других республик Центральной Америки, иммигранты—«англичане» из Белизе или с Ямайки.

Гондурас—страна непромышленная, даже почти и не земледельческая, так как его продукты идут только для местного потребления: банановые, кофейные и каучуковыя плантации приобрели значение лишь в последние годы, хотя табак из Копана и Санта-Розы давно уже находит себе должную оценку. Часть индиго, поступающая на сальвадорские ярмарки, именно в Чалатенанго, Сан-Мигуэле и Сенсунтепеке, доставляется Западным Гондурасом. Обыкновенные местные сыры, называемые *mantequilla*, в большинстве случаев привозятся оттуда же[1].

После золота и серебра, главным предметом экспортной торговли Гондураса был ещё недавно лес, преимущественно красное дерево (swietenia mahagony). Леса Гондураса славятся этим деревом, но теперь лучшие экземпляры уже вырублены; они находились на северных аллювиальных землях, орошаемых реками и байю, доступными для судоходства. Теперь для рубки красного дерева с каждым годом приходится углубляться дальше внутрь страны, вследствие чего эксплоатация его затрудняется длинными дорогами. Легко предвидеть, что в недалеком будущем красное и другие ценные деревья станут большою редкостью, так как в пользовании этими лесами не придерживаются никаких правил разумного лесного хозяйства, а между тем вычислено, что потребуется около трех веков, чтобы новые насаждения красного дерева достигли желаемых размеров. В лесах, где много красных деревьев, устраивается временный лагерь, и с августа месяца, когда начинается работа дровосеков, вплоть до апреля или мая реки загромождены плотами этого дерева, а на пристанях кипит деятельная работа по нагрузке судов.

Торговое движение Гондураса оценивается в тридцать миллионов франков в год; предметами вывоза служат минеральные и земледельческие продукты, а также скот, тогда как ввозят почти исключительно мануфактурные изделия.

Внешняя торговля Гондураса в 1898 г. выразилась в следующих цифрах: привоз—1.166.441, вывоз—1.235.952 золотых песо. Около пяти шестых торговли производится с Соединенными Штатами, несмотря на близость Белизе, английской колонии, и на господство Великобритании над островами бухты и почти над всем Атлантическим побережьем; скот вывозится в соседние республики и на остров Кубу. Ежегодное возрастание торговли весьма значительно, хотя в точности размеры его не известны, так как таможенные пошлины в различных портах отданы на откуп негоциантам, которым, разумеется, выгодно не оглашать свои барыши.

Имя Гондураса—одно из самых известных в финансовом мире, так как во всём свете нет маленького народа, который бы более бесцеремонно обирался спекуляторами. Уже с середины века, благодаря трудам Сквайра, стало известно, что порог Комаягуа представляет собою одно из благоприятнейших мест во всей Центральной Америке для проведения междуокеанской железной дороги, и аферисты тотчас же воспользовались случаем, чтобы ввергнуть Гондурас в бездну долгов. В 1867 г. первый призыв фондов доставил спекулаторам 25 миллионов франков; затем, в 1869 и в 1870 г.г., новые выпуски акций дали 56 и 62 миллиона франков. В 1871 г., под тем предлогом, что дорога будет преобразована в путь для перевозки судов, открыли подписку на заем в 375 миллионов; но после этого пыл мелких капиталистов ослабел, и заем следующего года ограничился 50 миллионами, да и тот не был по-

1 Desire Pector, рукописные заметки.

крыт. Таким образом в относительно короткое время Гондурас был обременен долгом более чем в 130 миллионов франков, из которых разве только 17 миллионов пошло действительно на постройку железной дороги. Понятно, что даже при самых благих намерениях Гондурас поставлен в полную невозможность рассчитываться по своим обязательствам: с 1873 года кредиторы не получали никаких процентов.

Внешний долг Гондураса в 1899 г., с причитающимися процентами, составлял 17.834.894 фунт. стерл. Внутренний долг к 1-му августа 1899 г. простирался до 5.518.822 серебрян. песо.

Правда, доходы Гондураса ежегодно увеличиваются, в 1899—900 г. они превысили 12.125.000 франков; но из этой суммы надо отчислить проценты, следуемые местным кредиторам; к тому же доходы, получающиеся от таможенных пошлин и от монополии пороха, водки и табака, увеличиваются относительно медленно, соответственно с торговлей и населением страны. Долг Гондураса, равняющийся нормальному доходу страны более чем за 40 лет, при поголовном распределении его, выражается весьма крупною цифрою: на каждого человека приходится почти 1.000 франков,—больше, стало быть, чем во Франции; а известно, что население Гондураса, впрочем, одно из самых честных в Центральной Америке[1], состоит главным образом из пастухов, дровосеков и банановых плантаторов. Земля, остающаяся, почти на всём своем протяжении, в первобытном состоянии, тоже находится в залоге у капиталистов, по 3.000 франков за квадратный километр.

Железная дорога, послужившая предлогом к созданию такого колоссального долга, ещё далеко не закончена: единственная существующая линия, имеющая (1897 г.) всего 92 километра длины, т.е. четверть всего протяжения, выходит из Пуерто-Кортес и всё время идет по низкой равнине Сулы, где для проложения её не требовались никакие особенные работы. Для продолжения этой линии необходимо было образовать новую компанию, начать новые разведки и составить новые сметы, а главное сделать новый заем; во всяком случае сумма в 200 миллионов, определенная предварительной сметой, как для этой линии, так и для других проектированных от Пуерто-Кортес до Трухильо и от Трухильо до Жутигальпы,—ещё не собрана. В ожидании этого устраивают пока колесные дороги, для перевозки тяжелых товаров в гористых областях, между бассейнами рек двух противоположных склонов. Две главные дороги Гондураса, от которых пойдут уже другие ветви, следующие: междуокеаническая железная дорога, идущая через Комаягуа, и другая линия, идущая от Сенсенти в Жутигальпу через Интибунат, Ла-Пац и Тегусигальпу; находящаяся ещё в проекте перешейковая железная дорога соединит сальвадорский город Сан-Мигуэль с никарагуаским Леоном, огибая бухту Фонсека. Колесная дорога, соединяющая столицу с её портом на заливе против Амапала, имеет 258 километров длины. Почтовая и телеграфная службы находятся ещё в зачаточном состоянии в сравнении с Мексикой; да иначе и не могло быть в такой стране, где дорог очень мало, торговля вялая, и где главная масса населения ещё неграмотна.

В 1898 г. переслано по почте: внутренней корреспонденции—около 642.000 отправлений, заграничной—около 300.000 отправлений. Длина телеграфной сети—4.400 километров; передано депеш—459.000. Начальных школ 683, с 23.667 учащихся; средних учебных заведений 23, с 1.588 учащихся. Университет в Тегусигалапе, юридический факультет в Корнаягуа и пр.

В 1887 году периодическая пресса состояла из четырех газет.

Образ правления в Гондурасе такой же, какой и в других республиках Центральной Америки, с небольшою разницею в деталях. Здесь тоже действуют парламентские учреждения, часто изменяемые государственными переворотами: с 1824 по 1883 г. сменилось сорок восемь представителей верховной власти, управлявших страною под разными титулами. В нормальное время президент республики избирается на четыре года всеобщим голосованием и управляет через посредство совета из семи министров: иностранных дел, внутренних, общественных работ, военного, финансов, народного просвещения и юстиции. Законодатель-

1 Thomas Belt, „Nicaragua";—Desire Pector, рукописные заметки.

ная власть принадлежит конгрессу, состоящему из 43 членов (по одному от каждых 10.000 жителей). Военную службу обязаны нести по закону все холостые граждане в возрасте от двадцати одного года до двадцати пяти лет: численность войска вместе с резервом определяется в 25.000 человек; однако, на действительной службе находится не больше пяти сот солдат.

Следующая таблица показывает названия тринадцати департаментов Гондураса, с их населением и числом жителей главных городов в 1889 г..

Департаменты	Пространство в квадратн. километрах	Население в 1889 г.			Главн. города
		жителей	из котор.	ладиносов	
Копан	7.500	36.744	„	32.946	Санта-Роза
Грасиас	7.680	27.816	„	15.906	Грасиас
Санта-Барбара	11.000	32.634	„	28.051	Санта-Барбара
Иоро	15.000	13.996	„	11.391	Иоро
Ислас-де-ла-Бахиа	400	11.474	„	8.615	Прогрессо
Оланчо	27.000	31.132	„	24.673	Жутигальпа
Колон	25.000	2.825	„	2.261	Трухилльо
Комаягуа	4.000	16.739	„	15.839	Комаягуа (3.000 ж.)
Ле-Пац	2.000	18.800	„	9.353	Ла-Пац
Интибукат	1.600	17.942	„	10.554	Ла-Эсперанца
Тегусигальпа	9.000	60.170	„	46.570	Текусигальпа (15.000 ж.)
Эль-Парайсо	5.000	18.057	„	17.863	Луксаран
Чолутека	5.000	43.588	„	39.023	Чолутека
Итого	120.180	331.917		263.045	

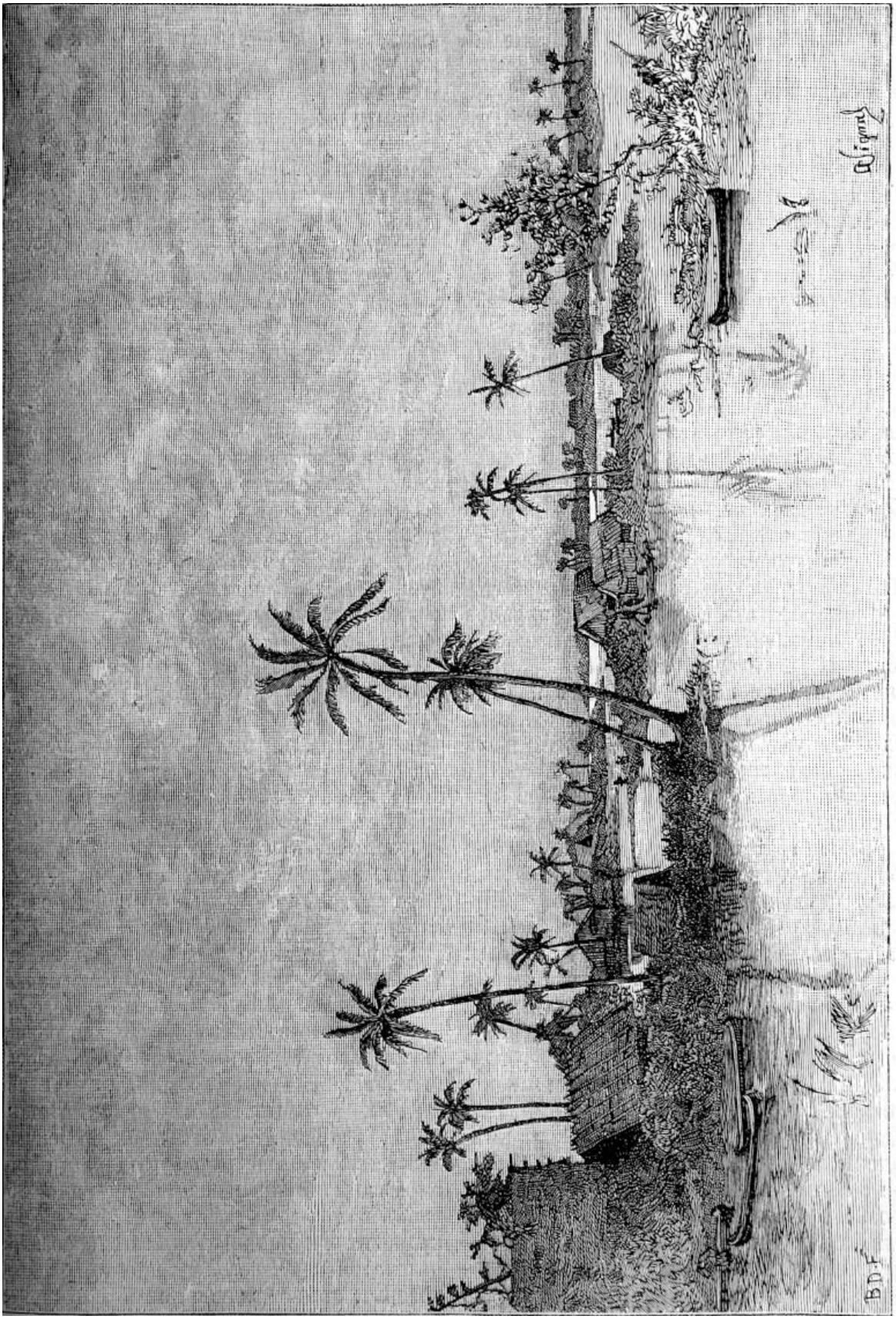
По данным 1899 года, пространство: 119.820 километр.; население: около 407.000 душ.*

V. Никарагуа

Республика Никарагуа, испанское название которой, быть-может, воспроизводит имя кацика, встреченного завоевателями, есть самое значительное из пяти государств Центральной Америки, хотя населена она, относительно занимаемой поверхности, реже других; тем не менее в её территории находится настоящий центр области Перешейков и одна из главных сцен истории Нового Света. Эта привилегированная страна состоит из узкой полосы земли, заключенной между берегами озер Манагуа и Никарагуа и берегом Великого океана: здесь именно и царствовал знаменитый кацик Никарао, ставший патроном испано-американской республики.

Подобно Гондурасу, атлантический склон Никарагуа тоже страдал от набегов корсаров, и Великобритания, преемница пиратов, домогалась обладания этою разоренною страною: она потребовала себе во владение берег, называемый Москитией или Москитовым, и если бы не вмешательство Соединенных Штатов, то всё пространство, заключенное между рекой Никарагуа и Гондурасской бухтой, сделалось бы британской территорией, какою теперь является страна Белизе. В силу доктрины Монроэ: «Америка—американцам», побережье Караибского моря было возвращено Никарагуаской республике; тогда её независимости стали угрожать другие враги, так называемые истые американцы, как они сами себя величают, и в 1855 году она действительно находилась в неизбежной опасности. Некий авантюрист из Соединенных Штатов, один из тех людей, как говорит один историограф, «которые имеют все необходимые качества для трона или виселицы», именно Уокер, представитель одной из партий, оспаривавших в то время друг у друга власть, ввел постепенно в страну более двенадцати тысяч «флибустьеров» из Северной Америки, которым, в награду за их будущие победы, нужно было обещать большие участки земли. Его первое нападение на город Ривас было отбито, но во вторую кампанию он овладел транзитной дорогой, затем Гранадой, главным городом республики, и назначил правительство чрез своих солдат; в скором времени, посред-

ством комедии выборов, он сделался президентом Никарагуа. Он старался восстановить рабство и усиленно привлекал в эту страну плантаторов, чтобы обратить её в область крупной культуры, по образцу «хлопчатобумажных штатов», в роде Миссисипи или Южной Каролины, и даже посулил своим новым подданным осчастливить их «благами» негроторговли. Но уже все народы Центральной Америки поняли грозящую им опасность порабощения, и против флибустьеров образовался союз: с юга поднялись костариканцы, с севера гватемальцы, и

Жилища индѣйцевъ на островахъ Санъ-Блассскаго залива.

наконец сами никарагуасцы, так что Уокер, разбиваемый при всех стычках, был вынужден запереться в Ривасе, где, наконец, и сдался, в 1857 году, после четырех месяцев осады. Его помиловали, оставив ему жизнь, и он воспользовался ею для двукратной попытки снова вернуться в Центральную Америку; наконец, в 1860 г., попав в руки гондурасцев, в Трухильо, он был казнен, как пират.

Неудача флибустьеров в Никарагуа имела значение не только как исключительно местное событие, и даже ставка этой войны была больше, чем судьба всей Центральной Америки. В действительности дело шло об участи Соединенных Штатов и всего Нового Света. Рабовладельческие штаты, которые до того времени главным образом руководили американской политикой, но которым всё больше и больше угрожал экономический перевес свободных штатов, должны были сделаться завоевателями, чтобы восстановить равновесие в свою пользу: им нужна была «великая Индейская Империя», т.е. Куба и Антильские острова, Мексика и Центральная Америка. Если бы им удалось вовлечь в свою завоевательную политику своих северных соотечественников, то они сделались бы бесспорными господами в Вашингтоне, и междоусобная война была бы избегнута. Именно, в Ривасе, в Никарагуа, рабовладельцы Северной Америки и потеряли свое первое и решительное сражение. «Я отстаивал их дело в чужой стране»,—сказал Уокер, умирая,—«а теперь им скоро придется защищать его у себя дома, на своих сахарных и хлопковых плантациях». Почему бы имя Риваса не могло стоять в истории человечества рядом с именем Марафона? Перипетии американской борьбы были не менее трогательны, чем столкновение между Европой и Азией, и дело, которое восторжествовало, было не менее велико.

Со времени этого критического периода своей истории Никарагуа развивалась более спокойно, чем родственные ей республики; в общем она прогрессировала в народонаселелении и богатстве, без того, чтобы внутренние раздоры имели следствием важные перевороты. Даже вопросы о границах, обыкновенно возбуждающие такую вражду между народами, здесь только подали повод к дипломатическим переговорам, обмену нот и попыткам решения спора третейским судом. Этот вопрос о границах, впрочем, маловажный между странами, которые называют себя союзными, был окончательно улажен арбитражем Соединенных Штатов. За исключением некоторых мелких деталей, границами большого никарагуаского четырехсторонника признаны две резкия черты на карте, именно: с одной стороны течение рио-Сеговиа, с другой—южный берег озера Никарагуа и русло Сан-Жуана.

Главная горная цепь, проходящая по Никарагуа, есть та самая, которая начинается в Гондурасе высокими горами Чиле и тянется на юго-восток параллельно берегу Великого океана. Большая часть её остроконечных вершин превосходит 1.000 метров высоты, а самые высокие пики имеют даже 1.200 метров, но эта цепь постепенно понижается, и около озера Никарагуа средняя её высота не превышает 200 или 250 метров над этим бассейном. В своей совокупности эта неправильная цепь должна быть рассматриваема как закраина бывшего плоскогорья, представляющего с западной стороны крутые стены, а с восточной спускающагося к Атлантическому океану, длинным скатом, разрезанным многочисленными, расходящимися долинами: в то время, как в Северном Никарагуа долины направляются к северо-востоку, параллельно рио-Сеговиа, центральные идут прямо на восток, а долины Южного Никарагуа, вместе с долиной рио-Сан-Жуана, ориентированы в юго-восточном направлении. Отрывки плоскогорья, разрезанные реками, имеют во многих местах вид отдельных сиерр: такова на севере сиерра Иелука, и на юге Иолайна, оканчивающаяся в море острым мысом Пунта-Мико, называемым англичанами Монкей-пойнт. Между различными восточными отрогами главной цепи особенно интересен один, о котором не упоминал ни один географ, ни даже Поль Леви, и который, впервые указанный в 1874 году натуралистом Бельтом, тотчас же привлек к себе внимание географов сходством своего названия с именем, которое обычай упрочил за Новым Светом: это небольшой массив Аммерика, находящийся вблизи Либертада и замечательный своими перпендикулярными стенами, обелисками и большими изолированными скалами. Известно, что Жюль Марку связывает название конти-

нента с этими, прежде неизвестными, горами. Почти за четыре века до Бельта, говорит он, Америго Веспуччи, также как его спутники и другие мореплаватели, вероятно, слышали от туземцев об этом массиве, как о стране сокровищ, и весь этот край стал известен у моряков под тем же названием: тогда-то у Америго явилась мысль утилизировать для собственной славы сходство этого имени с его собственным[1]. Сиерра Амеррика, называемая также Америска[2] и Амерриска по народцу, который некогда, говорят, был могущественным[3], находится на территории древних ленка, как о том свидетельствует окончание *рике* или *рика*, обыкновенное в областях Гондураса, обитаемых индейцами этого племени.

Несмотря на незначительную высоту Никарагуаских гор и на высокую температуру тропического пояса, в котором они находятся, действие древних глетчеров, в северных массивах Никарагуа, а особенно на равнинах гор, окружающих долину Окоталь, столь же явственно, как в ущельях Валлиса и Шотландии. Оно обнаруживается здесь присутствием боковых и передних морен, эрратических камней, глетчерной грязи: недостает только на откосах долин, по которым прежде протекали ледяные реки, борозд, начерченных движением скал, но в этом нет ничего удивительного, так как поверхность камня подвергалась постоянному действию непогод[4]. Движением ледников Бельт объясняет скудость золотых блесток в аллювиальных песках, тогда как кварц скал содержит в себе прожилины, богатые металлом. Такое же явление наблюдается в Новой Шотландии, и там действие льдов обнаруживается вполне ясно: они обтесывают скалу, проталкивая вперед все обломки, оторванные от гор, а после прохода льдов пески остаются сильно оскудевшими.

К западу от главной цепи Никарагуа часть страны, обращенная к Великому океану, представляла первоначально большую низкую равнину, но силою вулканической деятельности на ней образовалось два ряда холмов или даже гор, из которых одни стоят изолированно, а другие тянутся настоящими цепями. Первый из этих рядов почти незаметен, и если глядеть с равнины, то кажется, будто он сливается с цепью, гребень которой вырисовывается с восточной стороны. Это оттого, что вулканы выдвинулись из почвы на самых боках плоскогорья. Так, вулкан Гуисисиль (1.370 метров) поднялся возле гор Матагальца и, загородив дорогу водам, текущим на запад, заставил их принять восточное направление и изливаться прямо в Атлантический океан через рио-Гранде. К юго-востоку от Гуисисиля, самого высокого в этой цепи вулканов, другие конусы возникли вдоль впадины, занятой озерами Манагуа и Никарагуа. Около восточного берега большого резервуара тянутся вулканические холмики: серро-де-ла-Пальма, Куисалтепе, серро-Жуигальпа, Платотепе, Пан-де-Азукар, Жаён, Пикара, Вентанильяс.

В истории страны гораздо большее геологическое значение имеют пики главного ряда, продолжающие собою цепь сальвадорийскиих вулканов. Эта цепь начинается в Никарагуа усеченным конусом Косегуина, который возвышается у южного входа в бухту Фонсека, против Кончагуа. С открытого моря видны его величественные круглые валы темно-красного цвета и наклонная плоскость его обширного кратера, усаженного круглыми горками, из которых самая высокая, по Бельхеру, возвышается на 1.169 метров: прежде этот правильный конус достигал по крайней мере вдвое большей высоты. До взрыва Кракатау, Косегуина, вместе с Тимборо в Сумбаве, была горой, которую приводило в пример самых страшных катастроф, причиняемых внезапным освобождением запертых газов. 20-го января 1835 г. вершина Косегуины вдруг взлетела на воздух: на несколько сот километров в окружности распространился мрак, море покрылось густым слоем пепла и шлака, затормозивших движение судов, и на расстоянии более 40 километров от вулкана вся зелень исчезла под слоем пыли, по крайней мере в 5 метров толщины; берег выдвинулся в море и в бухту Фонсека. На западе, пассатный ветер гнал пыль на протяжении более 2.200 километров; на востоке контр-

1 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe de Geographie" 3-e trimestre 1888.
2 Desire Pector, „Congres des Americanistes", Paris. 1890.
3 J. D. Rodriguez, „Lettre a Jules Marcou", 12 января 1888 г.
4 Belt, „The Naturalist in Nicaragua", p. 260 и т.д.

пассат разносил её по Гондурасу, Юкатану и Ямайке, а боковые воздушные токи переносили её до Новой Гранады: грохот разбившейся горы был слышен на высоких плоскогорьях Боготы, на расстоянии 1.650 километров по прямой линии. Общее протяжение поверхности, покрытой пеплом, исчислено в 4 миллиона квадратных километров, а разбросанная по воздуху масса—в пятьдесят миллиардов кубических метров. Взрыв продолжался сорок три часа, но при наступлении длинной ночи жители окрестных селений разбежались, ища спасения от душившего их пепла, а за ними последовали и животные, как домашния, так и дикия, обезьяны, змеи, птицы, полагаясь на высший разум человека.

Потухшие вулканы Чонко и Виехо, или «Старый» (1.909 метров), возвышаются двойным массивом в пятидесяти километрах к юго-востоку от Косегуины; затем идет ряд Маррабиосов, основания которых соединены таким образом, что образуют как бы настоящую сиерру, крутую с юго-западной стороны и отлогую с северо-восточной: большинство питонов не превышают тысячи метров; только Телика, находящаяся в середине цепи, достигает 1.277 метров высоты. Несколько восточнее оси Маррабиос ряд вулканов продолжается величественным конусом Момотомбо (1.865 метров), основание которого образует полуостров в озере Манагуа; подле него стоит островной конус Момотомбито (850 метров), прижавшийся, как дитя к своей матери. Момотомбо имел несколько извержений после пришествия испанцев, но затем вулкан этот долгое время пребывал в покое, как вдруг в 1852 г. снова воспламенился. В прежнее время миссионеры крестили вулканы, чтобы отвратить пламя их кратеров, но Момотомбо не давал себя освятить: никто не запомнит, чтобы духовные особы, взявшиеся водрузить там крест, возвратились оттуда невредимыми[1].

Другой вулкан, Чилтепек (850 метров), образовался в водах озера Манагуа. Дальше к юго-востоку, небольшие конусы стоят уже на материке, но рядом с прудами, которые несомненно в прежнюю эпоху составляли часть Манагуа. Приблизительно на полпути между двумя озерами, на цоколе почти в 300 метров, возвышается знаменитая гора Мазайя (851 метр); испанцам она была известна некогда под названием Инфиерно—«Ад», а нахуа называли её Попокатепетль, или «Дымящаяся Гора», подобно большому вулкану в Мексике. Название Мазайя, мангского происхождения, имеет почти то же значение[2]: это «Горящая Гора». Овиедо первый совершил восхождение на вулкан Мазайя и видел очаг кипящей в кратере лавы. В ту эпоху извержения «Дьявольского Жерла» происходили почти с правильными промежутками. Огромные пузыри лавы, поднимавшиеся со дна «Ада» и выбрасывавшие целые снопы раскаленных до-бела камней, лопались в воздухе через каждые четверть часа. Находясь под обаянием сокровищ, которые приманивали к себе стольких испанцев, два монаха, в компании трех товарищей-соотечественников и нескольких индейцев, вздумали черпать из вулкана жидкое золото, блеск которого они, казалось, видели на дне кратера, но все их попытки не привели ни к чему. Тогда явилась другая мысль, и Жуан Альварес, декан капитула в Леоне, придумал прорыть в горе туннель, чтобы сразу опорожнить её от драгоценного металла, заключенного внутри неё; но оказалось, что серьезно начать подобные работы невозможно. В 1772 г. после страшного извержения лавы, которая разлилась в виде обширного хаоса красных камней среди зеленеющей равнины, Ад Мазайи утих, и только в 1852 г. снова вышел из своего бездействия, на этот раз ограничившись, впрочем, одним выделением паров[3]. В 1856 г. Киндири, боковая «опухоль» вулкана Мазайя, раскрылась в виде обширного цирка, откуда вырвались целые клубы дыма[4].

На одном цоколе с вулканом Мазайя, но на северо-западном берегу озера Никарагуа, стоит вулкан Момбачо (1.393 метра), давно уже потухший, но некогда очень деятельный, судя по его потокам и по архипелагам островков эруптивного происхождения, los Corales,

1 Squier;—Victor Hugo, „Les Raisons du Momotombo". В «Легенде Веков».

2 Oviedo y Valdes, „Histoire du Nicaragua";—Gr. Froebel, „A travers l'Amerique";—Desire Pector, рукописные заметки.

3 Belly, „L'Isthme de Nicaragua".

4 Dollfus и E. de Mont-Serrat, цитированные сочинения.

окружающих подводную часть подножия. К юго-востоку от этой горы цепь вулканов продолжается в самом озере, сначала в виде небольшого пригорка Запатера в 600 метров высоты, а затем в виде большого острова с двойным конусом. Главный вулкан двойного острова (1.630 метров) неправильно носит название Ометепе, потому что это название, нахуатльского происхождения,—Оме-тепетль—значит «Две горы», и применялось действительно к двум пикам— северо-западному и юго-восточному. Последний, меньшей высоты (1.277 метров), назван испанцами Мадера, или «Лес». Вершина Ометепе имеет большой кратер, заключающий в себе озеро, а на склоне горы открывается другой, более обширный кратер, но совершенно скрытый под растительностью. С высоты этой горы видны у её подножия всё озеро, узкий перешеек, отделяющий его от Великого океана, и амфитеатр возвышенностей, развертывающийся на половине горизонта.

К западу от двух озер, перешеек, который собственно и составляет Никарагуа, тоже имеет свою береговую цепь, впрочем, невысокую и изрезанную многочисленными брешами: самая высокая горка на этой узкой полосе земли, Вентурон, имеет 240 метров; самый низкий порог не превышает 7—8 метров над уровнем озера, а в самой узкой его части насчитывают всего 21 километр от моря до моря. Во многих местах почва этого перешейка состоит исключительно из туфов вулканического происхождения. Во время бывших извержений лава разливалась по разным направлениям, соответственно внутреннему давлению; но пепел, выбрасывавшийся из кратера, ложился постоянно по одному направлению, именно на юго-запад, сообразно пассатному ветру, который гнал в эту сторону его столбы. Эти пласты обломков, известные в Никарагуа под древним нахуатльским названием *талпетате* или *тепетате*, покрывают почти всю прибрежную область Великого океана. Они-то и послужили причиной того, что эта область совсем лишена ручьев и источников: вся дождевая вода, просачиваясь сквозь камешки и пепел, быстро исчезает в недрах почвы. Жители вынуждены сохранять в цистернах необходимую для питья воду, а растения находят потребную для своего произрастания влагу лишь в тех местах, где вода, задерживаемая потоками лавы, сохраняется на поверхностных пластах почвы. Зато быстрое исчезновение вод имеет ту выгоду, что в перешейковой области не могут образоваться настоящие болота.

Хотя осевая цепь Никарагуаских гор тянется на восток от озерных впадин, и понижающаяся почва представляет на берегах океана слегка волнистую равнину, тем не менее настоящею вершиною водораздела служит узкая полоса земли, ограничивающая с запада озеро Никарагуа. Воды, спускающиеся с западного склона Чонталесских гор, вливаются не в Великий океан, а, напротив, описав несколько извилин, впадают в Караибское море: это может служить лучшим доказательством того, насколько несостоятельно составившееся убеждение, что линии раздела должны совпадать с направлением горных хребтов. Впрочем, раздельный порог, образуемый перешейком, выпускает из своего западного склона только маленькие ручейки. Единственные реки, текущие из Никарагуаского озера в Великий океан, берут свое начало на другой стороне Маррабиосов и впадают в бухту Фонсека. Эти реки—Эстеро-Реаль, получающая свое начало близ озера Манагуа, а севернее—рио-Негро, служащая границею между двумя республиками, Гондурасом и Никарагуа, часто меняли свое течение вследствие извержений пепла, который заваливал русла, образуя в них острова и полуострова; может-быть, что и колебания почвы также способствовали перемещению речных лож. Со времени извержения Косегуины в 1835 г. рио-Негро четыре раза меняла свое русло; своими боковыми байу она изливается теперь в ту же дельту, как и Эстеро-Реаль. Оттого две соседние республики, оффициальной границей которых было бродячее русло этой реки, установили более точную границу, начертав её по мысленной оси долины[1].

Самая многоводная река Северного Никарагуа, пересекающая всю территорию в самой широкой её части и впадающая в Атлантический океан близ мыса Грасиас-а-Диос, получает начало в горах Матагальпа, откуда, с другого их склона, вытекают притоки Эстеро-Реаль. Во всей испанской Америке нет другой реки, которая имела бы такое множество имен, как эта.

1 Desire Pector, рукописные заметки.

У самых верхних истоков, всего в 89 километрах от берегов Великого океана, она известна сначала под названием Соморо, затем— Кабругаль или Кабуллаль; ниже, это уже рио-Коко или Кокос, Оро, Иоро или Яре, Портильо-Лисо, Тапакак, Энкуентро, Пантасма или же Сеговиа; это последнее название она заимствует от лежащего на её берегах города и от провинции, которую она орошает; кроме того, её называют ещё Грасиас или Кап-Ривер, по имени низкого полуострова, который она образует при впадении в море; наконец, её называют ещё Эрбиас, а англичане прозвали её Ванкс или Янкес. Это разнообразие названий происходит не только от различия прибрежного населения, говорящего на разных языках, но и вследствие отсутствия исторического единства страны: в то время, как испанские колонисты селились в верхних долинах рио-Сеговиа, иностранные мореплаватели и пираты всякой национальности ходили вверх по нижнему течению реки. Стиснутый справа и слева горами, бассейн этой реки довольно узок, но, выставленная действию влажных ветров, несущих дождь, рио-Сеговиа становится могучим потоком, и ниже порогов, прерывающих её течение, она вполне судоходна для пипант и даже для небольших пароходов, на протяжении почти 275 километров. При устье эта река имеет широкую дельту, которая уходит далеко в море между берегами из красноватого аллювия, приносимого с верхних долин. Один из рукавов обязан своим происхождением лесопромышленникам, которые устроили себе таким образом более удобный выход из боковой бухты в главное русло реки; но этот проход тоже засаривается, и глубина воды на баре достигает всего каких-нибудь $1—1^1/_2$ метра, смотря по высоте воды в реке и по состоянию ветров, а также морских приливов и отливов. А между тем в этих опасных водах Колумб нашел себе убежище, почему и дал мысу название Грасиас-а-Диос («Благодарение Богу»). Гидрология рио-Сеговиа: длина течения—650 килом.; поверхность бассейна— 28.000 кв. километр.; средний расход воды в секунду—500 кубич. метр.

Другие значительные реки текут к югу от рио-Сеговиа в Атлантический океан, но они орошают земли почти необитаемые, и известны только своими устьми, ветвями дельт и прибрежными лагунами. Самая большая из этих рек между рио-Сеговиа и Сан-Жуаном,—та, которая, кроме многих других названий, носит вполне заслуженное ею наименование рио-Гранде. Вероятно, её главная ветвь, рио-Матагальпа, текла прежде на запад, к озеру Managуа; но после того, как вулкан Гуасисиль загородил ей дорогу своими шлачными конусами, она должна была повернуть на юг и искать себе другой выход; найдя его у порога Тамариндо или Эсквипуласа, она взяла прямое направление к Атлантическому океану, проложив русло по слегка наклонным равнинам. В одной части своего течения река Матагальпа известна под названием Бульбуль, тогда как устье её москитоские самбосы называют Ауалтара. Боковые байу соединяют устье рио-Гранде с устьями других рек: по карте Леви, от мыса Грасиас-а-Диос до лагуны Блюфильдс, на протяжении около 400 километров, даже тянется непрерывный ряд ложных рек, каналов и лагун, отделенных от моря валом песчаного пляжа и полосами корнепусков. Лагуны, лежащие между рио-Гранде и рио-Сеговиа, в большинстве случаев узки и загромождены островами, между тем как к югу от рио-Гранде лагуны де-лас-Перлас и Блюфильдс,—названные так, говорят, по имени одного голландского пирата, Блейфельдта,—представляют собою настоящие внутренние моря, размеры которых всё более и более суживаются от корнепусков, но которые всё ещё открывают обширное пространство для свободного плавания. В эту лагуну вливается река Блюфильдс, называемая также, в средней части своего течения, рио-Эскондидо, или «Скрытая река», потому что эта область Никарагуа была ещё недавно совсем неизвестна.

С геологической точки зрения, нынешний морской берег, начиная от мыса Грасиас-а-Диос до Пунта-Мико, указывает на переходное состояние между прежним побережьем, составляющим теперь западный берег лагун, и краем большой мели Москито, выдвигающейся в море на расстояние от 50 до 150 километров и заключающей в себе много рифов, как подводных, так и наружных. Один из этих рифов, Кей-Москито, сообщил свое имя всей мели, а затем оно было распространено на весь восточный берег Никарагуа, вместе с его населением. Между островами наружного края мелей встречаются настолько большие и выдающиеся над водой, что там могли основаться даже колонии; таковы острова: Виеха-Провиденсия и Сан-

Андрес, принадлежащие в политическом отношении к Колумбийской республике, островки дель-Маис, называемые англичанами Корн-Айлендс, и Жемчужные (де-лас-Перлас), расположенные на самом рифе и принадлежащие республике Никарагуа.

К югу от Пунта-Мико, узкий склон гор посылает несколько рек к Караибскому морю, и одна из них, рио-Индио, смешивает иногда свои воды, на морской поверхности, с водами большой реки Сан-Жуан, самой обильной во всей Никарагуаской территории, которая, впрочем, владеет частью её бассейна: наибольшую массу воды доставляют этой реке северные склоны вулканической цепи Коста-Рика, совершенно открытые пассатным ветрам. Сан-Жуан получает свое начало, как известно, на западе главной Никарагуаской горной цепи, во впадине, где образовались два больших озера: в настоящее время водоразделом служит небольшая возвышенность в соседстве; но многочисленные признаки позволяют думать, что там гидрологические явления тоже совершенно изменились, вследствие колебаний почвы и вулканических извержений. Было время, когда та расселина, через которую в настоящее время пробивается рио-Сан-Жуан, направляясь к Атлантическому океану, ещё не существовала, и когда воды большего озера Никарагуа, в прежния времена более высокого, чем теперь, и заключавшего в своем бассейне также воды озера Манагуа, изливались в бухту Фонсека. Тогда Чонталесская цепь действительно была осью раздела между двумя склонами. Несомненно, к этой эпохе и относится появление, морских видов, которые приспособились к пресным водам Никарагуаского озера.

По народным сказаниям, последние следы древнего положения вещей изгладились лишь в очень недавнее время. Туземцы уверяли descubridor'а Жиль Гонзалеса-де-Авила, что озеро Ксолотлан, нынешнее Манагуа, изливалось, посредством небольшой речки, прямо в «Залив Чоротега», т.е. в бухту Фонсека, но что эта речка была заграждена потоками лавы, вылившимися из Момотомбо. Первоначальный исток, засоренный в верхней своей части, всё-таки сохранил свое русло: это нынешняя Эстеро-Реаль: но озеро Манагуа должно было искать себе выход с южной стороны и излиться в озеро Никарагуа: таким-то образом из данника Великого океана оно обратилось в данника Атлантического океана[1]. Впрочем, так как ежегодный приток воды весьма незначительно превышает количество воды испаряющейся, то достаточно было бы самого ничтожного подъема берегов, чтобы резервуар Манагуа не имел истока. В сезон дождей излишек озерной воды питает выходной источник и образует, в *salto* Типитапа, красивый водопад в $5^1/_2$ метров высоты; но в сухое время года река не имеет даже непрерывного течения и во многих местах медленно струится через пески и трещины в камнях. Тут *рио* прекращается: она совершенно пересыхает и образует интервал почти в 7 километров, который отделяет выходной источник озера Манагуа от *эстеро* Паналойя; последний имеет вид реки, но на самом деле есть не что иное, как небольшой заливчик с тихими водами, сообщающийся с озером Никарагуа[2]; в дождливое время года скалы, заграждающие Типитапу, делают её даже совершенно неудобной для судоходства: чтобы переправить лодку из одного озера в другое, Бельхеру, в 1836 ., пришлось протащить её по земле. Странно, поэтому, что прожектеры, совершенно незнакомые с страной, изображали рио-Типитапа естественным продолжением проектируемого междуокеанского канала, тогда как на самом деле придется прорыть шлюзованный ров между двумя бассейнами. Само озеро Манагуа, несмотря на свою обширную поверхность, имеющую более тысячи квадратных километров, усеяно мелями, которые делают его судоходным только для судов небольшого водоуглубления, примерно в один или два метра. Его средняя водная площадь находится на высоте 42 метр. над уровнем моря.

При уровне около $8^1/_2$ метров, т.е. возвышающемся на $33^1/_2$ метра над уровнем соседних морей, озеро Никарагуа, Касиболко аборигенов, покрывает, в среднем, площадь в 9.000 квадратных километров, но не имеет таких пучин, как альпийские озера: в самом глубоком месте оно имеет всего 82 метра и, следовательно, опускается ниже уровня моря, с которым

1 Paul Levy, цитированное сочинение.

2 Calderon, „Bulletin de la Society Geologique de France", 1882.

это озеро прежде сообщалось, что доказывается животными морского происхождения, населяющими его; таковы—*pristis antiquorum* и одна акула, *eulamia nicaraguensis*[1]. Некоторые части бассейна, особенно на юго-востоке, по соседству с местом выхода Сан-Жуана, имеют весьма незначительную глубину. В зависимости от смены дождей и засухи разница высоты уровня колеблется в пределах двух метров; но нельзя сомневаться, что водная поверхность была некогда значительно выше, потому что островки, рассеянные к югу от вулкана Запатера, покрыты слоями пепла, заключающими в себе пресноводные раковины, похожия на те, которые находят теперь на соседних берегах. Восточная и западная стороны озера подвержены различным влияниям ветров и течений; в то время, как восточная часть, защищенная горами, имеет почти всегда спокойную поверхность, на западном берегу пассатный ветер постоянно волнует воду, заставляя её с силою разбиваться о берег. Почти ежедневно уровень озера у берегов находится в колебании, то подымаясь, то опускаясь на 60 сантиметров, а иногда даже и на целый метр, что зависит от силы пассатного ветра, увеличивающейся во время дневной жары и уменьшающейся с наступлением ночной прохлады: такова причина явления, которое испанские писатели смешивали прежде с приливом и отливом. Берега тоже представляют резкий контраст: западный берег, о который постоянно ударяются волны, покрыт песком и булыжником или титановыми крупинками, притягиваемыми магнитом, тогда как восточный пляж—низкий и болотистый. На этом побережье эруптивный пепел во многих местах так смешался с горными наносами, что образовалось нечто вроде клейкой массы. В дождливое время года обширные пространства земли обращаются в *cienagas*, совершенно непроходимые топи; спускающаяся с высот вода всасывается в вязкую почву на значительную глубину: вся равнина представляет тогда сплошное море грязи. Впродолжении сухого сезона застоявшаяся в обширных бассейнах вода постепенно испаряется, почва оседает, трескается по всем направлениям, но не дает из себя растительности. Чтобы землю эту превратить в плодородные поля, надо её осушить дренажем от воды, насыщающей её в сезон дождей[2].

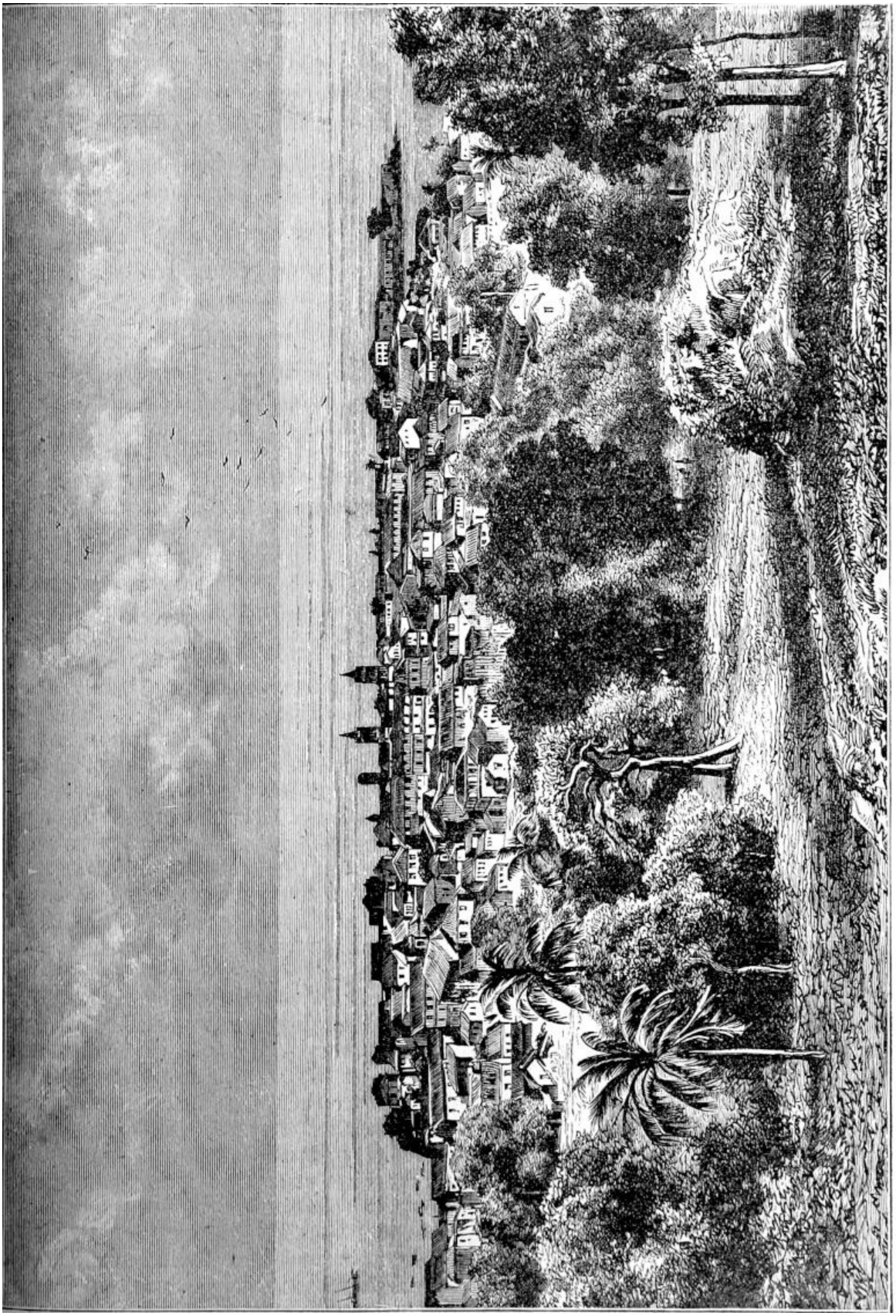
Озеро имеет много притоков, и некоторые из них, несмотря на слабое течение, приобрели известность, так как русла их могут служить проходом для междуокеанического канала: таковы, на перешейке Ривас, реки Сапоа и де-лас-Лажас. Из всех данников Никарагуа больше всего катит воды рио-Фрио, которую питают потоки, спускающиеся с высоких гор Коста-Рика; вместе с тем она же больше всего способствует засорению озера пеплом, который приносит из вулканической области и настилает целыми мелями: рано или поздно вся эта часть бассейна выйдет из воды, подобно тому как выступили многочисленные островки архипелага Солентинаме, опирающиеся, впрочем, на вулканическое ядро новейшего происхождения; рио-Фрио сделается со временем данником не озера, а Сан-Жуана, постепенно удлиняющагося в своей верхней части, в аллювиальных землях. Когда откроют судоходный канал, эта мутная река будет одним из главных препятствий, которые придется устранять для обеспечения правильной глубины каналу, вырытому в низких водах.

Сан-Жуан вытекает из озера немного ниже устья рио-Фрио и сначала течет медленно, затем скорость его мало-по-малу увеличивается в выходном потоке; он более известен здесь под названием Дезагвадеро. Действительно, верхняя часть Сан-Жуана скорее озерной разлив, чем настоящая река, так как уровень его почти не подвергается колебаниям, вследствие чего его называют в этом месте Aguas Muertas, или «Мертвые воды»; речной характер он принимает лишь несколько выше Кастильо, небольшой крепостцы, примостившейся на откосе правого берега, в 65 километрах от выхода, именно в том месте, где излишек озерной воды находит себе выход чрез цепь сланцевых скал, соединяющих Чонталесские горы с контрфорсами Коста-Рики: выше этой бреши рассеяно несколько каменных глыб, принадлежащих к образованиям озерной окружности. У Кастильо, Сан-Жуан спускается порогами, за которыми, в двадцати километрах ниже, следует водопад *raudal* Мачука, названный так

1 Th. Gill and J. Bransford, „Proceedings of the Academy of National Sciences". Philadelphia, 1877.

2 Belt;—Levy;—Belly, цитированные сочинения.

по имени первого европейца, исследовавшего Сан-Жуан: река до сих пор ещё не выровняла этой части своего русла, и брешь сохраняет вид прореза. Ниже, в неё впадает река Сан-Карлос, которая спускается с высоких гор Коста-Рики и катит почти такое же количество воды,

Видъ Панамы со стороны горы Анконъ.

как и Сан-Жуан. Рио-Сарапикуи, питаемая также многочисленными потоками, бегущими с коста-рикских вулканов, присоединяется к общей артерии этого бассейна в недалеком расстоянии выше дельты: её можно назвать настоящею рекою как по объему водной массы, так

и по общему направлению её долины. Но, подобно Сан-Карлосу, она наносит такое огромное количество аллювия, что пришлось отложить всякую мысль об утилизировании прямо Сан-Жуана в этой части его течения при устройстве большого навигационного канала. Тем не менее мелкие гребные суда неоднократно поднимались по течению, а гоэлеты и даже пароход входили из моря в озеро, хотя и с большим трудом, так как выше порогов судно приходится тянуть бечевой.

Дельта Сан-Жуана часто меняла форму своих разветвлений. Туда же впадает рио-Колорадо, спускающаяся с вершин Коста-Рики, Иразу и Туриальбы, и смешивающая свои живые и мертвые рукава с рукавами Сан-Жуана. В середине XIX в. почти вся водная масса этих соединенных рек изливалась в море у города Сан-Жуан-дель-Норте, и могучая водная площадь прорыла широкий порт, куда легко входили суда средней осадки. Но открытие Хименеса, рукава Сан-Жуана, соединяющагося с рио-Колорадо и носящего обыкновенно то же название, отвело значительную часть вод; другие байю уносили по временам остальную воду, так что гавань, наполовину засыпанная, оставалась почти без сообщения с рекой.

Гидрология рио-Сан-Жуана: от истока рио-Сан-Рафаэль до озера Манагуа—150 километров; поперечная поверхность озера Манагуа—45; рио-Типитапа—30; поперечная поверхность озера Никарагуа—140; Дезагвадеро (средняя ширина 126 метров)—200; итого—565 километров.

Поверхность бассейна, включая сюда Колорадо, по Бальи—39.700 кв. килом.; дебит Дезагвадеро при выходе из озера (261 метр при мелководьи)—348 куб. метров; дебит Дезагвадеро при раздвоении дельты, по Чайльду и Уесту—638; дебит Дезагвадеро во время половодья, по Бэдфорду Пиму—1.500 куб. метров в секунду.

Суда должны бросать якорь в открытом море, за баром, переплывать который очень трудно и даже опасно: временами порт совершенно закрывался, и всякое судоходство становилось тогда невозможным. Предполагали перенести порт к устью Колорадо, но бар, где водная толща достигает 3—5 метров, часто меняет свою глубину, а дующие там северные ветры чрезвычайно опасны; к тому же и берега этой реки столь же непостоянны, как и у Сан-Жуана, так что течение будет перемещаться с одного устья на другое. В недавнее время к этим физическим препятствиям прибавились ещё политические затруднения, которые тормозили работы окончательного устройства порта: в самом деле, Колорадо принадлежит Коста-Рике, но в этой меняющейся дельте какой рукав считать за первоначально принятую границу между двумя провинциями прежнего вице-королевства Гватемалы?

Свойства почвы и климата разделяют Никарагуа на три пояса—восточный, средний и западный,—весьма различные между собою по всем явлениям жизни: по самородной флоре, по культуре, по населению, по социальному состоянию и по истории.

Древние сланцевые, кварцевые и долеритовые скалы, образующие плоскогорья и горы атлантического склона, орошаются обильными дождями и туманами, которые приносятся сюда правильным северо-восточным ветром. Благодаря такому излишку влаги, эти области покрыты сплошными лесами, прерываемыми только руслами рек, болотами и саваннами: это те самые беспредельные леса, которые, по мнению Колумба, доставили срубы для Соломонова храма. Здесь произрастают все породы строевого, столярного и красильного леса, свойственные также флоре Гондураса и Южной Мексики,—кедр, красное дерево, бакаут (железное дерево). Самое замечательное дерево, быть может,—кортес (Tecoma sideroxylon): древесина его так же тверда, как и черное дерево, но главная его прелесть заключается в великолепных золотисто-желтых цветках, которыми дерево сплошь покрывается в конце марта, после опадения зеленых листьев; их яркий, золотистый блеск, резко выделяющийся на темном фоне леса, можно видеть за несколько миль расстояния; вблизи это дерево ослепительно. Эта область дождливого склона не может быть здоровой; если не обилие дождей, то во всяком случае водонепроницаемость почвы ускоряет разложение растений: несмотря на быстрое истечение большей части вод, много их остается в поверхностной коре скал. Вода скопляется также в лощинах и в мертвых рукавах рек: воздух здесь постоянно сырой, и на-

селение, вообще очень редкое, состоящее из индейцев и метисов, ютится только в узких просеках; в своей совокупности, зона эта не имеет культуры.

Граница атлантических дождей, служащая в то же время и границей нездоровых лесов, начертана замечательно ясно: зачастую дождь впродолжении целых недель и месяцев идет в Либертаде, на восточном склоне гор, тогда как в тот же самый сезон в Жуигальпе небо остается всё время совершенно безоблачным; река, орошающая возделанные земли этого города, содержит круглый год воду только благодаря тому, что некоторые из её истоков питаются дождями атлантического бассейна. В восточных областях дожди начинаются в мае и продолжаются до января: хорошая погода стоит всего три месяца, т.е. с февраля до мая; впрочем, иногда и в течение октября выдаются ясные дни. Самые сильные дожди идут в июле и августе; в это время потоки становятся непереходимыми, и пребывание в болотистых местностях сопряжено с большою опасностью для здоровья.

Там, где кончаются леса, начинаются саванны среднего пояса Никарагуи, на которых пасется скот, охраняемый пастухами. Хотя эта область, в сравнении с её громадными рессурсами, населена ещё очень слабо, тем не менее труд человека способствовал уже в некоторой степени перемещению прежних границ двух поясов. Саванны захватывают на востоке часть лесной области. С высоты травяных вершин, где там и сям высится гигант сеиба, под которым укрываются стада, видишь у себя под ногами темную опушку леса, извивающуюся неправильными изгибами в долинах и по склону гор; реки совершенно исчезают в этом таинственном мраке, и вся картина резко меняется, как только вступаешь под своды ветвей, перевитых лианами. Но отчего происходит такой неожиданный контраст? Почему лес не завоевал себе всех склонов, которые вполне достаточно орошаются атлантическими дождями? Потому что труд индейских земледельцев, продолжавшийся в течение многих веков, то здесь, то там, одерживал победу над лесом. Лесную опушку в первый раз выжигают под культуру маиса, и когда через несколько лет она снова начинает выростать, принимаются за вторичную распашку почвы, и на этот раз лес уступает свое место самородной флоре саванн; с другой стороны, в деле истребления лесных опушек человек нашел себе энергичных помощников в особой породе муравьев—так называемых зонтичных (occodoma cephalotes), которые не трогают травы, а нападают только на молодую листву деревьев, которую прогрызают своими острыми челюстями[1].

По словам Бельта, эти муравьи—сущие «земледельцы»: они выгрызают на молодых листьях кружки, которыми пользуются не для еды, как думали прежде, а для унавоживания ими подземных грибных плантаций, продукты которых и составляют их главную пищу. Тот же естествоиспытатель рассказывает о замечательной сметливости другой породы муравьев —эцитонов. Однажды он наблюдал поход целой колонии этих муравьев из вида *eciton hamata*, которой приходилось переправляться через лужу, где, в качестве мостика, лежала тоненькая веточка. Муравьи сообразили, что, пробираясь по такому узкому мосту вереницей, по одиночке, им придется употребить на переправу слишком много времени; тогда некоторые самоотверженные муравьи прицепились к ветке с каждой её стороны в два ряда и, расширив таким образом мост, дали возможность товарищам сделать переход по трое в ряд и тем ускорить его. Как на одно из замечательных явлений в фауне этой зоны возвышенностей, Бельт указывает ещё на пролет бабочек (timetes chiron), которые летят несметными полчищами над холмами постоянно в юго-восточном направлении. Никогда ему не случалось подметить их обратного движения: мириады этих бабочек, несущихся, может-быть, из дальних лесов Гондураса или Гватемалы, стремятся, словно увлекаемые каким-то непреодолимым потоком, поперек направлению пассатного ветра, к берегам Москитии.

Третий пояс, состоящий из озерных равнин и побережья Южного моря, составляет собственно Никарагуа, «Магометов Рай»[2], по выражению испанских завоевателей,—привилегированную страну, от которой естественно зависят две другие зоны. Это в одно и то же время

1 Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua".

2 Thomas Gage, „Nouvelle Relation des Indes Occidentales".

самый плодородный край, где может процветать всякая культура, и самый здоровый, так как дождевая вода, совершив свое великое дело оплодотворения земли, быстро исчезает в пористой почве; но морское побережье подвержено сильным западным шквалам, хорошо известным морякам на всём западном берегу Средней Америки и Мексики под названием *papagayos*, это название дано ему в честь Никарагуаского залива Папагайо, представляющего береговую воронку, где находятся бухты Салинас и Санта-Елена. Несмотря на это неудобство, туземное население сгруппировалось на перешейке, в тесно скученных друг подле друга городах, и преобразовало всю окрестность в сплошной сад. Местная флора состоит главным образом из культурных и сопутствующих им растений.

Уменьшение населения в Никарагуа совершилось в более значительных пропорциях, чем в остальной Центральной Америке, потому что в этой культивированной области перешейков жители не имели никакого убежища. Чем многочисленнее были индейцы, тем больше опустошений производила среди них резня. Даже в восточном Никарагуа, находящемся по соседству с Караибским морем, индейские племена густо населяли многие местности, впоследствии обезлюденные пиратами. Так, на пространстве между Мико и лиманом Блюфильдс попадаются древние кладбища, черепки глиняной посуды, каменные изваяния и даже человеческие изображения: испанские жилища, встречающиеся вниз по течению реки Мико, построены из обломков прежних индейских построек[1].

В настоящее время западные индейцы, т.е. индейцы Никарагуа в собственном смысле, встречаются лишь в виде метисов или *ладиносов*, и происхождение их приходится восстановлять путем истории. Чолутеки Гондурасской республики принадлежат к той же самой расе, как и индейцы Северо-Западного Никарагуа, но эти последние известны под другими названиями, именно мангов, награнданов, дирианов и оратиньянов: обычное название—чоротега или чоротеганосы—мало отличается от наименования гондурасских индейцев, и, по словам Бринтона, имеет то же значение «Изгнанники». Брассер-де-Бурбур и другие ученые думают, что чоротеги происходят от того же родоначальника, как и чиапанеки Восточной Мексики, и некоторые слова, встречающиеся ещё в магических формулах туземцев мангского происхождения, свидетельствуют об этом древнем родстве. Валентини видит в них майя, изгнанных из Чолулы до ацтекского периода: они назывались олмеками, как предки мексиканских нахуа на Анагуакском плоскогорье, и принадлежали, по всей вероятности, к той же расе[2]. Конечные слоги названий местностей в различных частях Никарагуа указывают несомненно на пребывание того или другого народа. Окончание *galpa*—ацтекского происхождения; *rique* обозначает города и возвышенности по обе стороны Гондурасской границы; в долине рио-Сеговиа названия местностей оканчиваются на *li* или *gnina*; в Чонталесе окончание *apo* или *apa*—наиболее распространены[3].

Когда испанцы прибыли в страну, хозяевами её были уже не чоротеги. Те же самые нахуа, которые победили чиапанеков и распространились на плоскогорьях Гватемалы, Сальвадора и Гондураса, явились в качестве победителей и в Никарагуа, по крайней мере за век до появления иноземцев из-за моря. Это тот народ нахуатльского племени, которому дали или, вернее сказать, который сам присвоил себе название никиранов или никарао; это самое название, судя по одной из многочисленных гипотез, относящихся к происхождению слова Никарагуа, и вошло в корень наименования испано-американской республики[4]. Подобно мексиканским нахуа, никарагуаские тоже имели свой город Толу или Тулу; они также умели передавать свои мысли и писать приказы на коже и на листах бумаги; они вырезывали иероглифы на скалах, ваяли статуи, строили храмы, не уступавшие мексиканским и юкатанским ни по размерам, ни по орнаментации и богатству. Название местностей нахуатль-

1 Thomas Belt, цитиров. сочинение.
2 Philipp Valentini, „The Olmeces and the Toltecas".
3 Thomas Belt, цитированное сочинение.
4 Desire Pector, „Archives de la Societe Americaine de France". Сентябрь 1888 г.

ского происхождения доказывает, что влияние этих ацтеков распространилось почти по всему Никарагуа; но в настоящее время нахуатльский язык перестал быть обычной речью даже на перешейке Ривас, где эти пришедшие с севера индейцы группировались во множестве. Теперь господствующим сделался испанский язык, с примесью мексиканских выражений; однако, по рассказам, в различных отдаленных местностях индейцы продолжают ещё в тайне поклоняться языческим идолам и говорят на каком-то таинственном наречии, вероятно, на языке своих предков[1]. В их сценических представлениях, изображающих мифы, исторические события или религиозные драмы, авторы употребляют особый жаргон, в котором нахуатльское наречие перемешивается с испанским; большая часть никарагуаских театральных пьес сопровождаются танцами, и потому их называют *bailes* или «балы»[2]. Почти все музыкальные инструменты, которыми пользовались на своих праздниках чоротеги и никираны, продолжают существовать ещё до сих пор у их потомков смешанной крови.

В Никарагуа, как и в Анагуаке, завоеватели поспешили уничтожить памятники туземной цивилизации. Так, в 1524 г., миссионер Бобадилла устроил на площади Манагуа костер, на котором велел сжечь все карты, картины религиозного или исторического содержания, календари и все другие нахуатльские и чоротегские документы, какие только можно было собрать[3]. Храмы были разрушены, идолы низвергнуты, а кладбища срыты, но всё-таки в половине этого столетия можно было встретить ещё много каменных изваяний, особенно на островах Никарагуаского озера, которые испанцы перестали посещать после истребления их жителей. На одном только острове Момотомбито Сквайр видел более пятидесяти гигантских монолитов из цельного базальта, изображающих человеческие фигуры и напоминающих собою чудовищные статуи острова Пак. На островах Сеиба, Пенсакола и Запатера[4] тоже было найдено много древностей, высеченных камней и надписей на стенах скал. Некоторые местности в Ометепе, где нахуатльское население сохранилось в своей первобытной чистоте, служили кладбищами для при-озерных жителей: один только исследователь Брансфорд вывез оттуда в Вашингтонский музей восемьсот драгоценных предметов, главным образом погребальные урны, заключавшие в себе трупы в сидячем положении, обвешенные разными украшениями. Дальнейшие раскопки вокруг древних индейских городов, под слоями эруптивного пепла, дадут, без сомнения, будущим археологам много сокровищ. Американец Флинт сделал во время своих изысканий весьма интересную находку: под слоями позднейших извержений вулкана Мазайа он открыл на пластах желтого пепла следы тысяч человеческих ног[5].

Смешение рас и политические перемены так сильно изменили нравы, что невозможно точно установить различие между кастильским или индейским происхождением различных обычаев. Однако, старинные хроники позволяют иногда проследить происхождение того или другого обычая. Так, по словам Паскаля-де-Андагоя, в области, лежащей между двумя озерами, главенство в семье принадлежало женщинам: они были законными хозяйками супружеского жилища и имели право не только бить, но даже прогонять своих мужей. Мазайяские индианки и доселе, после замужества, сохраняют право владения всем своим прежним девическим имуществом, и мужья могут пользоваться их состоянием только с формального разрешения на то жены[6]. Никарагуаские индейцы, также как родственные им народы остальной Центральной Америки, очень любят цветы, душистые кусты и птиц. С замечательным терпением они умеют приручать даже самых непокорных диких животных. В одном из древних никарагуаских городов, Кондега, расположенном на юге от Окаталя, главного города верхнего бассейна рио-Сеговиа, индейцы справляют ещё праздник природы по древнему

1 G. Brinton, „The Gueguence a comedy ballet in the nahuatle-spanish dialect of Nicaragua".
2 Paul Levy, цитированное сочинение.
3 Oviedo y Valdes, „Histoire du Nicaragua".
4 Bovallius, „Nicaraguan Antiquities";—Desire Pector, цитированное сочинение.
5 Brinton, „American Philosophical Society". Nov. 18 1889;—„Nature", March. 10, 1888.
6 Th. Belt, цитированное сочинение.

нахуатльскому обычаю. В ночь, предшествующую празднику, они садят против церкви стебли маиса, риса, бобов и всех других возделываемых ими растений, затем загоняют сюда домашний скот, развешивают клетки с птицами, приводят на цепи диких животных, иногда даже ягуаров, и ждут восхода праздничного солнца, которое должно пролить свои лучи на весь этот животный и растительный мир в миниатюре[1].

Гористые области водораздела, между покатостью озер и покатостью Атлантического океана, населены индейским народом, известным под именем чонталесов, или «варваров», как и различные туземные племена юго-восточной Мексики. Ещё до прибытия испанцев эти восточные индейцы находились в презрении у просвещенных нахуа западных равнин; а между тем развалины городов и многочисленные следы всякого рода построек, а также шоссейных дорог, указывают на то, что эти мнимые варвары были довольно сведущи в искусствах цивилизованных народов. Вытесняемые понемногу ладиносами, потомками белых и индейцев другой расы, чонталесы, сливающиеся на востоке с зумами (Sooms) или симу, с пополаками или вайкна, т.е. «Людьми»[2], быстро уменьшаются в числе; во многих округах остались только их могилы, расположенные обыкновенно обширным кругом вокруг жилищ; там, под развалинами кухонь, попадаются предметы домашней утвари, вроде тех, какие туземцы употребляют ещё в настоящее время. Чонталесы родственны, повидимому, гондурасским ленка: язык их не похож ни на нахуатльский, ни на майяский. Общую их численность определяют в тридцать тысяч; в частности они носят название, соответственное бассейну той реки, на берегах которой живут; впрочем, есть народцы и с самостоятельными названиями, таковы: пантасма на верховьях рио-Сеговиа; кукра, живущие на юге от первых, в бассейне рио-Гранде; карка, улуа или вульва (Wulwa), ламаны, мельхора, сиквиа и рама, живущие по рио-Мико—самые дикие из всех туземных народцев. Одно из племен, населяющее берега рио-Гранде, присвоило себе название Монтезумы, сделавшееся для всех жителей как Центральной Америки, так и Мексики, синонимом прежней независимости; но этот народ скорее караибского происхождения, нежели ленкаского[3]. К тому же название «караибы», в форме карабизи, встречалось в стране гораздо раньше водворения сан-винцентских караибов[4]. Говоря об языках страны, Херрера прежде всего упоминает об языке индейцев-карабизи: это—нынешние зума и вайкна.

Дикие индейцы, живущие в Никарагуа, отличаются большею частью красивым сложением, но среди них нередко встречаются калеки и хромоногие, вероятно, вследствие сырости их местожительств; *пинтосы*, с белыми пятнами на темном фоне кожи, встречаются целыми семействами. Тотчас после рождения ребенка, на голове у него делается насечка, чтобы спасти его от злого рока: это один из редких религиозных обычаев, оставшийся ещё у этих индейцев. У некоторых народцев этого племени женщины имеют обыкновение сплющивать головы своих новорожденных[5] посредством дощечки, к которой подвешивают раковины, чтобы ими отвлечь хоть немного несчастного ребенка от производимой над ним пытки; эта варварская операция нередко влечет за собою смерть. Прежде голову у грудных младенцев сдавливали, чтобы образовать на ней «два бугра по бокам, а посредине впадину»; по их мнению, лицо принимало от этого «более благородное выражение», а голова делалась крепче для ношения тяжестей[6]. Мужчины, особенно молодые люди, отличаясь крайнею выносливостью и нечувствительностью к болевым ощущениям, часто вызывают друг друга на пари, чтобы убедиться, кто из них дольше стерпит палочные удары или прижигания; случается, что они умирают под ударами, не испустив ни одного стона[7]. Свадьбы происходят обыкновенно без

1 Th. Belt;—J. Froebel, цитированные сочинения.
2 E. G. Squier, цитированное сочинение.—Bedford Pim, „The Gate of the Pacific".
3 Paul Levy, „Bulletin de la Societe de Geographie". Juillet 1871.
4 E. G. Squier, цитированное сочинение.
5 Bedfold Pim, цитированное сочинение.
6 Oviego y Valdes, „Histoire du Nicaragua".
7 Ch. Belt, „Journal of the Geographical Society of London", 1862.

всяких церемоний: все дети, мальчики и девочки, заранее уже обручены своими родителями и занимаются вместе с ними рыбною ловлею и охотою; достигнув зрелого возраста, они выстраивают себе собственную хижину в любой лесной просеке. Полигамия здесь очень распространена, но вторые жены почти все берутся из вдов, сирот или беглых, ищущих себе покровителя. После смерти мужа, жены обрезают свои волосы и сжигают всё, что принадлежало покойному; срубают даже фруктовые деревья, которые тот сам садил.

Главный промысел туземных индейцев составляют земледелие, охота и рыболовство; но сады их содержатся очень плохо и заростают сорною травою. Кроме бананов и маиса, их главных пищевых продуктов, они разводят преимущественно ачиот или орлеан, из которого добывают краску, служащую им для разрисовывания тела разными причудливыми узорами; кроме того, они возделывают растения, плоды которых идут на приготовление крепких напитков. Во время своих продолжительных оргий они предпочтительно пьют густую водку, приготовленную из маиса: это так называемый *ulung*; бурда, употребление которой сокращает жизнь и портит расу[1]. Несмотря на свои земледельческие занятия, индейцы, будучи полукочевым народом, часто меняют свои временные жилища или уходят в дальние охотничьи экскурсии. Так, например, индейцы племени карка целой бандой отправляются ежегодно на ловлю игуан в леса атлантического склона, к сухим косогорам, окаймляющим большое озеро; они подцепляют этих ящериц с ветвей деревьев посредством петли, подвешенной на конце длинного шеста; свалив животное на землю, они отламывают у него по пальцу на каждой ноге, связывают члены и зашивают рот несчастного пресмыкающагося, которое несут к себе домой и сохраняют живым до того дня, когда оно понадобится на обед[2]. Между орудиями, употребляемыми ещё до сих пор *уллеросами* (ulleros) или искателями каучука, Бельт обратил внимание на каменный топор, топорище которого устроено совершенно таким же образом, как это видим на уксмальских и паленквеских изваяниях.

Что касается так называемых «караибов» побережья, известных более под именем москос, москитос или «москитов», то это просто самбосы или метисы, помесь индейцев с неграми, представляющие также некоторую примесь европейской крови, от пиратов, делавших набеги на эти берега. Большое число жителей в провинциях Сеговиа и Матагальпа имеют светлые волосы и голубые глаза: по мнению натуралиста Бельта, происхождение этого характерного признака относится к XVI и XVII векам, когда креолы стали скрещиваться с французскими и английскими пиратами, водворившимися на материке. В 1687 году 280 корсаров, под предводительством «сира» Равено де-Люссан, оставив свои суда в бухте Фонсека, пустились внутрь страны на перерез континента, который в этом месте имеет около 500 километров ширины, и следуя долиной рио-Сеговиа, достигли Атлантического океана; после того и другие пираты поднимались по этой реке, так что рио-Сеговиа сделалась «главной дорогой между двумя океанами».

Перешейковая зона между озерами и вдоль Великого океана должна была естественно сделаться для испанцев-завоевателей излюбленной землей, так как она соединяла в себе все выгоды: плодородие почвы, легкость доступа, здоровый климат, относительную цивилизацию населения. Почти все испанские города выросли на месте бывших индейских городов или по крайней мере в близком соседстве с ними. Но до новейшего времени иберийская кровь, вместе с кровью африканских невольников, ввезенных некогда на плантации, была единственная, смешивавшаяся с кровью туземцев. Почти все белые, населявшие Никарагуа, принадлежали к сильной расе галлегосов или галисийцев, и их тип сохранился ещё до сих пор, но их испанский патуа содержит уже лишь небольшое число слов, заимствованных из галисийского наречия[3]. Не-испанские иммигранты—французы, итальянцы, англичане и северо-американцы—стали появляться здесь только в середине XIX века, и притом или по одиночке, или небольшими отдельными группами. Между тем европейские рабочие отлично

1 Paul Levy, цитированное сочинение.
2 Thomas Belt, цитированное сочинение.
3 Paul Levy, цитированное сочинение.

могли бы акклиматизироваться, сотнями тысяч, во многих округах, особенно в Матагальпе. Близ этого города образовывается немецкая колония земледельцев и мельников[1].

Чинандега, северо-западный город Никарагуа, по дороге в Гондурас, состоит из двух отдельных местечек: старого города, называемого просто Эль-Виехо, построенного на скате вулкана того же имени, и нового города,—который собственно и есть настоящий Чинандего,—расположенного в нескольких километрах к юго-востоку, ближе к морю, и гораздо более населенного, чем старый. Он имел даже период процветания, когда был необходимым складочным местом для всей торговли, производившейся на севере—через Эстеро-Реаль и порт Темписке, на западе—через гавань Реалехо, основанную Альварадой, в 1534 г.; но его гавани с течением времени пришли в запустение, вследствие их постепенного обмеления. Нигде так наглядно не выразилось торжество деятельности корнепусков на пользу материка, как здесь: на самом дереве плоды пускают корни различной длины, от полуметра до целого метра, и когда эти плоды отделяются, то их длинные придатки держат их в плавучем положении на поверхности грязной воды, и они колышатся на ней под влиянием прилива и отлива до тех пор, пока не прикрепятся к илу и не дадут зародыша новых корнепусков; Поль Леви говорит, что постоянное приращение берега в лимане Реалехо можно исчислить почти с математической точностью. Нынешний порт Коринто, расположенный на низком полуострове морского побережья, защищен ещё, кроме того, островком Кардон и имеет прекрасную якорную стоянку на протяжении более 7 километров в длину и одного километра в ширину: во время отлива глубина воды достигает почти 7 метров, а во время прилива увеличивается до 12 метров. Это самый деятельный торговый порт Никарагуа на Великом океане и главнейший пункт вывоза красильного дерева. Средняя годовая ценность торгового обмена в Коринто: 10.000.000 франков.

Леон, главный город республики, служит складочным местом для товаров Коринто. Преимущества его положения между озером Манагуа и двумя лиманами Коринто и Эстеро-Реаль, в замечательно плодородной равнине, так велики, что ожидаешь найти здесь наиболее густое население во всей Центральной Америке: уже в те времена, когда испанские завоеватели вторглись в Никарагуа, в индейском городе Субтиаба насчитывалось до ста тысяч жителей. Первый испанский город этого округа был основан в 1523 г., но не в равнине, с восточной стороны которой возвышаются вулканы Маррабиос, а в Имбите, на северо-западном берегу озера Манагуа. Разные, следовавшие одна за другой, невзгоды заставили колонию переместиться в непосредственное соседство с Субтиабой, городом награнданов. Новый город, сделавшийся местопребыванием главного управления провинции Никарагуа, быстро достиг цветущего состояния, и в 1680 г. пираты, предавшие этот город пламени и разграблению, нашли там огромные богатства. В конце XVIII века Леон и Субтиаба имели вместе, как говорят, более пятидесяти тысяч жителей; но в течение этого столетия население сильно уменьшилось, в особенности вследствие войн. В 1811 г. Леон поднялся против испанцев; затем, после провозглашения независимости, наступили междоусобия; честолюбцы не преминули воспользоваться вечным соперничеством чолутеков равнины, или нагрaндонов, и чолутеков возвышенности, или дирианов, представленных в расе «Клерикальным Леоном» и «Либеральною Гранадою»[2]. С того времени, как ранг столицы наследовал третий город, лежащий между двумя враждебными городами, взаимная ревность улеглась, и Леон снова оправился: железная дорога соединяет его с Коринто и с другими городами перешейковой области. Город снабжается чистой ключевой водой из окрестных оврагов, а вокруг вулканов находятся горячие ключи, пока ещё мало утилизируемые, по той причине, что вне Леона край представляет почти совершенную пустыню. Главный местный бич—наводнения: дождевая вода скопляется в безлесных оврагах вулканов и низвергается целыми потоками прямо на город; улицы, вымощенные булыжником, с покатостью к средине, представляют собою в это время настоящие ручьи, а низкие дома, стоящие по краям их, заливаются водой

1 Desire Pector, рукописные заметки.

2 J. Froebel, цитированное сочинение.

почти до самой крыши.

Манагуа, нынешняя столица республики, в середине этого столетия была простою деревушкою, построенною на месте одного индейского города, в ста метрах выше озера того же названия; береговые утесы, покрытые зеленью, ограничивают террасу города. По соседству находятся небольшие озера без истечения, Тискапа, Нехапа, Асососка и Апойо, бывшие вулканические пузыри, которые, лопнувши, наполнились водою, с различным содержанием солей, смотря по составу земель и лавы. На стенах озера Нехапы видны следы индейских надписей. Сделавшись столицей, временной резиденцией конгресса и правительственных учреждений, Манагуа стала соперником двух городов—Леона и Гранады. Окрестности её были некогда очень богаты хлопчатником; в настоящее время они засажены кофейными плантациями. За местечком Типитапа и временной рекой того же названия, тянутся леса, изобилующие бразильским деревом (caesalpinia crispa). Восточные берега озера Марагуа отделены от предгорий Чонталесов черными болотистыми землями, называемыми *jicarales*, от преобладающего там дерева *jicaro* (тыквенное дерево), плоды которого доставляют туземцам почти всю необходимую для них посуду.

Гранада, прогрессивный город Никарагуа, есть, как и Леон, один из самых древних городов страны. Он был построен в 1523 году Франциском де-Кордоба, близ индейского города Салтеба или Жалтеба, обратившагося теперь в его предместье. Необычайное богатство его полей и приобретенная им в Вест-Индии известность служили приманкой для пиратов, которые три раза совершали свои набеги на этот город; в 1665 и в 1670 г.г. они явились сюда со стороны озера Никарагуа, поднявшись вверх по течению Сан-Жуана, и, ограбив город, предали его огню; пятнадцать лет спустя другая банда английских и французских корсаров нагрянула со стороны Великого океана и снова обложила город, но большинство жителей успели укрыться на архипелагах Никарагуаского озера, захватив с собою наиболее ценные вещи. Наконец, в 1856 г. флибустьер Уокер, после неудачной попытки сделаться властелином Центральной Америки, покинул Гранаду только после того, как сжег её. Город расположен на склоне плоскогорья, возвышающагося на северо-западной стороне озера Никарагуа: перед ним правильным полукругом расстилается бухта, дуга которой оканчивается на южной стороне великолепным мысом вулкана Момбачо. Справа и слева открываются глубокие овраги, естественные рвы, придающие Гранаде характер сильно укрепленного военного поста, что и было одной из главных причин его частых несчастий. Неудобство покатой почвы выкупается мощеными рампами, которые устроены с некоторыми промежутками между площадками: иногда бывает очень опасно ездить по скользкому плитняку, который всегда гладко выметен ветром или чисто вымыт дождем. Общественные здания Гранады не щеголяют никакими архитектурными красотами; зато этот город имеет важное значение, как центр просвещения, промышленности и торговли. По соседнему побережью, под надежною защитою островков, Ислетас, следует, одна за другою, несколько пристаней для нагрузки судов. Единственная небольшая бухта, заслуживающая названия порта, где может поместиться флотилия судов, находится гораздо южнее: это—Чарко-Муерто, защищенная от пассатных ветров островом Запатера.

Департамент Гранада,—самый населенный в республике, заключает в себе много городов и значительных местечек. Центром местной промышленности и, так сказать, образцом всех прочих городов служит Мазайя, населенный исключительно индейцами метисами, в количестве около пятнадцати тысяч. Он расположен к северо-западу от Гранады на плоскогорье, над которым, с западной стороны, господствует одноименный с ним вулкан; город стоит как раз на краю громадного обвала, зияющего у основания этой горы. Мазайя и его соседка, прелестная Ниндири, настоящий «сад Гесперид», положительно купаются в зелени; при каждом доме имеется огород, прекрасно возделанный и доставляющий в изобилии цветы, овощи и фрукты. Владельцы, пользующиеся скромным достатком, увеличивают свои доходы разными мелкими промыслами, занимаясь тканьем, производством горшечных, сапожных, кожевенных и седельных изделий, а также гамаков и массы других предметов для местного

потребления. Мазаяский табак вывозится и заграницу. Город снабжается водой прямо из озера посредством паровой машины, доставляющей воды в пять раз больше, чем сколько добывали прежде, когда четыре тысячи женщин и детей ежедневно два раза ходили на озеро за водой по тропинке, спускающейся извилинами по откосу.

Жинотепе, город возвышенностей, расположенный на высоте 766 метров над уровнем моря, к юго-западу от Мазайи, обогащается от своих многочисленных кофейных плантаций; другой город, Нандаиме, лежащий в прекрасной долине, спускающейся к бухте Чарко-Муерто, служит центром роскошных какаовых плантаций; по близости от него находится знаменитое имение Валь-Менье, продукты которого продаются в самом Никарагуа, так как цена их слишком высока, чтобы они могли служить материалом для приготовления обыкновенного шоколада. В 8 километрах к западу от Нандаиме, виднеются развалины Нандаиме-Виехо, который, как полагают, был разрушен землетрясением.

Ривас, находящийся в самой узкой части перешейка, отделяющего озеро Никарагуа от Южного моря, имел бы полное право называться «метрополией» республики. Он был некогда резиденцией начальника никиранов, кацика Никарао, от имени которого, по свидетельству большей части летописей, получила свое название и вся страна; это был исходный пункт дела обращения туземцев в христианство и завоевания: Бабадилла окрестил здесь впродолжении девяти дней более 29.000 человек[1]. Однако, ни одного испанского города не основалось в этой прекрасной стране, и индейская деревня Никарао-Калли была возведена в ранг города лишь в 1720 г., к большому неудовольствию жителей её соперницы Гранады. Этот новоиспеченный город долгое время назывался «Никарагуа», но с начала этого века за ним утвердилось имя Риваса. Индейское население смешанной крови, состоящее из садовников и мелких земледельцев и группирующееся преимущество в центральных кварталах и в предместьях, придает городу приятный сельский характер: улицы и переулки проложены между изгородей из кактусов, фруктовых садов и плантаций; со всех сторон город охватывают зеленеющие сады. За предместьями Ривас продолжается ещё рядом деревень, с разбросанными домиками, Ображе, Потози, Буенайре, которые тянутся на несколько миль; на восток город спускается с своей террасы к Сан-Жорже, своему порту на озере Никарагуа. Против Риваса, на равнине, которою оканчиваются на севере высокие острова-близнецы Ометепе, виднеются несколько деревень и небольшое местечко Альта-Грасиа.

Лежащие на берегу Великого океана деревушки Брито и Сан Жуан-дель-Сур, называемая также Конкордией, напоминают проекты прорытия Никарагуаского канала; рано или поздно открытие междуокеанской дороги сделает имя Брито столь же громким, как имена Суэца и Панамы; однако, её порт, площадью всего только в 27 гектаров, защищен плохо и нуждается в больших волнорезах. Великолепная гавань, находящаяся в бухте Салинас, принадлежащая как Никарагуа, так и Коста-Рике, утилизируется лишь для эксплоатации салин в Боланьосе и не имеет ни одного города на своих берегах. Это почти круглый бассейн, вечно спокойный, имеющий более 50 квадратных километров протяжения, с непостоянною глубиною от 12 до 27 метров. Еслибы прорыть канал через песчаный перешеек, что здесь сделать очень легко, то бухта Салинас была бы соединена с другой бухтой, Санта-Елена, лежащей несколько южнее и тоже хорошо защищенной. За нею начинается уже Коста-Рикское побережье. «Транзитная дорога», проходившая к югу от Риваса, от бухты Вирген к порту Сан-Жуан-дель-Сур, заброшена с тех пор, как северо-американцы соединили железной дорогой Калифорнию прямо с Атлантическим побережьем.

В сравнении с западным склоном, восточный, можно сказать, почти необитаем, и всё цивилизованное население, имеющее в себе примесь европейской крови, сгруппировалось на возвышенностях, около вершины водораздела. На всём протяжении обширной долины рио-Сеговиа имеется всего один город, Окоталь или «Сосновка», называемый так от обилия сосновых лесов, покрывающих окрестные горы; это главный город департамента Сеговиа. У Окоталя было несколько предшественников, которые играли роль главных городов этой

1 Oviedo y Valdes, „Histoire du Nicaragua, collection Ternaux-Compans".

уединенной области, но все они были разрушены пиратами. Первая Сеговиа, основанная в 1524 г., быстро достигла цветущего состояния, благодаря промыслу промывки золотоносных песков, которым занимались во всех окрестных долинах. «Истребитель» Морган, знаменитейший из корсаров на Антильском море, разрушил этот город в 1654 г. Его снова выстроили позади прежнего, в более безопасном месте, но москитские пираты и туда нашли дорогу: пришлось строиться в третий раз, а затем и в четвертый, отодвигаясь всё дальше от моря. Таким образом нынешняя «Сеговиа», известная более под именем Окоталя,—ещё город новый; она расположена на высоте 615 метров над уровнем моря, на левом берегу многоименной реки, впадающей в море около мыса Грасиас-а-Диос. Окрестная область чрезвычайно богата рудными залежами: золотом, серебром, медью, железом и оловом. От первого города, разрушенного пиратами, осталась одна только церковь, вокруг которой бедные негры выстроили свои хижины. Ниже по реке следуют, одно за другим, несколько небольших индейских поселений. Одно из них, Коом, лежащее у самого речного устья, служило резиденцией одного самбоского «короля».

Верхняя долина рио-Гранде населена немного плотнее и обработана лучше, чем долина рио-Сеговиа. Матагальпа, главный город, имеет то преимущество, что находится в очень доступной долине, открытой со стороны Никарагуаского озера, хотя воды её текут к Атлантическому океану. Город находится в цветущем состоянии, благодаря быстрому разрастанию кофейных плантаций. Жинотега, расположенная, с другой стороны горы, на одном из притоков рио-Гранде, тоже год от году развивается, и культура её долины прогрессирует в ущерб сосновым лесам. Горы этой области, подобно окатальским, изобилуют драгоценными металлами, и около индейского города Себако, приютившегося на высокой скале и известного своею храброю защитою против испанцев, виднеются многочисленные галлереи, откуда туземцы извлекли огромное количество золота, которым впоследствии и откупились. Существует некоторое иммиграционное движение к Матагальпе, и недавно ещё там водворилась целая колония европейских рабочих; но другая колония, основанная на берегах реки, среди леса и вдали от испанских деревень, погибла, вследствие крайне нездорового климата и недостатка жизненных средств. После этого возникли новые колонии на нижнем течении реки, которые держатся довольно прочно, благодаря караибам и ямайским неграм, главному составному элементу своего населения. Золотоносные пески Принсиполки привлекли много эмигрантов в землю зумов, на притоки рио-Гранде[1].

Акойапа, или Сан-Себастиан, скромная столица департамента Чонталес, построенная на месте древнего, очень населенного города, есть не более, как местечко, лежащее среди болот, близ восточного берега Никарагуаского озера, на котором оно имеет порт—Сан-Убальдо. В том же прибрежном районе, но значительно севернее, у основания белых утесов сиерры Амеррика, находится другой город, Жуигальпа,—что значит по-ацтекски «Большой Город»; он, повидимому, действительно был центром многочисленного населения, если судить по его развалинам, по найденным при раскопках идолам и по различным надписям, покрывающим окрестные скалы, но до сих пор ещё не разобранным; в чонтальской земле могильные курганы располагались вокруг домов, так что служили для них как бы оградами. С другой стороны цепи, на атлантической покатости, лежит Либертад, главный город очень богатого рудами, но крайне опасного для здоровья округа, где климат отличается чрезмерною сыростью; самыми энергичными рабочими, но в то же время и самыми отчаянными головорезами являются иммигранты из Гондураса.

К востоку от этих рудников, расположенных в бассейне реки Блюфильдс, страна почти необитаема до большой одноименной с рекой лагуны, которую аллювии постепенно съуживают и на берегу которой находится деревня Блюфильдс, бывший притон пиратов и резиденция Москитского короля,—вдвойне короля, судя по обычному названию его *rey-king*, в одно и то же время испанскому и английскому[2]. Этот царек, состоявший под покровитель-

1 Desire Pector, „Compte rendu de la Societe de Geographie", заседание 11 апреля 1890 года.

2 Thomas Belt, цитированное сочинение.

ством Великобритании, а теперь подвластный республике Никарагуа, которая и оплачивает расходы по его содержанию, управляет от имени республики всеми деревнями на берегу Москитов, лежащими между рио-Хуезо и ле-Рама, на протяжении почти 250 километров по направлению с севера на юг. Блюфильдс служит также центром протестантской миссии и английских школ на побережье. Местечко окружено обширными банановыми и другими плантациями, которые с 1883 г. питают большую торговлю фруктами, бананами, кокосовыми орехами, ананасами, апельсинами, с Новым Орлеаном и Балтимором. Блюфильдские бананы высоко ценятся на рынках Соединенных Штатов. Берега лагуны де-лас-Перлас и островов Маисовых, или Корн-Айлендс, тоже сделались местами культуры. В береговых лагунах водится много устриц, а между тем в кухонных отбросах, находимых огромными кучами в прибрежных лесах и состоящих почти исключительно из различных раковин, совсем не содержится этих двустворчатых: в этих Kjokkenmoddinger находили глиняную посуду и человеческие фигурки[1].

Сан-Карлос, расположенный на левом берегу Дезагвадеро, как раз у места её истока из озера, представляет собою лишь небольшую группу хижин, над которыми господствуют развалины древнего форта: это та самая деревушка, в которой Белли видел будущий Константинополь американского Босфора и которую в своих надеждах, впоследствии обманутых, он окрестил именем Фелисиа, т.е. «Счастливый Город». Другой пост, Кастильо—самое значительное из поселений, лежащих ниже по реке, до города Сан-Жуан-дель-Норте, или Грейтауна, как его часто называют с того времени, когда он был во владении англичан. Этот город, прославившийся в истории войн между испанцами и пиратами и междоусобий между англичанами и американцами, служит, несмотря на отсутствие в нём порта, единственным, на Атлантическом побережье Никарагуа, местом входа торговых судов. Его деревянные домики, окрашенные в белый цвет, окружены прелестными садами, осененными пальмами, хлебными и другими деревьями, замечательными своими цветами, плодами или запахом; стены обвиты вьющимися растениями, которые унизывают их благоухающими букетами. Расположенный в соседстве болот и потоков, то наполненных водою, то совершенно сухих или полных жидкой грязи, затопляемый впродолжении девяти месяцев в году проливными дождями, город этот должен бы быть, повидимому, гнездом всякого рода заразы; он и действительно подвергается различным болезням, но, если верить не прожектерам, ратующим за или против прорытия канала, а беспристрастным путешественникам, Сан-Жуан всё-таки—один из наименее нездоровых городов побережья. Причина этого лежит в особом свойстве проницаемости вулканического песка, наносимого рекой, который тотчас же всасывает в себя дождевую воду, поглощая вместе с нею все нечистоты с поверхности земли. Кроме того берег совершенно открыт влиянию сильного северо-восточного пассатного ветра, который дует здесь постоянно, унося на далекое расстояние испарения почвы[2].

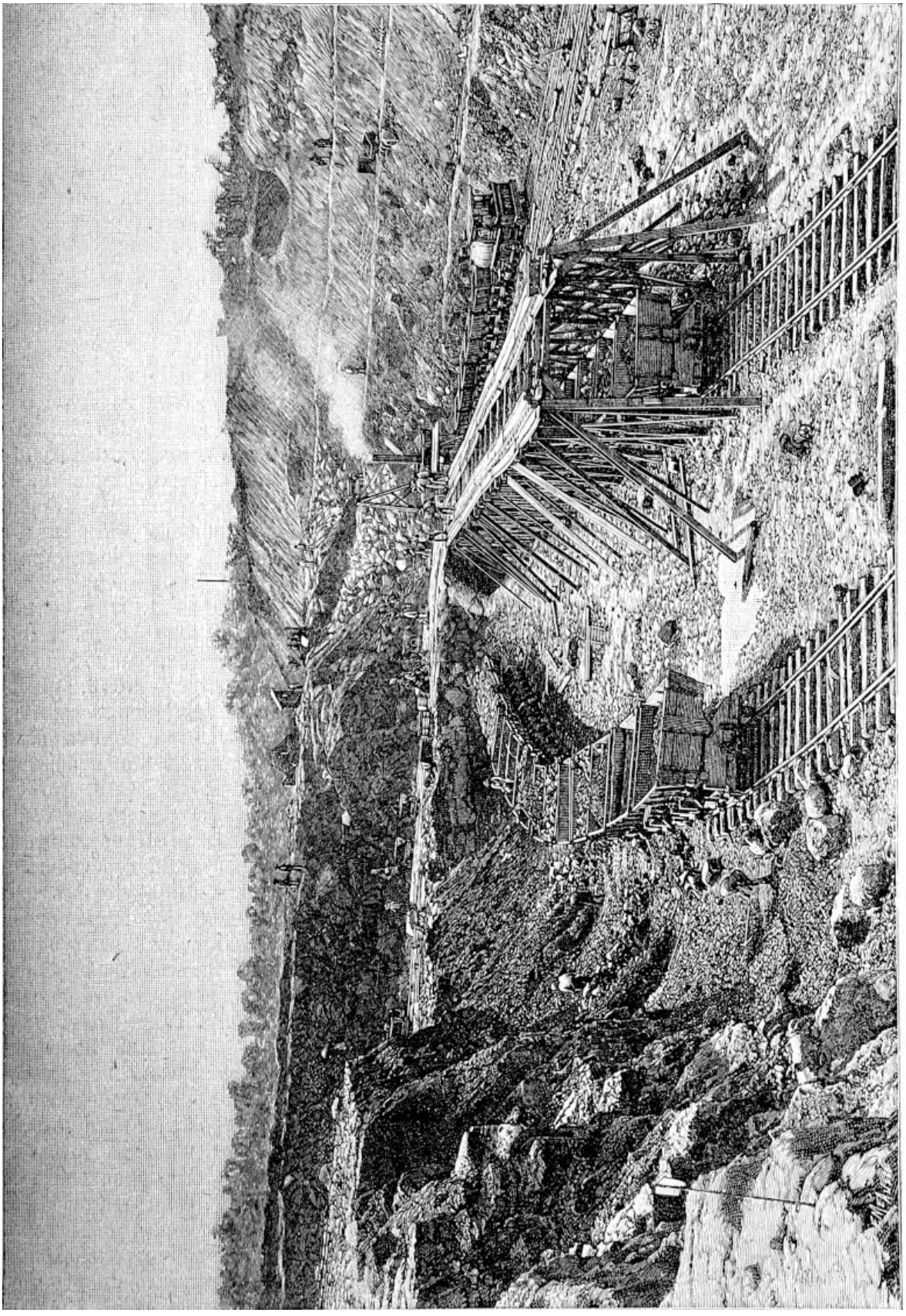
Отсутствие порта в Сан-Жуан-дель-Норте побудило инженеров, строителей Никарагуаского канала, открыть искусственную гавань на северо-западе. Сооружением плотины, упирающейся в материк и выступающей в море на 1.300 метров, слабому речному течению помогли смывать пески, благодаря чему постепенно образовался фарватер в 2 метра глубины. Несколько домов, разместившихся на пляже, указывают местонахождение будущего города Америка, торжественно основанного 1-го января 1890 г. Самою лучшею якорною стоянкою на северном побережье считается Пунта-Мико, находящийся между реками Блюфильдс и Рама; оттого Бедфорд Пим предлагал избрать этот пункт конечной станцией трансконтинентальной железной дороги, через раздельный хребет между Атлантическом океаном и озером Никарагуа. Концессионеры Никарагуаского канала строят железную дорогу, которая соединит долину Рама с портом Сан-Жуан. Таким образом предприятие будет располагать двумя портами и областью для заселения и культуры.

---

1 Ch. Belt, „Journal of the R. Geographical Society“. 1862.

2 J. Frobel, цитирован. сочинение.

Хотя число жителей в сравнении с обширным пространством пахатной земли очень незначительно, но оно несомненно увеличивается в Никарагуа, как и в других испано-американских республиках. По переписи вице-королевства Гватемалы в 1778 г., на провинцию

Работы на Панамскомъ перешейкѣ у кузницъ Санъ-Пабло.

Никарагуа приходилось около 132.000 жителей. В 1813 году, по новому исчислению, население увеличилось всего на 17.000 человек, но, начиная с этой эпохи, численность населения стала прогрессировать более быстро, несмотря на междоусобия и набеги: в 1846 г. в Ни-

карагуа насчитывалось уже 257.000 жителей, а в 1890 г.—375.000, т.е. на каждый квадратный километр приходилось 3 человека: по плотности населения Никарагуа стоит ниже других родственных ей республик. В среднем, рождаемость в два раза превосходит смертность. *По исчислению 1895 г., население в Никарагуа 380.000, а со включением нецивилизованных индейцев—около 420.000 душ*.

Главное производство в Никарагуа составляют земледельческие продукты, и обилие свободных земель дает этому промыслу возможность постоянно развиваться. Самым прибыльным предметом вывоза является кофе, доставляемый исключительно провинцией Гранада; затем следует каучук, собираемый не с культивированных растений, а с самородных деревьев, которые срубаются лесопромышленниками-караибами в больших лесах атлантического склона. Банановыя плантации с каждым годом всё более и более распространяются, благодаря возрастающему спросу на этот продукт в Соединенных Штатах: в 1887 г. стоимость вывезенных бананов достигала 1.350.000 франков. Никарагуаские плантаторы разводят также для отпускной торговли какаовые деревья и сахарный тростник, но культура индиго почти совсем заброшена. Из европейских деревьев они разводят апельсинные и лимонные деревья, которые не вошли ещё в состав самородной флоры Центральной Америки, так как встречаются только около человеческих жилищ; другое европейское растение, лимонное дерево (citrus limonum) совершенно натурализовалось здесь, вероятно, потому, что его кислый сок служит ему предохранительным средством против нападений муравьев[1].

Скотоводство также составляет одно из богатств страны: крупного скота насчитывается в Никарагуа около 1.200.000 голов; его вывозят отсюда в Коста-Рику, через Гуанакасте, и в Гондурас, через Экоталь; травяные плато в области Чонталес могли бы питать миллионы животных. Некоторые крупные землевладельцы владеют стадами в несколько тысяч голов; встречаются также большие имения в собственно земледельческих областях, но вообще в Никарагуа не преобладает порядок крупного землевладения, благодаря легкости свободного существования. Каждый гражданин всегда может найти в свободных землях небольшой участок и устроить на нём свой *milpa* и *chaguite*, т.е. маисовое поле и банановую плантацию, и этого для него вполне достаточно. Поэтому он не видит необходимости идти в работники к крупным землевладельцам, а если и идет, то не иначе, как за хорошее жалование, несмотря на то, что жизненные припасы крайне дешевы. В Никарагуа система закрепощения рабочих посредством их невольной задолженности не свирепствует так тяжело, как в Мексике.

Рудные богатства страны очень велики, но эксплоатация их находится ещё в зачаточном состоянии: наиболее искусно управляемые рудники—чонтальские, издавна принадлежащие английским владельцам; что касается до промывки золота на берегах рек атлантического склона, то этим занимаются почти исключительно прибрежные индейцы и самбосы. Но даже в настоящем своем положении горный промысел—самый деятельный в Никарагуа. Здесь насчитывают сотнями людей, именующих себя «инженерами», но фабрик и заводов совсем нет, и, кроме мебели и грубых тканей, все мануфактурные товары получаются из Европы и Соединенных Штатов. Даже шарфы, которые ткутся в стране, делаются из шелка, привозимого из-за границы; шедевры никарагуаской промышленности—изделия из глины, которыми занимаются в Сомотильо, у границы Гондураса, гамаки в Субтиабе и Мазайе, тыквенная посуда в Ривасе, с разными рельефными украшениями.

Внешняя торговля ещё очень незначительна в этой стране, которой, однако, кажется, суждено быть местом транзита для торгового обмена между двумя частями света: на каждого жителя ежегодно приходится около 50 франков. Первое место в этой торговле принадлежит Соединенным Штатам, затем идут Великобритания и Германия; Франция занимает лишь четвертое место в движении обмена.

Торговое движение в Никарагуа в 1898 году: ввоз—579.236; вывоз—636.710 фунт. стерлингов.

Из двух торговых портов Никарагуа, Сан-Жуан-дель-Норте—на Атлантическом океане и

1 Thomas Belt, цитированное сочинение.

Коринто—на Великом океане, последний играет первенствующую роль (в 1898 году в этом порте было в приходе: 78 океанских судов, вместимостью 114.161 тонна, и 104 каботажных, вместим. 62.886 тонн). Внутренняя торговля увеличивается соответственно расширению сети железных и колесных дорог, а также и телеграфных линий.

Железных дорог в 1897 г.—146 километров; телеграфных линий в 1896 г.—2.006 километров; переслано по почте писем и пр. в 1896 г.—2.619.242.

Промышленное и торговое развитие пойдет гораздо быстрее, если будет наконец прорыт канал, так давно существующий лишь в проекте. Несомненно, что еслибы только не проект бесшлюзного канала, оставивший преимущество за Панамским перешейком, то Никарагуаский перешеек давно бы уж был прорыт, потому что он представляет наиболее удобное место для сооружения канала со шлюзами, так как здесь ступени понижения идут весьма незаметно: путь сам себя указывает через озеро Никарагуа и его *desaguadero*. Такия завидные условия породили даже смелый проект воспользоваться Никарагуаскою впадиною,—самым низким местом во всей области Перешейков,—для устройства в ней бесшлюзного рва от одного моря до другого, при чём уровень воды в озере понизился бы более чем на половину, и вместе с тем освободилось бы несколько сот тысяч гектаров земли для культуры в центральном бассейне страны[1]; но прорытие рва более чем в 350 километров длиною и к тому же в стране с таким климатом оказалось не по силам современной индустрии. Что касается до простых проектов канала, то перечислять их всех было бы слишком долго. О канале заговорили вскоре после завоевания страны, и ещё во время испанского владычества пират Эдвардс Давид предлагал прорезать порог между «Гранадским озером» и Южным морем. В 1730 г. инженер Мартин де-ла-Бастид представил проект канала, и в следующем же году мадридское правительство приказало приступить к первой нивеллировке местности, намеченной для устройства канала; в 1814 г., когда уже колониальная империя ускользала из рук испанцев, кортесы вотировали прорытие Никарагуаского перешейка. По восстановлении независимости Центральной Америки, новая республика тотчас же сама декретировала исполнение этого дела; но одного декрета было слишком мало для осуществления предприятия: только в 1843 г., после многочисленных проектов и контр-проектов, появилась первая смета, составленная Джоном Бальи, по сооружению канала, конечным пунктом которого назначался Сан-Жуан-дель-Сур.

Начиная с этой эпохи серьезные планы, основанные на наблюдениях и нивеллировках, следовали один за другим, но для практического осуществления предприятия не находилось необходимых капиталов; даже проект Феликса Белли, сделавшийся предметом конвенции между двумя пограничными республиками—Никарагуа и Коста-Рика, не мог быть выполнен. Неудача Панамского предприятия оживила надежды спекуляторов, которые предложили провести междуокеанскую дорогу через озеро Никарагуа, и работы по прорытию канала действительно были начаты в конце 1889 года, но не на счет северо-американского правительства, как на то надеялись финансисты. Смета была исчислена в 375 миллионов франков, по [Вайзу (Le Canal de Paname), была бы необходима двойная сумма], и более или менее основательные обещания инженеров определяли окончание работы в шестилетний срок. Общее протяжение пути будет иметь 273 километра, из которых 228 километров приходится на реки и озера и только 45 на самый канал. Для прохода из одного океана в другой, самому большому океанскому судну, говорят, потребуется всего 30 часов. Канал может пропускать ежедневно 32 судна, в год, стало быть, 11.680, вместимостью приблизительно 12 миллионов тонн.

Река Сан-Жуан катит массу воды, которая могла бы питать сотни каналов; но течение её слишком непостоянно, и русло слишком засорено наносами, чтобы можно было утилизировать её ложе и приспособить его к большому плаванию. Поэтому канал следует вести помимо нижнего течения реки, куда впадают мутные притоки из Коста-Рики, и довести его до спокойной части течения Сан-Жуана: в этом искусственном канале, около 40 километров

1 Virlet d'Aoust, „Congres international de Geographice Commerciale", Paris 1878.

протяжения, будут устроены три шлюза по 167 метров длины каждый, которые будут поднимать суда до уровня Никарагуаского озера, т.е. выше, чем на 33 метра против уровня низкого моря; глубина канала будет иметь 8 с половиною метров, а минимальная ширина дна 24 метра; побочные обходные пути будут прорыты около самых узких проходов. Пройдя верхний шлюз, который придется отделить плотиной от устья Сан-Карлос[1], суда направятся вверх по реке, затем пересекут вкось озеро Никарагуа, у которого придется углубить юго-восточную часть канала, и вступят в нижний канал, откуда уже спустятся в Великий океан по искусственному озеру и по долине небольшой реки, которая называется рио-Гранде только по сравнению с другими маленькими речками перешейка. Две громадные плотины превратят некоторые части канала в озера, воды которых будут изливаться в порт Брито. Таков грандиозный проект, составленный предварительно Толие де-Гамоном в 1858 г., а затем пересмотренный и дополненный другими инженерами и главным образом Менокалем; но миллионы, которых требуют инженеры, будут ли доставлены акционерами? Наконец, достаточно ли будет тех колоссальных сумм, которые показаны в смете, чтобы довести до конца это грандиозное предприятие, требующее таких обширных работ, как постройка гигантских шлюзов, сооружение огромных портов среди буйного моря, поддержание одинаковой глубины в канале, постоянно засоряемом наносами? Во всяком случае расширяющаяся с каждым годом торговля и слишком осязательная необходимость иметь навигационный путь, сокращающий для тысячи судов обход в 15.000 километров вокруг Южной Америки, делают осуществление этого предприятия всё более и более вероятным.

Однако, самый успех полон угроз для страны, в которой откроется новый Босфор. Уже Колумбийская республика ссылается на королевскую хартию 1803 г., чтобы предъявить притязание на весь берег Москито, бывшую Тологальпу, или «Страну Птиц», и таким образом сделаться обладательницей одних ворот Никарагуаского канала, как она уже сделала относительно междуокеанской железной дороги и неоконченного Панамского канала? Но, даже оставляя в стороне эту дипломатическую претензию, не оправдываемую настоящим положением вещей, Никарагуа не должна ли предвидеть другие, более серьезные, опасности, грозящие с севера? Без сомнения, манагуаское правительство не поставило себя в оффициальную зависимость от Соединенных Штатов по постройке междуокеанского канала, и акт концессии, данной частной компании, ставит условием, чтобы она не имела права ни передавать своих прав, ни продавать какому-либо другому правительству всех или только части уступленных ею земель; крайние порты и воды канала будут открыты для всех наций и объявлены нейтральными. Но контракты сами по себе, а факты своим чередом: когда Никарагуаский канал откроет великий водный путь из Нью-Йорка в Сан-Франциско, когда компания захватит в свои руки всю торговлю и силою капитала станет властительницею городов и портов, когда в её распоряжении будет огромный механизм и целая армия служащих,—каким образом маленькой Никарагуаской территории, с её редким населением, удастся сохранить свою экономическую независимость, рядом с такой могущественной ассоциацией? Не следует ли опасаться, что после полувекового интервала другие северо-американцы, уже не поборники рабства, а купцы возьмут реванш за Ривас?

В настоящее время работы на этом канале приостановлены; законопроекты относительно его сооружения рассматриваются в Соединенных Штатах. Конвенцией между Великобританией и Соединенными Штатами, подписанной 5 февраля 1900 года, постановлено, что канал может быть построен под покровительством Соединенных Штатов, но должен быть свободен и открыт, как в мирное, так и в военное время, торговым и военным судам всех наций, на условиях полного равенства.

По новой конституции, обнародованной в июле 1894 года, законодательная власть принадлежит конгрессу, члены которого избираются всеобщим голосованием. Президент республики пользуется своими полномочиями четыре года; совет состоит из четырех министров

1 Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen“, 1887 Heft V.

—внутренних дел, иностранных дел, финансов и общественных работ. *Военные силы состоят из действующей армии, резерва и национальной гвардии; к первой принадлежат все граждане в возрасте от 18 до 35 лет; ко второму—все граждане от 36 до 45 лет; к третьей—граждане в возрасте от 46 до 65 лет. Число войска на действительной службе переменное, но не должно превышать 3.500 человек.* Финансы республики, как и в соседних государствах, основываются главным образом на монополии водки, табаку и пороха, и таможенные пошлины и некоторые другие незначительные налоги дополняют доходы; что касается до расходов, то самая значительная часть их поглощается общественными работами, народным образованием (в 1892 г. в Никарагуа было 1.020 школ, с 20.000 учащихся), почтою и телеграфом; военный бюджет в общем составляет лишь пятнадцатую часть всего национального бюджета. Государственный долг, внешний, в июле 1899 г., составлял 286.000 фунтов стерлин., внутренний в 1898 г.—7.500.000 долларов.

Бюджет Никарагуа в 1897 г.: доходов— 4.688.061 долл., расходов—3.852.750 долл.

Следующая таблица указывает административные подразделения республики, с их пространством и вероятным населением в 1890 г.

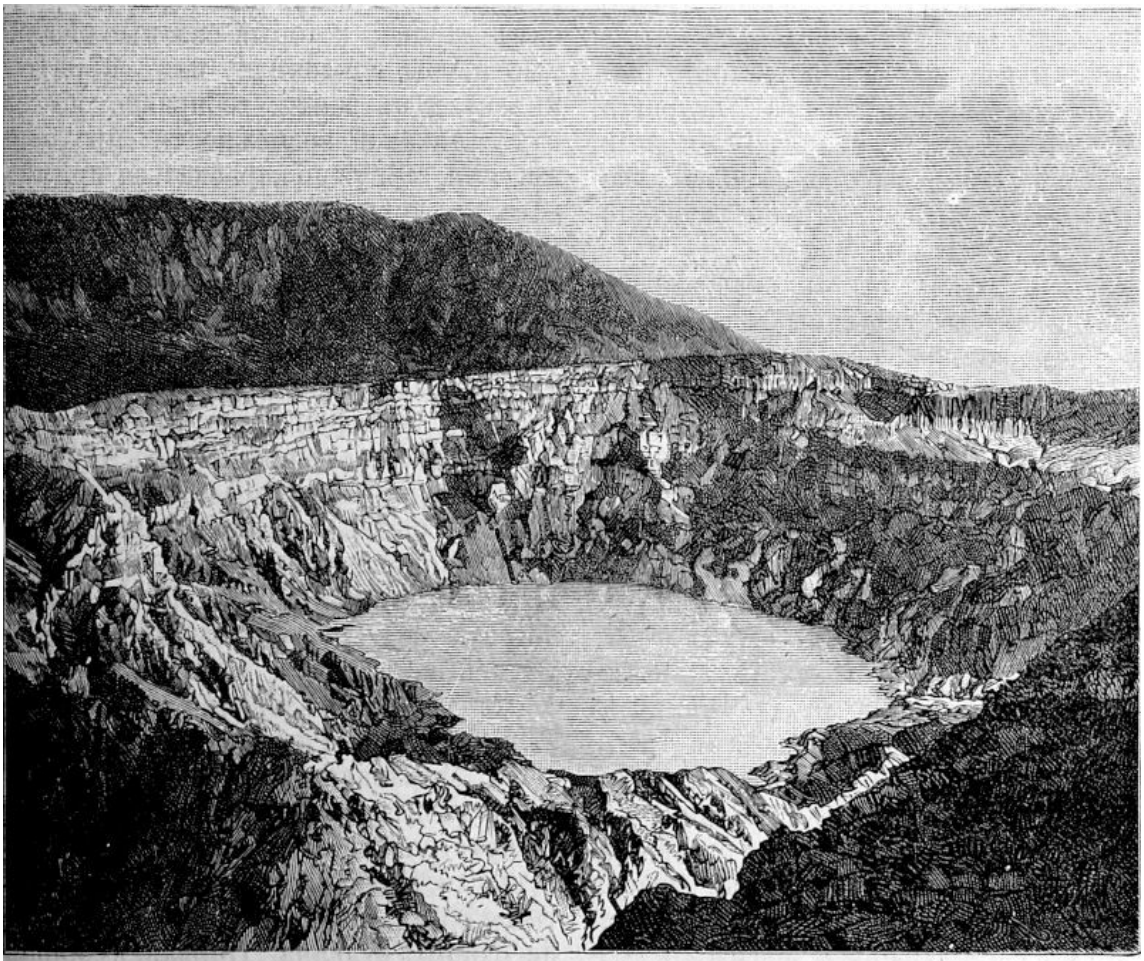
Территории	Пространство в квадратн. километр.	Население, жителей	Километрич. плотность, жителей	Главные и значительные города, жителей	
Чинандега	5.260	40.000	8	Чинандега	8.000
Леон	8.124	65.000	8	Леон	34.000
Манагуа и Гранада	6.698	90.000	13	Манагуа	20.000
				Гранада	15.000
				Мазайя	14.000
Ривас	2.798	45.000	15	Ривас	12.900
Сеговиа (Окоталь)	41.730	35.000	1	Окоталь	5.000
Матагальпа	21.000	40.000	2	Матагальпа	9.000
Чонталес	19.500	40.000	2	Акойапа	2.000
Резерва Москита	20.620	20.000	1	Блюфильдс	1.000
Пространство	125.950	375.000	2,5		

Коста-Рика.

Южная республика более или менее фиктивного союза Центральной Америки, Коста-Рика, пространством превосходит только один Сальвадор, а по населению уступает всем прочим республикам американского перешейка; можно даже сказать, что Коста-Рика в собственном смысле сводится к очень узкому поясу территории, образующему террасу между двумя морями на полу-высоте вулканической цепи. Но это плоскогорье, лежащее, в среднем, на высоте слишком тысяча метров, населено народом, отличающимся некоторою своеобразностью среди испано-американских обществ: он лучше слился в нераздельное национальное целое, прогрессивное его развитие менее прерывалось внешними войнами и междоусобиями. В некоторых отношениях Коста-Рика—образцовая республика Центральной Америки. Она также одна из самых цветущих, и главным источником её богатства служат не рудники, как на то, повидимому, указывает её имя, а земледельческий промысел. Название «Богатый Берег», данное некогда всему юго-западному побережью Антильского моря, т.е. всем берегам залива Колумб или Москитии, применяется в настоящее время почти только к одной Колумбийской области Верагуа, благодаря обилию в ней золота; но Коста-Рика в собственном смысле, известная в начале под названием Нуева-Картаго, так мало обогатила своих первых жителей, что, по словам некоторых писателей, название «Богатый Берег» было сохранено за ней лишь как антифраза. Неясные понятия о географии страны заставили, так сказать, блуждать это название до тех пор, пока оно окончательно не утвердилось за территорией нынешней республики, которая, по обилию металлоносных жил, не может

сравниться ни с Гондурасом, ни даже с Чирикуи[1].

Подобно другим родственным республикам, Коста-Рика постоянно вела дипломатические споры со своими соседками относительно границ, хотя её собственная территория ещё слишком обширна для того, чтобы как следует эксплоатировать её и культивировать. Самые серьезные споры, сопровождавшиеся иногда даже кровавыми схватками, происходили с Никарагуа. Округи Никойя и Гуанакасте, составляющие теперь самую значительную область Коста-Рики, на берегу Великого океана, прежде входили в состав провинции Никарагуа: естественной границей между двумя странами считался залив Никойя. Но в первые годы независимости политические раздоры в Никарагуа дотого обострились, что два юго-западных округа её требовали от правительства Центральной Америки своего присоединения к Коста-Рике, пока в Никарагуа не будет восстановлен порядок. Присоединение состоялось и, со-

Одинъ изъ трехъ кратеровъ вулкана Поасъ.

гласно желанию народа, мало-по-малу утвердилось, а затем договором между двумя пограничными республиками было признано оффициальным образом.

Но с другой стороны перешейка, в бассейне Сан-Жуана, столкновение было серьезнее, так как эта река служит естественным путем для торговли той и другой республики, и всякая раздельная линия, которая заперла бы для Коста-Рики эти ворота её владений, сильно повредила бы её интересам. Трактат 1858 г., утвержденный в 1888 г. третейским судом президента Соединенных Штатов, уладил этот вопрос. По этому трактату, к южной республике отходит правый берег реки, от устья Сан-Жуана почти до укреплений Кастильо (граница не доходит до укреплений три мили или $5^1/_2$ километров); затем пограничная линия огибает этот форт в 8 милях на юге и востоке, описывает все изгибы реки и озера Никарагуа, прохо-

1 J. Bernardo-Calvo, „Apuntamientos geograficos sobre Costa-Rica“;—Leon-Fernandez, „Collecctiones de documentos para la historia de Costa-Rica“.

дя от них в $2^1/_2$ милях расстояния, и продолжается до устья рио-де-ла-Флор, которая соединяется с Великим океаном немного севернее бухты Салинас.

Со стороны Колумбии споры относительно границ были менее серьезны, потому что для Коста-Рики спорные области не имеют особенного интереса, так как самые передния её колонии ещё далеко не доходят до оспариваемой границы. На юге, со стороны Великого океана, длинный мыс Пунта-Бурика ясно указывает границу, тогда как на севере, на Караибском море, Коста-Рика требует возвращения себе бухты Чирикуи и её островов, включая сюда и Эскудо-де-Верагуа; с своей стороны, Колумбия захватывает в свои владения всю бухту Чирикуи и даже дель-Альмиранте, до Бока-дель-Дрого, или «Пасти дракона». Вопрос был представлен на третейский суд Испании, но дипломатические архивы имеют в этом отношении менее значения, чем голос народа: жители оспариваемой территории считают себя колумбийцами, тогда как северное население состоит из коста-риканцев и никарагуасцев.

В своей совокупности Коста-Рика может быть названа высокою террасою, возвышающеюся над котловиной, которую наполняют воды Никарагуаского озера. На юг от этого обширного бассейна ярусами громоздятся горы, поднимаясь до самой вершины вулканической кордильеры, тянущейся с северо-запада на юго-восток. Не больше как в тридцати километрах к югу от узкой полосы земель, лежащей между бухтой Салинас и озером Никарагуа, возвышается двойной вулкан Орози (2.638 метров), из кратера которого, покрытого растительностью, вырываются горячие пары: фумароллы окружены цветущими кустами[1]. За Орози следует почти изолированный вулкан Ринкон-де-ла-Виеха, или «уголок Старухи», названный так, без сомнения, потому, что считается заколдованным местом: это могущественный массив, с четырьмя остроконечными вершинами, на северо-восточном склоне которого открывается громадный кратер, откуда, с небольшими промежутками, вырываются, как ракеты, шипящие пары. Затем, в том же направлении, т.е. с северо-запада на юго-восток, следует пик Мираваль (1.434 метра), конус правильной формы, оканчивающийся двумя небольшими горами, между которыми лежит широкая впадина, бывшая прежде, по всей вероятности, кратером. Конечная часть потухшей горы покрыта дремучим лесом, который сильные северо-восточные ветры наклонили или, вернее сказать, пригнули к земле: взбираясь по склонам, нет никакой возможности проходить под ветвями, а нужно карабкаться прямо по ним, как в других местах по могучим корням сеиба или черного дерева. Нижние склоны Мираваля, напротив того, покрыты лишь травой, вероятно, потому, что эруптивная лава не успела ещё настолько разложиться, чтобы могла питать лесную растительность; повсюду, где почва состоит из пепла, превратившагося от времени в чернозем, плодородие её прямо поразительное. У основания вулкана бьют горячие источники и серные пары Хорнильосов, или «Малых печей». Из этой горы выходит ручей, имеющий фиолетовую воду, что объясняется присутствием в ней марганца и меди[2]. Соседняя гора Хедионда, или «Зловонная», обязана своим названием тоже выделениям сернистого газа.

За Миравалем и соседним с ним Тенорио в юго-восточном направлении тянется на пространстве ста километров горный хребет лос-Серрос-де-лос-Гватузос, покрытый лесами; во всей этой цепи не встречается ни одного вулкана. Первая курящаяся гора находится уже в центре перешейка: это—вулкан Поас (2.644 метра), простой бугор на вершине плоскогорья, содержащий в одном из своих трех кратеров озеро с глубокой водой, изливающееся, посредством рио-Анжель, в Сарапикуи: верхний кратер заключает в себе озерко горячей воды, откуда по-временам выходят пары, которые подымаются на сотни метров вверх, расплываясь по воздуху затейливыми клубами[3]. Прежде этот вулкан назывался Вотос, или «Обетный», может-быть, потому, что он в 1815 г. был торжественно окрещен и «посвящен» Жуану де-Диос, или, вернее, потому, что индейцы племени вотос скитались по лесам его северных склонов; настоящее его название Поас тоже происходит от одного индейского племени. Де-

1 Moritz Wagner und Carl Scherzer, „Die Republik Costa-Rica“.

2 Valentini, „Petermann's Mittheilungen”, 1861, Heft. IX.

3 H. Pittier, „Informe sobre el actual estado del volcan Poas“, 1890.

вятнадцать лет спустя после его освящения, вулкан имел первое извержение, которое истребило все окрестные леса и пастбища[1]. Восточный сосед Поаса, Барба, представляет собою уже успокоившийся вулкан, кратер которого обратился в озеро, немного выше Поаса (2.835 метров); ещё дальше высится гигант коста-рикских вулканов, Иразу. А между тем эта гора, возвышающаяся севернее Картаго, со стороны плоскогорья вовсе не имеет того величественного вида, который подобал бы господствующей вершине, откуда открывается вид сразу на оба океана и на всё пространство Коста-Рики, от горы Орози до Ровало. Из Картаго его едва различишь среди других вершин, и склон его так отлог, что по нём можно, сидя на муле, спокойно добраться до самой высокой точки. Эти склоны покрыты полями маиса, табака и картофеля, а выше тянутся пастбища; затем идет конечный пояс дубовых лесов. Иразу, по всей вероятности, немного ниже, чем его считали ещё недавно, согласно измерениям Габба: он не достигает 3.500 метров. Питтьер установил для всех растительных поясов горной окружности более низкие границы, чем их определил американский ученый: культура маиса доходит на склонах до 2.235 метров, а картофельные поля—до 2.700 метров высоты. Последние строения, дома деревушки Биррис, самого высокого поселения во всей республике, находятся на высоте 2.843 метров; последние дубы виднеются на высоте 3.171 метра, а самая высокая из трех вершин достигает 3.414 метров.

Шестой и последний вулкан восточной окраины, Туриальба (3.325 метров), не имеет величественного вида пика Тейде или Котопахи: с плоскогорья он кажется простой насыпью из гравия, которая сливается с общей поверхностью страны посредством незаметной волнистости; но из всех Коста-Рикских вулканов Туриальба, своими взрывами, наиболее способствовал изменению общего рельефа страны. Начиная с 1866 г., он не переставал выбрасывать обильные пары, с незначительным количеством пепла. По Франциусу, настоящее название вулкана— Турриальба, от *turris alba*, т.е. «Белая Башня», так как края его кратера беловаты; но Тьель и Питтьер доказали, что это название туземного происхождения[2]. У северного основания этих Коста-Рикских гор в аллювиальных равнинах, орошаемых притоками Сан-Жуана, возвышается несколько островных холмов: таков Тортугуеро, конус почти в 200 метров высоты, окруженный болотистыми аллювиальными землями[3].

Цепь Коста-Рикских вулканов идет не параллельно побережью Великого океана; она образует немного косую линию с главною осью этой части перешейка. В общем она описывает даже дугу, выпуклость которой обращена к югу, а самая высокая её часть идет поперек, в направлении к Атлантическому океану. Наблюдения Питтьера привели его к выводу, что самые древние вулканы Коста-Рики начали извергаться в первые века вторичной эры: в эту эпоху ряд конусов возвышался среди моря, по тому же направлению, как и островные вулканы архипелага Гавайи; осадочные слои, наполняющие промежутки между вулканами и покрывающие их основания, служат доказательством действительного существования этого архипелага. Тот же автор говорит, что ни один из Коста-Рикских вулканов не имел извержений лавы в исторический период, но Туриальба и Иразу несколько раз выбрасывали огромное количество пепла, который ложился по направлению к западу-юго-западу от вулканических жерл, гонимый в эту сторону движением пассатного ветра[4]. Плоскогорья, лежащие к югу от цепи вулканов и изборожденные местами реками, имели прежде в своих впадинах озера: котловины Алажуела, Сан-Жозе и Картаго были озерными бассейнами. Постепенное разрушение стен мало-по-малу осушило их[5].

Землетрясения здесь очень часты, но обыкновенно они проявляются в довольно легкой форме и только по близости вулканов. В конце же 1888 года было очень сильное землетрясение, совпавшее с грязевыми и водяными извержениями Поаса и Иразу; последствием его

1 Frantzius, „Petermann's Mittheilungen“, 1861, Heft X.
2 H. Pittier, „Observaciones y exploraciones efectuados en el ano de 1888“.
3 Frantzius, „Petermann's Mittheilungen”, 1862, Heft III.
4 H. Pittier, рукописные заметки; — „Bulletin de la Societe de Geographie de Neuchatel“. 1890.
5 G. Atwood, „Quaterly Journal of the Geological Society“. Aug. 1 1882.

было повреждение многих зданий в соседних городах и разрушение нескольких деревень. Изучив статистику сеизмических явлений в Коста-Рике за семнадцать последовательных лет и сравнив её с таблицей дождевых осадков за то же время, Питтьер пришел к заключению, что усиленная деятельность вулканов и явления землетрясений стоят в прямой зависимости от просачивания до самых вулканических очагов дождевой воды, в изобилии выпадающей в мае и сентябре[1].

К югу от цепи Коста-Рикских вулканов горы прерываются: две реки, рио-Гранде-де-Тарколес, текущая к Великому океану, и Ревентазон, впадающая в Антильское море, переплетаются своими истоками в ущелье Очомого (1.545 метров), которое в предшествующую геологическую эпоху было одним из соединительных проливов между двумя океанами. Эта брешь, которая для местных жителей стала естественной дорогой от одного моря к другому, составляет, так сказать, истинную Коста-Рику: на севере, склоны вулканической цепи, обращенные к долине Сан-Жуана, покрыты целым морем зелени, и там живут только дикие индейцы; на юге же, до границ Колумбии, простирается ещё мало известная область, очень богатая естественными произведениями. Некоторым из путешественников, например Габбу, Бовалиусу и Тьелю, удалось проникнуть в глубь этого обширного лесистого массива, занимающего площадь в 20.000 квадр. километров; но ещё недавно эти горы изображались на карте только по профилям, начерченным моряками, в соседстве обоих побережий; природа же их оставалась совершенно неизвестной, и многие из пиков были приняты за вулканы только вследствие остроконечной формы их вершин.

В той части Коста-Рики, которая лежит к югу от ущелья Очомого, совсем не встречается курящихся гор. Гора Херрадура или Турубалес, образующая южный пилон при входе в залив Никойя, по своей форме походила бы на Везувий, опоясанный оградою Соммы, если бы не была покрыта лесами до самой вершины. Туземцы рассказывают, что иногда видели выходивший из её вершины легкий дымок, а Монтессю-де-Балльор утверждает даже, что издали приметил извержение паров; более того—говорят, что там часто слышится с правильными промежутками исходящий из горы глухой гул, никогда, однако, не сопровождаемый извержением паров или шлака[2]. Однако Питтьер сомневается в верности этих рассказов и утверждает, что эта остроконечная гора даже не вулкан[3]. Боковой кряж соединяет Херрадуру с горами Дота—отрывком средней цепи, которая тянется по Коста-Рике в одинаковом расстоянии от обоих морей. Цепь Дота изображают различно: то в виде центрального массива, от которого расходятся отроги меньшей высоты, то как часть главного хребта, господствующего над Южной Коста-Рикой; по наблюдениям Питтьера, эта последняя гипотеза ближе к истине, чем все другие. В этой цепи местами возвышаются высокия вершины: серро-Чирипо, в земле Кабекар, гора Уюм (2.940 метров), Нему, Комук или пико-Бланко (2.914 метров), на котором, как говорили прежде, иногда, будто бы, появлялись снежные полосы,—явление необычайное под девятым градусом северной широты,—и наконец, пик Ровало (2.137 метров), высящийся подле колумбийской границы. Пико-Бланко прежде считали вулканом, но изыскания Габба показали, что это гранитный питон, пробившийся сквозь пласты миоценовой эпохи.

Кроме гор, расположенных в собственно континентальной части Коста-Рикского перешейка, существует ещё цепь полуостровных возвышенностей, идущая вдоль берега Великого океана. При взгляде на карту, сразу бросается в глаза поразительное сходство; если не по величине, то по форме, между двумя полуостровами Никойя и Гольфо Дульсе. Оба они состоят из цепи высот, идущей параллельно материку и отделенной от него узкой полосой низких земель. Но эти два полуострова—не единственные: мыс Пунта-Бурика, где проходит граница, отделяющая Коста-Рику от Колумбии, принадлежит своею оконечностью к той же линии возвышенностей, продолжающейся на юге Панамы островом Коиба, большим по-

1 H. Pittier, рукописные заметки.

2 Moritz Wagner und Carl Scherzer, цитирован. сочинение.

3 Рукописные заметки.

луостровом Азуэро и архипелагом де-лас-Перлас. Эти цепи и эти отдельные массивы, как полуостровные, так и островные, описывают своею совокупностью правильную дугу почти в 900 километров длиною, которая вполне соответствует дугообразному очертанию самого ма-

Антильскій пейзажъ у Святыхъ острововъ.

терика между озером Никарагуа и заливом Панама. Самая высокая коста-рикская вершина этой наружной цепи достигает у южной оконечности полуострова 600 метров высоты. Первые мореплаватели так были поражены этою островною формою континентальных вырезок

западного побережья, что на своих картах отделили их от материка «Сомнительным проливом», *Estrecho dudoso*[1].

Коста-Рика имеет слишком узкие склоны на обоих морях, чтобы на материке её могли развернуться более или менее значительные реки. Даже самые многоводные её потоки не имеют, так сказать, имени: так, реки Сан-Карлос и Сарапикуи утрачивают свои названия, слившись с Сан-Жуаном, которому они доставляют значительнейшую часть его вод. Колорадо, которая, напротив, сама получает почти все воды Сан-Жуана,—тоже коста-рикская река и сливается с Сарапикуи посредством рукавов рио-Сусио, или «Грязной реки», которая то и дело меняет свое русло и внутренния дельты, вследствие наносов песку, глины и даже целых деревьев, пригоняемых сюда наводнениями. Самые обильные дожди выпадают на том склоне высоких гор, который обращен на северо-восток, т.е. стоит как раз под прямым углом к пассатным ветрам; вследствие этого и реки этой покатости значительно обильнее водою. Рио-Парисмина или Ревентазон, принадлежащая к другому бассейну, чем Сан-Жуан, находится на том же дождевом склоне и изливает гораздо большее количество воды, чем можно бы было ожидать, судя по незначительной длине её течения. С той же стороны, изливается ряд других рек, между прочим, рио-Сиксола, или река «Бананов», и Тилорио или Чангинола, которая, по Мануэлю Перальта, есть прежняя рио-де-ла-Эстрелла, стяжавшая легендарную известность своими золотоносными песками[2]. То же название рио-Эстрелла дали другому, менее обильному водному потоку, который протекает севернее, около мыса Кахуита, и где действительно в некоторых местах добывают золотой песок.

На тихоокеанской покатости, лишенной правильного выпадения дождей, реки, в отношении своей длины, не отличаются обилием вод. Тем не менее три из них носят название рио-Гранде, или «Большой Реки»: рио-Гранде-де-Терраба, впадающая в море на севере залива Дульсе; рио-Гранде-де-Пиррис, протекающая на юге горной области, в которой Херрадура образует западный мыс, и наконец, рио-Гранде-де-Тарколес, получающая свое начало на пороге Очомого, как и Ревентазон, но изливающаяся в противоположную сторону, пройдя по глубокому ущелью у подошвы порфировых откосов горы Агвакате. Рио-Гранде-де-Тарколес, увеличенная впадением Тириби, которая, по количеству воды, может считаться главной рекой[3], вливается в море против южной оконечности полуострова, образуемого заливом Никойя, тогда как другая река, Темписке, впадает в северный лиман залива, перерезав низкий перешеек, который служил узким проходом между полуостровом Никойя и материком. Все эти реки вносят в залив свою долю осадков, но главною причиною засаривания и обмеления залива служит юго-восточный приток, который течет вдоль побережья и, входя в бухту, пригоняет к северо-западному краю залива весь сор, захваченный по пути, включая сюда трупы животных и обломки растений, скопляющиеся на пляжах[4]. Средняя глубина бассейна не достигает даже 20 метров.

Залив Никойя, названный так по имени одного туземного предводителя, которого испанцы склонили на свою сторону, вместе с шестью тысячами его подданных,—очертаниями своими и конфигурацией гор представляет прекраснейшее сочетание пейзажей, какое можно встретить разве только в Неаполитанском заливе, на Босфоре или в проливе Симоносеки; но не велико ещё число счастливцев, которые могут любоваться этими чудными картинами природы: деревушки и города, лежащие на этих берегах, не из тех, имя которых прославилось в истории. На водах залива разбросано множество островов больших и малых, высоких и низких, которые темною зеленью своей лесной растительности представляют эффектный контраст с лазурью отдаленных гор. Самый близкий остров к Пунтаренасу, порту республики на Южном море, своими очертаниями напоминает отчасти остров Капри: это остров Сан-Лукас, из которого сделали место ссылки. Он известен в Центральной Америке сложившею-

1 Manuel de Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panama en el siglo XVI“.
2 Manuel de Peralta, цитированное сочинение.
3 Paul Biolley, „Costa-Rica et son avenir“.
4 G. Atwood, „Quarterly Journal of the Geological Society“, Aug. 1, 1882.

ся про него легендою об огромном кладе, зарытом в его недрах корсарами, потерпевшими кораблекрушение у его берегов: немало находилось искателей легкой добычи, которые изрыли остров во всех направлениях, в надежде найти клад; но все их поиски остались безуспешными. Гольфо-Дульсе, значительно более глубокий, чем Никойя, совсем не имеет в своем бассейне островов.

Подобно Мексике и Гватемале, Коста-Рика представляет последовательные переходы трех зон: «теплой», «умеренной» и «холодной»; только местный климат и группировка растительных пород различаются между собою в тысяче мелочей, смотря по высоте, местоположению и относительному соседству. Впрочем, климатические условия Коста-Рики точно изучены только в одной местности, именно в столице Сан-Жозе; правда, что скучено более четверти всего коста-рикского населения в этом городе и его окрестностях, а девять десятых всех жителей республики сгруппировались в умеренном поясе, на плоскогорье, окаймляющем с южной стороны цепь вулканов. В общем климат Коста-Рики существенно морской, ровный, благодаря ветрам, дующим то с одного, то с другого океана. В Сан-Жозе средняя годовая температура превышает 20 градусов по стоградусному термометру, тогда как к побережью она, нечувствительными переходами, поднимается до 26 градусов, а к вершинам гор постепенно понижается. На высоте 2.800 метров над уровнем моря Питтьер находил тонкую ледяную пленку по берегам ручьев, а на вершине Иразу, т.е. на 600 метров ещё выше, видел даже иней, покрывавший почву.

При одинаковой высоте, температура Антильского склона ниже, чем на склоне Великого океана: свежие пассатные ветры, дующие с открытого моря, и большая влажность атмосферы, в виде дождей или туманов, умеряют жару, но в то же время делают климат сырым и неблагоприятным. В то время, как на западном склоне времена года сменяются без резких переходов, и дожди идут исключительно в течение семи месяцев с мая до ноября, а три месяца в году, январь, февраль и март, бывают совершенно сухими,—на Атлантическом склоне сезон дождей длится, можно сказать, весь год; но и там самым дождливым временем надо считать то, когда солнце находится в зените: годовое выпадение дождей подымает по крайней мере на 3 метра обычный уровень бассейнов Ревентазона и Колорадо. Пассатные ветры, приносящие на этот склон зимние дожди, а на противоположный—резкие, сухие шквалы, прибывают на берега с восточной, северо-восточной и даже с северной сторон; муссоны же, благодаря которым, с мая по ноябрь, орошаются долины Тихо-океанского склона, приходят с запада и дуют обыкновенно по нормали к берегу; но они не так сильны и менее регулярны, чем пассатные ветры.

Метеорологические условия в Сан-Жозе:

Широта	Высота	Температура			Дождл. дней	Высота дождей
		Максимальн.	Минимальн.	Средняя		
9°,56'	1.135 метр.	29°,75	11°,75	21°,91	151	1м,768

Климат Коста-Рики—один из самых здоровых во всей Центральной Америке, как для туземца, так и для иностранного колониста; тем не менее и на этих высотах случаются эпидемические болезни: холера, корь и коклюш уносят тысячи жертв, зато чахотка составляет совсем редкое явление. В сырых долинах женщины часто страдают зобом, а в низких областях побережья свирепствуют лихорадки. Иностранцы, живущие на плоскогорье, сплошь и рядом подвергаются ревматизму, который является результатом слишком сырого воздуха, но, применившись к климату, они обыкновенно осваиваются с ним и почти уже не подвергаются серьезным заболеваниям; для работы на открытом воздухе и для прогулок им приходится пользоваться утрами, потому-что даже в дождливое время года эти ранние дневные часы отличаются сухостью и ясностью, и природа представляется во всём блеске своей красоты и свежести.

Несмотря на то, что флора Коста-Рики имеет большое общее сходство с флорою других стран Центральной Америки, ботаники констатируют резкий контраст между растительными видами, так как разрез, представляемый Никарагуаскою котловиною и долиною Сан-

Жуана, дает вполне точную, естественную линию раздела: большие леса делят флору и фауну, подобно морским рукавам. Так, на сотню видов папоротников, собранных Леви в Никарагуа, всего только три или четыре встречаются в 36 породах, коллекцию которых Поляковский собрал в Коста-Рике. Это—замечательное доказательство необыкновенного различия между этими двумя флорами: даже флоры России и Испании не представляют большей разности[1]. Другие виды растительности представляют тоже значительные контрасты, хотя и не в такой резкой степени. Кактусы, занимающие во многих областях Мексиканского плоскогорья обширные пространства, с исключением всяких других растений, едва представлены на плоскогорье Сан-Жозе и являются там в виде весьма незначительных представителей, а хвойные, преобладающие деревья холодных областей Мексики, не встречаются на возвышенностях Картаго. В Коста-Рике проходит естественная граница южно-американской флоры: в лесах встречается множество видов, принадлежащих Колумбии, между прочим, несколько пород лжехинного дерева, которые будущим плантаторам легко будет заменить видами, имеющими экономическую ценность. Древовидные папоротники растут на высоких склонах до 2.300 метров и выше, а бананы останавливаются на 300 метров ниже[2].

Склоны гор, обращенные к центральному плоскогорью, и даже некоторые части территории, простирающейся южнее, были обезлесены до последней степени; но всё-таки можно сказать, что «девственный» лес существует ещё в большей половине Коста-Рики, обращенной к водам Атлантического океана. Все горные склоны между вулканами и течением Сан-Жуана покрыты морем деревьев, которых перевившиеся ветви лиан соединили в одну общую массу. Разнообразие пород прямо изумительное: в этой части Коста-Рики на пространстве ста квадратных метров встречаешь больше разнообразных типов деревьев, чем на поверхности в 250 квадратных километров в Северной Канаде[3]. Группировка этих деревьев чрезвычайно разнообразна, как и самые виды. Под сводом зелени, раскинувшей свои ветви с одного берега на другой, протекают в виде галлереи ручьи. В западных саваннах, особенно в Гуанакасте, рассеяны острова деревьев, которые придают ландшафту особую прелесть, хотя в величии и уступают девственному лесу. Одним из характерных деревьев этих островных групп является один вид мимоз, называемый *guanacaste*[4], от которого получила наименование и самая провинция: длинные ветви этой мимозы, с нежной листвой, служат обезьянам любимыми местами отдохновения. Вдоль дорог, проложенных по плоскогорью, тянутся прямыми рядами аллеи мексиканских тополей, листва которых зимой опадает, как и у европейских тополей. По сообщению Питтьера, вся Коста-Рикская флора, в своей совокупности, заключает в себе по крайней мере 2.200 видов.

Подобно флоре, и фауна Коста-Рики отличается необыкновенным богатством в сравнении с другими странами жаркого пояса. Главною причиною такого разнообразия служит изобилие растительной пищи, но последовательное расположение поясов Северной и Южной Америк выражается и в Коста-Рике в распределении как животного, так и растительного царств; несмотря на незначительную ширину перешейка, между обоими берегами морей два раза проходят все переходные ступени климатов, начиная от теплых болот побережья до сверкающих инеем горных лугов: если бы даже Коста-Рика имела протяжение Анагуакского плоскогорья, и тогда климатические условия не могли бы быть более разнообразными. Так, в этой перешейковой области можно встретить животных, вывезенных из Соединенных Штатов, на-ряду с другими породами, происходящими из Бразилии, но преобладают всё-таки южные породы. В саваннах Гуанакасте сплошь и рядом попадаются койоты северных прерий, а самым обыкновенным животным из отряда грызунов является здесь белка: она прыгает по ветвям деревьев рядом с обезьянами, которых тоже здесь можно найти в изоби-

1 Wagner und Scherzer, „Costa-Rica“.

2 „Petermann's Mittheilungen”. 1877. Heft VII.

3 Moritz Wagner, „Die Republik Costa-Rica”;—Polakowsky, „Jahresberickt des Vereins fur Erdkunde zu Dresden”, 1879.

4 Куаух—накацли, или орлиное ухо (Buschmann, „Aztekische Ortsnamen”,—Pector, цитированное сочинение).

лии[5].

Кроме того, Коста-Рика обладает несколькими собственными породами: таковы, например, обезьяна ревун, отличная от гвианских цепкохвостых, тапир (elasmognatus), который отличается от колумбийского тапира своим своеобразным сопением. Из семейства рукокрылых здесь водятся особые летучие мыши, так называемые вампиры или упыри, чрезвычайно опасные для скота, у которого они высасывают кровь. В равнинах Пирриса, окаймляющих западное побережье, к югу от горы Херрадура, совершенно неожиданно появился особый коста-рикский вид вампиров, которые наводнили страну целыми миллионами. Эти рукокрылые с остервенением набрасываются на домашних животных, начиная с кур, кошек и собак и кончая быками и лошадьми. Завидя прилет вампиров, туземные жители спешат выбраться в другую долину, забрав с собою весь скот, который иначе сделается жертвою кровососов[1]. Хотя часто называли басней рассказы о вампирах, которые сосут кровь у спящего человека, навевая прохладу на лицо мерным размахиванием своих крыльев, но факты эти не представляются сомнительными для путешественников и натуралистов, посетивших страны Центральной Америки[2]; указывают целые деревни, которые были покинуты жителями только из-за вампиров; инженер Брукс, один из исследователей Панамского канала, умер от укушений такого вампира.

Поразительное богатство коста-рикской жизни особенно ярко проявляется в царстве пернатых. В 1885 г. в каталоге Вашингтонского национального музея насчитывалось уже 692 породы коста-рикских птиц, принадлежащих к 394 родам. Два года спустя натуралисты открыли ещё шесть новых пород: таким образом общая численность их достигает почти семисот, «т.е. вдвое больше», по словам Зеледона, «чем во всей Европе». Семейства попугаев и куриных птиц необычайно богаты количеством видов и числом особей. Кроме того, в Коста-Рике было открыто до 132 пород пресмыкающихся, а между тем ещё многие области в прибрежных болотах и в чащах лесов остаются совсем неисследованными. Прибрежные моря также изобилуют животною жизнью, а в реках, впадающих в Атлантический океан, ещё до сих пор во множестве водятся ламантины, животные почти уже исчезнувшие на всём пространстве Антильского моря. Залив Никойя, как и Тегуантепекский, изобилует пурпуровыми раковинами (*murex*), а также устрицами и перламутровыми раковинами, которых здесь так же много, как и в Багряном море.

Коста-рикские аборигены-индейцы были почти совершенно вытеснены цивилизованным населением испанского происхождения, хотя они всё-таки держались ещё довольно долго после открытия белыми Верагуа, в 1502 г. Только через двадцать два года на берегах залива Никойя был основан Хернандесом-де-Кордова первый коста-рикский город, Бруселас, который, впрочем, существовал не долго. В 1540 г., на противоположном берегу, при устье Сиксолы, в земле таламанков, возник другой город—Бадахос, которому также суждено было скоро исчезнуть; четыре года спустя, именно в 1544 г., близ Картаго произошло первое столкновение между индейцами плоскогорья и испанцами, и только в 1563 г. началось окончательное завоевание экспедициями Васкеца-де-Коронадо. Он прочно утвердился на плоскогорьях, где в настоящее время группируется почти всё население, говорящее на испанском языке, и проник даже в южные области, которые и доселе остаются почти ещё совсем неисследованными. Он дошел почти до самого Гольфо-Дульсе и здесь сразился с индейцами области Кото, народом воинственным и очень искусным в фортификационном искусстве, так что победа над ним стоила испанцам больших потерь; со стороны индейцев дрались не только мужчины, но и женщины, которых хроники называли «амазонками». Васкец-де-Коронадо также предпринимал походы на восточный склон, в землю таламанков, и во время этой экспедиции ему удалось совершить переход через высокие горы, откуда сразу можно было видеть оба моря: он достиг таким образом бухты дель-Альмиранте и области Гу-

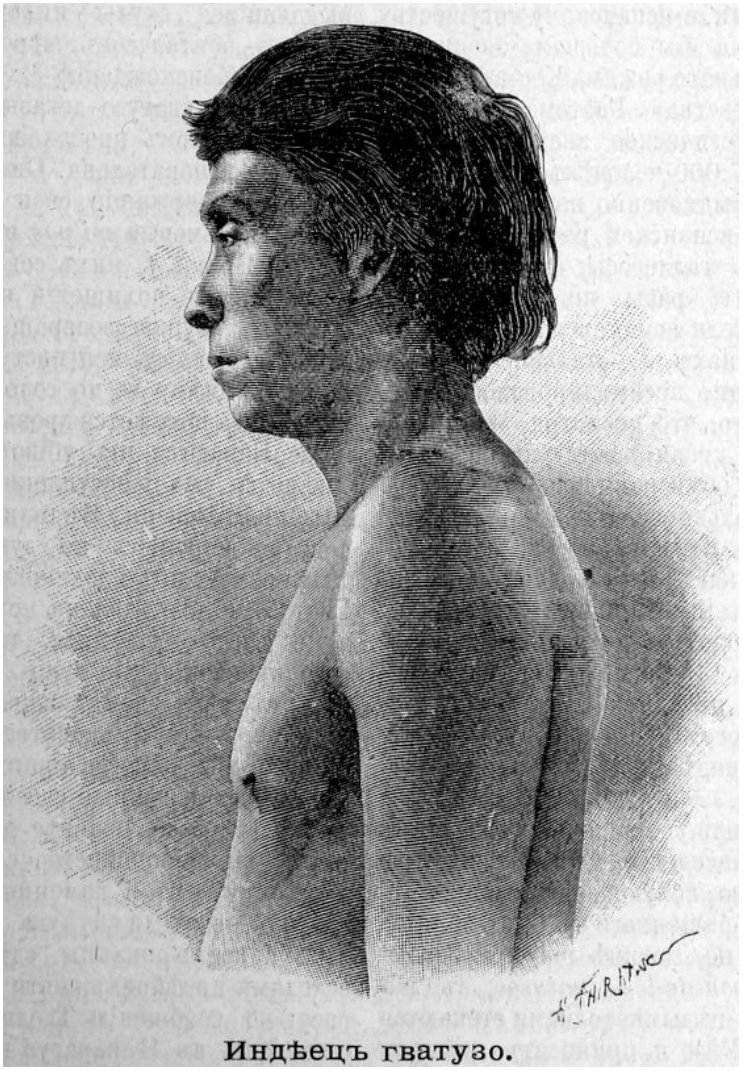
5 Carl Scherzer, цитиров. сочинение.

1 J. B. Calvo, „Apuntaimientos geograficos sobre Costa-Rica".

2 Thomas Gage;—Morelet;—Bernouilli;—Armand Reclus;—Lucien Wyse и т. д.

аймы и открыл золотоносные местности по рио-де-ла-Эстрелла.

В эту эпоху индейское население нынешней Коста-Рика простиралось по меньшей мере до шестидесяти тысяч человек. Таламанков насчитывалось до двадцати пяти тысяч; три тысячи воинов, представлявших нацию в 12 или 15 тысяч душ, защищали укрепленные города области Кото; собственно плоскогорье и все его северные склоны были усеяны деревнями, в которых насчитывалось более одиннадцати тысяч индейцев[1], а сколько ещё оставалось племен, численность которых была неизвестна! Что касается испанцев, то в 1675 г., т.е. по прошествии более века после завоевания страны, их насчитывалось всего пятьсот человек; все они сгруппировались вокруг двух единственных городов на плоскогорье, Картаго и Эспарца: индейцы, работавшие у них на плантациях, постепенно слились, и число их сократилось до нескольких сотен. Не имея в своем районе открытых или годных к эксплоатации золотых рудников, затерявшаяся на возвышенности среди лесов, куда, за недостатком удобных до-

Индѣецъ гватузо.

рог, трудно даже было добраться, и управляемая издали разноречивыми регламентами, маленькая испанская колония Коста-Рики не могла, конечно, рассчитывать ни на какую свободную иммиграцию или внешнюю помощь; её торговля была так незначительна, что даже в 1718 г. там не было ни одной лавки, и вся меновая торговля велась через посредство странствующих купцов. В течение XVII века пираты совершали частые набеги на Коста-Рику, но эта страна была слишком бедна, чтобы заманивать их дальше Картаго: если бы их привлекали сюда не грабежи, а притязания на политическое владычество, то достигнуть этого не представляло бы большого труда: стоило им только овладеть естественною крепостью Коста-Рики, господствующей над обоими морями, и испанскому могуществу несомненно грозила

1 Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panama en el siglo XV".

бы большая опасность. В конце колониального режима Коста-Рикская провинция «королевства» Гватемалы, несмотря на свое стратегическое значение, имела населения всего 47.000 человек, смешанного происхождения. Обыкновенно повторяют, что коста-риканцы—испанской расы, в огромном большинстве галлегосы; но на самом деле этой чистоты расы не существует, так как завоеватели-испанцы поженились на туземных женщинах, а остальное туземное население постепенно ассимилировалось. Что правда, так это то, что несмотря на преобладание индейской крови, коста-рикские ладиносы совершенно объиспанились в языке, нравах и национальном духе; что касается доли скрещения с неграми, то она очень незначительна, так как коста-риканцы колониальной эпохи были слишком бедны для того, чтобы обзаводиться большим количеством рабов: в 1824 г., во время оффициальной отмены невольничества, этих последних было всего двести человек.

Число диких индейцев (*bravos*) определяют разно, от 3.500 до 6.000 человек; ещё недавно они жили совершенно особняком от культурного населения. Самое известное их племя—гватузо, кочующее в лесах северного склона, обращенного к Сан-Жуану, преимущественно по долине рио-Фрио, называемой также *Bolson-de-los-Guatusos*; в настоящее время они целыми толпами стекаются на рынок Сан-Жозе и приносят подарки католическим священникам, «братьям Солнца», как они их называют[1].

В прежних описаниях гватузо представлены блондинами, с европейским типом лица: Габб[2] даже приписывал этот белый цвет лица помеси гватузо с английскими пиратами; другие писатели признавали их за аборигенов города Эспарца, которые, после разграбления их родного города корсарами, бежали оттуда и ассимилировались с индейцами. Эти утверждения, основанные, вероятно, на какой-нибудь ошибочной легенде, произошли, быть-может, оттого, что названия *guatuso* и *guatusa* принадлежат также животному агути (desyprocta cristata), из отряда грызунов, отличающемуся светлою шестью: подобные заблуждения весьма обычны во всякой стране, где несведущие люди ищут объяснения вещей в созвучии названий[3]. Гватузы, которые были приведены в Сан-Карлос из Никарагуа лесопромышленниками, и те, которые добровольно посещают Сан-Жозе и другие города Коста-Рикского плоскогорья, имеют черные волосы, темный цвет лица и выдающиеся скулы никарагуаских индейцев—чонталесов, вероятно родственных им по происхождению[4]: по Берендту, словарь языка гватузо доказывает, что гипотеза о нахуатльском происхождении этих туземцев не основательна. Они отличные земледельцы, содержащие свои банановые, какаовые и пальмовые *milpas* в образцовом порядке. Браки у них совершаются зачастую посредством похищений невесты; если похищенная девушка возвращается в родительский дом, то с ней поступают как с виновной и бьют её по голове дубиной до тех пор, пока покажется кровь; но при этом строго воздерживаются от убийства, так как это считается уже преступлением и наказывается лишением жизни. В таких же условиях находятся дерущиеся на дуэлях, которые не должны доводить поединок до смертоубийства. Гватузо не охотятся на крупных животных и не едят их мяса, так как держатся того верования, что души умерших переходят в тела диких животных. Этим туземцам вовсе не свойственна та свирепость, которую им некогда приписывали: белый человек, вооруженный своей дальнобойной винтовкой, гораздо опаснее для них, чем они сами—для европейцев, со своим примитивным оружием и каменными топорами. Ulleros, или искатели каучука, как никарагуасцы, так и коста-риканцы, сделавшись преследователями индейцев, почти совсем истребили расу: по сообщению Тьеля, сотни их были оставлены в Никарагуа в качестве рабов. Недавно ещё стоимость одного гватузо определялась в пятьдесят пиастров.

Туземцы коста-рикского юга, отрезанные от всякого непосредственного сообщения с гватузо, известны под общим именем таламанка, хотя у каждого народца этого племени есть

1 Bernard Thiel;—Leon Fernandez;—Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen" 1885.
2 „American Philosophical Society". 1875.
3 Thomas Belt, „Nicaragua";—Leon Fernandez, „Documentos para la historia de Costa-Rica".
4 Carl Bovallius, „Nicaraguan Antiquities".

свое особое название, и группы их ещё не классифицированы вполне по происхождению и языку. Те, которых видели Габб, Тьель и Боваллиус, на Атлантическом склоне, именно чиррипо, кабекары, висеита, брибри и тирибие, продолжают ещё украшать себя коронами из перьев и ожерельями из зубов и жемчуга; кроме того, они всегда носят при себе дротики и сарбаканы, живут всё ещё по-старому в *palenque*, т.е. в хижине с соломенной крышей, спускающейся до самой земли; они славятся искусством строить *barbacoas*, или висячие мосты на столбах из ветвей лиан[1]. На тихо-океанской покатости живут другие племена, именем которых называются и деревни; таковы борука или брунка и терраба: эти последние, по Фернандецу,—выходцы племени тирибие. Чиррипо и кабекары, живущие ближе других к Картаго, обращены уже в христианство; другие прибрежные таламанки, живущие между Пуэрто-Лимон и бухтой дель-Альмиранте, ещё раньше, повидимому, огулом, были обращены в католичество, так как многие их обрядности и даже слова—испанского происхождения; но натуралистическая основа изменилась весьма мало. Свои праздники они справляют в лунные месяцы: предметами их поклонения служат солнце и звезды, скалы и ветры, ручейки и море. Различие в воззваниях и молитвах обусловливается различием местожительства и образа жизни: горные охотники поклоняются иному Богу, чем прибрежные рыболовы. Бланкосы, народец кабекарского и брибрийского происхождения, в земле которых находится пик того же названия, не погребают своих покойников в землю, а оставляют их в течение трех лет на курганах в метр или два вышиною, под крышею из пальмовых ветвей, и закапывают их только по прошествии этого срока, когда труп обратится вполне в сухую мумию. В могилу вместе с покойником кладут пищу и разные драгоценности. У тирибие существовал обычай зажигать подле могильного склепа священный огонь, который поддерживался впродолжении девяти дней, при чём строго запрещалось пользоваться этим огнем для домашнего обихода[2].

В этих древних могилах были найдены замечательные по работе золотые фигурки, свидетельствующие о древней цивилизации туземцев и о плачевном упадке её со времени вторжения их самозванных «просветителей»: множество из этих произведений туземного искусства, представляющих высокий интерес в археологическом отношении, было переплавлено и обращено в коста-рикские монеты; нефриты и другие зеленые камни, называющиеся по-мексикански *chalchihuites*, добываются главным образом в Гуанакасте и на полуострове Никойя; некоторые из них попадаются в полуобработанном виде, что заставляет предполагать о существовании в этом крае гранильных и шлифовальных мастерских. Ещё недавно среди исследователей держалось убеждение, что в северной части Коста-Рики очень редко можно встретить предметы до-колумбийской культуры; но это мнение оказалось совершенно ошибочным, так как раскопки дали целые тысячи разных археологических сокровищ, добытых главным образом в окрестностях Картfго, где находилась древняя столица Пурапура[3].

Область Гуанакасте, составляющая предмет спора между Никарагуа и Коста-Рикой, долгое время оставалась почти совершенно пустынной, подобно большинству политических мархий; но с половины XIX века население её увеличилось в четыре раза. Её обширные саванны, на которых могли бы питаться миллионы скота, её леса, изобилующие строевым и столярным деревом, её залив и порты, наконец, самое её положение на обязательной линии сообщения между перешейком Никарагуа и плоскогорьем Коста-Рики,—всё это заранее обеспечивает этой провинции важное значение. Столица её Либерия—прежде Гуанакасте,—расположена у южного основания вулканов Орози, около середины плодородной низменности, отделяющей от материка полуостров Никойя: этот город населен метисами, испанцами, индейцами и неграми, очень похожими на никарагуаских ладиносов. Внутри полуострова находятся два многолюдных местечка, Санта-Круц и Никойя, уютные домики которых груп-

1 Carl Bovallius, „Ymer“, 1885.

2 Leon Fernandez, цитированное сочинение.

3 Polakowsky, „Altertumer aus Costa-Rica“;—Congres Americanistes. Berlin. 1888.

пируются под тенью деревьев; главное из них, Никойя, было резиденцией начальника края, который оказал гостеприимство испанским завоевателям и крестился со всем своим народом. На берегах залива находится несколько рыбачьих деревень, жители которых занимаются собиранием жемчужных раковин и устриц, из которых последние считаются лучшими на всём западном берегу Америки[1]. При раскопках здесь сделаны важные археологические находки, на кабо-Бланко, конечном мысе полуострова, и на острове Чира, самом большом из островов залива, на северной оконечности этого обширного бассейна.

Город Пунтаренас (Пунта-Аренас), или «Песчаная Стрелка», действительно построен на песчаном мыске небольшой речи Барранки, которая внесла в залив Никой целые массы вулканического пепла, образовавшего большие кучи недалеко от входа. Одни только гребные суда с незначительной осадкой могут входить в *estero*, или речной заливчик, открывающийся между песчаной стрелкой и материком; большие суда останавливаются в открытом море и сообщаются с пристанью посредством ланцон и габар. С 1814 года Пунтаренас служит портом Коста-Рики, через который ведется вся тихоокеанская внешняя торговля; иногда даже торговля, направлявшаяся к Атлантическому океану, была столь незначительна, что Пунтаренасу принадлежала действительная монополия. В настоящее время этот город разделяет торговое движение с Лимоном, портом Атлантического океана: прогрессивным развитием своего населения и промышленности Коста-Рика обязана исключительно этому порту, так как он является единственным торговым портом республики на западном её побережье.

Ценность внешней торговли в Пунтаренасе в 1889 г.: 22 миллиона франков. В Пунтаренас привозятся из Никойи и других окрестных поселений целые массы кедрового дерева, из которого выделывают ящики для сигар и карандаши.

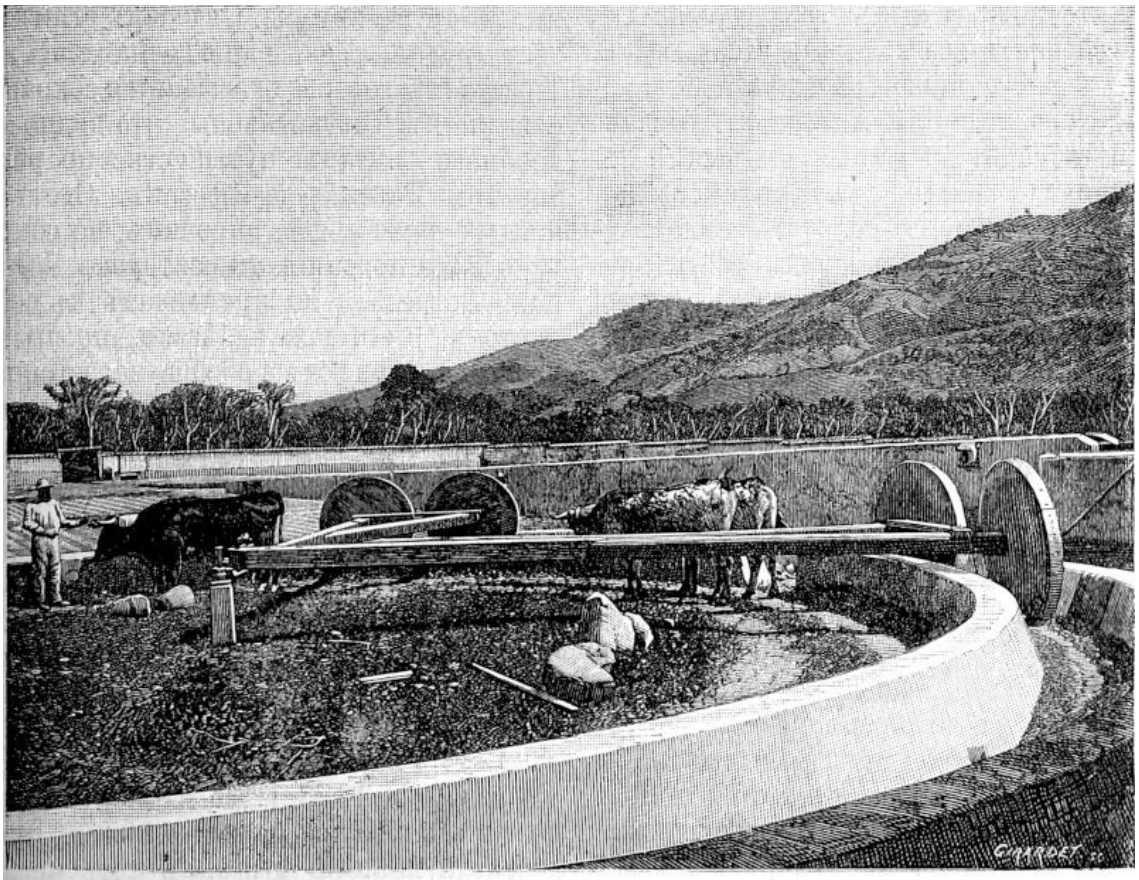
В 1814 г. пристань, где грузились товары, находилась в десяти километрах южнее, около горячих источников Кальдера, или «Большой Котел», между устьями двух рек, Барранки и Иезус-Мариа. До постройки железной дороги, конечной станцией которой является Пунтаренас, не раз поднимался вопрос об открытии порта на южной стороне устья рио-Гранде, в прелестной бухте Тарколес, открывающейся у основания двойной горы Херрадура: это значительно облегчило бы транспорт товаров, так как суда, поднимаясь вверх по реке, могли бы подниматься внутрь страны на двадцать километров от моря; но опасности, представляемые мелями, и нездоровый климат Тарколеса, сравнительно с Пунтаренасом, послужили препятствием к осуществлению этого проекта. Значение Тарколеса объясняется его передовым положением в отношении колонизации западного берега: во время переписи 1883 года цивилизованное население Тарколеса и всей юго-западной территории до колумбийской границы, т.е. Террабы, Боруки и Гольфо-Дульсе, состояло всего только из 1.231 человека, но с тех пор замечается некоторый прогресс, так как в 1888 г. в одном только округе Гольфо-Дульсе насчитывалось уже 1.340 человек. Находящиеся там мощные антрацитовые залежи поднимут современем значение этой южной области.

Железная дорога, поднимающаяся от Пунтаренаса вверх на плоскогорье, достигает города Эспарца, расположенного на высоте 219 метров, на первых выпуклостях гористой почвы: название свое он получил в 1578 г. от своего основателя, наваррийца, родившагося в деревне того же имени, находящейся около Пампелуны. Справедливее бы было и оставить за Эспарцою это имя, имеющее историческое основание; но чтобы польстить жителям, преобразившимся таким образом в «спартанцев», правительство переименовало город, существующий уже более трех веков, и теперь он называется Эспартой. Дальше, на всходе плоскогорья (725 метров), находится другая станция с греческим именем: это станция Атенас, или «Афины», окруженная маисовыми и рисовыми полями и лугами. Затем, через 5 километров, следует Гарита, или «Ведет», стоящий на краю плоскогорья, на террасе, откуда открывается вид на все нижния равнины рио-Гранде. Гора Агуакате суживает в этом месте долину, которая открывается в виде широкой пропасти на южной стороне извивающейся грунтовой дороги,

1 Moritz Wagner und Karl Scherzer, „Costa-Rica“.

которую вскоре дополнит рельсовый путь. Слои кварца, содержащиеся в порфировой массе горы, заключают в себе золотые и серебряные рудные месторождения, где были открыты в течение этого столетия самые производительные рудники республики; по Кальво, с 1821 г. рудники эти ежегодно доставляли металла на сумму около миллиона франков; из добываемого там золота в Сан-Жозе чеканят монету.

Алажуела, или «Драгоценность» (915 метров), город, более новый, чем Эспарца, превзошла, однако, эту последнюю по степени важности: она возникла в конце прошлого столетия из нескольких хижин, рассеянных в гасиенде с небольшими участками культуры. Плодородие почвы, состоящей в большой части из выброшенного вулканом Барба пепла, быстро обогатило новый город. Провинция, в которой Алажуела—административный центр, занимает по количеству населения второе место после провинции Сан-Жозе. Второстепенные города этой провинции, между которыми один носит классическое название Греция, тоже быстро возрастают. Сан-Рамон занимает выгодное положение у самого прохода в горной цепи, где пройдет впоследствии дорога, имеющая соединить этот город с долиною рио-Сан-Жуана

Аппаратъ для отдѣленія кофейныхъ зеренъ отъ шелухи.

через Сан-Карлос.

Эредиа (Heredia), восточная соседка Алажуелы, расположенная тоже у подножия вулкана Барба, среди кофейных и других плантаций, подобно Сан-Рамону, занимает выгодное положение у перевала Дезенганьо (1.831 метр), через который проходит дорога к Сан-Жуану: правда, дорога эта не из удобных, так как только небольшая её часть, ниже ущелья, доступна для проезда, а дальше приходится пробираться через девственный лес, вечно сырой, по болотистой почве от постоянных дождей, пока достигнешь *muelle*, т.е. пристани на Сарапики, где начинается судоходство. Деревушка Сан-Мигуэль и *ranchos*, т.е. простые хижины, рассеянные там и сям, служат единственными пристанищами для путешественника на этом длинном и трудном пути. Но настанет время, когда эта, в настоящее время глухая, дорога сделает из Эредиа одни из торговых ворот республики: это Кубужуки индейцев, один из древних городов и, может-быть, самый приятный город в Коста-Рике.

Нынешняя столица, Сан-Жозе, или Сан-Хосе, была в середине XVIII столетия простою деревушкою, которая носила название Виллита, но она всегда имела перед Картаго то преимущество, что находится, так сказать, в центре расселения всего коста-рикского народа; вследствие этого, прогрессивное развитие её двигалось быстрыми шагами. С падением испанского режима, между городами Сан-Жозе и Картаго началось соревнование из-за первенства, и победа осталась за республиканским Сан-Жозе, население которого отличалось смелостью и предприимчивостью, тогда как картагенцы были завзятые консерваторы. Сан-Жозе занимает прекрасное местоположение среди Коста-Рикского плоскогорья, на средней высоте 1.135 метров над уровнем моря, в живописной, холмистой местности, орошаемой двумя небольшими реками, на севере—Торресом, на юге—Мариа-Агвиларом; обе эти реки—притоки Великого океана, в который вливаются посредством рио-Гранде-де-Тарколес. Составляя политический центр Коста-Рики, Сан-Жозе вмещает в себе все главные общественные учреждения страны; кроме того, в нём находится университет, нормальная школа, музей и метеорологическая обсерватория. Хозяйственная сторона города находится в идеальном порядке: чистота улиц образцовая, и по обилию годной для питья воды Сан-Жозе стоит впереди всех Коста-Рикских городов; с 1887 г. он освещается электричеством. В торговом отношении Сан-Жозе находится тоже в очень благоприятных условиях, располагая железными дорогами, направляющимися к обоим морям, и ветвью—Карильо, начинающейся на противоположном склоне вулканической цепи, чтобы соединиться впоследствии с навигационною системою Сан-Жуана.

Картаго, развенчанная столица, остается всё-таки метрополией Коста-Рики: из существующих городов, это—самый древний, так как он построен в 1564 г. Васкецом-де-Коронадо: почти все правящие фамилии Коста-Рики родом из Картаго. Этот город подвергался частым бедствиям. Ему несколько раз приходилось выдерживать набеги корсаров; затем в 1723 г. часть его была разрушена извержением Иразу, у подошвы которого он стоял, а в 1814 г., один из всех городов Коста-Рики, он сделался жертвою ужасного землетрясения, не оставившего в нём, как говорится, камня на камне. Картаго сердится ещё на своего соперника Сан-Жозе, которому до сих пор не может простить победы, отнявшей у него первенство. Жители его более недоверчивы, более домоседы, менее деятельны; по улицам города толкается масса нищих, а около древнего чудотворного храма, усердно посещаемого богомольцами, их собираются целые толпы. Постройка железной дороги, которая соединит Картаго прямо с Лимоном, портом на Атлантическом океане, несомненно окажет благоприятное влияние на этот старинный город, пользующийся завидным для торговли положением: он стоит у самого раздельного порога между двумя океанами, как раз у восточного входа плоскогорья, где группируется почти всё население Коста-Гики. На атлантическом перевале железной дороги замечательна станция—Ангостура, названная так от одной «теснины» в долине Ревентазона; она известна в Европе по неудачной попытке немцев основать земледельческую колонию в этом месте, в то время затерянном среди необъятных чащей девственного леса; теперь культура мало-помалу распространяется вокруг поселений, ютящихся по склону гор. Местечко Матина окружено какаовыми деревьями. С середины XVII века испанские плантаторы стали водворять рабов на полях Матины, продукты которых вывозились по реке того же названия[1].

Лимон, последний из ряда городов, следующих один за другим поперек Коста-Рикского перешейка, основан сравнительно недавно: несмотря на преимущества своего порта, лучшего на всём Коста-Рикском побережье Атлантического океана, этот город возвысился лишь после постройки доступных дорог на плоскогорье. Благодаря железной дороге, Лимон вдруг поднялся до равенства с Пунтаренасом в торговом отношении; он вывозит не только кофе с плантаций плоскогорья, но также поставляет на рынок Соединенных Штатов бананы, которые в изобилии производят новые плантации, разведенные по соседству с ним.

Обороты внешней торговли в Лимоне в 1889 г.: 23 миллионов франков. Сооружение Ли-

1 Wagner und Scherzer, „Costa-Rica“.

монской железной дороги стоило больших трудов, так как её приходилось прокладывать через болота и лагуны побережья, особенно близ Муана, где велась прежде небольшая контрабандная торговля по ввозу английских товаров.

К югу от Лимона, во всей *tierra adentro*, спускающейся к Атлантическому океану, есть одна только колония цивилизованных коста-риканцев, именно Сан-Бернардо, находящаяся в стране таламанков, около Пуерто-Виехо: также как пост Чиррипо, она не достигла цветущего состояния главным образом по причине своего изолированного положения; что касается «города» Сант-Яго-де-Таламанка, построенного на берегу Сиксолы, то в 1610 г. он был сожжен возмутившимися индейцами. Часто говорили о богатых испанских поселениях на берегах реки Эстреллы или Чангвинолы, и тамошние золотые рудники, в настоящее время заброшенные, сравнивали с «Потози», но все эти рассказы основываются на ошибке, сделанной Алцедо в его знаменитом словаре[1], которую впоследствии буквально воспроизвели и многие другие авторы. Он дал этим Эстрельским рудникам название Тизингаль (Тинзигаль, Тизиагаль), которое оказывается сокращенным названием Тегучигальпы, что видно из подробного описания путешествия по рио-Сеговиа корсара Равенау-де-Люссан. Этот золотоносный берег, где, впрочем, не сохранилось ни одного предания относительно мнимого города Эстреллы, не привлекал к себе колонистов[2]: его даже избегали, по причине его подводных рифов и вообще негостеприимных берегов. По словам Колумба, чаще всего этот берег называли *Costa-de-los-Contrastes*, или «Берег Препятствий»[3].

Материальное преуспеяние Коста-Рики, если и не отличается такой быстротой, как в других испано-американских республиках, то по крайней мере идет правильным и постоянным ходом. Об этом можно судить по увеличению населения: с 80.000 жителей в 1844 г. оно увеличилось в 1864 г. до 120.500, в 1883 г. до 182.000 человек, а по исчислению в начале 1894 г., цифра его достигла 253.000 душ, в том числе 220 т. креолов, 20 т. индейцев, 2 т. негров, 1 т. китайцев и пр. Ежегодный прирост исчислен в два с половиною процента, т.е. от четырех до пяти тысяч человек. Число иностранцев незначительно: в 1892 г. их насчитывалось всего 6.289. Иммигранты в собственном смысле состоят прежде всего из ямайских негров, затем из испанцев, канарийцев или Islenos, немцев, китайцев, французов, англичан и северо-американцев. *С 1894 г. средняя цифра иммиграции составляет около 1.000 в год*.

Значение Коста-Рики в мировой торговле определяется почти исключительно доставкою кофе, который стали разводить здесь с 1817 г. и сначала не особенно успешно, так как в 1833 г. было собрано всего десять тонн. Главною потребительницею коста-рикского кофе является Великобритания. В плодородные годы вывоз достигает 15.000 тонн, а в неурожайные —меньше 10.000 тонн, на сумму почти в 12 миллионов франков. В 1899 г. вывезено кофе 19.486.125 килограм.

В 1891 г. сбор кофе в Коста-Рике составлял 36.367 тонн. Кроме того, Коста-Рика доставляет сахар, каучук, какао, кожу и лес, но с некоторых пор все эти предметы торговли стали уступать в ценности бананам, которые вывозятся в Соединенные Штаты.

В 1892 г. из Коста-Рики было вывезено бананов на сумму 2.829.000 франков.

Кроме того, в Коста-Рике, даже на индейских мильпа, сеют квиквискве, или австралийское таро, молодые стебли которого идут в пищу[4].

На возвышенностях плантаторы занимаются исключительно культурой кофе, вследствие чего хлеба не хватает для местного потребления, и муку привозят из Чили. Убойного скота у них тоже мало, несмотря на обилие пастбищ; а овцы и козы здесь большая редкость.

В 1892 году в Коста-Рике было: рогатого скота 345.665, лошадей 77.043, овец 2.765 го-

1 „Diccionario geografico-historico de las Indias Occidentales“.

2 Von Frantzius, „Acerca del verdadero sitio de las ricos minas de Tisinga“;—Leon Fernandez, „Collecction de documentos para la historia de Costa-Rica“.

3 Adolf Bastian, „Der Isthmus und Guatemala“.

4 Bernando Thiel, цитируемый Поляковским;—„Petermann's Mittheilungen“, 1885, Heft VI.

лов. Главное преимущество Коста-Рики перед Никарагуа, Гватемалой и Мексикой заключается в том, что в ней половина земледельцев состоит собственниками, за исключением только округа Гуанакасте; вся территория, которая, даже во время испанского режима, обрабатывалась почти везде свободными рабочими, разделена на мелкие участки, что дает возможность и прямой интерес каждому владельцу заниматься культурою. В 1886 г. во всей стране насчитывалось 57.639 *fincas* или отдельных участков[1], общею стоимостью в 38.807.500 пиастров, но на которых лежит ипотечный долг в 7.905.000 пиастров. Земля, занятая под культурою, составляет всего лишь двадцатую часть всей поверхности страны.

С половины этого столетия торговля увеличилась в четыре раза: раньше она определялась почти в десять миллионов франков, теперь же, смотря по годам, она дает от тридцати до сорока миллионов, что составляет на каждого коста-риканца от 150 до 200 франков; нужно ещё принять в рассчет контрабандную торговлю, которая производится по рекам Сан-Жуану и Сарапикуи, и главным образом распространяется на табак и порох.

Внешняя торговля Коста-Рики в 1898 г.: ввоз—4.258.896, вывоз—5.659.219 золот. песо или долларов.

Государства, с которыми Коста-Рика ведет торговлю, следуют в таком порядке: Великобритания, Соединенные Штаты, Франция и Германия. Главным деятелем в этом торговом движении является железная дорога, которая с 1890 года окончательно соединила столицу с её Атлантическим склоном, перерезав порог Очомого. Железно-дорожная компания, ради которой правительство заключило внешний заем, получила, кроме того, ещё пространство земли в сотни тысяч гектаров, под условием, что земли будут проданы или отданы в наймы впродолжении двадцати лет: часть этого обширного владения уже отдана колонистам для культуры или для пастбищ. Проектируют построить ещё другие железные дороги для соединения Коста-Рики с Никарагуа и его будущим каналом, и выработаны уже планы и сметы для урегулирования рек Фрио, Сан-Карлос, Сарапикуи и Сусио в целях пароходства. Строители Никарагуаского канала предполагают воздвигнуть на реке Сан-Карлос плотину, которая поднимет её уровень на 16 метров и тем даст возможность судам глубокой осадки ходить по ней до самой подошвы гор.

Что касается междуокеанской дороги между двумя портами, Гольфо-Дульсе и Чирикуи, концессия на которую дана ещё в 1849 г., то она ещё не начата постройкою, хотя концессионеры получили в залог надел в 244 кв. миль «с реками, озерами, горами и рудами».

Политическое устройство Коста-Рики скопировано, за немногими деталями, с конституций других испано-американских государств. Законодательная власть принадлежит конгрессу, члены которого назначаются по выбору на четыре года; исполнительною властью руководит президент, избираемый тоже на четыре года, таким же образом, как и члены конгресса; ко вторичной службе он не допускается; в помощь ему назначается трое «товарищей», которые избираются одновременно и на один срок с президентом, и могут замещать его в случае необходимости. Президент назначает государственных секретарей, окружных и военных начальников и политических вождей для каждого кантона: муниципалитет избирается народными представителями. Органами судебной власти служат мировые судьи и конституционные алькады, заседающие в каждом кантоне; в качестве высших инстанций являются областные суды и кассационная палата. Суд присяжных функционирует в уголовных процессах. Как смертная казнь, так и все другие позорные наказания совершенно отменены. Женщина пользуется гражданскими правами, а все граждане располагают полною инициативою завещаний. Свобода вероисповеданий, провозглашенная в 1870 г., фактически существовала уже за несколько лет перед тем, а десятина была отменена с первых времен независимости. Монастыри и монашеские ордена упразднены на всём пространстве Коста-Рикской территории.

1 J. B. Calvo, цитированное сочинение:—Gabb, „Petermann's Mittheilungen“, 1887, Heft X;—Bioliey, „Costa-Rica et son avenir“.

Дело народного образования стояло прежде очень плохо: ещё в 1883 году число грамотных достигало всего 12%; но когда начальное образование обоих полов сделалось обязательным и бесплатным, оно стало быстро распространяться в этой стране, где города и поселения сгруппированы довольно тесно. В 1897 г. в Коста-Рике было 327 начальных школ с 22.000 учащихся. Во время испанского режима и до 1830 г. в Коста-Рике не было ни одной типографии; а в 1887 г. их насчитывалось уже десять. В 1811 году общее число отправленных почтою писем определялось шестью стами, а в 1898 г. оно превышало 2.500.000, к которым надо ещё прибавить 382.000 телеграмм, отправленных по сухопутному и подводному телеграфам.

Длина железных дорог в Коста-Рике: 372 километра; длина телеграфной линии: 1.413 километров. Хотя Коста-Рика, в собственном смысле, представляет собою только узкую полосу земли, на южной стороне вулканической цепи, тем не менее в совокупности среднеамериканских республик она пользуется видным положением и в отношении некоторых сторон национального могущества занимает далеко не последнее место.

Республики Центральной Америки по порядку их сравнительного могущества:

	1-ое место	2-ое место	3-ое место	4-ое место	5-ое место
Пространство	Никарагуа	Гватемала	Гондурас	Коста-Рика	Сальвадор
Население	Гватемала	Сальвадор	Гондурас	Никарагуа	Коста-Рика
Километрич. плотность	Сальвадор	Гватемала	Коста-Рика	Гондурас	Никарагуа
Пропорция ладиносов	Коста-Рика	Сальвадор	Никарагуа	Гватемала	Гондурас
Внешняя торговля	Сальвадор	Гватемала	Коста-Рика	Гондурас	Никарагуа
Народное образование	Коста-Рика	Сальвадор	Гватемала	Гондурас	Никарагуа
Финансовое положение	Никарагуа	Гватемала	Сальвадор	Коста-Рика	Гондурас

Было время, когда Коста-Рика одна, если не считать Сербию, во всём свете могла похвалиться неимением национального долга. Теперь она этого сказать про себя не может: маленькая испано-американская республика последовала примеру своих больших сестер и пошла по скользкому пути займов с такою же неосторожностью: в 1871 и 1872 г.г. она сделала заем в 80 миллионов франков, от которых сама не попользовалась и третьей частью. Конверсия этого долга стоила больших убытков, и теперь доходы республики надолго закрепощены одной компаниею, которая наложила свою руку на таможенные пошлины и захватила в свою пользу на 99-летний срок две трети всех акций Лимоно-Алажуельской железной дороги; кроме того, она располагает значительным пространством земель.

Долг Коста-Рики в 1899 г.: внешний—2.090.000 фунт. стерл.; внутренний—2.922.221 кредитн. песо.

Государственный бюджет уравновешивается почти ежегодно приходами и расходами: значительная часть доходов получается от таможенных пошлин и монополии водки и табаку; что касается до расходов, то почти шестая часть их идет на уплату долга, а восьмая—на содержание войска, состоящего из постоянной армии в 600 человек и милиции в 12.000 чел.

Бюджет фискального 1898—1899 г.г.: доходов—8.413.199; расходов—8.069.748 песо.

Коста-Рика разделена на пять провинций и два округа, или *comarcas*, неравной величины и подразделенных на более мелкие уезды. Следующая таблица дает список областей и комарок, с их кантонами и населением, по переписи 1888 г.:

Провинции и комарки	Кантоны	Население	Главн. города	Их население без городских округов
Сан-Жозе	6	64.846	Сан-Жозе	14.118
Алажуела	7	51.087	Алажуела	3.842
Картаго	3	33.887	Картаго	4.575
Эредиа	5	29.409	Эредиа	4.332
Гуанакасте	5	16.323	Либериа	1.782
(Комарка) Пунтаренас	3	8.409	Пунтаренас	2.116
(Комарка) Лимон	1	1.770	Лимон	637
Пространство 51.760 кв. килом.	30	205.731		

В 1897 г. народонаселение: 295.000 душ; число жителей в Сан-Жозе—25.000.

Глава V Панама

Будучи составною частью Колумбии, в силу своего политического разграничения, и без сомнения, согласно желанию своих жителей, провинция Панама, с географической точки зрения, целиком заключается в Центральной Америке, и даже по своей форме узкого перешейка, змееобразно извивающагося между двумя континентами, составляет её типическую часть. История её открытия, происхождение её туземного и иммиграционного населения, наконец, вопросы общественных работ и торговли, вызванные проблемой прорытия междуокеанского канала, также поставили Панаму в одно общее целое с перешейковыми государствами Центральной Америки.

Политические границы между республикой Коста-Рика и Колумбией окончательно ещё не определены; но в ожидании, пока вопрос этот будет оффициально решен третейским судом, он уже сам собою разрешился добровольным движением населений. В то время, как коста-риканцы, сгруппировавшиеся почти исключительно в северной части своих владений, предоставили всю южную часть территории индейским племенам,—колонизованные пространства оспариваемой страны, расположенные по берегам бухт Давида и Чирикуи и во внутренних долинах, заняты колумбийцами, имеющими притягательными центрами города провинции Панамы: им-то и принадлежит сила экспансивности, и множество колумбийских семейств поселилось в Коста-Рике, по ту сторону границы, на которую заявляет притязание правительство Колумбии. Таким образом, при определении поверхности Панамы, пока надо принять границы, намеченные колумбийскими картами, почти по прямой линии, идущей от оконечности Пунта-Бурика до западного мыса Бока-дель-Драго, при входе в Бахиа-дель-Альмиранте. Большая часть «герцогскаго» Верагуа, пожалованного Луису Колону, принадлежит Колумбии, тогда как «королевское» Верагуа, продолжающееся к северу, сделалось Коста-Рикской территорией[1].

Что касается административных границ Панамы со стороны Южной Америки, то они проходят через пустыни и не совпадают с естественной линией раздела, как и политическая граница со стороны Коста-Рики. В географии других стран немного можно встретить таких ясных разрезов, как на южно-американском континенте, в его северо-западном углу: там, где пропадают последние холмы перешейковой цепи, между долинами Атрато и Сан-Жуана, —кончается Средняя Америка и начинается Южная; но линия оффициального раздела проходит гораздо севернее, через небольшие прибрежные массивы. В нынешних своих пределах провинция Панама имеет пространство в 81.000 квадратных километров. За неимением подробных переписей, население приблизительно можно определить в 300.000 человек: таким образом, эта Колумбийская провинция имеет почти такую же плотность населения—4 человека на квадратный километр,—как и Коста-Рика, но, в отношении своего протяжения, она гораздо менее населена, чем Гватемала и Сальвадор.

Коста-рикская горная цепь продолжается и в Панаме очень высокими горами. Пикачо, стоящий у самой границы, имеет 2.150 метров высоты, но это лишь второстепенный пик в сравнении с своим восточным соседом, потухшим вулканом Чирикуи, правильным конусом, с последовательными поясами растительности на склонах, который высится во всём своем величии над южными равнинами; мореходные карты определяют высоту этого вулкана в 3.434 метра. У его восточного основания в цепи открывается брешь всего в 1.110 метров; далее к востоку идет другой порог в 1.206 метров[2], а Мориц Вагнер упоминает, по словам путе-

1 Manuel Peralta;—Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen". 1884.

2 Alphonse Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie". 1885.

шественника Мореле, ещё об одном проходе в 1.104 метра[1]: по всей вероятности, этим-то брешам промежуточная вершина, высотою почти в 2.000 метров, и обязана своим названием серро Оркета, или «гора Ущелья»; некоторые путешественники, между прочим Уилрайт, упоминают о более низких проходах, не превышающих 50 метров, но эти указания не подтверждены картами. Далее, кордильера, подступающая гораздо ближе к северному берегу, чем к Великому океану, снова поднимается до высоты слишком 2.500 метров. Эти горы стоят на цоколе высоких земель, изрезанном глубокими долинами, и возвышающемся, в среднем, на тысячу метров. Но по направлению с севера на юг он представляет весьма незначительную ширину, всего около сорока километров; с одной стороны, на склоне Великого океана, открывается амфитеатр обширной равнины Давида; с другой стороны, Антильское море врезывается внутрь перешейка большою бухтою или «лагуною» Чирикуи. В этой части своего протяжения кордильера носит то же название, что и лагуна.

Следующая часть кордильеры, развертывающаяся красивою, правильною дугою, выпуклость которой обращена к югу, известна обыкновенно под названием цепи Верагуа: она немного ниже Чирикуи, несмотря на то, что начинается на западе великолепной горой Сант-Яго (1.900 метров) и имеет несколько пиков, высотою более 1.200 метров. В этой части провинции перешеек во всю ширину занят горами или холмами: отроги их выдвигаются на севере до самых берегов Атлантического океана, а на юге один отрог выступает далеко в открытый океан и образует там широкий массивный полуостров лас-Пальмас, к западу от залива Монтихо. Но четыреугольный полуостров Азуэро, образующий выступ южного берега и ограничивающий с юго-западной стороны залив Панама, своим рельефом резко отличается от кордильеры Верагуа: он отделен от этой кордильеры долинами и высокими саваннами в 150 метров, на которых возвышаются отдельные холмы, и имеет свою небольшую орографическую систему, самая высокая вершина которой, находящаяся у юго-западного мыса, немного больше 900 метров. Известно, что полуостров Азуэро составляет часть почти совершенно подводной цепи, идущей параллельно извилистой кордильере перешейков и охватывающей полуострова Никойя, Гольфо-Дульсе и Бурика, остров Коиба и архипелаг лас-Перлас.

К северо-востоку от цепи Верагуа, как раз там, где Панамский перешеек изгибается замечательно правильною дугою, горный рельеф становится весьма изменчив как в своем направлении, так и в высоте; он распадается на несколько отрывков, в которых первоначальный порядок почти неузнаваем. Массив Капира, самый высокий в этой области (1.500 метров), стоит совершенно в стороне от средней цепи, и скаты его погружаются, на юге, в бухту Панама, и даже выдвигают в море небольшой полуостров серро-Чаме. Раздельным хребтом, который можно считать продолжением главной цепи и который стоит ближе к южному берегу, чем к атлантическому, служит холм Ахога-Иегуас; самая высокая его часть не превышает 212 метров, а брешь его имеет всего 115 метров высоты. Дальше открывается ещё более низкий проход Кулебра, или «Змеиный», лежащий всего на 87 метров над уровнем обоих морей, расстояние между которыми в этом месте по прямой линии не более 56 километров. Многие из этих низких выступов и вершин усеяны большими беловатыми каменными глыбами, которые составляют контраст с красным колером почвы и принимались прежде за морены; но в действительности это—твердое ядро скал, не успевшее ещё преобразоваться в глину под влиянием атмосферных деятелей.

Геологическое строение земель перешейка доказывает, что различные части его образовались не одновременно: в то время, как кордильера Верагуа состоит главным образом из первобытных пород, гранита и сиенита, гнейса и сланца, панамские холмы состоят из долерита и трахита, разложившихся на поверхности[2], и которые можно «резать лопатой, как сыр». Выступы покрыты слоем глины и земли, имеющим, в среднем, десять метров[3] толщи-

1 „Die Provinz Chiriqui".

2 De Boucheporn, „Bulletin de la Societe Geologiqiue de France", 1 serie, vol. XV.

3 J. Marcou, „Bibliotheque universelie et Revue Suisse", septembre 1879.

ны, но эти возвышенности вулканического происхождения совсем не имеют вида эруптивных конусов, выбрасывавших пепел и шлак: туфы и конгломераты походят на осадочные слои такого же образования, покрывающие склоны и подошву подводных вулканов[1]. Извержения, очевидно, имели место в ту эпоху, когда воды двух океанов соединялись проливом; более или менее кольцеобразное расположение вершин тоже напоминает форму эруптивных холмов, которые возвышаются на окружности океанских плоскогорий. Слои известняков, встречающиеся в некоторых частях перешейка, наполнены ископаемыми, которые жили, по всей вероятности, в океане в первые века, третичной эпохи, и представители которых находятся ещё во множестве в соседних морях. Пролив едва замкнулся, и инженеры, хотя пока ещё безуспешно, пытаются снова открыть его. По крайней мере брешью между двумя океанами воспользовались для проведения грунтовой и железной дорог.

За порогом Кулебра снова начинаются горные цепи, постепенно повышающиеся к востоку. Холмы Мариа-Энрикес достигают 400 метров, а восточное продолжение их, холмы Пакора, переходят за 500 метров; затем, по соседству с заливом Сан-Блас, возвышается горный узел, к которому примыкает береговая цепь, тянущаяся с запада на восток, вдоль Атлантического океана: одна из её вершин, находящаяся на восток от Пуерто-Бело, достигает 915 метров. Эти две соединившиеся цепи продолжаются кордильерой с крутыми склонами, от 150 до 180 метров высоты, которая разделяет своей неравной стеной две океанские покатости. Это как раз самое узкое место американского перешейка: расстояние между двумя морями определяется здесь в 50 километров по прямой линии, а между заливом Сан-Блас и излучиною реки Байано, куда достигает приливная волна Великого океана, расстояние не превышает 28 километров. Это сужение перешейка Сан-Блас указывалось как удобное место для прорытия судоходного канала; но гребень кордильеры, откуда изливаются воды Байано, превышает 300 метров, и инженерам пришлось бы прорыть в горе туннель по крайней мере в 12 километр. длины, и настолько высокий, чтобы им могли проходить самые большие суда[2].

Кордильера Сан-Блас или Чепо, состоящая из метаморфического гнейса и сланца, тянется, под разными названиями, в виде краевой цепи Атлантического океана до входа в залив Ураба, где страна называется уже Дариенским перешейком. Горный узел Ганди, высотою в 900 метров, а дальше массив Турганти указывают место поворота цепи, которая затем тянется прямо на юг, с западной стороны реки Атрато. Она понижается у ущелья Тихуль, где высота её всего 142 метра; это место тоже было намечено как удобное для прорытия междуокеанского канала, который заменил бы прежний пролив двумя реками: Атрато—на востоке и Туира—на западе. Дальше цепь возобновляется, но уже без значительных выступов, и своими боковыми отрогами присоединяется к другому хребту, к горам Баудо, которые тянутся по самому берегу Великого океана. В нескольких местах горы высятся круто над самым океаном и выдвигают мысы, окруженные рифами. В общем сиерра-Баудо, имеющая протяжение с севера на юг почти в 200 километров, представляет скорее простую холмистость, чем горную цепь: это прямо высокий берег, на котором кое-где возвышаются массивы относительно значительной вышины, каков, например, Баудо, имеющий 1.816 метров[3]. Но эта сиерра также прерывается широкими брешами, которые были исследованы инженерами наравне с перешейками: Панамским, Сан-Блас и Дариенским, так как они тоже могли бы служить местами прохода между Великим океаном и рекою Атрато; одна из этих брешей, Купика, имеет всего 300 метров высоты над уровнем моря. Последние волнообразные возвышения плоскогорья сливаются с равниной на севере устья Сан-Жуана.

За исключением Атрато, которая принадлежит провинции Панама только своими боковыми притоками, и нескольких рукавов дельты, на перешейке нет больших рек, если не считать разлива тамошних рек после исключительно сильных дождей; хотя многие из них

1 L. B. Wyse, „Le canal de Panama".
2 L. B. Wyse, цитированное сочинение.
3 J. T. Vergara, „Geografia de Colombia".

имеют довольно значительное течение, благодаря расположению их долин, идущих параллельно, а не перпендикулярно к берегам, но их бассейны не настолько обширны, чтобы изливать в океан большой излишек речной воды. Если эти реки приобрели громкое имя, то это только благодаря своему положению в соседстве или на проходе междуокеанских путей сообщения, эксплоатируемых или проектируемых. Так, река Чагрес, название которой, по словам Пинара, означает на языке муои «Большая Река», и которая, однако, есть лишь незначительный приток Караибского моря, прославилась гораздо более, чем Ванкс и другие большие реки почти неисследованных областей Москитии.

Рио-Чагрес зарождается почти в центре Панамского перешейка и вначале течет по направлению к юго-западу, параллельно океаническим берегам перешейка. У Крусес, где она уже получает все свои верхние притоки, река становится настолько многоводною, что делается доступною для судоходства. Немного ниже, в Матачине, где уровень её во время мелководья всего только на 14 метров выше уровня Атлантического канала, она принимает в себя Обиспо, спускающуюся с массива Кулебра, и которая, по направлению своей долины, есть главная ветвь, так как ниже слияния обе соединившиеся реки текут в поперечном направлении к береговым цепям и вливаются в Антильское море, пересекши бар, где средняя глубина немного более 3 метров. В самой реке глубина воды колеблется между 4 и 12 метрами во время мелководья, но внезапное половодье, являющееся результатом проливных дождей, поднимает иногда речной уровень на 12 метров; неожиданное поднятие на 6 метров случается сплошь и рядом; мосты, построенные для железной дороги, были превзойдены на 4, даже на 6 метров во время таких наводнений. Дебит рио-Чагрес варьирует от 10 до 1.930 метров в секунду[1]; но обыкновенная разница составляет всего только 21 метр при низкой воде и 75 метров при высокой: среднее количество катимой воды очень значительно в сравнении с европейскими реками. Поверхность речного бассейна исчисляется в 2.650 квадратных километров[2], а длина течения около 125 километров.

Река Байано, называемая также Чепо, от расположенного на её берегу города этого имени, немного длиннее рио-Чагрес, и бассейн её обширнее; но количество катимой ею воды меньше, потому что она принадлежит к тому склону океана, который господствующие восточные и северо-восточные ветры не столь обильно орошают дождями. Подобно Чагресу, она течет сначала в продольной долине, параллельной береговым горам, затем круто поворачивает на юг, чтобы спуститься прямо к морю; поворот этот происходит в том месте, где течение реки, уже тихое, поддерживается морским приливом. Река оканчивается на Великом океане широким лиманом, который загроможден баром, где при отливе нет даже полуметра воды; глубокия места Панамского залива, могущие служить якорною стоянкою судов, отстоят очень далеко от берега, так что глубину в $8^1/_2$ м. можно найти только в расстоянии $8^1/_2$ километров от устья, и это представляет одно из важнейших препятствий для прорытия большого судоходного канала через перешеек Сан-Блас.

Из рек Панамы наиболее обширное разветвление представляет Туира, также приток Великого океана. Это происходит оттого, что долевая долина, в которой собираются её воды, гораздо длиннее долин Байано и Чагреса: она тянется на пространстве более 150 километров, параллельно кордильере Дариенского перешейка и дает проход двум рекам, текущим навстречу одна другой: на северо-западе—реке Чукунакве, на юго-востоке—верхней Туире, берега которых окаймлены густыми лесами; во многих местах, где речное русло имеет даже более 40 метров ширины, деревья обоих берегов переплетаются между собою ветвями, образуя, по местному выражению, *pasos de monos*, «живые мосты для обезьян»[3]. Ниже каждой быстрины река образует длинные водовороты, в которых кружатся стволы деревьев. Ещё не вырвавшись из области гор, каждая из этих двух рек уже смешивает свои воды с морским приливом: в зоне встречи речного течения с приливом деревья, гонимые водоворотами, ску-

1 Garella;—Menocal;—Armand Reclus, рукописныя заметки.

2 Louis Verbrugghe, „A travers l'isthme de Panama".

3 Armand Reclus, „Society de Geographie commerciale de Paris" 28 janvier 1879.

чиваются в естественные плотины, которые загораживают русло во всю ширину, едва давая возможность байдаркам пробиваться через них. Наконец, выйдя из верхних равнин, Туир и Чукунакве соединяются в прекрасный канал, около 300 метров ширины и 10 метров глубины, имеющий в среднем 32 кубических метра истечения в секунду[1]. Берега этого канала покрыты болотами—прежними речными руслами, которые делают подступ к нему с суши почти невозможным. Дальше река постепенно обращается в лиман, а лиман—в залив. Прекрасный порт, так называемая Дариенская гавань, представляет собою бесподобные ворота для будущей междуокеанской дороги; он соединяется с заливом Сан-Мигуэль посредством двух проливов, Бока-Гранде и Бока-Чика,—«устий», где течения при входе и выходе достигают иногда очень большой быстроты[2]. Мысы покрыты роскошною растительностью. Берег довольно высокого мыса Гарачин совершенно исчезает под деревьями, вышиною в тридцать метров, стволы которых, в виде прямых белых колонн, поддерживают свод из темной зелени: «ни одна лиана, ни один эпифит не нарушают этой грандиозной, великолепной симметрии[3]».

На атлантическом берегу Панамы самым глубоким иссечением являются две бухты или «лагуны», Альмиранте и Чирикуи, в которые ведут из открытого моря три главных прохода: Бока-дель-Дрого, Бока-дель-Торо и Бока-дель-Тигре; все они настолько глубоки, что дают свободный проход самым большим судам; бухта «Адмирал» получила свое название в честь Колумба, который в 1503 г. посетил эти места; точно также остров или, вернее, лесистый холм, служащий продолжением материка между «Устьем Дракона» и «Устьем Быка», называется исла-Колон (Колумб), а небольшой островок внутри бухты—исла-Кристобаль. Бухта Адмирал представляет обширную совокупность портов, как лагуна Чирикуи, внутреннее море, площадью около 800 квадратных километров. Острова и островки, лежащие у входа, расположены таким образом, что служат как бы продолжением линии континентальных берегов, как будто некогда они были частью берега, который размыли морские волны. Полуостров Валиенте или, скорее, Валиентес, который с восточной стороны полузакрывает лагуну Чирикуи,—представляет собою один из редких пляжей с чистым белым песком, между устьями рио-Чагрес и никарагуасского Сан-Жуана[4]: в других местах берег состоит из темного, почти черного песку и содержит в себе так много крупинок железа, что во многих местах магнитный железняк тотчас же облепливается им.

К востоку от Чирикуи, морской берег продолжается на несколько километров в море подводным плато, усеянным банками и островками, глубина воды на котором не достигает даже 50 метров; среди этих островов известен Эскудо-де-Верагуа, о котором часто упоминается в дипломатических документах, как о предмете спора между Коста-Рикой и республикой Колумбия. Остров покрыт деревьями, которые морской ветер словно подстриг все под один рост. С восточной стороны остров оканчивается вертикальными утесами в 12—15 метров высоты, состоящими из красноватого камня, заключающего в себе морские раковины: волны обтесали эти утесы в виде колонн и арок, которым зеленые кущи и завесы придают особенную прелесть, несвойственную обыкновенно скалистым откосам берегов. Эта местность дотого обильно орошается дождями, что в песках струятся ручьи на южной стороне острова; тем не менее, черепахоловы, занимающиеся своим промыслом на Эскудо-де-Верагуа, часто ощущают недостаток в пресной воде и вынуждены выкапывать на пляже колодцы.

Залив Сан-Блас, открывающийся на Атлантическом берегу в самом узком месте американского перешейка, походит, как и лагуна Чирикуи, на брешь, промытую морем в прежнем очертании берега. Полуостров Сан-Блас, ограничивающий залив с северной стороны, представляет отрывок этого первоначального берега и продолжается к востоку в виде целых со-

1 V. Celler;—Lucien Wyse, „Le canal de Panama".
2 T. Flachat, „Etude du bassin du Darien, an point de vue de la communication interoceanique".
3 Armand Reclus, „Panama et Darien".
4 Sallot des Noyers, „Mer des Antilles et Golfe du Mexique".

тен рифов и островков, которые образуют архипелаг Мулетас или Мулатас. Ни на одном из этих *cayes* нет ни холмов, ни скал: это песчаные пляжи, выступающие из воды всего на несколько футов или метров, и покоящиеся на коралловом основании. Они группируются большею частью кругами или овалами, представляя собою неправильные атоллы, между которыми проходят узкие, но глубокие проливы, где суда находят себе надежную якорную стоянку, вполне защищенную от ветра. Несмотря на свои незначительные размеры, многие из этих островков обладают источниками чистой воды, так что индейцы имели возможность устроить здесь свои деревни. Каждый островок архипелага Мулетас представляет собою, если не лес, то во всяком случае лесок, или кокосовую рощу: издали земли совсем не видно, а зеленеют лишь веерообразные листья пальм, издали похожие на стаю гигантских птиц.

За Мулетасом островки разбросаны без всякой правильности вдоль берега; но до самого Пуерто-Эскосес эта арматура из рифов защищает побережье. Море становится свободным только у залива Ураба, где начинается новая формация аллювиальных земель, нанесенных на морское дно устьями Атрато. Во всём свете едва-ли есть морские пространства, где бы кривые соприкасания между морем и землей видоизменялись более быстро; контуры пляжа меняются здесь, так сказать, на наших глазах, и морские карты следовало бы переделывать каждый год. В заливе Ураба наблюдается, только ещё в гораздо большей степени, то же явление постепенного закрытия, как и в Смирнском заливе. В этой Мало-Азиатской бухте река Гедиз или Гермос, выдвигая свои наносы к противоположному берегу, угрожает совсем закрыть канал, ведущий к порту и в восточную глубь морского пространства, сделавшагося здесь озерным; точно так и в заливе Ураба могучая река, дельта которой окаймляет, словно бахрамой, перешейковый берег, всё далее и далее выдвигает свои наносные пляжи к южноамериканскому побережью и скоро отделит от открытого моря южную часть залива, или *culata*.

Контраст между берегами Атлантического и Великого океанов происходит главным образом от морских приливов и отливов, которые с одной стороны имеют весьма малую разность уровней, а с другой—значительную амплитуду. При устье рио-Чагрес и в бухте Колон море подымается, в среднем, на 38 сантиметров, а в бухте Чирикуи только на 30 сантиметров, но эта разница в высоте между приливом и отливом не подчинена никаким законам периодичности; она обусловливается главным образом направлением и силою атмосферных течений: по временам морская поверхность держится на одном уровне в течение нескольких дней; обыкновенно два суточных прилива и отлива противодействуют друг другу таким образом, что обнаруживается только одно поднятие и один спад воды впродолжении суток. Напротив, на Тихоокеанском берегу приливы и отливы происходят правильно. В Панамской бухте наименьшая амплитуда морского прилива, в мае и июне, имеет 2 м. 42 сант., тогда как наибольшая разность уровней, в ноябре и декабре, достигает 6 м. 88 сант.: среднее годовое колебание уровня определяется почти в 4 метра. Вследствие такого чередования, морского прилива, прибрежная водная плоскость Великого океана бывает то выше, то ниже уровня Атлантического океана: самая большая разница между тем и другим океанами бывает в 3 м. 24 с. Еслибы через Панамский перешеек существовал открытый судоходный канал, то течение в нём было бы переменное, то в одну, то в другую сторону, смотря по высоте морских бассейнов, и таким образом в канале была бы постоянная смена притока и убыли воды. Но в этом беспрерывном движении компенсация не была бы равная, так как средний вывод колебаний показывает уровень Великого океана на несколько сантиметров выше уровня Атлантического океана в бухтах Колон и Каледонии. К тому же поднятия и понижения воды совершаются в обоих океанах в различные часы: прикладной час в Колоне запаздывает на девять часов против Панамы.

Другим следствием контраста между приливами и отливами двух соседних морей является различие в очертании берегов. Берега Атлантического океана узки, тогда как на Великом океане они, в среднем, шире, и в некоторых местах даже образуют бесконечную ленту белых пляжей. Кроме того, береговые пространства Южного моря менее богаты кораллами, чем

Антильское море. Действительно, сильные суточные колебания морского уровня отражаются пагубно на существовании большинства полипов: они не могут успешно произрастать на рифах, которые бывают то совершенно сухи, под жгучими солнечными лучами, то покрыты

Типы обитателей о. Мартиники.
Охотникъ за змѣями и негритянка-угольщица.

толстым слоем воды. Напротив, они чувствуют себя в своей настоящей стихии в водах Колумбова моря, где приливы и отливы гораздо равномернее, на краях островков, которые постоянно обвеваются пассатным ветром.

Промерное плато, т.е. цоколь подводных берегов, на котором покоятся надводные земли перешейка, служит также основанием для островов, рассеянных в водах Великого океана, в некотором расстоянии от побережья. Коиба, Себако и другие более мелкие острова, лежащие в море между мысом Бурика с западной стороны и полуостровом Азуэро—с восточной, принадлежат к тому географическому целому, часть которого составляет материк. Точно также все острова обширного полукруглого амфитеатра Панамского залива лежат, как и сам перешеек, на подводном плоскогорье, где глубина не достигает и 50 метров: край этого плоскогорья тянется, от стрелки до стрелки, до самого входа в залив. Большие острова этой бухты, вместе с сотнею маленьких островков, составляют целый архипелаг, который называется лас-«Перлас», хотя его жемчужные промыслы почти совершенно истощились. К востоку от этой группы бугристых, но не высоких островов открывается глубокая выемка залива Сан-Мигуэль, где суда повсюду находят глубину по крайней мере в 10 метров.

Климат Панамского перешейка отличается от климата западных перешейков лишь легкими переходами, что обусловливается меньшею широтою континентальной полосы и близостью обширного южно-американского материка, с его высокими плоскогориями и многосложными рядами гор. Средняя годовая температура равняется 26—27 градусам по стоградусному термометру; на Атлантическом побережье она немного выше, вследствие влияния морских течений, которые в Антильском море теплее, чем в океане. Ежегодные колебания температуры от одной крайности к другой никогда не превышают 17 градусов, от 18 до 35, и когда, впродолжении одного и того же дня, изменение температуры перейдет за 6 градусов, достигнет, например 8°, т.е. если с 30-ти градусной дневной жары температура понизится ночью до 22°,—то уже жалуются на «резкую» перемену погоды. Таким образом климат Панамы можно назвать одним из самых постоянных[1].

Ветры дуют обыкновенно тоже с большою правильностью: главным образом преобладают пассатные ветры, которые в этих местах, где обширный материк Южной Америки отклоняет их немного с их естественного пути, дуют скорее с севера, чем с северо-востока. Ежедневно они усиливаются постепенно по мере возрастания дневной жары и затем понемногу стихают, так что ночи зачастую бывают совершенно тихими. В зимние месяцы, т.е. с мая по ноябрь, на побережьях преобладают *vendavales* или «низовые ветры», т.е. юго-восточные пассаты, переходящие в муссоны. Резкие порывы ветра, столь грозные для мореплавателей Мексиканского залива, на прибрежье перешейков представляют меньше опасности, но и здесь не проходит ни одного года без того, чтобы буря не разражалась в бухте Колон, при том почти всегда самым неожиданным образом[2]. Что касается ураганов в собственном смысле, то сложилось мнение, будто эти грозные метеоры неизвестны на перешейке; однако, октябрьский шквал 1865 года, который, налетев с юго-запада, пронесся над Панамским перешейком, затем над Колоном и всём побережьем Москитии, и, обогнув Мексиканский залив, рассеялся, наконец, в океане, у мыса Гаттерас, имел все признаки настоящего циклона. Этот ураган двигался с поразительною медленностью: пространство от Колона до полуострова Флориды он прошел только в 4 дня. В 1885 г. другой порыв *norte* (норда) потопил в порте Колон (Колумба) восемнадцать парусных судов.

Годовое выпадение дождей так же правильно, как и движение ветров. Запаздывая на один месяц или на шесть недель против движения солнца, дожди выпадают тогда, когда облачное кольцо переходит в северное полушарие, а когда это же кольцо переходит через экватор к югу, снова наступает ясная погода; кроме того *veranito*, или «малое лето», сезон засухи, настает с Иванова дня и продолжается весь июль месяц, когда облачная зона простирается над Мексикой и Кубою. В выпадении дождей, как во многих других явлениях, наблюдается контраст между берегами Атлантического и Великого океанов: северные берега, подвергающиеся влиянию пассатных ветров, приносящих дождь, получают по крайней мере вдвое

1 Verniol, „Acclimatement dans l'isthme de Panama". Антропологическое общество, заседание 7-го февраля 1888 г.

2 Lucien B. Wyse, „Le Canal de Panama".

больше влаги, чем южные, обращенные к муссонам. Количество дождевой воды, выпадающей на северных склонах возвышенностей, исчисляют в три слишком метра[1]. На обсерватории Гамбоа, расположенной на высоте 30 метров над уровнем моря, средняя пирометрическая равна 0,96 в сезон дождей и 0,88 в так называемое «сухое» время года.

Жаркая, постоянно насыщенная паром, зараженная болотными испарениями, атмосфера перешейка не такова, чтобы белый рабочий мог долгое время дышать ею безопасно. Первые европейцы, испанцы, поселившиеся в Панаме, дали ей название *Sepultura de Vivos*[2], (Могила живых). Оттого иммигранты из Европы и Соединенных Штатов, привлекаемые сюда предприятиями по постройке железной дороги и прорытию канала, оставили за собой управление, надзор, прибыльные профессии, не требующие никакого физического усилия; им больше всего следует опасаться болезней печени, почек, накожных, а также желтой лихорадки в течение первых восьми месяцев пребывания в этом крае; по прошествии этого срока они в отношении этой болезни так же акклиматизированы, как и индейцы[3]. У местных уроженцев наибольшая смертность происходит от чахотки. Тяжелая физическая работа была достоянием туземцев смешанной расы, ново-гренадинцев и ямайских негров—последние преобладали громадным большинством: их было четыре пятых; и этот тяжелый труд поглотил больше человеческих жизней, при прочих равных условиях, чем сколько поглощает работа по распашке земель и на верфях в умеренном поясе. Впрочем, в настоящее время трудно иметь вполне точные сведения о влиянии климата, так как статистические документы изданы компаниями капиталистов, прямым рассчетом которых было представить положение вещей в самом благоприятном свете. Достоверно, что до попытки прорытия междуокеанского канала ходили сильно преувеличенные рассказы относительно смертности рабочих, ирландцев, негров и китайцев, которые работали над постройкою железной дороги. Часто повторяемая поговорка «каждая железнодорожная шпала стоила жизни одного человека» служит лишь образным выражением громадной смертности среди рабочего населения. Самоубийства, вызываемые особенно среди китайского населения страхом перед заболеваниями или непосильною работою, а главным образом тоскою по родине, увеличивают на несколько сотен количество смертей: несчастные вешаются или бросаются на плоский морской берег, чтобы сделаться жертвами морского прилива. Что касается прорытия канала, то, повидимому, эти работы обошлись дешевле в смысле человеческих жертв, так как, если верить оффициальным отчетам, ежегодная смертность среди рабочих не превышала двадцатой части: по другим источникам она была значительно больше[4].

В провинции Панама и особенно на Дариенском перешейке средне-американская флора достигла своего наибольшего могущества: здесь встречаются флоры Южной Мексики и Колумбии; кроме того, имеется множество видов специально панамской флоры, которые, по словам Шерцера, составляют двадцать вторую часть всей растительности страны. Эта переплетающаяся растительность покрывает землю такой сплошной массой стволов, ветвей, листьев, лиан и чужеядных, что путешественник нигде не находит свободного прохода. Береговые мысы не имеют вида утесов или косогоров, так как почва их совершенно скрыта под густою листвою; можно подумать, что холм есть не что иное, как гигантское дерево, выросшее в море и поднимающее свою величественную пирамиду, высотою в двести метров. Внутри страны, в глубине темных галлерей, струятся ручьи и речки, осеняемые сводом перевившихся ветвей, и поток поминутно исчезает—здесь под плотами из скучившихся стволов, там под слоем нитчаток и других водяных растений, по которым, словно по ковру, скользят лодки, не касаясь воды. Одна порода пальмы, *chamaedorea pacaya*, растет на высоте 2.100 метр. над уровнем моря, на-ряду с дубом и ольхой. В прибрежном поясе Великого океана раститель-

1 Дожди в Колоне в 1887 г.: 2 м, 887 в 228 дней (от мая до декабря).

2 Manuel de Peralta, „Costa-Rica, Nicaragua y Panama en el siglo XVI."

3 Verniol, цитированное сочинение.

4 Смертность среди рабочего населения в Панаме в течение двух лет и трех месяцев; 5.200 т.е. 7 в день, или 98 на 1.000 (Nicolas, „Chantiers et terrassements en pays paludiens").

ность уже не такая роскошная, и в некоторых местах большие леса чередуются с саваннами или на которых деревья растут только кое-где отдельными группами или рощами. Причина такого контраста происходит от меньшего количества дождей на тихоокеанском берегу.

Ещё резче разница между обоими побережьями перешейка выражается в океанической фауне. Оба моря населены совершенно различными породами рыб и других животных форм, несмотря на то, что в начале третичной эпохи моря эти соединялись между собою широкими проливами, открывавшими свободный проход для всех водных животных; в то время фауна была одинаковая как на востоке, так и на западе островов Средней Америки. На многочисленных породах лучистых животных обоих морей замечают, что если виды их и разнятся между собою, то во всяком случае почти все они принадлежат к одному и тому же роду, так что с первого взгляда их нетрудно смешать. Очевидно, различие произошло с третичной эпохи, т.е. после образования континентальной полосы. Появление перешейка поставило животных в другие условия существования, вследствие чего фауны постепенно обособились[1]: из 1.500 родов моллюсков, принадлежащих морской фауне Антильского моря, и из 1.340 родов панамской территории, общих для обоих побережий не наберется даже 50 видов[2]. Земная фауна тоже разнится на обоих склонах перешейка. Она содержит нескольких животных, не встречающихся в других местах: такова обезьяна саймири (*chrysothrix*), живущая только в пределах Чирикуи и которая не выживает даже на соседних берегах, например, в Картагене[3]. В реке Туира водится одна замечательная рыба, которую отметил ещё Херрера под названием *roncador*, «мычащая», так как она издает рев, похожий на мычание молодого быка[4]. Искатели жемчуга очень боятся одной породы акул, называемой *tintorera*, довольно обыкновенной в Панамском заливе: эта акула имеет около 15 метров длины, и замечательна тем, что пасть её открывается на конце головы, а не под мордой, как у других акул[5].

Население провинции Панамы, как и в других соседних областях Центральной Америки, представляет в огромном большинстве смешанную расу, состоящую из испанцев, индейцев и негров; но доля африканского элемента здесь гораздо значительнее, чем в населении остальных пяти республик. Со времени уничтожения невольничества, Ямайка не переставала присылать на берега перешейка иммигрантов, негров и мулатов; затем начались работы по постройке железной дороги и прорытию канала, которые тоже привлекали ямайцев целыми тысячами; впоследствии большинство этих землекопов остались в стране в качестве мелких торговцев или земледельцев, найдя здесь с одной стороны вполне подходящий для себя климат, а с другой весьма выгодные условия землевладения, так как здесь достаточно было самому распахать новину, чтобы оффициально сделаться законным владетелем этой земли. Во многих деревнях Атлантического побережья ямайцы составляют господствующее население, и даже вообще в стране они могут быть рассматриваемы во многих отношениях как элемент цивилизующий, так как это они поддерживают движение, они разносят товары, новости, идеи, они наиболее деятельно способствуют изменению обычаев иноземцев. Они же научают прибрежных жителей жаргону, представляющему смесь испанского языка с английским, жаргону, необходимому в обычных торговых сделках с моряками каботажных судов.

Некоторые туземные народцы ещё сохранили, если не полную чистоту расы, то по крайней мере первоначальный наружный вид, нравы и язык. Таковы, между прочим, гуайми, или «люди», живущие в западной части штата; они сгруппировались главным образом в высокой долине Миранда, горном цирке, где единственным сообщением с прибрежными рав-

1 Alex. Agassiz. „Bulletin of the Museum of Comparative Zoology“, Кембридж. Март 1869 г.
2 C. B. Adams;—Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua“.
3 Moritz Wagner, „Petermann's Mittheilungen”,1863.
4 „Historia de las Indias Occidentales“;—De Puydt, „Isthmus of Darien“
5 G. Chierchia, „The Voyage of the“. Vettor Pisani, „Nature“. Август 14, 1884 г.

нинами лагуны Чирикуи служит трудно проходимое ущелье: замкнувшись в этом уединенном бассейне, лежащем на высоте почти 400 метров над уровнем моря, они могли избежать всяких сношений с испанцами и сохранить свою независимость; они допускают к себе только тех иноземцев, как негров, так и белых, которые успели заручиться покровительством какого-нибудь могущественного главаря. Главное их племя известно под названием валиентес, или «храбрецов»; эту славу они стяжали главным образом своими отчаянными поединками, которыми разрешалась у них всякая, даже малейшая обида, или оскорбительное слово: прежде редко можно было встретить валиенте, тело которого не было бы покрыто шрамами[1]. Эти индейцы принадлежат к тому же племени, как и коста-рикские таламанки, и, по всей вероятности, происходят от тех туземцев, которым они присвоивают символические фигуры, высеченные на скалах и золотые украшения, найденные в могилах, или *Guacas*. В прежния времена они были несомненно цивилизованнее, но сношения с белыми убили их промыслы: одеваясь по-европейски, они покупают прямо готовую одежду, вследствие чего совершенно разучились ткать и окрашивать ткани; хлопчатник же, который они продолжают ещё садить около своих хижин, растет без всякой пользы; приобретая чугунные котлы, они окончательно забросили горшечный промысел; оружие и всякие инструменты они тоже покупают, так как не в состоянии выделывать у себя дома; что касается изделий из серебра и золота, то это искусство утратилось у них, вероятно, ещё в первые времена испанской оккупации. Политическое устройство гуаймы тоже изменилось: они повинуются главным начальникам, сосредоточившим в своих руках власть; один из них претендует даже на происхождение от Монтезумы, имя которого индейцы узнали, очевидно, от белых, и которым они пользуются, чтобы выразить свое право первого занятия на владение землей,

Гуаймы, малорослые, коренастые, с большой головой и плоским лицом, неутомимые ходоки и носильщики, походят на мексиканских отоми. Подобно гватемальским квиче и какчиквелам, они имеют свой тотем, т.е. покровителя из животных, чаще всего, по словам Пинара, одну породу маленького попугая. При вступлении в юношеский возраст, каждый гуаймы, вместе с своими сверстниками, подвергается суровым испытаниям и проводит время искуса в лесах, вдали от родителей; старики, с разрисованным пестрыми красками телом, в масках и в венце из листьев, знакомят его с преданиями своего народа и поучают песням, которые составлены на особом, таинственном, священном наречии: только после всего этого юноша может быть принят в среду мужчин, а когда он настолько закалит себя, что сделается нечувствительным ко всякого рода страданиям, ему дают уже уже окончательное имя. Что касается девушек, то ограничиваются празднованием их совершеннолетия, после чего их тотчас же выдают замуж или вернее продают. Главный праздник, называемый испанцами *balzeria*, происходит обыкновенно в начале сухого сезона, в день, указанный количеством сучков на лиане, которая посылается в каждое семейство. После общего омовения, женщины посвящают несколько часов на разрисовывание тела мужчин голубой и красной красками и на расписывание их лиц арабесками и причудливыми узорами, похожими на рисунки, которыми расписывали старинную глиняную посуду; после того все они наряжаются в древний костюм, передник из коры и шкуру животного. Тогда начинается оргия, сопровождаемая танцами мужчин и маханием *balza*, палки из легкого дерева, которою танцоры перекидываются, стараясь в это время кого-нибудь свалить на землю: при этом часто приходится уносить раненого. Религия гуаймы целиком основана на страхе: всякий шум их пугает, так как он, по их мнению, производится злым духом, которого заклинают при помощи чародеев и усмиряют дарами. Когда больной находится при последнем издыхании, родственники уносят его в лес и оставляют его там на произвол судьбы, снабдив только тыквенною чашею с водой и несколькими бананами. После смерти тело его выставляют на подмостках, а через год кости трупа очищают и, сложив их в мешок, погребают на семейном кладбище[2].

По словам Пинара, историка народца гуаймы, этих индейцев наберется ещё около 4 ты-

1 Roberts, „Voyages and Excursions on the East Coast and the interior of Central America“. 1827.

2 W. Gabb, „Proceedings of the Philosophical Society“, Филадельфия, 1876 г.;—Pinart и т. д

сяч; но в 1883 г. одно из их племен, муои, состояло уже всего только из трех человек. На южном склоне цепи, число дорасков, отдельного племени, говорящего на особом наречии, сократилось до тринадцати или четырнадцати человек. Что касается индейцев племени сегуа —слово, означающее на языке терраба «чужеземцев»—то испанцы называли их также мексиканцами или чичимеками. Это были нахуа, более или менее «дикие», которых Васкец-де-Коронадо встретил в одной долине лагуны Чирикуи, и с которыми ему пришлось объясняться посредством мексиканского переводчика. Теперь трудно даже достоверно указать ту часть территории, где они жили: разнообразные источники, к которым прибегал Пинар для расследования этого вопроса, привели его к тому заключению, что сегуасы жили прежде в долине реки Ровало, впадающей в западную часть бухты; им-то он и приписывает самые лучшие глиняные изделия и металлические вещи редкостной чеканки, которые были открыты в стране[1]. Наконец, на востоке от кордильеры Чирикуи, до перешейка Сан-Блас, все индейские племена исчезли: отчасти были перебиты, отчасти смешались с метисами испанского языка. Отдельные туземные племена встречаются только в восточной части провинции, на берегах залива и на островах Сан-Блас, в бассейнах рек Байано, Туиры и Атрато. Но эти индейцы не составляют уже сплоченной нации, сохранившей, вместе с независимостью, исторические предания и память о своих предках; они не помнят господства древних папаров или дариенов, имя которых перешло на восточную часть американского перешейка, и которые принадлежали, вероятно, к той же расе, как куева или куевасы, о которых сообщают Овидо-и-Вальдес и другие испанские писатели первых времен завоевания[2].

За исключением чоко, живущих в южных массивах и примыкающих к населениям Колумбии, различные индейские племена Дариена принадлежат, несмотря на различие наречий, к одной и той же нации[3] куна или куна-куна, называющейся также *Ti*, или «Речные люди», вследствие того, что их изолированные хижины или деревни строятся всегда на берегу вод: так, в бассейне Атрато, индейцы племени чоко называются *До*,—слово, которое на их языке означает то же самое[4]. Как куна, так и большинство других народцев, сами себя называют туле, т.е. «Люди» по преимуществу. Их считают караибской расой, и наиболее гордые из них, энергичным образом отстаивавшие свою независимость и живущие у истоков рек Чукунакве и Каньяза, притока Байано, признаются за иммигрантов гоаджиров, пришедших с полуострова, лежащего между Колумбией и Венецуэлой; но не происходит ли это произвольное уподобление двух отдаленных друг от друга племен просто оттого, что куна на Чукунакве, подобно гоаджирским индейцам, сумели сохранить свою свободу и приобрести уважение своих врагов?

В общем, куна малорослы, коренасты и с большой наклонностью к тучности: они очень походят на гуайми, от которых отличаются только более светлым цветом кожи. Между ними, говорят, альбиносы не редкость; встречаются также люди с белой кожей и рыжими волосами, что свидетельствуют о частых и долгих посещениях их страны пиратами. Обыкновенный же тип—брюнеты, с совершенно черными и густыми волосами, которые, так сказать, не выпадают с годами и редко седеют: но бороды у них нет; глаза немного скошенные. Прежде они татуировались; теперь они ограничиваются смазыванием своего тела черноватым соком растения *jagua* (garripa americana), который способствует свежести кожи, а в большие праздники они расписывают себе лицо красными узорами посредством орлеана (bixa orellana)[5]. Речь их—певучая; после каждой фразы следует пауза, которою собеседники пользуются для выражения протяжного поддакивания. В языке куна система счисления двадцатеричная, как и в ацтекском наречии, из чего, повидимому, можно заключить, что влияние нахуатльской цивилизации некогда проникало даже в эту окраинную область Перешейков.

1 „Revue d'Ethnographie de Hamy", 1887.
2 Berendt, „American Record and Repertory of Notes and Queries". 1874.
3 Alph. Pinart;—Viguier, „Memoires de la Societe d'Anthropologie", 1878.
4 Alph. Pinart;—Armand Reclus;—Lucien B. Wyse, цитированные сочинения.
5 Alph. Pinart, „Revue d'Ethnographie", 1887;— Lucien B. Wyse, „Le Canal de Panama".

Нравы и обычаи куна мало отличаются от гуайямских. Даже те из них, которые не имеют прямых сношений с «испанцами», объиспаниваются; все они занимаются торговлею, в качестве экспедиторов или продавцев зерен дикого какао, кокосовых орехов, каучука, растительной слоновой кости, или *tagua*, и эта торговля всё больше и больше вводит в страну иностранных товаров. Одежда, инструменты и оружие,—всё постепенно изменяется; епископ Тьель, который посетил индейцев куна через несколько лет после Вигие, Уайза и Армана Реклю и обратил большинство их в христианство[1], не нашел уже этих туземцев такими, как их описывали Вагнер[2] и французские исследователи. Каждая группа домов имела своего кацика или капитана и своего *lele*, который был в одно и то же время жрецом, костоправом и колдуном. Третьим лицом в общине был *comotaro*, оффициальный музыкант, хормейстер и церемониймейстер; что касается до *urumia*, то это был страж, отправлявший одновременно обязанности полицейского агента и полевого сторожа. Во время родов женщины удаляются в отдельную хижину, где остаются под надзором старухи, которая, выкупав мать и новорожденного в реке, отводит их к леле, чтобы тот окурил их табаком и отвратил таким образом злой рок. Как и у гуайми, возмужалость девушки дает повод к празднеству; тут в первый раз она получает публичное имя и другое—секретное, и со следующего года имеет право выйти замуж по своему выбору. У куна не редко случается, что брат женится на сестре: по словам Армана Реклю, подобные браки совершаются даже чаще других; за мужем признается право обладать всеми женщинами, с которыми он породнится через свою женитьбу[3]. Тем не менее, нравы их отличаются крайнею строгостью; незаконнорожденных детей заживо зарывают в землю или бросают в реку, а всякий посторонний свидетель женских родов наказывается смертью. Обычай так называемого «высиживания» (кувады) существуют у всех племен расы[4]; впрочем, белые и негры Ново-Гренадинского побережья разделяют более или менее суеверие, по которому муж воображает себя участвующим в страдании родильницы: родовым болям супруги, *madrejon*, соответствует *padrejon*, родовые боли супруга. Когда куна умирает, на хижине его вешают клюв перцеяда, вероятно, для того, чтобы птица сопровождала умершего в другой мир, а в могилу его кладут провизию для загробного путешествия. У некоторых народцев покойников кладут в гамак и верят, что души их до тех пор мыкаются в царстве теней, пока не разорвутся веревки гамака[5].

Торговля едва только ещё завязывается на атлантическом побережье, между Чагресом и бухтой Чирикуи. «Город» Кастильо-де-Аустрия, основанный в первые времена завоевания на рио-Чирикуи-мула (Крикамаула), или рио-Гуайми, существовал очень не долго и исчез, не оставив по себе никакого следа; ещё в начале этого века страна не имела других жителей, кроме индейцев, когда негры с островов Виеха-Провиденсиа и Сан-Андрес высадились на берегах Чирикуи[6], на острове дель-Драго или Колон и в других местах архипелага, откуда их потомство постепенно распространилось по всей окружности бухты. Эти иммигранты африканского происхождения и были основателями значительнейшего в настоящее время города Бока-дель-Торо, названного так потому, что он стоит на берегу одноименного с ним пролива, на острове Колон, при входе в лагуну Чирикуи; в 1883 году в этом городе насчитывалось около пятисот жителей, почти все мулатов, которые вели довольно значительную торговлю кокосами, черепахой, сассапарелью и красильным деревом. Порт Бока-дель-Торо, хорошо защищенный соседними островами, достаточно глубок для судов большой осадки; против него, на западном берегу острова Бастиментос, называемого по-английски Провиженс-Айленд (остров Провизии), находится деревня, вся утопающая в садах, которые действительно доставляют бананы, пататы, ямс и другие жизненные припасы для продовольствия

1 Polakowsky, „Petermann's Mittheilungen". 1887.
2 Moritz Wagner „Petermann's Mittheilungen". 1862.
3 C. Viguier, цитированное сочинение
4 L. B. Wyse, цитированное сочинение.
5 A. Pinart;-B. Thiel;—Polakowsky, цитированные сочинения.
6 A. Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie". 1885.

проходящих мимо судов. Возникающий город Бока-дель-Торо может рассчитывать на счастливое будущее, так как современем он сделается гаванью для вывоза угля из береговых мест, фосфорно-кислой соли из Эскудо-де-Верагуа и колониальных товаров из внутренних областей. Что касается золота, то до сих пор не отысканы рудники, разрабатывавшиеся во время путешествия Колумба, который сумел, «без скандала, лишить верагуаского царька всех его золотых песчинок».

На материке главное торговое поселение—Гобранте, лежащий на реке Чирикуа-мула, в начальном пункте судоходства, и, может-быть, на том самом месте, где некогда завоеватели построили Кастилльо-де-Аустрия. От Гобранте трудная тропинка поднимается к долине Миранда, населенной индейцами гуайми, а затем к гребню кордильеры, чтобы затем спуститься в равнины Давид; более удобная дорога, доступная даже для лошадей, начинается гораздо западнее, на «Французской» бухте, и проходит через перевал в соседстве горы серро-Хоркета (Оркета): рано или поздно этот путь сделается одною из международных дорог американского перешейка. Давид, административный центр департамента Чирикуи, представляет собою небольшой городок, расположенный в двадцати километрах от Великого океана, в равнине, изрезанной оврагами, которые делят её таким образом на естественные ограды для скота, составляющего главное богатство страны; на севере возвышается великолепный конус Чирикуи, первые склоны которого покрыты кофейными плантациями. Небольшие соседние порты, Педрегаль, Каньяфистола, дают доступ судам небольшой осадки, которые нагружаются здесь продуктами для города Панамы. В двадцати километрах к западу, лежащая при рио-Чико скромная деревенька Аланже представляет теперь жалкие остатки прежней столицы и торгового места на дороге караванов, ходивших некогда из Гватемалы в Панаму.

Дальше, в Бугабите, близ деревни Бугаба, были открыты *guacas*, или могилы, с богатыми золотыми украшениями; благодаря этим первым находкам 1860 г.,страна Чирикуи стяжала себе временную славу, столь же громкую, как и Калифорния[1]: в этой области собралось зараз до полутора тысяч золотоискателей; часть их взобралась на верхние склоны вулкана, где Мориц Вагнер также открыл доисторическое кладбище, изобиловавшее золотыми и медными фигурками, изображавшими животных и главным образом лягушек. Очевидно, это были амулеты, которые носили на себе туземцы; все эти фигурки имеют колечки для подвешивания[2]. В общем на двадцать или двадцать пять раскопанных могил одна приходилась с подобными драгоценностями; оттого, разрыв все могильные курганы и собрав более одного миллиона франков, искатели покинули страну. Область Давид считается гораздо здоровее Панамского перешейка в собственном смысле; однако, белые всё-таки не могут здесь вполне акклиматизироваться и потому не основывают прочных колоний. Основанная около Бугаба немецкая колония скоро разбрелась.

Ната или Сант-Яго-де-лос-Кабальеросо—один из древних городов Америки. Страна, в которой он находится, была открыта Алонсо-де-Ожедой, в 1510 г., а через два года основан и город; в эту эпоху в Европе не было ещё известно даже самое имя Мексики. Расположенная на рио-Чико, около её устья в бухте Парита, западной оконечности обширного полукруглого бассейна Панамского залива, Ната господствует над равнинами, простирающимися между кордильерой Верагуа и полуостровом Азуэро: подобно Давиду, она имеет обширные саванны, населенные лошадьми и рогатым скотом. Гончарные заводы Наты снабжают своими изделиями город Панаму и почти все округа провинции. Кроме того, Ната славится плетением из волокон *jipijapa* (carludovica palmata) гибких и вместе с тем прочных *sombreros*, известных в торговле под названием «Панамских шляп».

Знаменитый город, давший свое название заливу, перешейку и всей провинции, первоначально был основан не на том месте, где находится теперь. В 1518 г., когда Педрариас-де-Авила перенес столицу с Атлантического побережья на берег Южного моря, он избрал пляж, расположенный при устье небольшой реки, Амарробо, которая изливается в бухту в

1 A. Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1885.

2 Moritz Vagner, цитироваппое сочинение.

том месте, где дуга залива образует наибольшую выпуклость, обращенную к северу. Этот город Панама, основанный на месте одноименной с ним деревни, в течение полутора века держал в своих руках торговую монополию перешейка. Здесь испанские суда выгружали все товары, всё золото, вывозимое из Перу: более двух тысяч мулов работало при транспорте драгоценных металлов из Панамы в Пуерто-Бело, где они нагружались на галионы испанского короля. Но эти сокровища не могли ускользнуть от пиратов. В 1670 г. Морган «Истребитель» атаковал Панаму во главе тысячи ста человек, и ужас, наведенный корсарами, был так велик, что испанцы не осмелились даже отстаивать перешейковый проход; после небольшой попытки к защите, перед самыми воротами города, они бежали, оставив свои пушки и часть богатства; галионы же с остальными драгоценностями успели отплыть в море[1]. Панама была предана огню, и испанцы, из опасения новой атаки, уже больше не возвращались сюда: от этого первого города остались лишь бесформенные развалины двух церквей, почти совершенно заросшие кустарником.

Нынешний город построен в десяти километрах западнее, у подошвы Анкона, изолированной горы в 170 метров вышиною, и при устье реки, называемой «рио-Гранде». Собственно город, или Сан-Фелипе, окружен ещё до сих пор стенами в три метра толщины, из которых одна, господствующая над морем, образует великолепный бульвар де-лас-Бодас. Предместья продолжаются далеко за черту города по пляжу и соседним горным склонам. Подобно древнему городу, и в новом имеются также свои развалины, оставшиеся после пожара; кроме того, сохранились памятники, которые находятся в отличном состоянии, как например—кафедральный собор, две башни которого служат маяками, и различные монастыри, преобразованные в жилые дома или в заводы. Хотя Панама удостоилась в 1824 г. быть местом заседания конгресса испано-американских республик, а затем столицей в то время, когда Колумбия представляла конфедерацию штатов, образовавших теперь провинции «единой и нераздельной» республики,—она, однако, маловажна как центр населения и местной торговли: здесь не плетут больше знаменитых шляп «панама», которые, впрочем, уже вышли из моды. Всё значение Панамы обусловливается её положением в месте прохода из одного океана в другой, в самой узкой части континента; поэтому и история её представляет поразительные превратности, совершая быстрые скачки от прогресса к упадку, в зависимости от направления торгового обмена.

Панама была в цветущем состоянии в тот период времени, когда командовала торговлей Перу и Чили; последовавшая затем утрата монополии почти совершенно лишила её населения; устремление рудокопов к Калифорнии вызвало в этом городе прежнее оживление, вернув ему население, и в таком состоянии он продержался до самого открытия трансконтинентальных железных дорог Соединенных Штатов, которые отклонили от Панамы наплыв путешественников и товаров. Работы по прорытию канала, когда в списках компании числилось около двадцати тысяч рабочих, в третий раз подняли Панаму, а теперь она уже снова начинает приходить в упадок. Впрочем, город этот всегда останется одним из вибрирующих узлов в мировых торговых линиях, благодаря железной дороге, пересекающей в этом месте перешеек, и торговым судам, заходящим в его залив, по пути из Австралии, из Северной и Южной Америк. К сожалению, его рейд не может служить хорошей якорной стоянкой, так как северные ветры постоянно производят здесь волнение: большие суда бросали якорь в 18 километрах южнее города, под защитою острова Табога. По проекту, канал должен был пройти между плотинами в открытое море до небольшой группы островков, где начинается глубина в восемь с половиною метров; узкий пролив соединяет уже эту якорную стоянку с берегом. Острова, производящие ананасы, служат санаториями для жителей Панамы и для иностранцев; над Панамой и её рейдом, с вершины склонов Анкона, господствует грандиозное здание госпиталя.

Простая, удобная лишь для проезда на мулах, дорога, идущая через лес к гавани Пуерто-Бело, открывающейся почти прямо на севере Атлантического берега между двумя зеленею-

1 A. Oexmelin, „Histoire des Aventuriers".

щими мысами,—служила единственным путем сообщения между двумя океанами во время испанского владычества. На склоне Великого океана попадаются ещё кое-какие остатки мощеной дороги, но, к северу от реки Чагрес, всё исчезло под низким кустарником: плиты были сдвинуты, раздроблены и съедены корнями[1]. Что касается прежней атлантической гавани, Пуерто-Бело, которую защищали поросшие теперь лесом укрепления, то она представляет в настоящее время лишь незначительную деревню, населенную несколькими сотнями негров, ведущих небольшую торговлю с Колоном, Колумбией и Ямайкой. Порт превосходен, глубок и хорошо защищен от ветров, но берега его очень нездоровы, именно вследствие недостаточного проветривания. Знаменитый мореплаватель и пират Франсис Дрэк умер внезапно, в 1595 г., в виду Пуерто-Бело, не успев предать разграблению этот торговый порт, подобно тому, как он это сделал с городами континентального берега[2].

Город Чагрес, расположенный при устье одноименной с ним реки, на правом её берегу, наследовал Пуерто-Бело в качестве конечного пункта прохода на севере Панамы; это самое оживленное место реки: целая флотилия судов снует вверх и вниз по реке между Чагресом и местечком Матачин, откуда не больше 23-х километров по прямой линия до Великого океана. Но Чагрес, подобно Пуерто-Бело, очень нездоровое место, и свирепствующие на Атлантическом океане ужасные болотные лихорадки известны даже по названию этого города: «Чагресские лихорадки». Вследствие этого, население его быстро уменьшилось, как только выбрали для гавани другое место на Атлантическом океане, именно небольшой коралловый остров Манзанильо, расположенный к северо-востоку от бухты Лимон, между Чагресом и Пуерто-Бело. Там-то, на илистом грунте, среди грязей, скопившихся между корнями мангифер, был построен новый город, названный Колоном, в честь мореплавателя, открывшего эту бухту в 1502 г.; его называли также Эспинвалем, по имени одного из капиталистов, которого обогатила постройка железной дороги через перешеек. Это—город, построенный из железа и дерева, с колоннадами и верандами, привезенными в готовом виде из Соединенных Штатов; его окружают набережные и свайные мосты; станция обсажена несколькими кокосовыми пальмами; на берегу моря красуется статуя Колумба работы Каррьера Беллёза. Колон недавно выгорел и теперь должен выстроиться по более обширному плану и на лучше осушенной почве; матерьял для построек будет доставлен порфировыми каменоломнями, находящимися по соседству, в Бахио-Солдадо.

В Колоне не существует никакой промышленности; главные рессурсы жителей—путешественники и прием товаров, доставляемых сюда тысячью судов; благодаря плантациям на реке Чагрес, Колон принимает также участие в разростающейся торговле бананами, которую вся Центральная Америка ведет с Соединенными Штатами. Хотя суда и находятся под защитою недавно выстроенного валганга, тем не менее безопасность их не вполне обеспечена при устье канала, так что парусные суда укрываются иногда в рейде Пуерто-Бело.

С 1835 г., в то время, когда в Англии, Франции и в Соединенных Штатах только-что ещё вводились железные дороги, американец Биддль предпринял свое исследование Панамского перешейка в видах постройки железной дороги; но само предприятие осуществилось только пятнадцать лет спустя, в тот период лихорадочной деятельности, когда богатства Калифорнии привлекали в это Эльдорадо массы рудокопов: открытие дороги состоялось в 1855 г. Проведение линии через болота и леса, реки и гребни водораздела, при крайне опасном климате, стоило много человеческих жизней, а расходы, по полумиллиону франков на каждый километр, превысили впятеро стоимость таких же сооружении в Соединенных Штатах. Коммерческая польза этой дороги, которой была предоставлена монополия транспорта между двумя морями, на пространстве 150 километров, вправо и влево, вначале была очень значительная по перевозке пассажиров и предметов роскоши.

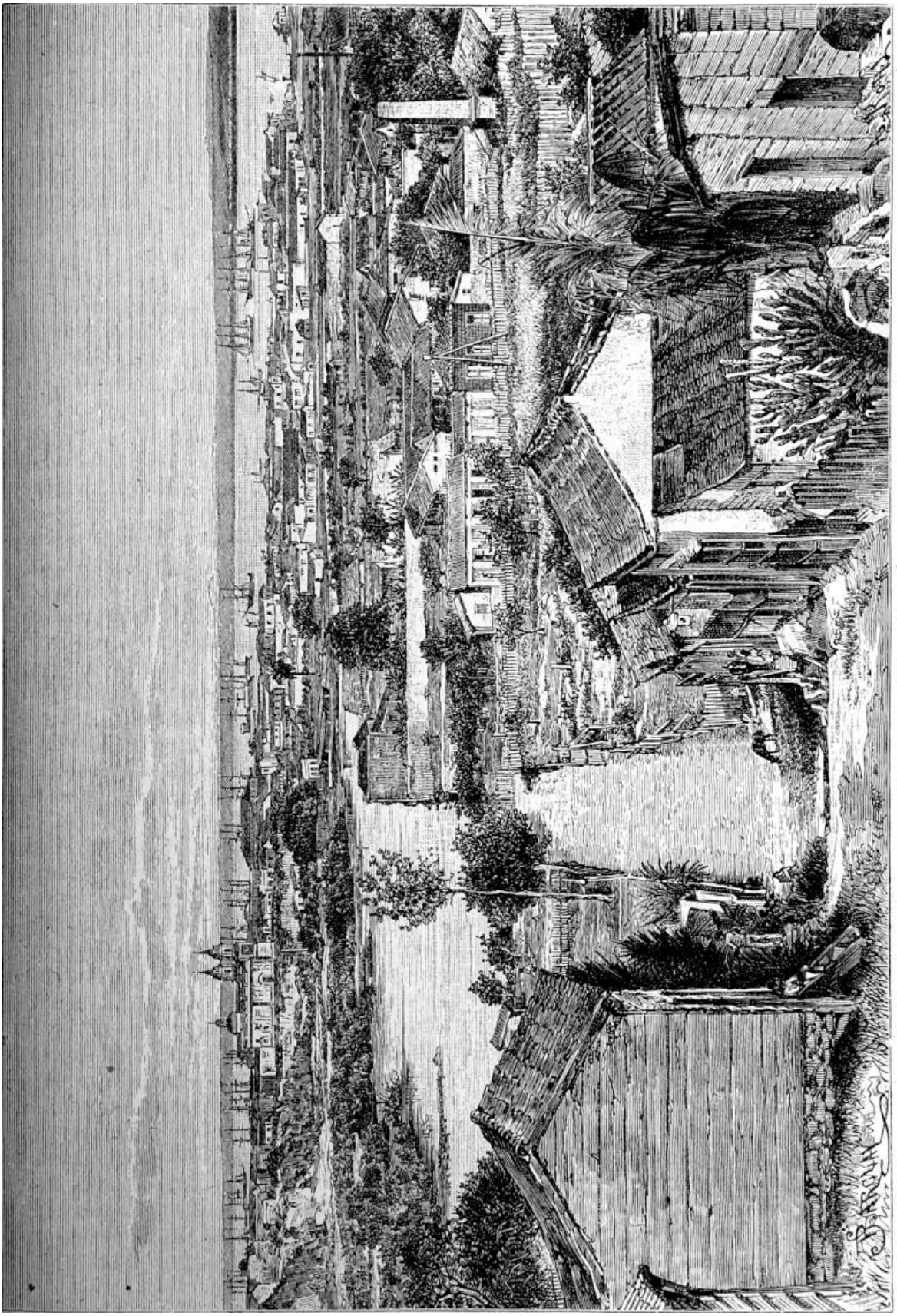
Движение на Панамской железной дороге во время работ по сооружению канала, в 1888 г.: перевезено пассажиров—1.300.000; товаров (в 1886 г.)—320.971 тонна.

---

1 Armand Reclus, „Panama et Darien".

2 Justo Zaragoza, „Piraterias de los Ingleses en la America Espanola".

Что касается исторической важности этой дороги, то она неисчислима: благодаря Панамской дороге, западное побережье Америки сделалось вдруг на несколько тысяч километров ближе к Европе; вследствие этого, изменилась сеть важнейших дорог человечества, а вместе

Городъ Матанзасъ.

с этим и торговое равновесие земли. По замечанию Гумбольдта, Китай и Япония обязаны сохранением своей независимости, по всей вероятности, существованию Панамского перешейка.

Однако, постройка железной дороги, как бы ни была велика её польза, особенно до открытия трансконтинентальных железных дорог Соединенных Штатов, должна иметь значение только предварительной, так сказать, выжидательной работы. Главным делом остается восстановление между двумя океанами того пролива, который существовал в третичную эпоху, и в существование которого верили ещё многие годы после кругового плавания по Антильскому морю. Хотя сам Колумб, плавая вдоль побережья, и не нашел прохода, тем не менее умер с уверенностью, что через посещенную им страну должен быть водный путь в другое море. Факт существования пролива был настолько для всех очевиден, что до 1540 г. этот пролив помечался на картах; это заблуждение, занесенное рассказами и на дальний Восток, наглядно выразилось на китайской карте 1820 г., где два американских материка изображены разделенными друг от друга тремя междуокеанскими каналами[1]. «Загадка пролива», которую, в 1534 году, Карл V поручил разрешить Кортесу, доказывает, что он тоже думал об этом навигационном пути, но так как пролива не находили, то явилась мысль открыть его силою, что дало сигнал к предъявлению целого ряда проектов о прорытии канала в то время, когда самая область не была ещё исследована. Филипп II запретил, наконец, составление новых планов, потому что «воля Божия ясно выразилась в создании сплошного перешейка»; но с тех пор, как латинская Америка освободилась от испанской зависимости, честолюбие снова охватило умы, и в 1825 г. Боливар велел приступить к нивеллировке Панамского перешейка.

Между проектами канала, основанными на местных изысканиях, самыми замечательными в истории Панамы были проекты Гарельи, в 1843 г., и Лулла, в 1875 г.; но эти инженеры считали осуществимым только шлюзный канал, поднимающийся уступами с одного склона на другой. Наконец, более подробное изучение местности, по которой должен был пройти канал, дало возможность Уайзу и А. Реклю представить, в 1879 г., свой план и смету канала, пересекающего перешеек по ровной плоскости из одного моря в другое, и предложения их, рассмотренные на конгрессе инженеров, ученых и финансистов, собравшихся в Париже, были приняты: поразительный успех прорытия Суэзского канала и ежегодное разростание навигационного движения между Европой и западным берегом Америки говорили в пользу этого грандиозного проекта; по рассчетам, от трех и даже до пяти процентов всей мировой торговли должно было перенестись к порогу Панамы.

Торговое движение между Атлантическими берегами и западным побережьем Новаго Света в 1879 г. было определено Эмилем Левассёром в 4.830.000 тонн. Итоги за 1889 г. показаны им же в 7.249.000 тонн. Цифровые данные за 1884 г., составленные экономистом Молинари, показывают это движение в 9.304.000 тонн.

По первоначальному плану, Колонский канал должен был иметь в длину 73 километра, при направлении по долинам рио-Гранде на склоне Великого океана; линия пересекания гребня приходилась под горою Кулебра и должна была идти или по туннелю в 39 метров высоты, или по траншее под открытым небом. Резервуары предполагалось оградить плотинами, в которых задерживались бы воды во время разлития Чагреса и его притоков. Совокупность всех землекопных работ, намеченная, по предварительному плану, в 47 миллионов, определилась впоследствии, со включением сюда туннеля в 6 километров[2], в 72 миллиона кубических метров, т.е. немного только менее, чем при прорытии Суэзского перешейка; общая же смета расходов, при том и при другом варианте, считая с процентами и при условии открытия канала в 1888 г., назначена была в 658 миллионов франков[3].

Известно, что прорытие Панамского канала, вверенное дипломату, который в народном мнении олицетворял собою счастливое осуществление грандиозного предприятия по прорытию Суэзского канала, кончилось финансовым крахом, и в настоящее время, будучи ещё далеко неоконченным, оно в главной части своего протяжения находится всё ещё в подготови-

1 E. Uricoechea, „Mapoteca Colombiana".

2 „Expose succinct des divers projets", 15-го мая 1879 г.

3 „Bulletin interoceanique" 15-го марта 1880 г.

тельном периоде проектов и контр-проектов. Выполненную часть работы исчисляют различно—то в одну треть, то всего лишь в одну пятую; оффициально же она определена в одну треть, потому что колумбийское правительство отдало компании канала те 150.000 гектаров земли, которые ей следовало получить по окончании этой части работ. По Колонскому каналу могут ходить небольшие пароходы на протяжении шестнадцати километров, а гребные суда поднимаются вверх по каналу ещё на шесть километров дальше[1]. Объем вырытой земли равняется доныне 30 миллионам кубических метров, а то, что остается ещё вырыть для канала, сооружаемого с довольно наклонными откосами, представляет по крайней мере 150 миллионов кубических метров, так как ось проектированного канала проходит не по самому низкому месту ущелья де-ла-Кулебра; явилась необходимость изменить первоначальный план, чтобы удлинить изгибы; таким образом почву придется прорыть на 100, в центре канала на 110, а на одном берегу даже на 150 метров глубины, чтобы выкопать траншею и сделать её на 10 метров ниже уровня моря, дав откосам более отлогий склон, чем это предполагалось по первым сметам. Израсходованная сумма, из которой, правда, большая часть была поглощена вовсе не работами по прорытию[2], дошла до полутора миллиарда франков, и эксперты определяют дальнейшие расходы по окончанию начатого предприятия в три миллиарда, включая в эту сумму и те 450 миллионов, которые пойдут на покупку уже совершенных работ, молов и набережных, отрывков канала, траншей, плотин и других сооружений: одна траншея обойдется, по всей вероятности, в 1.300 миллионов. Между актом концессии и катастрофой прошло десять лет, и очевидно, что окончание этого предприятия потребует по крайней мере двадцать лет непрерывных работ: колумбийское правительство назначило открытие канала для общего пользования 31-го января 1893 г. Компания же обещала окончить работы к тому же числу 1887 г.[3].

Конечно, еслибы все нации соединились в одном дружеском союзе и принялись сообща за осуществление этого великого предприятия, то выполнение его оказалось бы совершенно шуточным делом; к сожалению, при настоящем положении вещей, когда «цивилизованные» государства тратят ежегодно на одно содержание и вооружение войска вдвое больше миллиардов, чем их потребно для прорытия канала, господствующее между двумя нациями соревнование заставляет их отступать перед совокупными затратами, выгода которых для одной страны окажется значительнее, чем для другой. Новые, относительно скромные проекты предлагают прорытие судоходного пути эшелонами, поддерживаемыми на каждом склоне шлюзами, но при этом важным препятствием является излишек воды, который может хлынуть в канал, выкопанный на одном уровне между двумя морями, и будет постоянно грозить разрушением шлюзных сооружений: придется, придерживаясь плана первых инженеров, несколько измененного за последнее время, отвести воды разлива в обширные запруды, могущие удержать до 300 миллионов кубических метров. Такия запруды превратят всю среднюю долину Чагреса до самого Круцеса в целый ряд озер; чтобы защитить канал на время наводнения, предполагали отвести русло реки в какой-нибудь, ещё не намеченный, туннель, через который бы она и вливалась в Панамский залив[4]. Таким образом даже для простого шлюзного канала потребуются всё-таки колоссальные работы, и чем выше будет гребень, который придется пересечь, тем больше окажется преимуществ на стороне будущего Никарагуаского канала, высота которого будет меньше 34 метров над уровнем моря, что, конечно, значительно поколеблет экономическое значение Панамского канала. Каждая лишняя ступень канала лишит его сотни тысяч тонн в пользу трансконтинентальных железных дорог. Уже открытие американских железных дорог из Нью-Йорка в Сан-Франциско уменьшило в десять лет более, чем на девять десятых, торговое движение Панамской железной дороги[5].

1 Salles, „Autour de la mer des Antilles". Club Alpin-Francais. 1889.

2 Расходы, употребленные исключительно на работы по прорытию канала, равнялись 443.171.000 франков (Monchicourt, „Rapport de liquidation").

3 „Bulletin interoceanique". 1-го февраля 1880 г.

4 „Rapport de le Commission d'etudes envoyee a Panama".

5 Nimmo, „Weekly Times", 14-го сентября 1880 г.

Каковы бы ни были шансы того или другого проекта, предприятие это рано или поздно должно осуществиться, если только не последуют другие открытия, которые сделают бесполезным прорытие этого навигационного канала. Нужно надеяться, что столько человеческих жизней, столько изощрений талантливых умов, столько потраченного труда на пользу устроения планеты не останутся напрасными жертвами. Гигантские машины, собранные на этом жизненном пункте земного шара, несомненно будут утилизированы, и эти огромные траншеи, на которые нельзя смотреть без изумления, откроют современем проход соединенным водам двух океанов. Быстрое развитие промышленности и ежегодное увеличение торгового движения на противуположных портах перешейка обеспечивают вероятность полного осуществления Панамского дела. Но очень может быть, что наступивший перерыв продлится много лет, так как между прежними концессионерами и конгрессом Колумбии не могло установиться соглашения.

В 1894 г. образовалась новая компания, и работы по устройству канала были возобновлены; но на общем собрании акционеров этой компании, происходившем в Париже 30 декабря 1899 г., совет директоров в полном составе вышел в отставку, вследствие разногласия мнений по вопросу о том, должна ли компания соединиться с другой, американской, компанией, учрежденной для окончания предприятия. Годовой отчет за 1899 год говорит, что канал со шлюзами мог бы быть докончен в 10 лет, с затратой суммы в 512 миллионов франков.

К востоку от Пуерто-Бело, на Атлантическом берегу Панамы нет больше деревень, где индейцы не составляли бы главной части населения. Колония Номбре-де-Диос, основанная в 1510 г. Никуезой, не оставила после себя никаких следов, и неизвестно даже её местоположение: вероятно, она занимала берег одной из бухт, расположенных между вершиной Манзанильо и полуостровом Сан-Блас, на северной выпуклости перешейка: лесная тропинка соединяла её с Панамой. В глубине залива Сан-Блас, этого обширного бассейна, где бы свободно могли поместиться десять тысяч судов, разбросано, под группою кокосовых пальм, лишь несколько деревушек индейцев куна. Индейцы Сан-Блаского архипелага, до сих пор свободные от всякой зависимости от Колумбии, торгуют продуктами своих какаовых и пальмовых рощ, а также черепаховой оболочкой, которую они добывают своеобразным способом, снимая этот ценный панцирь со спины животного посредством подпаливания, нимало не вредя самому животному; тщательно оберегая это пресмыкающееся от вымирания, они зорко следят за неприкосновенностью черепашьих яиц[6].

Одно время это узкое место перешейка, как раз против островов Сан-Блас, находили удобным для устройства навигационного канала. По крайней мере существовало множество проектов по прорытию междуокеанского канала именно в этом месте. Мак-Дугаль первый в 1864 г., а затем Сельфридж, Уайз и А. Реклю, в различное время, исследовали эту страну: благодаря им, стало известным, что по плану этот канал должен бы был иметь 53 километра в длину, из которых более 10 километров по глубокому руслу реки Байано; зато здесь есть другое неудобство, представляемое высотою кордильер; хотя путешественник Куллен и указывал на какие-то бреши, спускающиеся будто бы почти до самого морского берега, но на самом деле даже наиболее низкие ущелья и те превышают 300 метров высоты, так что канал должен бы был проходить по туннелю, длиной, по различным исчислениям, от 11 до 15 километров. Главным городом на склоне Великого океана считается Чепо, окруженный саваннами и ведущий торговлю с Панамой, с одной стороны—посредством плохой дороги, а с другой—по нижнему течению Байано, по которой суда могут подниматься вверх до порта Капитана. На востоке страна защищалась некогда от индейцев крепостью Террабле, в настоящее время разрушенной. Население Чепо и окрестных деревень состоит из негров, почти не ассимилировавшихся с белыми или индейцами.

Бухта Каледония, открывающаяся на Атлантическом побережье, почти в 200 километрах к юго-востоку от залива Сан-Блас и недалеко от Путриканти, самой населенной деревни ин-

6 Orlando Roberts, „Voyage to Nicaragua“.

дейского племени куна, напоминает о прежних колонизаторских попытках. Одна гавань, в той же вырезке побережья, носит название Пуерто-Эскосес, или «Шотландский Порт», данное ей в честь группы шотландцев, которые, под предводительством финансиста Паттерсона, водворились здесь в 1698 г.: он называл это местом «Ключем мира», и Пуерто-Эскосес действительно мог бы сделаться таковым, если бы великобританское правительство пришло на помощь своим соплеменникам, защитив их от испанцев и индейцев и соорудив им дорогу через перешеек; но климат и тоска по родине скоро сгубили шотландских колонистов, а те из них, которые остались ещё в живых, были рассеяны в 1700 г. испанским флотом; в 1827 г. развалины крепости Паттерсон ещё существовали. Недалеко от этого места находится порт Каретто, который в 1513 году принимал у себя более знаменитых путешественников, Нуньеца-де-Бальбоа и его спутников; эта славная экспедиция отправлялась на открытие Южного моря, которого она счастливо и достигла через двадцать три дня после того. В ту эпоху испанским постом на Атлантическом побережье было местечко Санта-Мариа, построенное, как «метропольный город», на берегах залива Ураба, в соседстве устьев Атрато; но с 1526 г. эта колония была переведена в Панаму, и Санта-Мариа, постепенно заросшая кустарником, получила прозвание Антигуа. Дариен назывался тогда «Золотой Кастилией», и действительно золотые прииски эксплоатировались в Кане, у истоков Туиры, в земле индейцев чоко. До конца XVII-го века из этого «Эльдорадо» добывалось некоторое количество драгоценного металла; но когда пираты узнали дорогу к рудникам, правительство, чтобы удалить этих непрошенных гостей, не нашло ничего лучшего, как упразднить эксплоатацию этих руд. Его политикой было разрушать свои собственные колонии, чтобы не давать поживиться другим.

Атлантическое побережье Дариена, с его кордильерой, круто поднимающейся над морем, повидимому, неудобно для сооружения в этом месте междуокеанского канала; между тем эта область подвергалась неоднократным исследованиям именно в видах прорытия здесь канала, и некоторые из первых путешественников указывали на существование очень низких порогов там, где в действительности настоящие горы возвышали свои питоны, покрытые дремучими лесами: в 1854 году на берегах бухты Каледонии высадился американский лейтенант Стрэн, с двадцатью восемью человеками экипажа. В конце концов, после 63-х дневного перехода, он достиг берегов Великого океана, но многие из его спутников умерли от изнеможения и голода.

Уайз, А. Реклю и Соза также изучали для этой области проект междуокеанского канала в 125 километров общего протяжения; из них 37 километров приходилось бы на подземный проход, который таким образом превышал бы длиною известные туннели в горах Фрежюс и Сен-Готард. Входным портом на Атлантическом океане предполагалось сделать гавань Аканти, название которой, подобно всем наименованиям, оканчивающимся на *canti* и *gandi*, указывает на местопребывание или на близкое соседство индейцев племени куна: это первый порт на севере илистых устьев Атрато, где суда могут останавливаться в чистой воде. С другой стороны туннеля канал должен бы спускаться по долине Тупизы в равнину приморской Туиры, которая входит далеко внутрь континента и сообщается с океаном посредством гавани Дариен, одного из самых надежных и обширных портов в свете; она продолжается в море широкой воронкой залива Сан-Мигуэль. По берегам рек и лимана расположен ряд деревень, Явиза, Пиногана, Чепигана и др., общая численность населения которых достигает 2.000 человек. Индейцы перекочевывают внутрь страны, где растет пальма (phytelephas), дающая растительную слоновую кость,—один из главных предметов их торговли.

Другой проект междуокеанского навигационного канала, представленный г.г. Гогорца и Лашармом, которые, как им казалось, нашли в этом месте порог всего в 55 метров высоты, тоже имел в виду утилизировать превосходный Дариенский порт; но направление этого канала было начертано гораздо южнее, по высокой долине Туиры и нижнему течению Атрато; однако, исследования Уайза показали, что этой котловины вовсе не существует, и ущелье Тихуле, самое низкое во всей горной цепи, лежит над уровнем моря почти втрое выше пока-

занного порога. По этому плану, канал должен был иметь 235 километров протяжения, на котором предполагалось устроить 22 шлюза и 1 туннель, в 2 километра длиною; кроме того, требовались работы по углублению устья Атрато; но эта последняя часть проектируемого дела принадлежит к числу таких, перед которыми современная индустрия ещё не всемогуща; нигде, ни в лимане Кляйды и Тайны, ни в южном рукаве Миссисипи, т.е. там, где инженеры достигли наибольшего успеха, не удалось ещё устроить правильный фарватер в 9 метров нормальной глубины.

Все прочие проекты междуокеанского канала в этой области встречают одно и то же препятствие: невозможность окончить канал в Атлантическом океане могущественным течением Атрато, которая, хотя и катит массу воды, вполне достаточную для самых больших судов, но отделяется от моря илистым баром. Один из этих проектов был изучаем, в 1852 г., Траутвайном, затем другими инженерами, Портером, Кеннишем, Мичлером, Кравеном: он заимствует течение Труандо, западного притока Атрато, чтобы по двум туннелям перейти кордильеру и направиться к маленькой бухте Паракучичи. По аналогичному проекту, составленному Сельфриджем, Луллом и Коллинсом, канал идет вверх по Атрато, Напипи и его притоку Догвадо, затем пересекает цепь по шлюзам и туннелю на высоте 200 метров и выходит в Великий океан у бухты Чири-Чири, гавани широкого залива Купика. В другом проекте, разработанном теми же американскими инженерами, количество шлюзов уменьшено.

Главные проекты междуокеанских каналов в провинциях Панама и Чоко:

	Атлантический порт	Порты на Великом океане	Длина	Шлюзы	Туннели	Составители проектов
			километров			
Панама	Колон	Панама	73	—	—	Уайз и А. Реклю
„	„	„	73	—	—	Лулл, Бойэ, Сотеро и др.
Сан-Блас	Сан-Блас	Чепилльо	53	—	15	Мак-Дугаль, Уайз, А. Реклю
Дариен	Аканте	Дариен	125	—	17	Келли, Уайз, А. Реклю
„	Слияние Каквирри	„	255	22	2	Уайз, А. Реклю
Чоко	„ Труандо	Паракучичи	210	—	11	Траутвайн, Гюртер, Мичлер и др.
„	„ Напини	Чири-Чири	290	22	6	Сельфридж, Лулл, Коллинс
„	„ „	„	211			Сельфридж, Лулл, Коллинс

Наконец, ещё южнее, канал Распадура, называемый также «Каналом священника», о котором Гумбольдт первый упомянул, как о пути сообщения, открытом в 1788 году между двумя океанами[1],—вовсе не канал: А. Реклю говорит даже, что его не существует[2]. Во всяком случае нельзя считать каналом простой демаркационный ров, почти в 5 километров длины, выкопанный как раз на пороге водораздела между рекою Распадурою, притоком Атрато, и р. Перико, вливающеюся в Сан-Жуан, а через него и в Великий океан. Иногда в сезон дождей случается, что траншея совершенно заполняется водой, и тогда ею могут пользоваться пироги для переправы с одного склона на другой; но этот случайный проход не может быть уподоблен серьезному плаванию[3], и до сих пор ещё не было сделано ни одного исследования для выработки проекта правильного пути через водораздельный порог. Расстояние между океанами, от устьев Атрато до устьев Сан-Жуана, равняется 362 километрам.

Департамент Панама, который, до 1885 года, был одним из союзных государств Колумбии, представляет теперь не более, как одну из девяти провинций централизированной республики, и губернатор его, выбиравшийся прежде всеобщею подачею голосов, теперь назначается прямо президентом республики. Политические, административные и судебные учреждения Панамы ничем не отличаются от подобных же учреждений в других колумбийских провинциях. По прежнему делению, в состав этого департамента входит шесть провинций: Чирикуи или Давид, Коклэ или Пеномене, Колон, Панама, лос-Сантос и Верагуа. Кроме того, три округа, Бальбоа, Дариен и Каналь, имеют совершенно особое управление.

Главные города Панамского перешейка, с цифрой их населения: Панама—30.000 жит.;

1 „Essai sur la Nouvelle-Espagne“

2 „Panama et Darien“.

3 Louis Verbrugghe, „Le Canal interoceanique de Panama“.

Колон—2.000 жит.; Давид—5.000 жит.

Глава VI Американское Средиземное море

Мексиканский залив и Антильское море

Средиземное море, разделяющее два американских материка, хотя гораздо более открыто, чем Средиземное море, находящееся между Европой и Африкой, есть тем не менее ясно отграниченный морской бассейн, представляющий совокупность явлений, которые делают из него особую естественную область на земной поверхности. Линия раздела между внутренним морем Нового Света и Атлантическим океаном—на самом деле даже гораздо определеннее, чем это кажется с первого взгляда, потому что острова, составляющие её полукружие перед Антильским морем, а равно и те, которые загораживают большую часть входа в Мексиканский залив, лежат на подводной мели, склоны которой круто спускаются в Атлантический океан на глубину более 4.000 метров. Багамские и Малые Антильские острова представляют собою плато или питоны, выступающие с мелей, или по крайней мере с цоколей, возвышающихся между двумя морскими пучинами. Единственными проходами в 1.000 метров глубины, которые позволяют соединяться водам Атлантического океана и Американского Средиземного моря, служат—пролив, извивающийся между двумя большими островами, Кубой и Гаити, и несколько проливов в цепи Малых Антильских островов.

Совокупность внутренних вод делится естественно на два бассейна, границы которых обозначены полуостровом Юкатаном и островом Кубою: это Мексиканский залив и Караибское или Антильское море. Но каждый из этих бассейнов подразделяется, в свою очередь, на две отдельные части. Мексиканский залив, отличающийся замечательно правильными очертаниями и ровным дном, имеет своим наружным преддверием треугольное море, заключенное между Кубой, полуостровом Флоридою и Багамскими островами и банками. Точно также Антильское море, оканчивающееся на юго-востоке обширным овальным амфитеатром, с глубокими водами, ограниченными берегами Ямайки, Гаити, Порто-Рико, Малых Антильских островов и континентом Венецуэлы, соединяется на северо-западе с Мексиканским заливом, между Кубой, Гондурасом и Юкатаном, посредством очень неправильной морской области, с изрезанными берегами и с неровным дном, усеянным порогами и изрытым пропастями. Главная ось обоих морей проходит с северо-запада на юго-восток, между параллельными линиями Центральной Америки и Малых Антильских островов.

Эти американские моря являются одними из наиболее известных на нашей планете. Систематическое обследование Мексиканского залива и Караибского моря началось в 1872 году на западных берегах Флориды экспедицией американских офицеров *Coast-Survey*. Ховель, Пурталес, Александр Агассиц, Бартлетт, Хильгард, Сигсби, Бэрд и другие исследовали во всех отношениях талассографию этих морских пространств, и начатое ими дело продолжается всё более и более детально. Результатом всех этих методических исследований явилось не только точное определение глубины и рельефа морского дна, но также и множество других открытий: с помощью новых, наиболее чувствительных инструментов, могли определить температуры различных водных слоев, совершающиеся в них перемены и перемещения, изучили их течения, как на поверхности, так и на глубине, меняющиеся соответственно количеству соли в воде и термометрических колебаний,—обогатили естественные науки новыми ценными сведениями, ознакомив мир с теми животными организмами, которые населяют морские воды до самых глубоких пропастей, а также сделали массу замечательных открытий, благодаря которым развернулась новая чудесная перспектива на отдаленную эпоху жизни земного шара.

Внешнее море, заключающееся между Кубой, Багамскими островами и Флоридой, через которое выходят воды Гольфстрема, относительно не глубоко: оно почти всё занято банками, между которыми открываются проходы, где толща водной массы равняется пяти или шести стам метров; только на юго-востоке так называемый «Старый Багамский канал» врезывается длинным языком вдоль северных берегов Кубы, имея в некоторых местах глубину более 2.000 метров. При входе в «Новый Багамский канал», как раз на севере Гаванны, лот показывает 1.568 метров. Но в круглом бассейне Мексиканского залива морское ложе понижается значительно глубже: обширные пространства морского дна в 3.000 метров глубины, суживаемые только на востоке прибрежными рифами, окаймляющими полуострова Флориду и Юкатан, занимают всю центральную часть залива, т.е. почти половину всей водной поверхности. Около средины впадины, на протяжении более 2-х километров, расстилается обширная подводная равнина, ориентированная с северо-востока на юго-запад, глубина вод в которой достигает 4.000 метров.

Юкатанский канал или пролив, соединяющий Мексиканский залив с Караибским морем, имеет только половину глубины смежных морских бассейнов: между подводными банками, образующими цоколь Юкатана и продолжающими западную оконечность Кубы, глубокая котловина пролива имеет более 2.000 метров глубины. Непосредственно за порогом море образует другой кювет треугольной формы, ограниченный с юга подводным валом, который начинается у мыса ла-Круц на острове Куба и тянется к берегам Британского Гондураса, неся на своем гребне группу Кайманских островов и мель Мистериоза, покрытую водою лишь на 16 метров. Ровное дно этого кювета, который известен под названием «Юкатанского рва», почти везде имеет более 4.500 метров глубины, а наибольшая измеренная там до сих пор глубина достигает 4.710 метров. К югу от Кайманского вала другой очень длинный кювет, называемый «рвом Бартлетта», по имени одного из усерднейших исследователей американских морей, занимает всю ширину морского бассейна, на пространстве почти 1.500 километров, от мелей «островов Бухты», около Гондурасского берега, до Винд-Уарда, разделяющего два больших антильских острова, Кубу и Гаити: эта-то узкая пропасть Бартлеттского рва и представляет самую глубокую впадину во всём американском Средиземном море. Эта котловина, имеющая 6.269 метров глубины, находится всего лишь в 36-ти километрах к югу от острова Грэт-Кайман, крайнего плато огромной подводной горы. Это единственный пример на земном шаре, где оказывается такая огромная разность уровня между двумя столь близкими друг к другу пунктами. К югу от Сиерры-Маэстра-де-Куба, вершина которой поднимается на высоту 2.560 метров над уровнем моря, впадина морского дна имеет около 6.000 метров глубины: на расстоянии 90 километров между кубанской горой и морской пропастью, вся отлогость имеет около 8.500 метров; это—высота горы Кинчинжинга. Почти подводная горная цепь Каймана ограничена у южного своего основания долиной в 6.000 метров глубины[1].

К югу от Бартлеттского рва—новый порог на половину заграждает море между крайнею оконечностью Ямайки и мысом Грасиас-а-Диос на материке, а более трех четвертей промежуточного пространства заняты банками Москито, Розалинд и Педро, покрытыми весьма незначительною толщею воды. В самом глубоком месте пролива, в 200 километрах к юго-западу от Ямайки, глубина достигает 1.225 метров. Другие банки, Серранилла, Нью-Бор и Комбей, загораживают отчасти южный вход в пролив, но за ними развертывается уже огромное открытое пространство Караибского моря. Ограниченное с западной стороны банкою Москито, её островками и выступающими рифами, Сан-Андриос, Ольд-Провиденс, Квита-Суеньо, или «Потерянный сон», островком Серрана и банкою Ронкадор, или «Ревущий», это внутреннее море по направлению к востоку становится постепенно всё глубже, достигая 2.000, 3.000, 4.000 и 5.000 метров, а к северу от голландских островов Венецуэльского берега образует даже пропасти в 5.200 метров; затем, по направлению к банке острова Авес, лежащего на одной параллели с цепью Малых Антильских островов, морское дно снова по-

1 Bartlett;—Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake“.

вышается. В раздельной впадине, ориентированной с юга на север, между плато Авес и Малыми Антильскими островами, лот опускался на глубину 3.100 метров.

Острова, составляющие наружный оплот Антильского моря, возвышаются в виде развалин мостовых быков, между которыми протекают воды Атлантического океана и американского Средиземного моря. Большинство Антильских островов соединены между собою подводными порогами, выступы которых скрываются на несколько сот метров под водой: всего три бреши, две на севере и юге Мартиники, а третья между Сомбреро и Девичьими островами, имеют глубину более тысячи метров. Что касается внешнего края мели, составляющего закраину Антильского цоколя, возвышающагося над группами Атлантического океана, то он тянется в небольшом расстоянии от цепи островов. Особенно на северо-востоке Багамских островов он очень близко подходит к банкам кораллового происхождения: глубину в 4.000 метров можно найти почти всюду, не более как в 30 километрах расстояния от берега; мореплаватель Броунсон нашел глубину в 3.582 метра даже на расстоянии 4.627 м. от островов[1]. Стена Атлантического бассейна представляет в этих морских пространствах наклон в 35 градусов, при вертикальной высоте более, чем в три с половиной километра: такой же откос, только с немного более значительным наклоном, встречается лишь на востоке Флориды, поперек мыса Каньявераль, но там вертикальная высота между двумя ближайшими точками составляет всего лишь 1.098 метров[2]. Самою глубокою впадиною Атлантического океана, из исследованных до сих пор пространств, считается та, которая находится у подножия антильского края мели, как раз к северу от острова Порто-Рико, и имеет 8.431 метр глубины; но недавно лот указал самое глубокое место в Атлантическом океане на юге Нью-Фаундленда.

Мексиканский залив и Караибское море имеют неодинаковую величину. Сравнивая одну только правильную часть овала обоих бассейнов, без Багамского моря и Бартлеттского рва, с окружающими его банками, Караибское море почти на одну шестую обширнее Мексиканского залива; но если принять в рассчет глубину, то разница между двумя бассейнами выразится совершенно иначе, так как, в среднем, толща воды значительно меньше в Мексиканском заливе, и еслибы вдруг уровень этого моря понизился на 180 метров, то к окружности берегов сразу прибавилось бы пространство более, чем на 500.000 километров, т.е. более трети всей водной поверхности.

Поверхность и вместимость двух главных бассейнов Американского Средиземного моря:

	Поверхность, кв. кил.	Вместимость, кв. кил.
Мексиканский залив	1.536.326	1.340.000
Антильское море	1.869.226	5.600.080

Если же сравнивать оба бассейна с прибавкой к ним площадей истечения впадающих рек, то преимущество в отношении поверхности кювета и покатостей окажется на стороне Мексиканского залива. Рельеф Северной Америки, с его двумя наружными каймами гор и большою срединною низменностью, имеет с гидрографической точки зрения следствием то, что воды изливаются главным образом по направлению меридиана, на севере—к Ледовитому океану и Гудсонову заливу, на юге—к Мексиканскому заливу. Самая могущественная река Северной Америки, Миссисипи, изливается в Мексиканское море, и, благодаря этому даннику, поверхность морского бассейна становится вдвое больше; кроме того, площадь истечения заключает в себе все реки южной части Соединенных Штатов, от Западной Флориды до Техаса, рио-Браво-дель-Норте и реки восточного склона Мексики и Южного Юкатана до лагуны Терминос. В Караибское море вливаются относительно обильные реки, протекающие по области Перешейков, но южный материк, хотя построенный по тому же плану, как и северный, не имеет на востоке такой правильной каймы гор, вследствие чего сеть текущих вод, менее сдерживаемая на востоке, направляется к северу лишь незначительной частью. В Антильское море из больших южно-американских рек впадают только Атрато, рио-Магдале-

1 A. Agassiz, цитиров. сочинение.

2 Graren; —J. C. Kohl, „Geschichte des Golfstrom“

на и рио-Зулиа, изливающаяся в лагуну Маракайбо. Как ни значительны они по массе катимой воды,—особенно Атрато,—но все три реки, взятые вместе, имеют лишь весьма небольшую площадь истечения в сравнении с Миссисипи. Что касается до Ориноко, одной из самых больших американских рек, то она изливается прямо в Атлантический океан, помимо острова Тринидата и цепи Антильских островов.

Поверхность Американского Средиземнаго моря, вместе с покатостями его притоков, без островов:

Моря	Поверхность, кв. кил.	Покатости притоков, кв. кил.
Багамское море	439.750	
Мексиканский залив	1.536.328	5.500.000
Каймайское море	708.834	900.000
Антильское море	1.869.226	
Итого	4.551.138	6.400.000

Заграждения, образуемые островами почти на всей окружности Американского Средиземного моря, сильно видоизменяют явление морских приливов и отливов. Во-первых, разность уровня между высокой и низкой водой очень невелика, как и в Средиземном море, лежащем между Африкой и Европой. Даже подъем вод там значительно слабее: в то время, как в Тунисском заливе Малого Сырта, у берегов острова Джерба, средняя амплитуда морского прилива равняется 3-м метрам, самые высокие приливы в Мексиканском заливе во время полнолуния имеют 1 м. 22 с. близ флоридского города Апалачикола; в Антильском море наибольшая разность уровней прилива и отлива ещё меньше; она достигает 1 м. 60 с. в порте острова Роатана, в том месте Гондурасского залива, где прилив распространяется всего быстрее. Впрочем, редко случается, чтобы попеременное поднятие и понижение воды происходило с нормальной правильностью; перемещение, продолжительность или даже временный перерыв в морских приливах и отливах зависят от изменяющагося направления морских и атмосферных течений. Даже на большей части окружности двойного Американского Средиземного моря, вследствие перекрещивания и интерференции волн, происходящих от различных течений в островных проливах, два полусуточных прилива и отлива сливаются в один суточный; воды подымаются и спадают лишь по одному разу в день. Контрасты в суточном и полусуточном режиме колебаний происходят в очень близко лежащих друг к другу бухтах: в то время, как на западном берегу Флориды прилив продолжается в течение шести часов, в бухте Апалачикола он длится двенадцать часов, а у берегов Техаса он снова принимает свое нормальное движение[1].

Антильское море и Мексиканский залив имеют довольно широких ворот в океан, чтобы их течения принадлежали к великому круговороту атлантических вод; но контр-течения и водовороты там многочисленны, по причине неправильности берегов. Огромная масса экваториального течения, которое движется непрерывно с востока на запад, с среднею скоростью 4—5 километров, и которое ударяется о берега Бразилии, Гвиан и Антильских островов, не вполне уклоняется к северу, так как оно находит проходы, чтобы продолжать свой ход в западном направлении. В то время, как большая часть вод направляется на север, вдоль наружного края цоколей, на которых стоят Малые Антильские и Багамские острова, меньшая часть, несущая, впрочем, всё-таки миллионы кубических метров воды в секунду, вливается в Антильское море. Масса воды, входящая в воронку, образуемую заливом Париа, между островом Тринидад и материком Венецуэлы, достаточно могущественна для того, чтобы нейтрализировать приливное течение и усилить морской отлив, сообщая ему иногда более 9 километров скорости в час: на поворотах, сталкивающиеся частные течения производят страшное волнение, поднимающее со дна песок и ил; море тогда на большом пространстве окрашивается в красный цвет. Название Бока-дель-Драго, или «Пасть дракона», которое Колумб дал проливу, открывающемуся между северо-западною оконечностью Тринидада и полуост-

1 Franklin Bache, „Coast Survey“.

ровом Париа, ратификуется всеми моряками, пускающимися в этот опасный проход. К северу от Тринидада, в проливе Тобаго, воды экваториального течения движутся тише, с среднею скоростью 1.850 метров в час, но иногда она увеличивается вдвое, даже втрое. Далее к северу, до Мартиники, главным образом между этим островом и островом св. Люсии, в том месте, где морское дно представляет впадину, слишком в 1.000 метров глубины, проливы пропускают также боковые течения великой морской реки.

Эти разветвления экваториального течения, соединившись в Антильском море, замедляют свое движение, разливаясь по обширному пространству; даже расплываясь на морской поверхности, часть течения возвращается в Атлантический океан через проход Мона, открывающийся между Порто-Рико и Сан-Доминго. Обыкновенное движение вод Антильского моря по направлению с востока на запад совершается со скоростью от 18 до 32 километров в день[1]; но течение занимает не всю ширину бассейна: образуются боковые водовороты и контр-течения, перемещающиеся в обратную сторону: так, из Колона в Картагену суда могут отдаться на волю течения, движущагося с запада на восток с средней скоростью одной мили в час. По выходе из Караибского моря через пролив Банок, между Ямайкой и рифами Москито, течение снова ускоряется, затем, по вступлении в ров Бартлетта, оно принимает в себя приток, приходящий через Винд-Уард. Водная масса, изливающаяся в Мексиканский залив через Юкатанский пролив, очень значительна, и поток вторгается через это отверстие с быстротой 3—4 километров в час. Там-то и начинается собственно «Заливное течение», более известное под английским названием Гольфстрема (Gulf-stream).

В начале это течение разделяется на две водные площади, из которых одна, идя вдоль северного берега Кубы, устремляется в пролив Флориды, а другая расплывается по широкому бассейну залива, окаймляемая по краям контр-течениями. Около середины этого почти круглого бассейна, воды находятся, повидимому, в состоянии равновесия, тогда как на окружности, но в некотором расстоянии от земли, они движутся параллельно берегам: к югу от миссисипских проходов, голубые воды морского течения оттесняют желтые воды реки на восток, гоня их по совершенно прямой линии, без всякого изгиба. Наконец, весь излишек водной массы, гонимый Антильским морем в залив через Юкатанский пролив и подымающийся, вследствие давления постоянно надвигающейся массы, на целый метр выше среднего уровня океана[2], устремляется в Атлантический океан через пролив Флориды, в котором течение суживается до ширины речного. В самом узком проходе, между Багамским Мемориок и Флоридским Юпитер-инлет, канал имеет 89 километров ширины, и наибольшая глубина его 796 метров: разрез его русла равен 43 квадратным километрам. Быстрота вод, более сильная по направлению оси узкого прохода, чем у берегов, изменяется в этом проливе: иногда она не превышает 3 километров, но случается, что достигает и девяти; средняя скорость течения 5 километров в час, а расход, по Бартлетту, составляет 5 миллиардов кубических метров в секунду, или 436 триллионов в день. Трудно представить себе размеры этого движущагося моря, так как оно равняется 300.000 таких рек, как Миссисипи, но всё-таки оно много уступает тому огромному количеству относительно теплой воды, которая разливается по поверхности северной части Атлантического океана. Гольфстрем, выходящий из Флоридского пролива, доставляет лишь незначительную часть вод этого потока с высокой температурой; течение, которое всего более способствует нагреванию северных морей, до Шпицбергена и Новой Земли, это—экваториальная ветвь, которая проходит по краю Малых Антильских и Багамских островов, чтобы на юге Бермудского архипелага соединиться с Гольфстремом[3].

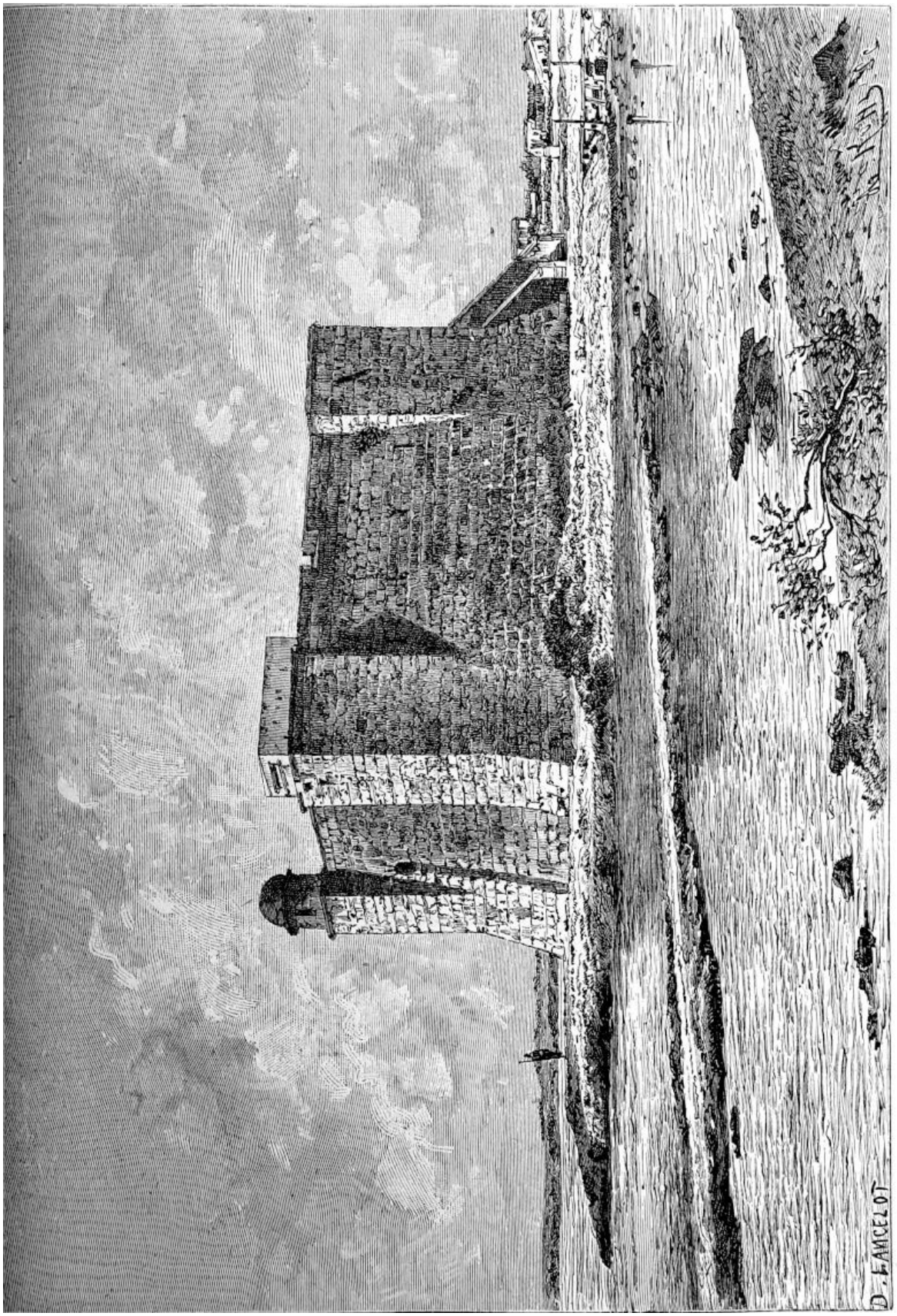
При своем входе в Караибское море, ветры имеют не совсем то же среднее направление, как океанское течение: в то время, как воды движутся с юго-востока на северо-запад, пассатные ветры дуют почти всегда с востока на северо-восток, и штили случаются очень редко;

1 Sallot des Noyers, „Mer des Antilles et Golfe du Mexique“.

2 Hilgard;—Alex. Agassiz, цитированное сочинение.

3 Alexander Agassiz, цитированное сочинение.

далее, около центра бассейна, они становятся более обыкновенными. Точно также в Мексиканском заливе атмосфера чаще всего бывает спокойна около середины этой почти круглой водной площади. Что касается до девиаций пассатного ветра, то они происходят главным об-

Фортъ Буканьеръ.

разом по соседству с берегами, вследствие нагревания земли солнечными лучами; отклоненный от своего правильного пути, ветер дует обыкновенно в сторону ближайшего побережья. Вблизи материка Венецуэлы северо-восточный пассат сохраняет свое направление, тогда

как вдоль Центральной Америки он часто переходит прямо в восточный, а у берегов Ямайки и Кубы дует с юго-востока. На окружности Мексиканского залива бахрома береговых ветров часто ориентируется по линиям, перпендикулярным к побережью, дуя с юга на берега Соединенных Штатов, а с севера—на берега Юкатана; но самое большое нарушение правильного порядка ветров производят внезапные порывы северного ветра, который спускается прямо с полярных областей по Миссисипской долине, увлекая с собою всю массу воздуха. Ветер этот имеет большое сходство с *bora* Адриатического моря и с мистралем французского Средиземного моря: то же северное происхождение, та же внезапность появления, та же сила, та же учащенность в зимние месяцы года.

Ураганы также принадлежат к числу явлений Американского Средиземного моря, и самое название их (*hurakan*, *huiranvucan*), караибского происхождения, доказывает, что европейские моряки видели в них атмосферическое волнение, свойственное специально Антильскому морю. Главный путь этих метеоров почти совпадает с цепью Малых Антильских и Багамских островов; но, достигнув крайней выпуклости своей дуги в юго-восточной области Соединенных Штатов, они направляются к северо-востоку и рассеиваются по Европе в более слабой форме. Обыкновенная ось урагана в Антильских морях сливается с линией без склонения магнитной стрелки, направляющейся от Гвианы к Южной Каролине через Сент-Винцент и Порто-Рико; быстрота, с которой метеор проносится над Антильским морем, колеблется между двумя и четырьмя днями. Самыми отдаленными от этой оси частями американского Средиземного моря являются те морские пространства, где ураганы составляют редкое явление: часто повторяют, что Тринидад, южные Антильские острова, принадлежащие голландцам, берег материка и заливы Перешейков, Гондураса и Вера-Круц находятся вне зоны ураганов; но это не совсем верно, так как в портах Панамы, Колона и около Блюфильдса не раз бывали кораблекрушения; эти катастрофы случаются здесь всё-таки довольно редко. Говорят также, что ураганы бывают только в конце лета и в начале осени, в то время, когда сильно нагретая поверхность Южной Америки привлекает к себе более холодный и плотный воздух северного материка. Действительно, август может считаться по преимуществу месяцем ураганов, и более двух третей этих воздушных круговоротов приходится на время от июля до октября, но эти явления наблюдались также и в другие месяцы. Редко случается, чтобы год прошел без бедствия в том или другом месте обычной области ураганов, о которых очевидцы рассказывают ужасные истории. Дома срываются с земли, словно деревья, крепости разрушаются, суда выбрасываются на землю, а на обработанные поля низвергаются груды камней; разбитые островки превращаются в рифы, а нагроможденные друг на друга кайосы—в островки. «Великий ураган» 10 октября 1786 года сокрушил многие города, потопил целые флоты и, общностью несчастия, помирил французов и англичан, приготовлявшихся вступить друг с другом в резню.

Движения ветров и морских течений, постоянно смешивающих воды Атлантического океана с водами американского Средиземного моря, не уравновешивают, однако, в них ни содержимости соли, ни температуры. Кружась в Антильских морях, как в огромном котле, течение, задерживаемое промежуточными мысами и порогами, а потому дольше остающееся под тропическим поясом, должно иметь более высокую температуру, чем воды открытого океана; испарения там относительно более сильные, вследствие чего увеличивается и соленость воды. Сравнения, сделанные между водами Юкатанского пролива и Атлантического океана, под той же широтой, вне цепи Антильских островов, доказали, что в водах внутреннего моря температура выше, а содержимость соли больше; то же самое наблюдается в пространствах Антильского моря и Мексиканского залива, которым Сент-Клэр Девилль дал название «тепловых полюсов», так как вода, нейтрализуемая противными течениями, сохраняется там относительно в спокойном состоянии и нагревается более, чем соседния воды. Но между Атлантикой и Антильским Средиземным морем разница в температуре воды главным образом наблюдается на глубинах: это то же самое явление, которое заметно в Средиземном море Старого Света. Проходя через пороги, отделяющие океан от боковых бассейнов, океанская водная масса стремится в глубины соседнего моря, сохраняя при этом ту же самую тем-

пературу, какую имела при своем входе. Под толщей же в 1.460 метров водные слои Атлантики имеют определенную температуру в 4°,16: такую же температуру находят на самой большой глубине Антильского моря и даже во рву Бартлетта, т.е. на глубине более чем в 6.000 метров, тогда как в Атлантике, где холодные полярные воды текут под тепловатыми водами поверхности и покоятся на морском ложе, температура в глубине его понижается до 3°, 2° и даже до 1°,67 по стоградусному термометру[1].

В отношении флоры Антильское Средиземное море отличается поразительным обилием саргассовых водорослей, которым дали название «тропического винограда». Он покрывает воды бесконечною сетью, которая колышется вместе с водами морских приливов и отливов; в некоторых местах, главным образом над «впадиной Дев» или у Порто-Рико, он разросся на таком огромном пространстве, что эти места справедливо называют «морскими лугами». Растение это не исключительно морского происхождения,—оно растет также на скалах Антильских и Багамских островов и на рифах Флориды; но ботаники, исследовавшие «Саргассовое море», не могли точно определить способ его размножения; повидимому, оно развивается отростками, отрываемыми от растения-матери движением волн.

Ещё недавно морская фауна антильских вод считалась известной в главных чертах. Натуралисты описывали китообразных, рыб, черепах, ракообразных, моллюсков и другие животные формы поверхностных вод, начиная с ламантинов (Manatus americanus) и кончая аргонавтами или «португальскими кораблями»; но они утверждали, что в мрачных глубинах морских пучин органическая жизнь отсутствует. Новейшие исследования, предпринятые с целью изучения американских берегов, значительно обогатили знания зоологов, пополнив коллекцию многими новыми экземплярами. Так, в половине этого столетия были известны только 20 пород ракообразных животных, принадлежащих антильским водам, а экскурсии корабля *Blake*, делавшего исследования морского дна на глубине более 4.000 метров, дали науке 40 новых родов, заключающих в себе 150 видов. Пурталес первый изучил фауну в глубинах скалистого плато, на котором стоят рифы Флориды и которому дают теперь название этого исследователя; эта фауна поражает богатством своих форм, отчасти сходных с ископаемыми предшествующей геологической эпохи, и заключает в себе множество фосфоресцирующих видов. В некоторых местах морское ложе сплошь покрыто живыми организмами; в проливах Малых Антильским островов, близ Гваделупы и островов Святых, Сан-Винцента, Барбадоса, тянутся настоящие леса *pentacrini*, колышащиеся на дне, подобно водяным растениям на болоте. Единственные подводные пространства, откуда батометр не приносит никаких животных, это—дно проливов, выметаемых сильными течениями; таковы Флоридский канал и пролив «Винд-Уард». Контраст между фаунами поверхности и глубины американского Средиземного моря гораздо разительнее, чем это наблюдается в холодных или даже в умеренных морях. Это обусловливается большою разностью между температурами поверхности и дна: в море замечается такое же распределение пород ярусами, как и на склонах высоких гор жаркого пояса[2].

Природа дна и берегов американского Средиземного моря представляет гораздо больше разнообразия, чем в Атлантическом океане, так как там условия среды разнообразнее. Илистые осадки, занимающие среднюю часть обоих бассейнов, состоят главным образом из остатков птероподов, тогда как землистые слои преобладают на окружности побережья, некоторые берега окаймлены также кремнистым песком, а коралловый ил и известняк окружают рифы и служат продолжением многих полуостровов, между прочим—Юкатана и Флориды. Кораллы отвоевали себе огромное пространство, которое может быть исчислено в одну четверть всей морской поверхности; их-то неустанной работе и следует приписать образование тех известняковых плато, которые с обеих сторон суживают проливы, а равно и тех площадей, которые затопляются высокими приливами, и присутствие которых обнаруживают лишь песчаные дюны, как Соляной островок, или бордюры из корнепусков, как Анегада и

1 Alexander Agassiz, цитиров. сочинение

2 Alexander Agassiz, „Cruise of the „Blake“.

опасный риф Подковы, соединяющий её с Девичьими островами. Более половины кубанских берегов, разные архипелаги Багамских островов, восточные земли Микро-Антилии, выставленные морской зыби, и наконец Бермудские острова, лежащие в открытом океане,— всё это продукты труда кораллов.

Земная флора и фауна Больших и Малых Антильских островов представляют для натуралистов большой интерес, с одной стороны—своими контрастами и сходствами, наблюдаемыми на смежных островах, а с другой—выводами, которые они позволяют сделать относительно прежнего состояния ближайших друг к другу земель, т.е. были ли последние первоначально сплошными или раздельными. Большое различие видов на различных островах признавалось за доказательство продолжительной разобщенности антильских земель: каждый остров имеет свои особенные растительные и животные формы, и если характерные типы трех Америк: Северной, Южной и Центральной, встречающиеся на этих землях, и свидетельствуют о существовавшем некогда сообщении через перешейки, то во всяком случае переселения растений и животных должны были происходить до третичной эпохи; и если Антильский архипелаг и был когда-нибудь перешейком, соединявшим северный и южный континенты, то разве только в течение короткого промежутка времени, а не целого геологического периода. Специальная фауна каждого острова главным образом отличается необыкновенным развитием земных моллюсков: в этом отношении Антильские острова представляют единственную область в мире. Можно сказать, что каждый из островов сделался для этих животных форм особым центром творения; однако, Большие Антильские острова, до Девичьих островов, должны были в отдаленную эпоху соединяться с Мексикой, тогда как Малые Антильские свидетельствуют о давних сообщениях сухим путем, с одной стороны, с Венецуэлой, а с другой—с Гвианами[1].

Птицы, которые, по большей части, благодаря крыльям, легко переходят проливы, могли распространяться с одного острова на другой, обнимая большую область распространения. Бывали даже примеры, что иные виды пернатых переносились ураганами через широкие морские заливы: так по единогласному свидетельству рыбаков, неизвестные на о. Гваделупе до 1685 г. пеликаны были занесены туда ураганом, захватившим их в своем вихре[2]. Что касается до птиц слабого полета, так называемых порхающих, то они имеют на Антильских островах особых представителей. Если есть такие виды антильских колибри, которые летом долетают даже до Соединенных Штатов и Канады, то встречаются, в свою очередь, и такие, которые не попадаются нигде, кроме родных им островов. На Антильских островах встречается пятнадцать самостоятельных видов этих птиц, принадлежащих к восьми различным родам, из которых пять не имеют своих представителей даже на соседнем континенте; Багамским островам свойственны два особых вида колибри[3], которых не находят даже во Флориде, несмотря на близость расстояния. В своей совокупности фауна птиц на Антильских островах имеет южно-американский характер. Что касается до земных пресмыкающихся, то их тип приближается к однородным животным Центральной Америки и Мексики; но заметили очень интересные примеры специализации: таковы, между прочим, один вид игуаны, встречающийся исключительно на Гаити и на небольшом острове де-ла-Навача, и один вид копьеголовых змей, куфия, живущий на Санта-Люсии, Сан-Винценте[4], Мартинике и на Малой Мартинике, но на других Антильских островах неизвестный. Немногочисленные млекопитающие животные, найденные во время завоевания на Больших Антильских островах и на соседних с ними архипелагах, также были виды, свойственные этим областям, грызуны, принадлежащие к характерным группам Южной Америки; живущий на острове Куба так называемый щелезуб (almiqui, solenodon cubanus) принадлежит к семейству насекомоядных,

1 Bland, „Geology and Physical Geographie of the West Indies“;—Thomas Belt, „The Naturalist in Nicaragua“.

2 Gaspari, „Revue Maritime et Coloniale“. Октябрь, 1877.

3 Alfred R. Wallace, „Humming-birds“, Fortnightly Review, 1-го декабря 1877 г.

4 Owen Bulkeley, „The Antilles“.

имеющему других представителей только на Мадагаскаре[1].

Из совокупности наблюдений над антильской флорой и фауной выходит, что Большие Антильские и Багамские острова составляют часть той же области, как и Южная Флорида до Эвергледских болот, но имеют очень мало сродства с Соединенными Штатами в собственном смысле: аналогия констатирована с Мексикой, Гондурасом и другими территориями Центральной Америки. Подобным же образом и подводная фауна в глубинах Антильского моря имеет более аналогии с фауной Великого океана, чем с фауной Атлантического: если проходы, существующие теперь через цепь Малых Антильских островов, способствуют смешению поверхностной фауны смежных островов, то фауна глубин доказывает, что до мелового периода различные острова, составляющие в настоящее время длинную ленту Центральной Америки, разделялись широкими морскими заливами и более глубокими брешами.

Происхождение имени Антильских островов, данного землям, растянувшимся по одной линии между двумя континентами Северной и Южной Америк, восходит к эпохе, предшествовавшей открытию Нового Света. Антилией называли один из островов Темного океана, изображавшийся то в виде архипелага, то в виде сплошной большой земли, который блуждал на картах между Канарскими островами и Индией Юго-Восточной Азии. По мере расширения исследованного пространства, Антилия была отодвигаема дальше к западу: путешествие Христофора Колумба и появление Нового Света по ту сторону Атлантического океана фиксировали местоположение этих блуждавших островов, и с тех пор в этих рассеянных землях «Западной Индии» стали признавать Антильские острова. Это несомненно «передовые острова» Америки, допуская, вместе с большинством этимологов, что имя Антилия действительно имеет этот смысл; но невежественные моряки придали ему другое значение, руководясь исключительно созвучием слов. На многих старых картах острова американского Средиземного моря обозначены под названием «Лантиль», что означает «Чечевицы», и многие необразованные люди считали это название более верным, принимая во внимание относительно незначительные размеры и огромное количество островов, островков и рифов, усеивающих голубые воды моря.

Подобно различным видам животных, и люди, населявшие Антильские острова в 1492 г., во время прибытия Христофора Колумба, состояли из иммигрантов, пришедших сюда с трех континентов—северного, западного и южного. Хотя эти населения уже исчезли, за исключением караибов, смешанные потомки которых обитают на Гондурасском побережье, но не может быть никакого сомнения относительно многообразного происхождения первобытных островитян, различавшихся по островам и соответственно их близости к материку: некоторые признаки, рассказы и описания испанских летописцев, предания и нравы туземцев и дошедшие до нашего времени кое-какие сведения об их идиомах, позволили этнологам восстановить, по крайней мере для некоторых из Антильских островов, историю доисторических переселений их обитателей.

Современное население Антильских островов, в главных своих элементах,—очень смешанного происхождения. Заселению этих островов ещё больше, чем Америка, способствовали Европа, Африка и Азия: китайцы и индусы, которых Колумб предполагал встретить в Новом Свете, действительно, пришли туда, и почти на каждом острове существует их колония. Африканцы, составляющие численное большинство в новом населении Антильских островов, принадлежат ко всем народам «чернаго» материка; невольничьи суда всевозможных национальностей, торговавшие неграми, похищенными или купленными на африканских побережьях, все имели свой специальный рынок, а торговля и войны представляли достаточно случаев для привлечения к побережью негров изнутри страны. Со своей стороны, и белые, поработившие это невольничье население и образовавшие, посредством помесей, господствующую на Антильских островах расу, явились сюда из различных частей Европы. Ка-

1 Alexander Agassiz, цитиров. сочинение.

стильянцы и андалузцы, потомки первых завоевателей и колонистов, встречаются здесь в значительном числе, на-ряду с эмигрантами из Каталонии, из баскских провинций и Галисии. Англичане, шотландцы и ирландцы, пришедшие из Соединенного королевства, нашли здесь американских лойялистов, эмигрировавших после провозглашения независимости Соединенных Штатов. Французы, голландцы, датчане, приобретя себе доли антильского мира, тоже имеют своих представителей в большом числе. Кроме того, вербовали «наемников», т.е. белых, закрепощенных на временное рабство, которым давали особые названия соответственно продолжительности контракта: на Гаити, например, их называли «Тридцати-шестимесячные». Флибустьеры, или люди «легкой наживы»[1], морские разбойники, совершавшие набеги на испанские острова с целью захвата скота на пустынных пляжах,—все эти бродяги без страха и упрека долго господствовали в морях Вест-Индии, беспрестанно пополняя свои ряды новыми грабителями, которых в насмешку называли «Береговыми братьями».

Политическое и социальное устройство антильских областей в течение трех веков, следовавших за открытием Нового Света, находилось в состоянии полного хаоса: между всевозможными искателями приключений, купцами, плантаторами и солдатами, происходила жестокая борьба; человеческая жизнь и свобода не имели никакой цены. На одном и том же острове враги занимали соседние мысы и, вечно готовые на резню, зорко следили друг за другом, выжидая удобного момента для нападения. Торговые суда днем скрывались в уединенных бухточках, за завесой корнепусков, а ночью робко отваживались выходить в открытое море: всякий далекий парус считался подозрительным, так как все были пиратами по отношению друг к другу. Между державами, оспаривавшими друг у друга владение Антильскими островами, почти всегда оффициально была война, но даже, когда они считались находящимися в мире, флибустьеры различных наций, тем не менее, разоряли страну своими набегами для личной поживы: после их посещений оставались только тлеющие развалины и опустошенные поля. И всё-таки, несмотря ни на что, высокая ценность сахара, кофе, табака и других колониальных товаров, доставлявших верные шансы на быстрое обогащение, постоянно привлекали сюда новых спекуляторов, несмотря на огромный риск, представлявшийся для жизни в этом опасном климате, под вечным страхом войны и мятежа. Для распашки земель и для обработки полей под культуру они уже не могли пользоваться услугами туземцев, так как туземцы эти были истреблены ещё с первых лет завоевания; в качестве работников, они держали невольников, которые должны были работать под надзором вооруженного плетью прикащика; этих несчастных привозили из Африки, как скот, нагруженными, как сельди в боченке, в трюме судов; в результате такого обращения являлась страшная смертность среди этих невольных пассажиров, погибавших жертвой свирепствовавшего тифа; в конце-концов, душный воздух трюмов, из которых трупы умерших выбрасывались на съедение акулам, становился достаточным для дыхания тех немногих остававшихся в живых, которые доезжали до места.

Мало-по-малу из этого хаоса войн и рабства возникли колонии с миролюбивым населением, разнообразные первоначальные элементы которого слились в небольшое число типов; большинство принадлежат к новой подрасе цветных людей, т.е. потомков европейцев и африканских негритянок; между этими двумя расами, которые, казалось, составляли два разные человечества, произошло смешение, и дотого полное, что из пяти миллионов антильцев по крайней мере три миллиона являются представителями этого нового типа: они происходят одновременно от господ и рабов и самым существованием своим примиряют эти два враждебные элемента. А между тем правительства строгими законами пытались предотвратить возможность образования этой смешанной расы, населяющей в настоящее время Антильские острова: хотели всеми силами препятствовать заключению этих союзов, которые делали рабство ещё более чудовищною аномалией и порождали новые опасности восстания. Французское правительство издало в своих Антильских колониях такое постановление против этих смешанных союзов: каждый европеец, уличенный в рождении ребенка-мулата,

1 E. Littre, „Dictionnaire de la langue francaise“.

присуждался к крупному штрафу, а самих детей отбирали в приюты, без права выкупа или освобождения их[1]. Те, которые пытались спастись бегством, сажались в тюрьмы; в случае вторичного проступка, им обрезали уши, а после третьей попытки к бегству подсекали поджилки[2].

Порабощенные негры происходили из разных стран и слишком разнились между собою в нравах, языке и традициях, чтобы слиться на новой земле в тесные группы, которые могли бы хоть с некоторым успехом бороться против притеснений. Искусные в деле угнетения, плантаторы заботились о том, чтобы партии невольников, предлагаемые им негроторговцами, состояли из людей различных по языку и происхождению[3]: таким образом восстания были почти невозможны, так как невольники не понимали друг друга, или, бывшие враги, вспоминали о прежней борьбе. Поступив на плантацию покупщика, негры обязаны были выучиться тому языку, на котором говорил их хозяин: среди товарищей по рабству они не находили себе друзей или таких людей, с которыми бы их связывало нечто большее, чем общность несчастия; им приходилось или умирать от тоски, или приноравливаться к новой жизни. Эти приемы порабощения объясняют, почему в антильских говорах так редко попадаются слова африканского происхождения. Но если негры не могли трудиться на пользу своей эмансипации, как отдельная нация, то они постепенно сплотились в солидарное между собою сословие, и в 1790 г., когда мулаты Сан-Доминго были призваны, в качестве избирателей, к осуществлению своих политических прав, негры почувствовали себя достаточно сильными, чтобы потребовать признания также их человеческих прав: после двухлетней борьбы, они вынудили у метрополии декрет об освобождении, который, восемь лет спустя, Бонапарт пытался, но тщетно, разорвать. Это было началом новой эры для Антильских островов. Последовательно невольничество было отменено на всех островах Вест-Индии: в 1832 г.—в британских колониях, в 1848 г.—во французских; заключительный акт экономического преобразования Антильских островов свершился в 1886 г., когда на Кубе был освобожден последний невольник.

Несмотря на различие происхождения, «креолы» Антильских островов, т.е. все те белые или мулаты, которые родились на этих островах, имеют между собою некоторое сходство, обусловливаемое общею средою. Они обыкновенно хорошо сложены и высокого роста, сильны и ловки, смелы, оживленны и умны, обладают живым воображением и богатою фантазиею, а иногда также поражают непостоянством, тщеславием и пустотою. Местный патриотизм зачастую сближал между собою креолов всевозможных оттенков кожи, для борьбы против новых пришельцев из Европы. Замечателен факт, констатированный многими путешественниками, что негры и мулаты на каждом отдельном острове брали себе за образец своих прежних властителей, с которыми и разделяют хорошие качества и недостатки. Между голландскими, английскими, французскими и испанскими неграми наблюдаются те же самые контрасты, какие существуют и между народами, от которых они заимствовали язык, и с которыми всё более и более сливались в традициях и образе мыслей. Мартиниканца ничто не связывает с Африкой: он более француз, чем даже те кровные французы, которые уцелели ещё в некоторых уединенных горных долинах. Что касается языка, то он несомненно французский, хотя новые эмигранты вначале совсем его не понимают: в своей рудиментарной форме он сводится к нескольким словам, наивно приставляемым одно к другому, без флексии, и всегда произносимым нежно и шепеляво. По крайней мере он свидетельствует, в особенности в своих пословицах,—об удивительной наблюдательности и тонкой иронии. Английский язык негров менее благозвучен, чем французский креолов, но он тоже отличается остроумием и сжатостью: за исключением некоторых очень простых фраз, чистокровный англичанин тоже никогда не узнает своего языка в наречии островитян, живущих на Ямайке или на Барбадосе. Наименее чистым жаргоном на Антильских островах считается *papamien-*

1 Code Noir. Статья IX.

2 Labat, „Nouveau Voyage aux iles“;—Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domingue“.

3 Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies“.

to венецуэльских берегов; главные его элементы голландского и испанского происхождения, но в нём попадаются ещё некоторые слова из караибского и гоаджирского языков.

Население Антильских островов довольно значительно, и относительно пространства в три или четыре раза больше, чем в Мексике и в Центральной Америке. Несмотря на непрерывные войны и рабство, которое убивает всякую инициативу у хозяев и рабов, Антильские острова представляли для коммерсантов и мореплавателей такия выгоды, что они должны были быстро войти в круг притяжения Европы. Другие страны Нового Света, которые тоже могли бы снабжать европейских потребителей тропическими товарами, находились в большинстве случаев гораздо дальше и отделялись от моря низкими и небезопасными пляжами: хотя Антильские острова по занимаемому пространству и уступают континентальным областям, окружающим Мексиканский залив и Караибское море, но очертание их берегов имеет столь же значительное протяжение; на них есть много портов и хорошо защищенных якорных стоянок, и все плантации находятся у самых берегов, так что суда могли брать грузы в виду места производства продуктов. До сооружения грунтовых и железных дорог и до установления пароходства по рекам, продукты внутренних стран континента не могли конкурировать с подобными же продуктами Антильских островов. Наконец, эти острова разбросаны на слишком большом пространстве, чтобы испанцы могли запретить к ним доступ и учредить там такую же монополию, какою они оградили свои владения на материке. До конца XVIII-го века Антильские острова были одной из наиболее посещаемых европейскими судами частей Нового Света; в настоящее же время они, хотя и отстали в этом отношении от Соединенных Штатов, Бразилии и Аргентинской республики, но тем не менее имеют большое торговое движение, исчисляемое более чем в полмиллиарда франков.

Ценность меновой торговли между Антильскими островами и остальным светом в 1890 г.:

Гаити и Сан-Доминго—95.000.000 франк., испанские Антильские острова—300.000.000, английские Антильские острова—155.000.000, французские Антильские острова—80.000.000, другие Антильские острова—30.000.000 франков. Итого—660.000.000 франков.

Пароходные сообщения связывают эти острова друг с другом густой сетью линий, а главные из них соединены, с американским континентом и с Европой посредством подводных кабелей.

Политическое распределение Антильских островов совершилось не согласно с естественной их группировкой. Две независимыя республики, Гаити и Сан-Доминго, занимают большой центральный остров, отдаленный от республиканских государств материка; Испания удержала за собою Кубу, от которой Порто-Рико и смежные острова отделены островом Сан-Доминго; английские владения расположены по обе стороны Кубы: с одной—Ямайка и Кайманские острова, а с другой—Багамские и Бермудские, лежащие в открытой Атлантике; кроме того, у Англии есть несколько островов среди Малых Антильских; некоторые острова той же цепи принадлежат Франции; Дания владеет некоторыми из Девичьих островов, а Нидерланды приобрели владения в группе Малых Антильских островов и в цепи, прилегающей к Венецуэльскому побережью. Что касается до административного устройства, то оно разнится, соответственно сюзеренной нации, от которой зависят острова. Так, испанские и французские земли уподобляются в этом отношении метрополии, по крайней мере настолько, насколько это позволяет дальность расстояния; но ни одна из английских колоний Антильской области не пользуется политической автономией, дарованной Канаде и штатам Австралии: английские Антильские острова составляют владения Великобритании, из которых одни имеют представительную форму правления и пользуются правом подавать петиции и ремонстрации, а другие лишены даже и этой фикции свободы, и все управляются неответственными учреждениями, зависящими от воли королевы. Неограниченное право плантаторов над своими рабами перешло, в несколько смягченной форме, к британскому правительству.

Следующая таблица дает список Антильских островов,—без Тринидада, Тобаго и венецуэльских островов, с их политическим режимом:

Острова	Государства и владения	Политическое правление
Независимые острова	Гаити	Республика
	Сан-Доминго	
Испанские острова	Куба, Пуэрто-исла-де-Пинос, Пуэрто-Рико, и пр.	Ассимилированные колонии
Английские острова	Бермудские, Багамские; Турецкие, Сент-Кильт и Невис, Антигуа, Доминика, Септ-Винцент, Гренада и Гренадины, Барбадос и Ямайка	С представительными учреждениями, но без ответственного правительства
	Девичьи острова, Монсеррат, Санта-Люсиа	Без представительных учреждений
Французские острова	Сен-Бартелеми	Ассимилированные колонии
	Гваделупа и др.	
	Мартиника	
Разделенный остров	Сент-Мартин (Франция и Нидерланды)	Смешанная система
Нидерландские острова	Св. Евстафия	Без ответственного правительства
	Саба	
Датские острова	Св. Фомы	
	Св. Иоанна	
	Св. Креста	

Глава VII Куба

Этот остров, самый большой из всех Антильских островов, занимающий господствующее географическое положение между Мексиканским заливом и Караибским морем, представляет собою первую крупную территорию, которую Колумб открыл в Новом Свете; впрочем, он с необыкновенным упорством считает этот остров полуостровом Старого Света, таинственным Зимпанго крайней Азии. Где высадился Колумб,—точным образом не известно, так как его путевой дневник дает об этом весьма неопределенные указания, а так как истинное положение Гуанахани, откуда он отправился к большому острову, неизвестно, то невозможно с уверенностью начертить тот маршрут, которого держался великий мореплаватель. По сообщениям Лас-Казаса и Херреры, как раз у восточной оконечности острова, именно в Баракоа, Колумб впервые и увидел «прекраснейшие из всех земель, какие представлялись когда-либо человеческим взорам»; Наваррет предполагает, что первым кубанским портом, куда вошли каравеллы Колумба, была гавань Нипе, а Вашингтон Ирвинг, ища ещё западнее, указывает на порт Нуевитас, как на первую станцию Колумбовой экспедиции[1]. Как бы то ни было, Колумб в 1492 г., во время своего первого путешествия, открыл значительную часть северо-восточного берега; затем, во вторичную экспедицию, в 1494 г., он объехал южное побережье со всеми его заливами и входами до бухты, носящей в настоящее время название Кортес и находящейся недалеко от западной оконечности острова. Здесь-то именно, всего в каких-нибудь ста километрах от крайнего мыса, Колумб собрал весь свой экипаж, чтобы заручиться его свидетельством, что Куба не остров, а часть материка. Тем не менее ему всё-таки некоторая часть экипажа отвечала сомнениями, так что он прибегнул даже к угрозе: всякое противоречащее ему мнение могло стоить матросу потери ушей или языка. Таким образом, по приказу адмирала, Куба значилась азиатским полуостровом до 1508 г., т.е. до той эпохи, когда Окампо, плавая вдоль северных берегов Кубы, достиг мыса Сан-Антонио и объехал вокруг острова через Юкатанский пролив. Три года спустя испанцы овладели Кубой и основали там первый город—Баракоа: тогда, для довершения открытия, оставалось только исследовать внутренния части острова. Мало-по-малу наблюдения мореплавателей дали возможность сделать правильное, определенное очертание островных бере-

1 Miguel Rodriguez-Ferrer, „Naturaleza y Civilizacion de La grandiosa isla de Cuba“.

гов; а затем с начавшеюся культурою, постройкою городов и проложением путей сообщения,—что требовало частных планов и кадастра,—составилась более или менее точная карта самого острова, хотя не было ещё приступлено к геодезическим работам, необходимым для составлении топографической карты, какою владеет Западная Европа. В первые годы открытия остров переменил много названий, как-то: Жуана, Фернандина, Сант-Яго, Аве-Мариа, Альфа-и-Омега; но все они забыты, а упрочилось одно только туземное название Кубанакан, под которым была известна одна часть центральной области в нынешнем округе «Пяти Городов»[1]; впоследствии это название приняло испанское окончание Куба, но флибустьеры долгое ещё время называли остров на французский лад—Кув (Couve) или Куб (Coube). Точно также в географической номенклатуре страны сохранилась большая часть прежних наименований округов и провинций, полученных от первобытных, теперь уже исчезнувших, народов, населявших острова.

По своей конфигурации Куба является единственным островом среди всей американской группы: испанские географы часто сравнивали его с «языком птицы». От мыса Пунта-де-Маиси до мыса Сан-Антонио он описывает кривую в 1.450 километров, не включая сюда тысячи извилин берега, обращенного своей выпуклостию к северу; ширина же его в среднем не превышает ста километров. Но характерной чертой географии этого острова является контраст его берегов: один из них, который можно бы было назвать фундаментом острова, тянется с востока на запад от Пунта-де-Маиси до мыса де-Круц, параллельно горной цепи Сиерра-Маэстра, образующей костяк острова; другой обнимает всё остальное побережье, как северное, так и южное, и имеет в общем весьма переменчивый и неопределенный характер, вследствие своих рифов, мелей, прибрежных островов и островков. Фундаментальный берег отличается прямолинейностью своей оси; продолжение его образует в море острова Кайман, а затем целый ряд банок Мистериоза и глубокий порог между двумя рвами, Бартлеттским—с юга и Юкатанским—с севера: даже главную цепь Британского Гондураса, горы Кокскомб, можно считать за составную часть этой прямой линии кубанского рельефа. Что касается до других берегов большого острова, то они нигде не имеют прямолинейного очертания, а напротив извиваются неправильными кривыми линиями и образуют неровную бахрому; во многих местах берег, окаймленный кораллами или болотами, представляет такую неясную линию, что её невозможно даже было начертать точным образом. Общую длину линии кубанских берегов, не считая тысячи мелких иссечений и внешней каймы рифов, Пихардо определяет в 3.500 километров, так что протяжение её равно расстоянию от Парижа до Баку, по прямой линии: на большой карте Эстебана Пихардо, состоящей из 22 листов, вся окружность[2], по тщательному измерению, превышает 11.000 километров. Поверхность Кубы определенно измерена Коелло в 112.191 квадратный километр; с двойным островом де-Пинос и другими небольшими островами обоих побережий она занимает 118.833 квадратных километра, т.е. почти такое же пространство, как все остальные Антильские острова, взятые вместе: остров Куба по величине превосходит Португалию и представляет почти четвертую часть всей Испании.

Будучи по объему самым большим островом из всей группы Антильских островов, Куба по высоте уступает некоторым другим; Сан-Доминго имеет более высокие вершины, и общий его рельеф гораздо значительнее кубанского. Куба имеет лишь одну горную цепь: это—Сиерра-Маэстра, или «Главная цепь», которая круто вздымается над волнами в юго-восточной части острова, к северу от широкого пролива, отделяющего Кубу от Ямайки. Она начинается острым мысом де-Круц и, быстро вздымаясь террасами, достигает и даже превосходит, в Ойо-дель-Торо, или «Источнике Быка», высоту в тысячу метров. Далее цепь подымается ещё выше, и самая высокая её вершина, известная под именем Пико-де-Таркино, может-быть, вернее Туркино,т.е. «Голубая Гора»)[3], имеет, по различным исчислениям геогра-

1 Pichardo;—Ramon de la Sagra;—Fr. Coello; Justo Zaragoza и др.

2 D. Aitoff, рукописн. заметки.

3 Poey, „Memorias sobre la historia natural de la isla de Cuba“.

фов и мореплавателей, высоту от 2.089 до 2.560 метров[1]. В этой кульминационной своей части горы, очень крутые со стороны моря, опираются внутри острова на широкое плоскогорье, склон которого, изрытый оврагами, спускается в долину Кауто; после того главная цепь, получающая, благодаря своим рудным залежам, название Сиерры-дель-Кобре, или «Медной», суживается и понемногу понижается; к северу от города Сант-Яго-де-Куба, она развертывается амфитеатром и оканчивается в болотах Гуантанамо. Одна из гор Сиерры-дель-Кобре носит название Гран-Пьедра (1.580 метров), от глыбы конгломерата, нависшей на её вершине, над обрушившимися слоями. Горы Сиерра-Маэстра состоят из диорита и порфира, покрытых скалами третичной формации, а около Сант-Яго встречаются также трахит и базальт, но нигде не видно ни недавней лавы, ни пепла, ни пемзы, ни кратеров. В этой части острова землетрясения бывают всего чаще и колеблют почву всего сильнее.

Поперечная впадина отделяет остальной остров от Сиерры-Маэстра и плоскогорья, служащего ей подножием; горы, возвышающиеся беспорядочными массами на восточной оконечности Кубы, составляют отдельный массив. Менее правильные в своем направлении, эти горы, начинающиеся на самом конце мыса Маиси, разрезаны реками на несколько второстепенных групп, образующих во многих местах узкие хребты, «ножи», или *cuchillas*. Некоторые вершины своими мощными массами выступают за зубчатый профиль более низких кряжей. Неподалеку от конечного мыса возвышается великолепный усеченный конус *Yunque*, или «Наковальня», Баракоа, высотою в тысячу метров. Затем горы продолжаются неправильными массивами, ориентированными параллельно северному берегу острова: повсюду виднеются гранитные скалы, освободившиеся от известняковых пластов, некогда покрывавших их, но нигде они не образуют величественных пиков. В своей совокупности горный рельеф понижается постепенно к западу, и в середине острова почва уже не имеет никакой выпуклости: корпус острова, суживающийся в этом месте всего до 75 километров ширины, занят отчасти прибрежными болотами, с промежуточными низкими равнинами. До сооружения железной дороги, соединившей оба берега, проложенная через лес «тропа» или *trocha* считалась раздельной линией между двумя половинами Кубы; во время восстания, вследствие которого остров едва не был отнят у испанцев, войска метрополии загородили тропу рядом небольших крепостей для того, чтобы закрыть республиканцам восточного массива дорогу в западные города и плантации.

За этою среднею впадиною снова начинаются горы или, скорее, холмы, имеющие лишь незначительную высоту: большинство хребтов и питонов возвышаются всего на двести или триста метров, но их крутые откосы и глубокия расселины в скалах придают величественный вид этим массивам, разделенным холмистыми равнинами; по Родригецу Феррера, самая высокая оконечность этой центральной области Кубы—пико-де-Потрерильо (908 метров)—находится к северо-западу от Тринидада, в округе Синко-Вильяс на южном берегу острова. Если бы остров понизился на сотню метров, то он разделился бы на несколько отдельных цепей, подобно цепи Багамских островов, и одною из главных была бы группа земель, лежащих к западу от центрального понижения Синко-Вильяс.

Возвышенности западной области образуют первый массив между Матанзасом и Гаванной, довольно близкий к северному берегу и содержащий, неподалеку от первого из этих городов, пик-Пан-де-Матанзас, в 390 метров высоты. Второй массив, начинающийся к западу от Гаванны и имеющий со стороны моря вид настоящей цепи, кордильера-де-лос-Органос, представляет более высокие горы: Пан-де-Гуайабон имеет 585 метров высоты. Эта крайняя цепь выдвигает свой последний мыс к северу от бухты, называемой Гвадиана: за нею остров продолжается к Юкатанскому проливу низменным полуостровом и оканчивается пляжем мыса Сан-Антонио, который загибается на конце рогом, обращенным на север. Вся эта западная часть Кубы носит обыкновенно название *Vuelta-de-Abajo*, соответствующее французскому выражению «Нижняя Земля», в смысле области, расположенной «с подветренной стороны». *Vuelta-de-Arriba*, т.е. областью, обращенной прямо к пассатным ветрам, должна

1 Miguel Rodriguez-Ferror, цитированное сочинение.

была бы быть восточная часть острова; но относительно жителей Гаванны внутренния части острова расположены уже с «наветренной стороны», так что их-то и называют Vuelta-de-Arriba, или «Верхняя Земля».

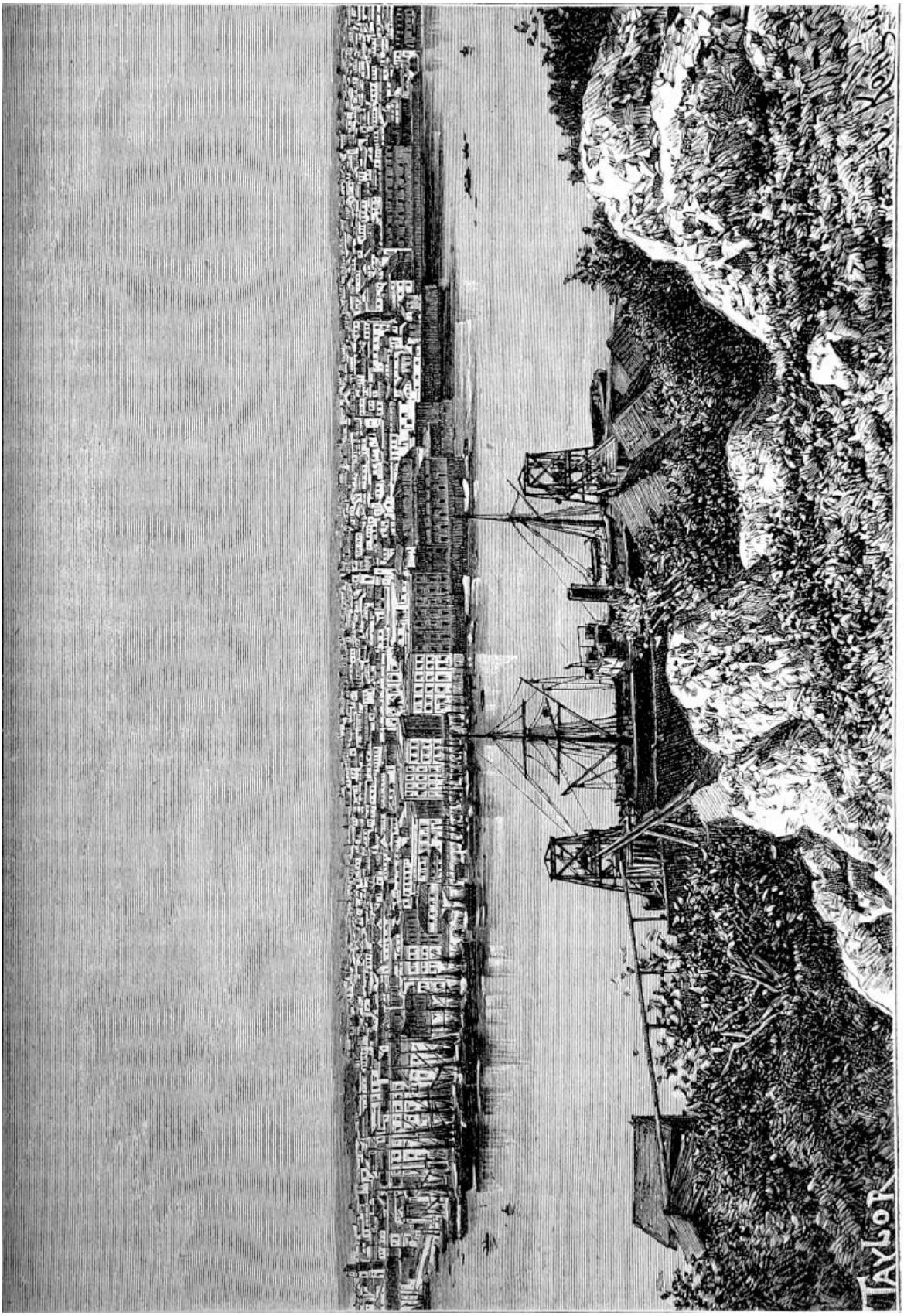
Почти все горные породы Кубы, за исключением только возвышенной области, состоят из известняков, которые отлагались, повидимому, таким же образом, как и нынешние береговые рифы, потому что представляют совершенно такия же неровности, трещины и глубокия пещеры, как и эти последние. В этих скалах такое множество скрытых галлерей, что весь остров представляет собою как бы огромный свод, под которым протекают ручьи и скапливаются стоячия воды. Многие путешественники и ученые пробирались в многочисленные гроты этих скал, лабиринты которых исследованы только местами, и каждый год делались открытия новых подземных ходов. Во многих местах ручьи поглощаются почвой, а затем снова пробиваются наружу настоящими потоками, усиливающимися вследствие притока новых скрытых вод; в Вуельте-де-Абахо, около Пинар-дель-Рио, одна река протекает под великолепной аркой, похожей на мост; в других местах воды прокрадываются по узким шлюзам, стены которых сближаются и соединяются во многих местах над потоком. Из всех гротов Кубы чаще всего посещаются гроты в горах Либано, находящиеся к северу от Гуантанамо; в одной стене восточного полуострова, около мыса Маиси, на самом конце острова, также существует знаменитая пещера, в которой были найдены кости.

Реки острова Кубы, отличающиеся почти все медленным течением и узким бассейном, относительно многоводны. Самая могучая из них, река Кауто, протекает в продольной долине, перерезывающей сиерру-Маэстра, и направляется к северу от этой цепи, принимая в себя многочисленные притоки, сбегающие с северных и южных гор. Длина её течения от сиерры дель-Кобре до бухты Манзанильо,—около 212 километров, и почти половина всего протяжения доступна для судоходства небольших судов; суда же, вместимостью в 50 тонн, поднимаются вверх по реке до деревни Кауто, называемой «Амбаркадеро». В своем нижнем течении река разделяется на два главных рукава, а во время половодья—на множество малых потоков, протекающих по низким землям аллювиального происхождения: земли эти продолжаются даже в море, в виде длинного болотистого полуострова, разделяющего залив на две второстепенные бухты. В XVI-м веке бар, говорят, выступал значительно менее, чем в настоящее время, что способствовало большому оживлению торговли на нижнем течении реки; но в 1816 году большое наводнение переместило этот бар, и речное устье совершенно закрылось; эта катастрофа погубила тридцать три судна, которые были брошены моряками, а многие семьи, разоренные прекращением торговли, должны были переселиться в Гавану[1]. В половине этого столетия из ила Кауто были извлечены пушки одного линейного корабля, завязнувшего здесь во время рокового наводнения.

Другие реки Кубы, даже две самые известные на северном берегу, Сагуа-ла-Гранде и Сагуа-ла-Чика, менее обильны, чем Кауто, но многие из них замечательны своими водопадами, подземным течением или лиманами. Не все они доходят до моря: некоторые из них теряются в болотах, в которых пресные воды смешиваются с солеными. Всего больше болот на юге, где они тянутся вдоль всего южного берега: большая *cienaga* Запата, на юге округа Матанзас, окаймляет побережье на протяжении более ста километров, между двумя бухтами или *encenadas*, Броа и Кочинос. Это обширное пространство едва возвышается над морским уровнем, но, несмотря на свою почти горизонтальную плоскость, представляет всё-таки очень разнообразный вид; прибрежные кордоны состоят из песков, которые задерживают внутренния стоячия воды; другие покрыты корнепусками, с переплетающимися корнями; среди тростников извиваются стоячие *байю*, остатки прежних рек; там и сям на солнце сверкают открытые озера, тогда как другие бассейны прячут свои воды под пеленою круглолистных ненуфаров; в некоторых местах попадаются островки, поросшие рощицами, в других же тянутся саванны, на которых, с риском когда-нибудь провалиться, пасется скот; но большая часть болот представляют топкие луга или трясины, по которым нельзя ходить ни людям, ни

1 Miguel Rodriguez-Fener, цитированное сочинение.

животным. Название *savana-la-mar*, применяющееся ко многим местам на побережьях Антильских островов, напоминает о первоначальном виде саванн, затопляемых морскими водами.

Общій видъ Гаванны.

Островки и рифы, лежащие в открытом море, составляют, подобно внутренним болотам, среднюю зону между землей и морем. Около половины островного побережья окаймлено, таким образом, ложным берегом, который делает доступ к Кубе очень опасным; но, с другой

стороны, суда могут найти здесь отличное убежище, если только им удастся благополучно обойти или пройти через линию бурунов. Эти рифы и острова, словно бахрамой окаймляющие побережье, все состоят из известняка недавней формации: своим происхождением они обязаны тем же гнездам морских полипов, которые видны сквозь прозрачную воду на дне морского ложа, обвивающими скалу или песок своими волнующимися разноцветными снопами. Выходящие из воды береговые скалы с их гротами, где раздается гул волн, представляют собою, в беспрестанных изменениях земной поверхности, тот период истории земного шара, который следовал за образованием внутренних известняковых слоев, изрытых пещерами, с струящимися в них ручьями. Но они отлагаются медленнее, чем Флоридские и Багамские рифы, омываемые морским прибоем: кораллотворные животные гнездятся более в открытых местах побережья, избегая защищенных, тихих бухт[1]. Рост береговых рифов на северном побережье Кубы происходил настолько медленно, что реки могли сохранить свои лиманы в форме лагун, по мере того, как горные породы отлагались на обоих берегах: отсюда такое множество хороших портов на кубанских берегах.

Некоторые из прибрежных «cayos» (рифов) приняли уже значительные размеры и образуют настоящие острова; иные из них даже обитаемы, именно в тех местах, где на поверхности их имеется пресная вода, или где из скалы бьют ключи. Так, кайо-дель-Сабиналь, кайо-Гуахаба, кайо-Романо и кайо-дель-Коко, разделенные узкими проходами, тянутся впереди кубанского берега, в виде второго внешнего берега, на пространстве слишком 200 километров: кайо-Романо, самый большой из этих возвышающихся рифов, занимает пространство в 440 квадратных километров, поверхность которого разнообразится тремя горками. На берегу этого и соседних островков образовались естественные салины: это впадины в 30—40 сантиметров глубины, отделенные от моря каймой кораллов; в зимние месяцы, сильные ветры перебрасывают волны через край кораллового борта, и воды образуют внутри островка обширные озера спокойной воды; затем, с наступлением жаркого времени, вода испаряется, оставляя на дне и по краям своих бассейнов пласты белой, отлично кристаллизованной соли, которую собирают для солений; «солончаки» одного только кайо-Романо могли бы доставить соли гораздо большее количество, чем сколько нужно для потребления всех кубанцев.

Цепь кайосов, тянущаяся между Сабиналем и Коко, представляет такую правильную линию и перерезана такими узкими протоками, что может быть рассматриваема как длинный полуостров, расположенный параллельно островному берегу; но далее к западу она продолжается рядом рифов, разделенных широкими брешами, который тянется в незначительном расстоянии от нынешнего побережья: это—как бы будущий берег, уже частью соединившийся, между Карденасом и Матанзасом, с островом, посредством правильной стрелки, называющейся Пунта-Икакос. С этим западным рядом островков и рифов весь внешний берег Кубы в длину превышает 500 километр. К западу от Гаванны, от Бахия-Хонда до мыса Сан-Антонио, на пространстве почти 225 километров, берег обрамлен другим рядом рифов. Они лежат на коралловом ложе незначительной глубины, которая позволяет видеть открывающуюся под судами изменчивую панораму водорослей, кораллов и раковинных банок.

На южном берегу Кубы рифы и островки ещё более многочисленны, чем на северном, но они не имеют здесь той правильности и не тянутся параллельным к берегу рядом; это происходит, по всей вероятности, оттого, что течения идут здесь не вблизи земель и не очищают дна от мириад органических строителей. Коралловые массивы могли разрости на юге острова только на большом расстоянии от берега, во всех морских пространствах, где относительно спокойная вода не возобновляется беспрестанно новыми течениями. Таким образом рифов относительно немного в той части берега, которая омывается глубокими водами Винд-Уарда, между мысом Маиси и мысом де-Круц; их нет также в середине южного побережья, там, где кончается глубокий Юкатанский ров и где воды бокового течения кружатся длинными водоворотами; тем более их не могло образоваться у западной оконечности, в бух-

1 Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake“.

те, носящей меткое название Корриентес, которое дано ей потому, что в ней сталкиваются несколько «течений», расходящихся отсюда к западу, в Юкатанский канал. Бухта Манзанилла, напротив того, более, чем на половине всего своего пространства усеяна рифами, продолжающимися к западу в виде красиво изгибающейся цепи, под названием кайос-де-лас-Досе-Легуас или «кайосов в Двенадцать Миль», и Сосновый остров (исла-де-Пинос) соединяется с архипелагом скал и островков, из которых наиболее известны острова Жардинес и Жардинильос, лежащие к югу от болот Запаты. Некоторые из этих островов, зеленые рощи среди голубых вод, действительно представляют цветущие и благоухающие «сады» и «садики», украшенные ещё стаями птиц, которые кружатся около деревьев. В архипелаге Садов (Жардинес), посреди соленых вод, бьют ключом источники пресной воды, притекающей сюда, вероятно, с Кубы.

Остров Сосновый, или исла-де-Пинос, лежащий на юге Кубы и на одном с ним плато подводных скал, занимает один гораздо большее пространство, чем тысяча триста других островов или островков, составляющих часть кубанской агломерации. Он состоит из двух земель, разделенных извилистым рукавом, представляющим наполовину канал, наполовину болото, который извивается с запада на восток, имея почти везде одинаковую ширину, около пяти километров: это так называемая «Соленая река», вроде той, которая протекает по Гваделупе; испанцы называют её Сиенага, или «Болото». Некоторые скалы, лежащие вровень с водою, были утилизированы в восточной части потока для постройки «каменной дороги» (camino de piedras) между двумя островами.

Поверхность острова Пинос, по исчислению Алехо Эльвежио Ланьера:

северная земля—1.330 кв. килом.; южная земля—780, всего—2.110 кв. килом.

Между этими двумя землями контраст поразительный. Первая усеяна горными массивами, группами холмов, уединенными остроконечными горками, и один из её пиков, в сиерре де-ла-Каньяда, достигает 468 метров высоты; вторая же земля на всём своем протяжении представляет низменность, хотя кое-где остроконечные скалы, изрезанные трещинами, усеянные ямами, *seborucos*, прерывают болота, саванны и топкие луга, по которым почти совсем невозможно ходить. Весьма возможно, что эта часть острова возникла относительно недавно, так как уже в исторический период не раз наблюдалось явление сростания береговых островков в целые земли посредством постепенного захвата мангиферами проливов и мелей; иной маленький архипелаг, обозначенный на старинных картах, состоит в настоящее время из меньшего числа островов, так как некоторые из них соединились между собою; в других местах мели превратились в островки[1]. Впрочем, на окружности острова Кубы есть много примеров этого явления; по словам геолога Сиа, некоторые банки мертвого коралла, совершенно похожия по своим организмам на мели живого коралла, находящиеся ещё под водою, поднялись в настоящее время более, чем на 9 метров над уровнем моря[2]. Холмы, находящиеся в окрестностях Гаванны, были прежде, без сомнения, рифами: теперь они возвышаются более чем на 300 метров над уровнем моря.

Главный корпус Кубы весь лежит в тропическом поясе. Климат здесь такой же, как и на море, омывающем остров. Совокупность всех атмосферных явлений представляет необыкновенную правильность, которая значительно облегчает изучение общей метеорологии: в этих-то областях, у исходного пункта Гольфстрема и воздушных течений, очищающих Западную Европу, можно наблюдать в их первоначальном зародыше многие явления климата северного умеренного пояса. Однако, остров Куба так обширен и тянется с востока на запад, от Атлантики к Юкатану, на таком значительном пространстве, что в различных его частях можно наблюдать довольно значительные климатические контрасты. По всему острову северные ветры дуют главным образом зимой, а дожди обильнее всего выпадают в летний сезон, в то время, когда солнце проходит через зенит; но, в среднем, дожди, приносимые пассатными ветрами, выпадают чаще и обильнее на восточной оконечности острова, чем на западной, и

1 Alejo Helvegio Lanier, „Geografia de la isla de Pinos“.

2 Miguel Rodriguez-Fener, цитированное сочинение.

на северном берегу больше, чем на южном. Град здесь редкое явление, хотя грозы довольно обыкновенны. Говорят также, что выпадение дождей уменьшилось на всём острове, вследствие обезлесения, особенно в центре и на востоке, вне горной области; кроме того, зимний сезон запаздывает, и дожди, вместо того, чтобы начаться в апреле и мае, выпадают правильно только в июне и июле; среднее количество выпадающих в Гаванне дождей немного превышает один метр. Даже в тех округах, где земля остается сухою, влажность воздуха очень значительна, выражаясь, в среднем, 85%, и эта сырость воздуха, в соединении с необыкновенным размножением мелких разрушительных организмов, делает почти невозможным сохранение архивов в подобном климате[1]. На всём острове, даже на западной его оконечности, нет ни одного места, которое находилось бы в стороне от прохождения ураганов, и на Кубе делались чаще всего самые точные наблюдения над этими грозными метеорами. Ураган 1846 года, разрушивший в Гаванне около двух тысяч домов и более пяти тысяч попортивший, потопивший в порте 235 судов и 48 повредивший, часто называли «типичным», по силе вихря; счастье ещё, что он развертывал свою грозную спираль на незначительной ширине, исчисленной всего в 34 километра.

Метеорологические условия Кубы:

	Гаванна	Сант-Яго-де-Куба
Средняя температура	25°,4	27°
Максимум в июле	27°,8	28°,4
Минимум в декабре	22°,8	23°,2
Крайности температуры на острове	от 0° до	34° (Морелe).

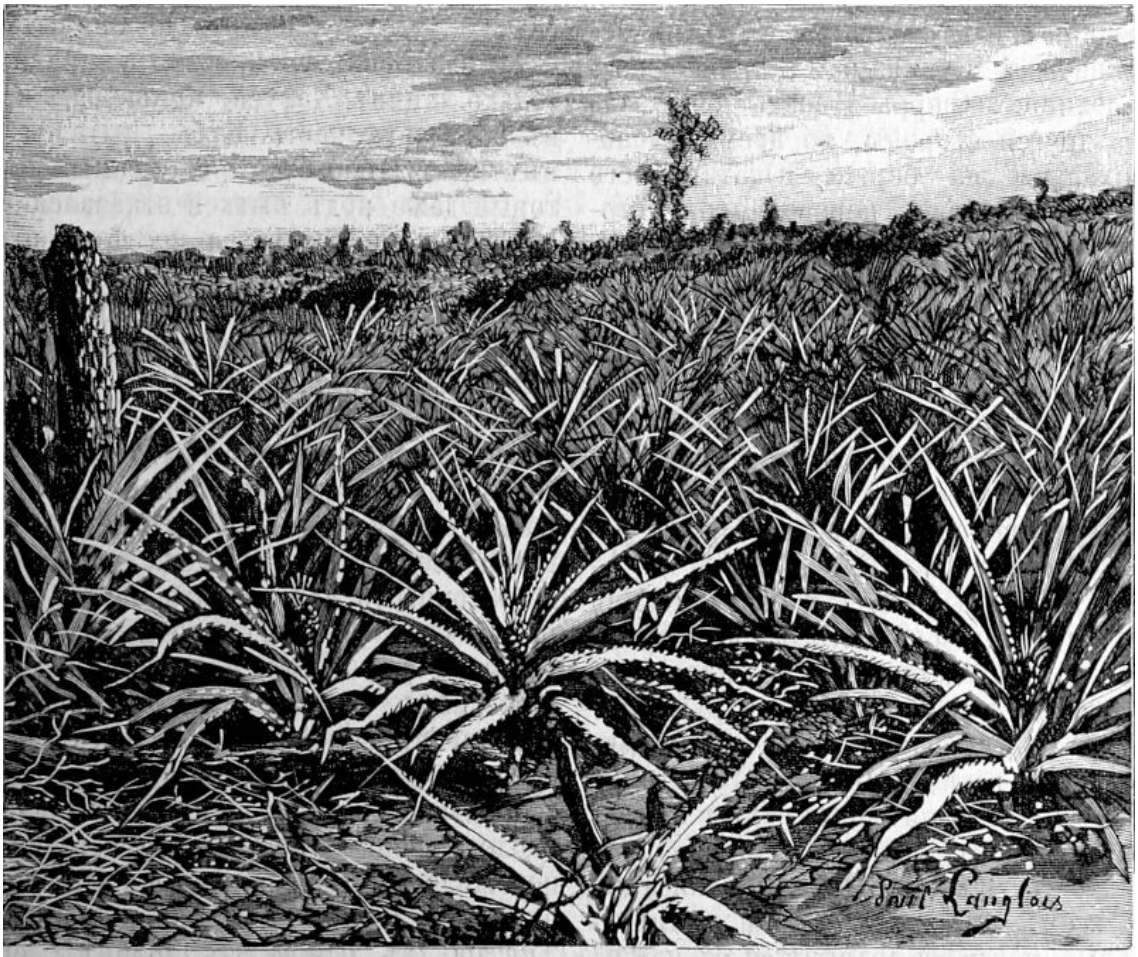
«Перл Антильских островов» заслужил это прозвище главным образом за богатство и разнообразие его растительных видов: флора его на незначительной ширине, какую занимает остров, заключает почти все растения, которые произрастают на других Антильских островах и на всей огромной окружности американского Средиземного моря, от полуострова Флориды до устьев реки Ориноко: проливы, отделяющие Кубу от континентального берега, не настолько широки, чтобы большинство семян не могло быть перенесено через них морскими течениями или ветрами, или, наконец, на лапах, крыльях и в помете птиц. Все большие деревья Мексиканского побережья, отличающиеся величественным видом, красотою листвы, великолепием или запахом цветов, произрастают и на берегах Кубы; более тридцати пород пальм простирают свои веерообразные листья над другими деревьями или кустарником, а на-ряду с ними можно встретить, к великому удивлению, такия деревья, которые, казалось бы, должны быть чужды жаркому поясу, как, например, сосны, давшие свое название двойному острову «Пинос», в котором они растут в перемежку с пальмами и с *caobas*, «красным деревом». В 1876 г. в каталоге одних только явнобрачных растений Кубы, не считая тех, которые были введены европейцами в садах, или на полях, значилось 3.350 пород[2], и, конечно, более подробные исследования ещё во многом пополнят это солидное количество. Но если современная флора обогащается новыми видами, культивируемыми садоводами и земледельцами, то несомненно и то, что многие породы совершенно исчезли вследствие обезлесения, которое с начала века обнажило большую часть островной поверхности, изменив в то же время условия почвы и климата. Леса заменились *yarey*, или рощами дикого терновника *chamaerops*, и чащами низких кустарников, лиан и терна *manigua*, куда нельзя проникнуть иначе, как вооружившись маншетой. Даже до истребления больших деревьев, в различных округах, в особенности на южном побережье, существовали уже огромные пространства, саванны или топи, где деревья росли только на берегу рек, осеняя воды своими развесистыми ветвями: отсюда и произошло название cejas, или «брови», которое дают этим шпалерам из лесной растительности.

Известно, что до путешествия Колумба на острове не было других млекопитающих, кроме летучих мышей и мелкой породы грызунов, между которыми замечательна гуаквинайи, или «немая собака»: это, по всей вероятности, был енот, ракун, *racoon* северо-американцев

1 Alexander Agassiz, „Cruise of the Blake“.

2 Miguel Rodriguez-Ferrer, цитиров. сочинение.

(procyon lotor). На побережьях, ламантин, который и ныне ещё приплывает на водопой к пресноводным ключам, бьющим в море около Жардинильоса[1], прежде был очень обыкновенен, как о том свидетельствуют названия заливов, бухт и многих пляжей. Енот и два или три других вида первобытных животных совершенно исчезли с острова; с другой стороны, завезенные сюда европейцами домашния животные обратились в одичалое состояние таковы: кабан, который встречается в различных частях острова, и собака, которая в саваннах наводит страх на пастухов; косуля также вывезена из Европы. На Кубе перемена среды резче всего выразилась в собачьей породе, вследствие чего составились разные помеси, начиная с крошечной «гаванки», которую дамы носят обыкновенно в муфтах, до страшного майконга, которого ещё недавно употребляли для погони за беглыми индейцами и неграми. Большая часть птиц, встречающихся на острове Кубе, принадлежат к северо-американской фауне, и только один вид колибри свойствен специально этому острову[2]. Точно также пресмы-

Ананасная плантація.

кающиеся, живущие на Кубе, принадлежат к породам соседних континентов, но странно то, что между кубанскими змеями нет ни одной ядовитой: местные писатели указывают на этот факт с некоторою гордостью, презрительно осмеивая Ламартина, который в одном из своих сочинении упоминает о гремучнике, как о змее, принадлежащей к кубанской фауне. Они утверждают даже, не подтверждая своих слов доказательными фактами, будто ядовитые породы, завезенные на Кубу, теряют в конце концов свой яд: так., например, укушение скорпиона вызывает здесь будто-бы только легкое раздражение. Земные черепахи принадлежат к собственной фауне острова, и моллюски, являющиеся здесь в нескольких сотнях видов, как и на всех других Антильских островах, принадлежат по большей части к особым породам,

1 Alex. de Humboldt, цитированное сочинение.

2 Felipe Poey, „Memorias sobre la historia natural de la isla de Cuba“.

отличным от континентальных[1]. Один из курьезов кубанской фауны—«прозябающая» оса, особый вид картонницы (*polistes*), в теле которой растет паразитный грибок из рода *clavaria*: это явление аналогично тому, которое представляет ново-Зеландская гусеница (sphaeria Robertsi). Ископаемые животные, найденные в миоценовых породах Соединенных Штатов, каковы мелагоникс, слоны и гиппопотамы, были открыты также и в кубанских пластах того же периода. Из этого заключают, что антильская земля была некогда соединена с соседним материком. В ту эпоху Гольфстрем имел другое направление[2].

Несомненно, что остров Куба обитаем уже с древнейших времен; там открыли, особенно в восточной части острова, в окрестностях Байамо, топоры из диорита и из серпентина, принадлежащие к эпохе шлифованного камня; подобно европейским крестьянам, туземцы называли их «каменными стрелами», и прежде они употреблялись гладильщицами белья для прессовки складок на белье. Археологи находили во многих местах *caneyes*, т.е. кучи человеческих костей, а в 1849 г. Родригец-Феррер открыл на одном кайо, лежащем к югу от Пуерто-Принсипе, человеческую челюсть, которую комиссия испанских ученых признала за ископаемую; позднее, при раскопках одного подземного кладбища, находящагося близ мыса Манси, этот же исследователь нашел черепа первобытных жителей, отличающиеся искусственно вдавленным лбом: это, повидимому, черта сходства с человеческими фигурами, изображенными на стенах Паленкве, и, быть-может, те и другие принадлежали к одной и той же расе.

Вопрос о происхождении тех индейцев, которых Христофор Колумб застал на острове в 1492 году, остается ещё открытым. Достоверно только то, что, за исключением диких гуонатавейсов, обитавших на западном полуострове, около мыса Сан-Антонио[3], кубанцы говорили на том же языке, как и багамские юкайосы и туземцы островов Гаити и Ямайки; а так как названия мест, перечисляемые завоевателями на Эспаньоле, отчасти аруаканские, то из этого заключили, что жители Больших Антильских островов были в большинстве аруаки, пришедшие из Южной Америки[4], где их родичи обитают ещё и ныне на берегах Эссеквибо и Суринама, а также и в верхних долинах Сиерры-Невады де-Санта-Марта. С другой стороны, во время экспедиции Грихальвы на берега Юкатана, его сопровождали кубанские переводчики, которые свободно объяснялись с туземцами, что служит доказательством, если не принадлежности их к той же расе, то по крайней мере частых торговых с ними сношений: майя, которые называли себя «происшедшими из моря», верили в свое родство с соседними островитянами; известна гипотеза Орозко-и-Берра, который видит в них иммигрантов, пришедших из Флориды через Багамские острова и Кубу.

Как бы то ни было, между юкатанскими майя и сибунейсами соседнего острова существовало большое сходство, судя по описаниям историков эпохи завоевания. Те и другие были коренасты, с широким лицом и грудью, темнокожие и с вдавленным искусственно лбом; те и другие были миролюбивы и одинаково любили свою свободу. Однако, сибунейсы далеко уступали майя в цивилизации. Нигде на всём острове не нашли памятников, которые могли бы сравниться с памятниками в Паленкве, Уксмале и Чичен-Итце; несколько груд камней, могилы да бесформенные барельефы на скалах—вот единственные остатки, приписываемые первобытным жителям; особенно замечательны грубые изображения ламантинов, совершенно схожия с теми, которые были найдены американскими археологами в *mounds* Огио[5], что заставляет предполагать о родственной близости между собою этих рас. Их жилища имели разнообразное устройство, смотря но племенам и положению лиц; обыкновенно это были *barahagues*, обширные здания, построенные из ветвей и тростника, в которых могли помещаться сотни человек; кроме того, у них были широкия ладьи, в которых они вы-

1 Arthur Morelet, „Voyage dans l'Amerique Centrale, Cuba et le Jucatan".
2 F. de Castro;—Alex. Agassiz;—Fr. Foula, „Behm's Jahrbuch", 1887.
3 Bernal Diaz del Castillo, „Historia verdadera della conquista de Nueva-Espana".
4 Robert Schomburgk, „Nouvelles Annales de Voyages", T. III;—Brinton, „Annee Geographique". 1872.
5 Rodriguez-Ferrer, цитированное сочинение.

плывали далеко в море. Сибунейсы занимались земледелием и рыболовством: рассказывают, что они посредством длинной веревки умели ловко управлять рыбой прилипало-лоцманом, *pegador* или *reves* (echeneis naucrates); они направляли эту рыбу на морских черепах, и как только прилипало присасывался к черепахе, они вытягивали веревку и доставали сразу и рыболова и его добычу[1].

В три года, с 1512 по 1515, вся внутренняя часть острова была обследована, и покоренное население за это время во многих округах уже исчезло: индейцы не сопротивлялись, а просто умирали. Один только кацик Хатуей, пришедший из Гаити в восточную часть Кубы, пытался вступить в открытую борьбу: это тот самый кацик, который даже под пыткой отказался креститься, чтобы не очутиться после смерти на одном небе с «добрыми» испанцами. В 1524 году кубанских индейцев было уже на две трети меньше прежнего: одни умирали от пыток, другие сами ускоряли свой конец, питаясь землею и булыжником, или же маниоком, мука которого имела ядовитый сок. В 1532 г., по оффициальным сведениям на Кубе насчитывалось не более 4.000 индейцев: двадцати одного года оказалось вполне достаточным для полного почти истребления расы; тем не менее точные названия различных народцев и занимаемых ими земель были хорошо известны. В 1554 году шестьдесят семейств первобытных жителей, бродивших в западной части острова, были собраны в род лазарета[2], в Гуанабакоа, около Гаванны, но кое-какие остатки племен пережили в горах восточной области. Ещё в 1847 г. Родригец-Феррер посетил близ Тигуабо, в одной из долин Сиерры-Маэстра, спускающейся к бухте Гуантанамо, семейство чистокровных индейцев, заключавшее в себе более ста человек, вместе с сыновьями, внуками и правнуками. В той же области многие другие семейства считаются индийского происхождения, но смешения с неграми и белыми изменили вид расы. Такия помеси происходили чаще, чем это обыкновенно думают: так как почти все женщины индианки были взяты в жены испанцами, то родившиеся от них дети считались уже принадлежащими к расе победителей, хотя по крови матери они происходили от побежденных.

Негры, которых плантаторы привезли на остров для замены истребленных туземцев и которых покупали на «вес золота» во время снаряжения экспедиции Кортесом для завоевания Мексики, весьма медленно увеличивались в своей численности, так что редеющие ряды этих каторжников должны были беспрестанно пополняться новыми грузами; ещё в половине этого столетия, вопреки подписанной конвенции с Великобританией, которая откупила этот торг невольниками за 16 миллионов, вопреки законам, запрещающим покупку негров под страхом самых строгих наказаний, невольничьи суда всё-таки ежегодно доставляли на берег от тридцати до пятидесяти транспортов *bozales*, или «грубых негров», которых наперерыв покупали эксплоататоры, съезжавшиеся нарочно для этой цели на уединенном берегу, где и происходила торговая сделка. Насчитывают[3] до полу-миллиона число несчастных, вывезенных тайным образом на Кубу со времени оффициального уничтожения торга в 1820 г.: за каждого привезенного невольника судно выручало одну унцию золота, или 84 франка. Даже в то время, когда торг производился открыто, количество привозимых рабов не превышало этой цифры. Ввоз негров с 1521 г. по 1821 г. по Гумбольдту 413.500, а по Зарагозе, 372.450 чел.

Численность негритянского населения на острове стала прогрессировать только в конце прошлого столетия, когда число женщин настолько увеличилось, что стало возможно образование семей. В конце-концов число невольников превзошло число свободных людей: в 1791 году первых уже насчитывалось немного более половины всего населения; но окончательное прекращение невольничьего торга, затем американская междоусобная война, окончившаяся отменой рабства в преобразованной республике Соединенных Штатов, сделали невозможным сохранение невольничества и на испанском острове: во время восстания вос-

1 Gomara;—Oviedo;—Pedro Martyr;—Humboldt;—Poey;—Rodriguez-Ferrer, цитированные сочинения.

2 Hererra, „Description universal de las Indias“.

3 Ad. de Fontpertuis, „Etats Latins de l'Amerique“.

точных округов возмутившиеся плантаторы сами отпустили на волю своих невольников и вооружили их против испанских войск. Правительство метрополии, хотя всё ещё преданное интересам крупных землевладельцев, поняло, наконец, необходимость уступки, и декретом 1880 года постановило постепенное упразднение рабства. Семь лет спустя, в 1886 году, была объявлена окончательная эмансипация для тех 25.000 негров, которые оставались ещё в рабстве. Но эта эмансипация на плантациях была более кажущаяся, чем действительная: негры, вчерашние невольники, продолжали работать, у плантаторов как наемные рабочие; разница выражалась в том, что, вместо прежнего готового содержания, они стали получать жалованье деньгами[1]. Впрочем, даже и во время фактического рабства кубанские негры менее страдали от него, чем чернокожие других колоний: за ними всё-таки признавалось «четыре права»: жениться по личному выбору, переходить к другому хозяину, если первые оказывался слишком жестоким, выкупать личную свободу работой, и, наконец, приобретать земельную собственность, которая позволяла им, в случае надобности, освобождать свое семейство.

Свободное и невольничье население Кубы в различные времена до освобождения.

Годы	Белых	Проц. отнош.	Свободн. негров	Проц. отнош.	Негров-рабов	Проц. отнош.	Всего
1774	96.440	56,2	30.849	17,9	44.333	25,9	171.622
1792	133.559	49,2	54.152	20,3	84.590	30,5	272 301
1817	239.830	43,4	114.058	20,6	199.145	36	553.033
1846	895.767	65	149.226	10,9	323.759	21.1	1.368.752
1875	915.000	67,8	220.000	46,2	235.000	16.6	1.360.000

По оффициальной статистике, количество белых на острове Кубе превышает численность негров и мулатов. Впрочем, это вполне естественно: так как более или менее темный цвет кожи служил прежде основанием свободного или рабского положения, то каждый свободный кубанец старался, если не побелеть, то, по крайней мере, оффициально числиться в классе белокожих. Благодаря снисходительности казны, количество таких ложно-белых не переставало увеличиваться между мулатами: во время путешествия Гумбольдта, это «оффициальное обеление» случалось редко, но с течением времени подобнаго рода перемены получили большое значение. Вольноотпущенные, желавшие вписаться в «кавказскую расу», должны были только перенести акт о своем крещении из приходской книги *pardos* в книгу белых, что обставлялось различными формальностями, стоившими от восьми до десяти золотых унций, т.е. от 680 до 850 франков[2], и с этого момента статистика зачисляла их под рубрику белых. Таким образом, элемент чистокровных европейцев на Кубе нельзя назвать преобладающим, если не считать городов, где недавно иммиграция испанцев была весьма значительна.

Когда кубанские плантаторы поняли, что рано или поздно их рабы будут освобождены, они начали ввозить в страну новых работников. В то время, как в английских и французских колониях землевладельцы стали вербовать в работники главным образом наемных индейцев, кубанцы обращались к торговцам Макао и Кантона и приобретали через них китайских «наемников», временных крепостных, которые нанимались для работы на определенное число лет. Но численность азиатского населения, живущего на острове в настоящее время, много уступает совокупности всех наемников, водворившихся здесь с половины столетия; так же, как прежде негры bozales, китайские кули, одни—украденные, другие—заманенные ложными обещаниями, никогда не были привозимы семьями; подрядчики, поставлявшие работников-мужчин, очень редко приводили женщин, и такие наемники, заранее отданные в жертву противоестественным порокам, почти все умирали, не оставив после себя потомства: немногие из них сходились с женщинами других рас. Во время переписи 1877 года на Кубе насчитывалось 43.811 китайцев, из которых почти все были холостяками, хотя и в полном расцвете лет: на остров их было вывезено сто двадцать тысяч, но более шестна-

1 Froude, „The English in the West-Indies“.

2 G. d'Hespel d'Harponville, „La Reine des Antilles“.

дцати тысяч, т.е. почти 12%, умерло в дороге. Юкатекская иммиграция доставила кубанским плантациям тоже несколько тысяч работников. Майя пашут землю рядом с китайцами, и, когда они одеты одинаково, то их легко смешать, как людей, принадлежащих к одной расе; но, вглядевшись внимательнее, скоро можно заметить, что юкатеки не так пропорционально сложены, как китайцы, что лицо у них более широкое и круглое, и что верхнее веко у них не так скошено.

Два испанских острова, Куба и Пуэрто-Рико, могут служить примером тех тропических стран, где окончательно совершилась акклиматизация белой расы. Правда, белые острова Кубы в огромном большинстве—испанского происхождения, т.е. в одно и то же время южного и с примесью мавританских элементов. Одна Куба имеет в десять раз больше испанцев, чем все великобританские колонии в Вест-Индии насчитывают англичан[1]. В начале самыми многочисленными колонистами были андалузцы и кастильянцы, затем пришли баски и каталонцы. Канариоты или исленьосы, которые не чистокровные испанцы, так как по матерям они представляют первобытный элемент гуанчей, тоже прибывали тысячами, тем более привлекаемые к большому американскому острову, что им тесно на своем маленьком архипелаге, и что им нечего бояться перемены климата: переселяясь с одного берега Атлантического океана на другой, они едва замечают разницу среды. В последние десятилетия *Gallegos*, или галисияне, родившиеся по большей части в высоких долинах страны, где зимой очень холодно, тоже доставили Кубе значительное количество её иммигрантов, и, по единогласному свидетельству резидентов, эти новые пришельцы очень легко здесь акклиматизировались: около половины всех работников на плантациях сахарного тростника и на сахарных заводах принадлежат к белой расе[2]. Все эти колонисты составляют класс земледельцев, так называемых *blancos de la tierra* или *Goajiros*; однако, в некоторых семействах этих белых земледельцев замечается примесь негритянской крови. Каталонцы и баски живут главным образом в городах, в качестве рабочих, служащих и торговцев:—это самые деятельные, энергичные и промышленные иммигранты, которым Куба обязана своим материальным прогрессом; они много способствовали сохранению колонии за Мадридским правительством, благодаря той заклятой неприязни, какую они питали по отношению местных уроженцев, их конкуррентов по торговле. Кроме того, на кубанских плантациях временно работают солдаты, которых отпускают на работы в страдную пору[3].

Между белыми неиспанского происхождения самые многочисленные—французские колонисты, прибывшие, однако, не прямо из Европы, а через Сан-Доминго: это—потомки беглых плантаторов, которые, спасшись от преследования, поселились в Баракоа, в Сант-Яго-де-Куба, в Гуантанамо и Сиенфуегосе. Многие из этих эмигрантов впоследствии, именно во время наполеоновских войн, были изгнаны, но большинство всё-таки осталось в этой стране, которую они усеяли своими плантациями; в некоторых округах их язык долгое время был преобладающим. Женщины Сант-Яго обязаны своею красотою, тонкостью черт и изяществом походки именно этому смешению французской крови с испанскою[4]: в Северной Африке, в Оране, смешение было не менее счастливо. Другие иностранцы, англичане, североамериканцы, немцы, расселились главным образом по торговым городам северного берега, в Гаванне, Матанзасе, Карденасе, и многие кубанцы, несмотря на свою природную живость, стараются подражать холодным, флегматичным манерам этих новых пришельцев.

Акклиматизация для европейцев более или менее трудна, соответственно разности между климатами их родины и острова Кубы. Желтая лихорадка, бич Антильских островов, поражает главным образом иностранцев, приехавших из северных стран. По словам историков острова, эта страшная болезнь имела менее острую форму в первые два века колонизации: даже по названию она смешивалась с «Сиамскою болезнью» и другими лихорадками более

1 Fronde, „The English in the West Indies“.
2 Stassano, „Bolletino della Societa Geografica Italiana“. Декабрь 1889 г.
3 „Report of the Consul of the United States“. Сентябрь 1889 г.
4 Esteban Pichardo, „Geografia de la isla de Cuba“.

или менее тифозного характера, и только в 1761 г. её впервые описывают как особую болезнь, с симптомами, которые она представляет ныне. Впрочем, белое население, единственное, среди которого эта ужасная болезнь свирепствовала в злополучные годы, было в то время малочисленное, и страна, покрытая почти на всём своем протяжении лесами, должна была иметь несколько иной климат. После желтой лихорадки, более всего жертв среди белых похищает диссентерия, а для негров и китайцев опаснее всего холера. Кроме того, эти последние подвержены одной специальной болезни, так называемой «сахарно-заводской», преимущественно рабочие, занимающиеся обработкой сиропа на заводах. Первые симптомы этой болезни выражаются в крайней слабости и в потере аппетита, и результатом недостаточного питания является обыкновенно смерть: эти внешние признаки болезни делают её очень похожею на свирепствующую на Инсулинде берибери[1]. Самая здоровая часть на острове Кубе, это—возвышенная зона Восточной провинции; внизу же, по низким, худо проветриваемым берегам бухт, глубоко врезывающихся в берег, тянутся самые нездоровые, лихорадочные местности, зачастую окутанные густым туманом, как бы «погребальным покровом саванн». Несмотря на свои мели, болота, затопленные земли, корнепусковые заросли по берегам, остров де-Пинос, или Сосновый, считается гораздо более здоровым, чем главный антильский остров, к которому он принадлежит: на нём никогда не бывало эпидемий, что обусловливается, без сомнения, пассатными ветрами, которые постоянно дуют здесь, унося с собою почвенные испарения; к тому же и население этого острова слишком ещё незначительно, чтобы деревни могли служить очагами заразы. Каждый год много кубанцев и североамериканцев проводят летний сезон на этом острове.

Вопреки «доктрине Монроэ» и часто провозглашаемому принципу «Америка американцам!», остров Куба продолжает ещё находиться во владении потомков его завоевателей, испанцев, хотя все бывшие испанские колонии на самом материке и даже одно островное владение сделались давно независимыми. Однако, Куба часто подвергалась набегам английских и французских пиратов, и ещё до сих пор существуют небольшие крепостцы, называемые на простонародном языке—основательно или нет—«Башнями Морских Разбойников». Два раза Гаванна была занимаема британскими войсками, но кубанцы всегда мужественно защищались против иностранцев, и лишь в начале этого столетия, после войны за американскую независимость, после французской и сан-домингской революций и вторжения в Испанию французских войск, среди кубанских креолов впервые обнаружились поползновения к восстанию против метрополии. Как и в Мексике, «полуостровитяне», пропорционально гораздо более многочисленные на Кубе, относились к креолам презрительно и устраняли их от всякого участия в управлении. Креолы мстили испанцам каррикатурами и пасквилями: они называли испанцев *Godos*, или «готы», синоним варваров, ещё погруженных в суеверия давних времен. Кастовая ненависть доходила до того, что распространялась даже на женщин: в то время, как женщины *godas*'ов носили густую шевелюру, кубанки ходили с короткими волосами, вследствие чего испанцы прозвали их *pelonas*, что значит «плешивыя». Шестьдесят лет спустя у креолок, принадлежащих к партии независимости, появилась другая мода: они стали носить распущенные волоса[2].

Несмотря на недовольство кубанских креолов, восстания всё-таки не произошло; даже более того: между белыми двух различных каст неожиданно состоялось примирение в 1812 г., когда дошло до сведения, что между неграми восточного округа начались бунты близ Холгуина и Байамо; плантаторы Пуерто-Принсипе, во главе своих верных рабов, пустились в погоню за беглыми неграми, настигали их в лесах и убивали: предводитель же их, Апонте, вместе с восемью товарищами, был приговорен к смертной казни через повешение. Рабство, т.е. вынужденное соучастие испанцев и креолов в преступлениях по торгу и эксплоатации негров, служило узами, связывавшими «всегда верный остров» с его метрополией. Но важные политические и социальные перемены постепенно нарушили равновесие Но-

1 Mahe, „Geographie medicale“;—H. Dumont, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“.

2 Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones en Cuba“.

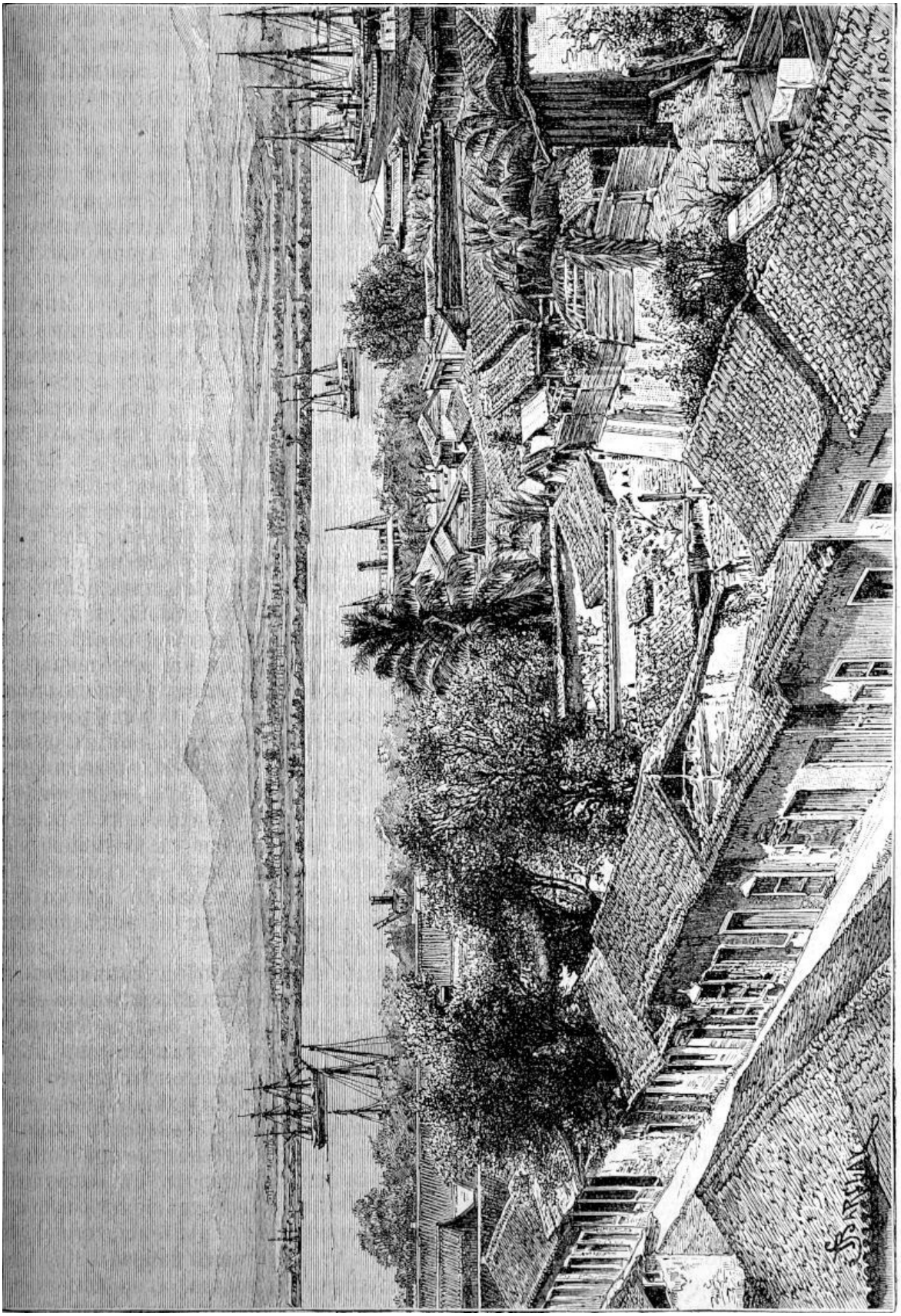
вого Света: в 1819 г. испанские владения во Флориде, лежащие вдоль Мексиканского залива, были уступлены Соединенным Штатом, а многие провинции материка, находящиеся в Центральной и Южной Америках, преобразовались в независимые республики, после кровавых стычек, в которых принимали участие многие кубанские волонтеры. Торг невольниками был воспрещен, затем было отменено рабство в английских колониях, а позднее и на французских островах, и однако положение дел на Кубе оставалась без перемен. Правительство метрополии даровало было островитянам право иметь своих представителей в Кортесах, но затем опять отняло его; в действительности кубанцы жили в осадном положении, и главный начальник был облечен такою же властью, как комендант осаждаемой крепости. Но этот полновластный диктатор был таковым лишь по виду; в действительности же он был простым орудием в руках тайной власти «испанского клуба», т.е. общества крупных рабовладельцев. Благодаря богатству своих членов, этот комитет мог без труда добиваться издания желательных ему законов и нарушать те, которые его стесняли, подкупал губернаторов, действовавших в его интересах, и вытеснял тех из них, которые относились к нему враждебно. Клуб этот, тем более грозный, что он был безответственный и безымянный, преследовал одну лишь цель—сохранение невольничества и негроторговли.

Оттого первое восстание, происшедшее в революционный период половины этого столетия, не было направлено к уничтожению рабства: напротив того, оно имело целью присоединить Кубу, эту одинокую «звезду» (*Lone Star*) к другим американским «звездам», и таким образом прибавить полмиллиона невольников и могущественную группу кубанских плантаторов к политическому царству Южных Штатов. Вашингтонское правительство, в котором тогда преобладала партия рабовладельцев, умышленно не обращало внимания или даже покровительствовало экспедициям, организовавшимся в его портах; однако, эти экспедиции были неудачны. Лопец и его «флибустьеры» не могли продержаться и двух дней в Карденасе, куда они высадились в 1851 г.; вторая попытка, сделанная в области Вуельта-де-Абахо, тоже не удалась, и Лопец с пятьюдесятью своими товарищами был растрелян. Тем не менее революция обратилась, так сказать, в постоянное явление, вследствие беспрестанных заговоров, замышляемых в Соединенных Штатах белыми и изгнанниками, и дипломатических затруднений, возбуждаемых правительством Соединенных Штатов: это последнее желало окончательно решить дело покупкою Кубы, и президент Буканан предложил Испании за остров миллиард, который однако был с негодованием отвергнут кастильянскими патриотами. Впрочем, вскоре после того разразилась опустошительная война, и Северо-Американская республика, под угрозой своего исчезновения, должна была бросить свои мечты о присоединении новых штатов.

Большое кубанское восстание вспыхнуло, наконец, в 1868 г. в Яра, в том же восточном округе, в котором и прежде зачастую происходили революционные движения. На этот раз возмущение белых дополнилось эмансипацией негров. Известно, что плантаторы начали отпускать на волю своих невольников, и мятеж стал быстро распространяться от поместья к поместью, находя уже наготове свои войска. Новая республика не раз охватывала более половины всего острова, от Сиерры-Маэстра до Пуерто-Принсипе, и, несмотря на большие стратегические преимущества, которые географическое положение Кубы обеспечивало испанцам, владевшим берегами, главными городами, большими торговыми складами и сетью западных железных дорог, инсургенты выдерживали кампанию в течение десяти лет, так что против них приходилось посылать армию за армией. Совокупность военных сил, выставленных Испаниею против *mambi*—народное прозвище инсургентов—превзошла 145.000 человек, из которых около ста тысяч погибло, как говорят, от болезней, изнурения и ран. На эту тягостную и бесславную войну Испания издержала целый миллиард, т.е. ту самую сумму, которую она отказалась принять от Северо-Американского правительства.

Однако, инсургенты, окруженные войсками и с трудом поддерживавшие опасные сношения с за-границей, которые велись через ряды неприятельских войск, год от году уменьшались в своей численности, изнуренные не только поражениями, но даже и своими победами.

Новая республика безуспешно взывала к другим республикам Нового Света о совместном союзе, и предводители её напрасно ждали поддержки от Соединенных Штатов. Подобно президенту Буканану, последние предлагали Испании свою подпись для нахождения выкупа за

Куба. Видъ города Сантъ-Яго.

независимость Кубы; но было уже слишком поздно, и в 1878 г., после десятилетней борьбы, остававшиеся инсургенты должны были сдаться; Впрочем, даже поражение это всё-таки окончилось их торжеством, и в начале 1880 г. негры и китайцы, входившие в состав армии

инсургентов, получили, наконец, полную свободу, и даже для тех округов, где вовсе не было восстания, правительство вынуждено было вотировать закон о постепенной эмансипации, без вознаграждения рабовладельцев. С этих пор Куба окончательно сделалась составной частью Испании и вышла из прежней унизительной административной зависимости. Интересы метрополии и колонии сделались более солидарными, благодаря путям сообщения, облегчившим их материальное сближение. В настоящее время Испании угрожает гораздо менее опасности потерять свой «перл», чем это было пятьдесят лет тому назад.

В 1895 г. на Кубе вспыхнуло новое восстание, подстрекаемое и поддерживаемое из Северной Америки, и приведшее к тому, что в 1897 г. острову была дана автономия (рядом с генерал-губернатором, назначаемым Испанией, собственное министерство и парламент из двух палат); но в следующем году Соединенные Штаты вмешались открыто и объявили Испании войну, якобы для освобождения острова от испанского ига, и хотя по парижскому мирному трактату 10 декабря 1898 г. Испания отказалась от обладания Кубой, так что последняя приобрела независимость, признанную и конгрессом С. Ш., однако, северо-американское правительство держит остров в военной оккупации, занимая его своими войсками и введя на нём военное управление.

Главный город Кубы, Габана или Гаванна, т.е. «Саванна», по объяснению Берналя Диаца, был не первым городом, основанным здесь испанцами, и даже занимает ныне уже не то место, на котором был первоначально построен. Прибыв из Эспаньолы, завоеватели должны были водвориться на восточной оконечности острова, где они и избрали для этой цели Баракоа, около мыса Маиси; затем, направляясь к западу, они нашли более удачно расположенный порт Сант-Яго-де-Куба, который потом заменили, в качестве столицы, внутренним городом Байамо, где климат гораздо здоровее. Гаванна, расположенная в западной части острова, на бухте Броа, к востоку от пляжа, на котором находится теперь местечко Батабано, была уже четвертою по порядку столицею Кубы; но доступ к ней был очень трудный, и почва болотистая. Резиденция была перенесена на северный берег: это произошло в 1519 г., всего семь лет после основания Баракоа. Первые дома были построены при устье живописной речки Чорреры, или «Оврага», называемой также Альмендарес, или «Миндальные деревья» на том месте, где теперь возвышается крепость «Морских Разбойников»; впоследствии возродившийся город был перенесен далее на восток, на полуостров, отделяющий море от бассейна Каренас, где Себастиан-де-Окампо, первый мореплаватель, объехавший вокруг острова, тимберовал свои суда, пользуясь при этом источником горной смолы; в настоящее время этого источника уже нет, если это только не тот фонтан, который находится довольно далеко от берега в Гуанабакоа[1]. Новая столица, называвшаяся сначала Сан-Кристобаль, приобрела с течением времени имя Габана, которое носила окрестная местность.

Много было сделано предварительных проб, прежде чем не остановились окончательно на Гаванне, как на будущей столице; выбор действительно оказался очень удачным. Гаванна занимает чрезвычайно благоприятное для торговли положение: уже местные преимущества очень велики, так как порт её обширен и отлично защищен, полуостров находится в прекрасных стратегических условиях, а окрестные плодородные поля доставляют в большом изобилии все необходимые жизненные припасы; но главное преимущество Гаванны заключается в её географическом положении относительно других жизненных пунктов земной поверхности. Находясь в середине Нового Света, в центре большого американского Средиземного моря, она стоит как раз у самого исхода Гольфстрема, а следовательно и у исходного пункта естественной дороги из Антильских островов в Западную Европу. В то же время она расположена в месте соединения нескольких навигационных линий, которые направляются к выходному пункту со всей окружности залива. Дельта Миссисипи, т.е. весь самый населенный бассейн Соединенных Штатов, открывается прямо против Гаванны; наконец, в силу замечательного контраста, этот испано-американский город, передовой страж латинского

1 Alex. de Humboldt, „Histoire politique de Cuba“.

континента, обращен фасом как раз на англо-американский материк. Из всего этого понятно, почему Гаванна присвоила себе название *Llave del Nuevo Mundo*, или «Ключ Нового Света», и почему она имеет в своем гербе ключ. Чтобы занять первое место среди коммерческих городов, ей недоставало только свободы, охраняющей её от произвола и фискальных требований отдаленного правительства. Но хотя развитие Гаванны и сильно затормозилось сначала набегами французских и английских корсаров, а потом политическим и административным режимом, но тем не менее это во всех отношениях первый город всех Антильских островов: Англия, соперничающая с Испанией своими антильскими владениями, не имеет ни на Ямайке, ни на Барбадосе ни одного города, который, хотя бы отчасти, мог сравниться с Гаванной.

Главный корпус города занимает полуостров, ориентированный с запада на восток и оканчивающийся мысом Морро, возвышающимся над самым входом в узкое место пролива, имеющего здесь всего 340 метров ширины. С другой стороны прохода возвышаются холмы Кабаньяс, сильно укрепленные форты, не уступающие крепости Принсипе, охраняющей город с западной стороны: кроме того, вокруг порта расположены ещё другие военные укрепления. За полуостровом, в юго-западном направлении, тянутся новые кварталы города, а на высотах громоздятся амфитеатром всё более и более разростающиеся предместья. Гаванская агломерация имеет более четверти миллиона жителей, т.е. около шестой части всего островного населения. С внешней стороны Гаванна не бросается в глаза ни красотою своих зданий, ни распланировкою их, но в общем этот город производит приятное впечатление веселым и оживленным видом своих набережных и улиц. Дома, в большинстве случаев низкие, окрашены в яркие цвета—желтый, розовый, зеленый и голубой; Гаванна напоминает испанцам Кадикс в их отчизне: площади засажены пальмами, кварталы отделены один от другого широкими бульварами с густыми деревьями. Как во всякой столице, в Гаванне имеются грандиозные и роскошные памятники, церкви, дворцы, университет и другие высшие учебные заведения. В Гаванском соборе хранятся останки Колумба, хотя те же самые останки великого мореплавателя составляют также гордость жителей Сан-Доминго, оспаривающих у гаванцев честь хранения реликвий. У каждого из этих городов имеются свои данные для подтверждения истины оффициальными документами; таким образом ничего более не остается, как признать, что Христофор Колумб похоронен сразу в двух городах, точно так же, как и родился он одновременно в нескольких местах[1]. *Теперь останки Колумба перевезены в Севилью.*

Гаванна—город нездоровый и часто опустошаемый эпидемиями: тем не менее тысячи больных приезжают сюда на зиму из Соединенных Штатов, несмотря на то, что город только недавно ещё перестал нуждаться в питьевой воде. Для водопровода воспользовались частью реки Альмендарес, которая протекает на западной стороне города и спускается прелестными каскадами к Пуентес-Грандес, чтобы, обогнув холм форта Принсипе, излиться в море по восхитительной долине, защищенной у её выхода красивою башнею. В настоящее время водопровод доставляет ключевую воду, которая была найдена значительно дальше, в Венто, верхнем притоке Альмендареса, и дает ежедневно 150.000 кубическ. метров воды; протекая под землею, вода наполняет бассейны, находящиеся на 35 метров выше самых высоких кварталов города. Что касается до нечистот, то они выбрасываются в море и способствуют засорению одной части порта, который вследствие этого обмелел в своих передних бухточках, так что суда не могут в них входить: винты пароходов достают дно и поднимают оттуда зловоние. Но как бы то ни было, этот порт всё-таки всегда останется одной из лучших гаваней в свете, так как поверхность его якорной стоянки обнимает несколько квадратных километров: одновременно в нём могут поместиться тысячи судов. Торговля, обороты которой простираются до двух сот миллионов франков, и которая обслуживается большею частию северо-американскими судами, состоит преимущественно в вывозе трех главных продуктов Кубы—сахара, табака и кофе; навигационное движение в порту определяется двумя тысяча-

1 Jimenez Marcos de la Espada, рукописные заметки.

ми судов, не считая тех гребных, парусных и паровых судов, которые беспрерывно совершают рейсы между берегами. По улицам города двигается более шести тысяч карет.

Движение навигации в Гаванне в 1888 г.: прибыло—1.058 судов, вместимостью в 1.266.104 тонны; вышло—1.121 суд., вместимостью 1.330.403 тон.; итого—2.178 суд., вместимостью в 2.596.507 тонн.

Три главных линии железных дорог забирают земледельческие продукты и развозят иностранные товары во все стороны западной и центральной части острова. Подводные кабели соединяют Гаванну через Кей-Вест с Соединенными Штатами и с Европой, а через Вера-Круц—с Мексикой и Центральной Америкой.

Несколько небольших портов, замечательных по аналогии своего образования, расположены по побережью к западу от Гаванны: это—Мариель, Кабаньяс, Бахиа-Хонда. Самые населенные города западной оконечности острова или области Вуельта де-Абахо находятся внутри земель: Гуанахай, окруженный кофейными плантациями, и Пинар-дель-Рио, центр табачных плантаций, производящих лучший в свете табак. Значительнейшая часть этого табаку вывозится на гаванские фабрики по железной дороге, но кроме того Пинар-дель-Рио имеет также на южном берегу два небольших порта—Колома и Кортес; из последнего порта Фернандо Кортес, в честь которого и назван этот город, отправился на завоевание Мексики. К северо-востоку от Пинар-дель-Рио, в живописной долине де-лос-Органос, бьют минеральные источники Сан-Диего, куда стекаются летом целые толпы больных.

Города обширного столичного округа, очень населенные в жаркое время года, группируются к югу и востоку от Гаванны, окруженные полями, среди которых раскиданы дачи. Самый большой из этих городов— Гуанабакоа, стоящий на холме, на юго-восток от Гаванны; отсюда открывается великолепный вид на рейд и столицу; у подошвы этого холма расположено торговое местечко Регла, которое соединяется с Гаванной постоянным движением парового парома. На юге, за красивым кварталом Эль-Серро, по которому проходит водопровод из Альмендареса, расположены города Сант-Яго, Бежукаль, Сан-Антонио. Земледельческим центром южных полей столичного округа является город лос-Гуинес, построенный при входе в долину, из которой вытекает рио-Маябек, изливающаяся в прибрежные болота. Прямо на юг от Гаванны лежит береговое местечко Батабано; его небольшой порт, или *surgidero*, может считаться дополнением столичной гавани, с которой его соединяет железная дорога, а между тем, к удивлению, городок этот не достиг сколько-нибудь важного торгового значения: еслибы воды этих морских пространств были достаточно глубоки, то нет сомнения, что торговля Гаванны с южными испано-американскими республиками направилась бы по этому пути, избавляющему от кружного плавания мимо мыса Сан-Антонио. Инженеры неоднократно предлагали прорыть судоходный канал между Гаванной и Батабано, но первые проекты имели в виду лишь узкий судоходный канал, со шлюзами, а современная торговля не могла бы удовлетвориться подобными работами. Судя по местному преданию, которое приводит Гумбольдт, соседние берега постепенно захватываются водами моря, и «дно опускается», как говорят моряки. Лежащий против Батабано остров Пинос начал заселяться только в последние годы XVIII столетия; в 1828 г. там была основана военная колония для защиты Гаванны с южной стороны.

Матанзас, второй город и коммерческий порт Кубы, занимает такое же местоположение, как и Гаванна, на берегах глубокой бухты северного берега: вход в порт также защищен крепостью. Этот город, название которого, «Бойня», заменяющее оффициальное Сан-Карлос-Альказар, напоминает об избиении индейцев, не принадлежит к числу древних городов Кубы. В XVI веке жители Гаванны имели там свиные заводы и маниоковые плантации[1], но самый город был построен только в 1693 г., на мысе Юкайо, у оконечности бухты, между двумя реками Юмури и Сан-Жуан. Матанзас далеко растянулся за пределы полуострова и образовал на левом берегу Юмури красивое местечко Версаль (Versalles), а на востоке, за Сан-Жуаном.—промышленные кварталы Пуебло-Нуево, в которых находятся пакгаузы и

1 Bernal Diaz, цитированное сочинение.

главная станция. На большой площади Матанзаса, в 1844 г., был расстрелян поэт Пласидо, обвиненный в возмущении негров. С северной стороны над городом господствует горный хребет Кумбре, с которого взорам открывается величественная панорама города и порта.

Область, лежащая к югу и к востоку от Матанзаса,по направлению к Карденасу, считается самой плодородной на Кубе: здесь находятся самые большие сахарные и рафинадные заводы; оттого этот город сделался независимым в торговом отношении от Гаванны и ведет прямую торговлю с целым светом и главным образом с Соединенными Штатами; из всех кубанских городов Матанзас отличается наиболее предприимчивым населением, подражающим примеру северо-американцев. К несчастью, самый порт большею частью обмелел от наносов, и суда глубокой осадки принуждены бросать якорь на рейде, в открытом море. Около Матанзаса, как в Гаванне и в других пунктах берега, находятся великолепные купанья, для которых утилизировали гроты, открывающиеся у подошвы береговых утесов: своды скал защищают купальщиков от солнца, а проволочные решетки, поставленные при входе, задерживают акул, не останавливая и не разбивая пенящихся волн, которые с шумом катятся под глубокими галлереями.

На восток от Матанзаса лежит новый город Карденас, основанный всего в 1828 г.; несмотря на свою молодость, этот город быстро разросся и, подобно Матанзасу, вошел в прямые сношения с иностранными портами по экспорту сахара и патоки. Он расположен на берегу обширной бухты, защищенной с северо-западной стороны длинным полуостровом Пунта-Икакос; одно время существовал проект перерезать этот полуостров у его основания и таким образом сократить на пятьдесят километров дорогу в Матанзас, избегнув опасного плавания через цепь рифов. Подобно своему соседу, Карденас тоже соединен с сетью кубанских железных дорог, а правильно организованное судоходство связывает его со всеми прибрежными городами. Внутри острова самым оживленным по сахарной промышленности рынком считается город Колон, известный прежде под названием Нуева-Бермеха.

За этими округами кончается, так сказать, жизнь северного берега Кубы: остров как бы меняет свой фасад, и центр притяжения торговли переносится на южный берег. Правда эта область, в течение трех веков оставалась почти необитаемой. Сиенфуегос, названный так в честь одного кубанского губернатора, город новый, хотя чудесный порт его был посещен Колумбом, а затем, в 1508 г., вполне обследован Окампо. Так как первоначальная численность испанцев была слишком незначительна для правильного заселения всего острова, то они и не могли основать колонии на берегах этой гавани, называемой Жагуа, которая, по словам Херреры, «не имеет себе подобной в целом свете»; вследствие этого, пираты, контрабандисты и английские корсары вполне безбоязненно могли располагаться здесь для починки своих судов или для подготовления экспедиций. Город основался только в 1819 году, по инициативе луизианского плантатора Луи Клуэ, который явился сюда в сопровождении колонистов из Беарна, Гаскони и из страны басков и выходцев с о. Сан-Доминго, что составило в общем около сорока семейств. Порт Сиенфуегос не самый обширный на Кубе, хотя он занимает поверхность в 65 квадратных километров, но он считается лучшим из всех тамошних портов, и торговля его прогрессирует очень быстро. В настоящее время через него ведется значительнейшая часть торговли всего округа Синко-Вильяс, т.е. «Пяти городов», хотя теперь это уже не «Пять», а «Шесть» городов с того времени, как основан Сиенфуегос. Этот последний город, сделавшийся вторым портом на острове, далеко оставил за собою Тринидад, который имеет не менее трех портов и превосходный рейд на южном берегу. Лежащая между двумя городами равнина Маникарагуа производит отличный табак, который почти не уступает лучшим сортам области Вуельта-де-Абахо.

Тринидад, один из старейших между «Пятью» или «Шестью» городами, основан был уже в первые времена завоевания, вместе с Санто-Спириту (Санти-Спириту), лежащим внутри острова, и Ремедиосом (Сан-Жуан-де-лос-Ремедиос),называемым в общежитии *Cayo*, так как первые поселения, переведенные впоследствии на самый остров Кубу, были построены на островке у северного побережья. Набеги французских и английских пиратов, а главным

образом вторжение грозного Олоннэ принудили туземцев бежать дальше внутрь острова и основать (в 1690 г.) другой город, Санта-Клара, называемый обыкновенно Вилла-Клара: губернатор приказал сжечь соломенные хижины жителей, которые отказывались покинуть родное место[1]. Наконец, пятый город, Сагуа-ла-Гранде, названный так по обилию распространенного здесь растения этого наименования, вырос в двадцати километрах от моря, на одноименной с ним реке, заместив постепенно прежнюю группу хижин, расположенную в голове речного судоходства. Находящиеся по соседству с городом нефтяные источники снабжают Сагуа-ла-Гранде необходимым для освещения улиц газом. В округе Синко-Вильяс находятся золотоносные пески, успешно эксплоатировавшиеся завоевателями: в настоящее время эти прииски очень обеднели.

Узкая часть Кубы, называемая Морон, где соединяются две половины острова, разделяет провинции Санта-Клара и Пуерто-Принсипе. Столицей этой последней и главным городом центральной области Кубы служит древний Камагуей индейцев, город *criollissima*, т.е. «по преимуществу креольский», и жители любят называть себя камагуейяносами: это самые красивые, сильные и независимые из всех кубанских креолов; во время большого восстания сотни их воевали в рядах инсургентов. Пуерто-Принсипе—самый населенный из внутренних городов, ибо, судя по его названию «порт», можно подумать, что он построен у морской гавани или в горном ущелье; совсем напротив: этот город широко раскинулся среди сплошной равнины. Его морскою гаванью, которая лежит на северном берегу, служит обширный бассейн Нуевитас, открытый Колумбом в 1492 г.; этот мореплаватель и дал ему название Пуерто-Принсипе, перенесенное впоследствии на внутренний город. Порт Нуевитас, отлично защищенный мысами острова и кайосом Сабиналь, занимает площадь в 148 квадр. километров, но он усеян рифами, и устье его, узкое и извилистое, открыто всей силе пассатных ветров. Далее к востоку лежит Пуерто-Падре, откуда вывозится горная смола.

В речном бассейне Кауто главным городом, основанным уже в первые времена завоевания, является Байамо, расположенный на южном притоке: около этого города, к юго-западу от него, находится Яра, где в 1868 г. вспыхнуло революционное восстание; в следующем году, когда испанские войска вошли в город, жители сами подожгли свои дома. Все города этой области, Холгуин, лас-Тунас, или «Индейские Смоковницы», Гуаймаро, неоднократно подвергались осадам и штурмам; в последнем из них, в 1868 г., была провозглашена федеральная республика и эмансипация рабов. Во время войны почти все местные плантации были уничтожены, а сама страна—обезлюдена; таким образом обе половины острова, восточная и западная, отделились одна от другой пустынною *manigua*. В настоящее время города отстраиваются, а поля распахиваются за-ново; порт Манзанильо, лежащий к югу от устьев Кауто, ведет обширную торговлю табаком, сахаром, воском, медом и другими земледельческими продуктами.

Столица восточного департамента Кубы, самый многолюдный город и самый деятельный порт этой провинции—Сант-Яго-де-Куба, который обыкновенно называют просто Куба, как и весь остров. Он расположен на берегу одной из тех прекрасных гаваней, которые открываются в цепи рифов, окаймляющих Кубу, и сообщаются с морем лишь узким проливом. Гавань Сант-Яго имеет в самом узком месте входного канала всего лишь 160 метров ширины, но внутри твердой земли она расстилается в виде великолепного бассейна, изрезанного бухточками, где могли бы поместиться все корабли острова. Город, защищенный, подобно Гаванне, *morro* и передовыми фортами, ютится на северо-восточной оконечности бассейна, в кругообразной котловине, и поднимается уступами по склону гор. Его низкие дома, раскрашенные в разнообразные цвета, его бульвары, сады и великолепный горизонт окружающих гор, делают Кубу одним из красивейших городов на прекрасных Антильских островах; но страшная жара, скопляющаяся в почти неподвижном воздухе глубокой котловины, и происходящая от этого нездоровость климата отклонили от этого города торговлю: Сант-Яго теперь уже занимает третье место между портами Кубы. Кроме того, стена Сиерры-Маэстра, возвы-

1 Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones en Cuba“.

шающаяся между Сант-Яго и остальной частью острова, как бы отрезала этот город, сделав сообщения с ним слишком трудными: город не соединен ещё с главною сетью железных дорог и пользуется только небольшими специальными ветвями, из которых одна соединяет небольшую гавань Юлиан, на противоположном берегу рейда, с городом Кобре, местом паломничества и центром медно-рудных промыслов в Сиерре-Маэстра. В этой же горной области находится Каней—«Могила» на языке аборигенов,—бывшая индейская деревня, вокруг которой богатые негоцианты построили свои дачи. Железные рудники Хурагуа, деятельно разрабатываемые, принадлежат северо-американским промышленникам Пенсильвании. Самые богатые из них, на которых работают до 1.200 рабочих, находятся в 27 километрах к востоку от Сант-Яго и соединены с этим городом посредством железной дороги. В 1888 г. из Сант-Яго было вывезено железной руды 230.010 тонн.

Куба служит телеграфным центром, откуда расходятся подводные кабели, в западный департамент и Мексику, на Ямайку и в Южную Америку, на Гаити, Порто-Рико и Малые Антильские острова. С восточной стороны, на полпути от мыса Маиси, открывается другой порт, ещё более обширный, чем Куба, но остающийся почти бесполезным в торговом отношении: это—бассейн Гуантанамо, который наносы некоторых рек всё более и более суживают; гребные суда могут ещё ходить вверх по одной из этих рек до местечек Сальтадеро и Санта-Каталина.

Баракоа, ближайший к восточной оконечности Кубы город, был первой испанской колонией, и в нём сохранились ещё развалины дома Диего-Веласкеца; это тот самый Пуерто-Санто, который принимал у себя экспедицию Колумба. Однако, новый город не достиг цветущего состояния: он занимает положение, слишком удаленное от центра острова и отличается очень сырым климатом, повидимому, одним из самых нездоровых на всей Кубе; кроме того, порт его расположен очень невыгодно, потому что его узкий вход вполне открыт пассатным ветрам, так что парусные суда там как бы блокированы и могут выйти из этого положения только с помощью ветра, дующего с материка[1]. В начале этого столетия Баракоа заселился беглыми французами из Сан-Доминго; они окружили город садами и кофейными плантациями, но вторжение Наполеона в Испанию возбудило население против этих французских колонистов, и они были вскоре изгнаны, а Баракоа снова сделался почти пустынным. В настоящее время он ведет довольно большую торговлю бананами, кокосовыми орехами и другими тропическими продуктами с Соединенными Штатами, при чём перевозка производится главным образом на норвежских судах. Баракоа соединен с Сант-Яго живописнейшею во всей Кубе дорогою, которая проложена через бреши неровных гор де-лас-Кучильяс, образующих семь отдельных хребтов.

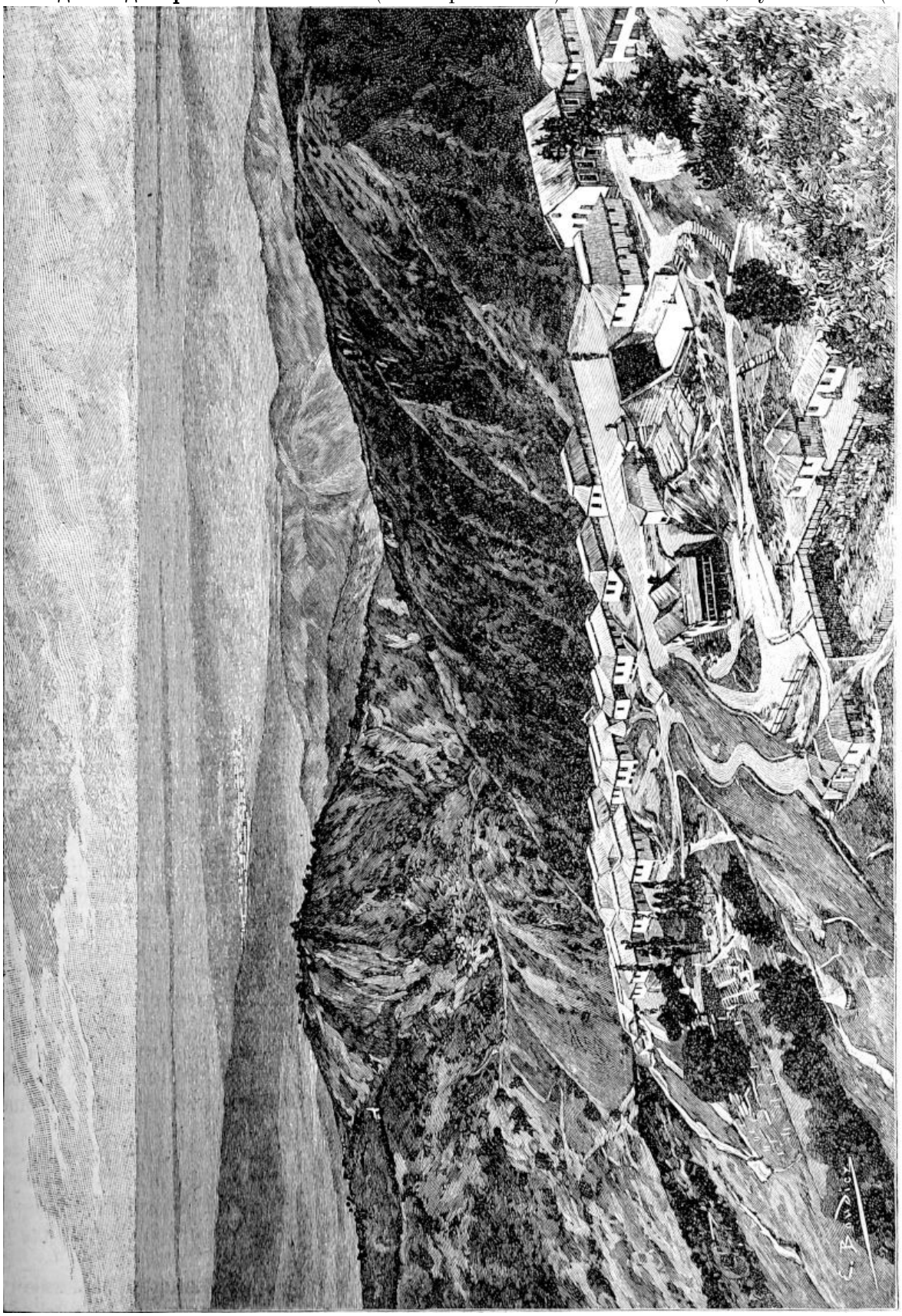
Несмотря на революции, войны и эпидемии, население острова Кубы быстро увеличивается: количество его жителей по крайней мере ушестерилось с конца последнего столетия. Вынужденная иммиграция белых наемников, африканских негров, китайцев и юкатеков давно уже прекратилась, так что увеличение кубанского населения нужно приписать с одной стороны свободной иммиграции, которую поощряет само правительство уступкою земель, а с другой—что ещё важнее—преобладанием рождаемости над смертностью. Реестры гражданского сословия и демографические ведомости ещё не настолько обстоятельны, чтобы можно было представить в этом отношении точные данные для всего острова, но результаты, достигнутые последовательными переписями, позволяют установить тот факт, что прирост семей совершается с известной правильностью в пользу испанской расы, и что африканский элемент постепенно исчезает вследствие смешений. Более ста тысяч кубанских жителей родились в Испании или за границей. Ежегодный прирост кубанского населения в мирное время можно считать в пятнадцать или двадцать тысяч человек, так что период удвоения будет около полувека.

Население Кубы в 1895 г.: 2.018.000; в 1899 г.: 2.318.000 жит.

1 Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочинение.

Главные города Кубы, с их населением, включая городской округ или дистрикт, в 1877 г.:

Западный департамент: Гаванна (Сан-Кристобаль)—198.720 жит.; Гуанабакоа (Гаванский городской округ)—29.790; Регла (Гаванск. округ)—11.280; Матанзас (Сан-Карлос)—87.760; Пинар-дель-Рио—21.770; Колон (Нуева-Бермеха)—20.400; Карденас—17.550; Гуинес—14.720 жит.

Пейзажъ на Ямайкѣ.

Центральный департамент: Пуерто-Принсипе—46.640 жителей; Сиенфуегос—65.070; Санкти-Спириту—32.600: Тринидад—27.640; Санта-Клара (Вилла-Клара)—22.780; Ремедиос (Сан-Жуан или Кайо)—13.930; Сагуа-ла-Гранде—13.600 жит.

Восточный департамент: Сант-Яго-де-Куба (Куба)—71.300 жителей: Холгуин—34.760; Манзанильо—23.200; Гуантанамо—17.200; Байамо—13.400; Баракоа—12.480; Каней—10.480 жит.

Население Кубы, по переписи или исчислению, в различные времена: в 1774 году—171.620 жителей; в 1811 г.—600.000; в 1841 г.—1.007.000; в 1862 г., до восстания—1.359.238; в 1877 г., после восстания—1.405.268; в 1887 г.—1.631.687 жит.

Во время режима абсолютной монополии остров Куба, сделавшийся впоследствии таким богатым, находился в крайне бедственном положении, так что его города, укрепления, порты и дороги приходилось сооружать на деньги Мексики. Первый толчек на путь прогресса был дан колонии одним случаем, который с внешней стороны можно было назвать несчастием. В 1805 г., английский флот оказал Кубе услугу, отделив её от метрополии и освободив таким образом от испанской монополии и от произвола казны. Остров сделался открытым для общей торговли, и порт Гаванна, куда до того в среднем заходило в год от десяти до двенадцати судов, принадлежавших привилегированной Севильской компании, сразу оживился, так что в течение десяти месяцев там перебывало более тысячи судов[1]; культура и торговля развились точно каким чудом. Правда, испанское правительство, снова сделавшись хозяином Кубы, восстановило прежний режим, но в 1818 г. торговля была объявлена, наконец, свободной, и, вместо того, чтобы жить на счет подачек Мексики, остров Куба вскоре получил возможность доставлять испанской казне доходы и с своей стороны. В нормальные годы Испания, живущая паразитом на счет своей колонии, получала с Кубы до 150 миллионов франков[2].

Вспаханные поля и луга, пригодные для скотоводства, занимают на Кубе немного более четверти всего островного пространства, и всё земледельческое богатство Кубы определяется в пять миллиардов. Главную культуру этого острова составляет сахарный тростник: в годовом производстве этого продукта, считающагося, по местной поговорке, «королем страны», на долю Кубы приходится почти четвертая часть количества, производимого на всём земном шаре. В этой отрасли промышленности Куба занимает первое место, хотя многие другие тропические страны владеют ещё более обширными пространствами земли, благоприятной для этой культуры: Ява, например, занимает уже второе место. С включением свеклович. сахара, итог всей сахарной промышленности в 1887 г. составлял 5.187.000 тонн, стоимостью в 2 миллиарда. Ежегодная ценность сахара, доставляемого кубанскими заводами, достигает в среднем 250 миллионов франков, не включая в эту сумму ром и патоку; но эти доходы сосредоточиваются в руках незначительного числа лиц, так как сахарные плантации, занимающие здесь 3.400 квадратных километров, представляют нераздробленные, обширные владения, и многие из них, в особенности в округах Матанзас, Карденас, Синко-Виллас и Гуантанамо, производят ежегодно до 5.000 тонн сахара; фабрики на этих плантациях пользуются самыми лучшими машинами, изготовленными на европейских и северо-американских заводах: на Кубе, именно на её полях, а не в городах, можно видеть самые грандиозные произведения новейшей промышленности. Около половины всех рабочих на сахарных заводах состоит из белых. *Производство сахара на Кубе в 1894—95 гг. простиралось до 1.004.264 тонн, но затем постепенно уменьшалось, и в 1898—99 гг. упало до 25.098 тонн.*

Во время открытия Нового Света Колумбовы посланцы заметили, что кубанские индейцы имели обыкновение держать в одной руке зажженную головешку, а в другой—свернутые сухие листья, и что время от времени они их зажигали, подносили ко рту и вдыхали дым через рот и нос. Эти листья были листьями табака, которые с тех пор получили такую широкую известность во всех остальных четырех частях света; но всё-таки первенство в этом от-

1 Jerolim von Benko, „Reise des Schifles Zrinyi“.

2 Mayer y Roz, „Cuba y sus partidos politicos“.

ношении осталось за Кубою. Хотя культура табака на острове и не достигла того значения, как сахарное производство, но по качеству своему табак из Вуельты-де-Абахо считается лучшим во всём свете. Что касается до валового количества годового сбора, то Кубу опередили в этом отношении не только Соединенные Штаты и Инсулинд, но даже и большинство других производительных стран, например, Франция, а в испанской колонии дальнего Востока Манилья сделалась опасной соперницей Гаванны.

Табачных плантаций на Кубе в 1895 г.: 9.487; в 1899 г.: 1.250.

Значительнейшая часть табака с других Антильских островов отправляется для обработки на кубанские фабрики[1].

Кофе, по своей ценности, занимает в островной промышленности третье место; некогда ему принадлежало первое место, именно в то время, когда на Кубе поселились бежавшие с Сан-Доминго французские плантаторы. Благодаря этой культуре, кубанские поля в то время имели совсем иной вид, чем теперь: так как кофейное дерево любит тень, то такия плантации представляли собою тенистые сады и преимущественно фруктовые. Эти прекрасные сады пересекались аллеями, над которыми свешивались ветви деревьев, отягченные цветами и плодами. Но развитие сахарного производства повело за собой уничтожение этих роскошных садов с их чудными фруктовыми деревьями, на месте которых выросли заводы с паровыми машинами. Страна приняла фабричный вид, сильно обезобразивший её внешность. Эта-то вульгаризация земель послужила одной из причин, которые увеличили эмиграционное движение крупных землевладельцев; почти все они переселились в кубанские города и за границу, оставив свои обширные имения на попечении управляющих[2]. Кроме сахару и табаку, остров производит также хлопчатник, хлеб, маниок и фрукты, но всё это в очень незначительном количестве сравнительно с потребностями населения: большой Антильский остров не в состоянии продовольствовать своих собственных жителей. Разделенная на обширные поместья, в которых весь труд направлен на пользу экспортной торговли, Куба должна покупать на стороне рис, хлеб, муку, мясо, свиное сало и другие предметы продовольствия. Хотя невольничество отменено на Кубе, но экономический строй, соответствующий этому институту, не переставал преобладать на острове.

Домашния животные, завезенные на остров ещё в первые времена оккупации, нашли там благоприятные для себя условия; но, не переставая размножаться на Кубе, они всё-таки более или менее видоизменились. Кубанские лошади, принадлежащие к андалузской породе, потеряли в росте и в ширине груди, зато выиграли в выносливости, в силе и в долговечности. До большого восстания 1868 года их было такое множество на всём острове, и главным образом в центральных и восточных областях, что никто не ходил пешком: все инсургенты, и белые, и негры, были кавалеристами, и это позволяло им иногда делать в день по 80 километров и укрываться от преследования; они неожиданно появлялись в совершенно противуположных пунктах и тем обманывали неприятеля относительно своей настоящей численности; а так как военная рутина запрещала испанским пехотинцам обращаться в кавалеристов, хотя бы для преследования своих неуловимых противников[3], то восстание только благодаря лошади и могло так долго продержаться при таких значительных военных силах, какими владели испанцы, и на таком узком острове, который легко можно было блокировать с обоих берегов. В настоящее время количество верховых животных сильно уменьшилось сравнительно с населением, и нигде уже нельзя встретить диких лошадей, как прежде на кайо Сомано, в саваннах Нипе и в других отдаленных областях. Ослов очень мало, и их держат на больших плантациях только для племени, так как от помеси их с мулами получается очень выносливая порода, успешно применяемая для перевозки тяжести в горах. Верблюд, привезенный на Кубу с Канарских островов, не мог здесь акклиматизироваться, вследствие укусов блохи нигвы (pulex penetrans), которая вонзается прямо в ноги животно-

1 Jerolim von Benko, цитированное сочинение.

2 Dana, „Tour du Monde“, 1860.

3 Miguel Rodriguez-Ferrer, цитированное сочинение.

го. В некоторых частях острова, главным образом в округе Баракоа, где Кортес разводил скот, в качестве вьючных и ездовых животных употребляют волов, как это делают в Южной Африке. Козы и овцы хуже привились на Кубе, чем свиньи и крупный скот: коза утратила свою живость, а овца, вследствие плохого ухода, заменила свое пушистое шелковистое руно грубым шерстистым покровом. Главные неудобства кубанского землевладения состояли ещё недавно в невозможности размежевки, так как земли жаловались круглыми участками, промежутки между которыми оставались без законных владельцев; вследствие этого, происходили постоянные захваты соседних владений. Это странное подразделение земли на круглые *hatos* произошло оттого, что первые концессии были даны для разведения скота, который днем рассеивается во все стороны, а вечером снова стекается к центру. Во избежание нескончаемых тяжб, зачастую приходилось прямо отказываться от всяких расследований относительно прав того или другого лица на захваченную землю. Тем не менее, кое-где ещё сохранились прежния разграничения, к выгоде законников: уже давно на Кубе не соблюдается более указ Фердинанда, запрещающий посылать в «Индию» каких бы то ни было законоведов, из боязни, чтобы в Новом Свете не расплодились тяжбы, порождающие распри и раздоры[1].

Как страна крупного землевладения и крупного производства, Куба почти вовсе не имеет мануфактурной промышленности, так что почти все мануфактурные произведения привозятся из-за границы. Но эта бедность в заводах,—за исключением сахарных и табачных фабрик,—равно как и нужды народного продовольствия вызывают весьма оживленную торговлю островитян с земледельческими и промышленными странами; розничная же торговля целиком сосредоточилась в руках каталонцев: слова «бакалейщик» и «католонец» сделались на Кубе синонимами[2]. Меновая торговля с заграницей,—исчисляемая в среднем в 400 миллионов франков,—составляет почти 250 франков на каждого жителя; впрочем, она подвергалась сильным колебаниям, вследствие частых перемен тарифа. В распоряжении торгового движения находятся тысячи судов, поддерживающих правильное сообщение с главными портами американского Средиземного моря и Атлантического океана, но преимущественно с Соединенными Штатами.

Торговля Кубы с Соединенными Штатами, по северо-американским статистическим данным, за годы, оканчивающиеся 30-го июня: вывоз с Кубы в Соединенные Штаты в 1895 г.—52.871.259, в 1899 г.—25.411.410 доллар.; ввоз на Кубу из Соединенных Штатов в 1895 г.—12.807.661, в 1899 г.—18.615.707 д. Общий вывоз Кубы со 100 мил. в 95 г. сократился до 20 мил. дол. в 99 г.

В торговом движении Кубы Испания занимает второе место, хотя острову было бы выгоднее делать свои закупки в более близких странах: Испания, так сказать, принуждает дифференциальными пошлинами закупать необходимые для колонии товары в портах Полуострова; через эти порты идет даже мука, которую закупают в Северной Америке и перепродают на Кубе: для многих предметов торговли, Испания не имеет других клиентов, кроме кубанцев, которых она вынуждает обращаться к ней. Каботажная торговля производится по всей окружности острова, занимая для этой цели несколько тысяч небольших судов, вмещающих не более 50 тонн груза; что касается таких пароходов, которые сами имеют весу около трети всей вместимости, то это—огромные суда, употребляемые почти исключительно для заграничной торговли.

Коммерческий флот Кубы в 1886 году: 7.218 парусных судов, вместимостью в 77.564 тонны; 76 пароходов, вместимостью в 31.639 тонн; итого 7.295 судов, вместимостью в 109.203 тонны.

Постройка железных дорог на Кубе началась с 1837 г.; главною её целью было соединить Гаванну с производительными местностями её окрестностей, и сеть, очень неправильная, покрыла только западную часть острова; в восточной же части попадаются только кое-какие

1 Montaigne, „Essais“. Книга III. Глава XIII.

2 Hippolyte Pirou, „L'ile de Cuba“.

отрывочные ветви будущих больших линий. Разразившееся восстание остановило дальнейшую постройку железных дорог на целые десять лет, и «центральная дорога», которая в недалеком, вероятно, будущем, разрежет весь остров в длину, от мыса Сан-Антонио до мыса Маиси, находится ещё пока в состоянии проекта. Что касается до телеграфных линий, то они покрывают своими проволоками весь остров и посредством подводных кабелей соединяются с общей телеграфной сетью всего света.

Длина железных дорог на Кубе в 1896 г.: 1.731 километр; длина телеграфных линий в 1894 г.—3.711 километров (5.555 километр. проводов).

Представителем власти метрополии на Кубе является генерал-губернатор, имеющий резиденцию в Гаванне и командующий сухопутными и морскими военными силами острова; ему подчинены шесть гражданских губернаторов остальных провинций Кубы. По избирательному закону, избиратели большого Антильского острова, пользующиеся свободой по крайней мере десять лет и платящие ежегодный ценз в 125 франков, посылают в Сенат метрополии шестнадцать выборных,—трех от Гаванны, двух от каждой из провинций: Матанзас, Пинар-дель-Рио, Пуерто-Принсипе, Санта-Клара и Сант-Яго-де-Куба, одного от гаванского университета и специальных высших училищ и, наконец, совместно с Порто-Рико, одного от различных «экономических обществ». Народные представители назначаются в количестве одного депутата на 40.000 жителей. Каждая провинция имеет также свои собрания выборных, а муниципалитеты управляются советниками, количество которых зависит от численности населения общины. Школьное образование обязательно для всех детей от шести до девяти лет. Войско, заключающее в себе также батальон негров, состоит в мирное время из 19.000 человек, содержащихся на бюджет Кубы. Колония имеет также свой собственный флот. Кубанский бюджет, независимый от метропольного, главным образом пополняется таможенными пошлинами на иностранные ввозные товары, и пятая часть всех расходов идет на уплату процентов по долгу, который достигает почти одного миллиарда.

Исчисленные по росписи на 1898—1899 год доходы и расходы балансируются в сумме около 26 миллионов песо.

Куба разделена оффициально на шесть провинций, подразделенных, в свою очередь (1884), на 36 *partidos*, или судебных округов, и на 134 *ayuntamientos*, или муниципалитетов, которые называются также *terminos municipales*. Один и тот же город может быть главным городом нескольких судебных округов: так, столица, Гаванна, заключает в себе восемь таких партидосов. Следующая таблица дает список областей и округов, с числом их муниципалитетов:

	Провинции	Поверхн. в квадр. километр.	Население	Килом. население	Судебные округа
Запад	Пинар-дель-Рио	14.967	182.204	12,2	Пинар-дель-Рио, Сан-Кристобаль, Гуанахай (25 муниципий)
	Гаванна	8.610	435.896	50,6	Гаванна, Гуанабакоя, Жаруко, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Бежукал, Гуинес (36 муниципий)
	Матанзас	8.486	283.121	33,4	Матанзас, Карденас, Альфонсо XII, Колон (24 муниципии)
	Санта-Клара	23.083	321.397	13,9	Санта-Клара, Сагуа-ла-Гранде, Ремедиос, Сиенфуегос, Тринидад, Санто-Спириту (29 муниципий)
Центр	Пуерто-Принсипе	32.341	69.245	2,1	Пуерто-Принсипе, Санто-Спириту-Эсте (5 муниципий)
Восток	Сант-Яго-де-Куба	35.119	229.821	6,5	Сант-Яго-де-Куба, Манзанильо, Байамо, Холгуин, Баракоа (15 муниципий)

Глава VIII Ямайка (Jamaica)

Ямайка, принадлежащая к Большим Антильским островам, по своему пространству занимает третье место, но много уступает в этом отношении Кубе и Сан-Доминго. В отношении населенности разница между этими островами меньше, так как километрическая плотность на Ямайке—значительнее. Ямайка сама по себе составляет около трети всей поверхности английских Антильских островов и вмещает в себе почти половину всех британских подданных, живущих в Вест-Индии.

Поверхность и население Ямайки в 1898 г.: 10.860 кв. килом.; 727.636 жителей; 66,2 жит. на кв. километр.

С первого взгляда имя Ямайка кажется словом европейского происхождения: «остров Хайме (Жайме) или Джемса»—таков смысл, который можно на первый взгляд придать ему, приписывая это наименование лести. На самом деле это слово—индейского происхождения: Хаймака на языке исчезнувших аборигенов означает «Остров Источников» или «Потоков». Когда Колумб открыл этот остров в 1494 г., во время своего второго путешествия, он назвал его Сант-Яго; но это название вскоре было забыто. Испанцы поселились на Ямайке в начале следующего века, в 1509 г., и основали там несколько постов, вокруг которых сгруппировались туземцы, покоренные без всякого кровопролития. Но первому губернатору, Эскивелю, человеку мягкому и доброму, наследовали люди жестокие, так что историческая роль этих завоевателей ограничилась почти исключительно истреблением туземцев: в 1655 году, полтора века спустя после оккупации, когда флот, посланный Кромвелем против Сан-Доминго, но отраженный от этого острова, вознаградил себя за неудачу захватом Ямайки, на последней оказалось всех жителей, как свободных, так и рабов, только 3.000; из них полторы тысячи было испанцев, которые большею частью ушли на остров Кубу. Завоеванная англичанами земля была заселена в следующем году всяким сбродом, взятым с Антильских островов и с берегов Шотландии и Ирландии. Благодаря дарованным привилегиям, среди явившихся эмигрантов было много европейских купцов. Ямайка сделалась центром морских грабежей и невольничьего торга: это в Порт-Рояле Морган снаряжал свои экспедиции, и этот же город был главным рынком, откуда рабы, вывезенные из Африки, распределялись на других Антильских островах и на материке.

В целом Ямайка представляет возвышенную землю, средняя высота которой значительно больше высоты Кубы. На английском острове почти совсем нет прибрежных болот, окаймленных корнепусками, и внешних берегов из сплошного ряда рифов, которых так много на Кубе: берег почти всюду крутой, и на всей окружности острова, длиной почти в 800 километров, береговые утесы занимают значительные пространства. Так же, как и на Кубе, самые высокие возвышенности находятся здесь в восточной части острова; они носят название «Голубых Гор» (*Blue Mountains*). Действительно, с судов, плавающих по близости берегов, эти горы, возвышающиеся почти на равном расстоянии от обоих берегов, кажутся, вследствие отдаленности, всегда лазуревыми, но довольно близкими, однако, чтобы можно было различать зеленые долины, оттенки которых меняются от разнообразия их культур и растительных зон. Самая высокая вершина этой горной цепи, с очень неровными зубцами, Кольдридж или «Холодный гребень», достигает 2.262 метра, по измерениям Галля[1]: на вершину ведет недавно проложенная дорога, которая живописно извивается узкою лентою. Но общее протяжение Голубых Гор не превышает шестидесяти километров: к западу от пика Екатерины (*Catherinehill*), высотою в 1.362 метра, горная ось прерывается брешью; а неправильные выступы, возвышающиеся там и сям в виде отдельных хребтов, массивов или плоскогорий, только на некоторых изолированных пунктах достигают более километра высоты. В общем они представляют настоящий лабиринт, устроенный работою рек, которые прорыли в них небольшие бреши и долины, то в виде широких бассейнов, то в виде узких проходов: некоторые из этих отдаленных от гористой области амфитеатров называются англичанами *cock-*

1 „Proceedings of the R. Geographical Society“, сентябрь 1887 года.

pits, т.е. «аренами петушиного боя»[1]. Южная оконечность острова, удлиняющаяся в виде полуострова, Портланд-ридж, представляет невысокий хребет, соединяющийся низкими землями с главным корпусом; прежде это был отдельный островок. Что касается до западной оконечности Ямайки, округляющейся в виде «головы дельфина», то над ней господствует великолепная гора, высотою в 1.052 метра, которую моряки действительно назвали Дольфинс-хэд. Массив, оканчивающийся этою горою, почти совершенно отделен от центрального корпуса Ямайки впадиной, в которой протекает одна из самых значительных на острове рек, называющаяся Грэт-Ривер, или «Большая Река». Ямайка, как и другие крупные Антильские острова, не имеет действующих вулканов, но около города Спаниш-таун виднеются остатки прежних извержений, и землетрясения здесь далеко не редкое явление. В конце августа 1883 г. на островах Кайман слышались продолжительные раскаты, похожие на отдаленный гром. Предполагают, что этот шум, наведший страх на туземцев, происходил от взрыва Кракатау и распространился с Зондских островов до Антильских через всю толщу планеты[2].

К востоку от Грэт-Ривер, на пространстве ста километров, северный склон гор состоит, также как и рифы, из известняков, которые изрыты бесчисленными пещерами, где протекают воды: во многих местах поверхность камня всегда остается сухою, независимо от времени года и от обилия дождей. Этою своею частью Ямайка походит на Юкатан а ещё более на Карниолию, по причине неровности её рельефа. Во всём свете немного найдется ещё стран, которые были бы так богаты воронками и подземными потоками; по всей окружности известкового округа воды снова выходят на поверхность в виде источников. Множество обвалов, пещер и ручьев свидетельствуют о скрытых реках и их истоках, ясно показывая их направление; зачастую склон наклоняется в сторону, обратную поверхностным скатам. Озера, как наружные, так и те, которые лежат в глубинах, образуются выше скалистых порогов.

«Черная река» (*Black river*), изливающаяся в юго-западное море, представляет собою один из потоков, бассейн которых заключает в себе наибольшее число подземных притоков. Это также единственная река на острове, по которой плоскодонные гребные суда могут ходить на пятьдесят километров внутрь материка. Другие реки несудоходны, даже те две реки, которые имеют наиболее обширную поверхность истечения, именно рио-Миньо, или Драй-Ривер (Сухая река), и Кобре: и та, и другая орошают южный склон острова, который представляет наибольшую ширину, но получает меньшее количество воды, так как не обращен в сторону пассатных ветров. Во время половодья Кобре катит иногда воды 2.200 кубических метров в секунду, нормальный же дебит его составляет всего только около 11 метров, а во время мелководья ещё уменьшается на четверть[3]. Подобно северо-западным рекам, Кобре тоже имеет свои подземные галлереи, свои пропадающие и вновь появляющиеся источники.

Климат Ямайки такой же, как на Кубе: он представляет те же контрасты между противоположными берегами, между равнинами и горами, между верховой и низовой стороной. Отчасти защищенная от дождевых ветров Кубою и Сан-Доминго, Ямайка получает поэтому меньше влаги, хотя находится также в зоне тропических ливней и ураганов: на северо-восточных склонах Голубых Гор дождя выпадает до 2 с половиною метров в год, тогда как в равнинах Спаниш-тауна, бывшей Веги, дождей иногда совершенно не бывает.

Метеорологические условия Кингстона (наблюдения за 19 лет): средняя температура, 23°,9; максим. темп., 33°,9; миним. темп., 19°,4; разность, 10°. Среднее количество дождей в течение десяти лет: на всём острове, 1м.69; в северо-восточной области, 2м.19; в Кингстоне (южная область), 1м.10.

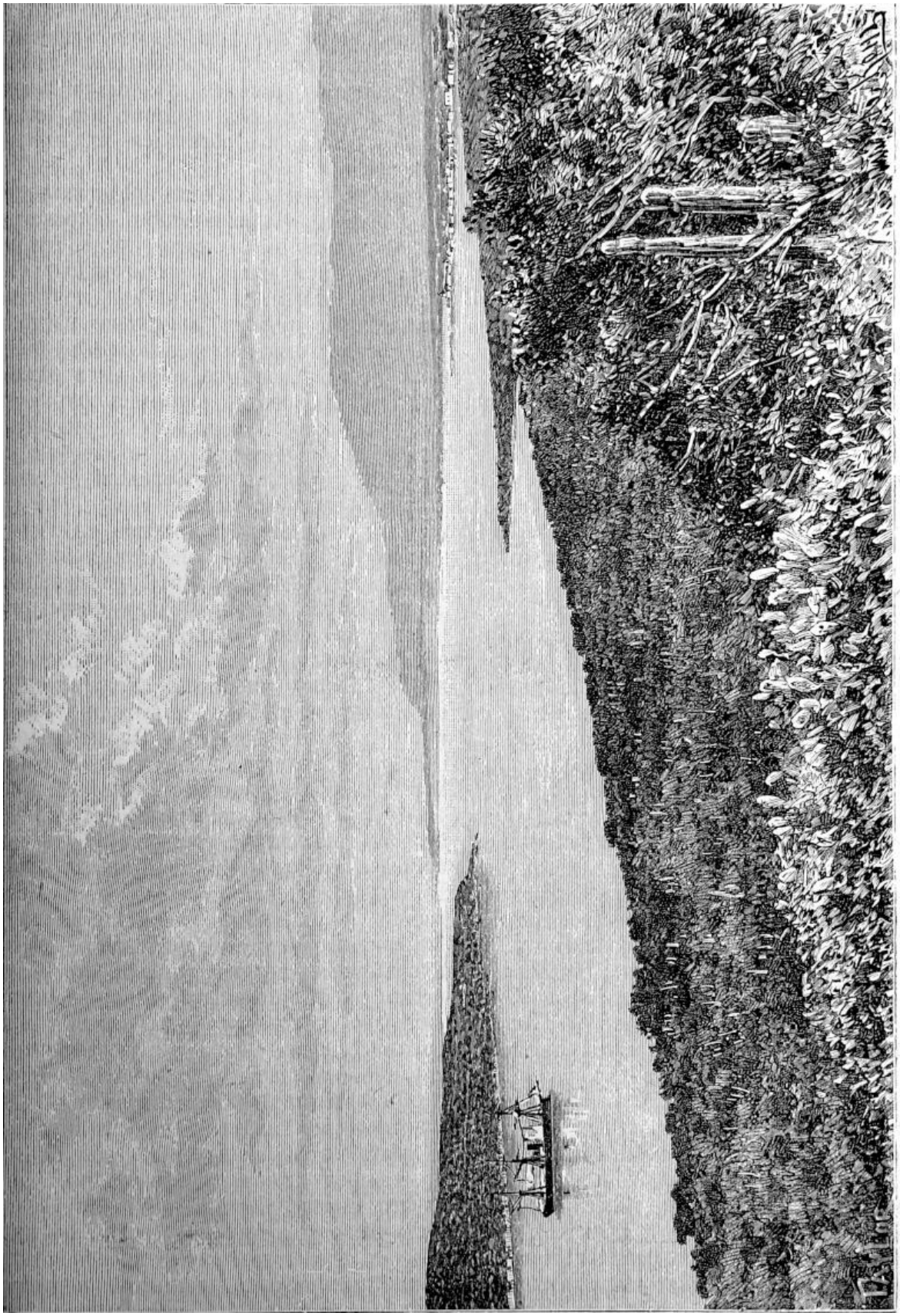
По самородной флоре и по эндемической фауне Ямайка ничем не разнится от своих обоих соседей. Несколько растительных пород были завезены из Африки невольничьими судами: одна из них, «лошадиный боб» (canavalia ensiformis), была, вероятно, занесена неграми-

1 F. Stewart, „A. View of the island of Jamaica“.

2 Edmond Boulet;—F. A. Forel, „Nature“, март 26 1885 года.

3 Jerolim von Banko, цитированное сочинение.

колдунами, так как плод её ядовит и употребляется при колдовстве; кроме того, это растение употребляется в качестве предохранительного средства от воров, и негры называют его *overlook*, что означает «караульщик», поручая ему охрану своих хижин и садов[1]. Другое рас-

Гаити.

тение, называемое «труба», утилизируется неграми для музыкального инструмента: из его

1 G. Schweinfurt, „Petermann's Mittheilungen", 1886 г. Тетрадь XII.

скважистых сучьев они делают флейты короманти, нечто вроде гобоя, с нежными, чувствительными звуками[1].

Писатели XVI-го века упоминают в числе животных Ямайки *alco*, или кубанскую «немую собаку», которая, по всей вероятности, была вовсе не собака, а енот (*procyon lotor*): они говорят также, что в лесах этого острова водилось несколько пород мелких обезьян. Наиболее интересным животным, обратившим на себя внимание первых колонистов Ямайки, является земной крабб (cancer ruricola), который живет в горах, а яйца кладет на берегу моря, и который водится также на других Антильских островах, но как там, так и здесь ему, угрожает близкое исчезновение. Когда эти краббы выползают из расселин скал, в конце апреля или в начале мая, они покрывают почву миллиардами, направляясь по прямой линии к берегу под предводительством целого батальона самцов, на которых возлагается обязанность по исследованию пути. Достигнув берега, они спускаются к самой воде и, освобожденные от яичек ударом набегающей волны, закапывают их в песок: едва вылупившись, бесчисленные меленькие краббы начинают свое восхождение на горы, и, беспрестанно сокращаемые в числе птицами, пресмыкающимися, муравьями, прибывают всё-таки несметными процессиями в свое убежище среди скал[2]. Самым страшным бичем для плантаций является крыса, которая распложается в неимоверном количестве: напрасно плантаторы прибегали к разного рода отравам, ловушкам и даже к собакам, с целью избавиться от этого зла; все эти средства помогали только в слабой степени; столь же безуспешно работала против этого врага и гвианская жаба, привезенная с острова Мартиники; пробовали напускать на этих грызунов одну породу муравьев (formica omnivora), завезенную с Кубы, и наконец прибегли к помощи одного хищника из породы мангуст—мунго (herpetes griseus), вывезенного из Ост-Индии; но он оказал плохую услугу островитянам: расплодившись здесь мириадами, он не ограничился свободною охотою на крыс, змей и птиц, но стал нападать и на курятники, где производил гибельные опустошения, пожирая не только живность, но и яйца; таким образом из союзника земледельцев он обратился в их заклятого врага[3].

Ямайка не менее Гаити представляет резкий контраст с испанским островом Кубой по составу своего населения, почти исключительно африканского происхождения: кроме городов, белых не встретишь почти нигде. Завладев островом, англичане изгнали оттуда испанских землевладельцев, но удержали невольников, не успевших бежать с плантаций, и усердно старались об увеличении их числа. Бристольские и ливерпульские купцы, в сообществе с великобританской короной, имели с того времени склад, где могли держать свой живой товар, в ожидании покупателей с других Антильских островов. Брайан Эдвардс насчитывает до 2.130.000 африканцев, привезенных в Новый Свет на английских невольничьих судах; из них 610.000 были доставлены одному только острову Ямайке в течение более ста лет, именно с 1680 по 1786 гг.; но эта торговля велась английскими негроторговцами уже с 1628 г. Таким образом, в течение полутора века, протекшего между английским завоеванием и отменой торга в 1807 г., Ямайка приобрела около миллиона негров, половина которых, быть-может, осталась работать на плантациях острова. Но в 1833 г., когда состоялось освобождение рабов, на Ямайке насчитали всего лишь 309.000 негров: это объясняется тем, что привезенные негры умирали, не оставляя после себя потомства; челядь пополнялась ежегодно новыми работниками в полном расцвете сил. Семьи образовывались тем труднее, что даже и в неволе полигамические нравы продолжали сохраняться: негры, «управители» плантаций, ещё в начале этого столетия имели право брать себе от двух до четырех жен, смотря по их рангу[4], отчего между простыми рабочими увеличивалось число холостяков. Древние африканские обычаи очень долго сохранялись между неграми: их маги умилостивляли жертвами Туниу, бога зла, который ниспосылал грозы, и приносили благодарственные молитвы Нак-

1 W. Beckfort, „Vues pittopesques de la Jamaique“.
2 Du Tertre, „Histoire generale des Antilles“;—Labat;—Bryan Edwards, и т. д.
3 Schmarda, „Behm's Jahrbuch“, 1887 г., том XI
4 R. C. Dallas, „The History of the Maroons“.

сиу, богу добра, дарующему смерть, которая возвращала несчастных рабов в их отечество. Во время судебных процессов выкапывали яму и брали оттуда немного земли, которою и натирали губы обвиняемого; легенда говорит, что как только земля эта касалась губ клятвопреступника, живот его разверзался и из него вываливались внутренности.

Ямайские плантаторы обращались с рабами крайне жестоко, руководясь более строгими законами, чем какие существовали на других Антильских островах[1]: многие плантаторы выжигали на коже рабов свои инициалы посредством каленого железа[2]; строптивый негр, два раза уличенный в нанесении побоев кому-нибудь из белых, подвергался четвертованию или сжиганию на медленном огне, начиная с ног. Вольноотпущенным гражданские права давались не прежде, как в третьем поколения, и только в таком случае, если в жилах их было не менее семи восьмых белой крови; в уголовных делах они не имели права быть свидетелями против белых, а их права на наследство и владение были ограничены до последней степени. Но соседство лесистых гор, с их лабиринтами долин и цирков, дало возможность беглым неграм находить себе там надежное убежище, а быстрая распашка земли и культура ямса, вместе с охотою на диких кабанов, доставляли необходимые средства к пропитанию. Со времени своего прибытия на остров англичане тщетно пытались завладеть всеми рабами; в лесах образовывались маленькия независимые республики, мало-по-малу возраставшие, особенно благодаря бегству негров кру или короманти, самых гордых из всех африканцев, поработить которых было труднее всех прочих негров: их-то идиом, в смеси с английским, сделался общим языком у всех беглых негров; от него сохранилось ещё до сих пор несколько слов, преимущественно ласкательных. Благодаря их знанию места и «барабанному бою», которым они пользовались для распространения новостей с одного холма на другой, подобно своим африканским соплеменникам дуалла, они имели постоянные сношения с окраинами острова и, поддерживая дружеские отношения с неграми плантаций, доставали себе боевые припасы. Их банды, сгруппировавшиеся преимущественно в верхнем бассейне реки Сухой, в центре Ямайки, наводили постоянный страх на плантаторов, которые вынуждены были укреплять свои жилища и держаться вечно настороже: на опасных местах был выставлен караул, а иногда правительству приходилось даже обращаться за помощью к союзникам на материке. Таким-то образом между Великобританией и москитоскими индейцами Никарагуа завязались дружественные отношения, которыми англичане думали воспользоваться для приобретения себе «протектората» и власти над жителями всего побережья, от Юкатана до устья рио-Сан-Жуан.

В конце концов ямайские плантаторы вынуждены были просить мира, и в 1739 г. республики беглых негров конституировались оффициально в независимую территорию, но, слишком доверчивые, они приняли на себя также обязательство построить у себя дороги, чтобы сделать свою страну доступною. Более того,—по мирному договору, беглые негры должны были, в воздаяние за дарованную им землю и политическую независимость, признать установленные белыми законы, и даже обязались выдавать «мертвыми или живыми» всех негров, которые, в свою очередь, попытались бы бежать от своих господ: этим они заранее лишили себя союзников в предстоящей окончательной борьбе. Выдавая беглых, приходивших искать у них убежища, негры свободных деревень действительно возвращали их настоящим хозяевам, тогда как последние, постепенно расширяя свои плантации, суживали круг обложения африканских республик. Наконец, в 1795 г. вспыхнуло восстание. Двое беглых негров из Трелауней-тауна, уличенных в краже свиньи, были осуждены на публичное наказание плетьми. Товарищи страшно возмутились против такого произвола: «вы могли обезглавить воров»,—говорили негры,—«и мы бы ничего не имели против этого, но вы присудили их к такому унизительному наказанию, которое присуще только рабам, и этим нарушили договор». Они жаловались, кроме того, на то, что у них отняли земли и назначили им начальников, которых они вовсе не избирали. Тотчас же было провозглашено военное поло-

1 Alex. de Humboldt, „Histoire politique de Cuba“.

2 Bryan Edwards, „West-Indies“.

жение на острове, и английские войска, в союзе с бандой беглых негров, вторглись в территорию Трелауней-таун; но, потерпев позорное поражение, экспедиция преобразовалась в блокаду. Если бы в это время возмутились также негры плантаций, то могуществу белых на Ямайке настал бы конец, как это случилось на Гаити, но невольники, привыкшие видеть в беглых неграх своих опасных врагов, соучастников их хозяев, не пошевелились, и все белые, вооруженные, с помощью двухсот догов, выписанных с Кубы[1], легко могли поддерживать блокаду возмутившейся территории и довести беглых негров до полного изнеможения. Наконец, последние, в количестве тысячи четырех сот человек, после семимесячного сопротивления, сдались на капитуляцию, выговорив себе право жить и владеть землею, но островное правительство не замедлило нарушить этот договор, и несчастные пленники были сосланы в Новую Шотландию, где и до сих пор ещё живут целые тысячи их потомков. Для большинства ссыльных этот северный полуостров был только первым этапом, так как в конце концов местопребыванием им был назначен Сиерра-Леоне, отечество их предков.

Когда, после жестоко укрощенных восстаний рабов, была вотирована отмена невольничества в 1833 г., и когда затем в 1838 г. оно было окончательно упразднено, экономические перемены приняли характер настоящей революции. Торговые сделки с Великобританией и остальным светом сразу уменьшились, а это повело за собою и уменьшение числа белых на острове. Этот внезапный кризис легко объясняется порядком землевладения. Сделавшись, благодаря своим богатствам, важными особами,—ямайские плантаторы вернулись большею частью в Англию, оставив свои поместья на руках управляющих; но расточительный образ жизни, который они повели в Англии, скоро поколебал их финансы; это повело к тому, что они должны были заложить свои земли и проживать те деньги, которые были получены от правительства за выкуп невольников. Общая стоимость выкупа негров на Ямайке равнялась —146.349.375 франков.

Разорившись, благодаря своей расточительности, ямайские плантаторы не замедлили обвинить в этом аболиционистов: никогда не было более благоприятного случая, чтобы свою вину свалить на других. Плантации оставались в руках управляющих, которые не располагали достаточным капиталом; усадьбы постепенно обратились в развалины, и дикия травы, кусты и деревья скоро заполонили культуры. Большая часть старинных европейских семейств, остававшихся ещё в стране, эмигрировали вслед за разорившимися плантаторами: докладная записка одиннадцати резидентов, поданная в 1852 г. губернатору Ямайки, констатирует тот факт, что они управляли 123 плантациями, отчасти в качестве собственников, отчасти как приказчики.

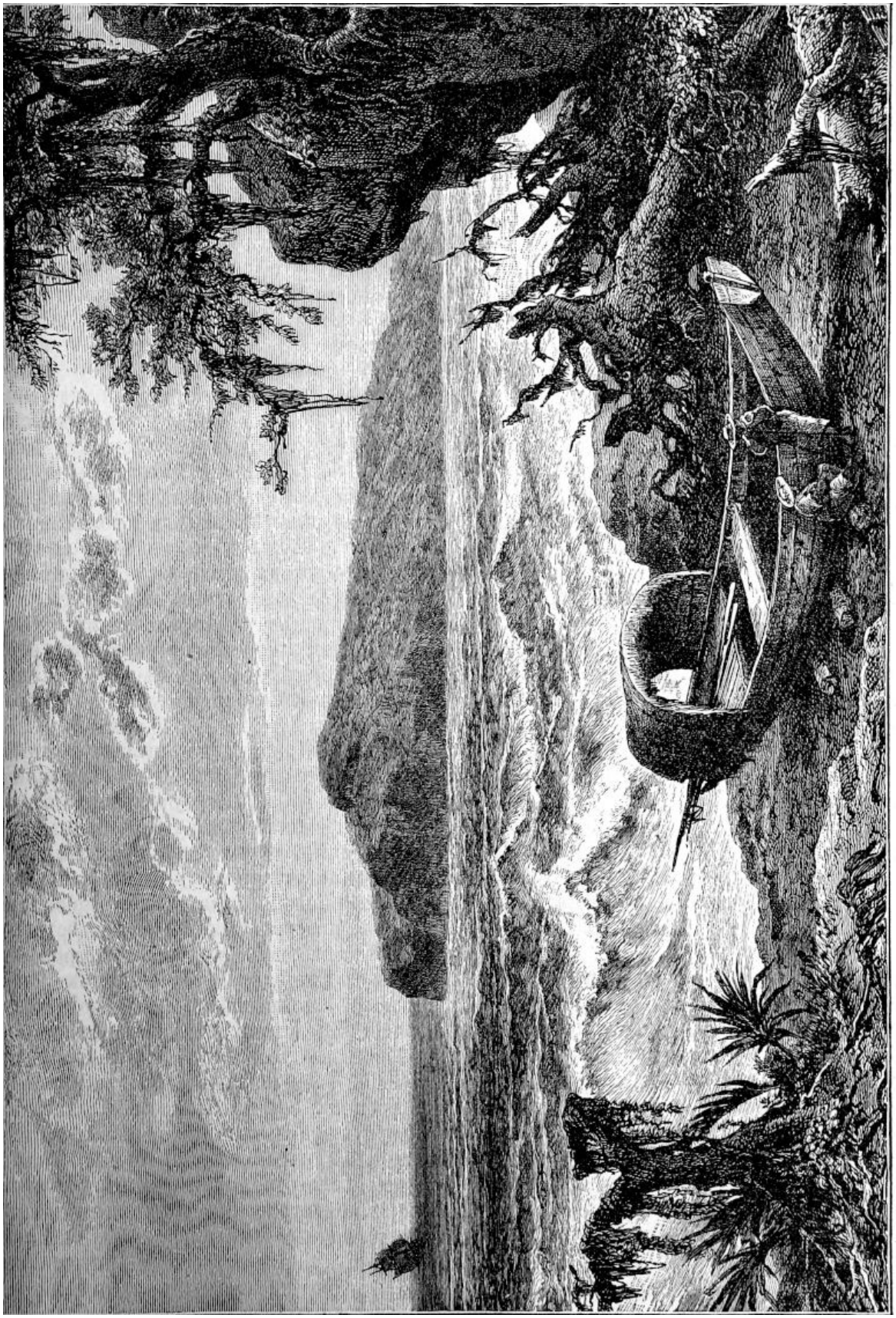
Со времени освобождения невольников белое население уменьшилось на одну четверть, тогда как число негров почти удвоилось. Численное отношение белых и цветных людей на Ямайке: 1830 год: 20.000 белых; 324.000 негров и мулатов; всего: 344.000; отношение 1:16.

1890 год: 15.000 белых; 620.009 негров и мулатов; всего: 630.000; отношение 1:44.

Из этого поспешили вывести заключение, что такая разность обусловливается главным образом климатом, гибельным для людей белой расы, в особенности для северян, и, напротив, благоприятным для развития африканской расы. Несомненно, что в этом есть известная доля правды; хотя можно привести множество примеров англичан, пользовавшихся совершенным здоровьем во время долгой трудовой жизни, но всё-таки раса, взятая в целом, находится на этом острове не в соответственной среде. Однако, главною причиною уменьшения числа белых на Ямайке нужно считать эмиграцию, особенно эмиграцию женщин: большая часть молодых девушек уезжают, для получения образования, в Англию, и многие из них не возвращаются оттуда. Таким образом не климатические, а экономические условия влияют на уменьшение количества белых. Самой нездоровой для англичан местностью на Ямайке считается южный полуостров, лежащий в бассейне «реки Сухой». Желтая лихорадка, поражающая почти исключительно одних белых, свирепствует только в низких местах острова: так же, как в штате Вера-Круц, на Ямайке этот бич редко поражает местности, лежащие

1 Dallas, „History of the Maroon Rebellion“;—J. Steward, цитированное сочинение.

выше 400 метров, а на высоте 750 метров над уровнем моря о нём даже никогда не слыхивали. Некогда очень опасная болезнь, называвшаяся «сухия колики», теперь почти совсем исчезла; наконец, чахотка уносит среди англичан, живущих на острове, гораздо меньше жертв,

Черепашій островъ при устьѣ трехъ рѣкъ.

чем в их отечестве, а в горных санаториях даже совсем излечивается; особенно благоприятными для чахоточных больных местами считаются хинные леса в Коп-гардне и на холмах Ньюкэстля, где на высоте 1.158 метров над уровнем моря устроили даже гарнизонный ла-

герь[1]. Хвалят также климат города Мандевилля, находящагося в центре острова.

Убыль белой расы и приумножение африканской совпали на Ямайке с коренным изменением в эксплоатации и производительности земель. Большие сахарные плантации, которых в 1805 г. насчитывалось до 859-ти, к 1865 г. уменьшились до трехсот, а вывоз сахару в тот же промежуток времени с 137.000 бочек спустился на 23.750; производство кофе тоже упало с 10.000 на 1.350 тонн. Но если крупные плантаторы уехали, побросав свои поместья, то прежние рабы становились постепенно землевладельцами, разделив на небольшие поля те самые плантации, на которых отцы их работали под ударами плетей. Ныне лишь немногие негры соглашаются работать на белых, даже когда им предлагают высокую плату: они предпочитают терпеливо выносить неосновательные обвинения в лености, которая, будто бы, заставляет их забывать дорогу на заводы, и ограничиваются обработыванием земли только в окрестностях своих хижин. Впродолжении первых восьми лет после освобождения ямайские негры приобрели в личную собственность более 40.000 гектаров и основали двести деревень. Как бы желая освободиться от тягостных воспоминаний о недавнем рабстве, они не носят более прежних имен и выбрали себе другие, заимствовав их из календаря, истории и мифологии: всё изменилось в новом мире[2]. В больших уцелевших ещё имениях, плантаторы пользуются теперь трудом наемников, вывезенных из Индии, вместе с несколькими сотнями китайцев и юкатеков[3], но с 1886 г. ввоз азиатов прекратился.

Прежняя земледельческая культура на острове имела целью лишь удовлетворение прихотей небольшой горсти богатых людей, в настоящее же время жители обрабатывают землю главным образом для удовлетворения местных потребностей, и в этом отношении они заметно преуспевают; главные продукты местного земледелия: кукуруза, ямс, бананы и другие плоды, особенно апельсины. Для поддержания небольшой экспортной торговли, разводят, кроме того, табак, инбирь, кофейное дерево, а также занимаются пчеловодством. Культура хинного дерева введена с 1868 г. в Голубых Горах, и негры тщательно ухаживают за нарождающимися лесами этого ценного дерева[4]; в том же округе с успехом произрастают чайные деревца. Некоторые негры стали разводить сахарный тростник за собственный счет и иное бывшее имение заменено теперь десятками тремя маленьких плантаций, с отдельной мельницей при каждой из них. Другие, более предприимчивые земледельцы соединились в общества и совместно покупают ценные машины, чтобы увеличить производство или улучшить качество продуктов.

Разделение земельной собственности на острове Ямайке в 1884 г.:

Владения величиной менее 40 аров— 10.536; от 40 аров до 2 гектаров—28.302; от 4 до 8 гектаров—11.379; от 8 до 40 гектаров—3.063; от 40 до 200 гектаров—1.516; свыше 200 гектаров—472.

Число имений—55.268.

Общая поверхность обработанных земель в 1888 году: 240.000 гектаров.

Туземное население вообще пользуется благосостоянием: его ежегодный прирост довольно значительный, доходя в среднем до 8.000 в год, а в 1888 г. он превысил десять тысяч[5]. Пример Ямайки, следовательно, выбран неудачно экономистами, которые считают уменьшение внешней торговли доказательством упадка народного хозяйства. Остров сделался центром цивилизации, особенно для побережья Центральной Америки, от Юкатана до Дариена: ямайские эмигранты много способствовали развитию торговли, культуры и промышленности в этих странах. В этом отношении Ямайка больше всех других Антильских островов благотворно влияет на общий прогресс американского населения.

Ямайские негры, хотя и освобожденные от подневольной работы на заводах, всё-таки не

1 Jerolim von Benko, цитированное сочинение.

2 Salles, „Autour de la mer des Antilles“.

3 Индусских наемников на Ямайке в 1838 г. 13.006.

4 Производство хинной коры в 1888 г. 2.700 килограммов.

5 24.025 рождений; 13.696 смертей (Blue Book for 1887—88).

приобрели политической независимости и социального равенства, как это доказала в 1865 году кровавая стычка между белыми и неграми восточного округа острова, близ Морант-бай. При этом деле восемнадцать белых было убито, а тридцать один ранено, но правительство жестоко отомстило неграм за эти жертвы: оффициальные сведения констатировали впоследствии, что 439 мулатов были казнены смертию, более 600 наказаны плетьми или палочными ударами и тысяча домов преданы огню. По отчету коммиссии, это возмущение, подавленное таким ужасным образом, без сомнения, никогда бы не вспыхнуло, если бы чернокожие крестьяне этого округа получили те земли, на которые они имели право, и если бы они не были во многих случаях обижены несправедливыми решениями судов. Хотя составляющие ныне ничтожное меньшинство, белые плантаторы, тем не менее, имеют притязание управлять ещё, по своему капризу, населением, которое прежде было им порабощено.

Столица Ямайки, Кингстон, лежит на южном побережье, на берегу большой внутренней бухты, которая отделяется от моря длинной песчаной косой. Это—город с низкими домами, наполовину скрытыми за выступающими стенами, с пыльными улицами, но с обширными садами, которые занимают огромное пространство на оконечности равнины, с северной стороны которой возвышается «Длинная Гора» и холмы Лигуанеа (Лигани), снабжающие город водой своих ключей. Кингстон сделался главным портом острова только с 1693 г., после землетрясения, разрушившего город Порт-Рояль, построенный на краю косы «Палисадник», развернувшейся в виде неправильного полумесяца на южной стороне бухты. Эта катастрофа была одной из самых ужасных в истории землетрясений. Подземный удар поднял громадные волны, и суда были выброшены в город, залитый водою до самых крыш: большинство несчастных, которым удалось спастись на плавучих обломках, были подобраны на борт фрегата, который был взброшен волнами на разрушенные дома. Землетрясение произвело также большие опустошения и внутри земель: так, река Кобре была загромождена кучами осыпавшейся земли, и всё нижнее русло до самого моря долгое время оставалось сухим; затем неизбежным следствием этой катастрофы явились злокачественные лихорадки, которые некоторые округа на острове почти совсем опустошили[1].

В 1772 году Порт-Рояль был второй раз разрушен циклоном; кроме того, он не раз страдал от сильных пожаров. Теперь он представляет собой не больше, как аванпост Кингстона, где имеют пребывание военные и морские власти, тогда как столица служит средоточием торговли и промышленности. Входный канал, огибающий полуостров Порт-Рояль и защищенный недавно сооруженными фортами, имеет 8 метров глубины, при довольно значительной ширине: самый узкий его проход имеет не менее 50 метров; внутри бухты суда находят более 10 метров глубины. Многие линии пакетботов выбрали Кингстон за центральный узел своих маршрутов в Антильском море; почти всё движение торгового обмена Ямайки с Великобританией, Канадой, Соединенными Штатами и другими странами совершается через этот порт, который служит также одним из соединительных пунктов для электрических подводных кабелей; из Кингстона выходит железная дорога в Спаниш-таун, которая потом разделяется на отдельные ветви, идущие в северные и западные части острова.

Ценность внешней (специальной) торговли на Ямайке в 1898—99 г.: привоз—45.875.000, вывоз—40.125.000 франков.

Длина железнодорожной сети на Ямайке в 1898 г.: 297 километров.

Спаниш-таун, или «Испанский Город», который сохранял за собою оффициальный титул столицы до 1869 года, есть бывший Сант-Яго-де-ла-Вега, или город «Св. Якова», основанный Диего Колумбом, в 1525 г.; в нём живет много французских семейств, бежавших с Санто-Доминго. Его порт, расположенный на юго-западной стороне острова, при бухте, усеянной островами и защищенной от ветров полуостровом Портланд, известен у англичан под названием Ольд-Гарбор, или «Старая Гавань»: в настоящее время он почти забыт. Ирригационные каналы, устроенные на протяжении 52 километров, разносят по равнине воды реки

1 Dallas, цитиров. сочинение.

Кобре. Равнины, окружающие Кингстон и Спаниш-таун, печальны и однообразны, вследствие отсутствия лесов; но в недалеком расстоянии к северу, холмы и горы покрыты великолепными плантациями и парками, из которых некоторые составляют общественную собственность: здесь есть несколько ботанических садов и акклиматизационные леса, откуда свыше сотни древесных пород и других полезных растений, как например, хлебное дерево, были распространены с прошлого столетия по всему острову, а отсюда и по другим Антильским островам. Ньюкэстльская гора, с которой видны лежащие у её подошвы равнина Кингстона и длинный пляж «Палисадников»—полоса зелени, между голубыми водами моря,—тоже окружена новыми плантациями.

Далее, за Ольд-Гарбором, на южном берегу нет более настоящих портов, а попадаются только опасные якорные стоянки в открытом море против прибрежных местечек, как Блэкривер-вилледж и Савана-ла-Мар. Западная оконечность острова имеет только небольшие бухточки Негриль;, но на северо-западе открываются надежные бухты Лусеа и Москито, за которой на востоке следует другая бухта, Монтего, не столь хорошо защищенная, но более излюбленная каботажными судами: этим портом пользовались в прошлом столетии «беглые негры» небольшой республики Трелауней-таун, называвшейся также Маррун-таун. Другой порт, Фальмут, лежащий далее к востоку, при устье реки Марта-Бреа, тоже ведет довольно оживленную торговлю, но суда, имеющие более 4-х метров осадки, не могут переходить бар устья.

Первое поселение, основанное испанцами на Ямайке, была Севилья, лежащая около середины северного побережья, на расстоянии 1 километра от того места, где находится в настоящее время небольшой порт Сент-Анн, прежняя Санта-Глориа: на месте испанского города виднеются ещё до сих пор развалины одной церкви. За Сент-Анн идут, в северо-восточном направлении, Порт-Мария и Аннотта, затем следует Порт-Антонио, главный рынок бананов для всей Ямайки: негры этого округа обогатились вывозом плодов, которые они отправляют прямо в порты Соединенных Штатов.

Главные города Ямайки с их населением в 1891 г.: Кинстон—47.000 жит.; Порт-Ройяль—15.000; Спаниш-таун, с Ольд-Гарбор—5.000; Порт-Мария—5.000; Монтего—5.000; Фальмут—3.000 жит.

Гавань Морант-таун, расположенная на половине пути между Кингстоном и крайним мысом острова, Морант-пуант, тоже привлекает к себе покупателей фруктов: ямайские апельсины ценятся на американском рынке дороже всех других. Это название Морант, под которым известны деревня, мыс, бухта и порт,—испанского происхождения («задержка») и указывает на то, что парусным судам, пришедшим с южной стороны острова, часто приходится долго ждать, прежде чем удастся обогнуть крайний мыс, лавируя против правильных восточных ветров[1].

В течение более полутора века, колония эта пользовалась почти полной политической автономией, в том смысле, что плантаторы, господа невольников, были также господами и по отношению других жителей острова, «мелкого люда из белых» и освобожденных цветных людей: администрация беспрепятственно действовала сообразно их интересам. Но после эмансипации, негры, освобожденные по закону, на деле же ещё остававшиеся в рабстве, подвергавшиеся жестоким притеснениям со стороны прежних своих хозяев, лишенные к тому же всякой надежды на заступничество со стороны суда, державшего руку плантаторов, тщетно пытались заявлять свои права на участие в социальной и политической жизни: попытки эти тотчас же подавлялись,—известно, с какою жестокостью было усмирено Морантбайское восстание. Так называемая колониальная автономия Ямайки представляла собою в действительности не что иное, как бесконтрольное владычество белой аристократии над чернокожим народом, так что великобританское правительство, под давлением общественного мнения, вынуждено было положить конец этому скандалу. Но вместо того, чтобы дать кое-

1 Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies“.

какие права цветным людям, оно просто-на-просто отменило для всех ямайцев, как для белых, так и для негров, всякое участие в управлении их собственными делами. Губернатор и шестнадцать членов совета, должностные лица и нотабли, одинаково назначались верховной властью, и Ямайка сделалась коронным владением.

С 1884 г., этот политический режим несколько изменился: в законодательный корпус, помимо членов, назначаемых верховною властью, стали допускаться также выборные от народа; назначаемых правительством членов всего пять, а остальные девять—являются представителями народа; и в каждом из четырнадцати «приходов» избиратели—как негры, так и белые,—(в 1887 году в количестве почти 27.000 человек),—назначают советников, на которых возлагается управление местными делами. Ямайское законодательное собрание почти единодушно отказалось от предложения соединиться с Канадой в политическую и торговую конфедерацию. Интересы острова скорее связывают его с Соединенными Штатами.

Церковь отделилась от государства, и, на зло своим бывшим властителям, большая часть негров изменила англиканской религии, сделавшись баптистами, методистами и пресвитерианами; в настоящее время половина издающихся на острове журналов посвящены религиозным вопросам. Образование сделалось общим, и в 1890 г. на острове насчитывалось уже 867 начальных школ, посещаемых 75.600 учениками, что составляет почти девятую часть всего населения. Армия, содержимая на счет правительства, заключает в себе слишком 1.600 человек, к которым надо прибавить около тысячи констэблей и полицейских. Правосудие отправляется судьями, имеющими пребывание в каждом приходе, но более важные дела рассматриваются окружными судами или судебной палатой. Бюджет колонии в 1898—99 гг.: приход—19.000.000; расходы—19.250.000; долг—53.625.000 франков.

Мели и островки ямайских морских пространств, каковы Морант-Кей—на юго-востоке, и банки Педро—на юге, составляют естественную принадлежность Ямайки: рыбаки ездят туда для собирания черепашьих и птичьих яиц. Два островка, Кайман-Брак и Малый Кайман, а также остров Большой Кайман, которые, по своему расположению на продолжении мыса Круц, географически принадлежат к Кубе, в политическом и административном отношении составляют часть Ямайки; тем не менее эти земли всё-таки представляют собою небольшие отдельные мирки, настолько изолированные, что образуют как бы независимые республики: в совокупности, они имеют около 4.000 жителей, почти исключительно рыбаков. Острова эти, некогда часто посещавшиеся пиратами и уже с 1744 года правильно колонизуемые, отличаются необыкновенно здоровым климатом: в 1888 году рождаемость там в семь раз превысила смертность, выразившись в отношении 180 к 25.

Лежащие по ту сторону Санто-Доминго, острова Турецкие и Каикос, составляющие, очевидно, часть на-половину выступившего из-под воды плато Багамы, тоже оффициально были присоединены к колониальной области Ямайки.

Следующая таблица дает список трех графств и четырнадцати приходов острова с их населением, по переписи 1881 года:

Графства	Приходы	Поверхность в кв. килом.	Число жителей
Восточное или Сёррей	Кингстон	18,9	38.566
	Сент-Андрю	438,8	34.982
	Сент-Томас восточный	724,3	33.945
	Портланд	804,5	28.901
Среднее или Миддльсекс	Сент-Катерин	1.165,0	61.110
	Сент-Мэри	592,0	39.696
	Сент-Анн	1.201,2	46.584
	Кларендон	1.209,0	49.845
	Манчестер	802,2	48.458
Западное или Корнуэлль	Сент-Елизабет	1.219,4	54.375

Графства	Приходы	Поверхность в кв. килом.	Число жителей
	Вестморланд	798,7	49.035
	Ганновер	429,7	29.567
	Сент-Джэмс	589,6	33.625
	Трелауней	860,1	32.115
Итого		10.864,8	580.804

Население в 1898 году: 728.000 душ.

Глава IX Остров Санто-Доминго

Гаити и Санто-Доминго.

I. Общее обозрение.

Санто-Доминго—если это название применить ко всему острову—занимает среди Антильских островов второе место по поверхности и населению, и первое—по высоте рельефа, разнообразию форм, красоте горизонтов и естественному плодородию долин. Это к тому же единственный из островов американского Средиземного моря, который не зависит в политическом отношении ни от какой европейской державы. Либо соединенные в одно государство, либо, что бывало чаще,—образующие отдельные республики,—две половины Санто-Доминго сумели сохранить свою независимость. Если бы эта независимость была провозглашена в пользу белых креолов, то политическая автономия острова представляла бы в новейшей истории лишь второстепенное явление; она имела бы такое же значение, как и эмансипация материковых колоний, сбрасывавших с себя одна за другой иго зависимости, как только их населения почувствовали себя созревшими; по мятежники на Гаити, заставившие своих прежних властителей признать совершившийся факт освобождения, были негры, невольники и сыновья невольников, которых гордые белые считали низшими существами, не принадлежащими к человеческому роду. Эмансипация Гаити, совершившаяся среди Антильского мира, где невольничество царило во всей своей жестокости, показалась плантаторам противуестественным явлением: все рабовладельцы,—французы, англичане, испанцы, голландцы, датчане, американцы,—испытывали чувство ужаса. Самое имя Гаити подверглось запрету на плантациях, как принадлежащее проклятой земле. А между тем несомненно, что этот пример общества негров, отвоевавших себе политическую свободу и самоуправление путем восторжествовавшей революции, имел косвенным следствием ускорение эмансипации на других окрестных Антильских островах: боязнь катастрофы, подобной той, которая разразилась над домингскими плантаторами, не могла не действовать на умы. Правда, что две республики, Гаити и Санто-Доминго, часто подвергавшиеся внешней войне и угрозам со стороны иностранных государств, раздираемые междоусобиями, эксплоатируемые личными честолюбиями, ещё не приобрела выдающагося положения между нациями; но важно уже и то, что они уцелели среди всех опасностей, осаждавших их в течение почти целого века!

Самое имя «Гаити», часто применяемое к этому большому острову, служит указанием перемен, происшедших со времени рабовладельческого режима. Это имя, обозначающее на языке туземцев «Страну гор», вышло из употребления, как и название Квисквейа, «Большая земля» или «Мать земель», под которым, по словам Шарлевуа, тоже был известен этот Антильский остров: патриоты, мечтающие о соединении двух республик в одну, дают ему на-

звание «Квисквейской конфедерации». Колумб, открывший этот остров в 1492 г., назвал его Эспаньолой, или «Маленькой Испанией», в честь страны, давшей ему средства переплыть Атлантический океан; но это название скоро исчезло и заменилось постепенно названием столицы Санто-Доминго, или «св. Доминика», которое в настоящее время, в форме «Доминикания», применяется специально к восточной части острова. По реакции против воспоминания о ненавистных временах рабства, негры западной части острова, сделавшись свободными, восстановили для своего отечества имя Гаити, которое употреблялось древними арауаками, и которое, впрочем, вполне оправдывается самой природой страны.

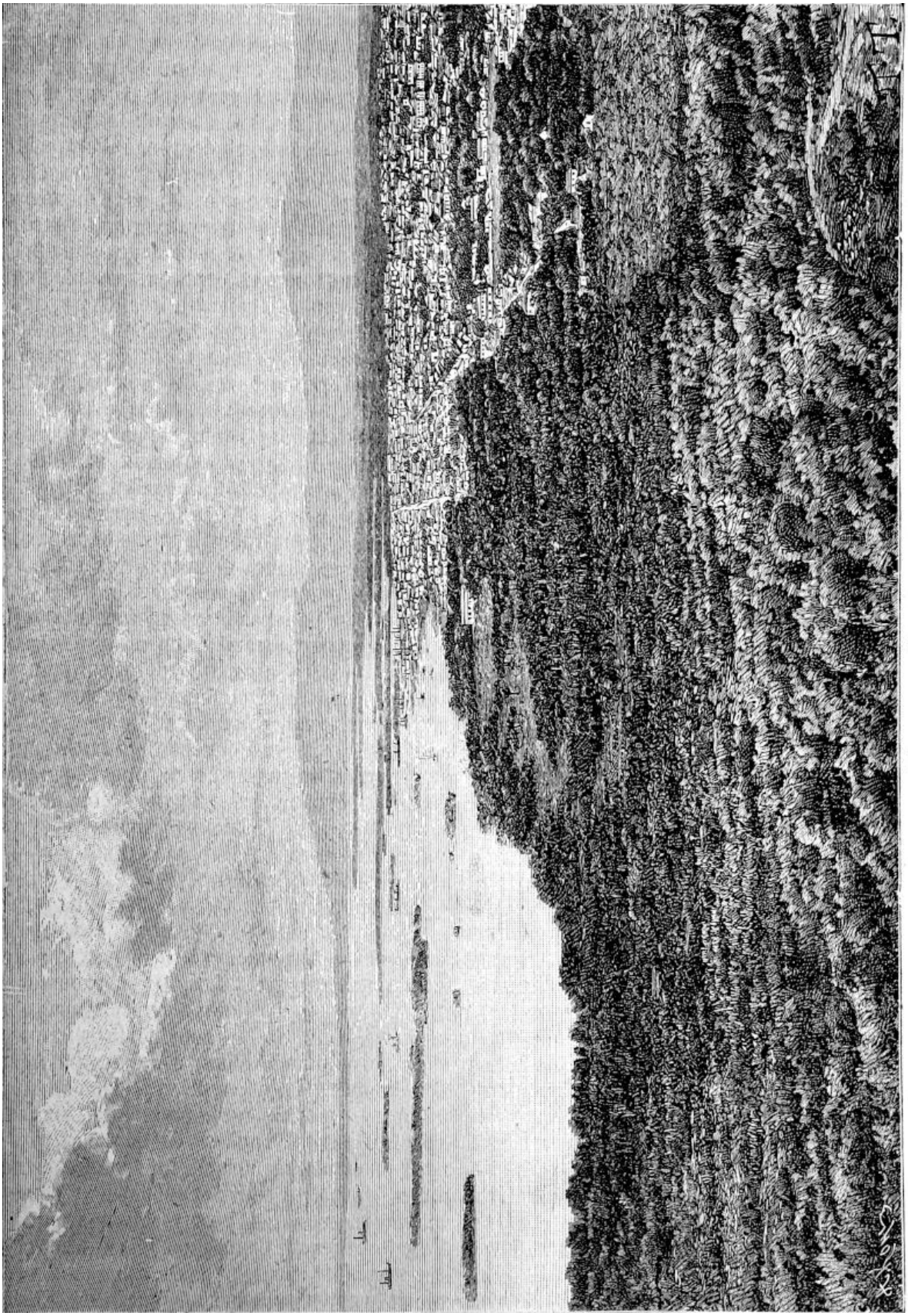
Разсматриваемый в его соотношениях с другими Антильскими островами, Санто-Доминго составляет, очевидно, часть определенно охарактеризованного географического целого. Служа продолжением оси Пуэрто-Рико, остров этот постепенно расширяется по направлению к западу и разделяется на две ветви, из которых одна простирается к острову Кубе, а другая—к острову Ямайке. К тому же изучение подводных глубин ясно показывает, что Пуэрто-Рико представляет собою корень, а Гаити—ствол, от которого отделяются две ветви: Куба и Ямайка, так как пороги, образовавшиеся между глубокими морскими пропастями, соединяют остров с островом через проливы. Между Пуэрто-Рико и Санто-Доминго пролив Мона нигде не достигает тысячи метров глубины; в канале Винд-Уард, между Гаити и Кубой, глубина более значительна, но и там порог имеет форму вала между двумя рвами; в Ямайском проливе наблюдается подобное же строение дна, между мысами Тибурон и Морант.

В отношении своего рельефа Санто-Доминго разделяется естественным образом на резко разграниченные орографические области: можно сказать, что он состоит из нескольких продольных островов, соединенных промежуточными равнинами. Понижение почвы разделило бы его на четыре части, ориентированные с востока на запад в расходящемся направлении, подобно прутьям раскрывающагося веера. Большая равнина, простирающаяся от бухты Самана к бухте Манзанильо, ясно отделяет северный отрывок; полоса гористых земель, пересекающая остров по диагонали от Мыса Энганьо до Мола св. Николая, составляет второй орографический остров, самый значительный по протяжению; третий остров возвышенностей ограничен с севера рекой Артибонит, с востока—рекой Неиба, или Якуи-Чико, а с юга—цепью озер; наконец, длинный юго-западный полуостров и горы, в которые он укореняется, образуют четвертый остров группы Гаити.

Северная цепь сама состоит из двух отдельных земель, неодинаковых размеров. Полуостров Самана на своей восточной оконечности несомненно был, даже ещё в очень недавнюю эпоху, отдельным островом; в начале этого столетия рукав Юны, известный под названием Гран-Эстеро[1], ещё сообщался в восточной части полуострова с бухтой Эскосеза: хотя русло байу совершенно засорено илом, но его легко ещё можно расчистить и преобразовать в судоходный канал. Однако, северная цепь Гаити начинается на этом прежнем острове крутой вершиной в 590 метров высоты, Пилон-де-Ацукаром, или «Сахарною головою», которая издали уже указывает морякам подходы бухты. Ближайшая к ней вершина, несколько меньшая, носит название Монте-Диабло; за нею, далее к западу, тянется плоскогорье, оканчивающееся на юге красноватыми утесами, о которые разбиваются волны. На большой земле возвышенности снова появляются и образуют береговую цепь, которая тянется по направлению к западо-северо-западу, на протяжении почти 220 километров: эта цепь носит название Монте-Кристи от скалы, которая кончает её западную оконечность; она целиком проходит но Домингской территории. Первые выступы хребта имеют около 400 метров, но боковые отроги придают довольно большой диаметр гористой области, и с севера на юг лабиринт долин имеет почти 50 километров ширины. После того, цепь суживается и вместе с тем повышается, образуя в промежутках несколько отдельных массивов с круглыми вершинами, каковы Квита-Эспуела и Пало-Квемадо: в одном из этих массивов высшая вершина называ-

1 „Большая бухта“. Испанское слово estero, соответствующее, смотря по местностям, английским словам inlet и sound, на Гаити приняло французское окончание sterre.

ется Диего-Кампо (1.220 метров). Ещё дальше сиерра понижается, и последней её вершиной служит Селла-де-Кабальо, или «Лошадиное седло» (1.188 метров), которая опирается на широкие контрфорсы; один из них представляет плоское плато, носящее специальное назва-

Портъ-о-Пренсъ.

ние Монте-Кристи, которое ему дал Христофор Колумб: его откосы спускаются прямо в море, лежащее на 240 метров ниже. Подобно небольшой цепи Самана, цепь, составляющая её продолжение на большом острове, до Монте-Кристи, имеет самые большие крутизны на

южном склоне; противоположный пологий скат спускается на севере к Атлантическому океану и оканчивается известковыми скалами, окаймленными коралловыми рифами, которые воспроизводят все контуры мысов и долин.

Главная цепь, начинающаяся на восточной оконечности, у мыса Энганьо, и оканчивающаяся у Мола св. Николая, в расстоянии 550 километров, представляет вначале, в своей узкой части, до северного угла Санто-Доминго, лишь длинный хребет, изрытый текущими водами и нигде не превышающий 300 метров. Но около середины острова рельеф возрастает и расширяется, затем делится на две отрасли, представляя таким образом своей формой как бы начальное основание главных контуров островного корпуса. Из этих двух отрогов более значительный тот, который идет к северо-западу и продолжением которого, за Винд-Уардом, служит полумесяц Кубы. Эта главная ось орографической системы Гаити, центральный остов, представляет собою совокупность хребтов и вершин, которая получила от древних гаитийцев название Сибао, т.е. «Скала» или «Гора». Средняя высота срединного хребта превосходит 2.000 метров, а некоторые остроконечные вершины, как Энтре-лос-Риос, Галло и Жикоме, достигают 2.500 метров, но это ещё не самые высокие части острова.

Две главные вершины стоят вне оси Сибао. Ближайшая из них—пико-де-Якуи; часто её называют Русильо, «Серая», по причине пояса облаков, обыкновенно окружающего вершину. Геолог Габб тщетно пытался взойти на эту гору: густые заросли папоротника помешали ему подняться выше 1.670 метров. Значительно южнее выступает мысом другой высокий пик, Лома-Тина, гора с очень длинным скатом, круто обрывающаяся на противоположной стороне. Местные жители говорят, что Лома-Тина так же недоступна, как и Якуи: лианы и папоротники затянули своими цепкими ветвями все свободные пространства между стволами деревьев, и проложить себе дорогу можно лишь ударами маншеты, ползя на руках и на коленях, с риском при каждом шаге выколоть себе глаза[1]. Цифровые данные о высоте этих двух главных вершин, показанные некоторыми географами, разнятся между собою: весьма вероятно, что высота их достигает почти 3.000 метров, и что Якуи, более центральный пик, является и более высоким. Что касается до северо-западной оконечности цепи Сибао, то она прерывается широкими брешами и разветвляется на отроги, идущие направо и налево от ряда холмов, врезывающагося в море «Молом» Сан-Николас, длинным валом с горизонтальной поверхностью, действительно похожим на громадный мол. Знаменитый остров Тортуга также перерезан по всей длине становым хребтом, ориентированным в том же направлении, как и цепь главного острова.

Отрасль гор, отделяющаяся от оси Сибао к середине острова, совершенно прерывается широким бассейном реки Неиба или Якуи, так что западные цепи могут считаться как бы независимой горной системой. Менее высокие, чем горы Сибао, они вздымают на востоке свой первый массив, с вершинами Лома-Пасиенсия или Панса (1.900 метров) и Лома-Барранка (2.285 метров); затем они понижаются к западу, и реки разделяют их с обеих сторон на неравные отрывки. С залива Порт-о-Пренс видны на севере некоторые вершины этой цепи, как, например, Апельсинная гора и Pensez-y-bien; эти горы тянутся к югу от реки Артибонит, параллельно горам Кахос, которые господствуют над противоположным склоном долины и соединяются с северной цепью посредством отрога Черных Гор. Точно также остров де-ла-Гонав, лежащий при входе в залив, есть выступившая из воды цепь холмов, по ориентации и общему направлению похожая на береговые цепи большого соседнего острова.

Юго-западная часть Гаити, от бухты Неиба до мыса Тибурон, составляет четвертый орографический остров, совокупность которого сгруппировалась так, что образует весь островной организм: заключенная почти целиком в пределах республики Гаити, она начинается на Домингской территории, около бухты Неиба, и представляется сначала в виде огромного массива, занимающего треугольное пространство, которое оканчивается на юге мысом Беата, по соседству с островом того же названия. В этой гористой области, покрытой густыми лесами и не посещенной ещё исследователями, береговую цепь на северном склоне составляет

1 William M. Gabb, „Transactions of the American Philosophical Society“, 1873.

хребет Бабуруко (Бахуруко), который врезывается в Гаитийскую территорию горою Комиссер, затем достигает своего кульминационного пункта в горе Ла-Селль, возвышающейся на 2.715 метров: один из её отрогов направляется к бухте Порт-о-Пренса и господствует над этим городом Черной Горой, иначе называемой пиком Пренс (1.522 метра). Далее почва понижается, и оба моря приближаются к основанию полуострова, затем снова появляются горы, образуя величественную цепь Ла-Хотт, высшая вершина которой достигает 2.255 метров. Мыс Тибурон, или мыс «Акул», представляет собою гору (869 метров), круто обрывающуюся над морем: здесь оканчивается южная цепь, имеющая общее протяжение в 380 километров. Вне центрального хребта, на полуострове возвышаются там и сям отдельные пики, или «тапионы», а вдоль берега тянутся параллельные отроги. В общем откосы, обращенные к Антильскому морю, круче и представляют у своего основания менее широкия равнины, чем равнины на противоположном берегу. Острова фланкируют оба берега: на севере—группа Кайемитов и почти островная земля Бек-а-Марсуэн, на юге—гористый остров Ла-Ваш.

Гаити орошается весьма обильно, так как дожди здесь ещё более часты, чем на двух западных Антильских островах, а ноздреватый известняк, который поглощает водные потоки, встречается здесь гораздо реже, чем на Ямайке. Все гаитийские земли имеют свои источники и реки, и ирригация могла бы всю территорию обратить в сплошные сады, которые давали бы пропитание миллионам людей. Средний хребет Сибао, вокруг которого скопляются облака, пригоняемые пассатным ветром, дает наибольшее количество текущих вод, и между этими горами пик Якуи является, благодаря своей высоте и относительной изолированности, главным центром гидрографической системы Гаити. С его склонов сбегают две реки: Северная Якуи, или Большая Якуи, самая многоводная река на всём северном склоне, но соединяющаяся с морем посредством нескольких устий, блуждающих в аллювиальной равнине; и Неиба или Якуи-Чико, Малая Якуи, которая имеет самое сильное течение из всех рек южного склона. Одна из главных ветвей Артибонита (Атибонико индейцев), главной реки на западе и в то же время на всём острове, также вытекает из гор Сибао; когда этот поток, получив все свои притоки, сбегающие с возвышенностей, входит на территорию Гаити, он является уже настоящею рекою и даже в некотором расстоянии от устья—судоходною. На западной покатости острова самый обширный бассейн имеет река Юна, впадающая в бухту Самана, и наносы которой понемногу захватывают неглубокия воды этой бухты. Равнина, орошаемая Юной, составляет одну и ту же низменность с равниной реки Большой Якуи; с обеих сторон она правильно ограничена горами, и неопределенный раздельный порог между двумя склонами не достигает даже 200 метров над уровнем моря. Это великолепная местность, которой Колумб дал название «Королевская» Вега-Реаль.

Между второстепенными реками Гаити одна из самых обильных—Озама, которая соединяет сеть всех своих притоков немного выше Санто-Доминго, столицы испанской республики: один из этих притоков, как кажется, есть один из редких подземных потоков на Гаити—рио-Бружуелас, или река «Ведьм», которая, не доходя около двадцати километров до моря, вдруг низвергается в воронку, остановленная в своем течении длинною скалою, окаймляющей известковый берег[1]. Небольшие озера, рассеянные по равнине, образовались от дождевых вод, не находящих себе стока. Вся область, простирающаяся к востоку от Санто-Доминго до восточной оконечности острова, была, очевидно, в прежния времена занята водами; это —льяносы Сеибо, саванна вдали от рек и лес вдоль текущих вод. Как и на Кубе, крутые берега осенены большими деревьями, *cejas* или «ресницами»: почти всюду травяные степи, как прежде водная площадь, проникают внутрь земель до основания холмов.

Гаити сохранил озера только в той низменности, которая, к северу от гор Ла-Селль и Бабуруко, соединяет бухту Порт-о-Пренс с бухтой Неиба. Средний уровень этой равнины, бывшей прежде проливом, настолько ровен, что там не мог ещё образоваться речной бассейн, и воды остаются без стока. Самое большое озеро, уровень которого находится на высоте почти 90 метров, протянулось почти около середины перешейка. Его старое индейское название—

1 Stuart, „Journal of the R. Geographical Society“, 1878.

Ксарагуа, а испанцы называют его обыкновенно Энрикильо, или «Маленький Генрих», по имени индейского предводителя, который долго сопротивлялся завоевателям, укрывшись на озерном островке, где теперь живут одни только дикия козы, что и дало повод назвать островок «Козьим», Кабритос. Французские негры зовут это озеро «Соляным прудом», и действительно вода его, стекающая с гор, богатых соляными залежами, содержит много соли, хотя кайманы, избегающие обыкновенно моря, населяют, вместе с акулами и морскими свиньями, этот закрытый бассейн, прежний залив океана. Вода в этом озере «очень глубока» и простирается на пространстве 418 кв. километров. После больших дождей случается иногда, что Соляный пруд соединяется в один общий бассейн с другим прудом—«Сомаш», или Солоноватым озером (иначе Азуай или лагуна Фондо), которое служит его северо-западным продолжением, по направлению к бухте Порт-о-Пренс: эти два соединившиеся бассейна имеют тогда около 100 километров длины, при пятнадцати километрах ширины: по площади они превосходят Женевское озеро. По Типпенгауеру, пруд Сомаш почти не оправдывает своего названия: вода его вполне пригодна для питья, так как соленость её едва ощутима[1]; он становится «солоноватым» только при временных разлитиях Соляного пруда. На юге, в той же низменности, но на более высоком уровне, находится пресноводное озеро Икотеа-де-Лимон, в которое вливаются ручьи, текущие с гор Бабуруко: излишек свой это озеро изливает, по всей вероятности, в Соляный пруд по подземной галлерее. Наконец, ещё одно озеро, расположенное на одной линии с Солоноватым и Соляным прудами и с солеными пластами прежней, высохшей теперь лужи, сообщается с дельтой Якуи-Чико: это Ринкон, или «Угловое озеро». «Раки», т.е. болотистые земли продолжают к морю озерную низменность.

Берега Санто-Доминго во многих местах окаймлены подводными камнями, но в общем они гораздо доступнее, чем берега Кубы, и не удваиваются параллельным рядом рифов, образующим наружный берег. Такой передовой берег, сооруженный полипами-строителями, встречается в особенности внутри бухт: так, бухта Самана более чем на половину загромождена рифами, особенно в южной части, а бухта Манзанильо—в северной, и весь этот обширный «сад» островков, рифов и банок служит продолжением горной цепи Монте-Кристи; восточный залив, оканчивающийся бухтой Порт-о-Пренс, тоже захвачен полипниками, а остров де-ла-Гонав, с двух сторон соединяется с островным берегом из рифов, кое-где только перерезанными брешами; дуга побережья, перед которой лежит остров Ла-Ваш, тоже окаймлена целым лабиринтом кораллов, а на восточной оконечности Гаити остров Саона или Адаманай, как и мыс Энганьо, окружены настоящею коралловою бахрамою. Необыкновенная чистота воды по соседству с этими рифами происходит, быть-может, оттого, что эти маленькие строители очищают воду от всех плавающих частиц, чтобы вырабатывать свои известковые выделения. Во многих местах можно ясно различить предметы, лежащие на дне, на глубине более 20 метров.

Наружная кайма рифов не позволяет с точностью определить береговую окружность острова, так как береговая линия обнаруживается весьма неясно в тех частях побережья, которые ещё только созидаются, а потому то заливаются, то снова обнажаются при слабых приливах и отливах Антильского моря или Атлантического океана. Приблизительно, всю линию берегов можно считать в 3.000 километров, что соответствует почти ширине Атлантического океана между Исландией и Нью-Фаундлендом. На самом деле окружность острова гораздо значительнее, если принять в рассчет подводный цоколь, который продолжает большую часть полуостровов, особенно южный полуостров, к югу от мыса Беата. Пропасти, глубина которых превосходит 3.000 метров, встречаются у берегов по близости юго-западного выступа, затем на северо-западе, около Винд-Уарда, а главным образом вдоль пролива, отделяющего Санто-Доминго от южных банок багамского плато.

Находясь в таких же климатических условиях, как и соседния земли, остров Санто-Доминго особенно поражает контрастами между равнинами и горами, между «capesterre», или наветренным берегом, и «basseterre», или подветренным. Занимая более океаническое

1 „Deutche Rundschau fur Geographic und Statistik“, Декабрь 1884 г.

положение, чем два большие западные острова, Санто-Доминго находится и под более правильным влиянием северо-восточного ветра; он орошается также всего больше со стороны, обращенной к Атлантическому океану; но в местностях, загражденных горами, особенно на плоскогорье Азуа, дожди выпадают очень редко, и почва овлажняется почти одними только обильными утренними росами. Самая сухая местность находится под ветром гор Сибао, около внутренних берегов залива Порт-о-Пренс. Там дуют муссоны, т.е. периодические возвратные ветры, которые, обогнув крайние мысы, возвращаются к земле в виде влажных бриз, приносящих дожди.

Метеорологические условия Гаити. Порт-о-Пренс: крайния температуры: 36°,7 и 14°,9; разность: 21°,8. Порт-о-Пренс (за 4 года) дожди: 1м,55 в 152 дня. Кап-Гаити (за 4 года) дожди: 2м,09.

История Гаити повествует о бедствиях, причиненных ураганами, которые следовали один за другим через промежутки более значительные, чем на Малых Антильских островах. В различные эпохи происходили здесь также сильные землетрясения: в 1564 г. был разрушен г. Консепсион-де-ла-Вега; через два века после того, в 1751 г., землетрясение истребило г. Азуа, а в 1760 г. нарождавшийся город Порт-о-Пренс был превращен в груду развалин; в 1842 г. такой же участи подвергся город Кап-Гаити. Что касается легких колебаний почвы, то они повторяются здесь довольно часто. Говорят, что в равнине Кюль-де-Сак, которая простирается на юго-восток от Порт-о-Пренса, слышится по временам, особенно весною и осенью, глухой подземный гул, сопровождающийся легким сотрясением. Этот шум,—известный у негров под названием «бездна», как будто бы в глубине, под содрогающейся корой, разверзается пропасть, представляет явление, аналогичное *retumbos*, раскаты которого слышатся иногда в горах Гватемалы[1].

Лучше орошаемый и с гораздо более разнообразным рельефом, остров Санто-Доминго отличается ещё большим богатством растительных видов, чем чудная Куба; он первый из всех Антильских островов получал из Старого Света новые виды растений. Внутренность острова ещё не обезлесена, и леса, покрывающие склоны гор на тысячи квадратных километров, изобилуют драгоценными «островными деревьями»—розовым, железным, атласным, красным, сосной, дубом. Кроме того, на плантациях были введены все плодовые тропические деревья: миртовое дерево, вывезенное с Ямайки в 1791 г., разрослось в густые чащи[2]. Как и на Кубе, на Гаити нет ядовитых змей, но один вид пауков, каката, внушает страх туземцам. В реках и озерах водятся две породы ящеров. Птицы целыми тучами гнездятся на наружных островах Алтавела, Беата, Наваца, де-ла-Гонав и Тортуга, богатых гуано и фосфорнокислою известковою солью.

В то время, когда испанцы высадились на острове, население его по плотности не уступало, может-быть, нынешнему: по словам Колумба, оно составляло около миллиона душ; Лас-Казас, увлеченный, вероятно, к преувеличению чувством ужаса, которое внушало ему «истребление Индии», исчисляет в три миллиона число жертв, павших на этом острове от руки алчных и жестоких завоевателей. Как бы то ни было, Эспаньола уже с давних пор была колонизована населениями различного происхождения; она имела свое историческое и доисторическое прошлое, свои мифы, относящиеся к долгому периоду ещё малосознательного существования. От этих отдаленных времен сохранились ещё находимые там и сям топоры из зеленоватого камня, которые колдуны-негры употребляют при своих чародействах для увеличения своего обаяния. Жители Гаити считали себя родившимися из земли и праздновали сотворение мира в пещерах[3]. Ещё до сих пор показывают много таких гротов, особенно в западной части острова, и большинство из них расположено отверстием на восток, так что в

1 Stuart, цитированное сочинение.

2 Tippenhauer, цитированное сочинение.

3 Pierre Martyr d'Anghiera, „Revue de Geographie". Март 1885 г., перевод Gaffarel et Louvet.

пещеру проникают лучи нарождающагося дня[1]. По верованию северо-западных негров, первый человек появился на земле внезапно, в сопровождении солнца и луны, у входа в пещеру Мингэ, которая находится недалеко от Дондона, к югу от города Кап-Гаити. Священный грот имеет вид среднего пространства церкви, фланкированного низкими боковыми стенами, от которых оно отделено неправильными столбами сталактитов. В конце грота возвышается нечто вроде жертвенника, на котором туземцы, под благословением жрецов или *butios*, торжественно приносили жертвы земным и небесным богам: в тот момент, когда луна появлялась на горизонте, они бросались вон из грота и приветствовали ночное светило, соблаговолившее взять их под свое покровительство[2]. Налипший известняк закрыл фигуры животных, лягушек, черепах, скорпионов и крокодилов, которые себунейские художники вырезывали на стенах. На острове Ла-Ваш, в бухте Самана и в горах Сибао были открыты также статуи, грубо высеченные из камня.

Почти все туземцы Гаити, себунейсы западной части острова, родственные кубанцам, и арауаки, обитатели средней и восточной областей, говорили наречиями одного общего языка и имели одинаковые обычаи и нравы: они принадлежали, по всей вероятности, к одной и той же расе, и при случае соединялись для борьбы против общих врагов, грозных караибов, которые часто высаживались на восточных берегах, избивали мужчин и съедали их, а женщин забирали себе в качестве жен или рабынь. Хотя испанцы почти не имели времени ознакомиться с этими туземцами,—так быстро совершилось их исчезновение,—тем не менее, из всех индейцев Антильских островов они были наилучше описаны. Большинство их были малорослы, и кожа у них была не темнее кожи европейцев, которые пришли их поработить; они расписывали себе лицо и татуировали иногда на теле изображения своих гениев-покровителей, тотемов своего семейства или племени. Матери манипулировали головы своих детей, чтобы придать им более красивую форму и укрепить кости черепа. Нравы отличались миролюбием: простая палка ограждала собственность против всякого покушения, и очень редко бывала война между пятью королевствами, названия и границы которых приведены у летописцев; подданные с полною покорностью подчинялись своим кацикам; после смерти кацика за ним должны были следовать в могилу две его вдовы. Почтение гаитийцев к умершим доходило до того, что на лучшие плоды покойника налагалось табу для живых: плоды эти помещали на могиле.

Колумб говорит об этом народе в выражениях, которые редко применялись к другим людям. «Они любят своих ближних, как самих себя»,—говорит он;—«их речь, всегда любезная и ласковая, сопровождается улыбкой». И, однако, даже этот человек, давший о них такой лестный отзыв, принялся порабощать этих индейцев хитростью и насилием; его товарищи и преемники превзошли его в жестокости: нередко случалось, что испанцы ради пустой забавы натравляли на туземцев своих бульдогов, которые разрывали их живьем. Напрасно несчастные пробовали возмущаться: война только ускорила избиения. Рассказывают, что для скорейшего избавления от своего жалкого существования, гаитийцы, доведенные до отчаяния, поклялись не производить более потомства. Это было самоубийство целой расы. В какие-нибудь полвека нация, найденная на острове испанцами, которые сгорали от желания «обратить её в истинную веру», если не исчезла совершенно с лица земли, то, по крайней мере, своим небольшим остатком смешалась с другими этническими элементами—неграми или белыми. Почти на полпути между г. Санто-Доминго и бухтой Самана, в лесистой горной долине, находится деревня Боя, где приютились последние из туземных гаитийцев после почти полного истребления их расы. Тут их больше не преследовали, их главарь получил даже титул дона, и ему разрешено было величать себя «кациком острова Гаити»; утомившиеся резней испанцы оставили, наконец, эту горсть туземцев в покое. Но индейская раса, ассимилировавшись с соседними народами, вскоре потеряла свою чистоту, так что в настоящее время в ней трудно признать гаитийских аборигенов: главным их отличительным признаком

1 Descourtilz, „Voyages d'un naturaliste".

2 Moreau de Saint-Mery, „Description de la partie francaise de Saint-Domingue".

служат длинные, гладкие и очень черные волосы. Тем не менее эта исчезнувшая с острова Эспаньолы раса внесла, по свидетельству Гумбольдта, много своих слов в язык завоевателей, из которого они проникли и в другие европейские языки. Таковы, напр., слова: patate (картофель), cassave (маниоковый хлеб), gayac (бакаут), маис, табак, игуана, canot (челнок), кацик и, может-быть, также гамак. Некоторые же гаитийские слова, войдя в испанский язык, не привились во французском.

С первых времен завоевания негры сопровождали испанцев, и в 1505 г. испанские негроторговцы продавали Санто-Домингским рудокопам африканских невольников; но эта торговля вполне урегулировалась только в 1517 г. с обнародованием королевского указа о разрешении ежегодного ввоза на остров Гаити 4.000 негров с берегов Африки. Монополия торга была устроена в пользу одного камергера Карла V-го, который её перепродал генуэзским купцам. Но всё-таки ввоз негров был слишком недостаточен, чтобы компенсировать огромную смертность индейцев: целые области обращались в пустыни. Не имея более рабов для разработки руд и для земледельческих работ, испанцы, сами не работавшие, очутились в ужасном положении людей, которым угрожала близкая перспектива голодной смерти на этом богатом и плодородном острове: вследствие этого, многие колонисты Эспаньолы бросились к другим завоеваниям, и когда до острова дошли удивительные вести о Мексике и Перу, эмиграция приняла колоссальные размеры. Санто-Доминго был бы совершенно обезлюден, если бы губернатор насильно не удерживал всех своих подчиненных, находившихся на острове. Обстоятельства сложились очень благоприятно для всех искателей приключений, англичан или французов, которые скитались по соседству с испанскими колониями: никакая неприятельская сила не препятствовала им высаживаться на незанятых частях острова и охотиться там на быков, лошадей и кабанов, пасшихся в саваннах[1]. Флибустьеры сделались вскоре настолько многочисленными, что дерзнули напасть на испанцев и отогнать их к столице: возгорелась беспощадная война между новоприбывшими и первыми завоевателями острова. Впрочем, морские разбойники не имели определенного местопребывания; они устроили только несколько лагерей, служивших им для сходок и как складочные места для звериных шкур, которые они продавали мимо проходившим судам.

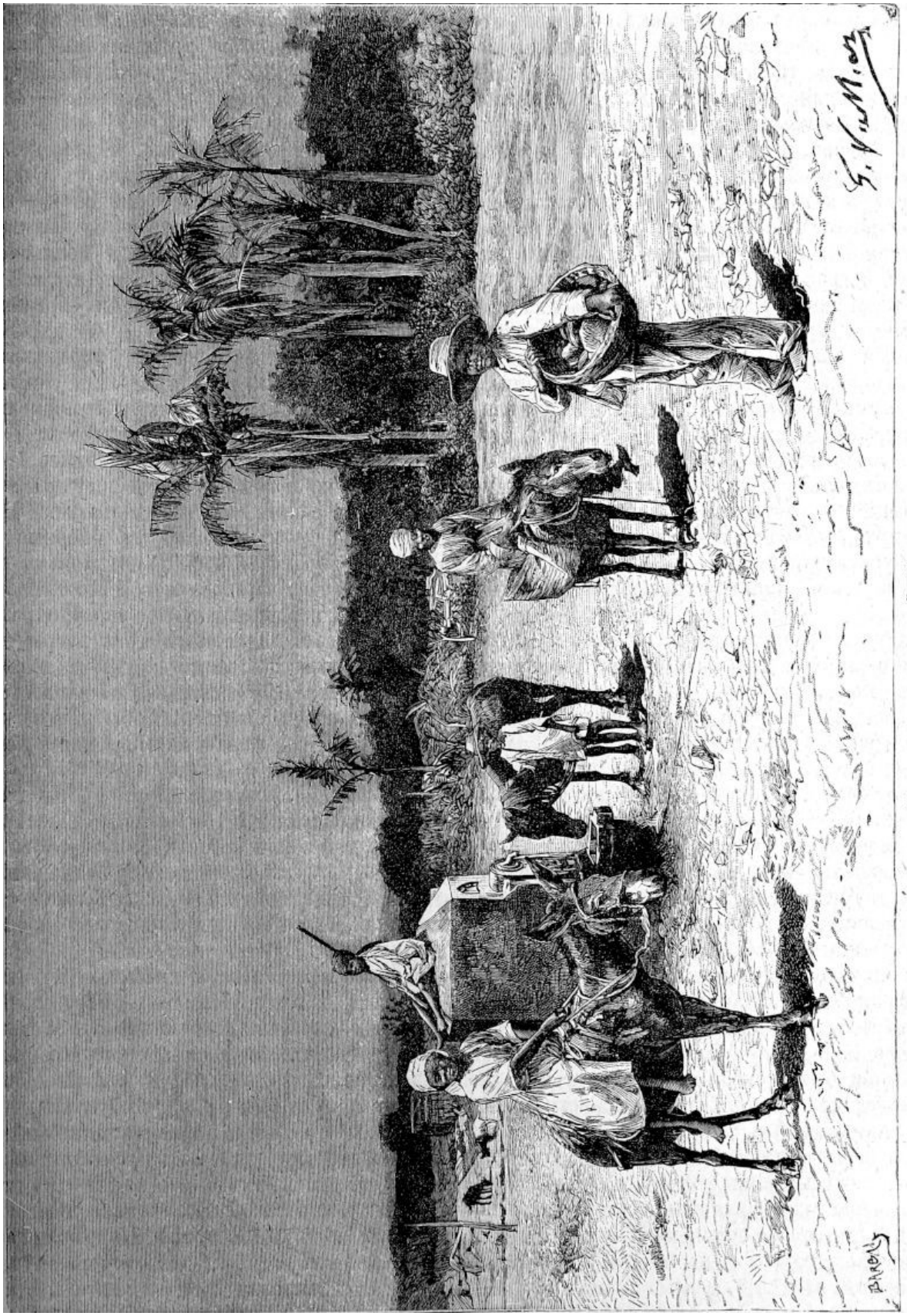
Одним из таких мест, где велась контрабандная торговля, служила гавань острова Тортуга, расположенная на проливе, который отделяет эту длинную гору от большого острова. Считая себя достаточно сильными для основания здесь прочной колонии, флибустьеры, при содействии французских жителей Сан-Кристофа, построили на острове Тортуга магазины и дома и принялись за распашку земли для плантаций, которые вскоре прославились своим табаком. Испанцы поняли, что их могущество пошатнулось бы на острове Санто-Доминго, еслибы они допустили морских разбойников основать солидную колонию рядом с их владением, и потому в 1638 г. они неожиданно напали на лагерь и пакгаузы, устроенные на острове Тортуга. Но как только они удалились, пираты снова вернулись, и в 1641 г. отважились даже построить на мысе крепость. После многочисленных стычек, они были вторично прогнаны в 1654 г. небольшою испанскою армиею. На этот раз флибустьеры нашли себе убежище на большом остров, в Пети-Гоаве и, живя республикой, без всякого начальства и законов, сгруппировались в гористых областях юго-западного полуострова: порт Пети-Гоава, более значительный, чем была пристань на острове Тортуга, сделался одною из оживленнейших гаваней на Антильском море по торговле табаком и кожами. Впрочем, Тортуга был в 1659 г. обратно взят французами, но так как земли его были почти совсем истощены, то колонисты эмигрировали большею частью на противоположный берег Санто-Доминго, где воздвиглась крепость Порт-де-Не, окруженная плантациями. Французская колония окончательно основалась в западной части большого острова[2], и понемногу там началась правильная культура, впрочем, часто прерывавшаяся войной между колонистами различных наций.

Заселение деревень отборными неграми сделалось тогда главным делом. В то время, как

1 Th. Gage, цитиров. сочинение.

2 Labat, „Nouveau voyageis aux isles de l'Amerique".

в большой части других Антильских колоний состав невольничьего населения должен был пополняться, по причине недостатка женщин, вновь купленными неграми, на Санто-Доминго дело обстояло иначе; здесь флибустьеры, более заботившиеся о добыче, чем о земледель-

Группа жителей Гаити.

ческих работах, прежде всего позаботились о ввозе негритянок, захваченных на островах и на невольничьих судах. Во время переписи 1687 г. цветное население французского Санто-Доминго, составлявшее приблизительно половину всего населения, имело более женщин,

чем мужчин, так что прирост населения шел нормальным путем посредством перевеса рождений. Перепись на французском Санто-Доминго в 1687 г. 7.993 жит., в том числе белых—4.411 жит.; негров и мулатов (мужчин: 1.542; женщин: 1.561; детей: 459)—3.582 жит.

Правда, впоследствии агенты Сенегальской компании и других обществ, имевших привилегию на захват и продажу «индейских голов», привозили главным образом работников мужского пола, но всё-таки разница между численностью полов никогда не была так значительна на Санто-Доминго, как на других островах, и в течение XVIII века обогатившиеся от производства индиго, а затем сахара, плантаторы имели возможность окружить себя действительно образцовым по крепости и красоте негритянским персоналом. На рынках Антильских островов отборные мужчины назначались для «колоний» Санто-Доминго, тогда как бракованные негры оставлялись для менее богатых покупателей Малых Антильских островов. Посредством подбора, подобного тому, какой практикуется у скотоводов, европейские гаитийцы получили для культуры своих земель и для службы на сахарных плантациях такую породу негров, какой нет ни на одном из других островов. Но очень может быть, что этот-то старательный подбор «красивых и сильных негров» и был главною причиною поражения и избиения белых землевладельцев. Здоровые «рабочие» негры, набранные в невольники, образовали мало-по-малу крепкую физически, энергичную расу, вполне созревшую для независимости. Гаитийский негр, вскармливаемый всегда родною матерью и выростающий на открытом воздухе, отличается большим ростом, физическою силою и крепкою мускулатурой; он имеет обыкновенно широкий лоб, приятную улыбку и гордый взгляд.

Накануне французской революции рабы-негры французского Санто-Доминго насчитывались в количестве полумиллиона, тогда как их властителей-белых было немного более тридцати тысяч человек; промежуточный класс мулатов, почти все вольноотпущенных, состоял всего лишь из двадцати шести—двадцати семи тысяч. В той части острова, которая была подчинена Испании, население было малочисленнее, и разница между двумя этническими элементами была не столь велика: это объясняется худшим состоянием земледельческой промышленности, которая значительно уступала производительности французского Санто-Доминго, вследствие чего там было менее спроса на рабочих для расширения культур. Плантаций на испанской территории было около 5.500, тогда как во французских колониях их насчитывалось по крайней мере вдвое больше, и более половины всего количества хлопчатой бумаги и сахара, потребляемого ежегодно в Европе, доставлялось из французской части острова. Оттого плантаторы, опьяненные быстрым обогащением, только и думали что об увеличении своих владений и численности рабов: пользуясь своим влиянием при дворе и связями через браки с знатными фамилиями Франции, они добились того, что торг невольниками поощрялся освобождением от сборов и разными льготами; помимо продажной цены за своих пленников, негро-торговцы получали ещё «из королевской казны» премию в два ливра за каждого высаженного в колонию негра, а капитан невольничьего корабля награждался особо за услуги, оказанные отечеству.

Количество негров, вывезенных из Африки в 1789 г.[1]: англичанами—38.000; французами—20.000; португальцами—10.000; голландцами и датчанами—6.000; итого—74.000.

Французский город Бордо, через который велась торговля Санто-Доминго с Старым Светом, занимал в то время первое место между европейскими портами по размерам торгового обмена, но, как ни велико было его участие в торговле неграми, его всё-таки превзошел в этом отношении британский его соперник—Ливерпуль.

Перевороты, следующие за продолжительными периодами постепенных или скрытых преобразований, кажутся, после промежутка в несколько поколений, происшедшими внезапно; а между тем они развивались на Гаити медленно и могли бы совершиться мирно без постороннего вмешательства. После 1789 г., когда клич свободы впервые раздался за морем, прошло пятнадцать лет, прежде чем гаитийское население провозгласило свою независимость, и сколько раз в течение этих пятнадцати лет негры и мулаты заявляли и словом и де-

1 Bryan Edwards.

лом о своем горячем желании остаться политически соединенными с Францией! События порождали новые события, давая истории непредвиденный ход.

Вначале негры, сжившиеся с рабством, совсем не думали о том, чтобы сделаться хозяевами той земли, которую они обработывали, и равными в политическом отношении с французскими плантаторами. Только «европейская мелюзга», т.е. бедные европейцы или их дети, составлявшие нечто вроде презираемого мещанства, и свободные мулаты, на которых, благодаря темному цвету их кожи, смотрели как на отверженных, заявляли о своих правах на политическое и социальное равенство. Но эти белые и мулаты составляли две враждебные одна другой касты; первая из них гордилась белым цветом своей кожи, а вторая—местным происхождением и благосостоянием, так что между этими двумя группами населения происходили постоянные стычки. С другой стороны, Национальное Собрание, страшась посягательств на имущества крупных землевладельцев, которые в самом Париже составляли могущественную корпорацию, колебалось предпринимать решительные меры; несмотря на требование «Друзей Негров» уничтожить рабство, оно ограничилось робким изданием, в 1790 г., избирательного закона, где даже не было определенно признано избирательное право мулатов. Однако, мулаты решились потребовать себе этого права: представителем их интересов выступил Винцент Оже, который, однако, в своей прокламации объявил себя безучастным к «судьбе негров, живущих в рабстве». Но, потерпев неудачу, он принужден был, вместе в прочими, скрыться на испанской территории, откуда его забрали, чтобы казнить колесованием. Возбуждение белого населения возросло ещё более с того времени, когда декретом Конституционного Собрания, в 1791 г., мулатам, «родившимся от свободных родителей», было пожаловано право заседать в колониальных собраниях. Тогда-то господствующий класс населения в большей части округов пошел на разрыв с метрополией, все акты которой казались ему «наперед осквернеными декларацией прав человека»[1]. Не рассчитывая более на Францию, плантаторы обратились тогда к Англии, и коммиссары, одетые в английские мундиры, отправились вымаливать помощи у Ямайского правительства.

Но негры успели уже увлечься революционным движением, и тогда-то вспыхнула расовая война. Влияние духовенства на рабов оставалось неотразимым, и негры, повинуясь тому же самому побуждению, под влиянием которого действовали восставшие Вандейские крестьяне, взялись за оружие как «Gens du Roi». Запах крови заставил вскоре позабыть о судьбе дальней монархии, и война сделалась скоро как с той, так и с другой стороны простою охотою на людей. Недосягаемые в области гор, негры убивали белых поселян, зато и сами делались их жертвами, когда, опьяненные каким-нибудь успехом, осмеливались близко подходить к городам. Пленных не делали, и часто захваченные в плен умирали под пытками. Военные лагери, как у белых, так и у негров, были окружены либо трупами, висевшими на деревьях, либо головами, насаженными на колья. Но, как обыкновенно говорил впоследствии Туссэн-Лувертюр, белые терялись среди негров, как две-три крупинки риса в чаше, наполненной черным маисом, и резня ещё более увеличила разницу в пользу африканской расы. Кроме того, эмиграция белых на Ямайку, Кубу, Пуерто-Рико, в испанскую Флориду и Соединенные Штаты превратилась в настоящее бегство. Разорившиеся или предусмотрительные плантаторы покидали страну и переносили свою промышленность в соседния страны.

Призванные белыми и половиною цветного населения, сопровождаемые компаниями дворян, эмигрировавших из Франции, англичане действительно явились на остров, с целью овладеть роскошною колониею, которую добровольно отдавали им в руки. Мол-Сен-Никола, главный арсенал Санто-Доминго, и главный город, Порт-о-Пренс, очутились во власти англичан. С другой стороны, испанцы, представлявшие Бурбонскую монархию, приняли к себе на службу «людей короля», Gens du Roi, т.е. возмутившихся негров, и вторглись внутрь бывшей французской территории: от прежней колонии остались только два или три воен-

1 Постановление прихода Гро-Морн. (Pamphile de la Croix, „Memoires pour servir a l'histoire de la revolution de Saint-Domingue“).

ных поста, на севере и на юге острова, как раз там, где морские разбойники начали свое дело завоевания. Тогда-то коммиссар Сонтонакс, понимая всю безвыходность положения, провозгласил освобождение рабов и заставил признать его теми плантаторами, которые остались верными своему отечеству. Правда, что инициатива освобождения принадлежала самим неграм: большая часть из них были уже свободными, когда эта свобода была объявлена оффициально, но надо было признать совершившийся факт, и Национальное Собрание, декретом 16 плювиоза II-го года (4-го февраля 1794 г.), провозгласило равноправность между людьми различных рас.

Нравственное действие этого события было огромное, и в течение нескольких недель материальное положение изменилось совершенно. Рабочие возмутились, и по кличу Сонтонакса, которому дали прозвище «Доброго Бога», собралась целая армия. Чернокожие инсургенты, сражавшиеся во имя испанского короля, переменили знамя и обратились в волонтеров Французской республики. Сражаясь против вчерашних союзников, они оттеснили их в восточную часть острова, а затем отобрали постепенно западные города, занятые английскими гарнизонами. Негритянский предводитель Туссэн Бреда переменил свою фамилию на Лувертюр, желая этим показать, что открылась новая эра; и действительно, начался совершенно новый порядок вещей. На полях снова закипела работа, теперь уже не только в пользу нескольких крупных землевладельцев, но также и для толпы свободных людей, и в деревнях восстановился прежний достаток. В следующем году, по Базельскому трактату, Франции была уступлена испанская часть Санто-Доминго, и французская республика сделалась таким образом оффициальной владетельницей колонии в гораздо больших границах, чем какие она унаследовала от монархии. Однако, надо было завоевать эту территорию, которую Испания отдала Франции, и этой обширной страной овладели опять-таки освобожденные негры, и почти без всякого кровопролития.

Таким образом колония продолжала быть французской территорией, но со стороны самой Франции последовали такия решительные действия, которые разрушили политическую связь между двумя странами. Ниспровергнув республику и восстановив в другом виде прежний режим, первый консул Бонапарт хотел совершить на Гаити то же самое, что ему уже удалось сделать во Франции. В начале 1802 г. значительная армия высадилась у города Кап-Гаити. Застигнутые врасплох, негры не знали, покориться ли им или сопротивляться, так как в новоприбывших они видели своих собратьев по языку и отечеству, да к тому же и прокламации, привезенные им, обещали сохранение свободы. Они сражались очень вяло, в особенности, когда потеряли своего вождя, Туссэна Лувертюра, заманенного изменническим образом на судно, которому поручено было захватить его в плен. Но мало-по-малу правда всплыла наружу: на острове проведали о существовании декрета, которым восстановлялось рабство и невольничий торг на Антильских островах, и воочию увидели публичную продажу, в качестве рабов, привезенных из Гваделупы мулатов. Армия мулатов немедленно отделилась, и война возобновилась. Это была ужасная война: Дессалин приказал убивать всех белых, сжигать их города и плантации. С своей стороны, и французы не знали пощады: они привели даже с собой на осаду Леожана двести кубанских собак, «которых кормили мясом негров, доводя их предварительным голодом до крайней прожорливости»[1]. Но климат, на который главным образом и рассчитывали гаитийцы, обеспечил в конце концов победу за ними: страшная эпидемия желтой лихорадки почти совершенно истребила иноземное войско. Из 35.131 человека, высадившихся на остров, 24.000 были похищены эпидемией, и во время окончательного очищения страны от войска от него осталось лишь не более 2.200 здоровых солдат[2]. С этого времени раздел стал совершившимся фактом, и 1-го января 1804 г. на площади Гонаив была провозглашена независимость. Впоследствии часто перефразировывали слова Дюпона и Робеспьера, сказанные ими в 1791 г.: «Скорей пусть погибнут колонии, чем принцип», и из этого обыкновенно делали тот вывод, что глупо соблюдать мораль в по-

1 Jurien de la Graviere, „Souvenirs d'un amiral".

2 Pamphile de la Croix, цитиров. сочинение

литике; но если колония Санто-Доминго пропала, то это потому, что метрополия, не дерзавшая даже видеть принцип в человеческой свободе, оставила в рабстве «несвободных» жителей Санто-Доминго, а затем и освобожденных снова ввергла в неволю.

Хотя ныне независимое государство, бывшая колония представляет в своих летописях замечательную параллельность с историей новейшей Франции. После пятнадцатилетнего революционного периода, Гаити тоже образовала империю, затем она имела свои монархии и конституционные президентства до новой империи, учреждение которой по времени (1849 г.) почти совпало с восстановлением второй империи во Франции, чем и воспользовались старики для легких сравнений между двумя императорами[1]. Восстановление республики совершилось при звуках *Марсельезы*, и Порт-о-Пренс, подобно Парижу, праздновал юбилей взятия Бастилии[2].

В 1843 г. союз, навязанный испанскому населению острова силою оружия, был расторгнут, и после того все попытки связать между собою две республики не привели ни к чему. Это разъединение объясняется, впрочем, различием языка, традиций и расы. В то время, как негры господствуют в республике Гаити, мулаты составляют значительное большинство в Санто-Доминго; первые говорят по-французски или на креольском патуа французского происхождения, и всё прошлое связывает их с Францией; для вторых родным языком служит испанский, и самые тесные отношения они имели с испано-американскими республиками. Из двух смежных государств слабейшее по населению, торговле и военной силе именно то, в котором преобладает белая раса: ему зато и более приходилось опасаться за свою независимость. Его теснила не только западная республика, но даже и сама метрополия; так, в 1861 г. остров был занят испанскими войсками и вновь присоединен оффициальным образом к колониальной империи прежней метрополии: жителям Санто-Доминго удалось возвратить себе автономию только в 1865 г. Затем в 1869 г. северо-американское правительство делало неоднократные попытки к вовлечению Санто-Доминго в свою политическую орбиту и некоторое время даже владело бухтой Самана. Соединенные Штаты, следовавшие рабовладельческой политике, были последним государством, признавшим независимость Гаити (в 1862 г.).

Границы между двумя колониями, французской и испанской, а затем между двумя независимыми государствами, подвергались частым изменениям. В настоящее время общая граница с севера на юг представляет крайне неправильную линию, и каждое из двух государств претендует на верхний бассейн Артибонита; по трактату, заключенному в 1876 г., спорная территория признана доминиканской провинцией, но гаитийцы тоже могут ею пользоваться, уплатив 150.000 пиастров и, кроме того, допустив беспошлинный ввоз товаров из Санто-Доминго. На этом острове, как и во многих других странах, разграничение сделано не соответственно естественным границам, а силою взаимного давления со стороны плантаторов обеих наций. История завоевания, колонизации и войн объясняет происхождение нынешней границы.

Приблизительные данные относительно пространства и населения двух республик острова Гаити:

Гаити—28.876 кв. кил., 960.000 жит., 33 жит. на кв. килом.; Доминго—48.577 кв. кил., 417.000 жит., 8,5 жит. на кв. килом.

II. Республика Гаити

На Гаити нет почти ни одного города, название которого не вызывало бы воспоминаний об осаде, сражении или резне,—дотого сильно обагрился кровью этот несчастный остров. Перечисление этих событий при описании гаитийских городов и местечек было бы только

1 Gustave d'Alaux, „Soulouque a son empire".

2 Salles, рукописные заметки.

повторением уже сказанного. Даже река, отделяющая Санто-Доминго от республики Гаити, на северной границе, названа рекой «Резни», в воспоминание о стычках между испанцами и туземцами. Первый город Гаити к западу от этой реки носит, со времени войны за независимость, название форт Либертэ, вместо прежнего Порт-Дофин. Это лучший порт во всём Гаити: его обширная гавань, с превосходным дном, имеет повсеместно 8—20 метров глубины, и к тому же отлично защищена от ветров; но парусные суда входят туда с трудом, так как входный проход, длиною в 1.500 метров, довольно узок и извилист. Благодаря пароходам, Либертэ приобрел в последние годы важное значение, как место вывоза красильного дерева, которое привозят сюда из внутренних округов Тру и Уанаминте (Гванаминто арауков).

Главною северною гаванью остается по-прежнему Кап-Франсе, переименованный теперь в Кап-Гаити или просто Ле-Кап,—город, который до войны называли за его пышность «Сан-Домингским Парижем». Здесь была провозглашена отмена невольничества, здесь высадились французские войска для вторичного завоевания Гаити, и отсюда же небольшой оставшейся горсти их снова пришлось отплывать. Неоднократно подвергавшийся пожарам и почти совершенно разрушенный землетрясением 1842 г., Кап-Гаити не имеет более замечательных монументов; но издали его прекрасные сады и господствующие над ним крутые горы (mornes) придают ему величественный вид. Порт его, представляющий скорее защищенную рифами бухту, считается вторым в республике по движению заграничной торговли: главными предметами вывоза служат кофе и тафия, привозимые сюда из Северной Равнины, из Лимонада, из Большой Реки, Дондона и других городов «Северной» области.

Обороты внешней торговли в Кап-Гаити в 1886 г.: 6.057.000 франков. Близ местечка Милот, расположенного в 15 километрах к югу от Кап-Гаити, находятся самые величественные развалины Гаити, замок Сан-Суси, который приказал выстроить для себя генерал Кристоф, сделавшийся Северным королем, под именем Генриха I-го: стража его была составлена из дагомейцев, которых он навербовал за большие деньги на берегу Гвинеи. Над замком господствовала цитадель Лаферрьер, гордо возвышающаяся на вершине Бонне-а-л'Евек; с этой горы, высотой в 708 метров, можно обозревать великолепный горизонт от моря до гор: эта живописная местность, перерезанная извилистыми речками, есть одна из наилучше возделанных во всём Гаити.

К западу от Ле-Капа по берегу следуют несколько небольших портов: бухта Акул, откуда вывозятся произведения городов Северного Акуля, Лимбе и Плезанса, далее Порт-Марго, Порт-Борнь и Порт-де-Не, который был назван Колумбом Вальпарайзо. Эта пристань, самая северная на Гаитийской территории, но значение которой постепенно уменьшалось в пользу её восточной соседки, Кап-Франсе,—лежит против острова Тортуга, где морские разбойники основали колонию, сделавшуюся, после Порт-Марго, исходным пунктом французских завоеваний; сюда впоследствии стали выселять больных проказою. К западу от Порт-де-Не находится устье реки Труа-Ривьер, вытекающей с Черных Гор и орошающей своим течением многолюдные общины Мармелад, Плезанс и Гро-Морн.

Город Мол-Сен-Никола, находящийся близ западной оконечности Северного полуострова, также пришел в упадок с прошлого столетия. Первый пункт побережья, у которого пристал Христофор Колумб во время открытия Эспаньолы, Мол, названный так от длинного мыса, защищающего порт в виде жете, сделался в 1693 г. главною крепостью, «Гибралтаром» французского Санто-Доминго; но все его укрепления, поврежденные уже бомбардированием и пожарами, обратились после землетрясения 1842 г. в кучу бесформенных развалин. Хотя этот порт во всех отношениях можно назвать прекрасным, но он не принадлежит к числу деятельных, что объясняется бесплодностью окрестных земель, не дающих товаров для вывоза; но как морская станция, господствующая над проливами, Мол неоценим, вследствие чего республика Соединенных Штатов часто подозревалась в желании овладеть им. В 1764 г., во время «большого разорения», четыреста акадийцев получили земли в соседстве с Молом, но этот климат, столь разнящийся от их родного, так дурно повлиял на переселенцев, что они быстро стали вымирать, а оставшиеся в живых просили перевести их в Луизиа-

ну. Около того же времени 2.400 немцев, обратившихся к французскому правительству за дозволением эмигрировать в Сан-Доминго, тоже высадились у Мола-св. Николая. Им роздали земли на внутреннем плато, где основалась деревня Бомбардополис или Бомбард, названная так в честь одного капиталиста. Два года спустя после их прибытия, от несчастных эмигрантов осталась всего лишь треть, а спустя ещё два года—лишь шестая часть всего числа; впрочем, в этом крае ещё до сих пор уцелела горсть потомков этих эмигрантов, уже перемешавшихся с неграми; другие, следуя примеру акадийцев, переселились в Луизиану, именно в Миссисипскую дельту, где одна из лагун носит даже их название—«озеро Немцев»[1]. К югу от высоких террас Бомбардополиса, заросшие кактусами овраги, «Сады Дьявола», окружают прекрасную отвесную скалу, называемую моряками «Платформой».

Порт Гонаив стоит в глубине залива, куда впадают две реки того же имени и Артибонит. Этот город, представляющий большую кучу соломенных хижин, есть, благодаря своему центральному положению между северными и западными провинциями, одно из тех мест, вокруг которых происходила история острова: отсюда Туссэн Лувертюр отправился во Францию, и здесь именно была провозглашена независимость Гаити. Порт этот ведет довольно деятельную торговлю, которая обещает ещё более разрости с проведением железной дороги; эта последняя пойдет на северо-восток к Гро-Морн, а впоследствии будет продолжена до Кап-Гаити; спекуляторы добиваются концессии на лес, который тянется по обеим сторонам дороги, на протяжении 10 километров. На юго-западе небольшая долина в горах Кахос занята местечком Маршан, бывшей резиденцией Дессалина, который впоследствии царствовал под именем Иакова I-го.

Город Сен-Марк, расположенный у основания мыса, замыкающего с юга залив Гонаив, стоит у торгового выхода большой Артибонитской долины; эта долина—богатейшая во всём Гаити—заключает в своем верхнем бассейне великолепные пастбища общин Сан-Рафаэль, Сан-Мишель д'Атале и Гинше; далее, по среднему течению, тянутся леса красного дерева, в округе Лас-Каобас, и разнообразные плантации округа Мирбале; наконец, в нижних равнинах долины, находятся плантации и сады общин Веррет и Петит-Ривьер. Местечко, расположенное при устье Артибонита, называется Гранд-Салин, по причине находящихся в соседстве солончаков, очень производительных, как и солончаки Гонаива. Уединенный холм на правом берегу есть знаменитый Крет-а-Пьерро, который был укреплен английскими инженерами, и который негры так храбро защищали во время войны за независимость.

К юго-востоку от мыса Сан-Марк идет ряд прибрежных деревень—Мон-Руи, Ле-Ваз, Аркахайе, славящаяся своими теплыми источниками, Букассин и др.; они следуют одна за другою до самого Порт-о-Пренса, столицы Гаити. Этот город, сделавшийся столицей благодаря своему счастливому торговому положению, не принадлежит к числу древнейших городов колонии: он был основан лишь в 1749 г., под названием л'Опиталь, и неизвестно, в честь какого «принца» он носит свое настоящее название. Ежегодное движение внешней торговли в Порт-о-Пренсе: от 50 до 60 миллионов франков. В городе не сохранилось ни одного сколько-нибудь значительного памятника, так как он не раз подвергался пожарам; он состоит из низких домов, деревянных или каменных, с галлереями и верандами, расположенных в виде правильных островков между проспектами, обсаженными деревьями. Порт-о-Пренс не имеет недостатка в воде, которая разносится по городу по водопроводным трубам, проложенным по всем улицам; в предместьях города находится несколько заводов, которые соединяются с портом посредством небольшой сети железных дорог. Форты, построенные на окрестных горах, служили прежде защитою как для города, так и для рейда. За городом тянутся деревни, которые служат продолжением Порт-о-Пренса, к берегу моря до Бизотона и до плодородной равнины Кюль-де-Сак: на возвышенностях ютятся виллы и дачи. Одним из передовых пригородов Порт-о-Пренса, с северо-восточной стороны, является Круа-де-Буке, часто подвергавшийся осадам и штурмам во время восстаний. Тюржо и Петионвиль, известный прежде под названием ла-Куп, служат излюбленными резиденциями и санаториями для гаитийских

1 Rameau, „Acadiens et Canadieus".

негоциантов и дипломатов, которые по вечерам спасаются здесь от вредного ночного воздуха Порт-о-Пренса. Дачи разбросаны по холмам среди садов: вид во все стороны очаровательный; с одной стороны, расстилается голубое море и остров де-ла-Гонав, кажущийся темным от покрывающего его леса, с другой—чудные равнины, культурные поля и озеро Сомаш, в своей прекрасной аллее гор. Деревня Кинскоф, лежащая на высоте 1.350 метров над уровнем моря, занимается культурою европейских растений умеренного пояса и снабжает овощами рынок Порт-о-Пренса.

Юго-западный полуостров Гаити, от Порт-о-Пренса до озера Тибурон, окаймлен городами и торговыми местечками; каждая бухта имеет свою группу жилищ, на половину скрытых под кущами больших деревьев. Местечко Са-Ира, лежащее на той части побережья, которую ряд рифов соединяет с Гонавом, служит портом важному городу Леогану (по-индейски Ягуана), господствующему над морем с высоты плодородной террасы; до Порт-о-Пренса этот город был столицей французского Санто-Доминго. Далее следуют Гран-Гоав и Пети-Гоав; из этих двух городов, разделенных высоким «тапионом», последний населеннее и деятельнее в торговом отношении; за ними идет процветающий Мирагоан, построенный частью на грунте насыпи, выступающей далеко в море. Следующие порты: Нипп, Анс а-Во, Пети Тру, Барадер менее важны в торговом отношении; достаточно бы было небольшого прокопа в 200 метров через низкий перешеек, чтобы соединить бухту Барадер с рейдом группы Кайемит. За Бек-а-Марсуэн и двумя островами, Большим и Малым-Кайемит, два города, Пестель и Карайль, населенные главным образом рыбаками и строителями гоэлет, служат аван-портами для Жереми, главного города на полуострове, не имеющего, однако, хорошей якорной стоянки, и северные ветры там очень опасны. Окружающая местность, прекрасно возделанная, доставляет кофе, водку и лучшее на острове какао. В Жереми находится родовая усадьба семейства Александра Дюма.

Несколько маленьких городов рассеяны по берегам бухт, открывающихся на самой оконечности полуострова: Тру-Бонбон, Абрико, расположенный, как говорит легенда, в Рае индейцев, куда старики приказывали относить себя, чтобы там умереть в полном одиночестве и спокойно вернуться в Великое Всё[1]; Дам-Мари, имя которого, постепенно меняясь, превратилось в Дальмари; Анс-д'Эно; Ле-з-Ируа, названный так от «ирландцев», водворившихся там в прошлом столетии; Тибурон, расположенный в самом углу острова, на том месте, где суда должны менять свои паруса. На южной стороне полуострова, до мыса Абаку, лучшею гаванью считается Кото; однако, берег, омываемый бурными волнами, представляет очень мало убежищ, и даже Порт-Салю не дает надежной якорной стоянки; но на востоке залив Кайос, хорошо защищенный окружающими «кайосами» (рифами) и островом Ла-Ваш, окаймлен превосходными гаванями, вполне пригодными для судов небольшой осадки. Город Кайос, лежащий недалеко от того места, где возвышался Сальватьерра, основанный Обандо, в 1503 г., представляет собою одну из коммерческих гаваней республики; но, построенный при устье реки, часто выступающей из берегов, он отличается крайне нездоровым климатом. Торговое движение Кайоса в 1886 г.: 2.060.000 франков.

Окрестные местечки, Торбек, Кавальон и далее к востоку Сен-Луи и Акэн (прежде Якуино), имеют кое-какую промышленность; главным образом жители их занимаются выделкою шляп. В порте Акэн англичане, посланные, в 1655 г., Кромвелем, потерпели поражение, после которого они обратили все свои силы на завоевание Ямайки; а в порте Кайос Симон Боливар организовал, в 1816 г., экспедицию, которая привела к низвержению испанского режима в Южной Америке.

Остров Ла-Ваш, замыкающий наполовину бухту Кайос, служил местом ссылки для 450 американских негров. Когда тысячи невольников, освобожденных войною, укрылись, в 1863 г., вокруг крепости Монроэ, в Виргинии, под защитою федеральных войск, вашингтонское правительство, желавшее избавиться от них, отправило их, в качестве колонистов, за пределы территории республики, в различные местности Антильских островов и Цен-

1 Moreau de Saint-Mery, цитир. сочин.;—Edgar Selve, „Le Pays des Negres".

тральной Америки. Решено даже было, что 5.000 этих освобожденных будут перевезены на остров а-Ваш, или «Ла-Ваш», который гаитийцы уступили американцам, как «опытное поле»; но первый опыт был очень неудачный: эпидемии, голод и тоска по родине погубили вскоре более трети эмигрантов, а остальных несчастных пришлось вернуть на родину. В настоящее время остров усеян цветущими банановыми плантациями, плоды которых вывозятся в Соединенные Штаты.

Жакмель, лежащий у самого начала изгиба, который делает береговая линия для образования полуострова Беата, пользуется в торговом отношении большим преимуществом, так как стоит очень близко к столице Гаити, хотя морем расстояние от одного города до другого превышает 450 километров. Жакмель сделался бы внешней гаванью Порт-о-Пренса, если бы через основание полуострова была проложена железная дорога; теперь он служит пока пристанью, где высаживаются путешественники, не желающие утомлять себя бесполезным плаванием вокруг юго-западной части полуострова. С стратегической точки зрения Жакмель тоже имеет большое значение, так как он защищает столицу с южной стороны. К востоку от этого города, у домингской границы, лежат два небольших порта, Кайос-де-Жакмель и Саль-Тру «Грязная Яма), имя которого из вежливости к жителям часто пишут слитно (Saltrou) Сальтру. Легенда, по которой, будто бы, беглые негры, одичавшие, живут ещё в соседних горах, не заслуживает, повидимому, никакого доверия[1].

Не подлежит сомнению, что, в период революционных смут и войны за независимость, население значительно уменьшилось, хотя не имеется ни одного документа, который бы точно определял размеры этого уменьшения. Большинство белых было перебито; те же, которые убежали на Кубу, Пуерто-Рико, Ямайку, в Соединенные Штаты, успели большею частью распродать своих рабов или забрали их с собою; среди негров и мулатов множество погибло в сражениях, пожарах и массовых утоплениях. Весьма возможно, что гаитийское население уменьшилось наполовину за время пятнадцатилетней революции: с шестисот тысяч оно упало почти до трехсот тысяч или даже, по исчислению некоторых писателей, до двухсот шестидесяти тысяч душ.

По словам Неккера, цитированного Гумбольдтом («Essai politique sur la Nouvelle Espagne»), население французской части Санто-Доминго состояло в 1789 г. из 520.000 жителей, из которых было 40.000 белых, 28.000 вольноотпущенных и 452.000 невольников.

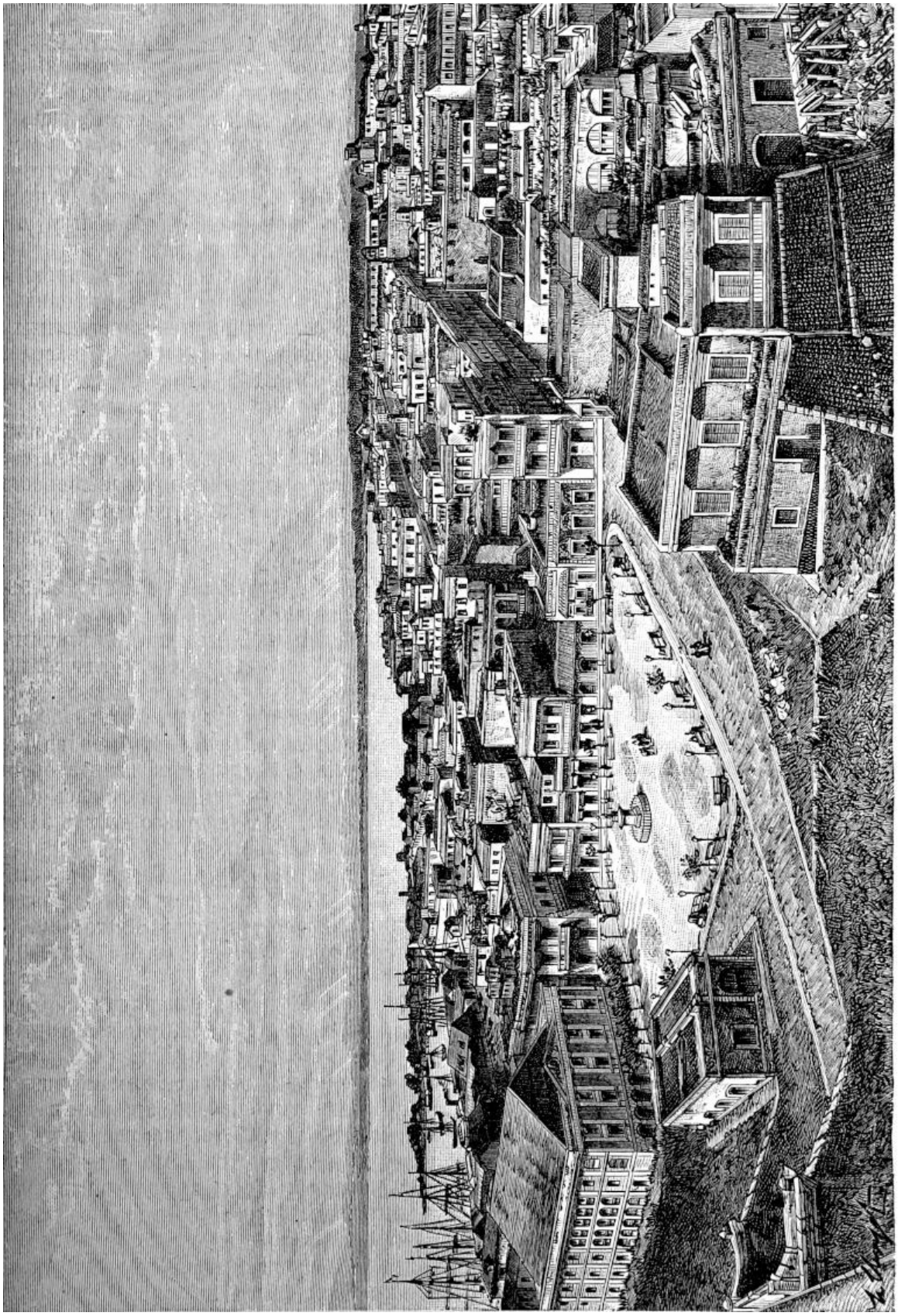
С той эпохи бывали междоусобицы, но они лишь в редких случаях охватывали всё население: внутри страны преобладало мирное настроение, что при плодовитости негритянской расы увеличило население в течение полувека почти вдвое. Даже в нездоровом городе Порт-о-Пренсе рождаемость в два раза превосходит смертность. Естественное движение населения в Порт-о-Пренсе в 1888 г.: родившихся—1.987; умерших—853. По всей вероятности, гаитийцев в настоящее время по крайней мере миллион: в 1863 г. президент Жеффрард показывал численность населения в 900.000 человек; в 1888 г. Дантес Фортунат остановился на приблизительном числе 960.000; рукописная перепись, доставленная в 1889 г. Саллю, определяет число гаитийцев в 994.000 человек. Километрическая плотность населения приблизительно наполовину меньше, чем во Франции: это слишком мало для такой плодородной страны.

Часто повторяли, но без доказательств, что на Гаити, как и на Кубе, пропорция женщин на много превышает пропорцию мужчин в семьях. Несомненно только то, что население по цвету кожи становится всё более и более африканским: «все гаитийцы—*sacatra*», говорит Жанвье, чтобы определить одним словом, теперь уже вышедшим из употребления, смесь кровей, в которой преобладает африканская кровь[2]. Да иначе и быть не могло. Цветные люди не составляли даже одного на десять в начале революции, а расовые войны постоянно увеличивали разность в пользу негров, которые составляют ныне огромное большинство жителей: с тех пор как белые сделались лишь временными гостями, а не постоянными жителя-

1 Spenser Saint John, „Haiti or the Blake Republic“.

2 Louis-Joseph, „Les Detracteurs de la Race Noire“.

ми этого острова, скрещивания всё больше и больше снова приводят тип нации к негритянскому типу. Но если кожа у большинства гаитийцев черная или очень темная, то черты лица очень мало напоминают чисто-африканский тип уолофа или серера: новая среда преобразила черты лица и очень приблизила их к европейскому типу. Иммиграция лишь в очень слабой мере способствует увеличению гаитийского населения. Северо-американские негры, поселившиеся в стране, трудно сближаются с гаитийскими креолами, так как между ними

Пуэрто-Рико.

слишком велика разница в языке, религии и нравах. Из иммигрантов всего лучше принимают в Гаити переселенцев с французских Антильских островов, Мартиники и Гваделупы, переселенцев, которые поддерживают сношения с Францией. Ямайцев очень много в Порто-Пренсе: почти все извощики—иммигранты с английского острова. Что касается до эмиграции, то она незначительна и направляется главным образом в Доминиканию и Венецуэлу.

В первые годы гаитийской независимости успехи в земледелии и промышленности были весьма слабы; причиной тому был порядок землевладения, оставшийся в наследие от времен невольничества. Ничто не изменялось в делении земель, пока продолжалась опасность порабощения: каждая плантация была как бы лагерь, обитатели которого составляли роту или батальон, имевший своего военачальника[1]. После отступления французов, такое положение вещей сохранялось в интересах мулатов, которые явились на смену белым, в качестве помещиков. Как и во Франции, покупатели или концессионеры национальных имуществ образовали новый класс, тем более упорный в защите своих приобретении, что боялся потерять их. Из опасения, чтобы не образовалась мелкая земельная собственность на его счет, он добился того, что было запрещено продавать имения площадью менее 25 гектаров. Из всех глав государства один только Петион раздавал земли, правда, главным образом своим офицерам и высшим чиновникам, но также военным ветеранам и простым солдатам. Это было слабое начало аграрной революции, необходимого дополнения эмансипации невольников; но главная масса крестьян осталась без земли, и для приобретения её часто происходили бунты: бедные гаитийцы всегда были готовы подняться, в надежде, постоянно обманываемой, достигнуть, наконец, обладания землею, которое одно только могло сделать их свободными: Гаити имел свои крестьянские войны или «пикетныя». Таково же, полагают, было и во Франции происхождение слова «*pequin*», измененного в *pekin*, которым находящиеся на действительной службе солдаты называют статских или ратников[2], т.е. людей, вооруженных просто «пеками», или пиками, оружием, безсильным против ружей и пушек[3]. Охотно повторяли, что подобные бунты, почти всегда оканчивавшиеся резнею, порождались расовою ненавистью между неграми и мулатами; но вопрос о земле имел в этом случае более важное значение, чем вопрос о цвете кожи.

Наконец в 1883 г., спустя восемьдесят лет после провозглашения независимости, был издан закон, вынужденный предшествовавшими смутами, которым разрешается раздача земель из состава государственных имуществ, участками от полутора до двух с половиной гектаров, всем гражданам, которые обяжутся заняться на этой земле культурой кофе, сахара или какого-либо другого экспортного товара. Если эта аграрная реформа в пользу крестьян не затормозится какими-либо неожиданными препятствиями, то она может дать такие же серьезные результаты, как и на острове Ямайке; но до сих пор мелкое землевладение представляет на Гаити лишь исключительное явление, если не считать некоторых отдаленных горных округов, лежащих в стороне от всяких путей сообщения. Плодородная равнина почти везде разделена на большие плантации, и мелкие земельные участки возделываются в виде ферм или мыз.

Составляя законы в пользу сохранения режима крупной собственности, в ущерб мелкому негритянскому населению, помещики старались, кроме того, ещё обеспечить свои земли против захватов со стороны белых, кто бы они ни были, французы, англичане или американцы; в конституции республики имеется даже специальная статья, именно седьмая, которая безусловно запрещает продавать иностранцам национальную землю даже в самых незначительных размерах. Эта статья часто служила поводом к препирательствам, так как иностранцы видели в ней личное оскорбление; они утверждали, что если бы иностранным капиталистам было предоставлено право приобретать земли, то они вскоре вернули бы стране то благосостояние, какое царило некогда в Санто-Доминго. Это возможно, но они сделали бы

1 Louis-Joseph Janvier, „Les Affaires d'Haiti".

2 Darnaud, рукописные заметки.

3 Louis-Joseph Janvier, „Le Vieux Piquet".

это в ущерб негритянскому населению, которое снова могло бы попасть в рабство, только под другим ярмом. Впрочем, надо опасаться, чтобы не произошел скуп земли в пользу иноземных банкиров, так как закон 1883 г. дает «привилегию гражданства анонимным акционерным обществам, учрежденным для крупной эксплоатации государственных земель». Благоденствие гаитиского населения не могло бы создаться путем реорганизации «земледельческих мастерских».

Культура сахарного тростника, имевшая некогда важнейшее значение, почти совсем исчезла, как крупная промышленность: в настоящее время это растение разводится только для местного потребления и для приготовления рома.

Производство сахара в 1791 г.: 73.532.350 килограммов.

Колониальным товаром, имеющим наибольшую ценность в земледельческой промышленности Гаити, является кофе. Может-быть, в общем культура этого боба и не так значительна, как это было во времена процветания французских плантаторов, но всё-таки она значительно поднялась после периода упадка, наступившего вслед за войною за независимость.

Производство кофе на Гаити в различные времена: 1789 г. (французский режим)—43.000.000 килограммов; 1888 г.—36.000.000 килограммов; 1897—98 гг.—67.437.593 англ, фунтов.

Европейские путешественники, которые думают возвеличить себя, унижая гаитийских негров, часто повторяли, что гаитийские крестьяне ограничиваются в настоящее время собиранием тех бобов, которые падают с кофейных деревьев, посаженных ещё в эпоху невольничества. Это—грубая ошибка, если не клевета. С прошлого столетия, посадка этих дерев возобновлялась по крайней мере три раза[1], и только путем упорного труда удалось отростками старых дерев развести правильные плантации. Во время северо-американской междоусобной войны гаитийцы также сумели приняться за культуру хлопчатника, и сборы хлопка быстро прогрессировали до того времени, когда эта промышленность возобновилась в Соединенных Штатах и снова сделала невозможною всякую конкурренцию. Культура какао идет здесь весьма успешно, и ежегодный сбор этого продукта увеличился по крайней мере вчетверо против того, каким он был во время колониального режима. Табак тоже принадлежит к числу продуктов, культура которых заметно развивается.

Ежегодное производство табаку на всём острове: 1 миллион килогр.

Сбор фруктов и пищевых продуктов также год от году увеличивается. Красное и красильное деревья, особенно кампешское, первые отростки которых были введены на острове в 1730 г., близ города Мол-Сан-Николас[2], принадлежат к числу наиболее ценных предметов отпускной торговли.

Вывоз кампешского дерева в 1888 г.: 103.500 тонн.

Во время войны за освобождение вся торговля пришла в крайний упадок, после которого она не может оправиться ещё до сих пор, представляя лишь десятую долю того, что было в дореволюционные времена. На Гаити, как и на Ямайке, труд целиком применялся прежде к производству вывозных товаров, тогда как в настоящее время он сосредоточивается главным образом на производстве жизненных припасов, необходимых вдвое увеличившемуся населению. Система монополии для выгоды плантаторов и откупщиков была такова, что торговля Санто-Доминго с Францией составляла тогда две трети всех торговых оборотов метрополии.

Вывоз из Санто-Доминго в 1789 г.: 203.370.067 колониальных ливров (около 135.580.000 франков).

Такой ненормальный режим, которому всё было принесено в жертву, не мог бы служить образцом для современного Гаити. Впрочем, многие писатели давали неверные статистические сведения, крайне преувеличивавшие прежнее торговое процветание Санто-Доминго,

1 Spencer Saint-John, „Hayti or the Black Republic“, trad, par J. West.

2 Moreau de Saint-Mery, цитированное сочинение.

потому-что колониальный ливр составлял всего две трети турского ливра, обращавшагося во Франции[1]. В настоящее время действительное движение гаитийской внешней торговли гораздо значительнее, чем это значится в таможенных отчетах; так как по крайней мере пятая часть всей торговли производится контрабандой, которая ведется морем, а с Доминго также и сухим путем. Самые большие торговые сношения Гаити имеет с Соединенными Штатами и Великобританией. Франция, прежняя метрополия, занимает лишь третье место.

Торговое движение республики Гаити в 1897 г.: вывоз—12.549.848 доллар.; ввоз—6.363.788 доллар.

С недавнего времени близ некоторых городов и особенно в предместьях Пети-Гоава, стали строить большие сахарные заводы

В отношении общественных работ Гаити находится ещё в весьма жалком состоянии. Дороги содержатся дурно, мостов очень мало, да и те плохие; тем не менее употребление легких экипажей американской конструкции всё более и более распространяется, что свидетельствует о некотором улучшении дорог, по которым ещё недавно можно было проезжать только верхом. Столица не соединена с другими гаитийскими городами ни одной железной дорогой; городские улицы страшно пыльные, с кучами сора в сухое время года, с непролазною грязью зимою, когда они превращаются в настоящие рытвины. Пожары, являющиеся следствием поджогов со стороны политических бунтовщиков, уничтожили большую часть зданий, построенных в различное время на общественный счет: города и селения представляют собою группы соломенных хижин и деревянных домишек; но внутри их зато можно повсюду встретить самое искреннее радушие.

Провозгласить в конституции обучение бесплатным и обязательным ровно ничего не стоит, и Гаити, подобно многим другим государствам, провозгласил этот закон, не имея возможности привести его в исполнение.

Начальных школ в Гаити 400 (не считая частных) и 5 лицеев.

За отсутствием точных статистических данных, приходится ограничиться признанием вообще того факта, что число образованных негров весьма невелико, и значительная масса населения коснеет в глубоком невежестве. Суеверия, оставленные в наследие европейцами, царят ещё до сих пор на-ряду с грубыми предразсудками, занесенными из Африки. Гаитийские негры верят в оборотней совершенно также, как и многие французские крестьяне; во многих местах существует обожание змей или «культ Воду», который практикуется в стране Аджуда, на Гвинейском берегу. Несмотря на декреты Туссэн-Лувертюра и других глав государства, чародеи-жрецы, *obi*, папы-короли и мамы-короли (*papolois* и *mamaulois*) зарезывают петухов и белых козлят, чтобы пить их кровь; в жертву приносились даже «безрогие козлята», иначе говоря—дети[2]. Колдуньи и колдуны продолжают заниматься приготовлением разных чар, любовных напитков и отравы; многие церемонии перемешались с католическими обрядами, и иногда целые толпы, охваченные религиозным экстазом, плясали с бешеными криками и катались по земле с дикими воплями. «Moanes-pouvoir», т.е. люди, приписывающие себе сверхъестественную силу, навлекают порчу на своих врагов и входят в сношения с невидимым миром, говоря хриплым голосом какие-то непонятные для профана слова, в которых преобладает звук *zib*, *zib*, *zib*, и которые они сопровождают раскачиванием головы, туловища и рук, подобно кружащимся дервишам.

Но как бы низко ни стояли гаитийские негры в отношении образования, в них всё-таки следует признать народ замечательно умный, рассудительный и наблюдательный. Они относятся с большим уважением к людям образованным, и даже в самых глухих округах, где нет по близости никаких школ, старики стараются передать детям хоть те скудные сведения, какими сами обладают. В отношении численности всего населения количество гаитийских детей, отправляемых в школы во Францию, очень значительно, и участие Гаити в возрастании литературы превосходит участие многих французских округов такой же величины по зани-

1 De Wimpfen, „Voyage a Saint-Domingue“;—Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domingue“.

2 Relation des visites pastorales de Monseigneur Hillion, „Cap-Haitien et Port-de-Paix“. 1880—1882.

маемому пространству. По языку Гаити совершенно французская страна: он имеет массу своих историков, публицистов и в особенности поэтов, и иные из их од или элегий составляют образцовые произведения, принадлежащие отныне к сокровищнице языка. Нет песен более мелодичных и отличающихся более наивной прелестью, чем песни, сложенные на восхитительном креольском патуа, столь нежно ласкающем слух, и ни один народ не имеет пословиц, показывающих более тонкую наблюдательность: все пословицы эти свидетельствуют о трезвом уме, который прекрасно сочетается с наивным добродушием офранцузившагося африканца, никогда не поднимаясь до высоких метафизических умозрений[1]. Гаитиец вполне сознает солидарность, связывающую его со Францией, благодаря общности их языка. Оттого, гордящийся своей политической независимостью, он не менее гордится узами, связывающими его с прежней метрополией, и старается закрепить их, подражая всему, что исходит из Франции, и заимствуя оттуда песни, празднества, моды, учреждения и нравы. Конечно, эти подражания не всегда были удачны, и с другой стороны люди, выступающие в роли инициаторов в Порт-о-Пренсе, очень часто давали своим последователям прискорбные примеры.

Конституции Гаити так часто менялись, а враждующие партии так бесцеремонно нарушали их, руководясь своими интересами или просто капризом, что было бы совершенно излишним перечислять их статьи. Достаточно сказать, что, по хартии 1867 года, правительственный механизм заключает в себе, как и в государствах Западной Европы, законодательный корпус, состоящий из сената и палаты общин, и главу исполнительной власти или президента, управляющего при содействии шести министров. Депутаты, по одному от каждой общины, три—от столицы и по два от каждого главного города департамента и от городов Жакмель, Жереми и Сен-Марк, избираются всеобщим голосованием на три года. Состав сената, в который входят 39 членов, возобновляется в одной трети каждые два года; члены его выбираются не народом, а Нижнею Палатою по двум спискам, представляемым избирательными коллегиями и исполнительною властью. Палаты соединяются в Национальное Собрание в некоторых случаях, предусмотренных конституцией, а главным образом для избрания президента республики. Судебная иерархия составлена по образцу французских судов. В Гаити не существует государственной религии, хотя большинство жителей исповедывают католическую; с 1861 года нет ни одного священника гаитийского происхождения: все они, в количестве почти ста человек, французы. Учения методистов и баптистов, занесенные северо-американскими миссионерами, привлекли к себе несколько тысяч адептов в Порт-о-Пренсе и в северных округах. Законы Гаити признают законными детей, родившихся от брака, оффициально не утвержденного.

Войско состоит из семи-восьми тысяч человек, волонтеров или набранных по жребию рекрутов, хотя в принципе каждый гаитиец, обязанный нести воинскую повинность впродолжении четырех лет, числится, в возрасте от 20 до 50 лет, в списках национальной гвардии; генералов насчитывают сотнями. При малейшей междоусобице волонтеры стекаются массами, потому что, хотя гаитийцы от природы народ и миролюбивый, но они страстно любят перемены, и никакие уроки не «отвадили их от этой страсти». В Гаити есть также свой флот, состоящий из нескольких судов. Война, алчность некоторых президентов, а в особенности полутораста-миллионный выкуп, уплаченный бывшим плантаторам, привели национальный бюджет в то плачевное состояние, от которого он не может оправиться и до сего времени: государственный долг равнялся к 1 января 1899 г. 135,5 миллионов франков; но зато государство владеет обширными площадями земли, могущими быть проданными. Государственный бюджет, питаемый почти исключительно таможнями, которые взимают около 50% от стоимости товаров, балансировался в 1898—99 г. в сумме 40.250.000 франков.

Республика делится на пять департаментов, подразделенных, в свою очередь, на 24 округа, 75 общин и 504 сельских участков. Следующая таблица дает список департаментов и

1 John Bigelow, „Wit and Wisdom of the Haytians“.

округов с их главными городами и общинным населением, не по переписи, а по исчислению:

Департаменты	Округа	Население главных городов, жителей	Другие главнейшие общины	Общинное население, жителей
Северный (250.000 жит.)	Кап-Гаити	35.000	Акуль дю-Нор	7.000
			Лимонад	8.000
	Тру	15.000		
	Форт-Либерте	15.000	Уанаминте	10.000
	Гранд-Ривиер дю-Нор	25.000	Дондон	10.000
	Лимбе	20.000	Плезанс	10.000
	Борн	15.000	Порт-Марго	8.000
Северо-западный (70.000 жит.)	Порт-де-Не	25.000	Сен-Луи-дю-Нор	10.000
	Мол-Сан-Николас	15.000		
Артибонит (125.000 жит.)	Гонаив	18.000	Гро-Морн	9.000
	Сен Марк	12.000	Веррет	1.000
	Десалин (Маршан)	10.000	Петит-Ривиер	11.000
	Мармелад	10.000	С-т-Мишель де л'Атале	18.000
			Хинш	10.000
Западный (350.000 жит.)	Порт-о-Пренс	95.000	Петионвилль	12.000
			Круа-де-Буке	30.000
	Леоган	20.000	Пети-Гоав	20.000
			Гран-Гоав	10.000
	Жакмель	40.000	Бенэ	12.000
	Саль-Тру	7.000		
	Мирбале	20.000		
	Лас-Каобас	25.000		
Южный (200.000 жителей)	Кайос	20.000	Торбек	8.000
			Порт-Салю	7.000
	Ле-Кото	9.000		
	Акуин	12.000	Кавальон	9.000
			Сен-Луи	9.000
	Тибурон	9.000		
	Гранд-Анс (Жереми)	40.000	Корайль	9.000
	Нипп (Мирагоан)	10.000	Анс-а-Во	10.000
			Барадер	5.000

III. Доминикания или Санто-Доминго

Республика Санто-Доминго представляет в своей истории менее драматического единства, чем та часть острова, которая принадлежит неграм, говорящим на французском языке. Она приобрела свою независимость гораздо позже, и до 1809 г. в пределах Санто-Доминго оставался французский гарнизон. Затем вторглись англичане, а после них—испанцы. Восстание против метрополии произошло только в 1821 г., но уже под колумбийским знаменем; однако, Боливар, которому домингцы и гаитийцы послали рекрутов и деньги, находился слишком далеко и настолько был стеснен испанцами, что не имел возможности придти, в свою очередь, на помощь антильской республике, так что эта последняя должна была соединиться с Гаити в одно государство. С 1844 г. она возвратила себе автономию, но эта автономия была слишком непрочна, и ей не раз угрожала то Франция, то Испания и Северо-Американские Соединенные Штаты.

При взгляде на карту, может показаться, что главный город республики Санто-Доминго должен находиться на берегу одного из заливов-двойников—де-Неиба или де-Окоа, которые открываются в центре южного побережья; здесь именно находится лучшее место на берегу, где оканчивается низменность, западную оконечность которой занимает Порт-о-Пренс, и долина реки Неиба, естественный путь к западному морю через бассейн Артибонита. Но война часто опустошала эту мархию между двумя половинами острова, французской и испанской,

и заселение края не могло состояться. По побережью были раскинуты только небольшие селения и деревушки, и лишь в недавнее время Барахона, расположенная у выхода дороги из Порт-о-Пренса, приобрела некоторое значение. Главный город этого округа, Азуа, построен в здоровой местности, на террасе, в десяти километрах к северу от бухты Окоа. В 1504 г. Диего Колоном был основан несколько южнее город под названием Компостелла, но землетрясение разрушило его, и тогда его отстроили на реке Виа, на нынешнем его месте. Земледелие в провинции Азуа составляет лишь побочное занятие жителей; главным же образом там развита эксплоатация каменной соли и солончаков, затем источников горной смолы и минеральных вод, что обещает стране великое будущее; скотоводство также занимает здесь не последнее место: рогатый скот и лошади пасутся в обширных саваннах верхней Неибы и верхнего Артибонита, и главным образом около городов Баника и Сан-Жуан-де-Магуана, который сохранил название бывшего гаитийского королевства. В Сан-Жуане Шомбурк открыл замечательнейшие предметы до-колумбийской цивилизации, между прочим круг из гранитных глыб, в котором предполагали изображение змеи, кусающей себе хвост, т.е. символ вечности.

Санто-Доминго, столица, давшая свое имя всей республике,—древнейший из существующих ещё городов, построенных европейцами на почве Нового Света. Она сменила в 1596 г. пост Нативидад, учрежденный Христофором Колумбом, на бухте Каракаль, в северо-западной части острова. Построенная сначала на левом берегу Озамы Варфоломеем Колумбом, она была перенесена вскоре после того на другой берег реки: соседство золотых рудников доставило Санто-Доминго привилегированное положение притягательного центра и политического средоточия страны, хотя быстрое истребление аборигенов и заставило временно приостановить работы по эксплоатации руд, но впоследствии они были возобновлены при участии рабочих-рабов. К сожалению, порт столицы, отделенный от моря баром р. Озамы, может принимать суда только небольшой осадки: все приходящие суда принадлежат к иностранному флоту.

Годовая ценность внешней торговли в Санто-Доминго, в среднем, около 12.000.000 франков. Город, окруженный ещё испанскими укреплениями, доминируемый куполами и колокольнями церквей, представляет очень красивое зрелище; подобно Гаванне, он претендует на обладание останками Колумба, будто бы, покоящимися в его грандиозном кафедральном соборе: во время оффициального перенесения праха в 1781 г. останки Христофора Колумба, говорят, были заменены останками Диего Колона. Одно из предместий населено почти исключительно эмигрантами с Канарского архипелага, которых насчитывают около одной тысячи. Вокруг столицы ютится множество небольших городков—Сан-Карлос, Розарио, Пахарито, Сан-Лоренцо, и дороги, из которых одна даже железная, идут по разным направлениям внутрь страны, соединяя с Санто-Доминго рудники и плантации. На западе, Бени, Сан-Кристобаль, с многочисленными дачами,—главные города провинции; на востоке простираются лесные пространства и саванны, среди которых расположены города Лос-Льянос, Ато-Майор, Санта-Круц-дель-Сейбо, Сальвалеон-де-Игуэй, входящие в состав автономной провинции Сейбо. Суровые сейбаносы, восточные пастухи, держали французов в осаде в Санто-Доминго в первые годы этого столетия. Плантаторы французского происхождения, поселившиеся в окрестностях города, рассеялись внутри страны, где они ещё и в настоящее время составляют класс аристократии. Больше всего их в Сан-Кристобале, названном так его основателем Христофором Колумбом.

По ту сторону гор, ограничивающих Сейбо, округ Самана занимает северо-восточный угол острова. Чудесная бухта Самана, конфигурация которой дает почти точную копию рельефа полуострова, настолько обширна, что может вместить в себе целые флоты, и отлично приспособлена для защиты против внешних нападений. Стрелка Икако, на южном берегу бухты Самана, вблизи бухты де-ла-Гина, далеко выступает в море, доходя почти до островков, расположенных близ берега у северного входа. Внутрь бухты ведут два канала: главный из них имеет не более 1.500 метров ширины, а второй настолько узок, что парусные суда мо-

гут ходить по нём не иначе, как с помощью лоцманов. Военная держава могла бы устроить на бухте Самана сильные укрепления и совершенно загородить эти порты внутренних вод, воздвигнув форты на рифах; кроме того, по соседству она имела бы богатые угольные копи, ещё до сих пор эксплоатируемые весьма мало.

В середине XVIII-го века губернатор Санто-Доминго получил приказ соорудить в Самана военные укрепления и основать под их охраной торговый город. Он немедленно же приступил к работам и выписал несколько сотен канариотов, которые водворились на пляже Санта-Барбара; но эта маленькая колония оказалась слишком ничтожною для того, чтобы привлечь торговлю к Самана, представлявшему собою совершенную пустыню. В лучшее время своего процветания французские плантаторы распространили свои владения до берега бухты, и при Луи-Филиппе с Доминиканской республикой велись переговоры об уступке полуострова Самана Франции[1]. В 1869 г. за эту мысль ухватилось также правительство Соединенных Штатов и предлагало республике ежегодно 750.000 франков за право устроить в бухте Самана морскую станцию; затем одна американская компания выхлопотала себе привилегию на торговую монополию и право на политическую власть в этой части Доминиканской территории, и три расположенные у входа острова, Паскаль, Алевантадо и Арона, были отданы в аренду флоту Соединенных Штатов, в качестве морских станций. К счастью для независимости республики Санто-Доминго, спекулятивные планы северо-американской компании не удались, и она в скором времени распалась; а вместе с тем прекратился и протекторат Соединенных Штатов.

Находящийся на оконечности полуострова порт де-лас-Флечас, или «Стрел», названный так от первой стычки, которую Колумб имел здесь с туземцами, теперь почти совсем заброшен и заменен портом Санта-Барбара, который известен также под названием Самана, как и самый полуостров. Он недоступен для судов, имеющих более 3-х метров осадки; но всё-таки это не помешало образоваться здесь небольшой торговой колонии, состоящей из разных иностранцев—северо-американцев, англичан, итальянцев. Негры, эмигрировавшие из Соединенных Штатов, поселились, в 1824 г., в С. Барбара, где до сих пор живут их потомки, говорящие всегда на английском языке и исповедывающие веслеянскую религию; редко случается, чтобы кто-нибудь из этих негров женился на женщине испанского языка. К западу от полуострова Самана, берега реки Язики тоже большею честью обработываются неграми северо-американского происхождения; они были ввезены в страну флоридским плантатором Кинслеем, который придумал для своей невольничьей колонии сложный план постепенного освобождения. Но, едва высадившись на остров, негры сами себя освободили и, выбрав земли, принялись культивировать их за свой собственный счет. *Kinsley boys*, «Кинслеевы парни», как их обыкновенно называют, сделались в этом округе очень многочисленными и слывут самыми деятельными и благоденствующими земледельцами: их плантации сахарного тростника и рощи какаовых деревьев не имеют, как говорят, себе подобных на всём острове, как по внешней красоте, так и по обилию продуктов[2]. В этих округах охотятся ещё на дикую свинью, происходящую от свиней, выпущенных Колумбом. Жемчужный промысел, которым некогда туземцы занимались около Сабана-ла-Мар, в Сан-Лоренцо, теперь заброшен[3].

Бассейн реки Юны, покатый с запада на восток к бухте Самана, и по которому в настоящее время проходит железная дорога, представляет самую богатую местность на всём острове, которая одна могла бы прокормить больше народа, чем его есть в обеих республиках: это знаменитая Вега, или «Кампанья», которая дала свое имя Консепсиону-де-ла-Вега, её главному городу. К числу городов равнины принадлежат также: Мока, Котуи, Сан-Франциско-де-Макорис, значение которых как культурных центров быстро возрастает. Сант-Яго-де-лос-Кабальерос, лежащий в той же равнине, но близ раздельного порога, на том склоне, по кото-

1 Lepelletier de Saint-Remy, „Saint-Domiugue“.

2 Stuart, цитированное сочинение.

3 „Report of the Commission of Inquiery the Santo Domingo“, 1871.

рому текут воды Якуи, данника бухты Манзанильо,—тоже административный центр провинции; это положение между двумя бассейнами, на поперечной оси, соединяющей Санто-Доминго с Пуэрто-Плата, доставило ему первое место среди других городов острова по количеству населения и ценности оборотов торговли: это центр табачной культуры и фабрикации сигар, которые отсюда вывозятся в Гамбург. Его порт на Атлантическом океане, Пуэрто-Плата, не может похвалиться своим рейдом, который часто подвергается волнению от северных ветров; но обилие продуктов, которые доставляются сюда из провинций Ла-Вега и Сант-Яго, привлекает массу судов в эту плохо защищенную гавань; она заменила порт Изабеллу, основанный Колумбом с целью сделать из него столицу Нового Света. Движение на рейде Пуэрто-Платы, в 1889 г., по приходу и отходу: 1.221 судно, вместимостью в 94.380 тонн. Ценность торговых оборотов в 1889 г.: 5.850.000 франков.

Порт Монте-Кристи, расположенный на оконечности одноименной с ним горной цепи, к северу от устьев Якуи, почти не имеет торгового движения. С этой стороны пограничная зона между Гаити и республикой Санто-Доминго представляет почти пустынную местность. В горах, возвышающихся к югу от Ла-Вега, путешественник Эггерс открыл недавно жилые деревни, о самом существовании которых не было даже известно в Санто-Доминго: они занимают круглые долины, обставленные со всех сторон крутыми горами.

Доминикания находится на пути быстрого прогресса, благодаря большому проценту рождаемости, продолжительному миру, царившему во всём государстве в последние годы, и значительной иммиграции с густонаселенных островов Ямайки и Порто-Рико. В большей части документов, относящихся к Санто-Доминго, численность населения показана в 300.000 человек, но оффициальное исчисление, сделанное в 1888 г., подняло её до 610.000 человек, и можно допустить, что эта цифра не преувеличена, так как рождаемость значительно превосходит смертность: нередко бывало, что первая в три раза превосходила вторую. Жители Санто-Доминго в огромном большинстве смешанной расы, так как скрещивания начались ещё в конце XV века, и в этом смешении европейский элемент представлен гораздо сильнее, чем на Гаити: он ещё возрастает год от году, благодаря иммиграции, и, по всей вероятности, будет постепенно видоизменять также населения франко-африканской республики, так как сношения с одной стороны границы на другую становятся всё более и более оживленными.

Санто-Доминго представляет собою не столь исключительно земледельческую страну, как Гаити. Восточная республика заключает в себе эксплоатируемые металлоносные жилы, между прочим, золотые и серебряные рудники, в которых завоеватели погубили на работе всё туземное население острова; она обладает также обширными саваннами, естественными пастбищами, на которых домингцы могли бы разводить столько лошадей и рогатого скота, что их хватило бы для всех Антильских островов. Первое место в земледелии Санто-Доминго занимает культура сахарного тростника, в которой здесь не видят, как в Гаити, живого символа невольничьего режима; растение это утилизируют не только для фабрикации тафии, но также для производства сахара и сахарного песка. Производство сахарного тростника в Санто-Доминго в 1887 г.: 18.683 тонны сахару; 21.939 тонн патоки. В истории Санто-Доминго сохранились имена Педро д'Эсенсиа (или д'Атенса), который в 1506 г. первый привез сюда сахарный тростник с Канарских островов, и двух плантаторов, Баллестро и Велосо, которые первые распространили в стране этот тростник. Кофе составляет крупную статью вывоза, как и в западной республике, а культура табака значительно увеличилась в последние годы под наблюдением кубанских плантаторов, главным образом на сиерре, называемой по роду её продуктов—Табако: это—группа холмов из красного гравия, отделяющихся от гор Сибао, между реками Гурабо и Кана, притоками реки Якуи. Вывоз табаку из Доминикании в 1898 г.: 7.535 тонн.

Расширение собственно земледельческой культуры уменьшило в такой же мере эксплоатацию лесов, в которых рубят красное и красильное деревья. В силу закона, изданного в 1876 г., свободные земли распределены небольшими участками между гражданами и эми-

грантами-колонистами, которые обязываются на известных условиях обработывать их.

Внешняя торговля Санто-Доминго, по размерам стоящая гораздо ниже, чем в Гаити, производится главным образом с Соединенными Штатами и складами на датском острове св. Фомы.

Ценность заграничной торговли Доминикании в 1898 г.: ввоз—1.696.280 доллар. золотом; вывоз—5.789.997 доллар.

Движение торгового обмена значительно усилилось со времени проведения железных дорог: первая линия, проложенная от Ла-Вега к бухте Самана, на протяжении 116 километров, оказала уже значительную услугу по вывозу домингских товаров. Телеграфная сеть тянется от одного моря до другого, захватывая значительнейшие города государства (длина её в 1897 г. 690 километр.) Число открытых и закрытых писем, и других отправлений по почте составляло в 1897 г. 628.000. Около 300 школ посещались в 1890 году, с 10.000 учащихся.

Конституция, действующая в Доминикании с 1844 г., т.е. с той эпохи, когда эта республика отделилась от Гаити, много раз подвергалась изменениям, а впродолжении двух лет во время испанского нашествия даже совсем была приостановлена. По последнему учредительному акту, изданному в 1880 г., законодательная власть принадлежит национальному конгрессу, состоящему из народных представителей, выбираемых ограниченным голосованием на два года, по два от каждой провинции или округа. Президент республики избирается тоже народным голосованием и управляет страною при содействии совета шести министров, заведующих каждый отдельною частью. Каждая провинция имеет свое автономное законодательное собрание, но представителем центрального правительства является там губернатор, назначаемый президентом. Так же точно общины и кантоны имеют свои выборные учреждения. Католичество по-прежнему есть государственная религия, но и другие вероисповедания не воспрещены. Доминикания имеет свое небольшое войско в несколько тысяч человек, сильно обременяющее государственный бюджет, составлявший в 1897 году около 8.375.000 франков; главный источник доходов дают таможенные пошлины, которые, впрочем, отданы на откуп одному финансовому обществу. Государственный долг равняется (1897 г.) 121 миллиону франк.

Территория республики состоит из пяти провинций и пяти приморских округов, указанных в нижеследующей таблице, вместе с количеством их общин и численностью населения, а также числом жителей их главных городов:

	Провинции и округа	Население	Общины	Главные города	Население
Провинции	Азуа-де-Компостелла	50.000	6	Азуа	14.000
	Санто-Доминго	134.000	10	Санто-Доминго	25.000
	Сеибо	56.000	3	Сеибо	12.000
	Вега	132.000	9	Вега	11.000
				Мако	18.000
	Сант-Яго-де-лос Кабальерос	40.000	3	Сант-Яго	32.000
Округи	Барахона	20.000	3	Барахона	5.000
				Неиба	12.000
	Педро-де-Макорис	40.000	2	Сан-Педро-де-Макорис	7.000
	Самана	18.000	6	Санта-Барбара-де-Самана	5.000
	Пуэрто-Плата	40.000	2	Пуэрто-Плата	15.000
	Монте-Кристи	40.000	4	Монте-Кристи	1.500

Глава X Пуэрто-Рико

Четвертый из Больших Антильских островов по пространству, но первый по плотности

населения и благосостоянию, Пуэрто-Рико (Боринкуен арауаков) кажется, в сравнении с Кубой, весьма незначительною частью прежней колониальной империи испанцев в Новом Свете; но если судить не по километрической поверхности, а по числу жителей, по производительности и по торговому значению, разность между этими островами меньше, чем можно бы было предполагать.

Пуэрто-Рико продолжает с запада на восток прямую линию, образуемую Ямайкой и южным побережьем Гаити. Форма его почти геометрически правильна: это—параллелограмм, имеющий длину почти втрое больше, чем ширину, и обращенный своими четырьмя сторонами на все четыре стороны света; только две его стороны, ориентированные по градусам широты, несколько сближаются у восточной оконечности. Многие части побережья, на севере и на юге, иссечены зазубринами, а на юго-западе берег, слегка поднимающийся над уровнем моря, усеян лужами; но эти неправильности в деталях совершенно ускользают в общем виде Пуэрто-Рико. Даже остров и островки, рассеянные на востоке, составляют как бы выступившее наполовину из воды продолжение островного массива, с его геометрической окружностью. Остров де-Виекес, или «Крабов», кажется продолжением южного хребта Пуэрто-Рико, а остров Кулебра лежит в море как краеугольный камень, ожидающий выступления наружу окружающих пространств морского дна. Что касается до острова Мона, лежащего к западу от западного побережья, среди канала, отделяющего Пуэрто-Рико от Санто-Доминго, то он также находится на том же подводном цоколе, как и большой остров, к которому он причисляется политически. Раздельный порог между Атлантическим океаном и Антильским морем продолжается на запад и на восток от Пуэрто-Рико, чтобы соединить эту землю с одной стороны с Гаити, а с другой—с Виргинскими, или Девичьими островами; но на севере и на юге подводные скаты спускаются правильно к глубинам в две, три и четыре тысячи метров, а со стороны океана даже до $8^1/_2$ километров.

Испанские острова группы Пуэрто-Рико: собственно Пуэрто-Рико—9.144 кв. километр.; другие острова: Мона, Виекес, Кулебра и проч.—476; всего—9.620 кв. километр.

Рельеф Пуэрто-Рико много уступает по высоте рельефу других Больших Антильских островов, и даже некоторые из Малых Антильских имеют вершины, могущие поспорить своей высотой с пуэрто-риканскими. Однако, Пуэрто-Рико не имеет гладкой, как стол, поверхности, которая соответствовала бы прямоугольнику его окружности: там есть холмы и горы, возвышающиеся в виде массивов и цепей, но в общем расположенные без какого-либо определенного порядка. Самая высокая вершина—Юнке («Наковальня») де-Лукильо, называемая также просто Лукильо, как и город, лежащий у её подошвы. Она возвышается не в центре острова, а в его северо-восточном углу. От этой береговой вершины, высотою в 1.119 метров, отроги расходятся между её бассейнами истечения, разрезанные реками на извилистые хребты, но главный выступ остается в южной части острова, представляя для текущих вод скат, значительно более отлогий на северном склоне. Около западной своей оконечности горная цепь, состоящая главным образом из известняковых скал, делится на расходящиеся отроги, из которых иные выдвинулись, в виде мысов, в самое море. Долины, орошаемые, каждая своей рекой, спускаются, по всей окружности острова, перпендикулярными к берегу впадинами; некоторые из них тянутся более, чем на сто километров, и многие из рек, вырывших эти долины, носят название «рио-Гранде». И они вполне его заслуживают, во-первых, по своей длине, сравнительно с реками южного склона, а во-вторых, и по количеству катимой воды, которую в избытке доставляют обильные дожди, приносимые на этот склон пассатными ветрами.

Туземцы Пуэрто-Рико, не имевшие недоступных убежищ в горах своей страны, быстро исчезли после завоевания, несмотря на их многочисленность: по свидетельству летописи, их было около миллиона человек, которые находились под властью одного кацика. Предполагают, что они составляли часть той же расы, как и туземцы Гаити: власть у них переходила от дяди к племяннику, сыну сестры. Земледельцы зачастую находят в земле оружия и украшения, которые свидетельствуют о самобытности боринкенской цивилизации: это—ожерелья

или, скорее, латы из сиенита или других массивных камней, не встречающихся вне Пуэрто-Рико и северных Малых Антильских островов; однако, довольно похожие предметы находят в стране гуакстеков и тотонаков, в Мексике. Некоторые из этих пуэрто-риканских лат, весящие до 27 килограммов, имеют правильную форму и почти без всяких украшений, тогда как другие заканчиваются бляхой. Большинство археологов видят в них подобие тех деревянных ошейников, которые носят китайцы; Гами полагает, что главари, в известную пору года, обязаны были надевать эти ошейники и исполнять в них перед народом пляску, чтобы показать, что они вполне сохранили физическую крепость[1]. Как и на других Антильских островах, краснокожая раса была заменена черною для трудных земледельческих работ по культуре; но колонизация совершалась медленнее, чем в Эспаньоле, золотоносные месторождения которой привлекали к себе завоевателей. В 1509 г. Понсе-де-Леон основал на острове первое поселение, Капарра, от которого остались лишь одни развалины, лежащие к югу от нынешней столицы, близ деревни, получившей название Пуебло-Виехо, или «Старый город».

Начало колонизации было крайне трудное, так как ураганы, нашествие караибов и истребление первой культуры муравьями заставили жителей покинуть остров, который после того заселялся чрезвычайно медленно. В 1700 г. на Пуэрто-Рико было всего три селения. Но в последние сто лет этот остров сделался одною из стран, где население увеличивается с наибольшею правильностью и постоянством. В 1765 г. первая перепись[2] определила население всего острова в 44.843 человека, распределявшихся в двадцати-четырех округах. После этого прирост продолжался в нормальной прогрессии, из году в год, за исключением 1855 г., когда холерная эпидемия унесла в могилу 30.000 человек[3]. В настоящее время цифра населения превышает, вероятно, 820.000 человек: в общем каждые тридцать лет население увеличивалось вдвое; такой быстрый прирост наблюдался только во французской Канаде, которую выставляют всегда как образец. В отношении своей поверхности Пуэрто-Рико принадлежит к самым населенным островам: он имеет, сравнительно, гораздо больше жителей, чем три других Больших Антильских острова, и по километрической плотности превосходит даже свою метрополию; в Европе и в Новом Свете найдется немного стран, которые в этом отношении превосходили бы этот четвертый Антильский остров.

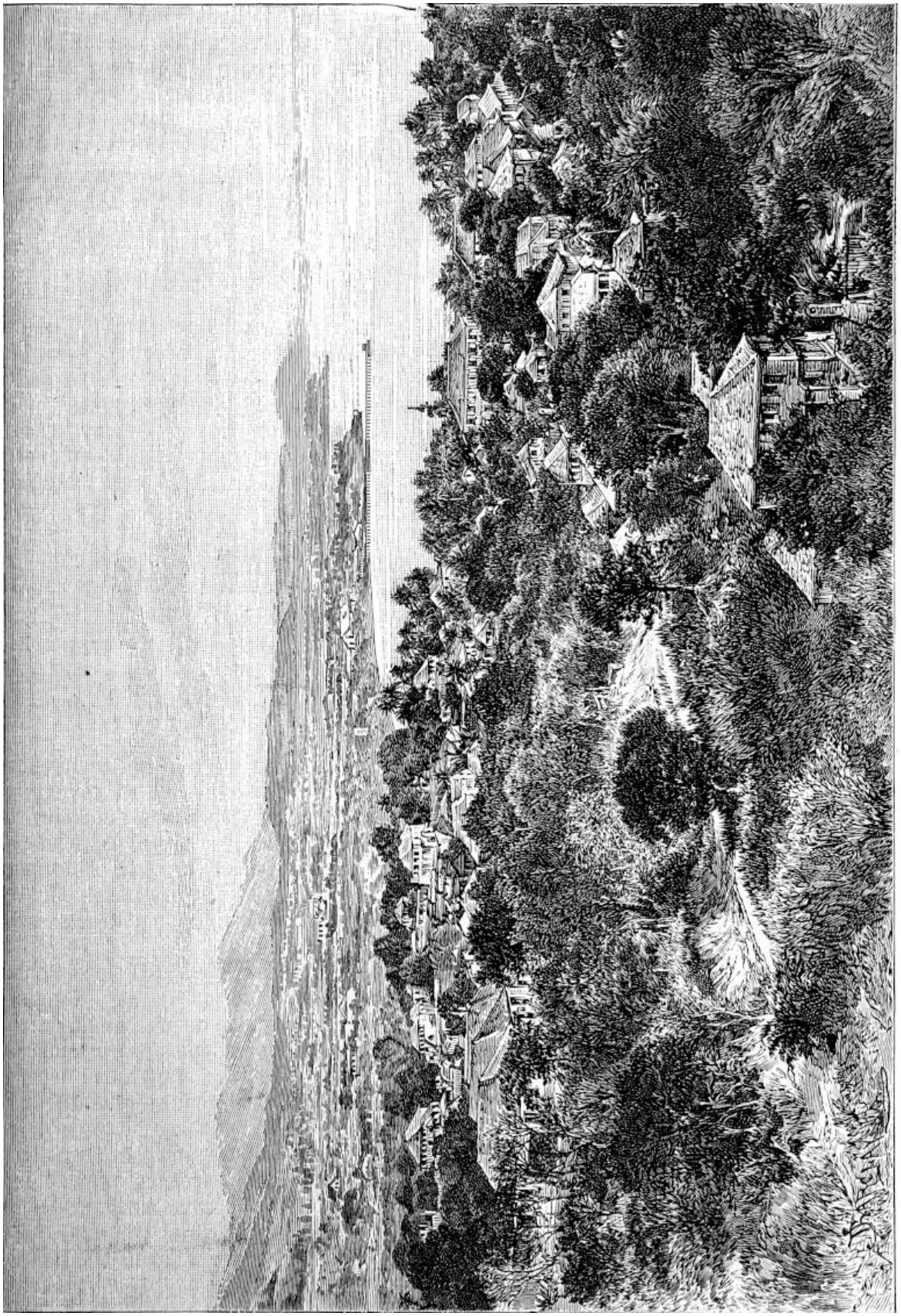
Сравнительная таблица населения Пуэрто-Рико и других стран.

	Поверхность в кв. километрах	Число жителей в 1890 г.	Километ. население, жителей
Пуэрто-Рико и т. д.	9.620	820.000	85
Другие Большие Антильские острова	206.846	3.735.000	18
Мексика	1.987.063	11.600.000	5,8
Соединен. Штаты	9.331.960	62.500.000	6,7
Испания	501.113	17.000.000	34

В среднем, рождаемость почти вдвое больше смертности. Такое необыкновенно быстрое заселение Пуэрто-Рико в течение этого столетия объясняется отчасти естественным плодородием почвы и однообразием её рельефа; кроме того, с 1810 по 1825 год на остров прибыло много испанских эмигрантов, которые волей или неволей должны были покинуть возмутившиеся страны Нового Света. В то время между Пуэрто-Рико и странами Южной Америки, в особенности с Венецуэлой, происходили частые сношения, и, подобно своим собратьям по расе, антильские островитяне хотели завоевать себе независимость. Они восстали в 1867 г. с криками: «Да здравствует независимость Боринкена!»; но землетрясение навело ужас на заговорщиков, и в следующем году новое возмущение было быстро подавлено[4]. С этого времени не проявлялось больше никакой попытки на завоевание себе независимости.

1 „Congres international des Americanistes“. Berlin. 1888.
2 Alejandro O'Reylly, „Memoria sobre la isla de Puerto-Rico“.
3 Jimeno Agius, „Poblacion y Comercio de la isla de Puerto-Rico“.
4 Justo Zaragoza, „Las Insurrecciones de Cuba“.

Настоящее процветание острова объясняется различными причинами, имеющими важное значение. Жители его не обладали ни золотоносными рудниками, ни какими бы то ни было исключительными привилегиями, которые бы возбуждали алчные желания в их сосе-

Видъ на островѣ Святаго Креста.

дях; живя в отдалении от Соединенных Штатов, им нечего было бояться, подобно Кубе, разных посягательств со стороны северо-американских авантюристов; наконец, Пуэрто-Рико долгое время был заселен почти исключительно земледельцами андалузского происхожде-

ния, *jivaros* или *goajiros*, которые сами обработывали свои земли, занимались скотоводством и располагали лишь весьма небольшим числом невольников. В 1765 г., во время первой переписи, невольничья часть населения составляла около восьмой доли, а через сто почти лет, т.е. в 1860 г., по последнему счислению, произведенному до освобождения негров, значилось около 42.000 рабов, при 583.000 общего населения; таким образом, пропорция людей, лишенных свободы, равнялась всего лишь одной четырнадцатой. Оттого испанские кортесы, не имея перед собой в Пуэрто-Рико затруднений, подобных тем, какие существовали на Кубе, где командовало тайное правительство землевладельцев, провозгласили здесь отмену рабства гораздо раньше, именно в 1873 г. Плантаторы Пуэрто-Рико, располагая достаточным количеством работников, не ввозили на свой остров индусских или китайских кули, как это делали жители других Антильских островов.

По переписи, Пуэрто-Рико стоит в числе тех редких стран тропической Америки, в которых живет больше белых, чем людей другой расы. Ещё в прошлом столетии дело обстояло иначе: в 1775 году на острове было всего 29.000 белых и более 50.000 жителей чисто африканского или смешанного происхождения. В 1830 г. два этнических элемента приблизительно уравновесились, и во время переписи 1887 г. довольно значительный перевес оказался уже в пользу белых.

Белых пуэрто-риканцев в 1887 г.—474.933; мулатов пуэрто-риканцев—323.622; итого, вместе с неклассифицированным населением,—806.708 душ.

Впрочем, за безусловную верность этих статистических данных ручаться нельзя, так как возможно, что составители переписи, из любезности, в рубрику «белых» внесли порядочное число островитян, цвет кожи которых заставлял скорее предполагать у них смешанное происхождение. Трудно установить истину в подобном деле; из чувства личного тщеславия, большая часть тех, в жилах которых трудно предположить благородную «голубую кровь», пользовались всяким удобным случаем, чтобы причислить себя к чистокровной кастильской расе. Во всяком случае нельзя не удивляться этому преобладанию белой расы над мулатами в климате, столь благоприятном для людей африканского происхождения: позволительно видеть в этих цифрах не выражение этнического явления, а выражение национальной причуды.

Пропорция белых и мулатов на Пуэрто-Рико по переписи: в 1877 г.:—562 белых на 438 мулатов; в 1887 г.:—595 белых на 405 мулатов.

Впрочем, разность эта не имеет существенного значения, так как и белые, и негры принимают одинаковое участие в общем движении цивилизации и всё более и более сближаются между собою по понятиям и нравам. Замечателен только тот антропологический факт, подтвержденный последними переписями, что в белом населении мужской элемент по численности преобладает над женским, в противоположность тому, что наблюдается во всех странах Европы.

Население Пуэрто-Рико в 1887 г. по цвету и полу, не включая сюда той части населения, которая переписана огулом:

	Мужчин	Женщин	Итого
Белых	239.400	245.533	474.933
Мулатов	159.621	164.011	323.632
	399.021	399.544	798.565

Явление это объясняется иммиграцией, которая на Пуэрто-Рико, как и в других странах Нового Света, состоит главным образом из мужчин; в самый год переписи в стране насчитывалось 5.616 иностранцев из белых, между которыми значительную долю составляли майоркские чуетасы израильского происхождения[1].

Сан-Жуан-Баутиста-де-Пуэрто-Рико, столица острова, наследовавшая Капарре и Пуебло-Виехо, стоит не на самой островной земле, а на острове кораллового происхождения, который образует наружный берег перед извилистой лагуной; с главным корпусом Пуэрто-

1 Jerolim von Benco, „Reise des Schiffes Zrinyi“.

Рико она соединяется мостом. Закладка этого города относится к 1511 г.; с 1534 г. начали возводить укрепления, которые придают городу живописный вид; впрочем, им же столица обязана была частыми атаками во время колониальных войн, атаками, которые, несмотря на удачное отражение, всё же имели влияние на уменьшение значения Сан-Жуана сравнительно с другими городами Пуэрто-Рико, сделавшимися гораздо населеннее. Порт его, достаточно глубокий для больших судов, сообщается с открытым морем посредством извилистого, трудно проходимого канала, куда нельзя пускать суда без надежного лоцмана. К западу от лагун, которые продолжают бассейн порта, река Байяман выдвинула наносный полуостров, который постепенно заваливает боковые бухты. Самый значительный город этой долины, носящий одинаковое с рекою название, Байяман, есть центр отлично обработанной земледельческой области и главный город департамента. Город Рио-Пьедрас и местечко Сантурсе, находящиеся в той же провинции, замечательны как главные дачные местности в окрестностях Сан-Жуана: виллы рассеяны здесь среди рощ, на берегу ручьев и речек.

Аресибо, тоже главный город департамента, по числу жителей превосходит Сан-Жуан, несмотря на то, что стоит в некотором расстоянии от моря, на несудоходной реке, и что его открытый рейд опасен в бурную погоду для судов. Рио-Гранде д'Аресибо орошает своим течением плодородные окрестности двух городов—Аджунтаса и Утуадо, лежащих в гористой области. В департаменте Аресибо открыли множество сталактитовых пещер.

На западном берегу лежит Агуадилья, которая, благодаря своей широкой бухте, хорошо защищенной от пассатных ветров, ведет довольно значительную торговлю: через эту гавань вывозятся сахар и кофе из Лареса, Пепино, Мока и других мест долины Колубринас; как показывает само название, этот город был прежде меньше другого, более древнего, города Агуады, лежащего внутри острова, но в настоящее время это уменьшительное имя Агуадилья неуместно, так как он значительно опередил своего предшественника и по количеству населения, и по деятельности. Несколько южнее, но на том же берегу, т.е. «с подветренной стороны», находится другая бухта, Маягуэс, где каботажные суда и даже паровые пакетботы грузятся апельсинами, бананами и кофе: земледельцы Маягуэса и других окрестных городов —Аньясо, Кабо-Рохо, Сан-Герман,—говорят, что они получают лучшие на всём Пуэрто-Рико урожаи. Остров Мона, или «Генона», со своим Монито, или «Маленькой обезьяной», дал свое имя проливу, открывающемуся между Пуэрто-Рико и Санто-Доминго. Этот остров, изобилующий гуано, принадлежит к департаменту Маягуэс. На его западном мысу возвышается нависшая громадная скала, которую моряки прозвали «Caigo o no Caigo», т.е. «Упаду или не упаду»?

Самый западный порт на южном берегу—Гуаника. Это лучший из портов Пуэрто-Рико, а между тем суда избегают его, потому что он продолжается внутрь острова болотами и низкими пляжами, очень неудобными для сообщения; через эту гавань ведут небольшую торговлю только ближайшие города—Сан-Герман, Сабана-Гранде и Яуко. Затем, по направлению к востоку, следуют бухта Гуаянилья и бухта Понсе, или ла-Плайа, лежащая в 5 километрах к югу от главного города острова, настоящей его столицы, хотя оффициально он и не носит этого титула. Город этот широко раскинулся в прекрасной равнине, среди садов и плантаций; он славится своими теплыми водами. Морская пристань ла-Плайи занята огромными складочными магазинами для товаров, привозимых в этот торговый центр острова. После города Понсе, самые многолюдные города департамента—Яуко и Жуана-Диац, расположенные у южного основания сиерры.

Восточная область Пуэрто-Рико населена менее западной; она представляет также менее выгод в торговом отношении, потому что лежит «на ветру», и суда с трудом находят там пристанище. Все главные города находятся внутри острова или по крайней мере в некотором расстоянии от моря. Кайей, Кагуас, Сан-Лоренцо, или Хато-Гранде, лежащие в гористой области, обладают богатыми кофейными плантациями и обширными пастбищами для скотоводства. Губернские города Гуайама и Гумакао были основаны в приморской области, в нескольких километрах от берега. В северо-восточном углу прибрежные острова и островки,

цепи рифов и иссечения берега представляют убежища, где гоэлеты могут укрыться в дурную погоду. Порт маленького острова Кулебры посещается главным образом рыболовами и лесопромышленниками. Остров Виекес, удлиняющийся в виде копья по направлению к северо-востоку, имеет всего лишь одну деревню, Изабель-Сегунда (Изабелла II), находящуюся на северном берегу; у французских моряков он известен под названием острова Крабов. Кулебра и Виекес называются также ислас-дель-Пазахе, по причине их положения у берега большого «канала» Девичьих островов.

Пуэрто-Рико почти во всём сделал такие же успехи, как в заселении острова. С половины прошлого столетия социальное положение жителей совершенно изменилось. В ту эпоху совсем не было городов, и поселяне только по праздникам сходились в центре своего прихода. Они жили в простых лачугах, без оконных рам и створчатых дверей, и не имели другой посуды, кроме тыкв: если случалось, что в дом к кому-нибудь попадала бутылка, то она, как драгоценный предмет, передавалась по завещанию самому любимому сыну. В настоящее время более половины всех пуэрто-риканцев живут в городах, преимущественно приморских, и торговые сношения ознакомили их со всеми современными изобретениями. В 1772 г. историк острова, Иньиго Абад, говорил, что торговые обороты Пуэрто-Рико «сводятся к нулю». Кое-какой обмен товарами в единственной гавани, оффициально открытой для внешней торговли, да несколько тайных рынков в других бухтах,—вот и всё тогдашнее торговое движение, которое не достигало даже десяти тысяч пиастров в год. С тех пор производство сахара, кофе, табака и, в меньших размерах, воска и меда настолько обогатило Пуэрто-Рико, что дало ему возможность покупать все нужные товары из Европы и Соединенных Штатов.

Производство трех главных продуктов Пуэрто-Рико:

Годы	Сахару	Кофе	Табаку
1783	130 тонн	560 тонн	350 тонн
1824	8.970 „	3.500 „	328 „
1888	61.987 „	23.225 „	1.518 „

Большая часть торгового обмена совершается с Северо-Американскою республикою; она снабжает пуэрто-риканцев мукой, соленой свининой и лесом, а получает от них сахар, патоку и кофе.

Ценность внешней торговли Пуэрто-Рико в 1895 г.: ввоз—17.446.000 франков; вывоз—15.799.000 франков.

Движение судоходства в портах Пуэрто-Рико в 1895 г.: в приходе—1.077 судов, общею вместимостью в 1.079.036 тонн; в отходе—1.070 судов, в 900.379 тонн.

Прямые сношения Франции с Пуэрто-Рико совсем ничтожны. Движение судоходства весьма деятельное, но участие островитян в торговом флоте самое незначительное; пуэрто-риканцы не моряки.

Флотилия пуэрто-риканских арматоров в 1886 г.: парусных судов—1.759, вместимостью —7.893 тонны; паровых судов—9, вместимостью—3.976 тонны; всего—1.768, вместимостью —11.869 тонн.

По части путей сообщения Пуэрто-Рико может назваться одним из образцовых между Антильскими островами. Все города соединены между собою большими дорогами, и на окружности большого четырехсторонника дороги образуют другой четыреугольник, стороны которого соединены чрез известные промежутки поперечными эшелонами. В настоящее время строится железная дорога, которая охватит кольцом всё побережье острова, на протяжении 496 километров; от этой главной линии пойдут побочные ветви, которые соединят города с их морскими пристанями и внутренними рынками. Что касается до телеграфной сети, то все главные её линии уже окончены.

Общая длина железн. дор. в Пуэрто-Рико в 1897 г.: 195 килом.; общая длина телеграф. линий в Пуэрто-Рико в 1892 г.: 778 килом.

Население, седьмая только часть которого в 1887 г. была грамотна, не может ещё в должной мере пользоваться почтой и телеграфом, но за последние годы народное образование быстро шагнуло вперед.

В административном отношении Пуэрто-Рико считается не колонией, а провинцией Испании, наравне с другими провинциями. Представитель монархии, генерал-губернатор острова, есть в то же время главнокомандующий войсками. В каждом главном городе также есть воинский начальник, а в каждом местечке—свой алькад, назначаемый центральной властью. Провинциальная депутация избирается народным голосованием в тех же условиях, как и в Испании. Гарнизон состоит из 3.000 человек; годовой бюджет простирается до двадцати миллионов. Счет финансового 1894—95 года: приход—4.454.958, расходы—3.903.667 песо.

По парижскому мирному трактату 1898 г., Пуэрто-Рико был уступлен Испанией Соединенным Штатом С. Америки, которые присоединили остров к своим владениям в качестве колонии и ввели на нём военное управление.

Нижеследующая таблица дает список семи департаментов, с числом их общин и населением самых больших городов; следуют оговориться, что показанные цифры жителей относятся не к городу в тесном смысле, а к муниципальной «юрисдикции». Столичный округ находится в департаменте Байамона, но оффициально не составляет его части:

Департаменты	Население в 1887 г. жит.	Общины	Главные города	Население в 1887 г. жит.
Столичный округ и Байамон	131.116	14	Сан-Жуан	27.327
			Байамон	15.316
			Рио-Пьедрас	11.042
Аресибо	124.835	9	Аресибо	29.722
			Утуадо	31.292
Агуадилья	86.551	7	Агуадилья	16.306
			Ларес	17.163
Маягуэс	116.982	7	Маягуэс	28.246
			Сан Герман	19.933
Понсе	160.140	11	Кабо-Ройо	16.844
			Понсе	42.705
			Яуко	24.411
			Жуана-Диац	21.032
			Аджунтас	16.321
Гуайама	98.814	11	Гуайама	13.648
			Кагуас	15.031
Гумакао	88.270	10	Гумакао	14.936

Глава XI Девичьи острова (Virgin Islands) и Санта-Круц

«Девичьи» острова были так названы Колумбом потому, что они усеивают море своими островами и островками длинною вереницею, напоминая процессию «Одиннадцати тысяч Дев» (*совершивших, по словам легенды, под предводительством св. Урсулы, паломничество в Рим и на обратном пути перебитых войском гуннов, осаждавшим Кельн*). Эта вереница островов составляет продолжение большого острова Пуэрто-Рико, но, изгибаясь немного к северо-востоку, прежде чем соединиться с цепью Малых Антильских островов. Девичьи острова образуют, так сказать, ключ свода обширного полукруга, который описывают все антильские земли в совокупности; по своим подводным цоколям, а равно и по оси своего ориентирования, они скорее принадлежат к группе Больших Антильских островов, чем к Микро-Антилии: с восточной стороны раздельный пролив имеет более 2.000 метров глуби-

ны, а расстояние между ближайшими островами двух островных групп превышает 400 километров. Что касается до острова Санта-Круц, в политическом отношении принадлежащего к группе Девичьих островов, то он, с географической точки зрения, составляет отдельную землю. «Океанская коса» отделяет его от северной цепи, а подводною своею частью он образует как бы передовой мыс Малых Антильских островов; таким образом две островные системы пересекаются своими оконечностями.

Пространство и вероятное население в 1890 г. Девичьих островов и о. Санта-Круц (св. Креста), не включая сюда островов, принадлежащих Испании:

		кв.кил.	жителей	жит. на кв. кил.
Датские острова	Св. Фомы (Санкт-Томас)	86	14.390	167,5
	Св. Иоанна (С.Ян)	55	950	18
	Св. Креста (С. Круц)	218	18.430	84
	Итого	359	33.770	33
Английск. острова	Тортола	165	5.200	94
	Вирджин-Горда			
	Анегада и др			

Острова Кулебра и Виекес, лежащие по соседству с Пуэрто-Рико, принадлежат уже к группе Девичьих островов, хотя в политическом отношении находятся в зависимости от ПуэртРико. Средние острова, Санкт-Томас (св. Фомы) и св. Иоанна (Сант-Ян, Сент-Джон), принадлежат Дании, равно как и уединенный южный остров св. Креста; наконец, восточные острова до рифов и длинного вала Анегады, или «Затопленного острова», составляют часть колониальной империи Великобритании.

Остров Санкт-Томас (св. Фомы), несмотря на свою незначительную величину, был прежде самым важным из всех Антильских островов, как главное складочное место в торговых сношениях Европы с Вест-Индией. Вначале этот остров служил сборным пунктом для флибустьеров, а потом, под управлением финансовой компании, во главе которой стоял курфюрст Бранденбургский, и которой наследовал король датский, сделался главным центром контрабандной торговли с испанскими колониями и одним из крупных рынков по торговле неграми, привозимыми из Африки. Во время войн, наполнявших первые годы XIX века, Санкт-Томас, как нейтральный остров, должен был привлекать к себе коммерсантов; затем, после уничтожения невольничьего торга и провозглашения независимости в испано-американских странах, значение этого острова ещё более возросло, как вольного порта (порто-франко); в его складах, которые находились в руках евреев, плантаторы Антильских островов получали все необходимые предметы: жизненные припасы, ткани, машины, а также самые роскошные произведения европейской промышленности. Свобода торговли закрепила за Санкт-Томасом те преимущества, которыми его наградила уже сама природа, поместив его на высшей точке большой Антильской дуги, в том пункте, откуда всего легче может производиться распределение товаров во все части архипелагов. Кроме того, Санкт-Томас обладает превосходным портом, хотя неособенно большим и глубоким, но очень удобным: это почти круглый бассейн, открывающийся на юге острова, с хорошим входом и выходом, хорошо защищенный от пассатных ветров с одной стороны косою, с другой—островком; однако, случалось, что в этом амфитеатре кружились ураганы, как это бывало и в порте Гаванны, и в 1819 г. все суда, стоявшие на рейде, за исключением пяти, были выброшены на берег, так что пляж был усеян трупами и обломками. В 1837 и в 1867 гг. остров и порт тоже были опустошены циклоном.

Пар изменил торговый режим Антильских островов. Пакетботы, совершающие правильные рейсы между островами, без всякой зависимости от ветра, доставляют товары прямо потребителям, вследствие чего прекратилась надобность в общем складочном месте, и Санкт-Томас утратил свою монополию. Тем не менее порт, носящий оффициальное название Шар-

лота-Амалия, попрежнему посещается судами, так как по старой привычке город всё-ещё продолжает служить складочным пунктом; в нём насчитывается около двенадцати тысяч жителей. В 1889 г. в этот порт было ввезено товаров на сумму 5.630.000 франков. На Санкт-Томасе говорят на всех европейских языках: на испанском, датском, голландском, французском, но главным образом—на английском; креольское наречие, которое имело целую духовную литературу[1], почти совершенно исчезло. Протестантские эмигранты Южной Франции, прибывшие из Голландии после отмены Нантского эдикта, жили прежде в Бранденбургском квартале, за чертою города[2]. Главная торговая улица тянется по берегу на протяжения двух с половиною километров, а строения возвышаются амфитеатром по склонам порфировой горы; на холмах и в тенистых лощинах рассеяны виллы. С высшего пункта острова (474 метра) открывается вид сразу на оба моря, на бесплодные острова, с кое-где зеленеющими долинами, и на белые рифы, уходящие вдаль синего моря, усеянного парусами. В первые годы торгового упадка датское правительство предложило Соединенным Штатам купить у него острова Санкт-Томас и Сент-Джон за 5 миллионов пиастров, на что спрошенное население дало свое единодушное согласие. Однако, северо-американская республика отклонила это невыгодное предложение. Бюджет Санкт-Томаса в 1889 г.: доходы—670.000 франков; расходы—943.550 франков.

Санкт-Томас был родиною Ш. Сент-Клер-Девиля.

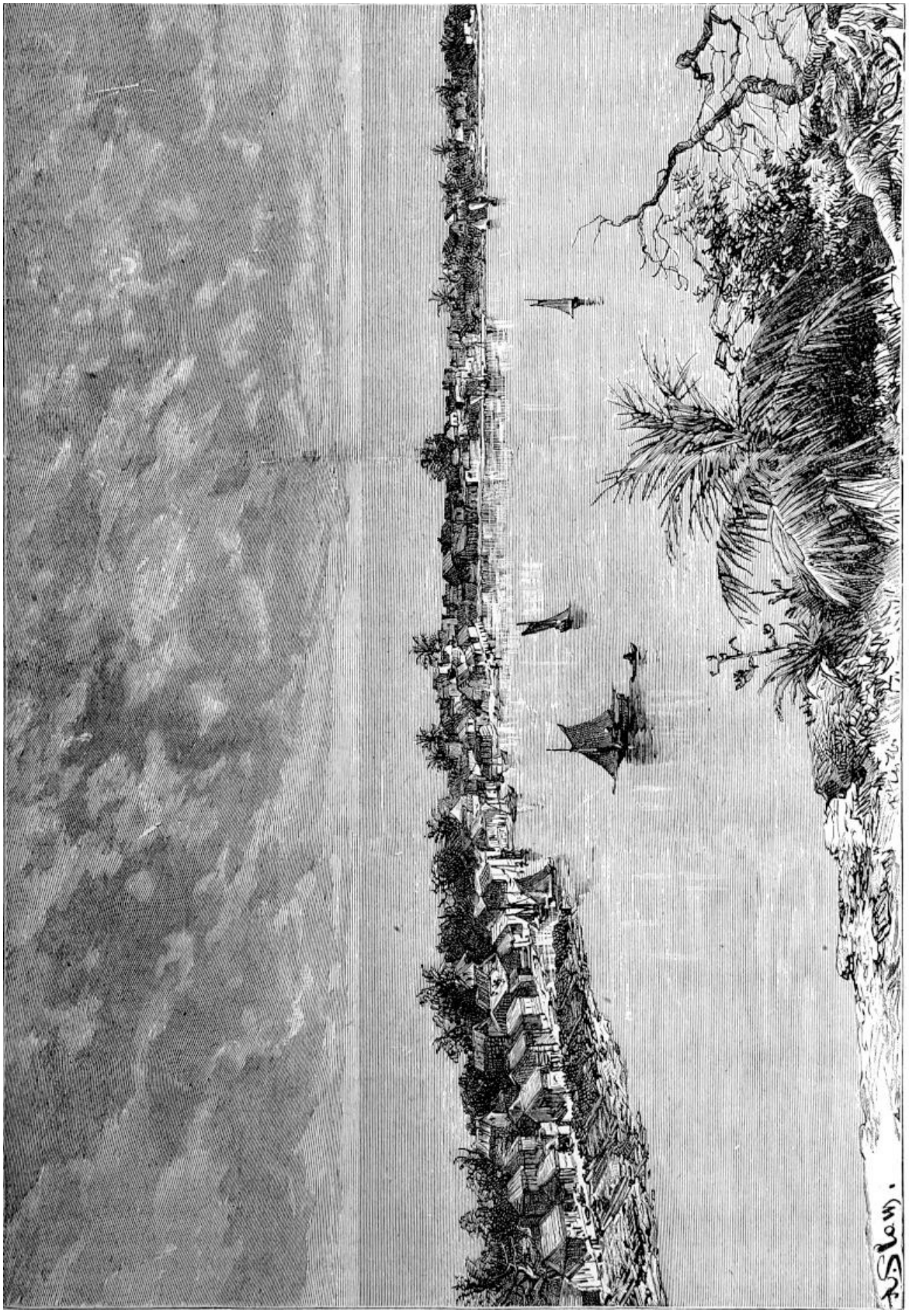
Остров Сент-Джон (Сант-Ян), или св. Иоанна, ближайший восточный сосед Санкт-Томаса, лежит в стороне от мореходного пути, вследствие чего его восточный порт, бухта Кораль, считающаяся надежнейшею якорною стоянкою во время ураганов[3], посещается только шлюпками да рыбацкими судами. У англичан этот остров известен под именем Кроль-бай, происходящим от испанского слова Корраль, «Ограда», или, может-быть, от слова «Коралл», так как бухта его окружена рифами. Главный город острова, лежащий на северо-западном берегу, представляет собою не что иное, как скромную деревню.

Третий датский остров, св. Креста, или Сант-Круц, как его назвал Христофор Колумб во время своего второго путешествия, был в те времена населен караибами. Так как на нём не оказалось драгоценных металлов, то иностранцы скоро покинули его, не загубив ни одной туземной души на урочной работе. Но за испанцами следовали английские пираты, а затем в 1650 г. явились французы, которые продали остров Мальтийским рыцарям; переходя из рук в руки, бывший Айай караибов, первоначальное население которого, порабощаемое временными хозяевами острова, постепенно вымерло, попал, наконец, во власть датского правительства, купившего его у Франции за 750.000 ливров. Санта-Круц, плантаторы которого были очень богаты в период рабства, считался одним из лучших Антильских островов по своей культуре. Весь остров был покрыт плантациями до самых вершин его холмов; распаханные алые поля, видные уже издалека, красиво чередовались с зеленеющими плантациями склонов. Лучше орошаемый, чем Девичьи острова, остров св. Креста имеет также более красивую волнистую поверхность; скалы нигде не помешали обработке почвы; южная часть острова представляет слегка покатую равнину, покоящуюся на известковом грунте; возвышенности, занимающие северо-западную часть побережья, имеют в самой высокой своей вершине, Маунт-Игль, или «Орлиной горе», не больше 400 метров высоты,

Главный город, Бассейн, или на оффициальном языке Христианстед, лежит на берегу широкого залива, в северной части острова, и прекрасные дороги, обсаженные пальмами, соединяют его со всеми деревнями и плантациями. Большинство Санта-Круцких негров, руководимых впродолжении уже нескольких поколений миссионерами, которые сами владели черными рабами, принадлежат к секте «Гернгутеров»[4], сильно изменившейся с той эпохи,

1 Hermann E. Ludewig, „The Literature of American Aborigine Languages“.
2 Labat, „Nouveau voyage aux iles de l'Amerique“.
3 „Letters from the Islands“. London, 1843.
4 Victor Schoelcher, „Les Colonies etrangeres et Haiti“.

когда первые миссионеры, Леонард Добер и Товий Лейпольд[1], добровольно продали себя в рабство, чтобы иметь возможность проповедывать Евангелие своим товарищам-невольникам. Эмансипация негров состоялась здесь только в 1848 г.; уже с предыдущего года дети ро-

Островъ Абаго (Абако). Городъ Гоптаунъ.

ждались свободными. Но освобожденные жалуются, что они не получили обещанных земель; результатом этого были неоднократные частные восстания, которые подавлялись с бес-

1 Bacot, „The Bahamas, a Sketch“.

пощадною жестокостью. В 1878 г. возмутившиеся негры сожгли город Фредерикстед, построенный на западном берегу, в кокосовой роще. В последние годы эмиграция была очень значительна: в течение одного десятилетия, с 1871 по 1881 г., Санта-Круц потерял почти пятую часть своего населения; эта эмиграция, вызванная обеднением Санкт-Томаса и понижением цены на земледельческие продукты, объясняет отчасти сильное численное преобладание женского элемента над мужским на датских островах.

Губернатор живет попеременно то на о. Санта-Круц, то на о. св. Фомы, по полугоду на каждом[1].

Тортола, самый большой из английских Девичьих островов, расположен, в форме полумесяца, к северо-востоку от о. Сент-Джона. Это—высокий остров, значительно уступающий Санта-Круцу как по величине, так и по культуре: самый высокий его пик имеет слишком 540 метров высоты над уровнем моря, и горный хребет тянется с одного конца острова до другого. Дуга островков и рифов, начинающаяся к северу от Тортолы островом Жозе-Ван-Дик, примыкает к острову св. Фомы; другой барьер идет от Сент-Джона к Верджин-Горда, опоясывая, вместе с Тортолою, морскую аллею, обширный рейд с спокойными водами: обыкновенно этому внутреннему морю дают название «улица Дев». Плывя по этому почти замкнутому морскому пространству, вдали от большой зыби океана, видишь в просветах между береговыми утесами островов перспективу отдаленного моря и бурную линию прибоя. Бывший некогда притоном пиратов, о. Тортола имел потом среди своих землевладельцев некоторое число квакеров, которые освободили своих рабов и наделили их пахотной землей; к сожалению, они не нашли себе подражателей, так что, когда было отменено невольничество, освобожденные негры плантаций толпою покинули остров, устремившись на Санкт-Томас и другие Антильские острова. Разорившиеся белые тоже уехали: с одиннадцати тысяч жителей население уменьшилось в скором времени до четырех тысяч. Главный город острова, Род-таун, лежит на берегу одной бухточки в «улице Дев»; главный промысел жителей—культура ананасов.

Далее на восток следует остров Верджин-Горда, или «Большая Дева», названный моряками Спаниш-таун,—слово, которое негры переделали в Пеннистон. Его долины, плохо орошаемые, представляют собою почти совершенную пустыню; один из его перешейков, через который легко было бы проникнуть в «улицу Дев», был ещё недавно защищен крепостью. Северо-восточная оконечность о. Верджин-Горда продолжается к северу цепью рифов, которые выступают полукруглой стеной среди глубоких вод океана и оканчиваются длинною косою Анегады, или «Затопленнаго» острова. Это действительно очень плоская и низкая земля, большая часть которой во время приливов, нагоняемых бурею, находится под водою; но средняя часть острова, поросшая мангиферами, повидимому, никогда не затопляется. Рифы, окружающие Анегаду, часто служили причиною кораблекрушений, и несчастным, выброшенным на эти скалы, редко удавалось спастись. Рассказывают, что один испанский галион, нагруженный золотом и серебром, погиб у этого острова, и что сокровище было сложено некоторыми пережившими эту катастрофу матросами в пещере внутри острова: легенда эта заставляла многих соседних островитян и флибустьеров не раз раскапывать почву Анегады, в которой предполагали найти груды серебра и золота, но все эти труды пропадали бесплодно[2].

Девичьи острова составляют «коронную колонию», т.е. находятся в прямой зависимости от британского правительства.

1 C. de Molinari, „A Panama“.

2 Labat, цитированное сочинение.

Глава XII Багамские острова

Морское плато, покрытое островами и сохранившее свое индейское имя Багама, известно также под названием Лукайского,—слово, которое производят от испанского *cayos*, или «рифы», но которое тоже туземного происхождения: один из двух больших северных островов, Абако, называется Юкайя или Лукайя, и это-то имя и было применено ко всей этой группе островов[1]. Багамские острова тянутся с северо-запада на юго-восток, от морей Флориды до вод Санто-Доминго, на пространстве более 1.300 километров. Англичане, владельцы этих островов, подразумевают под названием Багама только северный и средний архипелаги, исключая из них группы островов Кайкос и Турецких, составляющих южную часть кораллового плато; но это разделение ничем не оправдывается: Багамские острова, называемые так оффициально, составляют, вместе с Кайкос и Турецкими, одно географическое, совершенно особое целое, имеющее одно и то же происхождение и один и тот же вид. В своей совокупности Багамские острова занимают немного большее пространство, чем Ямайка. Невозможно сказать точное число всех островов, входящих в состав этого архипелага, так как оно меняется в зависимости от приливов и отливов, а также и бурь: во время высокой воды один остров разделяется целой сетью проливов на несколько отдельных островков, другой—совершенно исчезает под водою; а во время отливов земли выступают из воды, и архипелаги соединяются в один островной корпус. По Бакоту[2], Багамские острова, не считая групп Кайкос и Турецких, состоят из 690 островов и островков и 2.387 уединенных скал, и занимают в совокупности пространство в 13.960 квадратных километров. Если же считать южные архипелаги, то число островов дойдет до 3.200. В 1890 г. тридцать одна из этих земель были обитаемы.

Пространство и население Багамских островов, вместе с группами Кайкос и Турецких островов: 14.353 квадратн. километр.; 54.000 жит.; 4 жит. на квадр. килом.

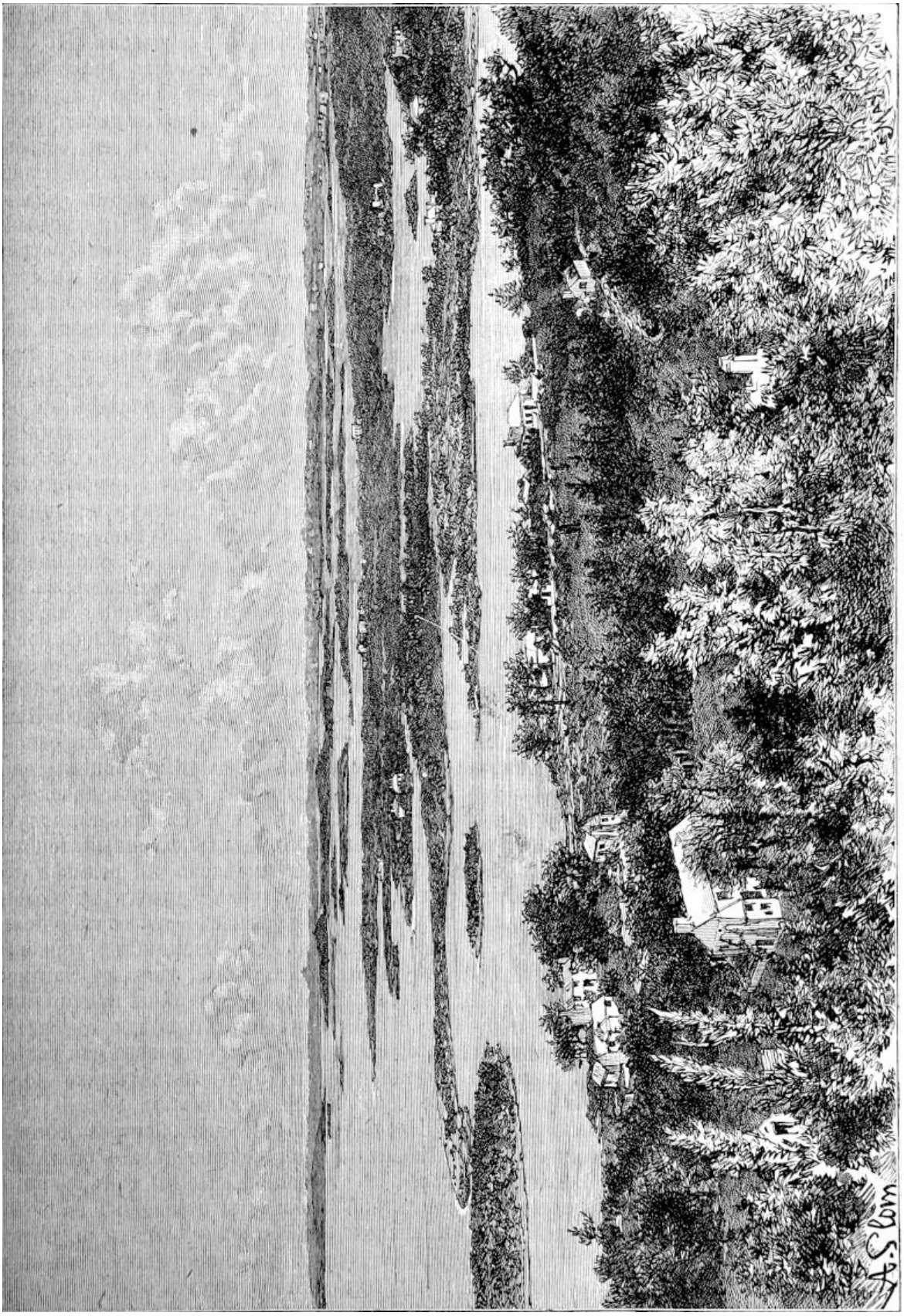
Багамские острова были первые острова Нового Света, открытые Колумбом. Известно, что он пристал к о. Гванахани, названному им Сан-Сальвадором; но он не указал местоположение этого острова достаточно точно, так чтобы можно было с уверенностью отыскать его. Испанцы, торопившиеся найти сокровища, не останавливались на этих коралловых островах и продолжали свои поиски к «Индии», надеясь собрать там груды золота и алмазов. Между тем среди новых пришельцев распространилась молва, что один из Багамских островов обладает другим, более, чем золото и серебро, желанным кладом, а именно чудодейственным «источником вечной юности», который возвращает старикам прежнюю бодрость и здоровье. Во все времена этот миф живительной воды, могущей возвращать молодость, возбуждал народное воображение, затем, благодаря поэтам и художникам этого исторического периода, который тоже был эпохой возрождения, существование таинственного источника приняло как бы реальную форму: оставалось только открыть его настоящее местонахождение, и не должно ли было казаться вполне естественным, что люди, которые только-что открыли новый мир, были предназначены самой судьбой довершить свое удивительное дело этим последним и чудесным завоеванием? Языческие и христианские идеи перемешались в их уме: Колумб думал, что обрел Рай, а Понсе-де-Леон мечтал открыть источник вечной жизни, о котором говорится во всех мифологиях. В 1512 г. он отправился из Пуэрто-Рико с тремя кораблями бродить в лабиринте Багамских островов в поисках чудодейственного источника. Он искал его долго, но безуспешно, а когда его преемник Перес-де-Ортубиа достиг, наконец, искомого островка, одной из скал Бемини, окаймляющих с восточной стороны канал Флоридский, то струйка воды, бьющая из камня, оказалась необладающей никакой живительной силой.

Эти люди, мнившие себя избранниками неба, призванными возвратить потерянный рай, имели очень странные понятия об этом блаженном местопребывании, так как они начали

1 Mac-Kinnen, „A Tour through the Brirish West-Indies“.

2 „The Bahamas, a Sketch“.

свое дело порабощением и истреблением туземцев. Они не пожелали поселиться на низменных Багамских островах, но предпочли воспользоваться их населением, которое перевезли на плантации и в рудники других Антильских островов. В 1509 г. король Фердинанд даро-

Бермудскій архипелагъ.

вал право на торг лукейцами, и сряду после этого на несчастных началась охота, как за дичью; их травили даже бульдогами, так что острова в несколько лет были совершенно опустошены. Европейцы главным образом надеялись эксплоатировать замечательные водолазные

способности туземцев Багамских островов, которыми они обладали в такой же степени, как и жители Микронезии: раковины, которые зоркие лукейцы высматривали на дне прозрачной воды, служили главным предметом их пропитания; перед каждым обедом и ужином они отправлялись на берег и собирали эти раковины на морском песке, между кораллами и водорослями. Вследствие этого, туземцы Багамских островов имели большую ценность в глазах испанцев с жемчужных берегов Куманы, на южно-американском побережье, и они назначали высокую плату за этих водолазов: за одного такого туземца платили до 150 дукатов; но через несколько лет не осталось более ни одного лукайца[1]. В настоящее время открывают лишь кое-какие следы их пребывания. Во время своего прибытия на острова Каикос английские колонисты откопали в одной пещере несколько черепов индейцев; они нашли также различные предметы древней промышленности, преимущественно глиняную посуду, кроме того, один каменный топор, на котором была высечена в рельефе голова дельфина. На острове Крукед в большом количестве было найдено другое каменное оружие, сделанное из кремнистой горнокаменной породы, какой вовсе нет на Багамских островах: очевидно, туземцы приобретали это оружие посредством торговли с жителями других Антильских островов или соседнего континента, что предполагает уже довольно высокую степень цивилизации.

После увоза туземцев, острова оставались пустынными в течение целого столетия, числясь за Испанией. Но с тех пор, как английские колонисты поселились на берегах Каролины, они стали смотреть на Багамские острова как на естественную принадлежность их материковых владений, и лабиринт островов и рифов казался им весьма благоприятным для захвата проходящих испанских кораблей, нагруженных слитками серебра или товарами. Проливы кишели всякими искателями приключений, и *wreckers* (*rakers*), «кораблекрушители» или «грабильщики», сделали центром своих промысловых операций порт Нью-Провиденс, «провиденциально» помещенный в месте скрещивания двух океанических дорог. Время от времени испанцы с Кубы приходили вооруженною силою разрушать это гнездо пиратов, но стоило им только удалиться, как появлялись новые банды и по-прежнему грабили проходящие суда. Окончательная оккупация островов регулярными войсками английского правительства состоялась только в 1718 г., а культура стала развиваться правильно лишь после войны за американскую независимость, когда плантаторы «лойялисты», бежав из мятежной страны, эмигрировали вместе с невольниками, для колонизации британской территории.

Пока лабиринт Багамских островов находился во власти пиратов и кораблекрушителей, настоящая форма архипелага не могла быть известна в точности: она выяснилась только со времени преобладания мирной торговли, когда появились отличные морские карты этих островов. В настоящее время известны во всех подробностях очертания каждого острова и подводного цоколя, на котором лежат эти острова. В своей совокупности банка Багамских островов может быть сравнена с островом Кубою, который она значительно превосходит пространством. Это—тоже островной корпус, очень длинный и относительно узкий, окаймленный бесчисленным количеством рифов и иссеченный глубокими зазубринами. Геологическое образование их одинаково, с тою только разницею, что Куба уже старый остров, и приращение его массы идет уже медленно, тогда как его двойник растет на наших глазах, благодаря непрерывной работе кораллов. Те из Лукайских земель, которые выступают из воды, состоят все из беловатого известняка, превратившагося в однородную массу и разнящихся только возрастом от ломаных береговых кораллов, смешанных с песком и обломками раковин. Скала беспрерывно растет на своей океанической поверхности, благодаря работе маленьких животных, постройки которых постепенно возвышаются и укрепляются посредством известкового цемента, склеивающего переломы. Так, английский фрегат *Severn*, потерпевший в 1793 году кораблекрушение на одном рифе Туркских островов, лежит теперь покрытый каменистой оболочкой ещё живого коралла: странное ископаемое готовится для исследователей грядущих веков.

1 Mac-Kinnen, цитированное сочинение.

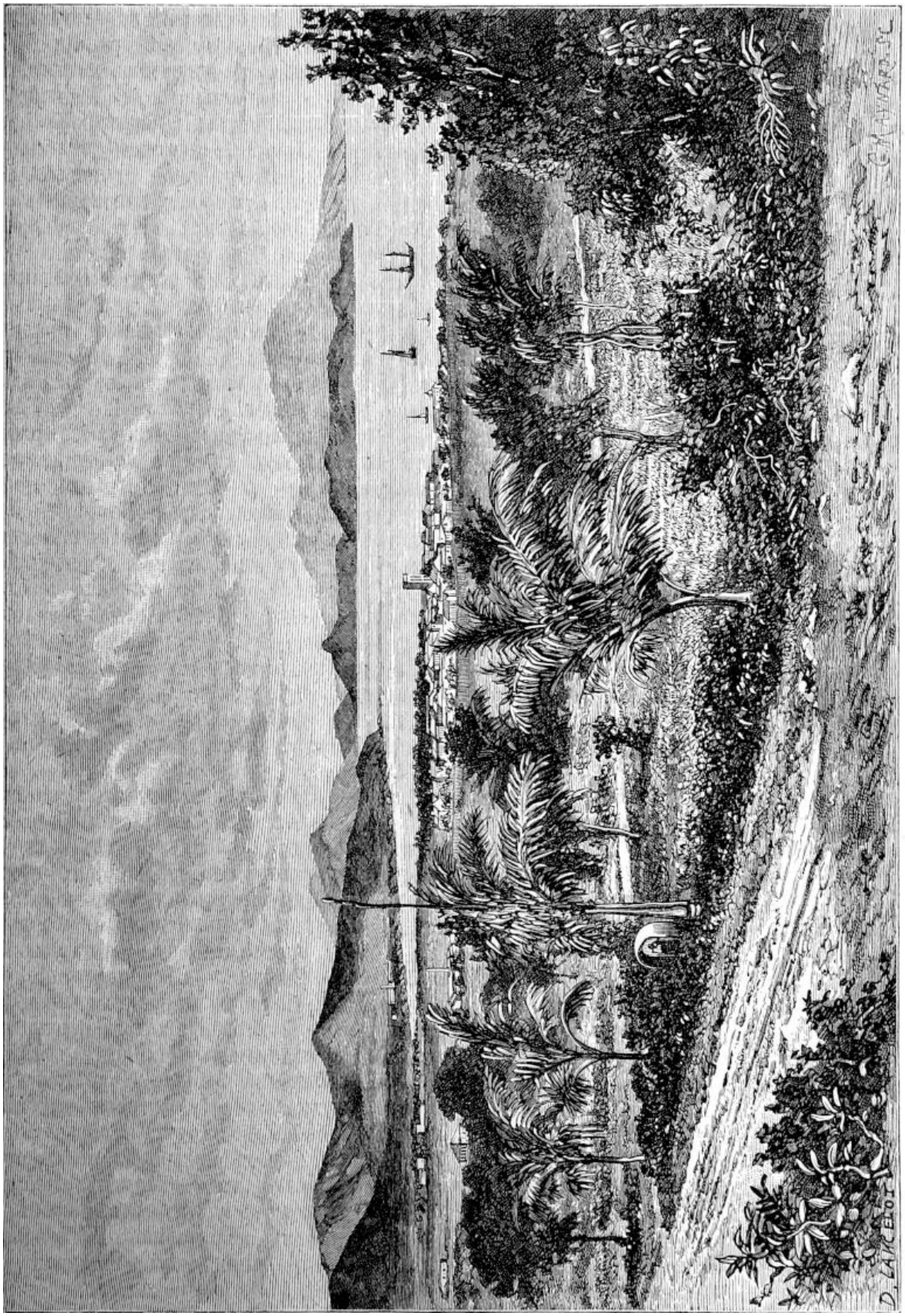
По соседству с теми же островами и в других местах вокруг мелей, некоторые рифы, известные под названием *coral-heads*, или «коралловые головы», имеют странную форму: они походят своим профилем на громадные грибы, выходящие со дна моря: стволы или корешки этих рифов, в 10—15 метров высоты и в 5 метров средней толщины, поддерживают широкия платформы, до ста метров в окружности, которые при отливах выступают из воды. Так как прилив и отлив имеют в этих морях весьма незначительную амплитуду, то кораллы, живущие на окружности этих скал, мало-по-малу увеличивают их без всякой помехи со стороны волн, которые не трогают этих построек. В конце концов эти каменные плато срастаются между собою, образуя внизу гроты и подводные проходы, откуда вода, которая низверглась туда, толкая перед собой столб воздуха, снова выходит на поверхность широким пенистым водопадом. Уипль рассказывает, что один раненый кит ушел, нырнув с одной стороны рифа и вынырнув уже на другой, проплывши значительное расстояние под водою.

С тех пор, как бесконечные мириады маленьких животных трудятся над созданием Багамских островов, относительный уровень земель и морей изменился очень мало, так как средняя высота островов над приливами и отливами Атлантического океана почти не превышает двух метров. Только некоторые острова представляют в своем рельефе легкую волнистость, или ступенчатые террасы, оканчивающиеся утесами, которые указывают на существование прежнего берега. Самый высокий холм во всей багамской системе, на острове Кат («Кошачий», Cat-island) достигает 120 метров. Но если внешняя поверхность островов обрисовывается в виде плоскости с весьма незначительным возвышением над уровнем моря, то подводная их часть, напротив, представляет чрезвычайно высокие кручи относительно дна Атлантического океана: в этом отношении Багамские острова почти не имеют себе подобных во всём свете; они поднимаются стенами с крутизной в 50 и даже в 35 градусов, воздвигаясь над пропастями в 4.000 и 5.000 метров глубины. Океанический бассейн повсюду резко ограничен этим коралловым валом. Течения Атлантического океана, задерживаемые обширным цоколем скал, образующим передовой верк Нового Света, должны отклоняться к северо-западу, и несомненно, что Багамские острова и окружающие их рифы обязаны своей формой длинной цепи, тянущейся с юго-востока на северо-запад, именно этому главному движению океанских вод, увлекающих за собой пески, живые организмы и все прочия вещества, которыми пользуются кораллы для созидания своих построек: жизнь идет вслед за волной. В тех местах, где бреши дают проход течениям, водная плоскость вторгается причудливыми извивами внутрь архипелага и образует там либо сквозные проливы, как, например, канал Провиденс и далее к югу—проливы островов Крукед, Кайкос, Туркс, Мушуар-Карре, либо безвыходные заливы, каковы бухта Эксума и Тонг-ов-Ошен («язык океана»), с восточной стороны острова Андрос. Эти прямые линии твердых скал, форма и ориентация которых зависит от текущих вод, представляют одно из замечательнейших явлений физической географии.

По направлению от востока к западу, от Атлантического океана к Мексиканскому заливу, подводная поверхность Багамской банки постепенно понижается, острова появляются реже, а мели становятся обширнее; наконец, вся совокупность банки отделяется от Гаити и Кубы глубоким рвом, имеющим на восточной стороне глубину более 4.000 метров, но к западу он постепенно повышается и образует Старый Багамский канал, затем пролив Сантарен и новый Багамский канал, или пролив Флоридский. К западу от пролива Сантарен, находится, как передовой верк, лежащий за линией главного корпуса Лукайских островов, на полдороге между Кубой и рифами Флориды, треугольное плато, называемое по-испански Кайо-Саль, по-английски—Сальт-Кай, т.е. «Соляной риф»[1], окруженное со всех сторон морскими заливами, имеющими более 600 метров глубины, а к западу даже более 1.200 метров. В целом это плато имеет форму котловины; слой воды над банкою достигает средней толщины 8—12 метров, края же её подняты и возвышаются то в виде подводных камней, то в виде вы-

1 Название *cayo*, которое испанцы дали коралловым рифам Антильских островов, французы воспроизводят термином *caye*, англичане—термином *cay*, как например, Salt-cay, Atwood-cay, а североамериканцы термином *key*, как например, Key-West, Marquesas-keys, и т. д.

ступающих из воды рифов, из которых одни совершенно голые и гладкие, а другие покрыты подвижными дюнами. Рифы окружности, состоящие из кораллов и раковин, цементированных известковой массой, получают мелкий песок с высокого дна, который наносится ветра-

Островъ Санъ-Кристофъ.

ми и волнами, образуя целые холмы в 5—6 метров высоты в тех местах, где скала представляет для этого достаточную базу. Странное зрелище представляют эти изолированные дюны, стоящие посреди моря. Те из них, которые образовались относительно недавно, походят на

парусные суда; но большинство прикреплены стелющимися травами и лианами (batatas littoralis), которые раскидывают вокруг песков крепкую сеть своих зеленых петель; латании растут на том склоне дюн, который находится за ветром. Самый значительный кайо этой банки, тот, которому она обязана своим именем, Соляной (Кайо-Саль, Сольт-Кай), получил это наименование благодаря лагуне, вода которой насыщена солью; маленький водоросль, растущий в этой луже, придает ей слегка оранжевый цвет; растение это скучивается на берегах густыми пластами, которые походят на испорченное мясо и распространяют гнилостный запах.

Надводная часть Багамской банки, состоящая, подобно Юкатану, из кораллового растрескавшагося известняка с многочисленными гротами, не имеет ни родников, ни ручьев: Андрос—единственный из всех островов, на котором есть небольшие речки, или, вернее, болотные течения; во время прилива они распадаются на три отдельных острова[1]. Как и на Юкатанском полуострове, дождевая вода скопляется в скрытых бассейнах, но благодаря близости моря, в эти озерные гроты часто проникает соленая вода. На некоторых островах все колодцы—«приливные», т.е. во время прилива морская вода проникает в такой колодезь, поднимая более легкую пресную воду; затем, при отливе, она утекает обратно; поэтому хозяйки стараются запастись пресной водой во время отлива[2]. Пока колонисты не выкапывали этих колодцев, они пользовались, для утоления жажды, водой с одного растения из семейства омеловых (viscum caryophylloides), которое растет на ветвях некоторых древесных пород: эту омелу выжимают, как губку, чтобы извлечь из неё дождевые капельки, собирающиеся в пазухах листьев[3].

Несмотря на кажущуюся сухость известковой почвы, едва прикрытой слоем гумуса, Багамские острова имеют очень богатую растительность: дожди, годовое количество которых превышает 1 метр на северных островах[4], сырой воздух и, наконец, подпочвенная влага постоянно доставляют растениям необходимую для них воду: чтобы развести у себя сады, негры разбивают киркою поверхностный слой скалы и обращают его в мелкую пыль: из этого образуется растительная почва. Большие острова, в особенности Андрос, имеют огромные леса, состоящие из таких же деревьев, как леса Гаити и Кубы. Красное дерево принадлежало в первую эпоху колонизации к самым обыкновенным лесным породам; Нассау является крайним важным пунктом, где процветает *pitch-pine*, или «смолистая сосна» Соединенных Штатов. Своей земной фауной группа Багамских островов совсем не отличается от Кубы, если не считать того, что здесь гораздо многочисленнее породы кочующих птиц, которые из Канады и Северных Соединенных Штатов перелетают на Малые Антильские острова. Воробей, недавно ещё завезенный на Багамские острова, размножился здесь в таком несметном количестве, что законодательное собрание вынуждено было назначить премии за головы и яйца этой гибельной птицы. Черепахи и рыбы, которых в большинстве случаев рыболовы называют теми же названиями, под которыми они известны и в Европе, в изобилии водятся во всех бухточках и морских гротах Багамских островов; благодаря такому обилию раковин в Багамских водах, тамошние островитяне получили прозвище кончей. *Conchs*, или «Раковиноедов», под которым они известны на Антильских островах. Некоторые глубоководные бассейны, хорошо защищенные рифами, называются «морскими садами»; и это действительно прекрасные сады, с чудными цветами полипов, которые грациозно колыхаются на прозрачных волнах, то открываясь, то снова закрываясь при проходе рыб, столь же разноцветных и блестящих, как самые водоросли и кораллы, между которыми они снуют. Крокодил, живущий обыкновенно в пресных или солоноватых водах, составляет обычное явление в Багамских водах, хотя на Южных Антильских островах его совсем не встречают: это живот-

1 Jerolim von Benko, „Reise des Shiffes Zriny“.
2 R. Thomassy, „Bulletin de la Societe de Geographie“. 1864.
3 Mac-Kinnen, цитированное сочинение.
4 Годовое выпадение дождей на Багамских островах: Нассау, 1 м., 42; остров Гранд-Турк, 0 м., 66.

ное очень ценится островитянами[1].

Багамское население в большинстве—чернокожее, и—явление беспримерное в других антильских землях—сохранило ещё предание о своем африканском происхождении; цветные кончи делятся ещё до сих пор на племена иоруба, эгба, эбо, конго; каждое племя ежегодно избирает себе королеву и признает её власть в управлении местными делами[2]. Рабство отменено на Багамских островах, как и в других английских владениях, но мало найдется бывших колоний, где бы оно, вопреки законам, сохранялось с таким упорством, как здесь, и где бы так прочно укоренились кастовые предразсудки. Негр не имеет доступа в храмы белых, которые принадлежат, однако, в большинстве, к секте методистов, менее строгой, чем англиканская церковь. Система, аналогичная мексиканскому *peonage*, закабаляет пролетариев купцам: бедняки забирают в долг, в счет будущей работы, съестные припасы или ткани, и заимодавец, который в то же время есть купец, торгующий предметами первой необходимости, заботится о том, чтобы затянуть долг, хотя закон 1855 г. ограничивает оффициально размер подобных ссуд, но, словно в насмешку, 10 шиллингами; должник должен даже подписать *Seaman's articles*, т.е. условие о найме в матросы, обязующее его явиться на судно по первому требованию судьи. Среди багамских негров только те получают жалованье деньгами, которые населяют американские берега. Самые несчастные, это—искатели губок.

Северный остров, ближайший по расстоянию к северо-американскому континенту, называющийся Большой Багамой, от которого, может-быть, получил свое имя и весь архипелаг, долгое время оставался пустынным и даже теперь населен менее других; его немногочисленные плантаторы—все шотландского происхождения. Кривые его очертания имеют совершенно такия же извилины, какими отличаются его два восточные соседа, Малый Абако и Большой Абако, прежнее название которых, Юкайя или Лукайя, сделалось общим наименованием всей островной группы. Большой Абако—один из наиболее населенных Багамских островов: в 1881 г. его население состояло из 3.610 человек. Его жители белой расы происходят все от «американских лоялистов», которые, для сохранения своей чистокровности, всегда брачились в одних и тех же семействах: отсюда, по отзыву посещавших их остров путешественников, большое физическое вырождение[3]. Главное селение раскинулось под пальмами прибрежного вала, который тянется между двумя морями. Далее к западу, по краям пролива Провиденс, лежат острова Берри, очень маленькие, имеющие всего несколько человек жителей. Берега этой опасной дороги, по которой следуют суда, плавающие между открытым морем и Мексиканским заливом, населены лоцманами и «кораблекрушителями»; более опасные проходы освещаются маяками. На проливе Флориды возвышаются два великолепных маяка—Исаак-кай и Гун-кай, стоящие близ знаменитых островов Бемини.

Остров Нью-Провиденс заключает в себе почти треть всего населения Багамского архипелага: это объясняется тем, что британское правительство избрало это прежнее логовище флибустьеров для устройства в нём столицы, и надо сознаться, что выбор этот был очень удачен, так как Нью-Провиденс занимает местоположение, очень удобное для главного морского рынка островов: благодаря торговле, здесь сгруппировалось до пятнадцати тысяч жителей. Город Нассау, называемый также Нью-Провиденс, имеет рейд более 5 метров глубины, и суда с малой осадкой могут приставать к самому берегу. Город построен на северном берегу острова и мог бы, вследствие этого, сильно страдать от пассатных ветров, еслибы цепь рифов, называемая Хог-Айланд, или «Остров Свиней», не защищала рейд от волнения; тем не менее, во время ураганов, разражающихся вообще на этих водных пространствах каждые четыре года, случается, что волны открытого моря, прорвавшись через эту естественную преграду, опрокидывали суда и выбрасывали их на берег. Во время северо-американской междоусобной войны, Нассау, обязанный до тех пор своим спокойным благосостоянием единс-

1 Bacot, „The Bahamas“.

2 Bowles, „The Land of Pink-Pearl“.

3 Powles, цитированное сочинение.

твенно промыслу «кораблекрушений и спасений», вдруг сделался, благодаря военной контрабанде, роскошным городом и местом сборища богатых арматоров. В конце 1861 г. первое конфедератское судно форсировало блокаду, доставив на берег 140 кип хлопка: это положило начало смелой и оживленной торговле между складами Нассау и портами противоположного берега, находящимися, в среднем, на расстоянии двухдневного пути на пароходе. Коммерческий флот Англии отдавал в распоряжение этой торговли свои лучшие и самые быстроходные суда, которые выходили из Нассау, нагруженные ружьями и боевыми запасами, а возвращались с хлопком, если им удавалось благополучно достигать портов Чарлстона или Вильмингтона. За пять лет войны в Нассау разгрузилось 397 судов, в том числе две-трети пароходов, которым удалось проскользнуть через флот федеральной блокады, и 688 судов вышло из Нассау, нагруженные товарами, необходимыми для портов возмутившихся штатов: последнее судно, достигши Чарлстона, было заарестовано в порте, которым только-что перед тем овладели федераты. Риск был большой, так как 42 парохода были заарестованы, а 22—разбились о рифы, спасаясь от преследования, но зато и барыши были огромные; в конце войны капитан и кормчий получали каждый по 25.000 франков за рейс, не считая нескольких кип этого драгоценного хлопка, который покупатель оплачивал золотом. Торговля Нассау увеличилась в тридцать раз, но зато культура была совершенно заброшена; почти все прежние сады исчезли под диким кустарником.

Движение внешней торговли в Нассау перед, во время и после междоусобной войны в Соединенных Штатах: в 1860 г.—9.784.475 фран.; в 1864 г.—250.462.750; в 1888 г.—6.000.000.

После войны Нассау снова занял свое скромное положение маленького порта, через который вывозят фрукты и раковины, и главный его промысел составляет прием больных, приезжающих зимой из Соединенных Штатов, хотя климат его, благодаря резким переменам температуры, нельзя назвать безусловно здоровым; смертность от чахотки и других грудных болезней здесь довольно значительна даже среди туземцев; всего чаще Багамский климат излечивает нервные болезни. Больные американцы, проводящие зиму на Багамских островах, живут главным образом в Дунморе, на островке Гарбор, лежащем на северо-восточном углу острова Элевтера, длинного рифа, расположенного в форме крючка. «Гаврский островок», так называемый «Багамский Монпелье», с чистым, здоровым воздухом, есть единственный из Лукайских островов, который может назваться в отношении своего пространства очень населенным: здесь на четырех квадратных километрах сгруппировалось около двух тысяч жителей. Островитяне, происходящие от «морских разбойников» и гордящиеся этим происхождением, соблюдают ещё старые обычаи относительно земли: здесь каждый земледелец считается собственником, но только того участка земли, который он сам возделывает; он не имеет права огораживать свое поле, и, как только перестанет обработывать его, всякий другой может завладеть брошенной землей[1]. Многие плантаторы с большого соседнего острова поселились на островке Гарбор, чтобы пользоваться превосходной якорной стоянкой, которую там находят их суда; но сады их находятся на Элевтере, отличающемся более плодородною почвою; они культивируют там ананасы, составляющие ещё до сих пор славу этого острова. Его имя Элевтера происходит от одного лекарственного снадобья (eleuthera croton), которое в изобилии произрастает на этом острове; в былые времена это растение пользовалось большою известностью в европейской фармакопее, так как доктора предпочитали его кору хинной при лечении лихорадок[2].

Остров Кат, или «Кошачий», названный так потому, что сюда были привезены кошки, которые впоследствии одичали, имеет такую же форму, как Элевтера, но очертания его изгибов не так красивы, а рельеф более выпуклый. Остров этот признавали за Гванахани, или Сан-Сальвадор, открытый Колумбом в 1492 г.; одна дача носит даже название«Колумбия», так как предполагают, что она стоить на том самом месте, где впервые ступил великий море-

1 Powles, цитированное сочинение.

2 Mac-Kinnen, цитированное сочинение.

плаватель, высадившись на берег. С 1625 г., когда Кошачий остров был занесен под этим именем на карту Нового Света, изданную Жоаном-де-Лет, он действительно указывался во всех документах как истинный Гванахани, что было подтверждено такими авторитетами, как Вашингтон Ирвинг[1] и Гумбольдт[2]. Но в конце прошлого столетия резкия противоречия, обнаруженные между повествованием Колумба, воспроизведенным Лас-Казасом, и его маршрутом, начертанным Вашингтоном Ирвингом, породили новые гипотезы. Муньос указал на остров Уатлинг,—почти пустынную землю, лежащую в 80 километрах на восток от южной оконечности острова Кат,—как на местонахождение настоящего Гванахани[3], и это предположение, поддержанное впоследствии Бешером, Пешелем, Майором, преобладало долгое время. Другой испанский историк Нового Света, Наваррете[4], доказывает, что первой американской землей, на которой высадился Колумб, был остров Гран-Турк, лежащий на самой южной оконечности подводного плато. Наконец, Варнгаген[5], поднимаясь севернее, останавливается на острове Маригуана, как на «подлинном Гванахани».

Таковы были до 1880 г. различные гипотезы относительно настоящего места высадки Колумба, когда один американский мореплаватель, Г. В. Фокс, хорошо изучивший багамские морские области, открыл пятый Гванахани, на этот раз, как кажется, действительно ту самую землю Нового Света, которую впервые увидел Колумб; впрочем, за непреложную истину это признать нельзя, так как и новая теория далеко не разрешает всех затруднений[6]. Остров Самана или Атвуд-Кай, указываемый Фоксом, должен был в течение четырех столетий значительно изменить свою форму; его восточная оконечность могла быть размыта водою или просто обвалиться, а внутренняя лагуна, о которой говорит Колумб, могла высохнуть. Но начиная от этого острова до Кубы, соответствие между текстами книги о колумбовом береге и маршрутом, предполагаемым Фоксом, почти полное.

Кошачий остров, несмотря на плодородие почвы и значительное пространство—414 квадратных километров,—был совершенно пустынною землею в 1783 г., когда более сотни английских «лоялистов», которые избегали сношений с возмутившимися американцами и основывали колонии во всех владениях Нового Света, оставшихся под властью Великобритании, поселились на этом Лукайском острове, вместе со своими невольниками; в 1881 г. на этом острове было уже более 4.200 жителей. Острова Уатлинг и Рум-Кай, его соседи с восточной и южной сторон, тоже имеют маленькое население, как и узкия известковые скалы Большая Экзума и Лонг-Айленд (Длинный остров). Затем, к юго-востоку, следуют три острова: Фортуна, Крукед и Акклин; в действительности это одна земля, разрезанная на отдельные острова байусами, которые во время отлива можно переходить в брод. На о. Маригуане живет всего только несколько семейств. Остров Фортуна сделался самым цветущим из Багамского архипелага и соперником Нассау, как пристань пароходов, поддерживающих сообщение между Нью-Йорком, Антильскими островами и испано-американскими берегами.

Самая обширная земля в Багамском архипелаге—та, которую обыкновенно называют «островом» Андрос, хотя в действительности она состоит из нескольких островов, разделенных неглубокими бухтами и байусами. Андрос, самый богатый лесами между багамскими землями, занимает более трети всего пространства Лукайской группы. Кроме того, он очень выгодно расположен по близости столицы архипелага, Нассау, и между двумя проходами, которые, соединяясь на западе, образуют вход в Мексиканский залив; к сожалению, он почти недоступен для судов, и кроме того большая часть его занята болотами и низким кустар-

1 „Life of Columbus“.
2 „Examen critique de l’histoire de la Geographie du Nouveau Continent“.
3 Juan Bautista Munoz, „Historia del Nuevo Mundo“.
4 „Colleccion de los Viajes que hicieron por mar los Espanoles“. 1825
5 „La Verdadera Guanahani de Colon“. 1864.
6 „An attempt to solve the problem of the first Landing place of Columbus. United States Coast and Geodesic Survey. Report for 1880“.

ником. На юге архипелага находится обширный, но совершенно пустынный остров Большой Инагуа, занимающий такое же положение, как и Андрос: он лежит против пролива Винд-Уард, отделяющего Кубу от Гаити; по мнению Мак-Киннена, имя его, быть-может, первоначально произносимое «Игуана», происходит от этих пресмыкающихся, которые очень распространены на всём архипелаге. Со стороны, обращенной к Кубе, наиболее населенным пунктом является островок Большой Раггед (Great Ragged island), в цепи рифов, которую испанцы называют Кайос-Жументос, или «Кобыльи рифы».

На юге архипелага находится кольцеобразная банка Каикос, окруженная островами, на которых есть несколько отдельных жилищ. Большой Турк и другие островки той же группы тоже имеют своих колонистов. Растительность на Турецких островах состоит главным образом из малорослого кактуса (cactus coronatus), который обыкновенно называют «головой турка», так как формою своею этот кактус действительно походит на голову с седыми волосами, обернутую чалмой: отсюда, как говорят, и произошло название этого небольшого южного архипелага Багамских островов.

Население Багамских островов увеличивается медленно, в зависимости от всех колебаний, происходящих в торговле, от хорошего или плохого урожая, прохождения ураганов, разоряющих садоводов и обогащающих «кораблекрушпителей»; однако, обозначение бакенами и освещение опасных водных пространств, а главное замена парусных судов паровыми, уменьшают год от году заработки этих «промышленников». Так как иммиграция здесь самая ничтожная, то прирост населения происходит главным образом от перевеса рождаемости,—вообще очень сильной,—над смертностью.

Движение населения на Багамских островах, без островов Каикос и Турецких, в 1898 г.: рождаемость: 2.164; смертность 1.224; избыток рождаемости: 940.

Главное занятие багамцев состоит в плодоводстве; они отправляют фрукты за границу не только в свежем виде, именно ананасы и апельсины, но также и в виде консервов. Вывоз ананасов в 1892 г.: на сумму 400.000 франков; в 1898 г.—на 609.000 франков.

Продукты рыболовства, черепахи, раковины, жемчуг, серая амбра и в особенности губки, также способствуют торговому процветанию Багамских островов; большие раковины, предназначенные для резчиков камней, отправляются главным образом во Францию. По словам Поульса, ловлей черепах и губок на Багамских островах занимаются до четырех тысяч человек, которые имеют в своем распоряжении до трех тысяч лодок. Ценность губок, вывезенных с Багамских островов в 1898 г.: 2.625.950 франков.

Соль является также немаловажным подспорьем багамской промышленности, особенно на островах Каикос и Турецких, и если бы импортные тарифы были подходящие, то салины, концессионированные недавно в ущерб интересам островитян, частным компаниям, могли бы с избытком покрывать всё потребление морской соли в Соединенных Штатах. Производство соли на Багамских островах в 1889 г.: 700.000 гектолитров.

Деятельность плантаторов направляется теперь к производству генекена, или «сизальской конопли» и других подобных растений, известных на Антильских островах под общим названием *карата*. Эти растения произрастают на Багамских островах с таким же успехом, как и в Юкатане, и можно надеяться, что они со временем тоже обогатят эту страну; культура генекена быстро распространяется на пространстве 132.000 гектаров земель, уже уступленных плантаторам на этих островах.

Торговое движение Багамского архипелага, не считая южных островов, в 1888 г.: ввоз—4.206.850 франк.; вывоз—3.038.250; выкидки и грузы потерпевших крушение судов—553.275; итого—7.798.375 франков.

В 1898 г.: ввоз—238.336, вывоз—174.860 фунт. стерл.

Движение судоходства в 1898 г.: общий тоннаж пришедших и отшедших судов—741.522 тонны.

Относительно своего пространства и населения острова Турецкие и Каикос имеют гораздо более значительную торговлю, чем Багамские острова в собственном смысле, что объясняется главным образом эксплоатацией солончаков.

Ценность внешней торговли Турецких островов в 1898 г.: привоз—27.067, вывоз—21.810 фун. стерл. Движение судоходства на этих островах в 1898 г.: общий тоннаж пришедших и отшедших судов—243.107. Около трети торговли багамских архипелагов производится с Соединенными Штатами и особенно с Нью-Йорком и Кей-Вестом.

Багамскими островами управляет назначаемый королевой губернатор, при содействии исполнительного и законодательного советов, из которых каждый состоит из 9 членов; представительное собрание состоит из 29 депутатов: это все почти нассауские купцы, избираемые гражданами-собственниками; в действительности это собрание представляет нечто в роде клуба, в котором собирается белая аристократия столицы. До 1866 г. на архипелаге не было ни одной католической часовни. Острова Каикос и Турецкие подчинены ямайскому правительству и управляются коммиссаром и советом, состоящим из пяти членов.

Бюджет Багамских островов в 1898 г.: приход—86.760, расходы—64.148 фунт. стерл.; бюджет Турецких островов: приход—7.232, расходы—8.061 фунтов стерл. Долг Багамского архипелага в 1897 г.:—118.426 фунт. стерл.

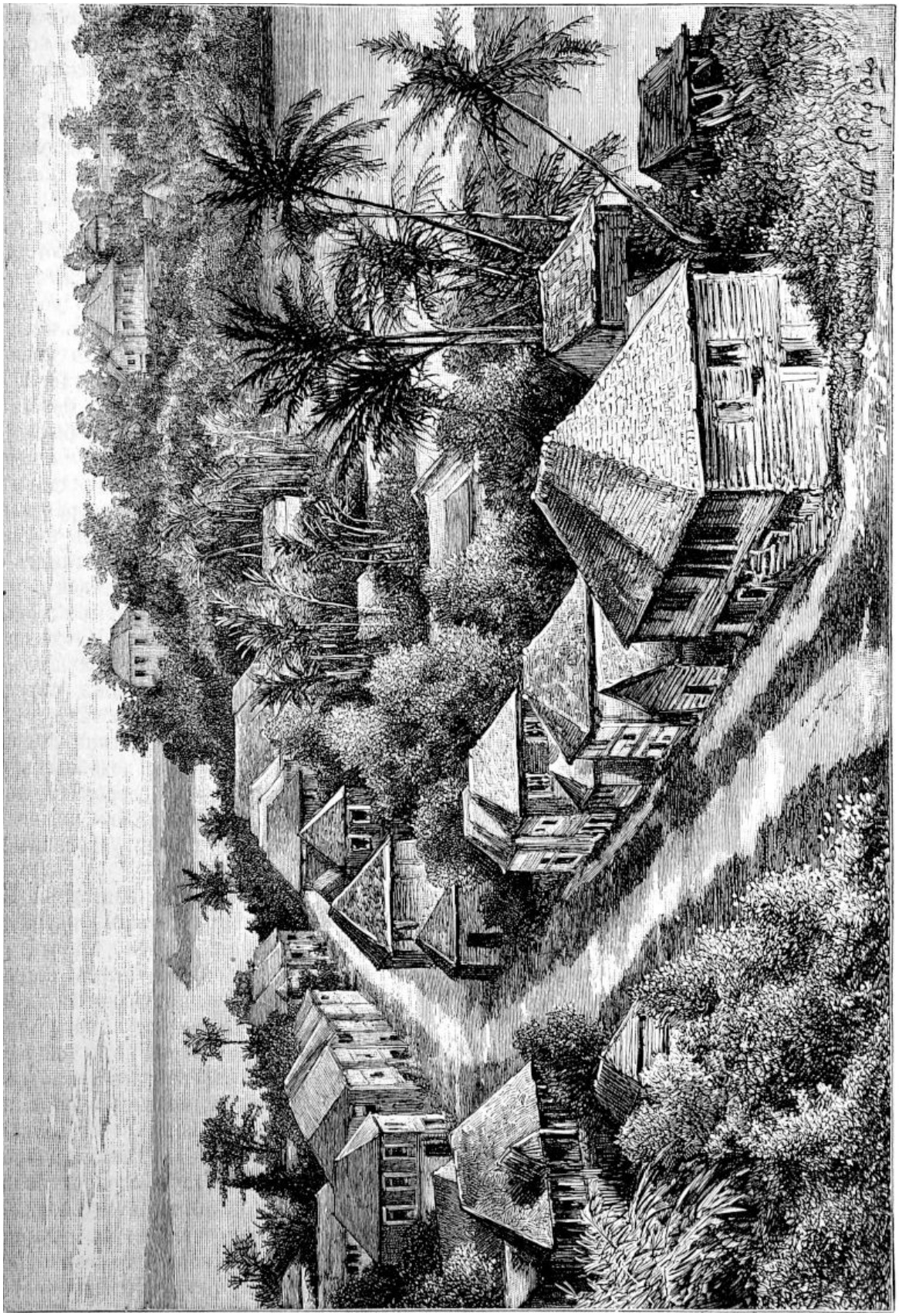
Глава XIII Бермудские острова

Небольшой архипелаг Бермудских островов, одиноко поднимающийся со дна атлантических пучин, удержал за собою, хотя и в измененной несколько форме, имя испанского мореплавателя Бермудеца, который открыл его в начале XVI-го века; точное указание года открытия осталось неизвестным. Сто лет спустя, англичанин Сомер снова обрел этот архипелаг, лежащий в стороне от лоцманских путей, и с того времени эти острова часто звали островами Сомера (Somers islands), или, по созвучию,«Летними» (Summer islands), как бы прославляя этим их мягкий климат, их вечное «лето». Но в конце концов восторжествовало название «Бермудские», которое и упрочилось за этими островами.

Группа Бермудских островов лежит среди открытого океана, в тысяче километрах от мыса Гаттерас, ближайшей оконечности северо-американского материка; от первых островов Багамского архипелага она отдалена гораздо более; но по направлению ветров и течений она связана именно с этими землями, а не с материком: главная система воздушных и океанических течений движется по направлению с северо-востока на юго-запад, или, наоборот, с юго-запада на северо-восток. В этом же направлении ориентированы и подводные цоколи, на которых лежат Бермудские острова, а равно и их продолжение—банки Чалленджер и Аргус. Если провести ось через диаметр Бермудских островов, то она пересечет также обе мели, лежащие на юго-западе, и архипелаг Багамских островов в середине цепи.

Бермудские острова и банки образуют почти правильный овал, ориентированный с северо-востока на юго-запад, на протяжении почти 37 километров, но только небольшая часть этого пространства занята надводными землями; в то время, как всё плато, в совокупности, лежащее на глубине 10-ти метров, представляет поверхность в 660 квадратных километров, Бермудские острова в собственном смысле имеют при отливе площадь лишь в 50 кв. километров, составляя таким образом тринадцатую часть всей скалистой поверхности, воздвигнутой полипами. Коралловые массивы, выступающие над морским уровнем, тянутся вдоль восточного края, на бермудском плато, затем загибаются к югу крючком: они состоят из острова, оканчивающагося на западе острыми полуостровами в виде рогов, и из пятнадцати узких островков, лежащих на линии продолжения Большого Бермудского острова: считая все

островки и выходящие из воды скалы, архипелаг заключает в себе по крайней мере 150 отдельных земель, а вместе со всеми коралловыми вершинами, выступающими при отливе над морским уровнем, этих земель более, чем «дней в году». Обширные бассейны, или *so-*

Гваделупа.

unds, открывающиеся в различных частях группы, между коралловыми стенами, представляют всюду отлично защищенные якорные стоянки; впрочем, с открытым морем они в большинстве случаев сообщаются посредством извилистых и опасных проходов.

Овальная кривая островов вписана в другом, более обширном овале, который с юго-западной, западной и северной сторон состоит из одних только подводных плато, образующих круглую плотину, по которой катятся волны. Эта волноразбивательная ограда имеет всего лишь несколько *cuts* или, «разрезов», представляя своими коралловыми стенами, с их бастионами и передовыми верками, очень опасный круг. Главный вход, Нарроуз, т.е. «Теснины», где глубина воды на пороге достигает 8 метров, находится на северо-восточной оконечности островов и открывает доступ в центральный бассейн, средняя глубина которого равняется 15 метрам, но даже в самых глубоких местах не превышает 25 метров. Вся окружность банок, от прохода Нарроуз до южной выпуклости большого острова, на протяжении почти 65 километров, не имеет при отливе других выступов, кроме трех скал, похожих на мегалиты, от 2 до 3 метров высотой, которые возвышаются на горизонтальной скалистой плоскости, почти совсем сглаженной волнами: странное зрелище представляют рыбаки, расхаживающие по этому валу, покрытому несколькими дециметрами воды; серпулы растут бесчисленными пучками на наружном крае рифа и окружают его как бы рубцом, ограждающим его от напора волн[1].

Разные группы кораллов, образующие большой массив банок, имеют форму кратеров, с выдающимися верхними краями и с углублением в середине: это—небольшие атоллы, вроде Багамских островов и архипелагов Великого океана; группируясь вместе, они образуют большие атоллы, которые соединяются в обширное кольцо, составляющее совокупность островов и банок. Существование коралловых островов на подобной широте, севернее 32°, т.е. в 3.600 километрах от экватора, представляет единственное явление на всём земном шаре: оно обязано исключительно влиянию Гольфстрема, который приносит в эти морские пространства теплые воды Антильского моря, а вместе с ними и бесконечно малые организмы: они-то и воздвигли постепенно этот столб Бермудских островов, вздымающийся со дна пучин, где лот находит глубины в 3—4 километра, а в одном месте даже почти 5 километров. Впрочем, есть такия породы кораллов-строителей, которые не могут жить под этими высокими широтами, слишком для них холодными, но которые, однако, очень обыкновенны в Лукайских водах. Рифы, очень разнообразные по своим размерам, отделены друг от друга выемками или рвами и даже судоходными каналами. По мнению большинства естествоиспытателей, архипелаг Бермудских островов есть один из тех, явления которых лучше всего согласуются с гипотезой Дарвина, которая объясняет непрерывный рост коралловых построек на высоту нескольких сот или даже тысяч метров—постепенным оседанием подводного цоколя. Правда, что с 1843 года не произошло никакого изменения в уровне почвы, так как сделанные в то время заметки не переменили места; но если верить хронике, острова были гораздо обширнее в ту эпоху, когда первые мореплаватели посетили их; в 1870 г., во время копания большого дока на западной оконечности Бермудских островов, на острове Ирландия, нашли на глубине почти 15 метров, считая от уровня низких вод, торф с слоями гумуса, песку и земель, совершенно таких же, как на островах, ныне выступивших из воды, и слои эти заключали в себе стволы «кедров», наземные раковины и скелеты птиц[2].

С другой стороны, возможно, что было относительное повышение почвы до её оседания, потому что известковые возвышенности островов превосходят 50 метров. Холм Джиббс, возвышающийся на южной выпуклости Большого Бермудского острова, и откуда виден на севере лабиринт лесистых полуостровов и скал, расстилающийся зеленым ковром среди голубых вод, вздымает свой маячный фонарь на высоту 110 метров. Однако, возможно также, что бермудские возвышенности обязаны своим происхождением действию ветра, так как эти скалы, почти все зернистые и рыхлые, но крепкия и плотные в некоторых местах, образуются на наших глазах, подобно береговым дюнам: геолог Нельсон дал им название «Эоловых» скал. Подвижные пески пляжей, вздымаемые ветром и несомые внутрь острова, покрывают-

1 Angelo Heilprin, „The Bermuda Islands“.

2 J. J. Rein, „Verhandlungen des ersten Deutschen Geographentages zu Berlin, 1881“;—Angelo Heilprin, цитированное сочинение.

ся постепенно растениями, которые их скрепляют; кроме того, пески подвергаются действию дождей, которые растворяют частию мелкую известковую пыль откосов и превращают её в кору, состоящую из пылинок, скрепленных цементом. Ветер наносит новые слои, которые тоже затвердевают и образуют таким образом правильные наслоения: нет дорожной выемки или траншеи, на Бермудских островах, которая не давала бы полного разреза этих туфов с тонкими прослойками, из которых каждая напоминает о геологической работе ветра и дождя[1].

Красная земля, покрывающая почву горизонтальными слоями, тоже принадлежит к недавней формации, явившейся результатом разложения горнокаменпых пород: она состоит из веществ, находящихся в известковых песках, которые оставляются дождевою водою, как подонки после частых промывок. Это—тот же самый род плодородной земли, который находим на Кубе и на других островах кораллового происхождения: впрочем, и красноватая глина, залегающая на дне морей, глубиной более 4.000 метров, представляет, может-быть, такие же подонки, оставленные обломками глобигерин (foraminifera), которые мириадами сыплются с морской поверхности и растворяются в морской воде во время их падения[2]. Ноздреватое свойство почвы облегчает образование краснозема, потому что вся дождевая вода просачивается сквозь горные породы и беспрестанно их растворяет. Нигде на Бермудских островах не видно текущих вод; есть только несколько прудов, образовавшихся во впадинах по близости моря. Годную для питья воду островитяне получают из приливных колодцев, подобных существующим на Багамских островах, но дожди достаточно обильны, чтобы можно было рассчитывать на цистерны, устроенные при каждом жилище.

Климат в архипелаге, благодаря Гольфстрему и воздушному течению, идущему по тому же направлению, более теплый, чем обыкновенно бывает в этих широтах. Средняя температура определяется в 21° по стоградусному термометру, т.е. на 3° больше, чем на Мадере, лежащей под той же широтой. Разность температуры между самым холодным и самым теплым месяцами равняется 15°, колеблясь между 16 градусами в феврале и 31°—в июне. Таким образом, несмотря на тропическую природу климата, смена времен года выражается вполне определенно, вследствие чередования полярных и экваториальных ветров; по всей вероятности, этому годовому ритму, гораздо более правильному, чем на острове Мадере, живущие на Бермудских островах англичане обязаны своим завидным здоровьем; средняя смертность у белого населения этого архипелага составляет не более 23 на тысячу, т.е. почти такая же, как и в Англии. Болезни, свойственные тропическим областям, на этих островах очень редки; однако, в 1756 году, эпидемия желтой лихорадки, занесенная с берегов Виргинии, похитила много жертв среди белого населения.

Как и большинство островов Океании, Бермудские принадлежат к числу тех архипелагов, которые, несмотря на свою отдаленность от берега, не составляют отдельного центра растительности. Их самородная флора, не считая той, которая разведена семенами, завезенными сюда человеком, состоит лишь из видов, занесенных Гольфстремом или юго-западными ветрами. С высоты холмов архипелага Бермудские острова кажутся почти сплошь покрытыми темным лесом «кедров» (juniperus barbadensis), микро-антильского происхождения, всегда сопровождаемых железняковым растением (lantana odorata), тоже с Антильских островов, заменившим туземные злаки. Скалы, лишенные растительной земли, поростают травой (stenotaphrum americanum) багамского происхождения: все берега, как на Кубе и в Мексике, окаймлены корнепусками, а из семейства пальмовых единственный вид, акклиматизировавшийся на Бермудских островах, это—Флоридская *palmetto sabal*. Все другие пальмы здесь—экзотические деревья, даже те великолепные *oreodoxa*, которыми обсажены некоторые бульвары столицы, и которые бермудцы показывают с гордостью. Финиковые и кокосовые пальмы, правда, культивируются на Бермудских островах, но редко бывает, чтобы их плоды созревали. В целом бермудская растительность, произростающая на известковой поч-

1 Wyville Thomson, „The Atlantic“.

2 Wyville Thomson, цитированное сочинение.

ве, быстро поглощающей воду, совсем не имеет той тропической пышности, которую ей приписывали некоторые путешественники; здесь не встретишь даже самых обыкновенных деревьев умеренной европейской флоры. Общий вид лесов—однообразный и напоминает северные сосновые леса; но в сезон дождей можно подумать, что находишься в Сицилии при виде букетов розовых цветков, которыми усажены акклиматизировавшиеся здесь олеандры.

Самобытная фауна Бермудских островов не имеет представителей из отряда млекопитающих: крысы и мыши—все европейского происхождения, а летучия мыши—североамериканского или антильского. Что касается до других животных пород, то они принадлежат к зоографической области Северной Америки. Из 188 видов птиц почти все, за исключением трех, принадлежащих Старому Свету, относятся к пернатой фауне соседнего материка. Единственный вид из класса пресмыкающихся, который встречается на Бермудских островах,—северо-американского происхождения. Даже в низших классах животного царства Бермудские острова имеют очень мало самобытных представителей. Пучки морских водорослей, занесенные волнами, вводят в то же время представителей морской фауны Антильских островов: из 170 моллюсков, водящихся на Бермудских островах, самостоятельных форм всего двенадцать. Из 30 пород земных моллюсков больше половины принадлежат к фауне Багамских и других островов Вест-Индии.

Во время открытия Бермудских островов они были необитаемы. Нынешнее их население, три пятых которого состоит из чистокровных или смешанных африканцев, было ввезено из других английских колоний, особенно после отмены рабства; в настоящее время оно постоянно увеличивается, вследствие преобладания рождаемости над смертностью: впрочем, в таком тесном отечестве оно может играть лишь самую незначительную роль во всемирной истории.

Население Бермудских островов в 1898 году: 16.291, в том числе 6.239 белых. Рождаемость на Бермудских островах в 1898 г.: 613; смертность 378. Всё это население размещается в трех небольших городах, в нескольких поселках и отдельных дворах.

Главный город, Гамильтон, где сгруппировано более половины бермудских островитян, лежит около середины главного острова, на южном берегу длинного полуострова; порт его, достаточно глубокий для самых больших судов, совершенно открыт западным ветрам. Город, поражающий своею чистотою, не имеет ничего достопримечательного, кроме своих садов, бульваров, ослепительно белых вилл, красивых веранд, обвитых гирляндами лиан. Крыши тщательно выскабливаются и моются два раза в год, для того, чтобы дождевая вода, стекающая с них в цистерны, не содержала сора. В разных местах города находятся искусственно вырытые бассейны, в которых сохраняется излишек дождевой воды для общественного потребления в сухое время года.

Порт Сент-Джордж, находящийся на северной оконечности архипелага легче доступен и более надежен, чем Гамильтон: суда 5-ти метровой осадки без труда могут входить в него по каналу, фарватер которого уставлен баканами; со всех сторон обширный треугольный бассейн окружен островами и островками, совершенно закрывающими вид на море; город и проходы защищены фортами и редутами. Мосты, перекинутые через проливы, соединяют остров Сент-Джордж, через остров Берд-Айленд, с Большим Бермудом. Другая оконечность архипелага, именно самый конец крючка Бермудских островов, тоже занят очень сильными укреплениями. Арсенал, крепость, казармы, укрепленные молы, понтоны и исправительный дом, в котором живет около 1.500 штрафных солдат,—таков грозный вид, который представляет остров Ирландия, лежащий при входе в Бермудский архипелаг. Подводный кабель соединяет морскую и военную станцию архипелага с портом Галифакс, в Новой Шотландии, другою британскою крепостью в водах Северной Америки; но главные сношения ведутся с Соединенными Штатами, откуда ежегодно приезжает много туристов и больных.

Бермудские острова имеют слишком малую поверхность, чтобы там можно было вести

экстенсивное земледелие; но на пространстве около 1.200 гектаров занимаются садоводством и огородничеством; там возделывают главным образом картофель, лук, томаты для Нью-Йоркского рынка; растение *maranta arundinacea* дает отличную патоку; но производство её дотого незначительно, что не может вознаградить трудов земледельца, вследствие чего эта культура была оставлена, также как культура апельсинов и лимонов. Впрочем, пищевых продуктов на Бермудских островах не хватает для местнаго потребления, и главная часть их привозится из Соединенных Штатов. Мануфактурная промышленность стоит ещё ниже земледельческой: прежде там занимались постройкою больших судов; теперь же на Бермудских островах строят лишь небольшие лодки и делают мебель и мелкие вещи; кроме того, выделывают дерево для карандашей из «кедра», или душистого можжевельника. Торговля довольно оживленная, но вывоз составляет в общем только треть ввоза: зажиточные жители и 1.500 гарнизонных солдат должны почти всё необходимое покупать за границей.

Торговое движение на Бермудских островах в 1898 г. (по ценности обмена): вывоз—113.903 фунт. стерл., из которых на Англию приходится всего только 4.041 ф. стерлинг.; ввоз—351.274 фунт. стерлингов, из которых на Англию приходится 104.947 фунта стерл.

В политическом отношении архипелаг представляет миниатюрную копию государственного устройства Англии, с губернатором, законодательным советом из 9 членов, назначаемыми королевой, и палатой представителей из 36 членов, избираемых народным голосованием. Англиканская церковь частию содержится на средства колонии.. Бюджет 1899—1900 г.: приход—34.793, расходы—36.854 фунт. стерл.; общественный, долг в 1898 г.: 45.600 фунт. стерл.

Глава XIV Малые Антильские острова

Общее обозрение

Под общим именем «Малых Антильских островов» обыкновенно понимают все островные земли Караибского моря, за исключением Кубы, Ямайки, Гаити и Порто-Рико; что же касается островов, лежащих в близком расстоянии от берегов Венецуэлы, включая сюда большой остров Тринидад и соседний с ним Тобаго, то они, по своему расположению, рельефу и свойству горнокаменных пород, слишком связаны с побережьем Южной Америки, чтобы их разсматривать отдельно от континента, с которым они составляют одно географическое целое. Название Малых Антильских островов должно быть присвоено только той цепи их, которая изгибается красивою дугою с севера на юг, начинаясь островом Сомбреро и оканчиваясь Гренадою и Барбадосом. К ним следует ещё присоединить островки Авес, или Птичьи, лежащие в открытом Антильском море, внутри ограды, которую образует цепь островов, омываемых с восточной стороны волнами Атлантического океана, но на линии параллельных подводных пьедесталов, которые, в случае выступления наружу морского ложа, превратились бы во вторую Микро-Антилию. Английские администраторы, истолковывая в превратном смысле описания моряков, стали называть северные Малые Антильские острова, включая сюда Девичьи острова и до Доминики,—*Leeward-islands*, т.е. «Подветренными Островами», а южные Антильские острова, от Мартиники до Тринидада,— *Windward-islands*, или «Наветренными Островами»; но эти наименования неверны, так как все острова, лежащие на внешнем пороге Антильского моря, одинаково выставлены действию пассатных ветров: они (наименования) имеют только административное значение с английской колониальной точки зрения, но не имеют никакого географического смысла. Вопреки этому делению, Гваделупа и Мартиника принадлежат несомненно к одной и той же островной цепи. В

своей совокупности Малые Антильские острова, от Сомбреро до Гренады, вместе с Барбадосом, но без острова Авес, занимают пространство в 6.400 слишком километров, с населением около 800.000 человек, что представляет для Нового Света исключительно большую километрическую плотность. Необитаемая группа Птичьих островов, имеющая важное значение по своим богатым залежам гуано, была в 1856 году объявлена венецуэльским владением.

Малые Антильские острова, по направлению с севера на юг, без группы Авес:

	Поверхность в кв. кил.	Жителей в 1890 году	Километрич. плотность
Сомбреро, Ангуилла, и т. д.	91	3.200	35
Сент-Кристоф (Сент-Киттс)	176	30.150	171
Сент-Мартин	99	6.760	68
Сент-Бартелеми	21,5	2.650	123
Саба	13	2.500	193
Сент-Эвстатиус (Св. Евстафия)	21	2.350	112
Невис (Ниевес) и Редонда	118	11.860	101
Монсеррат	83	11.680	141
Барбуда (большое имение)	194	800	4
Антигуа	279	33.500	120
Гваделупа (без причисляемых к ней островков)	1.513	135.650	89
Дезирада	27	1.400	50
Мари-Галант	163	13.850	85
Острова Святых	14	1.900	136
Доминика	754	30.000	40
Мартиника	987	177.000	178
Санта-Люсия	614	45.000	73
Сан-Винцент и Бекиа	381	48.000	126
Гренадины	86	7.000	81
Гренада	344	44.000	128
Барбадос	430	183.000	426

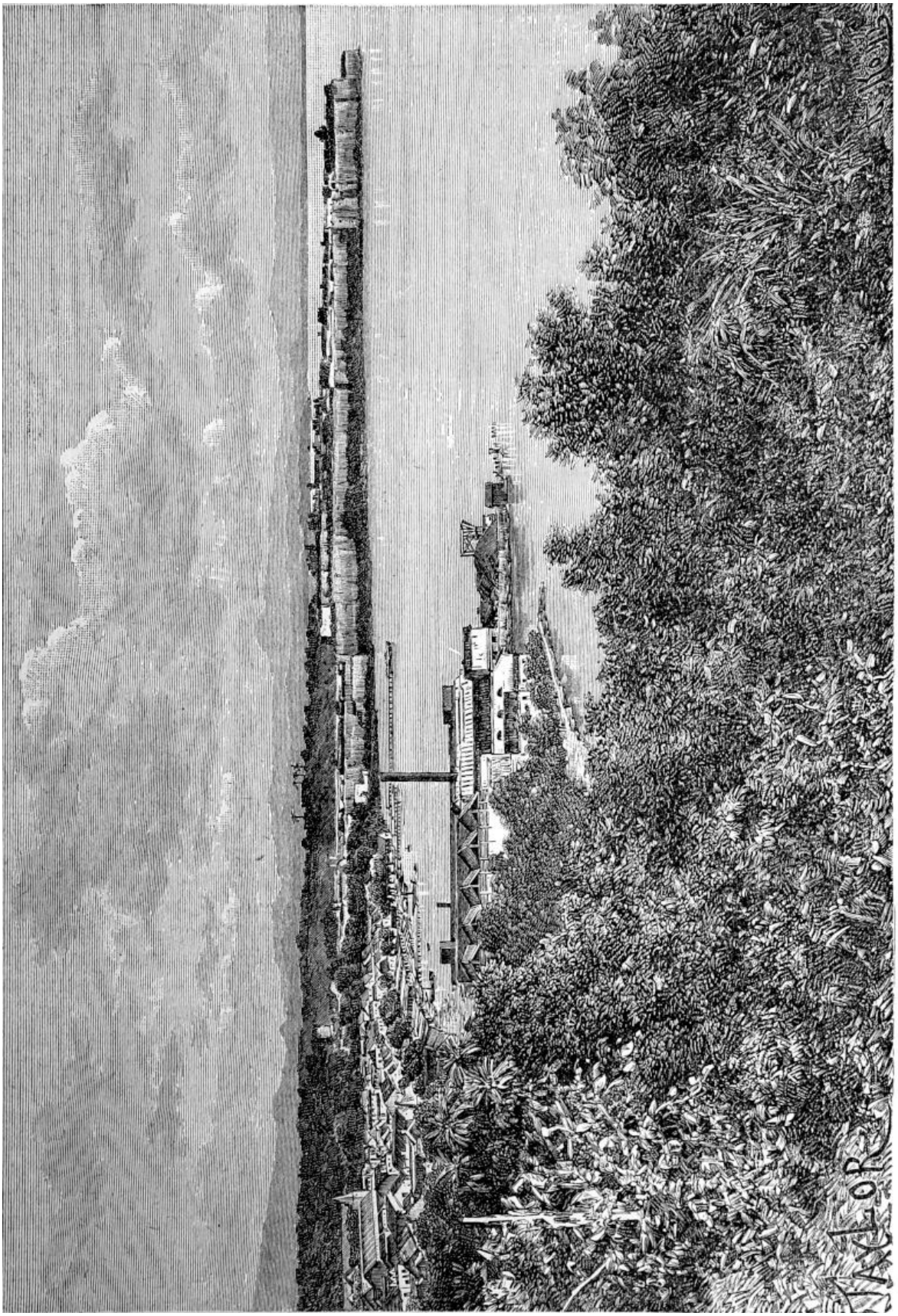
Политическое распределение Малых Антильских островов:

ОСТРОВА:	Кв. кил.	Жителей	Жит. на 1 кв. килом.
Английские	3.550	448.190	126,2
Французские	2.777	335.950	121
Голландские	81	8.210	101,3
Итого	6.408	791.260	123,5

С политической точки зрения эти острова распределены крайне неравномерно. Два самых больших, Гваделупа и Мартиника, с зависимыми от них островами, составляют французские колонии, но они не образуют даже отдельной группы, так как их разделяет английский остров Доминика. Британские Антильские острова, более многочисленные и занимающие в совокупности более обширное пространство, чем французские, образуют две главных группы на севере и на юге цепи; Доминика, который, по своему центральному положению, между двумя французскими островами, является важнейшим стратегическим пунктом Малых Антильских островов, составляет также английское владение. Наконец, голландские земли образуют небольшую группу на северо-западе, против Девичьих островов.

Система Малых Антильских островов не составляет одной цепи: она состоит из двух отдельных рядов. Главный ряд—тот, который направляется от островов Саба и св. Евстафия до Гренады, образуя кривую почти в 600 километров: Сент-Кристоф и Невис могут служить примером этой общей ориентации островов западного ряда. Другой ряд, почти такой же длины, идет от Сомбреро к Барбадосу; он не закругляется в виде дуги круга, как первый, а напротив, орьентирован точно по направлению с северо-запада на юго-восток, касаясь выпуклости внутренней цепи: таким образом Гваделупа составляет как бы двойной остров, принадлежащий своими двумя половинами обоим рядам Антильских островов. Третий ряд, едва, впрочем, намеченный, образуют острова Авес и соседния мели.

Главная цепь Антильских островов состоит из элиптических островов, простирающих свою ось сообразно главному направлению всего архипелага. Каждый остров имеет свой горный хребет, ориентированный тоже по линии общей кривой. Самые высокие горы нахо-

Фортъ-де-Франсъ на Мартиникѣ.

дятся на трех центральных островах—Гваделупе, Доминике и Мартинике, но все острова этой цепи очень высоки относительно малого протяжения их поверхности: некоторые островки возвышаются над волнами конусами, в несколько сот метров. При первом взгляде на

эти крутые питоны, выступающие из моря, можно тотчас же узнать их эруптивное происхождение. Горы Малых Антильских островов состоят из порфира и лавы: они возникли, очевидно, на подводной трещине и постепенно поднялись над волнами; некоторые из этих груд увеличиваются ещё до сих пор от новых извержений. Что касается внешней цепи, от Сомбреро до Барбадоса, то она не вулканического происхождения, или, по крайней мере, огненные породы, поднимаемые со дна моря, достигли поверхности лишь в редких местах; пьедестал подводного нагорья покрыт известковыми наслоениями океанического происхождения. Нигде контраст не обнаруживается более разительно, чем на двойном острове Гваделупе: одна его половина—высокая, усеяна горами, исполосована лавами, изобилует текущими водами; другая—низменная, или чуть-чуть холмистая, изрезана расселинами, изрыта пещерами, в которые низвергаются воды.

Если известковые острова покоятся на каменном грунте, то с другой стороны, вулканические острова не сплошь состоят из расплавленных, потом охладившихся веществ: они тоже имеют свою оторочку из океанских отложений. Вокруг порфировых или трахитовых гор прилегают к их крутым скатам, до высоты более 250 метров над уровнем моря, кучи серого цемента, окрашенного в красный или желтый цвета, заключающие в себе каменные глыбы, обрушившиеся с верхних склонов. Этот конгломерат образовался под водой в ту эпоху, когда уровень моря был выше относительно антильских земель; поднятие островов или понижение уровня вод вызвало выступление наружу этих морских образований, которые отлагались у подошвы вулканов. Если это движение продолжится, то современем выдвинутся на поверхность новые банки рифов или *cayes*, которые ныне опоясывают подводный пьедестал островов, главным образом на стороне, обращенной к Атлантическому океану[1]. Состав горнокаменной породы—один и тот же, как в подводных рифах, так и в утесах, поднявшихся над поверхностью океана; да и по наружному виду они разнятся очень мало; новейшие мадрепоровые скалы отличаются меньшею плотностью и более бледным желтым цветом. В некоторых местах береговые конгломераты прерываются потоками лавы: так как обе эти формации современного происхождения, то случается, что отрывки той или другой породы вкраплены в толщу других пластов.

Специальный климат Малых Антильских островов отличается лишь незначительными оттенками от климата Больших Антильских островов. Между двумя склонами Малых Антильских островов контрасты более разительны, чем между двумя оконечностями Американского Средиземного моря. Вследствие расположения восточных островов по меридиану, между двумя берегами существует резкая противоположность, так как один из них обращен к ветру и зыби Атлантического океана, а другой омывается тихими, хорошо защищенными водами Караибского моря: одна сторона острова называется «Высокой Землей», другая —«Низменной Землей». Это различие климата имело следствием большие контрасты в плотности населения, в местной промышленности и торговле: порты нельзя было строить на наветренной стороне, и приходилось выбирать или бухты и бухточки «низменного берега», или по крайней мере такие входящие углы противоположного берега, которые хорошо защищены полуостровами. Гористый характер вулканических островов увеличивает до бесконечности различие климата, в зависимости от высоты той или другой местности над морским уровнем и её расположения; по крайней мере жители имеют, в нескольких стах метрах от своих знойных пляжей, долинки или мысы с умеренной температурой, представляющие более здоровые метеорологические условия: каждый остров имеет свою санаторию. Впрочем, в различных частях островов годовая температура представляет лишь весьма незначительные отклонения: годовое колебание не превышает двадцати градусов.

Температура Малых Антильских островов:

1 E. de Mont-Serrat;—Aug. Dollfus, „Archives de la Commission scientifique du Mexique“. Tome II

	Широта	Средняя температура	Самая низкая температура	Самая высокая температура	Разность	Количество дождя
Гваделупа (Пуант-а-Питр)	16°14’	25°,93	19°,38	38°,38	19°	1м
Мартиника (Форт де-Франс)	14°36’	27°,1	17°,4	35°	17°,6	2м,10
Барбадос (Бриджтаун)	13°5’	25°,2	17°,8	31°	12°,2	1м,54

Количество атмосферных осадков на Малых Антильских островах варьирует ещё гораздо больше, чем температура, в зависимости от различия в положении мест, так как ширмы, образуемые холмами и горами, обыкновенно задерживают дождевые облака на одном из своих склонов. Дожди, следовательно, обильнее на Высоких землях, чем на Низких; они увеличиваются также пропорционально высоте местности над морским уровнем: в этом отношении наблюдается правильная градация даже на таком острове, как Барбадос, где возвышенности имеют лишь крайне незначительный рельеф.

Дожди на Барбадосе, на различных высотах над уровнем моря[1]:

От 0 до 60 метров 1м,119
» 60 » 120 » 1м,169
» 120 » 180 » 1м,321
» 180 » 240 » 1м,500
» 240 » 300 » 1м,152
» 300 » 347 » 1м,178

Нельзя сказать, чтобы град представлял совершенно неизвестное явление на Малых Антильских островах, но во всяком случае он выпадает здесь ещё гораздо реже, чем на Кубе: на Гваделупе выпадение града было констатировано только один раз, в 1805 г.

Флора Малых Антильских островов, очень богатая сравнительно с незначительным пространством их и представляющая большое различие даже на двух соседних землях, заключает в себе растительные породы севера, юга и запада; первоначальная флора этих островов, как кажется, заключала в себе даже растения Старого Света ранее прибытия европейцев, привезших впоследствии и африканских невольников. Впрочем, ботаникам невозможно проследить историю различных видов за несколько веков: они расходятся в мнениях даже относительно культурных растений, продукты которых имеют значение в мировой торговле. Относительно некоторых видов сахарного тростника известно, что они были ввезены на эти острова, но вид, найденный первыми французами на Сент-Кристофе, Гваделупе, Мартинике и Сент-Винценте, всегда считался ими за туземное растение[2].

О происхождении некоторых животных видов тоже ведутся споры. Так, например, существуют различные предположения о происхождении обезьяны, которая ещё недавно жила в лесах Барбуды: по мнению Роберта Шомбургка[3], это был американский вид, тогда как Фильден[4] видит в ней, напротив, обезьяну Западной Африки, cercopithecus callitrichus, которую гвинейские торговцы ввели сюда с первых же лет колонизации и которая встречается также на Сент-Кристофе, Невисе и Гренаде[5]. Каждый остров имеет свою специальную фауну: из 128 пород птиц, собранных Обером во время его двухлетнего путешествия, только 7 общи всем Малым Антильским островам, а 52—представляют формы, существующие только на одной какой-нибудь земле. Океанический остров Барбуда, никогда не соединявшийся с континентом, получил свою фауну и флору исключительно посредством ветров, течений, птиц и человека. Но если Малые Антильские острова и приобрели, особенно в недавнюю эпоху, экзотические породы, то, с другой стороны, они утратили некоторых животных, которых ещё застали здесь первые европейские колонисты. Большой голубь, некогда очень распространенный на этих землях, попадается теперь лишь в виде ископаемого: он покинул ар-

1 Rawson, „Report on the Rainfalls“.
2 Labat, цитированное сочинение.
3 „History of Barbadoes“.
4 „Nature“, February 13, 1890.
5 Sclater, „Nature“, February 20,1890;—Ober „Camps in the Carribees“.

хипелаг, переселившись на южно-американский материк. По Дарвину, преобразовательное влияние среды обнаруживается главным образом на европейских породах бабочек, которые сделались на Антильских островах бескрылыми животными: их крылья, которые от ветра обратились бы в паруса, могли унести их в открытое море.

Естествоиспытатели, изучающие моллюсков и низшие организмы, могли бы привести тысячи примеров странных контрастов в фауне островов: иные виды, живущие на отдаленных одна от другой землях, отсутствуют в промежуточных звеньях островной цепи, как буд-

Мартиниканка.

то бы кольца, принадлежащие различным периодам формации, соединялись прежде перешейками с разными континентами. Существование этих отграниченных анклав связано с самыми трудными проблемами геологии и естественной истории, и ученые высказывали по этому предмету различные гипотезы, но ни одна из них не была признана бесспорной. В виде примера этих специальных фаун указывают в особенности на треугольно-головую змею (тригонокефал), или «куфию копьеголовую» (bothrops lanceolatus), которая живет исключительно на Мартинике и на двух других небольших Антильских островах. Эта ядовитая змея наводит ужас на туземцев и колонистов, так как она держится не только в скрытых местах, но и везде, где может встретиться с человеком: она живет на нивах и в болотах, на сахарных плантациях, на берегах рек и в лесах, словом всюду, от уровня моря до высоких гор, окру-

женных облаками; она плавает по воде и качается на деревьях, подползает к городам, а в деревнях нередко проникает в самые дома, если они окружены кустарником или высокою травою. Однако, смертность, причиняемая её укусами, относительно не велика: на о. Санта-Люсия, при 45.000 населении, насчитывают всего шесть или семь смертных случаев[1]. После человека, главными врагами копьеголовой куфии являются, во-первых, большой уж стального цвета, *coibo* или *coluber cursor*, затем—муравей, нападающий на её глаза[2], и наконец, мангуста, пожирающая змею целиком, вместе с зубами и жалом. Есть не менее восьми разновидностей этой страшной змеи, разнящихся цветом и расположением пятен; всех их легко смешать с окружающею средою—с корнями, стволами, корой, гнилыми деревьями, покрывающими почву леса. В прошлом столетии существовали ещё тригонокефалы длиной до трех метров; в настоящее же время не видать даже таких, которые бы достигали двух метров, так как большим экземплярам труднее ускользать от преследования охотников.

Во время прибытия испанцев население Малых Антильских островов, исключительно караибское, по своему наружному виду, языку и нравам резко отличалось от добродушных и мирных индейцев, живших на острове Эспаньола. Первые мореплаватели описывают этих микро-антильских островитян, как людей гордых, неукротимых, храбрых, не боявшихся опасности и похвалявшихся полученными ранами, но жестоких и беспощадных в отношении своих пленных. Они были даже антропофагами, без сомнения, по религии, чтобы увеличить свое мужество, питаясь сердцем врагов: первые европейцы, проникнувшие в их жилища, пришли в ужас при виде окровавленных человеческих членов, валявшихся на земле, и кусков человеческого мяса, висевших на перекладинах под потолком, или жарившихся на огне. Однако, эти индейцы, страшные как враги, были верными друзьями и самыми радушными хозяевами, которые ради гостеприимства охотно шли на смерть, лишь бы не нарушить своих обязанностей по отношению к гостям. Будучи такими же отважными моряками, как и храбрыми воинами, они пускались на своих пирогах на сотни километров в море и знали все проливы, начиная с побережья Южной Америки до берегов Больших Антильских островов: причаливая небольшими бандами, они нападали врасплох на селение какого-нибудь враждебного племени гватуайосов, называвшихся также инери или игнери, но принадлежавших к арауаканской расе, и уезжали, чаще всего нагруженные добычей; при этом они увозили с собой молодых людей, которых предназначали для священной трапезы или для рабства, и женщин, которых обращали в служанок или в наложниц. Таким образом первобытная раса беспрестанно изменялась, начав то странное смешение кровей, которое в конце концов привело к тому, что негры самбосы Центральной Америки стали называться чисто индейским именем «караибы».

Откуда пришли первые караибы, которые поселились на маленьких островах Антильского архипелага за одно или за два поколения до прибытия европейцев? В них видели ацтекских колонистов, майя, квичуа или краснокожих Северной Америки. Но предания, а также родство языков и сходство нравов указывают на Южную Америку, особенно на Венецуэлу, Гвианы, Бразилию. Караибы—или вернее карибы, как их называют испанцы, их первые европейские гости,—родственны гвианским галиби и тем индейцам, которых Эренрейх не так давно посетил на берегах р. Ксингу[3]. Название караибской нации объяснялось различно: Кари-аиба есть собирательное имя, применяемое самими индейцами, но не в этнографическом смысле; оно обозначало «злых людей, пиратов, людоедов»[4]. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что караибы Антильских островов в конце концов стали употреблять

1 Owen T. Bulkerey, „The Lesser Antilles“.—В 1889 г. смертные случаи были более многочисленны: насчитали 15 смертей, причиненных ужалением этих змей. По словам Руфца де-Лавизов, копьеголовая куфия делала ежегодно на Мартинике до 50 жертв.

2 Labat, цитированное сочинение.

3 „Congres des Americanistes“. Paris. 1890.

4 Von Martius, „Beitrage zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas“.

это название в благородном смысле, применяя его к белым, в которых они признавали людей, одаренных высшими умственными способностями. Америго-Веспуччи определенно говорит, что туземцы побережья Париа называли испанских мореплавателей «Карабами», желая этим словом превознести образованность этих иностранцев. По словам древних писателей, французов и португальцев тоже называли «караиббами или карибами»[1].

Известно, что караибские женщины Антильских островов изъяснялись на особом языке, значительно отличавшемся от языка мужчин. Изыскания Люсьена Адама установили, что мужской говор состоял первоначально из языка галиби-завоевателей, которые завладели островами и пробрались до Гаити. Женский говор, напротив, есть коренной арауакский идиом, язык туземцев, которых победили галиби, при чём мужчины убивались ими, а женщины уводились в плен. Общих слов весьма немного, а если они и попадаются, то относятся почти исключительно, одни—к языку галиби, другия—к арауакскому; однако этот последний язык, женский, был более распространен и, в конце концов, он взял перевес над мужским; это объясняется, во-первых, тем, что воспитание детей находилось в руках женщин, а во-вторых,—и это главное—большим богатством и развитием арауакского языка[2].

Как караибы истребили арауаков, так европейцы, испанцы, французы и англичане, истребили, в свою очередь, караибов. История каждого острова, особенно Мартиники, Доминики и Сент-Винцента, является хроникою резни туземцев, и теперь осталось лишь небольшое число караибов смешанной крови, живущих на этих трех островах, в уединенных горных долинах. На Доминике уцелело тридцать семейств туземцев[3]; в 1881 г. на Сент-Винценте среди его жителей находилось 192 человека, называвших себя караибами; они занимались самым опасным на острове промыслом—нагрузкой сахара на восточном берегу, среди зыби, непрестанно разбивающейся на пляжах.

Истребители индейцев, белые, тоже убывают на этих островах, несмотря на то, что их никто не преследует, никто не истребляет. Некоторые статистики приписывали эту убыль европейцев влиянию рокового закона природы,—невозможности белой расы акклиматизироваться на почве Антильских островов. Известно, что в период колонизации белых прирост европейского населения на Антильских островах обусловливался постоянно добровольною или вынужденною иммиграциею, так как большинство колонистов были не свободными «жителями», а «наемниками» или, лучше сказать, временными рабами. Эпидемии производили частые опустошения: в ту эпоху, когда основанные уже колонии находились на пути мирного развития, смертность белых зачастую превосходила рождаемость, особенно во время эпидемий желтой лихорадки. Средняя смертность при заболеваниях желтою лихорадкою на Мартинике с 1802 г. по 1869 г.: 232 на тысячу (Beranger Feraud). В общем нормальным явлением была убыль, а не прибыль в населении: расе угрожало, повидимому, исчезновение от медленного, но неумолимого действия природы.

Однако, нет недостатка и в указаниях, которые опровергают этот мнимый закон вымирания и доказывают, что северный человек может вполне акклиматизироваться, поставив себя в благоприятные условия и благоразумно урегулировав свой образ жизни. Что касается испанцев и канарийцев, то в их акклиматизации не может быть никакого сомнения, о чём свидетельствует быстрое возрастание белого населения на Пуэрто-Рико; даже северяне, и те вполне освоиваются с климатом: можно указать на множество семей северного происхождения, как-то северных французов, голландцев, англичан, шотландцев, которые пользуются на островах благоденствием из поколения в поколение и отличаются цветущим здоровьем, физическою силою, редкою красотой и блестящими умственными способностями. При полном ознакомлении с гигиеной, при облегчении путешествий и перемещения из страны в страну, наконец, при основании санаторий на различных высотах островов, можно надеяться, что акклиматизация европейцев на Антильских островах окончательно будет упрочена.

1 P. Margry, „Bulletin de la Societe de Geographie". 1857.

2 Lucien Adam, „Du parler des hommes et du parler des femmes dans la langue Caraibe". Paris 1879.

3 J. A. Froude, „The English in the West-Indies".

Причины уменьшения числа европейцев на Малых Антильских островах,—тем более удивительного, что оно совпадает с быстрым возрастанием населения африканского происхождения,—имеют скорее экономический и моральный характер, чем материальный. Во времена рабства, когда вся страна была разделена на крупные владения, землевладельцы находились в привилегированном положении хозяев, высших существ, принадлежащих, так сказать, к особому человечеству. Но когда негры получили свободу, особенно когда многие из них стали достаточными людьми или даже богачами, когда образование уничтожило разницу между сыновьями прежних господ и детьми их рабов, и негр, сильный сознанием своих человеческих прав и политического равенства, потребовал себе место на-ряду с европейцами в советах, общественных церемониях и народных празднествах, тогда наследники тех, которые составляли прежнюю аристократию, возненавидели эту землю, где вчерашние рабы дерзко считают себя равными с ними: сплошь и рядом они бросают эту ненавистную землю без сожаления и эмигрируют без намерения когда-либо возвратиться. С другой стороны, те белые из «мелких людей», которые занимали второстепенные должности на плантациях и в правительственных учреждениях и которые, благодаря цвету кожи, могли бы устранить всякую конкурренцию негров и мулатов, были отстранены: их места были уже заняты. Чиновничество, столь же многочисленное на английских Антильских островах, как и в колониях других наций, состоит в большинстве из цветных людей. Некоторые округа совсем покинуты белыми, которые не желают находиться в подчинении у сынов своих прежних рабов[1]. Говорят также, что обычай добровольного ограничения семей, столь распространенный во Франции, начинает прививаться и на французских Антильских островах[2]. Доля европейцев, которые в борьбе за существование отступили перед неграми с половины XIX ст., составляет, вероятно, более четверти; впрочем, определенные цифры в этом отношении дать невозможно, так как оффициальные переписи на некоторых островах, между прочим, и во французских колониях, не указывают более различия жителей по цвету кожи, признаку, теперь уже трудно определимому.

Хотя на Малых Антильских островах не делалось ещё никакой попытки к приобретению политической независимости, однако, этнологическая победа черного населения в этих островных садах обеспечена не менее, чем на Ямайке и Гаити. Впрочем, чернокожие креолы Антильских островов не принадлежат более к африканскому племени; как по крови, так и по языку и нравам они столь же сыны Европы, как и «африканскаго» материка. Смешение двух рас происходило всё теснее и теснее, несмотря на прежнее различие жизненных условий, несмотря на первоначальное отвращение хозяев к рабам. Строгие законы, запрещавшие прежде какое бы то ни было смешение между белыми и черными, не могли быть соблюдаемы в стране, где сами судьи должны бы были очутиться на скамье подсудимых; процессы, в большинстве случаев, были не что иное, как пустая формальность[3]. Эти законы не препятствовали белым, неграм и караибам смешиваться с мулатами и капрами, гриффами и квартеронами. В настоящее время островное население представляет самые разнообразные оттенки кожи, начиная с матово-белого до блестяще-черного, но преобладает коричневатый, красивый бронзовый и даже светло-золотистый цвет. И такия скрещивания не повели расы к упадку: креолы смешанной крови, особенно жители Мартиники и Доминики, могут назваться красивейшими из всех антильцев[4]. Какая стройность и гибкость тела, какая грация движений, какая живость взгляда, какая чарующая улыбка! Несмотря на свое запоздалое вступление в круг современной цивилизации, цветнокожие креолы сумели занять в нём видное место, приняв деятельное участие в работе искусства и мысли, в социальных и политических движениях современной эволюции.

Лишившись своих невольников по законам своих метрополий, плантаторы постарались

1 Froude, „The English in the West-Indies“.
2 Molinari, „A. Panama“.
3 Labat, цитированное сочинение.
4 Lafcadio Heam, „Two Years in the French West-Indies“.

продлить рабство в более мягких формах, для того чтобы сохранить своих работников, если не в качестве рабов, то, по крайней мере, в качестве «учеников»; но этот промежуточный период, в свою очередь, кончился, и бывшие невольники стали или служащими на жалованье работниками, или даже свободными земледельцами. Крупные землевладельцы заменили сначала освобожденных негров черными «наемниками», которых они привозили из Африки, но это был тот же невольничий торг, только замаскированный, и общественное мнение, как на островах, так и в метрополии, восстало против этой новой формы негроторговли, и она была запрещена. Вместо негров стали выписывать индусов, большею частью британских подданных, которые в силу этого пользуются покровительством английского правительства. Оттого содержащиеся в договорах найма условия в пользу нанимаемых индийских кули соблюдались гораздо строже, чем контракты, заключавшиеся прежде с неграми; представителем интересов наемников служит особый «протектор», на обязанности которого лежит по крайней мере каждую четверть года являться на плантации и выслушивать жалобы рабочих, если таковые имеются. Впрочем, за последнее время привоз кули значительно уменьшился, и по целым годам на Малых Антильских островах не бывает ни одного нового эмигранта из Индии: местное население теперь уже довольно плотное, и разделение жителей по роду занятий настолько правильно, что землевладельцы вполне могут поддерживать культуру своих плантаций, не призывая иностранцев. Индусские кули, продолжающие жить в крае, в количестве около сорока тысяч человек, занимаются большею частью мелкой торговлей и очень медленно сливаются с остальным населением; впрочем, они ещё не имеют определенной национальности. В переписях они перечисляются отдельно—доказательство, что на них всё ещё смотрят как на иноземцев, но несомненно, что со временем, подобно всем прочим этническим элементам Антильских островов, и они войдут в тот же круговорот, слившись в одно целое со всем остальным народом.

Как и во времена невольничества, главным промыслом на Малых Антильских островах служит культура растений, дающих так называемые «колониальные» товары; но в зависимости от социальных и политических переворотов, колебаний торговли, изменений тарифа, промысел этот часто подвергался колебаниям на различных островах, и жизненные центры производства много раз перемещались. Тем не менее, главной культурой остается по-прежнему культура сахарного тростника: капитал, употребленный в этой отрасли промышленности, исчисляют в 1.250 миллионов франков. Гваделупа, Мартиника, Барбада производят в настоящее время сахару даже больше, чем сколько производили в урожайные годы прежнего режима. Кофейное дерево, дававшее некогда Мартинике высоко ценимые продукты, в настоящее время не составляет главной культуры ни на одном из островов, тогда как какаовое дерево заняло первое место на плантациях Гренады. На Монтсеррате и Доминике занимаются приготовлением лимонного сока. Сент-Винцент производит главным образом крахмал, а на большинстве английских островов возрастающий промысел—сбор бананов, апельсинов, кокосовых орехов, колы и других плодов. В совокупности продукты земледельческой культуры Малых Антильских островов представляют годовую ценность почти в 200 миллионов франков и вызывают движение торгового судоходства, достигающее, по приходу судов, 2 миллионов тонн.

II. Острова и островки

Сомбреро, острова Догов, Ангилья

Самый северный из Малых Антильских островов, Сомбреро, кажется издали сероватой «шапкой», плавающей на море. Это не более, как скала, которую считали не имеющей никакой цены до того дня, когда американские промышленники явились сюда для эксплоатации гуано, лежащего на пластах фосфорно-кислой извести, продукта ещё более ценного, чем гуа-

но, в качестве удобрительного материала. Великобритания не могла поступиться таким ценным островом, и после долгих дипломатических переговоров добилась того, что Сомбреро был ей возвращен, хотя уже значительно оскудевшим, благодаря американским каменоломам.

Другие острова, сгруппировавшиеся на северной оконечности Мало-Антильского архипелага, тоже принадлежат Англии: это—острова Догов или «Собак», называемые так потому, что они похожи на стаю гончих, как бы несущихся по волнам, и Ангилья, или «Угорь», обязанный этим названием, по всей вероятности, своей удлиненной, немного змеинообразной форме; впрочем, Геррера обозначает его именем Агуила. Англичане иногда называют его «Змеиным островом», *Snake-island*: северо-восточным его продолжением служит островок Ангильетта. Обвеваемые постоянно пассатным ветром, эти низменные земли представляют очень здоровую местность, и население их, состоящее почти исключительно из негров, благоденствует. Главный промысел—разведение лошадок, которые пасутся на соляных пастбищах побережья; жители вывозят также соль и фосфорит; кроме того, продают табак, маис и скот флотским поставщикам на датском острове Сент-Томас (святого Фомы).

Остров Сент-Мартин (св. Мартина)

Этот остров следует за английским о. Ангилья и лежит на том же подводном цоколе, потому что глубина воды между этими двумя островами не превышает 25—30 метров. Сент-Мартин не походит на Ангилью: это—остров возвышенный, высшая точка которого, гора Парадис, лежащая в северной части острова, поднимается на 585 метров; другие горы (mornes) следуют за первой в южном направлении, но к западу от главного корпуса этой гористой страны выступает полуостров Терр-Басс (Низменных земель), расположенный в виде бухты и соединяющийся с самым островом двумя криволинейными пляжами, обращенными вогнутой стороной к открытому морю; между этими двумя песчаными кордонами залегает глубокая лагуна Симпсон. Другие, менее обширные пруды окаймляют берега на северо-западной, восточной и южной стороне и проникают дальше в долины. Сент-Мартин, единственный из всех Антильских островов, разделяется в политическом отношении на две части: северная его часть, заключающая почти две трети всей поверхности, составляет владение Франции, а южная принадлежит Голландии. До сих пор ещё показывают то место, где в 1648 г. произошел дружественный договор о разделе острова между колонистами, говорящими на двух разных языках: это—вершина горы, возвышающейся недалеко от Мариго и известной под названием «горы Соглашения». В продолжение двух с половиной веков мирный договор всегда соблюдался, если не считать того, что на остров пустили новых иммигрантов, англичан, которые, водворившись здесь, имеют теперь численный перевес.

Пространство и население Сент-Мартина в 1880 г.: Французская часть—52 кв. кил., 3.500 жит., Голландская часть—47 кв. кил.; 3.360 жит.; итого—99 кв. кил., 6.860 жит.

Отдаленность Сент-Мартина от Гваделупы, его антильской метрополии, удобство торговых сношений между обеими частями острова, наконец, то обстоятельство, что жители не имели возможности, во время войны, ездить в свою оффициальную столицу,—всё это доставило островитянам большую свободу торговли, почти полную административную автономию и, как результат всего этого, замечательное процветание. Сент-Мартин издавна славился своею сахарною промышленностью, но в настоящее время жители занимаются почти исключительно культурою хлебных растений и эксплоатацией солончаков. Одна франко-голландская компания получила концессию на все прибрежные солончаки, дающие, в среднем, около 360.000 гектолитров соли[1].

Столица французской части Сент-Мартина, Мариго (Marigot), названа так потому, что расположена на берегу канала, соединявшего некогда её бухту с лагуной Симпсон: этот байус (marigot) обмелел, но бухта Мариго, хорошо защищенная от восточного ветра, всё ещё

1 A. Bouinais, „Guadeloupe“.

доступна для больших судов; существование порто-франко привлекает кое-какую торговлю к этому пункту, лежащему в стороне от главных навигационных путей. Голландский город, Филипсбург, называемый также Филисбург, тянется длинной улицей по узкому пляжу, между полу-круглой бухтой южного берега и обширным солончаком: время от времени приходится прокапывать прибрежный вал, чтобы возобновлять в солончаках воды, подвергающиеся испарению.

Остров Сент-Бартелеми (св. Варфололомея)

Маленький остров Сен-Бартелеми, называемый антильскими моряками Сент-Барт, занимает южную оконечность банки, на которой лежат английский остров Ангилья и франко-голландский остров Сент-Мартин: достаточно бы было самого незначительного поднятия, именно в 26 метров, чтобы все эти отдельные земли слились в один массив, который бы имел около 75 километров длины. Сен-Бартелеми, узкий островок, расположенный в форме полумесяца, выпуклостью обращенного к югу, в ширину не имеет даже 10 километров, а в длину всего 21 километр: самый высокий его холм, известковый массив, находящийся почти в самом центре острова, имеет 302 метра высоты. Вокруг берегов рассеяно десятка два скал, преимущественно на севере и северо-западе острова.

Столица носит шведское имя Форт-Густав или Густавия, так как Сен-Бартелеми, принадлежавший с 1647 до 1784 г. французам, перешел потом во владение Швеции, в обмен за право иметь складочное место в Готеборге и за некоторые политические уступки. В 1877 г. он был снова выкуплен Францией, за 277.500 франков; к тому же его население, происходящее главным образом от нормандских колонистов, оставалось французским по воспоминаниям, хотя и говорило на английском языке, так что при вотировании вопроса о присоединении острова к Франции из 351 голоса 350 высказались утвердительно. Порт Густавия, называемый также Каренаж (Киленбанк), лежит на западном берегу, за пассатным ветром, защищенный, кроме того, банками и скалами от морских волнений: суда, имеющие 2—3 метра осадки, могут безопасно пользоваться этим портом.

В административном отношении Сент-Бартелеми составляет общину Гваделупы, но жители его освобождены от большей части налогов, которыми обложены резиденты большего острова.

Остров Барбуда

Эта низменная земля составляет отдельный мирок, лежащий несколько в стороне от правильной дуги других Антильских островов и в более глубокой части моря; окружающие его проливы имеют более 1.000 метров глубины, за исключением только южных, смежных с островом Антигуа: оба эти острова расположены на одном общем плато, лежащем всего на глубине 30—40 метров под водою. Хотя по своему пространству Барбуда занимает среднее место между другими Малыми Антильскими островами, но в экономическом отношении он имеет меньшее значение, чем простые островки, как Невис или Дезирада. Его уединенное положение, отсутствие хороших портов и ограда из рифов, окружающая побережье, могли до некоторой степени помешать заселению, но с другой стороны здоровый климат острова, выставленного ветру на всём своем протяжении, и плодородие почвы должны бы были привлекать сюда иммигрантов: на Барбуде найдется место для сотни тысяч земледельцев. Он не был колонизован потому, что весь принадлежал в продолжение двух веков одному английскому семейству, и никто не мог приобрести там ни клочка земли: владелец, так сказать, сделал географический пробел, так что этот островок зачастую даже забывают включать в список английских владений. Этому королевскому вассалу наследовали два концессионера, которым, как и ему, вменялось в обязанность высылать ежегодно тучную овцу губернатору Антигуа, в знак своих верноподданнических чувств: теперь, вместо овцы, они посылают оленя. Это животное было привезено из Европы и теперь населяет леса, насажденные на остро-

ве[1].

Барбуда, единственный из всех Малых Антильских островов, имеет меньше негров, нежели белых, в своем населении, которое, впрочем, не достигает даже тысячи душ.

Остров Антигуа

Этот остров, следующий за Барбудой в южном направлении, населен в тридцать раз больше; сто лет тому назад население его было ещё многочисленнее. Антигуа назван так Колумбом, в честь одной Вальядолидской церкви[2], Санта-Мариа-ла-Антигуа: от этого длинного названия удержалось только последнее слово. Как и другие Антильские острова восточной цепи, Барбуда, Гранд-Терр-де-Гваделупа, Барбадос, это—остров известковый и довольно низменный: самая высокая его гора (morne) не превышает 271 метра; впрочем, юго-западные холмы его, с крутыми обрывами, образуют нечто вроде недоступного редюита, в котором жители могли бы укрыться в случае нападения. Несомненно, что в образовании этого острова принимали участие вулканические силы, так как порт, называемый Инглиш-Гарбур, есть не что иное, как группа кратеров, захваченных водами. Но вся остальная часть Антигуа представляет плато из известковых пластов, в котором слои морского происхождения чередуются с пластами, осажденными пресными водами; это плато изобилует самыми разнообразными ископаемыми, кораллами, а также животными и растительными организмами, превратившимися в агаты. Подобно другим известковым островам, Антигуа страдает недостатком пресной воды; поэтому название Ямака, или «Струящийся», которое дали этому острову прежние островитяне, нельзя иначе понимать, как в ироническом смысле[3]. В 1779 г. и в 1789 г. цистерны оставались пустыми в течение целых месяцев, так что скот погибал тысячами. Колонисты круглый год должны были собирать необходимую воду, которой не хватало даже для орошения; в настоящее время главный город и его сады имеют резервуар, содержащий в себе 2.500.000 литров воды. Говорят, что остров Антигуа обязан своим здоровым климатом именно этому полному естественному дренажу.

В 1632 г. на этом Антильском острове поселились английские колонисты, затем после них французские, но Бредский договор 1666 г. обеспечил за Великобританией владение о. Антигуа, и с тех пор эта колония не переставала принадлежать Англии. Первая из всех английских земель, она отменила у себя невольничество, в 1834 г., не ожидая результатов предварительного опыта, но не наделив землею освобожденных негров, которые по большей части после эмансипации покинули плантации, ища менее трудной работы. Вследствие экономических перемен, а, может-быть, также и от истощения почвы производство сахара, составлявшее главную промышленность Антигуа, значительно уменьшилось, и в настоящее время его думают заменить, как и на Багамских островах, культурою генекена. Антигуаские ананасы славятся на рынках Великобритании и Соединенных Штатов. Почти вся торговля идет через порт Сент-Джон, расположенный на северном берегу, на краю широкой бухты с неудобным входом, но в которой суда 3—4-х метровой осадки находят хорошую якорную стоянку. Торговое движение в Антигуа в 1885 г.: 7.585.600 франков.

Другой порт, Инглиш-Гарбур, лежащий на южном берегу, гораздо лучше и более защищен, но эта прекрасная гавань была некогда военным портом, окруженным казармами и арсеналами: свободная торговля избегает этого стеснительного соседства, и бассейн остается пустынным.

Сент-Джон, имеющий 19.000 жителей, главный город «президентства», в состав которого входят также острова Барбуда и Редонда, есть столица всех Антильских островов, сгруппированных англичанами под общим названием Leeward-islands, или «Подветренных», начиная от Девичьих островов и до Доминики. Он служит, следовательно, резиденцией губернатора, президента и разных административных учреждений, а также исполнительного и зако-

1 Ober, „Camps in the Cariblees Adventures of a Naturalist in the Lesser Antilles“.

2 Juste Zaragoza, „Las Insurrecciones de Cuba“.

3 Daniel Mac-Kinnen, „A Tour through the British West-Indies“.

нодательного советов; члены первого из этих советов назначаются английским правительством, а члены второго выбираются гражданами, имеющими определенный ценз. В 1885 г. на Антигуа было всего 208 жителей, имеющих право голоса на выборах, так что избирателей было меньше, чем должностных лиц.

Острова Саба и Сент-Эвстатиус (св. Евстахия)

Эти два острова, самые северные во внутренней или вулканической цепи Малых Антильских островов, принадлежат Голландии, но жители говорят здесь по-английски, как и на всех других островах этих водных пространств, между Пуэрто-Рико и Гваделупой. Саба есть простой конус, не представляющий более отверстия открытому очагу лавы, но всё ещё имеющий вид вулкана, особенно когда пар, увлекаемый пассатным ветром, обвивается вокруг его вершины. Гора, круглая у основания и высотою в 858 метров, вздымает со всех сторон свои крутые скаты над водами окружающего моря; селение ютится, на высоте почти 180 метров над уровнем моря, на дне иззубренного кратера. Население Сабы, почти всё шотландского происхождения, занимается обработыванием земли на более доступных террасах и собиранием горной серы. В прежнее время оно промышляло выделкою чулок и башмаков. Лабас, посетивший остров в 1701 г., говорит, что он никогда не видел такой «сапожнической страны»[1]. Остров доступен для судов только с одной южной стороны, где открывается небольшая песчаная бухта; на юго-западе подводное плато, на котором толща водной массы имеет в среднем 10—40 метров, занимает площадь почти в 3.000 квадратных километров.

Остров Сент-Евстатиус, или св. Евстахия, гораздо обширнее, но зато не такой высокий, как Саба: высочайшая его гора (morne), бывшая прежде отдельным островом, имеет 594 метр. Центральный кратер, как и многие другие вулканические чаши, получил от англичан название Пунч-Боль, но эта «чаша» не наполнена более лавою; её целиком заполонила густая растительность. Маленькое местечко Оранджтаун, главный город св. Евстафия, состоит из двух кварталов: один расположен на мысу из лавы, другой раскинулся у основания утеса, на берегу открытого рейда, где покачиваются несколько гребных судов. Население Сент-Евстатиуса, менее многочисленное, чем на Сабе, сгруппировано очень скученно по окружности своего островного вулкана; жители имеют воду только в цистернах; дождевая же вода вся исчезает под вулканическим пеплом.

Острова св. Евстахия и Саба в административном отношении причислены к Кюрасао, одному из голландских островов Венецуэльского побережья.

Острова Сент-Кристоф и Невис

Остров Сент-Кристоф (св. Христофора), называемый его владельцами, англичанами, Сент-Киттс, был открыт Христофором Колумбом в 1493 году; и великий мореплаватель, увидевший его, однако, после Дезирады, Доминики, Гваделупы, Антигуи, нашел его столь прекрасным, что пожелал навсегда связать с ним свое имя: это—единственный из Антильских островов, который непосредственно напоминает об его открытиях. Караибы называли остров Лиамнигой, или «Плодородным», но для них именно это плодородие островной почвы и было причиной гибели: Уарнер и его спутники-англичане, высадившиеся на Сент-Кристофе в 1623 г., а также французские авантюристы, явившиеся под предводительством нормандца д'Эснамбюк два года спустя, а не одновременно с первыми, как это обыкновенно повторяют, совместными усилиями напали на аборигенов этого острова, загнали их внутрь страны, а затем и совсем истребили: воспоминанием от этих аборигенах остался только один «исчерченный надписями камень», иероглифы которого так и остались неразобранными.

Как для англичан, так и для французов, Сент-Кристоф является одинаково *mother colony*, «матерью Антильских островов»: здесь были основаны их первые поселения в цепи Малых Антильских островов, и отсюда заселение стало распространяться по другим островам в

1 „Nouveau Voyage aux isles de l'Amerique";—Boyer Peyrebeau, „La Guadeloupe".

южном направлении. С первых же лет колонисты двух наций разделили Сент-Кристоф между собою, но довольно странным образом, именно: англичане заняли средину, массивную часть острова, а французы взяли себе обе оконечности, Кабес-Терр и Басс-Терр; но салины, находящиеся на французской территории, принадлежали нераздельно обеим нациям, взамен чего французы могли пользоваться серой с вулкана, лежащего на английской земле. Английские и французские владения были разграничены живыми изгородями из кактуса, барьером более действительным, чем палисады или валы. В 1629 году их мирное существование было нарушено испанцами, но колонисты успели вскоре изгнать их и снова зажили друг с другом в мире до того времени, когда их правительствам вздумалось оспаривать господство на всех Малых Антильских островах. Сент-Кристоф переходил из рук в руки, пока не был окончательно уступлен Великобритании, по Версальскому договору, состоявшемуся в 1788 году: в прежней французской половине острова и до сих пор держатся названия местностей, напоминающие об языке их прежних владельцев.

Своею формою Сент-Кристоф отличается от большинства других Антильских островов, береговая линия которых представляет удлиненный овал. Северная, более обширная, часть этого острова, правда, образует один из таких овальных массивов, но она продолжается к югу в виде длинной песчаной стрелки, как бы стремясь соединиться с Невисом, и оканчивается круглым полуостровом, замыкающим окружностью своего пляжа соленый пруд: на карте контуры Сент-Кристофа напоминают гитару. Но всё-таки северная часть, в которой находятся плантации и города, может считаться настоящим островом, где зеленеющие нивы и деревни тянутся по правильному склону вверх к бесплодной и серой вершине Мизери; эта гора, имеющая 1.315 метров высоты, названа так (Misery—беда) не столько потому, что скрывает в себе очаг лавы, сколько вследствие частых ливней, которые, разражаясь над горою, низвергаются в её лощины и заливают плантации. Со времени освобождения рабов она стала называться также маунт-Либерти, т.е. гора «Свободы»: некогда моряки видели в ней изображение «Св. Христофора», несущего Младенца Иисуса. Кратер, глубиною около 300 метров, находится с конца прошлого столетия в полном бездействии и в дождливое время превращается в озеро, которое окружают капустные пальмы и другие деревья; но на склонах горы сотнями бьют из земли фумароллы сернистого газа. На одном из побочных конусов вулкана, на Бримстон-хиль, или «Серном Холме», находятся, на высоте 237 метров, укрепления цитадели, которую называли прежде «Вест-Индским Гибралтаром»; теперь она совершенно заброшена, как бесполезная.

Столица Сент Киттс, известная также под французским названием Басс-Терр, которое английские жители произносят *Barr-Starr*, расположена у основания «Обезьяньей горы», на бухте западного побережья, т.е. на защищенной стороне острова,—откуда и происходит название этого города. Он окружен садами и пальмовыми рощами, где успешно произрастает недавно введенная здесь знаменитая *Iodoicea Seychellarum*, та пальма, которая дает «морские кокосы» и за исчезновение которой так опасались ботаники. Почти исключительной культурой Сент-Киттса является разведение сахарного тростника, продукты которого, считающиеся «лучшими» на всех Антильских островах, поддерживают ещё, несмотря на низкие цены, благосостояние населения. Но плантаторам приходится часто страдать от засухи, а иногда и от наводнений: в 1880 г. дождевой поток, хлынувший с «Беды-горы», обрушился на город такою страшною лавиною воды и грязи, что были срыты сотни домов и вся низкая часть города была затоплена; все те, кто не успел во-время спастись на мысах, были унесены потопом: по скатам гор неслись целые плантации, вместе с находящимися на них жилищами. Земельная собственность на Сент-Кристофе не разделена: ни один работник-негр не имеет своего поля; даже для постройки себе хижины он должен испрашивать дозволение у плантатора. На острове нет индусских кули, но вся мелочная торговля находится в руках португальцев и азорцев[1].

Испанское название острова Ньевес, данное Колумбом в честь Божьей Матери «снегов»,

1 A. Salles, рукописные заметки.

изменено англичанами в Невис, как бы в воспоминание шотландской горы этого наименования; это действительно величественная гора, вершина которой поднимается на 1.052 метра; по обе стороны её возвышаются два второстепенных питона. Невис составляет, собственно говоря, часть одного с Сент-Кристофом островного корпуса; он отделен от него только проливом, загроможденным рифами и имеющим в самом узком месте 3 километра ширины, при 8 метрах глубины; большие суда не отваживаются заходить в этот узкий пролив. Гористая природа не дает возможности обрабатывать землю плугом; туземцы распахивают её лопатами, даже на сахарных плантациях, и зачастую случается, что их работа пропадает даром, так как проливные дожди размывают вспаханные поля дотого, что землю снова приходится собирать со склонов. В XVII-м столетии население Невиса состояло из нескольких тысяч белых, которые по-европейски обрабатывали землю верхних долин, но скупка земель крупными землевладельцами вынудила их эмигрировать. Невисские негры, более сведущие и предприимчивые, чем негры большинства других Антильских островов, тоже охотно эмигрируют, вследствие чего является большой численный перевес женщин над мужчинами; женщины снабжают город продовольствием и доставляют колониальные товары, вывозимые с острова. Чарлстаун, главный город, расположенный под ветром, славится своими целебными теплыми источниками.

Торговое движение Сент-Кристофа и Невиса в 1883 году: 11.451.385 франков.

Оба эти острова соединены с Ангильей в одно административное «президентство», управляемое так же, как и другие владения Подветренных островов. Годовой бюджет превышает миллион франков.

Остров Монсеррат

Населенный островок Редонда, «Круглый», питон в 182 метра высоты, выступающий из воды, продолжает к югу цепь подводных вулканов; за ним вырисовывается зазубренная гора, Монсеррат, названная так Христофором Колумбом в честь известной Каталонской святыни. Самый высокий пик зубчатой сиерры вздымается на 915 метров, а один из них, «Серная яма», извергает горячия испарения.

Как и другие острова, Монсеррат тоже долгое время был предметом спора между французами и англичанами. В настоящее время он, относительно своего пространства, считается самым населенным и торговым островом из всех британских Антильских владений; его плантаторы, более предприимчивые, чем землевладельцы большинства соседних земель, не ограничиваются культурой одного сахарного тростника и приготовлением из него сахара и рома; с 1852 г. они развели большие лимонные плантации, и с этого-то острова получается почти вся лимонная кислота и сок, потребляемые в Англии.

Столица Монсеррата, Плимут, расположена на западной стороне острова, на берегу ненадежного рейда, в котором останавливаются лишь каботажные суда; она получила прозвище западного «Монпелье», благодаря своему мягкому климату и красоте окрестных пейзажей. Но, не в обиду будь сказано французам, английский Монпелье производит гораздо более благоприятное впечатление, чем французский: здесь всё соединилось в пользу его красоты— и это безбрежное море, и эти роскошные виллы, окруженные стройными пальмами, и эти величественные голубые горы, горделиво возносящие свои вершины. Впрочем, самый город имеет скромный вид: со стороны моря видны только два или три дома, сверкающие своею белизною сквозь завесу больших деревьев; набережная выступает в море целой аллеей зелени. Ценность меновой торговли достигает ежегодно суммы 2 миллионов.

Архипелаг Гваделупский

Самый большой остров двойной микро-антильской цепи сохранил, как и большинство Малых Антильских островов, только в слегка измененной форме, то название, которое дано было ему Колумбом: индейцы-караибы называли его Курукуейра. Впрочем, он в действи-

тельности состоит из двух островов, из которых один, западный, называется собственно Гваделупой, а также Басс-Терр, по своему расположению относительно пассатного ветра, а другой, восточный—Гранд-Терр, так как имеет более обширное пространство пахатных земель, хотя по своему протяжению он и меньше первого. Оба эти острова разделяются извилистым проливом: это соляная река, ширина которой сильно варьирует, представляя в некоторых местах всего 30 метров, а в других разливаясь почти на 120 метров. Она судоходна для гребных судов, имеющих 2 м.,20 осадки, но могла бы сделаться большим судоходным каналом, еслибы бар, находящийся на её южной оконечности, был скрыт, а глубокий северный входный канал выпрямлен: чтобы преобразовать этот канал в большой судоходный путь, пришлось бы извлечь драгой со дна его около 2 миллионов кубических метр. торфа, илу и песку. Корнепуски, задерживающие ил между своими корнями, значительно суживают вход в пролив; но он всё-таки не закрыт, как это можно бы было ожидать вследствие беспрестанной работы кораллов и осаждения наносов: причина этого кроется в постоянном движении морских приливов и отливов, которые поддерживают проход между двумя островами.

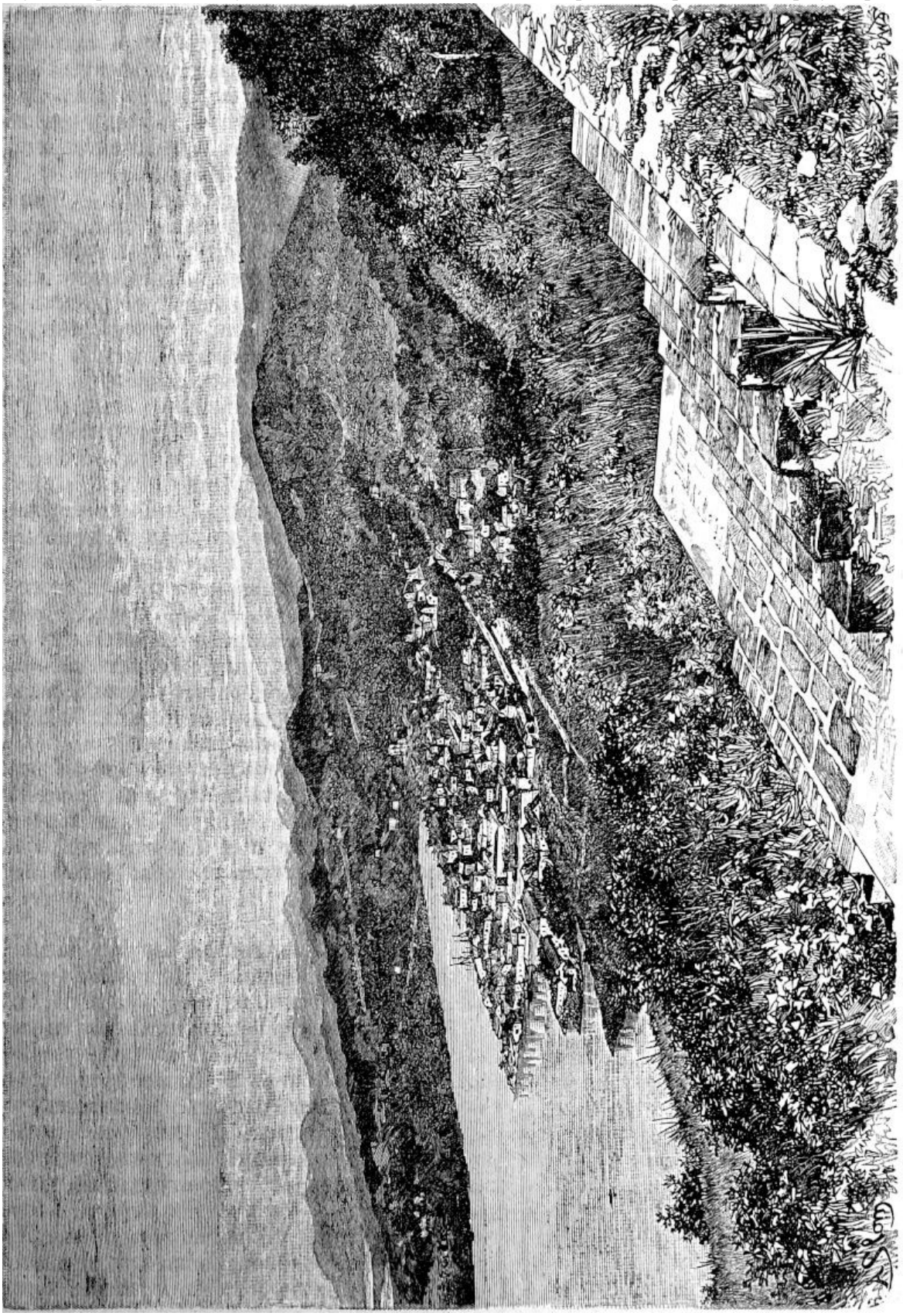
Басс-Терр, т.е.«Низкая Земля», в действительности—земля очень возвышенная. Четыре больших вулканических очага, выбросив свою лаву, способствовали образованию нескольких отдельных массивов: на северо-западе—Гросс-Монтань (720 метр.), от которого расходятся несколько отрогов почти одинаковой высоты; Де-Мамелль (773 метра), в центре острова; Сан-Туше (1.480 метров) и Суфриер (1.485 метров), южнее; и около южной оконечности —Караиб (698 м.) и Гуэльмон (424 метра). Эти отдельные массивы соединяются в одну неправильную и извилистую цепь, раздельная вершина которой постоянно изменялась, вследствие разъедания её дождевыми водами: в общем этот хребет лежит гораздо ближе к западному побережью, чем к восточному. Вулканическая работа проявляется ещё до сих пор в двух местах. Первый очаг, «Кипящий», находится у основания массива Мамелль, на берегу Караибского моря: в различных местах в песке открываются небольшие кратеры, выпускающие горячие пары, и даже на море видно, как со дна поднимаются газовые пузыри, которые лопаются на поверхности. Верхний конус Суфриера, с очень крутыми склонами, возвышается в центре равнины, которая была, вероятно, прежде кратером. Он совершенно голый и разорванный; растительность, столь густая на нижних склонах вулкана, по мере приближения к вершине, заметно редеет, запах сернистого водорода, разносимый ветром, чувствуется иногда даже по соседству с Басс-Терр, когда воздух спускается с горы. Круглый ряд питонов, из которых один, именно Гранд-Декуверт, служит обсерваторией, откуда расстилается великолепная панорама гор и моря,—окружает котловину, Петит-Плень, бывшую прежде жерлом вулкана. В центре разверзается глубокая трещина, называемая Большой Щелью, откуда извергаются газы; края её покрыты слоями серы, не имеющими, впрочем, большого промышленного значения, благодаря которым гора и получила свое название. Кроме этого очага, все окрестные трещины усеяны фумароллами, а по наружным склонам горы струятся многочисленные горячие источники, весьма разнообразного состава, которые расположены большею частью на продолжении Большой Щели[1].

Восточный берег высокого острова понижается довольно отлогим контр-склоном и оканчивается на берегу Соляной реки низкими равнинами и болотами. За этим проливом вся поверхность Гранд-Терр усеяна холмиками в 30—40 метров средней высоты, которые состоят, как и прибрежные рифы, из известковых аггломератов, наполненных раковинами и ископаемыми кораллами, подобными живущим ныне в соседних морях. Два кульминационных выступа острова находятся на северной и южной оконечностях: небольшой северный массив не достигает даже 100 метров; а южный, стоящий к востоку от Пуент-а-Питра, имеет, по Сент-Клэр-Девилю, 132 метра, а по морским картам,—108 метров. Почва Гваделупы, как и других низких Антильских и Багамских островов, состоит из красноватой, очень плодородной земли, чередующейся с черноземом лощин. В некоторых местах острова попадается желтоватая глина, содержащая окись железа, пуццоланы и вулканический пепел: это, очевидно, остатки

1 Ch. Sainte-Claire Deville;—Dolfus;—de Mont-Serrat, и т. д.

прежних извержений, которые были занесены ветром и волнами с соседних кратеров.

К востоку от Гранд-Терр и во многих местах южного и северного побережий, также как и всюду по берегам Гваделупы в собственном смысле, постройки кораллов и серпул продолжа-

Островъ Санта-Люсіа.

ют формацию материка, увеличивая его размеры. Прибрежные «Тараканьи Скалы», пробуравленные отверстиями, в которых прячутся «прусаки» или корабельные тараканы, принадлежат уже к древней формации, в которой встречаются блестящие частицы углекислой соли

в кристаллизованной извести. Но вокруг этих скал растут полиповые рифы, а за ними возвышаются известковые скалы, происшедшие из склеившагося песка и слепленных обломков раковин: в них можно найти самые разнородные предметы, перешедшие постепенно в окаменелое состояние. Это—так называемая горная порода «maconne-bon-dieu», образующаяся на глазах местного негритянского населения и дающая строительный материал; разломанный камень беспрестанно преобразовается: каждый шквал, каждый прилив и отлив прибавляют новые слои к известковой глыбе. В такой именно горной породе, на восточном берегу Гранд-Терр, были найдены скелеты карайбов, получившие известность в истории современной геологии под названием антрополитов. Первый из скелетов, найденный в 1805 году, был захвачен английскими корсарами, вместе с судном, которое его везло, и передан в Британский музей, где он составляет один из драгоценнейших вкладов. Другой скелет, найденный позже, находится в Парижском музее, и Гамп признал на его шее такой орнаментный камень, какой карайбы носили ещё в XVII веке[1]; в этой породе нашли также осколки глиняной посуды недавнего происхождения и высушенные зерна антильского дерева (coccoloba unifera), наконец, также—части собачьего скелета[2]. Открытые на Гваделупе трупы вовсе не принадлежат к ископаемым: Америка была уже наверно открыта, а Гваделупа колонизована, когда трупы эти были сложены на пляже.

Остров Дезирада, продолжающий восточную оконечность Гранд-Терр, сохранил, подобно Гваделупе, то название, которое ему дал Колумб: это «Желанный» остров, так как для мореплавателей, плывущих из Европы к Гваделупе, он является первой землей, горки (mornes) которой они примечают издали. О. Дезирада действительно не представляет собою такой почти совершенной плоскости, как Гранд-Терр: геологическое его образование было такое же, но его возвышенности соединяются в длинную террасу, «высокую прямоугольную морну», возвышающуюся по направлению с запада на восток пологим скатом и круто обрывающуюся на восточной оконечности; её кульминационная вершина достигает 278 метров. Остров Мари-Галант, названный так в честь одного из Колумбовых кораблей, значительно обширнее Дезирады, но немного ниже её. Похожий в общем на один из тех ассирийских дворцов, которые строились громадными ступенями, идущими ярусами до конечного кубического камня, этот остров состоит из последовательных террас, с сглаженными ступенями, над которыми с восточной стороны господствует последнее плато в 205 метров; вокруг острова, особенно на юге и на востоке его, один вновь формирующийся кайо образует подводную террасу, которая, может-быть, в один прекрасный день выступит из воды, как это произошло с верхними ступенями[3]. Мари-Галант, имея почти круглую форму, развертывает линию своих берегов на окружности в 83 километра.

Совершенно отлична по виду и образованию группа островов Святых, которые, вместе с несколькими мелкими островками, дополняют архипелаг Гваделупы. Эти острова, название которых, *los Santos*, «Святые», дано им потому, что они были открыты несколько дней спустя после праздника Всех Святых, представляют неправильные развалины двух вулканов, лежащих на той же прямой линии, как и очаги Гваделупы и Доминики. Из семи отдельных земель одни представляют обломки кратера, другия—холмы из лавы, покоющиеся на подводном вулкане: самая высокая гора (морна), на восточном острове или Терр-де-Го, это—Шамо (316 метров). Острова Святых служат для Гваделупы санаторией, а также и крепостью, так как некоторые их вершины увенчаны фортами. С высоты этих обсервационных пунктов виднеются расстилающийся у их подошвы великолепный рейд неправильной формы, образуемый оградою островов, затем к северу и к югу—горы Гваделупы и Доминики, а иногда даже, в туманной дали, вырисовываются неясные контуры Мартиниканской цепи[4].

1 „Congres de Americanistes“. 1890.

2 Duchassaing, „Essai sur la constitution geologique de la Guadeloupe“. „Bulletin de la Societe geologique de France“. 1846-47.

3 Ch. Sainte-Claire Deville, „Voyage geologique aux Antilles“.

4 Salles, „Autour de la mer des Antilles“.

Посредством оптического телеграфа острова Святых сообщаются с Басс-Терр.

Текущие воды можно встретить лишь на самой Гваделупе: острова Святых слишком малы, чтобы иметь настоящие ручьи, а на известковых восточных островах—Гранд-Терр, Ла-Дезирад и Мари-Галант дождевая вода вся стекает в расселины почвы: на них только изредка попадаются источники, в которых вода сильно насыщена солью и очень неприятна на вкус. Земля всего плодороднее там, где воды текут на поверхности; оттого леса являются во всей своей красе на склонах гор большого острова: там крутизна почвы всего лучше защищала их от расчистки, и высоты острова заключают в себе ещё тысячи гектаров, сохранивших свои первобытные древесные породы. Но и на низменных островах растительность не менее прекрасна; дома там окружены в большинстве случаев роскошными тенистыми садами. Самые бесплодные земли, усеянные комками железистой глины, и те покрыты густолиственным кустарником златоплодника (chrysobalanus icaco).

Гваделупа, открытая и названная так испанцами, считалась принадлежащею им в течение почти полутора столетия, но она была оставлена в пользовании её карибских владельцев. Первые французские авантюристы, Л'Олив и Дюплесси, привезшие с собою белых рабочих, связанных трехлетним контрактом, поселились, в 1635 г., около мыса Аллегр; после ожесточенной войны с туземцами, они уступили место другим колонистам. Четыре компании, из которых одна действовала прямо от имени Людовика XIV-го, разорились на предпринятой ими эксплоатации острова, хотя тысячи карибов, живших на острове, были переселены на Доминику и на Сент-Винцент. Промышленная культура мало-по-малу стала развиваться. Находясь под непосредственною властью королевского правительства, Гваделупа терпела в особенности от англичан и неоднократно меняла своих властителей. После падения монархии провозглашение отмены рабства несколько запоздало. Англичане уже овладели островом, в 1794 г., когда Виктор Гуг, прибыв с 1.150 волонтерами, объявил невольникам, что они впредь будут свободны, если помогут им изгнать врага: и действительно, земля была отвоевана, а вместе с этим дарована и свобода. Гваделупа, вполне предоставленная самой себе, сделалась неприступным военным государством, которое охранялось расставленными на берегах фортами; она строила флотилии, чтобы захватывать английские суда, освобождать негров соседних островов и даже отбирать некоторые из островных земель, захваченные англичанами.

Но недолго длилось торжество этих гордых граждан, без которых Гваделупа не была бы возвращена Франции: первый консул приказал снова отдать их прежним господам. Рабство было восстановлено в 1802 г., а сопротивлявшиеся негры-солдаты были убиты; не желая возвращаться в состояние рабов, бывшие невольники сотнями предавали себя смерти: Дельгре и около четырех сот его товарищей взорвали себя на воздух в одном редуте. Определяют в десять тысяч число всех убитых или сосланных; помимо того, целые тысячи были отправлены на службу в Италию и во французскую армию, в качестве пушечного мяса для аванпостов. Оттого, население, снова ввергнутое в рабство, отнеслось совершенно равнодушно к новому нападению англичан, которые без труда овладели островом в 1810 г., затем в период Ста дней[1]. Свобода была возвращена гваделупским неграм только второй республикой, в 1848 г.; но эта свобода не была полной, так как труд был регламентирован таким образом, что «освобожденные» обязаны были наниматься в работники по долгосрочным контрактам. Это законоположение перестали применять только с того времени, когда на смену неграм явились индусские кули, ввезенные на архипелаг десятками тысяч, и когда негры с разных английских островов стали приходить на Гваделупу временно, чтобы помогать в горячую пору жатвы.

Ввоз иноземных рабочих на Гваделупу и зависимые от неё земли, с 1854 по 1887 год: африканцев—6.600; азиатов—42.772, из которых в 1888 г. оставалось на острове—16.603 человека.

1 Boyer-Peyreleau, „La Guadeloupe".

Весьма значительная часть гваделупских мулатов приобрели небольшие участки земли, которую они обрабатывают для самих себя, культивируя не только хлеб, но также кофе и даже сахарный тростник: в их-то руках: главным образом и находится мелкое землевладение.

Политический центр Гваделупы, Басс-Терр, не главный её город: по значению, ему принадлежит лишь второе место между её городами. Тем не менее он занимает прекрасное местоположение, на подветренной стороне острова, близ его юго-западной оконечности, при истоке небольшой речки «Травяной»; его дома расположены амфитеатром на холмах среди больших деревьев. Ботанический сад, аллеи которого извиваются по склону холма, снабжает земледельцев новыми породами или разновидностями растений. На возвышенностях, между двумя оврагами, разбросаны дачи и виллы Сен-Клода, между которыми, на высоте 700 метров над уровнем моря, группируются здания санатории Кан-Жакоб, названной так по имени её основателя. Источник «Горячих ванн», спускающийся с Суфриера, доставляет свои воды в здание ванн, помещающееся в 8-ми километрах от Басс-Терр.

Главный город Гваделупы, Пуэнт-а-Питр, лежит не на западном острове, а на Гранд-Терр, в глубине бухты, разделяющей два острова, и в которую впадает река Соляная; рифы и островки окружают довольно глубокий бассейн, сообщающийся с открытым морем извилистым каналом, куда не могут достигать волны прилива. Ещё до основания города моряки знали «Пропасти» этого залива и устраивали якорную стоянку среди глубоких вод, привязывая суда к корням корнепусков. Прекрасный порт Пуэнт-а-Питр, сделавшийся торговым центром Гваделупы, представляет судам почти полную защиту от ветра и волнений; однако, он не был выбран за начальный пункт трансатлантической линии пакетботов: это преимущество выпало на долю Форт-де-Франса, порта Мартиники. Пуэнт-а-Питр, основанный во время английской оккупации, с 1759 до 1763 гг., быстро разросся, но его процветание зачастую нарушалось войнами и пожарами: из всех бедствий самым ужасным было землетрясение 1843 г., разрушившее на протяжении 1.500 метров весь ряд живописных береговых утесов Сарого, на Мари-Галант[1]. Дома в Пуэнт-а-Питре по большей части низкие и стоят изолированно для того, чтобы быть в безопасности против огня и землетрясений; кроме того, были приняты энергичные меры по оздоровлению города: его обсадили аллеями эвкалиптов, засыпали каналы и осушили почву от болот. Железные дороги соединяют Пуэнт-а-Питр с главными окрестными сахарными заводами, славящимися своим образцовым устройством. Город обладает несколькими прекрасными художественными коллекциями и естественно-историческим музеем. В Пуэнт-а-Питре родился Арман Барбес.

Третьим по значению городом Гваделупы является Муль, лежащий на Гранд-Терр, на восточном её берегу, обращенном к океану: поэтому суда, приходящие в Муль за грузом сахара, должны каждую минуту быть на-готове сняться с якоря.

Важнейшие города департамента Гваделупы: Пуэнт-а-Питр—17.250 жит.; Басс-Терр—12.000 жит.; Ле-Муль—10.000 жителей.

В десяти километрах на юго-восток от города Муль, на утесах Врат Ада были найдены скелеты караибов, подавшие повод к стольким ученым спорам. Порт-Луи, находящийся на западном берегу Гранд-Терр, к северу от Соляной реки, есть тоже небольшая пристань, довольно оживленная после варки сахара; город Сент-Мари, лежащий напротив Пуэнт-а-Питра, на побережье гористого острова, также ведет небольшую торговлю. Главный город о. Мари-Галант, Гран-Бург, имеет плохо защищенный порт, окруженный рифами, вследствие чего туда могут заходить только гоэлеты. Ла-Дезирад представляет собою мало населенный островок, изрезанный опасными бухтами; в восточной его части устроена больница для прокаженных. Что касается до обширного порта Святых, то это не больше, как морская станция, где нет никакой торговли; население его состоит почти исключительно из рыбаков и моряков; в фортах помещаются казармы штрафных фузильеров.

1 Ch. Sainte-Claire Deville, „Observations sur le tremblement de terre de la Guadeloupe“;

Главной культурой Гваделупы уже издавна сделалось разведение сахарного тростника: этот промысел обогащает остров, и в жертву ему приносятся многие другие отрасли земледельческой промышленности, которые могли бы найти там вполне благоприятные условия для своего процветания.

Культура сахарного тростника на Гваделупе в 1898 г.: площадь под плантациями 25.400 гектаров; работало 42.560 земледельцев, на 502 плантациях.

Культура кофейного дерева, в последнее время почти совершенно заброшенная, мало-помалу начинает возрождаться, хотя только на высоких местах, лежащих на 200—600 метров над уровнем моря, где, вследствие неблагоприятных условий почвы, сахарный тростник не разводится: таким образом кофейные плантации существуют только на Басс-Терр, или в нагорной Гваделупе; этот продукт известен в торговле под традиционным названием «Мартиникского кофе».

Культура кофейного дерева на Гваделупе в 1898 г.: площадь под плантациями 3.500 гектаров; работало 4.936 земледельцев, на 950 плантациях.

Культура орлеана (bixa orellana) была прежде одной из самых распространенных на Гваделупе, но открытие анилиновых красок подорвало эту промышленность. Культура хлопчатника никогда не имела значения в экспортной торговле, даже во время междоусобной войны в Соединенных Штатах; это объясняется, во-первых, неуменьем плантаторов взяться за это дело, а во-вторых,—болезнями, опустошившими плантации; алоэ карата (fourcroya gigantea), дающее очень крепкое волокно, возделывается главным образом на Ла-Дезираде. Табак, который, под названием «petun», служил прежде для жителей денежной единицей при обменной торговле, собирается ныне лишь в весьма незначительном количестве, которого не хватает даже для местного потребления. Что касается культуры «кормовых» растений, маниока, ямса и патат, то их возделывают только для местного потребления, так что они не имеют никакого значения в заграничной торговле острова; рис привозится с Кубы. Гваделупа не вывозит ни апельсинов, ни бананов, отставая в этом отношении от английских Антильских островов, где эта отрасль торговли с Соединенными Штатами ежегодно выражается суммой в несколько миллионов франков. Приблизительная ценность капитала, затраченного на гваделупскую культуру, включая сюда стоимость земель, эксплоатационных материалов и скота, определяется в 150 миллионов. Воды побережья, особенно по близости рифов восточного берега, очень богаты животными организмами, но ни негры, ни креолы не утилизируют этих богатств, и рыбный промысел совсем не развит; они предпочитают ввозить треску из Нью-Фаундленда, ежегодно на несколько миллионов. Однако, в водах Гваделупы, и особенно у берегов Мари-Галант, ловят китов, но этим промыслом, в настоящее время мало прибыльным, занимаются моряки Новой Англии.

В своей совокупности экспортная и импортная торговля острова и зависящих от него земель находятся почти в полном равновесии. Главные торговые сношения Гваделупа ведет с Францией, с которой её связывают фискальные узы; из Северо-Американской республики она получает жизненные припасы и строевой лес; Англия снабжает её каменным углем и бумажными тканями: британская Индия—рисом; Пуэрто-Рико доставляет скот, а Сен-Пьерр и Микелон—треску. Общий пересмотр таможенных тарифов в Америке и Европе поведет за собою, без сомнения, перемещение рынков по купле и продаже.

Внешняя торговля Гваделупы и зависимых от неё земель в 1898 г.: ввоз—18.600.217 франков, из которых 8.874.445 фр. приходится на французские товары; вывоз— 17.665.454 фр., из которых 16.589.521 фр. приходится на Францию.

Годовое движение судоходства в портах Гваделупы и подвластных ей островов превышает полмилиона тонн.

Движение судоходства в департаменте Гваделупа в 1888 г.: 422 французских судна, вместимостью в 470.710 тонн; 542 иностранных судна, вместимостью в 166.111 тонн; итого 964 судна, вместимостью в 636.821 тонну.

Развитию внутренней торговли способствует сеть хорошо содержимых дорог, обнимав-

шая в 1889 г. 833 километра. На острове нет других железных дорог, кроме промышленных, связывающих сахарные заводы с морскими пристанями. Линия, проектированная между Пуэнт-а-Питром и Мулем, о сооружении которой не раз поднимался вопрос, до сих пор ещё не начата, хотя это совсем короткая ветвь, не более 30 километров, и постройка её не представляет никаких особых затруднении.

Гваделупа и принадлежащие к ней острова разделены в административном отношении на 3 округа, 11 уездов и 34 общины. Округ Басс-Терр заключает в себе северные острова, Сент-Мартин и Сен-Бартелеми, а на юге архипелаг Святых. Остров Ла-Дезирад составляет часть округа Пуэнт-а-Питр, а Мари-Галант есть административный центр третьего округа. Весь департамент в совокупности представлен 36 членами генерального совета, из которых 30—за два большие острова. Генеральный совет избирает из своей среды колониальную коммиссию, состоящую не менее как из четырех и не более как из семи членов, которая обсуждает дела колонии совместно с губернатором и состоящим при нём административным советом. Муниципальные советы общин организованы по образцу общинных советов Франции. Остров выбирает одного сенатора и двух депутатов, которые являются его представителями во французском парламенте.

Местный бюджет Гваделупы превышает 6 с половиной миллионов франков; самый значительный доход получается от таможенных пошлин, взимаемых с вывозимых колониальных товаров и от акциза на крепкие напитки.

Местный бюджет Гваделупы в 1899 г.: доходы и расходы балансировались в сумме—6.699.260 франк.; долг составлял 1.000.000 фр. Расходы Франции на эту колонию (по бюджету 1900 г.)—1.632.957 фр.

Пятая часть доходов идет на общественные работы, а другая пятая доля—на народное просвещение.

Доминика

Этот остров сохраняет то название, которое дал ему Колумб, когда в одно из «воскресений» 1493 г. он увидел издали возвышающиеся над горизонтом остроконечные горы острова, покрытые густою растительностью. Во всей Мало-Антильской цепи это—самый большой из всех английских островов; по красоте своих живописных ландшафтов и по суровому виду гор, покрытых лесами и изрезанных струящимися речками, он не уступает, даже, может-быть, превосходит Мартинику. Самая высокая его вершина, морна Диаблотен, считается по меньшей мере соперницей гваделупской Большой Суфриеры, а по Булькелею, определяющему высоту её в 1.620 метров, это—даже самая высокая гора на Малых Антильских островах; она находится около северной оконечности острова. Один из внутренних цирков, лежащий на высоте 739 метров, представляет собою прежний кратер, который ещё недавно заключал в себе «кипящее» озеро, воды которого подогревались горючими ключами, бившими на дне его, и через каждые пять минут выбрасывавшими столб пенящейся воды. В небольшом расстоянии от берега глубина озера достигала 90 метров. В 1880 г. произошли большие обвалы, и в горах открылись новые кратеры; выбрасывание водяных столбов прекратилось, и Кипящее озеро утратило свою былую красоту[1]. Места выхождения газа беспрестанно меняются. Ручей, вытекающий из озера, увеличивается в своем течении притоком сернистой воды, выбрасываемой из расселин долины.

С 1627 г. англичане, посетив Доминику, пытались присоединить её к владениям Великобритании; но она в то время была занята независимыми караибами, которые не допускали к себе колонистов, и более ста лет спустя, во время заключения Ахенского трактата в 1748 г., было решено, что остров останется нейтральным между французами и англичанами, в свободном владении туземцев. Однако, на нём поселились французские плантаторы, и остров

1 Gifford Pelgrave, „Ulysses, or Scenes and Studies in many Lands“.

постепенно сделался французским, несмотря на войны и договоры, которые дважды обеспечивали Англии политическое владение островов: ещё и теперь, после векового владычества, англичане считаются почти за чужеземцев среди доминиканского населения. Столица острова, Розо, печальный полу-разрушенный город, имеющий около 5.000 жителей, расположена под ветром, т.е. на западном берегу, но её порт представляет собою лишь открытую ветрам якорную стоянку; лучшим рейдом считается Портсмутский, находящийся на том же берегу острова, около северо-западной его оконечности, у основании горы Диаблотен.

Средняя годовая ценность торгового обмена на Доминике: 2.500.000 франков.

Надеются, что современем прибрежный город сделается большим торговым местом, но теперь Доминика ведет лишь незначительную торговлю фруктами, лимонным соком и серой; культура кофейного дерева начинает распространяться на склонах холмов.

Сохранив этот остров, лежащий между двумя французскими владениями, Гваделупой и Мартиникой, английское правительство последовало политике Роднея, который в 1782 г. одержал в этих морских пространствах решительную победу над французами; адмирал хотел доставить Великобритании преобладающее положение среди Антильских островов с стратегической точки зрения. Но контраст, представляемый этим островом с двумя его соседями, Гваделупой и Мартиникой, не таков, чтобы Англия могла им гордиться: «правительство парализовало жизнь острова»[1]. Доминика—один из наименее населенных и самых бедных островов Микро-Антилии. Отчаиваясь увидеть его цветущим и занимающим место в ряду богатых производительных колоний, экономисты предлагали отдать его синдикату капиталистов, которые бы восстановили, под другою формою, прежия плантации времен невольничества.

Мартиника

Этот французский остров—единственный из всего Мало-Антильского архипелага, который сохранил свое караибское название, хотя, правда, и в очень искаженной форме: первоначальное его название было Матинина или Медиана. Мартиника—по величине второй остров в этой цепи; даже его можно считать первым, если допустить, что Гваделупа состоит из двух отдельных островов. Он также самый неправильный в своих контурах, наиболее удаляющийся от овальной формы других Антильских островов; однако, ось его та же, что и всей Микро-Антилии, которая в этой части своей кривой ориентирована с северо-запада на юго-восток.

Мартиника гориста на всём своем протяжении, и однако всюду покрыта зеленью, вплоть до вершины горы «Пеле» (Лысой), которая так названа, по всей вероятности, потому, что когда-либо во время извержения вся трава и деревья исчезли под слоями пепла. Вулканическая вершина, высотою в 1.350 метров, находится в северо-западной части острова, которую она постепенно увеличила, правильно разливая свою лаву по всей её окружности; её откосы, ограниченные морем в виде как бы начертанного циркулем полукруга, продолжаются под водою по той же покатости; только один побочный небольшой вулкан, Пэн-де-Сюкр («Сахарная голова»), возвышает свой конус на северо-западной покатости и на оконечности островной оси. Лысая гора редко бывает в действии; последнее извержение на ней было в 1851 г. Небольшое озеро залегает в кратере Пальмист, в соседстве большой вершины.

К юго-востоку от главного вулкана, на оси острова, расположены другие эруптивные конусы, соединенные между собою потоками лавы и кучами шлака. Массив, оканчивающийся тремя пиками Карбет, почти так же высок, как и Лысая гора; южная вершина его достигает 1.207 метров. Подобно высшему вулкану, группа Карбет разливала вокруг себя лаву во все стороны: она-то и образовала главный корпус острова, длинный овал, примыкающий к полукругу, центр которого составляет Лысая гора. К востоку от группы Карбет, горные цепи разветвляются по направлению к восточному берегу, изрезанному многочисленными бухта-

1 Froude, „The English in the West-Indies“.

ми: отделяющийся от берега полуостров Каравелла, имеющий форму оленьего рога, выдвинулся в Атлантический океан на десять километров.

К югу от последних потоков лавы, вылившихся с пиков Карбета и с соседних с ним конусов, остров почти прерывается бухтами, которые далеко врезываются в земли: на западе—бухта Форт-де-Франс, на востоке—гавани Роберт и Франсуа; перешеек, соединяющий обе половины острова, имеет не более 10 километров ширины между болотами обоих берегов. Южная часть Мартиники значительно ниже и более неправильна, чем северная: в действительности она состоит из двух горных цепей, из которых одна продолжает на юго-восток главную ось острова, заключая в себе высокую гору Воклин (505 метров), а другая тянется к западу, по южной стороне бухты Форт-де-Франс; последняя цепь издалека приметна морякам своими остроконечными вершинами: Карайб, Констан и Морн де-ла-Плень. Южная часть Мартиники, более низменная, с менее крутыми откосами, продолжается дальше плоскогорьями коралловых рифов, особенно с восточной стороны: к югу от полуострова Каравеллы внешняя цепь подводных скал тянется на несколько километров в море, прерываемая через известные промежутки проливами, в которые могут входить гребные суда небольшой осадки. На западе, большая бухта Форт-де-Франс тоже более, чем наполовину своего пространства загромождена береговыми рифами; с другой стороны, многочисленные и многоводные реки, впадающие в неё, суживают бухту наносами, которые они отлагают у своих устьев; прежде бассейн был вдвое больше, чем в настоящее время.

Мартиника, как и Гваделупа, не получила, после её открытия, испанских колонистов, и караибы оставались мирными владельцами этого острова до 1665 г., когда д'Эснамбюк овладел им от имени Франции. Она последовательно перебывала в руках нескольких компаний и была присоединена непосредственно к владениям государства только в 1675 г. Вскоре после того караибы были истреблены или переведены в другие места, и от них осталась только небольшая горсть, приютившаяся во внутренних лесах; их место заняли негры, которые работали на табачных плантациях, где культивировался «petun», и на плантациях сахарного тростника. Голландцы, изгнанные из Бразилии португальцами, поселились на Мартинике вместе со своими рабами и основали там первые сахарные заводы. В первую половину XVIII века кофейное дерево, привезенное сюда французом Деклие из парижского Jardin des Plantes, нашло для себя в антильском климате вполне благоприятные условия. Мартиниканские «господа» стали быстро обогащаться продажею колониальных товаров, несмотря на войны с Великобританией; впрочем, островные землевладельцы не гнушались, ради увеличения своих барышей, заниматься также и каперством.

После того, как Мартиника была захвачена в 1794 г. англичанами, ей уже не удалось, как Гваделупе, вернуть свою независимость при помощи освобожденных негров; до 1816 г., когда Франция окончательно вернула себе это владение, судьбы острова определялись исключительно договорами. Между тем рабы, значительно превосходившие численностью своих хозяев и знавшие о событиях, происходивших на Санто-Доминго, не раз составляли заговоры против белых и даже, в 1831 году, после революции в метрополии, породившей у них надежду на освобождение, подняли открытый бунт. Опасность была велика, и чтобы отвратить её, пришлось прибегнуть к освобождению. Более трех тысяч рабов были отпущены на волю, а вскоре после того были дарованы политические права всем жителям свободного звания, без различия цвета кожи; тем временем уже сотни негров покинули остров и ушли на Доминику и Санта-Люсию, английские острова, где была провозглашена эмансипация[1]. В 1838 г. на Мартинике насчитывалось более 19.000 свободных негров, тогда как на Гваделупе их не было даже и 10.000. В 1853 г., пять лет спустя после отмены рабства, начался ввоз индусских кули, которые на многих плантациях заменили негров, сделавшихся мелкими землевладельцами. В настоящее время торг желтокожими так же отменен на Мартинике, как был отменен торг неграми, в силу того принципа, что «в свободной стране должен суще-

1 Pardon, „La Martinique“.

ствовать и свободный труд».

Главный город острова—Форт-де-Франс, известный прежде под названием Форт-Рояль. Он занимает прекрасное местоположение на северном берегу большой бухты, которая открывается с подветренной стороны Мартиники; на севере, с высоты мыса, над ним господствует крепость, а другое укрепление защищает длинный полуостров, который выдвигается в море к востоку от главного квартала. Форт-де-Франс есть военный центр и арсенал французских Антильских островов; это—опорный пункт военных операций и гавань транс-атлантических пакетботов, где второстепенные линии соединяются с главной; подводный телеграф соединяет Форт-де-Франс с Пуэрто-де'Эспанья на Тринидаде, с Суринамом в Гвиане, а через Басс Терр с Сент-Томасом, Северной Америкой и Европой. Порт дополняется бассейном, где производится тимберовка судов. Подобно большинству антильских городов, Форт-де-Франс подвергался многим бедствиям: в 1839 г. он наполовину был разрушен землетрясением, при чём более 250 человек были погребены под развалинами; в 1890 г. пожар уничтожил большую часть города, после чего он обстроился с соблюдением всех противупожарных правил. Форт-де-Франс может похвалиться своими чудными бульварами, разбитыми на окрестных холмах; самые людные аллеи, называемые «Саван», находятся в самом городе, у основания крепостного полуострова Сен-Луи. Под сенью великолепных пальм, посаженных амфитеатром, стоит прелестная мраморная статуя Жозефины, супруги Наполеона I. На одной из соседних возвышенностей лагерь Балата служит санаторией для войска, прибывшего из Франции. Окрестности изобилуют горячими ключами, которые эксплоатируются.

Хотя порт и рейд Форт-де-Франса представляют исключительные преимущества пред всеми другими гаванями Мартиники, но главная торговля сосредоточивается в другом месте побережья, именно в Сен-Пьере. Это первое поселение, основанное Эснамбюком, в 1635 г., на берегу бухты, открывающейся на запад, между подошвой Лысой горы и подошвой вершин группы Карбе, сделалось самым населенным городом и оживленнейшим рынком Мартиники, без сомнения, потому, что здесь военные регламенты не стесняют свободу торговли. Сен-Пьер— один из самых живописных городов Микро-Антилии. Издали он виден весь, как на ладони: дома громоздятся над домами, пальмы над пальмами, взбираясь вверх по склонам горы и продолжая в лесу красные линии своих крыш. Главная улица, извивающаяся параллельно бухте, состоит из последовательного ряда подъемов на гору и спусков в овраги, в лощины: с одной стороны этой главной дороги улицы поднимаются к горным лесам; с другой,—они спускаются ступенями к плоскому песчаному берегу; у их подножия расстилается рейд, а овраги кажутся висящими в лазури неба и моря. Горные ручьи, делящиеся на бесчисленные ручейки, струятся там и сям канальцами или бьют фонтанами; группы деревьев и цветущих растений украшают площади, составляя контраст с неуклюжими домами, окрашенными в желтый цвет, крепкия стены которых выдерживают землетрясения и не пропускают внешний жар внутрь комнат. Сен-Пьер—один из тех городов, которые навсегда запечатлеваются в памяти иностранца: «Жизнь в этой стране так приятна, климат так хорош, жители пользуются такой широкой свободой, что я не встречал ни одного мужчины, ни одной женщины, которые, побывавши там, не имели бы страстного желания снова вернуться туда»[1]. Мартинику прозвали «незабвенной страной»[2].

На западном же берегу острова находится третья община Мартиники, местечко Ламантин, расположенное на берегу аллювиальной равнины, которая образовалась в ущерб передовых бухточек залива Форт-де-Франса; жители его группируются вокруг сахарного завода, одного из самых больших на всём острове. Многолюдное местечко Сент-Эспри (св. Духа) лежит южнее, на том же склоне; впрочем, оно потеряло часть своего населения, привлеченную соседними «центральными заводами». Другие значительные общины—местечки Диамин и Марен, на бухтах южного побережья, и—на наветренной стороне острова—местечки Тринитe, Роберта и Франсуа. Местечки Басс-Пуэнт и Порт-дю-Макуба занимают, на севере, пра-

1 Dutertre, „Histoire generale des iles Saint-Christophe“ etc.

2 Lafcadio Hearn, „Two Years in the French West-Indies“.

вильную выпуклость берега, где всего сильнее ударяется морская волна.

Самые населенные общины Мартиники: Сен-Пьер—26.000 жит.; Форт-де-Франс—15.000; Ле-Ламантин—14.000; Ле-Франсуа—11.000.

Мартиника—одна из самых населенных земель в мире, хотя население группируется только в узком овале вокруг гор, а внутренняя часть острова, покрытая дремучим лесом, остается почти пустынной; в 1886 г. две пятых островной поверхности, представляющие площадь в 46.000 гектаров, оставались невозделанными. В отношении обитаемого пространства Гваделупа значительно превосходит Мартинику, но зато в плотности населения много уступает ей; по пропорции ровных земель, годных для распашки, Барбадос,—единственная из всех микро-антильских земель, могущая соперничать с Мартиникою по численности населения,—оставляет далеко за собою французский остров. По плотности населения земледельческие местности Мартиники могут сравниться разве только с промышленными округами Фландрии, Ланкастера и Саксонии. Между постоянными жителями—белых, вероятно, не наберется и 10.000; число азиатов определяют в 15.000 человек; остальные, около 150.000 душ,—негры и цветные люди, почти все мартиниканские креолы, отлично акклиматизировавшиеся и постоянно прогрессирующие в своей численности, так как рождаемость у них преобладает над смертностью. Впрочем, прирост этот подвигается довольно медленно, вследствие эмиграции, которая увлекает многих молодых людей во Францию, на Гаити и в Соединенные Штаты; поэтому женщин здесь почти на 7.000 больше, чем мужчин. Рождаемость вне брака составляет на Мартинике заурядное явление, как и на большей части других Антильских островов. На трех детей приходится только один законный,—немного меньше, чем на Ямайке. Грамотных мартиниканцев насчитывается только одна пятая всего населения.

Главная промышленность Мартиники, острова почти исключительно земледельческого, заключается, как и на Гваделупе, в культуре сахарного тростника; площадь сахарных плантаций занимает почти 50.000 гектаров, т.е. пятую часть всей островной поверхности. Предметы вывоза состоят почти исключительно из сахара, рома и тафии, которых отпускается в год на 18—20 миллионов франков. Как и на Гваделупе, «центральные заводы» всё более и более захватывают себе монополию по производству сахара, скупая тростник у землевладельцев и арендаторов. Какао и красильное дерево тоже отчасти поддерживают торговлю, но производство кофе почти совсем заброшено. На острове насчитывают не менее шести тысяч «vivreires», как там называют мелкие имения, принадлежащие землевладельцам-неграм. Предметы ввоза составляют: мука, рыба, ткани, разные медные и железные изделия и другие мануфактурные товары. Более половины торгового обмена производится с Францией и с французскими колониями. Движение заграничной торговли в 1898 г.; ввоз—24.368.798 франк.; вывоз—22.344.810 франк.

Движение судоходства в 1891 г.: общая вместимость пришедших и отшедших судов—787.000 тонн.

Относительно величины поверхности и препятствий, представляемых почвою, Мартиника обладает ещё лучшими дорогами, чем Гваделупа; но здесь, как и там, нет других железных дорог, кроме промышленных и земледельческих, составляющих часть оборудования «центральных заводов». Колесных дорог на Мартинике в 1893 г.: 927 километров.

Правление на Мартинике организовано по тому же образцу, как и на Гваделупе. В национальном парламенте представителями острова являются сенатор и два депутата, а в генеральном совете—36 членов, избираемых очень ограниченным числом выбирателей; редко случается, чтобы имеющие право голоса на выборах являлись в достаточном числе к избирательным урнам. Губернатор имеет у себя под началом командующего военными силами. Остров разделен в административном отношении на два округа—Форт-де-Франс и Сен-Пьер, заключающие в себе 9 уездов и 29 общин. Местный бюджет в 1899 г. балансировался по доходам и расходам, в сумме 6.545.800 ф.; расход Франции (по бюджету 1900 года)—2.530.837 франк.

Санта-Люсия

Подобно Доминике и Гренаде, Санта-Люсия, или, как её называли плантаторы прошлого столетия, «Святая Алузия», есть один из тех Антильских островов, которые в политическом отношении сделались английскими, оставаясь по традициям, языку и нравам французскими; с 1880 г. по законодательству он перестал быть французским. Это если не прекраснейший, то во всяком случае один из прекраснейших островов во всей вулканической цепи островных гор. Когда приближаешься к острову с его северной стороны и замечаешь два конусообразных питона, в 817 и 826 метров высоты, круто обрывающихся утесами; когда скользишь между этими двумя пирамидами в проходе дивной котловины, образуемой портом Кастри и созерцаешь амфитеатр поросших лесом гор, тогда невольно говоришь себе, что ни один из Антильских островов не может сравниться по великолепию с Санта-Люсией. Один из её вулканов, Суфриер (1.200 метров), находится ещё в действии, и в жерлах его кратера, окаймленного серными осадками, клокочут пруды расплавленных веществ. В различных частях острова в изобилии рассеяны горячие источники, а один из сернистых ключей бьет ещё до сих пор в полуразвалившемся здании, которое французы построили ещё до революции.

После долгой борьбы с колонистами караибы Санта-Люсии были истреблены, и остров поочередно попадал в руки то французов, то англичан; со времени расторжения Амиенского трактата он окончательно перешел под власть Англии; только благодаря энергичному протесту Роднея, этот остров не был отдан Франции в обмен за Мартинику: в виду стратегического преимущества порта-де-Кастри и защищающих его скал, адмирал этот смотрел на обладание Санта-Люсией как на чрезвычайно важное условие для укрепления британского господства на Антильских островах. Однако, «киленбанк» де-Кастри, «лучший на Антильских островах», оставался долгое время почти без всякой пользы, как в торговом, так и в военном отношении; только в недавнее время его обнесли набережной и снабдили пристанями; сотни судов ежегодно приходят сюда запасаться углем, доставляемым из Англии. В 1889 г. на Санта-Люсию было привезено угля 45.831 тонна. В городе сгруппировано около 7.000 жителей. Местная торговля ничтожна, так как четыре пятых всей почвы заняты ещё лесами, в которых всё ещё живет страшный тригонокефал (треугольноголовая змея).

Движение судоходства на о. Санта-Люсия в 1898 г.: общий тоннаж пришедших и отшедших судов по иностранной торговле: 1.557.677.

Движение заграничной торговли в 1898 г.: привоз—271.995, вывоз—93.415 фунт. стер.

Земледельческая промышленность Санта-Люсии быстро возрастает: её сахарные плантации, очень раздробленные, дают, по словам жителей, такой же превосходный сахар, как плантации острова Св. Христофора. Население увеличивается, благодаря иммиграции, а главным образом вследствие возвращения многочисленных рабочих-негров с Панамского перешейка, куда их завлекли работы по прорытию канала. На острове не насчитывают даже и тысячи белых, т.е. менее одного человека на 40 жителей. Впрочем, остров этот, несмотря на дурную славу, приобретенную им некогда частыми эпидемиями, считается одним из самых здоровых мест на Антильских островах. Рождаемость в 1889 г.: 1.673, т.е. 3,70%. Смертность: 1.053, т.е. 2,24%.

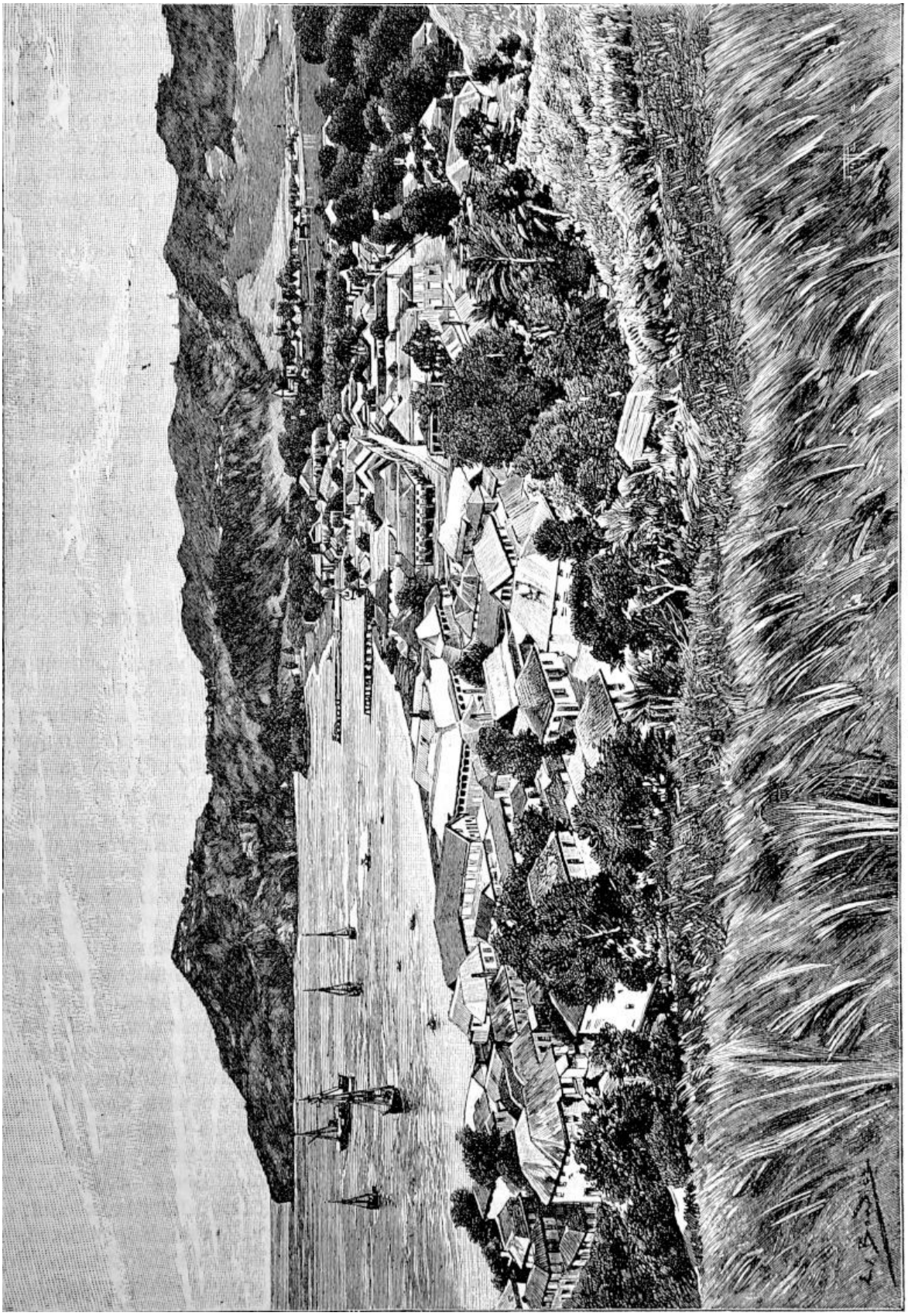
Гора Фортюне (234 метра), на которой выстроены казармы, служит в то же время, как и горы Шабо и Шазо, санаторией для городских негоциантов[1].

Сент-Винцент

Этот остров—один из тех, контуры которых представляют самый правильный овал, расположенный на той же оси, как и вся группа Малых Антильских островов. Это одна из самых здоровых и прелестных земель большой островной цепи; почти на всей окружности склоны отлого спускаются к морю, представляя местами террасы, вполне удобные для план-

1 Vincent, „Contribution a la Geographie medicale des Antilles“.

таций или селений. Центральный хребет, выделяющий из себя отроги к востоку и к западу, состоит из остроконечных питонов, покрытых до самой вершины лесом: самая высокая вершина, Морн-о-Гару, поднимается на 1.580 метров. Стволы на половину обугливших дере-

Островъ Сентъ-Винцентъ. Городъ Кингстаунъ.

вьев, зарытые в слоях травертинского туфа или лавы, свидетельствуют о прежних взрывах, разрушавших последовательно леса, которые возрождались после каждого извержения вулканов. Пахатная земля повсюду состоит из богатейшего чернозема, образовавшагося из пеп-

ла в смеси с растительными веществами. По словам Бюлькелея, копьеголовый тригонокефал встречается также и в лесах Сент-Винцента, так что, значит, эта страшная змея не ограничивает область своего скитания, как это обыкновенно повторяют, исключительно Мартиникою и Санта-Люсией. Вероятно, Сент-Винцент и соседний с ним остров Бекия были этапами, через которые тригонокефал распространяется из Южной Америки. По словам Лабата, этим опасным змеям Бекия был обязан своим прежним названием «Маленькая Мартиника», которое теперь перенесено на другой островок группы Гренадин.

Сольфатара (Суфриер) Сент-Винцента, открывающаяся на северной оконечности острова, есть не что иное, как скелет горы, остатки прежнего конуса, который, вероятно, был вдвое больше нынешних самых высоких граней большой ограды кратера. Отчеты, расходящиеся в деталях, сходятся, однако, в том, что в 1718 г. страшное извержение Сольфатары покрыло пеплом весь остров и окружающее его море, и тогда-то несомненно верхняя часть конуса была взорвана и исчезла в пространстве, разнесенная ветром. Развенчанная гора содрогалась ещё в 1785 г., но в 1812 г. верхняя чаша её наполнилась глубоким озером. Частые сотрясения волновали его воды, совпадая с другими землетрясениями, как на Антильских островах, так и в обеих Америках. Прошел всего месяц после страшного землетрясения, разрушившего Каракас, как 27-го апреля 1812 г. в Сольфатаре разверзся новый кратер в недалеком расстоянии от первого. Вначале вулкан выбрасывал камни и кучи пепла, затем взрывы становились всё чаше и чаще и перешли вскоре в сплошной гром; всё небо постепенно покрылось разрастающимся облаком пыли, сквозь которое прорывались огненные глыбы: дневной свет совершенно померк за громадною тучею пыли и дыма, поднимавшеюся из недр земли. Подземный гул был слышен даже на льяносах Венецуэлы, на расстоянии 1.000 километров, и густая тьма облегла море до самого Барбадоса, который лежит по крайней мере на 200 километров восточнее. Гарнизон этого острова, услышав вдали страшную канонаду, вообразил, что где-нибудь по соседству сразились два военных флота, и уже приготовился к атаке со стороны неведомого неприятеля; но сквозь густой мрак ничего нельзя было различить; сплошные порывы пассатного ветра прекратились, волнующееся море стало гладким, и в пространство падал лишь черный дождь пепла. Когда он иссяк, остров оказался покрытым на несколько сантиметров черною пылью; но откуда она могла появиться? Конечно, думали, с какого-нибудь вулкана, выросшего среди океана с наветренной стороны Барбадоса, так как казалось невероятным, чтобы пепел мог быть занесен воздухом против пассата. Каково же было изумление, когда узнали, что черный дождь происходил с Сент-Винцента: поднимаясь за облака и выше пояса пассатного ветра, он проникал, на высоте пяти тысяч метров, в ту зону, где проходит контр-пассат, возвращающийся по воздушному пространству на северо-восток[1]. Многие породы птиц, которых считали истребленными, и о которых говорили как о мифе, до сих пор ещё существуют в пещерах Сольфатары, как например sibilans myadestes, «свистящая птица».

Сент-Винцент был оставлен в течение всего XVI века его первым владельцам—караибам: в следующем столетии англичане и французы оспаривали друг у друга этот остров, но не заводя там серьезных поселений, и даже, в 1660 г., вслед за войнами с туземцами, которыми была объята большая часть Антильских островов, как английских, так и французских, было решено, что острова Сент-Винцент и Доминика останутся в исключительном владении туземцев, и что впредь доступ на них французским и английским колонистам будет запрещен; одни лишь французские священники получили разрешение жить там, в качестве добровольных миссионеров, без всякого содержания от правительства[2]. Но статьи этого договора не соблюдались, и в 1763 г., когда остров Сент-Винцент был окончательно уступлен Англии и британские колонисты развели на побережье плантации, караибы с ожесточением набросились на новоприбывших. Война продолжалась десять лет и возобновилась в 1778 г.; затем—во время французской революции: из ненависти к англичанам, хотевшим завладеть их зем-

1 Charles Kingsley, „At Last“.

2 Adrien Dessalles, „Histoire generale des Antilles“.

лями, дикари сделались союзниками Франции. Дикари эти тем более боялись плантаторов, что не все они были «краснокожие», т.е. чистокровные караибы, и следовательно, избавленные обычаем от попыток порабощения; большинство, между прочим, и жители Кабестерра, были караибы «черные», т.е. потомки белых негров и туземных женщин; говорят даже, что пятьсот человек их предков были гвинейские негры, ускользнувшие на Сент-Винценте с судна, потерпевшего крушение; им угрожала опасность потерять свободу одновременно с землей. Поэтому черные караибы дрались против английских войск с отчаянным мужеством; но, несмотря на то, в 1796 г. им пришлось сдаться безусловно, а в следующем году почти все они, в количестве 5.080 человек, были перевезены на остров Роатан, лежащий у Гондурасского берега; их осталось немного менее двух сот человек; колонисты очень ценят их, как отличных судовщиков и грузовщиков; в них совсем нет той свирепости, которую приписывали, впрочем, совершенно несправедливо, их предкам. Некоторые скалы в их округе покрыты грубыми рисунками[1].

Плантаторы Сент-Винцента скоро обогатились культурой сахарного тростника, но после отмены рабства работники неожиданно бросили плантации и стали обрабатывать для самих себя незанятые земли внутри острова. Большая часть прежних плантаций была заброшена; почти все английские землевладельцы покинули страну. Главной земледельческой промышленностью является культура арорута (*marantha indica*, arrow-root), который здесь отличается особенною питательностью и приятным вкусом. Кроме того, на этом острове приступили, хотя и без большого успеха, к разведению чайного деревца, которое отлично принялось под защитою сырых лесов Сент-Винцента.

Как и большинство других Малых Антильских островов, этот остров не имеет сколько-нибудь важного значения в мировой торговле, но его урожаи пищевых растений всякого рода с избытком удовлетворяют потребности цветного населения, которое скучилось в многочисленных селениях во всей годной для культуры части острова, и к которому постепенно возвращается владение земельной собственностью. Около двух тысяч индусских кули, находящихся на службе у сахаро-заводчиков и плантаторов, живут в главном городе и в больших селениях. Наконец, в состав населения входят португальцы и азорцы, смешавшиеся с туземцами, которые, по восходящей линии, принадлежат к трем главным расам—красной, черной и белой.

Столица носит банальное название Кингстаун: это длинный город, имеющий около 5.000 жителей, с домами, разбросанными среди садов; весь он заключает в себе три улицы, идущие параллельно морю и подошве гор; бухта открывается по направлению к югу, против острова Бекия, который, вместе с другими островками группы Гренадин, принадлежит к административному делению Сент-Винцента.

Движение внешней торговли Сент-Винцента в 1898 г.: привоз—95.551, вывоз—44.666 фунт. стерл.

Гренада и Гренадины

Цепь островов и рифов, занимающая не много более ста километров в длину и соединяющая Сент-Винцент с Гренадой, состоит почти из шестисот отдельных земель: все они лежат на общей оси Малых Антильских островов, но представляют бесконечное разнообразие в своем рельефе и контурах. Некоторые из этих островов имеют поверхность в несколько квадратных километров, с мысами и бухтами, питонами и долинами; другие—не что иное, как скалистые конусы, выступающие из воды, или зеленые кущи, осеняющие круглый пляж, или, наконец, просто рифы, на которых открытое море развертывает свои буруны. Эти острова окружены глубокими водами; даже большая часть узких проходов, открывающихся между двумя скалами, имеют глубину, вполне достаточную для больших судов. Некоторые из Гренадин, между прочим, два самые большие острова, Бекия и Кариобаку, носят имена

1 Ober, цитированное сочинение.

караибского происхождения; один остров называется Малой Мартиникой; почти все названия этих островов соответствуют их виду, форме или каким-нибудь физическим явлениям: Иль-Ронд, Иль-дю-Шато, Иль-а-ла-Вуаль, Иль-Дезуазо (des oiseaux), Иль-о-Мустик. На самых больших островках группы Гренадин, некоторые негры возделывают сахарный тростник и кофейное дерево, но остальное население занимается исключительно хлебопашеством или скотоводством; иная скала занята одной только семьей, переселившейся с какой-нибудь соседней земли, чтобы пользоваться полною независимостью. Между островками снуют барки местной постройки, нагруженные фруктами и рыбой; некоторые жители отправляются на таких судах охотиться за большими китообразными животными, которые плещутся между рифами.

Главный из островов Гренадин, Кариобаку (Карриаку), лежащий в южной части цепи и зависящий в административном отношении от Гренады, имеет довольно большое значение, как место экспорта пищевых продуктов; он занимает пространство в 2.830 гектаров и имеет хорошо защищенный небольшой порт; склоны его горы (297 метров) тщательно обрабатываются.

Гренада,—самый южный остров в собственно Мало-Антильской цепи, не считая Тобаго и Тринидада, которые принадлежат в геологическом отношении к Южной Америке,—имеет, при одинаковом почти пространстве, такую же форму как Сент-Винцент, с тою только разницею, что его овал не так правилен. Внутренния горы, главная вершина которых достигает 839 метров, поросли густыми лесами, под которыми совершенно скрылись прежние потоки лавы: только кое-где, местами, уцелели базальтовые колоннады; береговые утесы оканчиваются величественными столбами, высящимися над морем. В различных частях острова виднеются незакрытые кратеры, и два озера, бывшие, вероятно, некогда очагами извержения, мирно покоятся в цирке гор, между берегами, окаймленными бамбуками и древовидными папоротниками: красивейшее из этих озер, так называемый «Большой Пруд», находится в самом центре острова, на дороге из Сен-Жоржа в Гранвилль. В долинах и по склонам холмов рассеяны домики и хорошенькия виллы, окруженные зелеными рощами и цветниками: ни один из Антильских островов не может сравниться с Гренадою по красоте, разнообразию колорита и по аромату пропитанной цветами атмосферы; между столькими «перлами» нет более драгоценного.

Колумб открыл этот остров в 1498 г. и наименовал его островом Вознесения (Ассенсион); но остров оставался во владении туземцев до половины XVII века. Тогда на нём поселились французские колонисты, которые привезли с собою много негров, а туземцев перебили[1]. На северном берегу ещё показывают гору «Прыгунов», откуда караибы бросились в море, спасаясь от своих врагов. Сто лет спустя этой колонией овладели англичане, которые и удержали её за собою; но белые землевладельцы, разбогатевшие от культуры сахарного тростника, вели слишком роскошную жизнь, и для них освобождение негров было роковым ударом. Большинство вынуждено было сначала заложить, а затем и продать свои земли, которые большею частью были выкуплены сыновьями бывших невольников; в 1889 г. насчитывалось около пяти тысяч мелких земельных собственников, почти исключительно негров или мулатов, владевших садами в один или два гектара. Оттого Гренада представляет собою один из тех Антильских островов, на которые экономисты, согласно своим различным теориям, указывают как на пример бедствия и разорения, или, напротив, как на образец благосостояния. Правда, прежние плантаторы, потеряв свои обширные поместья и многочисленных рабов, покинули остров, на котором они разорились; но зато негры, сделавшись свободными, приобрели участки земли, достаточные для обеспечения дарованной им свободы; они скучены на тесном острове, вдвое более многочисленные, чем, на равном пространстве, жители Франции, и, по свидетельству всех путешественников, эти негры—самый веселый, добродушный и счастливый народ, незнакомый с нуждой. Прежнее французское патуа почти совершенно исчезло на острове, уступив место английскому языку.

1 Bryan Edwards, „West-Indies“.

Главный земледельческий продукт Гренады—какао, вывоз которого с каждым годом увеличивается; впрочем, почти нет таких продуктов тропических областей, которых бы не производил этот благодатный остров; кроме какао, отсюда вывозят сахар, чай, кофе, хлопок и табак. Вывоз какао с Гренады в 1888 г.: 36.000 тонн, стоимостью около 7.500.000 франков.

Помимо этого, Гренада, подобно Инсулинду, доставляет пряности: мускатные орехи, гвоздику и инбирь; подобно Сенегамбии, она производит в своих садах драгоценный орех *кола* (sterculia acuminata). Вывоз пряностей из Гренады в 1885 г.: 638.150 франков.

Средняя температура защищенного от ветров побережья, колеблющаяся между 26 и 27 градусами по стоградусному термометру, позволяет разводить культурные растения жаркого пояса; к сожалению, обезьяны производят на плантациях большие опустошения. Вывоз фруктов в Соединенные Штаты год от году увеличивается; он мог бы быть ещё значительнее, если бы остров был изборожден хорошими дорогами, ныне же он имеет только тропинки да аллеи садов; сообщения и торговля между обеими частями острова ведутся всегда морем. Но зато Гренада может похвалиться своим портом: это один из лучших на всех Малых Антильских островах: он известен под названием «Каренаж»: глубина его у самых даже берегов не меньше 10—15 метров.

Обороты внешней торговли в 1898 году: привоз 210.783, вывоз 227.574 фунт. стерл.

Движение судоходства в 1898 г.: общий тоннаж пришедших и отшедших судов: 439.198.

На мысе из лавы, отделяющем Каренаж от открытого моря, стоит крепость Сен-Жорж, по имени которой часто называют обрушивающийся город Джорджтаун, находящийся у её основания.

Барбадос (Барбада)

Этот изолированный остров, составляющий с 1885 г. отдельное губернаторство, не принадлежит к цепи Малых Антильских островов: он отделен от неё глубоким каналом, в котором лот опускается на 2.731 метр, а расстояние от его северной оконечности до южного мыса Санта-Люсии, ближайшей к нему земли, равняется почти 150 километрам. Морские пучины отделяют его также от Тобаго, и он ориентирован как раз в обратном этому острову направлении—с северо-запада на юго-восток. По своей геологической формации Барбадос также отличается от Малых Антильских островов: это коралловая земля, лежащая на трахитовом конусе, от которого виден лишь выступ[1]. Повидимому, она была поднята последовательными толчками, так как состоит из лежащих одна над другой террас, из которых каждая окружена высоким берегом и утесами, за исключением только тех мест, где рытвины, образовавшиеся от проливных дождей, изменили прежние контуры. Самая высокая вершина на острове, гора Хиллэби, достигает лишь 349 метров. Во многих местах каменоломни обнажили полиповые мели, ещё настолько ясные, как будто они только-что образовались в море. Вокруг всего острова продолжается рост кораллов, и наружная ограда рифов имеет в некоторых местах несколько километров ширины; каждый год, даже в тихую погоду, об эти рифы разбиваются суда, и вообще известно, что море в этих местах очень опасно: ни на одном из Антильских островов не свирепствуют так часто циклоны, как на Барбадосе. Растительная земля, состоящая из кораллового известняка, в смеси с вулканическим пеплом, отличается замечательным плодородием.

Ещё до сих пор не объяснено происхождение географического названия Барбадос или Барбиш, как его звали прежние французские путешественники. Следует ли его приписать, как это обыкновенно думают, особой породе больших деревьев с «бородатым» мхом, которую моряки нашли на этом острове во время его открытия; или, может-быть, надо согласиться с мнением Фроуда, который объясняет его тем, что туземцы, которых испанцы захватывали с начала XVI века на этом острове, чтобы заставлять их работать на плантациях Эспаньолы, были с «бородами»? Ни один документ той эпохи не дает нам относительно этого вполне

1 Alex. Agassiz, «Cruise of the „Blake“».

определенного разъяснения: неизвестно даже, кто впервые увидел этот остров—португальцы или испанцы. В 1605 г. английское судно *Olive Blossom*, направлявшееся в Суринам, остановилось перед Барбадосом, и капитан корабля оффициально вступил во владение островом. Английские плантаторы поселились на нём в 1625 г., и с этого времени он не переставал принадлежать Великобритании, но вначале только как ленное владение; лишь в 1838 г. права вассалов были окончательно уничтожены[1]. После победы английских республиканцев и смерти Карла I, дворяне-лоялисты в большом числе эмигрировали на Барбадос. Спустя двадцать лет после основания колонии в ней было уже 50.000 жителей, между которыми много ирландских наемников и целые тысячи индейцев, похищенных с материка. Плантаторы могли набирать людей тысячами; их остров называли *Little England*, то-есть «Малая Англия». В то время, как на других южных Антильских островах, составляющих тоже английские владения, преобладающим языком был или есть французский,—на Барбадосе, напротив, и белые, и негры всегда говорили на английском, и при том на чистом английском диалекте, не имеющем ничего общего с жаргоном других Антильских островов. Местные традиции, никогда не прерывавшиеся, развили в конце концов у всех островитян горячий британский патриотизм; большая часть их принадлежит к англиканской церкви. В шутку барбадосцы называют себя «Bims», а остров свой—«Bimshire».

Как и во времена невольничества, на Барбадосе распространена лишь одна культура, именно—сахарного тростника. Экономический кризис, имевший такия важные последствия на других Антильских островах, прошел на Барбадосе без гибельных переворотов и без коренного изменения отношений негров к плантаторам. В ту эпоху остров уже возделывался на всём своем протяжении; вся земля была разделена или на крупные поместья, или на мелкие имения всего в 5 гектаров, так что для освобожденных рабочих не оставалось более ни единой пяди, и им приходилось, так или иначе, продолжать работать у прежних хозяев, но только не в качестве невольников, а уже на жалованьи: те негры, которые задумали бы искать жизни при условиях абсолютной независимости, как ямайцы и гренадинцы, тем самым обрекали бы себя на неизбежную смерть от нищеты. Поэтому плантаторам вовсе не было необходимости привозить к себе индусских кули, к чему были вынуждены землевладельцы других Антильских островов[2]. Со времени освобождения трудность создавать мелкие имения в пользу негров увеличилась, так как население острова удвоилось: в настоящее время оно превышает 180.000 и всё более и более группируется на плантациях; по плотности оно не уступает населению в самых деятельных промышленных центрах Европы—в Ланкашире, Бельгии или Саксонии. Ежегодно сотни, даже тысячи человек уходят с острова в другие английские колонии, чтобы там обрабатывать землю и приобретать небольшие участки; Барбадос вечно роится, как Мальта, другая британская земля; он способствовал процветанию Суринама и Демерары. В сравнении с другими английскими островами Вест-Индии белые составляют на Барбадосе значительную пропорцию, т.е. почти двенадцатую часть всего населения, но год от году они всё уменьшаются в своей численности; много есть также таких барбадосцев, которые проживают свои доходы где-нибудь в Англии или в Соединенных Штатах. Из болезней на Барбадосе очень распространены болотные лихорадки и воспаление печени, а проказа, как простая, так и бугорчатая, свирепствует здесь среди негров ещё гораздо сильнее, чем на других Антильских островах[3].

Промышленная деятельность Барбадоса сосредоточивается на фабрикации сахара, которою заняты около 450 заводов; в отношении своего устройства эти заводы значительно уступают заводам французских Антильских островов. Для культуры хлебных растений вовсе не остается свободной земли; маис, рис, фрукты и овощи привозятся из-за границы, тогда как этот остров сам мог бы быть огромным садом. Кроме сахара, Барбадос вывозит ещё нефть, впрочем в очень ограниченном количестве—всего несколько боченков в год,—и другие коло-

1 Jerolim von Benko, цитированное сочинение

2 A. Salles, рукописные заметки.

3 Vincent, цитированное сочинение.

ниальные товары второстепенной важности. Один из возделываемых видов хлопчатника получил свое название от этой колонии (gossypium barbadense). На острове имеется железная дорога, которая исключительно применена к услугам сахарного производства. Перед другими английскими Антильскими островами Барбадос имеет то преимущество, что служит станцией для трансатлантических пакетботов и центром расхождения второстепенных линий в этих водах. Довольно большая, сравнительно с поверхностью острова, торговля сосредоточивается в бухте Карлейля, на якорной стоянке Бриджтауна, лежащего на западном берегу, близ юго-западной оконечности.

Торговое движение на острове Барбадосе, в 1898 году: привоз—1.058.855, вывоз—769.231 фунт. стерл.

Город Бриджтаун, получивший свое название от моста, перекинутого через бухточку, раскинулся вдоль берега; его извилистые улицы сходятся у подножия холма. В XVII столетии он был одним из главных на Антильских островах рынков по торговле неграми; он остался одним из деятельнейших городов в антильском мире. Около трети островного населения группируется в Бриджтауне и его окрестностях; но по красоте и живописности он много уступает Розо, Сен-Пьеру, Плимуту и многим другим городам Малых Антильских островов: это просто-на-просто квартал Лондона или Ливерпуля; даже пальмы кажутся здесь совершенно чуждыми и неуместными. Тем не менее предместье Фонтабелль, местожительство европейских коммерсантов, представляет восхитительный парк, где дома исчезают в зелени и цветах. Гастингс— место купаний, тоже очень симпатичный уголок. Другие малозначительные города—Спейтстаун, Хольтаун, Гойстингтаун рассеяны, вдоль побережья. На северо-западном берегу, среди живописной местности, под сенью пальм, стоит Кодрингтон-Колледж, важнейшее воспитательное заведение Вест-Индии.

Барбадос пользуется более полной автономией, чем другие английские Антильские острова. По его конституции, насчитывающей более двух веков существования, *House of assembly* (Палата собрания) состоит из 24 членов, избираемых гражданами с определенным цензом, в числе около пяти тысяч человек. Представителем центрального правительства является губернатор; законодательный совет состоит из девяти членов, назначаемых короной. Исполнительный комитет, в состав которого входят главные чиновники, один член верхней палаты и четыре члена нижней, составляет бюджет и вырабатывает законы. Губернатор есть в то же время и командующий морскими силами на Малых Антильских островах. В административном отношении остров разделен на одиннадцать приходов. Годовой бюджет равняется 4 слишком миллионам франков (бюджет 1898 г.: доходы—182.582, расходы—175.319 фунт. стерл.).

Следующая таблица, дающая список главных островов Микро-Антилии по порядку их сравнительного значения, показывает, что Барбадос занимает одно из первых мест в цепи Малых Антильских островов.

	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место
Поверхность	Гваделупа	Мартиника	Доминика	Санта-Люсия	Барбадос
Население	Барбадос	Мартиника	Гваделупа	С-т-Винцент	Санта-Люсия
Килом. плотность	Барбадос	Мартиника	С-т-Кристоф	Монсеррат	Гренада
Торговля	Гваделупа	Мартиника	Барбадос	С-т-Кристоф	Санта-Люсия
Торговые обороты на душу населения	С-т-Кристоф	Гваделупа	Мартиника	Антигуа	Барбадос

КОНЕЦ СЕМНАДЦАТОГО ТОМА

Оглавление семнадцатого тома

Вест-Индия, Мексика, Американские перешейки, Антильские острова....4
Глава 1 Общее обозрение....4
Глава II Мексика....12
I. Общий взгляд....12
II. Мексика в тесном смысле, к северу от Тегуантепекского перешейка....17
Нижняя Калифорния, Сонора, Синалоа....79
Штаты Чигуагуа и Дуранго....84
Северо-восточные штаты: Коагуила, Новый Леон и Тамаулипас....87
Внутренние штаты: Закакатес, Агуас-Калиентес, Сан-Луи-Потози....91
Покатость рио-Лермы, Гуанахуато, Халиско и Тепик, Колима, Мичоакан....94
Анагуакское плоскогорье....101
Вера-Круц....113
Юго-Западная Мексика....118
III. Восточная Мексика....126
IV. Общая статистика Мексиканских Соединенных Штатов....154
Образ правления и администрация....170
Глава III Британский Гондурас....174
Глава IV Центральная Америка....180
I. Общее обозрение....180
II. Гватемала....185
III. Сальвадор....232
IV. Гондурас....246
V. Никарагуа....262
Коста-Рика....287
Глава V Панама....306
Глава VI Американское Средиземное море....328
Глава VII Куба....341
Глава VIII Ямайка (Jamaica)....368
Глава IX Остров Санто-Доминго....379
I. Общее обозрение....379
II. Республика Гаити....392
III. Доминикания или Санто-Доминго....402
Глава X Пуэрто-Рико....406
Глава XI Девичьи острова (Virgin Islands) и Санта-Круц....413
Глава XII Багамские острова....418
Глава XIII Бермудские острова....428
Глава XIV Малые Антильские острова....433
Общее обозрение....433
II. Острова и островки....442
Сомбреро, острова Догов, Ангилья....442
Остров Сент-Мартин (св. Мартина)....443
Остров Сент-Бартелеми (св. Варфололомея)....444
Остров Барбуда....444
Остров Антигуа....445
Острова Саба и Сент-Эвстатиус (св. Евстахия)....446
Острова Сент-Кристоф и Невис....446
Остров Монсеррат....448
Архипелаг Гваделупский....448
Доминика....455
Мартиника....456
Санта-Люсия....460
Сент-Винцент....460
Гренада и Гренадины....463
Барбадос (Барбада)....465